

АКАДЕМИЯ
НАУК СССР

ДОМОНОСОВ

ДОМОНОСОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. ЛОМОНОСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1957 · ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. ЛОМОНОСОВ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

СЛУЖЕБНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПИСЬМА

1734 — 1765 гг

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1957 • ЛЕНИНГРАД

М. В. ЛОМОНОСОВ

Фотокопия утраченного живописного оригинала,
принадлежавшего потомку Ломоносова

Г. И. Ностицу

Архив Академии Наук СССР

С Л У Ж Е Б Н Ы Е
Д О К У М Е Н Т Ы

1 7 3 4 — 1 7 6 5 ГГ

ПРОЕКТЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА
АКАДЕМИИ НАУК И
УПОРЯДОЧЕНИЯ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1745 ДЕКАБРЯ. СПИСОК НАУК В АКАДЕМИИ С РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ИХ НА ТРИ КЛАССА

В первом классе

1. Высокой математики.
2. Астрономии.
3. Географии.
4. Механики.
5. Оптики.
6. Всей математики.
7. Архитектуры.
8. Астрономии второй.
9. Географии второй.
10. Высокой математики 2-ой.

Во втором классе

1. Физики эксперим[ентальной].
2. Физики теоретической.
3. Химии.
4. Metallургии.
5. Анатомии.
6. Физиологии и патологии.
7. Хирургии.

8. Ботаники.
9. Зоологии.
10. Физики третьей.

В третьем

1. Юриспруденции иностранной.
2. Юриспруденции российской.
3. Гистории западной.
4. Гистории российской.
5. Философии.
6. Элоквенции.
7. Пиитики.
8. Древностей.
9. Восточных языков.
10. Европейских языков.

394

1754 АПРЕЛЯ 23. ПРОЕКТ ЖУРНАЛА КОМИССИИ «ДЛЯ ОТРЕШЕНИЯ ИЗЛИШЕСТВ ОТ АКАДЕМИИ»

Записать в журнал последнего заседания в Комиссии: ^a

1. Дабы академическая Гимназия была учителями нужными удовлетворена, а от излишних освобождена, то должно определить ректора ^b Николая Поповского, конректором Филиппа Яремского, а из трех информаторов нижних школ одного выключить, которого достоинство всех меньше. В немецком и французском языке по два лучших и полезнейших оставить.

2. Студентов достойных десять человек из синодальных училищ требовать, дабы лекции могли опять скоро начаться.

^a В черновике приписано далее писарской рукой потом рассудили ж.

^b В черновике далее следовало по моему мнению, вычеркнутое потом писарской рукой.

3. Расходам на материалы в Типографию определить довольную сумму без излишка, что можно учинить по примерной выкладке без всякой трудности.

4. Переплетному делу при Академии не быть или положить ему пределы, чтобы переплетанием негодных книг казна и труд не потратились; ^а и переплетенные книги отдавать из переплетной прямо в Книжную лавку, дабы никаких не было не порядков. Сие и о грыдорованных листах и книгах наблюдать должно.

5. О имеющих недостатки или пороки сообщить ^б его высокографскому сиятельству г. президенту на рассуждение.^в

395

1755 ЯНВАРЯ—ФЕВРАЛЯ. ВСЕНИЖАЙШЕЕ МНЕНИЕ О ИСПРАВЛЕНИИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

1

Е. и. в. всемилостивейшия государыни наша о благополучии наследного государства попечение и великодушная щедрота простирается как всеобще чрез целое отечество, равным образом и на каждое из государственных дел отправлению учрежденное место; кроме многих других, свидетельствует императорская Академия Наук, которую, дабы восстановить от прежнего испорченного состояния и мало полезного поведения, матерним милосердием и щедролюбием движима, прибавлением великой суммы оную снабдеть и регламентом утвердить всемилостивейшее попечение возыметь благоволила.

Успехи толь великодушного и беспримерного снабдения весьма бы должны быть через семь лет чувствительны и оче-

^а В черновике вместо не потратились было написано не тратился.

^б В черновике вписано и зачеркнуто рукой Ломоносова список.

^в В черновике приписано далее писарской рукой особою ведомостию.

видны. Правда, что некоторые вначале стали было оказываться, однако так малы, что не токмо толь великой сумме не могут соответствовать, но и в сравнении с уронами, с другой стороны приключившимися, едва ли оные наполнить могут. Словом, по оказании толь высокой и бесприкладной милости е. в. академическое состояние ни мало не исправилось, но больше прежнего к падению и конечному разрушению приблизилось, что необходимо требует наискорейшего исправления. Сие как бы в дело произвести с желаемым успехом,

1-е, должно рассмотреть самые недостатки и упадку.

2-е, показать оного упадку и недостатков происхождение и причины.

3-е, дать способ к оных отвращению и к исправлению всего корпуса.

1. Главное дело и самое основание и начало к происхождению ученых россиян — Гимназия пришла в худшее состояние. нежели прежде. Ясное сему есть доказательство, что по сие число в семь лет ни один школьник в достойные студенты не доучился. Аттестованные приватно прошлого года семь человек латинского языка не разумеют, следовательно, на лекции ходить и студентами быть не могут, что на экзамене в собрании оказалось.

2. Набранные из синодальных школ — из Спасской, Новгородской и Невской студенты 1748 года ни единого не чинят Академии преимущества перед набранными прежде нового штата в 1732 и 1736 годов. Для всех лекции только на время начинались и без продолжения прекратились, всех происхождение и произведение есть равное.

3. Академические собрания были полнее и порядочнее. Ныне для недостатка нужных профессоров весьма неполны и беспорядочны, ибо нет высшего математика, географа, физика, ботаника, механика.

4. Печатание книжное и торг едва может ли с прежним худым сравниться.

5. Старых долгов не токмо многие тысячи не заплачены, но и вновь беспрестанно прирастают, а особливо неплачение обещанного награждения чужестранным членам, что именным е. в. указом особливо повелено было.

6. Библиотека и Кунсткамера имеет расположение толь же худо, как и прежде. Не упоминаю о недостатках, которые воспоследовали от пожара, крайним небрежением воспоследовавшего.

7. Художества, а особливо грядование немалое имеет приращение. Однако не токмо положенная на то в регламенте чрезвычайно великая сумма исходит, но и сверх оной вся прибыль, что от художеств собирается, употреблена бывает, что в рассуждении несравненной пользы, от Академии и от Университета ожидаемой, весьма непропорционально.^а

Сии недостатки никогда бы не были столь велики и никаким бы партикулярным пристрастием или интересом желанное приращение наук не могло бы пресекаться и приходиться в непорядок, когда бы в Академическом регламенте узаконения были на все случаи довольны и утверждены толь неподвижно, чтобы их никто не мог переменять или толковать по своему произволению.

Правда, что Академический регламент апробован и подписан высочайшею е. и. в. рукою, и ради того почитать должно оный свято и во всех академических поведениях ему согласоваться, но 1-е, многие примеры не токмо вне, но и внутри России имеем, что премудрые государи, усмотрев лучшее, узаконения свои отменяли; 2-е, в последнем пункте Академического регламента позволяется президенту чинить отмены, из чего явствует, что оный регламент за совершенный не признается; 3-е, что в оном о учреждении университетского регламента и Гимназии ничего не содержится, что необходимо нужно и медления отнюд не терпит; не упоминаю, что он без предписания высочайшего ти-

^а *Зачеркнуто* неравномерно.

тула е. и. в. наперед, как все прочие регламенты и узаконения; 4-е, яснее всего доказывают сие многие важные отмены пунктов в разных случаях. Сие рассуждая и видя, что толикое множество казны е. в. без желаемого успеха исходит, а паче всего высочайшее благоволение и матернее намерение и желание по надлежащему не исполняется, по всеподданнической моей должности и по усердной любви к отечеству приемлю дерзновение предложить: 1) недостатки Академического регламента, 2) как он исправлен и в требуемое совершенство приведен быть может.

2

Для всякого предприемлемого важного дела должно полагать наперед непоколебимые основания и предписывать неложные правила, дабы в произведении оных не подвергнуться каким преткновениям, не просмотреть ничего нужного и не употребить бесполезного. Учреждение императорской Академии Наук простирается не токмо к приумножению пользы и славы целого государства, но и к приращению благополучия всего человеческого рода, которое от новых изобретений происходит и по всему свету расширяется, о чем внешние академии довольно свидетельствуют. Того ради, приступая к оному, должно положить в начале общие основания, на которых утвердить и расположить всю сего великого государственного и полезного учреждения систему, ибо без оных все должно быть зыблемо и к старому падению и разрушению склонно.

Оные основания в следующих пунктах кратко предлагаются.

1.^a Регламент академический таким образом сочинен и расположен быть должен, чтобы он всегда имел свою силу и всякому будущему времени был приличен и согласен и везде полезен. Того ради не должно смотреть на лицо, заслуги и

^a Против этого пункта на полях приписано 1. 3. 4. 6. 12. 20. 26. 27 28 (все цифры, кроме 26, подчеркнуты). В «провизор немчин».

Дивлюсь, что и студентов из-за моря не велено выписывать.

недостатки тех, которые находятся в Академии при нынешнем^а состоянии, ниже на поведения и поступки или обстоятельства.

2.^б Дабы Академия не токмо сама себя учеными людьми могла довольствоваться, но размножить оных и распространять по всему государству.

3.^в При сочинении регламента должно прилежно смотреть на учреждения славных академий в других государствах, из давних времен процветающих, как добрые примеры, выключая то, что с прочими узаконениями Российского государства не согласуется.^г

6. Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласие, от нижних к высшим — пристойное почтение, от по[д]чиненных к начальникам — законное послушание. Все сие к беспрепятственному приращению наук и к приобретению от народа к ним почтения и любления необходимо нужно.^д

7.^е Дабы добрые имели одобрение, а злые — страх, должно определить по мере заслуг награждения, по мере преступлений наказания, но так, чтобы излишеством воздаяний не привести

^а Зачеркнуто развратном.

^б Против этого пункта на полях приписано 16. 19. Российское собрание

^в Против этого пункта на полях приписано 18. 23. 24. 36.

^г Зачеркнуто 4. Притом смотреть, чтобы всемиловейше определенной на Академию суммы не токмо с избытком доставало, но и произведенными от наук и художеств прибылыми чинилось казне е. в. и наукам всегдашнее приращение. На полях приписано 14. 31.

5. Дабы наставления учащих, прилежание и произведение учащихся и прочие наук успехи происходили без околиц и остановок, кратчайшими и прямыми дорогами. На полях приписано 1) нет чинов, 2) достойных из студентов в профессора, 3)

^д Против пункта 6 на полях приписано 1. чинов нет. 2. Запрещ. 9.

^е Против этого пункта на полях приписано 14. О награждениях и штрафах ничего не положено, делают как хотят. Штрафуют студентов подло. Примеры здешние, примеры иностранные; мой пример: в студентах, в советниках штрафован.

к высокоумию и лени, безмерным истязанием — к подлости и отчаянию.

9.^a Дабы Академический регламент был наблюдаем строго и порядочно, для того положить учреждения, никогда и никем не отменяемые без высочайшего монаршеского повеления, по примеру других команд, и предписать точно пределы, до которых главные командиры в потребных обстоятельствах отмену учинить могут и что с общего членов согласия, что сами собою.

10.⁶ Дабы в произведении и содержании разных академических департаментов и наук было полагаемо равномерное попечение и наблюдалась бы надлежащая пропорция. В противном случае будет Академия подобна некоторому безобразному телу, которое от болезни, неровное питание в членах производящей, имеет те части больше и тучнее, которые в здоровом состоянии должны быть равны или еще и меньше.

3

Сочинитель апробованного Академического регламента, о котором профессоры не знали, при начинании оно не имел пред собою таковых необходимо нужных оснований, что из следующих ясно усмотреть можно.

1. Большая часть штата расположена по бывшему прежде в Академии, до прибавления суммы, по большей части испорченному состоянию. Например:

В департаментах

1. Канцелярия вовсе излишна. В других государствах отнюд их нет при таковых корпусах. Однако была и затем не токмо оставлена, но и больше власти получила к уничтожению профессорского достоинства.

^a Зачеркнуто 8. Дабы успехи Академии Наук не токмо во всей России, но и в целом ученом свете известны были, к вящему и вящему приумножению охоты в россиянах к наукам и к славе отечества.

⁶ Против этого пункта на полях приписано Профессоров, студентов и школьников мало.

2. Российского собрания, нужного весьма учреждения, тогда не было; следовательно, в регламенте и не упомянуто.

В персонах

1. В астрономическом классе положен калкулятор только для того, что был тогда профессор Вин[s]гейм, который только к тому и способен. В других академиях и имени того нет.

2. Ректором университета положен историограф, то есть профессор Миллер, затем что он тогда был старший. И если бы Миллер был юрист или стихотворец, то конечно и в штате ректором был бы положен юрист или стихотворец. После переименован и сделан ботаник.

3. Историографу придан переводчик китайского и манжурского языка, то есть переводчик Россохин. Но если бы он знал вместо китайского и манжурского языка, н[a]пр[имер], персидский и татарский, то бы конечно положен был в штате переводчик персидского и татарского языков.

4. В Канцелярии члены положены советник и ассессор, которые в науках и в языках некоторое понятие имеют, то есть Шумахер и Теплов. Но если б оба они были люди великого учения и Теплов бы был уже тогда советником, то б конечно в штате положены были в Канцелярии два советника, в высоких науках весьма искусные.

5. В европейских государствах, которые ради отдаления меньшее сообщение с азиатическими народами имеют, нежели мы по соседству, содержатся при университетах профессора ориентальных языков. Но в академическом штате оный не положен, затем что тогда его в Академии не было.

В жалованье

1. Каждая наука в Академии имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство знания и неравенство. Итак, вообще рассуждая, должно всем положить в штате равное жа-

лованье, ибо для неравности положенного жалованья студенты больше будут стараться о тех науках, где профессору больше жалованья положено, что уже и примером оказалось, ибо, ведая что и высшему математику жалованья положено 1800 рублей, а химику — 860, и притом алгебраист, сидя в своей камере или в саду, может свое дело исправлять, а химик, напротив того, должен в дыму, в пыли и вредных парах обращаться, все лучшие студенты к математике прилагают старание, от химии удаляясь. Причина сего, что сочинитель в определении жалованья, положенного в штате, смотрел на тогдашние обстоятельства. И алгебраисту положено жалованье 1800 рублей для Ейлера или Бернуллиа, астроному — 1200, чтоб ^а славного человека приласкать ^б в Россию, анатому — 1000 рублей для Бургава,^в прочим — по 860 и по 660 рублей не по достоинству и трудности самой науки, но по обстоятельствам особ, которые тогда оные профессии имели. Однако если бы Ейлер (или Бернулий) был таков химик, каков он математик, то без сомнения было бы химику положено жалованья в штате 1800 рублей.

Из сих примеров явствует, что академический штат сочинен, по большей части, взирая на персоны и обстоятельства тогдашнего времени. Следовательно, во все будущие времена служить не может, что весьма противно первому основанию.

^а Зачеркнуто намеренного.

^б Зачеркнуто выманить.

^в Против этой части пункта приписано на полях:

В поведеньях.

1. Об отсутствии президентском многократно при всяком случае упоминается, якобы то нужное и узаконенное было дело во все будущие времена, чтобы президенту в Академии редко присутствовать.

2. Таким же образом о выписании профессоров и о контрактах наблюдении узаконение положено, якобы то всегда впредь будет и надежды нет, чтобы мы могли довольствоваться своими. Временных дел в неподвижные государственные узаконения вносить не должно, но на то делать особливые определения.

2. Основание о произведении и размножении ученых людей в России не токмо весьма мало наблюдаемо было, но и совсем оному в противность поступано быть кажется. Например:

1) Во всех европейских государствах позволено в академиях обучаться на своем коште, а иногда и на жалованье всякого звания людям, не выключая посадских и крестьянских детей, хотя там уже и великое множество ученых людей. А у нас в России при самом наук начинании уже сей источник регламентом по 24^а пункту заперт, где положенных в подушный оклад в Университет принимать запрещается. Будто бы сорок алтын толь великая и казне тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобретение ученого природного россиянина, и лучше выписывать! Довольно бы и того выключения, чтобы не принимать детей холопских.

2) Профессоры в других государствах, не взирая на их великое довольство, имеют, во-первых, чины знатные и всегда выше или по последней мере равно коллежским асессорам считаются, второе, ободряются к прилежному учению не токмо произведением в чины, но и возвышением в знатное дворянство, так что нередко бывают за особое достоинство произведены по первому в тайные советники, по второму в фрейгеры или в бароны. Здесь правда, что ободрение от произведения по высочайшей милости е. в. с радостью видим, однако, что до первого надлежит, капитанские чины профессорам малы, а адъюнктам и никаких нет, о чем в регламенте и в штате не токмо по прежнему оставлено, но и почти вся надежда отнята к их происхождению в высшие чины по 10 пункту. Напротив того, канцелярским членам и другим чинам положены пристойные ранги к унижению профессорского достоинства и, следовательно, и к помешательству в размножении учения. Сие также немало препятствует, что дворяне больше записывают детей своих в кадеты, нежели в Академию, ибо, положив многие труды и годы на учение, не

^а Ломоносов ошибочно сослался на 24-й пункт Академического регламента вместо 41-го.

имеют почти никакой надежды произойти как только до капитана, да и то с трудом, есть велик.^а

3) Каждому академику положено упражняться в своей профессии, а в чужую не вступаться (16).^б Сие ограничено весьма тесно, ибо иногда бывает, что один академик знает твердо две или три науки и может чинить в них новые изобретения. Итак, весьма неправильно будет, ежели когда астроному впадет на мысль новая физическая машина или химику труба астрономическая, а о приведении оной в совершенство и описании стараться ему не позволяется и для того о том молчать или другому той профессии уступить и, следовательно, чести от своего изобретения лишиться принужден будет. Сие немало распространению знаний может препятствовать и для того некоторыми правилами изъяснено быть должно.

4) Больше всего препятствует приращению наук и размножению людей ученых весьма малое число студентов и школьников в рассуждении толь великой суммы, на Академию положенной, и непропорциональное разделение студентов и школьников, ибо всех их только 50 человек, которых число по примеру кадетских корпусов много больше быть должно. Сверх сего школьников много меньше, нежели студентов, что совсем противным образом быть должно, затем что не всякий школьник произотти может в студенты, как не всякий студент — в профессору. Посторонние вольные школьники тому не замена, затем что должны быть и студенты вольные и посторонние, безжалованные.

5) Таковые студенты числятся по университетам в других государствах не токмо стами, но и тысячами из разных городов и земель. Напротив того, здесь почти никого не бывает. Причина сего весьма видна и явственна, ибо здешний Университет не токмо действия, но и имени не имеет. Но когда бы здешнему Университету учинена была инаугурация, то есть торжественное

^а В подлиннике текст данного абзаца на этом обрывается.

^б Зачеркнуто Сие положено весьма обще и обширно.

учреждение, как то в других государствах водится, и на оном бы программу всему свету объявлены были вольности и привилегии, которыми Университет пожалован: в рассуждении профессоров, какую имеют честь, преимущество и власть и какие нужные науки преподавать и в какие градусы аттестовать и производить имеют, в рассуждении студентов, какие имеют увольнения,^а по каким должны поступать законам, как могут происходить в градусы и какие преимущества обученные в Университете перед неучеными в произвождении иметь будут, — все сие когда б учинено было, то конечно Университет санктпетербургский был бы доволен и вольными студентами, которые купно с содержащимися на жалованье могли вскоре не токмо Академию удовольствовать, но и по другим командам распространяться.

3. Хотя из вышеписанных уже ясно видеть можно, что при сочинении Академического регламента и стага мало смотрено на достохвальные учреждения академий и университетов в чужестранных государствах, однако еще немало других есть сего доказательств.

1) В европейских государствах университеты разделяются на 4 факультета: на богословский, юридический, медицинский, философский. Здесь, хотя богословский оставляется Святейшему Синоду, однако прочих трех порядочное учреждение необходимо нужно: 1) для обучения студентов прав вообще, так же европейских и российских, для умножения в России российских докторов и хирургов, которых очень мало, для приумножения прочих ученых, которые в философском факультете заключаются; 2) для порядочного произведения в градусы, чтобы произведенный в Санктпетербургском университете порядочным и обыкновенным у других образом, например доктор медицины, признаваем был за доктора во всех государствах, 3) чтобы в трудных судебных, медицинских и других делах можно было в другие команды из Академии требовать по факультетам мнения, как то

^а Зачеркнуто вольности.

обыкновенно в других государствах трудные судебные, медицинские и другие дела по академиям и университетам для совета сообщаются. О сем нужном и полезном учреждении в академическом штате и регламенте ничего не упомянуто.

2) В университетах ректорам как велика власть дается, так и недолго поручается. Ректор имеет власть живота и смерти над студентами и на всякую полгода переменяется по избранию. Здесь должно или имя оное оставить или учинить по иностранному, однако из сих ни одного не сделано. Я предложу о сем в другой части, что и с иностранными обыкновениями сходствовать и российским узаконениям не противно будет.

3)^a О произвождении в градусы, о публичных экзерцициях студентов и о лекциях профессорских в регламенте ничего не предписано, что, однако, необходимо нужно и, в других государствах происходя порядочно, великое ободрение наукам и честь приносит.

4) Академический корпус составляется, 1) ради того чтобы изобретать новые вещи, 2) чтобы об них рассуждать вместе с общим согласием. Но рассуждения быть общие не могут, ежели о достоинстве изобретения один только знание имеет. Например, во всем собрании только один ботаник, следовательно, что он ни предложит, то должно рассудить за благо, как бы оно худо ни было; затем что один только ботанику разумеет. Следовательно, и собрания академиков тщетны. Итак, в других академиях каждая профессия имеет в одной науке двух или трех искусных, чего в новом регламенте отнюд не упомянуто и ни самого дела, ниже примеров в рассуждение не принято.

4. Штат академический хотя сам положенной суммы не превосходит, однако для недостаточных узаконений и для данной великой свободы оные переменять по произволению к тому дали

^a Против этого пункта приписано на полях NB Диво, что в Академии нет музыки! ба! да Шумахер танцевать не умеет.

причину, что не токмо без нужды набранными людьми сумма отягощена, а годных положенного числа нет, но и старые долги не выплачены и новые прирастают. Что ж до прибыли надлежит, которая от художеств, а особливо до Типографии надлежит, о том, как умножить, расположить и получать великую пользу, нет в регламенте никаких учреждений. Коль великая государственная от сего прибыль, польза и слава оставлена в небрежении, о том в учреждении Академии Художеств.^а Имея одну Типографию во всем государстве, могло бы много остаться суммы в 7 лет: хотя бы по 10 000, было б уж 70 000.

5. Для неумедлительного наставления учащих и учащихся должно быть надлежащее расположение в Гимназии школ и классов, довольное и порядочное число учителей и множество школьников, частые экзамены. В Университете на всякую полгода профессорские лекции печатным листом объявлять и оные предлагать действительно; студентам иметь на каждой месяц публичные диспуты и проч. по примеру европейских гимназий и университетов.

1) Но при Академии Наук, в Гимназии верхних классов учителей уже много лет не было, а когда и были, то почти недостойные.

2) Напротив того, в нижних классах учителя за излишком, а почти все негодные, у которых школьники время теряют.

3) Некоторые учителя приняты из милости и, получая немалое жалованье, никого в Гимназии не обучают, а живут при делях знатных господ.

4) Многие учителя были и ныне есть в латинской школе, которые российского языка не искусны и учат школьников по латыни с немецкого. Для того принуждены они прежде учиться по-немецки. В чем ради беспорядка потеряв много лет, к латинскому языку уже устарев приступают и затем оно не выучаются.

^а Фраза не дописана, и после нее оставлен пробел, часть которого заполнена затем следующей фразой Имея одну Типографию. . . уж 70 000, написанной другими чернилами.

5) Всего недостатка причина в том состоит, что в Академическом регламенте о гимназическом учреждении и поведеньях ничего не упомянуто.

6) Университетский регламент не сочинен, хотя много на то трудов профессорских и времени положено.

Против 6 основания

Для дружбы, для повелительства, для послушания, должен служить: 1) всегда взаимно соответствующие и общими силами производимые труды; 2) известные каждому ранги и команды; 3) члены и другие служители, всяк в своем деле искусные.

В Академическом регламенте положено, что профессору одной профессии нет дела до другой. Сей пункт разрушает общество академических конференций: 1) в советах и рассуждениях, 2) в трудах тех профессоров, которые больше, нежели одну науку, знают; ибо ежели астроном знает физику или химию или ботанику, не должен сочинять диссертаций физических, химических или ботанических, хотя что новое найдет, затем что по сему пункту могут по зависти тех наук профессоры спорить, отчего ссоры и препятствия в распространении наук; 3) малое число профессоров: по одному в науке. Что скажет, то и ладно, как бы худо не было.

396

1755 СЕНТЯБРЯ 1. ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИСТУПИТЬ К ПЕРЕСМОТРУ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИИ НАУК

Weil der Herr Professor Müller viele Kennzeichen gegeben hat, dass er parteyisch ist, daß ich mich auf ihn^a in der Con-

^a В подлиннике описка ihm.

ferenz nicht verlaßen kann, geschweige andere Kennzeichen, die schon vorhanden sind; folglich so werde ich so lange er Conferenz Secretaire ist, kein von ihm verfaßtes Protocoll unterschreiben.¹

Weil dem Befehl aus dem dirigirenden Senat wegen Verbesserung der Acad[emischen] Gesetze nach dem Landesmütterlichen Befehl Ihro Kaiserl[ichen] Majestät bishero kein Genügen geschehen, so declarire hiemit, daß ich außer aller Schuld sey und verlange daß es noch heute oder höchstens morgen der Acad[emischen] Cantzellej proponiert werde.

Михайло Ломоносов

Сентября первого дня

1755 года

Перевод

Так как г. профессор Миллер проявил много признаков того, что он пристрастен, и я не могу полагаться на него в Академическом собрании, не говоря о других признаках, уже имеющихя налицо, то до тех пор, пока он будет конференц-секретарем, я не подпишу ни одного составленного им протокола.¹

Так как указ Правительствующего Сената относительно исправления академического устава по всемилостивейшему повелению е. и. в. до сих пор не выполнен, то я настоящим заявляю, что я ни в чем не повинен и требую, чтобы сегодня или самое позднее завтра это было доведено до сведения Академической канцелярии.

Михайло Ломоносов

Сентября первого дня

1755 года

397

1758 ЯНВАРЯ 7. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТУ АН ОБ
«ИЗЛИШЕСТВАХ, ЗАМЕШАТЕЛЬСТВАХ И НЕДОСТАТКАХ»
В АКАДЕМИИ НАУК И О МЕРАХ К УЛУЧШЕНИЮ ЕЕ
ПОЛОЖЕНИЯ

Ясновельможному обоим сторонам Днепра и войск запорожских гетману, действительному камергеру, Академии Наук президенту, гвардии Измайловского полку подполковнику, обоим российских орденов и других кавалеру, милостивому государю графу Кириле Григорьевичу его сиятельству Разумовскому

Всепокорнейшее представление

По отсутствию вашего сиятельства в Малороссию, будучи Канцелярии Академии Наук членом десять месяцев, усмотрел я обстоятельно самые всего несостояния Академии Наук причины, которых главные суть три: 1) излишество, 2) недостаток, 3) замешательство.

Излишество состоит в следующем: 1) Канцелярия Академии Наук отягощена толь многими мелочьями, что отнюд не может иметь довольного^а времени думать о важном и самом главном деле, то есть о науках, о чем я подал в оную Канцелярию представление, с котораго копию прилагаю при сем.¹ Приметил я, что те, которые хотят казаться трудолюбивыми и, много делая, ничего не делают, на оное представление никакого не имеют внимания, желая вышепомянутыми мелочьями показать себя деловыми и заслуженными; 2) некоторые излишние мастерства, например делание штемпелей и печаток, а особливо на продажу,^б которое единственно надлежит к Монетной канцелярии, а в Академии Художеств так нужно, как ткать парчи или плести кружева, сверх того, опасно в рассуждении делания фальшивых

^а довольного вписано рукой Ломоносова.

^б а особливо на продажу вписано рукой Ломоносова.

денег; ^a главное дело Академии Художеств в том состоит, чтобы обучать рисованию и обще живописи, дабы происходили из ней в общество люди, которые бы во всех тех мастерствах употреблены быть могли, где живописное искусство необходимо потребно, притом пуссировать и архитекторы; ^b 3) делание математических инструментов на продажу; сие художество единственно должно служить для произведения в действо тех машин и инструментов, которые в Академии Наук и Художеств изобретены; однако ныне первое фабричное дело так усилилось, что профессеры, не имея надежды о произведении в дело их выдумок, совсем больше не радуют; 4) торг заморскими книгами делает Академию биржею; сумма великая без знатной прибыли обращается, занимает напрасно время, наносит нареkanie и хлопоты тем, что всякий требует книг по своему желанию, которыми всем угодить невозможно; от всего сего происходят многие лишние дела в Канцелярии, и теряется время, которое с лучшею пользою для наук употребить можно; сверх того, в таком сплетении многих дел не можно быть без погрешностей.

Недостаток главный нахожу: 1) в том, что академические департаменты состоят в разделении, и служители живут в разных и отдаленных местах, о чем я подал в Канцелярию представление, которое вашему сиятельству в Малороссию прошлое лето послано, а здесь прилагаю с оногo копию; ² 2) для умножения книг российских, чем бы удовольствовать требующих охотников, не достаёт станов, переводчиков, а больше всего, что нет Российскаго собрания, где б обще исправлять грубые погрешности тех, которые по своей упрямке худые употребления в языке вводят; 3) Университет и Гимназия весьма в худом состоянии и требуют, чтобы Канцелярия больше к ним прилежала, однако она не может того делать, будучи отягощена мелоч-

^a сверх того опасно... фальшивых денег приписано рукой Ломоносова на полях.

^b притом пуссировать и архитекторы приписано рукой Ломоносова на полях.

ными излишествами, как выше показано; 4) главного дела, наконец, недостает: особливых регламентов, инструкций и штатов для разных департаментов, как для Академического собрания, для Университета, Гимназии, Академии Художеств, для Библиотеки, для Географического департамента, для Ведомостной экспедиции, без чего не могут оные быть в порядке, но происходить должны неотменно.

Замешательства, к которым показанию следующие примеры достаточны быть могут: 1) довольно известно, какие противности и ругательства чинил Канцелярии г. Миллер по вашего сиятельства отъезде;³ сверх того, профессоров научал делать разные в лекциях отговорки и неосновательные роптания, а особливо, что многие из них^a им выписаны, старался всегда показать им свой авторитет, что он Канцелярию ни во что ставит; 2) с другой стороны, в Канцелярии желающие рекомендовать себя художествами, то есть за великий merit⁴ почитающие то, когда чужих трудов что-нибудь поднесут знатым людям, сии всякими мерами желают и стараются науки унижить, говоря, 1) что Университет здесь ненадобен и что все до того надлежащее уступить Московскому университету; 2) такое недоброхотное мнение делом оказалось, когда лучшие ученики из Гимназии вместо рисовальных в Монетную канцелярию отданы были; 3) некоторых самовластие так велико, что без моего совета дела делали, коих бы я не допустил к исполнению, как перестройку Боновского дому за полторы тысячи и непозволенный платеж денег за просрочку, против чего я спорил; кафедра перенесена из Академии в Гимназию самовольно и без общего совета, отчего лекции вовсе остановились; Библиотека отпирается от канцелярского ведомства, и не подаваны ежемесячные репорты; по моим требованиям для ведома не даны нужные пункты, например, с кем содержится по Канцелярии за море переписка для выписывания книг и других вещей, до художеств надлежащих.

^a многие из них *вписано* рукой Ломоносова

и проч., что все служит к огорчению, препятствующему добрым и важным предприятиям.

Сии все препятствующие академическому благосостоянию причины и неудобности отвращены быть могут следующими способами:

- 1) Сократить мелочные по Канцелярии излишние дела, чтоб о приращении наук рассуждать было время; 2) излишние мастерства отставить и тем убавить тягости канцелярской; 3) торг заморскими книгами о[т]ставить, а что есть старых книг^а и все что печатается, отдать на откуп доброму купцу с надлежащими процентами, через что в Академии служителей, в Канцелярии хлопот и нареканий убудет; сумма типографская скорее обращаться станет, а книги в России — удобнее распространяться; 4) академические департаменты соединить в один корпус для удобства, как мною представлено, или как, может быть, лучше найден будет способ; 5) в Типографии станы умножить; 6) переводчиков умножить из студентов и составить Российское собрание; 7) Гимназию и Университет снабдить регламентами, набрать новых школьников и сделать порядок, чтоб школьники под строгим смотрением, а студенты волю пристойную имели, не так, как ныне, развращенным образом; 8) чтоб были инструкции для всех прочих департаментов и утверждена была надлежащая субординация; 9) чтоб академические члены и прочие служители, даже до мастеров, имели известные ранги для отвращения презрения перед прочими командами; 10) чтоб по примеру других команд, которые много академической меньше, был вице-президент, который бы, зная науки и состояние академическое, мог советом и делом прекращать внутренние неудовольствия, все недостатки исправлять и приводить науки в цветущее состояние под повелением и покровительством вашего сиятельства, облегчая труды ваши.

Михайло Ломоносов

Генваря 7 дня
1758 года

^а книг вписано рукой Ломоносова.

1758 ФЕВРАЛЯ 4. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПЕЧАТАНИИ «ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СОЧИНЕНИЙ» ПОД ДРУГИМ ЗАГЛАВИЕМ

По определению его сиятельства Академии Наук г. президента от 1754 года велено издаваемых книжек под титулом «Ежемесячные сочинения» печатать по две тысячи экземпляров. Но понеже Книжной лавки комиссар Зборомирской поданным в Канцелярию репортом представил, что оных и половины не расходуется, а от иных годов в остатке до тысячи пятисот экземпляров, о чем его сиятельству представлено от Канцелярии, по которому представлению его сиятельство изволил приказать убавить впредь число печатающихся экземпляров и печатать только один обыкновенный завод, а именно тысячу на ординарной, двести экземпляров на заморской комментарной бумаге, да на александрийской заморской пятьдесят; а дабы от прежних лет остающиеся сверх ординарного завода восемьсот экземпляров яко вперед имеющий уже быть дефект совсем в макулатуру не обратились и оттого не последовал напрасный казенный убыток, того ради гг. присутствующие в Канцелярии за благо рассудили: оные «Месячные сочинения» считать особливою книгою и окончать декабрем месяцем прошлого 1757 году, а с нынешнего 1758 года печатать продолжение издаваемых разных материй под иным приличным титулом, о чем к г. конференц-секретарю Миллеру для сочинения такого приличного титула и небольшого предызвещения или предисловия с апробациею Профессорского собрания послать ордер.

И. Д. Шумахер
Михайло Ломоносов
И. Штелин
Иван Тауберт

Регистратор Дмитрий Тимофеев

Февраля 4 дня
1758 году

399

1753 МАЯ 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН О ВЫПУСКЕ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ О ДЕЛАХ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ»

В Канцелярию Академии Наук
Представление

По силе апробованного от е. и. в. Академического регламента, по 24 пункту повелено: всяк из академиков читать должен новых авторов в своей науке и, как скоро о книге какой уведает, то оные требовать должен из Библиотеки, а потом, сделав на оную свои примечания, объявить в собрании, и буде что достопамятно, то президент прикажет перевести на российский язык и напечатать. Сие ничто иное есть, как чтобы выдавать от Академии ведомости о делах ученых людей как иностранных, так и здешних. Но понеже сие полезное дело поныне было упущено и в недействии оставлено, а его высокографское сиятельство Академии Наук г. президент определением поручил мне особое смотрение над науками, для того Канцелярии Академии Наук о том следующее представляю: 1-е. Дабы определить и указать, чтобы гг. профессоры и адъюнкты книгам и диссертациям, которые при Академии недавно отпечатаны и впредь печатаны быть имеют, сочиняли сокращения и притом о их доброту прилагали правдивые рассуждения без всяких пристрастий и оные бы, прочитав в Собрании и апробованные, присылали в Канцелярию, которая печатать по рассмотрению прикажет. 2-е. Читать им иностранные о делах ученых людей ведомости и записанные хорошие новые книги ежемесячно представлять в Канцелярию для выписывания оных. Между тем, кто из них имеет приватно какую новую книгу, может из ней экстракт со мнением сделать. Притом можно вносить артикулы из иностранных ведомостей о делах ученых людей, объявив, из которого университета или города и притом выкинув все неприличности и убегая насмешек и ругательств. Из помянутых иностранных ведомостей для тог

иногда брать артикулы, чтобы книга ранее учинилась в России известна. 3-е. Академических здешних сочинений, которые в Конференции при собрании прочитаны и апробованы, делать краткие содержания и публиковать в вышепоказанных ведомостях, ибо легко случиться может, что прежде, нежели «Комментарии» из печати выйдут, в другом месте здешнего академика изобретение изданием преду[с]корено будет к его неудовольствию. 4-е. Оные ведомости издавать также на немецком или на французском языке. 5-е. Выпускать таковые ведомости еженедельно по листу в четверть дести, начиная с сего мая месяца, а титул дать «Санктпетербургские ведомости о делах ученых людей».

Сие новое учреждение сколь много к распространению и знанию наук и к увеселению охотников и к изъявлению академических трудов наших в российском народе служить будет, представляю прочим гг. присутствующим на рассуждение.

Михайло Ломоносов

Маия 1 дня
1758 году

400

1758—1759. ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК

Приступление

В благословенное время государствования всемилостивейшия самодержицы нашея, наслаждаясь многочисленными ея к нам. подданным, благодеяниями, с радостною надеждою ожидаем полного благополучия, то есть всесовершенного установления непоколебимых и ясных законов, которыми отвратятся все вредительные в судах беспорядки и пагубные ухищрения.

Высочайшее повеление е. и. в. из Правительствующего Сената о рассмотрении и исправлении всех российских законов

Приступление

Въ Императорскомъ Высшемъ училищномъ
классе великаго учителя (Кавказецъ)
нашему на сего года Императорскому
классу Ея Величества Государыни Им-
ператрицы, съ разсужденъ изъясненъ
объясненъ Показано Високоуважаемому
по Ея Величеству, присоудившему установить
непременныя законы и ввѣститъ законы,
которыя императоръ въ дру-
гиванней отъ себя Государыни, и
паче того учинитъ.

Високоуважаемому Ея Величеству
само Високоуважаемому изъ Государя
Государя Императора о рассужденіи
и исправленіи сего Императорскаго
Закона въ Государствѣ Императорскомъ
и по Императорскому Высшему указу.
Того ради Високоуважаемому Государю
Императору Императорскому Високоуважаемому
указано Императорскому Высшему
рассужденію. ~~Високоуважаемому~~
Високоуважаемому Судии и исправленію
объясненъ Государю Императору. Означенъ
въ указѣ Императорскомъ и Государствѣ
какія Владѣнія ~~Судии~~ Императору
Стане и сему Великому Императору и
Государю Императору и Високоуважаемому
какія Владѣнія Императору Императорскому
нашему. Но въ оное рассужденіе.

Записка М. В. Ломоносова о необходимости преобразования
Академии Наук.

Начальный лист собственноручного черновика (1758—1759)
Архив Академии Наук СССР

по справедливости касается и до имп. Академии Наук. Того ради высокопомянутой Правительствующий Сенат повелел учинить Академического регламента рассмотрение.¹ Всевожделенный случай к исправлению бедного состояния Академии! Однако вкоренившееся и застарелое в ней злочастие^a чинит препоны и сему великому матернему и божественному попечению и желанию всемилостивейшия монархини наша, ибо все оное рассмотрение пресекалось коварными происками и наглыми поступками, которыми самозванный сочинитель,² а следовательно и защи[ти]тель оного регламента старался от него отвести высочайший указ е. в., данный из Правительствующего Сената о исправлении законов.

Стоя за пользу и важность высокопомянутого указа, принужден я был претерпеть несправедное и несносное огорчение,³ однако как прочих поношений и гонений, мною претерпенных, так и сего не упоминаю обстоятельно. Ныне^b в рассуждении Академии^b предприял я отдать отечеству последнюю должность, ибо ежели сим ничего не успею, твердо уверен буду, что нет божия благоволения, дабы по мере желания и щедролюбия великия наша государыни^c ученые люди размножились и науки распространялись и процветали в отечестве.

Сим предприятием побуждаю на себя без сомнения некоторых негодования, которых ко мне доброжелательство прежде чувствительно, однако совесть и должность оного несравненно сильнее. Чем могу я перед правосудием извиниться? Оно уже заблаговременно мне предвещает и в сердце говорит, что, имея во многих науках знание, ведая других академий поведение, видя великий упадок и бедное состояние здешней Академии, многие недостатки и неисправности в регламенте и бесполезную трату толикой казны е. в., не представлял по своей

^a Зачеркнуто *тщится*.

^b Зачеркнуто *последняя моя должность*.

^b Академии *надписано вместо зачеркнутого наук*.

^c Зачеркнуто *науки распространялись и процветали в отечестве*.

должности. Что ответить? Разве то, что я боялся руки сильных? Но я живота своего не жалеть в случае клятвою пред богом обещаюся.

Итак, ежели сим истинной своей ревности не удовольствую и, может быть, себя опасности подвергну, однако присяжную должность исполню.

Для лучшего изыскания способов, как исправить Академию Наук, должно, во-первых, предложить ее состояние, потом показать причины такового оныя упадку; наконец, объявить способы к исправлению и к приведению ее в цветущее состояние.

Часть первая

О худом состоянии Академии Наук

Глава I

О состоянии Академии Наук прежде нового регламента ^a

1) С начала Академии Наук, от 1725 по 1733 год, ни единого российского студента при ней не было, который бы лек-

^a *Зачеркнуто* Хотя академическое состояние прежде нового штата было по большей части в мою при Академии небытность, однако имею об оном немалое знание, которое отчасти чрез достоверные известия, отчасти по приезде из-за моря в немалое время собственным искусством сведал. Всех беспорядков ни моя память обнять не может, ниже их множество представить позволяет обстоятельно. Для того знатнейшие кратко упоминаю.

1. Члены Академии Наук, Петром Великим выписанные славные люди — Герман, Бернулий, Билфингер, Беккенштейн и другие <для неудовольствия и обид от бывшего тогда Академии президента Блументроста и от библиотекаря Шумахера> принуждены были выехать, и Россия лишилась великой от них чаемой пользы.

2. Ссоры Шумахеровы с оставшими старыми профессорами, а особливо с Делилем и Дюверноем, много приращению наук препятства учинили.

3. Великое воспящение и помешательство чинили частые неудачливые челобитья на Шумахера: 1) самых первых вышепомянутых профессоров бесполезные жалобы для незнания российского языка; 2) приехавших из Москвы в 1736 году студентов прошение в Прав[ительствующем] Сенате, для того что их почти голодом уморили; 3) доносительство многих акаде-

ции у профессоров слушал. А приехавшие из Москвы тогда 12 человек из Спасских школ лучшие посланы в Камчатскую экспедицию, и там, кроме Крашенинникова, стали негодными, будучи без всякого призрения; оставшиеся в Санктпетербурге, скитавшись несколько времени в бедности, для худого содержания определились по художествам и в Канцелярию.⁴

2) Взятые из Москвы в Академию из Спасских школ в 1736-м году 12 человек, из которых Ломоносов и Виноградов посланы для науки за море. Оставшиеся принуждены были немалое время терпеть крайнюю нужду и не иметь долгое время в науках наставления. Затем просили о том в Правительствующем Сенате, и библиотекарю Шумахеру учинен был сильный выго[во]р. После того лекции начались студентам, и деньги кормовые в малом числе выдавались. По окончании лекций некоторые определены в переводчики, прочие остались студентами, и по большей части без призрения и доброго смотрения, будучи в уничтожении, от уныния и отчаяния опустили в подлость и тем потеряны. Ломоносов и Виноградов^а с третьим, Рейзером, определены были кабинетским указом 1736 года марта 18 дня учиться за морем на сумме особливою, из Статской конторы, сверх академической. Однако Канцелярия академическая,^б получив оную, употребила на другие расходы, а оные три студента

мических служителей разных званий с советником Нартовым, для чего учреждена была комиссия [в] 1742-м году, и по некоторым пунктам Шумахер приличился, но, знатным предстательством прикрыт, спасся; 4) всем Профессорским собранием подаваны были в Правительствующий Сенат на него письменные жалобы <который указал править учеными делами Профессорскому собранию, однако вступлением новым штатом все отменилось, и Канцелярия получила полную власть над профессорским корпусом>. Таким образом, происходящие беспокойства препятствием были наставлению молодых людей, а особливо что их мало на жалованье содержалось, не было смотрения и усердия к обучению природных россиян.

^а Ломоносов и Виноградов написано на полях другими чернилами вместо зачеркнутого Мы двое.

^б Канцелярия академическая написано на полях другими чернилами вместо зачеркнутого Шумахер.

принуждены были жить в Санктпетербурге с 19 марта до половины сентября месяца, затем что денег на дорогу долго ждали и в осень глухую на море едва не потонули. За морем будучи, претерпевали великую нужду за удержкою жалованья и, живучи в долг и беручи деньги в проценты, великие понесли убытки. Наконец, как они в Фрейберге горным делам учились, и советник Генкель не получил наперед шестисот рублей обещанных, половины своей за них платы; также и им, студентам, весьма скудно деньги и то через него, Генкеля, присылались, которые он у себя стал удерживать и, не надеясь от Академии себе награждения, по прошествии десяти месяцев, при окончании химического курса совсем оным студентам отказал в деньгах. В таких обстоятельствах принужден был Ломоносов искать случая в Россию возвратиться и по прошению оного, а по ордеру Академии президента фон-Бреверна в Санктпетербург приехал. Оставшие после его товарищи близко три года не могли для долгов в отечество возвратиться, пока их Горная коллегия по представлению вице-президента Рейзера выкупила, хотя между тем в Академию сумма на троих оных студентов каждый год наперед отпускалась.^{а, 5}

б) В Гимназии каково расположение было,^б из того^в видно, что ни один школьник в студенты из ней не выпущен, кроме

^а Зачеркнуто и уже в мою бытность здесь в адъюнктах четыреста рублей на мою часть якобы для посылки мне за море из Статс-конторы принимались в Академию. Чудное дело! Я был в одно время три года здесь и за морем вдруг. <Здесь определено то жалованье 300 рублей, а за морем четыреста, однако>. 5) В 1742-м году, приметив Шумахер, что многие академические служители на него доносить в испровержении наук и в похищении казны изготавились, определил читать лекции только для виду и выдал каталог лекций всех профессоров и адъюнктов, хотя только прямых российских студентов было только двое — Протасов да Котельников, которые из Невской семинарии добровольно в Академию выпросились. Но сии лекции пресекались в краткое время <Шумахеровым арестом>. Пунктов 3 и 4 нет в рукописи.

^б Зачеркнуто мне неизвестно, однако.

^в Зачеркнуто худое ее состояние.

одного или двух, которые прежде в других школах^а доброе^б положили основание.

7) Набрано было столько художников, и по приватным причинам приняты были люди, к определенным делам неспособные или совсем негодные. Кроме других примеров, принят был в академическую службу егер якобы для стрельяния птиц и зверей в Кунсткамеру, а подлинно для удовольствия чьей-то поварни. Сим множеством излишних и негодных служителей так отягощена была Академия, что не токмо определенной суммы 25 тысяч и доходов от Типографии и от Книжной лавки, но и чрезвычайных прибавлений не доставало, которых до ста десяти тысяч рублей сверх положенной суммы блаженныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна в разные времена Академии пожаловала. Итак, была в деньгах всегдашняя нужда, и не токмо нижние академические служители, но и профессоры нередко принуждены были брать жалованье книгами и оные продавать весьма дешевою ценою, уступая рублевую книгу за 70 копеек и меньше, отчего пришли в убытки и в бедность.^б Иностранные почетные члены, которым обещано именем Академии жалованье, не получали того многие годы. Не упоминаю здесь о Типографии и о Книжной лавке, где с самого начала никакого надлежащего счету не бывало, о чем ясно свидетельствуют^в на то учиненные от разных академических служителей протесты и доносы.

Подарки от Канцелярии книгами как здесь, так и за морем в дорогих переплетах принесли казне несказанный убыток и всегдашней академической скудости были не последнюю причину и крайним препятствием обучению природных россиян.

Сие все только один пример. Еще многого^г не упомяну, од-

^а других школах было зачеркнуто и заменено словами Спасские школы, которые затем тоже зачеркнуты, а слова других школах восстановлены.

^б доброе написано на полях вместо зачеркнутого нарочито.

^в Зачеркнуто каталоги печатные.

^г Зачеркнуто не слышал, иного.

нако думаю, сие может подать некоторую идею о бедном состоянии Академии прежде нового стата.^а

Какое из сего Академии бесславие учиниться должно было, то как здравым рассуждением заключить можно, так и само искусство показало. В самое то время, когда политическое состояние России почиталось у иностранных еще сомнительным, когда они думали, что просвещение Петр Великий только лишь вводить в наше отечество начинает, многие славнейшие ученые люди во всей Европе, иные уже в глубокой своей старости, в Россию приехать не обинулись. Ныне, когда почти весь свет уверен о нашем большем прежнего просвещении, а особливо, что несравненная монархия наша высокоmaterнею щедротою и богатым снабдением и высочайшим покровительством наук повсюду прославлена, когда милосердие, человеколюбие и великодушие сияет на престоле всероссийском, не токмо знатные профессоры, но и те, которые недавно из студентов вышли, не хотят к нам в академическую службу, не взирая на знатную сумму, которая им предлагалась.^б Близ десяти человек из Германии призываны были, однако все отказали.^в Итак, посылан был от Канцелярии Тауберт и Бургав в чужие край⁷ не столько для других причин, сколько для того, чтобы иностранных ученых уверить, якобы академическое состояние было в лучшем цвете.

^а *Зачеркнуто* И так после нового стата пять профессоров <не упоминая Краценштейна, что не имел жалобы> с неудовольствием из России отъехали; шестой — Вейдбрехт от огорчения <с небольшим сорока лет> умер.

^б *Зачеркнуто* Ибо лучше хотят по известным своим привилегиям и вольностям от самих себя (хотя и не с большим достатком) зависеть, нежели стоять у канцелярской двери меж подъячими или у Теплова в передней меж лакеями и часто, не получив входу, назад без успеху со стыдом поворотиться.

^в *Зачеркнуто* Итак, ныне за малым числом академических членов Конференции редко бывают, а когда и случаются, однако почти бесполезны, затем что рассуждать нет с кем <в делах ученых> о высоких науках. *Конец абзаца* Итак, посылан был... в лучшем цвете *приписан на полях другими чернилами.*

Адъюнктов хотя девять числилось, однако действительно едва одного имели. Пять за морем обучались, здесь Красильников только лишь геодезист и обсерватор добрый, Трескот у географического дела, еще Шестаковский — все и первых оснований в словесных и высоких науках не знают, один — Клейнфельд, который по большей части переводил Бургаву при больных и в науке своей анатомической' далее простирается не имел времени.^{а,в}

В Университете, хотя по статусу недоставало только одного профессора математики и физики, однако не было ^б в нем ни подобия университетского по примеру других государств, не было ^б факультетов, ни ректора,^в по обычаю выборного повсягодно, не было ^б студентов, ни ^г лекций, ниже лекциям каталогов,^д ни диспуты, ниже формальные промоции в лиценциаты и в докторы, да и быть не могут, затем что Санктпетербургский университет и имени в Европе не имеет, которое обыкновенно торжественною инаугурациею во всем свете публикуется; и словом главного дела не было ^б — университетского регламента.

Не меньшего сожаления было ^е достойно бедное состояние Гимназии. Учителя русские только были ^ж латинского языка в нижних классах, да и те недостаточны. Французского языка и немецкого ^з учителя ^и по большей части ленивы и недостаточны

^а Зачеркнуто Почетные члены по большей части <все> немцы, что противно не токмо регламенту, но и самой справедливости, ибо Академия должна иметь взаимное сообщение с учеными людьми каждого народа. Переписки с ними также редко бывают для малого числа членов, а иные несколько и опасаются, имея прискорбные примеры.

^б не было надписано вместо зачеркнутого нет.

^в Зачеркнуто ни всегдашнего, ни.

^г ни надписано вместо зачеркнутого нет.

^д Зачеркнуто не бывают.

^е было вписано другими чернилами.

^ж русские и были вписано другими чернилами.

^з и немецкого вписано другими чернилами вместо зачеркнутого лучший.

^и Первоначальное учитель переделано на учителя и далее зачеркнуто почти никогда не обучает, и прочие учителя французского и немецкого языка.

и часто переменались^а по частным причинам. Школьников хотя число и нарочито было,^б однако пользы от них как прежде^в не было,^г ибо, как показано, 1) учителей надлежащих не имелось,^д 2) ученики^е все жили по своим домам и не имели^ж доброго смотра и, будучи^з заочно, извиняли^и свою леность и гулянье то отдалением дому, то болезнию притворно и другими случаями, 3) не бывали^к строгие экзамены настоящим образом и в установленное время, 4) словом,^л никакого о Гимназии распорядку не было.^м⁹

Каково состояние Типографии и Книжной лавки, то показывает долговременное печатание книг, высокие их цены. О исправлении Типографии и Книжной лавки в бывшей прошлого 1754 года комиссии довольно мы рассуждали,¹⁰ однако все без успеха осталось.^н

Художества, хотя имели некоторые^о успехи, однако ученому корпусу тягостны, ибо по табели академической прошлого 1754 года исходило на академиков, на Университет, на Гимназию, на почетных членов, на переводчиков и на Библиотеку едва двадцать тысяч рублей, а достальные тридцать две тысячи

^а Первоначальное переменяются переделано на переменались.

^б было приписано на полях другими чернилами.

^в Зачеркнуто по нынешнее число.

^г Зачеркнуто так и впредь уповать нельзя.

^д не имелось надписано другими чернилами вместо зачеркнутого нет.

^е Зачеркнуто в немалом числе иноземцы.

^ж Первоначальное живут и не имеют переправлено на жили и не имели.

^з Зачеркнуто в отдалении.

^и Первоначальное извиняют переправлено на извиняли.

^к Первоначальное не бываю переправлено на не бывали.

^л В подлиннике по ошибке сохранено незачеркнутое нет.

^м распорядку не было надписано другими чернилами вместо зачеркнутого твердого узаконения и распорядков.

^н Зачеркнуто Для лучшего знания прилагаю здесь мои о том рассуждения на проект секретаря Ханина, который хотя не столько о настоящем деле, однако больше о своих акциденциях и о ранге старался, желая быть сам директором.

^о имели некоторые надписано вместо зачеркнутого имеют.

и сверх того доходы от Книжной лавки как по здешней Типографии, так и по торгу заморскому книгами и купферштихами, притом продажа математических инструментов и других художных вещей^а исходит на Канцелярию и на художества. Не упоминаю о тех капиталах, которые на строение от Правительствующего Сената и от других команд получаемы были.^б

Из помянутых тридцати трех тысяч ежели бы равномерно исходило на Канцелярию и художества, присокупляя к тому другие доходы, осталось бы по последней мере на каждый год по 13-ти тысяч рублей с лишком, и остаточная сумма с 1747 года июля от 24 числа была бы с лишком сто тысяч рублей, за которую не токмо академическое здание починить, но вновь бы много прибавить и украсить и погорелые книги и вещи^в в осмь лет наполнить возможно было.^г

Часть 2-я

О причинах испорченного состояния Академии Наук

Глава первая

О причинах худого состояния Академии прежде нового стага

Главные причины худого академического состояния две: первая — искание и получение правления Академическим корпусом от людей мало ученых, вторая — недоброхотство к учащимся

^а Зачеркнуто одно нрзб слово и получаемые на строение от.

^б Первоначальное получаютя переделано на получаемы были.

^в Зачеркнуто не без смысла.

^г Зачеркнуто Но все сии обстояательства довольствия не помогают. Стояла долго Академия без внешнего виду и украшения, без внутреннего удовольствия и жизненного движения и, словом, в дряхлом теле едва знаки дыхания име<ет>ла. Как, напротив того, процветает Кадетский корпус! Хотя позже Академии начался, но войско е. в. наполнено из него искусными офицерами.

россиянам в наставлении, в содержании и в произведении. Сии причины ^а не токмо прежде нового стата, но и после оногo много вреда принесли благостоянию академическому.

Когда первые славные профессоры в Россию приехали,¹¹ нашли при тогдашнем президенте Блуентросте у Библиотеки Шумахера, состоящего у него в доверенности. Вскоре почувствовали, что он столько ж над ними власти требует, сколько президент, и почти все, что вздумает, на то его приводит часто противу добрых намерений профессорских, которые о том негодовали и приносили бесполезные жалобы. Потом, как Блуентрост в Москву отъехал, все осталось в руках Шумахеровых, который для своего вспоможения в Канцелярии, без указа учрежденной, и для произведения в действо своих намерений против профессоров принял к себе в Канцелярию студента Миллера (был он тогда за адъюнкта). Его посредствием выводывал профессорские на себя советы, всевал между ними ссоры, пользовался их несогласием и чинил всякие им огорчения. Наконец, им же в досаду выпросил у Блуентроста, чтобы с Эйлером, Гмелином, Вейтбрехтом и Крафтом, свидетельствованными и удостоенными, неустойчивый Миллер произведен был в профессоры.

Однако сим своим обманом сам обманулся, ибо Миллер, получив профессорство, больше усилился и стал волю брать у Шумахера, склоняясь на профессорскую сторону. Шумахер, покрыв ласкательством коварство, присоветовал Миллеру ехать в Германию, якобы для заведения корреспонденции с книгопродавцами на академическом коште, притом для получения Миллеровых отцовских пожитков. По возвращении своем из-за моря Миллер увидел, что хитрости, в которые он употреблен был от Шумахера, все профессорам известны, а Шумахер нашел способы его унижить, показав, что Миллер много для своего тщеславия и корысти в не показанные в инструкции места ездил и издержал казенные деньги излишно и прочая.

^а Зачеркнуто а особливо первое.

В таких обстоятельствах Миллер притеснен искал случая, как бы ехать в Камчатскую экспедицию, что и учинилось.^а Между тем Шумахер для приведения профессоров в ссору между собою прибирал себе всегда из них по обстоятельствам партию, вооружал и ободрял молодых профессоров против старых, надобных себе привлекал выдачею наперед или прибавкою жалованья, а других томлением, удерживая оное, сегодня того лаская, кого угнетал вчерась, переменял, как понадобится;^б президентов и других знатных особ улещая то подарением разных книг в хороших переплетах, грьдорованных листов, на что многие тысячи рублей истрачены, то дачею оных в долг из казенной Книжной лавки, которых, чаятельно, много пропало. Все сие делал для удержания и укрепления своего самовластия, о приращении наук и о чтении лекций^в не имея ни малого попечения. По приезде Миллеровом из Сибири, где он разбогател и приобрел великую гордость, какие ссоры, споры, тяжбы с Шумахером были, описать невозможно: все профессорские собрания происходили в ссорах.^г И сие есть первая причина.^д 12

Вторая причина отчасти немало соединена с первою, ибо Шумахер ведал, что профессоры, читая российским молодым людям лекции, а особливо детям людей знатных, притти могут в знакомство в господских домах и чрез то сыщут себе патронов, которым они состояние свое и академическое показать могут. Того ради чтение надлежащих лекций весьма началось поздно, было редко и краткое время без окончания продолжалось.

^а Зачеркнуто по приезде его из Сибири.

^б Зачеркнуто лишь бы только удержать свое самовластие прир[нрзб].

^в и о чтении лекций приписано на полях другими чернилами.

^г По приезде Миллеровом. . . происходили в ссорах приписано на полях другими чернилами.

^д На полях против заключительных строк этого абзаца приписано и зачеркнуто бывшие над Миллером.

Кроме того, Шумахеру^а было опасно происхождение в науках и произхождение в профессорах природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения. Яснее сие понять можно,^б что Шумахер неоднократно так отзывался: я-де великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессора.¹³ И недавно зять его, имения и дел и чуть не Академии наследник,¹⁴ отзывался в разговоре о произведении российских студентов: Разве-де нам десять Ломоносовых надобно? И один-де нам в тягость.^в

Рассуждение^г о Академическом регламенте и статье^д

Для желаемого произведения^е предприемлемых важных учреждений^ж должно полагать и предписывать себе неложные правила, дабы не подвергнуть себя каким преткновениям, не пропустить ничего нужного и не ввести бесполезного или еще и

^а Шумахеру надписано другими чернилами вместо зачеркнутого самовластителю.

^б Зачеркнуто доказывается недопущением многих россиян к высоким наукам чрез <употребление> принуждение к переводам, от чего я, сквозь многие нападения прошед, избавился и Попова за собою вывел и Крашенинникова.

^в Здесь Ломоносовым выставлен значок, указывающий, что продолжение находится на другом листе, в начале которого был выставлен, очевидно, такой же значок. Но листа с таким значком среди сохранившихся бумаг Ломоносова не обнаружено.

^г Вместо зачеркнутого Рассмотрение.

^д Написано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого О главной причине худого состояния Академии по новом статье, то есть о недостатках и неисправностях регламента и статьи. В черновике этому заглавию предшествовало Глава вторая.

^е В черновике желаемого произведения надписано вместо зачеркнутого всех.

^ж В черновике учреждений приписано на полях вместо зачеркнутого дел.

вредного. Учреждение имп. Академии Наук простирается не только к приумножению пользы и славы целого государства, но и к приращению благополучия всего человеческого рода, которое от новых изобретений происходит и по всему свету расширяется, о чем внешние академии довольно свидетельствуют. Того ради, приступая к рассмотрению академического стага и регламента, должно ^а положить в начале общие основания, на которых надлежало ^б сочинителю утвердить и расположить всю великого сего государственного и всему свету полезного здания систему, ибо без оных подвержено все колебанию и ^в скорому падению и разрушению.^г

Оные основания в следующих пунктах кратко предлагаются.

1) Регламент академический таким образом сочинен и расположен быть должен, чтобы он имел свою силу и был приличен в ^а будущем времени и во всяких обстоятельствах мог стоять неприменен. Того ради не должно смотреть на настоящие при сочинении ^е оного обстоятельства, ниже на лицо, заслуги и недостатки тех, которые находятся в Академии при худых обстоятельствах.^ж

2) Дабы Академия не только сама себя учеными людьми могла довольствоваться, но и размножать оных и распространять по всему государству.

3) При сочинении регламента должно прилежно смотреть на учреждение славных академий в других государствах, из

^а Первоначальное должен я переделано рукой Ломоносова на должно.

^б надлежало надписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого должно было.

^в В черновике оных подвержено все колебанию и надписано вместо зачеркнутого оных должно быть все выbleмо и к.

^г В черновике зачеркнуто склонило.

^а Первоначальное по переделано рукой Ломоносова на в и зачеркнуто всяком.

^е при сочинении вписано рукой Ломоносова.

^ж В черновике худых обстоятельствах приписано на полях другими чернилами вместо зачеркнутого нынешнем состоянии.

давних времен процветающих, как на добрые примеры, исключая то, что с прочими главными узаконени[ям]и Российского государства несогласно.

4) Дабы между равными, а особливо между высшими чинами было всегда согласие, от нижних к старшим — пристойное почтение, от подчиненных к начальникам — законное послушание, для того ^а наблюдать в сочинении регламента все надобные к тому обстоятельства и стараться о добром порядке, ибо сие необходимо нужно к беспрепятственному приращению наук и приобретению от народа к ним почтения и любления.

5) Дабы добрые имели ободрение, а злые — страх, должно определить по мере заслуг награждения, по мере преступлений наказания.

6) Чтоб в учреждении ^б разных академических департаментов положено было пропорциональное разделение. В противном случае будет Академия подобна некоторому безобразному телу, которое от болезни, неравное питание членов производящей, имеет те части больше и тучнее, которые в здоровом состоянии должны быть равны или меньше.

7) Дабы Академический регламент был наблюдаем строго и порядочно, для того положить и утвердить, чтоб не делать в противность одного ^в отмен без высочайшей монаршеской воли по примеру других команд и предписать точные и обстоятельные пределы, до которых главные командиры в нечаянных приключениях ^г отмену чинить могут, и что с общего членов согласия, что сами собою.^д

^а В черновике зачеркнуто учредить.

^б В черновике зачеркнуто и содержании.

^в В черновике в противность одного надписано вместо зачеркнутого в нем.

^г В черновике нечаянных приключениях надписано другими чернилами вместо зачеркнутого нужных обстоятельствах.

^д После этого абзаца рукой Ломоносова написано на полях NB отступить.

Сочинитель академического статута и регламента,¹⁵ приняв свое важное дело на себя,^a не имел перед собою^b таковых необходимо нужных оснований, что из следующих явствует.

В противность первого основания большая часть нового статута и регламента сочинена^b по бывшему прежде, а особливо в краткое время пред оным испорченному академическому состоянию.^г Например:

1) Канцелярия учреждена таким образом, как тогдашние обстоятельства, а не самая справедливость по приличности учебного корпуса требовала на все будущее время, ибо члены в ней положены советник и ассессор, которые в науках и языках некоторое понятие имеют, то есть Шумахер и Теплов. Но если бы оба они были люди великого учения и, как ныне, оба статские советники,^{a, 16} то бы конечно в статуте тогда положены были в Канцелярии два статские советники,^c оба великого учения.^ж

2) В Астрономическом классе положен калькулятор только для того, что был тогда профессор Винсгейм, который ни к чему больше, как^з календари сочинять, был способен.¹⁷ В дру-

^a В черновике зачеркнуто без профессорского совета и сообщения.

^b В беловике, писанном писарской рукой, отсутствует следующий лист, содержание которого (со слов таковых необходимо нужных до слов высшему математику жалование велико включительно) печатается по собственноручному черновику.

^в В черновике сочинена приписано на полях другими чернилами.

^г В черновике зачеркнуто основана и расположена, как.

^д как ныне, оба статские советники написано на полях другими чернилами вместо зачеркнутого Шумахер бы тогда был статский, а Теплов — коллежский советник.

^e два статские советники надписано другими чернилами вместо зачеркнутого статский и коллежский советник.

^ж Зачеркнуто другими чернилами 2) Российского собрания, нужного весьма учреждения, тогда не было, следовательно, в статуте о том не упомянуто.

^з ни к чему больше, как надписано вместо зачеркнутого <только> ничего больше не умел, как.

гих академиях такие члены под сим именем не бывают, и у нас адъюнкт астрономии то исполнять должен.^а

3) Ректором университета положен историограф, то есть Миллер, затем что он тогда был старший профессор, и сочинитель был об нем великого мнения.^б И если б Миллер был юрист или стихотворец, то конечно и в стате ректором был бы назначен юрист или стихотворец.

4) Историографу придан переводчик китайского и манчжурского языков, то есть Ларион Россохин.¹⁸ Однако если бы Россохин вместо китайского и манчжурского языков знал, например, персидский и татарский, то бы конечно в стате положен был при историографе переводчик персидского и татарского языка.

5) В европейских государствах, которые ради отдаления от Азии меньшее сообщение с ориентальными^в народами имеют, нежели Россия по соседству, всегда бывают^г при университетах профессора ориентальных языков. В академическом стате о том не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы^а полезно.^е

6) Каждая наука в Академии имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство и неравенство профессорского знания, ибо иногда может быть в числе их чрезвычайное учения физик, иногда ботаник, иногда механик^ж или другие, иногда в тех же профессиях — пошлые люди, а иногда и один многие науки далеко знает, хотя определен к одной профессии.

^а и у нас... должен приписано другими чернилами.

^б профессор, и сочинитель... великого мнения приписано на полях другими чернилами.

^в ориентальными надписано другими чернилами вместо зачеркнутого тамошними.

^г всегда бывают надписано другими чернилами вместо зачеркнутого содержатся.

^а Зачеркнуто можно.

^е хотя по соседству... полезно приписано на полях другими чернилами.

^ж Зачеркнуто и иногда[а] <одно слово нрзб> люд[и].

Итак, вообще рассуждая, должно положить всем профессорам равное жалованье, а прибавку чинить по рассмотрению достоинств и службы, ибо весьма бы обидно было великому ботанику, каков ныне Линней, иметь по штату 860 рублей, а высшему математику, каковые нам весьма из посредственных рекомендованы, дать 1800 рублей. Притом для неравности положенного жалованья студенты больше стараются о тех науках, где оное велико, что уже примером оказалось, затем что ^а большая часть ^б студентов к математике старание приложили, ведая, что высшему математику жалованье велико ^в и притом, сидя в своей камере или гуляя в саду, может отправлять свое дело. Химику жалованье положено 860 рублей, и притом должен он в уголье, в саже и в вредных парах обращаться.^г Сие произведено, смотря на тогдашние обстоятельства,^д что сочинитель ^е жалованье положил ^ж алгебраисту ^з 1800 рублей для Ейлера или Бернулия, астроному 1200 для выписания славного ж человека, анатому 1000 для Бургава; прочим по 860 и 660-ти. Но если б Ейлер (или Бернулий) был таков химик или ботаник, каков он математик, то без сомнения положено бы жалованья было 1800 рублей химику или ботанику.

7) О небытности ^и президентской весьма часто в регламенте упоминается, яко бы то было нужное и законами утверждено быть достойное дело. Мне кажется, что сочинитель воображал себе твердо тогдашнее самовластие шумахерское, при котором президентов по большей части не было или когда и

^а затем что вписано другими чернилами.

^б Зачеркнуто набранных за шесть лет.

^в Далее печатается по беловику, писанному писарской рукой.

^г В черновике зачеркнуто Всего сего причина.

^д смотря на тогдашние обстоятельства приписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого сочинителевым пристрастием или незнанием.

^е сочинитель надписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого он.

^ж Зачеркнуто по тогдашним обстоятельствам.

^з Зачеркнуто написал.

^и О небытности надписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого Об отсутствии.

были, да всегда почти его слушали, что и ныне удержать всякими мерами старается его наследник.^{а,19}

8) Вредительнее всего и поносительнее российскому народу (а напечатан регламент на иностранных языках), что^б сочинитель в должных постоянными быть российских государственных узаконениях положил быть многим иностранным в профессорах и в других должностях, которые сначала по нужде выписываются,^в и тем дал повод рассуждать о нас в других государствах, якобы не было надежды везде иметь своих природных россиян в профессорах и в некоторых других должностях, затем что смотрел на тогдашнее состояние,^г а законы служить должны в будущие роды.^д Что иное подумать можно, читая в регламенте^е о выписании высшего математика и других профессоров,^ж о бытии адъюнктов переводчиками у иностранных профессоров, о переводе книг профессорских о контрактах с иностранными профессорами о иностранных канцеляристах и провизоре типографском (смотри 5, 9, 13, 26, 50 пункты и табель stata).²⁰ Что можно подумать как сие, что Санктпетербургская Академия Наук ныне и впредь должна состоять по большей

^а воображал себе... его наследник написано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого всегда того желал, дабы (как то делом оказалось) самому по своим прихотям в Академии самовольничать. Далее рукой Ломоносова приписано и зачеркнуто целил на настоящего президента, под именем небытности разумел президентское отсутствие, представлял себе едина[на]чальство Шумахерова вечным. В черновике самовольничать написано вместо зачеркнутого господствовать.

^б В черновике зачеркнуто другими чернилами несмысленную гордостью надменный.

^в которые сначала по нужде выписываются приписано на полях рукой Ломоносова.

^г тогдашнее состояние надписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого настоящее неосновательные токмо, чему в черновике соответствовали слова настоящее только.

^д В черновике затем что... будущие роды приписано на полях другими чернилами.

^е в регламенте приписано на полях рукой Ломоносова.

^ж Зачеркнуто и о даче им большего жалованья.

части из иностранных, то есть что природные россияне к тому неспособны.^а

В противность второго основания, против распространения наук в России в регламенте отнята вся надежда к произведению в высшие чины профессоров.^б В других государствах, несмотря на их множество,^в ниже на то, что большая часть не из дворянства,^г производят^д профессоров^е в советники правительства, в статские и тайные,^ж и сверх того в знатное дворянство, то есть в бароны^з и даются им кавалерии.^и В Регламенте академическом капитанские ранги по-старому профессорам оставлены, адъюнктам и никаких не дано, и словом рангов не расположено, чем бы к учению иметь ободрение.^к И для того дворяне детей своих охотнее отдают в Кадетский корпус, нежели в Академию, ибо, положив многие годы и труды на учение, не иметь почти никакой надежды далее произойти, как до капитана,^л есть главное отчаяние всему дворянству и опасность вступить в Акаде-

^а В черновике ныне и впредь... к тому неспособны приписано на полях другими чернилами вместо зачеркнутого без иностранных <никогда> стоять не может? Сие произошло от того, что сочинитель смотрел на тогдашнее состояние Академии, из иностранных почти сложное.

^б Зачеркнуто Профессоры.

^в В черновике зачеркнуто считается вравне с регирунгс <надворными> гофратами.

^г В черновике ниже на то... дворянства приписано на полях другими чернилами.

^д В подлиннике осталось неисправленным производятся.

^е профессоров приписано на полях рукой Ломоносова.

^ж В черновике в советники... тайные приписано на полях другими чернилами вместо зачеркнутого в тайные советники.

^з В черновике в бароны приписано на полях другими чернилами вместо зачеркнутого во фрейгеры.

^и и даются им кавалерии приписано на полях рукой Ломоносова.

^к В черновике зачеркнуто другими чернилами Сверх того от Канцелярии действительным членам презрение и несмысленные и между собою спорные ордера: сделай то или другое, быдто бы профессорское дело, которое все мысли в непорядок приводит и охоту к трудам отнимает. Было как когда захочется: в трынку заиграть или на караул поставить.

^л В черновике зачеркнуто и то с трудом.

мию, а если бы ранги расположены были, то дворяне возымели бы охоту не меньше к наукам, как к военному искусству, и чрез то бы из Академии в статских чинах ученые дворяне размножились и честь наук возвысили.^а

Хотя ж бы^б дворяне в академическую службу вступить не похотели,^в то по последней мере вступали бы охотнее^г разночинцы; ^д однако размножению наук^е по силе нового стага быть почти^ж нельзя. Во-первых, студентов положено 30 человек: весьма мало по великой сумме.^з В немецкой земли^и университеты наполнены многими тысячами^к и хотя по большей части учатся на своем коште, однако и в самых посредственных содержатся на жалованье больше, нежели здесь.

Школьники в Гимназии не по пропорции студентов положены. Сочинитель не рассуждал здесь обще^л о человеческом роде,^м 1) что молодых больше умирает, нежели кои старее,^н так

^а В черновике и честь наук возвысили надписано другими чернилами вместо зачеркнутого и возросла бы честь Академии.

^б Хотя ж бы надписано вместо зачеркнутого Но пускай.

^в Первоначальное не хотели исправлено на не похотели.

^г охотнее приписано на полях рукой Ломоносова.

^д В черновике зачеркнуто когда бы их довольное число было, которому.

^е размножению наук приписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого тому.

^ж почти приписано на полях рукой Ломоносова.

^з Первоначальное по великому жалованью е. в. исправлено на по великой сумме.

^и В черновике зачеркнуто сколько могу упомнить, двадцать пять университетов, вместо чего приписано на полях другими чернилами в толь многих университетах.

^к университеты наполнены многими тысячами приписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого в толь многих университетах многие наполнены до 4000, самые малые до 80-ти студентов. Над зачеркнутыми в толь многих рукой Ломоносова надписано и зачеркнуто знатного числа.

^л не рассуждал здесь обще приписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого не имел никакого понятия.

^м Зачеркнуто не знал.

^н кои старее надписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого старых.

что едва сороковок человек до 30 лет доживает, для чего школьников много больше надобно, нежели студентов; 2) не рассудил того, что не всякий школьник в студенты годен быть может^а по разности понятия и прилежания;^б 3) хотя иной остроумен, да по разным обстоятельствам далее произойти не может. По всему сему должно было положить больше школьников, нежели студентов, однако в статье положено студентов 30, а школьников 20 человек.^в Ежели сочинитель думал о безжалованных школьниках, то должен был думать и о безжалованных студентах, а жалованные школьники^г должны иметь перед жалованными ж студентами^д всегда свою пропорцию.

Другие европейские государства наполнены людьми учеными всякого звания, однако ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был,^е и в университете там студент тот почтеннее, кто больше научился,^ж а чей он сын,^з в том нет нужды. Здесь, в Российском государстве ученых людей мало: дворянам для низкости и неимения рангов^и нет ободрения;^к в подушный оклад положенным запрещено в Академии учиться.^л Может быть, сочинитель думал, что Российскому государству великая будет^м тягость, ежели оно 40 алтын в год

^а быть может приписано на полях рукой Ломоносова.

^б В черновике разности понятия и прилежания надписано другими чернилами вместо зачеркнутого своему остроумию.

^в В черновике 30, а и 20 человек вписано другими чернилами.

^г школьники приписано на полях рукой Ломоносова.

^д перед жалованными ж студентами приписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого между собой.

^е В черновике зачеркнуто приехал[?] в университет и показал свой аттестат, что он учился в школе[?].

^ж В черновике зачеркнуто и себя показал, что он [три слова нрзб].

^з В черновике зачеркнуто того никто.

^и низкости и неимения приписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого беспорядку.

^к В черновике зачеркнуто разночинцам, а особливо.

^л В черновике зачеркнуто [два или три слова нрзб] положено?

^м будет вписано рукой Ломоносова.

потеряет для получения ученого россиянина,^а но пусть^б хотя бы и 40 алтын жаль было, а не жаль^в бы 1800 руб., чтобы иноземца выписать; однако чем те виноваты, которые, состоя в подушном окладе, имеют такой^г недостаток, что на своем коште детей своих в науку отдать могут? И для чего выключены все глухо,^д не различив хороших людей посадских от крепостных помещичьих?^е

В противность третьего основания не смотрел сочинитель на примеры других академий, а больше всего: *

1) В расположении академических классов, которое не токмо с чужестранными академиями несходно, но и здравому рассуждению противно и ясно показывает незнание его в науках. Ибо в астрономическом положен калкулятор, которого имени в других Академиях не слыхано, физический класс разделен на два, на физический и на физико-математический, якобы астрономия также в математике купно и в физике участия не имела, равно^з как механика! Для алгебраиста одного целый класс сделан.^и

2) В Университете положил учиться просодии, школьному делу, и точно до Гимназии надлежащему, а опустил^к разделение профессоров на^л факультеты: нужное дело.

^а В черновике первоначальное дабы получить ученого природного чело- века переделано на для получения ученого россиянина.

^б но пусть надписано вместо зачеркнутого да пускай.

^в В черновике жалеть, надписанное вместо зачеркнутого плюнуть.

^г В черновике зачеркнуто недостаток, что они <дене[г]> 100 раз за своих сорок алтын заплатить могут, а не позволено детям их в Академии учиться.

^д В черновике зачеркнуто сравнив.

^е В черновике зачеркнуто и от холопей.

* В черновике зачеркнуто <безумно> нескладно умничал. В беловике, писанном писарской рукой, отсутствует следующий лист, содержание которого (со слов 1) В расположении академических классов до слов В противность седьмого пункта позволено главному командиру в отменении включительно) печатается по собственноручному черновику.

^з равно надписано вместо зачеркнутого ибо.

^и Зачеркнуто какое безобразие! имел неу[нрзб] что.

^к и точно... а опустил надписано другими чернилами вместо зачеркнутого над сочинением. А прошел.

^л Зачеркнуто другими чернилами три.

3) О расположении и содержании Гимназии ничего в регламенте^а не упомянуто, быдто бы голова и верхние части тела могли стоять без ног, или лучше все бы тело не требовало для своего питания и содержания пищи.

В противность четвертого основания, первое, запрещено академикам в другие науки вступать кроме своей профессии,²¹ чрез что пресекается не токмо нужное сношение, но и союз наук и людей ученых дружба. Ибо часто требует астроном механикова и физикова совета, ботаник и анатомик — химикова, алгебраист пустого не может всегда выкладывать, но часто должен взять физическую материю, и так далее. Того ради, советуя друг с другом, всегда должны будут иметь дружеское согласие. Сверх того, разве то противно наук происхождению, чтобы анатомик знал химию и писал свои в ней изобретения? Или, что он выдумал, то отдать химику и чрез то потерять часть своей славы? Вольность и союз наук необходимо требуют взаимного^б сообщения и беззавистного позволения в том, что кто знает упражняться.^в Слеп физик без математики, сухорук без химии. И так,^г ежели он своих глаз и рук не имеет, у других заимствовать должен, однако свои чужих лучше^д и нельзя запретить их употребления.^е

В противность пятого пункта не положено в академическом штате ни добрым ободрения, ни злым наказания,^ж без чего ни-

^а и содержании и в регламенте приписано на полях другими чернилами.

^б Зачеркнуто союза.

^в упражняться вписано другими чернилами.

^г И так надписано другими чернилами вместо зачеркнутого для того.

^д Зачеркнуто и ежели к употреблению возбраняет, тот сам не позво[ляет].

^е Зачеркнуто другими чернилами Профессорское собрание совсем подвержено канцелярским двум членам, малое понятие о науках имеющим. Какое ж иметь могут почтение к ним учащиеся, видя их унижение? И какою ревностью в наставлении учащие поступать будут, видя себя в презрении?

^ж Зачеркнуто никому.

какое учреждение стоять не может, но всегда к развращению и разрушению клонится, что и самым делом в Академии оказалось,^а в которой напрасные штрафы наглым образом налагаются; напротив того, заслужившие достойного награждения лишаются, недостойные снабждаются.

В противность шестого пункта что учинено, то весьма явствует, ибо ежели кто сличит^б Академию, Университет и Гимназию с художествами, ясно увидит уродливое тело. О сем обстоятельно показано в приложениях № ...^{в, 22}

В противность седьмого пункта позволено^г главному командиру в отменении^д пунктов^е в регламенте, чего в других регламентах и уставах не дозволяется.^ж Ибо таковые пункты, каков есть^з последний пункт в Академическом регламенте,²³ приписываются только в инструкциях, а особливо в тех, которые даются в дальние посылки, где в трудных и крутых обстоятельствах невозможно спроситься высшей команды или^и высочайшей монаршеской воли.^к

^а Зачеркнуто где нет как способов.

^б сличит надписано вместо зачеркнутого <снесет> сравнит.

^в О сем... в приложениях № ... приписано на полях другими чернилами.

^г позволено надписано другими чернилами вместо зачеркнутого дана воля.

^д отменении надписано вместо зачеркнутого рассуждении всего. Далее печатается по беловику, писанному писарской рукой.

^е В подлиннике рукой Ломоносова пунктов ошибочно исправлено на пункты.

^ж дозволяется надписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого бывает.

^з есть вписано рукой Ломоносова.

^и В черновике высшей команды или приписано на полях другими чернилами.

^к Зачеркнуто Сколько сей пункт подал причины к беспорядкам, то следует ниже в главе писано и далее весь последний абзац главы второй написан рукой Ломоносова.

По сему дозволению воспоследовало, что от начала сего стага и регламента по сие время^а едва ли оставлены^б несколько пунктов в своей силе. Большее число^в оных отменялись и нарушаемы были отчасти для трудного исполнения, ибо не в силу дела положены, отчасти и по маловажным причинам для частных^г намерений отменены, что все служило к великим в Академии беспорядкам и к пресечению желаемой пользы.

Глава 3

О неисполнении по новому регламенту и о неправильном употреблении последнего пункта²⁴

Хотя некоторые неисполненные пункты в самом деле трудны, чтоб их исполнить, однако^а сочинителя не извиняют, много меньше его облегчают, но паче отягощают.

1) Актов публичных в год положено три — § 29, однако с нуждою по одному бывает.^б

2) Три конференции в неделю по три часа назначено, не в силу и некстати, ибо профессора дома трудятся, а читают свои изобретения^ж только в собраниях. А без чтения напрасны собрания.

3) Опыты, учиненные профессорами, повторять при президенте (§ 22): исполнить невозможно ни президенту, ни профессорам.

^а Зачеркнуто <осталось> остав[лен].

^б Первоначальное оставлен переправлено на оставлены и далее зачеркнуто был один.

^в Первоначальное Большая часть переправлено на Большее число и далее зачеркнуто Ежели нет нарушен[ных?].

^г Зачеркнуто нужд.

^д Зачеркнуто другими чернилами нерассудного.

^е Зачеркнуто другими чернилами 1) для малого числа профессоров, 2) для позднего назначения и приказания, 3) для разных досад и огорчений профессорам.

^ж свои изобретения приписано на полях другими чернилами.

4) У книг припечатывать президентскую апробацию (§ 26); никогда не исполнено.^а

5) Три экзамена в год студентам в президентском присутствии положено (§ 49): никогда не было.

6)^б Присяга иностранным по силе § : не всегда исполнено.^в

7) Награждений иностранным за решение задач пять должна Академия ученому свету.^г

8) Университетский регламент, учреждение Типографии и Книжной лавки, также и других всех департаментов по 44, 54, 55, 65 пунктам: ничего не исполнено.^д,²⁵

9) Хотя мало пунктов исполнено по строгости, однако один 55-й наблюден весьма точно, то есть, чтобы адмиралтейский регламент до Книжной лавки не касался,²⁶ и о приходах и расходах и о числе книг знать только Канцелярии, а в ревизию счетов не посылать. Однако ежели бы по тому ж пункту содержать Книжную лавку по примеру иностранных, то должно бы вести точный расход и приходам и числу книг расчет, следовательно, не надобно бы было в справедливом деле одного регламента страшиться.

10) Но не токмо пункты многие^е не исполнены, но многие и в противное отменены, без всякой причины, под одним видом и покрытием последнего пункта,²⁷ по произволению. И спорные

^а исполнено приписано на полях другими чернилами.

^б Зачеркнуто Университета, Типографии, Книжной лавки.

^в Первоначальное не исполнено исправлено другими чернилами на не всегда исполнено.

^г пять должна Академия ученому свету надписано другими чернилами вместо зачеркнутого вместо семи одна выдана, вместо девяти три назначены.

^д Зачеркнуто и хотя профессора по президентскому ордеру долго трудились о Университете, однако Теплов ни их труда не апробовал, ни поправил, ни своего не выдал. Подобным образом и та комиссия, в которой поручено было некоторым академическим членам трудиться о разборе академических служителей, была бесплодна, затем что Теплову по его намерениям не показалась и только была для виду.²⁸

^е Зачеркнуто не наблюденны.

между собою дела ^а происходили, например журналы в Конференции членам подписывать и не подписывать, за прогульные часы вычитать и не вычитать из жалованья, членов производить без академиков и не производить без их согласия.⁶ В отсутствии президентском доволен был в Канцелярии один Шумахер, в присутствии — понадобились в ней многие члены.²⁹ Сколько ж чудных перемен учинено со членами, некоторые примеры то покажут. Профессор Браун против своего желанья и напрасно отлучен от Академической конференции и Обсерватории, а ныне опять по временам с академиками заседает, как захотят; ^в за долговременные прилежные лекции не получил никакого ободрения.³⁰ Напротив того, Бургав, не быв в Конференции близ четырех лет из упрямки и ничего для Академии не сделав, получил прибавку жалованья 500 р.³¹ Секретарство Конференции взято от Винсгейма к Штрубу, от Штруба опять к Винсгейму, после дано Рихману, ^г Гришеву, от Гришева взято и дано Миллеру ^д.³² — все по пристрастиям, ^е без причин и без совета, а особливо Миллеру, который ^ж был ^з изобличен в подозрительных переписках и в недоброхотных рассуждениях о российском народе.³³ Прибавлено ему 500 рублей жалованья. и поверена должность российского географа; сие учинено определением, которое явные само себе противности содержит.^и,³⁴

От сего всего не токмо многие академики, не токмо вся Академия, но и все отечество страждет, лишаясь плода, чае-

^а дела надписано вместо зачеркнутого дела деланы, н[а]пр[имер] приказания.

^б Зачеркнуто Многим ея чле[нам].

^в а ныне... как захотят приписано на полях другими чернилами.

^г Зачеркнуто от Рихмана к.

^д взято и дано Миллеру надписано вместо зачеркнутого к Миллеру. И несмот[ря].

^е К первоначальному по прихотям приписано на полях другими чернилами и фантазиям, после чего все переделано на все по пристрастиям.

^ж Зачеркнуто им же.

^з Зачеркнуто по Теплова исканию в.

^и сие учинено... противности содержит приписано позднее.

мого от бесприкладной щедроты великодушныя монархини на-
шея.⁴

Все сие рассудив, ясно видеть можно, коль близко стояла ⁶
Академия при конечном своем разрушении, которое вместо
славы российской к посмеянию, вместо пользы к ущербу, вместо
радости любящим науки к печали служило.⁸

Часть 3

О исправлении Академии Наук

Глава первая

О исправлении Академии вообще

Рассуждая таковое Академии состояние, невозможно сы-
скать к ее исправлению лучшего способа, как пресечь оные при-
чины, которые привели Академию, то есть: 1) не попустить
больше властвовать над науками людям мало ученым, которые,
однако, хотят, чтоб их за ученых почитали, каковы показаны
выше в первой и второй части; 2) чтобы не дать великой
власти чужестранным тем, в которых некоторое к ученым рос-
сиянам недоброжелательство примечено; 3) вышепомянутый
регламент отменить, для того что 1) не утвержден на крепких

⁴ *Зачеркнуто* Однако надежды еще не видно к исправлению Акаде-
мии: вкоренившийся злодей ³⁵ все еще по своим мыслям в ней обращается;
к нему все ходят для спросу; от него все зависит; <он> и недоволен, что
[с]только зла в Академии сделал, но еще новым злом старое закрыть
тщится, явно противясь высочайшему повелению е. в. из Правительствующе-
щего Сената <о исправлении законов>, ³⁶ понося и обижая тех явно и нагло,
которые свято почитают оное всемилоостивейшее и высокоmaterнее повеле-
ние е. в. о исправлении законов. В таковой своей бесстыдной продерзости
когда он не обинулся на меня учинить нападение, ³⁷ ведая, что я больше,
нежели другие профессора, могу сыскать покровительства, то, чего не
может он предпринять на других профессорах, которые перед ним трепещут
и ничего не смеют молвить, ведая его силу и злое сердце?

⁶ *Первоначальное* стоит исправлено на стояла.

⁸ печали служило *приписано* вместо *зачеркнутого* сокрушению и слезам
служить будет.

основаниях, как выше показано, 2) что излишествами не по своей краткости наполнен, 3) не внесены самые нужные пункты, и словом во всем недостаточен, 4) нет в нем доброго порядка: часто заднее наперед, переднее назади поставлено, и смешаны материи разного рода, например пункты, до регламента надлежащие, смешаны с статом.

Приступая к важному сему делу, во-первых, должно сверх вышеписанных оснований в уме и в сердце твердо положить, чтобы во всем его произведении наблюдать высочайшее намерение е. и. в., простирающееся к пользе и славе отечества, и всегда иметь в памяти беспримерное ея к наукам щедролюбие, и ради того всячески стараться и блюстись, чтобы не дать ни малейшего места какому пристрастию или небрежению, и ничего не упустить, что к скорому распространению наук в России и к сравнению или паче превышению иностранных академий, в Европе процветающих, служить может, ибо нам помыслить нельзя, чтобы когда благополучнейшего времени к совершенному своему возвращению науки могли дожждаться, каким ныне под великодушным царствованием великия Елисаветы пользоваться могут. Пропустив без пользы сей от бога дарованный случай, сие несказанное его благодеяние и благоговение, в толь щедрой и человеколюбивой монархине нам дарованное, не токмо в своей совести грызения терпеть принуждены будем, но и перед всем светом, у всех будущих родов прослыдем ленивыми, малодушными, неблагодарными и таковых великих благодеяний и щедрот недостойными.

Глава 2

О статье Академическом

Академические департаменты суть следующие:

1. Канцелярия.
2. Академическое собрание.
3. Университет.
4. Академия Художеств.

5. Библиотека и Кунсткамера.
6. Гимназия.
7. Географический департамент.
8. Переводческая экспедиция.^а

Стат Академического собрания^б

В Академическом собрании должно быть для высоких наук трем классам: математическому, физическому, историческому. Сие разделение имеет свое основание на познании человеческого, из которых нижнее^в представляет вещи просто, без изыскания причин и без выкладки, одним историческим описанием, второе или среднее познание представляет вещи с причинами, по физическому^г рассуждению, третье или высшее познание, сверх^д показания причин, утверждает оные математическим исчислением.

Должность сего собрания состоит главно в том, чтобы изобретать новые^е в высоких науках вещи и изобретенные рассматривать общим советом. Никак не можно тому быть, чтоб всякий профессор мог рассуждать о всех других науках. Для того надлежит быть во всякой науке трем членам, как то по большей части состоит в Парижской академии наук.^ж

^а Начало главы написано заново вместо зачеркнутого в черновике Целый академический корпус состоять имеет из следующих частей: 1. Академическое собрание <Академия Наук>. 2. Университет. 3. <Академия Художеств>. Российское собрание. 4. <Гимназия. Российское собрание>. Гимназия. 5. <Гимназия> Академия Художеств. 6. Библиотека и Кунсткамера. 7. Канцелярия.

^б Вместо зачеркнутого в черновике Академии Наук.

^в В черновике зачеркнуто первое.

^г В черновике зачеркнуто обычному [?].

^д В черновике зачеркнуто простого.

^е В черновике зачеркнуто натуре.

^ж В сохранившемся неполном черновике далее шел следующий текст, не вошедший в беловик Каждого должность, чин и жалованье предлагается в следующей таблице:

Канцелярия

Президент	3000
Вице-президент	1800 ^a
Проректор Университета.	
Старший академик.	
Инспектор Гимназии.	
Библиотекарь.	
Эконом из профессоров.	
Членам заседать по рангам, считая старшинство.	
Два секретаря — один по наукам, другой по экономии.	

Должности	Ранги	Жалованье
Класс математический	В ранге подполковника или по последней мере премьер-майора	По 660 р.
Ординарный или старший член высшей математики астрономии механики		
Класс физический		
Ординарный или старший физик		
— — — медик		
— — — химик		
Класс исторический		
Ординарный или старший анато- мик и зоолог		
— — — ботаник		
— — — металлург		
Секретарь Конференции —	Итого в том же ранге	5940 р. 1000
У каждой должности по одному экстраординарному или мо- лодшему члену по 500 р.	Премьер или секунд- майоры	4500
В каждой должности по адъюнкту по 360 р.		
Итого		14 680

^a Цифры вписаны красными чернилами рукой Ломоносова.

Протоколисты.
 Регистраторы.
 Два канцеляриста.
 Два подканцеляриста.
 10 копиистов.
 Сторожей шесть.
 Комиссар.
 Счетчик.

Академическое собрание

Математический класс

Ординарный член высшей математики.
 — — астрономии.
 — — механики.

Физический класс

Ординарный физик.
 — медик.
 — химик.

Исторический класс

Ординарный анатомик.
 — ботаник.
 — металлург.

Секретарь Конференции не надобен, затем что есть Канцелярия.³⁸

У каждого класса по одному экстраординарному.

У каждой профессии по адъюнкту.

Нотариус.

Архивариус.

Канцелярист.

Три копииста.

Два сторожа.

Сверх сего к вышеписанным принадлежат:

Лаборатор.
Садовник.
Просектор из адъюнктов.
Почетных членов 10.

Университет

Проректор.

В Юридическом факультете

Профессор общих прав.
» российских прав.
» истории и политики.

В Медицинском факультете

Три профессора из академиков.

В Филозофском факультете

Профессор философии и физики.
» математики из академиков.
Профессор красноречия и ^а словесных наук.
Профессор древностей и ориентальных языков.

Тридцать студентов.

Два педеля.

Писарь при университетских собраниях.

Четыре сторожа.^б

^а Зачеркнуто красными чернилами греческих и латинских наук.

^б Беловик, писанный писарской рукой на этом обрывается. Дальнейшие строки до итога 34 740 включительно написаны рукой Ломоносова красными чернилами, а против них на полях его же рукой и теми же красными чернилами произведены связанные с этими строками арифметические подсчеты.

През[иденту] и виц-през[иденту]	4800
Ордин[арным]	7740
Экстр[а]орд[инарным]	5940
Адъюнкт[ам]	3340
Юрид[ический] фак[ультет] 3	2580
Мед[ицинский] факул[ьтет] приб[авки] по 200 3-м	600
В Филоз[офском] фак[ультете] 3 по 860	2580
30 студ[ентам]	3000
60 гимназ[истам]	2160
Учителям	2000
	34 740 ^a
Мат[ематический]	{ Географ[ии]. Астрон[омии]. Механики. Вы[с]ше[й] математ[ики].
Физ[ический]	{ Физики. Анат[омии]. Хим[ии]. ^б Ботан[ики].
Истор[ический]	{ Истории Юриспруд[енции]. Ориент[альных] яз[ыков]. Филос[офии] и красноре[чия].
Академик ^в 12 по 660	7920
Экстраординарных 3 по 50[0]	1500
Адъюнктов 12 по 360	4320
	13 740
Почетных жалованных членов ^г	2000
Президент. ^ж	

^a Все дальнейшее до начала главы третьей приписано рукой Ломоносова черными чернилами.

^б Зачеркнуто и катал[ог] нау[к].

^в Перед словом академик^в зачеркнуто Ордин[арных].

^г Зачеркнуто 8 по 200 <200 и по 100> <и по 100> рублей.

^ж Строкой ниже зачеркнуто вице-през[идент].

Глава третья
О регламенте Академии Наук

Из предложенной таблицы академического штата довольно явствует, что толь разных департаментов распорядок требует не токмо больше, нежели Теплова, знания и смыслу ^а (которые он притом по большей части в коварства употребляет), но и самому ученому человеку, главное свое старание к пользе отечества простирающему, одному тягостен будет. Итак, не токмо по моему мнению, но и по прехвальному и высочайшему примеру, данному от ^б всемилостивейшей монаршеской воли в сочинении ^в нового российского ^г уложения, ³⁹ надлежит поручить сочинение Академического регламента нескольким ученым людям, в которых смотреть следующего: 1) чтобы они были те, которые порядочно продолжали свое учение здесь и в других государствах академиях или университетах и тем ^а приобрели знание состояния оных; 2) чтобы они были природные россияне или отдали себя в российское подданство вечно, ^е ибо от сих больше должно ожидать усердия; * 3) чтобы они не были участниками нынешнего испорченного академического ^з состояния, ибо опасно, чтобы не стали защищать своих прежних поведений; 4) чтобы в академической службе не имели своих родственников, для которых бы не стали стараться о должностях и чинах, в Академии негодных, или прибавлять в стате жалованья.

Итак, хотя я имею к Академическому регламенту довольно материи, однако оное до нарочного ^н всемилостивейшего учреждения оставляю. Ныне только предлагаю оною план, или оглавления по департаментам.

^а Зачеркнуто который сверх.

^б Зачеркнуто <высочайшей> неопределенной.

^в Вместо зачеркнутого учреждении.

^г Зачеркнуто регламента.

^а Зачеркнуто научились.

^е Зачеркнуто для большего усердия.

* ибо от сих... усердия приписано на полях.

^з Зачеркнуто стата.

^н нарочного надписано вместо зачеркнутого такового.

Часть 1

О Академическом собрании

- Глава 1. О упражнении всех академиком вообще и каждого особливо.
- Глава 2. О должности секретаря Конференции и других при ней служителей.
- Глава 3. О частных собраниях.
- Глава 4. О «Комментариях» и других сочинениях.
- Глава 5. О публичных торжествах.
- Глава 6. О задачах и награждениях вне Академии.^а

Часть 2

О Университете

- Глава 1. О ректоре университетском.^б
- » 2. О лекциях.
 - » 3. О диспутах.
 - » 4. О произведениях в градусы.
 - » 5. О^в произведении студентов в Гимназии.
 - » 6. О сочинениях университетских.
 - » 7. О приеме студентов извне Академии.
 - » 8. О посылке студентов в чужие края на академическом содержании и на их собственном под протекциею и смотрением академическим.^г

^а Зачеркнуто Глава 7. О награждениях и штрафах внутри Академического собрания.

^б Зачеркнуто адъюнктах.

^в Зачеркнуто соответ[ствии?].

^г Строкой ниже зачеркнуто 9. О награждениях и штрафах.

Часть ^а 3

О Академии Художеств

- Глава 1. О собраниях и ^б заседаниях.
- » 2. О должности каждого члена и о смотре над художествами.
 - » 3. О сношениях с академиками.
 - » 4. О произведениях в мастерах.^в

Часть 4

О Российском собрании

- Глава 1. О упражнениях и должностях членов.
- » 2. О собраниях и заседаниях.
 - » 3. О сочинениях их и изданиях.
 - » 4. О приеме членов извне Академии.

Часть 5

О Гимназии

- Глава 1. О учителях.
- » 2. О расположении часов, в которые учить, и чему, и по каким книгам.
 - » 3. О школьных ^г и домашних задачах.
 - » 4. О приеме школьников.
 - » 5. О содержании школьников.
 - » 6. О свидетельстве школьников и о переводе по классам.^д

^а Часть написано вместо зачеркнутого Глава.

^б Первоначальное или переделано на и.

^в Строкой ниже зачеркнуто 5. О награждениях и штрафах.

^г Зачеркнуто упражнени[ях].

^д Строкой ниже зачеркнуто 7. О награждениях и наказаниях.

Часть 6

О Библиотеке и Кунсткамере

- Глава 1. О содержании и расположении Библиотеки и Кунсткамеры.
- » 2. О пускании гостей.
 - » 3. О употреблении книг от академических служителей.
 - » 4. О выписке книг и всяких вещей в Библиотеку и Кунсткамеру.

Часть 7

О Канцелярии

- Глава 1. О должности канцелярской.
- » 2. О заседаниях.
 - » 3. О порядках.
 - » 4. О смотре наук и художеств.
 - » 5. О содержании жалованной суммы.
 - » 6. О содержании и поведении книжной^а продажи.
 - » 7. О прочих делах, до комиссарства и экономии надлежащих.
 - » 8. О награждениях и штрафах по всем департаментам.

401

1758—1759. ПРОЕКТ ШТАТА АКАДЕМИИ НАУК

Стат императорской Академии Наук
Академическое собрание
Математический класс

	Рубли
Ординарный член высшей математики	660
» » астрономии	660
» » механики	660

^а Первоначальное О Книжной лавке переделано на О содержании и поведении книжной продажи.

Физический класс	
Ординарный физик	660
» медик	660
» химик	660

Исторический класс	
Ординарный анатомик	660
» ботаник	660
» металлург	660

Секретарь Конференции не надобен, затем что есть
Канцелярия.^а

У каждого класса^б по 1-му экстраординарному
по 500 р. 1500

У каждой профессии по адъюнкту по 360 р. . 3240

Нотариус 360

Архивариус^в 360

Канцеляристу 200

Трем копистам 360

Двум сторожам по 24 48

Всего . . 15 388

Сверх сего к вышеписанным принадлежат:

Лаборатор 300

Садовник 300

Просектор из адъюнктов^г —

Почетных членов 10 по 100 1000

Всего . . 16 988^ж

^а Зачеркнуто 1000.

^б класса надписано вместо зачеркнутого профессии.

^в Зачеркнуто из адъюнктов прибавки 200 рублей.

^г Зачеркнуто калкулятор 400

^ж Зачеркнуто У н и в е р с и т е т

Ректору прибавочного триста рублей 300

Факультет юридический

Юрист ординарный 660

» экстраординарный 500

Историограф ординарный и политик 660

Российское собрание

Директор из профессоров, прибавки	200
Члены из профессоров и адъюнктов	—
Члены ж с ними, 4 особливые переводчика по 200 р.	800
Секретарь из адъюнктов, прибавки	100
Канцелярист из студентов первого класса, прибавки	80
Четыре копииста по 72 рубли	288
Сторож	24
	<hr/>
	1292

Факультет медицинский

Химик, доктор	} из академиков прибавки по 200 р.	600
Ботаник, доктор		
Анатом, доктор		

Факультет философский

Философ и литеральный историк	660
Физик из академиков, прибавки	200
Красноречия и поэзии	660
Математик из академиков, прибавки	200
Ориентальных языков и древностей	660
Двадцати студентам первого класса по 120 р.	2400
Двадцати » второго » по 96	1920
Двадцати четырем » третьего » по 72	1728
Два педеля по 180 р.	360
Два сторожа по 24	48
	<hr/>
	Всего 11 556

*Под этим зачеркнутым текстом внизу страницы приписано дру-
гими чернилами NB Есть особливый, причем слово Есть написано вместо
зачеркнутого Будет. Далее следует еще одна зачеркнутая страница:*

Гимназия

Инспектор Гимназии из профессоров, прибавки	200	200
Школа российская		
Верхнего класса учитель из адъюнктов, приб[авки]	100	60
Среднего из студентов, прибавки	60	40
Нижнего нарочный	120	120

Библиотека и Кунсткамера

Библиотекарь из профессоров, прибавки . . .	200
Подбиблиотекарь из адъюнктов прибавки . . .	140
Два помощника по 150 руб	300
Четыре сторожа	96
	736

Канцелярия

Президент 3000 р., третья часть на Академию Художеств. Из суммы академической . .	2000
Вице-президент 1800, две трети ж	1200
Члены: проректор Университета, старший академик. Инспектор Гимназии. ^a	

Школа латинская

Верхней школы учитель и ректор	400	360
Средней школы учитель, конректор	250	240
Нижнего класса учитель	150	150

Школа первых оснований в науках

Высшего класса логики и морали из адъюнктов, прибавки	<300>	60
Геометрии и географии, студент, прибавки . . .	100	40
Арифметики, студент, прибавки	100	40

Школа греческая

Учителю одному	300	300
--------------------------	-----	-----

Школа немецкая

В высшем классе учителю	300	300
В нижнем	180	180

Школа французская

В высшем классе уч[ителю]	300	300
В нижнем	180	180
Надзирателю	120	120
Четырем сторожам по 24	96	96
<128> 60 школьникам по <24> 40	3072	2400

Всего . .	6228	4126
-----------	------	------

Есть особый.

^a Зачеркнуто секретарь Российского собрания.

Библиотекарь	
Эконом из профессоров, прибавки	200
Членам заседать по рангам, считая старшинство	
Два секретаря: один по наукам, другой по экономии, по 400	800
Протоколисты	300
Регистраторы	250
Два канцеляриста по 200	400
Два подканцеляриста по 150	300
10 копиистов по 60 р.	600
Сторожей 6	144
	5594
Комиссар	200
Счетщик	72
	5866

402

*1759 ЯНВАРЯ 21. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ПРЕЗИ-
ДЕНТУ АКАДЕМИИ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ «КЛАССА КОРРЕСПОН-
ДЕНТОВ» И О ПРИНЯТИИ В АКАДЕМИЧЕСКИЕ КОРРЕСПОН-
ДЕНТЫ П. И. РЫЧКОВА*

Е. и. в. малороссийскому ясновельможному гетману, действи-
тельному камергеру, Академии Наук г. президенту, лейб-гвар-
дии полку Измайловского подполковнику и разных орденов
кавалеру, его сиятельству графу Кириле Григорьевичу Разу-
мовскому из Канцелярии Академии Наук

Представление

Прошлого 1758 года марта 30 дня поданным в Канцелярию
Академии Наук от г. конференц-секретаря и профессора Мил-
лера доношением,¹ а ноября 20 дня вашему высокографскому
сиятельству докладом представлено,² что от обретающегося
в Оренбургской губернии г. коллежского советника Рычкова
присланы в Академию Наук разные его сочинения и переводы,
из которых иные напечатаны в «Ежемесячных сочинениях»,

а другие еще не печатаны, также и впредь присылать он обещает, а особливо прислать находящиеся в Оренбурге как тамошним местам, так и большей части Сибири оригинальные ландкарты и геодезические описания, сочиненные прошлых от 1738 по 1758 год, что для поправления «Российского атласа» весьма потребно, а за сию его, г. Рычкова, услугу просит он в награждение, чтоб определить его почетным членом императорской Академии Наук. А по мнению Канцелярии академической кажется, что для важности и славы Академии Наук без дальнего^а рассмотрения в оную членов не принимать, а особливо тех, кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики, по последней мере элементарной, и философии^б не разумеют, но только тех по разбору в члены вписывать,^в которые в вышепомянутом знании имеют, а особливо себя показали в чем ученому свету, но ежели кто хотя вышепомянутых знаний, требуемых для надлежащего члена, не имеет, а может какими записками и известиями служить Академии, таких принимать в корреспонденты, и для того по примеру Парижской академии наук не соблаговолено ли будет^г учредить класс корреспондентов, которым давать на то^а дипломы, и для^е произведения в действо сего учреждения принять в академические корреспонденты вышеобъявленного^ж г. советника Рычкова и дать на то диплому.^з

Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
И. Штелин

Генваря 21 дня
1759 года

^а В черновике довольного.

^б В черновике после этого следовало не слушали и.

^в В черновике выписывают.

^г В черновике не соблаговолено ли будет отсутствует.

^д В черновике на то давать.

^е В черновике для первого.

^ж В черновике вышеобъявленного отсутствует.

403

1759 ИЮЛЯ 15. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН О ПЕЧАТАНИИ ПРИ АКАДЕМИИ «РОССИЙСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

В Канцелярию Академии Наук ^а

Представление ^б

По примеру других государств весьма полезно быть рассуждаю, чтобы учредить при Академии Наук печатание внутренних «Российских ведомостей», которые бы в государственной экономии и частных людей, а особливо в купечестве приносили пользу отечеству сообщением знания о внутреннем состоянии государства, в чем где избыток или недостаток: например, плодородия хлеба или недороду, о вывозе ^в и привозах ^г товаров или припасов ^д и о многих других вещах, надобных как для известия во всех в государстве присутственных местах, так и для знания частным людям, торгами и промыслами пропитание себе имеющим. Того ради Канцелярии Академии Наук представляю, чтобы о учреждении таковых «Ведомостей» учинить определение к апробации его сиятельству Академии Наук г. президенту, в чем особливо означить:

- 1) чтобы сии «Ведомости» печатать на одном российском языке;
- 2) к оным бы припечатывать все, что к обыкновенным ведомостям припечатывается для известия;
- 3) вместо того припечатывать к политическим ведомостям ^е о ученых делах сокращения новых книг и прочего;
- 4) начало положить с нового 1760 ^ж года;

^а В черновике зачеркнуто от коллежского советника и профессора.

^б Вместо зачеркнутого в черновике Предложение.

^в В черновике вывоз[а]х.

^г В черновике зачеркнуто откуда каких.

^д В черновике зачеркнуто либо привозу.

^е политическим ведомостям вместо зачеркнутого в черновике оным

^ж 1760 вписано в беловике рукой Ломоносова.

5) представить доношением Правительствующему Сенату о присылке из губерний и городов потребных к тому известий, которым сделать в Академии проект для подания Правительствующему Сенату.^а

Михайло Ломоносов

Июля 15 дня
1759 года ^б

404

*1759 ИЮЛЯ 15. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О ПЕЧАТАНИИ «ВЕДОМОСТЕЙ О ВНУТРЕННЕМ
СОСТОЯНИИ ГОСУДАРСТВА»*

1759 года июля 15 числа четверток.

В Канцелярию Академии Наук прибыли... г. Канцелярии советник Тауберт... г. коллежский советник Ломоносов...

И слушав представлений г. коллежского советника Ломоносова...

О учреждении вновь печатанием на одном российском языке «Ведомостей о внутреннем состоянии государства» и о представлении Правительствующему Сенату о присылке из губерний потребных к тому известий, а при том он, г. советник, словесно объявил, что то его предложение и от его высокографского сиятельства Академии г. президента апробовано, и приказать изволил, чтоб-де в сочинении тех «Ведомостей» приложить Канцелярии все возможное старание. Того ради приказали: о принадлежащих до внесения в те «Ведомости» новостях, как

^а В черновике зачеркнуто от чего уповаю быть знатной пользе государству и Академии от Типографии. Подпись и дата в черновике отсутствуют.

^б Дата приписана рукой Ломоносова.

то от него, г. советника Ломоносова, представлено, учиня проект, и по апробации его сиятельства представить Правительствующему Сенату.¹ . . .

Михайло Ломоносов
Иван Тауберт

Секретарь Михайло Гурьев

405

*1761 ЯНВАРЯ 19 — МАЯ 31. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О МЕРАХ
К ПРИВЕДЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК «В ДОБРОЕ СОСТОЯНИЕ»*

Краткий способ приведения Академии Наук в доброе состояние

1

Учинить надобно в голосах равновесие между российскими и иноземцами и ради того прибавить в Канцелярию члена российского. По моему мнению, весьма к тому способен г. профессор Котельников, человек ученый, порядочный, смысленный и трезвый.

2

Для известных противоборств и препятствий к приращению наук не иметь никакого дела до наук г. Тауберту, а стараться ему привести в добрый порядок Библиотеку и Кунсткамеру и Книжную лавку и больше попечения иметь о надлежащем числе и расположении нужных книг, коих у нас многих нет, нежели о внешнем виде, чтоб только в глаза бросалось. Порученные мне единственно департаменты — Университет и Гимназия, не взирая на великие соперников противления и хулу, состоят в хорошем порядке, а где г. Тауберт голос имеет, тут ужасные остановки. Я думаю, что можно науки поверить лучше двум россиянам, мне и г. Котельникову: ¹ довольно и так иноземцы русскому юношеству недоброхотством в происхождении препятствовали.

П. И. РЫЧКОВ
Гравюра А. Осипова

3

А для лучшего удовольствия и покоя отделить определенную сумму на науки в особое комиссарство и учредить особое повывье,² ибо с самого начала Академии науки претерпевали нужду, будучи главное дело, а деньги исходили на пристройки, починки, на ненужные покупки и прочее. И так ныне академическое комиссарство должно наукам около семидесяти тысяч рублей.

4

Секретарь конференции в тех академиях надобен, где нет канцелярии, а у нас он совсем излишен³ и сверх того нынешний — недобрый человек, с начала Академии возмутитель и недоброхот России. Без него и без всякого протоколы Конференции, как и прежде было, может вести актуариус и все члены подписывать. Переписку с иностранными иметь должен каждый академик по своей профессии, равно как каждый — сочинить на свою диссертацию сокращение в «Комментарии», что не токмо Миллеру-невежде, но и полигистору трудно исполнить. Довольно ему работ, чтобы верно и без шиканов⁴ писать «Историю сибирскую» и «Ежемесячные сочинения».

Инструментальное художество^а заведено при Академии для делания инструментов по профессорским изобретениям, а ныне в руках у г. Тауберта. С нуждою и я для опытов достаю позволение, то подумать можно, чего надеяться могут прочие академики. Для того весьма надобно определить некоторых инструментальщиков, кои бы единственно работали изобретения профессорские и принадлежали к департаменту наук. Тогда^б и ленивые не могут отговориться, что по их идеям ничего не делают, и должны будут дать ответ, ради чего не трудятся, и

^а художество написано вместо зачеркнутого ремесло <дело>.

^б Зачеркнуто б. В переводчиках великий недостаток произошел оттого, что о студентах с начала Академии не приложено ни малого старания.

словом, будет можно их заставить думать, чтобы напрасно не брали денег.

Таким образом, несумненно уповаю, что Академия придет в цветущее состояние, застарелое зло искоренится,^а и иная будет — не смех, но пример другим командам.^б

406

1761 СЕНТЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 21. ПРЕДЛОЖЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРАМ ЗА ПОСЕЩЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ

В Канцелярию Академии Наук

Предложение

Долговременным искусством примечено, что гг. академики не сходятся в обыкновенные часы в Конференцию, и проходит время напрасно, для того что мало вступают в ученые рассуждения, от коих обыкновенно выходят идеи к новым полезным изобретениям. Для того должно сыскать способ, чем бы их к прилежному собранию побудить без принуждения, которое никогда с науками неуместно. В Парижской академии по такой же причине определено награждение за всякое порядочное присутствие в собрании каждому члену, которое хотя не велико, однако довольно служит к полным и честным собраниям. Того ради предлагаю, не соизволит ли Канцелярия для показанной причины и в пример той славной академии определить, чтобы каждому академику и адъюнкту за порядочное присутствие, считая с 10 до 12 часов, давать награждение. Кто из помянутых академиком и адъюнктов придет заблаговременно в собрание и будет присутствовать при рассуждениях, тому дать тисненную нарочно для того медаль, коих надобно довольно число

^а Зачеркнуто вме[сто?] того, что ныне.

^б Внизу листа полный титул президента Академии Наук и под ним Представление.

заблаговременно изготовить. Медали выдаваться будут от присутствующего в Конференции канцелярского члена чрез секретаря. А по прошествии целого года каждый академик и адъюнкт оные медали подать имеет в Канцелярию, откуда платить за каждую академику по полтине, адъюнкту по тридцати копеек сверх его жалованья. При сем наблюдать должно, что ежели кто полчаса позже в собрание войдет или столько ж ранее выйдет, а особливо ежели при ученых рассуждениях не будет, тот не получит помянутой медали. Между тем архивариусу записывать всех приход и выход, кому когда даны медали. Отсутствия ни болезнь, ни какая иная причина извинить не может. Кто не будет, медали не получит. И для тиснения тех медалей вырезать при Академии в стали штемпель по приличеству.

Михайло Ломоносов

Сентября дня
1761 года

407

1762 ИЮЛЯ—1764 НЕ ПОЗДНЕЕ МАРТА 4. ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИИ НАУК

...^a писать слов заносительных, подающих причину к ссорам и несогласию, а наипаче касающихся до поношения чести или какой укоризны.

7

Ежели кто в собрании произнесет слово, подающее повод к ссорам или оскорбительное своему товарищу, тому ^b штраф — молчание, ежели же ослушается, то штраф денежный.

^a Начало документа отсутствует.

^b Зачеркнуто рукой Ломоносова секретарь объявит и приписано его же рукой на полях президент и вице-президент.

8

Чего ради продолжающейся между двумя академиками ученой распри секретарю весьма должно быть внимательну, и когда кто преступит против седьмого пункта, то дать знак тотчас к молчанию и записывать в журнал, объявля наперед преступившему вину его учтивым образом.^a

9

Все сомнительные распри, не принимающие геометрического доказательства, решить по большинству голосов.

10

Когда же академики не согласятся в своих мнениях, то секретарю записать в журнал все мнения и всякому академику свое подписать особливо. В прочем секретарь должен вести журнал так, как в коллегиях и в канцеляриях.

11

Секретарь должен записывать в журнал все, что в каждом собрании сделано со всеми обстоятельствами, и вносить читанные в оном сочинения и письма, по которым было рассуждение. По сему журналу должен сочинять историю с приобщением своего рассуждения, что по ученым делам происходило, и публиковать в начале следующего года на российском языке.

12

Секретарь должен быть один бессменно, и когда по какой-нибудь важной нужде отлучится или за болезнью дела своего отправить не возможет, то имеет волю поручить свое дело кому пожелает из академиков.

^a *Рукой Ломоносова весь этот пункт отмечен на полях волнистой чертой.*

13^a

Понеже элевам должно приучаться к делам, по наукам происходящим, то позволяется профессорам приводить своих элевов в собрание, когда пожелают, которым сидеть позади своих профессоров,^б слушать со вниманием и в разговоры академиков не мешаться, разве о чем спросит президент или в небытность его вице-президент и прикажет дать свое мнение.

14

Никому из посторонних в собрание входить не позволяется, разве с докладу и позволения в собрании, а места не давать кроме тех, кои полковничий ранг имеют или ученый градус.^в

15

Имеющего представить Академии своего сочинения книгу или своего изобретения машину для аппробации должен секретарь представить собранию академиков с ведома президентского.

16

В назначенные дни и часы академического заседания должны академики в собрание приходить исправно, разве кому воспрепятствует болезнь или законная нужда, и тогда подать весть секретарю письменно, а оный предложит собранию.

17

Каждое собрание должен по крайней мере один из академиков по очереди принести какое-нибудь новое сочинение, примечание, представить опыт или наблюдение.

^a Против параграфов 10, 11 и 13 рукой Ломоносова поставлено на полях по кресту.

^б Против этих слов рукой Ломоносова написано на полях университет.

^в с докладу и позволения... или ученый градус вписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутых слов того ведет секретарь с позволения президентского.

18

Президент может уволить академика для собственных его нужд на шесть недель и объявить Пр[авительствующему] Сенату.^а

19

Вакация или успокоение от трудов академических по примеру прочих академий имеет продолжиться с 1 мая по пятнадцатое июня, в которое академики от своих трудов увольются и имеют свободу на сие время отъехать куда пожелают в пределах Российского государства.^б

20

В награждение прилежного хождения в собрание давать каждый раз присутствовавшим нарочно сделанные на то медали небольшой цены.^в

21

Дабы в печатании сочинений и переводов академиков не было остановки, ибо тем больше охота авторов к сочинению возрастает, чем скорее на свет выходят дела оных, то должны сочинения академиков в печати иметь первенство.^г

^а и объявить Пр[авительствующему] Сенату *приписано рукой Ломоносова.*

^б *Против начала этого пункта рукой Ломоносова приписано на полях До привилег[ий].*

^в *Против этого пункта рукой Ломоносова приписано на полях за всякое присутствие жетон.*

^г *Против заключительной части этого пункта рукой Ломоносова приписано № в привилегию.*

Глава V

1

Науки академические все разделяются наиспособнее на три класса: математический, физический и философический.^a

5

По сему наук разделению должны и издаваемые академиком сочинения расположены быть в «Комментариях» в три класса: в математический, физический и философический.

6

«Комментарии» должны выходить погодно, каждый год по одному тому.

7

Выбор сочинений, вносимых в «Комментарии», должны иметь из каждого класса два старшие профессора: два из математического класса, два из физического, два из философического.

^a Далее зачеркнуто:

2

В математическом классе содержится математика чистая и прикладная; до первой надлежит геометрия и анализис, до второй — механика и астрономия с географиею и навигацнею.

3

В физическом — физика экспериментальная и теоретическая, химия, история натуральная с ботаникой и анатомия.

4

В философическом — словесные науки, антиквитеты, гистория, профессия ориентальных языков, философия теоретическая и практическая.

8

Вносить в «Комментарии» сочинения профессоров ординарных, экстраординарных, адъюнктов и почетных членов; корреспондентов — по согласию всех академиков с дозволения президентского, с прописанием достоинства сочинения.^а

9^б

«Комментарии» издавать на латинском или на российском языке с присовокуплением академической гистории по наукам, в сочинении которой остерегаться от изображений, умаляющих славу Академии и академиков.

Глава VI

О публичных академических собраниях

1

Публичные академические собрания должны быть каждый год по два раза: одно на другой день после нового года — 2 генваря; а другое после торжественного праздника восшествия е. и. в. на всероссийский престол — 1 июля.

2

Во всяком собрании должны читать два академика о разных материях на российском языке. Ежели же между русскими академиками будут иноземцы, российского языка не знающие, то оное чтение расположить так, чтобы один читал на латинском языке, а другой — на российском.^в

^а *Заключительная часть параграфа (о корреспондентах) отчеркнута рукой Ломоносова.*

^б *Против параграфов 5—7 и 9, рукой Ломоносова поставлено на полях по кресту.*

^в *На полях рукой Ломоносова приписано Перевесть и читать приятелю его на российском с оговоркою. Разумеется о диссертациях, а ораторские речи должны быть все российские.*

3

Предлагаемые сочинения в публичных собраниях не должны быть о высоких материях и для уразумения требующих глубокого в науках знания, как то тонкие и подробные исследования в астрономии, механике и физике, соединенные с математическими выкладками, но о материях внятных и привлекающих внимание слушателей.

4

Академики должны отправлять поочередно в публичных собраниях чтение. Ежели же кто из очередных занеможет или в отлучке будет по делам академическим, то имеет заступить его должность тот, кому президент именно прикажет.^a

5

Ко всякому публичному акту имеют приготовиться два академика из разных классов наук, но чтоб и в том не было замешательства, кому наперед приготовиться, старшинство наблюдаться должно.

6^b

Публичный акт более двух^b часов продолжаться не должен.

7

В публичных собраниях сидеть академикам тем же порядком, как и в частных.

^a На полях рукой Ломоносова приписано У кого есть новое изобретение приличное.

^b Против параграфов 1, 3, 5 и 6 рукой Ломоносова поставлено на полях по кресту.

^b двух вписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого грех.

8

Речи или сочинения, к публичному акту приготовленные, прежде акта должны быть напечатаны, хотя сие и не совсем нужно.^а

9

В публичное собрание позволяется войти всякому, чин имеющему или в науках упражняющемуся человеку.^б

Глава VII

О задачах и награждениях

1

Понеже науки процветают побуждением ученых людей, того ради предлагать ежегодно ученому свету по одной задаче с награждением ста червонцев или в оную цену золотой медали тому, чье решение Академия признает за достойное.

2

Задачи предлагать при публичных актах, которые будут отправляться с начала каждого года, генваря втораго дня впредь на восемь месяцев, чего ради имеющие трудиться в решении оных за положенное награждение должны присылать свои сочинения к первому числу ноября;^в а по прошествии сего срока не примутся.

^а хотя сие и не совсем нужно *приписано рукой Ломоносова.*

^б чин имеющему... человеку *приписано рукой Ломоносова.*

^в к первому числу ноября *вписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого им в сентябре месяце.*

3

К решению предлагаемых от Академии задач приглашается всяк, выключая академиков, орд[инарных], экст[раординарных] и адъюнктов.^а

4^б

Задачи оные должно предлагать по классам наук попеременно: раз из математического класса, раз из физического и раз из философического.

5

Всяк свое решение должен адресовать прямо в Академию с надписью по обыкновению и приобщением особого письма с объявлением своего имени, которое откроется по удостоении сочинения к награждению.

6

Как сии пакеты, так и другие, адресованные в Академию, должен принимать секретарь Академии и распечатывать в собрании, а вне собрания отнюд не распечатывать.^в

408

1764 МАЯ 21—СЕНТЯБРЯ 10. ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ОБ УСТРОИ-
СТВЕ И УСТАВЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ

Idea status et legum Academiae Petropolitanae

§ 1

Academiae scientiarum Petropolitanae bene constituendae
atque rite instaurandae rationem ineuntes pervidere oportet,

^а орд[инарных], экст[раординарных] и адъюнктов *приписано рукой Ломоносова.*

^б Против параграфов 1—4 рукой Ломоносова на полях поставлено по кресту.

^в Против параграфов 5 и 6 рукой Ломоносова приписано на полях NB Штрафы взять из описания Милле[ровых] и Т[аубертовых] поступков Епин[ус]. Рум[овский].¹

quemadmodum in omnibus rebus gravioribus bonoque publico ex voto successuris requiritur, ut firmissimis fundamentis positis totum systema tantae molis superstruant. Alias enim omnia lubrica et incerta nutabunt, imo nondum absoluto opere ruinam minabuntur. Istius modi fundamenta continentur in sequentibus capitulis.

1. Statum et leges academicas condendo, curandum est ut omnia manere possint inconcussa per saecula quocunque tempore et circumstantiis durabilia. Hinc cavenda et expungenda sunt ea, quae in praeterito et praesenti statu Academiae bonis successibus noxia scientiarum per experientiam cognita habentur.

2. Ante oculos habenda sunt statuta exterarum Academicarum, quae jam per plurimos annos florentissimo statu vigent, tanquam optima exempla, atque quidquid commodum et fructuosum est, in usum nostrae adaptandum, exclusis eis, quae cum reliquis imperii Russiaci statutis minus consentiunt.

3. Pervidendum est ut Academicorum reliquorumque eruditorum et discentium numerus ponatur fixus, sufficiens, nec tamen sumptibus pro Academia destinatis onerosus; promovendis scientiarum progressibus idoneus.

4. Ubique in distribuendis officiis et condendis legibus interponendus est inter socios superiores et subalternos continuus nexus, ut singuli singulis, quantum fieri potest, sint quodammodo necessarii, quo factum erit, ut et pares praesertim proceres Academici vivant in amico consortio, exerceant in subalternos legitimam potestatem: hi vero debito modo morem illis gerant. Id vero ultra optimos scientiarum successus, quam plurimum potest ad conciliandam gratiam et auctoritatem Academiae in republica.

5. Ut bonorum probitas atque diligentia sua habeat praemia, malorum vero cohibeatur perversitas atque desidia excutiatur,

necesse est^a ut legibus convenientibus haec inhi-beantur, illa praemiis afficiantur.

6. Inter distribuenda munera, sive officia Academicorum, praesertim vero inter classes atque (departament) servanda est proportionalis aequalitas, ne plus operae atque sumptuum adhibeatur eo in loco ubi minus requiritur, et contra ubi plus requiritur minus adhibeatur. Alias enim status Academicus non absimilis erit morbosio corpori, inaequali partium nutritione deformato.

7. Cum in hoc praeclaro instituto summa rerum in scientiarum cultu earumque progressibus unice promovendis consistat, sollicite praecavendum est, ne conjuncta seu admixta externa et ad forum academicum minime pertinentia, ea in quibus cardo scientiarum vertitur, quodammodo retardent, obscurant, aut prorsus suffocata extinguant.

8. Disposito rite statu Academico legibusque sancitis oportet omnia rigoroso examini exposita expendere, ne sensus alicubi ambiguus varias adversas sibi ideas et expositiones admittat.

§ 2

Positis ante oculos hisce principiis considerandus venit status praesens totius corporis Academici, et quidem primo partes illius principales, ut sunt:

1. Collegium professorum et adjunctorum qui constituunt Academiam scientiarum proprie sic dictam.

2. Universitas, quae consistit ex professoribus docentibus^b et auditoribus, sive ex professoribus et studiosis.

3. Gymnasium ex praeceptoribus et discipulis conflatum.

4. Bibliotheca et Technophylacium.

^a Зачеркнуто ut pro ratione meritorum praemia, pro re nata vero admissorum poenae et cautelae constituentur.

^b Вместо зачеркнутого <doct> lectoribus.

5. Academia artium, ut vocant, quae constat ex quibusdam artificibus et discipulis, quo etiam varia officia spectant.
6. Typographium et bibliopolium.
7. Camera geographica.
8. Laboratorium mechanicum sic dictum.
9. Expeditio novorum publicorum.
10. Opificina pro compingendis libris.
11. Cancellaria Academica, omnium horum summum tribunal.

§ 3

Perspectis his et sollicite perpensis et inter se collatis patet: 1) corpus Academicum parum convenire cum constitutione aliarum celebrium in Europa Academiarum, quod pugnat cum principio secundo. 2) Admixtis et admissis in idem corpus eruditorum hominibus alieni fori, imo idiotis, quorum animi prorsus in alias res quam ad scientiarum progressum intenti sunt, non aliud quid expectandum esse potest, quam invidia, rixae, odia, ea vero quantum degenerant omnia ab eo, quod principio quarto praescribitur. 3) Ea, quae ad captum vulgi sunt, magis arrident, majori attentione considerantur, quam quae altioris sunt indaginis. Unde omnia quae scientiis apponuntur plebi plausibilia, re tamen vera parum illis cognata sunt, ipsarum scientiarum dignitatem infringunt.^a Haec singula cum re ipsa experta sit Academia scientiarum, alienis et peregrinis rebus oppressa et prope suffocata; resecanda et removenda ergo sunt ab ejus consortio omnia, quae commodis et profectibus scientiarum obstant; reliqua rite et congrue disponenda.

^a *Зачеркнуто* Unde fit, ut chalcographicae imagines, sigilla lapillis incisa, librorum splendida externa forma et similia majoris habentur, quam vel optimi academicorum ingeniorum foetus, quo principium septimum summe offenditur.

§ 4

Academia scientiarum, Universitas, Gymnasium, Bibliotheca et Technophylacium ad scientiarum forum spectant, imo amico junguntur consortio; item Camera geographica et Laboratorium mechanicum ad professiones ejusdem nominis non minus pertinent, quam Observatorium astronomicum, Theatrum anatomicum, Laboratorium chymicum, Hortus botanicus, Camera instrumentorum physicorum ad astronomiam, anatomiam, chymiam, botanicam et physicam. Quam ob rem non solum simul consistere haec omnia et in unum corpus commode conflari, verum etiam cum fructu mutuae operae copulari et instaurari possunt et debent. Et quamvis universitates plerumque ab Academiis scientiarum seorsim constitutas videamus, hoc tamen divortium non a differentia rerum tractandarum, verum potissime a diversitate locorum, et majore numero universitatum proficiscitur.^a Etenim ubi locus et opportunitas concedit, exempla exstant plausibilia ubi Academici obeunt professorum in universitatibus munera ut fit Parisiis et Göttingiae.

§ 5

Reliquae moderni status Academici partes, nempe: Academia artium sic dicta, cum opificiis, typographeum, bibliopolium, novorum publicorum expeditio, opificina pro libris compingendis sunt prorsus a corpore scientifico removendae, singulae ob rationes proprias.

1) Vera Academia artium cum per se sit operosissima atque singularem requirit curam^b societatem ad tot diversas res sub diverso regimine et inspectione tractandas; idcirco ne scientiarum cura deroget operae artibus navandae aut reciproce: sepa-

^a *Зачеркнуто* Quippe ut facilius est cognita discentibus proponere, quam incognita explorare, ita quoque major copia docentium exstitit, quam novis inventis scientias augmentium.

^b curam, *повидимому, случайно осталось незачеркнутым.*

7 Ломоносов, т. X

randa omnino videtur a corpore Academico artium tractatio; praesertim cum in hac eadem urbe, alia instaurata sit Academia artium, multis parasangis antecellens illi, quae apud nos nomine potius, quam re ipsa gaudet. Optime artibus consultum esset, si utraque consolidata in unam, conjuncta opera officio suo incumberet. Hoc quoque conveniret cum optimis exemplis exterarum regionum.

2) Impressio et venditio librorum ad constituendam Academiam non plus confert, quam fabrica, ubi charta conficitur, pariter necessaria ad faciendas juris publici eruditorum lucubrationes, ac typographeum aut taberna libraria. Nec exempla produci possunt ubi celebris aliqua Academia scientiarum aut universitas librariorum victui infensa lucrum eorum praecripiat.^a

3) Quid Musis cum vili lucello, quod ex editis novis publicis acquiritur cum detrimento veri quaestus in scientiarum successibus? Junctum hoc negotiolum cum impressione aliarum rerum quoties turbavit et impedivit litterarum progressus? Etenim cancellaria apud quam hucusque est summa rerum academicarum, quoties coacta erat, posthabitis scientificis omnes attentionis vires consumere in accurandis eis, quae a Summo Senatu, ex Collegio rerum exterarum et reliquis tribunalibus^b mittuntur in Academiam in varias linguas transferenda, praelo subjicienda et publica distribuenda etc., quae quidem per se bona et necessaria sunt, Academiae tamen onerosa, imo vero non raro probrosa sunt. Si in versionibus, si in eligendis novorum articulis

^a *Зачеркнуто* Imo vero illustris Berolinensis quamvis sumptibus regiis destituta lucubrationibus suis sustentetur, caret tamen proprio typographeo et bibliopolio, eo contenta, quod typographi pro ejusmodi operibus solvere solent. Nosne igitur, qui tanta munificentia principum fruimur, quaestui magis quam litteris intenti et mercatorum negotiis implicati, vero nostro muneri obeundo surripi pretiosissimum tempus patiemur? *На полях против этого отрывка рукой Ломоносова написано* Haec superflua videntur Fischero, Braunio, Kotelnikovio.

^b *Зачеркнуто* imo vero ab ipsis Augustis.

aliquid committitur, plerique enim scientiarum dignitatis non bene gnari, ipsis imputare solent, quod ab illarum foro prorsus alienum est.

4) Vile denique illud opificiolum compingendi libros versatur inter Musarum subsellia; imo vero plerosque magis externa librorum facies afficit, quam ipse litterarum decus. Hoc abusi sunt quidam jactando et laudibus efferendo potius compactores librorum, quam eorundem auctores; ostentantes ipsorum cura artem istam in Academia fastigium perfectionis attigisse: de praerogativis litterarum pisces sunt. Et haec perversitas eoque progredi ausa est, ut compactori librorum commodum domicilium in aedibus academicis datum sit, despectis proh dedecus! — et posthabitis scientiarum maxime necessariis partibus, cujusmodi est physica experimentalis, ad quam exercendam ad juventutem in scientia naturali instituendam necessaria instrumenta per tot annos locum non invenerint, ubi tuto conservarentur, non dico ordine disponerentur, adhiberenturque in usus optimos.

Pauca ex infinitis incommodis haec monita sufficiunt, ut inde persuasum habeamus scientiarum progressus, dignitatem et tranquillitatem stare non posse, nisi memorata impedimenta ab illis removeantur et pura litterarum studia in optimum consortium unita atque rite adornata, disposita, stabilita jugi libertate et felicitate fruantur.^a

§ 6

Venimus jam ad summum tribunal Academiae, quod nunc in praesidem et cancellariam collatum est. Hoc cum maximi sit momenti, in quo cardo rerum academicarum vertitur, perspicendi sunt primo hujusmodi regiminis effectus, quos experta

^a *Зачеркнуто* Id autem sequenti ratione expediri posse non dubitatur.

est Academia; deinde considerata sunt exempla exterarum Academicarum; denique videndum est, quid hac de re sit statuendum.

Effectus, quos vera et stricte sic dicta Academia, sive eruditorum patres et cives, non sine dolore experti sunt, hi animis eorum insident.

1) Cancellaria ab initio semidoctis (quod etiam — pro dolor — legibus confirmatum est) constabat qui in doctissimos jus exercebant, et quod maxime pudendum est, idiotae cancellariae secretarii, qui ruditer russiaco stilo uti possunt, votum et sessionem in hoc tribunali affectare audent. Quo perventum est eo, ut quamvis in posterum ex Academicorum numero iudices ibidem constituti sint, nihilominus tamen pars contraria praevalet maximo damno scientiarum.^a

2)^b Iidem nullam occasionem praetermiserunt auctoritatem suam atque otium litterarium professorum rumoribus urbis antepositum suum in commodum convertere, Aulam et domos illustres circumvolitando umbrasque scientiarum pro scientiis ipsis venditando et obtrudendo, nempe imagines chalcographice expres-

^a *Зачеркнуто* Nihil autem tam absonum esse potest, quam ubi praecipitur faciendum id, quod a praecipiente ipso non intelligitur. Ejusmodi exemplo cancellaria Academiae triginta circiter annis innotuit, cum semidocti praestites et idiotae subalterni administri eruditissimis fuerint onerosi, infensi, injurii.

2) Notum est quam damnosa res sit imperium in imperio. Nempe ubi subalterni etiam jus habent exercendi judicia independentia a praepositis, ut fit in conventibus Academicis, quorum pronunciata aequi bonique consulere debet ignorantia cancellariae; quid enim boni expectari potest inde, ubi altera pars potest, sed non videt, altera pervidet, sed non potest, quo utriusque voluntas labefactatur, successus retardantur, imo vero prorsus pracluduntur?

3) Non solum cancellariae semidocti praestites, imo etiam inferioris conditionis administri auctoritate et absentia praesidum abusi non parum eruditorum Collegio nocuerunt.

^b 2 написано вместо зачеркнутого 4.

sas, sigilla lapillis incisa, libros concinne compactos, thermometra et barometra, horologia solaria, et alios ejusmodi alieni laboris et ingenii foetus sumptibus academicis fabrefactos dono offerentes, seque ipsos nunc litteratos de meliore nota commendantes.

4) Cum scientiarum splendore et meritis se cum Academicis aequari, nondum eos antecellere posse, sentiant et sunt tamen praestites, aliam viam ad praerogativam sibi acquirendam ingrediuntur. Cognitis enim eruditibus eorum controversiis, quae alias amice componi solent, in usus suos illas convertunt; nempe hostiles utrique parti inspirant animos; juniores praesertim irritant contra seniores; excitant rixas et querelas; indeque occasione arrepta, rumores spargunt, musis noxios, eos damnando potius qui meritis suis illorum arrogantiae obstare magis videntur seque prorsus necessarios ad quietem in Academia servandam praedicant.

6) Non commemoro, quid tarda, saepius etiam recusata cum despectu salarii numeratio pro Academicis, quid defectus librorum et instrumentorum scientiis promovendis necessariorum aliaque offensiones conventui Academico factae a cancellaria damni intulerunt. Quo factum est, ut in externas usque regiones, oculatis testibus, nempe tot ejectis injuria membris fama divulgavit ejusmodi eruditorum hic conditionem. Neque mirum equidem esse potest, non solum indigenarum neminem virum honestiorem liberos suos in Academiam nostram erudiendos tradere velle; verum etiam exteri eruditorum vocati in numerum Academicorum amplissimo salario oblato, Petropolim idcirco adire recusant.

Cum autem exempla Academiarum in reliqua Europa florentium intuemur, aliam prorsus invenimus rerum faciem. Quandoquidem ipsemet Academicorum coetus sibi iudex. Nemo arbiter ex foro alieno admittitur ad dirimendas eruditas disceptationes ex semidoctis. Non ad januam cancellariae exspectant permissionem ingrediendi ut id, quod quaerant, obtineant. Non supplices professores exspectant numerationem salarii ab idiotis alto superci-

lio illos contuentibus, et repulsam intentantibus; non denique res] peregrinae, a Musarum consortio alienae, turbant eorum tranquillitatem. Nonne igitur manifestum est cancellariam Academiae scientiarum esse non solum supervacaneam, verum etiam onerosam; atque adeo a genuina scientiarum sede abrogandam; tota denique auctoritas atque potestas rerum in reliquis partibus illius gerendarum in conventum professorum conferenda, moderatore praeside Academiae, cui primaria sedes in hoc reverendo coetu figenda est. Majorem curam cancellariae in res a Musis abhorrentes adhibitam, quam in ipsa Musarum commoda clarissime omnium ostendunt profusius adhibiti sumptus ex aerario Academico contra leges Academicas ipsamque aequitatem.

§ 7

Remotis ab consortio Academiae notatis partibus illius Academia constituenda est ex sufficienti eruditorum numero, qui jam in excolendis scientiis eos fecerunt progressus, ut non solum cognita discentibus communicare, verum etiam quae nondum patent, scrutari et eruere valeant. Numerus autem virorum litteris consecratorum qui sine defectu atque excessu, omnium scientiarum et doctrinarum pensa aequali ratione perficiant, hic statui potest, in tres classes divisus, nempe in mathematicam, physicam et historicam, quarum primam geometra, astronomus, geographus et mechanicus; alteram physicus, chymicus, anatomicus et botanicus; tertiam historicus, jurisconsultus, antiquarius atque linguarum orientalium peritus ornabunt. Ad singulas classes accedet Academicus extraordinarius, singulis ordinariis adsociabitur adjunctus. Numerus ergo Academicorum ordinariorum atque extraordinariorum nec non adjunctorum constabit ex septem et viginti capitibus. Notandum vero hic est rei metallicaе peritum semper requiri in chymiae vel historiae naturali addicto, ut physiologum in anatomico vel physico. Philosophum, oratorem, poëtam quemcunque Academicorum,

qui in his studiis majores fecit profectus; singulari premio remunerandi, non secus ac secretarius academicus, oeconomus, bibliothecarius ejusque vicarius ex numero adjunctorum.

Praeter praesentium seu actualium membrorum Academiae scientiarum collegium adjumento et ornamento illustris hujus societatis sint, necesse est, membra exterarum regionum honoraria, quorum numerus determinandus non est; sed prout dignitas et merita commendabunt, associentur. Verum qui stipendio academico frui possint sodales exteri decem eligendi sunt, in diversis regionibus, et quidem in Germania et in Gallia bini, in Anglia, Italia, Hispania aut Portugallia, Polonia, vel Suecia, Hollandia, China singuli.

Insuper correspondentium ut nunc usu venit, numerus determinandus non est, sed pro commoditate commercii litterarii ipsorumque navitate eligi possunt, portatorio litterarum immunes, quod ex aerario Academico numerandum erit.

His igitur capitibus scientiarum Academia amplificata atque ornata non nomine duntaxat, verum etiam inclytis factis et vera utilitate publica illustre nomen per orbem universum merebitur ad gloriam Russiaci imperii ejusque Autocratorum concessurum.

§ 8

Universitas Petropolitana, amica imo germana soror scientiarum Academiae in unum corpus atque animam conflata, communi consensu usumfructum Patriae latura ita instauranda censetur.

Ad evitandam entium multiplicationem sine necessitate, ad minuendos sumptus, ad augenda Academicorum salaria et excitandum eruditorum studium, eligendi et constituendi sunt professores in Universitate ex Academicorum coetu, qui studiosam juventutem praelectionibus publicis atque privatis instituant; ipsi,

ut moris est, in facultates distributi. Equidem non incongruum foret, si quae in Academia scientiarum classium nomine gaudent, ratione universitatis facultatum titulo ornentur; sed cum in omnibus universitatibus usu receptum sit facultates secundum status reipublicae distribuendi, idcirco et hic reservata facultate theologica sanctissimae Synodo, quae in illius gymnasiis sola tractari solet, in statu seculari pro exercendis judiciis et pro iure cuique tribuendo instauranda est facultas juridica. Pro conservanda et tuenda hominum valitudine constituenda est facultas medica. Ad promovendam prosperitatem publicam et procuranda varia vitae commoda adornanda est facultas philosophica. In juridica facultate exhibendae sunt lectiones: 1) historicae ad cognoscenda jura humana, quae alias ad philosophicam facultatem perperam referri sole[n]t; 2) Philosophiae practicae, 3) Politicae, 4) Juris publici et privati, 5) Jus Rossiacum. In facultate medica praelegenda est: 1. Anatomia cum physiologia, 2) Chymia, 3) Botanica, 4) Medicina practica. In philosophica facultate instituendi sunt auditores: 1) in utraque eloquentia, 2) praelegendus cursus universae philosophiae, 3) item matheseos, 4) proponenda est physica experimentalis et dogmatica, 5) mechanica, 6) astronomia. Academici et adjuncti qui lectionibus proponendis incumbunt afficiendi sunt aucto salario, praeter id, quo ut Academici vel adjuncti fuuntur.

Habenaе dirigendae Universitatis tradendae sunt Prorectori quotannis e numero professorum eligendo, qui pro hac singulari cura honorandus est insigniori augmento salarii super ordinarium. De ejus electione, ordinatione atque honoribus dicitur, ubi de legibus et statutis academicis sermo erit.

Studiosorum numerus qui sponte Universitatem Petropolitnam studiorum gratia adituri sunt, quamvis non adeo infrequens sperari posset, si inauguratio cum solenni declaratione beneficiorum, privilegiorum et immunitatum, quae Augusta Universitati concesserit, ex votis nostris eveniret; spem insuper auget urbis magnificentia, aulae majestas, emporii frequentia, portus commoditas, docentium denique fama, quae omnia ab exteris etiam

regionibus confluum studiosae iuventutis pollicentur. Verum ut laudabile exemplum aliarum universitatum imitemur, ubi munificentia principum studiosi litterarum iuvenes aluntur, non possumus numerum aliquem non ponere, qui sumptibus academicis sustentati unice lectionibus professorum auscultandis et scientiis excolendis incumbant. Quamvis autem pro amplitudine imperii, pro paucitate universitatum coetus studiosorum ex publicis sumptibus alendorum ad aliquot centa extendi augeri deberet; non tamen aerarium academicum id feret, satisfactum ergo primis initiis erit, si quadraginta capita studiosorum constituentur.

§ 9

Universitatis nutrix seu penu atque promptuarium est Gymnasium academicum. In hoc alenda est tenerior aetas disciplinisque scholasticis imbuenda, ut idonea evadat sublimioribus in Universitate studiis capiendis. Duplicatus minimum numerus requiritur ratione studiosorum ejusmodi juvenulorum; scilicet octogenarius, qui impensis academicis sustentabitur. Nec deerunt, ut et fit, quibus parentum cura et sumptibus prospicietur.

Classes studiorum scholasticorum dividantur ut nunc sunt in ordinarias et extraordinarias. Priores sunt prorsus necessariae nec iis praetermissis Universitatem attingere nemo potest. Posteriores eae censentur, quae quidem utiles sunt; illas tamen praeterire possunt, qui vel annis proveciores vel ingenio tardiores sunt; fecerunt tamen non contemnendos profectus in scholis ordinariis, ubi lingua latina docetur, rossica excolitur, matheos et philosophiae prima principia traduntur. Scholae, quae extra ordinem ponuntur, sunt linguae graecae, germanicae, gallicae.

Scholae ordinariae in tres classes dispertuntur, in infimam, mediam atque superiorem; extraordinariae in duas, praeter graecam, cui unica classis sufficere videtur. En tabulam omnium scholarum et classium:

	Scholae ordinariae		
	Scholae Rossiacaе	Scholae Latinae	Scholae primorum princ. ph. et m.
Class. superior.	Styli cultura in prosa et ligata et interpretandi exercitium.	Styli latini cul- tura utraque oratione.	Logicae regulae traduntur.
Media	Regulae gramm. et rhetoricae.	Regularum gramm. absol- lut. et aucto- rum exposi- tio.	Geometria et geographia docetur.
Infima	Prompte et recte legendi et scri- bendi exercitium.	Rudimenta lin- guae latinae.	Operationes arithmeticae discuntur.

Pro numero scholarum et classium constituendi sunt 14 quatuordecem praeceptores, quorum 1 erit superioris classis latinae et rector Gymnasii, secundus et tertius superiorum classium rossicae linguae et logices praeceptor, quorum alteruter conrectoris munere fungetur. Reliquorum officia patent ex ipsa tabula.

§ 10

Sequuntur Bibliotheca et Technophylacium, item Camera geographica et Laboratorium mechanicum hic recensenda, quorum cura quoniam Academicis demandanda traditur (§), inferiorum

Scholae extraordinariae			
Schol. Gr.	Sch. Germ.	Sch. Gall.	
Graecae linguae fit institutio, postea in Universitate apud professorem ^a proprio Mar. cui lubet excolendae.	Stylus et versio germanica tractatur.	Stylus et versiones.	Class. sup.
	Regulae gramm. german. traduntur.	Regulae gramm.	infer.

autem officiorum status facile exhiberi potest in tabula.^b Tandem in plerisque Academiis exterarum regionum quamvis vicepraesides constitui non soleant, in Berolinensi tamen directores eorum munere funguntur, et titulo solum discrepantes auctoritate vicepraesidis pollent. Imo vero universitates (quae etiam Academiarum nomine ornantur) rectoribus et prorektoribus constitutis diriguntur, collegia hujus imperii praesidibus et viceprae-

^a Зачеркнуто antiquitatum seu linguarum orientalium <excolendae>.

^b Зачеркнуто и затем пунктиром восстановлено начало недописанной фразы: Idcirco missis his in considerationem

sidibus ex asse referunt. Insuper cum praesides Academiae hucusque fuerint magnates et aulici, qui plerumque summo imperante stipando, aut aliis officiis incumbendo rebus academicis unice vacare non possint; idcirco vel eorum absentia, vel aliena a scientificis occupatio saepissime requirit, ut auctoritate praesidis vicaria hocce collegium temperaturus constituatur ex numero seniorum Academicorum, qui et varias scientias callet et meritis in patria et in orbe litterario clarus est.

§ 11

In statu qui ante aliquot hinc annos Academiae datus est, non bene consultum est progressibus scientiarum, nomini denique et famae Academicorum ipsiusque praesidis. Quippe (§) gradus centurionis, isque in perpetuum Academicis assignatus et fixus est, adjunctis et inferioris conditionis administris nullus. Hoc autem effectum est: 1) ut professores, annis et meritis graves, in publicis consessibus postponantur assessoribus non collegiorum tantum, verum etiam subalterni generis cancellariorum; in privatis autem conversationibus ab iisdem contemni soleant. Unde abjectus animus non libere potest per Musarum sacraria expaciari, atque ea quae ad utilitatem et recreationem mortalium faciunt, facile in lucem et diem proferre. 2) Optimis litterarum studiis initiantur plerumque pueri plebeji, nobilioribus hoc retrectantibus. Positis enim ante oculos laboribus et lucubrationibus tot annorum considerataque meta ad quam tam immenso labore enitendum est, nempe gradu centurionis, perhorrescant necesse est, et brevioram viam quaerant, qua officia et gradus nobiliores attingere queant, [quam] quae in Academia sperari possint.

Denique qui honoribus et auctoritate praeeminentes reliquis in collegio aliquo praesunt, eo illustriores censentur, quo subalterni eorum nobiliore gradu dignitatis sunt spectabiles, et contra. Praesidis igitur claritas non parum vilescit a humili conditione Academicorum, ut lautum caput gracili corpusculo superpositum.

Summe igitur necessarium est ut professores, adjuncti et reliqui inferioris conditionis administri in Academia ad exemplum reliquorum collegiorum constitutis convenientibus honorum gradibus ornati, debitam sibi auctoritatem in republica nanciscantur, et alacrioribus animis sua munera obeant.^a

Tituli	Munera	Gradus dignitatis	Salarium
Praeses.	Regimen corporis Academici ad exemplum collegiorum.	Non minor quam generalis ut vocant majoris.	Ut nunc ab Augusta constitutum est in univ. sum 2200.
Vicepraeses.	Auctoritas secunda post praesidem, ut in reliquis collegiis.	Non minor quam Brigadierii.	Ut nunc ab Augusta statutum est 1875.
Duodecim Academici ordinarii.	Fungentur munere Academicorum et professorum Universitatis.	Subtribuni legionis, pro meritis ulterius progressuri.	860 rubellorum.
Tres academici extraordinarii	Simili munere functuri.	Legati legionis.	660 rub.
Duodecim adjuncti Acad.	Membra Academiae secundi ordinis etiam ad lectiones in Universitate admittendi.	Centurionis.	360 rub.

^a *Зачеркнуто* Horum omnium nec non inferioris conditionis administorum tituli, munera, gradus dignitatis et salaria in apposita hic tabula exhibentur spectanda.

Tituli	Munera	Gradus dignitatis	Salarium
Rector Universitatis.	Lectiones, disputationes, promotiones diriget etc. Videndae leges Un.	Ex numero Academicorum ordinariorum.	400 rub. augm.
Secretarius conventus Acad.	Diarium actorum in Academia curabit et commercium litt. Vide statuta.	Ex numero Acad. ord. ^a	300 rub. augm.
Bibliothecarius.	Librorum et rerum natur. et artificial. curam geret.	Ex num. Acad. ord. ^b	300 rub. augm.
Inspector Gymnasii.	Juventutis gymnasicae studia et mores diriget.	Ex numero Acad. ord. sive extraord.	200 rub. augm.
Oeconomus.	Aerario academico praepositus sumptuum rationem habeat.	Ex numero ord. sive extraord.	200 rub. augm.
10 Membra honoraria cum stipendio.	Heurematis et consiliis suis Academiae operam ferendo.	—	2000 rub.
Rector Gymn.	In classe latina superiore informatio; cura correctae informationis in lingua latina, secundaria post inspectorem.	Centurionis	400 rub.

^a Зачеркнуто sive extraord.^b Зачеркнуто aut extraord.

Tituli	Munera	Gradus dignitatis	Salarium
Conrector.	Classis superioris rossiacae vel phylosophicae et inferiorum cura.	Subcenturionis primarii.	360 rub.
Mediarum classium scholarum ordinarium item superiorum lingu. germ. et gall. nec non graecae praeceptores.	Munere suo singuli fungentur juxta leges illis praescriptas.	Subcenturionis secundarii.	300 rub.
Inferiorum classium ord. et. extraord. informatores.	Itidem.	Signiferi.	240 rub.
Sacerdos catechet.	Explicabit Symb. fidei et praecepta divina.	—	150 rub.
Studiosi 40.	Lectiones frequentabunt.	Ex eorum numero, qui velut alumni Academicis privatim inscientia quadam traduntur, signiferi digni evaserint futuri et ultra progressuri.	100 rub.
InGymnasiodiscipuli 80.	Diligentia in discendo, probitas et munditia in conversando.	—	50 rub.

Tituli	Munera	Gradus dignitatis	Salarium
In tabulario Academico notarius sive archivarius.	Pro expediendis et notandis actis Academicis.	Subcenturionis grad.	360 rub.
Scriba primarius.	Adjutor notarii.	—	240 rub.
Duo scribae subalterni rossiacae et latinae scriptio- nis periti.	Pro transcribendis actis Academicis.	—	200 rub.
Tres ejusmodi scribae, qui tantum rossiacae scriptio- nis periti sunt.	Similia munera obituri.	—	120 rub.
In Universitate duo pedelli.	Praeter officia quae in exteris universitatibus injunguntur, notabunt studiosorum rationem vitae.	Signifer.	240 rub.
Scriba.	Ad Universitatis acta scribenda.	—	200 rub.
Subbibliothecarii duo.	Ordinem librorum et rerum curiosarum atque mundiciem servabunt sub auspiciis bibliothecarii.	Ex adjunctis. ^a	300 rub.

^a *Вместо зачеркнутого* <Alter centurionis, alter subcenturionis vel vexilliferi gradu signiferi> subcenturio.

Tituli	Munera	Gradus dignitatis	Salarium
Amanuenses quatuor.	Bibliothecarii et subb. dicto audientes.	—	60 rub.
Scriba.	Ad catalogos scribendos.	—	200 rub.
In Gymnasio pedagogi duo.	Mores et diligentiam juventutis observaturi et admonituri.	—	120 rub. ^a
In Camera geographica tres geodetae.	Ad conficiendas mappas geographicas.	Subcenturiones vexilliferi.	180 rub.
Quinque discipuli.	Discent geographica et juvabunt geodetas.	—	96 ^b rub.
In Officina mechanica mechanicus practicus.	Qui machinas physicas et astronomicas affabre construat.	Subcenturio.	500 rub.
Duo illi subalterni.	In officio juvabunt.	Signiferi.	200 rub.
Quatuor discipuli.	Praxim discent.	—	48 rub.
Laborator apud chymicum.	Praxim ejus ductu instituet.	Signifer.	200 rub.
Hortulanus.	Botanici dicto audiens.	Signifer.	200 rub.

^a Зачеркнуто Custodes duo. Munditiem scholarum curaturi et adventus et egressus informatorum notaturi — 60.

^b Вместо зачеркнутого 80.

Tituli	Munera	Gradus dignitatis	Salarium
Apud anatomicum chirurgus Prosector, studiosus medicinae.	Qui praeter operationes in Theatro anat. curam geret aegrorum in Gymnasio etc.	Subcenturio. Signifer.	360—400 rub.

Aliae expensae academicae

Pro instrumentis astronom.	400
Materies pro geographicis	200
Pro physicis mater.	600
Pro Laborat. Chym.	400
Pro Horto bot. et herbar.	200
Pro Theatr. anat.	100
Pro augenda Biblioth.	1000
Pro lignis, candelis pap. etc.	2000
Pro 60 militibus qui custodes et a pedibus sunt singulis 24 r.	1440
Bcero	6440

Pro lectionibus publicis

Augmentum ordinariis	300
„ extraord.	240
„ adjunctis	180
Bcero	3600

Bcero 51815

NB. 1. Reliqua pecunia pro Academia designata adhibenda est in extraordinarias impensas, exempli gratia in locanda domicilia, ubi academici docentes commode in vicinia Universitatis

possint habitare. Nam autumnales et vernaе praecipue nimbosae tempestates viaeque caenosae maximo impedimento sunt illam addeuntibus, ut non raro lectiones ideo cessare soleant.

2. Academia artium^a cum rebus technicis postquam cum recens instaurata Academia artium fuerit conjuncta, destinatis in hanc amplissimis sumptibus sustentabitur.

3. Typographeum, bibliopolium,^b expeditio novorum publicorum^c et quae isthuc pertinent, suos habebunt redditus, quibus^d abunde sustentari possint. Memores insuper atque grati, quod^e orta et adulta sint sumptibus pro Academia destinatis, non sine illius detrimento.

4. Cancellaria academica, postquam^f abrogata in cassum reciderit, sumptus nullos requiret; administri et scribae superflui per alia tribunalia erunt distribuendi.^g

5. Leges Academicae non condi possunt ante statum ejus probatum,^h quod expectatur.

Перевод

Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии

§ 1

Изыскивая способ доброго установления и правильного устройства Петербургской Академии Наук, как то потребно для вожделенного успеха всех важнейших дел, ко благу общественному направленных, — надлежит уразуметь, каким образом, заложив прочнейшие основания, воздвигнуть на них весь состав толикой громады, ибо иначе все будет в колебании, в скольжении, в шатании и, более того, будет угрожать обвалом здания еще до его завершения. Таковые основания содержатся в нижеследующих пунктах:

^a Зачеркнуто ut nunc est apud nos.

^b Зачеркнуто aequè ac techni[cae]res.

^c Зачеркнуто cum accidentibus.

^d Зачеркнуто cum opima summa inde numer[ata].

^e Зачеркнуто producta et ut.

^f Зачеркнуто fuerit separata et.

^g Зачеркнуто finis.

^h Зачеркнуто et auspicatum.

1. При составлении штата и устава Академии следует позаботиться о том, чтобы все могло пребывать навеки непоколебимым и при всяких обстоятельствах прочным. Поэтому надо остерегаться того и бороться с тем, что и при старом и при нынешнем положении Академии по опыту признано вредным для успеха наук.

2. Надобно иметь перед глазами в качестве превосходных примеров уставы заграничных академий, уже много лет процветающих: тем, что в них есть хорошего и плодотворного, воспользоваться, а то, что не согласуется с остальными установлениями Российской империи, исключить.

3. Нужно установить определенное число академиков, остальных ученых и учащихся достаточное, но не отяготительное для денежных средств, отпускаемых на Академию, и способное обеспечить развитие наук.

4. При распределении должностей и при выработке устава должно установить между старшими и подчиненными сотрудниками постоянную связь, чтобы каждый для каждого, насколько это возможно, был как бы кровно близок. Из этого следует, что равные между собой, особенно же из числа руководящих академиков, будут жить в дружеском общении и проявлять законную власть по отношению к подчиненным, а эти последние будут оказывать им должное повиновение. Это, помимо пользы для превосходного процветания наук, весьма важно и для того, чтобы Академия приобрела у нас в стране любовь и уважение.

5. Дабы честность и прилежание добрых вознаграждались, пороки злонаправных обуздывались, а лень изгонялась, необходимо установить^a соответствующие правила, в силу коих последнее пресекалось бы, а первое вело бы к наградам.

6. При распределении обязанностей, то есть обязанностей академиков, особенно же между классами и департаментами, нужно соблюдать должную соразмерность: не следует тратить больше труда и средств там, где их требуется меньше, и наоборот, где требуется их больше, там нельзя тратить их меньше, иначе Академия будет похожа на больное тело, обезображенное неравномерным питанием частей.

7. Так как все дело сего славного учреждения заключается единственно в занятии науками и в спешествовании развитию их, то всячески надо остерегаться, как бы не присовокупились дела, совсем не относящиеся к академической деятельности, и примешавшись не затемнили бы самой сущности науки, не задержали бы ее развития и не удушили бы ее вовсе.

8. Обсудив должным образом штат Академии и сочинив устав, надо затем еще раз строго их продумать, чтобы не вкралась какая-либо неясность, которая допускала бы превратные домыслы и толкования.

^a Зачеркнуто награды, сообразные заслугам, а также наказания и предупредительные меры, сообразные проступкам.

§ 2

Не упуская из виду вышеизъясненных основных положений, рассмотрим существующее состояние Академического корпуса и прежде всего главных частей его, каковы суть:

1. Собрание профессоров и адъюнктов, которые и представляют собой Академию Наук в собственном смысле слова.
2. Университет, который состоит из преподающих профессоров^а и слушателей, то есть из профессоров и из студентов.
3. Гимназия, состоящая из учителей и учеников.
4. Библиотека и Кунсткамера.
5. Так называемая Академия Художеств, которая состоит из некоторого числа художников и учеников и к которой принадлежат также разные мастерские палаты.
6. Типография и Книжная лавка.
7. Географический департамент.
8. Так называемая Механическая лаборатория.
9. Ведомственная экспедиция.
10. Переплетная мастерская.
11. Академическая канцелярия, имеющая все это в своем высшем ведении.

§ 3

Рассмотрев и тщательно взвесив все изложенное и сопоставив одно с другим, мы видим, что 1) Академический корпус не схож с тем, что установлено в других знаменитых европейских академиях, а это идет в разрез с основным положением вторым;¹ 2) допустив в учено сословие и смешав с ним людей, ему чуждых, более того, даже невежд, помыслы которых устремлены не к развитию наук, а в совершенно другую сторону, мы не можем ожидать ничего, кроме зависти, ссор и озлобления; все это является отступлением от того, что предписано основным положением четвертым;² 3) доступное пониманию толпы улыбается ей больше и пользуется большим ее вниманием, чем то, что требует углубленных изысканий, а потому к унижению достоинства науки ведет все то любезное черни, что, хоть к наукам и присовокуплено, однако вовсе им не родственно.⁶ Все вышеупомянутое испытала на себе Академия Наук: ее гнетут и почти удушают дела, ей не свойственные и чуждые; поэтому от нее нужно отсечь и отбросить прочь все, что препятствует пользе и успехам наук, остальное же следует расположить в должном порядке и в надлежащей взаимосвязи.

^а Вместо зачеркнутого лекторов.

⁶ Зачеркнуто поэтому гравюры на меди, каменные печатки, роскошная внешность книг и т. п. ценятся выше, чем наилучшие плоды академических умов, чем глубоко нарушается основное положение седьмое.

§ 4

Академия Наук, Университет, Гимназия, Библиотека и Кунсткамера одинаково имеют дело с наукой, более того, они связаны между собой тесными узами. Точно так же Географический департамент и Механическая лаборатория не менее связаны с одноименными профессиями, чем Астрономическая обсерватория, Анатомический театр, Химическая лаборатория, Ботанический сад или Физический кабинет с астрономией, анатомией, химией, ботаникой и физикой. Поэтому все это может и должно не только существовать бок о бок и объединяться в составе единой корпорации, но, с выгодой для общего дела, сливать и соединять усилия. Хотя мы и видим, что в большинстве случаев университеты бывают отделены от академий, однако это разобщение вызывается не разностью занятий, а чаще всего удаленностью друг от друга и численным преобладанием университетов.^a Но где условия тому благоприятствуют и где совпадает местоположение, там имеем мы достохвальные примеры исполнения академиками профессорских обязанностей в университетах, как, напр., в Париже и Геттингене.

§ 5

Прочие части Академии, в нынешнем ее устройстве, а именно: так называемая Академия Художеств с мастерскими, Типография, Книжная лавка, Ведомственная экспедиция, Переплетная мастерская — все это должно быть отделено от научной корпорации, и каждое учреждение — по своим причинам.

1) Подлинная Академия Художеств — это учреждение чрезвычайно деятельное и нуждающееся в отдельной коллегии для ведения множества особых дел под особым же руководством и надзором. Поэтому, чтобы искусства не отвлекали от наук и обратно, надо изъять искусства из ведения Академии Наук, тем более, что в этом же городе основана другая Академия Художеств, намного опередившая ту, которая у нас является Академией Художеств скорее по имени, чем по существу. Великая польза произойдет для искусств, если обе Академии Художеств, прочно объединившись в одно целое, совместными усилиями примутся за свое дело. И это соответствовало бы наилучшим иностранным примерам.

2) Печатание и продажа книг нужны для создания Академии не более, чем бумажная фабрика, которая для распространения ученых трудов необходима так же, как типография или книжная лавка. Нельзя указать примера, чтобы какая-нибудь знаменитая академия наук или универси-

^a *Зачеркнуто* Легче преподавать ученикам известное, чем исследовать неизвестное; поэтому и число учащихся больше числа тех, кто новыми открытиями способствует росту науки.

тет, досадуя на книгопродавцев за их доходы, стремилась перехватить их прибыль.^а

3) Что общего у муз с жалким доходом, получаемым от выпуска «Ведомостей» в ущерб истинной прибыли от успеха наук? Сколько раз это предприятие, связанное с печатанием посторонних вещей, мешало развитию науки, нарушая его ход? Ибо сколько раз Канцелярия, в ведении которой до сих пор находятся все академические дела, вынуждена была, пренебрегая нуждами науки, устремлять все свое внимание на работу, связанную с тем, что Правительствующий Сенат, Коллегия иностранных дел и другие учреждения^б посылают в Академию для перевода на разные языки, напечатания и выпуска в свет: все это само по себе и хорошо и необходимо, но обременительно для Академии, — более того, нередко даже и не подобает ей. Если в переводах или в подборе статей для «Ведомостей» оказывается ошибка, то большинство людей, не отдавая себе отчета, что такое наука, винит ее обыкновенно в том, что не имеет к ней никакого отношения.

4) Наконец, жалкая переплетная мастерская оказывается в соседстве с чертогами муз. Для большинства людей внешность книг важнее красоты науки. Некоторые доходят до того, что превозносят и расхваливают переплетчиков больше, чем авторов. Они хвастают, что их заботами это ремесло достигло в Академии величайшего совершенства, а о правах науки молчат, как рыбы. Это извращение дошло до того, что переплетчику дали удобную квартиру в академическом здании, тогда как к необходимейшим отраслям науки, какова, например, экспериментальная физика, относятся, — о позор! — с презрением и не уделяют им должного внимания: приборам, необходимым для научных опытов и для преподавания юношам естественных наук, сколько уж лет не могут приискать место, где бы можно было не то что добропорядочно их расставить и пускать в дело с наибольшей пользою, а хотя бы только держать в сохранности.

Из бесчисленного множества беспорядков достаточно помянуть только эти, чтобы убедиться в том, что не может быть и речи о развитии науки, о соблюдении ее покоя и достоинства, пока упомянутые препятствия не

^а *Зачеркнуто* Правда, славная Берлинская академия, не получая королевской субсидии, содержит себя сама на доход от своих ученых трудов, однако собственной типографии и книжной лавки не имеет и довольствуется тем, что издатели обычно выплачивают за такие труды. Нам ли, пользующимся толикими щедротами государей наших, печься больше о наживе, чем о науках, и предаваться купеческим занятиям, тратя на это драгоценное время и отвлекаясь от своих прямых обязанностей? *На полях против этого отрывка написано рукой Ломоносова* Фишеру, Брауну, Котельникову это представляется излишним.

^б *Зачеркнуто* и даже сами государи.

будут устранены, пока научная работа, не засоренная ничем посторонним, выполняемая объединенными дружными усилиями, должным образом распределенная, оснащенная и поставленная, не будет освобождена от ярма и обеспечена нужными средствами.^а

§ 6

Переходим к высшей власти, предоставленной ныне в Академии президенту и Канцелярии. Так как эта статья особенно важная, составляющая ось вращения всех академических дел, то надо прежде всего установить, что претерпела Академия в итоге вышеупомянутого способа управления, затем ознакомиться с примером иноземных академий и, наконец, подумать, какие решения следует принять по данному вопросу.

Из всего того, что небезболезненно испытала собственно Академия в узком смысле этого слова, то есть сенаторы и граждане республики ученых, им особенно запомнилось следующее.

Канцелярия с самого начала состояла из людей полуобразованных (это, увы, утверждено уставом), которые распоряжались людьми учеными. Особенно позорно то, что невежественные делопроизводители Канцелярии, едва умеющие писать по-русски, дерзают притязать на право голоса в заседаниях этого учреждения. Это повело к тому, что хотя позднее члены стали назначаться туда из числа академиков, однако к великому ущербу науки противная сторона оказывается все же сильнее.^б

Ходя по дворцу и в знатные дома, выхваляя и подсовывая взамен самой науки ее призрак, раздаривая гравюры, каменные печатки, изящно

^а *Зачеркнуто* Это несомненно может быть достигнуто следующим образом.

^б *Зачеркнуто* Не может быть ничего более нелепого, чем предписывать то, чего сам не понимаешь; Академическая канцелярия почти тридцать лет была общезвестным примером такого именно положения: полуобразованные начальники и неучи-подчиненные были обузой для ученых, враждовали с ними и оскорбляли их.

2) Известно, сколь вредно государство в государстве. Когда наряду с начальством и независимо от него имеют право вершить суд и расправу также и подчиненные, как это имеет место в Академическом собрании, которое, принимая решения, вынуждено испрашивать одобрение невежественной Канцелярии, — то можно ли ожидать чего доброго там, где одна сторона имеет власть, но слепа, другая же весьма прозорлива, но бессильна, из-за чего воля обеих сторон слабеет, успехи замедляются, а то и преграждаются вовсе?

3) Не только полуобразованные начальники Канцелярии но и низшего звания служащие, злоупотребляя властью президентов и пользуясь их отлучками, нанесли немало вреда Собранию ученых.

переплетенные книги, термометры и барометры, солнечные часы и прочие произведения чужого труда и дарования, изготовленные на академические средства, и выдавая себя за ученых, они не упустили ни одного случая использовать в своих выгодах и свою власть и то обстоятельство, что профессоры, отдаваясь научным занятиям, чуждаются светских толков.

Понимая, что в смысле ученой славы и заслуг они не могут равняться с академиками, а тем более превзойти их, и являясь в то же время их начальством, они стремятся придать себе вес другим путем. Зная о возникающих среди академиков ученых спорах, которые при других условиях обычно дружески улаживаются, они из этих споров извлекают выгоду: разжигают взаимную вражду и в особенности восстанавливают младших против старших; раздувают споры и ссоры; ищут случая, чтобы распустить слухи, вредные для муз, и оговаривают чаще всего тех, кто в силу своих заслуг представляется им наиболее способным противостоять их наглости, а себя выдают за людей, безусловно необходимых для поддержания спокойствия в Академии.

Не буду говорить, сколько вреда нанесли задержки в выплате жалованья академикам, а зачастую даже и пренебрежительный отказ в его выдаче, недостаток книг и необходимых для развития науки приборов, также и прочие неприятности, причиненные Канцелярией Академическому собранию. Оттого-то очевидцами, членами Академии, выжитыми из нее путем обид, и разнесена была даже по чужим странам дурная молва о положении наших ученых. Нельзя удивляться после этого, что не только у нас ни один порядочный человек не желает отдать своих детей в Академию на выучку, но и чужестранные ученые, приглашенные в Академию, отказываются ехать в Петербург, несмотря на предлагаемое им крупное жалованье.

Знакомясь с образом действий других европейских академий, мы видим совсем иную картину. Там собрание академиков само себе судья. Никакой посторонний, полуобразованный посредник не допускается до разбора ученых споров. Приходя за получением просимого, не дожидаются у канцелярского порога разрешения войти. Профессоры не ждут выплаты жалованья и не вымаливают его у невежд, которые поглядывают на них свысока и пугают отказом. Их покоя не нарушают, наконец, сторонние дела, чуждые содружеству муз. Не очевидно ли, что Канцелярия не только не нужна Академии Наук, но и отягощает ее, а потому должна быть изринута из подлинного дома науки. Вся власть и управление всеми частями должны быть переданы Профессорскому собранию, состоящему под председательством президента Академии, которому в этом почтенном сообществе должно быть отведено первое место. Беспорядочное расходование средств из академической кассы в нарушение академического устава и без малейшей справедливости служит ясным доказательством того, что о делах, не имеющих ничего общего с музами, Канцелярия заботилась больше, чем о прямой пользе муз.

§ 7

Изъяв из состава Академии указанные ее части, нужно устроить ее так, чтобы в нее входило достаточное число ученых, которые в своей научной работе уже настолько продвинулись вперед, что могли бы не только сообщать учащимся известное, но исследовать и открывать то, что еще неизвестно. Число мужей науки, достаточное для того, чтобы, без перевеса или отставания в какой-либо области, выполнять задания по всем наукам равномерно, можно установить следующим образом, разделив академиком на три класса: ³ математический, физический и исторический. Первый будет иметь в своем составе математика, астронома, географа и механика; второй — физика, химика, анатома и ботаника; третий — историка, юриста, знатока древностей и знатока восточных языков. В каждом классе будет по одному экстраординарному академику; а при каждом ординарном академике будет по одному адъюнкту. Таким образом, академиком ординарных и экстраординарных, а также адъюнктов будет всего 27 человек. Заметим, что знание металлургии всегда должно требоваться от химика или естествоведа, а физиологии — от анатома или физика, философом же, оратором или поэтом может оказаться любой академик, наиболее преуспевший по этой части. Таковые должны вознаграждаться особо, равно как академический секретарь, казначей, библиотекарь и его заместитель из числа адъюнктов.

Кроме собрания присутствующих или действительных членов Академии Наук, необходимы в помощь этому славному собранию и для его украшения также и чужестранные почетные члены, число которых определять не следует: они будут выбираться во внимание к их достоинству и заслугам. Но из этого числа чужестранных членов следует избрать десять таких, которые могли бы получать академическое жалование: по двое в Германии и во Франции и по одному в Англии, Италии, Испании или Португалии, Польше или Швеции, Голландии и Китае.

Не надо определять и число корреспондентов, как это теперь принято: при избрании следует считаться лишь с полезностью научных сношений с ними и с собственным их рвением. Надо освободить их от почтовых расходов, каковые должны покрываться из академической казны.

Расширенная и оснащенная указанным образом Академия Наук будет таковою не только по названию, но и по знаменитым делам своим и по истинной пользе, приносимой государству, и приобретет заслуженную известность во всем мире во славу Российской империи и ее самодержцев.

§ 8

Петербургский университет, друг, более того — единокровный брат Академии Наук, который составляет с нею едину плоть и будет заодно

с нею трудиться на пользу отечества, должен был бы получить нижеследующее устройство.

Во избежание ненужного размножения должностей, для уменьшения расходов, для повышения жалованья академикам и ради поощрения в ученых ревности к занятиям, следует выбирать и утверждать университетских профессоров из числа академиков с тем, чтобы они поучали студенческую молодежь путем публичных и частных лекций. По существующему обыкновению, их надобно распределить по факультетам. Представляется уместным, чтобы то, что в Академии именуется классами, называлось там по-университетски — факультетами. Так как во всех университетах деление на факультеты бывает сообразовано с государственными учреждениями, то и здесь, отказавшись от богословского круга наук в пользу Святейшего Синода, каковые науки преподаются только в подведомственных ему школах, необходимо по гражданской части для отправления правосудия и для ограждения прав каждого учредить факультет юридический. Для сохранения людского здоровья и для попечения о нем нужно основать факультет медицинский. Для увеличения общественного благосостояния и для создания разных жизненных благ необходимо устроить факультет философский. На Юридическом факультете должны быть лекции: 1) исторические, для ознакомления с правом народов, что в других местах напрасно относят к ведению факультета философского; 2) по практической философии; 3) по политике; 4) по публичному и частному праву; 5) русское право. На Медицинском факультете должны читаться: 1) анатомия с физиологиею; 2) химия; 3) ботаника; 4) практическая медицина. На Философском факультете следует обучать слушателей: 1) обоим красноречиям; 2) должен быть прочитан курс всеобщей философии; 3) также математики; 4) должна быть изложена экспериментальная и догматическая физика; 5) механика; 6) астрономия. Академики и адъюнкты, которые занимаются чтением лекций, должны получать увеличенное жалованье, сверх того, что следует им как академикам и адъюнктам.

Бразды университетского правления должны быть вручены проректору, который избирается ежегодно из числа профессоров и которого за его особые труды следует почтить более значительным повышением жалованья против обычного. О порядке его избрания, об его обязанностях и почетных преимуществах будет сказано там, где пойдет речь об академических уставах и правилах.

Число студентов, которые добровольно приступят к занятиям в Петербургском университете, будет, можно надеяться, немалым, если при инаугурации Университета будут торжественно объявлены, как мы того хотим, милости, преимущества и льготы, даруемые императрицей Университету. Опорой нашим надеждам служат также великолепие города, величие ответственность двора, многолюдство рынка, удобство порта и, наконец, громкие

имена учителей. Все это обещает приток студенческой молодежи даже из чужих краев. Подражая, однако, похвальному примеру других университетов, где любознательные юноши питаются от щедрот государей, мы не можем не выделить некоего числа студентов, которые, получая содержание из академических средств, были бы заняты только слушанием профессорских лекций и научной работой. И хотя, ввиду обширности государства и малого числа университетов, следовало бы довести количество студентов, содержимых на казенный счет, до нескольких сотен, однако же академическая казна не выдержит этого, а потому для начала достаточно будет, если установим число таких студентов в сорок человек.

§ 9

Кормилицей Университета или его кладовой и поставщицей является Академическая гимназия. Здесь следует воспитывать более нежный возраст, преподавая школьные предметы так, чтобы вышедшие отсюда были способны приступить к занятиям высшего порядка в Университете. Число

Предметы обыкновенные			
	Русский язык	Латинский язык	Начатки философии и математики
Старший класс.	Стилистические упражнения в прозе и в стихах и толкование текстов.	Стилистические упражнения в прозе и в стихах.	Излагаются правила логики.
Средний класс.	Грамматика и риторика.	Заканчивается грамматика, толкование авторов.	Преподается геометрия и география.
Низший.	Упражнения в быстром и правильном чтении и письме.	Первые основы латинского языка.	Изучаются арифметические действия.

^a Зачеркнуто древностей и восточных языков.

такого рода подростков должно быть, по крайней мере, вдвое больше, чем число студентов, т. е. будет 80 человек, воспитывающихся на академические средства. Будут, конечно, сверх того, как и ныне, такие, которых будут содержать сами родители.

Предметы школьных занятий будут разделяться, как и теперь, на обыкновенные и дополнительные. Первые совершенно необходимы, и тот, кто ими не занимался, не может поступить в Университет. Ко вторым относятся те, без которых, хотя они и полезны, могут обойтись великовозрастные или менее одаренные, но оказавшие достаточные успехи в предметах обыкновенных, в качестве каковых преподается латинский язык, изучается русский и излагаются начатки математики и философии. Предметы, преподаваемые сверх обыкновенных, суть языки греческий, немецкий и французский. Обыкновенные предметы распределяются по трем классам: низшему, среднему и высшему; дополнительные — по двум, кроме греческого языка, для которого представляется достаточным один класс. Вот таблица всех предметов и классов:

Предметы дополнительные			
Греческий язык	Немецкий язык	Французский язык	
Обучение греческому языку. После, в Университете, каждый по собственному почину может завершить его у профессора. ^a	Занимаются стилистикой и переводами на немецкий язык.	Стилистика и переводы.	Высший класс.
	Излагается немецкая грамматика.	Грамматика.	Низший класс.

По числу предметов и классов надо назначить четырнадцать преподавателей, из коих один будет учителем латинского класса в старшем классе и ректором Гимназии. Второй и третий будут учителями русского языка и логики в старшем классе, и один из них будет исполнять обязанности конфектора. Обязанности остальных ясны из самой таблицы.

§ 10

Затем следует упомянуть Библиотеку и Кунсткамеру, а также Географический департамент и Механическую лабораторию, попечение о коих поручается академикам (§). Расписание должностей низших служащих легко изобразить на таблице.^a Наконец, в большинстве иностранных академий обычно не назначают вице-президентов, но в Берлинской директоры исполняют эти обязанности, и отличаясь от них только званием, пользуются всей властью вице-президента. Университеты же (которые тоже называются академиями) управляются ректорами и проректорами, а у нас в Коллегиях этому в точности соответствуют президенты и вице-президенты. Сверх того, так как президентами Академии бывали до сих пор вельможи и царедворцы, которые, сопровождая носителей верховной власти или занятые какими-либо другими обязанностями, не могли отдаваться целиком академическим делам, то, ввиду их отлучек и обремененности чуждыми науке занятиями, зачастую испытывается нужда в назначении для руководства нашим собранием полномочного заместителя президента, который принадлежал бы к числу старейших академиков и был бы сведущ в разных науках и славен своими заслугами как в нашем отечестве, так и во всем ученом мире.

§ 11

В Академическом регламенте, утвержденном несколько лет тому назад, проявлено недостаточно заботы о развитии наук и о добром имени и славе академиков и самого президента. Дело в том, что (§) за академиком закрепили и притом в качестве вечного чин капитана; адъютанты же и низшие служащие не имеют никаких чинов. Следствием этого является, 1) что в публичных собраниях маститые и заслуженные профессора оказываются ниже не только коллежских ассессоров, но и ассессоров второстепенных канцелярий и в частном быту встречают с их стороны пренебрежительное отношение; а угнетенный этим дух не может свободно странствовать по святилищу муз и с легкостью извлекать на свет то, что служит к пользе и к просвещению смертных; 2) к наилучшему прохождению школьных наук приобщаются чаще всего мальчики из простонародья, более же знатные

^a Зачеркнуто и затем пунктиром восстановлено начало недописанной фразы Поэтому, отложив это в сторону, к рассмотрению.

чуждаются этих занятий; провидя в будущем долголетний и неусыпный труд и представив себе предел, достигаемый ценою столь необъятного труда, — а именно чин поручика, они, естественно, уstraшаются и ищут кратчайшего пути к достижению чинов и должностей, более высоких, чем те, на которые могут рассчитывать в Академии.

Наконец, председательствующие в коллегиях, где им принадлежат бóльшие против прочих почести и власть, приобретают в чужих глазах тем бóльший вес, чем выше чины их подчиненных, и наоборот. Блеск президента меркнет в значительной степени из-за приниженного положения академиков: великолепная голова оказывается приставленной к жалкому телу.

Совершенно необходимо, следовательно, чтобы по примеру прочих коллегий профессоры, адъюнкты и все остальные низшие академические служащие были возведены в соответствующие чины, пользовались бы в государстве должным уважением и несли бы свои обязанности с бодрым духом.^a

Названия должностей	Обязанности	Чины	Жалованье
Президент.	Управление всем Академическим корпусом по образу коллегий.	Не ниже генерал-майора.	Как ныне установлено императрицей, всего 2200.
Вице-президент.	Второй после президента начальник, как и в прочих коллегиях.	Не ниже бригадира.	Как ныне установлено императрицей, 1875. ⁵
Двенадцать ординарных академиков.	Будут исполнять обязанности академиков и профессоров Университета.	Подполковники; по мере заслуг будут производиться в следующие чины.	860 руб.
Три экстраординарных академика.	Будут исполнять те же обязанности.	Капитаны.	660 руб.
Двенадцать адъюнктов Академии.	Члены Академии второго ранга; должны допускаться также к чтению лекций в Университете.	Поручики.	360 руб.

^a Зачеркнуто Ниже, в прилагаемой таблице, наглядно показаны названия должностей, обязанности, чины и жалованье всех, включая и низших служащих.

Название должностей	Обязанности	Чины	Жалованье
Ректор Университета.	Будет вестъ лекціями, диспутами, получением ученых степеней и т. д. См. университетскій ^б устав.	Из числа ординарных академиков.	400 руб. прибавки.
Секретарь Академическаго собрания.	Будет вести протоколы Академии и переписку по учебнымъ деламъ. См. устав.	Из числа ординарных ^а академиков.	300 руб. прибавки.
Библиотекаръ.	Будет вестъ книгами и произведениями природы и искусства.	Из числа ординарных ^а академиков.	300 руб. прибавки.
Инспектор Гимназии.	Будет надзирать за занятіями и за нравами гимназическаго юношества.	Из числа ординарных или экстраординарных академиков.	200 руб. прибавки.
Казначей.	Должен вестъ академической казной и вестъ отчетность.	Из числа ординарных или экстраординарных академиков.	200 руб. прибавки.
Десять почетныхъ членовъ на жалованье.	Помогающихъ Академии своими открытіями и советами.	—	2000 руб.
Ректор Гимназии.	Преподаваніе в старшемъ латинскомъ классѣ; помощь инспектору в наблюдении за правильнымъ преподаваніемъ латинскаго языка.	Поручикъ.	400 руб.
Конректоръ.	Наблюденіе за старшимъ русскимъ или философскимъ классомъ и за низшими классами.	Подпоручикъ старшій.	360 руб.

* Зачеркнуто или экстраординарных.

Название должностей	Обязанности	Чины	Жалованье
Преподаватели обыкновенных предметов в средних классах, а также немецкого, французского и греческого в старших.	Каждый будет исполнять свои обязанности по правилам, ему предписанным.	Подпоручики младшие.	300 руб.
Учителя обыкновенных и дополнительных предметов в низших классах.	То же.	Прапорщики.	240 руб.
Священник, преподаватель катехизиса.	Будет разъяснять символ веры и заповеди.	—	150 руб.
40 студентов.	Будут посещать лекции.	Те из их числа, кто препоручается на правах ученика кому-либо из академиков для единоличных занятий какой-нибудь наукой, будут удостаиваться прапорщичьего чина, повышаясь затем в чинах и дальше.	100 руб.
80 учеников Гимназии.	Прилежание в учении; честность и опрятность в быту.	—	50 руб.
Нотариус или архивариус в Академическом архиве.	Для рассылки и учета академических бумаг.	Подпоручик	360 руб.
Старший писец.	Помощник нотариуса.	—	240 руб.
Два помощника старшего писца, умеющие писать по-русски и по-латыни.	Для переписки академических бумаг.	—	200 руб.

Название должностей	Обязанности	Чины	Жалованье
Три писца, умеющие писать только по-русски.	Те же обязанности.	—	120 руб.
В Университете два педеля.	Кроме обязанностей, которые возлагаются на них в иностранных университетах, будут надзирать за образом жизни студентов.	Прапорщик.	240 руб.
Писец.	Для писания университетских бумаг.	—	200 руб.
Два помощника библиотекаря.	Будут под надзором библиотекаря хранить книги и редкости в порядке и чистоте.	Из адъюнктов ^а	300 руб.
Четыре служителя.	Выполняющие распоряжения библиотекаря и его помощников.	—	60 руб.
Писец.	Для писания каталогов.	—	200 руб.
В Гимназии два воспитателя.	Будут надзирать за нравами и прилежанием юношества и наставлять его.	—	120 руб. ^б
В Географическом департаменте три геодезиста.	Для составления географических карт.	Подпоручики, прапорщики.	180 руб.
Пять учеников.	Будут обучаться географии и помогать геодезистам.	—	96 руб. ^в

^а Зачеркнуто <один в чине поручика, другой — подпоручика или прапорщика> <прапорщики> подпоручик.

^б Вместо зачеркнутого два сторожа будут блюсти чистоту в классах и отмечать время прихода и ухода учителей. 60

^в Вместо зачеркнутого 80.

Название должностей	Обязанности	Чины	Жалованье
В Механической мастерской механик-практик.	Для искусного построения физических и астрономических приборов.	Подпоручик.	500 руб.
Два его помощника.	Будут помогать по его должности.	Прапорщик.	200 руб.
Четыре ученика	Будут обучаться практически.	—	48 руб.
Лаборант при химике.	Будет под его руководством производить опыты.	Прапорщик.	200 руб.
Садовник.	Выполняющий распоряжения ботаника.	Прапорщик.	200 руб.
При анатоме хирург.	Кроме операций в Анатомическом театре, будет лечить больных учеников в Гимназии и т. п.	Подпоручик.	360—400
Прозектор, студент-медик.		Прапорщик.	

Другие академические расходы

На астрономические инструменты	400
Материалы для географических работ	200
Материалы для физических работ	600
На Химическую лабораторию	400
На Ботанический сад и гербарий	200
На Анатомический театр	100
На пополнение Библиотеки	1000
На дрова, свечи и т. д.	2000
На 60 солдат, которые служат сторожами и рассыльными, каждому по 24 руб.	1440
Всего	6440

За публичные лекции

Доплата ординарным	300
— экстраординарным	240
— адъюнктам	180

Всего . . . 3600

Всего . . . 51 815

В. 1. Прочие деньги, назначенные для Академии, следует употребить на экстраординарные расходы, например на наем жилищ, в которых обучающие академики могли бы с удобством жить по соседству с Университетом. Ведь осенняя и весенняя, преимущественно дождливая погода и грязь на улицах представляют величайшее затруднение для посещающих Университет, так что нередко лекции по этой причине прекращаются.

2. Академия Художеств^а с мастерскими, после того как она будет соединена с недавно учрежденной Академией Художеств, будет содержаться на назначенные для этой последней средства.

3. Типография, Книжная лавка,^б Ведомостная экспедиция^в и все то, что к ним относится, будут иметь свои доходы, на которые^г они могут содержаться с избытком, помня, сверх того, и чувствуя признательность за то, что они^д возникли и выросли на средства, назначенные для Академии, и не без ущерба для последней.

4. Академическая канцелярия, после того как она^е будет упразднена и перестанет существовать, не будет требовать никаких расходов; лишние сотрудники и писцы должны быть распределены по другим учреждениям.^ж

5. Устав Академии не может быть написан раньше, чем будет одобрен^з ее штат, что ожидается.

409

1764 ИЮНЯ. ОТВЕТЫ НА ЗАМЕЧАНИЯ И.-Э. ФИШЕРА
И С. К. КОТЕЛЬНИКОВА ОТНОСИТЕЛЬНО „ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ
ОБ УСТРОЙСТВЕ И УСТАВЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ“

Pag. 3, № 5. Articulus de poenis
expurgandus, vel certe limitandus
statuendumque quatenam genera
poenarum, in quos et quibus ex causis.

Certe hic non recensentur;
reservantur autem ad constitu-
tionem legum Ac.

^а Зачеркнуто в соответствии с тем, что она сейчас состоит при нас.

^б Зачеркнуто а равно и мастерские.

^в Зачеркнуто с принадлежностями.

^г Зачеркнуто <с> обильной суммой, отсюда отсчитанной.

^д Зачеркнуто созданы и как.

^е Зачеркнуто будет отделена и.

^ж Зачеркнуто Конец.

^з Зачеркнуто и утвержден.

Pag. 5, lin. 2. Ex lectoribus seu professoribus. Lectores et professores non sunt vocabula synonyma. Lector gradu multo est professore inferior.

Pag. 9. Quod dictum est de Academia Berolinensi, quasi illa sumtibus regii destituta propriis lucubrationibus sustentetur; id si rescierint nonnulli proceres, Academiae non satis aequi, fieri potest, ut ita rationem ineant, oportere Academicos quoque Petropolitanos suis viribus sibimet sufficere, neque opus esse liberalitate regia. Exemplum prorsus est odiosum.

Pag. 22. Nihilo tamen minus pars contraria praevalet. — Obscurum. Quanam est illa pars contraria? Arguunt haec offensas privatas, quae quidem ad corpus academicum nihil spectant. Et quid emolumenti auferunt academici qui sive haec, sive illa pars praevaleat, jugo tamen continentur et premuntur vel hoc, vel illo. Obscuritas illa continuatur num. 2 («altera pars potest, non videt: altera videt, non potest»). Si altera pars est Cancellaria, altera Conventus Academicorum, res fit dilucidior. Quod si hic est sensus verborum, tum vero et ipse subscribo libens.

Pag. 22 et 23. Consultum fore crediderim, si §§ 3, 4 et 5 moderatius dicantur, nimirum terminis generalioribus; ex. gr. incommoda esse saepe profecta ab regimine Cancellariae, quae etiam, si opus sit facto, demonstrari posse etc. Nam simultatibus privatis interponere se viros a partium studio alienos non aequum censeo. Et alia sunt argumenta redi-

Ita verbis sumus faciles.

Corrigatur non tamen prorsus excludatur exemplum.

Perperam imputantur mihi simultates privatae, nam illae propter munera publica excitatae sunt et spectant ad omnes doctos defendendos.

Res summae necessitatis est ut gravamina haec exponantur. Nam exempla externa possunt infringi multis rationibus, silentium P. M. de cancellaria eam non removet, Elis. Aug. re constituit. Sola igitur gravamina pondus et instar habent ad can-

genda in ordinem Cancellariae multo graviora: 1) nusquam est in orbe terrarum Academiae scientiarum praeposita Cancellaria. 2) Petrus Magnus, qui prima Academiae fundamenta posuit, Cancellariae nullam fecit mentionem; monstri enim simile iudicasset, id quod propter aliud constitutum est, auctoritate praevalere illo, propter quod illud existit.

Pag. 31. Duo pedelli — subcenturiones; duo subbibliothecarii — signiferi. Hi quidem gradus dignitatis suae inter se permutabunt: subbibliothecarius vice fungitur Bibliothecarii, qui omnigena eruditione instructissimus esse, et in primis historiam litterariam callere debet. In Vaticano Bibliothecarius est S. R. E. Cardinalis.

Pag. ext. Chirurgus prosector — signifer. In legionibus chirurgi habent gradum subcenturionis primarii, et Prosectoris officium, quippe administrari, vel si mavis Socii ipsius Anatomici, honestum est. Igitur et ille gaudeat gradu subcent[ur]ionis primarii. Atque alterum officium ab altero dirimendum videtur; quippe fieri potest, ut, qui in hoc articulo temporis cadaver secat, ut eo ipso momento vocetur ad visendum aegrum.

Sexaginta rubellos dedit Schumacher ad conductionem aedium et ad comparanda ligna et candelas, quae omnia Academicis debentur statutis Petri M. Jam vero has res ducentis quotannis rubellis minimum constare nemo est qui ignoret. Et jam tempus est, ut Academicis in hac quoque parte prospiciatur. Et necessitas ipsa postulat, qui lectionibus publicis va-

cellariam ab Academia removendam.

Haec levicula mutari possunt.

Nec de hoc sum multum scrupulosus.

Horum cura statum Academicum non spectat, sed partim ad leges, partim ad privilegia. Caeterum primum professorum salarium fuit 600 r. additi 60 pro domicilio locando. Tandem quibusdam, denique fere omnibus 260, nempe ad 860' hinc lignum

care debent, ut illi habeant aedes commodas, a contentionibus et clamoribus Politiae liberas, vicinasque publicis universitatis aedibus. Si nobis dabuntur aedes, ligna atque candelae in natura, libenter carebimus sexaginta illis rubellis, qui prioribus illis temporibus obrusi fuerunt novis professoribus, Eulero, Weitbrechto, Kraftio, Mullero et Gmelino vel ingratiis.

Consignata haec sunt praesente et adstipulante clarissimo viro Kotelnikovio.

Перевод

Стр. 3, № 5. ¹ Статью о наказаниях следует изъять или, по меньшей мере, ограничить и установить: какого рода наказания, для кого и по каким причинам.

Стр. 5, строка 2. ² «из лекторов или профессоров». Лекторы и профессоры не синонимы. Лектор гораздо ниже профессора.

Стр. 9. ³ О Берлинской академии сказано, будто она, не имея королевских субсидий, содержит себя своими собственными трудами; если об этом узнают некоторые вельможи, не вполне благожелательные к Академии, они, может статься, решат, что и петербургским академикам следует содержать себя своими собственными силами и что нет и нужды в царской щедрости. Это пример совсем плохой.

etc. potest comparari. Tamen ut honorum ita et salarii nec hic ultima meta ponitur, neque mihi liberum est majus salarium assignare. Praesertim cum pro aliis muneribus obeundis possunt professores aliquando ad siquis ex. gr. Rector et Oeconomus simul fiat.^a

Здесь они, конечно, не перечисляются, но они войдут в академический устав.

Вот как легко относимся мы к словам!

Пример надо подправить, но вовсе его исключать не следует.

^a На полях неизвестной рукой приписано... universitati aedes, fieri potest, et fit, ut singulis annis, praesertim verno et autumnali tempore, deserantur plane lectiones solidis mensibus. Et quemadmodum botanicus, chymicus, astronomus habent suas sibi assignatas aedes, ita aequum videtur atque adeo aequius professores universitatis.

Стр. 22. ⁴ «Однако противная сторона оказывается все же сильнее». — Неясно, что это за «противная сторона»? Тут кроются личные счета, не имеющие никакого отношения к Академическому корпусу. И какую пользу могут извлечь отсюда академики, раз они — независимо от того, одна ли сторона сильнее или другая, — все же находятся под игмом — тем или другим? Эта неясность распространяется и на пункт 2 («одна сторона могуча, но слепа, другая же весьма прозорлива, но бессильна»). Если одна сторона — Канцелярия, а другая — Академическая Конференция, дело становится понятнее. Если таков именно смысл этих слов, то я охотно под ними подписываюсь.

Стр. 22 и 23. ⁵ Я полагал бы, что было бы целесообразнее изложить §§ 3, 4 и 5 в более общей форме; например, что от господства Канцелярии часто возникали неудобства, которые, если требуется, можно и показать и т. д. Считаю неправильным вмешивать в личные счета людей, стоящих в стороне от борьбы партий. Против Канцелярии следует выставить другие доводы, гораздо более существенные: 1) нигде на свете во главе академии наук не стоит канцелярия; 2) Петр Великий, положивший основание Академии, совсем не упоминал о Канцелярии; он счел бы чудовищным положение, при котором то, что учреждено ради чего-либо другого, имеет большую власть, чем то, ради чего оно возникло.

Напрасно укоряют меня в раздорах на почве личных счетов: они вызваны исполнением общественного долга и направлены на защиту всех ученых.

Крайне необходимо изложить наши жалобы. Ведь ссылки на иноземные примеры можно опровергнуть многими доводами. Молчание Петра Великого не упраздняет Канцелярии, а императрица Елизавета на деле учредила ее. Поэтому одни только жалобы имеют вес и способны повести к отстранению Канцелярии от участия в академических делах.

Стр. 31.⁶ Два педеля — подпоручики, два помощника библиотекаря — прапорщики. Они должны обменяться чинами: помощник библиотекаря заменяет библиотекаря, который должен обладать всесторонней ученостью и быть особенно сведущим в истории литературы. В Ватиканской библиотеке библиотекарь — кардинал св. Римской церкви.

Последняя страница.⁷ Хирург — прозектор — прапорщик. В полках хирурги имеют чин старшего подпоручика, и обязанность прозектора, т. е. помощника, или, если угодно, — товарища самого анатома — является почетной. Поэтому пусть и он будет в чине старшего подпоручика. Следует, кажется, также отделить одну должность от другой, так как может случиться, что того, кто в данное время занят вскрытием трупа, будут одновременно вызывать к больному.

Шумахер дал шестьдесят рублей для найма квартиры и покупки дров и свечей, — все это полагается академикам по установлениям Петра Великого. Однако всем известно, что это стоит, самое меньшее, двести рублей в год. Пора позаботиться об академике и с этой стороны. Необходимо, чтобы те, кто должен читать публичные лекции, имели удобные квартиры вдали от городских драк и криков, по соседству с университетским зданием. Если нам будут давать квартиру, дрова и свечи в натуре, мы без огорчения лишимся тех шестидесяти рублей, которые в прежние времена были навязаны новым профессорам

Эти мелочи могут быть изменены.

И на этом не очень настаиваю.

Об этом надо говорить не при обсуждении устройства Академии, а частично в уставе, частично же в привилегиях. Первоначально профессорам было положено 600 руб. жалованья. 60 руб. добавлено для найма жилья. Затем некоторым, а потом почти всем было добавлено 260, то есть до 860. На это и могут быть куплены дрова и проч. Однако, и это еще не последний предел почестей и жалованья, но не в моей власти повышать жалованье. Да и кроме того, профессора могут получать иногда и за исполнение других обязанностей, например, когда кто-нибудь будет одновременно ректором и казначеем.

Эйлеру, Вейтбрехту, Крафту, Миллеру и Гмелину против их желания.

Это написано в присутствии и с согласия достопочтенного г. Котельникова.^a

410

1764 НЕ РАНЕЕ СЕНТЯБРЯ 10—НЕ ПОЗДНЕЕ МАРТА 1765.
ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИИ НАУК

Новое примерное расположение и учреждение Санктпетербургской Императорской Академии Наук, на высочайшее рассмотрение и апробацию сочиненное

Регламент Санктпетербургской Императорской Академии Наук

Часть первая

О собрании Академии Наук

Глава I

О достоинстве, избрании и принятии действительных членов Академии

§ 1. Прежде установления и распоряжения академических членов должно определить первейших персон сего общества требуемые качества, дабы оных достоинством, знанием и рачением вся академическая система в добром и порядочном движении об-

^a На полях неизвестной рукой приписано Университету звание; может случиться и случается в некоторые годы, особенно же весной и осенью, что лекции совсем не читаются целыми месяцами. И подобно тому как ботаник, химик и астроном пользуются предоставленными им квартирами, быдо бы справедливо и даже более справедливо, чтобы имели их и профессеры Университета.

ращалася. Сколько же от них к сему правлению требуется, можно уже из того рассудить, что они предпоставляются к распорядению людей, коих знания и изыскания простираются во все пределы человеческого разума.

§ 2. Президент Академии Наук, не токмо главный правитель и начальник, но и оберегатель оныя от посторонних приключений и наветов, требуется человек именитый и знатный, имеющий свободный доступ до монаршеской особы, чтоб мог представлять академические надобности, коих без высочайшего повеления произвести Академия власти не имеет. Сверх того должен быть знающ нужнейших языков и общевникателен во все науки, природный россиянин. Еще ж превосходнее было б и полезнее, когда б президент был при знатности своей и любви наук достаточен в разных науках.

§ 3. Вице-президенту хотя и прилично быть в обществе знатным, однако же знаемость его требуется больше по наукам, нежели по других преимуществам, дабы он удобнее мог видеть все состояние Академии, достоинство членов и других служителей. Труды и склонности и прочее и о том изъяснять президенту и с ним дела обще рассматривать. Того ради вице-президент должен быть знающ в разных науках, из ординарных академиков, служивших в здешней Академии немалое время и показавших свое в науках отменное знание изданными в свете сочинениями.

§ 4. Главная должность президентская, а с ним и вице-президентская в том состоит, чтобы, наблюдая все, их чинам предписанное в генеральном регламенте, всячески старались сохранять в Академии Наук порядок и чтобы происходило все, как узаконено в сем регламенте, и для того не чинить в нем никакой отмены, разве ими что усмотрено и общим согласием всего собрания в сем регламенте признано будет яко с практикою не согласное и препятственное дело: о том представлять монаршескому благорассмотрению от общего лица Академии, по чему и поправление может воспоследовать особливим указом.

§ 5. Членов Академического собрания, а особливо ординарных академиков достоинство главное состоит в довольном знании

своей науки, которая он профессор, но притом чтобы такой член не совсем чужд был и неискусен в других, сродных с его профессиею науках, состоящих в том же классе, что из следующих явствует по классам.

§ 6. Геометр сверх искусства в высшей математике должен иметь хорошее знание всех частей практической геометрии, употребляемой в испытании природы и в надобностях обществу, например в астрономии, в навигации. Астроному нужна высшая геометрия для выкладок, механика для сведения своих инструментов, география для расположения самих наблюдений. Географу астрономия во всем служит основанием, механика — для инструментов землемерительных, алгебра — для исчисления сил и точности инструментов. И сие в математическом классе.

§ 7. В физическом классе физик должен притом иметь изрядное знание в химии, которая испытателю природы нужна как средство, коим единым уповательно сыскать причины видимых свойств, в телах на поверхности происходящих от внутреннего сложения. Анатомия и ботаника полезны физику, поелику могут подать случай к показанию причин физических. Химик без знания физики подобен человеку, который всего искать должен ощупом. И сии две науки так соединены между собою, что одна без другой в совершенстве быть не могут. Анатомик, будучи притом физиолог, должен давать из физики причины движения животного тела, а поелику медик, — разуметь химию и в ботанике лекарственные травы. Ботаник для показания причин растения должен иметь знание физических и химических главных правил.

§ 8. В историческом классе историограф требуется человек кроме своего знания в универсальной истории, особливо же российской, который бы не был чужд знания практической философии, прав, политики и прозаичного красноречия. Юрист должен быть притом историк и политик, антикварий, историк древностей и достаточно знающ в греческом и латинском языке. Ориентальных языков профессор — искусен в древней греческой истории и восточных народов.

§ 9. Обще от всех академиком неотменно требуется знание хотя элементарных наук математических. Разумеются здесь профессии, в коих высокое знание математических наук не так много нужно, ибо и в академиях примечено, что иногда химики, анатомики, ботаники, историки почти никакого знания первых математических оснований не имеют и для того не могут своей практики и расположить порядочно и сообразить рассуждением, которым купно с логикою надежная предварительница есть геометрия.

§ 10. Еще же примечено в академиях, что весьма знающие в своих науках профессора мало притом искусны в словесных науках, так что их сочинения излишними распространениями, неясными, сомнительными и ненатуральными выражениями в чтении скучны и невразумительны. Для того академики должны быть достаточны в чистом и порядочном штиле, хотя и не требуется, чтобы каждый из них был оратор или стихотворец.

§ 11. Не может никто быть ординарным академиком, не показав в ученом свете изданных опытов своего искусства и знатными учеными людьми одобренных. Экстраординарные и адъюнкты производятся по свидетельству и избранием Академического собрания.

§ 12. В прочем во всех должно смотреть, чтобы они были честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления, и не так, как некоторые, снискав себе хлеб, не продолжают больше упражнения в учении с ревностию. Паче же всего не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей, что всячески должны пресекать и отвращать главные командиры.

§ 13. Когда будет довольство ученых людей, тогда ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты быть должны природные россияне по доброму примеру Парижской академии, где все академики — природные французы. Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в нау-

ках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний.

§ 14. А пока же ныне сего исполнить не можно, выписывать в ординарные и экстраординарные члены из других земель со всякою предосторожностью людей достойных, как выше предписано, причем наблюдать должно: 1) чтобы сие было не по частным одобрениям от знатных персон и без порядочного избрания от Академии, 2) чтобы приехавших в Россию за другими нуждами и по случаю вздумавших вступить в академическую службу не принимать без особливої предосторожности, без строгого экзамена и без ведома о его подлинном отечестве и поведении. И сию статью исполнять до времени, пока из природных россиян ученые умножатся и не будет нужды чужестранных выписывать. Адъюнктов всегда производить из природных россиян.

§ 15. Вообще избрание чинить по освидетельствовании таким образом. Когда избирается кто баллотированием в класс математический, члены оного кладут баллы в особый ящик и с ними президент и вице-президент и так их оставляют. Академики прочих двух классов кладут свои баллы в особый сосуд. Потом оба сосуда должны быть отворены. В первом сосуде, в коем преимуществующего класса баллы купно с президентским и вице-президентским, имеют силу целого голоса, прочих же классов — силу половинного голоса. Таким образом поступать, когда физический или исторический класс преимуществует для избрания в оный члена. При сем наблюдать, что президент кладет два балла, а вице-президент — один, а за отсутствием или небытностью президентскою и он кладет два же. 1) Адъюнкты имеют голос только в удостоении в адъюнкты, а в избрании академиков ни голосов, ни баллов им не позволяется.

§ 16. Дипломы давать ординарным и экстраординарным академикам за подписанием государским, адъюнктам — за подписанием президентским и секретаря Конференции; у академиков прикладывать академическую печать большую с серебряным и

позолоченным ковчежцем, у адъюнктов — меньшую просто. Реченным дипломам сочинить форму в Академическом собрании.

Глава II

О должностях и трудах Академического собрания

§ 17^a. Когда производится кто в адъюнкты, то бывает в надежде, что он достигнет достоинства экстраординарного и ординарного академика. Для того первое его упражнение есть вникать в ученые дела ординарного академика, вспомогать ему в делах, как своему надлежит предводителю, второе, читать сочинения по своей науке, славными учеными собраниями изданные, особливо же Парижскою, Берлинскою, Бононскою и Шведскою академиею, Лондонским ученым собранием и другими, сочинения особенные славных ученых людей и знатнейшие ученые ведомости. Сим должен адъюнкт приуготовляться в академики, дабы, уже будучи в оном достоинстве, знал, что изобретено в ученом свете и чего ему яко достойному академику вновь искать должно, дабы сделанного не делать и не терять напрасно времени и расходов.

§ 18. Адъюнкт, приобретший хорошее сведение о состоянии в ученом свете своей науки и по оказании опыта, что он в состоянии подать в ней впредь приращения, в экстраординарные академики произведенный, должен еще вяще стараться о большем приобретении знания и привыкать к изобретениям, между тем приходить в хорошее знакомство с другими родными науками в своем классе. Наконец, полезно, чтобы он смотрел, какое есть или впредь скоро быть может порозжее место ординарного академика в том же классе, и к той науке прилежал больше, дабы в случае мог заступить оного место.

§ 19. Ординарного академика должность всячески стараться смотреть в своей профессии, в которой части она еще слаба и не доведена до такого степени, как ее же другие части, и где

^a В публикации Билярского сбита нумерация параграфов: §§ 17, 18, 19 ошибочно обозначены как §§ 18, 19, 17.

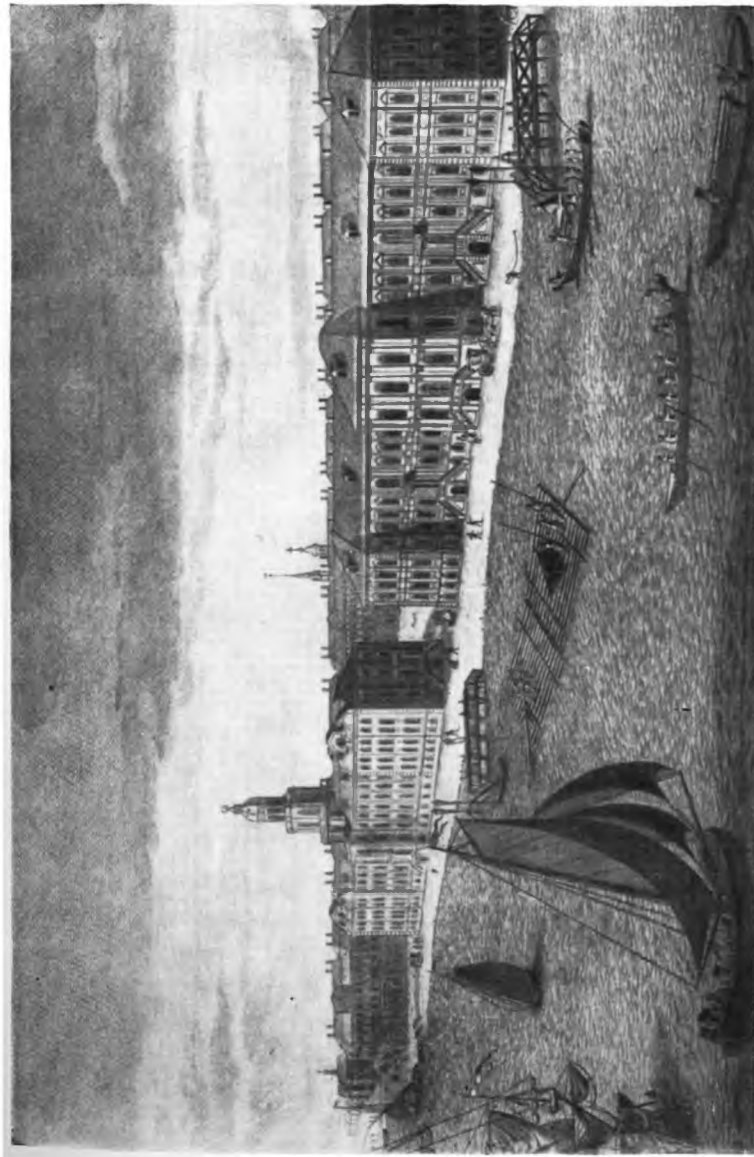
позволяют обстоятельства, и место и время обещают лучшие в новых изобретениях успехи и приращения, что усмотрев, надлежит ему объявить в Академическом собрании. И для того каждый академик ординарный должен всякую полгода объявлять и в собрании к записке отдавать таковые свои предприятия.

§ 20. Кроме новых изобретений для «Комментариев», полезно, чтобы академики издавали особливо книги по своей профессии на российском языке, однако ж как не всяк одарован систематическим смыслом, хотя в частных изобретениях удачлив, и притом есть излишнее дело, чтобы каждый академик издавал новые в своей науке наставления, то отдается каждому на произволение, чтоб, испытав свои силы, принялся за труд с успехом.

§ 21. Нередко случаются в ученых людях полигисторы, то есть разные науки знающие так довольно, что могут в них производить новые приращения. Для того им сие не токмо не запрещается, но еще за полезное и надобное дело почитается, а особливо, чтоб было кому рассуждать о предлагаемых сочинениях собранию. Например, когда астроном подаст в Собрание свою диссертацию и ежели нет из других профессий знающего сию науку, то не может быть оное сочинение рассмотрено и останется верить одному сочинителю, почему бы и собрание было бесполезно.

§ 22. Наконец, все академики, ординарные, экстраординарные и адъюнкты, должны везде наблюдать обще честь Академии, своих предпоставленных и свою собственную, а паче славу и пользу отечества и высочайший интерес императорского величества трудами и честными поведением и стараться исполнять свою должность. И сие о должностях и трудах собрания Академического вообще. Ныне о каждом ординарном академике особливо.

§ 23. В математическом классе геометр, хотя должен приращения чинить в чистой высшей математике, однако много полезнее, когда стараться будет о сокращении трудных выкладок, кои часто употребляют астрономы, механики и обще, где в испыта-

Вид с Невы на Васильевский остров
Справа налево здания: 1) Академии Наук, 2) Библиотеки и Кунсткамеры, 3) 12 Коллегий, 4) Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса

Гравюра М. И. Махаева (1753)
Архив Академии Наук СССР

нии природы и в художествах требуются исчисления. Товарищам своим, кои в других науках упражняются и требуют иногда для поверения выкладки, кои превосходят их силы, может спомогать по-дружески.

§ 24. Астроном, имея Обсерваторию в своем распоряжении, должен оную снабждать исправными инструментами, особливо ж теми, кои вновь изобретены другими или им самим и признаются лучшими для употребления в наблюдениях, на что и сумма в статье положена и Мастерская палата учреждена, дабы оные орудия за морем у славных мастеров куплены или здесь были сделаны. Имея при себе адъюнкта и, как ниже сего окажется, обучая элева, должен им вверить для их употребления некоторую часть инструментов, кроме тех, кои сам употребляет, и сие для двоякой пользы: 1) чтобы оные вяще и вяще в наблюдениях навывкли обращаться, 2) чтобы и его наблюдения тем подтверждались, ибо и они могут быть счастливы в наблюдениях для острого зрения и для постоянного внимания. Сие разумеется и о экстраординарном академике того же класса и о адъюнктах и элевах астрономии и географии.

§ 25. Географу поручается Географический департамент, в коем главное упражнение есть сочинение и исправление «Российского атласа», который труд есть почти необходимый, ибо многие веки требуются к составлению совершенно исправного атласа, и для того должно стараться издавать новые атласы российские, чем далее, тем исправнее, через двадцать лет, употребляя на исправление новейшие специальные чертежи и известия по выбору. Для сего не пропускать никакого случая, когда от другой команды посылаются землеописатели, давать от Академии инструкции и оным командам принимать и посылающимся давать для исполнения безотговорочно, о чем географу иметь прилежное рачение и наведываться везде специальных новых, а особливо российских карт и оные доставать и копировать для снабдения географической архивы в Академии.

§ 26. Для надежнейшего исправления «Российского атласа» должна Академия отправлять каждую двадцать лет, а особливо

во время ревизии посылать географические экспедиции для описания и для астрономических определений мест знатных и нужных, куда отправлять нарочных от астрономической и географической профессии и присовокуплять со стороны из других команд знающих геодезию на вспоможение. Ревизионное время тем для сих экспедиций способно, что академическим землеописателям, проезжающим назначенными местами, могут ревизоры подать с окрестных мест известия лучше, нежели в другое время крестьяне, и сверх того соединены быть могут с новыми географическими сведениями новые по переписным книгам мест и числа жителей отмены.

§ 27. Для случающихся чрезвычайных на небе явлений, требующих наблюдения на разных местах, когда они будут не во время географических экспедиций, посылать нарочных обсерваторов от двух реченных профессий, людей надежных, притом препоручать им исправление других надобностей, как измерение градусов, нивелляцию рек, осмотр сообщения вод знатных и прочая.

§ 28. Механику, кроме рачения в изобретении новых машин, полезных в общем употреблении для облегчения трудов человеческих, должно в Инструментальной палате, состоящей в его ведении, приказывать делать и исправлять под его смотрением астрономические, физические и географические инструменты и где только для академических профессий что механическое потребуется, а что куплено будет, того доброту осматривать и подавать в Собрание свидетельство с оценкою.

§ 29. В физическом классе ординарный академик физики, имея в своем расположении Физическую экспериментальную палату, должен стараться, чтоб она была снабдена довольными инструментами, а особливо новейшего изобретения других и его собственного, и содержать все в добром порядке и исправности, употреблять оные для приращения натуральной науки новыми опытами. Помянутые инструменты, рассуждая по возможности, иные делать здесь, в Механической палате под смотрением механики профессора и самого физика, а иные покупать смотря по

надобности. Экстраординарный того же класса адъюнкт и элев с согласия и дозволения ординарного физика могут делать опыты для уверения или доказательства своих сочинений, подобно как для Обсерватории предписано.

§ 30. Химик, который должен притом знать часть натуральной истории, а особливо минеральных тел и в рудном деле быть не чужд, имеет в своем ведомстве и расположении Химическую лабораторию, содержит оную в порядке, с довольством материалов, посуды и прочих потребностей, при чем должен быть и небольшой минералогический кабинет, и в оной старается, во-первых, доискиваться новых приращений сея науки, особливо в показании причин в химических переменах, дабы сию науку вяще и вяще приблизить к физике и, наконец, поставить оную с нею в равенстве, притом не оставлять и других трудов химических, кои простираются до дел практических, в обществе полезных, чего от химии ожидают краски, литейное дело, медицина, экономия и прочее. В поступках с принадлежащими до химии персонами и с профессиями, требующими от химии взаимного вспоможения, каковы суть физика, ботаника, механика, поступать, как предписано выше.

§ 31. Ботаник, он же купно и всей натуральной истории профессор, содержит в своем смотреии и расположении Академический Ботанический сад, оранжерею, семена и сушеные травники, все в исправном и надобном числе и количестве. Семена стараться собирать через корреспонденцию откуда возможно, паче же изо всех областей Российския империи и со всех соседственных земель, особливо ориентальных, и через то приводить ботаническую часть натуральной истории нашего отечества к совершенству, дабы оное служило к лучшему исправлению прямой ботанической общей системы. Между тем стараться о познании здешних медицинских трав для удовольствия здешних аптек домашними материалами. Наконец, чтобы сад был по мере украшен и порядочен, дабы показать не стыдно было посторонним любителям сея науки. В оранжерее содержать иностранные травы, сколько допустит здешний климат и сколько

требуется к показанию ботанических разных систем для наставления учащихся.

§ 32. Анатомик, сверх своих новых изысканий и свидетельств тел человеческих, будучи физиолог, должен доходить подлинных причин состояния здорового и больного человеческого тела, притом заготавливать анатомические препараты частей человеческих и других животных, отчасти ради приращения медицины, отчасти для Кунсткамеры, когда в ней что из таковых вещей обещает или попортится. До него надлежит не токмо порядочное расположение и содержание Анатомического театра, но по сродству с медициною знание зоологии, то есть натуральной истории животных: должен описывать внешний вид и внутреннее строение зверей, птиц, рыб и гадов, особливо здешних, рознящихся от иностранных или и совсем инде неизвестных.

§ 33. В историческом классе историограф первую должность наблюдает собирать всякого рода исторические известия для Академической библиотеки и для своего сведения, надлежащие до деяний российских и до порученных ей и соседних народов, особливо же коих история мало или недовольно на свете сведома. Сочинение российской истории полной по примеру древних степенных историков, каков был у римлян Ливий, Тацит, есть дело, не всякому историку посильное, ибо таковых не много было во всех народах на всей памяти человеческого рода, ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии. Для того довольно для ординарного академического историографа, когда он для сохранения древностей издаст в народ некоторые части простым, но порядочным штилем, выключая всякие мелочи, достойные ничего больше как вечного забвения; есть довольно и знатных приключений в российских деяниях, чем историограф может удовлетворить свою и любопытных людей охоту. Для исполнения должности надлежит дать ему позволение входить в государственные архивы для справок в своих сочинениях, только смотреть прилежно, 1) чтоб он был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий,

надлежащих до политических дел критического состояния, 2) природный россиянин, 3) чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию.

§ 34. Юриспрудент, наподобие историографа, должен собирать все, что надлежит до российских новых и древних прав и для их объяснения, и приводить в систематическое расположение для пользы при сочинении прав российских. Паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двусмысленных производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам. Оные дефиниции, надлежащие к одной материи, могут от юриспрудента, как новые изобретения, в форме диссертации Собранию быть представлены на рассуждение и по апробации оного в «Комментариях» напечатаны с оговоркою, что они не ради того изданы, дабы по ним суды производились, но ради лучшего рассуждения в установлении и поправлении впредь законов.

§ 35. Древностей ординарный академик по знанию своему старинных языков, которые уже из употребления вышли, и по искусству в древностях еврейских, греческих, римских и северных народов должен в оных все изыскивать, что надлежит к сведению древнего состояния российских предков, также единоплеменных славянских и других, с ними смешанных народов, дабы приобрести большее просвещение в российских древностях, в чем, с историографом сносясь, могут подавать один другому доброе взаимное вспоможение. Обращаясь для древностей в чтении греческих и римских писателей, не может сей академик по мере своего таланта не навывкнуть красноречию, ибо они суть самый лучший и надежный пример в словесных науках. Для того, сочиняя скучные о древностях критические материи, должен им придавать приятность умеренным украшением витийским. Ему ж принадлежит должность академического оратора для публичных собраний, хотя могут оную исполнять и другие

академики, ибо случиться может геометр, анатомик или и химик, в красноречии искусный.

§ 36. Знающий восточные языки академик во-первых должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рассуждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства, в чем вспоможение подавать могут ему историограф и древностей профессор, также и от него получать напротив того изъяснения.

Глава III

О почетных членах и корреспондентах

§ 37. Почетные члены жалованные и безжалованные, также и корреспонденты должны быть избраны общим Академическим собранием по баллотированию и, как в штате показано, из разных народов, дабы Академия могла пользоваться успехами наук от всего ученого и просвещенного света и свои труды распространять по оному.

§ 38. Жалованные почетные члены должны быть приняты из ученых людей первого ранга, кои славными изобретениями и сочинениями учинились в свете знамениты, коих должно быть в Германии и Франции по два, в Италии, в Испании, в Англии, в Швеции, в Славянских владениях, в Китае по одному. Потом смотреть, чтобы они были в рассуждении своих главных знаний разделены на три академических классов и не было б одной профессии больше двух персон.

§ 39. Безжалованных почетных членов число хотя полагается неопределенное, однако не должно быть излишнее, причем наблюдать надлежит, чтоб не принимать людей, в ученом свете безымянных, только по приватному знакомству или по рекомендации знатных людей, чего и во всех случаях убогать должно, ибо требуются здесь люди, способные к приращению наук но-

выми изобретениями, а не сочинители только известных дел новою формою. В таковые члены принимать и российских подданных, в ней находящихся достойных людей. А жалованные неотменно должны быть вне государства.

§ 40. Корреспонденты избраны быть могут не токмо ученые люди, но и любители наук, у которых известна охота и любопытство к изысканию надлежащих до наук известий, хотя в них основательного учения и не положили. Таковые люди полезны вне и внутрь государства, и для того не токмо в отдаленных чужих землях иметь их должно, но и по всем российским губерниям нарочно приискывать надежных, разумных и любопытных людей, кои бы в Академию пересылали свои наблюдения в натуре [и?] в истории, на что им давать с дипломами инструкции от Академии и способы к их изысканиям, кои ни Академии, ни тамошнему жителю не тягостны.

§ 42.^a Чужестранные члены, особливо же жалованные должны сообщать всякие в ученом свете новости, собственные и чужие, то есть книги, наблюдения, опыты и знатные с учеными людьми приключения, объявлять Академии, в каких они изысканиях и сочинениях упражняются, дабы видеть можно было, какую взаимную пользу академии или Академия им подать может и нет ли надобности для ускорения и верной исправности дела производить общими трудами.

§ 43. Изданиям трудов академических споспешествовать должны жалованные члены присылкою диссертаций новых изобретений или поправления в прежних, которых по справедливости требуется хотя по одной на год. От безжалованных того не требуется точно, однако прилежные большую имеют надежду к принятию в число жалованных, когда себя при том достойными покажут перед ученым светом.

§ 44. Когда понадобится выписать в Академию действительного члена, то почетные члены должны представлять кандидатов, описав верно их знание, изданные сочинения, лета, службу, нравы и поведения. Для сего должна Академия писать ко всем

^a В публикации Билярского § 41 отсутствует.

почетным членам в Европе, чтоб всяк учинил представление о принятии в члены кого кто за способнейшего найдет.

§ 45. Должность почетных, а паче жалованных членов, чтоб принимали от Академии следующие комиссии: 1) ежели какие обстоятельства не допускают учинить здесь нужного изыскания, которое представлено будет здешним каким членом и Собранием апробовано, оное учинить почетному члену, где способно, на что ему Академии заплатить издержку, ежели она не тягостна будет, и о чем прежде надлежит описаться; 2) в трудных для решения между академиками споров, буде здесь не можно, требовать голосов от почетных членов, кои принадлежат к оному классу, где спор происходит, однако главным командирам стараться, чтобы они внутри Академии прекращены были; 3) над присылающимися от Академии для обучения студентами иметь смотрение и правление их учения и поведения, о чем и присылать известия в Академию.

§ 46. Присылаемые от почетных членов сочинения рассматривать академикам той профессии и того же класса и об ней подавать в Собрание ведомость, которую издавать в печатаемых известиях о ученых делах при академических «Комментариях». Присылаемые сочинения от ученых, кои не члены Академии, таким же образом рассмотрев, и по важности и достоинству материй выбирать авторов в члены. Известия, от корреспондентов сообщенные, издавать в «Академической истории».

§ 47. Корреспонденты, ежели будут люди, основательно ученые в университетах, достигнут до степени способности в новых изобретениях и покажут к тому опыты, могут быть избраны в почетные члены баллотированием, а из почетных членов приняты в жалованные по достоинству, кое выше показано, и по баллотированию. Всех снабждать от Академии дипломами жалованных за президентскою, вице-президентскою, ординарных академиком и конференц-секретарскою рукою, безжалованным: — президентскою и секретарскою, корреспондентов — за конференц-секретарскою, первых и вторых — на пергаменте за большего академическою печатью в серебряном и позолоченном ковчежце,

последним — за малую печатью просто, на пергаменте же, — все по предписанной форме вообще и особое вписание достоинств каждому по его трудам и знаменитости в науках.

Глава IV

Об Академических обыкновенных собраниях и о издании в свет сочинений

§ 48. Обыкновенные заседания академические суть двоякого рода: 1) для рассмотрения трудов академических членов, 2) о правлении и расположении дел экономических. Чрезвычайные собрания определяются для отправления дел посторонних, до наук надлежащих по другим командам. Обыкновенные собрания быть должны по дважды в неделю — по понедельникам и пятницам, Чрезвычайные назначаются от главных командиров, особливо когда дело не терпит умедления. Впрочем и посторонние дела могут отправляться в определенные дни, ежели не так нужно поспешение, и время остается от текущих дел академических.

§ 49. В заседаниях наблюдать следующий порядок: по президенте и вице-президенте заседают ординарные академики по старшинству вступления в Академию, потом экстраординарные также по старшинству, а ниже их адъюнкты подобным порядком. Таким же образом подписывать журнал и прочее. Выбранные чины, как проректор Университета, библиотекарь, конференц-секретарь и другие в старшинстве не имеют преимущества, как только проректор в университетских заседаниях.

§ 50. Всем академикам и адъюнктам собираться в Академии в уреченные дни и по чрезвычайным повесткам, в начале одиннадцатого часа и не позднее, как одною четвертью. Ежели же кто не будет присутствовать, тот должен в тот же день поутру объявить письменно секретарю причину своего отсутствия. У небывших в присутствии без законного и заблаговременного извинения вычитать из жалованья по силе генерального регламента.

§ 51. Сочиненные диссертации от членов отдаются секре-

тарю, который вписывает их в журнал с надписанием времени, когда каждая получена, и по тому порядку посылаются к членам по домам для прочтения. Таковых диссертаций никому не держать у себя долее недели, а по возвращении к секретарю читать их тем же порядком — одну за другою, как в Собрание вступили.

§ 52. Диссертации читать в Собрании самому автору, разве за болезнию или законною отлучкою присутствовать не может, и кому из своих товарищей поверит; буде же того учинить не похочет, то оную отложить до его присутствия, а между тем без остановления читать следующие ей других сочинения.

§ 53. При чтении о замеченных на дому местах по порядку рассуждать, и кто какое сомнительство или другое мнение имеет, должен от автора диссертации требовать объяснения или доказательства. И на таковые требования должен автор отвечать и свое изыскание очистить или, признав неисправность, беззачинно поправить, ежели не до главного дела всей материи ошибка касается и поправить можно. Для напечатания в «Комментариях» разбирают главные командиры, секретарь и ординарные члены того класса.

§ 54. Во многих диссертациях практических наук часто случаются новые опыты и наблюдения, при коих наблюдать академикам должно следующее: 1) действительно ли они новые и нет ли их уже прежде другими изобретенных и в свете изданных, чтобы старого не почесть за новое; 2) кои опыты можно повторить в конференцкой палате без потеряния многого времени, то учинить перед Собранием, что ж будет не способно, то академикам собираться к автору или отрядить нарочных для освидетельствования на место изыскания. Буде ж такое наблюдение случается не всегда или в отдалении, то положиться на честность автору, буде нет довольных причин к сомнительству.

§ 55. Что в какой диссертации автор изобразит неясно или недовольно докажет, и будет у него требовано на то справедливое удовольствие, то дозволено ему прежде издания прибавлять изъяснения и пополнения, ибо диссертация читается в Собрании

не ради того, чтоб автора постыдить опровержениями, но чтоб изыскать самую правду, причем убежать надлежит всяких шумов и досадительных речей, что главные командиры всячески отвращать должны увещаниями, выговорами и наложением молчания, а буде и того не послушают, — денежным штрафом. Ежели какое сочинение будет спорного достоинства и автор покажет довольные причины, что по пристрастиям оное не приемлется в «Комментарии», то сие решить взятием голосов от иностранных членов, чего, однако, для чести Собрания убежать должно. Когда же и от оных не апробуется, главные командиры автору приказать должны, чтобы он свою диссертацию переделал или вовсе оставил или б издал вне «Комментариев».

§ 56. Новые изобретения издавать в свет следующим порядком: наперед печатать дедикацию (когда требуется по прежнему обыкновению), и ежели нет дедикации, то должно быть краткому предисловию по приличности того года, на который том издается; после того история Академии, в которой сверх кратких содержаний каждой диссертации присовокупить экстракт из академического журнала, в коем особливо показать переписки академиков с учеными людьми и присылки новостей от корреспондентов и другие приключения, служащие к чести Академии; самые диссертации по порядку классов и вступления их в Собрание. На каждый год припечатывать имена академиков, почетных членов и корреспондентов.

§ 57. Дедикации и предисловия сочинять секретарю или исправляющему ораторскую должность академику. Сокращения диссертаций сочинять каждому автору своей собственной, а исторические приключения — секретарю, что все в Собрании прочитано, рассмотрено и апробовано быть должно.

§ 58. Издавать в свет свои сочинения имеет Академия в состоящих на казенном коште типографиях, а особливо в той, которая произошла и возросла из академической суммы и должна Академии чинить всякое угождение и поспешествование, ибо она по нынешнему новому статуту хотя совсем от Академии отделяется, дабы течению наук и ученому обществу покупками ма-

териалов, инструментов, продажею книг, перепискою с иностранными типографщиками для книжного торгу и прочих мелочных дел никакого помешательства не учинилось, каковое прежде искусством изведено, однако тем она должна иметь сообщение печатанием дел академических по нижеследующему: все издаваемые для Академии и для Университета и Гимназии книги, также календари, ландкарты и атласы печатать в оной Типографии на академическом коште с умеренными барышами, а от Академии продавать оные книги из состоящей при оной Типографии Книжной лавки порознь или оптом купцам повольною ценою, чему всему быть в смотреии академического казначея и в ведомстве Академического собрания. Сие разумеется и о сочинениях приватного труда академических членов с академическою апробациею, которую в оных сочинениях и припечатывать, а без оной не почитать того труда академическим.

§ 59. Печатание помянутых книг и сочинений производить прежде всех прочих, считая со вступления в Типографию и только то принимая в рассуждение, что прислано будет для напечатания в оную Типографию по именному высочайшему повелению или от Правительствующего Сената с изображенным выключением книг академических из порядка вступления.

§ 60. Посторонних с делами допускать в Собрание, как водится в других местах присутственных. Почетным членам, кои здесь в Санктпетербурге обращаются, когда в Собрание пригласятся или сами с делом придут, давать места по старшинству рангов между академиками. Иностранных членов, кои не в здешней службе, когда здесь случатся, также почитать как гостей местом по их достоинствам по рассуждению главных командиров. Приезжающим корреспондентам давать стулы, как водится в других коллегиях, смотря по рангу.

§ 61. Когда получит Академия от ученых обществ или персон письма, оные по рассмотрению надобности прочитаны быть должны в Собрании прежде диссертаций и положено мнение, какой ответ должен секретарь писать именем Академии. На письма приватной переписки членов приватно отвечают

члены, к кому что писано, однако, буде до наук касаются, прочитаны быть должны в Собрании и в журнал записаны.

§ 62. Всем происхождениям в Академических обыкновенных собраниях содержать журнал и наблюдать порядок секретарю Конференции, что его главная должность. Притом главным командирам наблюдать и строго смотреть, чтобы оный секретарь, переписываясь с иностранными учеными собраниями и членами именов Академии, ничего б не сообщал, ни требовал и не обещал или и действительно не пересылал чего из Академии без общего согласия от всего Собрания и всех своим по ученым делам писем присовокуплял к журналу академическому верные копии, а журнал подписывать всему Собранию академиков.

Глава V

О публичных Академических собраниях, о задачах и о награждениях

§ 73.^a Для показания обществу трудов академических должны быть при Академии публичные собрания дважды или по малой мере однажды в год, рассуждая по довольству материй, достойных торжественного предложения ученому свету и всем наук любителям. Оные быть должны в начале нового года, в первых числах генваря месяца, или в шесть месяцев спустя, то есть после праздника св. апостол Петра и Павла, около первого числа июля. Позволяется же производить оные действия и в другие месяцы на торжественные праздники государские или на знатные радостные государственные приключения, только то наблюдать, чтоб от одного публичного собрания до другого не пропустить доле одного года.

§ 74. Предлагаемых сочинений в таковых Собраниях должны быть всегда по три, из каждого класса по одному. Очередь хотя и должна следовать по старшинству членов, однако ежели кто покажет материю важнее, то отдается на рассмотрение Собрания и решить баллотированием; позволяется ж читать сочинение

^a В публикации Билярского §§ 63—72 отсутствуют.

в Собрании и мимо очереди, ежели очередной не имеет материи, которая требуется всегда новая, в коем числе разумеются и ораторские речи, когда в них есть новых знатных дел приличные витийские изображения.

§ 75. Предлагать одно или два сочинения на российском языке, третье может быть и на латинском. Ежели ж присутствие весьма знатных иностранных персон, ни латинского, ни российского языка не разумеющих, потребует, то читать одно сочинение на немецком или на французском языке, в котором автор должен быть совершенно искусен в рассуждении исправного штиля и чистого выговору. Природные россияне должны свои речи предлагать на российском языке. Приезжим почетным членам позволяется говорить речи на латинском языке или по требованию нужных обстоятельств на своем природном, только же чтобы она была прежде в Собрании прочтена и апробована баллотированием.

§ 76. Предлагаемые в публичных собраниях сочинения должны быть прежде в Конференции прочитаны по просмотрении по домам и баллотированием апробованы, причем наблюдать, 1) чтобы материи глубокого изыскания изображены были ясно и понятно по крайней возможности, 2) чтобы сочинения не были излишно долги, дабы все действие с объявлением задач и награждений больше двух часов не продолжалось.

§ 77. В таковых публичных собраниях служат для ясности и для возбуждения любления к наукам в слушателях показания опытов. Для того стараться, чтобы при диссертациях практических профессий представлять оные опыты, кои не требуют великого места и времени и не производят ничего противного, также показывать новоизобретенные инструменты или по последней мере оных чертежи, крупно и явственно нарисованные, с истолкованием.

§ 78. Для ободрения ученых людей во всем свете к полезным новым изысканиям в науках определяется, как и прежде, награждение, состоящее во сте червонных, которое ежегодно выдавать за решение предложенной задачи, содержащейся в трудной ма-

терии, которая еще в ученом свете сомнительна или и совсем новая; оную должно объявлять повсягдно в публичном собрании программю, сочиненною академиком той профессии, до которой задача надлежит, или секретарем Конференции, который оную объявляет как новую впредь задачу, так и академический приговор, кому присуждено награждение за прежнюю задачу. Присылаемым диссертациям определять сроки за шесть недель до собрания публичного.

§ 79. Когда Академия для решения задачи не получит больше одной диссертации, то награждение не выдавать, ибо сие награждение определено лучшему сочинению, а одно не может быть себя самого ни лучше, ни хуже, и потому задачу отсрочить до будущего публичного собрания. Однако ежели Общим собранием академиков, особливо того класса, к коему оное принадлежит, признается за совершенное и не требующее ни малого поправления или дополнения, в таком случае давать награждение и за одну присланную диссертацию.

§ 80. Заседать Собранию на публичном действии так же, как и в обыкновенных конференциях, с тою отменою, что стол должен быть поставлен одним рядом, дабы из членов никто не сидел хребтом к слушателям, но все бы к ним лицом были. Читающий свое сочинение должен стоять, а ежели какое Собрание удостоится монаршеского все милостивейшего присутствия, то и всему Собранию стоять, каждому члену у своего места.

§ 81. В публичное собрание призывать программю, от секретаря или от члена академического по приличности материи сочиненною и в Собрании рассмотренною, апробованною и напечатанною. Во время Собрания посторонних не пускать одетых неблагопристойным образом и первые места уступать знатнейшим особам. Студентам быть при публичных собраниях должность требует.

§ 82. Ни в начале, ни в конце Собрания не раздавать ни программ, ни сочинений, кроме удостоившей Академию присутствием высочайшей особы и государской фамилии: после Собрания по расположению главных командиров разошлет или кому

сам похочет персонально конференц-секретарь или авторы помянутых сочинений.

411

1764 НЕ РАНЕЕ СЕНТЯБРЯ 10—НЕ ПОЗДНЕЕ МАРТА 1765.
ПРОЕКТ ПРИВИЛЕГИИ АКАДЕМИИ НАУК

Божиею благопоспешествующею милостию и прочее.

Достоинство наук и пользу, от них происходящую, уважая и полагая то между главными способами к умножению человеческого благополучия и к благоустроению народа, простирали мы к оным издавна внимание наше, делая, дабы происхождение в отечестве высших знаний беспрепятственно возрастало купно с просвещением, возводящим государства на высочайший степень счастья и славы. Того ради между первыми нашими попечениями о нужнейших государственных распорядках предприняли мы приложить всемилостивейшее наше старание о приведении в лучшее состояние нашей Санктпетербургской Академии Наук, как то в указе нашем о новом стате и регламенте реченного ученого корпуса явствует, по которым оныя наша Академия Наук главным командирам, членам и прочим в ней состоящим служителям всемилостивейше повелеваем чинить точное исполнение, также и другим нашим правлениям в рассуждении надлежащих для ней законных надобностей исполнять по ея требованиям безотговорочно и неукоснительно.

А как еще оной Академии и соединенному с нею Университету не учинена поныне инаугурация, коей должно утвердить сие здание торжественным образом, дабы во всей нашей империи и в целом свете было ведомо о сем ученом учреждении и новом исправлении, того ради всемилостивейше повелеваем учинить помянутой нашей Академии Наук, соединенной с Университетом, торжественную инаугурацию по приличности и в оной всенародно объявить новый стат с регламентом и купно всемилостивейше пожалованные от нас преимущества и выгоды, дабы всему свету известно и сведомо было наше матернее попечение о благополучии отечества, происходящем от просвещения чрез

науки, и наше особливое к ним любление и благоволение, и чтобы каждый и все обще ведали, чем и как могут пользоваться в сем ученом корпусе наши верные подданные и из других народов приезжающие для приобретения знания в науках, наипаче ж дабы наше дворянство возымело особливую охоту и рачение к приобретению высоких наук, кои к благородству их умножат почтение и украшение, подадут вящее преимущество к отправлению дел государственных и большую способность к верной нам службе. Оные преимущества и выгоды в следующих содержатся.

1. Всемиловнейше принимаем оную нашу Санктпетербургскую Академию в единственное свое всемиловнейшее покровительство, дабы произвождение ученых дел простиралось беспрепятственными успехами и никто б не дерзал оным чинить помешательства и остановки никакими налогами и происками. Таковые почтутся недоброжелательми отечеству и противными высочайшему нашему благоволению. Того ради никто из Академического корпуса не должен быть взят или позван к суду без дозволения Собрания, кроме важных криминальных дел, ибо Академия сама имеет власть давать внутрь своего правления между своими суд и расправу, а о посторонних на нее налогах по заключению главных командиров для отвращения докладывать нам непосредственно.

2. Во всех правлениях и судебных местах отправляться должны дела в присутственных местах, а на дому производить их запрещается. Напротив того, члены нашей Академии Наук хотя в определенные дни и часы для рассуждений, до наук надлежащих, должны собираться в академическом доме, однако большие и глубочайшие их изыскания и уединенные труды происходят, где они жительство имеют, в котором должны они иметь возможную спокойность. Того ради дабы беспреткновенно могли всегда в своих трудах упражняться, освобождаем всех особ, ученое сие собрание составляющих, собственные или наемные дома, в коих они жительство имеют действительно сами, от постоев и от всех полицейских должностей.

3. Дабы сие Академическое собрание никакими недостатками остановки не претерпевало ни обще, ниже кто единственно, того ради назначенную на оную содержание сумму выдавать из нашей Статс-конторы в Академию по прошествии каждой трети прежде других команд, кроме когда учинится выключение именным нашим указом.

4. В благоучрежденных европейских академиях и училищах позволяется учащим и учащимся летнее прохладение и отдохновение, дабы в течении трудов годичного обращения на несколько освободиться от утомления мыслей. Для того позволяем нашей Академии Наук вместе учащим и учащимся быть свободным от своих должностей на весь июль месяц, начиная после праздника святых апостол Петра и Павла до первого числа августа без вычету жалованья, в которое время могут отлучаться для законных нужд с позволения главных командиров в другие города и провинции, откуда в показанное свободное время возвратиться можно.

5. Шляхетные наши кадетские корпуса пользуются пожалованными от нас во владение им мызами, то по справедливости тем же снабдить и реченную Академию Наук за нужно признаваем, паче же для того, что члены оныя, имея позволение пользоваться в ней летним отдохновением, не преминут чинить физические, особливо же экономические примечания и опыты и оные издавать печатню для ведома и пользы общества. Того ради всемиловитейше жалуем оной нашей Академии Наук, соединенной с Университетом,^а ... мызу... в вечное владение со всеми к ней принадлежащими землями и угодьями на всех правах и преимуществах, каковы дозволены нашему дворянству над пожалованными им вотчинами в вечное и потомственное владение.

6. Дозволяем и повелеваем нашей Академии и Университету производить нашим именем и указом всех достойных студентов в ученые градусы по примеру европейскому, то есть в юридическом и медицинском факультете в лиценциаты и в докторы,

^а Зачеркнуто в Копорском.

а в философском — в магистры и в докторы с такою отменою, что 1) не брать за произвождение в казну нашу ни малейшая платы, 2) кто из наших подданных в градусы произведен будет, тех награждать рангами лиценциатов и магистров — поручическими, докторов — капитанскими, хотя кто из них и не был еще в нашей службе действительно. Приезжие теми же рангами пользоваться могут, пока обращаются в нашем государстве.

7. Дворянству нашему, обучившемуся в сем нашем Университете, по выпусчении из оного с добрыми аттестатами давать в воинской службе преимущество старшинства при произвождении в первый ранг, зачитая его лета учения за действительную нам службу.

8. Разночинцам, окончившим университетские науки и выпущенным с добрыми же аттестатами, с неучившимися в сей Академии и неаттестованными дворянами в статских произвождениях считаться наравне, яко равным с ними дворянам.

9. Ординарных и экстраординарных академиком по благоизобретению и по их достоинству и знанию определять в наши коллегии, канцелярии и комиссии членами во все или на нужное время, где им заседать по рангу. Ибо академики не суть художники, но государственные люди и в политических народах имеют заседание по коллегиям и другим местам присутственным, отчего в делах вящее последует просвещение. А за сии чрезвычайные их труды производить им окладное жалованье против чина, в коем заседает в той коллегии, сверх академического окладного.

10. Нередко бывает, что полагающие на учение лучшие свои лета не токмо не имеют времени приобрести себе достатков в имени, но и имевшиеся^а свои пожитки на оное^б употребляют, и живут только одним нашим жалованьем, и для того вдовы и сироты их остаются по смерти оных в бедности. Того ради всемиловитейше повелеваем нашей Академии Наук умерших ординарных и экстраординарных академиком их вдовам выдавать мужей их оклад годового жалованья однажды. А ежели

^а имевшиеся написано вместо зачеркнутого собственные

^б Зачеркнуто нужные книги

которая пожелает брать по частям, той выдавать по шестой доле на год мужнего годового жалованья по окладу до смерти. А детям невзрослым чинить выдачу до возраста на пропитание, против того как положено в Адмиралтейском регламенте.

11. Помянутые выдачи производить из книжных доходов, получаемых из казенных типографий за книги, академическими членами или другими в Академии сочиненные и апробованные. И для того оное книжное печатание хотя от Академического корпуса ныне и отделяется, однако академические сочинения должны оным в свет издаваться и продаваться на академическом коште, а получаемые в Книжную лавку от продажи деньги отдавать в Академию Наук, дабы она по общему согласию Собрания употребляла их на вышереченные выдачи и на другие необходимые нужды с общим...^a рассмотрением. Таковым образом Академическое собрание от типографских забот освободится и от сочинений своих будет получать прибыль, также и книжное дело имеет приобретать свои выгоды себе на содержание.

12. Для удобнейшего отвращения случающихся болезней учащим и учащимся отпускать в нашу реченную Академию Наук на академиков, адъюнктов, учителей, студентов и гимназистов требуемые лекарства безденежно по предписанным от академического медика или лекаря рецептам.

Таковыми преимущественными выгодами и способностями пожаловав нашу Академию Наук, соединенную с Университетом, всенародно сим объявляем, и, во-первых, природным нашим российским подданным всемилостивейше повелеваем, чтоб как дворяне, так и разночинцы сею нашею монаршескою милостию пользовались, имели целому отечеству славу и пользу и самим себе честь и выгоды, особливо ж нашу монаршую милость снискать старались. Завоеванных провинций дворянские дети обыкновенно посылаются в иностранные университеты для учения, которым ныне всемилостивейше объявляем, что много нам благоугоднее будет, когда прежде посылки в чужие край положат основание в науках в нашей Санктпетербургской Академии.

^a Многогочие в подлиннике.

Наконец, как мы сие учреждение ученого корпуса утвердили и сею преимущественною привилегиею монаршески снабдить повелели не токмо наших подданных, но и для всего науки любящего света, того ради торжественно сим призываем всемилоостивейше из всех народов желающих снискать в сей нашей Академии преподаемые учения и пользоваться данными свободами и преимуществами.

412

1764 НЕ РАНЕЕ СЕНТЯБРЯ 10 — НЕ ПОЗДНЕЕ МАРТА 1765.
ПРОЕКТ УКАЗА О НОВОМ УЧРЕЖДЕНИИ АКАДЕМИИ НАУК

Проект

объявительного указа о новом^а учреждении Санктпетербургской имп[ераторской] Академии Наук^б

В бозе почивающие предки наши и, во-первых, дед наш, бессмертная памяти государь император Петр Великий, потом преемницы державы его, блаженные памяти государыни императрицы Екатерина Алексеевна Первая,^в Анна Иоанновна, особливо ж вселюбезная наша тетка, приснопамятная государыня императрица Елисавет Петровна сколько о науках в России старались, всему свету известно, между прочим немалым казенным иждивением содержали нашу Санктпетербургскую Академию Наук, начатую вышереченным^г основателем. Но как сего корпуса правление производилось без надлежащего стата и регламента, по одному только письменному краткому проекту, то не дивно,^д что приращение наук не происходило по намерению и желанию. Того ради блаженные памяти государыня императ-

^а Зачеркнуто академическом регламенте.

^б Заглавие написано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого Примерный указ е. и. в. государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской. Объявляем во всенародное известие.

^в Первая вписано рукой Ломоносова.

^г вышереченным вписано рукой Ломоносова вместо вышепомянутым.

^д В писарском черновике описка видно.

рица Елисавет Петровна повелела сочинить новый стат и регламент Академии и к ней присовокупить Университет, Гимназию, Академию Художеств, также и Типографию и Книжный торг с некоторыми ремесленными делами содержать при ней же с прибавлением на содержание суммы до 53...^а и все сие управлять президенту и Канцелярии. Но долговременным искусством известно учинилось, что соединение таковых многих и разных дел в одном корпусе тягостно и одно другому помешательно, а потому требует другого учреждения и распорядку. И как мы, имея присное попечение о благосостоянии верных подданных, повелели всем присутственным местам в нашей империи сочинить для лучшего правления новые статьи, потому и в нашей Академии Наук сочинен новый стат купно с регламентом^б, и нам от Академии президента представлен, который мы всемилостивейше указали^в рассмотреть.^г И потом повелели: 1) состоять нашей Санктпетербургской Академии Наук из Академического профессорского собрания, из Университета и Гимназии с Библиотекою и Кунсткамерою и с другими до наук надлежащими департаментами, как то в статье академическом явствует; 2) департамент художеств соединить с новоучрежденною нашею Академиею Художеств, сколько по ее апробованному стату совместно будет, а прочих людей разопределить по другим командам; 3) Типографию и Книжную лавку отделить в особливый корпус и учредить над ним особливую директорию и к ней присоединить Ведомостную экспедицию и грядоровальное художество; 4) правление нашей Академии препоручаем президенту и вице-президенту обще с Академическим профессорским собранием и ради того повелеваем Академическую канцелярию уничтожить, а с Сенатом, коллегиями и с другими присутственными местами иметь

^а с прибавлением на содержание суммы до 53... *вписано рукой Ломоносова.*

^б *Зачеркнуто* оные лекции.

^в который мы всемилостивейше указали *вписано рукой Ломоносова* вместо *зачеркнутого* то указали мы всемилостивейше оный стат и регламент.

^г *Зачеркнуто* NN.

сношение реченному ж академическому правлению в равенстве с государственными коллегиями; 5) положенную^а сумму на все академические департаменты пятьдесят три тысячи... определяем единственно на ученые корпусы, составляющие нашу Академию Наук, как в статье положено,^б ибо Канцелярия и департамент художеств рушены, а Типография и Книжный торг должны не токмо сами себя содержать, но и приносить в казну прибыль, и потому никакой суммы на содержание не требуют; б) известно нам, что Типография и Книжный торг приняли начало свое из определенной на содержание наук суммы и от оной пришли в нынешнее состояние; того ради повелеваем учинить расчет, чтобы при сем учреждении, разделяя находящуюся в Академии казну, наличную и в Книжном торгу обращающуюся, разделить по справедливости так, чтобы Академию Наук удовлетворить и отделенному книжному делу не учинить подрыву, и для того повелеваем учредить нарочную комиссию.

И^в нашей Санктпетербургской Академии Наук по сему нашему указу учинить исполнение и всем обще и каждому особливо о сем новом учреждении ведать и наблюдать, что исполнять^г предписано по апробованному и собственноручно нами подписанному новому статуту, регламенту и привилегии.^д

^а положенную *вписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого* определенную.

^б как в статье положено *вписано рукой Ломоносова*.

^в *Зачеркнуто* О сем нашем новом учреждении.

^г *Зачеркнуто* по-новому наблюдать.

^д И нашей Санктпетербургской Академии... регламенту и привилегии *вписано рукой Ломоносова*.

**АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАБОТА
В АКАДЕМИИ НАУК**

1743 ФЕВРАЛЯ—МАРТА 1. ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ И.-Д. ШУМАХЕРА

В высокоучрежденную Следственную комиссию о Академии Наук нижайшее известие.

Высокоучрежденная Следственная комиссия о Академии Наук приказала от меня, нижайшего, требовать известия, первое, в том, что в Конференцию, к профессорам, всем ли ученым людям, також и переводчику Горлицкому входить свободно было, и ежели кому надобно входить было в Конференцию, то у советника Шумахера требовано позволения, и все ли входили тогда, когда оный Шумахер кому прикажет, или иным каким образом. На сие ответствовать я про других не знаю, а что до меня надлежит, то по произведении моем в адъюнкты требовал я от советника Шумахера позволения ходить в Конференцию. На что он мне сказал, что-де о том уже в Конференцию указ послан, и мне туда ходить и при профессорах сидеть вольно, после которого времени я в Конференцию ходить начал, не спрашиваясь больше о том у советника Шумахера. 2) Предисловие «Комментария» по чьему приказу сочинено и кто подтверждал, того я не знаю, для того что я в то время при Академии не был. 3) При публичных собраниях в конференциях бывшим переводчикам Сатарову, Ильинскому и доносителю Горлицкому советник Шумахер садиться стулов не давал ли и в его ль то

воле состояло, того я также не знаю, для того что я в бытность переводчиков Ильинского и Сатарова не был, а доноситель Горлицкий в присутствии советника Шумахера и при мне в Конференции не бывал. А что они в состоянии ли были профессорские предложения, а иногда и свои от древностей, анатомии и философии и прочих наук пред собранием на русском языке показать, изъяснить и истолковать, о том я также неизвестен, потому что я с переводчиком Горлицким в разговоры о науках никогда не вступал, а Ильинского и Сатарова я и в лице не знавал. 4) Адъюнкт Брем при Историческом классе обретается ль, то всем довольно известно, что он адъюнкт Исторического класса, а обретался больше при Библиотеке. О сем в высокоучрежденную комиссию нижайшее известие чинит

императорской Академии Наук адъюнкт
Михайло Ломоносов

414

*1747 МАРТА 9. РЕПОРТ ПРЕЗИДЕНТУ АН С ОБЪЯСНЕНИЕМ
ПО ПОВОДУ ДОНОШЕНИЙ, ПОДАННЫХ АКАДЕМИКАМИ
В СЕНАТ*

Сиятельному графу Кириле Григорьевичу Разумовскому,
действительному е. и. в. камергеру, Академии Наук президенту
и разных орденов кавалеру

Нижайший репорт

По определению вашего высокографского сиятельства указано мне, как и прочим профессорам, объявить вашему сиятельству, имею ли я на прежние доношения от Профессорского собрания в Правительствующий Сенат еще какие доказательства и утверждаюсь ли на оных доношениях. Того ради сим нижайше репортую, что когда по указу Правительствующего Сената повелено было Профессорскому собранию оному же Правительствующему Сенату представить о не порядках, от Канцелярии:

Академии Наук происшедших, тогда подписался я под доношениями ради двух пунктов: первое, что в Академии выдавано было жалованье весьма непорядочно и с долговременною задержкою, отчего многие пришли в скудость и в великие долги, второе, что не было довольного числа студентов, которых бы обучать можно было для пользы отечества. Сии два пункта не требуют никакого доказательства, но всякому довольно известны. В прочем уповаю, что чрез сильное вашего высокографского сиятельства у е. и. в. предстательство и чрез мудрое ваше рассмотрение помянутые два недостатка в скором времени отращены будут. Того ради больше о том представлять и доносить ничего не имею.

Академии Наук профессор
Михайло Ломоносов

Марта 9 дня
1747 года

415

1748 ОКТЯБРЯ 19. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ОБ ОСТАВЛЕНИИ Г.-Ф. МИЛЛЕРА «В КРАЙНЕМ ПОДОЗРЕНИИ» ПО ДЕЛУ О ПЕРЕПИСКЕ ЕГО С И.-Н. ДЕЛИЛЕМ

В Канцелярии Академии Наук по учиненному определению сего ж октября 18 числа¹ в присутствии г. советника Шумахера и г. асессора Теплова, господина ж советника надворного Штелина, гг. профессоров Винцгейма, Штруба, ТрEDIAKовского и Ломоносова присланное от Делиля письмо к профессору Миллеру прочтением всему присутствию тому объявлено, которое единогласно названо,^a что Миллер оставил себя по тому письму в крайнем подозрении. С подлинного ж Делилева на француз-

^a Так в подлиннике.

ском языке письма копия с переводом на российском языке при том же собрании поверена, которая во всем имеет сходство.

И. Д. Шумахер
Григорей Теплов
J. Staehlin
Christ. Nic. von Winsheim
F. H. Strube de Piermont
Василей Тредиаковский
Михайла Ломоносов

1748 году октября 19 числа

416

1748 ОКТЯБРЯ 19. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА НА КВАРТИРЕ Г.-Ф. МИЛЛЕРА

Хотя при вышепомянутом собрании вопросные пункты профессор Миллер ответом своим и очищал, однако остался против письма Делилева подозрительным же. Того ради присутствие по тому делу приказали: те письма, о которых он в ответе показал, что имеются у него, без остатку взять в Канцелярию, да и кроме тех все в доме его какие бы ни были письма на русском и иностранных языках, и рукописные книги, тетради и свертки, смотря во всех его каморах, сундуках, ящиках и кабинетах, по тому ж взять в Канцелярию, которые запечатать канцелярскою печатью. Сего ради в дом его сего ж числа ехать гг. профессорам Тредиаковскому и Ломоносову и при них секретарю Ханину и по отобрании того репортовать в Канцелярию.

И. Д. Шумахер
Григорей Теплов
J. Staehlin
C. N. von Winsheim
F. H. Strube de Piermont
Василей Тредиаковский
Михайла Ломоносов

Октября 19 дня 1748 году

417

1748 ОКТЯБРЯ 20. РЕПОРТ ЛОМОНОСОВА И В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ ИТОГАХ ОБЫСКА НА КВАРТИРЕ Г.-Ф. МИЛЛЕРА

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

По определению вышеобъявленного собрания для осмотра и взятия в доме профессора Миллера всяких рукописных писем, книг, тетрадей и свертков мы, нижеподписавшиеся, ездили и, во всех его камерах, ящиках и кабинетах осмотра, сколько сыскать могли, взяли, которых наложено в два большие сундука и один кулек, что канцелярскою и его, Миллеровою, печатью запечатано и в Канцелярию привезено вчерашнего числа и поставлено в судейской палате.

Профессор Василей Тридиакровский

Профессор Михайла Ломоносов

Секретарь Петр Ханин

Октября 20 дня 1748 году

418

1748 ОКТЯБРЯ 20. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О РАЗБОРКЕ РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ОБНАРУЖЕННЫХ У Г.-Ф. МИЛЛЕРА

1748 году октября 20 дня вышеписанное собрание¹ приказали: взятые из дому профессора Мильера все письма, рукописные книги, тетради и свертки при всем собрании, сняв печати от сундуков, разбирать и описывать кратким экстрактом на четыре части: 1) касающееся до Камчатской экспедиции, 2) регламенты, уложения, указы, репорты, доношения, прожекты и другое, тому подобное, 3) касающееся до ученых дел или до истории и другое, тому ж подобное, 4) что касается до корреспонденции, неразобранные же дела всегда иметь за канцелярскою печатью. Когда же из присутствующих кто за каким иным нужным делом

в присутствии не будет, в таком случае и без полного собрания тот разбор чинить. А к описи той определяются канцеляристы Албом, Штафенгагин, копейст Морозов.

И. Д. Шумахер
Григорей Теплов
J. Staehlin
C. Winsheim
Василей Тредиаковский
Михайла Ломоносов

419

1748 ОКТЯБРЯ 28. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ОБ ИСТРЕБОВАНИИ ОТ Г.-Ф. МИЛЛЕРА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ ПО ПОВОДУ ЕГО ПЕРЕПИСКИ С И.-Н. ДЕЛИЛЕМ

Хотя г. профессор Миллер и дал изъяснение чрез партикулярные письма к ассессору Теплову о предприятии, которое он имел с профессором Делилем тайно, однако ж, потому что оное таким образом сочинено, что ничего почти подлинного из того заключить невозможно, а притом на французском языке, да и много постороннего дела вмешал, которое никаким образом к делу не подлежит, того ради в собрании определено требовать от него, Миллера, завтра вкратце изъяснения на русском языке, ибо он, по мнению всего собрания, больше разумеет русский язык, нежели французский, и чтоб оное было сочинено позитивно и не было бы столь сумнительно, чтоб двоякое из оного заключить разумение было можно.

И. Д. Шумахер
Григорей Теплов
J. Staehlin
C. von Winsheim
F. H. Strube de Piermont
Василей Тредиаковский
Михайла Ломоносов

Октября 28 дня
1748 году

420

1748 ОКТЯБРЯ 29. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ ОБЪЯСНЕНИЯ Г.-Ф. МИЛЛЕРА О СВОЕЙ ПЕРЕПИСКЕ С И.-Н. ДЕЛИЛЕМ

По учиненному сего октября 28 числа определению г. профессор Миллер подал собранию доношение в кратком содержании на русском языке. Того ради по тому делу и доношению его гг. присутствующим подать в собрание особливые свои письменные мнения в будущее собрание, то есть сего октября 31 числа.

И. Д. Шумахер
Григорей Теплов
J. Staehlin
С. N. von Winsheim
F. H. Strube de Piermont
Василей Тредиаковский
Михайла Ломоносов

Октября 29 дня
1748 году

421

1748 ОКТЯБРЯ 29—31. МНЕНИЕ ПО ПОВОДУ ОБЪЯСНЕНИЯ Г.-Ф. МИЛЛЕРА О СВОЕЙ ПЕРЕПИСКЕ С И.-Н. ДЕЛИЛЕМ

Поданные от г. профессора и историографа Миллера на письмо, присланное к нему от профессора Делиля из Риги, письменные и словесные ответы не токмо не довольны к его оправданию, но и своими между собою прекословными представлениями подал он причину больше думать о его с помянутым Делилем предосудительных для Академии предприятий.

Профессор Михайла Ломоносов

422

1748 ОКТЯБРЯ 31. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТУ АН ЭКСТРАКТА ИЗ ДЕЛА О ПЕРЕПИСКЕ Г.-Ф. МИЛЛЕРА С И.-Н. ДЕЛИЛЕМ

Сего октября 31 числа гг. присутствующие подали в собрание по делу Миллерову свои письменные мнения, которые генерально заключают, что его, Миллеровы, ответы нетолико к его оправданию, но во всем к большому ему, Миллеру, подозрению следуют. Того ради приказали: из того всего дела сочиня обстоятельный экстракт чрез г. профессора Ломоносова на русском языке, подать его графскому сиятельству г. президенту и требовать резолюции.

И. Д. Шумахер
Григорей Теплов
J. Staehlin
C. N. von Winsheim
F. H. Strube de Piermont
Василей ТрEDIAKовский
Михайла Ломоносов

Октября 31 дня
1748 году

423

1748 НОЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 18 РЕПОРТ КАНЦЕЛЯРИИ АН ПРЕЗИДЕНТУ АН С ИЗЛОЖЕНИЕМ ДЕЛА О ПЕРЕПИСКЕ Г.-Ф. МИЛЛЕРА С И.-Н. ДЕЛИЛЕМ

Его сиятельству графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому, лейб-гвардии подполковнику, действительному камергеру, Академии Наук президенту и разных орденов кавалеру.

Репорт

По определению вашего сиятельства октября от 18 числа мы, нижеподписавшиеся, Академии Наук члены, того же октября 19 числа, собравшись в Академическую канцелярию, спраши-

вали профессора и историографа Миллера по предписанным пунктам в рассуждении сообщенного нам письма, писанного к нему из Риги от профессора Делиля, на которые пункты ответствуя, он, Миллер, в сказке объявил следующее: 1) что получил он от Делиля два письма — одно из Риги, а другое из Парижа и что оные письма утратились; 2) что Делиль оставил у него некоторые манускрипты; 3) что Миллер с Делилем согласия не имел, чтобы, манускрипты соединив, публиковать тайно; 4) что Делиль с ним,^а Миллером, ни в чем ином согласия не имел, как только, по его мнению, в том, что сверх вышепомянутых еще другие манускрипты у него оставить, а чтобы публиковать вне государства, о том у него с Делилем согласия и намерения не было, 5) что о утаении пересылки манускриптов никаких предосторожностей не имел и что Делиль только в письме велел таить от посланного, 6) что Делиль в первом письме корпус академический поносил.

Для изъяснения сих своих ответов и для своего оправдания подал он в присутствие того же числа сочиненное им письменное представление, в котором он то же, что показал в сказке, с окрестностями представляет, а особливо об утрате первого письма Делилева пишет следующее: что он не почитал за тайну одного письма Делилева, не думал, чтобы то письмо было причиною таких толкований, что он того письма не почитал за велико и не признавал в нем никакой важности и для того ненарочно^б потерял, что Делилевых писем не почитал он толь важными, чтобы их хранить.

Но как помянутому Миллеру явно открыли, что с письма, от Делиля к нему из Риги писанного, имеется у нас копия и что его ответы и письменное его оправдание к его изъяснению недовольны, а особливо в рассуждении сих слов: «il servira au dessein dont nous sommes convenus» (оный манускрипт будет нам

^а В черновике, очевидно, по недосмотру, Ломоносов оставил невычеркнутым согласился.

^б ненарочно вписано в черновике рукой Ломоносова.

служить к тому предприятию, о котором мы согласились), тогда он, Миллер, пришел в немалое изумление и показал всеми своими минами великую в себе перемену, и просил времени, чтобы на то ответить, причем он Делиля бранил и говорил, что не знает он, Миллер, никакого предприятия, в котором бы он с ним согласился.

И понеже его ответы и представления в присутствии признаны к изъяснению письма и к оправданию его, Миллера, за недовольные и что он, Миллер, по своему письму остался подозрителен, для того в присутствии того же числа определено: взять из его дому все письма, письменные тетради и свертки, что и учинено того же числа, и в следовавших заседаниях оные письма разобраны, а что в них нашлось, о том, где и когда потребуется, рассуждать будут, то только при сем случае упомянуть надобно, что между многими письмами найдены его приятеля профессора Крузиуса, который Миллеру так, как другу, открывает, сколь худое мнение и он о новом правлении Академии имеет.

Того же октября 21 дня помянутый профессор Миллер, признав, что его ответы и представления к его оправданию недовольны, подал в присутствие вторичное оправдательное представление, в котором объявляет, что Делиль за вышепомянутое согласие то, может быть, почитает, что он говорил ему, Миллеру, о предприятии, которое он, Делиль, имел, чтобы, приехав во Францию, писать к некоторым здешним министрам о Академии пространно, как оною управлять должно, чего-де он, Миллер, не похулил, для того что регламента еще, от е. и. в. апробованного, тогда не было. И понеже ему в первом присутствии объявлено было, что он с помянутым письмом поступил против своей должности, утаив оное от вашего сиятельства,^а зная, коль много оное чести академической предосудительно, для того во втором представлении извинял он себя многими ре-

^а вашего сиятельства вписано в черновике рукой Ломоносова вместо зачеркнутого Академии президента.

зонами, из которых ни один оправдать его не может, как только то весьма из них явствует, что он, Миллер, помянутое письмо нарочно утаил или истребил и имел крайнее старание, чтобы Академии президент или Канцелярия о том не сведала. А следовательно, сим показал во всем противное тому, что он в сказке и в представлении при первом присутствии объявил о ненарочной утрате помянутого письма.

Того же октября 27 дня Канцелярии Академии Наук ассессор г. Теплов объявил письма, которые по начатии сего над ним, Миллером, следствия к нему, г. ассессору. писал вышеозначенный профессор Миллер. Оные в присутствии того же числа читаны, из которых усмотрено, 1) что он в непоказании Делилева письма признает себя виноватым, 2) что он, Миллер, к некоторым членам Академии имеет недружеское сердце, 3) некоторым образом подал великую причину о себе думать, что его договор и предприятие с Делилем были не о том, чтобы оставить у него, Миллера, некоторые письма, как он объявлял в первом присутствии, ниже о том, чтоб Делиль писал из Франции о правлении Академии к здешним министрам, как он же, Миллер, показал во втором присутствии, но что договор их был о том, чтобы публиковать вне государства чести академической предосудительные сочинения.

Сии между собою несогласные и с излишним пространством от него, Миллера, писанные ответы и толкования подали причину еще больше сомневаться о его правости. Того ради того же октября 29 дня требовано в присутствии от него, Миллера, краткой и самой точной, истинной сказки, и хотя он сказку кратко содержания присутствию подал, однако в своем с Делилем согласии и намерении, Академии Наук предосудительном, которое из письма Делилева и из сего Миллерова с тем письмом поступку, из его прекословных между собою ответов, из его ж, Миллерова, письма к ассессору г. Теплову явствует, не признался.

Того ради того же октября 31 числа все гг. присутствующие по делу помянутого профессора Миллера подали свои мнения, и

понеже оные краткостию и пространностию только разнятся, а силу имеют ту же, для того определено оные соединить в одно общее мнение для подания вашему графскому сиятельству, которое в следующем содержится.

Во-первых, явно как из письма Делилева, так и из других Миллеровых писем и поступков, что он, Миллер, был друг или по последней мере согласник Делиля, ибо 1) явствует из письма Делилева к оному Миллеру, в котором содержатся тайные поверенности; 2) профессор Миллер во втором своем оправдательном предложении пишет: Делиль-де думал, что он, Миллер, его, Делилевой партии; но сего Делиль без показания ему Миллеровой дружбы не мог бы подумать; 3) в том же предложении Миллер пишет, что он ругательного Делилева письма вашему сиятельству не показал для того, чтобы с Делилем не потерять поверенности, а следовательно, оную предпочел он чести всей Академии.

Но паче всего согласие их тем подтверждается и никак оспорено быть не может, что они были побеждены одною страстию; то есть не были никогда довольны академическим правлением¹ и желали всегда быть сами командирами, и для того имели всегдашние ссоры с президентами Академии² и нападали на них письменно и словесно; и являли себя им преслушными, как то явствует из Делилевых писем и из Миллерова удержания книг, до Сибирской экспедиции надлежащих, которые ему от вашего сиятельства в архиву отдать повелено было; сверх того имели опасные намерения, старались оба нарушить порядок в Академии: Делиль увещевает одного из своих товарищей Канцелярии не покоряться, а Миллер другого беспокойного человека подкрепляет в превратных и, может быть, в опасных предприятиях, как то довольно явствует из писанных к Миллеру от Крузиуса билетов и из переписки с доктором Гмелиным; оба хотели от Академии отделить два важные департамента³ и сами быть в них особливо командирами, а именно Делиль — в Географическом, а Миллер — в Историческом, что все г. советник Шумахер письменно доказать может.

Сие их согласие и против академического правления никогда не утолимое негодование подтверждается самим нынешним делом. Помянутый Миллер знал довольно, что Делиль поехал отселе с великим неудовольствием о том, что е. в. изволила в Академию пожаловать такого президента, который в его противных и властолюбивых намерениях препятствовать будет и, может быть, истяжет и спросит отповеди в прежних его делах, а следовательно, он, Делиль, не токмо академического правления, но и самого вашего сиятельства злобно ненавидел, а особливо что при отпуске его употреблена была по справедливости надлежащая строгость. При отъезде Делилевым Миллер и сам был недоволен Академией правлением и президентом и посему с Делилем конечно имел согласие. По отъезде Делилевым получил Миллер от него письмо, академической чести весьма предосудительное, в котором он называет корпус академический фантастическим,⁴ то есть мнимым и недостойным такого почтения, какое об нем ученые люди в свете имеют, и обещается распространить сие не токмо в Европе, но и до самого восточного края света. Сие письмо получа, помянутый Миллер старался утаить всякими мерами, как то вашему сиятельству довольно известно и что из вторичного Миллерова оправдательного представления явствует, ибо оправдания его, для чего он оное письмо таил, не имеют в себе никакой важности, и лучшее из них, что якобы он не хотел ваше сиятельство беспокоить показанием оного письма, никуда не годно, ибо он, Миллер, мог бы легко подумать, что ваше сиятельство тем больше беспокоены будете, когда услышите, что Делиль действительно рассылает письма, чести Академического корпуса, а следовательно, и вашему сиятельству как главному командиру оного предосудительные.

И сего бесперерывного их согласия, а особливо в неутолимом и всегдашнем негодовании на академическое правление с великою вероятностию следует, что он, Миллер, с помянутым Делилем, видя, что им уже к их противным и властолюбным пред-

приятиям пожалованием вашего сиятельства в Академию президентом путь пресечен, согласились при отъезде Делилевым сочинить письмо против Академии правления и по их злобе поносительное ее чести и вашего сиятельства, чего в конце письма Делилева явный признак имеем. Сие утверждается следующими:

1) Великие предосторожности, которые Делиль ему, Миллеру, употреблять предписывает и в чем Миллер в сказке к немалому своему изобличению запирался,^а показывают, что они пересылать хотят такое дело, которое не от посланного человека, как то Миллер показал, но от таких людей таить^б намеренья^в было, которые им в подозрительном их предприятии препятствовать могут, и не посланного, но какого-нибудь знатного человека опасались, от которого они за подозрительное свое дело беды боялись.

2) Поносные Академии и угрожительные слова в конце письма Делилева ни за что иное признать должно, как за краткое содержание всего их предприятия и согласия, ибо Делиль, что при первых строках помянутого письма на уме имел, то на конце написал ясно.

3) Миллеровы замешательства и между собою прекословные ответы показывают в сем деле его нечистую совесть, а особливо, что он при объявлении копии с помянутого Делилева письма весьма изменился и показал в себе великое возмущение и требовал на ответ себе времени, но кто имеет чистую совесть и говорит правду, тот с ответом всегда готов.

4) Что Делиль рассудил оное предприемлемое о Академии (в чем и Миллер не спорит) сочинение безопаснее делать вне России, следовательно, то, о чем они договорились, в России без их беды учинить нельзя было, а посему оное должно быть

^а и в чем Миллер... запирался *вписано в черновике рукой Ломоносова.*

^б таить *вписано в черновике рукой Ломоносова.*

^в Так в подлиннике.

России или по последней мере какому-нибудь знатному в ней месту вредное.

5) Ежели бы оное письмо не значило ругательства Академии и президенту и Миллер бы в том согласии не был причастен, то бы, получив такое письмо от Делиля, тотчас объявил бы вашему сиятельству, чтобы ваше сиятельство зарань предостеречь мог себя, Академический корпус от предприемлемого Делилем ругательства и чтобы оный бездельник за сие поношение Академического корпуса из оного был выброшен; но Миллер того не токмо не учинил, но и всячески старался укрывать оное, как то довольно явствует из его, Миллеровых, несогласных на то вышепомянутых ответов, а особливо из письменных и словесных показаний г. асессора Теплова, чем он, Миллер, ясно показал, что он Делилеву поверенность больше наблюдает, нежели честь Академии и ее президента.

Из всего вышеписанного довольно явствует, что он, Миллер, с таким человеком имеет поверенность и согласие, который позабыл великие благодеяния, в России учиненные, где на него до семидесят тысяч рублей истрачено,⁵ предприял поносить оную, а паче в то время, когда ваше сиятельство Академии пожалованы президентом, ругая знатный в ней корпус, следовательно, и вашу особливо персону, и что он сам хотел помогать или и на себя взять поносительное оное сочинение, которого начало ему Делиль здесь отдал. Посему видно, что он, Миллер, сообщник был Делиля в том, чтобы повредить честь корпуса Академии, а следовательно, шефа ее; что учинил он, Делиль, или нет, будущее время покажет, хотя же и не учинил действительно, то случай только не допустил, а желание в столь подозрительном человеке угаснуть не может. А понеже сие было бы против присяжной должности и такого иностранного человека, который служит в России по контракту на время, но он, Миллер отдал себя России в вечное подданство и присягал служить как верный российский подданный,⁶ для того сей его, Миллеров, поступок учинен против его присяги, в которой он обязался

всячески хранить честь Академии, и противу должности подданного раба е. и. в.

И. Д. Шумахер
Григорей Теплов
J. Staehlin
Christian Nicolaus von Winsheim
F. H. Strube de Piermont
Василей ТрEDIAKовский
Михайла Ломоносов

Ноября дня
1748 году

424

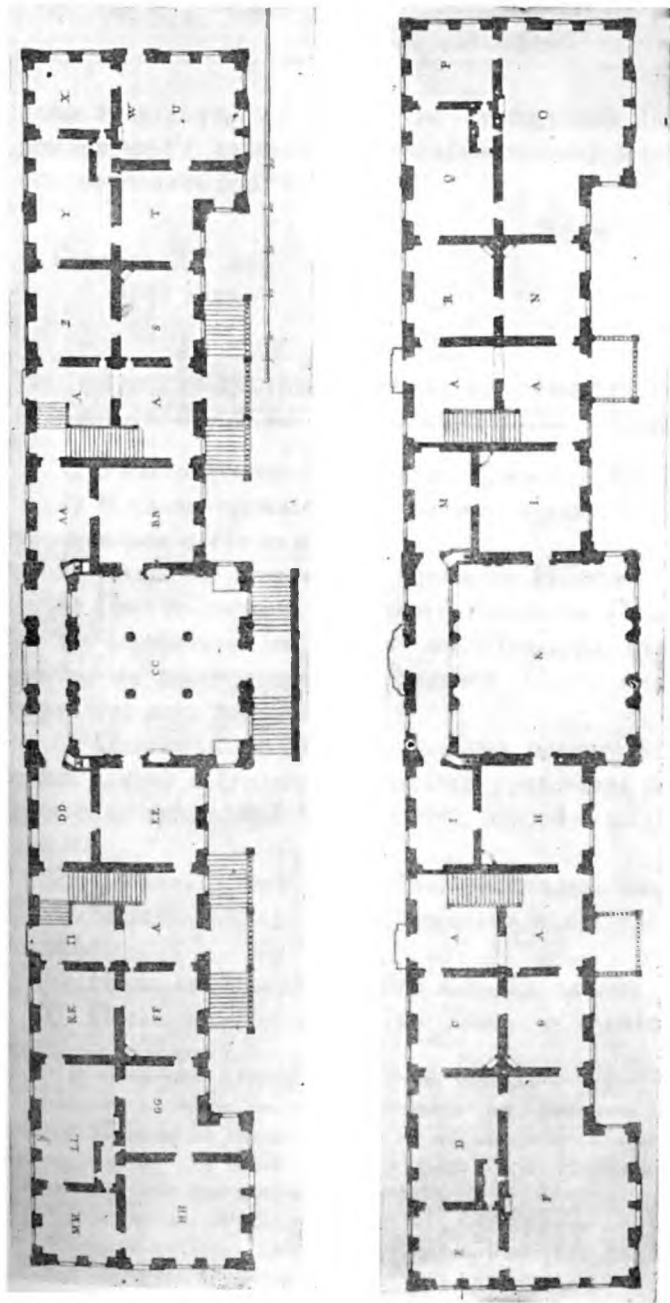
1749 ЯНВАРЯ 22. РЕПОРТ КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРЯ Ф.-Г. ШТРУБЕ-ДЕ-ПИРМОНТА О ВЫПИСЫВАНИИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ НАУЧНЫХ КНИГ

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

По указу е. и. в. из Канцелярии Академии Наук велено мне, яко находящемуся в должности конференц-секретаря, всем академикам представить, дабы они учиненные ими поныне примечания к новоизданным авторам в Канцелярию подали, чтоб их перевести на российский язык и печатать, и чтоб из Библиотеки и Книжной лавки требовали книги, потребные к нынешнему 1749 году.

И на помянутый указ, объявленный мною всему собранию академиков, гг. присутствующие ответствовали, что в прошлом 1748 году никакие до их наук касающиеся книги, сколько они о том известны, в Библиотеку не внесены и ныне в Книжной лавке не имеются. А дабы пред исполнение по вышеписанному указу чинено было, то оные гг. желают, чтобы новоизданные в чужих государствах книги, которые в Книжной лавке находятся, им объявлены были и впред без укоснения выписы-

План здания Академии Наук

Гравера И. А. Соколова (1741)

Сверху второй этаж, снизу первый этаж. А — сени; С, D — палаты для профессорских лекций; Е, F, G — палаты, на физические эксперименты отведенные; Н — камера Конференции; I — Архив; К — большая зала Конференции; L, M — Географический департамент; N, O, P — Рисовальная и Гравировальная палаты; QR — Палата для печатания гравированных фигур; CC, DD, EE — Книжная лавка; FF, GG, HH, II, KK, LL, MM — Типография; S, T, U — Токарня; W, X, Y, Z — Инструментальная палата; AA, BB — Словолитня.

ваны и каталоги бы оных им сообщались. Таким образом, помянутые г.г. академики по Академическому регламенту с охотою исполнять будут.^а

Strube de Piermont

Генваря 22^б дня
1749 году

425

1755 ФЕВРАЛЯ 25—1757 ФЕВРАЛЯ 13. ЗАМЕТКИ О ПРИЧИНАХ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

- 1) Университетский регламент. Комиссия была напрасно.
- 2) В члены произведен не по достоинству, без избрания от профессоров и без экзамена.
- 3) Академия погорела. Канцелярия. Нартов.
- 4) Письмо писал к президенту. Комиссия. Пустая.
- 5) Челобитную из Сената^в на Шумахера, от профессоров отдано на рассмотрение^г президенту. Никто ни обвинен, ни оправлен; двор дан ордером.
- 6) Отъезжая на Украину, поверил правительство в отсутствии одному Ш[умахеру], а приехав, представил в присутствии трех человек: первый бессовестный, другой — шалун, третий — невежа.
- 7) С приезде граф был в Академии только однажды.
- 8) Между тем, сколько я трудился и дел сделал, вам известно.
- 9) Ныне ежемесячные листы поверил одному Мил[леру].
- 10) После пожару объявлено ложно о глобусе и прочем.

^а В черновике желают... с охотою исполнять будут написано рукой Ломоносова на полях вместо зачеркнутого им намерены реестры новым книгам, которые до науки каждого из них потребно и о которых они известие получают или вновь во свет изданы будут, сочинить и Канцелярии Академии Наук немедленно объявить.

^б В черновике 23.

^в Сената написано вместо зачеркнутого Комиссия из.

^г Зачеркнуто профессоров.

- 11) Просили о рангах; Т[еплов] для честолюбия отсоветовал, и везде говорили, что то и то.
- 12) Князю Голицыну реприман за меня. Штиль Теплова.
- 13) Сколько профессоров вытеснил.
- 14) Приказывает без себя ничего не делать.
- 15) Профессоры ходят к нему, а не к президенту.
- 16) Определение Миллера в конференц-секретари.
- 17) Хотел меня отлучить от химии и дать Бургаву.
- 18) Отпуск в Москву. Князь Гол[ицын] спрашивал у Шу-махера. Шумахер не показал. Теплова письма не хотел показать.
- 19) ^a
- 20) Чтоб свое неправое произвождение себя в члены при-крыть, то не токмо почетные без согласия академиков, но и дей-ствительные выписываются и по произволению высылаются. Для того никто не едет.^б
- 21) Для меня одного по приезде из Москвы был выговор Академическому собранию.
- 22) Я о похищениях и о утеснении других служителей ни-чего не знаю, для того что сие надлежит до дел канцелярских, в которых никакого участия не имею.
- 23) Последнее дело.^в
- 24) Диплом себе с начала взял, как сел, а профессорам при отъезде дал, и то по моим частым представлениям.
- 25) Отмена ректора: за историографа ботаника.
- 26) Крашенинников поставлен во всегдашние ректоры, ко-торый, не видя университета, не знал поступать со студентами, испортил.
- 27) Историческое собрание сделано ради Миллера беспутно.
- 28) Браун посажен и после отлучен от академиков.
- 29) Секретари переменились: Винцгейм, Штрубе, Рихман, Гришов, Штафенгаген, Миллер.

^a Зачеркнуто Пишет о лучшей типографии берл[инской?] чему [?] из-Москвы чтобы.

^б Для того никто не едет приписано другими чернилами.

^в Весь последующий текст написан другими чернилами.

30) Не знаем, президенту ли или регламенту последовать. Все пункты переменены, а Теплов говорит: ничего не отменено.

31) С начала Канцелярия старалась большинство взять над профессорами. Возвышал молодых из своей дружбы, утеснял старых.^a

32) Канцелярия не давала первым профессорам студентов затем, чтобы профессоры лекциями не прославились.

33) Сколько книгами раздарено!

34) Счет Книжной лавки и Типографии!

35) Бургав не ходит, а жалованья прибавлено 500 руб.

36) Академики числятся члены, а не употребляются. Для чего ж мы? на что ж получаем жалованье?

426

1757 МАРТА 13. УКАЗ КАНЦЕЛЯРИИ АН КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРЮ МИЛЛЕРУ О ЗАПРЕЩЕНИИ ПЕЧАТАТЬ В «ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СОЧИНЕНИЯХ» ЭПИГРАММУ А П. СУМАРОКОВА И СТАТЬЮ Г. А. ПОЛЕТИКИ

Указ е. и. в. самодержицы всероссийской из Канцелярии Академии Наук г. конференц-секретарю и профессору Миллеру. По поданным от вас доношениям о напечатании в «Ежемесячных сочинениях» сообщенной вам эпиграммы и набранной уже отчасти пиэсы коллежского асессора и синодального переводчика Полетики приказали: как упомянутой эпиграммы, так и асессора Полетики пиэсы о начале учения и училищ в России для усмотренных во оной разных непристойностей не печата-

^a Все дальнейшее написано на листе бумаги другого качества, под следующей записью, сделанной, судя по цвету чернил, в другое время:

- 1) О Гимназии.
- 2) О Университете.
- 3) О Академии Наук.
- 4) О Академии Художеств.
- 5) О Российском собрании.
- 6) О Библиотеке.
- 7) О Канцелярии.

тать, а впредь сообщать вам всегда в Канцелярию реестр вносимым в каждый месяц пиэсам, дабы присутствующие в оной члены, которые по силе 50 пункта Академического регламента в небытность президента должны всем корпусом так, как президент сам, управлять, о том известны были и в сумнительных случаях надлежащее определение учинить могли; каковые же в ваших доношениях находятя неприличные выражения, от таковых вам впредь остерегаться и Канцелярию подобными сему делу диспутами не утруждать; а ежели в издании книжки нынешнего месяца на положенный срок учинится какая остановка, то вам в том ответствовать, ибо у вас всегда имеет быть довольно запасных материй, а хотя бы, противно всегдашнему вашему объявлению, ныне оных и не было, то, однако, имеючи по силе инструкции его сиятельства г. президента всех адъюнктов, переводчиков и студентов к сему делу в своей диспозиции, сколько потребно немедленно приготовить можете. И г. конференц-секретарю и профессору Миллеру учинить о том по сему е. и. в. указу. Марта 13^а дня 1757 году.

У подлинного подписано тако:

Михайло Ломоносов

Регистратор Дмитрий Тимофеев

Канцелярист Иван Дандулин

427

1757 МАРТА 14—АПРЕЛЯ 10. ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ПРЕЗИДЕНТУ АН ПО ПОВОДУ ЗАПРЕЩЕНИЯ ПЕЧАТАТЬ В «ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СОЧИНЕНИЯХ» СТАТЬЮ Г. А. ПОЛЕТИКИ

Неприличности, которые г. Миллер показал в своем доношении от 14^б марта сего 1757 года

1

Доносит Канцелярии, что ему сомнительно кажется, оный указ писал ли г. советник Ломоносов с ведома г. статского советника Шумахера и коллежского асессора г. Тауберта. Здесь

^а В подлиннике ошибочно 12.

^б В подлиннике ошибочно 17.

он г. статского советника Шумахера и г. асессора Тауберта называет такими оплошными и нерадивыми людьми, которые всё не делают по общему согласию, но по пристрастию уступают г. советнику Ломоносову, что самая ложь и помянутым членам ругательство, а г. советнику Ломоносову злобное огорчение, якобы он писал указы высочайшим именем е. и. в. тайно и без согласия г.г. прочих присутствующих; притом поносит канцелярских служителей, которые указы справляют. Всем сим старается опорочить и низвергнуть учреждение президентское с ругательством. Еще ж пишет: «ни г. статский советник, ни г. ассессор Тауберт о достоинстве пиесы г. Полетики не знает; смотрел г. советник Ломоносов — один доводчик и судья». Здесь назвал он г. статского советника Шумахера и г. асессора Тауберта невеждами, а г. советника Ломоносова презрительным и бесчестным именем — «доводчиком», которым именем называют людей подлых и подозрительных при розыскных делах.

2

По малому своему знанию, как в прежнем, так и в нынешнем своем доношении пишет, что помянутая пиеса есть наилучшая, которая до сих пор и проч.

Однако всепокорнейше просит прочесть указ государя Петра Великого, при сем приложенный, притом и сам не помнит, что писал в предуведомлении; выключает г. советника Ломоносова от рассуждения о пиесах, где всякому академическому члену рассуждать свободно по силе предуведомления; и его должность рассуждать о таких неприличностях вдвое больше, нежели Миллера, потому как члена Канцелярии и члена Собраний.

3

При сем употребляет он, г. Миллер, всякие ябеднические проiski: 1-е) что г. Ломоносов не определен именным указом; 2-е) что будто он всегда с ним, Миллером, в ссоре; 3) что сочинителю обида, а не рассуждает сам обиды всей Академии, а особливо Канцелярии; 4) будто его Канцелярия отягощает;

5) что Канцелярия тогда президентскую власть имеет, когда его совсем нет; 6) что будто сие дело партикулярное 7) и что он впасть может опять в ипохондрию. Сие обыкновенное его извинение употребляет всегда в защищение своих нахальных поступок, презирает повеление его сиятельства, пишучи бесстыдно в Канцелярию в такой силе: «Я новых членов, определенных его сиятельством, за членов не признаю, затем что еще Сенат того не апробовал».

Всем сим показывал он свою древнюю вкорененную зависть, злобу, и необузданное властолюбие, и презрение людей честных, которые об общем добре радеют и пресекают его коварные поступки, которые всегда показывали, что он, приводя Академический корпус в замешательство, чрез вредное и бесчестное унижение других себя ищет возвысить.

428

*1757 ИЮНЯ 2. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПЕРЕЧНЕЙ СТАТЕЙ, НАМЕЧАЕМЫХ
К ОПУБЛИКОВАНИЮ В «ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СОЧИНЕНИЯХ»*

1757 году... 2-е июня понедельник.

В Канцелярию Академии Наук гг. присутствующие при-
были... г. коллежский советник Ломоносов... г. надворный со-
ветник Штелин...

Посланным Конференции к секретарю и профессору г. Мил-
леру марта от 13 числа сего 1757 году указом между прочего
велено сообщать ему всегда в Канцелярию реестр вносимым
в каждый месяц пиесам, дабы присутствующие во оной члены.
которые по силе 50 пункта Академического регламента в небыт-
ность президента должны всем корпусом так, как президент
сам, управлять, известны были и в сумнительных случаях над-
лежащее определение учинить могли; токмо по тому указу та-
ких оглавлений, кто именно и какие материи сочиняет и перево-
дит, от него, г. Миллера, прежде печатания «Ежемесячных со-
чинений» никогда подавано не бывает, а сообщаются оные после.

когда уже те «Сочинения» из печати выйдут. Того ради приказали: к нему, г. Миллеру, еще послать указ, дабы показанные оглавления от него подаваны были наперед каждого месяца, какие в «Ежемесячных сочинениях» материи печататься будут, а не после, когда те «Сочинения» уже напечатываются. . .

Михайло Ломоносов

И. Штелин

Иван Тауберт

Регистратор Дмитрий Тимофеев

429

1757 ИЮНЯ 6. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН О ПОСТРОЙКЕ НОВЫХ ЗДАНИЙ ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В Канцелярию Академии Наук

Представление

Канцелярии Академии Наук довольно известно: 1) что многие академические служители живут от Академии в отдалении не токмо по Васильевскому острову, но и на Петербургской стороне, также близ Невского монастыря и в других частях в немалом расстоянии, а сие чинится оттого, чтобы им квартиры по малому жалованью иметь дешевле; 2) что некоторые академические департаменты, как Лаборатория, Ботанический сад, Библиотека, дом университетский, от главного корпуса стоят в разделении. От сих обстоятельств происходят следующие затруднения: 1) мастеровые люди ради дальнего расстояния приходить не могут в надлежащее время или, хотя и придут, однако усталые и отдыху требуют, отчего чинится напрасная трата времени; 2) оные мастеровые люди для дальнего отстояния своих квартир прогульные свои дни свободно могут извинить болезнью, что они о той в Академии объявить не могли, не имея кого послать; 3) и хотя иные действительно больны, что нередко многим в толиком числе вдруг случается, однако ради

дальности по разным частям всего города академическому лекарю по всем ходить не токмо для излечения, но и для свидетельства невозможно; 4) ученики, которые в Академии обучаются, а особливо в Гимназии на академическом жалованье, живут по разным местам у своих родителей или свойственников, и для того не токмо позным приходом и отговоркою иногда притворной болезни много прогуливают, но и по домашним дурным примерам навывают неприличным поведением; 5) многие профессеры университетские для чтения лекций принуждены из квартир своих ходить чрез нарочитое расстояние, а особливо осенью и весною в ненастные дни не без чувствительной трудности, равно как и академические члены для делания опытов и для наблюдения, как физик, астроном, механик, анатомик, для удаленных квартир не могут всегда удобно исправлять своей должности и в извинение какие-нибудь затруднения показать могут; 6) а когда они друг от друга в опытах взаимной помощи требуют, то для разделения по разным в знатном расстоянии квартирам того чинить не могут; 7) для найму профессорам квартир, а особливо иностранным для незнания их здешних обрядов принуждена бывает Канцелярия вступать с хозяевами домов в контракты не без излишней заботы, и оные профессеры, живучи в частных домах, нередко претерпевают беспокойство для полицейских должностей и помешательство в науках; 8) в разных местах в знатном расстоянии разделенные академические департаменты весьма препятствуют, чтобы главные Академии командиры могли везде осматривать, все ли дела должным порядком происходят; 9) для надзирания и рассылок по толь разно рассеянными департаментам и квартирам должна Академия употреблять излишних служителей и расходы; 10) на квартирные деньги профессорам по их контракту, на перестройку и починку разделенных академических и наемных департаментов изошли казны е. и. в. многие тысячи и впредь исходить будут, а от всех вышеписанных великих неудобностей всегда происходить будут тяжкие препятствия в распространении наук в нашем отечестве, ежели оные неудобности отвра-

щены не будут. От всех сих вредных наукам и отечеству неудобностей избавиться ничем не возможно, как только соединением всех академических департаментов в один корпус и всех служителей в одно здание по примеру Шляхетного кадетского корпуса. К произведению сего великого строения в действие без ущерба казны е. и. в. и без отягощения народного нахожу я следующие способы: 1) к толикому множеству каменных департаментов и покоев, в которых бы все служители академические, науки и художества могли вместиться, во-первых, требуется великое количество кирпича, до несколько миллионов, который ныне для многих публичных и частных строений высокою ценою продается; помянутое множество кирпича может Академия иметь за половинную цену, ежели пожаловано будет ей довольное место неподалеку от Санктпетербурга, в котором для довольства дров можно завести кирпичные заводы, на которых бы не токмо кирпич на академическое строение в довольстве делать, но и на продажу для других можно было, а из суммы за продажный кирпич платить за другие материалы и за работы; 2) ежели в оном месте будет хотя небольшая речка, по которой дрова и лес из академических или из других дач получать лезья будет, то бы построить на ней пильную мельницу, откуда брусья и тес, какой потребен для строения, получать будет Академия, а достальной продавать и деньги употреблять на прочие расходы при строении; и когда с божиною помощию вышепомянутое академическое здание выстроится по намерению, то и впредь оной завод, кирпичный и пильный, будут служить для академических пристроек и починок, а излишек употребляться для новых полезных наукам и художеств учреждений, которые течение времени и приращения наук и художеств покажет. Сверх сего ежели жалованные школьники и студенты содержаться будут в построенном корпусе, а не так, как ныне в рассеянии безо всякого призрения и смотрения живут и в разброде, то понадобятся им на стол всякие припасы, которые при оных заводах весьма удобно по пропорции заготавливаться могут.

Того ради Канцелярии Академии Наук представляю, чтобы его сиятельству Академии Наук президенту обще доложить, не соблаговолит ли приказать просить в Правительствующем Сенате, дабы для вышеписанных важных причин пожаловано было Академии Наук удобное к произведению в действие представленного строения общего и соединенного академического корпуса пристойное и удобное место, где бы вышепоказанные нужные материалы для строения запасать и прочие выгоды для приращения наук иметь можно было. Я твердо уповаю, что все объявленные неудобности, казенные убытки и препятствия наукам и художествам сим отвращены будут и что прочие господа присутствующие с моим к пользе отечества усердием согласны будут, и ежели еще что далее к лучшему успеху в сем представлении прибавить или исправить за благо усмотрят, то ко всему тому я готов показать справедливое единомыслие, и ежели желаемое воспоследует, то крайнее старание приложить намерен, как бы сие дело общим советом учредить и привести в совершенство.

Коллежский советник Михайло Ломоносов

Июня 6 дня
1757 года

430

1757 ИЮНЯ 17. УКАЗ КАНЦЕЛЯРИИ АН КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРЮ Г.Ф МИЛЛЕРУ О НЕДОСТАТОЧНО ВНИМАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКЕ ЗНАНИЙ ИНОСТРАННЫХ ДОМАШНИХ УЧИТЕЛЕЙ

Указ е. и. в. самодержицы всероссийской из Канцелярии Академии наук г. конференц-секретарю и профессору Миллеру. Во оной Канцелярии усмотрено: 1) что многие учителя приходят, которые ничего кроме своего природного языка не знают и правил грамматических никогда не учились, и таким учителем всякому легко быть можно, и ежели так экзаменовать, то все получают аттестаты и от Академии будут учителями больше утверждены, нежели в силу указа по достоинству рас-

смотрены; 2) аттестаты даются весьма нетвердые и в сомнительных терминах, так что из аттестату можно заключить, что один человек достоин и недостоин; 3-е) примечено, что вы экзаменуете во французском языке, которое б надлежало г. профессору Штрубу, и так каждый в своем природном языке, и кто в чем сильнее — экзаменовал бы и в кратких терминах каждый г. экзаминатор дал свое мнение письменно, с которых вам подавать в Канцелярию репорт с своим мнением. И г. конференц-секретарю и профессору Миллеру чинить о том по сему е. и. в. указу.

Михайло Ломоносов

Регистратор Дмитрий Тимофеев
Канцелярист Александр Посников

Июня 17 дня
1757 году

431

1757 ДЕКАБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 9. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ ИСТРЕБОВАНИИ ОТ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ СВЕДЕНИЙ О МАТЕРИАЛАХ, ПОТРЕБНЫХ НА 1758 г.

В Канцелярию Академии Наук

Представление

Во оную Канцелярию подаются безмерно часто от академических департаментов репорты, в которых требуется покупка разных материалов, не показав, на что они изошли и что есть в остатке. И такими мелочью большая часть времени теряется, чем великое препятствие чинится в попечении о подлинном приращении наук и художеств. Сверх того, в мелочных покупках, отдачах и приемах должны происходить трудные счета и занимать много людей и времени, также случиться могут неисправности и недоверенности. Того ради, чтобы такие вредные

излишности отвращены были, приказать во всяком департаменте при окончании нынешнего 1757 года подать примерный счет, сравнив обще прошедшие пять лет, сколько и каких материалов в каждый департамент потребно на целый будущий 1758 год, о чем Канцелярия знать и стараться может. А сколько до наступающего года материалов при каждом департаменте в наличности останется, о том подать в Канцелярию подробную инвентарию. А ежели где на материалы чрезвычайный расход будет, то репортовать в Канцелярию к окончанию трети, ежели нужда потребует, дабы от того не учинилась в деле остановка, и Канцелярия бы могла наперед дополнить недостаток материалов, который воспоследовать может, ибо каждый департамент по препорции расходу предвидеть может, сколько каких материалов на прочее время года не достанет. А при всяком требовании должны подаваться инвентарии остальным материалам, дабы видеть можно было, сколько прикупить должно.

Михайло Ломоносов

Декабря дня
1757 году

432

*1758 МАРТА 16. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ ПЛАНА НОВЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ
ЗДАНИЙ*

Понедельник марта в 16 день 1758 году.

Господа присутствующие все в Канцелярию Академии Наук проезд имели пополуночи в 10-м часу.

Сего числа его сиятельство малороссийский ясновельможный гетман и Академии Наук г. президент граф Кирила Григорьевич Разумовский прибыл в Канцелярию академическую и, слушав представление г. коллежского советника и профессора Ломоносова, которое от него подано в прошлом 1757-м году июня 6 дня о соединении всех академических департаментов в один

корпус и всех служителей в одно здание по примеру Шляхетного кадетского корпуса, приказал сочинить план палатам как для департаментов, так и для служителей, также и исчисление, сколько на те палаты потребно суммы. И о том в Канцелярии учинить обстоятельное определение и доложить его сиятельству. . .

И. Д. Шумахер
Михайло Ломоносов
И. Штелин
Иван Тауберт

Регистратор Дмитрий Тимофеев

433

1758 МАРТА 30. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ОБ УДЕРЖАНИИ ИЗ ЖАЛОВАНЬЯ А. П. СУМАРОКОВА СУММЫ, КОТОРУЮ ОН ДОЛЖЕН АКАДЕМИИ

В прошлых 1748-м и 1751-м годах в разных месяцах и числах по требованиям бывшего при его высокографском сиятельстве г. генерале-фельдмаршале, лейб-компани капитане-поручике, действительном камергере, лейб-гвардии Конного полку подполковнике и разных орденов кавалере графе Алексее Григорьевиче Разумовском генералс-адъютанта (что ныне бригадир) г. Сумарокова напечатано при Академии на его счет разных его сочинения трагедий и эпистол на триста семьдесят два рубли на шестьдесят три копейки, которые как трагедии, так и эпистолы ему тогда ж и отданы, а денег по многим требованиям и поныне в Академию не заплатил; а как известно, что он е. и. в. жалованье получает из государственной Статс-конторы, того ради приказали: в государственную Статс-контору послать промеморию и требовать, чтоб показанные деньги, триста семьдесят два рубли шестьдесят три копейки, из выдаваемого за

ныне истекающую генварьскую сего года треть ему, бригадиру г. Сумарокову, жалованья вычтены и по вычете отданы были академическому комиссару Степану Зборомирскому; а что учинено будет, о том и в Канцелярию академическую сообщено было.

И. Д. Шумахер
Михайло Ломоносов
И. Штелин
Иван Тауберт

Регистратор Михайла Фирсов

Марта 30 дня
1758 году

434

*1758 МАЯ 26. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О РАССЫЛКЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ИНОСТРАННЫМ
ПОЧЕТНЫМ ЧЛЕНАМ АКАДЕМИИ*

Вторник мая 26 дня 1758 году.

В Канцелярию Академии Наук гг. присутствующие прибыли. . . г. статский советник Шумахер. . . г. коллежский советник Ломоносов, г. Канцелярии советник Тауберт, г. надворный советник Штелин. . .

На представление г. Конференции секретаря и профессора Миллера, чтоб здешней Академии Наук к почетному члену и Пизанского университета профессору г. Фризиусу переслать, кроме новых, и старых «Комментарий» с тома IX по XIV, приказали: г. Миллеру ответить, что Канцелярия не рассудила за благо к оному профессору Фризиусу послать требуемые им «Комментарии», потому что 1) такого обыкновения нигде в других академиях нет; 2) ежели к нему послать, то и прочие требовать будут; 3) число членов со временем так умножиться мо-

жет, что наконец весь завод изойдет на одни подарки безо всякой для Академии пользы и с крайним ущербом казенного интереса. . .

И. Д. Шумахер
Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
И. Штелин

Регистратор Дмитрий Тимофеев

435

*1759 ФЕВРАЛЯ 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПРАВКЕ
КОРРЕКТУР «ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СОЧИНЕНИЙ»*

Для приносимых от Типографии великих жалоб в том, что как г. профессор Миллер, так и г. Попов, не исправля манускрипта «Месячных сочинений», после набору делаются великие переправки, отчего с иного листа бывает по шести и до семи корректур, и в том состоит подлинная причина, для чего упомянутые «Сочинения» печатанием так долго тянутся и как ныне в положенное время исправно не выходят, так и впредь при таком беспорядке никогда исправно выходить не могут, приказали: послать о том к г. конференц-секретарю и профессору Миллеру и к г. профессору Попову ордер, в котором написать, чтоб отдаваемый в Типографию для «Месячных сочинений» манускрипт наперед прилежно исправляли, а после набору таких переправок бы не делали, которые требуют великой переработки и столь многих корректур, также бы на корректурных листах всегда подписывали получение и отсылку назад в Типографию, возвращая притом и прежнюю корректуру, а оные листы наборщикам сшивая хранить у себя; когда же оные гг. профессора не будут по тому исполнять, и оттого в делах по Типографии учинится медление, остановка и замешательство, то определенному в факторскую должность наборщику представить о том Канцелярии, а корректору Барсову накрепчайше подтвердить, чтоб он против оригинала орфографические и типо-

графские погрешности выправлял со всяким прилежанием и поспешностию и равномерно на корректурных листах подписывал получение и отпуск, также бы те корректуры делал в Типографии, а не на дому; ежели ж в том от него последует какая остановка или от его несмотрения по должности его останутся погрешности типографские, то за оное неотменно штрафован будет, ибо Канцелярия, видя, что никакие увещания не помогают, принуждена употреблять такую строгость, дабы не допустить Типографию до крайнего беспорядка и до напрасного казенного убытка.

И. Д. Шумахер
Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
И. Штелин

Февраля 1 дня
1759

436

1759 ФЕВРАЛЯ 8. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ О ПРИБАВКЕ ЖАЛОВАНЬЯ И.-Э. ФИШЕРУ

Е. и. в. малороссийскому ясновельможному гетману, действительному камергеру, Академии Наук г. президенту, лейб-гвардии полку Измайловского подполковнику и разных орденов кавалеру, его сиятельству графу Кириле Григорьевичу Разумовскому из Канцелярии Академии Наук

Представление

Прошлого 1757 мая 17 и сего 759 годов февраля 1-го числа поданными челобитными профессор Фишер представляет: в службу-де академическую вступил он с 1730 и определен был тогда при здешней Академической гимназии ректором и Академии адъюнктом и, будучи в оной должности, не токмо имел смотрение Гимназии, но притом сам обучал юношество латинскому языку и разным наукам, сверх же того и всегда присут-

ствовал при собраниях академических, и разные от бывших тогда у него учеников ныне действительно обретаются как при здешней Академии, так и при Московском университете директорами и профессорами, а с 1739 года в силу указа Правительствующего Сената отправлен он от Академии был для собиранья всяких к сочинению «Сибирской истории» потребных известий в Сибирь, где положенную на него должность отправлял с крайним по возможности прилежанием и оттуда возвратился в Санктпетербург в 1747-м году, в котором и произведен он профессором, а с того времени поныне упражнялся в разных и многих трудах и не токмо имел три года надзирание в Гимназии и над студентами, но притом читал и лекции в Университете, а ныне сочинил сокращение «Сибирской истории» и подал в Канцелярию, которое переводится на российский язык; а жалованья получает только по шестисот по шестидесяти рублей в год и просит, чтоб за двадцатисемилетнюю его верную, беспорочную и полезную службу и за понесенные во время езды по сибирским городам труды наградить его прибавкою жалованья против прочих профессоров. А по мнению Канцелярии Академии Наук, оному г. профессору Фишеру за его толь долговременную службу и для поощрения его впредь к ревностным трудам к получаемому его шестисотшестидесятирублевому годовому окладу прибавить по справедливости можно двести рублей, и так производить ему по восьми сот по шестидесяти рублей в год, а за сие прибавочное жалованье трудиться ему, сверх профессорской университетской должности и заседания как члену Исторического собрания, в нужных переводах с российского на латинский язык, а особливо исторических, дабы о делах российских государей обстоятельнее и достовернее в свете известие распространилось.

Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
И. Штелин

Февраля дня
1759 году

1759 МАЯ 27. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О НАЗНАЧЕНИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ ДЛЯ «ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ
СОЧИНЕНИЙ»

1759 году мая 27 дня четверток.

В Канцелярию Академии Наук прибыли... г. надворный советник Штелин... г. Канцелярии советник Тауберт... г. коллежский советник Ломоносов... и слушав нижеозначенных дел...

Доношения г. конференц-секретаря и профессора Миллера, коим представил: умерший-де переводчик Голубцов наиболее упражнялся в переводе вносимых им в «Ежемесячные сочинения» пиесов, а дабы затем оным сочинениям остановки не последовало, требовал на место его другого, и чтоб оный во всякое время, когда нужда потребует, то дело исправлял, не отговариваясь другими делами, а переводы бы пересмотрены и поправлены были с большим прилежанием так, чтоб «Сочинения» не меньше от исправности и красоты штиля, как от полезных материй впредь охраняли. Приказали: на место переводчика Голубцова для переводу вносимых в «Месячные сочинения» пиесов выбрать г. профессору Модераху из студентов двух человек, которые бы в языках больше упражнялись и как в переводах и в красоте штиля способны были, представить в Канцелярию при репорте, о чем к нему, г. Модераху, послать ордер. ...

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

438

*1759 ИЮЛЯ 15. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ
ИСХОДАТАЙСТВОВАНИИ ДОБАВОЧНОЙ СУММЫ НА ДО-
СТРОЙКУ ПОГОРЕВШИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПАЛАТ*

В Канцелярию Академии Наук

Представление

Хотя ордером его сиятельства Академии Наук г. президента велено определенную по академическому статусу сумму из книжных доходов на умножение Библиотеки и Кунсткамеры употребить на строение шкафов и прочих приличных украшений в Библиотеку и Кунсткамеру и оную, отделив от прочей академической суммы, держать за печатью г. Канцелярии советника Тауберта, однако учинить по оному ордеру следующие причины не позволяют: 1) что она сумма по две тысячи рублей в год определена не на выстройку погоревших палат, но на размножение Библиотеки и Кунсткамеры; 2) Правительствующий Сенат определил на сию починку сумму особливую, и ради того она не должно мешать с академическою казною, но чего еще на достройку недостает, требовать должно от Правительствующего Сената; 3) известно, что кунсткамерские вещи и книги в Библиотеке стоят в шкафах, то еще нет необходимой нужды, чтобы делать новые, но могут стоять в прежних, пока сумма на новые от Правительствующего Сената истребована будет; 4) также довольно Канцелярия академическая чувствует повседневное скучание требующих заслуженного жалованья и везде приносящих жалобы о удержании оногo, что прежде отвратить должно, нежели Библиотеку и Кунсткамеру украшать позолоченными шкафами, а особливо что истинное их украшение состоит во множестве редких и нужных книг и вещей, любопытства достойных; 5) и хотя сия сумма не из положенной по статусу академической, однако употреблена быть на достройку погорелых палат не может, затем что на исправление старой и совершение новой Типографии нужна необходимо; 6) по счетам явствует, что положенной суммы от времени конфирмации

регламента на студентов в остатке около двадцати тысяч; не упоминаю, что должна Академия по силе регламента употребить на пенсии почетных членов и на награждения за ежегодные задачи; сие все ежели взять и отделить от академической суммы, по примеру как истребовал г. Канцелярии советник Тауберт, то всей годовой суммы едва ли на то достанет. Того ради Канцелярии Академии Наук сим представляю, дабы его сиятельству Академии Наук г. президенту представить, чтобы соблагволил определить о исходатайствовании от Правительствующего Сената добавочной суммы на достройки погорелых палат и чтобы отделенной сумме, как выше показано, приказал быть вместе с прочею, общею по узаконениям и поведением прочих коллегий за общею гг. присутствующих печатью.

Михайло Ломоносов

Июля 15 дня
[1759 года]^а

439

1759 АВГУСТА 12. МНЕНИЕ ПО ДЕЛУ О ПОДРЯДЕ НА КАМЕННЫЕ И ШТУКАТУРНЫЕ РАБОТЫ В ОБСЕРВАТОРИИ

В Канцелярию Академии Наук

от коллежского советника Михайла Ломоносова

Мнение

Хотя о выстройке на академических погоревших палатах Обсерватории каменною штукатурною работою вольному столлярному мастеру Кинту за тысячу за девятьсот рублей определение, подписанное гг. Канцелярии советником Таубертом и надворным советником же Штелином, сего августа 12^б числа к подписанию и было мне предложено, токмо оно я не подписал, да и подписывать мне не должно, ибо торг о том окончан в бытность мою по соизволению его высокографского сиятель-

^а Низ листа, где был написан год, отрезан.

^б В подлиннике ошибочно 19.

ства Академии г. президента в отпуску, да и то определение учинено приказанием оных гг. Тауберта и Штелина без общего со мною согласия. А притом объявляю, что той Обсерватории выстройку за показанную цену, которая против архитектурской сметы превосходит четырьмя стами пятьюдесятью пятью рублями шестьюдесятью восьмью копейками, отдавать не должно б, к тому ж и подрядчиков, кроме иноземцев Кинта и Бехера, в торгу не было, а как видно, что они других подрядчиков не допускают, да тож хотя и торговались, но токмо для одного виду, ибо ту работу, как известно, приняли на себя обще, а не один Кинт, и в том он на них, Кинта и Бехера, имеет крайнее сомнение. И для того к тому строению их допускать и контракта с ними заключать не должно и за превосходною ценою совсем им отказать и впредь не только к строению, но и в торг с другими не допускать, а учинить еще публику; если ж вскоре других подрядчиков не явится, то для будущих осеннего и зимнего времени покрыть и загородить тою Обсерваторию в надлежащих местах досками, на что чаятельно кошт надобен небольшой, а в будущем году начать оную выстройку по той же архитектурской смете с маяя месяца, почему надеяться можно, что во оное время не только за архитектурскую в смете цену, но и с немалым уменьшением отделать другие подрядчики возьмут. И сие мое мнение приобщить при том определении.

Михайло Ломоносов

Августа 12 числа
1759 года

440

1759 ОКТЯБРЯ 14—15. УКАЗ КАНЦЕЛЯРИИ АН В АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ А. П. ПРОТАСОВУ ПРАВА УЧАСТВОВАТЬ В ЭТОМ СОБРАНИИ

Указ е. и. в. самодержицы всероссийской из Канцелярии Академии Наук в Профессорское собрание.

По указу е. и. в. в Канцелярии Академии Наук определено: адъюнкту Алексею Протасову ходить в оное собрание и по при-

меру прочих адъюнктов иметь заседание в том собрании, и Профессорскому собранию о том ведать, а ему, Протасову, в Академической канцелярии об оном объявлено октября 14 дня 1759 году.

Михайло Ломоносов

Секретарь Михайло Гурьев
Коллегии юнкер Иван Орлов

441

*1760 ФЕВРАЛЯ 28. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
ОБ УКРЕПЛЕНИИ БЕРЕГА РЕКИ НЕВЫ ПРОТИВ ЗДАНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК*

1760 года февраля 28 дня понедельник.

В Канцелярию Академии Наук прибыли... г. Канцелярии советник Тауберт... г. коллежский советник Ломоносов... г. на- дворный советник Штелин... и слушав нижеобъявленных дел...

Потом имея рассуждение, что отлежащий при Академии от Невы-реки берег по неимению укрепления так водою смыло, что уже и проехать коляскою не можно, почему и крыльцо для всходу в Канцелярию построено на другой стороне палат, а во время небольшого от прибылой воды наводнения и самые палатные стены всегда размывает и портит, и хотя оные ежегодно академическим коштом во отвращение опасности починиваются, однако ж далее без укрепления оный берег оставить опасно, дабы палатам не приключалось наибольшего повреждения и оттого несчастья и убытка. А понеже в академическом штате на таковые исправления никакой суммы не положено, и публичные строения все исправляются от Канцелярии от строений, почему и оный берег исправить должно от оной же Канцелярии, приказали: во оную Канцелярию послать промеморию и требовать, дабы соблаговолено было при палатах Академического корпуса берег во отвращение явной опасности и излишних убытков

исправить сего года летом, а на насыпку берега можно будет щебень перевезть от строящегося Зимнего е. и. в. дому на барках, и что в резолюцию последует, Академическую канцелярию уведомить. . . .

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

442

*1760 МАРТА 8. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О НЕДОПУЩЕНИИ ВОИНСКОГО ПОСТОЯ В ЗДАНИИ КУНСТ-
КАМЕРЫ*

1760 года марта 8 числа среда.

В Канцелярию Академии Наук прибыли... г. коллежский советник Ломоносов... г. Канцелярии советник Тауберт... г. надворный советник Штелин... и слушав нижеобъявленных дел...

Потом г. Канцелярии советник Тауберт объявил словесно: сего-де марта 7 числа Ингермоланского полку квартирмейстер, приходя в дом дворян Демидовых, где Библиотека и Кунсткамера, требовал об отводе по данному ему от Главной полицымейстерской канцелярии билету для постановления солдат покоев. И понеже оный дом под Библиотеку и Кунсткамеру отдан в 1747-м году по именному е. и. в. указу, и оные дворяне Демидовы им не владеют и никаким образом не пользуются, о чем и полиции известно, того ради приказали: в Главную полицию послать промеморию и требовать, дабы тот поставляемый в Кунсткамеру и Библиотеку постой яко непристойное и неслыханное в свете дело отменить, а притом объявить, если от Ингермоланского полку по данному от оной Полицымейстерской

канцелярии билету еще приходиться будут для поставления в Кунсткамеру постоя и насильство какое воспоследует, то о том в Кабинет е. и. в. немедленно репортовано быть имеет. . . .

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

443

1760 МАРТА 17. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ОБ УВОЛЬНЕНИИ И.-Х. ГЕБЕНШТРЕЙТА ОТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ И О НАЗНАЧЕНИИ НА ЕГО МЕСТО И.-Т. КЕЛЬРЕЙТЕРА

Сего марта 15 дня из Лейпцига от 9 февраля получено в Академическую канцелярию от г. профессора Гебенштрейта доношение, которым просит для представленных от него в том доношении причин от академической службы увольнения, а в контракте его о бытии ему в службе при Академии никакого срока не положено. Того ради по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук приказали: онного профессора Гебенштрейта по тому его прошению от академической службы уволить, а на место его гг. академики признавают ли доктора и адъюнкта Кельрейтера достойным быть ботаники и натуральной истории профессором и надобно ли, чтоб он для уверения о знании своем в ботанике, сверх поданных им уже разных о истории натуральной диссертаций, подал еще особливый в ботанике specimen, или и без specimen достоин, о том, в силу его высокографского сиятельства Академии г. президента инструкции 17 пункта, не только от гг. академиков, но и от пребывающих здесь гг. почетных членов, знающих ботанику, требовать г. конференц-секретарю от каждого на письме его мнение, а по

истребовании представить в Канцелярию Академии Наук при репорте. И о том в Академическое и Историческое собрание послать указ.

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

Подписан марта 17 дня
1760 года

444

1760 АПРЕЛЯ 12. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О НАЗНАЧЕНИИ Н. Н. МОТОНИСА РЕДАКТОРОМ ПЕРЕВОДОВ, ПУБЛИКУЕМЫХ В «ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СОЧИНЕНИЯХ»

Понеже г. конференц-секретарь и профессор Миллер неоднократно Канцелярии академической словесно представлял, что определенные к нему для «Месячных сочинений» студенты Самсон Волков и Алексей Разумов в переводах с немецкого на российский язык весьма недостаточны, да и за переводчиками-де, которые в оные же «Сочинения» переводят, просматривать и в штиле поправлять необходимо надобно, и чтоб к тому определить кого-нибудь, искусного в иностранных языках и в российском штиле. А в инструкции его высокографского сиятельства Академии г. президента между прочего в 9-м пункте написано: «Месячные сочинения» продолжать оному г. конференц-секретарю безотговорочно в силу прежних его сиятельства определений, и в том Канцелярии яко в деле, зачатом для удовольствия публики, всякое вспоможение чинить, в 10-м: переводчикам как своим, так и сторонним, которые сверх их должности в полезных и печати достойных переводах трудиться будут, давать награждения деньгами из книжных доходов. Чего ради и призываны были в Канцелярию адъюнкты Матонис и Козицкой, и в присутствии сего апреля 11 числа объявлено им было, желает ли кто из них принять на себя из награждения

поправление переводов, вносимых в «Месячные сочинения», однако из них Козицкой объявил, что он за положенными на него другими делами оного на себя не приемлет, а Матонис объявил же, что он сверх его должности из награждения то исправлять желает. Того ради по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук приказали: поправление переводов, вносимых в «Месячные сочинения», препоручить оному адъюнкту Матонису, а за то, яко сверх его должности наложенное на него дело производить ему в награждение по сту рублей в год из Книжной лавки на счет прибыльной от печатания тех «Сочинений» суммы, до тех пор покуда он в поправлении вносимых в оные «Сочинения» пиес упражняться будет. И о том к нему, Матонису, и к тем, кто в «Сочинения» материю переводить будут, также и к г. Миллеру для ведома послать ордеры.

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

Апреля 12 дня
1760 года

445

1760 МАЯ 5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПРОИЗВОДСТВЕ С. К. КОТЕЛЬНИКОВА В ОРДИНАРНЫЕ ПРОФЕССОРЫ

1760 года мая 5 дня, по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук, слушав прошения экстраординарного профессора Семена Котельникова, коим просит о произведении его ординарным профессором с прибавкою жалованья, и понеже оный Котельников состоит при Академии в службе с 1741 года и, будучи в чужих краях, приобрел достаточное знание в вышней математике и состояния честного, за что в 1756-м году произведен экстраординарным профессором с жалованьем по пятисот по шестидесяти рублей в год, его ж высокографское сиятельство

Академии г. президент в бытность свою здесь о произведении его, Котельникова, ординарным профессором при прочих Академической канцелярии гг. присутствующих рассуждение иметь изволил, но за отъездом его сиятельства резолюции еще не учинено. Того ради приказали: о произведении его, Котельникова, в рассуждении его наук ординарным профессором с жалованием по шестисот по шестидесяти рублей в год, считая в чин произведение и жалование генваря с первого числа сего году, представить его высокографскому сиятельству, при чем приговоря послать для подписания и диплому.

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

446

*1760 МАЯ 12. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПЕРЕДАЧЕ
«СПЕЦИМЕНОВ» Г. В. КОЗИЦКОГО И А. П. ПРОТАСОВА В АКА-
ДЕМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ*

1760' года мая 12 дня по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук приказали: внесенные от гг. адъюнктов Протасова и Козицкого specimenны для освидетельствования отослать в Профессорское собрание при указе и по освидетельствовании, достойны ли оные быть — Протасов медицинии доктором и анатомии профессором, а Козицкой красноречия и философии и латинских словесных наук профессором же, о том подать в Канцелярию репорт.

Михайло Ломоносов

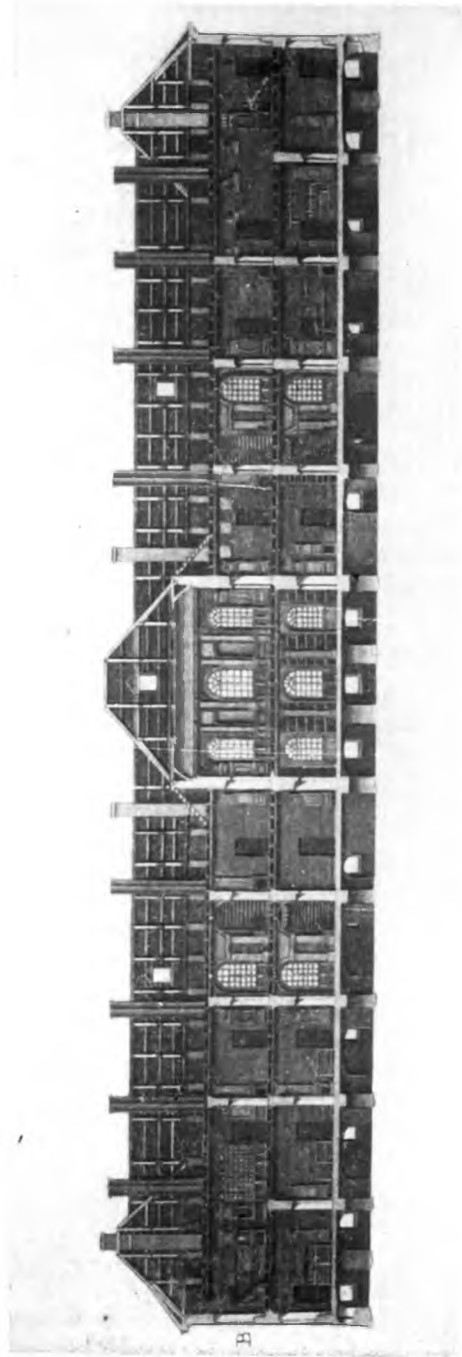
Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

1760 МАЯ 23. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ОБ ИСХОДАТАЙСТВОВАНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ НА ПОСТРОЙКУ НОВЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЗДАНИЙ

Когда блаженные и вечнодостоинья памяти государь император Петр Великий в 1724-м учредил Академию Наук, то в то же время указать изволил для оной на Васильевском острову, позади новопостроенных тогда палат Библиотеки и Кунсткамеры и позади отданного под Академию дому блаженных памяти государыни царицы Параскевии Федоровны сделать наподобие замка каменное строение, в котором бы как профессора, так и прочие при Академии нужные чины жительство иметь могли, которому строению тогда же сделан был проект полковником Трезиним. Учрежденная после того для порядочного расположения санктпетербургского строения Комиссия сочинила вторичный проект о соединении в один корпус всех академических департаментов, который также, за неопределением суммы, остался без исполнения. А понеже Академический корпус с того времени знатно умножился и некоторые департаменты, яко Химическая лаборатория, Театр анатомический, Ботанический огород, Университет и Гимназия по крайней необходимости учреждены от главного Академического корпуса в отдаленных разных местах, отчасти в купленных, а отчасти в наемных домах, также многие академические чины и служители живут по разным частям города в немалом расстоянии, и от сих обстоятельств происходят следующие затруднения: 1) профессора университетские для чтения лекций принуждены из квартир своих ходить чрез нарочитое расстояние, а особливо осенью и весною, в ненастные дни не без чувствительной трудности, и в одном том хождении теряют немалую часть определенного для учения времени; равномерно и академики, яко физик, астроном, механик, анатомик и прочие, для удаленных квартир, не могут удобно исправлять своей должности; 2) когда они друг от друга в опытах взаимной помощи требуют, то для

Продольный разрез здания Академии Наук
Гравюра А. Полякова (1741)

разделения по разным в знатном расстоянии квартирам того чинить не могут; 3-е) для найму профессорам квартир, а особливо иностранным, не знающим здешних обрядов, принуждена бывает Канцелярия вступать с хозяевами домов в контракты не без излишней заботы, и оные профессеры, живучи в частных домах, нередко перетерпевают беспокойство для полицейских должностей и помешательство в науках; 4-е) разных наук и художеств ученики, которые в Академии обучаются и содержатся на академическом жалованье, живут по разным местам у своих родителей или свойственников и для того поздним приходом и отговариваясь иногда притворною болезнию много времени прогуливают; 5-е) художники ради дальнего расстояния приходиться не могут в надлежащее время, а хотя и придут, однако усталые и отдыху требуют, отчего чинится также напрасная трата времени и в работах медление; 6-е) оные же художники для дальнего отстояния своих квартир, прогуливая свои дни, свободно могут извиниться болезнию и что они о той в Академии объявить не могли, не имея кого послать, а когда действительно больны, что нередко многим вдруг случается, то дальности ради по разным частям города академическому лекарю по всем ходить не только для лечения, но и для свидетельства невозможно; 7-е) в разных местах в знатном расстоянии разделенные академические департаменты весьма препятствуют, что командиры Академии не могут везде осматривать, все ли дела должным порядком происходят; 8-е) для надзирания и рассылки по толь разнорассеяннм департаментам и квартирам должна Академия употреблять излишних служителей и расходы; 9-е) на квартирные деньги профессорам по их контрактам, на перестройку и починку отдаленных академических и наемных домов изошли из казны е. и. в. многие тысячи и впредь исходить будут, а от вышеписанных великих неудобностей, ежели оные отвращены не будут, всегда происходить будут препятствия в распространении наук и художеств в отечестве. А иным от того избавиться не можно, как только соединением всех академических департаментов в один корпус и всех служителей

в одно здание по примеру Сухопутного и Морского шляхетных корпусов и других сему подобных учреждений, почему в прошлом 757-м году г. коллежский советник Ломоносов вновь представлял в Академической канцелярии о построении академического корпуса на лугу против коллегий и по ордеру его высокографского сиятельства Академии г. президента сочинил он тому строению примерные планы и фасады, также купно с архитектором академическим показал примерный счет, что на оное строение потребно суммы до девяноста тысяч рублей. Того ради по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук приказали: в Правительствующий Сенат взнести доношение, которым просить, не соблаговолено ль будет для толь нужного соединения академических департаментов в здание одного корпуса к скорейшему произведению и приращению наук и художеств определить вышепомянутую сумму девяноста тысяч рублей и выдавать разделенно на пять лет по равным частям, а как оное главное строение академического корпуса расположено, тому представить оные примерные планы и фасады со описанием на рассмотрение Правительствующему Сенату.

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

Маия 23 дня

1760 году

448

1760 НЕ ПОЗДНЕЕ ИЮНЯ 4. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О НЕПРАВИЛЬНОСТЯХ, ДОПУЩЕННЫХ ПРИ СДАЧЕ ПОДРЯДОВ НА СТРОИТЕЛЬНЫЕ И РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ

Для памяти о подрядах академических

1

С начала ^а починки академических погоревших палат весьма ^б многие были подрядчики у поставки разных материалов и различных работ. И как всякий подрядчик барыша себе и на харчи требует излишнего, то воспоследовало от сего, что данной от Правительствующего Сената суммы — двадцати трех тысяч — недостало на починку Обсерватории, что безмерно дорого, ^в а особливо, что по оценке архитектор Шумахер на постройку нового корпуса, каково ныне ^г строение, в коем Канцелярия, ^д положил только 17 тысяч. И так починка корпуса, и то не всего, который только одною четвертью больше другого, ^е стала шестью тысячами дороже того, который целый с фундамента построить ^ж должно. На выстройку Обсерватории и в Библиотеке и Кунсткамере шкафов хочет г. советник Тауберт употребить деньги из суммы Книжной лавки, ^з которая не на то определена, но на покупку книг. Библиотека не состоит в золотых шкафах, но в кни-

^а В черновике зачеркнуто строения.

^б В черновике весьма надписано вместо зачеркнутого хотя.

^в В черновике безмерно дорого надписано вместо зачеркнутого весьма удивительно.

^г Зачеркнуто канцелярская.

^д В черновике зачеркнуто на которое он.

^е В черновике зачеркнуто как оценка может быть.

^ж В черновике зачеркнуто вновь.

^з Первоначальное из академической суммы переправлено рукой Ломоносова на из суммы.

гах, коими наша Библиотека весьма недостаточна.^а Для того ^б должно просить от Правительствующего Сената, как и на прежнюю выстройку. Однако опасно,^в что потребуют счету издержанных на починку двадцати трех тысяч!!

2

При починке погоревшего корпуса допусканы были в подряд столяры Бехер и Кинт, которые выше всякой меры дороги, для чего при подряде починки Обсерватории и протестовано мною^г ради следующих причин.^д

3

В отсутствии моем на заводы подряжены были они, столяры, перестроить академический Боновский дом за полторы тысячи рублей на старом фундаменте (который выше земли на два аршина) из старых всех материалов, кроме тех, которые изгнили или переломаны, за что совершенно можно было совсем новый двор построить на толь высоком, готовом и твердом фундаменте. Но того еще не довольно. Дом выкрашен сверх подряду на особливый академический кошт. И, наконец, без всякого стыда жаловались столяры-подрядчики, что они в накладе, и ради того выдано им из казны сверх того еще двести рублей, якобы для излишняя работы в противность всякой справедливости. В сем доме г. Тауберт жил полтора года, будучи^е допущен на малое время, и через сие профессор Сальхов имел причину отговариваться от трудов химических, и тем потеряно время и сумма на плату ему, Сальхову, за квартиру.^ж

^а но на покупку книг... весьма недостаточна приписано на полях рукой Ломоносова.

^б для того надписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого то.

^в опасно надписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого г Тауберт ведает.

^г мною приписано на полях рукой Ломоносова.

^д В черновике на полях приписано и зачеркнуто шкафы и Обсерват[ория].

^е Зачеркнуто без вашего сиятельства.

^ж В черновике на полях приписано и зачеркнуто Как полтора года казне убыток: за квартиру на Залхова платили, который ничего не делал.

4

Волкова и Лутковского дома перестраивали те же столяры. Что при том происходило, о том много слышно, однако слухом уверяться не должно. Только то^а известно, что из Канцелярии требуются репортами деньги на платеж за постройки, о которых в ней нет никакого определения, и без ведома Канцелярии против новой Типографии выстроена пристань без ведома Канцелярии.^б Сверх того, г. советник Тауберт занял многое число покоев, и еще есть порошкие, где бы бессемейному человеку, профессору Гришову, удобно жить можно было, которому ныне за квартиру платится триста рублей напрасно.

5

Для выстройки Обсерватории учинен подряд свыше архитектурской оценки четыреста рублей с теми же столярами, якобы для поздого времени все им станет дороже. Однако, несмотря на знатные задатки и на излишнюю цену, она Обсерватория не токмо на срок прошлой осени, но и по сие число еще^в не выстроена, и астрономы ею пользоваться отнюд не могут. И так чрез сие излишняя казна и время для наблюдения утрачено.^г А починивать уже начали за^д лет.^е

6

Построены реалы и кассы в новой Типографии от тех же столяров по подряду безмерно дорогою ценою: тройные по

^а В черновике зачеркнуто *знаю*.

^б и без ведома Канцелярии... выстроена пристань без ведома Канцелярии *вписано на полях рукой Ломоносова*.

^в не токмо... по сие число еще *приписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого на срок*.

^г Черновик на этом обрывается.

^д Пропуск в подлиннике.

^е А починивать... лет *дописано рукой Ломоносова*.

шестидесяти рублей. А ныне для делания новых реалов в старой Типографии подряжаются те же столяры. А как явился русский столяр к сему подряду с товарищем, то г. советник Тауберт всякими мерами его от подряду отгонял,^а похлебствуя прежним и стоя за них, как бы за таких, кои все академические постройки на откуп взяли, к чему он употреблял^б к русским разные угрозы и неосновательные требования. Напротив того, немецкие столяры приходили^в иногда пьяны в Канцелярию и делали^г грубости, а особливо мне. Наконец, оные кассы остались за русским подрядчиком ниже 30-ти рублей, а проба от него дана лучше немецких.^д

7

Помянутые столяры, потому что они немцы, не имеют никакого перед российскими преимущества, для того, что они сами своими руками не токмо за другое, но и за свое дело в подрядах не принимаются, а работают все русские под их смотрением. А на такое смотрение над русскими есть в Академии архитектор Шумахер и столярный мастер Фрич, которые могут и должны смотреть над русскими столярами.

^а Первоначальное отгоняет исправлено Ломоносовым на отгонял.

^б Первоначальное употребляет исправлено Ломоносовым на употреблял.

^в Исправлено Ломоносовым вместо приходят.

^г Исправлено Ломоносовым вместо делают.

^д особливо мне... а проба от него дана лучше немецких приписано на полях рукой Ломоносова. Зачеркнуто между тем подряд реалов стоит ныне на 17 рублях вместо 60-ти.

8

Паче всего явствуют похлебства г. Тауберта к немецким столярам, что хотя и подрядился построить российский подрядчик в оранжерее каменную среднюю часть, однако то отложено до будущего лета, хотя к зимнему времени построенной быть надлежало. Сие видно, что не его столяры подрядились, для того строение показалось ему не нужно.

9

Сие требует строгого рассмотрения для сбережения казны ее величества, а паче чтобы такое излишнее расточение не привело академических служителей в нынешнее время в конечную нужду.

449

1760 ОКТЯБРЯ 20. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ОБ ОБРАЩЕНИИ В СЕНАТ С ПРОСЬБОЙ ОСВОБОДИТЬ АКАДЕМИЮ ОТ ПЕРЕВОДА АКТОВ ЛИФЛЯНДСКОГО И ЭСТЛЯНДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

При указе е. и. в. из Правительствующего Сената¹ в Канцелярию Академии Наук получено лифляндских и эстляндских рыцарских, земских и городских прав с переводами и без переводов двадцать две книги и велено переведенные уже на российский язык в исправности освидетельствовать, а непереведенные, в самой скорости перевесть, с засвидетельствованием взнести в Правительствующий Сенат немедленно. Того ради по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук приказали: в Правительствующий Сенат представить репортом: 1-е) По силе апробованного от е. и. в. за подписанием е. в. собственныя руки прошлого 1747 году июля 24 дня Академического регламента и штата, положено при оной известное число академиков и адъюнктов, которые по примеру других академий единственно упражняются в математических, физических и к истории натуральной принадлежащих науках, стараясь в оных делать всякие для приращения наук во всем свете, а особливо для славы и чести России полезные изобретения и разыскания, о чем доказывают издаваемые при Академии «Комментарии» и другие ученые сочинения, а кроме того по Регламенту академическому ни к какому другому делу не обязаны. 2-е) Находящихся при Университете и Гимназии профессоров и учителей должность равномерно состоит только в том, чтобы в предписанных науках лекции читать студентам, а в Гимназии обучать юношество.

Как первые, так и последние будучи отчасти иностранные, а отчасти природные российские, которые для знания наук имели более нужду в латинском языке, нежели в немецком, неспособны к предприятю таких переводов, да и кроме того, как выше упомянуто, обязаны другими должностями; студенты же, кои ныне при Университете на академическом содержании состоят, начинают еще только обучаться вышним наукам и языкам и разве со временем из них выдут некоторые к переводам способные, а которые были старые студенты, также и переводчики, оные с данными им в силу Академического регламента аттестатами уволены по их прошением для определения в другие команды, в том числе и в Московский университет в профессора и в учителя; 3-е) По штату положено при Академии для переводу газет и всяких в печать издаваемых сочинений только двое переводчиков, которые как оными, так и другими академическими делами весьма отягчены, а при всем том за недовольным знанием немецкого языка, требуют еще за собою поправления, а чтоб юристические дела переводить, совсем не в состоянии, ибо к исправному переводу не довольно, чтоб знать оба языка, с которого и на который делается перевод, но должно разуметь и самую матерю, без чего желаемое намерение никогда получено не будет, и употребленные на перевод время и труды будут вовсе напрасны, не упоминая о замешательствах и сумнениях, какие произойти могут в делах от таких неисправных и невразумительных переводов. Правительствующий Сенат из сего ясно усмотреть соизволит, что при Академии к переводу на российский язык присланных лифляндских и прочих прав, из коих большая часть на шведском языке, ни единого способного, а шведского языка и совсем переводчика нет, а по числу переводимых книг и того, что Коллегия эстляндских и лифляндских дел еще впредь сообщить имеет, думать должно, что если все, как надлежит, исправно перевести, то на многие годы работы будет, да и то не одному, но многим переводчикам вместе. И просить Правительствующий Сенат, чтоб Академию за предписанными невозможностями от переводу оных книг уволить.

Если же Правительствующему Сенату угодно будет истребовать от Канцелярии Академии Наук представления некоторых способов, каким образом принятое намерение о переводе всех оных законов наилучше исполнено быть может, то она, получа такое повеление, Правительствующему Сенату нижайше представить не преминет.

Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

Подписано октября 20 дня
1760 года

450

*1760 ДЕКАБРЯ 9. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ
ОШИБКАХ, ДОПУЩЕННЫХ ПРИ ОБНАРОДОВАНИИ РЕЛЯЦИИ
О ВЗЯТИИ БЕРЛИНА*

Канцелярии Академии Наук

Представление

С сожалением я слышал, что не токмо в городе, но и при дворе е. и. в. знатные особы негодуют на Канцелярию академическую [за] несправедливый поступок, что она по сие время не учинила изыскания и рассмотрения о том, каким образом и от кого произошли непростительные погрешности при переводе и печатании реляции о взятии Берлина, и не учинено никакого виноватым в том штрафа, напротив же того, корректор Барсов штрафован за то, что сделал прошибку при корректуре в титуле знатного человека.¹ И как сие дело есть приватное, а оное до чести и славы войск е. и. в. касается и требует строжайшего исследования и штрафа, того ради Канцелярии академической сим представляю, чтобы неукоснительно учинено было исследование, от кого произошли оные непростительные в той реляции

погрешности, и учинено бы было по мере оных штрафование, дабы самой помянутой Канцелярии не подвергнуть себя неизбежному штрафу.

Михайло Ломоносов

Декабря 9 дня
1760 года

451

1760 ДЕКАБРЯ. ЗАМЕТКА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И. И. ТАУБЕРТА ЗА ОШИБКИ, ДОПУЩЕННЫЕ ПРИ ОПУБЛИКОВАНИИ РЕЛЯЦИИ О ВЗЯТИИ БЕРЛИНА

Не присутствовать.

№№ 1. Тауберт по тому совершенно виноват, что о изыскании дела умалчивал, затем что он тому причина. Ему бы надлежало паче всех стараться и спешить для своего оправдания.

2. Хотя и везде должно наблюдать свою должность, однако в сем важном деле много осторожнее: Берлин однажды был взят.

3. Дело весьма невеликое — два листа прочесть за неделю.

452

1761 ЯНВАРЯ 10. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН ОБ УВОЛЬНЕНИИ ПРАПОРЩИКА П. Н. ГАЛЛА

1761-го года генваря 10 дня по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук, слушав дела производимого в оной Канцелярии о бое прапорщиком Галлом академической Гимназии учителя Семена Веденского во время содержания его под караулом, по которому из ответов оказалось, а именно из 1-го: его, прапорщика Галла, якобы он, Галл, его, Веденского, бил за непорядочные будучи под караулом поступки и пьянство; из 2-го: стоящего при Академии в карауле за ундер-офицера санктпетербургского гарнизонного гранодера Семена Быкова, что он, Галл, его, Веденского, бил безвинно; а притом впущены были в при-

существовании Грыдоровальной палаты мастер Махаев и подмастерья Алексей Греков, которые приносили жалобу, что он, Галл, приходя в их палату для надсматривания, чинит в делах их всякое помешательство и учеников, которые в их искусстве и прилежании известны им, Махаеву и Грекову, обижает и приводит безвинно к наказанию, а других виновных защищает, и просили, чтоб ему команды над тою палатою более поручаемо не было, ибо-де смотрение имеют без него, Галла, яко мастера они; а притом обретающийся во оной Канцелярии в присутствии коллежский советник и профессор Ломоносов объявил, что оный Галл, приходя в дом его, г. Ломоносова, и просил прилежно, чтоб упомянутого Веденского из-под караула освободить, объявляя притом, что он находится в добром состоянии, но от него свободать не приказано, а ныне в ответе своем показывает на Веденского непорядки; итак, если б оный Веденский, будучи под караулом, подлинно чинил непорядки, то б должно ему, Галлу, о том репортовать в Канцелярии, но он, вместо того чтоб репортовать о его непорядке, употреблял о свободе из-под караула просьбу; из чего заключить можно, что он, Галл, просил из какого ни есть лакомства, а, не получа удовольствия в просьбе о свободе, за то его, Веденского, бил плетью. Того ради приказали: за показанные непристойные его поступки, да и по неимению в нем при Академии надобности, отдав ему шпагу, отослать его, Галла, для определения к другим делам в Герольдмейстерскую контору при промемории. А о выдаче ему, Галлу, по отсылке его жалованья комиссару Панкратьеву дать указ.

Михайло Ломоносов

Иван Тауберт

И. Штелин

Секретарь Михайло Гурьев

Подписано [генваря] 23 дня
1761

453

1761 ЯНВАРЯ. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТУ АН О НЕПРАВИЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ Г.-Ф. МИЛЛЕРА И И. И. ТАУБЕРТА

Для известия^а о нынешних академических^б обстоятельствах^в

I^г

1. Г[осподин] Миллер не токмо пишет, но и печатает ложь и общество обманывает, например, Рычкова представлял почетным членом, а как его по справедливости сделали только корреспондентом, то Миллер печатал его членом корреспонденции в противность определению и обыкновению. Из сего и из многих примеров видно, коль неправедны бывают протоколы конференцские, кои он один подписывает,^д¹

2.^е Г. Брауна не токмо в Конференции осмехал, ни во что вменяя изобретение заморозения ртути, но и, согласясь с г. Епинусом, писал за море, отводя от Брауна оное изобретение и начало оного приписывать хотя Цейгеру, что все и напечатано в Лейпциге, якобы то сообщено от здешней Академии, однако ни Канцелярия, ни Конференция того не ведала.^ж²

3. «Комментарии» не выходят повсягодно, по большей части затем что Миллер, не зная своей должности, делать на диссертации сокращений не в состоянии и принужден других просить.^з³

^а В черновике над заголовком написано другими чернилами Глава 4 и теми же чернилами зачеркнуты слова Для известия.

^б В черновике зачеркнуто состоянии.

^в В черновике под заголовком написано Послано к его сиятельству г. президенту в генваре месяце сего 1761 года.

^г Римская цифра I вместо зачеркнутого в черновике О г. Миллере. По секретарству вне.

^д В черновике зачеркнуто и принужден голоса назв [?] На полях написано и зачеркнуто NB честь президента. В Конфер[енции] протоколы никуда не годны.

^е В черновике зачеркнуто Окриком и наглостями.

^ж Якобы то сообщено... того не ведала вместо зачеркнутого в черновике причем и обо мне показано ложно. Так г. Миллер старается о академической чести.

4. Как известно, что Миллер выписал Салхова, для того чтобы меня из готовой квартиры вытеснить, но нынешнего лета подал в Канцелярию доношение, чтоб у Салхова отнять диплому при его отпуске без моего ведома. И г. Таубертом послана в Адмиралтейскую коллегию однем, без общего согласия, промемория, чтобы, в Кронштате удержав Залхова, диплом отнять.^а Сие столько шуму, негодования и смеху в городе сделало, сколько с начала не бывало, и Салхов не преминет уповательно отмщать свою обиду ругательными сочинениями о академическом правлении.⁴

5. Что непозволенные переписки Миллер производит^б с чужестранными, то довольно утверждает бывшая над ним вторая комиссия для слова «phanatique». И многие причины к подозрению имею, что^в по его отпискам внесены обо мне неправедные рассуждения в ученых ведомостях. Студента Арнолда старался сюда выписать академиком, чтобы мне и здесь был соперником, затем что он писал против моей теории о теплоте и стуже.^{г. 5}

6. Без ведома Канцелярии и Конференции выписал француза для обсервации Венеры в Сибири, чем и при дворе и в Сенате не очень довольны, рассуждая, чтобы француз выехав не издал бесславного журнала, как прежде бывало.^{4. 6}

^а Вместо зачеркнутого в черновике отдать.

^б В черновике зачеркнуто намерен в Академию.

^в В черновике зачеркнуто он писал все.

^г В черновике зачеркнуто Рецензия худая Залхова диссертации в ученых ведомостях произошла, по всей вероятности, от Миллера ж по ссоре. В рассуждении.

⁴ В черновике после этих слов зачеркнут подзаголовок По секретарству внутрь и далее зачеркнуты два пункта. 7. Принуждает угрозами против воли давать голоса и данные переменяет, иначе пишучи в протокол. 8. Обидит позорными словами членов Конференции в присутствии, напр<имер> как в 6-ое число сентября обедали у меня после публичного акта российские академики и адъюнкты и гг. Браун, Модрах, Федорович, то он называл их в Собрании моими подданными.

7. Посылающиеся указы в Конференцию, кои по моему особливому представлению бывают, отнюд не старается исполнить. Напр[имер], уже тому больше двух лет, как требуется от каждого профессора сократительное понятие его науки, для того чтобы выходящим из Гимназии студентам иметь в науках ясное воображение, но оное поныне не исполнено. Также и требуемых^а Канцелярию «Ежемесячных сочинений» никогда не сообщает наперед Канцелярии для ведома.⁷

8.^б Семь лет имел Географический департамент в своем смотреии, ниже начало положил к^в сочинению настоящего «Российского атласа», а делал по большей части карты для частных в угождение, как и прежде сего вместо российской истории — знатым особам генеалогические таблицы. А как увидел мои труды и успехи, сперва все купно с г. Таубертом не токмо, по городу ходя, уничижал, но и в глаза мне говаривал сперва, что никаких географических ответов из городов не будет;^г а как стали приходять, то он некоторым присоветовал, чтобы оные известия требовал от нас Сухопутный кадетский корпус. По справедливом в том оному отказе, по его ж совету и, как слышу, по обещанию, чтобы сочинить для Корпуса географию его старанием, Кадетский корпус истребовал по нашему примеру от Правительствующего Сената также во все города указы, и откинутые в Академии миллерские трудные или и невозможные к ответствованию запросы прибавлены. Не явный ли подкоп^д добрым академическим успехам!^{е, 8}

^а В черновике зачеркнуто известий о.

^б В черновике перед цифрой 8 зачеркнут подзаголовок: По профессорам.

^в В черновике зачеркнуто исправлению.

^г В черновике приписано на полях судья над науками, коих не разумеет, не надобен. С Канцелярию всегда коллизии. Flagellum professorum. Споры в сочинении регл[амента].

^д В черновике было и подрыв.

^е В черновике зачеркнуто 10. Представляет по 10 членов вдруг и таких, что едва в ученом свете известны, а что к ним пишет, то в собраниях едва когда читает. А из Линнеевой переписки видно, что Миллер себя не

9. Близ тридцати лет будучи профессором, ни единой не читал лекции и над чтением других смеялся, а Гмелину в Сибире и заказывал, как я многократно слышал от Крашенинникова. И тому ныне последуя, всякими ложными словами и пророчествами по городу разносит и порочит полезные новые учреждения Университета и Гимназии.⁹

10. Ни единого не выпустил в свет сочинения, где бы не было великого множества пустоши, и нередко досадительной и для России предосудительной.¹⁰

11. И хотя за негодную диссертацию о происхождении русского народа был штрафован лишением чина, однако не отстает прежних своих поступков, доказательства тому из следующих явны.¹¹

12. «Месячные сочинения» содержат в себе толь важные политические ошибки, ежели ошибками назвать можно,^a что Миллер призван был в Придворную конференцию и сильно репримендован незадолго перед получением прибавки жалованья. Дело было о запорожцах в месяце...^b лист перепечатан и следующие слова выкинуты... Иностранная коллегия и без того затруднение имеет отвечать о набегах из Запорожья.¹²

13. На все несмотря и по сие время не токмо словесных от Канцелярии требований, но ниже указов исполняет и не объявляет материй, вносимых в «Сочинения».^в В июле месяце «Сочинений» прошлого 1760 году стр. [41] в примечании андреевских казаков Персии присвоает, на что в Иностранной коллегии негодуют.¹³

хулит, но душою академической представляет: tu qui animam inspiras Academiae *На полях приписано и зачеркнуто* чем вышеписанное *NB* подтверждается.

^a В черновике приписано на полях и зачеркнуто диссертация Протова и Козицкого.

^b В черновике многоточие, после чего зачеркнуто следующий.

^в В черновике зачеркнуто 16. Грузинец, советник Давид Петрович говорит, что в рассуждении андреевцев Андреевой деревни напечатал Миллер в «Сочинениях» великую политическую ошибку, и хочет донести в Коллегии

14.^а Самовольство Миллерово так далече произошло, особливо ж в печатании «Сочинений», что недавно Епинус подал на меня и при мне в Собрании поносительное письмо и говорил, что оное Миллер может в «Сочинениях» напечатать. В оном письме жалуется, якобы я по городу бегал и поносил его книжку о прохождении Венеры по Солнцу. Погрешность в показании пути приметил г. Попов, а я прежде от знатных людей услышал, нежели от Попова, и только в Канцелярии напоминал о том ^б моим товарищам.¹⁴

15. Жалуется нередко, что ему в «Сочинениях» помогать некому. хотя ему двое даны студентов и переводчики — его ж помощники. Несмотря на то, Канцелярия определила к нему для вспоможения адъюнкта Мотониса, который из награждения ста рублей и принялся добровольно, однако вскоре прошением письменным от того дела и от ста рублей отказался, не терпя Миллерова ^в повелительства.¹⁵

16. Не токмо в Ежемесячных, но и в других своих сочинениях всевает по обычаю своему занозливые речи. Напр[имер], описывая чувашу, не мог протти, чтобы их чистоты в домах не предпочесть российским жителям. Он больше всего высматривает пятна на одежде российского тела, проходя ^г многие истинные ее украшения.¹⁶

17. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примечания, что Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годуновы и Растригины, самую мрачную часть российской истории, из чего чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе.^д Или нет других из-

^а В черновике зачеркнуто Власть Миллерову профессеры так далече почитают.

^б В черновике зачеркнуто гг. Тауберту и Штелину.

^в В черновике зачеркнуто высоко.

^г В черновике проходя написано вместо зачеркнутого пропуская.

^д В черновике худые будут... о нашей славе написано вместо зачеркнутого заключат слабость и подлость нашу.

вестий и дел российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было?¹⁷

18. Всего доказательнее его злоба, что он в разных своих сочинениях вмещает свою^а скаредную диссертацию о российском народе по частям и, забыв свое наказание, хвастает, что он ту диссертацию, за кою штрафован, напечатает золотыми литерами. Причем хвалит превеликого^б педанта Бейера превеликие в «Комментариях» и нам прикрые ошибки, для того что Миллер в помянутую заклятую диссертацию все выкрал из Бейера; и ту ложь, что за много лет напечатана в «Комментариях», хотел возобновить в ученом свете.^в¹⁸

II г

1. Из Правительствующего Сената указом требовано, чтобы перевести лифляндские права. Подлинно, что у нас таких людей нет, да и я в том не виноват, однако, чтобы Правительствующему Сенату не показать никакой прикрости, советовал я моим товарищам, чтобы по возможности что-нибудь в послушание сделать. Но г. Тауберт ускорив пошел в оный в Сенат с отказом, где ему по справедливости учинен твердый выговор в чувствительное^д нарекание всей команды.¹⁹

2. Всегда требует расчету о расходах гимназических, и с трудом получаю умеренное число денег на Гимназию и Университет, несмотря на то, что подаются^е всегда исправные счета

^а В черновике зачеркнуто заклятую[ю].

^б превеликого вместо зачеркнутого в черновике глупого ученого пружссака[?].

^в В черновике зачеркнута сноска Вспомнил бы милость Т., кою пользуется, и науки, под коих именем счастлив, и потычки [?] Яропкин etc. и речь князя Олексея М[ихайловича] Ч[еркасского].

^г Вместо зачеркнутого в черновике О г. Тауберте.

^д В черновике зачеркнуто однако несправедливое.

^е подаются вписано рукой Ломоносова в беловик вместо зачеркнутого г. профессор Модрах подает.

в надлежащее время, и деньги употребляются с бережью. А напротив того, от новой Типографии, от Библиотеки и от Переплетной нет никаких репортов для отчету и, сколько я их ни требовал, добиться не могу, что против регламента и против самой правды.²⁰

3. По примеру своего тестя²¹ старается молодых профессоров и адъюнктов вооружать против старых. Епинуса преклонил на свою сторону, так его употребляет, что не токмо здесь, но и у вашего сиятельства рекомендует выше его знания. Правда, что он изрядный физик, только по астрономии весьма мал в рассуждении практики. Обсервации астрономические требуют долговременного упражнения.^a Г. Епинус был года с два в Берлине, где ни единого нет доброго инструмента и почти один заржавелый квадрант, и Епинус не видал нигде хороших астрономических инструментов, как только здесь у Гришева. Однако, по мнению г. Тауберта, научился он так много, что в так же краткое время научил и Румовского астрономии, и он уже по его рекомендации может сделать обсервацию, которой и славные астрономы не без осторожности^b ожидают. Коль легкая и подлая наука астрономия! плоше сапожного дела: от не знающего никакой практики Епинуса Румовской выучился в три месяца!^в Между тем я бы весьма радовался как сын отечества Румовского успехам, и дай бог, чтобы то было правда! да другим бы не обида и главной команде не следовало б нарекания. В ордере написано,^г²² что кроме Румовского важного онога на-

^a В черновике зачеркнуто и привычки.

^b В черновике осторожностей

^в В черновике зачеркнуто Однако я, если бы еще хуже Таубертова имел понятия о астрономии, однако то знаю, что астрономические лексиконы составляют добрую книгу одних терминов, а каждый требует такой имажинации, чтобы все строение света, как на ладони, представить. Я за тридцать лет зачал оной учиться и всегда в тех размышлениях упражнялся, знаю, что астрономия, и могу засвидетельствовать ее трудность искусными в ней великими профессорами.

^г В ордере написано вместо зачеркнутого в черновике Пишете, ваше сиятельство.

блюдения учинить некому. Ежели правда, то сама главная команда академическая виновата, что о том давно не старалась; ежели неправда, то жаль, что изволите принимать частных представлений мимо Канцелярии, что ваше сиятельство сами при отъезде вашем словесно и письменно запретили, а чрез оный ордер привели в огорчение и уныние тех, кои двадцать и тридцать лет упражняются в астрономических наблюдениях и вами ж самими в том знании удостоены и произведены чинами. Профессор Попов, услышав, что его отдают Румовскому почти в команду, жаловался и от Сената получил чин и в наблюдениях первенство, и воспоследовала в отправлении остановка, хотя еще неопасна.²³

4. Довольно известно, какие отговорки подал письменно профессор Епинус, чтобы не читать физических экспериментальных лекций студентам.²⁴ Я о том представлял, однако ему упущено, ныне ж в Кадетском корпусе за то принялся.^a Называл тогда скучною работою читать студентам физические лекции,^b как видно, по наущению,^b чтобы Университету сделать в исправлении препятствие.^г А ныне не токмо воробья уморить антлиею,²⁵ но и реестр держать кадетским в классы приходам и выходам не скучно тому ж Епинусу.

5.^a Захвативши деньги от Книжной лавки, кому хочет, тому и дает жалованье,^c что должно быть за общею судейскою печатью.

^a В черновике зачеркнуто все делает по наущениям Таубертовым и конечно должности академика не исправит. На полях черновика приписано III. invalide. Половинное ж[алованье].

^b В черновике зачеркнуто конечно.

^b В черновике зачеркнуто Таубертову.

^г Университету сделать в исправлении препятствие вместо зачеркнутого в черновике российские не пользовались.

^a В черновике зачеркнуто Хватает те, что рано при [?]

^c В черновике зачеркнуто Кричит, грозит и тем приводит людей к страху и чтобы меня не слушались. И для того часто живут [так в подлиннике] препятствия в моих добрых предприятиях.

6. Всего несноснее и справедливости противнее поступки г. Тауберта в подрядах, о коих должно предложить здесь пространнее и представить несколько прошедших лет, соединяющихся в тех с нынешним временем: 1) На погорелые палаты академические по указу Правительствующего Сената, чтобы их починить, выдано от Статс-конторы 23 089 руб. и сверх того из академической суммы употреблено около полутретьих тысяч. Однако и по сие число,^а слишком полпята года оные палаты не совершены за недостатком денег, а именно Обсерватория и шкапы для книг, о которых должно упомянуть особливо. 2) Обсерваторию починкою достроить подрядились немцы-столяры Кинт и Бехер прошлого 1759 года, обещаясь построить прежде позднего осеннего времени. И хотя я против того в Канцелярии письменно протестовал: 1) для излишней цены, 2) для позднего времени, что лучше начать весною рано, а осеннее дело^б непрочное, однако строение поздно начато и не совершено не токмо той осени, но и в целое минувшее лето 1760 не поспело так, чтобы утвердить можно было инструменты для обсерваций. И все время^в тратится и деньги напрасно исходят на астрономов, на починки и на наем квартир. И как я подрядчика Кинта хотел за такую неисправность посадить под караул, то г. Тауберт по^г знакомству с ними того исполнить не велел. 3) По моему представлению и проекту сделан счет мною и архитектором, во что бы обошелся новый каменный корпус, равный тому, в котором ныне находится Канцелярия и прочее. Сумма на то потребна до 17 000 рублей. И как то г. Тауберт приметил, что починка погоревшего корпуса многими тысячами дороже обошлась, нежели на целое строение немного меньшего корпуса потребно, то он рассудил за благо не просить от Правительствующего Сената прибавочной суммы на Библиотеку и

^а В черновике зачеркнуто с 1756 год[а] почти в пять.

^б дело вместо зачеркнутого в черновике строение.

^в В черновике зачеркнуто и иждивение.

^г В черновике зачеркнуто кум[овству?].

Кунсткамеру, чтобы не потребовано было счету о прежней сумме 23-х тысяч. И для того исходатайствовал себе ордер, чтобы положенную в академическом штате сумму на размножение^а Библиотеки и Кунсткамеры употребить на шкапы и прочее. И хотя я представлял, что и кроме того много употреблено суммы не на те расходы, на которые определена высочайшею монаршескою милостию, и от того науки претерпевают упадок, однако, несмотря на то, чинит г. Тауберт вне Канцелярии подряды и выдает на то деньги без общего определения и ордеров. 4) На нововыстроенных дворах Волкова и Лутковского делает оный Тауберт всякие пристройки и перестройки без определения по своим прихотям и деньги выдает казенные без ордеров же канцелярских.^{б, 26}

7. При выдаче определенных на Гимназию денег всегда без причины спорит, только чтоб остановить как-нибудь мои успехи, и несмотря иногда, что гимназисты обувью скудаются, определения подпискою продолжает. Напротив того, в то же время на другие, совсем излишние расходы выдает деньги.

8. Стараясь всячески отвести от меня до наук принадлежащие департаменты, нахально принял на себя делать для его высочества государя великаго князя Павла Петровича глобус и карты и, чтобы себя рекомендовать, а мне не дать в смотреии участия, дал без ведома Канцелярии Трескоту готовую профессорскую квартиру в Боновском доме, и несмотря на то что жена и дети Трескотовы во фрянках, велел ему все на квартире делать. Однако оные вещи ко двору не приняты.²⁷

9. Мастеровых людей г. Тауберт заграбил под свое ведение затем, чтобы делать инструменты^в в угождение некоторым,

^а размножение вместо зачеркнутого в черновике расположение.

^б В черновике канцелярских отсутствует и далее зачеркнуто не упомяну здесь о строении [?].

^в В черновике зачеркнуто на подарки.

а не для того чтобы профессеры могли пользоваться и делать инструменты по своим изобретениям.

10. О профессоре ботаники каких не делал г. Тауберт просков для своих прихотей. Спознавшись со студентом Кельрейтером, в Тибингине будучи и желая за него сестру свою выдать, призвал его адъюнктом мимо Щепина, коего тогда нарочно продали в Медицинскую канцелярию, и чтобы ему, Кельрейтеру,^а дать не по достоинству профессорство ботаники, сперва присоветовал Гебенштрейту отправиться в Германию для излечения, а после^б и остаться там, истребовав отсюда абшид. Однако Кельрейтер еще сомневается, не лучше ли домой ехать, нежели за себя взять девку дурную, старую, бесприданную.²⁸

11. Заняв в академическом Волковском и Лутковском доме сам^в лучшие покои, на кошт академический великолепно украшенные, роздал другие по своему расположению квартиры; и переплетчик Розенберг имеет столько простору, что можно бы уместить хорошего профессора, который терпит нужду, переезжая по наемным дорогим квартирам.²⁹

12. В реляции о взятии Берлина две погрешности в переводе на немецком языке с российского, которые его нерадением сделаны, касались до ущербу чести российского оружия, пропустил без следования, хотя при дворе весьма негодовали и больше нежели за погрешность почитали. Напротив того, Барсова арестовал Тауберт за опечатку в титуле некоторого знатного господина.^{г.}³⁰

^а Кельрейтеру в черновике отсутствует.

^б В черновике зачеркнуто угрожая худы.

^в Вместо зачеркнутого в черновике самые.

^г В черновике зачеркнута сноска Граф [Петр] И[ванович] благодетель многим, а наш жалует только Теплова.

454

1761 ФЕВРАЛЯ 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ
УСКОРЕНИИ ВЫПУСКА «КОММЕНТАРИЕВ» АКАДЕМИИ И О ПЕ-
ЧАТАНИИ ВСЕХ ДИССЕРТАЦИЙ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

В Канцелярию Академии Наук

Представление

Известно Канцелярии академической, коль коснительно «Комментарии» здешние в свет издаются, от чего следующий вред происходит: 1) ученый свет не может пользоваться тем, что новое наша Академия найдет; 2) новые изобретения остаются без объявления в свете и нередко в других академиях те же выходят прежде здешнего; 3) академики ради коснения теряют охоту, чтобы в чем трудиться, не надеясь себя скоро показать свету; 4) Академия носит на себе нареkanie здесь, затем что здешние охотники не видят прямых трудов академических. Для отвращения и избежания помянутых непристойностей и вреду Канцелярии сим представляю, чтобы 1) диссертации академические издавать на всякую треть по частям, а по прошествии года, сочинив общее предисловие и титул, собирать в один том; 2) сокращения диссертаций должен сочинить сам автор, ибо он свое сочинение лучше, нежели кто другой, разумеет и не сделает остановки печатанью, не имея нужды требовать от других помощи; 3) все диссертации переводить на российский язык и на оном печатать. Чрез сие избежим роптания, и общество российское не останется без пользы. И сверх того, студенты, коих я на то назначу, будут приывать к переводам и сочинениям диссертаций с профессорски: примеров.

Михайло Ломоносов

Февраля 3 дня
1761 года.^а

^а Дата написана рукой Ломоносова.

455

1761 ФЕВРАЛЯ 24—МАРТА 13. ЗАПИСКА В КАНЦЕЛЯРИЮ АН
О ВОЗМЕЩЕНИИ Л. ЭЙЛЕРУ УБЫТКОВ, ПОНЕСЕННЫХ В СВЯЗИ
С ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Получив письмо от г. Эйлера о его разорении, докладывал я вчера о том его сиятельству, милостивому государю графу Михайлу Ларионовичу. И его сиятельство склонен принять от Канцелярии на то реляцию. Для того надобно заготовить, а прежде того сообщить мне в доме его ж сиятельства.

456

1761 МАРТА 29. ОТВЕТ КАНЦЕЛЯРИИ АН НА ЗАПРОС СЕНАТ-
СКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ О ВРЕМЕНИ ИЗБРАНИЯ И. Г. МОДЕЛЯ
В ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ

В Правительствующий Сенат из Канцелярии Академии Наук на запрос ответствуется, что здешней Главной аптеки аптекарь Модель при Академии Наук почетным членом избран в силу Академического регламента в 1758-м году ноября 16 числа по соизволению Академии г. президента и по согласию академиков за превосходное его знание в химии, на что ему за президентскою рукою и дан диплом. А между действительными академическими профессорами не числится, во время ж Профессорского собрания заседание имеет, когда что принесет новоизобретенное для «Комментариев» по своей науке, и в Академических собраниях голоса иметь в регламенте почетным членам нет повеления, и профессорского титула не имеют, ежели не профессоры где в другом месте.^а

За скрепою секретаря Михайла Гурьева
За справою регистратора Ивана Дандулина
Послан сенатской роты с солдатом Алексеем Левским
Марта 29 дня
1761 года

^а когда что принесет... где в другом месте вписано рукою Ломоносова.

457

1761 ИЮНЯ 1. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН ПО ПОВОДУ НЕПРЕДСТАВЛЕНИЯ И. И. ТАУБЕРТОМ ОТЧЕТОВ О СОСТОЯНИИ БИБЛИОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ

1761 года июня 1 дня пятък.

В Канцелярию Академии Наук прибыли... г. коллежский советник Ломоносов... г. Канцелярии советник Тауберт...

Потом г. коллежский советник Ломоносов г-ну ж советнику Тауберту объявлял словесно, что, хотя многократно в Канцелярии было словесно ему, г. Тауберту, напоминаемо, чтобы он подал известие в Академическую канцелярию о состоянии Библиотеки и Кунсткамеры и что определенными к оным департаментам людьми производится, ибо чрез много лет о том Академической канцелярии неведомо, а особливо, выписываются ли какие книги или нет для приумножения Библиотеки, в каком она состоянии и порядке, и нет ли недостатку нужных книг, и чего ради не издан чрез толь долгое время новый каталог книгам для пользы ученых и любящих науки, однако ж поныне не подано. На что ему, г. Ломоносову, он, г. Тауберт, словесно объявил же, что Кунсткамера и Библиотека до Канцелярии не принадлежат, а должен обо всем оном знать он, г. Тауберт, яко унтер-библиотекарь, да притом и от его высокографского сиятельства Академии Наук г. президента оба оные департаменты препоручены в особое его смотрение. И приказали: о сем записать в журнал. ...

Михайло Ломоносов
И. Штелин
Секретарь Михайло Гурьев

458

1761 ИЮНЯ 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПРОИЗВОДСТВЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ БИБЛИОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ

Хотя многократно было словесно напомиано г. Канцелярии советнику и унтер-библиотекарю Тауберту, чтобы подал изве-

стие в Академическую канцелярию о состоянии Библиотеки и Кунсткамеры и что определенными к оным департаментам людьми производится, однако и по сие время, чрез много лет о том Академической канцелярии неведомо, а особливо выписываются ли какие книги или нет для приумножения Библиотеки, в каком она состоянии и порядке, и нет ли недостатка нужных книг, и чего ради не издан чрез столь долгое время новый каталог книг для пользы ученых^а и любящих науки. Того ради по указу е. и. в. Канцелярия Академии Наук определила: для рассмотрения оных департаментов назначить гг. профессоров Фишера, Брауна, Котельникова, Федоровича и адъютанта Протасова и послать к ним указы в такой силе, чтобы, согласясь между собою, избрали время непопешательное для их лекций приезжать в оные департаменты и все вышеписанное вообще рассмотреть, начав сперва с Библиотеки, и чтобы подали генеральный репорт о порядке, недостатке и излишестве книг, рассуждая по разделению наук, так чтобы г. профессор Фишер рассмотрел древних латинских и греческих авторов и все, что до словесных наук и до древностей касается, г. Браун — все философические, физические и астрономические книги, г. Котельников — все математические и других к ней принадлежащих наук и вместе с г. Брауном астрономические, г. Федорович — надлежащие до практической философии, юриспруденции и истории, г. Протасов — все книги, что надлежат до натуральной истории: каждому смотреть того, каких книг новоизданных, самых нужных и полезных недостает;^б сие все исполнить им добрым соглашением, друг другу вспомоществуя, и все учинить в присутствии его, г. Канцелярии советника и унтер-библиотекаря Тауберта или при его помощниках, ежели^в его не случится, и^г о всем сем генеральном рассмотрении Библиотеки подать в Канцелярию

^а В черновике пользы ученых вписано вместо зачеркнутого знания.

^б каждому смотреть... полезных недостает в черновике отсутствует.

^в В черновике зачеркнуто ему времени не будет.

^г В черновике зачеркнуто на то определить им обще по десяти часов в неделю учини.

Академии Наук общий репорт в возможной скорости; а оному г. Канцелярии советнику и унтер-библиотекарю Тауберту послать указ, чтобы он помянутым гг. профессорам и адъюнкту никакой остановки и препятствия не чинил и всегда бы им был дозволен свободный доступ для рассмотрения и совершения так надобного дела, дабы все ученые и науки любящие люди потом могли знать, как они пользоваться могут академическою Библиотекою по всевысочайшей е. и. в. милости.^а А о дальних распоряжениях сего дела после учинено будет определение. И хотя по силе генерального регламента Академии г. президент его сиятельство граф Кирило Григорьевич Разумовской определил Библиотеку и Кунсткамеру яко унтер-библиотекарю в смотрение ему, Тауберту, однако Канцелярии общее сведение по ее правительству о всем иметь надобно, чего ради и учинить по сему определению исполнение в самой скорости, а в Правительствующий Сенат и г. президенту отрепортовать.^б

Михайло Ломоносов

Секретарь Михайло Гурьев

Подписан июня 1 дня
1761 года

459

1761 СЕНТЯБРЯ 18. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О РАССЫЛКЕ СОЧИНЕНИЙ ЛОМОНОСОВА ИНОСТРАННЫМ
УЧЕНЫМ.

1761 года сентября 18 дня вторник.

В Канцелярию Академии Наук прибыли. . . г. Канцелярии советник Тауберт. . . г. коллежский советник Ломоносов. . . г. надворный советник Штелін. . . и слушав нижеобъявленных дел. . .

^а а оному г. Канцелярии советнику. . . высочайшей е. и. в. милости в черновике отсутствует.

^б Заключительная часть определения, начиная со слов И хотя по силе. . ., в черновике отсутствует. В подлиннике она приписана той же писарской рукой, но более мелким почерком, чем все предыдущее, причем слова г. президенту вписаны рукой Ломоносова, взамен подчищенных.

Потом г. коллежский советник Ломоносов словесно предлагал, что сочинения его, изданные в печать книги, ко многим ученым людям не доходят, и требовал, чтоб всех его сочинений от началу поныне выдать по 12 экземпляров в переплете. Приказали: для пересылки за море к ученым людям взнестъ из Книжной лавки в Канцелярию сочинения г. коллежского советника Ломоносова с начала «Панегирика» поныне, каждой книжки по двенадцати экземпляров на хорошей бумаге, записав в расход безденежно, не ставя ни на чей счет, которые и переплестъ всех выходов в одну, итогу в двенадцать книг, и о том кому о чем надлежит дать ордеры. ...

Михайло Ломоносов
Иван Тауберт
И. Штелин
Секретарь Михайло Гурьев

460

1761 НОЯБРЯ 29—ДЕКАБРЯ 25. ЗАМЕТКИ О СЛУЖЕБНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И УПУЩЕНИЯХ И. И. ТАУБЕРТА

1. Не подает о Библиотеке репортов и счетов, ни от переплетной.
2. Приводит в междусобия членов Профессорского собрания, отчего следует остановка в приращении наук. NB. Епинуса на меня, Румовского на Попова и на Красильникова.
3. Деньги от Типографии держит за своею печатью.
4. Подряды.
5. Выдача денег без канцелярских определений и строит без ведома оныя всякие пристройки при доме Волкова и Лутковского.
6. Глобус великому князю.^a
8. Представлял ложно Правительствующему С[енату] о невозможности кообсерваторов, к обиде российских астрономов.

^a Пункт 7 зачеркнут Реляция о взятии Берлина, изодрал ответ.

Также и в доме ее величества^а то же ложное представление^б повторил и подтверждал словесно и письменно, не взирая на реприманд, учиненный ему в Пр[авительствующем] Сенате.

9. Обидит тех профессоров коварным и наглым образом, кои худые его по Академии дела оуждают, и тем чинит наукам препятствия. NB. Катедру велел вынести и в чтении лекций чинит препятствие.

10. Уничтожает полезные для [наук и Академии] славные представления и тем препятствует государственной пользе.^в

12. Остановил географическую экспедицию. Почтовая карта.

13. Истолковал ложно указ Правительствующего Сената и без определения послал в С[татс]-к[онтору] промеморию. И Фирсов скрепил сам, чтобы штрафу не брать у самого себя.

[1] Ищет своих прибылей и власти.

[2].^г Недоброжелатель российским ученым.

3. Для того мне старается препятствовать.

1. Властолюбие 4. 13. 16. 19. 20. 21. 26. 28.

2.^а Лакомство 7. 12. 13. 17. 19. 22. 28.

3. Зависть 1. 2. 14. 6. 8. 10. 25. 27.

4.^е Ненависть к россиянам 9. 11. 15. 21.

К графу 5. Чтобы он однажды принялся и хлопот избы[л]. Académie sans, sans. Terpelhof à Strube. Указ 24 года генваря 20 дня, и положи[ть] в начале. Письма мои о исправлении Академии Наук недавно на Украину. Письмо обличительное Теплову.

NB. В доношении на Тауберта.

NB. Ко Лву к Симоновичу. Morbus Neapol[itanus].

Представления. NB. Написать в репорте о моих де[парта]ментах и промемор[ию?] в Камор-коллегию о числе крестьян.

О строении академическом подан план.

^а Зачеркнуто обносил.

^б Зачеркнуто подлым.

^в Пункт 11 зачеркнут Чернит обще подписанные определения.

^г Угол листа с порядковыми номерами 1 и 2 оторван.

^д Зачеркнуто мздоим[ство].

^е Зачеркнуто Müsz[i]g[ang?].

1. О соединении всех академических департаментов в один корпус.
2. Лексикон первообразных.
3. Потребно!!!
4. О выдавании ученых ведомостей по силе регламента.
5. Краткое понятие о всех науках.
6. βατοσκοπιον.
7. О истребовании из Сената на строение шкафов.
8. О учреждении внутренних Р[оссийских] ведомостей.
9. О издавании «Комментариев» по частям.
10. О жетонах профессорам.
11. Списывать портреты в церквах.
12. О счете о Библиотеке.
13. О глобусе: отдан Трускоту.
 1. Препятствия географической экспедиции.
 2. В Гимназии.

461

1761 ДЕКАБРЯ 10—24. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТУ АН ОБ
ОТДАЧЕ И. И. ТАУБЕРТА ПОД СЛЕДСТВИЕ

Ясновельможному обоим сторонам Днепра и войск запорожских гетману, сиятельному графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому, действительному камергеру, лейб-гвардии Измайловского полку подполковнику, Академии Наук президенту, орденов святого Андрея, Белого орла, святого Александра и святыя Анны кавалеру

Представление

Вашему высокографскому сиятельству весьма ^а довольно известно о состоянии Академии Наук, испорченном злыми поступками Шумахеровыми и нахальными и коварными происками зятя его, прямого наследника в продолжении академи-

^а весьма вписано рукой Ломоносова.

ческого несчастья, советника Тауберта, о чем я вашему сиятельству уже тому около девяти лет многократно представлял словесно и письменно здесь, в Москву и в Малороссию, стараясь прекратить все вкоренившиеся с начала Академии замешательства и непорядки,^а препятствующие желаемому распространению наук в нашем отечестве. И хотя вашего сиятельства ордера и частные письма свидетельствуют, что ваше сиятельство такими поступками, для наук вредными, недовольны, однако никакого надлежащего следствия и по нему должного исполнения не учинилось. Остались все шумахерские происки, властолюбие, препятствия россиянам в науках и бесполезная трата казны е. и. в. по прихотям в помянутом советнике Тауберте. После моего представления вашему сиятельству на Украину произошли многие поступки его, Тауберта, государственной пользе и чести вредные, за кои, как и за прежние, он, Тауберт, подлежит жестокому истязанию.^б

Того ради ваше высокографское сиятельство, милостивого государя, слезно прошу окончить известное академическое несчастье и вашей особе нарекание, то есть отдать одного Тауберта под следствие,^в где надлежит, а пока дело кончится, запретить ему присутствовать в Канцелярии, яко подозрительному человеку, дабы не уничтожил каких документов, кои к его изобличению служить имеют.

В указе блаженный памяти государя императора Петра Великого генваря 20 дня 1724 года написано: «Е. и. в. указал всем подчиненным как в Сенате и Синоде, так во всех коллегиях, канцеляриях и во всех местах всего государства, где какие дела отправляются, быть в послушании у своих командиров во всем, что не противно указу, а ежели что противно, того отнюдь не

^а замешательства и непорядки написано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого им злодейства.

^б подлежит жестокому истязанию приписано Ломоносовым вместо зачеркнутого его рукой не токмо чина и имения, но и жизни по правам лишен быть должен.

^в под следствие вписано рукой Ломоносова вместо зачеркнутого суд.

делать под наказанием яко преступника указа, но должен командиру своему тайно объявить, что то противно указам, и ежели не послушает, то протестовать и доносить вышнему над тем командиром, кто приказывает. А ежели и в том також увидит противность, то генералу-прокурору или в небытность его обер-прокурору, а ежели и в них усмотрит в том противность, то доносить его величеству, но чтоб была самая истина; а ежели явится неправда, за то наказан будет сам, яко бы он то сделал».

Посему прошу от вашего сиятельства скорого повеления^а на^б следствие оногo Тауберта,^в ибо я не должен^г и не могу более молчать и видеть академического несчастья и вашего нареkania и всегдашнего попреку, что науки не процветают^д по мере щедроты е. и. в. всемилостивейшия наша самодержицы. Ежели ж ваше высокографское сиятельство не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести^е в действие в скором^ж времени ради вашего недолгого, как видно, здесь пребывания,^з то принужден буду принять законную смелость непременно поступить по высокопомянутому монаршему указу для избавления восходящих наук в нашем отечестве от наглогo утеснения. При сем объявляю^и главные^к пункты, представленные от меня прежде^л вашему сиятельству на

^а повеления вписано рукой Ломоносова.

^б Зачеркнуто рукой Ломоносова вышеписанное.

^в оногo Тауберта приписано на полях рукой Ломоносова.

^г я не должен вписано рукой Ломоносова.

^д что науки не процветают вписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого <нет усло> природные россияне в науках не успевают.

^е уважить и привести приписано на полях рукой Ломоносова.

^ж скором написано Ломоносовым вместо зачеркнутого неукоснительном.

^з ради вашего недолгого, как видно, здесь пребывания приписано рукой Ломоносова.

^и объявляю вписано Ломоносовым вместо зачеркнутого прилагаю повторительно.

^к главные вписано на полях рукой Ломоносова.

^л прежде вписано рукой Ломоносова.

Украину,^а и новые помянутого советника Тауберта продерзости, происшедшие оттого, что первые миновали ему без следствия и без штрафа или наказания. И ежели сие подобным образом пройдет, то он^б на горшее зло устремится к вящему утеснению и вреду наукам в отечестве. На все оные пункты имею довольные и верные доказательства, живых свидетелей и письменные документы.^в

Пункты продерзостей Канцелярии советника Тауберта

1. Не подает репортов и счетов от Библиотеки, Кунсткамеры и от других врученных ему в смотрение департаментов, что противно указам и Академическому регламенту.

2. Выдает казенные деньги без канцелярских определений и делает при доме Волкова разные пристройки без ведома Канцелярии самовластно.

3. Между профессорами производит смуты и тех, кои его непорядкам не согласуются, обидит и утесняет к явному препятствию наукам в России и в противность высочайшему повелению е. и. в.

4. Всячески старается препятствовать полезным по Академии представлениям, уничтожая их или откладывая впредь, отчего немалое препятствие чинится приращению знания в России и ущерб казне.

5. Чернит и истребляет академические дела и документы, служащие к его изобличению.

6. Препятствует в порученных другому департаментах, останавливает добрые их успехи и нахально вступает в чужую должность, перехватывая и пренебрегая предосторожность о целости здравия государственной фамилии для своего властолюбия.

^а После слов на Украину зачеркнуто Ломоносовым и к которым присовокуплены.

^б то он вписано рукой Ломоносова.

^в На все оные пункты... и письменные документы приписано рукой Ломоносова.

7. В артикулах, к «Ведомостям» принадлежащих, вносил предосудительные славе российского оружия и союзникам российским огорчительные речи.

8. Правительствующему Сенату чинил ложные представления в обиду российских астрономов.

9. Указ е. и. в. из Правительствующего Сената истолковав ложно, послал по тому в Статс-контору промеморию за своим подписанием без определения и подписания прочих членов Канцелярии, чем не токмо их уничижает по своему самовластию, но и высочайшие указы е. и. в. презирает.

462

1761 ДЕКАБРЯ 10—24. ЗАПИСКА О СЛУЖЕБНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И УПУЩЕНИЯХ И. И. ТАУБЕРТА

1

В Академическом регламенте написано, чтобы от всех департаментов подаваны были в Канцелярию верные статьи и репорты об их состоянии. А Канцелярии советник Тауберт по врученным в особое строение департаментам, особливо по Библиотеке и Кунсткамере, не чинил многие годы, так что Академическая канцелярия не имеет об них надлежащего сведения, и только слышна от профессоров жалоба о беспорядке и недостатке нужных книг. Также произошло на оного Тауберта в Сенате челобитье от дворянина Никиты Демидова, что оный Тауберт держит в их доме не токмо людей, к Библиотеке и Кунсткамере не принадлежащих, но и аглинское пиво немалым числом бочек, о чем из Правительствующего Сената насылались в Канцелярию Академии Наук указы.^а Все сии беспорядки противны указам е. и. в.

2

А как сии два департамента, особливо Библиотека, служат, во-первых, главным делом пользою, второе, украшением для по-

^а Зачеркнуто из коих ни один еще и по сие число.

казания любопытным людям, как первое нужнее второго, само собою явствует, но советник Тауберт, как в 1-м пункте показано, пренебрегая полезное дело, старается о украшениях, затем что он имеет случай показать себя по внешнему виду ученым человеком, и для того не токмо казны беречь не старается, но и проискивает, как бы сделать шкафы великолепнее, а потому и дороже. В Академическом регламенте положена сумма на размножение Библиотеки и Кунсткамеры, но он старается ее употребить на шкафы в Библиотеку и Кунсткамеру, не взирая, что есть шкафы и другие, приличные по свойству вещей уменения, в коих ныне содержится Библиотека и Кунсткамера в Демидова доме, что Библиотека не состоит в позолоченных шкафах, но в довольстве книг надобных, не взирая, что на постройку шкафов должно требовать суммы от Правительствующего Сената таким же образом, как от одного получила на выстройку погоревших палат. Наконец, не рассуждая, что в нынешнее военное время, за остановлением выдачи на Академию суммы, многие служители претерпевают нужду, держит оную на шкафы им запечатанную сумму так, что с немалым прошением можем получать заимообразно в Академическое комиссарство на нужные раздачи. Сие противно не токмо человеколюбию, но и клонится к интересному ущербу.

3

Выдает казенные деньги без канцелярских определений, делает без ведома Канцелярии разные пристройки и перестройки при доме Волкова и Лутковского на казенные деньги по своим прихотям, что охранению казны е. и. в. противно.

4

В рассуждении профессоров поступает он равно, как тесть его, Шумахер, то есть старается их разделять на партии и молодых наущать на старших, чтобы употребить их ссоры в удовольствие своего властолюбия. А кто его проискам противится, тем чинит он всякие наглые обиды, приводит в уныние и отни-

мает время упражняться в науках. Чрез все сие наносит чувствительный ущерб казне государственной, на науки определенной, и великое препятствие приращению наук в отечестве.

5

Сверх сего уничтожает или всячески^a откладывает старается служащие к пользе и чести Академии предприятия и представления. Для примера довольны будут следующие: 1) Для искоренения повседневных требований из Канцелярии на разные расходы и чрез меру частых мелочных покупок, отчего порознь все покупается дороже, и канцелярские малые отправления занимают столько времени, что о главном деле, то есть о науках к их пользе и рассуждать некогда, представил я, чтобы все заблаговременно вдруг закупать и из магазейна выдавать кому надлежит по пропорции. Однако и поныне все происходит по-прежнему. 2) Предложено мною, чтоб издавать здесь ученые ведомости. 3) О учреждении внутренних российских ведомостей для пользы командующих мест и купечества. 4)^b Профессорские собрания бывають почти всегда весьма неполны, а нередко и никто не присутствует. Ласковые и вежливые слова не помогают и за трусость почитаются, настоящие напоминания по команде за обиду принимаются и рассеваются жалобы. Для того представил я в Канцелярию, чтобы по примеру других академий давать жетоны тем профессорам, кои приходят в Собрание, а отсутствующим не давать, однако и на то не учинено никакого решения. 5) Известно, что в столичных старинных городах российских, при государских гробницах, находятся их портреты, иконными красками или фресковою работою встарину написанные, кои уже от ветхости портятся. Для сего и для сочинения российской иконографии, которая к воспоминанию древних государей и для чести и прибыли академической может быть

^a Зачеркнуто препятствует].

^b Зачеркнуто о издании Комментариев].

нагрыдорована и напечатана, по моему представлению истребовано позволение от Святейшего Синода, чтоб допускать везде в знатнейшие города посылающегося от Академии мастера Андрея Грекова. Но помянутый советник Тауберт оного отвел от сей экспедиции хитрым образом и учинил толь полезному делу препятствие. Все сие происходит от него к препятствию в добрых успехах наукам и такой вред отечеству наносит, лишая оное очевидной пользы для своей властолюбивой прихоти и зависти.

6

Уничтожает и истребляет академические дела и документы, по своим прихотям, а паче служащие к его изобличению, чему пример явствует в ^а-м пункте.

7

Коль славно российскому войску побеждать неприятельские войска и брать города и какому истязанию подлежит тот человек, который каким-нибудь образом учинит хотя малейший ущерб нашей славе! Канцелярии советник Тауберт в переводе реляции о взятии Берлина на немецком языке ^б напечатал такие ложные известия, кои служат к явному ущербу славы оружия е. и. в., о чем при дворе было немалое негодование и было словесное приказание о сем следовать. Помянутый советник Тауберт чинил всякие проволочки и, наконец, для закрытия своей неправды изодрал в Канцелярии взятый ответ о сем деле от актуариуса Штафенгагена, который под надзиранием оного Тауберта просматривал корректуры.

8

В Правительствующий Сенат представлял ложно, яко бы невозможно было российским обсерваторам чинить наблюдения

^а Пробел оставлен Ломоносовым.

^б Против этих слов на полях приписано как оболгал генерала-прокурора.

Венеры, проходящей по Солнцу, купно с коллежским советником Епинусом. И хотя его наглое и ложное представление в высокопомянутом Сенате не принято и за то учинен ему жестокий выговор, однако, на то не взирая, проискивал оный Тауберт в разных домах, разъезжая по городу с реченным Епинусом, чтоб все свое злое намерение исполнить, побуждая знатных особ на свою неправую сторону, в чем он дерзнул утруждать высочайшую фамилию и оклеветать неповинных, так что оног Тауберта дерзостный поступок немало походил на некоторое возмущение, в противность высочайшим монаршеским указам.

9^a

В порученных в мое особое смотрение департаментах, а особливо в Географическом и в экспедиции для обсервации по городам чинил мне многие препятствия. А особливо, чтобы показать себя чужими трудами и меня выключить от надлежащего мне первого участия в деле глобуса для е. и. в. государя великого князя Павла П[етровича], дерзнул помянутый Тауберт взять оное дело глобуса и ландкарт из Географического департамента без всякого канцелярского определения и ведома и отдать на квартиру адъютанту Трускоту, у коего жена и дети были тогда во французской болезни, о чем где надлежит приватным письмом было мною объявлено, и оный глобус и ландкарты до особы е. и. в. не допущены. Сие едино доказывает необузданную наглость и продерзость помянутого Тауберта, что он для своих прихотей небрежет о целости здоровья толь высокой на свете особы, единой российской надежды, за кою мы жизнь свою полагать должны.⁶

^a Зачеркнуто в Географическом департаменте <лишь мое[му]?> от вашего сиятельства.

⁶ Среди академических документов ломоносовского времени сохранился вырванный из какого-то переплетенного фолианта лист, где рукой Ломоносова набросан начерно другой вариант девятого пункта: Выше сего показано, что Тауберт при разделении департаментов присвоил себе механиче-

Правительствующего Сената указ, присланный о взыскании штрафных^a денег за просрочку счетами в Ревизион-коллегию, помянутый советник Тауберт истолковал ложно и потому в Статс-контору послал промеморию о невзыскании штрафных денег на Академии ста двадцати рублей. Оная промемория сочинена без общего определения в оную Ревизион-коллегию за подписанием его Тауберта и ми[мо] секретаря, за рукою регистратора Фирсова, с которого оные штрафные деньги по его счетной экспедиции надлежит доправить. Из сего паки явствует, коль много и часто дерзает оный Тауберт преступать и презирать е. и. в. указы.

ское дело, принадлежащее по справедливости к ученому департаменту, а не к печатанию книжному, да для своей партикулярной рекомендации дарит инструменты, однако и того мало ему показалось, ибо при самом начале старания Ломоносова о Географическом департаменте начал он его утеснять, дабы и географическими произведениями, при Академии сочиненными и сделанными, себя придобить [?]. В пример служит, кроме вышепоказанных следующее. По приказанию от комнаты е. и. в. государя в. к. П[авла] П[етровича] велено было при Академии сделать земной глобус с российскими подписями, который можно бы удобнее сделать в академических палатах, скоро и исправно сделать, где всякие мастерские близко, также и профессеры, знающие такое дело, всегда почти могли бы видеть и поправлять в деле, и советник бы Ломоносов по своей особой должности приложил особое внимание. Но ассессор Тауберт отдал сие дело адъютанту Трускоту на дом со всем, якобы для большего ускорения, а самым делом, чтобы Ломоносова выключить из участия сея ко двору услуги, несмотря что дело быть должно было не так исправно и притом укоснительнее, но паче всего, что Трускотова жена и с детьми была в прилипчивой болезни. Толь дерзок Тауберт для произведения своих худых намерений. Однако опасность отвращена, и глобус до его высочества не допущен, ибо Ломоносов, услышав сие заподлинно от некоторых профессоров и других академических служителей, объявил о том его превосходительству Никите Ивановичу Панину.

^a Зачеркнуто денег ста двадцати рублей.

463

1762 ИЮЛЯ 18. ДОНОШЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН В СЕНАТ О ВЫДАЧЕ А. Л. ЛЕОНТЬЕВУ И СЕМЬЕ УМЕРШЕГО И. К. РОССОХИНА ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ЗА ПЕРЕВОД КНИГИ О МАНЬЧЖУРСКОМ НАРОДЕ

В Правительствующий Сенат из Канцелярии Академии Наук

Доношение

Прошлого 1756 года марта 29 дня при указе из Правительствующего Сената прислана в Академию для переводу на российский язык купленная в Китае при последнем караване книга в шестнадцать томах, содержащая описание всего Манжурского народа и правления, которую по переводе велено взнестъ в Правительствующий Сенат, а за сей перевод употребленный к оному китайского и манжурского языка переводчик Россохин, который в 761-м году умре, обнадежен награждением. Ныне же она книга переводом окончана, и переводили оную, а именно 1, 2, 3, 6 и 8 томы, итого пять томов с примечаниями показанный Россохин, а достальные десять томов, за исключением седьмого яко ненужного и одно родословие незнатных китайских фамилий содержащего, Государственной Коллегии иностранных дел переводчик Алексей Леонтьев, который сверх того присовокупил еще при своем переводе манжурским и китайским словам толкования, расположа оные по российскому алфавиту, и сочинил с китайской географии ведомость о всех Китайского государства губерниях. А понеже в переводе оной китайской истории наибольший труд употребил вышеписанный Иностранной коллегии переводчик Леонтьев, который, объявляя, что он тое историю переводил, исправляя притом и по Иностранной коллегии должность свою, и в силу предписанного академическому переводчику Россохину от Правительствующего Сената обнадеживания, просит о равномерном награждении. Того ради Канцелярия Академии Наук сим представляет, не соизволит ли Правительствующий Сенат по силе означенного своего обнадеживания

оставшимся после умершего переводчика Россохина жене и детям для их бедности, также и переводчику Леонтьеву за особый его немалый труд учинить награждение, какое Правительствующий Сенат сам заблагорассудит соизволит. А переведенные оной истории томы в Правительствующий Сенат вносятся при сем.

Граф К. Разумовский
Михайло Ломоносов
Иван Тауберт

Секретарь Михайла Гурьев

Июля 18 дня
1762 года

464

1762 ПОСЛЕ СЕНТЯБРЯ 11. МНЕНИЕ ПО ПОВОДУ ЖУРНАЛЬНОЙ РЕЗОЛЮЦИИ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДАХ АКАДЕМИИ

Мнение

Определения Канцелярии Академии Наук и репорта в Правительствующий Сенат сентября 11 дня сего 1762 года, подписанного статским советником г. Таубертом, мне подписать затем не должно, что оно весьма неправильно, ибо 1) в словах «кроме положенной на Академию суммы никаких государственных доходов она не имеет» разумеется, якобы положенная на Академию сумма была государственный доход, но она действительно государственный расход и из доходов употребляется на Академию; 2) а как за государственные доходы почитаются соляные и винные сборы, также и от казенных заводов и фабрик в Берги Мануфактур-коллегию получаемые прибыли, равным образом и от Академической типографии и Книжной лавки и от других мастерств собираемые деньги суть ^а действительно подобные го-

^а В черновике от других мастерств собираемые деньги суть надписано вместо зачеркнутого от художеств прибыли есть.

сударственные доходы, о которых по силе указа Правительствующего Сената в оный неотменно подать надлежит обстоятельную краткую ведомость.

Михайло Ломоносов ^а

465

1763 ЯНВАРЯ 28 — ФЕВРАЛЯ 5. ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КАМЕРЫ, ОБСЕРВАТОРИИ И БОТАНИЧЕСКОГО САДА

О Собрании академическом

Что гг. профессеры трудились прошлого года и что намерены впредь делать, о том репорт скоро воспоследует. Я ж по силе порученного в мое смотрение сего департамента, как то указано в Генеральном регламенте и определено от вашего сиятельства, по моей должности и совести не могу преминуть, чтоб не репортовать вам, милостивому государю, о весьма худом состоянии самых нужнейших академических департаментов и, во первых, о Экспериментальной физической камере.

По смерти профессора Рихмана осталась она в нарочитом состоянии, только могла быть исправлена после бывшего академического пожара. Ныне ж не токмо нет ни образа, ни подобия того, в каком состоянии она была при Крафте и Рихмане, но и едва следы ее видны. Лежат уже много лет физические инструменты по углам разбросаны, в плесени и во ржавчине, безо всякого употребления ни к новым академическим изобретениям, ниже для чтения студентам физических лекций. Г[осподин] коллежский советник и физики профессор Епинус, не взирая на свою должность, чтоб ему Физическую камеру не токмо содержать в добром состоянии, но и стараться довольствоваться новоизобретенными инструментами, с самого своего вступления в академическую службу едва бывал там, где валяются физические инструменты, а от лекций письменно отказался, пред-

^а В черновике подпись Михайло Ломоносов отсутствует.

ложив невозможные кондиции. Бывшее от меня дружеское напоминание превратило его в горького мне неприятеля.

Обсерватория астрономическая, хотя всегда служила больше к профессорским ссорам, нежели к наблюдениям светил, однако ныне уже походит на запустелый после разделения языков столп вавилонский. Не взирая на положенные иждивения к строению башни после пожара, на частые поправки и перепочки, несмотря на то, что от Правительствующего [Сената] вдруг дано было на инструменты 6000 рублей, не приносит Обсерватория ни ученому свету пользы, ниже Академии чести. Г. Епинус, получив себе в единственное расположение Обсерваторию, не допускает на оную старшего астрономии профессора Попова и адъюнкта Красильникова,^a коим всегда был туда вход невозбранен при Делиле и при Гришове и когда Попов был еще студентом и адъюнктом. Между тем г. Епинус и его элев Румовский весьма редко бывают на Обсерватории, так что и часы астрономические вместо исправного и бесперерывного ходу, иногда стоят по несколько недель без всякого движения. При некоторых не беззнатных приключениях небесных, наблюдения достойных, посылаю я в ясные ночи к Обсерватории осведомиться, что там происходит. Однако найдено, что не токмо она заперта, но и крыльцо занесено глубоким снегом. И сие не дивно: г. Епинус, когда еще был только физики профессор, крайне не радел о своей должности, а ныне уже и астроном и главный директор классов Шляхетного кадетского корпуса,¹ притом же человек случайный. Да и впредь лучшего ожидать нельзя, затем что и на будущее лето готовятся Обсерваторию перелаживать по нраву г. Епинуса, которыми многочисленными переделками, бывшими при Делиле и при Гришове и после новой постройки, так бы должна быть сыта Канцелярия, чтоб о том и подумать не могла без произведения беспокойства в денежном своем желудке.

Сад ботанический в каком должен быть состоянии, легко заключить можно, ведая, что он стоял несколько лет без бота-

^a Зачеркнуто и сам не делает никаких обсерваций.

ника. И ныне, как слышу, г. Миллер без позволения и без согласия канцелярского выписывает ботаника, о коем знающие его мало добра сказывают.

Сии толь важные академические департаменты самых главных наук, без коих сей корпус и Академию Наук отнюд назваться не может, лежат бесполезны, в плачевном состоянии. Жалованье и другие расходы из казны тратятся напрасно. Все сие требует от вашего сиятельства внимательного и действительного призрения.^а Кроме того, воспоследовать могут еще хуже обстоятельства, вашему сиятельству прикрые² и предосудительные.

466

1763 АПРЕЛЯ 14. МНЕНИЕ ПО ДЕЛУ О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ
С. С. ВОЛЧКОВА ЗА ПЕРЕВОДЫ

Г[осподина] коллежского советника Волчкова дело о выдаче ему по именному указу переведенных им книг надлежит больше до академического книжного дела и торгу, а не до самой Академии Наук, что состоит под особливым смотрением г. статского советника Тауберта, который о всех оных происшествиях совершенно знать и ответствовать должен. Мне довольно и одного над науками смотрения, которых приращению всякими оттяжками мои полезные старания он, г. Тауберт, препятствует, а особливо что не хочет подписывать таких дел, в коих никакого нет сомнения, но явная польза. Итак, сего репорта не подписываю, для того что я на г. Волчкова в жалобах не помощник, а особливо противу е. и. в. высочайшего повеления.

Михайло Ломоносов

Апреля 14 дня
1763 года

^а Зачеркнуто без опущения времени. Ибо хотя оные мне от вашего сиятельства по силе Генерального регламента и поручены как человеку, довольно знающему профессии разных наук академических, однако, не смотря на то, ниже на долговременную мою, верную и ревностную службу и в ученом свете известные мериты, всячески стараясь недоброхоты мои произвести в членах данному от вас мне авторитету презрение, и вся.

467

1763 АПРЕЛЯ НЕ РАНЕЕ 24. МНЕНИЕ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
КНИЖНОЙ ЛАВКЕ В МОСКВЕ

Мнение

Для вящей пользы от академического книжного торгу рассуждаю:

1

Что несравненно будет обществу полезнее и Академической типографии прибыточнее, когда московская Книжная лавка уничтожится, а книжная продажа производиться будет купцами по всем городам, кои имеют скупать книги из здешней Книжной лавки знатным числом экземпляров.

2

Ибо что до общей пользы касается, то будут книги по государству расходиться удобнее, затем что всякий купец, сняв несколько сот экземпляров по указной цене, всячески будет стараться товар свой с рук сбыть скорее, довольствуясь умеренною прибылью, станет рассылать и развозить по городам, где у него есть торг или корреспонденты, и таким образом не токмо по губерниям, но по провинциальным и по уездным городам разойдутся и распространятся книги, а с ними учение и общенародное просвещение. Напротив того, казенная Книжная лавка в Москве отнюдь сего произвести не может, ибо 1) мало охотников из городов в Москву для покупки потребных себе книг поедут или кому покупать заочно прикажут, 2) ежели же кто и приедет за другими нуждами, однако не так свободно купить может, как приватно, затем что и здесь, в Санктпетербурге, в глазах у Академии книгопродавец не всегда в Книжной лавке и после обеда редко бывает, то что должно думать о заочной продаже? 3) когда ж и сидит он в Лавке, однако для купца не всегда станет приискивать книги из лености или из лаком-

ства, чтобы с него взять дороже; 4) не будет он ходить по домам и разносить по известным до книг охотникам, как вольный купец, который для своей собственной прибыли ничего не пропустит и заставит иногда старанием своим купить книгу того, кто бы и не думал; 5) книги продаваться будут дешевле, затем что купец возьмет здесь из Книжной лавки по настоящей цене и ради скорейшего расхода барыша большого не наложит, да и обмануть ему легко нельзя будет, для того что казенная цена объявлена будет троекратно в «Ведомостях»; и сверх того можно в каждой книге на конце припечатать казенную цену, а в Москве покупая книги, купец должен уже дать барыш за провоз отсюда, за содержание Книжной лавки, за жалованье людям и на харчи и сверх того и сам о своей прибыли стараться, от чего, как от вышеписанного всего, происходит неслезанная остановка в распространении книг и просвещения в государстве.

3

Что ж до прибыли Академической типографии надлежит, то будет она много нынешнего превосходнее и прочнее, 1) что от купщиков за книги, знатным числом проданные, знатным же количеством станут приходить в казну деньги; 2) барыши не тем одним бывают велики, что берут много, но (и тем, что) не многою накладкою, да многим числом накладок. Например, продавши в год пятьсот книг и взяв барыша по две гривны, получим прибыли сто рублей, но взяв барыша только по гривне, а продав в год тысячу книг, равным будем пользоваться прибытком, ибо что дешевле, то покупают больше. И таким образом Академическая типография не претерпит никакого убытка, купцы будут иметь прибыль, и государство — великую пользу; 3) сверх того не будет излишних расходов на провоз на дом и Лавку, на комиссара и других служителей в Москве; 4) не будет опасности в капитале как от пожарных случаев, так и от книгопродавческих не порядков, кои Академическая канцелярия довольно чувствует; 5) сколько же переписки, пересылки и про-

чия заботы с московскою Книжною лавкою отнимают времени, которое бы на истинное попечение о науках употребить должно было, о том можно справиться по делам канцелярским. Что ж надлежит до надобностей академических в Москве, для переводов по ассигнациям денег и других пересылок, то весьма легко обойтись можно и без академического комиссара, как и прежде московской Книжной лавки. И сверх того есть там ныне Московский университет, который для взаимного в надобностях соответствования Академии Наук способствовать может.

4

Итак, по моему мнению, надлежит: 1) Академическую московскую Книжную лавку совсем уничтожить, продав все книги за настоящую казенную цену, за что хотя всех денег вдруг получить может быть и нельзя будет, то поверить на несколько лет за надежными поручками; 2) сочинить каталог здесь находящимся российским книгам с настоящими ценами и, напечатать несколько сот экземпляров, разослать здесь в городе по знатным купцам, также в Москву и в другие города безденежно при ведомостном о том прибавлении, и продать охотникам столько, чтобы и для академической Книжной лавки осталось, а с купцов взять обязательство, чтобы они здесь, в Санктпетербурге, оных книг не продавали; 3) впредь какая только книга выйдет, поставить в «Ведомости» с ценою и с кратким содержанием и оглавлением всей книги и по тому продавать до половины или и больше охотникам оптом. Все сие несравненно лучше, нежели держать для московской Книжной лавки комиссаров или связываться контрактами с людьми, Академии не подлежащими, от чего еще большие могут воспоследовать непорядки и хлопоты.

Михайло Ломоносов

Апреля дня
1763 года

468

1764 МАРТА 4. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН О НЕИСПРАВНОМ СОСТОЯНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ, ФИЗИЧЕСКОЙ ПАЛАТЫ И БОТАНИЧЕСКОГО САДА

В Канцелярию Академии Наук
Представление ^а

1

Довольно известно и неспоримо, что Академии Наук главные части, составляющие самое ее бытие и существо, суть науки, а прочие департаменты ^б суть дела посторонние, без коих Академия Наук в точном разумении свободно и в совершенном своем достоинстве состоять может. Пример тому — все в Европе издавна процветающие академии. А здешняя имп[ераторская] Академия присоединением оных департаментов токмо отягощена, терпит с самого начала великие в происхождении своем препятствия и обращается всегда в замешательствах, затем что оные посторонние департаменты большую часть попечения и внимания на себя отнимают, которые бы единственно на науки употребить надлежало.

2

Не упоминая прошедших времен, ясно сие доказать можно нынешним Академии состоянием, ибо, во-первых, главные профессии с их департаментами состоят почти без действия: астрономия и Обсерватория, ^в хотя с самого начала была за переделками по большей части по прихотям и за спорами мало полезна, а ныне и того хуже, затем что кроме выстройки после пожара ¹

^а В черновике это заглавие написано вместо первоначально написанного и зачеркнутого его [сиятельству] etc. представление.

^б В черновике написано и зачеркнуто как Канцелярия, художества, Типография, Книжная лавка, Ведомостная экспедиция, переплетное дело и другие суть.

^в Так и в подлиннике и в черновике.

происходят беспрестанные переделки и новые перепочки, но сверх того и те, кои при профессорах Делиле и Гришове на Обсерваторию свободный вход имели и с похвалою производили наблюдения, без всякой причины от оной выключены,² а те, коим она поручена, производят ли что в пользу астрономии, мне неизвестно.^а

3

В каком добром состоянии была Физическая палата при прежних профессорах, при Крафте и при Рихмане, о том всяк знает довольно, и что Рихман и после пожара содержал физические инструменты в порядке и показывал студентам и знатным гостям физические опыты, также вновь оные для испытания природы ими делал. Ныне уже несколько лет³ все физические инструменты лежат без употребления и без призрения. Нет физических экспериментальных лекций, не производятся опыты для исследования природы по силе регламента и по добрым примерам прежде бывших профессоров физики,⁴ а о том и спрашивать нечего, чтобы по должности прилагали старание о заведении новоизобретенных ныне в Европе, нужных физических инструментов, каковыми Физическую палату всегда снабждать должно.

4

Содержание Ботанического сада также немало денег стоит, однако без профессора ботаники все бесполезно, которого выписание несколько лет продолжается. Каким образом оное происходит от секретаря Конференции, о том весьма сомнительно и не без причины, ради его прежних подозрительных переписи-

^а В черновике написано и зачеркнуто и весьма сомнительно затем, что, по объявлении мне от часового мастера, все часы на Обсерватории лежат без действия большую часть времени. Без них никаких астрономических наблюдений производить нельзя. Итак, ученый свет едва ли думает, что у нас ныне есть Обсе[рватория].

сок и других неисправностей в его должности.⁵ Между тем Ботанический сад лежит в запустении и больше на дровяной двор походит.^а

5^б

О прочих академических профессорских департаментах Канцелярии Академии Наук не представляю, но дотоле отлагаю, пока учинено будет о трех вышепоказанных рассмотрение и надлежащее распоряжение, которые без того, наконец, принесут крайний упадок и нареkanie Академии, и казна государственная претерпевать будет больше бесполезный убыток.

Михайло Ломоносов

Марта дня
1764 года

469

*1764 ИЮЛЯ 2. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О СОСТАВЛЕНИИ ВЕДОМОСТИ РАСХОДОВ НА СОДЕРЖАНИЕ
УЧЕНОГО И УЧЕБНОГО ПЕРСОНАЛА*

1764 года июля 2 числа пятък.

В Канцелярию Академии Наук г. статский советник Ломоносов прибыл. . .

Потом приказал для некоторых обстоятельств сделать генеральную и верную ведомость с начала апробованного академического штата, то есть с 1747 года поныне, о расходах: 1-е) сколько всем гг. профессорам, адъюнктам, студентам, учи-

^а В черновике написано и зачеркнуто Будучи дровами заставлен как для тутошних жителей, так и для других академических служителей.

^б В черновике этот пункт начинался следующими словами, которые затем зачеркнуты Химическая лаборатория и Анатомический театр поныне мог бы быть в состоянии. Однако не в состоянии отчасти за неимением профессора, отчасти за недостатком времени. <Недавно произведенный г. Протасов ради> напрасныя отсылки в Голландию г. Протасова^б стоили потери времени около полуторых лет.

телям Гимназии и ученикам произведено на жалованье; 2-е) сколько на покупку инструментов и материалов и на прочие расходы, следуемые до ученого корпуса, издержано, которую и сочинить в самой крайней скорости, и для того канцелярским служителям, до кого оное следует, приходиться пополудни. И о том им для исполнения сию резолюцию объявить с подписками. . .

Иван Тауберт

Михайло Ломоносов

Секретарь Михайло Гурьев

470

1764 НЕ ПОЗДНЕЕ АВГУСТА 26. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПОВЕДЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В РАССУЖДЕНИИ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ И ДЕЛ С НАЧАЛА СЕГО КОРПУСА ДО НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Глава первая

содержит поведение от начала до нового штата

§ 1

Во время приезда в Санктпетербург самых первых профессоров: Германа, двух Бернуллиев, Билфингера, Беккенштейна и других был президент архиатер доктор Лавреньтей Blumen-тост, а у государевой библиотеки приставлен библиотекарем, что после был статским советником, Иван-Данил Шумахер, которому президент отдал под смотрение и денежную казну, определенную на Академию.

§ 2

Посему выдача жалованья профессорам стала зависеть от Шумахера, и все, что им надобно, принуждены были просить от него же. Сверх сего Шумахер, будучи в науках скуден и оставив вовсе упражнение в оных, старался единственно искать

себе большей уверенности у Блуменроста и у других при дворе приватными ^a прислугами, на что уже и надеясь, поступал с профессорами не таким образом, как бы должно было ему оказывать себя перед людьми, толь учеными и в рассуждении наук великими, от чего скоро воспоследовали неудовольствия и жалобы.

§ 3

Шумахер для укрепления себе присвоенной власти приласкал на помощь студента Миллера, что ныне профессор, и в начатой безо всякого формального учреждения и указа Канцелярии посадил его с собою, ибо усмотрел, что оный Миллер, как еще молодой студент и недалекой в науках надежды, примется охотно за одно с ним ремесло в надежде скорейшего получения чести, в чем Шумахер и не обманулся, ибо сей студент, ходя по профессорам, переносил друг про друга оскорбительные вести и тем привел их в немалые ссоры, которым их несогласием Шумахер весьма пользовался, представляя их у президента смешными и неугомонными.

§ 4

Сверх сего по высокомерию своему презирал оных почтенных мужей и делал многие досады, почему прозван был *flagellum professorum*, то есть бич на профессоров, которые между тем, жаловавшись и бив челом в Сенате на своих обидчиков, ничего не успели, затем что приобыкли быть всегда при науках и не навывкнув разносить по знатным домам поклонов, не могли сыскать себе защищения, и ради того требовали от академической службы абшидов, которые Шумахеровым ходатайством неукоснительно и выправлены.

^a приватными написано вместо зачеркнутого побочными.

Краткая история / о поведении
Академической Канцелярии
в Петербурге в 1790-х годах
и о поведении ее в 1800-х годах
по повелению Императора

Над ~~ис~~ историей
Академической Канцелярии
в Петербурге в 1790-х годах
и о поведении ее в 1800-х годах
по повелению Императора

Глава первая.
Создание Канцелярии Академии
наполеоновской войны.

§ 1

Впервые Канцелярия Академии
была создана в 1783 году
в Петербурге, в здании
Канцелярии Академии
вместе с Канцелярией
Академии наук в здании
наместника Шумахера, в котором
находилась Канцелярия
Академии наук в здании
наместника Шумахера на Английской
площади.

Сначала Канцелярия Академии
находилась в здании
наместника Шумахера.

§ 2

После выезда Императора
в 1797 году Канцелярия
Академии наук была
перенесена в здание
наместника Шумахера
вместе с Канцелярией
Академии наук в здании
наместника Шумахера
на Английской площади
и в 1800 году Канцелярия
Академии наук была
перенесена в здание
наместника Шумахера
на Английской площади.

Сначала Канцелярия Академии
находилась в здании
наместника Шумахера.

«Краткая история о поведении Академической Канцелярии»
Начальный лист собственноручного черновика
Архив Академии наук СССР

§ 5

Но чтобы Академия не пуста осталась, или лучше, дабы Шумахер имел под рукою своею молодых профессоров, себепослушных, представил в кандидаты на профессорство пять человек: Ейлера, Гмелина, Вейтбрехта, Крафта и фаворита своего Миллера,^a чтобы старые отъезжающие профессора их на свое место аттестовали. О четырех первых отнюдь не обинулись дать свои одобрения, а Миллеру в том отказали, для того ли что признали его недостойным, или что он их много обидел, или и обое купно было тому причиною. Однако в рассуждении сего мнение их не уважено, затем что Шумахеровым представлением Миллер был от Блументроста произведен с прочими в профессора.

§ 6

Однако ж Шумахер сим своим промыслом чуть ли не больше проиграл, нежели выиграл. Новый сей профессор, ведая из практики и сообщения шумахерские пронырства, везде стал ему ставить на дороге в его покушениях препятства, пристал к некоторым еще оставшим первым профессорам, также и с новыми соединясь, немалые стал наводить Шумахеру упадки в его власти. Но он выискал новый способ, как бы с шею сбыть сего соперника, ибо, узнав его охоту побывать в других государствах и надобность съездить в отечество для принятия наследства, присоветовал с оказанием удовольствия, с определенным ему профессорским жалованьем и с подорожными деньгами в путь отправиться под именем яко бы для нужд библиотечных и книгопродажных в Германию.

§ 7

После отъезду Миллерова имел случай Шумахер привести прочих новых профессоров к себе в дружбу и управлять их уже как старший, а его сколько можно унижить худыми об нем

^a На полях приписано и зачеркнуто NB а лекций головою [?] не было

идеями, коих он мог сыскать довольно. Да и сам Миллер, надеясь на Шумахерово ласкание, без позволения ездил в Англию, чтобы стать тамошнего ученого собрания членом, также, проезжая Пруссию, был на славном там случившемся тогда каруселе и для показания себя излишние сделал из казны издержки, коих Шумахер по возвращении его в Санктпетербург на казенный счет не поставил, отчего произошла великая распря, и Шумахер взял верх, так что Миллер рад был тогдашнему случаю отправиться в Камчатскую экспедицию.

§ 8

Около сего времени взяты были из Московских Законовспаских школ двенадцать человек школьников в Академию Наук, между коими находился бывший после профессор натуральной истории Крашенинников (ибо в самой Академии о изучении российского юношества почти никакого не было попечения). Оных половина взяты с профессорами в Камчатскую экспедицию, из коих один удался Крашенинников, а прочие от худого присмотру все испортились. Оставшаяся в Санктпетербурге половина, быв несколько времени без призрения и учения, разопределены в подьячие и к ремесленным делам. Между тем с 1733 года по 1738 никаких лекций в Академии не преподавано российскому юношеству.

§ 9

Хотя между тем Миллер, будучи в Сибири, не мог быть Шумахеровым соперником, однако не без нужды Шумахеру было от некоторых остерегаться и ради того приводить в ссору.^a Делиль еще был из самых первых профессоров и не давал собою командовать Шумахеру, ведая, что он не имеет к тому подлинного права. Для того наустил Шумахер на Делилля молодых профессоров Крафта и Генсиуса, чтобы его не

^a На полях приписано о прибытии на Шпиц Берген

почитали и на Обсерватории без его спросу и согласия употребляли инструменты по своей воли, отчего произошли ссоры и драки на Обсерватории.

§ 10

Профессор Вейтбрехт умел хорошо по-латине; напротив того, Юнкер едва разумел латинских авторов, однако мастер был писать стихов немецких, чем себе и честь зажил и знакомство у фельдмаршала графа Минниха. Шумахер, слыша, что Вейтбрехт говорит о Юнкере презренно, яко о неученом, поднял его на досаду, отчего произошла в Конференции драка, и Вейтбрехт признан виноватым, хотя Юнкер ударил его палкою и расшиб зеркало. Примечания достойно, что прежде сего Шумахер, как и ныне наследник его — Тауберт, в таковых распрях стоит за молодых, затем чтоб ими старших унижить, а молодых поднять. Но то же и с ними делалось, когда они несколько усилились, и чрез то, кроме других доводов, на себя доказывают, что они таковых ссор причиною, чтобы ловить в мутной воде.

§ 11

В 1735 году истребованные вновь двенадцать человек школьников и студентов в Академию из Московских Спасских школ, в коих числе был и нынешний статский советник Ломоносов и надворный советник Попов и бывший потом бергмейстер Виноградов, приехали в Санктпетербург все вместе генваря 1 дня 1736 года и содержаны были сперва на довольной пище, хотя и излишно дорого за то заплачено родственнику Шумахерову — Фелтингу. 19 марта объявлено студентам Ломоносову и Виноградову, что они отправляются по именному указу в Германию для обучения натуральной истории. И с того времени взяты на отпуск определенные из Статс-конторы на содержание их с третьим тысячу двести рублей на год, кои тогда же и употреблены на академические другие нужды за недостатком денег

в Академии. А отправляющиеся вышеписанные студенты и с ними Густав Рейзер, бывшего тогда Берг-коллегии советника Рейзера сын, принуждены были ожидать своего отправления до осени, в коем пути будучи четыре недели на море, в октябре месяце едва не потонули.

§ 12

Всегдашние недостатки в деньгах происходили от худой экономии Шумахеровой, ибо, несмотря на то что, сверх положенной суммы 25 тысяч в год, печатание книг заморских и торг иностранными во всем государстве имела одна Академия, сверх того блаженныя памяти государыня императрица Анна Иоанновна пережаловала на Академию во время своего владения до ста десяти тысяч, академические служители такую претерпевали нужду, что принуждены были брать жалованье книгами и продавать сами, получая вместо рубля по семидесят копеек и меньше, что продолжалось до нового штата.

§ 13

По отъезде помянутых трех студентов за море прочие десять человек оставлены без призрения. Готовый стол и квартира пресеклись, и бедные скитались немалое время в подлости. Наконец нужда заставила их просить о своей бедности в Сенате на Шумахера, который был туда призван к ответу, и учинен ему чувствительный выговор с угрозами штрафа. Откуда возвращаясь в Канцелярию, главных на себя просителей, студентов бил по щекам и высек батогами, однако ж принужден был профессорам и учителям приказать, чтобы давали помянутым студентам наставления, что несколько времени и продолжалось, и по экзамене даны им добрые аттестаты для показу. А произведены лучшие — Лебедев, Голубцов и Попов в переводчики, и прочие ж разопределены по другим местам, и лекции почти совсем пресеклись.

§ 14

Отправленные в Германию трое вышепоказанные студенты, приехав в город Марбург, обучались у славного профессора Волфа математики и физики, а химии начало положили у других. И двое российских обучались немецкому языку и во французском положили начало.^a Между тем для весьма неисправной пересылки денег на содержание претерпевали нужду и пришли в долги. Хотя Шумахер получал на них определенную из Статс-конторы сумму тысячу двести рублей вперед на целый год, отправленным им из Марбурга в Фрейберг для обучения рудных дел определил жалованья только по полтора ста рублей. Обещанных наперед тамошнему советнику Генкелю за обучение их химии тысячи двухсот рублей не прислал же, почему Генкель присылаемые студентам на содержание деньги стал удерживать за собою, чего они не могли вытерпеть и стали просить своего пропитания, требуя справедливости. Но он с великою запальчивостию в деньгах отказал, а их вон от себя выслал. В таковых обстоятельствах Ломоносов отъехал в Марбург к Волфу как к своему благодетелю и учителю. Рейзер и Виноградов, долго скитаясь, наконец нашли покровительство у графа Кейзерлинга, который их и снабдевал несколько времени.

§ 15

Между тем присылка суммы на содержание студентов в Германии совсем пресеклась, и Рейзер через отца своего исходатайствовал, что деньги на содержание двоих стали присылаться из Берг-коллегии исправно даже до их возвращения. Ломоносов писал в Академию из Марбурга о своем возвращении и через год на проезд и на платеж долгов получил только сто рублей, и выехал за Волфовым поручительством в отечество. Подал добрые свидетельства о своих успехах и specimens в Академию, кои весьма от Собрания одобрены. Но произведен не так, как обещано ему при отъезде, в экстраординарные профессоры, но

^a Зачеркнуто также и в студентских экзерцициях.

по прошествии полугода в адъюнкты, а профессорства ждал он здесь четыре года. Примечания и смеху достойно, что когда Ломоносов уже давно в отечество возвратился и был по штату в Академии адъюнктом физического класса на жалованье академическом по 360 рублей, Академическая канцелярия на всякий год требовала и получала из Статс-конторы на содержание его по чetyреста рублей наперед, и было якобы два Ломоносовых: один в России, другой в Германии. Подобно же происходило и с прочими двумя студентами, на коих до возвращения Шумахер принимал определенную из Статс-конторы сумму, ничего к ним не пересылая. Возвратившегося Рейзера хотя Шумахер и приласкивал в Академию, обещая профессорство химии, чтобы Ломоносова отвести от той профессии, однако Рейзер, ведая худое академическое состояние и непорядки, совсем отказался.

§ 16

Около 1740 года определен был в Академию Наук для своего искусства в механике советник Нартов к инструментальным делам, а особливо к машинам, взятым в Академию из токарни блаженные памяти государя императора Петра Великого, и учреждена Механическая экспедиция, к которой помянутый Нартов требовал себе и приказных служителей, в чем ему Шумахер весьма препятствовал, опасаясь, чтобы его Канцелярия, не утвержденная указом, а следовательно и власть его не унизилась. Между тем Нартов, уведав от академических многих служителей, а паче из жалобы от профессора Делиля о великих непорядках, напрасных убытках и о пренебрежении учения российского юношества, предприял все сие донести блаженным памяти государыне императрице Елисавете Петровне, когда она изволила быть в Москве для коронования. И так,^a за общим подписанием одиннадцати человек доносчиков, коих главные были комиссар Качер, переводчики Горлицкой и Попов, что ныне

^a Зачеркнуто под его предводительством.

надворный советник, и некоторые студенты, приказные, академические служители и мастеровые, советник Нартов отвез в Москву и подал оное доношение е. в., по которому советник Шумахер и с ним нотариус Гофман и книгопродавец Прейсер взяты под караул, и учреждена в Академии следственная комиссия, в коей членами присутствовали адмирал Николай Федорович Головин, князь Борис Григорьевич Юсупов и бывший тогда здешний комендант Игнатъев.

§ 17

Доносили оные канцелярские служители на Шумахера в непорядочных по Академии поступках, в испровержении наук и в похищении многой казны, что все состояло в 38 пунктах. Первое им было в успехах помешательство, что из них подканцелярист Худяков прежде еще отъезда Нартова в Москву с доношением отстал и объявил тайно Шумахеру все их намерение, почему он принял предосторожности, писал в Москву к своим приятелям, а профессоров и адъюнктов побудил всех читать лекции для виду, так что читающих было числом втрое против слушателей, и то уже по большей части к местам прежде определенных. Несмотря на то, сперва комиссия зачалась было горячо, однако вскоре вся оборотилась на доносителей, затем что в комиссию, а особливо ко князю Юсупову, писал за Шумахера сильный тогда при дворе человек иностранный.^a Не исполнено ничего, что требовали доносители по силе именного указа и по самой справедливости, то есть не опечатаны все нужные департаменты, на кои большее было подозрение, а в запечатанные ходил самовластно унтер-библиотекарь Тауберт, сорвав печать, и выносил письма. Доносители не допущены были по силе именного указа о той комиссии к разбору писем и вещей, и словом никакой не употреблено строгости по правосудию, а доносители без всякой причины арестованы, Шумахер выпущен из-под аресту.

^a Зачеркнуто который правительств [слово не дописано].

§ 18

Наконец уговорены были с Шумахеровой стороны бездельники из академических нижних служителей, кои от Нартова наказаны были за пьянство, чтобы, улуча государыню где при выезде, упали ей в ноги, жалуясь на Нартова, якобы он их заставил терпеть голод без жалованья. Сие они сделали, и государыня по наговоркам Шумахерова патрона указала Нартова отрешить от Канцелярии и быть в ней Шумахеру главным по-прежнему. Между тем комиссия хотя не могла миновать, чтобы Шумахера не признать виноватым по некоторым пунктам, по коим он изобличен был в первые заседания, однако сочинила доклад в Правительствующий Сенат, весьма доброхотный для Шумахера, а предосудительный для доносителей, кои и осуждены были к штрафам и наказаниям, но и прощены, якобы для замирения со шведами. Пункты, в коих Шумахер изобличен, суть следующие: 1) что он содержал у себя под именем кунсткамерских служителей четырех лакеев, водил в своей либерее, кои никакого в Кунсткамере дела не имели; на академическом жалованье по 24 рубли на год, на что издержал казенных денег с лишним 1400 р.; 2) что определенные деньги по потчивание гостей, в Кунсткамеру приходящих, по четыреста рублей на год держал на себя и присовокупил к своему жалованью, чтобы не давать никакого отчету, чего всего истрачено было больше семи тысяч рублей; 3) что он держал казенную французскую водку, коя имелась всегда для кунсткамерских вещей, употреблял на свои домашние потребности. И словом, если бы комиссия допустила доносителей до счетов, надлежащих до типографской фабрики и до книжного торгу, то бы нашлись конечно великие неисправности и траты казенной суммы. Сверх сего доказал советник Нартов, что Шумахер сообщил тайно в чужие государства карту мореплаваня и новообретенных мест Чириковым и Берингом, которая тогда содержалась в секрете. А оную карту вынял тогдашний унтер-библиотекарь Тауберт из Остермановых пожитков, будучи при разборе его писем, который ее имел у себя как главный командир над флотом.

§ 19

К избавлению Шумахеру много также способствовали тогдашние профессора, а особливо Крафт по сродству, Вингейм по великой дружбе и приехавшие в самое время комиссии из Сибири Гмелин и Миллер, которым Шумахер обещал выдавать им двойное сибирское жалованье и здесь, в Санктпетербурге, как только посажен будет по-прежнему в Канцелярии. Сии четверо разъезжали по знатным дворам случайных людей, привлекиши и прочих профессоров, и просили о освобождении оногo, однако вскоре вспокаялись, затем что Шумахер, поманив несколько времени Гмелина и Миллера исполнением обещанного, наконец отказал им вовсе. С прочими стал поступать деспотически. С Делилем древняя вражда возобновилась, а особливо что он был при комиссии депутатом со стороны доносителей. Какие были тогда распри или лучше позорище между Шумахером, Делилем и Миллером! Целый год почти прошел, что в Конференции кроме шумов ничего не происходило. Наконец все профессора единогласно подали доношение на Шумахера в Правительствующий Сенат в не порядках и обидах, почему оный Сенат рассудил и указал, чтобы до наук надлежащие дела иметь в единственном ведении Профессорскому собранию.

§ 20

Но власть их стояла весьма кратко, затем что вскоре пожалован в Академию президентом его сиятельство граф Кирило Григорьевич Разумовской, которому на рассмотрение отосланы из Сената все перед ним бывшие академические распри, которые так решены, что от всех профессоров взяты сказки порознь,^а стоит ли кто в своем на Шумахера доносе, на что как ответствовано от каждого, неизвестно, но то ведомо, что Шумахер остался по-прежнему в своей силе и вскоре получил большое подкрепление.

^а *Зачеркнуто* не имеют ли чего больше донести на Шумахера.

§ 21

Около сих времен многие профессора отъехали в отечество: Крафт, Гейнсиус, Вилде, Крузиус, Делиль и Гмелин, коих двух отъезду причины и отпуск особливо упомянуть должно. Делиль, будучи с самого начала Академии старший, по справедливости искал первенства перед Шумахером и, служа двадцать лет на одном жалованье, просил себе прибавки, и как ему отказано, хотел принудить требованием абшида, который ему и дан без изъяснения или уговаривания, ибо Шумахер рад был случаю, чтобы избыть своего старого соперника. Гмелину Шумахер чинил многие препятствия в сочинении российской флоры, на что он жаловался. Шумахер выбранил Гмелина письменно бесчестным способом, для чего Гмелин и для отказу в получении двойного, как было в Сибири, жалованья стал отпрашиваться на время в отечество, на что его сиятельство г. президент и склонился, ежели он даст надежных поручителей. Первый сыскался друг его, профессор Миллер и в товарищи склонил к себе профессора Ломоносова, который сколько ласканием Миллеровым, а больше уверился словами покойного Крашенинникова, который о Гмелинове добром сердце и склонности к российским студентам Ломоносову сказывал, что-де он давал им в Сибири лекции, таясь от Миллера, который в том ему запрещал. Гмелин для чего не возвратился, показал причины, а вероятно, и для того что он через приятельские письма слышал о продолжении худого состояния Академии и о шумахерской большей прежнего власти.

Глава вторая

О поступках Канцелярии с ученым корпусом после нового стага

§ 22

По вступлении нового президента сочинен новый стат, в коем расположении и составлении никого, сколько известно, не было из академиков участника. Шумахер подлинно давал сочинителю

советы, что из многих его духа признаков, а особливо из утверждения канцелярской великой власти, из выписывания иностранных профессоров, из отнятия надежды профессорам происходить в высшие чины несомненно явствует. Оный штат и регламент в Собрании профессорском по получении прочитан однажды, а после даже до напечатания содержан тайно. Все рассуждали, что он хорош, затем что думали быть автором г. Голдбаха. Однако по напечатании увидели не Голдбаховы мысли и твердость рассуждения, который всегда старался о преимуществах профессорских. Многие жалели, что оный регламент и на других языках напечатан и подан случай к невыгодным рассуждениям о Академии в других государствах.^а Что по оному регламенту и для него после приключилось, окажется в следующих.

§ 23

Для большего уважения Канцелярии при такой перемене надобно было и место просторнее: прежнее рассудилось быть узко и тесно. Таковых обстоятельств не пропускал Шумахер никогда, чтобы не пользоваться каким-нибудь образом в утеснении своих соперников, и для того присоветовал перенести Канцелярию в Рисовальную и Грыдоровальную палату, а рисовальное дело перебраться в бывшую тогда внизу под нынешнею Канцеляриею Механическую экспедицию, где имел заседание Нартов, который для сего принужден был очистить место, рушить свое заседание, а инструменты и мастеровые разведены по тесным углам. Сие ж было причиною академического пожара, ибо во время сей перемены переведены были некоторые мастеровые люди в кунсткамерские палаты, в такие покои, где печи едва ли с начала сего здания были топлены и при переводе тогдашних мастеров либо худо поправлены или и совсем не осмотрены. Сказывают, что близ трубы лежало бревно, кое от

^а *Зачеркнуто* статский советник Ломоносов сочинил на оный регламент примечания, а что его.

топления загорелось. Разные были о сем пожаре рассуждения, говорено и о Герострате, но следствия не произведено никакого. А сторож тех покоев пропал безвестно, о коем и не было надлежащего иску. Погорело в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с сибирскими и китайскими вещами, Астрономическая обсерватория с инструментами, Готторпский большой глобус, Оптическая камера со всеми инструментами и старая Канцелярия с оставшимися в ней архивными делами, однако повреждение двору и публике показано весьма малое и о большом глобусе объявлено, что он только повредился, невзирая на то, что оно в целости ничего не осталось, кроме старой его двери, коя лежала внизу в погребе. Для лучшего уверения о малом вреде от пожару в «Ведомостях» описано хождение по Кунсткамере некоего странствующего мальтийского кавалера Загромозы, в коем именованы оставшиеся в целости вещи, кои он, Загромоза, видел. Но если бы и то объявлено в тех же «Ведомостях» было, чего уже он в Кунсткамере не видел, то бы едва ли меньший реестр из того вышел.

§ 24

Таким образом, негодование у двора и молву в людях о сем пожаре утолив, начата несколько Академия в 1748 г. и большой глобус починивать новым образом, то есть все новое делать, прилагая всякое старание. Положено великое множество казенного иждивения, и каменная палатка, где он ныне стоит, обошлась около пяти тысяч! Между тем как неудовольствие у двора охолодело, так и выстройка глобуса остановилась и в шестнадцать лет еще совсем не окончана.

§ 25

В то же время для исполнения хотя на время по статусу истребованы из синодальных семинарий, из Московской, Новгородской и Невской, около тридцати человек школьников, затем что своих при Академии воспитанных не было, кроме двух из Невской семинарии принятых, что ныне профессеры Котель-

ников и Протасов. Начались университетские лекции и учение в Гимназии с нехудым успехом. Ректором определен в Университете по регламенту профессор Миллер. И сие продолжалось, пока истребованные из духовных школ по большей части по местам не разопределились. Между тем Миллер с Шумахером и с ассессором Тепловым поохолодился и для того отставлен от ректорства, а на его место определен адъюнкт Крашенинников, как бы нарочно в презрение Миллеру, затем что Крашенинников был в Сибири студентом под его командою, отчего огорчение произошло еще больше. Во время Крашенинникова ректорства произведены из Гимназии девять человек в студенты. Только то не хорошо сделал по совету Шумахеру, что для произведения не учинил прежде публичного экзамена, что, однако, профессор Ломоносов исправил, ибо нареkanie от Крашенинникова и от студентов отвел экзаменом, учиненным в Профессорском собрании, и новые студенты почти все явились способны к слушанию лекций, которые, однако, не продолжались порядочно, и студенты отчасти по-пустому шатались, живучи по городу в разных отдаленных местах для дешевых квартир, отчасти разопределились по разным академическим департаментам. Четверо из старых посланы были за море. Итак, течение университетского учения вовсе пресеклось, кроме профессора Брауна, который читал беспрерывно философские лекции, несмотря на нелюбление за то от Шумахера и на недоброхотные выговоры и советы.

§ 26

Приведши себя Шумахер в такие обстоятельства и приготовив на свою руку в зяти, в наследники и в преемники тогдашнего ассессора (что ныне статский советник) Тауберта, опасался двоих в произведении сего предприятия профессоров: старого своего соперника Миллера и Ломоносова, который тогда своими сочинениями начал приходить в знаемость. И ради того стал Шумахер на сего чинить следующие нападения. Ломоносов с самого своего приезда требовал для упражнения в своей хими-

ческой науке, чтобы построена была при Академии лаборатория, но через четыре года, подавав многократные в Канцелярию о том прошения, не мог получить желаемого. И, наконец, будучи произведен по апробации всего Академического собрания и по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны за подписанием собственныя руки, получил двора повеление и сумму на лабораторию из Канцелярии от строения по представлению барона Черкасова. Для отнятия сего всего умыслил советник Шумахер и ассессора Теплова пригласил, чтобы мои, апробованные уже диссертации в общем Академическом собрании послать в Берлин, к профессору Ейлеру конечно с тем, чтобы их он охулил, а приехавшему тогда из Голландии доктору Бургаву-меньшему было сказано, что он при том и химическую профессию примет с прибавочным жалованьем. И Бургав уже не таясь говорил, что он для печей в Химическую лабораторию выпишет глину из Голландии.

§ 27

Между тем Ломоносов, сие о Бургаве услышав, доложил барону Черкасову, и потому выдача денег на Лабораторию приостановлена. Также и Бургав, уведав, что ему химическую профессию поручают в обиду Ломоносову, от того отказался. Сверх сего ассессор Теплов, Ломоносову тайно показав аттестат Ейлеров о его диссертациях, великими похвалами преисполненный, объявил, что-де Шумахер хотел его определить к переводам, а от профессорства отлучить, однако-де ему не удалось. А как Ломоносов выпросил Ейлеров аттестат, то прислана к нему тотчас от Теплова цедулька, чтобы аттестат отослать неукоснительно назад и никому, а особливо Шумахеру, не показывать: в таком был он у Шумахера подобострастии. После того под смотрением и по расположению Ломоносова выстроена Химическая лаборатория, в которой он, трудясь многими опытами, кроме других исследований, изобрел фарфоровую массу, мозаичное дело и сочинил о цветах новую теорию.

§ 28

Изобретенное мозаичное художество, кое казенным производением развести неохотно принимались, не хотя Ломоносов вотще кинуть, просил в Правительствующем Сенате о заведении себе приватно фабрики со вспомогательными заимообразно деньгами и с жалованьем крестьян, что ему и определено. А для испрошения по сенатскому представлению крестьян необходимо ему надобно было ехать в Москву, куда перед тем незадолго двор отбыл. Для сего Ломоносов просил из Канцелярии отпускного письма, но Шумахер отказал, что он без президентского позволения дать не смеет. Но как зимний путь уже стал худеть, и Ломоносов думал, что, может, ему также от президента отказ будет и дело его весьма продлится, то испросил он позволения из Сенатской конторы, от адмирала князя Голицына, паспорт и в Москву приехал прямо в президенту, извиняясь своею законною нуждою. Его сиятельство принял ласково и во всю бытность оказывал к нему любление. Всемиловитая же государыня благоволила подать ему довольные знаки своего высочайшего благоволения и пожаловала по желанию его деревни. Возвратясь в Санктпетербург, Ломоносов увидел в Профессорском собрании от президента оному на общее лицо реприманд в ослушании. А покойник адмирал князь Голицын показал Ломоносову также вежливый реприманд от президента в форме письма от советника Теплова, что он в чужую должность вступился, отпустив в Москву реченного Ломоносова: так противны были Шумахеру его успехи.

§ 29 ^а

Блаженные памяти государыня императрица Е[лисавета] П[етровна] на куртаге Ломоносову через камергера Шувалова изволила объявить в бытность его в Москве, что е. в. охотно бы

^а *Зачеркнуто* Вскоре после того воспоследовало несчастье с Рихманом от громовой электрической силы. Акт публичный для того отложен, который отправлять определено было с ним Ломоносову.

желала видеть российскую историю, написанную его штилем. Сие приняв он с благодарением и возвратясь в Санктпетербург, стал с рачением собирать к тому нужные материалы. (Сочиненный первый том поднесен е. в. с дедикацией в 49-м году письменный). При случае платы в награждение по задаче ста червонцев за химическую диссертацию Ломоносов сказал в Собрании профессорском, что-де он, имея работу сочинения «Российской истории», не чаёт так свободно упражняться в химии и ежели в таком случае химик понадобится, то он рекомендует ландмедика Дахрица. Сие подхватя, Миллер записал в протокол и, согласясь с Шумахером, без дальнего изъяснения с Ломоносовым, скоропостижно выписал доктора Залхова, а не того, что рекомендовал Ломоносов, который внезапно увидел, что новый химик приехал, и ему отдана Лаборатория и квартира. Помянутый Залхов был после весьма жалок. Ибо после выезду Ломоносова из квартиры, вступил ассессор Тауберт, а Залхов долго скитался по наемным, от Лаборатории удаленным квартирам и не мог за химию приняться. Между тем Ломоносов с ним приятельски обходился и не дал себя привести на неповинного Залхова в огорчение. А Залхов не пристал к шумахерской стороне, за что он выгнан из России бесчестным образом, ибо не токмо прежде сроку дан ему абшид, но Тауберт, будучи уже в Канцелярии членом, без спросу и согласия и без подписания своих товарищей, коллежского советника Ломоносова и надворного советника Штелина, послал промеморию в Адмиралтейство, чтобы оная коллегия послала указ в Кронштат и приказала у оного Залхова отнять данный ему диплом как академическому члену.

§ 30

С Миллером происходило следующее около тех же времен После бывшей комиссии в Академии для прекращения споров между Миллером и Крекшиным, о государственной фамилии Романовых происшедших,^a в которой для рассмотрения посажены

^a В подлиннике описка происшедшем.

были профессора Штуб, Тредьяковский и Ломоносов, впал Миллер в некоторое нелюбие у г. президента и у Теплова, и тогда отнято у него ректорство и отдано Крашенинникову. Сие, чаятельно, воспоследовало оттого, что он в первом томе «Сибирской истории» положил много мелочных излишеств и, читая оное, спорил и упрямялся, не хотя ничего отменить, со многими профессорами и с самим ассессором Тепловым. Также, вместо самого общего государственного исторического дела, больше упражнялся в сочинении родословных таблиц в угождение частным знатым особам. Сие казалось Шумахеру во власти опасно, и ради того старался ассессору Теплову все об нем внушать и искал удобного случая.^a

§ 31

Между тем издана во Франции карта американских морских путешествий Чирикова и Берингова, о чем Академия немало потревожена, и Миллер должен был делать сему поправление. Около сего времени перехвачено письмо Делилево к Миллеру об академических обстоятельствах, в котором найдены презрительные речи для Академии, и для того учреждена по именному указу в Академической канцелярии следственная комиссия. Ему не велено выходить из дому, и письма его опечатаны, в коих при разборе найдено нечто непристойное. Однако по негодованиям и просьбам Миллеровых при дворе приятелей дело без дальностей оставлено.

§ 32

После того велено Миллеру для публичного акта в Академии сочинить речь или диссертацию из российской истории, к чему он избрал материю, весьма для него трудную, — о имени и начале российского народа, которая, как только без чтения перед Профессорским собранием напечатана и в Москву к президенту для апробации отослана, немедленно публичный акт

^a удобного случая написано вместо зачеркнутого удобных прицепки.

отложен, и речь Миллерова отдана на рассмотрение некоторым академическим членам, которые тотчас усмотрели немало не-исправностей и сверх того несколько насмешливых выражений в рассуждении российского народа, для чего оная речь и вовсе отставлена. Но Миллер, не довольствуясь тем, требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в Собрании палкою и бил ею по столу конференцскому. И, наконец, у президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего асессора Теплова^а в глаза обесчестил. После сего вскоре следственные профессорские собрания кончились, и Миллер штрафован понижением чина в адъюнкты.

§ 33

При отъезде президентском на Украину, спустя по окончании комиссии около полугода пожалованы асессор Теплов и профессор Ломоносов в коллежские советники в Москве, сей при своей профессии, а оный при гетмане, адъюнкт Попов произведен в профессору и Миллер прощен и из адъюнктов произведен в профессору. И чтобы его из унижения поднять и укрепить против Ломоносова, который Шумахер казался опасен, дабы не умалил его самовластия, для того Миллер вскоре определен секретарем и ободрен знатною прибавкою жалованья, и Географический департамент поручен ему же. Сверх того, посажен и в комиссию, которая по президентскому ордеру учреждена была для отрешения излишеств от Академии, в коей члены были коллежские советники Шумахер и Ломоносов, надворный советник Штелин и профессор Миллер.

^а *Зачеркнуто* назвал бездельником.

§ 34

Причина была следующая сея комиссии. Слух достиг и до самых внутренностей двора об излишествах, недостатках и непорядках академических, и президент услышал неприятные там речи о своем правлении. И для того послал о поправлении сего в Академическую канцелярию ордер и к советнику Ломоносову особливый, причем и приватное письмо от советника Теплова, в коих точно и ясно изображены Шумахеровы непорядки. И потому никою мерою отрещись невозможно, что Шумахеровы непорядки были давно ведомы. С начала сея комиссии дело зачалось было изрядно, однако можно увериться, что Шумахер, будучи членом в той комиссии, которая учреждена для разбору его же непорядков, во всем доброму успеху препятствовал. И надворный советник Штелин за художества стоял больше, нежели за науки. Бывший тогда в Канцелярии секретарь Ханин искал себе ассессорства и единственного смотрения над книжным печатаньем и торгом, который был всего тягостнее наукам, старался всячески угождать Шумахеру. Наконец, комиссия кончена, и подан репорт президенту, которого исполнение могло бы хотя несколько поправить академическое состояние, однако он совсем оставлен без внимания. Отрешен только за пьянство архитектор Шумахер, однако после опять принят и поступает по-прежнему.

§ 35

Воспоследовало высочайшее повеление блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны о исправлении статов всех правлений и судебных мест, почему и в Академию Наук указ прислан, чтобы академический стат поправить и рассмотреть по идеи ассессора Тауберта. Созвано для того общее Профессорское собрание, где присутствовал и советник Теплов, который как сочинитель академического стага стал в том жестоко спорить, что оный еще как новый не подлежит никакой перемене, и потому-де его оставить в своей силе. Советник Ломоносов, напротив того, представлял, что в оном стаге есть много

неисправностей, прекословных и вредных установлений, то-де доказывается тем, что по нему не чинится исполнения. Советник Теплов с презрением слов его не хотел слушать. Отчего дошло с обеих сторон до грубых слов и до шума. И в собрании ничего не положено. По наговоркам Теплова отрешен был Ломоносов от присутствия в Профессорском собрании, однако при дворе законно оправдан и отрешение его письменно объявлено недействительным и ничтожным. Хотя же академический стат снова по указу из Правительствующего Сената недавно подан, яко не подлежащий к поправлению, к чему Ломоносов не подписался, но как он во всем сем прав, засвидетельствовал сам его сиятельство президент, приказав своим ордером новый академический стат сделать статскому советнику Тауберту и оному Ломоносову.

§ 36

При окончании сея главы для большего уверения худого состояния Академии в сей эпохе показать должно следующее: 1) что для таковых Академической канцелярии поступок никто не хотел из иностранных ученых вступать в академическую службу, и нужда была принимать на упалые профессорские места людей весьма посредственных, но и те склонились нарочным увещанием. Профессор Бургав отпущен был в отечество и в другие места на академическом коште под видом академических нужд, надлежащих до книжного дела, а в инструкции его между главными пунктами было предписано, чтобы в проезде своем истреблял в чужих краях худые мнения о нашей Академии и уверял о ее цветущем состоянии; 2) на письмо профессора Штруба к советнику Теплову, коим Штруб просил прибавки жалованья, отвечив оный отказом, объявляя, что-де ныне «Академия без академиков, Канцелярия без членов, университет без студентов, правила без важности и наконец во всем замешательство, даже поныне неисцелимое».

Глава третья

О поведении Канцелярии Академической после определения
новых в ней членов§ 37^a

При отъезде на Украину^б определил г. президент в Канцелярию новых членов в прибавление к статскому советнику Шумахеру: коллежского советника Ломоносова и ассессора Тауберта; надворный советник Штелин сперва присутствовал по строению академических погорелых палат, а после определен и действительно канцелярским членом. Кроме известных прежде бывших не порядков, странны показались советнику Ломоносову: 1) подряды, происходящие по выстройке погоревших палат и по заведению новой Типографии ассессором Таубертом и всяких починок, в коем деле не мог везде соглашаться без нарушения законов и для того записывал свой голос особливо, чему примеры показать можно; секретарь академический протестовал о таких подрядах после того и в Правительствующем Сенате; 2) великая раздача книг в подарки без высочайшего повеления в богатых переплетах, чему и реестр персон имеется, по которому видеть можно, сколь много истрачено казны с начала Академии донныне; 3) великое множество дел, до наук ничего не надлежащих, покупки разных вещей на Типографию, в Книжную лавку, в мастерские палаты, а особливо что по мелочам в разбивку, которыми так время тратится, что мало досугов остается стараться о главном деле — о науках, что можно усмотреть из канцелярских журналов и протоколов, на что Ломоносов многократно представлял, чтоб оное прекратить, однако без успеху, затем что товарищи его тем больше могли себя показать многодельными и прилежными, чего они не могли показать по наукам.

^a Зачеркнуто в 1748 году марта 24 дня разделил президент по силе генерального регламента должности.

^б Зачеркнуто разделил г. президент по силе генерального

§ 38

Подад советник Ломоносов в Профессорское собрание проект о делании трубы, коею бы яснее видеть можно было в сумерках, и представил давно у себя сделанный тому опыт. Физики профессор, что ныне коллежский советник Епинус делал на то объекции, почитая сие невозможным делом. Ломоносов немного после того спустя получил от камергера Шувалова присланную трубу того ж сродства, и он представлял в доказательство своей справедливости. Однако профессор Епинус не токмо слушать не хотел, но и против Ломоносова употреблял грубые слова; и вдруг вместо дружбы прежней стал оказывать неприятельские поступки. Все ясно уразумели, что то есть Таубертов промысел по Шумахерскому примеру, который ученые между профессорами споры, кои бы могли дружелюбно кончиться, употреблял в свою пользу, портя их дружбу. Все явно оказалось тем, что Епинус не токмо с Ломоносовым, но и с другими профессорами. ему приятельми, перестал дружить, вступил в Таубертову компанию и вместо прежнего прилежания отдался в гуляние. Тауберт Епинуса везде стал выхвалять и рекомендовать и тем сделал себе два выигрыша: 1) что отвел от наук человека, который бы стал, может быть, ими действовать против него, если бы при науках остался, 2) сыскал себе в помощь недоброжелателя Ломоносову, что следующими примерами неспоримо доказывается.

§ 39

Пожалован между тем коллежский советник Теплов в статские советники. Для того Ломоносов, как в одно время произведенный прежде, подад и о своем произвождении прошение его сиятельству Академии г. президенту, что он и принял благосклонно. Советник Тауберт, уздав о сем, употребил для помешательства сему профессора Епинуса, приговорив еще к тому профессора Цейгера и адъюнкта Кельрейтера, бывшего в великой любви у Тауберта и у Миллера. Скопом пришед к прези-

денту, просили, чтобы не воспоследовало Ломоносову производство, что учинили и у других некоторых особ, имея предводителем Елинуса, а речь вел Цейгер. Почему и остановлено производство Ломоносова, несмотря что он уже девятый год тогда был в одном чину, служив близ тридцати лет и отправляв до четырех профессий сверх дел канцелярских; напротив того, Елинус, быв здесь едва три года по контракту, произведен коллежским советником, не показав ни малой услуги Российскому отечеству, по Таубертовой рекомендации и еще мимо старших его иностранных, усердно трудившихся в наставлении российского юношества в Университете, от чего Елинус неосновательными отговорками вовсе отказался.

§ 40

Чтение лекций коль неприятно Тауберту хотя из вышесказанного довольно уразуметь можно, также из следующих неоспоримо окажется, однако не можно не упомянуть и сего поведения. Катедра профессорская стояла в академических палатах, где читал лекции по большей части^a профессор Браун, которого всегдашнее старание о научении российских студентов и притом честная совесть особливою похвалы и воздаяния достойны. Тогда безо всякого определения и согласия Канцелярии прочих членов и совсем без их ведома ассессор Тауберт велел оную катедру вынести вон, которая после очутилась в Гимназии. И если бы не старание Ломоносова, то бы лекции тогда вовсе пресекились, затем что расположение тогдашнее профессорское и студентское житье по разным квартерам требовало, чтоб катедре быть в академических палатах.

§ 41

Для сохранения российских древностей от разрушения и для удовольствия охотников представил советник Ломоносов в Академической канцелярии, чтобы списать портреты прежних го-

^a по большей части написано вместо зачеркнутого почти один.

сударей, кои по разным столичным и удельным городам в бывших княжениях находятся в церквах при гробницах, сняв с них рисунки на бумаге, при Академии переправить чище и нагрыв доровав пустить в свет. Согласились все члены, и признан к тому довольно способным рисовальным мастер Андрей Греков. Сделано определение, и от Святейшего Синода истребован позволительный указ, чтобы его допускать для сего дела везде в церкви. Однако Тауберт для пресечения сего дела, для того что не от него, но от Ломоносова получило свое течение, нашел способ, рекомендовав сего Грекова для обучения рисованию его императорского высочества. Что он сие учинил с зависти и злобы, то неоспоримо потому, 1) что можно бы к сему много лучших рисовальщиков сыскать, кроме Академии, и особливо, что Тауберт знал готовое уже Грекова отправление, 2) что кроме исполнения своей на Ломоносова злости отнюд бы он Грекова не рекомендовал к тому знатному месту, затем что он был свидетелем на теста его Шумахера во время следственной на него комиссии, почему меньшего брата его, Алексея Грекова, и поныне утесняет чувствительно.

§ 42

Не токмо в академических делах Ломоносову чинены многие препятствия, но и по его приватным трудам оскорбления. Когда мозаичное дело привел он до такого совершенства, что стали многие похвалять его старание, в то время издано в «Ежемесячных сочинениях» некоторое известие о мусии, наполненное незнания о сем деле, а паче презрения сего искусства, которое ныне в Риме и здесь производится из стеклянных составов и превосходнее древнего. Сии ругательства делу, для отечества славному, от кого произошли, видно, что при конце оного сочиненья стоят буквы В. Т. Собирает сочинения профессор Миллер, печатает Тауберт. Одному Ломоносова стихотворство, другому его «История», третьему обое, а паче всего в Канцелярии товарищество противно.

§ 43^a

По силе генерального регламента разделены академические департаменты президентским орденом по канцелярским членам в особое смотрение: коллежскому советнику Ломоносову поручено Профессорское собрание, Университет, Гимназия и Географический департамент, надворному советнику Штелину — Департамент академических художеств, так же грыдорованное, резное и другие мастерства, ассессору Тауберту — Типография, Книжная лавка и инструментальное дело. В сем последнем хотя Ломоносов и Штелин тогда ж и представляли, что инструментальное дело должно разделить, то есть для поделок типографских надобностей требуется только столяр, кузнец и слесарь, а прочие, как мастер геометрических, оптических, астрономических и метеорологических инструментов, надлежат к департаменту наук, который дан в смотрение Ломоносову, однако Шумахеров и Таубертов голос больше уважены, и после того инструментальных мастеров труды почти единственно употреблены в приватные угождения, ибо по Канцелярии о происхождении дел в Инструментальной лаборатории ничего почти не известно. Также Астрономическая обсерватория и физика едва ли чем от оной пользовались не токмо в деле новых, но и в починке старых инструментов.

§ 44

Ломоносов первое по своим департаментам принял в уважение Гимназию и Университет, кои были весьма в худом состоянии, а особливо, что жили гимназисты и студенты по городу порознь, не было никакого регламента, который велено уже с начала нового стага сочинить президенту, от чего происходило, 1) что помянутые молодые люди без распорядка в классах и в лекциях профессорских не были обучаемы надлежащим образом, 2) живучи далече от Академии, не приходили в над-

^a Зачеркнуто 1758 года марта.

лежащие часы к учению, а иногда и по несколько недель отгуливали, жалованье получали многие весьма малое, и тем еще поделаясь с бедными своими родителями, претерпевали скудость в пище и ходили по большей части в рубищах, а оттого и достать теряли охоту к учению. Для отвращения сего сочинил Ломоносов с позволения президентского обоих сих департаментов статьи вновь и регламенты, кои его сиятельством и апробованы, и дело пошло лучшим порядком.

§ 45

Однако в надлежащее течение привести невозможно было за невыдачею денег на учащихся, в чем советник Тауберт много противился, ибо, имея казну от Книжной лавки под своим ведением и печатью, с великим затруднением давал на Университет и Гимназию, когда статной казны в наличестве у Комиссарства не было, хотя все книжное дело и доходы произошли из академического определенного иждивения с немалым наук ущербом, так что иногда Ломоносову до слез доходило, ибо, видя бедных гимназистов босых, не мог выпросить у Тауберта денег, видя, что не на нужные дела их употребляет. Например, дочь умершего давно пунсонщика Купия принесла после отца своего оставшие старые инструменты, которые тотчас для словолитной за 120 рублей наличных денег взяты, когда гимназистам почти есть было нечего. Таковые поступки понудили Ломоносова просить президента, чтобы Университет и Гимназия отданы были ему в единственное смотрение, и сумму по новому статусу на оба сии учреждения отделять особливо с тем, чтобы Канцелярия (сиречь прочие члены) чинила ему в том всякое вспоможение. Сколько ж, напротив того, учинено препятствия, следует ниже. Однако, несмотря на оные, старанием Ломоносова начались в Гимназии экзамены и произвождение из класса в класс и в студенты и в Университете лекции; и в четыре года произошли уже двадцать человек, а в одно правление Шумахерово в тридцать лет не произошло ни единого человека.

§ 46

Успехи Гимназии и Университета коль тягостны были Тауберту, можно видеть из препятствий, учиненных вместо выше-помянутого вспоможения. Профессор Модрах, бывший тогда Гимназии инспектор, принес к Ломоносову канцелярский ордер, им же, Ломоносовым, подписанный и к Модераху посланный для принятия денег на студентов и гимназистов, в котором выскоблено и на том месте написано: «и употреблять их по моим словесным приказаниям», что законам противно и, чаятельно, ничьим другим, как Таубертовым, приказанием для подыску впредь сделано.

§ 47

Когда Ломоносов сочинил статьи и регламенты для Гимназии и Университета, то для лучшей исправности сообщил их для просмотра и делания примечаний советнику Теплову и четверем профессорам. Теплов сделал примечания и трое из профессоров, кои были по большей части справедливы и приняты в уважение. Четвертый, приняв Таубертовы советы, спорил против числа студентов и гимназистов, точно его слова употребляя: что «куда-де столько студентов и гимназистов? куда их девать и употреблять будет?» Сии слова твердил часто Тауберт Ломоносову в Канцелярии и, хотя ответствовано, что у нас нет природных россиян ни докторов, ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых и ниже своих профессоров в самой Академии и в других местах, но, не внимая сего, всегда твердил и другим внушал Тауберт: «куда со студентами?»

§ 48

В представлении своем к г. президенту Ломоносов о исправлении Университета и Гимназии рекомендовал в профессору адъюнктов Козицкого и Мотониса, одного философии, а дру-

гого греческого языка, и приводил Тауберта, чтобы на то склонился, затем что представление одного не толь важно, однако он отговаривался отчасти недостатком суммы, отчасти полагая причиною, якобы они были не прилежны, не хотят по его приказаниям ничего делать и прочая. Но не так он поступил с угодником своим Румовским и недавно с наглым Шлецером, которого непозволенным образом хочет довести в профессоры истории, о чем ниже.

§ 49

Для твердого основания Санктпетербургскаго университета и для его движения старался советник Ломоносов, чтоб исходатайствовать оному надлежащие привилегии и учинить торжественную инаугурацию по примеру других университетов. Для того с позволения его сиятельства Академии президента сочинил по примеру других университетов привилегию и с его апробациею и Профессорскаго собрания отдал переписать на пергаменте с надлежащими украшениями и со всеми принадлежностями подал в бывшую тогда Конференцию, где она апробована канцлером, его сиятельством графом Михаилом Ларионовичем Воронцовым контрассигнована к подписанию е. в. блаженныя памяти государыни и[мператрицы] Е[лисаветы] П[етровны] и между прочими делами предложено, но приключившиеся тогда болезни и скорая ее кончина сие пресекла. Примечания достойны при сем деле Таубертовы поступки: 1) что он об университетской инаугурации не хотел и слушать и ради того и у проекта привилегии для подания в Придворную конференцию не подписался, которая и представлена за президентскою и Ломоносова рукою; 2) адъюнкту Протасову послан был ордер в Голландию, чтобы, не ставясь там в докторы, ехал в Санктпетербург для постановления при инаугурации; к сему Тауберт не подписался, отзываясь, что «какие-де здесь поставления в докторы, не будут-де его почитать», будто бы здешняя монаршеская власть не была толь важна, как голландская. Правда, что инаугурация за вышеписанной причиною пресеклась, однако Протасов всегда мог

быть здесь доктором поставлен, но Тауберт во время тяжелой Ломоносова болезни отослал снова Протасова в Голландию для получения докторства, чем потеряно время и иждивение напрасно и авторитету академическому ущерб сделан, коея президенту в регламенте позволено производить в ученые градусы. Что же Тауберт сие учинил не для пользы Протасова, да в укоснение Университету, то явствует по тому, что после возвращения Протасова доктором при произвождении его в профессоры продолжал время, и если бы Ломоносов не ускорил, отнеся дело на дом президенту для подписания, то бы, конечно, Протасов и по сию пору был адъюнктом. Однако Тауберт и еще притом выиграл, что угодника своего Румовского наделя старшинством пред Протасовым.

§ 50

Для учреждения Университета должно было иметь профессора юриспруденции, которое место после отрешения Штрубова, что ныне канцелярским советником, было порошке. Ломоносов по рекомендации г. Голдбаха и после одобрения в Профессорском собрании (кроме Миллера) представил обер-авдителя Федоровича, который, кроме того что юриспруденции в университетах обучался, был через много лет в статской службе при Медицинской канцелярии и в Адмиралтействе и сверх других изрядно научился российскому языку и прав, почему он и принят его сиятельством. Тауберт и Миллер его и поныне ненавидят и гонят затем, что служит к учреждению Университета. Злоба ему оказана особливо в двух случаях. Научили его недоброхоты из старых студентов переводчика Поленова, который у Федоровича юридические лекции слушал, чтобы он просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего понять не может (сия была причина посылки двух студентов за море, а не ради учения). Сие Поленова доношение было так уважено, что, не требуя от Федоровича (от профессора и учителя) никакого изъяснения и оправдания, сделано канцеляр-

ское определение мимо Ломоносова в поношение Федоровичу и в удовольствие Поленову. А студент Лепехин послан с ним для виду. После того представлял Федорович оправдание свое в Собрании профессорском, которое опровергая, Миллер не токмо ругал Федоровича бесчестными словами, но и взашей выбил из Конференции. Федорович просил о сатисфакции и оправдан профессорскими свидетельствами, однако дело еще не окончено. Инако поступил Миллер со студентом Иноходцевым, который, будучи поручен Румовскому для научения астрономии, потом подал в Канцелярию прошение, чтобы его от той науки уволить за недовольною способностью глаз, причем присовокупил, что от Румовского весьма редко слышит лекции. Посему призван сей студент перед Профессорское собрание, и жестокий учинен выговор, а доношение переписать ему велено.

§ 51

Университет и Гимназия почти с начала содержатся на наемных квартирах, на что уже издержано казны многие тысячи. Для того уже после нового учреждения сих департаментов представил Ломоносов, чтобы купить близ Академии находящийся дом Строгановых под Университет и Гимназию, и торг уже в том намерении за несколько лет продолжался, а особливо, что Троицкое подворье, где ныне Университет и Гимназия, весьма обветшало и сверх того тесно. Тауберт не казался быть тому противен до нынешней весны, когда Ломоносов за слабость ног через худую реку в распутицу не мог толь часто в Канцелярии присутствовать и притом упражнялся в делах по повелению от двора е. в. Тогда Тауберт, без ведома и согласия Ломоносова заготовя ордер, чтобы оный дом купить под типографские и другие дела, а Университет и Гимназию совсем выключил. Оный ордер в чаянии, что заготовлен с общего совета, подписан президентом, и производится уже в нем выстройка по Таубертовым намерениям и расположениям.

§ 52

Причины, кои он показал при покупке Строгановскаго двора под книжное дело, суть следующие: 1) для помещения магазинов типографских и Книжной лавки, 2) для кунсткамерских служителей, 3) для типографских факторов и наборщиков, 4) для квартиры нововыписанному грыдоровальщику, 5) для Анатомического театра и для профессора анатомии, 6) для профессора астрономии, 7) для помещения рисовальных учеников, 8) для переносу кунсткамерских вещей из дому Демидовых, откуду-де высылают хозяева и просят в Сенате. Сии причины коль неосновательны, из сего видно: 1) что заняты под Типографию и Книжную лавку знатная часть старых академических палат и два целые каменные дома, в один выстроенные, Волкова и Лутковского, в коих многие покои под себя занял советник Тауберт и поместил людей, до Типографии ненадобных и совсем для Академии излишних; 2) кунсткамерские и библиотечные служители могут быть на наемных квартирах, как и другие академические; 3) грыдоровальщик также может жить на наемной квартире, как и прежде его Шмид и другие художники; 4) Анатомический театр должен быть не в жилом доме, но в одиноком месте, ибо кто будет охотно жить с мертвецами и сносить скверный запах? 5) паче же всего анатому, а особливо с фамилиею, иметь при такой мерзости свою экономию? 6) и астроном не больше имеет права жить на казенной квартире, как другие, притом же и мертвецы не будут ему приятны, когда занадобится идти в ночь на Обсерваторию; 7) рисовальные ученики живут в готовых, нарочно на то построенных квартирах и другой не требуют, к тому же они и заведены сверх статую; 8) для кунсткамерских вещей искать новой квартиры стыдно г. Тауберту, зтем что починка погоревших палат идет уже около двенадцати лет, и суммы изошло тридцать тысяч, а вещей еще и по сю пору не переносит. Изо всего сего очевидно явствует, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии не из важных резонов, но ради утеснения наук и препятствования Ломоносову в распространении оных, чтобы

его фабрика была в лучшем состоянии, нежели науки. Хотя ж покупка учинена из книжных доходов, однако оные все возросли из суммы, определенной на науки, с ущербом оных и по справедливости требуют сии повороту.

§ 53

Столько препятствий учинено Ломоносову в учреждении Университета и Гимназии; но не меньше еще в другом порученном ему Географическом департаменте. Прежде сего разделения имел профессор Миллер оное дело в своем смотреии около семи лет, где производились только копирования ландкарт оригинальных из архива и деланы карты почтовые, планы баталий и другие, сим подобные; а о главном деле, то есть о издании лучшего «Российского атласа» с поправлениями, ниже какого начала не положено. Ломоносов, вступив в онога департамента правление, неукоснительно предпринял сочинить новый «Российский атлас» несравненно полнее и исправнее. Для сего 1) по представлению его и старанием исходатайствована от Правительствующего Сената рассылка запросных географических тридцати пунктов, в Академии апробованных, на которые и ответов прислана уже большая часть; 2) оттуду ж получен указ для двух географических экспедиций, чтобы для сочинения нового исправного атласа определить знатных мест долготы и широты астрономическими наблюдениями, к чему указы с прочетом, прогоны и спомогательные деньги уже были назначены, а план путешествия оных обсерваторов и места наблюдаемые назначены Географическим департаментом и Собранием профессорским апробованы с каждого члена особливим письменным мнением; 3) из Камер-коллегии требовано перечневое число душ из каждой деревни для знания разности их величины, чтобы в атласе не пропустить больших и не поставить бы малых и тем не потерять бы пропорции; 4) от Святейшего Синода требованы сведения о монастырях и церквах во всем государстве, поелику требуется для географии. И словом все в оном

департаменте получило новое движение, и по новому сему расположению сочинено до десяти карт специальных, несравненно полнее и исправнее прежних.

§ 54

Советник Ломоносов представлял своим товарищам в Канцелярии о напечатании оных, но учинены тому великие сопротивления: 1) отговорки, что других дел много в Гридоровальной палате, и отданная уже по канцелярскому приказу Санктпетербургской губернии карта для дела без ведома одного Ломоносова взята от gryдо[po]вальщика, и велено ему другое делать. После, во время жестокой болезни Ломоносова, отданы сочиненные карты на рассмотрение в Профессорское собрание и, хотя все похвалены, однако по мнению профессора Миллера печатания не удостоены, якобы он приметил неисправности в наименованиях чухонских деревень, кои, однако, никакой важности не заключают. После того другой раз оные карты свидетельствованы и апробованы, однако уже времени между тем немало утрачено, и сочинение далее карт не может быть исправно без астрономических наблюдений, которые остановлены также по зависти, против стараний Ломоносова. Остановлена посылка обсерваторов разными образы. По истребовании от Правительствующего Сената всех надобностей для помянутых экспедиций, Тауберт представил, что оных отправить без позволения президентского не должно, против чего и прочие члены, не хотя спорить, писали от Канцелярии о том к его сиятельству на Украину, на что, однако, не воспоследовало никакого решения. Чаятельно, что Тауберт послал приватно спорное туда ж представление, как по всем его поступкам в рассуждении сего дела заключить можно. Лучший из числа назначенных обсерваторов, Курганов, который был истребован от Адмиралтейской коллегии для сей экспедиции в академическую службу, скучив ожиданием, отпросился в прежнюю команду. Красильников между тем стал старше и дряхлее. Румовский письменно отказался. Кроме сего, не-

доставало к оним экспедициям астрономических квадрантов: такая скудость астрономических инструментов на Обсерватории! Несмотря на то, что от Сената получено после пожара на оные 6000 рублей, на кои куплен только большой квадрант за 180 р., а прочая сумма на мелочи истрачена. Оные квадранты советник Тауберт взялся из Англии выписать, да опять и отказался, хотя то нередко и частным в угождение делает. А после обещался надворный советник Штелин, но и тот тянул весьма долго; а особливо, что оные квадранты лежали долго в пакетах и в Канцелярии, наконец, появились, тогда как паче ожидания получен от его сиятельства ордер, чтобы оные экспедиции приостановить, а Тауберту и Ломоносову сочинить проекты и представить ему снова. Ломоносов оное исполнил, а от Тауберта еще ничего не видно. И так сие дело без производений осталось.

§ 55

Когда Ломоносов от своей долговременной болезни несколько выздоровел и стал в 1763 году в Канцелярию для присутствия ездить, тогда объявил Тауберт ордер президентский, чтобы Географический департамент поручить Миллеру, якобы затем что в оном департаменте происходят только споры и не издается ничего в свет нового. Примечания достойно, что оный ордер дан в августе 1762, когда Ломоносов был болен, а объявлен в январе 1763 года, когда он стал в Канцелярии и в Конференции присутствовать и стараться о производстве нового атласа. Причина видна, что Тауберт выпросил у президента такой ордер в запас, что ежели Ломоносов не умрет, то оный произвести, чтоб Миллер мог в географическом деле Ломоносову быть соперник; ежели ж умрет, то бы оный уничтожить, дабы Миллеру не дать случая себя рекомендовать географическими делами. Оба сии тогда друзья, когда надобно нападать на Ломоносова, в прочем крайние между собою неприятели. Оный ордер не произведен в действие, ибо Ломоносов протестовал, что 1) о Гео-

графическом департаменте донесено президенту ложно, 2) что оный ордер просрочен и силы своей больше не имеет.

§ 56

В прошлом 1763 году е. и. в. всемилостивейшая государыня, приняв от Ломоносова апробованный в Собрании план географических экспедиций (§ 53) и рассмотрев оный, благоизволила послать в Академию справиться, что о таком измерении России было ли когда рассуждение. На сие ответствовано мимо одного Ломоносова, чрез статского советника Тауберта от Миллера, якобы того предприятия не бывало при Академии, а об оном апробованном плане ничего не упомянуто, который был причиною сего всемилостивейшего вопроса.

§ 57

При случае явления Венеры в Солнце употребляя Тауберт Епинусово к себе усердие ^а и зная его прихотливые и своенравные свойства, научил в обиду Красильникову и Курганову, старым обсерваторам (кои, конечно, в сей практике ему не уступают и за то почитаемы были от прежних здешних астрономов), дабы он требовал наблюдения чинить себе одному, их не допуская, на что оные просили в Правительствующем Сенате, и было им приказано наблюдать вместе с Епинусом. Однако он, несмотря на то повеление, ниже на прежде бывшие таковых и потом оказавшиеся самых Венериных обсерваций явные примеры, что могут быть и другие искусные обсерваторы вместе с главным, от дела отказался и оное испортил, ибо вскоре по его требованию Тауберт приказал, чтобы часовой мастер Бартело взял лучшие инструменты с Обсерватории, чем учинено Красильникову и Курганову великое препятствие из одного только упрямства и высокоумия Епинусова для отнятия чести у таких обсерваторов, а особливо у Красильникова, коего наблюдения, учиненные для измерения России от дальних Камчатских берегов до острова

^а Зачеркнуто против российских астрономов научил его требовать.

Дага в Европе, известны и одобрены от двух Делилей, славных и искусных астрономов, и от профессора астрономии Гришева. А советника Епинуса тогда не было и нет еще и поныне таких наблюдений астрономических, кои бы ученый свет удостоил отменного внимания. Сие самолюбие и от того происшедшее помешательство не токмо наукам препятственно, но и нарекательно, ибо злоба Таубертова и Епинусова до того достигла, что они, бегаючи по знатым домам и в дом государский, ложными представлениями или лучше буйными криками заглушали оправдания самой неповинности перед высочайшими особами.

§ 58

Не довольно того, что внутри домашних пределов произвели они такое беспокойство, но и во внешние земли оное простерли. Парижский астроном Пингре напечатал о санктпетербургских наблюдениях весьма поносительно, и видно, что он наущен от здешних Красильникову и Курганову соперников, ибо, кроме других примет, в оном поношении присовокуплен к российским обсерваторам и профессор Браун, который не делал нарочных наблюдений Венеры для публики, но ради своего любопытства, и не издал здесь в печать. А что на Брауна уже не первый раз они нападают за его несклонность к их коварствам, то свидетельствует их поступок, когда он ртуть заморозил, ибо Миллер писал в Лейбциг именем Академии без ее ведома, якобы начало сего нового опыта произошло от профессора Цейгера и Епинуса, и Брауну якобы по случаю удалось, как петуху, сыскать жемчужное зерно.

§ 59

Напротив того, когда Румовской обещаниями и ласканиями Таубертовыми склонился к тому, чтобы помогать оному против Ломоносова и других своих одноземцев, хотя не имел удачи учинить наблюдения проходящей по Солнцу Венеры, как он в своем письме из Нерчинска к Ломоносову признается, однако по возвращении его в Санктпетербург выведено наблюдение, по

другим примерам сноровленное, в чем Епинус много больше сделал, нежели сам Румовской, и сверх того требуются наставления от других астрономов вне России. Что же Румовской наущен на Ломоносова, то явствует заключение его оптических известий, читанное в публичном собрании, где некстати прилеплена теория о свете. Но Румовского в сей материи одобрение не важно и охуление не опасно, как от человека в физике не знающего.

§ 60^a

Выписанный еще при Гришове большой астрономический квадрант, который около десяти лет лежит без употребления. вздумал статский советник Тауберт с общего совета с советником Епинусом поднять на Обсерваторию, что удобному употреблению, практике и самим примерам в Европе противно. И для того статский советник Ломоносов и надворный советник, астрономии профессор Попов представляли, что оный квадрант на высокой башне^b поставлен быть не должен для шатости, ибо мелкие его разделения больше чувствуют переменные шатания высокого строения, нежели небольших квадрантов, от коих не требуется таких точностей. На все сие не взирая, намерение их исполнено, и поднят не токмо оный тяжелый квадрант, но и для его укрепления камень около тысячи пуд в бесполезную излишнюю тягость башне, в излишнюю беспрочную трату казны и в напрасную трату времени, которая и поныне продолжается купно с бесперерывными перепочинками, кои казне стоят многие тысячи, а пользы никакой по наукам нет, кроме тех, коим всегдашние подряды для поделок и переделок прибыль приносят.

§ 61

Для вспоможения в сочинениях профессору Миллеру принят в Академию адъюнктом титулярным некто иноземец Шлë-

^a Зачеркнуто В бывшее столько бесполезных перестроек.

^b Зачеркнуто которая близ реки

цер, который показался Тауберту весьма удобным к употреблению в своих происках. И ради того приласкал его к себе, отвратив и отменив от Миллера, везде стал выхвалять и, видя его склонность к наглым поступкам, умыслил употреблять в нападениях своих на Ломоносова, а чтобы его подкрепить, рекомендовал для обучения детей президентских. Первый прием на Ломоносова был, чтобы пресечь издание Ломоносова «Грамматики» на немецком языке: дал все способы Шлёцеру, чтобы он, обучаясь российскому языку по его «Грамматике», переворотил ее иным порядком и в свет издал, и для того всячески старался останавливать печатание оных, а Шлёцеру ускорял печатать в новой Типографии скрытно, которой уже и напечатано много листов, исполненные смешными излишествами и грубыми погрешностями, как еще от недалеко знающего язык российский ожидать должно, купно с грубыми ругательствами. Сие печатание хотя российским ученым предосудительно, казне убыточно и помешательно печатанию полезнейших книг, однако Тауберт оное производил для помешательства или по малой мере для огорчения Ломоносову.

§ 62

По указу Правительствующего Сената переведены китайские и манжурские книги о состоянии тамошних народов переводчиками Россохиным и Леонтьевым на российский язык для государственной пользы, и велено их напечатать при Академии 1762 года в. . .^a Оные книги, как дорогою ценою купленные и немалым иждивением и трудом переведенные и в Европе еще не известные, надобно было издать неукоснительно для чести Академии и чрез людей российских, однако Тауберт не обинулся отдать оному же Шлёцеру, чтобы сделал экстракт для напечатания, человеку чужестранному, быдто бы своих столько смыслящих при Академии не было или в другой какой команде, человеку едва ли один год в России прожившему.

^a Многоточие в подлиннике

Сие ж учинил Тауберт без общего ведома и согласия прочих членов и без позволения от Сената, самовластно. Однакож, что сделано по сему Шлёцером, неизвестно. Может быть, сделан экстракт на немецком языке и сообщен в чужие государства.

§ 63

Мало показалось Тауберту и сего дела для Шлёцера, ибо он его выхваляет почти всемошным. Присоветовал сочинять ему и российскую историю, дал позволение брать российские манускрипты из Библиотеки, хранящиеся в особой камере, которые бы по примерам других библиотек должно хранить особливо от иностранных. Оные книги Шлёцер не токмо употреблял на дому, но некоторые и списывал. Надеясь на все таковые подкрепления от Тауберта, подал в Профессорское собрание представление, что он хочет сочинять российскую историю и требует себе в употребление исторические сочинения Татищева и Ломоносова к крайней сего обиде, который будучи природный россиянин, зная свой язык и деяния российские достаточно, упражнявшись в собирании и в сочинении российской истории около двенадцати лет, принужден терпеть таковые наглости от иноземца, который еще только учится российскому языку.

§ 64

В начале нынешнего лета требовал Шлёцер отпуску в отечество на три месяца и как заподлинно уверял, что он с профессором Цейгером вместе поедет. Сверх того и в «Геттингенских ученых ведомостях» напечатано, что Шлёцер там объявлен профессором. Наконец искомое для него здесь историческое профессорство всякими Таубертовыми мерами, не так, как о Козицком, Мотонисе и Протасове, и несмотря на то, что есть два профессора истории — Миллер и Фишер, также и Ломоносов действительно пишет российскую историю, — не удалось. То скорый отъезд его из России был отнюд не сумнителен. Между тем профессор Миллер неоднократно жаловался на

Тауберта в Профессорском собрании, что он все историческое дело старается отдать Шлёцеру, вверил ему всю российскую библиотеку, так что Шлёцер выписывает и переписывает что хочет, на что писцов наймует, а одного-де и нарочно держит, о чем-де он не для чего другого так старается, как чтобы, выехав из России, не возвратиться, а изданием российских исторических известий там наживать себе похвалу и деньги. Ломоносов, ведая все прежнее и слыша Миллеровы основательные жалобы и представления и опасаясь, чтобы не воспоследовали такие же неудовольствия, какие были прежде от иностранных из России выезжих, не мог для краткости времени, не терпящего ни малого умедления, и для отсутствия президентского и не должен был преминуть, чтобы о том для предосторожности не объявить Правительствующему Сенату, о чем ныне дело производится. Позволение от Тауберта Шлёцеру брать и переписывать российские неизданные манускрипты есть неоспоримо. Тауберт, как видно, хочет тем извиниться, что будто бы в сем позволении в переписке не было никакой важности, однако ему противное тому доказано будет.

Глава четвертая Примечания и следствия

§ 65

Рассматривая все вышеписанное, которое доказывается живыми свидетелями, письменными документами, частными и публичными, неоспоримо и обязательно удостоверен быть должен всяк, что Канцелярия академическая основана Шумахером для его властолюбия над учеными людьми и после для того утверждена по новому статуту и регламенту к великому наукам утеснению, ибо 1) имел он в ней способ принуждать профессоров удержанием жалованья или приласкать прибавкою оного; 2) принятием и стрешением по своей воли, не рассуждая их знания и достоинств, но токмо смотря, кто ему больше благо-

склонен или надобен; 3) всевал между ними вражды, вооружая особливо младших на старших и представляя их президентам беспокойными; 4) пресекал способы употреблять им в пользу свое знание всегдашнюю скудость от удержки жалованья и недостатком нужных книг и инструментов, а деньги тратил по большой части по своим прихотям, стараясь завести при Академии разные фабрики и раздаривать казенные вещи в подарки, а особливо пользоваться для себя беспрестанными подрядами, покупками и выписыванием разных материалов из-за моря; 5) для того всячески старался препятствовать, чтобы не вошли в знатность ученые, а особливо природные россияне, о чем Шумахер так был старателен, что еще при жизни своей воспитал, обучил, усыновил подобного себе коварствами, но превосходящего наглости Тауберта и Академическую канцелярию и Библиотеку отдал ему якобы в приданое за своею дочерью.

§ 66

Сие было причиною многих частных утеснений, кои одне довольны уже возбудить негодование на канцелярские поступки, ибо не можно без досады и сожаления представить самых первых профессоров Германа, Бернулиев и других, во всей Европе славных, кои только великим именем Петровым подвиглись выехать в Россию для просвещения его народа, но, Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы. Утеснение советника Нартова и, кроме многих других, нападки на Ломоносова, который Шумахеру и Тауберту есть сугубый камень преткновения, будучи человек, наукам преданный, с успехами и притом природный россиянин, ибо кроме того, что не допускали его до химической практики, хотели потом отнять химическую профессию и определить к переводам, препятствовали в издании сочинений, отняли построенную его рачением Химическую лабораторию и готовую квартиру, наущали на него разных профессоров, а особливо Елинуса, препятствовали в произвождении его чрез посольство Елинуса с Цейгером и Кельрейтером, препятствовали

в учреждении Университета, в отправлении географических экспедиций, в сочинении «Российского атласа» и в копировании государских персон по городам. Не упоминая, что Тауберт и ныне для причинения беспокойств Ломоносову употребляет Шлёцера, не обинулся он прошлого 1763 года, призвав в согласие Епинуса, Миллера и адъюнкта Географического департамента Трескота, сочинил скопом и заговором разные клеветы на оного и послал в Москву для конечного его опровержения,^а так что Ломоносов от крайней горести, будучи притом в тяжкой болезни, едва жив остался.

§ 67

Сие все производя, Шумахер и Тауберт не почитали ни во что^б нареkanie, которое наносили президентам, от таких непорядков на них следующее неотменно. Правда, что Блуменрост был с Шумахером одного духа, что ясно доказать можно его поступками при первом основании Академии, и Ломоносов, будучи участником при учреждении Московского университета, довольно приметил в нем нелюбия к российским ученым, когда Блуменрост назначен куратором и приехал из Москвы в Санкт-петербург: ибо он не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о университете, который и первую причину подал к основанию помянутого корпуса. После Блуменроста бывшие Кейзерлинг и Корф,^в хотя и старались о исправлении наук, однако первый был на краткое время и не мог довольно всего осмотреть, а второй действительно старался о новом стате и о^г заведении российских студентов, однако больше нежели надобно полагался на Шумахера, который сколько об оных радел, явствует из вышеписанного. Наконец, нынешний президент, его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский, будучи от российского

^а Так в подлиннике.

^б Зачеркнуто стыд [одно слово нрзб].

^в Зачеркнуто и Бреверн, однако.

^г Зачеркнуто о научении.

народу, мог бы много успеть, когда бы хотя немного побольше вникал в дела академические, но с самого уже начала вверился тотчас в Шумахера, а особливо, что тогдашний ассессор Теплов был ему предводитель, а Шумахеру приятель. Главный способ получил Шумахер к своему самовластию утверждением канцелярского^а повелительства регламентом, особливо последним пунктом о полномощии президентском, ибо ведал Шумахер наперед, что когда без президента ничего нельзя будет в Академии сделать, а он будет во всем на него полагаться, то конечно он полномощие при себе удержит. Сей-то последний пункт главный есть повод худого академического состояния и нарекания нынешнему президенту. Сей-то пункт Шумахер, Теплов и Тауберт твердили беспрестанно, что честь президентскую наблюдать должно и против его желания и воли ничего не представлять и не делать, когда что наукам^б в прямую пользу делать было надобно. Но как президентская честь не в том состоит, что власть его велика, но в том, что ежели Академию содержит в цветущем состоянии, старается о новых приращениях ожидаемая от ней пользы, так бы и сим поверенным должно было представлять, что к чести его служит в рассуждении общей пользы, а великая власть, употребленная в противное, приносит больше стыда и нарекания.

§ 68

Вышепоказанными вредными происками,^в утеснениями профессоров, шумами и спорами, а особливо посторонними, до наук не надлежащими делами коль много в сорок лет времени потеряно, то можно видеть из худых в науках успехов, из канцелярских журналов,^г которые наполнены типографскими, книгопродажными, грыдоровальными и другими ремесленными и

^а Зачеркнуто власти.

^б Зачеркнуто и россиянам.

^в Зачеркнуто гонение.

^г Зачеркнуто и по бывшим в тридцать лет с лишним студенческим произведениям.

торговыми делами, подрядами и покупками, а о ученых делах редко что найдется, хотя они через Канцелярию в действие происходить должны по реченному статусу. Если бы хотя Университет и Гимназия были учреждены сначала, как ныне происходят, под особливым смотрением Ломоносова, где в четыре года произведены двадцать студентов, несмотря на чувствительные ему помешательства, то бы по сие время было бы их в производстве до двухсот человек и, чаятельно, еще бы многочисленнее, затем что за добрым смотрением дела должны происходить с приращением. А сие коль надобно в России, показывает великий недостаток природных докторов, аптекарей и лекарей, механиков, юристов, ученых, металлургов, садовников и других, коих уже много бы иметь можно в сорок лет от Академии, ежели бы она не была по большей части преобразена в фабрику, не были бы утеснены науки толь чувствительно и не токмо бы наставления не пресекались, как выше показано, но и власть бы монаршеская, которая явствует в регламентах Академическом и в Медицинском, употреблена была на поставление в градусы, чего сколько Тауберт не хотел, явствует выше из примера с Протасовым.

§ 69

Какое же из сего нареkanie следует российскому народу, что по толь великому монаршескому щедролюбию, на толь великой сумме толь коснительно происходят ученые из российского народа! Иностранные, видя сие и не зная вышеобъявленного, приписывать должны его тупому и непонятному разуму или великой лености и нерадению. Каково читать и слышать истинным сынам отечества, когда иностранные в ведомостях и в сочинениях пишут о россиянах, что-де Петр Великий напрасно для своих людей о науках старался и ныне-де дочь его Елисавета без пользы употребляет на то ж великое иждивение. Что ж таковые рассуждения иностранных происходят иногда по зависти и наущению от здешних недоброхотов российским ученым, то свидетельствует посылка с худым намерением к Ейлеру сочинений Ломоносова и после того бессовестное их ругание в «Лейпцигских ученых

сочинениях», несмотря что они уже Академиею апробованы и в «Комментариях» были напечатаны, чего ведомостщики никогда бы не сделали из почтения к сему корпусу, когда бы отсюда не побуждены были. Однакож Ломоносов опроверг оное публично довольными доводами. Какое же может быть усердие у россиян, учащихя в Академии, когда видят, что самый первый из них, уже через науки в отечестве и в Европе знаемость заслуживший и самим высочайшим особам не безызвестный, принужден беспрестанно обороняться от недоброжелательных происков и претерпевать нападения почти даже до самого конечного своего опровержения и истребления?

§ 70

Наконец, по таковым пристрастным и коварным поступкам не мог иначе состоять Академический корпус, как в великом не порядке и в трате казны не на то, к чему она определена, но на оные разные издержки, до наук не надлежащие. От сего произошло, что хотя Академическое собрание^а и прочие до наук надлежащие люди при Академии никогда в комплекте не бывали и надобности к ученым департаментам почти всегда недоставали, однако претерпевать должны были в выдаче жалованья скудость, что и ныне случается. Между тем в Академическое комиссарство с начала нового стага по 1759 год в остатке должно б было иметься в казне 65 701 р., а поныне, чаятельно, еще много больше. Но сие все исходит на беспрестанные починки и перепочинки и на содержание излишних людей, ибо на выстройку погоревших палат, кроме двадцати трех тысяч, истребованных на то от Сената, употреблено академических близ трех тысяч рублей по 1759-тый год,^б за починку домов академических и наемных и за наем семнадцать тысяч в 8 лет, за выстройку каменной палатки под глобус подшесть тысячи рублей, а после того издержаны многие тысячи на разные перестройки и на

^а Зачеркнуто почетные[,] студенты, Гимназия.

^б Зачеркнуто а после того еще на Библиотеку многие тысячи.

покупки вещей вместо погоревших в Кунсткамеру, не считая дарения книг, при Академии печатанных, коих нередко расходуется даром близ ста экземпляров, немало в дорогих переплетах, не упоминая починки или лучше нового строения глобуса. Для всех сих каковы бывают подряды, можно усмотреть из представления о том Канцелярии академической от Ломоносова и из доношения в Сенат от секретаря Гурьева. Также и о всей экономии заключить из того можно, что Тауберт на своей от президента данной квартире, на Волкова доме чинит постройки и переделки без ведома канцелярского.^а О состоянии Библиотеки и Кунсткамеры не подаются в Канцелярию никогда никакие репорты, и словом нет о том почти с начала никаких ведомостей. Книжная лавка, а особливо же иностранная, производится без счетов, в Канцелярии видимых, и книгопродавец Прейссер, который был за двадцать лет под арестом по Нартовской комиссии, ныне умер безо всякого следствия и счету.

§ 71

Между тем науки претерпевают крайнее препятствие, производятся новые неудовольствия и нет к лучшему надежды, пока в науках такой человек действовать может, который за закон себе поставил Махиавелево учение, что все должно употреблять к своим выгодам, как бы то ни было вредно ближнему или и целому обществу. Едино упование состоит ныне по бозе во всемиловитивейшей государыне нашей, которая от истинного любления к наукам и от усердия к пользе отечества, может быть, рассмотрит и отвратит сие несчастье. Ежели ж оно не воспоследует, то верить должно, что нет божеского благоволения, чтобы науки возросли и распространились в России.

^а Зачеркнуто иностранная Книжная лавка с начала еще не считана, и книгопродавец Прейссер не давал с.

471

1765 ЯНВАРЯ 28. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОЕ
СОБРАНИЕ О ЗАМЕЩЕНИИ ДОЛЖНОСТИ КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕ-
ТАРЯ АКАДЕМИИ

Ad protocollum Conventus Academici

Cum amplissimus Müllerus extra Academiam aliis rebus^a se obstrinxerit atque munus secretarii Academici publice in conventu deposuerit, Mosquam ex officio abiturus, opus profecto^b est, ut amplissimi et clarissimi Academici sibi prospiciant,^c utque locum illius occupaturum eligant virum ex numero Academicorum, qui hunc coetum constituunt,^d probitate et meritis^e inclytum, cujus gravitate et industria illustris haec Societas non solum domestica tranquillitate et concordia frui possit, verum etiam apud exterarum Academiarum atque universum orbem eruditum litterario commercio ac editis tempestive lucubrationibus nostris floreat. Quo facto candidatum designatum^f Excellentissimo Praesidi rite constituendum et confirmandum proponant.

Michael Lomonosow

Dabam 28 Januarii
anno 1765

Перевод

К протоколу Академического собрания

Так как почтеннейший Миллер принял на себя другие обязанности вне Академии и, намереваясь по должности уехать в Москву, официально сложил с себя должность академического секретаря, почтеннейшим и слав-

^a rebus вместо зачеркнутого в черновике officio muneri.

^b profecto вместо зачеркнутого в черновике igitur.

^c В черновике зачеркнуто in eligendo.

^d В черновике зачеркнуто probum, meritis gravem et scienti.

^e В черновике зачеркнуто in Academia.

^f Зачеркнуто в черновике illustri.

нейшим академикам необходимо подумать об избрании на его место из числа академиков, составляющих это Собрание, человека, известного своей добросовестностью и заслугами, твердость и трудолюбие которого могли бы обеспечить знаменитому сообществу не только внутреннее спокойствие и согласие, но и оживленное научное общение с иностранными академиями и всем ученым миром, а также своевременную публикацию наших трудов. После этого пусть они предложат намеченного ими кандидата его превосходительству президенту для назначения и утверждения его согласно правилам.

Михайло Ломоносов

Писал 28 января 1765 года

**ПРОХОЖДЕНИЕ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ**

*1734 СЕНТЯБРЯ 4. ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ,
ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В СТАВЛЕННИЧЕСКОМ СТОЛЕ МОС-
КОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ*

1734-го году сентября в 4 день в Ставленническом столе Московской Славено-греко-латинской академии школы риторики ученик Михайла Васильев сын Ломоносов допрашиван.

А в допросе он сказал: отец у него города Холмогорах церкви Введения пресвятыя богородицы поп Василей Доросеев, а он, Михайла, жил при отце своем, а кроме того нигде не бывал, в драгуны, в солдаты и в работу е. и. в. не записан, в плотниках в высылке не был, от переписчиков написан действительного отца сын и в оклад не положен. А от отца своего отлучился в Москву в 730-м году октября в первых числах и, приехав в Москву, в 731-м году в генваре месяце записался в вышеписанную Академию, в которой и доднесь пребывает и наукою произошел до риторики. Токмо он, Михайла, еще не женат, от роду себе имеет 23 года, и чтоб ему быть в попах в порученной по именному е. и. в. указу известной экспедиции статского советника Ивана Кирилова, он, Михайла, желает. А расколу, болезни и глухоты и во удесех повреждения никакого не имеет и скоропись пишет. А буде он в сем допросе сказал что ложно,

и за то священного чина будет лишен, и пострижен и сослан в жестокое подначальство в дальний монастырь.

К сему допросу
Славно-греко-латинской
Московской академии
ученик Михайло Ломоносов
руку приложил

*К сему допросу славно-греко-латинской Московск.
Академии ученик Михайло Ломоносовъ руку
приложилъ*

Собственноручная подпись М. В. Ломоносова под показанием на допросе в Ставленническом столе Московской Синодального правления канцелярии (1734)

Центральный Государственный архив древних актов

473

1734 СЕНТЯБРЯ 4. ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ,
ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО
ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ

В Московскую Синодального правления канцелярию из прежней Камор-коллегии потребно известие: города Холмогор церкви Введения пресвятыя богородицы поп Василей Дорофеев и при нем, попе, сын его Михайло во время переписи мужеска полу душ при той церкви действительными ль написаны и коликих он, Михайло, лет? Сентября 4-го дня 1734-го года. № 931. Секретарь Павел Протопопов. Канцелярист Алексей Морсочников.

А при отдаче в Камор-коллегию вышеписанной справки означенный Ломоносов сказал, что-де он — не попович, но двор-

цовый крестьянский сын, о чем значит обстоятельно в последующем его допросе.

Рождением-де он, Михайло, Архангелогородской губернии Двинского уезда дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василья Дорофеева сын, и тот-де его отец и поныне в той деревне обретается с прочими крестьяны и положен в подушный оклад. А в прошлом 730-м году декабря в 9-м числе с позволения одного отца его отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем дан был ему и паспорт (который утратил он своим небрежением) из Холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григорья Воробьева, и с тем-де паспортом пришел он в Москву и жил Сысного приказу у подьячего Ивана Дутикова генваря до последних чисел 731-го году, а до которого именно числа, не упомнит. И в тех-де числах подал он прошение Заиконоспасского монастыря архимандриту (что ныне преосвященный архиепископ Архангелогородский и Холмогорский) Герману, дабы принят он был, Ломоносов, в школу, по которому его прошению он, архимандрит, его, Михайла, приняв, приказал допросить, и допрашиван, а тем допросом в Академии показал, что он, Ломоносов, города Холмогор дворянский сын. И по тому допросу он, архимандрит, определил его, Михайла, в школы, и дошел до риторики. А в экспедицию с статским советником Иваном Кириловым пожелал он, Михайло, ехать самоохотно. А что он в Ставленническом столе сказался поповичем, и то учинил с простоты своей, не надеясь в том быть причины и препятствия к произведению во священство. А никто его, Ломоносова, чтоб сказаться поповичем, не научал. А ныне он желает по-прежнему учиться во оной же Академии. И в сем допросе сказал он сущую правду без всякия лжи и утайки, а ежели что утаил, и за то учинено б было ему, Ломоносову, что Московская Синодиального правления канцелярия определит.

К сему допросу
Михайло Ломоносов руку приложил

474

1737 ДО СЕНТЯБРЯ 26. ОТЧЕТ О РАСХОДАХ ПО НАУЧНОЙ
КОМАНДИРОВКЕ ЗА ГРАНИЦУ

Michael Lomonosoff

In Petersburg und auf der Reise biß Lübeck aufgegangen	100 Rub.
Von Lübeck biß Marburg	37 Th[al].
Ein Kleid hat gekost	50 Th[al].
Holtz für den gantzen Winter	8 Th[al].
Der Fechtmeister für den ersten Monat	5 Th[al].
Der Zeichenmeister	4 Thal.
Der frantzösische Schprachmeister	9 Thal.
Perruque, Wäsche, Schuh, Strümpfe	28 Thal.
Tantzmeister für 5 Monat	8 [Thal].
Bücher	60 [Thal].
Summa 100 Rubel und 209 Th[al].	

Перевод

Михайло Ломоносов

В Петербурге и в пути до Любека истрчено	100 руб.
От Любека до Марбурга	37 т[ал.].
Один костюм стоил	50 т[ал.].
Дрова на всю зиму	8 т[ал.].
Учитель фехтования — на первый месяц	5 т[ал.].
Учитель рисования	4 тал.
Учитель французского языка	9 тал.
Парик, стирка, обувь, чулки	28 тал.
Учитель танцев — за пять месяцев	8 [тал.].
Книги	60 [тал.].
Сумма 100 рублей и 209 т[ал.].	

475

1738 ДЕКАБРЯ 30. СПИСОК МАРБУРГСКИХ КРЕДИТОРОВ

Rechnung der Schulder

	R[ub.]			
Dem Riemenschneider	199	44 2	199	22
Dem Wierach	141 fl.	11 4	94	5 gr.

Dem Michälis-Apotheker	61	24	61	12
Dem Frantzösischen Schprach-Meister Ramet	22	22		
Dem Buch-Führer Müller	10	12	14 Th[al].	5 gr.
Dem Schneider	10	5	10	2 ¹ / ₂
Dem Tantz-Meister	5	15	5 Th[al].	7 ¹ / ₂ gr.
Dem Mamfort	6	6		
Dem Schuster	15	15		17 ¹ / ₂ gr.
Dem Fecht-Meister	8	8		
Summa	484	15	6 437	1 gr.

M. Lomonosoff

d. 10 Januarii Anno 1739

Specification der angegebenen Schulden Herrn Lomonosoff.^aПеревод

	Счет долгам					
	Р[уб.]					
Рименшнейдеру	199	44	2	199	22	
Вираху	141	фл.	11	4	94	5 gr.
Аптекарю Михелису	61	24		61	12	
Учителю французского языка Раме	22			22		
Книгопродавцу Миллеру	10	12		14 тал.	5 gr.	
Портному	10	5		10	2 ¹ / ₂	
Учителю танцев	5	15		5 тал.	7 ¹ / ₂ gr.	
Мамфорту	6			6		
Башмачнику	15			15	17 ¹ / ₂ gr.	
Учителю фехтования	8			8		
Всего	484	15	6	437	1 gr.	

10 января 1739 г.

M. Ломоносов

Перечень показанных долгов г. Ломоносова.

^a Два последних столбца цифр в таблице и заключительные слова Specification der angegebenen Schulden Herrn Lomonosoff написаны рукой Вольфа.

476

1742 ЯНВАРЯ РАНЕЕ 8. ПРОШЕНИЕ О ПРИНЯТИИ НА СЛУЖБУ
В АКАДЕМИЮ НАУК

Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом Академии Наук студент Михайло Ломоносов.
а о чем, тому следуют пункты:

1

В прошлом 1736 году указом е. и. в. блаженные и вечно-достоинныя памяти великия государыни императрицы Анны Иоанновны, данным из высокого Кабинета, повелено было мне, нижайшему, ехать в Германию, в город Фрейберг для научения металлургии. А по определению Академии Наук послан был я, нижайший, в Марбургский университет для научения математики и философий с таким обнадежением, что ежели я, нижайший, мне указанные науки приму, то определить меня, нижайшего, здесь экстраординарным профессором, такожде и впредь по достоинству производить.

2

Во оных городах будучи, я чрез полпята года не токмо указанные мне науки принял, но в физике, химии и натуральной истории горных дел так произошел, что оным других учить и к тому принадлежащие полезные книги с новыми изобретениями писать могу, в чем я Академии Наук specimens моего сочинения и при том от тамошних профессоров свидетельства в июле месяце прешедшего 1741 году с докладом подал.

Погоди 86
№ 34
Лист: Яков. Мавр. Теллер.
1742
1

Святосвятительнейшей державнейшей великой
Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
Самодержицы Всероссийския Государыни
Всемилостивейшей.

Святиселю Людей наших студентъ Михаилу
Ломоносову Кратко прошу Свѣдѣть Принять;

1.

Статьи 1736. го года Ея Величества
Благородной и Бывшаго Императорской
Государыни Императрицы АННЫ ИОАННОВНЫ
И Высочайше повелѣна, повелѣны были
Мнѣ Высочайше гласомъ Всероссийскаго Святаго Синода
для надлежн. Монастырей, Атаманствъ Ана-
дольскихъ Монастырей, Монастырей Свѣтлицы
Университетъ для надлежн. Монастырей и Филозоф-
скихъ Общественн. Училищъ и Монастырей
Мнѣ Индивидуальной Матрицы Прислать три Отдѣлы Мнѣ
на Высочайше Завѣсѣ Экстраординарной Прокураторской
Канцелярии и еще Подать Мнѣ Прислать.

2.

Со мною говорилъ Будинъ и чрезъ Подъяка Гурда
Летовника Указанной Мнѣ Матрицы Прислать на Об-
сѣдѣн. Мнѣ, и на Крайней Государственной Канцелярии
Государыни Императрицы АННЫ ИОАННОВНЫ
Мнѣ Прислать Матрицу Монастырей Мнѣ
Индивидуальной Матрицы Прислать, Мнѣ
Мнѣ Специальной Матрицы Прислать, и Прислать
Мнѣ Прислать Матрицу Прислать Мнѣ
Прислать Мнѣ Прислать Мнѣ Прислать Мнѣ
Прислать Мнѣ Прислать Мнѣ Прислать Мнѣ

Прошение М. В. Ломоносова о принятии на службу в Академию
Наук (1742)

Начал ный лист, писанный писарской рукой и подписанный по пунктам М. В. Ломоносовым
Архив Академии Наук СССР

3

И хотя я Академию Наук многократно о определении моем просил, однако она на мое прошение никакого решения не учинила, и я, в таком оставлении будучи, принужден быть в печали и огорчении.

И дабы указом в. и. в. повелено было сие мое прошение принять и меня, низайшего, тем чином пожаловать, которого императорская Академия Наук меня по моим наукам удостоит, в котором чину я, низайший, отечеству полезен быть и в. в. верно и ревностно служить не премину.

Всемиловейшая государыня императрица, прошу в. и. в. о сем моем прошении всемиловейшее решение учинить.

К сему прошению
студент Михайло Ломоносов
руку приложил

Генваря дня
1742 году

477

1743 АПРЕЛЯ 23. ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК ОБ УДЕРЖАНИИ ДЕНЕГ, ПОЛУЧЕННЫХ В СЧЕТ ЖАЛОВАНИЯ

В Академию Наук доносит тоя ж Академии адъюнкт Михайло Ломоносов, а о чем мое доношение, тому следуют пункты:

1

Прошлого 1742 году генваря с 1 дня определен я, низайший, при Академии Наук адъюнктом с производением жалованья в год по 360 рублей, а до того времени производилось мне жалованье, будучи в Германии для наук, студентское по силе присланного из Кабинета указу из положенной особливою на то суммы с прочими студентами (которые еще в Германии) из Штатс-конторы по четыреста рублей в год. Из оной суммы я, низайший, в Германии и здесь на счет оной из Академии Наук брал по объявленный 1742 год.

2

А как я, низайший, в Санкт-Питербурх прибыл, то в зачет заслуженного своего адъюнктского жалованья из Академии Наук брал же, а сколько, о том значит в Академии Наук.

3

А ныне уведомился я, что не токмо адъюнктские, но и студентские деньги, взятые мною в зачет во Академии Наук из жалованья, вычитать намерены.

И дабы высочайшим е. и. в. указом повелено было объявленные братые мною во Академии студентские деньги из окладного моего адъюнктского жалованья не вычитать, а вычесть бы токмо забранные мною во время определения моего в адъюнкты с 742 году адъюнктские, понеже те деньги студентские к счету подлежат вышеобъявленной из Статс-конторы особливо на трех посланных в Германию студентов суммы.

И о сем моем доношении милостивое решение учинить.

К сему доношению
адъюнкт Михайло Ломоносов
руку приложил

Апреля дня
1743 году

478

*1743 МАЯ 30. ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК О ВЫДАЧЕ
ЖАЛОВАНЬЯ ЗА МЕСЯЦ*

В Академию Наук в Канцелярию доносит той же Академии адъюнкт Михайла Ломоносов, а о чем мое доношение, тому следуют пункты:

1

Сего мая 28 дня, по данному в Следственную о Академии Наук комиссию от профессоров Винсгейма с товарищи на меня якобы во бесчестье прошению, содержусь я во оной комиссии

под арестом без ведома Академии Наук напрасно. А понеже от невыдачи долговременного жалованья в содержании себя имею в деньгах немалую нужду,

того ради Академию Наук покорно прошу для вышеписанной моей нужды выдать мне жалованье за месяц.

И о сем моем доношении милостивое решение учинить.

К сему доношению
адъюнкт Михайло Ломоносов
руку приложил

Маия дня
1743 года

479

1743 ИЮНЯ 23. ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

В императорскую Академию Наук доносит тоя же Академии Наук адъюнкт Михайло Ломоносов, а о чем мое доношение, тому следуют пункты:

1

Минувшего майя 27 дня сего 1743 года в Следственной комиссии били челом на меня, нижайшего, профессора Академии Наук якобы в бесчестии оных профессоров, и по тому их челобитью приказала меня помянутая Комиссия арестовать, под которым арестом содержусь я, нижайший, и по сие число, отлучен будучи от наук, а особливо от сочинения полезных книг и от чтения публичных лекций.

2

А понеже от сего случая не токмо искренняя моя ревность к наукам в упадок приходит, но и то время, в которое бы я, нижайший, других моим учением пользоваться мог, тратится напрасно, и от меня никакой пользы отечеству не происходит, ибо

я, низайший, нахожусь от сего напрасного нападения в крайнем огорчении.

И того ради императорскую Академию Наук покорно прошу, дабы соблаговолено было о моем из-под ареста освобождении для общей пользы отечества старание приложить и о сем моем доношении учинить милостивое решение.

Сие доношение писал
адъюнкт Михайло Ломоносов
и руку приложил

Июня дня 1743 года

480

*1743 ИЮЛЯ 14. ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК О ВЫДАЧЕ
ЖАЛОВАНЬЯ ЗА ДВА МЕСЯЦА ПРОШЛОГО ГОДА*

В Академию Наук доносит тоя ж Академии адъюнкт Михайло Ломоносов, а о чем мое доношение, тому следуют пункты:

1

Хотя я, низайший, прошлого 1742 году за две трети жалованья и получил,¹ однако что чрез полтора года забрал из Канцелярии по указам, все то у меня из оных вычтено, притом же и долги заплатил, и за тем у меня, низайшего, ничего не осталось.

2

А понеже Академии уже известно, что ныне я содержусь от Следственной комиссии под караулом,² и что было надлежало в доме, то немалое излишество выиздержки происходит.

Въ Канц.: Акад.: Навѣзъ 25 днй 1743 Софт

Въ Императорскую Академію наукъ доноситъ тогда
Академіи наукъ Адъюнкту Михаилу Ломоносову
А о семъ по доношеніи пому слѣдуютъ пункты.

1.

Минушаго мая 27 днй сего 1743 года, двѣ
статской Комиссіи Вилхеловъ на имя кабардинца
профессора Академіи наукъ яковъ въ обществѣ
оныхъ Профессоровъ, и потому ихъ свободити
триадала мѣся помѣстакъ комиссіи аресту
вать, по потвердилъ арестомъ сурдуба Я
кабардинъ и по сіе дѣло, отлучивъ будучи о науцъ
а особливо отъ оимнѣй полудннѣ існѣвъ и отъ
існѣй публициавъ янцѣй.

2.

А по сему отъ сего слуга не только неогннѣя мол
реанотѣ въ наукамъ въ чпадонъ прихуцѣтъ
не и то время, въ которое въ я кабардинъ, дудѣвъ
моимъ сурдубѣвъ Комиссіи мѣся, практикѣ капрѣ
и отъ мѣся никакѣвъ полудннѣ отъсего капрѣ
нѣто я кабардинъ наобудѣ отъ сего капрѣ
нападеніе въ крайнѣмъ оторженіи.

Итого ради Императорскую Академію наукъ
попорко прошу, дабы сообразованно тѣло о мѣся
и въ подъ ареста свободеніи для обидѣ полудн
стѣстѣй стараніе приловитѣ, и о семъ
моимъ доносѣніи угидѣтъ милостивое рѣшѣніе,
Имя днѣ 1743 года. Се доносѣніе писавъ
Адъюнкту Михаилу Ломоносову и дуцу Прошубилъ

Слѣдѣтѣ 25 днй
1743 г.

Доношение М. В. Ломоносова с просьбой об освобождении из
под стражи

Собственноручный подлинник (1743)
Архив Академии Наук СССР

Того ради Академию Наук покорно прошу, дабы указом е. и. в. повелено было для моей необходимой нужды в платье выдать мне прошлого 1742 году хотя за два месяца жалованья³ и о сем моем прошении милостивое решение учинить.

К сему доношению
адъюнкту Михайло Ломоносов
руку приложил

Июля дня 1743 году

481

*1743 АВГУСТА. ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК О ВЫДАЧЕ
НЕКОТОРОЙ ДЕНЕЖНОЙ СУММЫ В СЧЕТ НЕВЫПЛАЧЕННОГО
ЖАЛОВАНЬЯ*

Академии Наук доносит тоя же Академии адъюнкту Михайло Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты:

1

Надежит мне, низжайшему, из Академии Наук донять заслуженного мною жалованья за сентябрьскую треть прошлого 1742-го года и почти за две трети сего 1743-го года. Итак, почти за целый год я, низжайший, жалованья от Академии не получал и от того пришел в крайнюю скудость.

2

А ныне я, низжайший, нахожусь болен и притом не токмо лекарства, но и дневной пищи себе купить на что не имею и денег взаймы достать нигде не могу.

Того ради Академию Наук покорнейше прошу, дабы повелено было на счет заслуженного мною жалованья для моего содержания выдать денег, сколько Академия Наук за благо рассудит.

Доношение писал
адъюнкту Михайло Ломоносов
и руку приложил

Августа дня 1743 года

482

1743 ОКТЯБРЯ 24. ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК О ВЫДАЧЕ ТРИДЦАТИ РУБЛЕЙ В СЧЕТ ЗАСЛУЖЕННОГО ЖАЛОВАНИЯ

Императорской Академии Наук доносит тоя ж Академии адъюнкт Михайло Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты:

1

Имею я, нижайший, необходимую нужду в деньгах как на мое содержание, так для платежу долгов приезжим людям,¹ которые на сих днях отсюду отъехать намерены и от меня платежу по вся дни требуют неотступно.

2

Заслуженного мною жалованья не получал я, нижайший, не токмо за прошедшие две трети сего 1743-го года, но и за сентябрьскую треть прошлого 1742-го года не получал же.

Того ради Академию Наук покорнейше прошу, чтобы повелено было выдать заслуженного мною жалованья хотя за один месяц тридцать рублей денег и о сем моем доношении решение учинить.

Доношение писал
адъюнкт Михайло Ломоносов
и руку приложил

Октября дня 1743 года

483

1743 НОЯБРЯ 29. ДОНОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК С ПРОСЬБОЙ ВВИДУ НЕВЫПЛАТЫ ЖАЛОВАНИЯ ВЫДАТЬ ИЗ КНИЖНОЙ ЛАВКИ КНИГ НА 80 РУБЛЕЙ

В Академию Наук доносит тоя ж Академии адъюнкт Михаил Васильев сын Ломоносов, а о чем мое доношение, тому следуют пункты:

1

Хотя я, низайший, прошлого 1742-го году по сентябрь месяц жалованья по окладу своему и получил, однако употребил на расплату долгов и на свое пропитание все без остатку, а ныне от неполучения заслуженного жалованья пришел в неоплатные долги, а в пропитании имею крайнюю нужду. А заслуженного мною жалованья прошлого 1742-го году сентября с 1-го сего 743-го году сентября по 1-е число по окладу моему триста шестьдесят рублей, и в то число получено мною только сорок пять рублей, а достальных и поныне, за неимением в Академии денежной казны, не получал.

Того ради Академию Наук всепокорно прошу, дабы повелено было для расплаты долгов и для моего пропитания выдать из Книжной палаты книгами, какими мне потребно будет, по цене на восемьдесят рублей.

И о сем моем доношении милостивое решение учинить.

К сему доношению
адъюнкту Михайло Ломоносов
руку приложил

1743 году ноября дня

484

1745 АПРЕЛЯ 30. ПРОШЕНИЕ В АКАДЕМИЮ НАУК О НАЗНАЧЕНИИ ПРОФЕССОРОМ ХИМИИ

Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая

Бьет челом Академии Наук адъюнкту Михайла Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты:

1

Прошедшего 1736 года указом е. и. в. блаженные и вечно-достоинныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, данным из высокого Кабинета, и по определению Академии Наук послан был я, нижайший, в Германию, в города Марбург и Фрейберг для научения физики, химии и горных дел с таким обещанием, что ежели я указанным мне наукам обучусь и о том подам свидетельства и specimenы, то по моем возвращении определить меня, нижайшего, профессором. В которых городах бывши, я чрез полпята года указанным мне наукам обучился и сверх того в математике и в других полезных науках довольное основание положил.

2

А минувшего 1741 года ордером, присланным из Академии Наук, призван я, нижайший, из Германии возвратно и по приезде моем подал в оную Академию свидетельство и specimen о моей науке, которые от всех профессоров апробованы, а потому я, нижайший, определен при той же Академии адъюнктом физического класса¹ до указа из Правительствующего Сената и до нарочного Академии Наук определения.

3

В бытность мою при Академии Наук трудился я, нижайший, довольно в переводах физических, химических, механических и притических с латинского, немецкого и французского языков на российский² и сочинил на российском же языке «Горную книгу» и «Риторику»³ и сверх того в чтении славных авторов,⁴ в обучении назначенных ко мне студентов,⁵ в изобретении новых химических опытов, сколько за неимением лаборатории быть может,⁶ и в сочинении новых диссертаций⁷ с возможным прилежанием упражняюсь, чрез что я, нижайший, к вышепомянутым наукам больше знания присовокупил, но точию я по силе оногo обещания профессором не произведен, отчего к большому произысканию оных наук ободрения не имею.

4

И дабы высочайшим в. и. в. указом повелено было меня, низжайшего, по вышепомянутому обещанию и по моей науке пожаловать профессором химии с надлежащим жалованьем, в которой должности я, низжайший, со всевозможным старанием как в произыскании наук, так и в обучении российского юношества отечеству пользу чинить буду.

Всемиловнейшая государыня императрица, прошу в. и. в. о сем моем прошении решение учинить.

К поданию надлежит в императорскую Академию Наук.

Прошение писал
тоя ж Академии Наук
адъюнкт Михайла Ломоносов
и руку приложил

1745 года апреля дня

485

*1745 АВГУСТА 12. ПРОШЕНИЕ В СЕНАТ О НАЗНАЧЕНИИ
ЖАЛОВАНИЯ ПО ДОЛЖНОСТИ ПРОФЕССОРА ХИМИИ*

Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемиловнейшая

Бьет челом Академии Наук профессор Михайло Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты:

1

Минувшего июля 25 дня сего 1745 года по именному в. и. в. высочайшему указу пожалован я, низжайший, в оную ж Академию профессором химии, а какое мне в. и. в. жалованье получать, о том в оном в. и. в. указе не показано.

2

Обретающийся в той же Академии профессор химии Гмелин получает в. и. в. жалованья по шестисот по шестидесяти рублей в год.

И дабы высочайшим в. и. в. указом повелено было сие нижайшее мое прошение в Правительствующем Сенате принять и мне, нижайшему, определить годового жалованья против помянутого профессора Гмелина по шестисот по шестидесяти рублей, ибо химическая наука состоит не токмо в одной теории, но и в весьма трудной практике, которая и здравью вредительна бывает.

Всемиловнейшая государыня, прошу в. и. в. о сем моем прошении решение учинить.

К поданию надлежит в Правительствующий Сенат. Прошение писал одного ж Сената копист Иван Иванов.

К сему доношению
адъюнкт Михайло Ломоносов
руку приложил

Августа дня
1745 года

486

1746 ФЕВРАЛЯ 13. ДОНОШЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ПРОСЬБОЙ ВЫДАТЬ НЕДОПЛАЧЕННУЮ ЧАСТЬ ЖАЛОВАНЬЯ, СЛЕДОВАВШЕГО ЛОМОНОСОВУ ВО ВРЕМЯ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ГЕРМАНИИ

В Канцелярию Академии Наук доносит той же Академии профессор Михайло Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты:

1

По высочайшему е. и. в. блаженныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны указу из высокого Кабинета при посылке моей в Германию для научения химии и горных дел определено было мне жалованья по четыреста рублей в год, и

по сему надлежало мне после моего отъезду из России мая с 15 дня 1736 года до возвращения и определения моего в адъюнкты по 1 число января 1742 году выдать всего две тысячи сто восемьдесят пять рублей двадцать копеек с половиною, однако получил я всего тысячу восемьсот девяносто четыре рубли восемьдесят одну копейку, а именно здесь перед отъездом моим триста рублей, в Германии в разных временах и местах тысячу четыреста семьдесят девять рублей восемьдесят одну копейку, считая в том числе награждение учителям, да здесь по приезде из Германии, до определения в адъюнкты сто пятнадцать рублей, а посему остается еще в недодаче двести девяносто рублей тридцать девять копеек с половиною.

2

И хотя Канцелярия Академии Наук определила выдавать мне в бытность мою в Германии по триста рублей в год, а по сту рублей удерживать в казне на мое содержание в Голандии, Франции и Англии, однако в помянутые земли послан я не был, а определенные триста рублей в год на оное содержание в Германии не могли быть довольны, для того что за позднюю пересылкою денег из Канцелярии Академии Наук принужден я был по большей части жить в долг и так за вещи, до моего учения и содержания потребные, платить много больше, нежели когда б я оные покупал за наличные деньги, отчего имею я и поныне в Германии незаплаченные долги, о которых по возвращении моем в Россию в Канцелярии Академии Наук я объявлял, а ныне оные доказать могу.

3

И хотя бы таких долгов на мне в Германии и не имелось, однако всю определенную сумму на мое содержание и обучение мне выдать надлежит по примеру всех посылающихся для обучения в чужие государства, которым даются деньги все сполна наперед, не требуя от них никакого счета. Сверх сего определен-

ная на меня сумма не вотще, но к подлинной пользе и чести государственной употреблена, что доказывает законное мое произведение в адъюнкты и профессоры.

Того ради Канцелярию Академии Наук покорно прошу помянутую недодачу двести девяносто рублей тридцать девять копеек с половиною приказать выдать мне для платежа помянутых моих долгов в Германии, ибо Канцелярия Академии Наук определенную сумму на мое содержание по чetyреста рублей в год из Статс-конторы по всякий год наперед получала.

Химии профессор Михайло Ломоносов

Февраля 13 дня

1746 году

487

1747 ИЮЛЯ. ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ЛОМОНОСОВА И Г.-Ф. МИЛЛЕРА ЗА И.-Г. ГМЕЛИНА ПРИ ОТЪЕЗДЕ ПОСЛЕДНЕГО ЗА ГРАНИЦУ

Мы, нижеподписавшиеся, сим ручаемся, что г. доктор Гмелин по учиненному своему в Канцелярии Академии Наук письменному обещанию, касающемуся до его возвращения и до ученых сочинений, во всем исполнять будет, и обещаемся, ежели он против чаяния того поступит или назад не возвратится после данного ему срока, выданные ему деньги двести пятнадцать рублей, да половинного жалованья, которое впредь произведено будет по контракту за морем, пятьсот рублей, всего семьсот пятнадцать рублей заплатить и данные ему дела и рисунки¹ поставить паки в Академию без всякого отлагательства и чтоб оные нигде в свете не были изданы в печать, которым его, Гмелина, рисункам за его рукою прилагается реестр.

Gerard Fridrich Müller

Профессор Михайла Ломоносов

488

1749 ЯНВАРЯ 18. ДОНОШЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ПРОСЬ-
БОЙ НЕ ПРОИЗВОДИТЬ БОЛЕЕ УДЕРЖАНИЙ ИЗ ЖАЛОВАНЬЯ
ПО ПОРУЧИТЕЛЬСТВУ ЗА И.-Г. ГМЕЛИНА

В Канцелярию Академии Наук

Доношение

Доносит той ж Академии профессор Михайло Ломоносов,
а о чем, тому следуют пункты:

1

По определению Канцелярии Академии Наук за мое пору-
чительство по докторе Гмелине велено вычитать из определен-
ного мне годового жалованья половину.

2

Но помянутый доктор Гмелин прислал ассигнацию к почт-
директору Ашу на часть моего поручительства, и оные деньги
Канцелярия Академии Наук принять может у помянутого
почт-директора.

3

Что ж до возвращения помянутого Гмелина касается, то са-
мое мое обязательство показывает, что Канцелярия Академии
от меня всеконечно требовать того не может, но сама стараться
имеет, а что я помянутого Гмелина уговаривать стараюсь, чтобы
он возвратился, то Канцелярия Академии Наук довольно ви-
деть может из моих с помянутым Гмелиным переписок.

Того ради Канцелярию Академии Наук покорно прошу при-
казать определенное мне жалованье выдавать сполна по-преж-
нему и о том милостивое решение учинить.

Профессор Михайло Ломоносов

Января дня
1749 году

489

1749 ИЮНЯ 9. ДОНОШЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ПОГАШЕНИИ ДОЛГА ПО ПОРУЧИТЕЛЬСТВУ ЗА И.-Г. ГМЕЛИНА

В Канцелярию Академии Наук профессора Михайла Ломоносова
Доношение

По определению Канцелярии Академии Наук, в силу присланного из Главной академической канцелярии указа, велено за поручительство мною и профессором Миллером по бывшем при Академии профессоре Гмелине перебранное им жалованье всего шестьсот тридцать один рубль шестьдесят шесть копеек с половиною вычесть из нашего жалованья по половине. А понеже в половинную на меня сумму, в триста пятнадцать рублей в восемьдесят три копейки, при даче на сентябрьскую прошлого 748-году треть жалованья сто десять рублей уже зачтено, и за тем зачетом осталось на мне двести пять рублей восемьдесят три копейки с четвертью, которые в Академическую канцелярию и объявляю при сем и требую, чтобы соблаговолено было в приеме оных дать квитанцию.

Профессор Михайла Ломоносов

Июня 9 дня
1749 году

490

1750 АВГУСТА. ДОНОШЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ УПЛАТЕ ПО ВЕКСЕЛЮ, ВЫДАННОМУ ЛОМОНОСОВЫМ А. БАЛКУ

В Канцелярию Академии Наук

Доношение

Понеже я уведомился, что титулярный советник Алексей Балк подал в оную Канцелярию прошение, чтобы по известному в оной Канцелярии векселю вычесть из моего жалованья деньги и с процентами и выдать ему, Балку, или бы отдать

меня к суду в Магистрат, а притом он помянутой Канцелярии предъявляет, якобы я отговорками, разнящимися между собою, от платы по оному векселю денег отбывал, на сие я доношу, что помянутый Балк показывает такие разнящиеся слова ложно, ибо я требовал копии с векселя у брата его Сергея уже после, как от него о проявлении оного векселя услышал, а что он, Балк, в прошении пишет, что-де я свой долг и вексель знать был должен, на сие доношу, что я в 1747 году в октябре месяце, желая по сему векселю купцу Ивану Серебренникову заплатить, оного векселя на сто рублей спрашивал, на что он отвечивал, что-де у него векселя на сто рублей нет, а есть-де на четыреста рублей, и для того заплатил я тогда оному купцу сто рублей под квитанцию. После того, 1748 года в декабре месяце, получив от всемилостивейшей государыни две тысячи рублей, призвал я к себе того ж купца и сказал, что хочу с ним вовсе расплатиться, то он объявил также четыресотный вексель и сказал, что он больше на мне долгу не имеет, и приняв от меня достальные триста рублей, вексель и протест мне отдал, и помянутый Серебренников сам во всем вышепоказанном не запирается. А понеже, как мною показано, что публичный нотариус Сергей Балк декабря 19 1747 года у меня отнюд не бывал для протестования оного векселя, что я присягою утвердить не отрицаюсь, то из сего и из вышеписанного явствует, что помянутый Балк оный вексель удерживал у себя с умыслу тайно, чтобы накопить росту. Сверх сего, понеже протестован оный вексель не так, как оный в четыреста рублей публичным нотариусом Корнелиусом, но братом его, Сергеем Балком, хотя на имя купца Серебренникова, однако, как брат по брате свидетелем быть не может, так и сей вексель за протестованный признать не должно, но токмо за простую облигацию, по которой я суммы ста рублей платить не отрицаюсь, а процентов отнюд по нем требовать не надлежит, ибо оный вексель на срок не заплачен не по моему нехотению, но по его, Балкову умышлению.

Того ради Канцелярию Академии Наук покорно прошу, взяв от оного Балка вексель и с протестом, выдать ему сто руб-

лев на счет моего жалованья, а процентов как напрасного и неправедного требования выдать я отнюдь неповинен. И понеже Канцелярии Академии Наук известно, что я ныне по именному е. и. в. указу с поспешением трагедию сочинять должен,¹ того ради покорнейше прошу меня от таких наглых его, Балка, на меня нападок оборонить и не дать беспокоить, ибо в противном случае исполнение высочайшего е. в. повеления с желаемым успехом в действие произведено быть не может.

Профессор Михайло Ломоносов

491

*1751 МАРТА 8. ДОНОШЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ПРОСЬБОЙ
ОСВОБОДИТЬ ОТ РЕДАКТИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДА «РОССИЙ-
СКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»*

В Канцелярию Академии Наук

Доношение

Как Академической канцелярии известно, что я почти три года исправляю при Академии перевод «Российских ведомостей» сверх моей химической профессии, который труд мне ныне в других моих делах немало препятствует, для того что по именному е. и. в. указу в полгодичное время сочиняю уже другую трагедию на российском языке,¹ в чем исправление «Ведомостей» мне немало делает помешательства, того ради Канцелярию Академии Наук прошу, чтобы меня от вышепомянутого исправления «Ведомостей» уволить и оное поручить кому-нибудь иному.

Советник Михайло Ломоносов

Марта 8 дня
1751 года

492

1751 СЕНТЯБРЯ 4. ДОНОШЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ПРОСЬ-
БОЙ ОСВОБОДИТЬ ОТ УЧАСТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ
СОБРАНИИ

В Канцелярию Академии Наук

Доношение

1

С начала учреждения Исторического собрания по определению сиятельнейшего Академии президента велено было мне с прочими профессорами присутствовать в Историческом собрании, что я и исполнял по самое тое время, пока помянутые собрания бывшими в 1749 году следствиями диссертаций профессора Миллера не прекратились.

2

И как Канцелярии Академии Наук известно, коль много принужден я был от помянутого профессора Миллера ругательств и обиды терпеть напрасно,^а а в нынешних Исторических собраниях читается его же, Миллерова, «Сибирская история», и для того опасаясь, чтобы обыкновенных его досадительных речей не претерпеть напрасно и, беспокоясь принятой от того досадою, в других моих делах не иметь остановки.

3

Ибо, кроме тех упражнений, которые в лаборатории почти всегда моего присутствия требуют, и кроме академических конференций, положена почти на меня одного должность профессора поэзии и красноречия российского, к чему я всегда готов быть должен, и сверх сего другие начатые мною части словесных наук на российском языке привести к концу надобно,¹ что

^а В черновике зачеркнуто и за то не получил довольной сатисфакции.

все особенного времени требует. А особенно, что трагедия,² которую е. и. в. указали мне сочинить,^а три раза^б в неделю в Собрание ходить никак не позволяет.

Того ради Канцелярию Академии Наук прошу, дабы его сиятельству Академии президенту представила о моем увольнении от Исторических собраний и только позволить сочинения профессора Миллера читать на дому и с примечаниями моими отсылать в помянутое Собрание на рассуждение.

Коллежский^в советник
и профессор Михайло Ломоносов

Сентября дня^г 1751 года

493

1754 ФЕВРАЛЯ 25—МАРТА 2. «ИЗВЕСТИЕ» О СЛУЖБЕ, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН СОГЛАСНО ТРЕБОВАНИЮ ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЫ СЕНАТА

Коллежский советник и профессор Михайло Васильев сын
Ломоносов

1. В Московских Спасских школах^а записался 1731 года генваря 15 числа. Жалованья в шести нижних школах по 3 копейки на день. А в седьмой 4 копейки на день.

2. 1736 году генваря с первого числа^б по указу Правительствующего Сената взят в Санктпетербургскую Академию Наук.^ж По сентябрь и^в был студентом при Академии Наук. Жалованья

^а В черновике зачеркнуто сделать.

^б В черновике перед словами три раза написано требует.

^в В черновике слово коллежский отсутствует.

^г В черновике вставлен день написания 4.

^д В черновике зачеркнуто учился.

^е В черновике зачеркнуто по 15 сен[тября].

^ж В черновике взят в Сан[кт]п[етербургскую] А[кадемию] Н[аук] написано взамен зачеркнутого при [далее зачернено и не поддается прочтению].

^з В черновике и отсутствует.

денежного не происходило, но содержан был на академическом коште.

3. В сентябре месяце того же года послан в Германию по кабинетскому указу и там обучался физике, химии и горных дел ^а и приехал обратно 1741 ^б года в июне месяце. Жалованья получал по 400 рублей в год.

4. В адъюнкты произведен по апробации Профессорского собрания и по определению Академической канцелярии 1742 года с генваря месяца. Жалованья 360 р.

5. В профессоры по аттестату ж Профессорского собрания, по определению Правительствующего Сената и по именному е. и. в. указу 1745 г. июля 25 дня. Жалованья 660 рублей, а в 1748 году за исправление ^в «Ведомостей» прибавлено двести рублей, так что получал 860 рублей.^г

6. В коллежские советники пожалован именованным е. и. в. указом за подписанием собственныя ее величества руки 1751 года марта первого ^д числа. Жалованья 1200 рублей.

От роду имеет сорок два года.^е

Мужеска полу детей ^ж нет.

Пожалованных к фабрике имеет в Копорском уезде двести одиннадцать душ.

Сходствует с подлинным
Архивариус Иван Стафенгаген

^а В черновике зачеркнуто четыре года и считая дороги был близ.

^б 41 исправлено другими чернилами.

^в исправление вписано взамен выскобленного текста.

^г Вместо Жалованья 660 рублей, а в 1748 году за исправление «Ведомостей» прибавлено двести рублей, так что получал 860 рублей в черновике Жалованья 660 и 860 рублей, а на полях черновика приписано 1748.

^д руки 1751 года марта пер вписано взамен выскобленного текста.

^е В черновике, на полях, вдоль пунктов 4, 5 и 6 приписана помета для переписчика NB Об аттестатах профессорских отнюд не оставлять, для того что в том состоит вся сила.

^ж В черновике зачеркнуто не имеет.

494

*1755 МАРТА 24. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ПРОСЬБОЙ
ОСВОБОДИТЬ ОТ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОЕКТОВ ИЛЛЮМИНАЦИИ
И ФЕЙЕРВЕРКОВ*

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

Его высокоблагородие г. надворный советник Стелин неоднократно жаловался, что я у него должности отнимаю, делая проекты к иллюминациям и фейерверкам, а я то чинил по ордерам Канцелярии Академии Наук. А чтобы помянутый г. надворный советник Стелин не имел причин впредь на меня жаловаться, то Канцелярию Академии Наук прошу, чтоб меня впредь от того уволила, что я сверх моей профессии и без того много дела имею.

1755 году
марта 24 дня

495

*1757 МАРТА 1. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О ВСТУПЛЕНИИ ЛОМОНОСОВА В ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННО-
СТЕЙ ЧЛЕНА КАНЦЕЛЯРИИ*

Марта в 1 день 1757 году

Сего числа в Канцелярию Академии Наук в присутствии г. статского советника Шумахера призываны были г. коллежский советник и профессор Ломоносов и г. коллежский ассессор и унтер-библиотекарь Тауберт, где им объявлено:

1-е. Академии Наук г. президента графа Кирилы Григорьевича Разумовского предложение о присутствовании им обще с оным г. статским советником в Академической канцелярии.

2-е. Инструкция, как Канцелярии поступать по Академии в отсутствии его сиятельства.

Чего ради оные гг. присутствующие по вступлении своем приказали: о том записать в журнал и содержание предложения его сиятельства как в Конференции, так и в прочих академических департаментах объявить, а из инструкции касающиеся пункты до Конференции выписав сообщить в Академическое и Историческое собрания при указе. . . .

И. Д. Шумахер
Михайло Ломоносов
Иван Тауберт

Регистратор Дмитрий Тимофеев

496

1762 ИЮЛЯ. ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ОБ УВОЛЬНЕНИИ ОТ СЛУЖБЫ

Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская.
государыня всемилостивейшая

Бьет челом коллежский советник Михайло Васильев сын Ломоносов, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

В службе в. и. в. состоя тридцать один год, обращался я в науках со всяким возможным рачением и в них приобрел толь великое знание, что, по свидетельству разных академий и великих людей ученых, принес я ими знатную славу отечеству во всем ученом свете, чему показать могу подлинныя свидетельства, и таковым учением, одами, публичными речьями и диссертациями пользовал и украшал я вашу Академию перед всем светом двадцать лет.

2

На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных, в чем свидетельствует общая апробация моих сочинений и во всяких письмах употребляемые из них слова и выражения, что к просвещению народа много служит.

3

Присутствуя в Канцелярии Академии Наук членом полшеста года без повышения чина и без прибавки жалованья, что, однако, моим товарищам учинено было, отправляя я должность мою по положенным на меня департаментам со всяческим рачением, так что Гимназия, Университет и Географический департамент пришли во много лучшее перед прежним состояние.

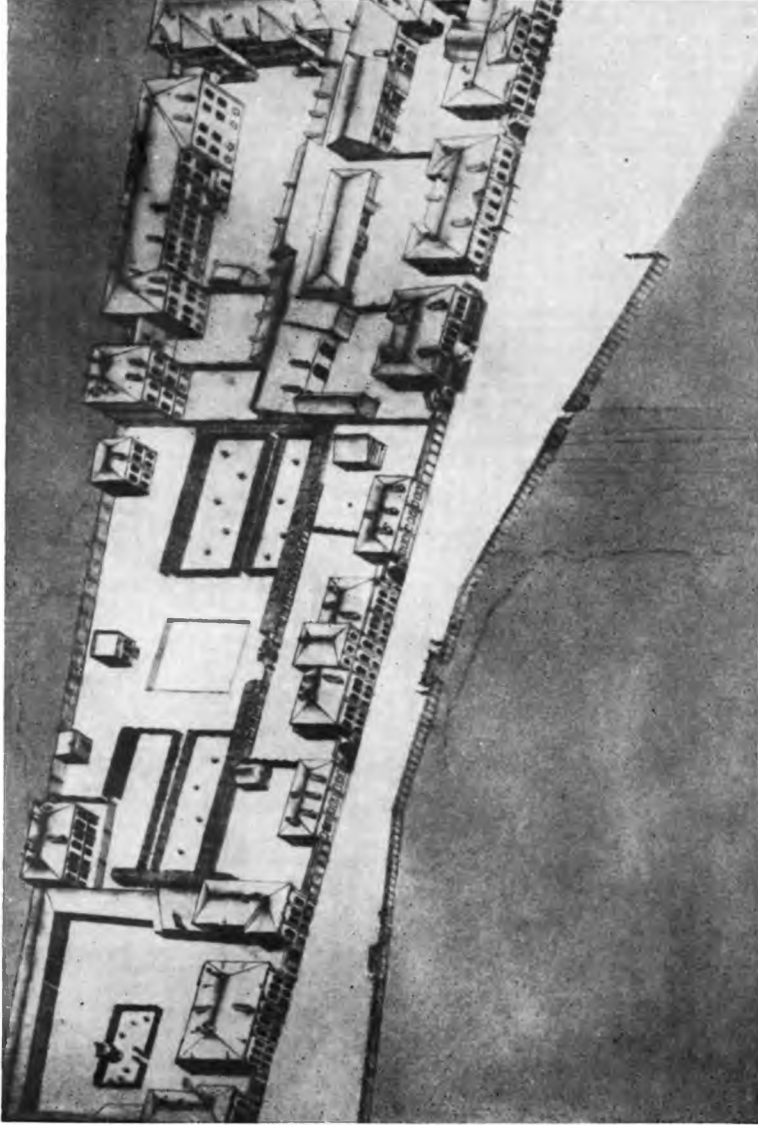
4

Помянутою моею ревностною и верною службою и многими трудами пришло мое здоровье в великую слабость, и частый лом в ногах и раны не допускают меня больше к исправлению должности, так что прошлой зимы и весны лежал я двенадцать недель в смертной постеле и ныне тяжело болен.

5

Не взирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и беспорочную службу для приращения наук в отечестве близ двенадцати лет, в одном чину оставлен я, низайший, произвождением и обойден многими, меня младшими в статских чинах, которым при сем реестр сообщается, и тем приведен в великое уныние, которое болезнь мою сильно умножает.

И дабы высочайшим в. и. в. милосердием благоволено было сие мое низайшее прошение принять и меня для вышепомяну-

Усадьба М. В. Ломоносова на Мойке

Аксометрический план XVIII в.

Ленинградское отделение Центрального Государственного военно-исторического архива

той болезни уволить от службы в. и. в. вовсе, а за понесенные мною сверх моей профессии труды и для того, что я многократно многими, в произвождении младшими, без всякой моей прослужу обойден, наградить меня произведением в статские действительные советники с ежегодною пенсиею по тысячи по осьми сот рублей по мою смерть из Статской конторы. Между тем в покое и в уединении от хлопот, бывающих по должности, пользуясь таковою в. и. в. всевысочайшею щедротою, в часы, свободные от болезни, не премину в науках посылно упражняться в пользу отечества.

Всемиловнейшая государыня, прошу в. и. в. о сем моем челобитье решение учинить. Прошение писал Академии Наук геодезии студент Илья Аврамов.

К сему прошению коллежский
советник Михайло Васильев сын Ломоносов
руку приложил

Июля дня 1762 года

497

*1763 АВГУСТА 7. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КАНЦЕЛЯРИИ АН
О ВОЗВРАЩЕНИИ ЛОМОНОСОВА К ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАН-
НОСТЕЙ СОВЕТНИКА КАНЦЕЛЯРИИ*

1763 года августа 7 числа четверток.

В Канцелярию Академии Наук г. статский советник Тауберт прибыл... и слушав нижеобъявленных дел...

Потом г. коллежский советник Ломоносов, в присутствие вступя, объявил, что он за болезнь свою поныне не присутствовал в Канцелярии, а ныне, получа от оной свободу, в Академической канцелярии присутствовать и дела слушать будет. И о том приказали для ведома записать в журнал. ...

Иван Тауберт
Михайло Ломоносов
Секретарь Михайло Гурьев

1763 ИЮНЯ 18. ПРОЕКТ УКАЗА О ПЕРЕДАЧЕ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЕДЕНИЕ ЛОМОНОСОВА ВСЕХ «ДО НАУК НАДЛЕЖАЩИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДЕПАРТАМЕНТОВ»

У[каз] н[ашему] С[енату]

Всемиловейше пожаловали мы нашего коллежского советника М[ихайла] Л[омоносова] за его отменное искусство в разных науках и за принесенную теми нашей Академии честь и пользу нашим действительным статским советником с производением годового жалованья по тысячи по осьмисот рублей, и до наук надлежащие академические департаменты, кои по силе генерального регламента поручены были от президента по сие время в его особое смотрение, вверяем ему ж,^а Ломоносову, в единственное расположение и смотрение, дабы он без всякого препятствия мог стараться о приращении наук в отечестве. И для того определенную на оные департаменты сумму по штату отделить от прочей в особое комиссарство под его же, Ломоносова, единственное ведение. А что на оные ученые департаменты надлежащей суммы, за бывшим наименованием положенных в штате профессоров, иностранных почетных жалованных членов, Конференции адъюнктов и университетских студентов, не употреблено, как по штату быть надлежало, но издержано на другие расходы, оное вычесть из общей академической суммы в ^б лет, а в случае нужды дополнять оное из академической Книжной лавки, дабы чрез то пришел весь Академический корпус в свое равновесие и чтобы определенная от вселюбнейшей нашей тетки, блаженные памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны сумма на распространение наук в отечестве ни на что иное, кроме оногo, не тратилась. И нашему Сенату учинить по сему надлежащее исполнение.

^а Зачеркнуто нашему действительному статскому советнику.

^б В подлиннике пропуск.

1. *... ..*
2. *... ..*
3. *... ..*
4. *... ..*
5. *... ..*
6. *... ..*
7. *... ..*
8. *... ..*
9. *... ..*
10. *... ..*
11. *... ..*
12. *... ..*
13. *... ..*
14. *... ..*

План беседы с Екатериной II
 Собственноручный черновик (1765)
 Архив Академии Наук СССР

Или:

Всемиловнейше пожаловали мы нашего коллежского советника (тем же как выше) и от всех академических дел для его слабого здоровья увольем, разве он сам как член оныя нашей Академии по своей силе и охоте в науках что производить похочет, что ему позволяется.

499

1765 ФЕВРАЛЯ 26—МАРТА 4. ПЛАН БЕСЕДЫ С ЕКАТЕРИНОЙ II
ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ РАБОТЕ ЛОМО-
НОВОСА В АКАДЕМИИ НАУК

1. Видеть Г[осударыню].
2. Показывать свои труды.
3. Может быть, понадоблюсь.
4. Беречь нечего. Все открыто Шлёцеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума, ни совести,^a рекомендованному от моих злодеев.¹
5. Приносил его выс[очеству] дедикации.² Да все! и места нет.
6. Нет нигде места и в чужих краях.
7. Все любят, да шумахершина.
8. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi [Многое принял молча, многое снес, во многом уступил].³
9. За то терплю, что стараюсь защитить труды П[етра] В[еликого], чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство pro aris etc. [за алтари и т. д.].⁴
10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют.
11. Ежели не пресёчете, великая буря восстанет.

^a Зачеркнуто к моему крайнему оскорблению безвинно.

**ПЛАНЫ И ОТЧЕТЫ
О РАБОТАХ**

1737 *FRÜHER SEPTEMBER 26. REPORT AN DIE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN ÜBER
DIE LEHRGÄNGE IN MARBURG*

Rapport

Nachdemahlen auf Ihre Kayserlichen Maytt. hohen Befehl von der Kayserlichen Academie der Wißenschafften wir nach Marburg geschickt worden, um die Chymie nebst andern dazu gehörigen Wißenschafften und Sprachen zu erlernen, um zur Metallurgie zu präpariren, und zu dem Ende eine Instruction bekommen, worinnen nebst Specificirung der zu erlernenden Wißenschafften und Sprachen uns auch anbefohlen worden, alle halbe Jahr von unsern Studiis und angewandten Geldern genauen Bericht abzustatten, wie auch Specimina von unsern Progressen bey zu legen. Als rapportiren wir hiemit unterthänigst, daß, nach dem wir hier in Marburg den 15ten Nov. n. St. 1736 angekommen, wir sogleich bey einem hiesigen Doctore Medicinae Conradi ein Collegium Chymiae theoretico-practicum für 120 Thaler bedungen, worinnen er uns Stahlis Fundamenta Chymiae lateinisch erklären, und die darin vorkommende Experimenta in Praxin bringen sol[lt]e, Weil er aber praestanda weder praestirte, noch praestiren kon[n]te, so haben wir daßelbige Collegium mit Gutbefinden des Herrn Regierungs-Raths Wolffs nach 3 Wochen aufgegeben, und sind im Januario dieses 1737ten Jahres in ein Collegium Chymiae publicum, welches der hiesige professor Duysing über Teichmeyers Institutiones Chymiae hält,

und noch fortfähret, gegangen. Über die Mechanic ließt der H. Regierungs-Rath selbst in seinem Cursu mathematico und wird auch die Hydraulic und Hydrostatic immediate drauf erklären. Was sonst einen jeden ins besondere anbelanget, so habe ich G. U. Raiser die Architectur bey dem H. Regierungs-Rath mitangehöret, einen Frantzösischen Sprach-Meister vom November vorigen Jahres, wie auch einen Zeichen-Meister vom April erstlich 2, nun mehro aber 4 Stunden in der Woche gehalten. Ich Michael Lomonosoff und ich Demetrius Winogradoff haben bis auf den April in der deutschen Sprache, Arithmetic, Geometrie und Trigonometrie Unterricht genoßen, und vom May-Monath die Frantzösische Sprache und das Zeichnen angefangen.

Перевод

Репорт

По высочайшему е. и. в. повелению, императорская Академия Наук отправила нас в Марбург¹ учиться химии и другим относящимся сюда наукам и языкам, необходимым для подготовки к металлургии. С этой целью мы получили инструкцию,² в которой нам обозначены науки и языки, подлежащие изучению, и вместе с тем поручено представлять пополугодно подробные отчеты о наших занятиях и об употреблении денег с приложением образцов наших успехов. Вследствие сего имеем честь почтительнейше донести, что, прибыв сюда, в Марбург, 15 ноября нового стиля 1736 года, мы тотчас же за 120 талеров договорились с здешним доктором медицины Конради слушать у него теоретико-практические лекции по химии, на которых он обязывался объяснять нам на латинском языке начальные основания химии Штала³ и показывать на практике встречающиеся при этом опыты. Но так как он не только не исполнял, но и не мог исполнить обещанного, то мы с согласия господина регирунгсрата Вольфа через три недели отказались от этих лекций и в январе месяце нынешнего 1737 года начали слушать публичные лекции химии, которые здешний профессор Дуйзинг читает и теперь еще продолжает читать о Тейхмейеровых Institutiones chymiae.⁴ О механике читает сам господин регирунгсрат в своем математическом курсе;⁵ вслед за тем он станет объяснять гидравлику и гидростатику.⁶ Что же еще касается отдельно каждого из нас, то я, Г.-У. Райзер, слушал у господина регирунгсрата лекции архитектуры и с ноября прошлого года брал у учителя французского языка,

а с апреля месяца и у учителя рисования сначала по два, а теперь по четыре урока в неделю. Я же, Михайло Ломоносов, и я, Дмитрий Виноградов, до апреля месяца брали уроки немецкого языка, арифметики, геометрии и тригонометрии, а с мая начали учиться французскому языку и рисованию.

501

*1738 МАРТА 14. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН ОБ УЧЕБНЫХ
ЗАНЯТИЯХ В МАРБУРГЕ*

Rapport

Nachdemahlen auf IHro Kayserl. Maytt. hohen Befehl von der Kayserlichen Academie der Wißenschafften wir nach Marburg geschickt worden, um die Chymie nebst andern dazu gehörigen Wißenschafften und Sprachen zu erlernen und zu der Metallurgie zu präpariren und zu dem Ende eine Instruction bekommen, worinnen nebst Speciminibus der zu erlernenden Wißenschafften und Sprachen uns auch anbefohlen worden, alle Halbjahr von unsern Studiis und angewandeten Geldern genauen Bericht abzuschtatten, wie auch Specimina von unsern progressen beyzulegen. Als rapportiren wir hiemit allerunterthänigst, daß nach abfertigung unsers vorigen Rapports wir bey dem H. Regierungsrath Wolf[f] die Mechanic, Hydrostatic, Aerometrie und Hydraulic, und bey dem H. Doktor Duysing das Collegium Chymicum theoreticum absolviret. Nunmehr aber Collegia über die dogmatische Physic und Logic bey ebendem H. Regierungsrath Wolf[f] hören. Es hat auch einjeder von uns den frantzösischen Sprachmeister und Zeichen-Meister bishero gehalten. Was sonsten die uns überschickte Instruction über die Historiam naturalem anbelanget, so haben wir darinnen noch nichts thun können, weil die uns vorgeschlagene Bücher vor der Oster-Meße nicht zu bekommen sind.

Die Rechnungen von unsern angewandten Geldern sind folgende:

G. U. Raiser

Empfangen den 18 Nov. 1737—282 R. thaler von welchen
aufgegangen:

für den Tisch	52 R. thaler
— die Stube	24 »
— Holtz und Lichter	[<i>вырвано</i>]
— Kleid	[<i>вырвано</i>]
— Stieffel, Schuhe	[<i>вырвано</i>]
— Wäsche	9 R. thaler
dem Barbier	5 »
dem frantzösischen Sprachmeister . . .	10 »
dem Fechtmeister	6 »
dem Zeichenmeister	7 »
dem Perruquier	6 »
für das Abendessen, Zucker, The, Bücher, Cafe, Papier etc	32 »
	Summa . . . 227

M. Lomonosoff

Empfangen den 18 Nov. 1737—282 R. thaler, von welchen
aufgegangen:

für den Tisch	52 R. thaler
für Bücher	18 »
für die Stube	20 »
für Holtz und Lichter	16 »
für Surtout und Camisol	27 »
für Sommerkleid	22 »
— Stieffel und Schuhe	12 »
— Wäsche	14 »
dem Fechtmeister	6 »
dem frantzösischen Sprachmeister . . .	12 »
dem Zeichen-Meister	6 »

dem Perruquier	4	»
— Barbier	3	»
für das Abendessen, Zucker, The, Cafe, Papier etc.	25	»
	<hr/>	
Summa	237	

D. Winogradoff

Empfangen den 18 Nov. 1737 — 282 R. Thaler, von welchen
aufgegangen:

für den Tisch	52.R. thaler	
— die Stube	28	»
— Bücher	20	»
für Kleid	48	»
dem frantzösischen Sprachmeister	15	»
dem Fechtmeister	8	»
dem Tanzmeister	6	»
für die Wäsche	18	»
— Schuhe und Stieffel	13	»
für Holtz und Lichter	16	»
dem Barbier und Perruquier	14	»
für das Abendessen, The, Cafe, Papier etc.	30	»
	<hr/>	
Summa	268	

G. U. Raiser
D. Winogradoff
M. Lomonosoff

Marburg den 25 Mart
A. 1738.

Перевод

Репорт

По высочайшему е. и. в. повелению императорская Академия Наук отправила нас в Марбург для изучения химии и других относящихся к сему наук и языков, равно как и для подготовки к металлургии. С этою целью нам дана инструкция, в которой, сверх перечня наук и языков, подлежащих изучению, поручается каждые полгода подавать подробные отчеты о наших занятиях и израсходованных нами деньгах с приложением образчиков наших успехов. В исполнение сего имеем честь почтительнейшее донести, что после отправления прошлого репорта нашего¹ мы у господина регирунгсрата Вольфа прошли курс механики, гидростатики, аэрометрии и гидравлики, а у г. доктора Дуйзинга курс теоретической химии, в настоящее же время слушаем у того же господина регирунгсрата Вольфа лекции догматической физики и логики.² Кроме того, каждый из нас нанял себе учителя французского языка и учителя рисования. Что касается присланной нам инструкции по естественной истории,³ то мы по ней еще ничего не могли сделать, потому что предложенных нам книг⁴ нельзя получить раньше пасхальной ярмарки.

Счет израсходованных нами денег следующий:

Г.-У. Райзер

Получено 18 ноября 1737 г. — 282 рейхсталера, из которых израсходовано:

на стол	52 рейхсталера.
— комнату	24 »
— дрова и свечи] <i>вырвано</i>
— платье] <i>вырвано</i>
— сапоги, башмаки] <i>вырвано</i>
— белье	9 рейхсталеров.
цирюльнику	5 »
учителю французского языка	10 »
учителю фехтования	6 »
учителю рисования	7 »
парикмахеру	6 »
на ужин, сахар, чай, книги, кофе, бумагу и пр	32 »

Всего 227

М. Ломоносов

Получено 18 ноября 1737 г. — 282 рейхсталера, из которых израсходовано:

на стол	52	рейхсталера.
на книги	18	»
на комнату	20	»
на дрова и свечи	16	»
на кафтан и камзол	27	»
на летнее платье	22	»
— сапоги и башмаки	12	»
— белье	14	»
учителю фехтования	6	»
учителю французского языка	12	»
учителю рисования	6	»
парикмахеру	4	»
цирюльнику	3	»
на ужин, сахар, чай, кофе, бумагу и пр	25	»

Всего 237

Д. Виноградов

Получено 18 ноября 1737 г. — 282 рейхсталера, из которых израсходовано:

на стол	52	рейхсталера.
— комнату	28	»
— книги	20	»
на платье	48	»
учителю французского языка	15	»
учителю фехтования	8	»
учителю танцев	6	»
на белье	18	»
— башмаки и сапоги	13	»
на дрова и свечи	16	»
цирюльнику и парикмахеру	14	»
на ужин, чай, кофе, бумагу и пр	30	»

Всего 268

Г.-У. Райзер
Д. Виноградов
М. Ломоносов

Марбург 25 марта
1738 г.

502

1738 OKTЯБРЯ 15. РЕПОРТ В АКАДЕМИЮ НАУК ОБ УЧЕБНЫХ
ЗАНЯТИЯХ В МАРБУРГЕ

Rapport

an die Kayserliche Academie der Wißenschafften
zu St. Petersburch

Nachdem ich den letzten Rapport alleruntertänigst abgefertiget, habe bey dem Herrn Regierungs-Rath und Professor Wolf[f] das Collegium physicum theoreticum von 11 biß 12 des Morgens, und Collegium logicum von 4 biß 5 des Nachmittags gehört. Nunmehr aber das Collegium physicum experimentale von 9 biß 10 des Morgens wie auch das Collegium metaphysicum von 3 biß 4 Nachmittags bey ebendem Hern Regierungs-Rath Wolf[f] frequentire. Die Chimie aber in den Börhaavens', Stahls und Stabels Schrifften repetire. Ich habe mich auch biß dato in dem Zeichnen von 10 biß 11 des Morgens exerciret.

Die Rechnung von meinen angewandeten Geldern ist folgende.

Ich habe den 10 Augusti 128 Reichsthaler empfangen, von welchen aufgegangen:

	R. [thal.]	Alb.
für das Mittagessen für 38 Wochen	38	
für das Abendessen für 28 Wochen	14	
der Stubenlohn für ein Halbjahr	10	
für 1 $\frac{1}{4}$ Klafter Holtz	3	30
— 4 Paar Schuhe und Pantoufles	4	35
der Wäscherin für ein Halbjahr	3	15
dem Zeichen-Meister für 6 Monate	6	

	R. [thal.]	Alb.
für eine Perruque mit Haarbeutel	2	30
für zwey Paar seidene Sch[n]upftücher	2	
— ein Degen	10	
— ein Degen-Gehenck	1	
— 8 Bücher Papier		24
— ein Buch Postpapier		12
dem Perruquier für ein Halbjahr	1	24
dem Barbier für Rasiren und Aderlassen	1	15
Summa	98	41

Register über die biß Dato angeschaffene Bücher

	Materia		Band	
	Flor.	Krt.	Flor.	Krt.
In folio				
Atlas scholasticus bestehend in 12 Carten	3	30	1	11
Fabri Lexicon latinum in duobus tomis. Lipsiae, 1735	11		3	
Ruetschii Archetypus totius medicinae. Francofurti 1737		30		20
In quarto				
Becheri Physica subterranea. Lipsiae 1738	1	40		25
Boerhaavii Elementa Chemiae in duobus tomis. Lugd. Bat. 1732	4	20	1	40
Der Chymische Schatz-Cammer Franckfurt am Main 1736	2			25
Fateri institutiones Medicinae. Wittenbergae, 1722		25		14

	Materia		Band	
	Flor.	Krt.	Flor.	Krt.
Stahlii Chymia. Norimbergae, 1723	1			25
Teichmeieri Chymia. Jenae, 1729	1			25
Weidleri tractatus de machinis Hydraulicis. Witembergae, 1733		30		20
Wolfii Elementa Matheseos, 3 tomi. Genevae, 1732, 33, 35	13		3	
— tomus quartus. Halae Magdeburgicae, 1738	3	12		50
— Logica. Francofurti et Lipsiae, 1732	2	30		45
— Ontologia. Ibidem, 1736	2	20.		40
— Cosmologia. Ibidem, 1731	1	30		35
In octavo				
Avanture de Telemaque. 1723	1			20
Becheri Opuscula Chymica rariora. Norimb., 1719 . .		45		22
Boerhavii Institutiones Medicinae. Lugd. Bat., 1730 . .		40		20
Collectanea Chymica Leidensia. Jenae, 1726		45		22
Compendium universae latinitatis. Jenae, 1734 . . .		30		15
Die redende Thiere über menschliche Laster. Franckf., 1738		12		8

	Materia		Band	
	Flor.	Krt.	Flor.	Krt.
Erasmi Colloquia cum Encomio Stultitiae. Ulmae, 1712	1	15		25
Freindii praelectiones Chymicae. Amster., 1718 . .		20		8
Glücklich gewordene Bauer. Leipzig, 1736		20		14
Gullivers Reise. Berlin, 1731		25		14
Hoffmanni opuscula physico-medica. Ulmae, 1725 . .	1			20
Günters Gedichte. Breßlau, 1735	3			40
Gübners Poetisches Handbuch. Halle, 1734 . . .		40		18
Les Poësies d'Anacreon et de Sapho. Amst., 1716 . .	1			22
Martialis Epigrammata ad usum Delphini cum Imaginibus numismatum Antiquorum. Amst., 1701 . .	2	30		30
Menantes Briefe. Halae, 1728		50		20
Neukirchs galantes Briefe. Hamburg, 1730		48		
Nouvelle Grammaire Royale. Berlin, 1736	1			
Nouveau dictionnaire de Passagers. Leipzig, 1737 . .	3	30		55
Pantheum Mythicum. Francof., 1732		50		20
Plats Dialogues domestique[s] François-Allemands. Nürnberg., 724 . .		20		9

	Materia		Band	
	Flor.	Krt.	Flor.	Krt.
Selectae Ciceronis orationes. Amsterd., 1735	1			20
Screiberi Elementa Medici- nae. Francofurti et Lipsiae, 1731		30		16
Stabelii Chymia. Halae, 1728		30		18
Stah[li]i 300 Experimenta et observationes. Berl., 1731.		30		18
Steinbachs Deutsches Wör- terbuch, 2 tomi. Breßlau, 1734	6			
Tabulae sinuum, tangentium etc. Francofurti, 1728 . .	1			15
Thümmigii Institutiones Phi- losophiae Wolfianae. Franc., 1729	1	50		25
Veneroni Italienische Gram- matica. Franc., 1699 . .		35		
Verheyen Anatomia, duo tomi. Amsterd., 1718 . .	5		1	20
Wolfii Physica dogmatica. Halae, 1734	3	15	1	20
— Physica Experimen- talis. Halae, 1727 . .	3	30	1	40
— Ratio praelectionum. Halae. Magd., 1735		24		8
— Deutsche Metaphy- sica. Francofurti, 1736		56		20
— Moralis philosophia. Halae	1			22
— Politica. Halae, 1732		56		20
In 12°				

	Materia Flor. Krt.	Band Flor. Krt.
Cellarii Geographia. Jenae, 1731	45	25
Erasmi Adagia. Lipsiae, 1696	50	15
— Copia verborum Gottingae	20	12
Letres choisies des meilleurs Auteurs François par Me- n[antes). Ha[mburg], 1731	40	16
Ovidii opera omnia. Amst., 1735	1 25	40
Plinii Epist. et Panegyricus. Lipsiae, 1721	50	18
Senecae tragoediae. Amst. 1645	20	
Virgilio Opera omnia. Amst., 1677	50	
Summa . . . 133 Guld. und 17 Kreuzer.		

Rapportiret allerunterthänigst Michael Lomonosoff

Marburg d. 15 Octobris

Anno 1738

Перевод

Репорт в императорскую Академию Наук в С.-Петербурге

После почтительнейшего отправления последнего моего донесения я у господина регирунгсрата и профессора Вольфа слушал лекции теоретической физики¹ по утрам, от 11 до 12 часов, и логику пополудни, от 4 до 5 часов. В настоящее же время я у того же господина регирунгсрата Вольфа посещаю лекции экспериментальной физики² от 9 до 10 часов утра и лекции метафизики³ от 3 до 4 часов пополудни. Хи-

мню повторяю по сочинениям Бургава, Штала и Штабеля.⁴ До сих пор я по утрам, от 10 до 11 часов, упражнялся также в рисовании.

Счет израсходованным мною деньгам следующий:

10 августа я получил 128 рейхсталеров, из которых издержано:

	Рейхсталеров	Альбусов
на обед за 38 недель	38	
на ужин за 28 недель	14	
на комнату за полгода	10	
на 1 $\frac{1}{4}$ сажени дров	3	30
— 4 пары башмаков и гуфель	4	35
прачке за полгода	3	15
учителю рисования за 6 месяцев	6	
на парик с кошельком	2	30
— пару шелковых носовых платков	2	
— шпагу	10	
— перевязь	1	
— 8 дестей бумаги		24
— десть почтовой бумаги		12
Парикмахеру за полгода	1	24
Цирюльнику за бритье и кровопускание	1	15
Итого	98	41

Реестр купленным доселе книгам

В лист	Самая книга		Переплёт	
	Фло-ринов	Крей-церов	Фло-ринов	Крей-церов
Школьный атлас, состоящий из 12 карт ⁵	3	30	1	11
Фабра «Латинский лексикон» в двух томах. Лейпциг, 1735 ⁶	11		3	
Рютша «Общий очерк всей медицины». Франкфурт, 1737 ⁷		30		20
В четвертую долю листа				
Бехера «Подземная физика». Лейпциг, 1738 ⁸	1	40		25
Бургава «Основы химии» в двух томах. Лейден, 1732 ⁹	4	20	1	40
Химическая сокровищница. Франкфурт на Майне, 1736 ¹⁰	2			25
Фатера «Медицинское наставление». Виттенберг, 1722 ¹¹		25		14

	Самая книга		Переплёт	
	Фло-ринов	Крей-церов	Фло-ринов	Крей-церов
Штала «Химия». Нюрнберг, 1723 ¹²	1			25
Тейхмейера «Химия». Иена, 1729 ¹³	1			25
Вейдлера «Трактат о гидравлических маши- нах». Виттенберг, 1733 ¹⁴		30		20
Вольфа «Основы математики», 3 тома. Же- нева, 1732 [17] 33, [17] 35 ¹⁵	13		3	
— том четвертый. Галле Магд., 1738 ¹⁶	3	12		50
— Логика. Франкфурт и Лейпциг, 1732 ¹⁷	2	30		45
— «Онтология». Там же, 1736 ¹⁸	2	20		40
— «Космология». Там же, 1731 ¹⁹	1	30		35
В восьмую долю листа				
Приключения Телемаха. 1723 ²⁰	1			20
Бехера «Малоизвестные химические статьи». Нюрнберг, 1719 ²¹		45		22
Бургава «Медицинские наставления». Лей- ден, 1730 ²²		40		20
Лейденский химический сборник. Иена, 1726 ²³		45		22
Сокращенное изложение всей латыни. Иена, 1734 ²⁴		30		15
Животные, беседующие о человеческих по- роках. Франкфурт, 1738 ²⁵		12		8
Эразма «Собеседования» с «Похвалой глу- пости». Ульм, 1712 ²⁶	1	15		25
Фрейнда «Лекции по химии». Амстердам, 1718 ²⁷		20		8
Крестьянин, ставший счастливым. Лейпциг, 1736 ²⁸		20		14
Путешествие Гулливера. Берлин, 1731 ²⁹		25		14
Гофманна «Мелкие физико-медицинские ра- боты». Ульм, 1725 ³⁰	1			20
Гюнтера стихотворения. Бреславль, 1735 ³¹	3			40
Гюбнера «Поэтическое руководство». Галле, 1734 ³²		40		18
Стихотворения Анакреона и Сафо. Амстер- дам, 1716 ³³	1			22

	Самая книга		Переплёт	
	Фло- ринов	Крей- церов	Флори- нов	Крей- церов
Марциала «Эпиграммы» в издании, пред- назначенном для дофина, с изображениями древних монет. Амстердам, 1701 ³⁴	2	30		30
Менантеса «Письма». Галле, 1728 ³⁵		50		20
Нейкирха «Галантные письма». Гамбург, 1730 ³⁶		48		
Новая королевская грамматика. Берлин, 1736 ³⁷	1			
Новый словарь для путешественников. Лейпциг, 1737 ³⁸	3	30		55
Мифологический Пантеон. Франкфурт, 1732 ³⁹		50		20
Плата «Домашние французско-немецкие диалоги». Нюрнберг, 1724 ⁴⁰		20		9
Избранные речи Цицерона. Амстердам, 1735 ⁴¹	1			20
Шрейбера «Основы медицины». Франкфурт и Лейпциг, 1731 ⁴²		30		16
Штабеля «Химия». Галле, 1728 ⁴³		30		18
Шталя «300 опытов и наблюдений». Бер- лин, 1731 ⁴⁴		30		18
Штейнбаха «Немецкий словарь», 2 тома, Бреславль, 1734 ⁴⁵	6			
Таблицы синусов, тангенсов и т. д. Франк- фурт, 1728 ⁴⁶	1			15
Тюммига «Наставления вольфианской фило- софии». Франкфурт, 1729 ⁴⁷	1	50		25
Венерони «Итальянская грамматика». Франкфурт, 1699 ⁴⁸		35		
Вергейена «Анатомия» в двух томах. Ам- стердам, 1718 ⁴⁹	5		1	20
Вольфа «Догматическая физика». Галле, 1734 ⁵⁰	3	15	1	20
— «Экспериментальная физика». Галле, 1727 ⁵¹	3	30	1	40
— «Свод лекций». Галле Магд., 1735 ⁵²		24		8
— «Немецкая метафизика». Франкфурт, 1736 ⁵³		56		20

	Самая книга		Переплёт	
	Фло-ринов	Крей-церов	Фло-ринов	Крей-церов
— «Нравственная философия». Галле ⁵⁴	1			22
— «Политика». Галле, 1732 ⁵⁵		56		20
В двенадцатую долю листа				
Целлария «География». Иена, 1731 ⁵⁶		45		25
Эразма «Изречения». Лейпциг, 1696 ⁵⁷		50		15
— «Богатство слов». Геттинген ⁵⁸		20		12
Избранные письма лучших французских писателей. Мен[антеса]. Га[мбург], 1731 ⁵⁹		40		16
Овидия полное собрание сочинений. Амстердам, 1735 ⁶⁰	1	25		40
Плиния «Письма» и «Панегирик». Лейпциг, 1721 ⁶¹		50		18
Сенеки трагедии. Амстердам, 1645 ⁶²		20		
Виргилия полное собрание сочинений. Амстердам, 1677 ⁶³		50		
Итого . . . 133 гульдена и 17 крейцеров				

Всенижайше репортует Михайло Ломоносов

Марбург 15 октября 1738 г.

503

1749 ЯНВАРЯ 15. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН О ПЛАНЕ РАБОТ НА ЯНВАРСКУЮ ТРЕТЬ 1749 г.

Я, нижеименованный, сим объявляю, что в генварской трети ¹ сего 1749 года сверх обыкновенных присутствий в Академическом и Историческом собраниях ² буду в Химической лаборатории делать опыты химические ³ для исследования минералов и других вещей и показывать студентам первые основания химии, ежели к тому определены будут. ⁴ Притом буду для «Комментариев» сочинять диссертации: 1) о точнейшем определении градусов теплоты и стужи, ⁵ 2) теорию новую о цветах. ⁶

Профессор Михайло Ломоносов

1749 года генваря 15 дня

504

1749 МАЯ 8. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ОТЧЕТОМ О РАБОТАХ ЗА ЯНВАРСКУЮ ТРЕТЬ 1749 г.

В Канцелярию Академии Наук

Репорт

В прошедшую январскую треть сего 1749 году трудился я 1) в окончании учреждения Лаборатории¹ и, сколько за неспособностью от стужи и за недостатками некоторых инструментов и материалов можно было, делал химические опыты, до крашения стекол надлежащие; 2) сочинил прибавление к прежней моей диссертации о воздухе;² 3) делал физические опыты для определения градусов теплоты и стужи и зачал о том диссертацию;³ 4) зачал сочинять слово похвальное⁴ к будущему в сентябре месяце публичному Академическому собранию.

Профессор Михайла Ломоносов

1749 года мая 8 дня.

505

1749 МАЯ 26. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН О ПЛАНЕ РАБОТ НА МАЙСКУЮ ТРЕТЬ 1749 г.

Репорт

В нынешней майской трети буду я продолжать опыты в Химической лаборатории, приводить похвальную речь к окончанию,¹ поправлять и помогать сочиня[ть] «Российский лексикон»² и начатые прошлого году диссертации оканчивать.³

Профессор Михайло Ломоносов

1749 года май дня

Я нижеизложенный план обдумав, сто 1749 года сего
своей мысли сего 1749 года сего обдумав, сто
присутствуй в Академическом и историческом
Секретариате в Казанской Лаборатории
дать списки Казанской для исследования
Мануалов и журналов ввиду, и показываю
каждый из них основан: в Казанской, если бы
определить журнал. Прито ввиду для коллегий
(обильных диссертаций 1) о тождественных опре-
деленных градусных телесных и студии, 2) теория
Новый в печати. 1749 года Января 15 дня
Профессор Николай Яковлевич.

Репорт М. В. Ломоносова о плане своих работ на январскую треть 1749 г.

Собственноручный подлинник
Архив Академии Наук СССР

506

*1749 СЕНТЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 19. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН
С ОТЧЕТОМ О РАБОТАХ ЗА МАЙСКУЮ ТРЕТЬ 1749 г. И О
ПЛАНЕ РАБОТ НА СЕНТЯБРЬСКУЮ ТРЕТЬ 1749 г.*

Рапорт о моих упражнениях в майской трети

1. Трудился в лаборатории,¹ приготавливая простые материалы, то есть разные соли, водки и прочая, а потом старался искать, как делать берлинскую лазурь и бакан венецейский, и к тому нашел способ, как оные делать; сверх того, чинил разные физические примечания; 2) сочинил речь похвальную е. и. в. на российском языке и половину перевел на латинский;² 3) в сочинении «Российского лексикона»³ при вспоможении г. Кондратовича дошел до письмени П с производными без сложенных. А в наступающую треть 1) намерен стараться в изыскании способов, как делать другие краски и цветные стекла⁴ для смазней, финифтей и прочая; 2) простираюсь стану в сочинении «Российского лексикона» с помянутым Кондратовичем; 3) доканчивать начатые диссертации.⁵

Профессор Михайла Ломоносов

507

*1750 ЯНВАРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 15. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН
С ОТЧЕТОМ О РАБОТАХ ЗА СЕНТЯБРЬСКУЮ ТРЕТЬ 1749 г.
И О ПЛАНЕ РАБОТ НА ЯНВАРСКУЮ ТРЕТЬ 1750 г.*

Минувшего 1749 года в сентябрьской трети, сколько приуготовление к публичному собранию¹ допустило, трудился я в деле крашенных разных стекол как для исследования теорий о цвѣтах, так и для разных употреблений оных в финифтяном деле, в чем имею нарочитый успех. Между тем старался я приводить берлинскую лазурь в лучшее состояние и как бы оную делать в немалом количестве, и нашел, что оную делать можно весьма дешево, так что в предлагаемые при сем материалов ис-

ходит 75 копеек на фунт. В генварскую треть сего 1750 года буду упражняться в творении разных стекол как для теории цветов, так и для практики.²

Профессор Михайло Ломоносов

508

1750 МАЯ 11. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ОТЧЕТОМ О РАБОТАХ НА ЯНВАРСКУЮ ТРЕТЬ 1750 г. И О ПЛАНЕ РАБОТ НА МАЙСКУЮ ТРЕТЬ 1750 г.

В прошлой трети трудился я в делании крашенных стекол и в других химических опытах для исследования природы цветов. В будущую майскую треть буду в том же упражняться и определяемым ко мне студентам буду показывать химические опыты¹ натуральным порядком.

Профессор Михайло Ломоносов

Маия 11 дня 1750 года

509

1750 СЕНТЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 15. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ОТЧЕТОМ О РАБОТАХ ЗА МАЙСКУЮ ТРЕТЬ 1750 г. И О ПЛАНЕ РАБОТ НА СЕНТЯБРЬСКУЮ ТРЕТЬ 1750 г.

Прошедшей майской трети сего 1750 года продолжал я опыты к делу крашенных мозаичных стекол и фарфора и красок минеральных для финифти и начал сочинять трагедию, которую именным е. и. в. указом сочинять повелено.¹ А в будущей трети буду простираюсь в тех же трудах.

Профессор Михайло Ломоносов

510

*1751 ЯНВАРЯ 22. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ОТЧЕТОМ
О РАБОТАХ ЗА СЕНТЯБРЬСКУЮ ТРЕТЬ 1750 г.*

В сентябрьскую треть прошлого 1750 года продолжал сочинение трагедии «Тамира и Селим» и окончил в ноябре месяце, а в декабре месяце по именному ж е. и. в. указу начал сочинять другую трагедию, «Демофонт» называемую,¹ для которой материю расположил. В Химической лаборатории производил опыты^а для крашения стекол к мозаике и наделал оных нарочитое количество к произведению действительной мозаической пробы. Сверх сего, сколько за сими и за другими делами, как то за исправлением переводов и за чтением книг, времени оставалось, делал несколько опытов, до физической химии надлежащих,^{б, 2} и простирался в сочинении начатых диссертаций.

Профессор Михайло Ломоносов

Генваря 22 дня 1751 году

511

*1751 СЕНТЯБРЯ 1 — ОКТЯБРЯ 9. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН
С ОТЧЕТОМ О РАБОТАХ ЗА МАЙСКУЮ ТРЕТЬ 1751 г.*

Proximo praeterlapso quadrimestri circa artem vitrariam in inveniendis vitris omnium ad Musaicam inservientium colorum, occupatus fui. Porro concinnavi dissertationem de utilitate Chymiae, in Conventu Acad. Publico d. 6 Sept. celebrato praelectam. Denique in perficienda Tragedia Demophon dicta, quae speciali jussu Augustissimae Imperatricis mihi demandata fuerat, operam dare continuavi.

M. Lomonosow

^а В черновике зачеркнуто для приращения художества

^б В копии описка надлежит.

Перевод

В прошедшие четыре месяца я был занят по стеклянному искусству изобретением стекол всех цветов, служащих для мозаики;¹ далее, составил рассуждение о пользе химии,² прочитанное в публичном собрании Академии, состоявшемся 6 сентября; наконец, продолжал работать над выполнением трагедии, названной «Демофонт»,³ которая была от меня затребована по особому приказу августейшей императрицы.

М. Ломоносов

512

*1752 ЯНВАРЯ 10. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ОТЧЕТОМ
О РАБОТАХ ЗА СЕНТЯБРЬСКУЮ ТРЕТЬ 1751 г.*

В сентябрьскую треть прошлого 1751 году сверх дел, исполненных по ордерам от Канцелярии, совершил трагедию, «Демофонт» называемую,¹ в Лаборатории приготавливал материи к мусии и начал собирать из составов образ римского письма.²

Советник Михайло Ломоносов

Генваря 10 дня 1752 году

513

*1752 МАЯ 1—ИЮНЯ 10. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ОТЧЕТОМ
О РАБОТАХ ЗА ЯНВАРСКУЮ ТРЕТЬ 1752 г.*

Кроме дел, по канцелярским ордерам учиненных, упражнялся в химической практике¹ для исправления стеклянного дела, сложил мозаичного образа 120 квадратных дюймов,² а осталось около 180. Диктовал студентам первые основания физической химии³ и читал по ним лекции по четыре часа в неделю.

Советник Михайло Ломоносов

514

*1752 СЕНТЯБРЯ. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ОТЧЕТОМ
О РАБОТАХ ЗА МАЙСКУЮ ТРЕТЬ 1752 г.*

Копия

В минувшую майскую треть 1) кроме исполнения по канцелярским ордерам, как напр[имер] сочинения планов и надписей к илуминациям,¹ 2) читал я студентам лекции экспериментальной химии,² 3) для того сочинял собственную физическую химию на латинском языке,³ 4) студенту Поповскому давал наставления в стихотворстве,⁴ 5) присланному от Канцелярии строений ученику показывал способы составления крашенных стекол,⁵ 6) совершил образ богоматери, составленный мною из составов, мною изобретенных,⁶ 7) между тем по досугам делал разные приуготовления и примечания к сочинению «Российской истории».⁷

Ломоносов

515

*1753 ЯНВАРЯ 1—МАРТА 17. РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АН С ОТЧЕТОМ
О РАБОТАХ ЗА СЕНТЯБРЬСКУЮ ТРЕТЬ 1752 г. И О
ПЛАНЕ РАБОТ НА ЯНВАРСКУЮ ТРЕТЬ 1753 г.*

В сентябрьскую треть прошлого 1752 года упражнялся я в химии: 1) читал химические лекции для студентов,¹ показывая им опыты химические и употребляя при том физические эксперименты, которых мог бы еще присовокупить больше, если бы требуемые инструменты успели;² 2) к дальнейшему произведению мозаичного дела учинены мною приуготовления к составлению портрета блаженный и вечная славы достойная памяти государя императора Петра Великого,³ причем определенным ко мне для изучения сего дела рисовальным ученикам показал я способы, как приготавливать надлежащие из составов куски к набиранию оного портрета, которых они уже нарочитое

количество наготовили; 3) деланы пробы над присланными из Академической канцелярии рудами.⁴ Сверх химической моей профессии: 1) давал наставление в поэзии студенту Николаю Поповскому;⁵ 2) сочинил два плана на иллюминацию — один к восшествию на престол е. и. в., второй к 1 числу генваря 1753 года, сочинил оду поздравительную е. в. к 25 числу ноября и в других стихотворческих сочинениях упражнялся.⁶ А в нынешнюю генварскую треть намерен окончить химические экспериментальные лекции студентам и с помощением рисовальных учеников в делании портрета великого государя со всяким рачением простираться. Сверх сего, что в стихотворстве и красноречии от меня требуется, с охотою исполнять буду.

Коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов

516

1756 ОКТЯБРЯ 28—НОЯБРЯ. РЕПОРТ ПРЕЗИДЕНТУ АН С ОТЧЕТОМ О РАБОТАХ ЗА 1751—1756 гг.

Репорт

По ордеру вашего сиятельства велено всем академическим профессорам и адъюнктам, чтобы репортовали вашему сиятельству о своих трудах и упражнениях в науках с 1751 года поныне. В силу оного репортую, что с того времени до нынешнего числа по моей профессии и в других науках я учинил погодно.

В 1751 году

В химии: 1) произведены многие опыты химические, по большей части огнем, для исследования природы цветов, что значит того ж году журнал Лаборатории на 12 листах и другие записки;¹ 2) говорил сочиненную мною речь о пользе химии на российском языке;² 3) вымыслил некоторые новые инструменты для физической химии.³

В физике: 1) делал опыты в большие морозы для изыскания, какую пропорциею воздух сжимается и расширяется по всем градусам термометра; 2) летом деланы опыты зажигательным стеклом и термометром, коль высоко втекает ртуть в разных расстояниях от зажигательной точки; 3) сделаны опыты, как разделять олово от свинца одним плавлением, без всяких посторонних материй, простою механикою, что изрядный успех имеет и весьма дешево становится.⁴

В истории: читал книги для собрания материй к сочинению «Российской истории»: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том, Крамера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные excerpts или выписки и примечания, всех числом 653 статьи на 15 листах.⁵

В словесных науках: 1) сочинил трагедию, «Демофонт» называемую;⁶ 2) сочинял стихи на иллюминации;⁷ 3) собранные прежде сего материи к сочинению «Грамматики» зачал приводить в порядок;⁸ давал приватные лекции студентам в российском стихотворстве, а особливо Поповскому, который ныне профессором;⁹ 5) диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги «Красноречия», о стихотворстве вообще.¹⁰

В 1752 году

В химии: 1) деланы многие химические опыты для теории цветов, о чем явствует в журнале сего года на 25 листах; 2) показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля; 3) для ясного понятия и краткого познания всей химии диктовал студентам и толковал сочиненные мною к физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах, в 150 параграфах, со многими фигурами на шести полулистах;¹¹ 4) изыскал способы и практикою доказал, как составлять мусию; по канцелярскому указу обучал составлению разноцветных стекол присланного из Канцелярии

строений ученика Дружинина для здешних стеклянных заводов.¹²

В физике: 1) чинил электрические воздушные наблюдения с немалою опасностью; 2) зимою повторял опыты о разном протяжении воздуха по градусам термометра.¹³

В истории: для собрания материалов к «Российской истории» читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных; эксцерптов нужных на 5 листах, в 161 статье.¹⁴

В словесных науках: 1) сочинил оду на восшествие на престол е. и. в.; 2) письмо о пользе стекла; 3) изобретал иллюминации и сочинял к ним стихи — на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября;¹⁵ 4) Оратории. второй части «Красноречия», сочинил 10 листов.¹⁶

В 1753 году

В химии: 1) продолжались опыты для исследования природы цветов, что показывает журнал того же году на 56 листах; 2) по окончании лекций делал новые химико-физические опыты, дабы привести химию, сколько можно, к философскому познанию и сделать частью основательной физики; из оных многочисленных опытов, где мера, вес и их пропорция показаны, сочинены многие цифирные таблицы на 24 полулистовых страницах, где каждая строка целый опыт содержит.¹⁷

В физике: 1) с покойным профессором Рихманом делал химико-физические опыты в Лаборатории для исследования градуса теплоты, который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных;¹⁸ 2) чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностью; 3) говорил в публичном собрании речь о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, с истолкованием многих других свойств природы;¹⁹ 4) делал опыты, коими оказалось, что цветы, а особливо красный, на морозе ярче, нежели в теплоте.²⁰

В истории: 1) записки из сочиненных прежде авторов приводил под статьи числами; 2) читал российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских.²¹

В словесных науках: для «Российской грамматики» привел глаголы в порядок;²² 2) пять проектов со стихами на иллюминацию и фейерверки: на 1 генваря, на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября и на 18 декабря.²³

В 1754 году

В химии: 1) сделаны разные опыты химические, которые содержатся в журнале сего года на 46 листах; 2) повторением поверены физико-химические таблицы, прошлого года сочиненные.²⁴

В физике: 1) изобретены некоторые способы к сысканию долготы и широты на море при мрачном небе: в практике исследовать сего без Адмиралтейства^a невозможно; 2) деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может; при том были разные химические растворы морожены для сравнения; 3) деланы опыты при пильной мельнице в деревне, как текущая по наклонению вода течение свое ускоряет и какую силою бьет; 4) делал опыт машины, которая бы, подымаясь кверху сама, могла поднять с собою маленький термометр, дабы узнать градус теплоты на вышине, которая хотя с лишком на два золотника облегчалась, однако к желаемому концу не приведена.²⁵

В истории: сочинен опыт «Истории словенского народа до Рурика»: дедикация, вступление, глава 1 о старобытных жителях в России, глава 2 о величестве и поколениях словенского народа, глава 3 о древности словенского народа: всего 8 листов.²⁶

^a Так в подлиннике.

В словесных науках: 1) сочинил оду на рождение государя великого князя Павла Петровича; 2) изобрел фейерверк, который был представлен на новый 1754 год и стихи сделал. Также делал проекты на иллюминации и фейерверки к 25 апреля, к 5 сентября, к 25 ноября.²⁷

В 1755 году

В химии: деланы разные физико-химические опыты, что явствует в журнале того ж года на 14 листах.²⁸

В физике: 1) сочинил диссертацию о должности журналистов, в которой опровергнуты все критики, учиненные в Германии против моих диссертаций, в «Комментариях» напечатанных, а особливо против новых теорий о теплоте и стуже, о химических растворах, о упругости воздуха. Она диссертация переведена г. Формеем на французский язык и в журнале, называемом «Немецкая библиотека» («Bibliothèque Germanique»), на оном языке напечатана;²⁹ 2) сочинил письмо о Северном ходу в Остындию Сибирским океяном.³⁰

В истории: сделан опыт описанием владения первых великих князей российских Рурика, Олга, Игоря.³¹

В словесных науках: 1) сочинил и говорил в публичном собрании слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому;³² 2) сочинив, большую часть «Грамматики» привел к концу, которая в нынешнем году печатью к концу приходит;³³ 3) сочинил письмо о сходстве и переменах языков.³⁴

В 1756 году

В химии: 1) между разными химическими опытами, которых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать, прибывает ли вес металлов от чистого жару; оными опытами нашлось, что славного Роберта Боила мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере;³⁵ 2) учинены опыты химические со вспоможением воздушного на-

соса, где в сосудах химических, из которых был воздух вытянут, показывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще не известны; 3) ныне лаборатор Клементьев под моим смотрением изыскивает по моему указанию, как бы сделать для фейерверков верховые зеленые звездки.³⁶

В физике: 1) изобретен мною новый оптический инструмент, который я назвал никтоптической трубою (tubus nuptopticus); оный должен к тому, чтобы ночью видеть можно было; первый опыт показывает на сумерках ясно те вещи, которые простым глазом не видны, и весьма надеяться можно, что старанием искусных мастеров может простереться до такого совершенства, какого ныне достигли телескопы и микроскопы от малого начала;³⁷ 2) сделал четыре новоизобретенные мною пендулы, из которых один медный, длиною в сажень, однако служит чрез механические стрелки против такого, который бы был вышиною с четвертью на версту; употребляется к тому, чтобы узнать, всегда ли в земли центр, притягающий к себе тяжкие тела, стоит неподвижно или перемещает место;³⁸ 3) говорил в публичном собрании сочиненную мною речь о цветах.³⁹

В истории: собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских.⁴⁰

В словесных науках: 1) сочиняю героическую поэму, именуемую «Петр Великий»;⁴¹ 2) сделал проект со стихами для фейерверка к 18 декабря сего года.⁴²

Сверх сего в разные годы зачаты делать диссертации: 1) о лучшем и ученом мореплавании,⁴³ 2) о твердом термометре,⁴⁴ 3) о трясении земли,⁴⁵ 4) о первоначальных частицах, тела составляющих,⁴⁶ 5) о градусах теплоты и стужи, как их определять основательно, со мнением о умеренности растворения воздуха на планетах.⁴⁷ К совершению привесть отчасти препятствуют другие дела, отчасти протяжным печатанием «Комментариев» охота отнимается.⁴⁸

517

1759 ДЕКАБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 30. ОТЧЕТ О РАБОТАХ ЗА 1759 г.

Роспись упражнений сего 1759 года

Сверх текущих дел канцелярских следующие суть, касающиеся до моего особливого смотра ученых департаментов:¹

1. В плане о строении главного академического корпуса расписал все департаменты² и сделал выкладку суммы, требуемой на строение, — 88 тысяч вместо от архитектора положенных 151 тысячи, что легче может быть исходатайствовано.

2. В Географическом департаменте о сочинении нового «Российского атласа» по крайней возможности старался, и если бы гг. профессеры Миллер и Гришов по силе инструкции поступали, то бы уже четыре карты к нагрудированию готовы были. Между тем по моему расположению, представлению и хождению Правительствующий Сенат приказал изо всех городов Российского государства присылать в Академию надежные и обстоятельные географические известия, по тридцати запросам, от чего неотменно воспоследует не токмо российской географии превеликая польза, но и экономическому содержанию всего государства сильное вспомоществование. Подобным образом по моим представлениям и Святейший Синод склонился сообщить Академии известия о всех монастырях и собирать из них древние летописцы. Наконец, сделав расписание, кому и в какие места должно быть послано для чинения астрономических наблюдений, коими надлежит утвердить геометрическое положение всего атласа.³

3. В Гимназии старался о порядочном содержании и учении, и было два экзамена и произведение из нижнего класса в средний, из среднего в верхний. А из верхнего класса есть уже несколько человек достойны в студенты, и было б и больше, если бы учителя ходили в классы порядочнее и учили бы по данным от меня инструкциям.⁴

4. Сочинил регламент для Университета и купно с сочиненным мною прошлого году гимназическим регламентом, данными

для рассмотрения Канцелярии, исправил по учиненным на оные примечаниям, которые были внимания достойны.⁵

5. Сочинил пункты и форму привилегии,⁶ которую должно испросить от высочайшия власти для Санктпетербургского университета.

6. Расположил порядок, как должно происходить помянутого Университета инаугурации.⁷

7. По моему представлению учреждены Академии Наук корреспонденты,⁸ как [в] Парижской.

В науках

В физике

1. Сочинил и в публичном собрании читал рассуждение о большей точности морского пути, к чему сделаны вымышленные мною под моим смотрением новые и[n]струменты.

2. Вымышлен мною новый универсальный барометр для познания перемены общей тягости, который свое действие имеет.

3. Учинено мною над центроскопическим пендулом, мною же изобретенным, и над помянутым барометром универсальным 2100 наблюдений переменам, в них бывающим, каковые еще нигде в ученом свете не деланы.

4. Изобрел новый инструмент для наблюдения звезд на одной вертикальной линии, чем избыть можно трудного разделения квадрантов на градусы и минуты.

5. Делал опыты для изыскания оптических способов, как бы глубже дно в водах видеть можно было, нежели просто глазами.⁹

В истории и в словесных науках

1. Сделал самый краткий перечень российской истории.

2. Сочинил таблицу российской императорской фамилии.¹⁰

3. Собрал великую часть рифмологии российской.¹¹

4. Сочинил краткие стихи: 1) на Фортуну, 2) на ландкарту его высочества государя великого князя Павла Петровича, 3) на

ораниенбаумские экзерциции, 4) ^a на Петров день в Петергофе.
5) на победу у Пальцига, будучи в Гостилицах.¹²

5. Переводил стихи из Сенеки и с немецкого.

6. Сочинил оду на тезоименитство е. в. и на победы.¹³

7. Сочиняю программы и речь благодарственную для инаугурации Университета.¹⁴

518

1764 НЕ ПОЗДНЕЕ ЯНВАРЯ 19. ОТЧЕТ О ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТАХ

Роспись сочинениям и другим трудам советника Ломоносова

I. По химии

1) Прежде его бывшие профессора химии не имели попечения о выстройке Лаборатории и не делали никаких опытов, а он исходатайствовал от Кабинета сумму и построил своим старанием при Академии каменную Лабораторию.¹

2) Читал в ней студентам химические лекции, показывая опыты.²

3) Делал насылаемые из разных команд химические пробы металлов, солей, красок и других вещей.³

4) Изыскал фарфоровые составы.⁴

5) Делал опыты разных красок для употребления, а больше для теории цветов, которым сделал новую систему.⁵

6) Изобрел все составы к мозаичному делу, для чего сделал больше четырех тысяч опытов, коих не токмо рецепты сочинял, но и материалы своими руками по большей части развешивал и в печь ставил, несмотря на бывшую тогда жестокую ножную болезнь. И сверх сего мозаичное художество, как делать из оных составов картины живописные, великими и неусыпными трудами привел в совершенство против римского, чего там больше двухсот лет доходили.⁶

^a В копии ЦГАДА пункт 4 отсутствует.

7) Делал химические опыты о дистилляции и сублимации без воздуха и приметил не известные еще в ученом свете перемены; еще не изданы.⁷

8) Сочинил диссертацию о химических растворах, где показаны причины, от чего металлы, в крепкой водке растворяясь, производят теплоту и жар, а соли, растворяясь в воде, производят стужу; напечатана в «Комментариях».⁸

9) Сочинил диссертацию о сходстве ртути с серебром и о их разности; еще не издана.⁹

10) Сочинил слово о пользе химии; говорено в публичном собрании и издано.¹⁰

11) Диссертация о рождении селитры; не издана.¹¹

12) Сочинил для студентов краткое руководство физической химии; ¹² обучился от него химии студент Клементьев и произведен по экзамене в лаборатории.¹³

13) Изобрел разные зеркальные составы к трубам катоптрическим.¹⁴

II. По металлургии или рудному делу

1) Сочинил первые основания металлургии или рудных дел.¹⁵

2) Прибавление к ней о добровольном движении воздуха в рудниках, его ж диссертация из «Комментариев», им же переведенная.¹⁶

3) Прибавление к ней второе о слоях земных.¹⁷

4) Слово о рождении металлов от землетрясения.¹⁸

5) О металлическом блеске диссертация в «Комментариях».¹⁹

III. В физических науках

в «Комментариях» напечатано:

1) Рассуждение, содержащее новую систему о причинах теплоты и стужи.²⁰

2) О подлинной причине упругости воздуха.²¹

3) К тому ж прибавление.²²

4) Метеорологические наблюдения, учиненные во время солнечного затмения.²³

5) О новом манометре, или о махине для измерения ветра.²⁴

Физические сочинения, читанные в публичных
академических собраниях

6) О явлениях электрических на воздухе, где изъяснено о громе, о северном сиянии и о кометах.²⁵

7) Новая теория о цветах, утвержденная многими новыми опытами физическими и химическими.²⁶

8) О сыскании точного пути на море, со многими новыми инструментами.²⁷

9) О твердости и жидкости тел и о замерзании ртути.²⁸

10) Наблюдения физические, при прохождении Венеры по Солнцу учиненные, где примечена великая атмосфера около Венеры, что и другие обсерваторы в Европе согласно приметили.²⁹

Прочие его новые изобретения

11) Центроскопические разные инструменты, коими доказывається:

1) что шар земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменяется, и оттого все отвесы переменяются, 2) что тягость тел не постоянна и всечасно переменяется, 3) от сих действий происходит движение земли около центра, прилив и отлив в море и отчасти переменная высота в барометре; также и происхождение ветров оттуду ж много зависит. Сие доказывається многими тысячами метеорологических и новых центрических наблюдений, кои советник Ломоносов начал 1759 года и поныне продолжает.³⁰

12) Наблюдения северных сияний, учиненные и нарисованные в разные времена, и сочиняется подлинная оных теория пространно.³¹

13) О возможности мореплавания Северным океаном в Ост-Индию и в Америку с полярною картою, на коей показаны все северные путешествия.³²

14) О пропорции материи и тягости рассуждение.³³

15) Морской барометр для предсказания бури на море.³⁴

16) Светомерная труба для исследования расстояния и величины неподвижных звезд.³⁵

17) Металлической термометр для исследования самых сильных морозов в Сибири, в местах, зимою не проходимых.³⁶

В деле

18) Опыты по составлению трубы, чтобы в сумерках ясно видеть.³⁷

19) Способы, как фонтаны делать без привоу с высоких мест воды на всякой реке разными фигурами и цветами.³⁸

20) Гидроскопическая труба, чтобы дно в море и в реках далее видеть, нежели просто глазами.³⁹

21) Жезл морской, инструмент, служащий к точному определению времени на море.⁴⁰

22) Глобус российский в диаметре два фута.⁴¹

23) Новая центрическая махина.⁴²

24) Новые весьма чувствительные вески.⁴³

25) Новоизобретенные пружинные вески.⁴⁴

26) Меркуриальный фонтан.⁴⁵

27) Карманный термометр.⁴⁶

28) Новые оптические инструменты для доказательства подлинной теории цветов чрез разделение на простые.⁴⁷

29) Сочиняется новая и верно доказанная система всей физики.⁴⁸

30) Катадиоптрическую оптическую трубу об одном зеркале.⁴⁹

31) Читал физические лекции, будучи адъюнктом и профессором.⁵⁰

IV. В поэзии

1) Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворения, по которым и ныне все российские стихотворцы поступают с добрым успехом, и российская поэзия пришла в доброе состояние.⁵¹

2) Собрал великую часть рифмологии российской.

- 3) Сочинил 17 од торжественных.
- 4) 13 од духовных.
- 5) Сочинил две героические песни о делах Петра Великого.
- 6) Делал многие изобретения для иллюминаций и для фейерверков и к ним надписи.
- 7) Надписи же делал к статуям, к обелискам на разные случаи и на погребение блаженные памяти великия государыни императрицы Елисавет Петровны.
- 8) Трагедия «Тамира и Селим».
- 9) Трагедия «Демофонт».
- 10) Стихи о пользе стекла.
- 11) Переводил оды и другие стихи с латынского, французского и немецкого языков на российский.
- 12) Сочинил притчи и оды анакреонтические.⁵²
- 13) Читал лекции стихотворческие и по оным обучился поэзии студент Поповский, который после того был профессором красноречия в Московском университете.⁵³

V. В оратории и обще в российских словесных науках

- 1) Сочинил «Российскую грамматику», которая и на немецкий язык переведенная, печатается под моим смотрением.⁵⁴
- 2) Краткое руководство к красноречию.⁵⁵
- 3) Панегирик блаженные памяти государю императору Петру Великому.⁵⁶
- 4) Панегирик блаженные памяти государыне императрице Елисавет Петровне.⁵⁷
- 5) О пользе славенского церковного языка в штиле российском.⁵⁸
- 6) Собрал лексикон первообразных слов российских.
- 7) Собрал лучшие российские пословицы.
- 8) Собраны речи разных языков, между собою сходные.
- 9) Рассуждение о разделениях и сходствах языков.⁵⁹
- 10) Сими, кроме того еще разными сочинениями, исправил он штиль российский, который в двадцать лет от начала его старания весьма много отменился к лучшему.

VI. В истории

1) Сочинен краткий летописец российский с родословием и напечатан.⁶⁰

2) Сочинен первый том «Российской истории» и печатается, с филологическими изъяснениями.

3) Собраны многие рукописные известия, до российских дел надлежащие, собственным коштом.

4) Прочитаны многие книги домашних и внешних писателей; из них выписаны всякие надобности в продолжение «Российской истории».⁶¹

VII. Старание его вообще о академическом благосостоянии и особливо по департаментам, в его смотрение как члену канцелярскому по силе генерального регламента порученным

1) Старался о соединении рассеянных по разным местам академических департаментов, для многих важных в пользу служащих причин, кои показаны в его представлении Канцелярии и в прошении, поданном от его в Правительствующий Сенат. Для сего нужного дела расположены его старанием для житья, учения и для всех других нужд департаменты и покои и сделан примерный счет, во что все строение станет; все представлено Правительствующему Сенату.⁶²

2) Старался весьма о приведении в порядок Географического департамента и для того: 1) произвел в действие сочинение российского нового атласа, о коем прежде его чрез двенадцать лет не было старания; сочиненные под его предводительством карты уже грыдируются; 2) исходатайствовал чрез Правительствующий Сенат географические известия из всех городов российских по 30-ти пунктам, для того напечатанным и разосланным, и уже половина оных получена в Академию; 3) обретающимся при Географическом департаменте геодезистам и студентам прежде не показываны были сочинения ландкарт, кроме копировки, а его старанием ныне уже некоторые обучены ландкартному делу и могут оные составлять без предводительства; 4) его же старанием учреждены географиче-

ские экспедиции по всему Российскому государству для наблюдения знатнейших мест долготы и широты для точнейшего сочинения «Российского атласа» и исходатайствованы в Правительствующем Сенате для подъему езды всякие нужные потребности; 5) также старался получить известия от Святейшего Синода о монастырях и церквях, а от Камер-коллегии о количестве душ для различения величины городов и деревень.⁶³

3) Академический университет был в весьма худом состоянии. Студентов было весьма малое число, и те без всякого призрения и порядочного содержания. Лекции были так запущены чрез несколько лет, что и каталоги не были издаваны, как водится. А по вручении ему, Ломоносову, в единственное смотрение Университета соединил он студентов в общежитие, снабдил довольным столом, приличным платьем и прочими надобностями. Учредил порядочные лекции и издавал их каталоги, как в университетах водится. Сочинил университетский регламент, который профессорами и самим президентом рассматриван и апробован, и по нем поступают в Университете по его повелению. Великое прилагал старание о привилегиях и о жалованной грамоте Университету и всей Академии и с общего совета профессорского и согласия президентского сочинил новую жалованную грамоту для Академии и для университетской инаугурации, которая уже совсем была заготовлена, контрассигнована грот-канцлером графом Михайлом Ларионовичем Воронцовым и предложена к подписанию блаженной памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, что кончиною е. в. пресеклось.

4) В Гимназии хотя немало было гимназистов, однако в весьма бедном и бесполезном состоянии, затем что 1) жалованье им давалось в руки, которое брали к себе их родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьников, так что в школы приходили в бедных рубищах, претерпевали наготу и стужу, и стыдно было показать их посторонним людям; притом же пища их была весьма бедная, и чуть иногда хлеб с водою; в таких обстоятельствах наука мало шла им в го-

лову; 2) да и времени им к тому не было, затем что дома должны были служить отцу и матери для бедности, а, в Гимназию ходя по дальнему расстоянию, теряли лучшие часы и всегда случай имели резвиться и от школы отгуливать. И так, не дивно, что чрез семь лет не было произведено из Гимназии в университетские студенты ни единого человека. Но после поручения оной Гимназии советнику Ломоносову в единственное смотрение все оные неудобствия отвращены и пресечены, ибо гимназисты соединены, как и студенты, в общежитие, снабжены приличною одеждою и общим довольным столом по мере определенного им жалованья, не теряют времени ни ходьбою на дом, ни службою родителям, ни заочною резвостию, будучи у инспектора Гимназии и у нарочных надзирателей перед глазами в одном доме. От него ж, советника Ломоносова, расположены порядочные в Гимназии классы, и притом российские для российского правописания, штиля и красноречия, чего с начала Гимназии до него не бывало. И, наконец, сочинены для каждого класса особливые инструкции учителям, и обще для всей Гимназии — регламент с совета профессоров, которыми свидетельствован и апробован от его сиятельства г. президента, и по нему учение в Гимназии производится с несравненно лучшим успехом, ибо в три года произведено из Гимназии в университетские студенты семнадцать человек экзамированных и удостоенных профессорами.⁶⁴

5) Представлял советник Ломоносов в Канцелярии письменно о издании внутренних ведомостей российских для экономического знания, например, в зимних месяцах вносить в ведомости (кроме других примечания достойных приключений), коль дороги были по знатым городам разные товары и припасы, каковы были прошлые недавно ярмонки, каковы были дороги и проезды и от каких погод, кто приехал и когда на город новым воеводою, кто сменен; сие разумеется и о знатном духовенстве; в вешних месяцах, когда где река вышла, не было ль чрезвычайного наводнения. когда начали сеять, когда стали суда приходить и отходить и с какими товарами и прочее;

в летние месяцы показывать, каков стоит хлеб на пашне, где великие дожди, где пересухи вод и другие нужные для знания обстоятельства; в осенние месяцы — урожай хлеба, уд[ача?] промыслов и купечества, когда реки замерзли и настала зимняя дорога и прочая. Сие можно исходатайствовать, чтобы Правительствующий Сенат указал однажды присылать в Академию еженедельные известия из всех губернских и других знатнейших городов российских, отчего должно воспоследовать, 1) чтобы двор, Сенат и другие правительства могли ведать всегда о состоянии всего Российского государства, и во всех потребных случаях употреблять оные известия в пользу; 2) публика бы тем довольствовалась и 3) Академия бы получила себе всегдашнюю прибыль.⁶⁵

6) Немало предложено было от него и других полезных проектов в Канцелярии, однако так же оставлены без внимания, а следовательно, и без полезного употребления.⁶⁶

519

1764 МАЯ. ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ, КОТОРЫМИ
ПОСТАРАЛСЯ ОБОГАТИТЬ ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Conspectus potiorum theorematum, quibus scientiam naturalem locupletare allaboravit Dn. Michael Lomonosow S. C. Majestatis omnium Rossiarum consiliarius status, Academiae scientiarum Petropolitanae socius actualis et professor Chymiae P. O., item Academiae Artium ibidem instauratae, nec non Academiae Regiae Holmiensis atque Bononiensis instituti^a honorarius.

1

In Commentariis novis Academiae Petropolitanae tom. I producuntur meditationes de causa caloris et frigoris, ubi illius vim^b

^a Зачеркнуто socius sodalis.

^b illius vim вместо зачеркнутого causam caloris.

et variam intensionem a motu intestino gyatorio materiae praesertim propriae varie accelerato proficisci demonstratur: frigus autem a tardiore rotatione particularum deducitur. Quibus a priori^a et a posteriori demonstratis principis hujus in rerum natura phaenomeni, imo animae reliquorum fere omnium clara idea et geometrica cognitio in lucem et diem producitur; eliminatur autem confusa idea peregrinantis et vagabundae sine lege materiei cujusdam calorificae.

2

Dissertatio de causa virtutis elasticae in aëre etiam deducit solidioris scientiae naturalis cupidum ad rationem mechanicam, ubi nulla supponitur causa elasticitatis in particulis elasticis; sed omnia, quae inde eliciuntur,^b cum theoria caloris mire^c consentiunt.

3

Solutionum theoria chymicis experimentis et principiis physicis^d fundata primum exemplum^e est atque instar condensae verae Chymiae Physicae, praesertim quod explicatio phaenomenorum solidis mechanicis legibus, non attractionis misero subsidio absolvatur.

4

Caruit^f Physicorum respublica claris rationibus phaenomenorum, quae ex regno minerali, ex visceribus telluris natura exerit. Qualitates occultae praecipua fuerunt responsa, cum rei metallicaе cultores ultra Chymiam practicam ad cognitiones alias

^a a priori *вместо зачеркнутого* rationibus.

^b inde eliciuntur *вместо зачеркнутого* deducuntur.

^c mire *вместо зачеркнутого* optime.

^d *Зачеркнуто* stabilita.

^e *Зачеркнуто* et instar est, ad quam vera Chymia physica <conformari debeat> deduci potest.

^f *Зачеркнуто* orbis physicus solidis rationibus, quibus subterraneorum, phaenomenorum natura [?] quae in regnum mineralium sub minerale in telluris visceribus [*одно слово нрзб*].

non progredierentur,^a donec laudatus C. L.^b etiam Physica et Geometria armatus in dissertatione de tincturis metallorum (Com. nov. tom. 2) et in oratione de generatione metallorum a terrae motu in publico academico conventu habita a o...^c patefecerit, quousque hac ratione in reserandis et solide explicandis naturae misteriis subterraneis progredi liceat.

5

In oratione illius de phaenomenis electricis in aëre ex producto, explicato et evicto descensu atmosphaerae superioris^d in locum inferioris rationes maxime plausibiles (si indubias nominare nolis^e) redduntur subitorum frigorum, virium fulminearum, aurorarum septentrionalium, cometarum syrmatis superbientium, etc.,^f quarum rationum ea de aurora boreali per experimenta et^g observationes stabilita est hyeme proxime elapsa, de quo infra.

6

Theoria lucis, colorumque numerus, quam solide, quam vere stabilita sit a viris incomparabilibus Cartesio et Mariotto, ostenditur in oratione de origine lucis et colorum a...^h in con. publico academico habita. Ubi etiam novum systema elementare proponitur, eruiturque antehac incognitaⁱ elementorum sive principiorum proprietates, congruentiae nomine ornata, quam potissimum naturae effectuum a minimis corpusculis proficiscentium organon esse asseritur, novis documentis auctoris brevi futura solidissime demonstrata.

^a progredierentur *вместо зачеркнутого* extenderet.

^b *Зачеркнуто* supra haec.

^c *Многоточие в подлиннике.*

^d *Зачеркнуто* frigidae.

^e nolis *вместо зачеркнутого* non audes.

^f *Зачеркнуто* quae multis parasangis antecedunt vaporibus antiquis.

^g *Зачеркнуто* ipsas.

^h *Многоточие в подлиннике.*

ⁱ antehac incognita *вместо зачеркнутого* nova.

7

In meditationibus de via navis certius determinanda in publico Acad. conventu ao...^a praelecta §. describitur pendulum centrosopicum, et ad finem in appendice specimen observationum circa illius nutationes institutarum apponitur. Eae autem hunc usque in diem nempe per quinque et quod excurrit annos continuatae mutationem centri gravium extra omne dubium posuerunt, eo quod 1) sint periodicae, 2) quod^b motibus lunaribus sensibilibus respondeant, 3) quod omni anni tempore, quocunque atmosphaerae statu, atque hypocausto calefacto^c, sive ante, sive post meridiem, aut etiam sine calefactione relicto, semper similes observatas periodos^d absolvant.

8

In eodem opusculo § describitur barometrum sigillatum sive si mavis thermometrum aëreum amuntonianum. Singulare in hoc instrumento id observatum est, quod altitudines Mercurii (quamvis apertura consueta vasculi prorsus hermetice sigillata et actio mutatae gravitatis atmosphaericae prorsus praeclusa sit) plerumque consentiant cum vicissitudinibus barometri communis, quo evidentissime demonstratur altitudines barometri ordinarii non a sola diversa pressione atmosphaerae variari. Nec id a diverso gradu caloris indeque mutata vi elastica aëris inclusi pendere; cum thermometrum appositum vel prorsus vasi inclusum aliud indicet. Periculum instituere potest, quicumque barometri apertum vasculum hermetice sigillaverit. Hujus phaenomeni causa maximi est in meteorologicis momenti.

9

Posita extra dubium nutatione penduli centrosopici et centro, ad quod gravia tendunt, mutabili, necessario^e sequebatur etiam

^a *Многоточие в подлиннике.*

^b *Зачеркнуто aspectibus.*

^c *Зачеркнуто et sine eo et frigido.*

^d *Зачеркнуто cum legibus determinandas.*

^e *Зачеркнуто visum est auctori.*

gravitatem corporum esse inconstantem. Id autem auctor ut expiscaretur, construere curavit machinam elaterio chalibeo^a contorto, in horologiis majoribus usitato innixam, quae omni frictione remota $\frac{1}{10}$ grani accessum onerata 26 unciis sentit et distincte in scala monstrat.

Перевод

Обзор важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки Михайло Ломоносов, статский советник е. и. в. всея России, действительный член Санктпетербургской Академии Наук и ординарный профессор химии, почетный член Академии Художеств, там же учрежденной, а также королевской Стокгольмской академии и Болонского института.

1

В «Новых комментариях» Петербургской Академии, том I, напечатаны размышления о причине теплоты и холода,¹ где доказывается,^б что сила теплоты и разное напряжение ее происходят от внутреннего вращательного движения собственной материи тел, различно ускоряемого, а холод объясняется замедленным вращением частичек. После^в априорного и апостериорного доказательства всего этого выставляется на дневной свет ясное понимание и геометрическое познание этого основного в природе явления, составляющего сущность остальных явлений, и устраняются смутные домыслы о некоторой бродячей, беззаконно скитающейся теплотворной материи.

2

Диссертация о причине упругости воздуха² приводит жаждающего более обоснованной естественной науки к механическому объяснению причины упругости, исключаящему предположение о том, что причина таковой кроется в упругих частичках, но^г согласованному во всех своих выводах с нашей теорией теплоты.

^a Зачеркнуто ut avinceret.

^б Зачеркнуто причина теплоты.

^в Зачеркнуто соображений.

^г Зачеркнуто прекрасно.

3

Основанная^а на химических опытах и физических началах теория растворов есть первый пример^б и образец^в для основания истинной физической химии, особенно потому, что явления объясняются по твердым законам механики, а не на жалком основании притяжения.

4^в

В физической республике не было ясного представления о явлениях, производимых природою в царстве минеральном, в недрах земли. Металлурги, когда приходилось им обращаться к другим областям знания, не^г шли дальше практической химии и ограничивались обычно ссылками на скрытые свойства, пока упомянутый профессор Ломоносов,^д вооружившись физикой и геометрией, в диссертации «О светлости металлов» («Новые комментарии», т. I) и в «Слове о рождении металлов от трясения земли», произнесенном в публичном собрании...^е года, не показал, как далеко можно двинуться таким путем в раскрытии и основательном объяснении подземных тайн.⁴

5

В своем слове об электрических явлениях,⁵ происходящих в воздухе, на основании открытого, объясненного и доказанного им опускания верхней^ж атмосферы в нижнюю, даются вполне приемлемые (если^з не угодно назвать их несомненными) объяснения внезапных холодов, сил молний, северных сияний, хвостов великолепных комет и т. д.^и Из этих причин причина северного сияния установлена путем опытов и^к наблюдений в течение только что прошедшей зимы,⁶ о чем ниже.

^а Основанная *вместо зачеркнутого* Утвержденная.

^б *Зачеркнуто* и образец, <с которым должна сообразоваться> к которому может сводиться физическая химия.

^в *Зачеркнуто* В физическом мире твердых оснований, которыми природа подземных явлений, которые в минеральное царство под минералом в недрах земли.

^г *Зачеркнуто* расширяли.

^д *Зачеркнуто* сверх того.

^е *Многозначие в подлиннике.*

^ж *Вместо зачеркнутого* холодной.

^з *Зачеркнуто* если мы не решаемся.

^и *Зачеркнуто* все это намного предпочтительнее паров, о которых говорили прежде.

^к *Зачеркнуто* самих.

6

В «Слове о происхождении света и цветов»,⁷ произнесенном в публичном собрании Академии...^а года, показывается, сколь прочно и правильно несравненными мужами Картезием и Мариоттом установлена теория света и числа цветов. Здесь также предлагается новая элементарная система и выводится новое, доселе неизвестное,^б свойство первичных элементов, обозначенное названием «совмещение»; утверждается, что оно — причина весьма многих явлений природы, обусловленных мельчайшими корпускулами. Автор в скором времени и весьма основательно подтвердит это новыми доказательствами.⁸

7

В «Рассуждении о большей точности морского пути»,⁹ прочитанном в публичном собрании Академии...^в года, в § описывается центроскопический маятник и в конце добавлен образчик записей, показывающих его колебания. Производимые до сего дня в течение более пяти лет наблюдения¹⁰ доказали с несомненностью изменения центра тяжести, так как последние 1) периодичны, 2) приблизительно соответствуют лунным^г движениям, 3) во всякое время года, при любом состоянии атмосферы, при натопленной^д и нетопленной печке, до и после полудня всегда дают при наблюдениях одинаковые периоды.^е

8

В той же работе, в § описывается запаянный барометр¹¹ или, если угодно, Амонтонов воздушный термометр. В этом инструменте помечено нечто любопытное, а именно, что изменения высоты ртути (хотя обычное отверстие сосуда запаяно наглухо и действие изменчивой тяжести атмосферы вполне исключено) по большей части согласуются с изменениями обыкновенного барометра, что весьма наглядно доказывает изменение высоты обыкновенного барометра не только от различного давления атмосферы. Не зависит это и от различной температуры и изменившейся благодаря этому упругости заключенного в сосуде воздуха, так как термометр, находящийся возле или даже внутри сосуда, показывает другое. Кто угодно может проделать этот опыт, запаяв наглухо открытое колено баро-

^а Многоточие в подлиннике.

^б Зачеркнуто новое.

^в Многоточие в подлиннике.

^г Зачеркнуто аспектам.

^д Зачеркнуто и нетопленной и холодной.

^е Зачеркнуто определить которые следует с помощью законов.

метра. Причина этого явления имеет громадное значение в метеорологических вопросах.

9

Из того, что установлены бесспорным образом изменения показаний центроскопического маятника и центра, к которому стремятся весомые тела,^а необходимо следует, что и тяжесть тел непостоянна. Чтобы^б исследовать это, автор озаботился устройством машины,¹² содержащей упругую стальную спиральную пружину, применяемую в больших часах; по устранении всякого трения она при нагрузке в 26 унций чувствует и отчетливо показывает на шкале увеличение веса на 1/10 грана.

520

1765 ЯНВАРЯ—МАРТА. СПРАВКА О РАБОТАХ ПО СОЛЯНОМУ ДЕЛУ

Для известия

Во время Турецких и Крымских походов, около 1737 года, когда его сиятельство генерал-фельдмаршал граф Миних находясь в Украинских местах, тогда получил он именной указ, чтобы постарался осмотреть и поправить соляное дело украинских городов Бахмута и Тора, на что помянутый г. фельдмаршал употребил профессора академического Юнкера, бывшего тогда при нем для содержания журнала. Онный Юнкер, осмотрев и описав оные соляные варницы и состояние их, подал о том ведомость, после чего произведен гофкамерратом и послан в Германию осмотреть все тамошние соляные заводы для пользы здешних, откуда он в 1739 году возвращаясь, был в Саксонии, в городе Фрейберге для рудных дел, где прилучились тогда российские студенты для научения металлургии, в коих числе был Михайло Ломоносов. Помянутый Юнкер употреблял его знание российского и немецкого языка и химии, поручая ему переводить с немецкого нужные репорты и экстракты о соляном деле для подания в Санктпетербурге по возвращении, при коем случае Ломоносов много в четыре ме-

^а Зачеркнуто автор пришел к мысли.

^б Зачеркнуто выявить.

сяца от него пользовался в знании соляного дела. А особливо, что он уже прежде того на поморских соловарнях у Белого моря бывал многократно для покупки соли к отцовским рыбным промыслам и имел уже довольно понятие о выварке, которую после с прилежанием и обстоятельно в Саксонии высмотрел. Когда Ломоносов в 1741 году в Россию возвратился, нашел здесь Юнкера в полном упражнении о исполнении соляного дела в России, в чем он с реченым Ломоносовым имел потому частое сношение и сверх того поручал переводить на российский язык все свои известия и проекты о сем важном деле. Оные его старания где ныне находятся, неизвестно,¹ для того что Юнкер, не дождав окончания к исполнению своих стараний, скончался. После того призван был в Кабинет Ломоносов 1744 года, где ему покойный барон Черкасов поручил пробовать разных 10 солей российских и сверх того испанскую, для сравнения в их доброте, что он и учинил, и принято с апробациею.² Из сего можно рассудить, каково имеет сведение помянутый Ломоносов о соляном деле, а особливо будучи 20 лет профессором химии, и о соли издал в публику ясные понятия в «Слове о рождении металлов» и во втором прибавлении к «Металлургии».³

П И С Ь М А

1737 — 1765 гг.

1737 СЕНТЯБРЯ 4. И.-А. КОРФУ

Hochwolgebohrner Herr,

Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz hohe Gnaden Bezeugungen, deren ich mich in der Zeit in tieffer Unterhänigkeit erinnere, haben mich schon längst aufgefo[r]dert Denenselben schriftlich den respect zu bezeugen. Weil aber biß dato der teutschen Schprache nicht mächtig bin gewesen, und jetzo etwas darin gethan, so habe mich in tieffer demuth erkühen wollen Denenselben nicht nur meine unterthänigste Pflicht abzustatten, sondern auch die Erstlinge der teutschen Schprache auf zu opfern. Denn Ew. Excellenz hohe Gnade ist diejenige, der ich einzig und allen meine Wohlfart zuschreiben muß, in dem Dieselben durch hohe Verteidigung bey Ihro Majesteten es dahin vermittelt haben, daß mir, obschon aller dieser hohen Wohlthaten unwürdig, in Gnaden zu gestanden, meine Studia auf ausländische Academien zu excoliren. Da vor diese hohe Gnaden-Bezeugungen nicht genugsam Danck abzustatten vermag, so widme Denenselben auf ewig mein dankbahres Hertz, welches Zeit lebens diese unschätzbahre Gunst in Ehrerbittungs vollen Andenken verehren wird. U[e]-brigens ergeth an Ew. Ex[c]ellentz mein demütiges Bitten,

Dieselben wollen gütigst denjenigen mit Dero fernere hohe Gnade erfreuen, der dafür mit geziemender Hochachtung und schuldigster Ehrerbittung biß in Todt verharret.

Ew. Hochgebohrnen Excellentz
unterhänigster Diener
Michael Lomonosoff

Marburg, d. 15 Sept.
Anno 1737

Перевод

Высокоблагородный господин, милостивый государь,
г. камергер!

Великие милости вашего превосходительства, о которых я всегда вспоминаю с глубокой преданностию, уже давно побуждали меня письменно засвидетельствовать вам мое почтение. Но так как до сих пор я еще не владел немецким языком и лишь теперь несколько в нем преуспел, то с глубоким смирением осмелился я не только исполнить почтительнейший долг свой, но и поднести вам первые свои опыты в немецком языке. Ведь единственно лишь высокой милости вашего превосходительства обязан я всем моим благополучием, ибо вашим высоким заступничеством перед е. в. вы успели исходатайствовать, чтобы мне, хоть я и недостоин столь великих благодеяний, всемилостивейше дозволено было обучаться наукам в иностранных академиях. Не будучи в состоянии воздать вам должную благодарность за толикие милости, я навеки посвящаю вам свое признательное сердце, которое на всю жизнь сохранит в благоговейной памяти ваше неоценимое благоволение. Засим обращаюсь к вашему превосходительству с нижайшей просьбой благосклонно удовольствоваться и впредь вашей высокой милостью того, кто со своей стороны с подобающим уважением и достождождною почтительною покорностью до смерти пребывает

вашего превосходительства
всепреданнейшим слугою
Михайло Ломоносов

Марбург, 15 сентября
1737 г.

Рисунок М. В. Ломоносова, приложенный к его письму на имя И.-А. Корфа от 15 сентября 1737 г.
Архив Академии Наук СССР

2

1737 НОЯБРЯ 9. И.-А. КОРФУ

Hochwohlgebohrner Herr,
Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz mir erwiesene hohe Gnaden-Bezeigungen haben sich in meinem Ehrerbittungs-vollen Andencken vermehret und damit meine unterthänigste Danckbarkeit, indem Dieselben in Gnaden zu gestanden, zweyhundert Rubel zur meinen Sustentation überzusenden. Wiewohl ich nun diese hoch erwiesene Gnade nicht abzustatten vermag, sondern ewig schuldig bleibe, und verheisse mich zu befleissigen der uns mit gegebenen und neulich empfangenen Instruction nachzukommen, und Ihro Kayserl. Maytt. hohe Intention zu erfüllen. Ew. Excellenz ersuche ich demnach unterthänig, nach Dero hohen Gütigkeit, mir diejenige Gnade ins künftige zugönnen, welche mich bißhero so sehr erfreuet hat, und die mich verpflichtet mit aller ersinnlichen Submission zu verharren.

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellenz
Unterthänigster Diener
Michael Lomonosoff

Marburg, d. 20 Nov.
Anno 1737

Перевод

Высокоблагородный господин,
милостивый государь, г. камергер!

Знаки высокой милости, оказанные мне вашим превосходительством, умножились в моей почтительной памяти, и с ними и глубочайшая моя благодарность за то, что вы соблаговолили дать милостивое разрешение на пересылку мне двухсот рублей на мое содержание. Не имея возможности отплатить вам за эту великую милость и оставаясь перед вами вечно в долгу, обещаю всеми силами следовать как данной нам с собою, так и

недавно полученной новой инструкции¹ и исполнить высокие предназначения е. и. в. Затем нижайше прошу ваше превосходительство милостиво удостоить меня и впредь того благоволения, которое столь утешало меня до сих пор и обязывает меня со всевозможною преданностью пребывать

вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Михайло Ломоносов

Марбург, 20 ноября
1737 г.

3

1738 МАРТА 15. И.-А. КОРФУ

Hochwohlgebohrner Herr,
Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz werden nicht ungnädig deuten, daß ich Denselbigen die mit so viel grossen Affairen beschäftigt, mit meinem schlechten Schreiben beschwehrlich falle. Es verpflichtet mich meine Schuldigkeit, daß ich Denselbigen für Dero grossen Wohlthaten meine Dankbarkeit alle Augenblick bezeuge; vielmehr nun als ich von meinen Studiis und allem was mir allergnädigst befohlen rapportire. Ew. Ex[c]ellentz geruhen in letzt übersandter Instruction uns zu befehlen, daß einjeder von uns die der Historiae naturali und Metallurgie gehörige Bücher, nebst etlichen Ertzen sich anschaffen sollte. Weil aber diejenige Bücher vor der Oster-Messe nicht zu bekommen sind, und die Winter-Zeit nicht bequem gewesen die Berg-Werke zu besuchen, wo wir die Ertzen zur besseren Erkän[n]tniß des mineralischen Reichs anschaffen könnten, so haben wir dieses auf Anrathen des Herrn Regierungs-Rath Wolff[f] auf folgende Sommer aus-gesetzt. Dessenthalben unterstehe ich mich aus festen Vert-
trauen zu Dero mir vormahls bekannten Gewogenheit eine unterthänigste Bitte bey Denselbigen ein zulegen: Dieselbige geruhen diese hohe Gnade zu erweisen, dasjenige, was wir auf die ob-gemeldete Sachen, wie auch zu unserer Subsistance anwenden

sollen, zu überschicken. Ich vertraue mich auf Dero Gewogenheit; Ew. Excellenz werden diese Kühnheit demjenigen pardonniren, der lebenslang mit schuldigster Dankbarkeit, und tieffester Ehrerbitigkeit verharren wird

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellenz
 Unterthänigster Knecht
 Michael Lomonosoff

Marburg, d. 26 Mart.
 A[nno] 1738

Перевод

Высокородный господин, милостивый государь,
 г. камергер!

Благоволите, ваше превосходительство, милостиво извинить, что я, при множестве ваших важных занятий, утруждаю вас своим плохим писанием. Считаю себя обязанным при всяком случае свидетельствовать вам свою признательность за ваши великие благодеяния; в особенности теперь, когда я доношу о моих занятиях и обо всем, что мне было милостиво поручено. В последней присланной нам инструкции ваше превосходительство изволили приказать, чтобы каждый из нас приобрел себе соответствующие сочинения по естественной истории и металлургии, а также некоторые руды. Но так как книг этих нельзя добыть раньше пасхальной ярмарки, а зимнее время неудобно для посещения рудников, где мы могли бы достать руды для лучшего познания минерального царства, то мы по совету г. регирунгсрата Вольфа отложили это до будущего лета. Вследствие этого я, в твердом уповании на прежнее ваше благорасположение, осмеливаюсь обратиться к вам с покорнейшей просьбою благоволить оказать нам великую милость присылкою тех денег, которые мы должны употребить как на вышеозначенные предметы, так и на наше содержание.¹ Полагаюсь на вашу благосклонность, нижайше прошу ваше превосходительство простить эту смелость тому, кто всю жизнь свою пребудет с должной признательностью и глубочайшим высокопочитанием

вашего превосходительства
 покорнейшим слугою
 Михайло Ломоносов

Марбург, 26 марта
 1738 г.

4

1739 ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДЕКАБРЯ. И.-Ф. ГЕНКЕЛЮ

Viro nobilissimo atque doctissimo Henkelio
Rei metallicaе consiliario
Michaël Lomonosoff

S. D.

Aetas, Nomen atque merita Tua persuadent, ut ea, quae objurgantibus verbis, ac me militum ordini annumeratum iri minantibus, expressus dolor protulerit, non malitiosae mentis, sed laesae innocentiae argumentum fuisse indicem. Non enim tam inutilem, ut praeter terenda venena nil praestare possem, Vir supra mortalium sortem positus, illustris Wolfius me judicavit. Neque ii, quorum patrocínio serenissimae Nostrae Dominae imperatrici commendatus sum, improvidi atque imprudentes sunt. Novi profecto, quid Augustissimae Authocrat[o]ris nomine mandatum est. Mihi praescripta, quam severissime, Te ipso teste, observo. At illa, quae praesente excellentissimo Comite caeterisque commilitonibus pronunciasti, patienter ferre jussus non sum. Caeterum, quoniam me ex officina Tua chymica exire debere obliquis verbis significasti; diebus duobus abfui. Verum mandato Monarchae Clementissimae obtemperans laboribus adesse teneor. Quam ob rem cognitum habere vellem, an in aeternum societatem et amorem abnuisti, atque alta mente reposta sedet levi de causa exorta ira. Quod me attinet, omnia oblivioni tradere non recuso, atque naturali meo genio obtempero. Haec sunt, quae sentio, Tibique animi mei sensa aperio; atque benevolentiae pristinae memor, haec aut infecta aut nunquam memoranda esse cupio. Confido enim, quod discipulos Tuos amicos potius quam inimicos futuros esse velis. Quod si igitur haec Tibi in votis sunt, peto, ut me certiolem facias.

Dabam hodie.

Перевод

Мужа знаменитейшего и ученейшего, горного советника
Генкеля Михаил Ломоносов приветствует

Ваши лета, ваше имя и заслуги побуждают меня изъяснить, что произнесенное мною в огорчении, возбужденном бранью и угрозою отдать меня в солдаты, было свидетельством не злобного умысла, а уязвленной невинности. Ведь даже знаменитый Вольф, выше простых смертных поставленный, не почитал меня столь бесполезным человеком, который только на растирание ядов был бы пригоден. Да и те, чрез предстательство коих я покровительство всемилостивейшей государыни императрицы нашей имею, не суть люди нерассудительные и неразумные. Мне совершенно известна воля е. в., и я, в чем на вас самого ссылаюсь, мне предписанное соблюдаю строжайше. То же, что вами сказано, было сказано в присутствии сиятельнейшего графа¹ и прочих моих товарищей; терпеливо сносить никто мне не приказал. Так как вы мне косвенными словами намекнули, чтобы я вашу химическую лабораторию оставил, то я два дня и не ходил к вам. Повинуясь, однако, воле всемилостивейшей монархини, я должен при занятиях присутствовать; поэтому я желал бы знать, навсегда ли вы мне отказываете в обществе своем и любви и пребывает ли все еще глубоко в вашем сердце гнев, возбужденный ничтожной причиной. Что касается меня, то я готов предать все забвению, повинуясь естественной моей склонности. Вот чувства мои, которые чистосердечно обнажаю перед вами. Помня вашу прежнюю ко мне благосклонность, желаю, чтобы случившееся как бы никогда не было или вовсе не вспоминалось, ибо я уверен, что вы видеть желаете в учениках своих скорее друзей, нежели врагов. Итак, если ваше желание таково, то прошу вас меня о том известить.

Писал сегодня.

5

1740 НОЯБРЯ 5. И.-Д. ШУМАХЕРУ

Hoch-Edelgebohrner Herr,
Hoch geneigter Herr Bibliothecarius!

Ich kan[n] mir leicht vorstellen, was für ein Unwillen die Academie der Wießenschafften wieder mich habe, dieweil ich ohne Dero Vorbewust mich von Freyberg entfernt habe. Ich glaube fast, daß mein Verfolger sich über mein ferneres

Unglück erfreuen werde, indem Ew. Hoch-Edelgebohr[e]n von meiner den 21 May aus Leipzig abgeschickten Klage (was ich neulich von Freyberg vernommen) nichts wüßten, und man hat die Zeit gewonnen mich bey der Academie der Wießenschafften mit Lügen verhaßt zu machen; allein wofern Derselben der von dem Herrn Berg-Rath Henkel an mir ausgeübte Neid, Verfolgung und Verachtung und mir daraus erfolgtes Unglück und Noth bewußt wäre, so würde[n] Sie mich gewieß viel mehr Erbahrmen[s] als Straffens würdig achten wollen. Es ist zwar wahr, daß mein Verbrechen, so ich sonst hier begangen (welches doch mehr denen unbehilflichen und wiederwärtigen Umständen, einer verführerischen Compagnie, wie auch dem des mir allergnädigst verwilligten Stipendii gar zu langem Ausbleiben, als meinem unordentlichen Leben zuzuschreiben ist) zur Bestrafung meiner gegenwärtigen Unschuld viel beytragen werde. Aber ich bin des festen Vertrauens, daß Ew. Hoch-Edelgebohr[e]n als ein Ihro Mayestet Unserer Allergnädigsten Kaise[r]in treu[e]r Diener u[nd] von Allerhöchst Deroselbe[n] gesetzter Richter diesen meinen unterthänigsten Bericht und Klage geduldig durch zu lesen, und ohne Ansehen der Person zu urtheilen geruhen werden. Ew. Hoch-Edelgebohren ist wo[h]l bewußt, daß ich seit meiner Ankunft nach Freyberg Lust und Fleiß in Erlernung des Bergwesens und der Chymie, dem Berg-Rath Henkel einen gehörigen Respect und Gehorsam gewießen und dabey ein anständiges Leben geführet, weßen nicht nur der Herr Hof-Cammerrath Junker, sondern Er selbst mein Zeige ist. Ich habe auf alle Art und Weise gesucht ihm zu gefallen, allein es hat nichts geholfen, sondern seine Bosheit, Geitz, Falsch und neidisch Gemüth legten sich bald an Tag. Denn, so bald wir von dem Herrn Hof-Cammerrath den Abschied genommen, so hat der Bergrath Henkel angefangen das von der Academie der Wießenschafften uns bestimmtes Geld auf zu halten. Wir mußten erst zehen Mahl zu ihn kommen, ehe wir was von ihm erbetteln kon[n]ten. Er predigte aber auch eine halbe Stunde allemahl darüber, mit einer verdrüßlichen Mi[e]ne sagend: er hätte kein

Geld, die Academie hätte schon lange versprochen seinen halben Lohn 500 Rubel ihm zu überschicken, und sie hält doch ihr Wort nicht. Unterdeßen hat et in der gantzen Stadt sagen laßen, man sollte uns gantz und gar nichts borgen, selbst aber (wie ich erfahren habe) kauffte für das unsrige Geld Kuxen, und machte eigenen Profit. Bey so bestalten Sachen mußten wir fast immer ohne Geld bleiben, und die Ge[se]lschaft, von der wir etwas in dem Bergwesen profitiren kön[n]ten, entbehren. Ferner was den Cursum Chymicum anbelangt, so hat er in den ersten vier Monath kaum die doctrinam de salibus absolviret, worzu man einen Monath genug hätte; die übrige Zeit aber hat zu allen den wichtigsten Materien, als Metallen, halb-Metallen, Erden, Steinen und Schwefel lang genug gewesen seyn müssen. Wobey aber die meiste Experimenta seiner Ungeschicklichkeit wegen verdorben. Dergleichen fatalen Begebenheiten (die nebst seinen jocis frogidis und lehrem Geschwätze dictiret) machen die Helfte von unserem Diario aus. In zwischen, verachtete er die gantze vernünftige Philosophie, und da ich die Phaenomena Chymica seinem Befehl nach auslegen sol[lt]e, so hat er gleich (weil es nicht nach seinem peripathetischem Concept, sondern ex Principiis Mechanicis et Hydrostaticis geschah) wieder still zu schweigen befohlen, und seiner gewöhnlichen Naseweißheit nach als eine Grillenfängerey zum Ho[h]n und Spott verkehret. In der Zeit aber habe ich erfahren, daß ihm der H. Graf Rays 150, der H. von Knecht, und der M. Freyesleben einjeder nur ein Hundert Reichsthaler für die Chymie bezahle, deßwegen habe ich bey jemand heilich geklagt, daß der Bergrath einen unbilligen Preis von uns nehme; wir aber derohalben müssen Noth leiden, und einige nützliche Sachen zu Erlernung der Chymie u[nd] Metallurgie entbehren. Welches doch war nicht geheim gehalten, sondern ihm erzehlet. Worzu er sprach: die Zarin ist reich, kan[n] noch so viel bezahlen. Nach dieser Zeit, bin ich gewar worden, daß seine Bosheit keine Schranken habe. Die erste Gelegenheit mich zu schimpfen hatte er in Laboratorio in Gegenwart derer Herren Commilitonum. Er nöthigte mich den Mercu-

rium sublimatum zu reiben. Da ich aber von wegen des garstigen und schädlichen Geruchs, so niemand vertragen kon[n]te, mich entschuldigte, so hat er mich nicht nur zum Nichts nutzen genennet, sondern noch dazu gefragt, ob ich lieber ein Soldat werden wol[]te, ja endlich mit hö[h]nischen Worten die Thür gewiesen. Diesen Compliment mußte ich nur mit Grämen u[nd] Argern verdauen u[nd] darzu den H. um Verzeigung bitten. Kurtz darauf hat er mich ohne aller Ursache aus meinem Logis in ein anderes vertrieben, welches weder wohlfeiler noch besser war: ja die Ursache war diese: der Wirt war ein Doctor Medicinae, mit dem er wegen einiger Praxium uneinig worden, und ich mußte dabey 2 Rthl. für die Sache über zu tragen und eben so viel dem Wirth zu viel bezahlen, weil die Zeit noch nicht aus war, auf welche ich die Stube gemüthet habe. Mit diesem aber war er noch nicht zufrieden, sondern suchte mich noch beßer an zu packen, welches auch gefunden. Denn weil er alle Materialien, die er für uns nöthig gehabt, hat er bey seinem Schwieger Vatter ausgenommen, welchem er reichlich alles betzahlet, so wol[]te er endlich das Geld sparen und uns des Monats mit 4 Rthl. abspeisen, welches gantz u[nd] gar unmöglich war, daß wir damit uns sustentiren kön[n]ten. Deßwegen ersuchte ich ihn im Laboratorio um was mehreres, er antwortete aber: u[nd] wenn wir betteln gehen sol[]ten, so wol[]te er uns nichts mehr geben. Wir kamen demnach alle drey zusammen, und in Hoffnung ihn zu erbitten, gingen in sein Haus. Und da ich unsere Noth proponirte und ihn mit aller Demuth um das uns bestimmtes Geld ersuchte, so antwortete er nichts mehr als: kein Pfennig mehr, und darauf schimpfte er mich mit allen Schimpfund Fluch-Worten, die er nur finden kon[n]te, und begleitete mich mit seinen Fausten zur Stube hinaus, und darbey drohete mir ich weiß nicht warum mit der Wache. Bey diesen Umständen wußte ich nicht was thun sol[]te. In der gantzen Stadt war verbothen uns was zu lehen, und ich befürchtete mich einer größeren Verfolgung und Unglück. Derothalben habe ich mich resolviret nach dem Herrn Baron von Kaiserling zu gehen, welcher damahls

in Leipzig auf der Messe war. Da ich aber den 19 May dahin kam, so habe ich zu meinem Verdruß und Unglück zur Nachricht bekommen müssen, daß er nach Caßel abgereiset der bevorstehender Vermählung des Printzen Friedrichs bey zu wohnen. Weil ich nun in Leipzig einige gute Freunde aus Marburg gefunden, die mich mit Sich biß nach Caßel nehmen wol[l]ten, so habe ich mich resolviret auf den Weg zu begeben. Denn in Freyberg war weder zu essen noch zu lernen mehr zu bekommen: wo ich das Probieren schon gelernet; die Chymie war aus, der Inspector Kern wol[l]te nicht anfangen, weil der Henkel viel von dem ihm von der Academie der Wießenschafftten zu gestandenem Gelde abziehen wol[l]te. Und bey dem Markscheider, der, welcher die Mathematic besser als er versteht, hat nichts mehr zu lernen, als die Mess-Sch[n]ur auszuziehen, welches man ohne 50 Thaler zu bezahlen, lernen kan[n]. Indem ist aber dahin kam, habe ich wieder zu meinem größeren Mißvergnügen erfahren müßen, daß man dort von unserem Herrn Abgesandten gar nichts wüßte. Ich wunderte mich sehr, weil ich doch in einigen Orten auf dem Wege von seiner Reise gehöret. Bey diesen verzweifelten Umstand, weil nicht wußte, wo der Herr wäre, habe ich für das rathsamste gefunden über Holland (wofern ich bey dem Herrn Graf Golofkin keine Zuflucht finde) nach Petersburg zu gehen. Ich begab mich erstlich nach Marburg, damit ich mich bey meinen alten Freunden auf die Reise versehen kön[n]te. Dem Herrn Wolf[f] beschwerlich zu fallen, habe ich mich nicht unterstanden, weil ich von ihm vernommen habe, daß er nur vor einigen Wochen das übrige Geld von Petersburg bekommen, und ich kon[n]te wohl merken, daß er in diese Affaire gar nicht sich mengen wol[l]te. Ich ging demnach von hier nach Frankfurt, und von dort zu Waßer biß Rotterdam und Ha[a]g. Der Herr Graff hat mir alle Hilfe abgeschlagen und sich in die Sache gar nicht meliren wol[l]te. Dannenhero ging ich nach Amsterdam, wo ich einige bekan[n]te Kaufleute von Archangel gefunden, welche mir die Rückreise nach Petersburg ohne Befehl vor zu nehmen gantz u[nd] gar abgerathen. Sie stellten mir ein Hauf-

fen Gefahr und Unglück vor, desswegen habe ich mich wieder nach Deutschland zurück kehren müßen. Was ich aber auf dem Weg für eine Gefahr u[nd] Noth habe ausstehen müßen, das grauet mich selbst zu erinnern, und weil es zu weitläuffig ist, will ich's der Kürze wegen auslaßen. Nun aber halte ich mich in Marburg bey meinen Freunden in Cognito auf und übe mich in der Algebra, in Absicht dieselbe auf die Chymie und Phisicam intimiorem zu appliciren. Ich tröbte mich noch damit, daß ich die Gelegenheit gehabt in denen berühmten Städten zu seyn, und dabey mit einigen erfahrenen Chymicis zu sprechen, ihre Laboratoria und die Bergwerke in Hessen und Siegen-land in Augen Schein zu nehmen. Diese meine Fataliteten, weil ich etwas natürlich und weitläuffig berichte u[nd] mit solchen verdüßlichen Sachen beschwerlich falle, ersuche Ew. Hoch-Edelgebohr[e]n darinn mich zu entschuldigen, weil ich von meiner Noth darzu gezwungen bin. Ich lebe versichert, daß Ew. Hoch-Edelgebohr[e]n Dero natürlichen Güte nach werden mich unglückseeligen u[nd] verfolgten nicht verwerfen u[nd] an mir einen Menschen, der schon im Stande ist Ihro Mayestet zu dienen u[nd] dem Vatterlande zu nutzen, verderben, sondern Dero Gewogenheit empfinden laßen. Es deucht mir zwar, dieselben werden denken: es ist nun mit dem Henkel verdorben, und ich habe die gantze Hoffnung verlohren, was tüchtiges in der Chymie u[nd] Metallurgie zu lernen. Allein diesen Herrn welchen nur diejenige, so ihn nicht recht kennen, für einen Abgott halten, und mit dem ich meine geringe, aber doch gründliche Wißenschafft nicht vertauschen will, für meinen Leitstern u[nd] ein einziges Heil zu halten sehe keine Ursache in dem er die gemeinste Processe, die fast in allen chymischen Büchern stehen, geheim hält, und als mit einem Arcano nicht gern heraus will, und den Bergbau kan[n] man beßer von einem Steiger, der seine Lebetage in der Grube zu gebracht, als von ihm lernen. Die Historia naturalis aber ist nicht in des H. Henkels Stube aus Fächen u[nd] Kästgen zu erlernen, sondern man muß selbst verschiedene Bergwerke besuchen, die Situation derer Gegende,

die Beschaffenheit der Berge[n] und des Erdreichs und die Relation der Mineralien, die darin liegen, gegen einander betrachten. Derohalben supplicire ich Ew. Hoch-Edelgebohren mich von der tyrannischen meines Verfolgers Macht zu befreien und bey über Schickung des mir Allergnädigst verwilligten Stipendii mir nach einem Ort, als auf den Harz u. d. g. zu reisen zu befehlen, wo ich meine Berg-Studia vollführen könne. Wofern ich nun meines Bittens vermittelst Dero Vorsorge theilhaftig werden soll, dabey aber die mir vertraute Gelder liederlich verschwenden, oder meine Studia nachlässig tractiren werde, so verurtheile ich mich voraus selber zu der aller ersinnlichsten Straffe, welches aber niemahls zu begehen, sondern in einer kurtzen Zeit, nicht nur aller der mir vorgeschriebenen Wießenschafft gehörige Testimonia zu zeigen, sondern auch in einem Specimine meine Geschicklichkeit denneselben bekan[n]t zu machen. Übrigens alles dasjenige, was in dieser Begebenheit etwa unbedachtsam geschehen, bitte unterthänigst mir zu verzeihen und verharre

Ew. Hoch-Edelgebohrnen
 ergebenster Kne[cht]^a
 Michael Lomonoso[ff]^a

Marburg, d. 16 Nov.
 Anno 1740

Перевод

Высокородный и высокоблагосклонный
 господин библиотекарь!

Могу себе легко представить, как негодует на меня Академия Наук за то, что я без ее ведома ушел из Фрейберга. Я почти уверен, что мой гонитель станет радоваться моему дальнейшему несчастью, ибо (как я недавно узнал из Фрейберга) вашему высокородию ничего не известно о жалобе, посланной мною 21 мая из Лейпцига,¹ и следовательно, этим временем воспользовались, чтобы при помощи лжи возбудить против меня ненависть Академии Наук, но если бы последняя знала о той зави-

^a Конец слова отрезан.

сти, притеснениях и презрении, какие проявил в отношении меня г. горный советник Генкель, сколько несчастья и нужды я должен был вследствие этого перенести, то она наверное сочла бы меня гораздо более заслуживающим сострадания, чем наказания. Мой проступок (который следует приписать скорее тягостным и несчастным обстоятельствам, соблазнительному обществу и весьма длительному непоступлению всемиловитейше назначенной мне стипендии, чем моей беспорядочной жизни), конечно, немало будет способствовать моему настоящему безвинному осуждению; но я твердо надеюсь, что ваше высокородие, как верный слуга нашей всемиловитейшей императрицы и как высочайше поставленный ее величеством судья, терпеливо прочтете настоящее мое всеподданнейшее доношение и жалобу и соизволите вынести приговор без лицепрятия Вашему высокородию, полагаю, известно, что я со времени прибытия в Фрейберг с охотой и прилежанием обучался горному делу и химии, оказывал горному советнику Генкелю должное почтение и послушание и притом вел пристойную жизнь, чему являются свидетелями не только надворный камеральный советник Юнкер, но и он сам. Я всемерно старался ему угождать, но все это не помогло, а, напротив, его злость, алчность, лукавый и завистливый нрав вскоре выступили наружу. Ибо как только мы распростились с г. надворным камеральным советником,² так он, горный советник Генкель, начал задерживать назначенные нам Академией Наук деньги. Мы принуждены были раз по десяти к нему ходить, чтобы хоть что-нибудь себе выклянчить. При этом он каждый раз по полчаса читал нам проповедь, с кислым лицом говоря, что у него денег нет; что Академия уже давно обещала выслать половину следующей ему платы, 500 рублей, и все же слова своего не держит. Между тем он по всему городу сообщил, чтобы нам совершенно ничего в долг не давали, а сам (как я узнал) на наши деньги покупал паи в рудниках и получал барыши. При таком положении вещей мы вынуждены были почти всегда оставаться без денег и отказываться от знакомства с людьми, у которых могли бы поучиться в горном деле. Что же касается до курса химии, то он в первые четыре месяца едва успел пройти учение о солях, на что было бы достаточно одного месяца; остального времени должно было хватить для всех главнейших предметов, как то: металлов, полуметаллов, земель, камней и серы. Но при этом большая часть опытов вследствие его неловкости оказалась испорченной. Подобные роковые происшествия (которые он диктовал нам с примесью своих пошлых шуток и пустой болтовни) составляют половину содержания нашего дневника. В то же время он презирал всю разумную философию, и когда я однажды, по его приказанию, начал излагать химические явления, то он тотчас же, ибо это было сделано не по его перипатетическому концепту, а на основе принципов механики и гидростатики, велел мне замолчать, и с обычным своим умничаньем поднял мои объяснения на смех, как пустую

причуду. Между тем я узнал, что г. граф Рейский платит ему за химию 150, а г. фон-Кнехт и магистр Фрейеслебен каждый только по 100 рейхсталеров, почему я тайно пожаловался некоему лицу на то, что горный советник берет с нас несправедливую цену, мы же вследствие этого должны терпеть нужду и отказываться от некоторых вещей, полезных при изучении химии и металлургии. Слова мои, однако, не остались в тайне, а были ему переданы, на что он сказал: царица богата и может заплатить еще столько же. После того я заметил, что злость его не имеет пределов. Первый случай к моему поруганию представился ему в лаборатории в присутствии гг. товарищей. Он понуждал меня растирать сулему. Когда я отказался, ссылаясь на скверный и вредный запах, которого никто не может вынести, то он не только назвал меня ни на что не годным, но еще спросил, не хочу ли я лучше сделаться солдатом, и наконец с издевательскими словами выгнал меня вон. С горем и досадой я вынужден был переварить подобный комплимент, да к тому еще попросить у этого господина прощения. Вскоре после того он без всякой причины прогнал меня из прежней моей квартиры в другую, которая была не дешевле и не лучше, а причина была следующая: хозяином был доктор медицины, с которым он по какому-то поводу поссорился; я же принужден был заплатить 2 рейхсталера за переноску вещей, да сверх того столько же дать хозяину, поскольку еще не истек срок, на который я нанял комнату. Этим он, однако, не удовольствовался, а искал случая задеть меня еще сильнее, в чем и успел. Ввиду того, что все нужные нам припасы он брал у своего тестя, платя ему за них очень щедро, он в конце концов решил сберечь деньги и отделаться от нас в месяц 4 рейхсталерами, на которые нам совершенно невозможно было себя содержать. Поэтому я в лаборатории стал просить его о прибавке, но он отвечал, что если бы нам даже пришлось просить милостыню, он все же ничего нам больше не даст. Тогда мы все трое собрались и в надежде упросить его отправились к нему на дом. И когда я изложил ему наше бедственное положение и со всем смирением начал просить о выдаче назначенных нам денег, то он ответил только: ни одного пфеннига больше!, а потом начал осыпать меня всеми ругательствами и проклятиями, какие только мог придумать, и выпроводил меня кулаками из комнаты, и притом, не знаю почему, угрожал мне городской стражей.³ При подобных обстоятельствах я не знал, что и делать. Во всем городе запрещено было верить нам в долг, и я опасался подвергнуться еще худшему гонению и несчастью. Поэтому я решился отправиться к г. барону Кейзерлингу, который в то время находился в Лейпциге на ярмарке. Но, прибыв туда 19 мая, я к своему огорчению и несчастью узнал, что он уехал в Кассель, чтобы присутствовать на предстоящем бракосочетании принца Фридриха. Найдя в Лейпциге некоторых добрых друзей из Марбурга, предложивших взять меня с собой в Кассель, я решил туда отправиться. Ибо во Фрейберге

мне не только нечего было есть, но и нечему было более учиться: пробирное искусство я уже изучил; химия была закончена; инспектор Керн не хотел начинать, потому что Генкель вздумал вычесть у него слишком много из суммы, назначенной ему Академией Наук. А у маркшейдера тот, кто лучше его знает математику, может обучаться только натягиванию межжевого шнура, чему можно научиться, не платя 50 талеров. Прибыв на место, я вновь к крайнему своему огорчению узнал, что и там ничего не было известно о нашем г. посланнике. Я очень удивился, так как дорогой я в нескольких местах слышал о его поездке. В таком отчаянном положении, не зная, где находится означенный господин, я почел за наиболее благоразумное отправиться в Петербург через Голландию (если не смогу найти убежища у г. графа Головкина). Сначала я отправился в Марбург, чтобы у своих старых приятелей запасть [деньгами] на дорогу. Быть в тягость г. Вольфу я не осмелился, узнав от него, что он лишь несколько недель тому назад получил из Петербурга остальные деньги, причем я заметил, что он в это дело совершенно не хочет вмешиваться.⁴ Итак, отсюда я отправился во Франкфурт, а оттуда водою в Роттердам и Гаагу. Господин граф совсем отказал мне в помощи и не хотел вовсе вмешиваться в это дело. Затем я отправился в Амстердам, где нашел нескольких знакомых купцов из Архангельска, которые мне совершенно отсоветовали возвращаться в Петербург без приказа; они изобразили мне кучу опасностей и несчастий, и потому я опять должен был возвратиться в Германию. Сколько опасностей и нужды я претерпел в пути, мне самому страшно даже вспомнить, и так как писать об этом было бы слишком долго, то для краткости лучше вовсе умолчу. В настоящее время я живу инкогнито в Марбурге у своих друзей и упражняюсь в алгебре, намереваясь применить ее к химии и теоретической физике.⁵ Утешаю себя пока тем, что мне удалось побывать в упомянутых знаменитых городах и поговорить при этом с некоторыми опытными химиками, осмотреть их лаборатории и ознакомиться с рудниками в Гессене и Зигене.⁶ Если я позволил себе слишком откровенно и подробно говорить о своих злоключениях и утруждать вас подобными скучными вещами, то прошу ваше высокородие меня извинить, ибо к тому меня побуждает необходимость. Я живу с уверенностью, что вы по природной доброте вашей не захотите отвергнуть меня, несчастного и преследуемого, и погубить человека, который уже в состоянии служить ее величеству и приносить пользу отечеству, а дадите мне возможность почувствовать вашу благосклонность. Правда, мне кажется, что вы подумаете, что с Генкелем дело уже испорчено, и я не имею более никакой надежды научиться чему-либо основательному в химии и металлургии. Но сего господина могут почитать идолом только те, которые хорошо его не знают, я же не хотел бы поменяться с ним своими, хотя и малыми, но основательными знаниями, и не вижу причины, почему мне его почитать своєю

путеводною звездой и единственным своим спасением; самые обыкновенные процессы, о которых говорится почти во всех химических книгах, он держит в секрете и вытягивать их приходится из него арканом; горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любого штейгера, который всю жизнь свою провел в шахте, чем у него. Естественную историю нельзя изучить в кабинете г. Генкеля, из его шкапов и ящичков; нужно самому побывать на разных рудниках, сравнить положение этих мест, свойства гор и почвы и взаимоотношение залегающих в них минералов. Потому я умоляю ваше высокородие освободить меня от тиранической власти моего гонителя и при пересылке всемилостивейше пожалованной мне стипендии приказать мне отправиться в какое-либо место, как напр., в Гарц и т. д., где я бы мог изучать горную науку.⁷ Если бы вашими заботами просьба моя была удовлетворена, и я при этом позволил бы себе промотать доверенные мне деньги или стал бы небрежно относиться к своим занятиям, то я сам заранее присуждаю себя к наистрожайшему наказанию; уверен, однако же, что никогда этого не совершу, а напротив, в непродолжительном времени не только представлю надлежащие свидетельства по всем предписанным мне наукам, но надеюсь и дать вам образец моего в них искусства. Впрочем, нижайше прошу простить мне все то, в чем я, может быть, по необдуманности в сем случае провинился, и пребываю

вашего высокородия
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Марбург, 16 ноября
1740 г.

б

1741 АПРЕЛЯ 7. Д. И. ВИНОГРАДОВУ

Monsieur!

Ich habe nicht gemeinet, daß Ihre angebothene Freundschaftt so ein kurtzes Ende haben würde. Können Sie sich besinnen, daß Sie sich freywillig angegeben haben mir zu antworten, so werden Sie auch für billig finden, daß ich mich über Sie beschwähre: ist es erlaubt, daß man seinem Landsmann und Camerat, der noch im Stande ist in dem oder jenem Fall zu dienen, gantz vergesse? Auf den ersten Brieff, den ich auf ihre große Versicherungen mit guter Hoffnung geschickt, habe ich kaum

in sechs Wochen Antwort erhalten. Nun aber sind schon ohngefähr zwelf Wochen vergangen, da ich auf meines zweiten Briefs Antwort warte. Die Ursache kan[n] mir ohngefähr einbilden, aber ich mag sie nicht hier schreiben. Ich bitte nur die drey Bücher: Nicolai Causini Rhetoricam, Petri Petraei Historiam von Rußland und den Günther wie auch das Geld, für die etwa verkaufte Bücher, das übrige können Sie bey sich behalten und dafür etwa das Porto biß Eisenach betzahlen. Ich habe eine Ordre aus St. Petersburg erhalten mich dahin zu begeben, zu meiner Reise habe ich ein Wechsel von 100 Rubel bekommen, die Schulden aber werden à part bezahlet. Aus den Briefen, die ich von dem Herrn Geheimen Rath Wolf[f] aus Halle und von dem Herr Schumacher empfangen, kan[n] ich eine guthe Hoffnung von meiner Beförderung haben. Nach drey Wochen werde ich mich über Hannover nach Lübeck verfügen. Deßwegen bitte das letzte Mahl mir zum wenigsten die drey gedachte Bücher zu überschicken, und verbleibe

Aufrichtiger Freund
und Diener
Lomonosoff

Marburg
D. 18 Aprilis
1741

Поклон г. Райзеру. Ich bitte den Koffert dafür, was man geben will, verkauffen.

Адрес: A Monsieur Monsieur Winogradoff, étudiant en Philosophie et Mathématiques. Franco Erffurth, à Freyberg en Saxe.

Es wird der H. Freybergische Postmeister gebeten diesen Brief immedie zu übergeben.

Перевод

Милостивый государь!

Я не предполагал, что предложенной вами дружбе столь быстро наступит конец. Если вы вспомните, что сами добровольно предложили ответить мне, то и вы признаете справедливым, что я на вас обижаюсь: разве допу-

ХРИСТИАН ВОЛЬФ

С портрета работы И.М. Бернгерота, гравированного В.-Д. Прейслером
(1755)

стимо — совершенно забыть своего земляка и товарища, который еще в состоянии быть в том или ином случае полезным. На первое письмо, которое я послал, исполненный надежды после ваших широких обещаний, я получил ответ лишь через шесть недель. Теперь, однако, прошло уже около двенадцати недель, как я ожидаю ответа на свое второе письмо.¹ Причину могу себе приблизительно представить, но не хочу о ней здесь писать. Прошу лишь три книги: Nicolai Causini Rhetoricam,² Petri Petraei Historiam России³ и Гюнтера,⁴ а также деньги за может быть проданные книги, прочее же можете оставить себе на оплату хотя бы почтовых расходов до Эйзенаха. Я получил приказ из С.-Петербурга отправиться туда; на мое путешествие я получил вексель на 100 рублей,⁵ долги же будут оплачены особо. Письма, полученные мной от г. тайного советника Вольфа из Галле и от г. Шумахера, сильно обнадеживают меня в отношении моего производства.⁶ Через три недели я отправлюсь через Ганновер в Любек.⁷ Поэтому прошу в последний раз переслать мне хотя бы три упомянутые книги и остаюсь

искренний друг и слуга
Ломоносов

Марбург
18 апреля 1741

Поклон г. Райзеру. Прошу продать сундук за столько, сколько за него дадут.

Адрес: Г[осподину] Виноградову, студенту философии и математики. Франко Эрфурт, Фрейберг в Саксонии.

Г. фрейбергского почтмейстера просят передать настоящее письмо без промедления.

7

1745 МАЯ 1. И.-Д. ШУМАХЕРУ

Wohlgebohrener Herr,
Hochgeehrtester Herr Rath!

Es ist mir wohl bekannt, daß Ew. Wohlgebohren mit mehrern und wichtigern Affairen beschäftigt sind, als daß meine Bitte so bald in der Canzeley vorgenommen werden könnte. Unterdessen mein ergebenstes Ersuchen an Ew. Wohlgebohrenen erstreckt sich nicht weiter, als nur, daß meine Bitte der Conferenz je eher, je lieber vorgeleget werden möge, damit ich doch einmal weiß

woran ich bin, und ob ich nunmehr darzu für tüchtig geachtet worden, was ich eine geraume Zeit gehoffet habe. Ew. Wohlgebohren haben geruhet mir zu verstehen zu geben, ich sollte noch mit andern warten, die ebenfalls Beförderung suchten. Allein mir deucht, mein Glück wäre nicht so fest an das Glick derer anderer gebunden, daß unserer einer dem andern gar nicht vor oder nach kommen könne. Ich will Ew. Wohlgebohren unterthänigst versichern, daß dieselben vor die Gnade, welche Sie mir leicht erweisen können, nicht nur von mir, sondern auch von ansehnlichen Personen unserer Nation einen größeren Danck erwerben werden, als Sie es etwa vermuthen. Ja es wird Ew. Wohlgebohrnen mehr Ehre ein bringen, wenn ich durch dero Versorge zum meinen Zweck gelange, als wenn es durch einen andern Weg geschehen würde. Ich lebe des festen Vertrauens, daß Ew. Wohlgebohren werden mein unterthäniges und gehorsamstes Ersuchen nicht fruchtloss bleiben laßen, sondern vielmehr zu meiner Beförderung mit einer baldigen Resolution zu helfen geruhen. Ich verharre in vollkommener Hochachtung

Ew. Wohlgebohrenen
meines Hochgeehrtesten Herrn
gantz ergebenster und
gehorsamster Diener
M. Lomonosoff

d. 1 Maji
A[nn]o 1745

Перевод

Благородный высокочтимейший господин советник.

Мне хорошо известно, что ваше благородие заняты многими и более важными делами, так что мое прошение не могло быть тотчас же рассмотрено в Канцелярии. Между тем, моя покорнейшая просьба к вашему благородию не простирается далее того, чтобы о моем прошении¹ чем скорее, тем лучше было доложено Конференции, чтобы я знал наконец, как обстоит дело со мною, и признан ли я достойным того, на что долгое время надеялся. Ваше благородие изволили дать мне понять, что мне следо-

вало бы повременить вместе с другими, которые тоже добиваются повышения.² Однако мое счастье, сдается мне, не так уж крепко связано со счастьем других, чтобы никто из нас не мог опережать друг друга или отставать один от другого. Я могу всепокорнейше уверить ваше благородие, что милостью, которую вы легко можете мне оказать, вы заслужите не только от меня, но и от всех знатных лиц нашего народа бóльшую благодарность, чем вы, быть может, предполагаете. В самом деле, вам принесет более чести, если я достигну своей цели при помощи вашего ходатайства, чем если это произойдет каким-либо другим путем. Я остаюсь в твердой уверенности, что ваше благородие не оставите мою нижайшую и покорнейшую просьбу без последствий, а, напротив, соблаговолите помочь моему повышению скорой резолюцией. Пребываю в полном высокопочитании

вашего благородия,
милостивого государя моего,
преданнейшим и покорнейшим слугою
М. Ломоносов

1 мая 1745 г.

8

*1747 НОЯБРЯ 19. АРХИЕПИСКОПУ АРХАНГЕЛОГОРОДСКОМУ
И ХОЛМОГОРСКОМУ ВАРСОНОФИЮ*

Преосвященнейший владыко,
милостивый государь!

Хотя я не имел чести вашему преосвященству служить персонально, но однако те благодеяния, которые ваше преосвященство покойному отцу моему¹ показывать изволили, понуждают меня, чтоб я хотя письменно вашему преосвященству нижайший мой поклон отдал. Приятное воспоминание моего отечества никогда не проходит без представления особы вашего преосвященства, яко архипастыря оных словесных овец, между которыми я имею некоторых одной крови. В знак моего к вашему преосвященству усердия имею прислать книжицу моих трудов.² Я бы весьма желал купно сообщить и календарь на будущий 1747-й год, однако оный еще в две недели и больше го-

тов не будет.³ А как оный только напечатается, то неотменно имею честь послать к вашему преосвященству на первой почте.

В прочем, прося вашего архипастырского благословения, со всяким почтением пребываю

В Санктпетербурге

Ноября 19-го дня

1747 года

вашего преосвященства

всепокорнейший слуга

Михайло Ломоносов

9

1748 ФЕВРАЛЯ 16. Л. ЭЙЛЕРУ

Viro doctissimo ac celeberrimo Leonhardo Eulero
illustris Regiae Scientiarum Academiae Berolinensis
Membro et Professori Regio spectatissimo

Michaël Lomonosoff

S. P. D.

Litterae Tuae, vir celeberrime, quibus lucubrationes meas illustrissimo Praesidi nostro de meliore nota commendare voluisti, magnam mihi laetitiam attulerunt. Nihil enim magis honorificum magisque opportunum mihi contingere posse existimo, quam studia mea illi tantopere probari, cujus dignitatem venerari, propensamque in me voluntatem maximi facere debeo, et ab eo quidem, cujus magna sunt orbe litterario et merita et auctoritas. Quum primum igitur ab honoratissimo collega nostro Teplovio Tuum de me testimonium communicatum perlegerim, tantum in me officium Tuum sine maxima culpa praeteriri non posse judicavi. Ut autem huic Tuo beneficio respondeam, non aliud quid inveni, quam ut id, quod singulari humanitati Tuae acceptum fero, grata memoria persequar, et quovis loco ac tempore Tuam in aliorum laboribus judicandis aequitatem celebrare non desistam. Quamvis autem gratissima sit mihi haec Tua voluntas, multo tamen erit jucundior, si per humanitatem Tuam eadem ultro frui licebit.

Magnae equidem utilitati futurum mihi non dubito, si me, quocum per litteras colloquaris, non indignum esse judicaveris. Consilium Tuum mihi perquam honorificum per amplissimum Schumacherum mihi indicatum magnopere me impulit ad concinnandam de Nitri genesi commentationem, quam pro virili elaboratam ad illustrem Academiam Berolinensem pro praemio obtinendo significato tempore mittere apud me statui.

Vale, vir celeberrime, et studiis meis, ut incepisti, fave. Dabam Petropoli, Die 16 Febr. St. Jul. A. S. 1748

Перевод

Ученейшему и знаменитейшему мужу Леонарду Эйлеру, члену славной Берлинской королевской академии наук и выдающемуся королевскому профессору

Михайло Ломоносов

желает много здравствовать.

Письмо ваше, знаменитейший муж, на имя его сиятельства нашего президента, где вы благоволили отозваться наилучшим образом о моих работах, доставило мне величайшую радость.¹ Считаю, что на мою долю не могло выпасть ничего более почетного и более благоприятного, чем то, что мои научные занятия в такой степени одобряет тот, чье достоинство я должен уважать, а оказанную мне благосклонность ценить превыше всего, тот, у кого велики в ученом мире и заслуги и влияние. Поэтому, прочитав переданное нашим почтеннейшим коллегой Тепловым свидетельство ваше обо мне, я решил, что нельзя было бы не осудить меня, если бы я обошел молчанием столь великое ваше одолжение. Отплатить за ваше благодеяние не могу ничем иным, как только тем, что, храня благодарную память, буду продолжать дело, которое вы по вашей исключительной доброте одобряете, и непрестанно прославлять во всяком месте и во всякое время вашу справедливость в оценке чужих трудов. Как ни приятно ваше теперешнее благоволение, однако будет еще гораздо более радостно, если по доброте вашей можно будет пользоваться им и впредь. Не сомневаюсь в том, сколь великим будет для меня благом, если вы не сочтете меня недостойным беседовать с вами письменно. Ваш чрезвычайно лестный для меня совет, переданный мне через почтеннейшего Шумахера, внушил мне сильное желание написать рассуждение о рождении селитры, которое я решил, посылить его разработав, послать к назначенному сроку в славную Берлинскую академию на соискание премии.²

Будьте здоровы, знаменитейший муж, и продлите благосклонность, оказанную моим занятиям.

Петербург, 16 февраля юлианского стиля, 1748 г.

10

1748 АПРЕЛЯ 22. Г. Н. ТЕПЛОВУ

Милостивый государь мой Григорей Николаевич!

Хотя должность моя и требует, чтобы по присланному ко мне ордеру сделать стихи с немецкого, однако я того исполнить теперь не могу, для того что в немецких виршах нет ни складу, ни ладу. Итак, таким переводом мне себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно, чтобы такую глупость перевести на российский язык и к такому празднеству. И ежели бы я от них отступить осмели[л]ся, то, не имея никакого к тому плана, не знаю, чего держаться. И всё сего дела поведение очень чудно. Кто бы не засмеялся той музыке, когда бы двое, согласившись петь, один бы выпускал голос без всякого движения рта, а другой бы поворачивал губами, языком и гортанью? Но почти то же делается, когда один составляет изображения для иллюминаций, а другой надписи. И потому не дивно, что мне мало таких иллюминаций видать случилось, где бы, кроме разноцветных огней, что-нибудь удивления достойное было. Я думаю, что лучше б было, когда бы Артиллерийская канцелярия чрез сношение от Академии требовала изобретения к иллюминации и с надписаниями. Что до нынешнего надлежит, то извольте требовать от Артиллерии плана и ко мне прислать, что сегодня сделать можно, а к завт[р]ешнему дню будет у меня готово. Впрочем, со всяким почтением пребываю

вашего высокоблагородия

покорнейший слуга

Михайла Ломоносов

Апреля 22 дня

1748^a года

^a В подлиннике описка 1747.

11

1748 ИЮЛЯ 5. Л. ЭЙЛЕРУ

Viro celeberrimo atque doctissimo Leonhardo Eulero illustris Scientiarum Academiae Berolinensis Membro et Professori Regio meritissimo, nec non Caesariae Academiae Scientiarum Petropolitanae et Regiae Societatis scientiarum Londinensis Membro honorario

S. P. D.

Michael Lomonosoff.

Quanta laetitia sim affectus, acceptis humanissimis litteris Tuis, facile aestimare potest, quicumque in scientiarum studio versatur, et specimina lucubrationum suarum magnis Viris probari intelligit. Nec minor voluptas hinc quoque mihi accedit, cum sentiam, quanto emolumento meo futura sit Tua, qua per comitatem Tuam frui mihi licet, amicitia. Maximas ago habeoque Tibi gratias. quod non solum consilio Tuo, mihi perquam honorifico, me ad explicandam Nitri genesim incitare, verum etiam ansam praeberere volueris ad ipsam materiam clarius perspicendam, in quam quidem elaborandam omnem curam atque operam confero. Robinsii Artilleriam praestantissimis commentariis a Te instructam magno cum fructu meo evolvo. Caeterum quoniam cognita genuina elateris aëris causa, vim, qua aër in nitro condensatur, facilius detegi posse existimo; idcirco non abs re fore judicavi, tractationi de nitri genesi praemittere theoriam de vi aëris elastica, quam eo jam temporis condidi, ex quo de minimis rerum naturalium serio cogitare incepti, quamque reliquis, quae de qualitatibus corporum particularibus, deque operationibus chymicis concepi, ex asse congruere etiamnum deprehendo. Quamvis autem ea omnia, imo integrum corpuscularis Philosophiae Systema publici juris facere possem; vereor tamen, ne immaturum praecocis ingenii fructum erudito orbi obtrudere videar, si multa nova, pleraque etiam a magnorum virorum placi-

tis passim jam receptis diversa, in diem proferam. Quamobrem necessarium esse duco, primo eorum consilio uti, quorum iudicium magnis rebus crebro exercitatum, et auctoritas meritis comparata est. Cum vero in Te, vir humanissime, super haec omnia etiam propensam in me voluntatem Tuam sciam; nullus itaque dubito, quin ea, quae limatissimo iudicio Tuo examinanda propono, aequo animo accipias, et ubi ea parum valido pede niti deprehenderis, hallucinationem candide, ut soles, indicare non graveris. Ante omnia vero id in medium producere lubet, quod primo in limine scientiae naturalis sese offert.

Principia Chymica, atque adeo omnia, quae per interioris Physices campum late diffunduntur, ad certitudinem reducere conanti quasi murus quidam viam mihi praeccludit, illud in genere affirmatum, universim receptum et apud plerosque axiomatis nomen sortitum, scilicet, densitatem materiae corporum cohaerentis proportionalem esse eorundem gravitati. Quod equidem in corporibus homogeneis obtinere non habeo ambiguum: qui enim dubitare possim uni pedi cubico aquae simplum, duobus duplum et materiae et ponderis inesse, non secus ac duos pedes cubicos aëris communis in spacium unius pedis cubici compressos duplicato pondere et dupla materiae densitate gaudere. Verum id in corporibus heterogeneis locum habere nusquam satis evictum invenio, et, si pro vero assumo, phaenomenis rerum naturalium parum consonum esse deprehendo. Omnem assensum praebeo, cum apud viram summum Isaacum Newtonum lego: Aër densitate duplicata in spacio etiam duplicato fit quadruplus, in triplicato sextuplus: idem intellige de nive et pulveribus per compressionem vel liquefactionem condensatis («Princ. Phil. nat. math.» def. 1). At iis, quae ibidem sub finem in sensu generali leguntur: innotescit massa per corporis cuiusque pondus; subscribere nondum possum. Siquidem cum a particulari ad universale nil inferri possit: idcirco nec id, quod de homogeneis jure praedicatur, etiam heterogeneis convenire necessum est. Quamvis autem (ibid., libr. 11, Sect. VI, prop. XXIV) demonstratio theorematis exhibetur, quo quantitates materiae ex pondere aestimari debere

affirmat; inde tamen in universum id verum esse non video. Etenim omnis demonstrationis illius vis nititur experimentis circa collisionem corporum funependulorum institutis. Quae equidem omni cum cura ab eo facta esse non dubito; verum in hoc negotio vel corpora homogenea diversae magnitudinis, vel heterogenea adhibuisse eum, certissimum est. Si prius; nil theoremate illo verius et demonstratione evidentius esse faterer, si in illis notio corporis, homogeneitatis notione esset determinata; sin vero posterius, tum equidem quantitatem materiae in corporibus heterogeneis, quae ad ea experimenta adhibuerat, ex pondere illorum aestimavit, et id, quod demonstrandum erat, jam pro vero assumere sustinuit. Fateor id officere nihil legibus, quibus vires corporum determinantur ex eorum celeritate conspirante cum eorundem resistentia: quocumque enim nomine haec veniat, semper apud mechanicos pondere aestimari solet, qua communi mensura adhibita, nullum errandi periculum circa determinandas magnorum corporum vires timeri potest; verum tamen in explicandis phaenomenis, quae a minimis rerum naturalium dependent, id non temere admittendum esse censeo, si non in errore versari velimus. Adoptata enim in Physicam hac thesi sensu generali intellecta, quid sibi non fingere coguntur ii, qui ex natura minimorum corpusculorum, qualitates corporum particulares explicare aggrediuntur. Non pauca sane, quae inter se pugnant, in uno eodemque corpore posita, etiam apud cordatos viros legere contingit, at quae ab ingeniosissima naturae simplicitate abhorrent, plurima. Mihi equidem id usu evenit, ut, post consumptam omnem curam in confingendis corpusculorum figuris, quae et explicandis qualitatibus corporum particularibus convenirent, et receptae illi in Physicam thesi non officerent, me omni laboris industriaeque fructu privari intellexerim. Longum esset enumerare singula, quae obstant, quo minus materiam corporum ubique eorum ponderi proportionalem esse agnoscere possim; quamobrem nonnulla, quae majoris momenti mihi visa sunt, propono; et primo quidem dari corpora specifica gravitate maxime discrepantia, ejusmodi tamen qualitatibus praedita, ex quibus

non obscure colligi potest, densitatem materiae prope eandem illis inesse. Ejusmodi sunt aurum et aqua inter se comparata. Quamvis enim haec vicesies fere specificè levior est illo; nihilominus tamen haud obscuris indiciis prodit se eadem, qua illud, densitate materiae gaudere: praesertim cum vi externa, quantacunque adhibeatur, nequaquam in minus volumen se cogi patiatur, non aliter quam ipsum aurum. Unde maxime probabile, ac paene extra omne dubium positum est, particulas aquae materiae cohaerentis immediate se mutuo contingere (interlabens enim materia, si qua inter cohaerentis particulas esset, vel levissimae pressioni cederet) adeoque in densissimo fere situ constitutas esse. Porro diversa magnitudo particularum et pororum in diversis corporibus ad comparandam diversam densitatem materiae nihil conferre potest, si in singulis eadem figura particularum, idemque earum situs ponatur; restat igitur, ut ad solam figurae diversitatem refugiamus, si densitatem materiae corporum ponderi eorundem proportionalem esse asserere velimus. Ad fingendam materiam summe densam in corporibus nulla figura corpusculis aptior tribui potest cubica. Sint igitur particulae auri ejusmodi figura praeditae, quamvis ejus pori ipsi aquae, etiam salinis particulis oneratae, patentes, et flexilis adeo natura hujus metalli id concedere prohibeant. Sed in quamnam figuram aquae particulas effingemus? Si ex solidis globulis eam constare ponemus (quod non solum aquae, sed etiam omnium corporum naturalium atomis convenientissimum esse judico), erit densitas materiae in auro dupla circiter, non vigecupla. Sin vero in quolibet globulo cavitatem fingemus, quae solida ejus crusta decies sit major, ita ut cava et sphaerica corpuscula aquae ad cubica et solida auri sint ratione densitatis materiae illius fere ut 1 ad 20; erit crassities crustae corpusculorum aquae, ad diametrum cavitatis eorundem ut 1 ad 60 circiter. Quo posito, aqua constabit ex bullulis gracillimis, quae vix vel levissimae pressioni resistant; cum tamen aqua ingenti vi adacta, strictissimos metallorum poros penetret potius, quam vel tantillum volumini suo detrahi patiatur; et aëre vi frigoris, cum aqua in glaciem abit,

Viro celeberrimo atque Doctissimo Leonhardo Eulero
illustris Scientiarum Academiae Berolinensis
Membro et Professore Regio meritissimo, nec non
Caesareae Academiae Scientiarum Petropolitanae
et Regiae Societatis Scientiarum Linceanae
Membro honorario

S. P. D.

Michael Lomonosoff.

Quanta laetitia sim affectus, acceptis humanissimis
litteris. Tuis, facile aestimare potest, quid in me
in scientiarum studio versatus, et specimina
lucubratorum suarum magnis viris probari
intelligit. Nec minor voluptas hinc quoque
mihi accidit, cum sentiam, quanto emolumentum
meo futura sit Tuae, qua per comitatum
tuam frui mihi licet, amicitia. Materiam
aegre habeoque Tibi gratus, quod non solum
confide Tuo, mihi perquam honorifico, me ad
explicandam n. t. h. quaeque in te, perquam
etiam auxilium praebere valueris ad ipsam
materiam clarius perspicendam, in quam
quidem elaborandam omnem curam atque

Письмо М. В. Ломоносова Л. Эйлеру от 5 июля 1748 г.

Начальный лист собственноручного подлинника

Архив Академии наук СССР

ex poris ejus in bullas congregato, stupendoque elatere urgente solidissima bombardata rumpatur potius, quam illa spacium de suo cedat. Melius equidem firmitati eorum naturam providisse reor, quae tantis viribus oppositura erat. Sed ista uni et alteri qualitati aquae non conveniunt; at reliquae figurarum species, quaecunque in favorem theseos, in dubium hic vocatae, fingi possunt, ineptissimae sunt, cum etiam pelluciditati, volubilitati et omnibus fere aquae qualitibus sunt maxime incongruae. Si itaque aquae particulas ob invictam firmitatem solidas, ob volubilitatem sphaericas ponimus; in ipsa autem ut in auro situm illarum densissimum esse ex monitis superius concludimus; tum profecto densitatem materiae in auro et in aqua haud multum discrepare inficiandum non erit. Simili ratione de multis aliis corporibus, ex. gr. de adamante et mercurio, disputare possem, firmitate et gravitate eorum specifica comparatis; sed cum his propositae thesi contrarium possibile potius quam necessarium evincitur; quamobrem ad ea, quae graviora videntur, propero.

Effectuum phaenomena magis dilucida perspicuaeque reddi cognita illorum causa, nemo dubitat, unde et gravitatis causa perspecta etiam de varietate specificae gravitatis corporum exploratum haberi posse, dubitandum non est. Quamobrem opus est, ut, quantum proposita quaestio expostulat, de causa gravitatis pauca disseram. Non moror eos, qui gravitatem corporum inter essentialia eorum attributa numerant, ideoque nec in causam ejus inquirendum esse putant; sed absque omni dubio cum omnem motum atque tendentiam corporum secundum quamcunque directionem in genere, tum etiam gravitatem, quae species est, ab omni corpore abesse, salva ejus essentia, posse statuo, non secus ac illam quantitatem motus, quae ex incrementis celeritatis cadentium corporum enascitur. Cum itaque ratio sufficiens adesse debeat, cur sensibilia corpora potius tendant versus centrum telluris, quam non tendant; idcirco oportet ut in gravitatis causam inquireamus. Eam vero vel ex impulsione vel ex mera attractione oriri necesse est. Impulsione corpora moveri certissimum est; mera autem attractio in quaestione versatur, nec va-

lida satis argumenta desunt, quae eam ex rerum natura remouent. Quae quamvis Tibi, vir doctissime, nota satis esse non dubitem, nexus tamen gratia nonnulla hic inserere necessarium esse arbitror. Et primo quidem, si mera vis attrahendi in corporibus datur, ad motum producendum illis ingenerata sit, necesse est. Verum et impulsione motum in corporibus produci omnibus manifestum est. Erunt ergo ad eundem effectum producendum duae causae in rerum natura constitutae et quidem secum pugnantes: quid enim magis contrarium esse potest merae attractioni quam pura impulsio? Caeterum a contrariis causis contrarios effectus produci nemo ibit inficias. (Ne quis tamen exempla apparenter urgentia contra haec ponat, ex. gr. animalia aestu pariter ac frigore necari. Causas enim hic non intelligo remotas, quae dari possunt plurimae, sed proximam, quae cuiusvis effectus debet esse unica, ut mortis cessatio motus sanguinis). Quamobrem si mera attractio motum in corporibus producit: quietis ergo causa erit impulsio; quod falsum est: quia impulsio motum in corporibus reuera excitat; adeoque attractio nullum; hoc est nulla datur. Denique ponamus vim attractricem meram in corporibus dari; tum corpus A attrahit aliud corpus B, hoc est illud movet sine ulla impulsione. Unde opus non est, ut corpus A impingat in corpus B, adeoque nec ut versus idem moveatur necesse est; et cum reliqui motus ejus secundum quamcunque directionem aliam ad movendum corpus B nil conferre possunt; sequitur ergo corpus A in absoluta quiete positum movere posse corpus B. Ho[c] autem movebitur versus corpus A, accedet igitur illi novum aliquid, hoc est motus versus corpus A, qui ante in eo non fuit. Omnes autem, quae in rerum natura contingunt, mutationes ita sunt comparatae, ut si quid alicui rei accedit, id alteri derogetur. Sic quantum alicui corpori materiae additur, tantum decedit alteri, quot horas somno impendo, totidem vigiliae detraho etc. Quae naturae lex cum sit universalis, ideo etiam ad regulas motus extenditur: corpus enim, quod impulsione ad motum excitat aliud, tantum de suo amittit, quantum alteri a se moto impertit. Igitur vi hujus legis, motus, qui versus corpus A corpori

B accedit, detrahitur ei, a quo corpus B motum illum acquirit, hoc est corpori A. Sed cum nulli corpori detrahi potest id, quod non habet, necesse igitur est, ut corpus A moveatur, si attrahit corpus B, adeoque corpus A in absoluta quiete positum non potest movere aliud corpus B, quod superius probatis contradicit. Idcirco aut attractio mera locum in rerum natura non habet, aut simul idem esse et non esse, absurdum non est. Ego prius amplector, posterius eis relinquo, qui omnia fere phaenomena unico vocabulo explicare gaudent. Caeterum si instituti ratio permetteret ipsos adire fontes, unde attractio ad naturam corporum derivatur, et scientiam naturalem inundat; liquidior reddi posset, quae hic asseritur, veritas. Verum id ad peculiarem tractationem reservo. Quoniam itaque attractio mera nulla esse potest; sequitur gravitatem corporum sensibilibus ab impulsione proficisci, adeoque dari materiam, quae illa versus centrum telluris urget. Gravium autem corporum etiam minimae particulae sunt graves, unde materiam gravificam agere etiam in minimas particulas, poros angustissimos penetrare liberrime, atque adeo fluidissimam esse debere, manifestum est. Haec autem materiae in particulas corporum agere nequit, nisi in illas impingat, impingere autem non potest, quin illae resistant, hoc est opponant latera sua illi impervia. Hinc autem sequitur, dari particulas, gravia corpora constituentes, materiae gravificae impervias, quae in earum superficiem agit. Quibus ita se habentibus, sit corpus A aequale corpori B extensione et densitate materiae, et corpuscula utriusque, in quorum superficiem materia gravifica agit, sphaerica, simili situ disposita. Sit denique diameter unius corpusculi corporis $A = d$, peripheria ejus $= p$; erit superficies ejusdem $= dp$. Porro, sit diameter corpusculi corporis $B = d - e$, erit ejus superficies $= (d - e)^2 p : d$. Deinde sit numerus corpusculorum corporis $A = a$; quoniam corpus A aequale est corpori B extensione et densitate materiae, et corpuscula sunt in utroque ejusdem figurae et situs (per hypoth.), erit numerus corpusculorum corporis A, ad numerum corpusculorum corporis B, ut cubus diametri corpusculi corporis B ad

cubum diametri corpusculi corporis A, hoc est $= a : \frac{ad^3}{(d-e)^3}$, adeoque summa superficierum corpusculorum corporis A erit ad summam superficierum corpusculorum corporis B $= adp : \frac{ad^3}{(d-e)^3} \times (d-e)^2$ p : d $= \frac{a}{d} : \frac{a}{d-e}$. Quoniam autem corpora gravia validis muris undique circumsepta et lapideis caveis inclusa nil de gravitate sua amittunt; unde liquet materiam gravificam poros corporum pervadendo non retardari, adeoque semper eadem celeritate moveri, et in singula corpuscula eodem impetu ruere. In corporibus autem A et B eadem est quantitas materiae (per hypoth.), adeoque eadem inertia. Diversitas igitur actionis fluidi gravifici, erit in ratione superficierum, in quas incurrit. Cum vero summa superficierum corpusculorum corporis A minor eat quam summa superficierum corpusculorum corporis B (per demonstrata), minorem igitur vim exercebit fluidum gravificum in corpus A, quam in corpus B, atque adeo corpus B erit specificè gravius corpore A. In utroque autem corpore densitas materiae est eadem (per hypoth.), ea igitur gravitati proportionalis non est. Haec a diversa corpusculorum mole necessario fieri debent; sed idem quoque deducitur, ubi corpusculis diversarum corporum diversa figura tribuitur. Si itaque gravitatem corporum proportionalem densitati materiae eorum ubique volumus; tum aut omnium corporum particulas fluido gravifico impervias in universum ejusdem molis et figurae ponere, aut fluidum illud abrogare debemus. Priori stupenda rerum naturalium varietas obstat; posterius et sanam rationem offendit et qualitativis occultis patrocinator. Super haec id considerandum venit, quod, si mundum adspectabilem plenum materia statuimus; materiam gravitate carentem admittere debemus; alias enim omnia corpora in fluido aethereo nec ascendere nec descendere vi gravitatis possent. At si materiam gravitate carentem concedimus, necessario a majori concludendum erit, dari diversas materias gradu gravitatis specificae aliis materiis cedentes. Quod etiam loquitur analogia aliarum qualitatum,

quibus corpora sensibilia gaudent; quippe lumen cum tolli de corpore possit, variat etiam gradu intensionis. Sic de sono, elatere, sapore et reliquis notissimum est.

Si itaque statuere velimus gravitatem corporum specificam differre pro ratione superficierum, quas corpuscula fluido gravifico impervia eidem opponunt; tum non solum memoratae superius difficultates sublatae erunt omnes, verum etiam amplior via aperietur cum ad pleraque phaenomena dilucidius explananda, tum etiam ad naturam minimorum corpusculorum examinandam. Etenim posita summa superficierum corpusculorum auri fere vicesies majore, quam summa superficierum corpusculorum aquae in aequalibus voluminibus, erit aurum vicesies fere gravius, quam aqua, manente eadem materiae densitate. Ne hic autem mihi objiciatur, poros auri a subtilitate corpusculorum ejus debere esse tam angustos, ut corpuscula aquae, quae ob minorem ejus gravitatem majora sunt, atque adeo etiam aquae regiae particulae, eos penetrare non possint; dico aquam regiam ingredi solum eos auri poros, qui sunt inter corpuscula hujus metalli mixta, hoc est concreta ex principiis heterogeneis, inter quae aqua regia non penetrat, alias enim miscibilia auri dissolveret, adeoque ipsum prorsus destrueret. Porro hujus theoriae auxilio removetur prorsus illa de igne in corporibus calcinatis fixo opinio. Quamvis enim nullum sit dubium, particulas ex aëre, super corpus calcinandum continuo fluente, illi immisceri et pondus ipsius augere; verum si experimenta in ocluso vase facta proferantur, cum aucto etiam calcinati corporis pondere; responderi poterit, cohaesione particularum per calcinationem sublata, latera illarum, quae antea contactu erant occupata, jam libere fluido gravifico exponi, ideoque fortius ad centrum telluris premi. Denique nec inutilem fore hanc theoriam puto ad magnitudinis rationem inter corpuscula corporum diversi generis inquirendam, si nempe mixtio, situs et figura illorum aliunde innotuerint. Sed haec exempli gratia producere tantum lubuit. Plura offerrem, si me jam plus satis prolixum hic fuisse non viderem. Addo tamen, juxta probata superius aërem multo graviorem

aqua esse debere, si quando corpuscula ejus sunt in situ summe denso. Ea enim sunt minora aquae particulis, quia poros ejus ingrediuntur.

Haec sunt, Vir celeberrime, quae jam per aliquot annos volvo, quaeque mihi obstant, quominus ea, quae, investigando causas qualitatuum particularium profeci, in unum systema redigere atque publici juris facere possim. Tuo autem acutissimo judicio ex hoc labyrintho me extricatum iri non dubito. Accipe, Vir incomparabilis, ea, qua praeditus es, animi aequitate hasce meditationes meas, mihi que favere perge. Vale.

Dabam Petropoli die 5 Julii stili vet. A. S. 1748.

Перевод

Знаменитейшему и ученейшему мужу Леонарду Эйлеру, заслуженнейшему королевскому профессору и члену славной Берлинской академии наук, а также почетному члену императорской Петербургской Академии Наук и Лондонского королевского общества

нижайший привет шлет

Михайло Ломоносов

Каждый, кто занимается наукой и встречает одобрение трудам своим со стороны великих людей, легко поймет, как я обрадовался, получив ваше любезное письмо. Не меньше удовольствия доставляет мне и мысль о том, какую поддержку окажет мне в будущем ваша дружба, которую я обязан вашей благосклонности. Очень вам признателен, что вы не только вашим советом, для меня особенно почетным, побуждаете меня к объяснению рождения селитры, но и даете мне точку опоры для более ясного познания самого предмета, разработкой которого я занимаюсь со всей заботой и старанием. Я читаю, с большой пользой для себя, «Артиллерию» Робинса, снабженную вашими превосходнейшими замечаниями. Но так как я полагаю, что, узнав настоящую причину упругости воздуха, легче можно раскрыть силу, которая сгущает воздух в селитре, то поэтому я счел целесообразным предпослать трактату о рождении селитры теории упругости воздуха, которой начало я положил еще тогда, когда начал серьезно размышлять о мельчайших составных частях вещей; я вижу, что она и теперь совершенно согласуется с остальными моими представлениями, которые я себе составил о частных качествах тел и о химических операциях. Хотя все это,

и даже всю систему корпускулярной философии, мог бы я опубликовать, однако боюсь, как бы не показалось, что я даю ученому миру незрелый плод скороспелого ума, если я выскажу много нового, что по большей части противоположно взглядам, принятым великими мужами. Поэтому считаю необходимым последовать совету тех, чье суждение изощрено постоянным занятием важными вопросами, авторитет же приобретен заслугами. Так как кроме обоих этих качеств вы, муж снисходительнейший, еще, знаю, и благосклонны ко мне, то я не сомневаюсь, что вы выслушаете благожелательно то, что я предлагаю вашему просвещеннейшему суду, и, заметив пункты, недостаточно у меня обоснованные, не поставите себе в труд откровенно, как всегда, указать мои ошибки. Прежде всего считаю необходимым изложить то, с чем мы встречаемся в самом начале естественных наук.

При попытках привести к достоверности начала химии и все, что широко распространено в области углубленной физики, мне преграждает путь общепринятое мнение, считающееся у большинства аксиомой, что плотность связанной материи тел пропорциональна их весу. Что это справедливо для тел однородных, я признаю без колебания; как же я могу сомневаться, что в одном кубическом футе воды вмещается одна единица веса и вещества, а в двух — две, и что два кубических фута воздуха, сжатые до объема одного кубического фута, имеют двойной вес и двойную плотность вещества; нигде не вижу, однако, чтобы это было достаточно доказано для тел разнородных, а приняв это на веру, усматриваю здесь несоответствие явлениям природы. Я изъявляю полное согласие, когда читаю у выдающегося мужа Исаака Ньютона: воздух удвоенной плотности в удвоенном пространстве делается четверным, в утроенном — шестерным; то же самое разумею для снега или порошков, уплотненных сжатием или приведением в жидкое состояние («Математические начала натуральной философии», опред. 1). Но не могу согласиться с высказываемым в конце общим заключением, что масса познается по весу каждого тела.

Поскольку нельзя умозаключать от частного к общему, то и нет необходимости, чтобы то, что справедливо утверждается относительно однородных тел, имело силу и для разнородных. Хотя (там же, кн. II, разд. VI, предл. XXIV) дается доказательство теоремы, утверждающей, что количество материи следует определять по весу, я все-таки не вижу, чтобы положение это было верным вообще. Вся сила этого доказательства зиждется на опытах со столкновением тел, образующих маятники. Я не сомневаюсь, что они проделаны им со всею тщательностью; очевидно, однако, что для них брались или однородные тела разной величины

или же тела разнородные. В первом случае я согласился бы с полной истинностью теоремы и с убедительностью доказательства, если бы в них понятие тела определялось через понятие его однородности; во втором же окажется, что он определял количество вещества в разнородных телах, которые он брал для опытов, по их весу и принимал за истину то, что следовало доказать. Я согласен, что это не наносит никакого ущерба законам, определяющим силы тела по их скорости совместно с их сопротивлением; под каким бы названием ни рассматривалось последнее, в механике всюду оно оценивается по весу тел, и нечего бояться ошибок в определении сил крупных тел, так как здесь применяется всюду одно и то же измерение; но я считаю невозможным приложить теорему о пропорциональности массы и веса к объяснению тех явлений, которые зависят от мельчайших частиц тел природы, если мы не хотим все время ошибаться. Так как в физике положение это принято как общее для всех явлений, то чего только не приходится придумывать тем, кто берется объяснять частные качества тел, исходя из природы мельчайших корпускул. Даже у людей большого ума случается встретить приписывание противоречивых свойств одному и тому же телу; очень много у них такого, что совершенно чуждо мудрейшей простоте природы. Да и сам я, потратив много труда на изыскание фигуры частиц, объясняющей частные свойства тела и не противоречащей приведенной физической теории, понял, что не получу никаких плодов от своей прилежной работы. Долго было бы перечислять по отдельности все, что не позволяет мне признать неизменную пропорциональность между массой тел и их весом; я приведу здесь то, что мне кажется наиболее важным. Во-первых, имеются тела самого различного удельного веса, обладающие такими свойствами, из которых совершенно ясно, что плотность материи их почти одинакова. Таковы, например, золото и вода, если их сравнивать друг с другом.

Вода почти в двадцать раз легче золота, однако по признакам совершенно ясным имеет такую же плотность материи; и прежде всего ее, так же как и золото, нельзя сжать в меньший объем приложением какой бы то ни было внешней силы. На этом основании представляется весьма вероятным и почти несомненным, что частицы связанной материи воды находятся в непосредственном соприкосновении (ибо протекающая материя, если бы таковая находилась в промежутке между связанными частицами, уступила бы малейшему давлению) и, следовательно, расположены, можно сказать, наиболее плотно. Затем, различная величина частиц и пор в разных телах нисколько не может содействовать приобретению различий в плотности материи, если допустить, что в каждом теле фигура и расположение частиц одинаковы. Итак, приняв пропорциональность плотности тела весу его, остается прибегнуть к различию фигуры. Для того чтобы плотность материи в телах была наибольшей, самой подходящей фигурой

корпускул будет кубическая. Итак, допустим, что частицы золота имеют подобную форму, хотя его поры, открытые для самой воды, даже загруженной соляными частицами, а также и вполне гибкая природа этого металла и препятствуют признать это. Но какую форму припишем мы частицам воды? Если мы предположим, что она состоит из сплошных шариков (что я считаю наиболее подходящим не только для воды, но и для атомов всех природных тел), то плотность материи золота будет больше приблизительно в два раза, а не в двадцать раз. Если же мы представим себе в каждом шарике полость, которая будет в десять раз больше его плотной оболочки, так что полые шарообразные частицы воды будут по плотности материи относиться к кубическим сплошным частицам золота приблизительно как 1 к 20, то толщина оболочки частиц воды будет относиться к диаметру их полости приблизительно как 1 к 60. При этом условии вода будет состоять из тончайших пузырьков, которые едва окажут сопротивление даже самому слабому давлению, тогда как вода, нагнетаемая с весьма большой силой, скорее проникнет в самые узкие поры металлов, чем потерпит хотя бы ничтожный ущерб в своем объеме; и когда при замерзании воды воздух из ее пор силою холода собирается в пузырьки и давит с величайшей упругостью, то скорее разорвется прочнейшая бомба, чем вода уступит сколько-нибудь из своего пространства. Думаю, что природа лучше позаботилась о прочности тех [частиц], которые намеревалась противопоставить таким силам. Но сделанное предположение противоречит лишь одному-двум качествам воды; остальные же виды фигур, которые можно было бы представить в поддержку подвергнутого здесь сомнению тезиса, вовсе непригодны как находящиеся в полном несоответствии также с прозрачностью, подвижностью и почти всеми другими качествами воды. Итак, если мы на основании непреодолимой прочности частиц воды будем считать их сплошными и на основании их подвижности шарообразными и сделаем из сказанного выше тот вывод, что расположение частиц в воде, как и в золоте, наиболее плотное, то конечно нельзя будет отрицать, что плотность материи в золоте и в воде различается мало. Подобным же образом я мог бы рассуждать и обо многих других телах, напр., об алмазе и ртути, сравнивая их твердость и удельный вес; но так как этим путем можно установить лишь вероятность, но не необходимость утверждения, обратного рассматриваемому тезису, то я перехожу к тому, что представляется более важным.

Никто не сомневается в том, что явления, представляющие собой следствия, становятся яснее и понятнее, если познана их причина; поэтому нельзя сомневаться в том, что, усмотрев причину тяготения, можно считать объясненными и различия в удельном весе. Поэтому я должен, как того требует поставленный вопрос, коротко высказаться о причине тяготения.

Я не буду вступать в спор с теми, кто считает тяготение тел одним из их существенных атрибутов и потому полагает, что и исследовать его причину нет надобности; но я без всякого колебания признаю, что как всякое вообще движение и стремление тел в каком бы то ни было направлении, так и тяготение, представляющее собой разновидность [такового], может у всякого тела без нарушения его сущности отсутствовать, точно так же, как и то количество движения, которое порождается из приращения скорости падающих тел. Так как, следовательно, должно существовать достаточное основание, в силу которого ощутимым телам свойственно скорее устремляться к центру земли, чем не устремляться, то приходится исследовать причину тяготения. Возникать оно должно либо от толчка, либо от чистого притяжения. Что тела могут двигаться от толчка, это вполне достоверно; чистое же притяжение остается под вопросом, и нет недостатка в достаточно веских доводах, устрояющих его из природы вещей. Хотя я не сомневаюсь, что вам, ученейший муж, они достаточно известны, однако считаю необходимым ради связности привести здесь некоторые из них. Прежде всего, если в телах существует чистая сила притяжения, то необходимо допустить, что она прирождена им для производства движения. Но всем известно, что движение тел производится и толчком. Окажется, следовательно, что для вызывания одного и того же следствия в природе существуют две причины, и притом противоположные одна другой: ибо что может быть более противоположным чистому притяжению, чем простой толчок? Но никто не станет отрицать, что противоположные причины должны производить противоположные следствия. (Пусть не приводят против этого примеров, кажущихся противоречащими, напр., что живые существа умерщвляются одинаково жаром и холодом. Ибо я здесь подразумеваю не отдаленные причины, которых может быть множество, а ближайшую причину, которая для каждого следствия должна быть единственной, как например для смерти прекращение кровообращения). Поэтому если чистое притяжение производит в телах движение, то толчок окажется причиной покоя; но это ложно, так как в действительности толчок возбуждает в телах движение; значит, притяжение не возбуждает движения, т. е. вовсе не существует. Наконец, предположим, что в телах существует сила чистого притяжения: тогда тело А притягивает тело В, т. е. движет его без какого-либо толчка. Значит, не нужно, чтобы тело А ударилось в тело В, а следовательно, нет необходимости и в том, чтобы оно двигалось по направлению к нему; а так как остальные движения его в каком бы то ни было другом направлении не могут иметь никакого значения для приведения в движение тела В, то отсюда следует, что тело А, находясь в абсолютном покое, движет тело В. Последнее же будет двигаться по направлению к телу А, то есть к нему прибавится нечто новое, а именно движение к телу А, которого в нем ранее не было.

Но все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется к какому-либо телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю у бодрствования, и т. д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому. Итак, в силу этого закона прибавившееся к телу В движение по направлению к телу А отнимается от туда, откуда тело В приобретает это движение, т. е. от тела А. Но так как ни от какого тела нельзя отнять то, чего в нем нет, то необходимо, чтобы тело А двигалось, если оно притягивает тело В, и, следовательно, тело А, находясь в абсолютном покое, не может двигать другое тело В, а это противоречит доказанному выше. Таким образом, или чистое притяжение не существует в природе, или не является нелепостью, что одно и то же одновременно и существует и не существует. Я принимаю первое, а второе предоставляю тем, кто рад чуть ли не все явления объяснить одним единственным словом. Впрочем, если бы характер поставленной задачи позволил обратиться к самым источникам, откуда притяжение вносится в природу тел и наводит естественные науки, то утверждаемая здесь истина могла бы стать яснее; но я оставляю это для специальной разработки. Итак, поскольку никакое чистое притяжение не может существовать, то отсюда следует, что тяготение ощутимых тел происходит от толчка, и, следовательно, существует материя, которая толкает их к центру земли. Но тяжестью обладают и мельчайшие частицы тяжелых тел, откуда очевидно, что тяготительная материя воздействует даже на мельчайшие частицы, вполне свободно проникает в самые узкие поры и, следовательно, должна быть в величайшей степени текучей. Но воздействовать на частицы тел эта материя не может иначе, как ударяясь в них, ударяться же не может без того, чтобы они оказывали ей сопротивление, т. е. противопоставляли ей свои бока, для нее непроницаемые. Отсюда следует, что существуют составляющие тяжелые тела частицы, непроницаемые для тяготительной материи, которая действует на их поверхность. Пусть, при этих условиях тело А равно телу В протяжением и плотностью материи, и частицы того и другого тела, на поверхность которых действует тяготительная материя, шарообразны и имеют одинаковое расположение. Пусть, наконец, диаметр каждой частицы тела А равен d , а окружность равна ρ ; тогда ее поверхность будет равна $d\rho$. Пусть, далее, диаметр частицы тела В равен $d - e$; ее поверхность будет равна $(d - e)^2 \rho : d$. Затем, пусть число частиц тела А равно a ; так как тело А равно телу В протяжением и плотностью материи, а частицы того и другого по условию имеют одинаковую форму и одинаковое расположение, то число частиц тела А будет

относиться к числу частиц тела В, как куб диаметра частицы тела В к кубу диаметра частицы тела А, т. е. это отношение будет равно $a : \frac{ad^3}{(d-e)^3}$, и, следовательно, сумма поверхностей частиц тела А будет относиться к сумме поверхностей частиц тела В, как

$$adp : \frac{ad^3}{(d-e)^3} \times (d-e)^2 p : d = \frac{a}{d} : \frac{a}{d-e}.$$

А так как тяжелые тела, отовсюду окруженные толстыми стенами и заключенные в каменные погребя, ничего не теряют из своей тяжести, то отсюда ясно, что тяготительная материя, проходя через поры тел, не задерживается, а всегда движется с одной и той же скоростью и обрушивается на отдельные частицы с одинаковым натиском. Но у тел А и В, по условию, одинаковое количество материи и, следовательно, одинаковая инерция. Итак, различие действия тяготительной жидкости будет определяться отношением поверхностей, с которыми она сталкивается. А так как, по доказанному, сумма поверхностей частиц тела А меньше, чем сумма поверхностей частиц тела В, то тяготительная жидкость будет действовать на тело А с меньшей силой, чем на тело В, и, следовательно, тело В будет обладать большим удельным весом, чем тело А. Но в обоих телах, по условию, плотность материи одна и та же, следовательно, она не пропорциональна тяжести. Это по необходимости должно быть при различной величине частиц; но то же самое выводится и в том случае, когда частицам различных тел приписывается различная фигура. Итак, если мы хотим признать, что тяжесть тел везде пропорциональна плотности их материи, то мы должны или положить, что непроницаемые для тяготительной жидкости частицы всех вообще тел обладают одной и той же величиной и фигурой, или отвергнуть тяготительную жидкость. Первому противоречит поразительное разнообразие тел природы, второе противно здравому смыслу и ведет к признанию таинственных качеств. Кроме того, надо принять в соображение, что если мы признаем видимый мир полным материи, то должны допустить и невесомую материю, ибо иначе тела не могли бы ни подниматься, ни опускаться силою тяжести в эфирной жидкости. Если же мы принимаем невесомую материю, то, переходя от большего к меньшему, придется заключить, что существуют различные материи, уступающие другим материям по удельному весу. О том же говорит и аналогия прочих качеств, которыми обладают осязательные тела; так, свет может быть отнят от тела, но может и меняться по степени интенсивности; то же общеизвестно и для звука, упругости, вкуса и прочих качеств.

Если мы, таким образом, согласимся признать, что удельный вес тел изменяется пропорционально поверхностям, противопоставляемым тяготи-

тельной жидкости непроницаемыми для нее частицами, то не только будут устранены все упомянутые выше затруднения, но и откроется более широкий путь как для лучшего объяснения весьма многих явлений, так и для исследования природы мельчайших частиц. Действительно, если положить, что сумма поверхностей частиц золота приблизительно в двадцать раз больше, чем сумма поверхностей частиц воды в равном объеме, то окажется, что золото почти в двадцать раз тяжелее воды при той же плотности материи. И чтобы мне здесь не возражали, что поры золота вследствие тонкости его частиц должны быть столь узкими, что в них не смогут проникнуть частицы воды, которые, вследствие ее меньшего веса, имеют большую величину, и даже частицы царской водки, я скажу, что царская водка проникает лишь в те поры золота, которые находятся между смешанными частицами этого металла, т. е. частицами, составленными из разнородных начал, между которыми царская водка не проникает, ибо иначе она разъединила бы составные части золота и, следовательно, совершенно разрушила бы его само. Далее, при помощи этой теории совершенно отвергается известное мнение об огне, остающемся в кальцинированных телах. Действительно, хотя нет никакого сомнения, что частицы из воздуха, непрерывно текущего на кальцинируемое тело, смешиваются с последним и увеличивают его вес, однако, если учесть опыты в замкнутом сосуде, при которых также увеличивается вес кальцинируемого тела, то можно будет ответить, что вследствие уничтожения сцепления частиц кальцинированием их поверхности, ранее закрытые взаимным соприкосновением, оказываются уже свободно подверженными тяготительной жидкости и потому сильнее притягиваются к центру земли. Наконец, бесполезной, думаю я, будет эта теория и для исследования отношения величин частиц, принадлежащих телам различного рода, если на основании других данных станут известны их состав, расположение и фигура. Но я счел нужным привести это лишь в качестве примера. Я предложил бы больше, если бы не видел, что уже распространен здесь более чем достаточно. Добавлю, однако, что, согласно показанному выше, воздух должен быть гораздо тяжелее воды, если только частицы его окажутся в наиболее тесном расположении. Действительно, его частицы меньше частиц воды, так как входят в ее поры.

Во! знаменитейший муж, что я обдумываю уже несколько лет и что не позволяет мне привести в единую систему и опубликовать результаты моих исследований, относящихся к причинам частных качеств. Но не сомневаюсь, что ваше острое суждение освободит меня из этого лабиринта. Примите, несравненный муж, эти мои размышления со свойственной вам непредубежденностью и не оставляйте меня вашим благосклонным расположением. Будьте здоровы.

Петербург, 5 июля ст. ст. 1748 г.

12

1748 ИЮЛЯ 12—СЕНТЯБРЯ 3. К. Г. РАЗУМОВСКОМУ

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Кирил Григорьевич!

Ведая, что ваше сиятельство имеете к наукам любовь и ревность, равную той власти, которая вам поручена от всемилостивейшей монархини нашей к правлению и распространению оных, принимаем дерзновение утруждать ваше сиятельство вторичным поданием нижайшего нашего прошения о рангах. И как мы надеемся, что наше нижайшее прошение справедливо, так и уповаем несомненно, что вашего сиятельства праведное изволение на то к совершенному нашему удовольствию воспоследует. Ваше сиятельство чрез особливую е. и. в. к вам высочайшую милость имеет случай в рассуждении сего сделать два великие дела, то есть, исходатайствовав нам ранги, умножить в российском народе почтение и охоту к наукам, а себе тем приобрести вечную славу. Что честь Академии Наук вашему сиятельству любезна и что она по вашем сиятельстве, яко главе, состоит в ее членах, сего никто не оспорит. Того ради отнюдь не сомневаемся, что ваше сиятельство долее не попустит, чтобы мы почтались в одних рангах с теми, которые и с адъюнктами нашими учением сравниться не могут, каковы Морской академии учителя.^а Все природные и чужестранные в службе е. в., кроме нас, почтены пристойными рангами. Того ради вашему сиятельству приносим всепокорнейшее прошение, чтобы и мы вашего сиятельства милостивым предстательством той же е. в. высочайшей милости наслаждаться удостоены были. За такое вашего сиятельства милостивое ходатайство благодарность членов Академии дотоле продолжится, пока Академия Наук здесь процве-

^а Каковы... учителя написано вместо зачеркнутого например, Адмиралтейской академии учителями, которые и сами еще в Англии учились.

тать будет, а наша искренняя к вашему сиятельству ревность в том непрестанно простираться будет, чтоб мы достойны всегда были вашего великодушия.

Сиятельнейший граф,
милостивый государь,
вашего сиятельства
всепокорнейшие и послушные слуги,
Академии Наук профессоры

Перевод М. В. Ломоносова

Indem wir versichert sind, daß Ew. Excellence eine solche Liebe und Eifer zu denen Wießenschafftten hegen, die der Gewalt gleich ist, welche von Ihro K. M. unserer allergnädigsten Monarchin, zu derer direction und Fortpflanzung Ew. Excell. anvertrauet worden, so nehmen wir die Freyheit Ew. Ex. mit Übergebung einer wiederhohleten unterthänigsten Bitte wegen unseren Rangs zu bemühen. Und da wir hoffen das unseres unterthänigstes Ersuchen billig ist, so leben wir des festen Vertrauens, daß Ew. Exc. gerechte Einwilligung zu unserem vollkommenen Vergnügen darauf erfolgen werde. Ew. Ex. durch die besondere Ihro M. gegen dieselben Allerhöchsten Gnade haben die Gelegenheit zwey große Thaten inansehung dieses ins Werk zu stellen, nämlich durch die Auswirkung des uns zugehörigen Rangs die Beehrung und Lust zu den Wießenschafftten in der Reußischen Nation zu vermehren, Sichselbsten aber einen ewigen Ruhm zu erwerben. Daß die Ehre der Academie der Wießenschafftten Ew. Ex. sehr angenehm ist, und daß dieselbe neben Ew. Ex. als dem Oberhaupte in den Gliedern derselben besteht, ist unstreitig. Also zweifeln wir keinesweges, daß Ew. Ex. nicht länger dulden werden, daß wir mit denen in einem Range verstanden werden, welche nicht mahl mit unseren Adjunctis in Ansehung der Wießenschafft verglichen werden können, dergleichen sind die Informatores in der

Admiralitäts-Academie. Alle sowohl eingebohrene Rußen als auch Ausländer, die in Ihro M. Diensten stehen, sind außer uns mit einem gehörigen Rang begnadiget, deswegen ergethet an Ew. Ex. unseres gehorsamstes Bitten, dass auch wir durch deroselben gnädiges Vorsprechen dergleichen Ihro M. allerhöchsten Gnade zu genüßen gewürdiget werden. Für eine solche Ew. Ex. gegen uns Wohlthat die Dankbarkeit aller Academischen Gliedern wird verharren, so lange die Academie der Wießenschafften in ihrem Flor verbleibet; und unserer zu Ew. Ex. redlicher Eifer wird unaufhörlich dernach streben, damit wir uns allezeit dero Grossmüthigkeit würdig bezeugen.

13

1748 ОКТАБРЯ 12. В. К. ТРЕДИАКОВСКОМУ

Государь мой Василей Кирилович!

Вы изволили мне объявить словесно, что в Собрании требуют от меня мнения о университетском регламенте. То я оное кратко объявляю и думаю, что в Университете неотменно должно быть трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых бы производились в магистры, лиценцияты и доктора. А ректору при нем не быть особливому, но все то знать эфору или надзирателю, что в внесенном в Историческое собрание регламенте на ректора положено, ибо ректор в университете бывает главный командир, а здесь он только будет иметь одно имя. Не худо, чтобы Университет и Академия имели по примеру иностранных какие-нибудь вольности, а особливо, чтобы они освобождены были от полицейских должностей.

Что ж надлежит до стихов Александра Петровича,¹ то не имея к себе прямо ордера, в Канцелярию репортовать не могу; но только на ваше письмо² вам отвечаю и думаю, что г. сочинителю сих эпистол можно приятельски посоветовать, чтобы

он их изданием не поторопился и что не същует ли он чего-нибудь сам, что б в рассуждении некоторых персон отменить несколько надобно было. Присылая его стихи, остаюсь

ваш государя моего ^а
на подлинном подписано тако:
Михайла Ломоносов

12 октября
174[8] года

14

1749 ЯНВАРЯ 27. В. Н. ТАТИЩЕВУ

Милостивый государь Василей Никитич!

Письмо, чрез которое ваше превосходительство изволили мне объявить о удостоении меня вашего снисходительства, принесло мне немалую радость, ибо, кроме того, что особою вашего превосходительства к почтению всяк побужден быть должен, имел я издавна желание изыскать случай, как бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте вашей к российскому языку слышал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю. Сие желание паче моего чаяния ныне исполнилось, и сообщенное мне от вашего превосходительства предызвещение о «Российской истории» и прочие ваши примечания, от г. советника Шумахера мне сообщенные, прочитал с великою охотою и радостию о успехах, которые ваше превосходительство в российской истории имеете. По требованию вашего превосходительства приношение его высочеству, сочиненное мною, при сем прислать честь имею и отдаю на ваше рассуждение. Что до предызвещения надлежит, то оно весьма изрядно и во всем достаточно и поправления никакого не тре-

^а В неполной копии, писанной рукою В. К. Третьяковского, слова ваш государя моего заменены словами Покорный слуга.

бует, разве только о следующем подумать можно: ваше превосходительство изволили показать в причине, для чего не соблаговолили к сочиненной вами истории присовокупить жизни государя императора Петра Великого, что, упоминая худые дела знатных некоторых людей, не досадить бы их фамилии, то сие правило надлежит, по моему мнению, наблюдать и в самом предызвещении. Однако оному противное находится при ответе князя Долгорукова, о чем ваше превосходительство сами больше рассудить можете.¹ Совет вашего превосходительства о предложении псалмов мне весьма приятен, и сам я давно к тому охоту имею, однако две вещи препятствуют. Первое — недосуги, ибо главное мое дело есть горная наука, для которой я был нарочно в Саксонию послан, также химия и физика много времени требуют, кроме текущих дел в Академических собраниях; второе — опасение, ибо я не смею дать в предложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют. Так, принявшись предлагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: «Змий сей, его же создал^a еси ругатися ему», вместо: «се кит, его же создал еси презирати оное» (то есть море, его пространство).² Псалма, предложенного Феофаном, архиепископом, при письме вашего превосходительства не нашлось, и думаю, что он ошибкою остался. При сем имею честь прислать вашему превосходительству все оды, мною сочиненные и в печать изданные,³ и впредь мои сочинения[ми] с охотою вашему превосходительству служить готов, как и ныне пребываю с глубоким почтением

вашего превосходительства
всепокорный слуга
М[ихайло] Л[омоносов]

Генваря 27 дня
1749 году

^a В копии описки возда\

Приложение

Пресветлейший государь великий князь, милостивейший
государь.

Дела бывших в России владетелей, а особливо самодержавных в. и. в. предков коль велики, ясно показывают широко распространенные пределы сего государства, но как оное возростало и умножение его могущества и славы коль тяжким затруднениям подвержено было, и как оные преодолены, о том весьма немногие знание имеют, лишаясь достоверного описания деяний российских, чрез что похвала государей, заслугами своими Россию одолживших, равно как и древнего российского народа славное имя затмевается, и добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений остаются в закрытии. Искренняя моя любовь и горячее усердие к отечеству побудили меня по моей возможности пособить сему недостатку, и для того еще при жизни блаженные и бессмертные памяти государя императора Петра Великого начал я прилагать^a крайнее мое старание к собранию и приведению в порядок российской истории из разных книг рукописных российских и некоторых иностранных авторов. Плод сего моего многих лет труда есть настоящая книга, которую приношу в честь вашему высочеству и уповаю, что, подражая Петру Великому, который воспоминанием славных дел предков своих часто увеселялся и описания оных охотно читать изволил, ваше высочество сей мой труд милостивейше принять изволите. В нем найдется немало таких примеров, которые природную добродетель к достохвальным делам побуждать могут.

В. и. в. превосходные достоинства подают бессомненную надежду, что во время, определенное от бога, ревностного подражателя бессмертным к себе заслугам венчаных [в] вашем высочестве увидит Россия, с которою купно приношу ко всевышнему усердые желания, да благословит и укрепит в. в. силою сво[е]ю к общему нашему благополучию, и ежели судьба его та-

^a В копии описки предлагать

кой предел положила, что несравненных дел Петра Великого человеческой силе превысить невозможно, то да присовокупит к дражайшей жизни в. в. оные лета, которых верные сынове отечества его величеству по смерти желали.

Пресветлейший государь великий князь,
милостивейший государь,
вашего императорского высочества

15

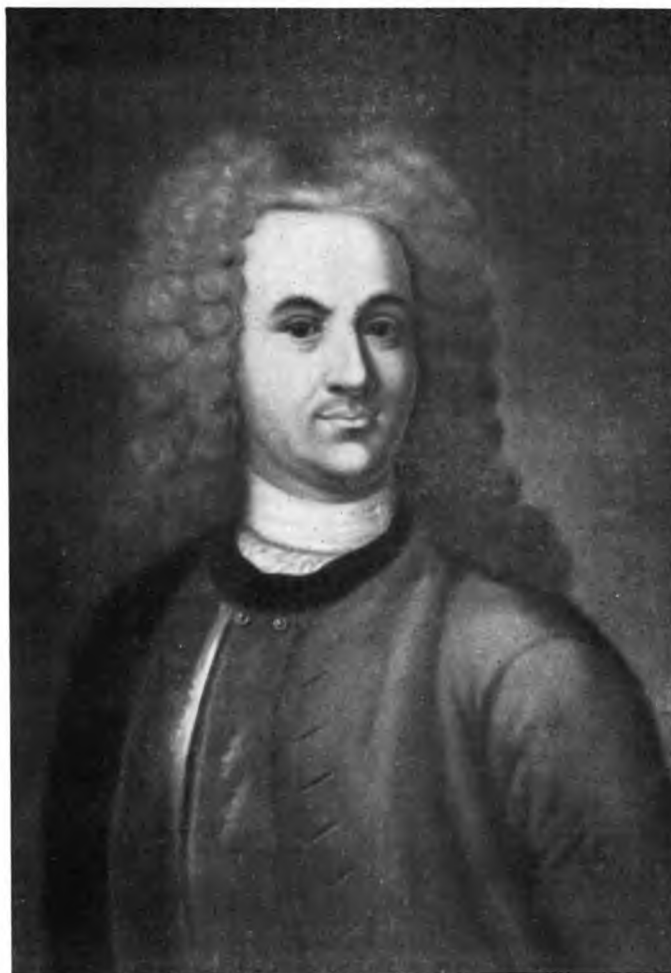
1749 МАЯ 27. Л. ЭЙЛЕРУ

Viro celeberrimo ac incomparabili Leonhardo Euler
Regiae Academiae Scientiarum Berolinensis
Membro ac Directori, Professori Regio meritissimo,
nec non Academiae Scientiarum Imperialis Petropoli-
tanae, et Regiae Societatis scientiarum Londinensis^a
Membro honorario Michael Lomonosoff

S. P. D.

Has ad Te, Vir celeberrime, litteras mittenti mihi vix sup-
petit causa, qua moram meam in Te compellendo excusem, nisi
quod eam causationem humanissime accipere velis, si me ad lit-
teras, quibus nil nisi salutatio continetur, scribendas pigerrimum
esse fatear. Negare tamen non possum me praeter id, quod se-
ria defuerit res, de qua ad Te scriberem, etiam haud levibus
negotiis praepeditum fuisse. Equidem ex quo litteras Tuas ac-
cepi, de laboratorio Chymico, quod sumptibus Augustae in
horto Academico praeterita aestate exstructum est, disponendo
atque vasis, instrumentis et materiis instruendo sollicitus fui, ea
quibus in excolenda lingua vernacula occupatus fui, praetermitto.
Semper quidem in animo habui de gravitatis et materiae ratione
ad ea, quae mihi respondere non fuisti gravatus, plura propo-
nere; sed cum pauca eorum momenti alicujus mihi visa fuerint,

^a В подлиннике описка Berolinensis.

В. Н. ТАТИЩЕВ

Портрет работы неизвестного художника

Государственный Эрмитаж

graviora igitur inventurus scriptionem litterarum de die in diem distuli. Nec tum cum dissertationem meam de nitro Berolinum mitterem ad Te scribere aliquid licuit; nam cum in tertio capite pertractando versarer, uxor mea filiolum peperit, quare vix opusculum ipsum absolvere potui. Quoniam tempus, ad praemium distribuendum constitutum praeterlapsum est, nec ex novis publicis litterariis constat, quis praemium adeptus sit: a Te igitur, Vir celeberrime, peto, ut me hac de re certiore facere velis. Caeterum ad meam dissertationem sub sententia, cognitio principiorum in Chymia tanti est, quanti principia ipsa in corporibus, missam apposui dissertationem de vi aëris elastica, quam a Te lectam esse non dubito. In ea desideratur explicatio notissimae legis, scilicet: aëris elasticitates esse densitatibus proportionales. Quam ideo non attigi, quoniam non parum dubito, eam in qualibet compressione aëris valere. Dubitatio ista originem duxit ex quadam inconvenientia Theoriae meae cum illa quam Bernoulliana deductio (in Hydrodynamica, p. 243) primum in notis Tuis ad Robinsium lecta non leviter confirmavit; nec exiguum ponderis auxerunt sequelae calculo deductae ex Richmannianis et meis propriis experimentis circa disruptionem durissimorum corporum per congelascentem aquam. Aër enim, qui resumtis in glacie viribus corpora disrumpebat, decuplo, et quod excedit, integra massa glaciei gravior esse deberet, si vires in corpora rupta exsertae densitatibus proportionales essent, quod ex cohaesione ferri fusi et vitri, ex quibus bombae rumpendae confectae erant, colligere licuit. Qua vero ratione supradicta lex Theoriae meae minus conveniat, extra nexum totius opusculi haud facile exponi potest. Quamobrem supplementum hac de re ad meditationes de aëris vi elastica nunc paro, simulque ad finem perducere studeo opusculum monades spectans, quod jam ante quatuor annos incepti, nec invalida argumenta contra entia simplicia allaturum me puto. Absolutum Tuo limatissimo iudicio examinandum, si non abnuis, mittam. Vale, Vir incomparabilis, et favere mihi perge.

Dabam Petropoli die 27 Maji St. Jul. A. S. 1749.

Перевод

Мужу знаменитейшему и несравненному Леонарду Эйлеру, члену и директору королевской Берлинской академии наук, а также почетному члену Академии Наук в Петербурге и Королевского ученого общества в Лондоне Михаил Ломоносов шлет нижайший привет.

Посылая вам, муж славнейший, это письмо, почти не имею основания оправдать перед вами свое промедление. Может быть, впрочем, вы соизволите удовольствоваться признанием моим, что я очень ленив на писание писем, в которых ничего нет, кроме изъявления приветствий. Не могу также умолчать, что, кроме недостатка в серьезных предметах, о коих мог бы я писать вам, был я еще занят делами далеко не легкими. Со времени получения вашего письма я был озабочен оборудованием Химической лаборатории, выстроенной прошедшим летом благодаря щедротам государыни в Академическом саду, и приобретением для нее посуды, инструментов и материалов,¹ не говоря уже о работах над русским языком.² Однако, в связи с вашим любезным ответом на мои замечания об отношении тяжести и массы, я все время имел в виду дополнить их, но так как лишь немногое из них казалось мне имеющим значение, то, рассчитывая доискаться чего-либо более важного, я со дня на день откладывал писание письма. Не удалось мне написать вам и при отсылке в Берлин своей диссертации о селитре, потому что, пока я работал над третьей главой, жена моя родила дочь, из-за чего этот самый труд свой окончил я едва-едва. Так как время, назначенное для присуждения премий, уже миновало, а в научных журналах нет известий о том, кто получил премию, то прошу вас, славнейший муж, уведомить меня об этом. Кроме того, я к своей диссертации, посланной под девизом «Cognito principiorum in Chymia tanti est, quanti principia ipsa in corporibus» [«Знания начал в химии так же важны, как сами начала в телах»],³ приложил диссертацию об упругости воздуха, которую вы несомненно прочитали.⁴ В ней не хватает объяснения очень известного закона, а именно, что упругость воздуха пропорциональна плотности. Я его не дал, так как весьма сомневаюсь, приложим ли этот закон к любому сжатию воздуха. Это сомнение возникло из-за некоторого несогласия моей теории с тем, что довольно убедительно вытекает из выводов Бернулли (Гидродинамика, стр. 343), прочитанных мною впервые в ваших замечаниях по адресу Робинса,⁵ и что еще более подтвердили следствия, выведенные путем вычислений из опытов Рихмана и моих над разрывом самых прочных тел замерзающей водой. Воздух, который разрывал тела, восстановив свою силу при образовании льда, должен был бы быть в десять с лишком раз тяжелее всей массы льда, если бы силы, при-

ложенные к разрыву тел, были пропорциональны плотностям, как можно было заключить по крепости чугуна и стекла, из коих были изготовлены бомбы для разрыва. Но соображения, в силу которых упомянутый закон расходится с моей теорией, затруднительно изложить вне связи со всем моим трудом. Поэтому я теперь готовлю по этому вопросу дополнение к рассуждению об упругости воздуха; а в то же время стараюсь закончить свою работу о монадах, которую начал уже более четырех лет тому назад и в которой надеюсь привести достаточно веские доводы против простых сущностей. Закончив ее, пошлю, если не откажетесь, на ваш просвещенный суд.⁶ Прощайте, муж несравненный, и пребывайте ко мне благосклонным

С.-Петербург, 27 мая старого стиля 1749 г.

16

1749 ИЮЛЯ 27. И. А. ЧЕРКАСОВУ

Милостивый государь Иван Антонович!

Присланные от вашего превосходительства полфунта чистой, да полфунта ж нечистой камчатской самородной меди в Лаборатории пробовал, а по пробе явилось: 1) что нечистая медь содержит в себе чистой $29\frac{1}{2}$ фунта чистой меди; 2) чистая самородная медь, также и отделенная от нечистой, шведскую медь добротой превосходит и от японской добротой не разнится чувствительно, чему и дивиться нельзя, для того что Япония и Камчатка лежат на одной гриве, которая разорвана только морем и признаки свои из-под воды островами показывает; 3) по пробе на серебро и на золото ничего в сих медях не оказалось, ибо зерно, которое на капли осталось, было столь же тяжело, сколько серебра из приложенного к тому свинцу вытти должно. При сем, желая, чтобы толь богатая медь где-нибудь ближе в отечестве нашем открылась, и препоручая себя продолжению вашей ко мне милости, с глубоким почтением пребываю

вашего превосходительства

всепокорный слуга

Михайло Ломоносов

С.-П.бург
Июля 27 дня
1749 года

17

1749 НОЯБРЯ 17. И.-Д. ШУМАХЕРУ

Высокоблагородный г. советник,
милостивый государь мой!

В присланном от вашего высокоблагородия ко мне от 15 числа сего месяца письме объявлено мне, якобы несмотрением моим в московском артикуле здешних «Ведомостей» пропущено отечество двора е. в. камер-юнкера г. Ивана Ивановича Шувалова. На сие вашему высокоблагородию доношу, что по данной мне от Академической канцелярии инструкции должен я рассматривать только один перевод российский, а до российских артикулов нет мне никакого дела, ибо оные присылаются от Канцелярии в Экспедицию и так, как есть, печатаются. Затем в них я ничего переменять не должен, кроме погрешностей в российском языке, а особливо что в данной мне инструкции предписано от всяких умствований удерживаться. В прочем с должным почтением пребываю

вашего высокоблагородия
покорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Ноября 17 дня
1749 года

18

1750 НОЯБРЯ 1—ДЕКАБРЯ 28. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Поздравляю вас с приездом в прекрасное Сарское Село, в которое я отсюда как в рай мыслиюзираю, и завидую Тамире, что она счастливее своего сочинителя, затем что предстанет без него пред очи великия монархини в том приятнейшем месте, которое от него усердными похвалами возвышено.¹

Я чаю, что когда Тамира в конце третьего действия от отца своего бежать намерится, то Заисаном будет поймана не в самом бегстве, но когда засмотрится на красоту великолепного здания и в изумлении остановится, забыв о Селиме; и Мамай от Нарсима тогда будет проколот, когда он в поле на позлащенные верхи оглянется.² О том я думаю так, а впрочем чтобы она без меня так же поступила, как недавно у меня в доме, того равно так сильно желаю,³ как с искренним почитанием пребываю

вашего высокородия
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

19

1751 МАЯ 8. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Поздравляю вас с благополучным выездом в те прекрасные места,¹ в которых холодноватые российские зефиры не могут препятствовать природы и искусства силе в произведении красот, обыкновенных в благорастворенном теплотою климате. Дай боже, чтобы прежестокая минувшая зимы стужа² и тяжелый продолжительный весны холод награжден вам был прекрасного лета приятною теплотою. А чтобы в оных днях ясность и тишь еще показалась вам приятнее, то должно вам представлять в уме противное время. Но как лето и зима вдруг быть не могут, чтобы вы, сличив одно с другим, при строгости и скучном виде одного могли яснее видеть и выше почести другого красоту, нежность и приятность, для того имею честь прислать вам зиму стихотворную в эклоге, сочиненной студентом Поповским.³

Я в ней не поправил ни единого слова, но какову он прошедшей зимы дал, так к вам и вручить честь имею, с должным почтением непременно пребывая

вашего высокородия
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Санктпетербург
Маия 8 дня
1751 года

20

1751 АВГУСТА 15. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Его сиятельство граф Михайло Ларионович Воронцов по своей высокой ко мне милости изволил взять от меня пробы мозаичных составов для показания е. в., при котором случае, ежели вашему превосходительству не противно, всепокорно прошу постараться о моем нижайшем прощении, чтобы мне, имея случай и способы, удобнее было производить в действие мои в науках предприятия, ибо хотя голова моя и много зачинает. да руки одне, и хотя во многих случаях можно бы употребить чужие, да приказать не имею власти. За безделицею принужден я много раз в Канцелярию бегать и подьячим кланяться, чего я, право, весьма стыжусь, а особливо имея таких, как вы, патронов. Нет ни единого дня, в который бы я не упоминал о вашей ко мне милости и ею бы не радовался. Однако нет ни единого моего в Академию приезда, в который бы я не удивлялся, что она, имея в себе сына отечества, которого вы любите и жалуете, не может того дожить, чтобы он отвратил от ней все чрез 25 лет бывшие всем успехам и должным

быть пользам препятствия. Заклучая сие последнее мое о сем прошение, с великою надеждою ожидаю желаемого и с искренним почтением пребываю до смерти

вашего превосходительства
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Санктпетербург
Августа 15 дня
1751 года

21

1751 СЕНТЯБРЯ 10. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Не могу преминуть, чтобы вашему превосходительству не сообщить сочиненных мною после спуску корабля за обедом кратких стихов, ведая вашу к наукам, а особливо к словесным, охоту.

Сойди к нам, Златоуст, оставив небеса;
Достойна твоего здесь зрения краса:
Петрова дщерь тебе корабль сей посвящает
И именем твоим и море наполняет.
Как будешь ты ходить на нем промеж валов
Грени против ея завистливых врагов.
Златыми прежде ты гремел в церквах устами,
Но пламенными нынъ звучи в водах словами.

При сем доношу, что я ныне «Демофонта» докончать стараюсь и притом делаю план «Российской истории», который по

возвращении вашем в Санктпетербург показать честь иметь буду, и непременно с глубоким почтением пребываю

вашего превосходительства
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

В Санктпетербурге
Сентября 10 дня
1751 года

22

1752 МАРТА 3. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Ежели бы не вчерашние строчки, которые ваше превосходительство в ответ на мое письмо прислать изволили, знаком неперменной вашей ко мне милости не утолили внезапного моего смущения, то бы я пришел в отчаянье не ради своего какого преступления, но ради опасности от несчастья. Вашему превосходительству не безызвестен гнев на меня некоторой знатной особы, положенный на меня, первое, для того что зачал было я делать фарфоровые пробы и, второе, конечно, как я думаю, что ему противна была ваша ко мне милость и мое в вас искание, ибо он всех тех ненавидит, которые, кроме его, других благодетелей находят. Ныне нашел он случай учинить мне великое повреждение. Присланные сибирские серебряные руды по пробе, учиненной в Лаборатории, явились с нарочитыми признаками серебра. А как я слышу от достоверных людей, то по пробам, учиненным на Монетных дворах в Москве и здесь, весьма мало или и ничего серебра не явилось. Я сперва был спокоен, зная, что операция мною произведена точно по всем химическим правилам, которые и весьма немноги, и не трудны, и мне довольно известны. Но как я вчерась во весь день исследовал приборный развес и пробирные вески, которые здесь на Мо-

И. И. ШУВАЛОВ

Портрет работы неизвестного художника

Государственный Эрмитаж

нетном дворе деланы, то нашел в них неисправности и для того не могу против своей совести спорить, чтобы в моих пробах также не были какие неисправности. А он, как я слышал, хочет еще пробовать их при свидетелях и с их подпискою подать всемилостивейшей государыне, чтобы тем меня привести в беду. И хотя я в сем деле по совести своей чист, однако мне ничего тяжелее в жизни быть не может, как ежели наша всемилостивейшая монархиня хотя подумает, чтоб я в науке своей был неискусен. Что я прежде пробования весков не исследовал и на них положился, тому, кроме других, больше всего причиною было понуждение от Кабинета и от Академической канцелярии, чтобы пробы сделать скорее не токмо для серебра, но и для всяких других металлов и минералов, чего бы по последней мере в три месяца сделать нельзя было, затем что 32 пробы должно бы было пробовать по 20 раз и больше. В таких обстоятельствах прибегаю к вашему превосходительству как к известному милостивому моему покровителю и всепокорнейше прошу предварить мое неблагополучие вашим предстательством. И, ожидая смущениям моим отрады, с глубоким и непрерывным почтением до смерти пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Марта 3 дня
1752 года
В Санктпе[те]рбурге

23

1752 ОКТЯБРЯ 3. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Не могу преминуть, чтоб вашему превосходительству не прислать Волтеровой музы нового исчадия, которое объявляет, что он и его государь безбожник, и то ему в похвалу приписать не стыдится перед всем светом. Приличнее примера натти во всех

Волтеровых сочинениях невозможно, где бы виднее было его полоумное остроумие, бессовестная честность и ругательная хвала, как в сей пане[ги]рической пасквиле, которую на ваше пронизательное рассуждение отдая, с глубоким почитание[м] непременно пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

С. П. б.
Октября 3 дня
1752 года

24

1753 ЯНВАРЯ 4. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Неоднократное вашего превосходительства к сочинению «Российской истории» ободрение хотя я всегда принимал за истинный знак вашего обо мне милостивого мнения, однако вашего превосходительства полученным от 28-го числа декабря ко мне письмом, преисполненным природного вашего снисхождения и склонности к наукам, столько я об оном удостоверился, что, в крайней моей к вам благодарности погружен, почитаю ваше справедливое желание, которое соединено с пользою и славою отечества. Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело совершением своим скоро могло охоту всех удовлетворить, однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени. Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностью древность

российского народа и славные дела наших государей свету откроются, то весьма чувствую. И читая от вашего превосходительства ко мне писанные похвалы, которые мое достоинство далече превосходят, благодарю от всего сердца и, радуясь, по предприятому моему намерению со всякою ревностию в собрании нужных известий стараюсь, без которых отнюдь ничего в истории предпрять невозможно. Могу вас, милостивого государя, уверить в том заподлинно, что первый том в нынешнем году с божиею помощию совершить уповаю. Что ж до других моих в физике и в химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов упокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или с домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался, затем что не нашел в них ничего, кроме скуки. Итак, уповаю, что и мне на упокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение «Российской истории» и на украшение российского слова¹ полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильяру употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменою материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют и сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли первой. Когда ваше превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущий 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы.² Что ж до кончания моего всепокорнейшего прошения надлежит о фабрике,³ то не думайте, милостивый государь, чтобы она могла мне препятствовать, ибо тем оканчуются все мои великие химические труды, в которых я три года упражнялся и которые бесплодно потерять мне будет несносное мучение и много большее препятствие, нежели от самих оных опасаться должно. Итак, уповая чрез милостивое ваше предста-

тельство прошению моему скорого решения достигнуть, с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов

В Санктпетербурге
Генваря 4 дня
1753 года

25

1753 ФЕВРАЛЯ 22—23. К. Г. РАЗУМОВСКОМУ

Сият[ельнейший] граф, мил[остивый] гос[ударь]
Кирила Григорьевич!

Хотя вашему сиятельству по всякую треть подаваемые о профессорских упражнениях репорты чрез Академическую канцелярию без сомнения уведомляют, и мне бы ваше сиятельство утруждать повторением известия не должно было, однако настоящая моя нужда к тому меня приводит. Кроме моих упражнений в химических лекциях, в словесных науках и в приуготовлении к сочинению «Российской истории», делал многочисленные опыты в изыскании разноцветных стеклянных составов, первое, для того чтобы. .^a и для того Академическую канцелярию просил о позволении и о пашпорте, но она тем отговорилась, что без вашего с[иятельства] благоволения меня отпустить не может. Но как, милост[ивый] г[осударь], зимняя дорога скоро испортится, а позволения от вашего сиятельства меньше двух недель получить не уповаю, для того, надеясь на отеческую вашего сиятельства милость, принял намерение для такой моей крайней нужды просить отпуску от Конторы Прави-

^a Многооточие в первой публикации, где указано, что в собственноручном черновике «середины текста, очевидно, недостает».

тельствующего Сената, в чем всеуниженно прося милостивейшего снисхождения, с глубочайшим и усерднейшим высокопочитанием пребываю.

26

1753 МАРТА 25. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Непременная вашего сиятельства ко мне через долгое время без всяких моих заслуг милость толь мне чувствительна, что я никогда не могу иначе об вас вспомнить, как бы сын о истинном своем отце должен вспомнить. Тот час моего веку за великую часть жизни моей почитать я должен, в который бы я хотя малую часть моей благодарности вам объявить был в состоянии. Дай господи вам столько здравия, сколько вы милости и снисходительства мне оказали. Сего вам истинный ваш почитатель от всего сердца с крайним усердием желает и желать не престанет до конца жизни.

Вашего сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Марта 25 дня
1753 года

27

1753 МАЯ 10. П. И. ШУВАЛОВУ

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Петр Иванович!

Приятные и радостные вести, которые о новом оказании высочайшия милости е. и. в. к вашему сиятельству публично уверяют, как во всех к вам усердствующих, так и во мне, многими

благоденными, от вашего сиятельства полученными, одолженном, произвело истинное веселие, которым услаждаясь, поздравляю ваше сиятельство от всего моего усердия и желаю в оной непременно прирастающего продолжения. Равномерное засвидетельствование моего искреннего усердия принял я смелость показать дражайшей вашей супруге, сиятельнейшей графине, милостивой государыне Мавре Егорьевне, прилагая малый опыт начинающегося в России мозаичного искусства, который хотя нарочитые недостатки имеет, однако для новости дела и для малости изображения, уповаю, некоторое мне извинение приобрести может, а особливо ежели несколько повыше в удобном месте поставлен будет. По разведении фабрики не сомневаюсь, что самого совершенства в сем деле чрез недолгое время достигну и вашему сиятельству оным показать должное благодарение не премину, с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Мая 10 дня
1753 года

28

1753 МАЯ 10 И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Милостивое вашего превосходительства меня письмом напоминание уверяет к великой моей радости о неперменном вашем ко мне снисхождении, которое я чрез много лет за великое между моими благополучиями почитаю. Высочайшая щедрота несравненных монархини нашей,¹ которую я вашим отеческим предстательством имею, может ли меня отвести от любления и от усердия к наукам, когда меня крайняя бедность, которую я для наук терпел добровольно, отвратить не умела

Не примите, ваше превосходительство, мне в самохвальство, что я в свое защищение представить смелость принимаю. Обучаясь в Спасских школах,² имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей кроме меня не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил,³ оставил все довольство (по тамошнему состоянию), кото-

Подпись М. В. Ломоносова на подрядной записи от 4 февраля 1726 г

Самый ранний из всех обнаруженных автографов М. В. Ломоносова

Архангельский областной краеведческий музей

рое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын⁴ в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться! После того вскоре взят я в Санктпетербург и послан за море, и жалованье получал против прежнего в сорок раз.⁵ Оно меня от наук не отвратило, но по пропорции своей умножило охоту, хотя силы мои предел имеют. Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том

быть обнадёжену, что я все свои силы употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют,⁶ посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны, и помнили б, что музы не такие девки, которых всегда изнасиловать можно. Оне кого хотят, того и полюбят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости,⁷ а с другой стороны Невтона, богатого лорда Бойла, который всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы, Волфа, который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство, Слоана в Англии, который после себя такую библиотеку оставил, что никто приватно не был в состоянии купить, и для того парламент дал за нее двадцать тысяч фунтов штерлингов.⁸ По приказанию вашему все исполнить не премину, с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Мая 10 дня
1753 года

29

1753 МАЯ 31. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученное вчерашнего числа от 24 мая письмо вашего превосходительства, в котором я чувствую непременный знак особенной вашей ко мне милости, премного меня обрадовало,

особливо тем, что вы объявить изволили свое удостоверение о том, что я наук никогда не оставлю. В рассуждении других не имею я никакого особенного удивления, затем что они имеют примеры в некоторых людях, которые только лишь себе путь к счастью учением отворили,¹ в тот час к дальнейшему происхождению другие дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсем оставили, имея у себя патронов, которые у них

25 Января 25 днъ мѣсѣ янвръ 1730
 при рѣшъ дѣла мѣстѣхъ почти поспѣвшихъ
 строителю церкви Ивану Койанину

Подпись М. В. Ломоносова в тетради, заведенной при построении Куростровской церкви (25 января 1730 г.)

Архангельский областной краеведческий музей

наук мало или и ничего не спрашивают, и, не как ваше превосходительство в рассуждении меня дел требуете, довольствуются только одним их именем. В помянутых оставивших в своем счастье учение людях весьма ясно видеть можно, что они только одно почти знают, что в малолетстве из-под лозы выучились, а будучи в своей власти, почти никакого знания больше не присовокупили. Я, напротив того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславия, но ради моего оправдания объявить истину), имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за кни-

гами.² Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы. Ныне, имея к тому по высочайшей е. и. в. милости совершенное довольство вашим отеческим предстательством и трудов моих одобрение ваше и других знателей и любителей наук и почти общее в них удовольствие и, наконец, уже не детское, несовершенного возраста рассуждение, могу ли я ныне в моем мужестве дать себя посрамить перед моим детством. Однако перестаю сими представлениями утруждать вашу терпеливость, ведая ваши справедливые мнения, и ради того доношу вашему превосходительству о том, что похвальная ваша к наукам охота требует. Во-первых, что до электрической силы надлежит, то изысканы здесь два особливые опыты весьма недавно: один г. Рихманом чрез машину, а другой мною в туче; первый, что Мушенброкков опыт с сильным ударом можно переносить с места на место, отделяя от машины в знатное расстояние около целой версты, чему описание и рисунок при сем сообщаю;³ второе, приметил я у своей громовой машины 25 числа сего апреля, что без грома и молнии, чтобы слышать или видеть можно было. нитка от железного прута отходила и за рукою гонялась; а в 28 число того же месяца, при прохождении дождевого облака, без всякого чувствительного грома и молнии происходили от громовой машины сильные удары с ясными искрами и с треском, издавелека слышным, что еще нигде не примечено и с моею давнюю теорию о теплоте и с нынешнею о электрической силе весьма согласно и мне к будущему публичному акту весьма прилично. Оный акт буду я отправлять с г. профессором Рихманом: он будет предлагать опыты свои, а я — теорию и пользу, от оной происходящую, к чему уже я приуготовляюсь.⁴ Что же надлежит до второй части «Руководства к красноречию», то она уже нарочито далече и в конце октября месяца, уповаю, из печати выйдет, о ускорении которой всячески просить и стараться буду, а письменного не присылаю, затем что ваше превосходительство требовать изволите по листу печатных.⁵ О пер-

вом томе «Российской истории» по обещанию моему старание прилагаю, чтобы он к новому году письменный изготовился.⁶ Ежели кто по своей профессии и должности читает лекции, делает опыты новые, говорит публично речи и диссертации и вне оной сочиняет разные стихи и проекты к торжественным изъявлениям радости, составляет правила к красноречию на своем языке и историю своего отечества и должен еще на срок поставить, от того я ничего больше требовать не имею, и готов бы с охотою иметь терпение, когда бы только что путное родилось.⁷ Впрочем, удостоверюсь многократно, коль охотно слушаете ваше превосходительство разговоры о науках, весьма жадно ожидаю радостного и приятного с вами свидания, чтобы вы новыми моими стараниями удовольствие имели, которых всех в отдалении сообщить невозможно. В доме вашего превосходительства обещанных оптических вещей еще долго устроить не уповаю, затем что еще нет ни полов, ни потолков, ни лестниц, и недавно я ходил в них с немалою опасностью.⁸ Электрические шарики по вашему желанию пришлю вам, не умедлив, как возможно. Я могу уверить ваше превосходительство, что в мастеровых людях здесь великая скудость, так что я для делания себе электрической машины не токмо где инде, но и с вашего двора столяра за деньги не мог достать. И для того по сие время, вместо земной машины, служат мне иногда облака, к которым я с кровли шест выставил. Какие вашему превосходительству инструменты потребны, о том прошу дать мне позволение представить в Канцелярию академическую именем вашим для приказания мастерам, затем что они по шабашам долго протянут дело. Заклячая сие, с глубоким высокопочтанием пребываю

всепокорнейший и верный слуга

Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга

Маия 31 дня

1753 года .

30

1753 ИЮЛЯ 26. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Что я ныне к вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того что мертвые не пишут. Я не знаю еще или по последней мере сомневаюсь, жив ли я или мертв. Я вижу, что г. профессора Рихмана громом убило в тех же точно обстоятельствах, в которых я был в то же самое время. Сего июля в 26 число, в первом часу пополудни, поднялась громовая туча от норда. Гром был нарочито силен, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрев, не видел я ни малого признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на стол ставили, дождался я нарочитых электрических из проволоки искор, и к тому пришла моя жена и другие, и как я, так и оне беспрестанно до проволоки и до привешенного прута дотыкались, затем что я хотел иметь свидетелей разных цветов огня, против которых покойный профессор Рихман со мною споривал. Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое то время, как я руку держал у железа, и искры трещали. Все от меня прочь побежали. И жена просила, чтобы я прочь шел. Любопытство удержало меня еще две или три минуты, пока мне сказали, что шти простынут, а притом и электрическая сила почти перестала. Только я за столом посидел несколько минут, внезапно дверь отворил человек покойного Рихмана, весь в слезах и в страхе запыхавшись. Я думал, что его кто-нибудь на дороге бил, когда он ко мне был послан. Он чуть выговорил: «Профессора громом зашибло». В самой возможной страсти, как сил было много, приехав увидел, что он лежит бездыханен. Бедная вдова и ее мать таковы же, как он, бледны. Мне и минувшая в близости моя смерть, и его бледное тело, и бывшее с ним наше согласие и дружба, и плач его жены, детей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшегося народа не мог ни на что дать слова или ответа, смотря на того лице, с которым я за час сидел в Конференции и рассуждал о нашем буду-

щем публичном акте. Первый удар от привешенной линии с ниткою пришел ему в голову, где красно-вишневое пятно видно на лбу, а вышла из него громовая электрическая сила из ног в доски. Нога и пальцы сини, и башмак разодран, а не прожжен. Мы старались движение крови в нем возобновить, затем что он еще был тепл, однако голова его повреждена, и больше нет надежды. Итак, он плачевным опытом уверил, что электрическую громовую силу отвратить можно, однако на шест с железом, который должен стоять на пустом месте, в которое бы гром бил сколько хочет. Между тем умер г. Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность. Память его никогда не умолкнет, но бедная его вдова, теща, сын пяти лет, который добрую показывал надежду, и две дочери, одна двух лет, другая около полугода, как об нем, так и о своем крайнем несчастии плачут. Того ради, ваше превосходительство, как истинный наук любитель и покровитель, будьте им милостивый помощник, чтобы бедная вдова лучшего профессора до смерти своей пропитание имела и сына своего, маленького Рихмана, могла воспитать, чтобы он такой же был наук любитель, как его отец. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый государь! исходатайствуй бедной вдове его или детям до смерти. За такое благодеяние господь бог вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тем, чтобы сей случай не был протолкован противу приращения наук, всепокорнейше прошу миловать науки и

вашего превосходительства
всепокорнейшего слугу в слезах
Михайла Ломоносова

Санктпетербург
26 июля
1753 года

1753 АВГУСТА 18. И.-Д. ШУМАХЕРУ

Wohlgebohrerer Herr Rath,
insonders hochgeehrtester Herr.

Weil Ew. Wohlgebohren haben gestern zu sagen beliebt, daß die Dissertation des v[erstorbenen] H[errn] Professor Richmans nach derselben Meinung könnte bey einer andern Gelegenheit gedruckt werden, wie auch der Actus von mir allein für sich gehen sollte. Ich habe dem nachgedacht und befunden, daß ich alles, was in der gedachten Dissertation ist, nicht mit gutem Gewiessen und darzu in Nahmen der Acad[emie]^a bejahren kan[n]; in dem die Meinung des H. Richmans von dem Indice Electricitatis naturalis nicht nur durch meine [Ob]servaciones,^a die schon publiciret sind, sondern gar durch seyn Todtes Fall übern Haufen geworfen worden. Ich wi[ll]^a deßwegen meine unmaßgäbliche Me[i]nung^a Ew. Wohlgebohrn[en] mit Theilen. Es ist deroselben bekannt, daß meine Rede mehr als eine Antwort anderer seyn kann; deßwegen wird sie zu einem Haup[t]^a Aufsatz sich gut genug schicken; darauf ein[e]^a kurtze Antwort von einem Academic[us] [fol]gen^a kan[n], der auch zugleich die [P]ublication^a proponiren mag. Der Herr Professor Grischau als Secretaire der Conferentz wird, meiner Meinung nach, der Anständigste darzu sein. Ich erwarte mit Schmerzen die Reso[lu]tion aus Moscau und mit allem schuldigen Respect verharre

Ew. Wohlgebohrnen
gehorsamster Diener
M. Lomonosow

d. 18 Aug.
1753

^a Вырвана часть листа по корешку письма.

Перевод

Высокородный г. советник, высокочтимейший господин.

Вследствие того, что вашему высокородию угодно было вчера сказать, что диссертация покойного г. профессора Рихмана могла бы быть, по мнению вашего высокородия, напечатана при другом случае, равно как и акт должен был бы лечь на одного только меня, я это обдумал и нашел, что не могу по чистой совести и к тому же от имени Академии одобрить всего заключающегося в названной диссертации; ибо мнение г. Рихмана об указателе естественного электричества совершенно опровергнуто не только моими наблюдениями, которые уже опубликованы, но и, в особенности, самым фактом его смерти. Посему я хочу сообщить вашему высокородию мое скромное мнение. Вашему высокородию известно, что моя речь может представлять собою нечто большее, чем ответ на чью-либо другую, почему она довольно хорошо подойдет в качестве главной речи; на это может последовать короткий ответ какого-либо академика, который может вместе с тем предложить и напечатание его. Господин профессор Гришов как секретарь Конференции будет, по моему мнению, для сего наиболее подходящим. Я с волнением ожидаю резолюции из Москвы и со всем достойным почтением пребываю вашего высокородия покорнейшим слугою

М. Ломоносов

18 августа
1753

32

1753 АВГУСТА 23. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Получив от студента Поповского перевод первого письма Попиева «Опыта о человеке», не могу преминуть, чтобы не сообщить вашему превосходительству. В нем нет ни единого стиха, который бы мною был поправлен. Я весьма опасаясь, чтобы его в закоснении не оставили. Он давно уже достоин произведения. Ныне есть место ректорское в Гимназии после ректора Ратгакера, которое он весьма способно управлять может, зная латинский язык совершенно и притом изрядно разумея греческий, французский и немецкий, а о искусстве в российском сей пример об нем свидетельствует. Для того и профессор Фишер,

который сам был долго ректором, весьма его к сей должности ободряет. Ш[умахер] хотя кажет вид, что то же хочет делать, однако отнюдь верить нельзя, и больше, чаю, противное сделать намерен. Публичное действие после Рихмановой смерти обещал неоднократно произвести в дело и часто ко мне присылал о поспешении, а как я ныне читал, то он сказал, что из Москвы не имеет известия, будет ли актус. Между тем слышал я от профессора Г[ришова], которому он сказал, что актус будет отложен. Академическое собрание после смерти Рихмановой и после отъезда Краценштейнова весьма мало осталось, состоя в четырех профессорах, из которых я с неизменным глубокопочитанием пребываю до смерти

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Августа 23 дня
1753 года

33

1753 АВГУСТА 30. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Ваше сиятельство, милостивого государя нижайшим прошением утруждать принимаю смелость ради слез бедной вдовы покойного профессора Рихмана. Оставшись с тремя малыми детьми, не видит еще признаку той надежды о показании милости, которую все прежде ее бывшие профессорские вдовы имели, получая за целый год мужей своих жалованье. Вдова профессора Винсгейма, которая ныне за профессором Штрубом, осталась от первого мужа небедна и детей не имела, однако не токмо тысячу рублей мужнее жалованье по смерти его получила, но сверх того и на похороны сто рублей. А у Рихмановой и за

Г.-В. РИХМАН
Гравюра Е. Е. Федосеева

тот день ^а жалованье вычтено, в который он скончался, несмотря на то, что он поутру того же дни был в Собрании. Он потерял свою жизнь, отправля[я] положенную на него должность в службе е. в., то кажется, что его сирот больше наградить должно. Ваше сиятельство как истинный о благополучии наук рачитель великое милосердие с бедными учините, ежели его сиятельство, милостивого государя графа Кирила Григорьевича к показанию ей милости преклонить изволите. Между тем, поздравляя вас с пресветлым праздником тезоименитства всемилостивейших государыни, с беспрестанным высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Августа 30 дня
1753 года

34

1753 ОКТЯБРЯ 7. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Переписанную речь мою к вашему превосходительству переслать принимая смелость, еще вас, милостивого государя, прошу, чтобы о произведении оной к 25-му ноября постараться, ибо мне дают наветки, что ее в «Комментарии» напечатать, однако я тем отнюд не могу быть доволен и за прямой отказ почесть должен. Она таким образом сочинена, чтобы говорить в Собрании и после особливого случая. В других обстоятельствах дол-

^а Судя по условному значку Ломоносова, к этим словам им была сделана, вероятно, какая-то приписка, которая не сохранилась

жен я буду много переменить и выкинуть, что мне много труда стоит. Сверх того с «Комментариями» выйдет она весьма поздно. При сем ваше превосходительство всепокорнейше прошу не забыть вашего милостивого обещания, чтобы меня доставить вторым томом Татищева «Истории», затем что он в первом много на второй ссылается. Ожидая милостивого в сем неоставления, с усердным высокопочитанием завсегда пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Октября 7 дня
1753 года

35

1753 ОКТЯБРЯ 16. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

В исполнение приказания, от вашего превосходительства в нынешнем письме присланного, не могу никоим образом отказать, по вашему убеждению, почитая вашу неоднократно объявленную мне волю. Итак, хотя учинить отпор моим ненавистникам, не знаю и весьма сомневаюсь, не больше ли я им благодарить и их хвалить, нежели мстить и уничтожать должен: благодарить за то, во-первых, что они меня своей хулой хвалят и к большому приращению малой моей славы не пожалели себя определить в зоилы, что я не за меньшую услугу себе почитаю; второе, за то, что они подали причину вашему превосходительству к составлению нынешнего вашего ко мне письма с разными рассуждениями, до словесных наук касающимися, которое бывших, настоящих и будущих зоилів злобу в ничто обра-

щает и в котором я не столько заслуги, сколько свою должность вижу. Они стихи мои осуждают и находят в них надутые изображения, для того что они самых великих древних и новых стихотворцев высокопарные мысли, похвальные во все веки и от всех народов почитаемые, унизить хотят.^a Для доказательства предлагаю вашему превосходительству примеры, которыми основательное оправдание моего им возможного подражания показано быть может.

Из Гомеровой «Илиады», N, 17:

Внезапно встал Нептун с высокия горы,
Пошел и тем потряс и лесы и бугры;
Трикраты он ступил, четвертый шаг достигнул
До места, в кое гнев и дух его подвигнул.

Из Виргилиевой «Енеиды», кн. 3:

Едва он речь скончал, великая громада
С горы к водам идет среди овечья стада,
Ужасной Полифем, прескверной изувер,
Исполнен ярости и злобы выше мер.
Лишася зрения, он дуб несет рукою,
Как трость, и ищет тем дороги пред собою.
Зубами заскрипел и морем побежал.
Едва во глубине до бедр касался вал.

Как сему Камуенс подражает, можно видеть в моей «Риторике», § 158. Кроме сих героического духа стихотворцев, и нежный Овидий исполнен высокопарными мыслями.

Из «Превращений», кн. 1:

Трикраты страшные волосы встряхнул Зевес,
Подвигнул горы тем, моря, поля и лес.

и из кн. 15:

^a В подлиннике *описка* хочет.

Я тайнства хочу неведомые петь,
На облаке хочу я выше звезд взлететь;
Оставив низ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плечи я ногою.

Сим подобных высоких мыслей наполнены все великие стихотворцы, так что из них можно собрать не одну великую книгу. Того ради я весьма тому рад, что имею общую часть с толь великими людьми, и за великую честь почитаю с ними быть опорочен неправо; напротив того, за великое несчастье, ежели зои́л меня похвалит. Я весьма не удивляюсь, что он в моих одах ни Пиндара, ни Малгерба не находит, для того что он их не знает и говорить с ними не умеет, не разумея ни по-гречески, ни по-французски. Не к поношению его говорю, но хотя ему доброе советовать за его ко мне усердие, чтобы хотя одному поучился. Заклю́чая сие, уверяю ваше превосходительство, что я с Перфильевичем переписываться никогда намерен не был; и ныне, равно как прежде сего пародию его на «Тамиру», все против меня намерения и движения пропустил бы я беспристрастным молчанием без огорчения, как похвалу от его учителя без честолюбивого услаждения, если бы я не опасался произвести в вас неудовольствие ослушанием. Но и еще притом прошу, ежели возможно, удовольствоваться тем, что сочинил г. Поповской, почетши за свою должность по справедливости, что Перфильевич себе несправедливо присвоает. Данный мне от него титул никогда бы я не оставил в его стихах, если бы я хвастовством моих завистников не принужден был рассудить, что тем именем ныне ученику меня назвать можно, которым меня за двадцать лет учителя мои называли. Всепокорнейше прошу извинить тесноту строк, с усерднейшим высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из С.П.бурга
Октября 16
1753 года

1753 ОКТЯБРЯ НЕ РАНЕЕ 16. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь!

По желанию вашему все, что в моей силе состоит, готов исполнить и токмо одного избавлен быть прошу, чтобы мне не вступать ни в какие критические споры. В присланном Елагина письме к Сумарокову он употребленную рифму *Р о с с и я—И н д и я* на смех в пример поставил. Я подлинно знаю, что сия рифма так же нехороша, как известная вам у Расина, и для того Елагин лжет, чтоб он ею любовался.

Много бы я мог показать бедности его мелкого знания и скудного таланта, однако напрасно будет потеряно время на исправление такого человека, который уже больше десяти лет стихи кропать начал и поныне, как из прилагаемых строчек видно, стихотворческой меры и стоп не знает, не упоминая чистых мыслей, справедливости изображений и надлежащим образом употребления похвал и примеров. Сие особливо сожалеательно об Александре Петровиче, что он, хотя его похвалить, но не зная толку, весьма нелепо выбрал. В первой строчке почитает Елагин за таинство, как делать любовные песни, чего себе А[лександр] П[етрович] как священно-тайнику приписать не позволит и «Паном песенным» назвать себя не допустит. «Семира пышная», т. е. надутая, ему неприятное имя, да и неправда, затем, что она больше нежная. «Рожденным из мозгу богини сыном», то есть мозговым внуком, не чаю, чтоб А[лександр] П[етрович] хотел назваться, особливо что нет к тому никакой дороги. Минерва трагедий и любовных песен никогда не сочиняла: она — богиня философии, математики и художеств, в которые Александр Петрович как человек справедливый никогда не вклеплется, и думаю, когда он услышит, что Перфильевич на него взводит, то истинно у них до войны дойдет, несмотря на панегирик. «Наперсником Буаловым» назвать А[лександра] П[етровича] несправедливое дело. Кто бы Расина назвал Буа-

ловым наперсником, то есть его любимым прислужником, то бы он едва вытерпел; дивно, что А[лександр] П[етрович] сносит. Кажется, сверстать его с А[лександром] П[етровичем]— истинная обида! «Российским Расином» А[лександр] П[етрович] по справедливости назван, затем что он его не токмо половину перевел в своих трагедиях по-русски, но и сам себя Расином называть не гнушается. Что не ложь, то правда. Однако и Перфильевич, называя его защитником истины, дает ему титул больше, нежели короля английского: он пишется защитником веры, но право или нет, о том сомневаться позволено. А[лександр] П[етрович] защитник истины? Велик человек, ежели Перфильевич про него не так солгал, как о рифме Р о с с и я—И н д и я, будто он ею любитесь. Дважды поносит он своего благого учителя явно, в третий ругательски хвалит; поносит, первое, что учит его, якобы скрытно, не показывая, откуда берет рифмы, и будто бы от него хочет посулов; второе, якобы все стихотворческое искусство А[лександра] П[етровича] состояло в приискании скором рифм, не смотря на мысли, в чем я сам спорю и подтверждаю его же, Елагина, словом, что А[лександр] П[етрович], ищучи рифм, сам не ломается, но как человек осторожный лучше вместо себя ломает язык российский, правда, хотя не везде, однако нередко. Наконец ругательский титул: «благий учитель!» Благий по-славянски добрый знаменует, и по точному разумению писаться надлежит до божества, как оное свидетельствует: «Никто же благ токмо един бог». Я не сомневаюсь, что А[лександр] П[етрович] боготворить таким образом себя не позволит. Итак, одно нынешнее российское осталось знаменование: «благой» или «блажной»: нестерпимая обида! Однако еще несноснее, что он, Аполлона столкнув с Парнасса, хочет муз отдать в послушание А[лександру] П[етровичу], или, по его мнению и бесстыдному мщению, уже отдал, думая, что музы без Сумарокова никому ничего дать не могут.

37

1753 НОЯБРЯ 1. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Что я письмами вашего превосходительства ныне не оставлен, сие служит мне к великому утешению в нынешних обстоятельствах.¹ Советник Шумахер, пренебрегая то, что он от его сиятельства г. президента присланным ордером² о произведении публичного акта изобличен был в своих несправедливых поступках в рассуждении моей речи, употребил еще все коварные свои происки для ее остановки. Правда, что он всегда был высоких наук, а следовательно и мой ненавистник и всех профессоров гонитель и коварный и злохитростный приводчик в несогласие и враждование, однако ныне стал еще вдвое, имея двойные интересы, то есть прегордого невежду, высокомысленного фарисея, зятя своего Тауберта. Все ныне упражняющиеся в науках говорят: не дай бог, чтобы Академия досталась Тауберту в приданое за дочь Шумахеровой.^{а, 3} Обоих равна зависть и ненависть к ученым, которая от того происходит, что оба не науками, но чужих рук искусством, а особливо профессорским поправанием подняться ищут и ныне профессоров одного на другого подущать и их несогласием пользоваться стараются. Я о всем писал к его сиятельству г. президенту нарочито пространно и всепокорнейше просил, чтобы сделать конец двадцатилетнему бедному Академии состоянию и избавить от приближающегося конечного разорения. Между тем вас, милостивого государя и отца, слезно прошу учинить с науками в России великую милость, чтобы каким вам заблагорассудится образом сие общее благополучия ученых препятствие окончалось и воследовала бы уже давно от всех желаемая тишина и радость. По вашего превосходительства письмам рассуждаю, что вы графу К[ириллу] Г[ригорьевичу] пристойным образом о моем к нему письме знать дать можете, кото-

^а В подлиннике Шумахеровой.

рое на прошлой почте к нему послано. Сила и важность вся в том состоит, чтобы без ведома профессорского никакие ученые дела не отправлялись, и его бы сиятельство ничего не апробовал, что Канцелярия без согласия Собраний о том представит. Ибо кроме сего на что Профессорские собрания, на что их голоса, когда Шумахер все смыслит, когда ему все поверить можно? Всё смыслит? Боже мой! Но он и в главной своей охоте, в рисовании, толку не знает. Посмотрите на изображение е. и. в. что на петербургском плане.⁴ Ему всё поверить можно! Правда! козлу капусту, овец волку! На него просили первые профессора, призванные в Россию Петром Великим, которых он своими коварствами отсюда вытеснил и наше отечество лишил великия пользы; на него просили студенты в Правительствующем Сенате, как я был за морем, за что ему был жестокий выговор; на него просили снова студенты и канцелярские служители с Нартовым в испровержении наук и в расточении казны, где он во многом изобличен и только знатным предстательством избавился; наконец, просили на него и все профессора обще, и для того поручено было им правление ученых дел до президента. При толь великих примерах его злости, при толь великом множестве свидетелей разного состояния, разных народов и в толь разные времена и обстоятельства, возможно ли сомневаться о бессовестном его поведении? Возможно ли ожидать цветущего наук состояния? Возможно ли подумать, что всё на него напрасно солгано, затем что он не повешен? Сие столько же его оправдать может, как опубликованного бездельника князя Хованского, который многократно судей и права умел употребить к своему закрытию и избавлению от петли.⁵ Не довольно ли о сем уверяет внешнее и внутреннее Академии бедное состояние? Извне почти одне развалины, внутри нет ничего, что бы Академию и Университетом могло назваться по примеру иностранных и по несравненному великодушию монархини нашей.⁶ Я ожидаю как от его сиятельства г. президента, так и от вашего превосходительства скорой наукам помощи и за должность мою к отечеству и за несказанные щедроты все милостивейшия государыни

положил твердое и непоколебимое намерение, чтобы за благополучие наук в России, ежели обстоятельства потребуют, не пожалеть всего моего временного благополучия, с чем остаюсь непременно, с глубоким к вашему превосходительству высокопочитанием пребывая,

всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

С. П. б.
Ноября 1 дня
1753 года

38

1754 ЯНВАРЯ 3. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший граф,
милостивейший государь Михайло Ларионович!

Коль великую радость в серд[ц]е я почувствовал, когда о высочайшей к вашему сиятельству милости уведомился, о том всегдашнее мое к вам и беспритворное усердие, уповаю, засвидетельствовать может. Имея участие в радости великого своего благодетеля и отца, от истинного усердия поздравляю ваше сиятельство с получением достойного награждения ваших особливых добродетелей и купно с толь благополучно окончившимся старым и начавшимся новым годом и от всего искреннего сердца желаю, чтобы в его течение и совершение и сверх того чрез многие лета плодами сего должного вам приобретения в полном удовольствии наслаждаться, беспрестанно с глубоким высокопочитанием пребывая,

вашего сиятельства
всепокорнейший и нижайший
слуга Михайло Ломоносов

Из Устьрудиц,
с бисерных заводов.
Генваря 3 дня
1754 года

32 Ломоносов, т. X

39

1754 ЯНВАРЯ 3. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

По приказу вашего превосходительства старался я достать «Примечания на Ведомости», но получить их не мог. Уже многие и за несколько лет их спрашивают, однако сыскать не могли, затем что их по малу было печатано и не по мере Российского государства, а особливо ныне узнав наш народ пользу наук больше такие книги хранит для их редкости. Г. советник Нартов сказал, что у него есть, только не переплетенные и не в одном месте между политическими рассеянные, и обещался собрать для вашего превосходительства, однако не могу знать, сделает ли. Я уповаю, не лучше ли поискать у частных охотников в Москве на время, пока для вашего превосходительства собственно здесь приищутся. Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим периодические сочинения, только не на таких бумажках по одному листу, но повсямезячно или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две—три материи содержались в книжке и в меньшем формате, чему много имеем примеров в Европе, а из которых лучшим последовать или бы свой, применясь, выбрать можно. Исполни, господь бог, намерения и желания любителей наук, чего я всегда, а особливо в начатии нового года прошу. Поздравляя с тем ваше превосходительство от истинного усердия и желая благополучного течения и радостного окончания, с глубоким высокопочитанием завсегда пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Устьрудиц,
с бисерных заводов.
Генваря 3 дня
1754 года

40

1754 ЯНВАРЯ 27. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

За милостивое удостоение вашего сиятельства ко мне ответу всеижайше благодарствую и от всего сердца признаю и почитаю изъяснение продолжения отеческой вашей ко мне милости, которую я за великую часть моего благополучия в жизни почитаю и всегда признаю, что ваше сиятельство — истинный ученых покровитель. Не считая многих других примеров, сам я собственным своим примером могу засвидетельствовать. И как всегда, так и ныне, чувствую, что ваше сиятельство благодеяния свои новыми приумножать изволите. По вашему изволению присылаю при сем две книжки моей речи и, затем что лучше экземпляров не имею, всеуниженно прошу принять их милостивейше, с глубоким высокопочитанием до конца жизни пребывая непременно

вашего сиятельства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Генваря 27 дня
1754 года

41

1754 ФЕВРАЛЯ 12. Л. ЭЙЛЕРУ

Viro celeberrimo atque incomparabili Leonhardo Eulero in Regia Academia Scientiarum atque elegantiorum litterarum Berolinensi meritissimo Directori, atque Mathematico Regio excellentissimo, Imperatoriae Academiae Scientiarum Petropolitanae et Regiae societatis scientiarum Londinensis membro, Michael Lomonosow

S. P. D.

Interrupti tam diu litterarum inter nos commertii nulla alia causa primo exstitit praeter eam, quae etiam Adjunctum Kotelnikow ante Lipsiam, tandem a[u]tem Berolinum adire coegit. Postea vero diversa prorsus a speculationibus negotia, quae interea temporis tractavi, nullam tulerunt occasionem Te, Vir celeberrime, per lit[t]eras allo quendi. Nam per tres annos in tentaminibus Physico-Chymicis ad excolendam colorum scientiam institutis totus fui. Nec labor incassum cecidit. Quandoquidem praeter ea, quae solutiones et praecipitationes mineralium variae suggerere potuerunt, facta ad tria usque millia experimentorum circa varios colores in vitris producendos non solum amplissimam materiam ad veram colorum theoriam condendam dederunt, verum etiam causa exstiterunt, ut ad opera quadratoria, sive ut vocant mosaica perficienda me accingerem. Factum specimen, quo imaginem B. Virginis repraesentavi, obtuli Augustae, cum anno 1752 Nominis illius solemnia celebrarentur. Placuit: et mihi calcar est additum. Nam die 16. Dec. anni ejusdem, celsissimi senatus auctoritate concessum est mihi privilegium ejusmodi opera et alia ex vitris coloratis producendi per triginta annos, soli, omnibus aliis exclusis et quatuor millia Rublorum data ad facilitandam constructionem officinae. Insuper liberalitas Augustae omnem meam spem, omnia merita longe superavit.

Quippe Martii Mensis die 16 anni 1753 clementissima imperatrix 226 rusticos mihi liberalissime donavit in Ingria, cum novem millibus jugerum (quodlibet 80 saschen longum 30 latum), ut agros, prata et piscationes satis, sylvas ex abundanti habeam. Quatuor sunt rura, quorum proximum 64 werstes a Petropoli, remotissimum 80 distat. Hoc mari adjacet, illud fluviolis alluitur, ubi praeter domum atque officinam vitrariam jam conditam, molem et molendinam frumentariam et serrariam exstruo, supra quam observatorium meteorologicum autographum elevatur, quod descriptum proxima aestate Deo favente publici faciam juris. Jam intelligis, Vir celeberrime, me non alienatione animi tam diu litterarum commertium distulisse. Nam amicitiam Tuam semper maximi facio. Aeque igitur atque amico animo tarditatem litterarum mearum feras, obsecro, atque etiam huic excusationi locum praebeas: nam non solum Poëtam, Oratorem, Chymicum atque Physicum hic agere cogor; verum jamjam in Historicum fere totus abeo. Siquidem cum praeterlapso vere Mosquae aliquandiu diversarer, subscriptionem donationis expectans; et Augustissima Autocrator alloquio suo me clementissime dignaretur, inter alia non ingratum sibi futurum fore significavit, si meo stilo historia patriae consignaretur. Redux igitur Petropolim, cum nuperam orationem meam conderem, saepe inter opus ipsum me in Rossiacis antiquitatibus mente peregrinantem depraeendi. Hinc non pauca praetermissa sunt, quibus descensum atmosphaerae superioris in inferiorem continua tranquillitate non raro subsequi debere luculentius asserebatur. Sic multa non attigi, quibus vaporosa cometarum cauda prorsus destrueretur. Fateor me idcirco potius illa praeteriisse, ne magnorum virorum scripta invadendo sui ostentator viderer potius, quam veritatis scrutator. Haec ipsa ratio jam longo tempore prohibet, quominus meditationes meas de monadibus erudito orbi proponam discutiendas. Quamvis enim mysticam fere illam doctrinam funditus everti argumentis meis debere confidam; viri tamen, cujus erga me officia oblivisci non possum, senectutem aegritudine animi affigere vereor; alias crabro-

nes monadicos per totam Germaniam irritare non perhorrescerem. Vale, vir incomparabilis, favoremque et amicitiam Tuam erga me continuare non desiste.

Dabam Petropoli die $\frac{12}{23}$ Febr. 1754

Перевод

Мужу славнейшему и несравненному Леонарду Эйлеру, за- служеннейшему директору Берлинской королевской академии наук и искусств, выдающемуся математику императорской Петербургской Академии Наук и Королевского ученого общества в Лондоне, Михаил Ломоносов шлет нижайший привет.

Причиной столь длительного перерыва в нашей переписке было сперва то обстоятельство, которое заставило и адъюнкта Котельникова посетить сначала Лейпциг, а затем уже Берлин. В дальнейшем же чуждые теоретической работе занятия, которые я вел в это время, не давали случая письменно побеседовать с вами, славнейший муж. В течение трех лет я был весь погружен в физико-химические испытания, предпринятые для разработки учения о цветах.¹ И труд мой оказался не бесплодным, так как кроме результатов, полученных мною при различных растворениях и осаждениях минералов, почти три тысячи опытов, сделанных для воспроизведения разных цветов в стеклах, дали не только огромный материал для истинной теории цветов, но и привели к тому, что я принялся за изготовление мозаик.² Сделанный мною образчик, а именно образ божьей матери,³ я поднес государыне, когда в 1752 г. праздновалось ее тезоименитство. Он ей понравился, и я был сверх прежнего поощрен. 16 декабря того же года, по постановлению Правительствующего Сената, привилегия на производство таких и подобных же работ из цветного стекла была предоставлена на тридцать лет мне одному с запрещением этого всем прочим, и мне было пожаловано 4000 рублей на устройство мастерской. А кроме того щедроты государыни превзошли все мои надежды и все заслуги. 16 марта 1753 года всемиловитейшая императрица пожаловала мне в Ингрии 226 крестьян с 9000 югеров (принимая за югер площадь в 80 сажень в длину, 30 в ширину) земли, так что у меня достаточно полей, пастбищ, рыбных ловель, множество лесов, 4 деревни, из коих самая ближняя отстоит от Петербурга на 64 версты, самая дальняя — на 80 верст.⁴ Эта последняя прилегает к морю, а первая орошается речками, и там, кроме дома и уже построенного стеклянного завода, я сооружаю плотину, мельницу и лесопилку, над которой возвышается самопишущая метеорологическая обсерватория, описание которой будущим летом с божией помощью я опубликую.⁵ Итак, вы понимаете, слав-

нейший муж, что я прервал нашу переписку на столь долгий срок не из-за какого-либо охлаждения к Вам. Я ведь всегда очень высоко ценил вашу дружбу. Итак, отнеситесь, прошу вас, дружелюбно и снисходительно к моей медлительности в переписке и примите сверх того еще и следующее извинение: я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и деликом почти уйти в историю. Прошедшей весной я провел некоторое время в Москве, ожидая подписи дарственной, и августейшая императрица, удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю.⁶ Итак, вернувшись в Петербург и составляя недавнюю мою речь,⁷ я часто за самой работой ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях российских. Поэтому мною пропущено не мало убедительных доказательств того, что верхняя атмосфера при полном спокойствии должна нередко спускаться в нижнюю. Так же точно не коснулся я и многого, что совершенно разрушило бы представление о хвостах комет, состоящих будто бы из паров. Признаюсь, что оставил я все это и для того, чтобы, нападая на писания великих мужей, не показаться скорее хвастуном, чем искателем истины. Та же причина давно уже препятствует мне предложить на обсуждение ученому свету мои мысли о монадах. Хотя я твердо уверен, что это мистическое учение должно быть до основания уничтожено моими доказательствами, однако я боюсь омрачить старость мужу, благодееяния которого по отношению ко мне я не могу забыть;⁸ иначе я не побоялся бы раздразнить по всей Германии шершней-монадистов. Прощайте, несравненный муж, и не оставляйте меня вашим благоволением и дружбой.

Петербург $\frac{12}{23}$ февраля 1754 г.

42

1754 ФЕВРАЛЯ 12. И.-Г.-С. ФОРМЕЮ

Viro doctissimo atque celeberrimo Formeyo, Academiae Regiae Berolinensis secretario perpetuo, Imperatoriae Academie scientiarum Petropolitanae nec non societatis scientiarum Regiae Londinensis membro, Michael Lomonosow

S. P. D.

Litteris Tuis humanissimis acceptis jam pridem Tibi respondere officium meum postulabat et voluptas quae ex iis orta est incitabat; verum in hoc exequendo fuerunt quaedam mihi

impedimenta. Primo expectabam responsum ab excellentissimo Praeside quo de Tuis ad illum tuto perlatis certior essem factus; porro occasionem quaerebam simul cum responsione mea etiam orationem nuper a me habitam ad Te mittendi, sed utriusque spe frustratum poenitet tam diu officium meum distulisse, tantumque ab eo observando declinasse. Si nullum adhuc responsum ab Excellentissimo Praeside accepisti contendam quantum potero ut cognoscam utrum litterae Tuae ad illum pervenerint. Pro favore quem in recensendis meditationibus meis de tincturis metallorum Te fecisse indicasti gratias ago quam maximas. Volumen illud Bibliothecae Germanicae videre mihi nondum contigit. Caeterum si quo votis Tuis satisfacere possim, paratissimum me ad omnia officia habebis ac Te Tuamque amicitiam omni cultu atque observantia semper prosequuturum. Salutem meo nomine D. Santorockio dicere ne graveris officiosissime rogo eumque monere accessu illius Petropolim pecuniam a Fittinhoffio facilius repeti posse. Vale, vir clarissime, atque mihi favere ut coepisti non desiste.

Dabam Petropoli Februarii 12 (23) An. 1754

Перевод

Ученейшему высокочтимому мужу Формею, неперемному секретарю королевской Берлинской академии и члену императорской Академии Наук в С.-Петербурге и Ученого королевского общества в Лондоне, Михаил Ломоносов шлет нижайший привет.

По получении вашего любезнейшего письма я обязан был уже давно ответить вам, к чему побуждало меня и доставленное им удовольствие. Однако исполнить это помешали мне некоторые обстоятельства. Во-первых, я ждал ответа от его превосходительства г. президента с уведомлением о благополучной к нему доставке ваших писем. Далее, я ждал случая послать вам вместе с ответом моим и речь, недавно мною произнесенную.¹ Теперь, обманувшись в своих ожиданиях, я раскаиваюсь, что промешкал и уклонился на столько времени от должного ответа. Если вами до сих пор не получено ответа от его превосходительства г. президента, то я не замедлю узнать, дошли ли до него ваши письма.² За ваш благосклонный отзыв касательно

моего рассуждения о светлости металлов приношу глубочайшую благодарность. Самой книжки «*Bibliotheca germanica*» [«Германская библиотека»] мне еще не удалось видеть. Во всяком случае я готов по мере моих сил исполнять все ваши желания и всегда буду чтить и ценить ваше дружеское ко мне расположение.

Покорнейше прошу не отказать в передаче г. Сантороцкому³ моего привета и сообщить ему, что его приезд в Петербург может облегчить получение денег от Фитингофа.⁴ Будьте здоровы, знаменитый муж, и не оставьте меня и впредь вашим расположением.

С.-Петербург. Февраля 12 (23) 1754 года

43

1754 МАРТА 28. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Получив от вашего превосходительства милостивый свыше моих заслуг в прочем на мое письмо ответ, только о том сожалею, что оно почтено ласкательным, в чем мне природа сама совсем почти отказала, и ежели где некоторое подобие покажется, то конечно не мои вымыслы, но только каких-нибудь обстоятельств внезапная буря принуждает. Всепокорнейшее мое прошение¹ к вашему превосходительству только ту силу имеет и намерение, чтобы я вашим милостивым благодеянием предостережен был в рассуждении тех должностей, которые наблюдать должно в рассуждении толь великой особы, к которой мое сочинение простирается.² Штиля моего и других хотя никто больше и лучше судья вас быть не может, что я собственным искусством всегда могу засвидетельствовать, однако все мое к вашему превосходительству прошение состоит в рассуждении первого. Г. Поповской свой перевод всех стихов Попиевых, несколько еще исправленных, сегодня чрез меня в Канцелярию для посылки к его сиятельству³ отдал. При сем вашему превосходительству принимаю смелость донести, что...^a Однако мы — господа в ко-

^a Многоточие в первой публикации, где указано, что «в подлиннике несколько строк отодрано».

миссии,⁴ иной боится отрешить...^а чтобы не раздражать какого-нибудь знатного господина, иной говорит, что он беден, однако прошу меня извинить, не могу всех пристрастий и всех обстоятельств изобразить. Словом, с одного конца Академию хотят починивать, а с другого портят. Все сносно, только того нет тяжелее...^а окончание сего дела ясно покажет, и я никогда по чистой моей совести не останусь лживым человеком. Мое истинное желание в том состоит, чтобы мне бог судил с вашим превосходительством во всяком благополучии видеться и засвидетельствовать, что я с глубоким почтением беспрестанно пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Санктпетербург
28 марта
1754 года

44

1754 МАЯ 7. Г.-Ф. МИЛЛЕРУ

Благородный г. профессор,
государь мой!

Новоприсланная диссертация¹ для получения награждения не токмо ста, но ни единого червонца не стóит. Знакомое дело и то худо описано. О решении сего прошу гг. академиков подождать, пока акт публичный будет назначен.⁶ Письмо г. Ейлера² прочитал я не без удивления. Шпанненберга и Ебергарда признает за таких людей, которые в Академии негодны, затем что ничего не писали годного в «Комментарии». Сие учинено против

^а Многогочие в первой публикации

⁶ Весь последующий текст письма до слов дружба сохранилась заключен в скобки.

справедливости и против его самого. Он рекомендовал Академии таких людей уже прежде, которых сочинения в «Комментарии» мало годны, и только на будущее надеялся. Так же и ныне представляет Мейера, Кестнера^а и Бермана, которые в ученом свете не чудотворцы. Профессор Шпангенберг в Марбурге читал уже лет восемь лекции во всей философии и математике и столько ж, как Волф, имел слушателей, а Берман тогда ходил сам к Волфу на лекции. Я его довольно знаю: с год времени за одним столом был у Волфа и учился у него немецкому языку и математики. Бермана превосходит Шпангенберг несравненно: студентом будучи, много лет читал лекции другим студентам с великою похвалою и ныне профессором тринадцать лет в том упражняется. Правда, что в Академии надобен человек, который изобретать умеет, но еще больше надобен, кто учить мастер.³ Обои достоинства в профессоре Шпангенберге несомнительны. О новых изобретениях не было ему времени думать, для того что должен читать много лекций. Впрочем, физические и электрические особливо опыты делает он часто в Касселе перед ландграфом и Кассельский физический департамент на руках имеет. Притом о его остроумии уверен я из его разговоров. Что ж до чтения физических и математических лекций надлежит, то подобного ему трудно сыскать во всей Германии. Сие нашим студентам весьма нужно, ибо нет у нас профессора, который бы довольную способность имел давать лекции в физике и во всей математике; сверх сего честные его нравы и все поступки Академии Наук непостыдны будут. Мне в четыре года студентом и профессором довольно знать его случилось. Мы счастливы, ежели он только поедет. Что ж до Ебергарда надлежит, то его сочинения весьма не хуже Краценштейновых, разве только тем негодны, что он Невтоновой теории в рассуждении цветов держится. Я больше, нежели г. Ейлер, в теории цветов с Невтоном не согласен, однако тем не неприятель, которые инако думают.⁴ Кестнера и Мейера я только по сочинениям ведаю, признаю за людей

^а Вместо зачеркнутого Бейера.

весьма посредственных и думаю, что они дѣроги. В рассуждении Котелникова нет ли, полно, пристрастия? Г. Ейлер сам не такой великий был математик, когда здесь произведен в профессоры. Все со временем. Итак, мое мнение состоит в том, чтобы для физики экспериментальной и для курса математического выписать профессора Шпангенберга, для механики — Ебергарда или Бермана; высшую математику Котелникову оставить. Сие прошу сообщить его сиятельству г. президенту, а г. Ейлера о том не уведомлять, затем чтобы дружба моя с ним не нарушилась. Правду больше всего почитаю, притом стараюсь, чтоб без ее нарушения дружба сохранилась. О скончании Николая Наумовича⁵ сердечно болезную, затем что он любил ученых и меня в том числе. В прочем желая всякого благополучия, пребываю

вашего благородия
покорный слуга Михайло Ломоносов

Из Устьрудиц
7 числа мая
1754 года

45

1754 ИЮНЯ—ИЮЛЯ. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, уза-

Милостивый Государь Иван Иванович

Получивши от Васшего Преласкокортежеса
Судовный доносъ: о томъ Преласкокортежесу
Сенату въ Олонецкой Моей резиденции я удерживаю
то объявленное мнѣ съвѣстно Преласкокортежесу
лично отъ бывшаго Преласкокортежеса на мѣсту и
въ Преласкокортежесу каждаго, съвѣдомлено въ Копенгагенской
Политическомъ и съвѣстномъ. При ономъ судавъ
драсовано въ отъясно, своею лично Преласкокортежесу
къ оному оному дозволению Судовному Моему, и
Моему и оному оному способствовано. Оному
и оному съвѣсту Васшего Преласкокортежеса не
лишено будетъ, которое съвѣсту оному университетскому

Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову об учреждении
Московского университета, стр. 1

Собственноручный подлинник (1754)

Архив Академии наук СССР

Читали быдали, но и сь мнѣ, исполнено было
обузались; тотъ же иде устройство, указано
мнѣ; объясни и обширнейшій въ университетѣ лечеб-
и физическѣ на картинахъ представлено. Тогда
разъ Ежели Московской Университетѣ получить
иностранныя устройства на медицинскѣ, то всѣмъ
судя вѣриво, то всѣмъ въ университетѣ,
были составлены. Но Ежели разъ практически
привести, или разъ привести какія будутъ то
неудобства; то указавъ на Омнѣшней
Большой Триумфальной арке на лицѣ Школы и в
лицѣ о устройствѣ Московскаго университета
протипо вообще.

А) Главнейшій основаніе составленъ есть Большой
Университетѣ и всѣмъ Политическимъ деламъ,
тотъ Политическѣ университетѣ будетъ въ лицѣ
Турецкѣ разъ. Тогда разъ какія будутъ то, Ежели
указавъ какія будутъ доказанная идеи указавъ
получится въ лицѣ профессоровъ и всѣмъ
Судя вѣриво доказанное иссо. Сначала можно
представить какія будутъ какія будутъ. Сначала
какія будутъ какія будутъ. Остатокъ въ лицѣ
тотъ идеи получится указавъ на лицѣ

Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову об учреждении Московского университета, стр. 2

университетской Библиотеки; недели Зотевъ имеет
 службой и ушей планъ Государствъ убогихъ; поет
 на въ развѣдочной оной евои профессоровъ и
 прочее отъбавитъ сумми.

2) Профессоръ въ Педагогическомъ университетѣ
 развѣдочной оной не имѣетъ, въ томъ французскѣ.
 въ Курляндскомъ уѣздѣ.

i. Профессоръ въ Курляндскомъ уѣздѣ, кто
 при убогахъ доводитъ науку, а также и оубогахъ
 права, науки и убогахъ Славянъ
 и новыя науки.

ii. Профессоръ Курляндскій Россійской, кто
 при убогахъ доводитъ науку, а также и оубогахъ
 права, науки и убогахъ Славянъ

iii. Профессоръ Псковскій, кто при убогахъ доводитъ
 науку, а также и оубогахъ права, науки и убогахъ
 Псковскій и оубогахъ Славянъ, а также и оубогахъ
 въ убогахъ оубогахъ и оубогахъ оубогахъ

въ Меземблскомъ уѣздѣ.

i. Докторъ и профессоръ Латвій.

ii. Докторъ и профессоръ естественной исторіи.

iii. Докторъ и профессоръ Латвій.

въ философскомъ наукѣ.

- i. Профессоръ философіи.
- ii. ————— сравненіи.
- iii. ————— Греческія
- iv. ————— Латвійскія
- v. ————— Латвійскія и исторіи
- vi. ————— Латвійскія и исторіи

Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову об учреждении Московского университета, стр. 3

3) При учреждении Московского университета
необходимо назначить, для посылки университет-
ских, как и прочих книг, в библиотеку. О ее
устроении хожат и в урочных местах, а также
когда не в урочных местах в библиотеку
Никак же в урочных местах
Составить и представить: Емко Показ не
посылать в урочных местах. Показ же
не послать, но в урочных местах
для посылки в урочных местах
Посылать

Ваше
Писатель

Воспомянувши
Михайловича

конения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради, ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

1) Главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план Университета служил во все будущие роды. Того ради, несмотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно проняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберется. Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели, сделав ныне скудный и узкий план по скудости ученых, после, как размножатся, оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах.

В Юридическом три

- I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи.
- II. Профессор юриспруденции российской, который, кроме вышесказанных, должен знать и преподавать внутренние государственные права.
- III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прешедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском 3 же

- I. Доктор и профессор химии.
- II. Доктор и профессор натуральной истории.
- III. Доктор и профессор анатомии.

В Философском шесть ^a

- I. Профессор философии.
- II. — физики.^b
- III. — оратории.
- IV. — поэзии.^в
- V. — истории.^г
- VI. — древностей и критики.^д

3) При Университете необходимо должна быть ^e Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян. О ее учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу, непременно с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

^a Вместо выскобленного пять.

^b Против первых двух пунктов справа поставлена скобка и приписано 1.

^в Против пунктов III и IV справа поставлена скобка и приписано 1.

^г Зачеркнуто приписанное другими чернилами и геролд[ики] после чего рукою И. И. Шувалова приписано и геролдику.

^д Против пунктов V и VI справа поставлена скобка.

^e В подлиннике повторено слово необходимо.

46

1754 НОЯБРЯ 19. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Идею, от вашего сиятельства милостиво сообщенную, по моей возможности сочинил стихами, которые отдаю на рассмотрение ваше и при том оригинал возвращаю по повелению вашего сиятельства. На щите, к тому вместо фронтисписа поставленном, уместиться им невозможно так, чтобы в требуемом отстоянии прочитанье можно было. Но ежели он в вышину и в ширину будет близ трех аршин, то можно поставить приложенные стихи литерами длиною с четвертью, а шириною без четверти вершок, которые снизу свободно читать можно будет. При сем обложенные рамами флорентинской работы картины¹ имею честь представить, с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов

Ноября 19
1754 года

47

1754 НОЯБРЯ 28. Л. ЭЙЛЕРУ

Viro celeberrimo, doctissimo in Regia Scientiarum
Academia Berolinensi summo atque incomparabili
Mathematico atque directori, Caesariae Academiae
Scientiarum Petropolitanae et Societatis Regiae Lon-
dinensis Membro dignissimo, Michael Lomonosow

S. P. D.

Quamvis multa sint, de quibus hisce litteris Te certio-
rem facere vellem; praesertim meditationes meas de colorum causa
communicare; temporis tamen penuria ad sermonem panegyricum

Petro Magno Imperatori ad 19 Decembris habendum urget, quem conscribere festino. Praeterea movet me censorum insolentia, qui meditationes meas, Tuo gravissimo iudicio probatas atque laudatas undique Theonino dente dilaniare contendunt. Et enim non Tibi, vir perspicacissime, ignotum esse puto Lipsiensem editorem Commentariorum de rebus in scientia naturali et Medicina gestis, non tam veritatis studio, quam malevolo animo lucubrations meas aggressum fuisse, et male intellectas pejus proscidisse. Malitiae et stuporis illius luculentissimam demonstrationem Tibi, Vir acutissime, expendendam mitto, simulque officiosissime obsecror, ut quemadmodum domi in Patria mea singulari benevolentia mihi succurrere voluisti; ita quoque foris defendere me et protegere non graveris. Nam exemplo dicti superius censoris moti atque incitati sunt plures alii, et furiosum impetum in me fecerunt. Scilicet Fogel quidam in Bibliotheca sua Medica, Conditor Ephemeridum Hamburgensium (des Hamburgischen Magasins) item Arnold nonnemo Erlangae, cui faventem censuram in novis litterarijs Hamburgensibus nuperrime legi. Quibus omnibus consideratis non sine ratione suspicor latere hic anguem in herba, et cujusdam mihi infensissimi inimici malo dolo tam iniquas tamque injurias cavillationes publice moveri. Si igitur, Vir humanissime, opem mihi ferre non fueris dedignatus, modum, quo id perficiatur, hunc convenientissimum esse arbitror, ut refutationes hic appositas (quae pro Tuo arbitrio immutandae traduntur et forsitan emolliendae) in Universitate aliqua studiosus publice defendat (sicut contra me Erlangiae ab Arnol do disputatum est) impressam; quae tandem contra inimicorum impetum in actis eruditorum recenseri poterit. Sumptus typographo abunde soluturum me promitto. Caeterum potest haec mea defensio in forma programmatis edi, alterius nomine. Interea moneo, hoc propositum meum nemini hic esse notum, nec cognitum futurum: quamobrem etiam Te, Vir celeberrime, precor, ut id tacito modo fiat. Nam equidem hic etiam non leves auctores tantae ignominiae meae suboleo. Hoc beneficium tuum erit aeternum pignus amicitiae nostrae,

quam sincero animo colere, et omnia grati animi officia praestare nunquam praetermittam. Vale atque favere perge.

Dabam Petropoli Die 28 Nov. S. V. A. 1754.

P. S. In dem Hamburgischen Correspondent № 187 stehet aus des Arnolds Disputation ein wieder mich sehr absurder Einwurf, aus welchem zu ersehen ist, er glaube, daß das Bley den höchsten Grad der Hitze bekommt, wenn es nur zu schmelzen anfängt. Die chymische Erfahrungen aber zeigen, dass der Wissmuth in einer Hitze, welche das Bley anzunehmen fähig ist, meistens zerstöhret werde.

Frustula encaustorum ad opera Musiva paratorum jam diu in cancellariam tradidi ad Te mittenda.

Перевод

Мужу знаменитейшему и ученейшему, великому и несравненному математику и директору Берлинской королевской академии наук, достойнейшему члену императорской Петербургской Академии Наук и Лондонского королевского общества Михайло Ломоносов шлет нижайший привет.

Хотя о многом хотел бы я в этом письме известить вас, в особенности же сообщить вам мысли мои о происхождении цветов,¹ но мешает мне недостаток времени, ибо я спешу написать похвальное слово Петру Великому, которое должен буду произнести 19 декабря.² К тому же меня тревожит наглость рецензентов, которые с язвительностью Теона наперерыв терзают мои рассуждения, тогда как ваше веское суждение о них содержало одобрение и похвалу. Вам, муж пронизательнейший, известно, разумеется, что издатель лейпцигского «Журнала естествознания и медицины» не столько из стремления к истине, сколько по недоброжелательству напал на мои труды и, плохо поняв их, обошелся с ними как нельзя хуже. Посылаю на ваше пронизательное рассмотрение яркий образчик его злобы и тупости и вместе с тем почтительнейше прошу: подобно тому, как вы с особенною благосклонностью оказали мне помощь в моем отечестве, не откажите защитить меня своим покровительством также и в чужих странах. Пример вышеозначенного рецензента увлек многих других, и они с яростью восстали против меня, а именно: Фогель в своей «Медицинской библиотеке», издатель «Гамбургского магазина» и некто Арнольд из

Эрлангена, о диссертации которого я читал недавно благоприятный отзыв в гамбургской газете. Все это заставляет меня не без основания подозревать, что тут таится нечто, и столь незаслуженные и оскорбительные поклепы на меня распространяются коварными усилиями какого-то закланного моего врага. Итак, если вы по своей благосклонности не погнушаетесь помочь мне, то я найду самым удобным к тому способом, чтобы с защитой приложенного здесь опровержения (которое предоставляю вам по своему усмотрению изменить и, может быть, смягчить), по напечатании его, публично выступил в каком-либо университете человек ученый (как в Эрлангене против меня выступал Арнольд); после же можно будет поместить в ученом журнале разбор этого выступления против моих врагов.³ Издержки по печатанию будут сполна мною возмещены. Впрочем, настоящее возражение мое может быть издано и в форме программы под чужим именем. Вместе с тем предупреждаю вас, что здесь никто не знает и знать не будет об этих моих предложениях, почему и вас покорнейше прошу, чтобы все это было исполнено втайне. Подозреваю, что и здесь есть немаловажные особы, которые принимают участие в таковом моем опорочивании. Ваше благодеяние останется вечным залогом нашей дружбы; я со своей стороны никогда не перестану со всею искренностью поддерживать ее и оказывать вам всевозможные знаки моей благодарности. Будьте здоровы и по-прежнему расположены ко мне.

С.-Петербург, 28 ноября по старому стилю 1754 г.

Р. С. В № 187 «Гамбургского корреспондента» приведено из диспута Арнольда направленное против меня весьма абсурдное возражение, из которого усматривается, что свинец, по его мнению, приобретает наивысшую температуру, когда он только начинает плавиться. Химические опыты, однако, показывают, что висмут при температуре, которую способен принимать свинец, в большинстве случаев разрушается.

Камешки для мозаичных работ я давно уже передал в Канцелярию для пересылки вам.

1754 ДЕКАБРЯ 30. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Из вчерашнего вашего превосходительства милостивого разговора приметил я, что злоба преодолевает благодати, подкрадываясь под святость высочайших повелений. Итак, ежели невозможно, чтобы я по моему всепокорнейшему прошению был про-

изведен в Академии для пресечения коварных предприятий, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашим отеческим предстательством переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имея случай употреблять вспоможение архивы к продолжению «Российской истории». Я прошу всевышнего господа бога, дабы он воздвиг и ободрил ваше великодушное сердце в мою помощь и чрез вас бы сотворил со мною знамение во благо, да видят ненавидящие мя и постыдятся, яко господь помог ми и утешил мя есть иъ двух единым, дабы или все сказали: камень, его же небрегоша зиждушни, сей бысть во главу угла, от господа бысть сей;¹ или бы в мое отбытие из Академии ясно оказалось, чего она лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонительми наук боролся, несмотря на свои опасности. Ожидая того или другого в твердом на милостивейшее ваше ходатайство уповании, с усердным глубокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов

Декабря 30 дня
1754 года

49

1755 МАРТА 10. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Вашему превосходительству всеpokорнейше доношу, что дело мое с Тепловым по Канцелярии произведено письменно (как я теперь уведомился), и мне будет читать секретарь неправедный^а приговор или выговор письменный! Возможно ли стерпеть,

^а В подлиннике описка непреведной.

стояв за правду, за высочайшее повеление е. и. в. из Правительствующего Сената, которым указано все права, не взирая и на подписанные монаршескими руками, к лучшему переправить. Теплов ищет, чтобы Академический регламент (который сочинен им без согласия и без ведома академиков по его прихотям и которым он не токмо многих знатных персон обманул, но и подкрался под святость высочайшего повеления е. и. в.) не был рассматриван, затем что он знает, сколь много найдено будет его пронырств[а].^а Того ради начал он отводить указ е. в. из Правительствующег[о]^а Сената, якобы он до Академического регламента не надлежал, чему я противился. Спор и шум впоследствии последовал. Я осужден! Теплов цел и торжествует. Виноватый оправлен, правый обвинен. Коварник¹ надеется, что он и со мною так поступит, как с другими прежде. Делия, Гмелина, Сигезбека, Крузиуса, Гебе[н]штрейта, профессоров, из России выгнал; Вейдебрехта крутым от службы отказом уморил;² другими многими, как хотел, поворачивал. Президент наш добрый человек, только вверился в Коварника. Президентским ордерам готов повиноваться, только не Теплова. Итак, в сих моих обстоятельствах ваше превосходительство всепокорнейше прошу, чтоб меня от такого поношения и несправедливого поругания избавить, дабы чрез ваше отеческое предстательство всемилостивейшая государыня принять меня в высочайшее свое собственное покровительство и от Теплова ига избавить не презрела и от таких нападков по моей ревности защитить матерски благоволила. Чрез вашего превосходительства ходатайство от дальнейших обстоятельств вскоре спасен быть ожидаю.

Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Марта 10 д[ня]
1755 года

^а Оборван край листа

50

1755 МАРТА 12. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Хотя я к вашему превосходительству сегодня поутру и намерен был вам засвидетельствовать мое почтение и осведомиться о вашем здоровье, однако сие отложил, для того чтобы вас не обеспокоить моим неудовольствием в рассуждении моих нынешних обстоятельств; второе, боюсь, чтобы мне где-нибудь Теплов не встретился. Итак, что я вам на словах не могу за слезами донести, на письме всепокорнейше прошу прослушать.

1) Спор и ссора нач[ал]ась не в то собрание, когда разошлись, но в самое первое, где о последнем пункте регламента рассуждение было. Коварник говорил, что я хочу отнять власть и полномочество президентское; я отвечал, что я желаю снять с него беремья, которое выше сил одного человека, каков бы он ни был. Но должно общим согласием всему производиться, а особливо что президент — не полигистор. Владеющие государи имеют своих сенаторов и других чиновных людей, которых он, хотя самодержец, советы принимает, то можно ли тому быть в науках, которые не в одном государстве, но во весь свет простираются.

2) В полномочество президентское мы не знаем, что делать или нет. Мы зачем то...^a и говорим многое время; вдруг повеление: не быть так.

3) Лукавец¹ говорил: сенатский-де указ потому не гласит на регламент, что регламент указами не был никогда переменен.⁶ Я говорил, что он сто раз был указами переменен президентскими, и тут был пустой спор о том, что президентские указы: указы или не указы?

^a Многоточные в подлиннике.

⁶ В подлиннике описка непеременин.

4) Я в первом собрании генерально оговорился, чтоб никто не думал, когда я говорю о президенте, яко бы я говорил о графе К[ириле] Г[ригорьевиче], но рассуждая о президенте генерально, в вечные рóды: мы все смертны. Однако ничто не помогло! Он все натягивал на нынешнее состояние; помавал всем руками, как диктатор; все боятся и готовы его только слушать.

Много еще остается, что вашему превосходительству донести намерен и должен как милостивейшему моему защитнику и несравненному благодетелю, однако оставляю на будущее время, не хотя вас утрудить, а особливо в нынешнем вашем состоянии. Прошу от всевышнего господа бога, чтобы благоволил возвратить и умножить прежнюю вашу крепость и бодрость для защиты бедных и для ободрения наук и покрова.

Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Марта 12 дня
1755 года

51

1756 АПРЕЛЯ 2. И.-Д. ШУМАХЕРУ

Высокородный г. статский советник,
милостивый государь мой!

Подателя сего письма, человека моего Игната Петрова, который обучался выдувать термометры, а больше имеет склонность к живописному искусству, позволить допускать в Рисовальную палату прошу всепокорнейше, дабы он некоторые свои успехи мог между другими учениками под тамошним смотрением

произвести далее. В надежде милостивого вашего соизволения, принял я смелость его к вашему высокородию прислать, непременно с должным почтением пребывая

вашего высокородия
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Апреля 2 дня
1756 года

52

1756 МАЯ 10. И.-Д. ШУМАХЕРУ

Высокородный г. статский советник,
милостивый государь мой!

Вашему высо[ко]родию известно, как я неоднократно вам словесно жаловался на неприличные поступки лаборатора Бетигера, которые не токмо тем, что жили ^а с ним в той же половине, в академическом Боновском доме, были несносны и производились жалобы, но и мне самому тягостны и досадны. Однако всё сие пропускал я для того, что он свою лабораторскую должность отправлял по моему указанию как должно, и, надеясь его исправления, сносил я оскорбления. Но противу моего чаяния, почувствовал я от его домашних большие грубости. Для множества почти дневно и ночью часто приходящих на его квартиру гостей разных званий и наций беспокойство так умножилось, что уже и ворота среди дня пьяные гости его ломают, а ночью часто стоят по́лы для приезжающих к нему колясок и одноколок. Сверх сего от служанок его чинятся фамилии моей напрасные и наглые обиды, так что недавно девка его бесчестными словами дочь мою с крыльца сослала, и как жена моя вышла и спросила, зачем оная девка так поступает, то она, поворотясь задом и опершись о перила, давала грубые ответы. И как уже неодно-

^а Вместо выскобленного живу я.

кратно прежде было, что оный Бетигер за обиды, моим домашним учиненные, людей своих не наказывал, а суда на них просить смешно и стыдно, для того велел я ту девчонку посечь лозами, чтобы впредь фамилия моя от его служанок была спокойна. Помянутый Бетигер, вместо того чтобы мне поблагодарить за научение, забыв стыд и за мое к нему снисходительство благодарность, дерзнул утруждать на меня жалобой его сиятельство г. президента, будучи сам виноват передо мною. И ныне, бегая по разным домам, обносит меня ложными жалобами и, по двору ходя, грозит мне через моих домашних, а от Лаборатории отстал. Для сего ваше высочорodie всепокорно прошу, чтоб ради моего и следующего профессора спокойства одного лаборатора Бетигера от академической службы отставить, а вместо его принять холостого одинокого человека, у которого бы не могли быть бесчестные и подозрительные в доме поступки. На место его рекомендую студента Василья Клементьева, который сию должность отправлять и себе большее искусство в химии снискать может. В надежде сего с должным почитанием пребываю

вашего высочородия
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Мая 10 дня
1756 года

1757 СЕНТЯБРЯ 2. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученное от вашего превосходительства милостивое письмо¹ с радостью прочитал и уведал я непременно ваше старание о прославлении бессмертных дел блаженных памяти государя императора Петра Великого на иностранных языках. К сему делу, по правде, г. Волтера никто не может быть способнее,

только о двух обстоятельствах несколько подумать должно. Первое, что он человек опасный и подал в рассуждении высоких особ худые примеры своего характера. Второе, хотя довольно может он получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему знаемый, великого труда и времени требует. Что до сего надлежит, то принимаю смелость предложить следующее. Во-первых, должен он себе сделать краткий план, который может сочинен быть из сокращенного описания дел государевых,² которое я имею, к чему он и сочиненный мною панегирик³ не без пользы употребить может, ежели на французский язык переведен будет. Профессор Штрубе перевел уже великую его часть, однако я не мог упросить, чтобы он привел к окончанию, а приказать власти не имею. По сочинении плана и по его сюда сообщении думаю, что лучше к нему посылать переводы с записок по частям, как порядок в плане покажет, а не все вдруг. И как станет он сочинять начало, между тем прочий перевод поспевать может, и так сочинение скорее начаться и к окончанию приходить имеет. Ускорение сего дела для престарелых лет Волтеровых⁴ весьма надобно.

У меня сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы. О состоянии России во время царствования государя царя Михаила Федоровича должно сделать краткий экстракт из летописцев наших, к чему я могу употребить несколько времени. Анекдоты при начале сего сочинения не так нужны, притом же нет уже никого, кто бы детские лета государевы помнил, однако и о том постараюсь, чтобы хотя от других слышанное слышать.⁵ При сем имею честь прислать к вашему превосходительству первый лист моей речи, которую буду говорить в 6 число сего месяца в Академическом публичном собрании. А как обыкновенно такие речи подаваны были прежде в 5 число е. и. в. всемилостивейшей государыне, того ради ваше превосходительство всепокорнейше прошу, чтоб я мог удостоиться быть на сие торжество в Сарском Селе как для подания речи, также чтобы ваше превосходительство поздравить с пресветлым праздником и с возвращением

дражайшего вашего здоровья, о которого слабости безмерно я соболезновал. Ожидая милостивого соблаговоления, с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Сентября 2 дня
1757 года

54

1757 СЕНТЯБРЯ 27. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван ^а Иванович!

По приказанию вашего превосходительства прилагаю при сем расписание разных цен мусии по разным сортам.¹ Портреты обыкновенной величины состояются из третьего и четвертого сорта, которые пополам считая, придет каждый квадратный фут от 50 до 60 рублей, или, короче сказать, сколько в нем кусков, столько копеек, выключая материю и излишние лики. Для скорого исполнения намерения вашего превосходительства желал бы я знать меру величины желаемого портрета,² дабы заблаговременно отковать медную доску и наложить грунд мастичный. Что ж до портрета надлежит, с которого делать, то я думаю, чтобы наперво хотя один лик скопировать с самого лучшего приказать Федору.³ Ожидая милостивого вашего соизволения, с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов

Сентября 27 дня
1757 года

^а Иван написано дважды.

55

1757 ОКТЯБРЯ 10. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов¹ еще переписав, имею честь подать чрез сие письмо вашему превосходительству. Сами можете отметить, что вам не рассудится за благо перевести на французский язык. Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора стараюсь привести к окончанию подобным образом. Всепокорнейше прошу не причесть мне в предосуждение, что о своих свидетельствах и трудах при сем прилагаю.² Не ради своего самохвальства то сделать осмелился, но чтобы себя оборонить от моих презрителей и поносителей «с верху Парнасских гор долой».³ Домашние мои заботы в рассуждении строения⁴ фабрики и прочего приходят к окончанию, и я уповаю доказать великими доводами в самом деле, что оные слова — самая пустошь. В ожидании обещанного портрета,⁵ хотя и в нетерпеливости, однако как завсегда с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов

Октября 10 дня
1757 года

56

1757 ОКТЯБРЯ 27. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Wohlgebohrener Herr Hofrath,
Hochzuehrender Freund.

Ob ich s[ch]on vollkommen versichert bin, daß Ew. Wohlgebohrn von meiner Mosaischen Arbeit die beste und der Wahrheit gemäße Meinung hegen: so habe doch für nöthig gefunden,

Ew. Wohlgebohr. einiger Umständen zu erinnern, nämlich: 1) Daß diese Kunst, welche zu allen Zeiten in einer besonderen Hochachtung gestanden, allhier durch meine Bemühung in kurtzer Zeit in einem so[]chen Stand gesetzt worden, zu welchem zu gelangen hat man in Rom einige Jahrhunderte und viele Unkosten angewendet, ohngeachtet, daß alldort so viele Meister in der Malerey und in der Glaskunst allemahl zu finden sind. 2) Daß die Materialien alle von derselbigem Festigkeit und Güthe als die Römische sind, und ihre Farben sind weder von Luft, noch Sonne, oder durch die Länge der Zeit veränderlich, weil sie im starken Feuer verfertigt werden. 3) Da nun diese Kunst hier so weit gebracht ist, so ist es sicher, daß sie durch mehrere Übung insonderheit im großen zu der größten Vollkommenheit, die man wünschen kan[n], gelangen wird. Diese Erinnerung[n]g weil wahr und nicht nur mir, sonder[n] auch den schönen Künsten überhaupt heilsam ist; so zweiffele ich im geringsten nicht, daß Ew. Wohlgebohrn dieselbe bey dem Raport in die Canceley in Betrachtung ziehen werden. Ich verharre mit aller Hochachtung

Ew. Wohlgebohrn
gehorsamster Diener
M. Lomonosow

d. 27 Oct.
1757

Адрес: A Monsieur Monsieur de Staelin Conseiller de la Cour et Directeur de l'Académie des Arts chez lui.

Перевод

Высокоблагородный господин надворный советник, высокочтимый друг.

Хотя я уже вполне уверен, что ваше высокородие имеет о моей мозаичной работе самое лучшее и соответствующее действительности мнение, все же нахожу необходимым напомнить вашему высокоблагородию некоторые обстоятельства, а именно: 1) что это искусство, которое во все вре-

Я. Я. ШТЕЛИН

С портрета работы Г. Ф. Шмидта, гравированного И. Штенглином (1762)

мена пользовалось особым почетом, здесь моими стараниями в короткое время доведено до такого состояния, для достижения которого в Риме потребовалось несколько столетий и большие затраты, несмотря на то, что там всегда можно было найти так много мастеров живописи и по стеклу; 2) что все материалы имеют такую же прочность и качество, как и римские, а краски их не изменяются ни от воздуха, ни от солнца, ни вследствие истечения времени, так как они изготавливаются на сильном огне; 3) а так как это искусство здесь доведено до такой высоты, то несомненно, что при большом опыте, в особенности в большом объеме, оно достигнет такого высокого совершенства, какого только можно желать. Настоящее напоминание, будучи справедливым, полезно не только мне, но и изящным искусствам вообще, поэтому я несколько не сомневаюсь, что ваше высокоблагородие примет его во внимание при репорте Канцелярии.

Остаюсь с полным почтением

вашего высокоблагородия
покорнейший слуга
М. Ломоносов

27 октября
1757

Адрес: Господину Штелину, надворному советнику и директору Академии Художеств. В собственном доме.

57

1757 ОКТЯБРЯ 27—30. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Ich bin damit recht zufrieden und meine Dankbarkeit werde ich ander[n] Tag legen.

Das Wört[c]hen „ziemlich“ könnte man wohl aduciren.

Ich bitte nur um eine baldige Expedirung.

Перевод

Я вполне удовлетворен и не премину проявить мою благодарность. Словечко «довольно» можно было бы смягчить. Прошу лишь о скорой отправке.

58

1757 ОКТЯБРЯ 27—30. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Ich bitte Ew. Wohlgebohren meine Sache in die Canceley zu expediren; denn es wird darnach im Senat gefragt. Die Herrn Glieder der Academie der Künste können zu Hause unterschreiben. Denn so bald das Revier schlimm wird, so muß die Sache in der Canceley liegen, und die Zeit von paar Wochen vergebens verlohren gehen. Sie können den Staffenhagen zu sich kommen laßen, und durch ihn dieses ausrichten laßen.

Перевод

Прошу ваше высокоблагородие направить мое дело в Канцелярию, ибо о нем справляются из Сената. Господа члены Академии Художеств могут подписать на дому. Ибо как только обстановка становится плоха,¹ дело залеживается в Канцелярии, и несколько недель теряются напрасно. Вы можете вызвать к себе Стафенгагена и выполнить это через него.

59

1757 НОЯБРЯ 23. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

По милостивому вашего превосходительства любению и доброжелательству к наукам нагрыдорованного моего портрета несколько листов отпечатано, как вы приказать изволили, из которых пять при сем приложены. Мастер Вортман, уповаю, что скоро исправит известные в нем погрешности. Ваше превосходительство изволили говорить, чтоб под помянутый портрет подписать какие-нибудь стихи. Но того, милостивый государь, отнюд не желаю и стыжусь, что я нагрыдорован. Я прошу только того, что мне надлежит по справедливости, чем всемилостейшая государыня усердных рабов своих обыкновенно жаловать изволит, что по моей службе и дороге следует и что больше отечеству, нежели мне, нужно и полезно. Для того прошу все-

униженно прежнее мое письмо¹ еще прочитать однажды и отдать справедливость моему законному прошению. Вашего превосходительства ко мне благодеяния хотя многи и велики, однако желаемое будет всех больше не тем, что я о том прошу больше трех лет, но для того что оно соединено с общею пользою и что оным новая кровь в жилы мои вольется к совершению начатого героического описания трудов Петровых,² которых окончание выше всех благополучий в жизни моей почитаю.

Милостивый государь,
вашего превосходительства
всеуниженный слуга
Михайло Ломоносов

Ноября 23 дня
1757 года

60

1758 ИЮНЯ 27. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Hochwohlgebohrner Herr Hofrath,
Hochgeschätzter Freund.

Wieder mein Vermuthen ist die Sache im H. Senat so lange verzögert worden, daß es nur vor acht Tage zu Stande [ge]kommen ist. In Erwartung deßen halte ich so viel Leute auf meinen Kosten, daß ich allein wegen Fabrique am Ge[l]de 600 Rubeln jährlich bezahle, ohngerechnet was auf Provision und Materialien ausgegeben wird. Deßwegen bitte mir zu verzeihen, daß ich nicht auf den Termin meine Schuld bezahlen konnte, und auf Morgen gehets gar nicht an; aber die Woche will ich auf alle Art suche[n] dieselben (auf alle Art) mit großem Dank zu befriedigen. Ich habe vier Hundert Faden Holtz auf dem Ufer zu Caravaldai stehen, ich kan[n] aber noch nie-

mand finden, der die 300 F. kauft und ein Hundert h[i]er fährt, wie zuvor geschehen ist. Ich verharre

Dero ergebenster Diener

M. Lomonosow

d. 27 jun.

1758

На обороте: A Monsieur le conseiller Sthelin.

Перевод

Высокоблагородный господин надворный советник,
высокочтимый друг.

Вопреки моему предположению, дело в Сенате настолько затянулось, что окончилось лишь восемь дней тому назад. В ожидании я держу на свой счет так много людей, что по одной только фабрике плачу ежегодно деньгами 600 рублей, не считая того, что выходит на припасы и материалы. Поэтому прошу извинить меня, что я не мог уплатить долг мой в срок и что никак не смогу сделать этого и завтра; но в течение недели я буду изыскивать все способы удовлетворить вас с величайшей благодарностью. Я имею четыреста сажень дров на берегу у Каравалдая, но не могу еще никого найти, кто бы купил у меня из них 300 саж. и кто перевез бы сюда, как делалось это прежде.

Остаюсь вашим преданнейшим слугой.

M. Ломоносов

27 июня

1758

На обороте: Господину советнику Штелину.

61

1758 ИЮЛЯ 1 — ОКТЯБРЯ 13. Я. Я. ШТЕЛИНУ

S. Exc. der Herr Graff P. J. verlangen, daß die Beschreibung von dem Feuer-Werke sollte im deutschen und frantzösischen gedruckt werden. Der Staffengagen hat es übersetzt, aber mir gefallen nicht die Verse in Prosa. Ich bitte Ew. Wohlgebohr., wegen der Ehre der Academie dies zu übersehen. Die Verse habe Wort zu Wort ins lateinische übersetzt. Es wäre

zu wünschen, daß sie auch in deutsche Versen gesetzt wären. Kan[n] unsere frantzösische Translateur aus dem deutschen ins frantzösische befördern, so haben Sie mehr Autorität ihm es zu thun zubefehlen.

Wenn die Verse frantzösisch in Prosa sind, so will ich morgen schon einen Poet bekommen.

Перевод

Его сиятельство г. граф П[етр] И[ванович] требует, чтобы описание фейерверка было напечатано на немецком и французском языках. Стафенгаген его перевел, но мне не нравятся стихи в прозе. Прошу ваше высококордие ради чести Академии просмотреть их. Стихи я дословно перевел на латинский. Было бы желательно, чтобы и по-немецки они были также переложены на стихи. наших французских переводчиков я могу склонить к переводу с немецкого на французский, что же касается его, то вы располагаете бóльшей властью приказать ему это выполнить.

Когда стихи будут переведены на французский прозой, я завтра же добуду и какого-нибудь поэта.

62

1759 ИЮЛЯ 8. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

По приказанию вашего высокопревосходительства сыскал я такого человека, который в состоянии вас удовлетворить историческими переводами и экстрактами с российского языка на французский.¹ Г. Модрах, профессор истории, надеюсь, вам известен, который по-французски искусен и российский язык основательно знает, весьма желает услужить сим трудом вашему высокопревосходительству и уже начал делать экстракт из «Камчатской истории», в чем могу ему спомоществовать моим советом и для переписки набело употребить студентов. Мои манускрипты могут ныне больше служить, нежели я сам, не имея от моих недоброжелателей² покоя. Сверх сего, не продолжая времени, должен я при первом случае объявить в ученом свете все новые мои изобретения ради славы отечества, дабы не воспоследовало с ними того же, что с нечезрительною трубою слу-

чилось. Сей ущерб чести от моих трудов стал мне вдвое горестен, для того что те, которые сие дело невозможным почитали, еще и поныне жестоко, с досадительными словами спорят, так что видя не видят и слыша не слышат. Невзирая на то, стараюсь произвести в действие еще новый оптический инструмент,³ которым бы много глубже видеть можно было дно в реках и в море, нежели как видим просто. Коль сие в жизни человеческой полезно, всяк удобно рассудить может. При сем не могу преминуть, чтобы не показать явного бессовестия моих недоброхотов.⁴ В «Трудолюбивой» так называемой «пчеле» напечатано о мозаике весьма презрительно. Сочинитель того Тр[едиаковский] совокупил свое грубое незнание с подлою злостию, чтобы моему рачению сделать помешательство. Здесь видеть можно целый комплот. Тр[едиаковский] сочинил, Сумароков принял в «Пчелу», Т[ауберт] дал напечатать без моего уведомления в той команде, где я присутствую. По сим обстоятельствам ясно видеть ваше высокопревосходительство можете, сколько сии люди дают мне покою, не престая повреждать мою честь и благополучие при всяком случае! Умилосердитесь надо мною, милостивый государь, свободите меня от таких нападков, которые, меня огорчая, не дают мне простираться далее в полезных и славных моих отечеству упражнениях. Никакого не желаю мщения, но токмо всеуниженно прошу оправдан быть перед светом высочайшею конфирмациею доклада от Правительствующего Сената о украшении Петропавловской церкви, чего целый год ожидая, претерпеваю сверх моего разорения посмеяние и ругательство. Ваше сильное ходатайство может меня от всего скоро избавить и уверить меня о непременной милости, которую за особое счастье и честь в жизни моей почитаю.

Вашего высокопревосходительства
всенижайший и усердный слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
8 июля 1759 года

63

1759 ДЕКАБРЯ 30. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

В надежде на высокую вашего сиятельства милость принимаю дерзновение утруждать вас, милостивого государя, всеуниженным прошением, касающимся больше до общей, нежели до моей пользы, в котором уповаю милостивейшего от вашего сиятельства извинения, когда вам усердные мои труды представлю. Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии,¹ то есть в обоим красноречии, в истории, в физике и в химии,² и оные отправлял не так, чтобы только как-нибудь препроводить время, но во всех показал знатные изобретения: в красноречии ввел в наш язык свойственное стихов сложение и штиль исправил грамматическими и риторическими правилами и примерами в разных сочинениях; в физике разные публичные речи и диссертации в «Комментариях», от великих ученых людей вес[ь]ма похваленные; в истории показанное истинное происхождение российского народа в первом томе «Истории российской»; в химии, кроме других изобретений, мусия. Сверх сего уже три года отправляю дела канцелярские,³ стараясь о распространении наук в отечестве. В Гимназии через тридцать лет было такое бедное состояние, что учащиеся ходили в классы в толь нищетском виде, что стыдно было их показывать честным людям; получая жалованье, на пищу отцам своим отдавали и, будучи голодны и холодны, мало могли об учении думать и сверх сего хождением домой чрез дальное расстояние и служением дома отцу и матери теряли почти все время, имели случай резвиться и видеть дома худые примеры. Для того не дивно, что с начала Гимназии не произошли не токмо профессеры или хотя адъюнкты доморощен[н]ые, но ниже достойные студенты. Ныне по моему представлению и старанию все гимназисты чисто одеты одинаким зимним и летним платьем, имеют за общим столом

довольную пищу, время употребляют на учение и ведут себя порядочно, и потому были в один уже год несколько в классах произведений, и восемь человек от Профессорского собрания удостоены в студенты по строгом экзамене. Введенными мною российскими классами в Гимназии пользуются не токмо россияне, но и чужестранцы. Таким же образом и о Университете крайне стараюсь, но мало к тому моего авторитету.⁴ Товарищи мои по Канцелярии,⁵ имея в смотрении людей нижних чинов, легко могут с ними управиться. Напротив того, мне в нынешнем чине не сметь и напомнать профессорам о исполнении должностей, что почитают за обиду и ходят по знатным домам с ложными жалобами. Нынешний отъезд его сиятельства, милостивого государя графа Кирила Григорьевича необходимо требует особого учреждения, затем что два иностранные в Канцелярии члены против меня перевес имеют, который я чувствую не без остановки приращению ученых россиян. Великий Академический корпус, состоящий из многих департаментов, неотменно должен иметь вице-президента, ибо оные положены в много меньших командах. К сему ежели кто определен будет извне Академии, то никакой не воспоследует почти пользы, затем что он долго будет должен признаваться ко внутреннему академическому состоянию и между тем чужих умов слушать, которые в Академии коль несогласны, довольно известно. Напротив того, будучи двадцать лет в сем корпусе⁶ в разных чинах и уже девять лет советником, три года членом Канцелярии и прежде в нескольких бывших в ней комиссиях быв судьей⁷ и сверх того отправляя разных профессоров должности и чрез то вызнав и высмотрев во всей Академии, где есть излишества и недостатки, совершенное право имею всенижайше просить о произведении меня в оное достоинство, представля[я] при том истинную и врожденную мою любовь и ревность к отечеству и к наукам, которая всего чувствительнее в моем сердце. Для сих причин не сомневаюсь, что ваше сиятельство будете мне в получении оногo по древней вашей отеческой милости предстатель и помощник и тем вяще ободрите мое рачение к размножению в отече-

М. И. ВОРОНЦОВ

Мозаика Ломоносовской мастерской (1765—1766)

Государственный Эрмитаж

стве природных ученых людей, в которых не без сожаления видим великий недостаток. В ожидании такой вашей высокой отеческой милости с глубоким высокопочитанием пребываю

милостивый государь,
вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Декабря 30 дня
1759 года

64

1760 ФЕВРАЛЯ 14—АПРЕЛЯ 17. И. И. ШУВАЛОВУ

При представлении нижайше прошу напомнить:

1. что служу 9 лет в одном чине и остался от многих;
2. что в Академии больше мне надобно авторитету, чтобы иностранные перевесу не имели;
3. что граф К[ирилл] Г[ригорьевич]¹ и прежде сего представлял о вице-президенте;
4. что всеми силами стараюсь о ученых россиянах, сочинил регламенты, привел в порядок Гимназию;
5. и прежде сего советы давал о Московском университете;²
6. что вице-президентский чин — невеликий, а в графских отсутствиях надобен;
7. сие ободрит меня к сочинению в один год «Петриады».³

В Постарайтесь, милостивый государь, чтобы я благодарственное слово на университетской инаугурации⁴ проговорил с великим ободрением.

65

1760 МАРТА 3 И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

По вашего высокопревосходительства повелению составляется мозаичный портрет для Московского университета и уже приходит к окончанию и нынешнею весною готов будет. Между

тем недостатки мои принуждают показать вам счет,¹ во что он мне ныне стоит, и всепокорнейше просить вас, милостивого государя, о вспоможении, чтобы я в нынешних нужных обстоятельствах мог исправиться деньгами.² Ежели угодно освидетельствовать, то оная работа здесь и трудящиеся мастерские люди.³ Ожидая милостивого неоставления, с достодолжным высокопочитанием пребываю

вашего высокопревосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Марта 3 дня
1760 года

66

1760 АПРЕЛЯ 17. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Вашему высокопревосходительству довольно известно, что Александр Серге[е]вич весьма жалует Миллера, который нигде не пропускает случая, чтобы какое-нибудь зло против меня вселять. Того ради не удивлялся я Александра Сергеевича¹ издавна холодности, вместо которой ко мне для любления наук должен был я ожидать такой горячности, какую вы оказали ко мне и его сиятельство Роман Ларионович, приехав из Москвы. Имея охоту к российским словесным наукам и к минералам, как бы можно было пренебрегать меня, если бы от Миллера предубережение не усилилось. К сему присовокупилось еще новое неудовольствие, что я печатать отсоветываю французскую речь, не ради того, что она весьма нескладна, но для того, что все учиненные в ней похвалы для России тем самым опровергаются, что он, не зная российского языка, рассуждает о российских стихотворцах и ставит тех в параллель, которые в параллеле стоять не могут. Ваше превосходительство праведно рассуждаете по его тихим поступкам, чтобы мог кого избидеть. И я сам вчерась бранным словам его не верил, пока великой перемены в глазах и во всем его лице не увидел. Всю процессию

могу с вашего высокопревосходительства позволения при нем на словах представить. Я сожалею сердечно, что вас принужден представлением утруждать о моей неповинности, а особливо видя из вашего письма, что вы уже моего обидщика защищаете. Едва принимаю смелость послать к вам сии строки, и нонче бы не послал, если бы меня общая польза отечества к тому не побуждала. Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вождевленное течение Гимназию и Университет, откуда могут произотти многочисленные Ломоносовы, и для того ваше высокопревосходительство всеуниженно прошу постараться, чтобы из Конференции, при дворе учрежденной, дан был формуляр привилегии по прошению его сиятельства Академии Наук г. президента, чего при сем копии сообщаю.² Сие будет большее всех благодеяние, которое ваше высокопревосходительство мне в жизнь сделали. По окончании сего только хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть было персон высокогородных, которые мне низкою моею породю попрекают, видя меня, как бельмо на глазе, хотя я своей чести достиг не слепым счастьем, но данным мне от бога талантом, трудолюбием и терпением крайней бедности добровольно для учения. И хотя я от Александра Сергеевича мог бы по справедливости требовать удовольствия за такую публичную обиду, однако я уже оно имею чрез то, что при том постоянные люди сказали, чтобы я причел его молодости, и его приятель тогда ж говорил, что я напрасно обижен. А больше всего тем я оправдан, что он, попрекая недворянство, сам поступил не по-дворянски. Итак, все позабывая, еще всеуниженно прошу вашим предстательством для пользы учащихся россиян споспешествовать университетской привилегии,³ которая может быть и для Московского университета несколько послужит.

Милостивый государь,
вашего высокопревосходительства
всеуниженный слуга
Михайло Ломоносов

Апреля 17 дня
1760 года

67

1760 АПРЕЛЯ 20. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Для приведения в порядок сокращения описания Камчатки,¹ которое по частям переписывано и переводится, присылаю вашему высокопревосходительству оное в оригинале, чтобы французское по тому расположить можно было. При сем принимаю смелость, милостивый государь, о моем всеуниженном прошении, для общей пользы наук в отечестве, докучать, чтобы вашим сильным ходатайством по представлению милостивого государя графа Кирила Григорьевича из высокой Конференции дан был формуляр университетской привилегии² для ускорения инаугурации и порядочного течения учений. Сие будет конец моего попечения о успехах в науках сынов российских и начало особенного рачения к приведению в исполнение старания моего в словесных науках.³ Дело весьма вам нетрудное и только стоит вашего слова, которым многие наук рачители обрадованы будут и купно я с ними, истинный и непреложный почитатель

вашего высокопревосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Апреля 20 дня
1760 года

68

1760 ИЮЛЯ 15. ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Illustrissimae Academiae Regiae Scientiarum Sueciae^a studia et officia sua devoto offert animo simulque

S. P. D.

Michaël Lomonosow

Quum primum id honoris mihi obtigit, ut plenum humanitatis atque favoris diploma acceperim, quo illustrissima Academia Scientiarum^b testari voluit^c me in Societatem Illius esse cooptatum; officium fuit meum^d sine ulla mora gratum significare animum pro tanto tamque singulari a celeberrima Societate^e accepto beneficio. Verum tamen, ne vacuus gratiarum actor tantorum virorum coetum litteris alloquerer,^f sed ut jam socius sociam Illi commodarem operam,^g muneris mei esse existimavi,^h exhibereⁱ aliquod grati animi atque studii mei specimen. Of

^a В черновике Illustrissimae Regiae Academiae Scientiar[um] Sueciae Michael Lomonosow. Illustrissimae Academiae Regiae Scientiarum Sueciae. После слова Lomonosow зачеркнуто consiliarius Academiae Scientiarum. После слова scientiarum зачеркнуто Holmensi.

^b В черновике Regia Sueciae.

^c Вместо зачеркнутого в черновике <dedit testimonium> me voluit.

^d В черновике officium meum fuit вместо зачеркнутого officii mei esse [нрзб] existimavi.

^e Вместо зачеркнутого в черновике ab illis.

^f Слова ne vacuus . . . alloquerer в черновике были первоначально после слов studii mei specimen.

^g Слова ut iam . . . operam в черновике отсутствуют.

^h Вместо зачеркнутого в черновике etiam duxi.

ⁱ В черновике exhibere simul.

ferre igitur ausus sum libellum,^a quaedam communis nostri Septentrionis phaenomena breviter exponentem.^b Quae, quantum mihi quidem constat, non ut^c merentur, in orbe litterario sunt cognita.^d Solidissimum veritatis^e erit argumentum^f de illis^g sententia illustrissimae Regiae Academiae Scientiarum Sveciae, cujus beneficium et favorem^h gratissimo animo colere nunquam desistam.

Dabam Petropoli die 15 julii.

A. S. 1760

Перевод

Славнейшей Шведской королевской академии наук^a службу свою преданнейше предлагает и низжайший привет шлет Михайло Ломоносов

Удостоившись чести получения любезной и благожелательной грамоты, которой славнейшая Академия наук^b пожелала удостоверить^v избрание мое в члены, почел я за долг^г свой незамедлительно изъявить благодарность за столь великую и особенную милость, от знаменитейшего общества^а

^a В черновике зачеркнуто qui <septentri> borealium.

^b Вместо зачеркнутого в черновике attingit.

^c Вместо зачеркнутого в черновике non tam quantum.

^d В черновике зачеркнуто Illustrissimae Academiae Regiae Scientiarum iudicium firmissimum erit veritatis illius argumentum.

^e В черновике illius.

^f Вместо зачеркнутого в черновике testimoni[um].

^g Слова de illis в черновике отсутствуют.

^h Вместо зачеркнутого в черновике iugiter venerari.

^a В черновике: Славнейшей Шведской королевской академии наук Михаил Ломоносов. Славнейшей Шведской академии наук. После слова Ломоносов зачеркнуто советник Академии Наук. После наук зачеркнуто Гельмской.

^b В черновике Королевская шведская.

^v Вместо зачеркнутого в черновике <дала свидетельство> пожелала меня.

^г В черновике было моим долгом вместо зачеркнутого я счел, что мой долг.

^а Вместо зачеркнутого в черновике от них.

полученную. Чтобы, однако, обратиться мне к собранию таковых мужей не с одной только пустой благодарностью,^а но как члену уже членскую работу предъявить,^б вменил^в я себе в обязанность предложить^г некий образец моей благодарности и усердия. И так, дерзаю преподнести книжку,^д где вкратце изъясняются^е явления, свойственные родному вам и нам Северу, которые, как мне по крайней мере то ведомо, в кругу ученом известны не так, как^ж они того заслуживают.^з Действительнейшим доказательством^и верности^к будет суждение о них^л славнейшей Королевской шведской академии наук, милостивое внимание которой^м никогда не забуду чтить я благодарной душой.

Петербург
15 июля 1760 г.

69

1760 АВГУСТА 22. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

По высокой вашего сиятельства отеческой милости уповаю, что еще высокоблагосклонно изволите не предать забвению моего всеуниженного прошения о моем произведении, при чем сообщены мои труды и свидетельства. Сие возобновить в вашем отеческом напоминании при нынешних многим оказаниях всевы-

^а Слова чтобы ... благодарностью в черновике были первоначально после слов образец моей благодарности и усердия.

^б Слова но как члену ... предъявить в черновике отсутствуют.

^в Вместо зачеркнутого в черновике также почел.

^г В черновике немедленно предложить.

^д В черновике зачеркнуто которая <север.> северное сияние

^е Вместо зачеркнутого в черновике касается.

^ж Вместо зачеркнутого в черновике не столь, сколько.

^з В черновике зачеркнуто Суждение славнейшей Королевской академии наук будет сильнейшим доказательством ее истинности.

^и Вместо зачеркнутого в черновике свидетельством.

^к В черновике ее верности.

^л В черновике о них отсутствует.

^м Вместо зачеркнутого в черновике постоянно чтить.

сочайшия монаршеския милости принимаю смелость. Ваше сиятельство не утруждаю точным оных повторением и только о том всеуниженно прошу, чтобы оставлением моих законных прошений не приведен был я в уныние. Его сиятельство милостивый государь граф Кирила Григорьевич, конечно, не может моим в вице-президенты произведением (ежели монаршеская всевысочайшая милость воспоследует) быть недоволен, затем что и так поручил мне главное правление ученых департаментов,¹ и только недостает титула, которого его сиятельство дать мне собою не может.^а Вашего сиятельства милостивым и сильным ходатайством одержать сие поощрение моей ревности к расширению наук в России твердо уповаю, с глубоким высокопочитанием до смерти пребывая

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга.
Августа 22 дня
1760 года

Р. S. Что ему помощник надобен, то его сиятельства при первом отъезде на Украину представление о вице-президенте явственно доказывает.²

70

1760 НОЯБРЯ 7—13. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Wegen der zwey Expeditionen nach Sibir meine Meinung ist diese, daß die zwey Observatores Popow und Rumowsky sein sollen. Zwar habe ich große Ursache zu zweifeln, daß die Astronomie eine solche leichte Wißenschaft wäre, die man in

^а Здесь Ломоносовым выставлен условный значок, соответствующий такому же условному значку, выставленному перед публикуемым ниже постскриптумом, из чего следует, что последний является добавлением именно к данному месту письма.

einem halben Jahre, wie der M. Rumowski soll gethan haben, erlernen kan[n], und zwar so, daß man ihn bey denen seltensten und schwersten Observationibus gebrauchen kan[n]. Einen Cameraden oder gar superiorem dazu zu ordiniren wäre es nicht übel. Ich will aber meine Meinung schriftlich geben. Darzwieschen bitte ergebenst mit denen Monuments-Anschlagen nicht zu saumen, denn ich brauche χρῆμα, pecuniam, деньги, Geld, argent, Raha.

Перевод

Мое мнение относительно двух экспедиций в Сибирь таково, что двумя наблюдателями должны быть Попов и Румовский. Правда, у меня есть большие основания сомневаться, чтобы астронмия была столь легкой наукой, которой можно обучиться в полгода, как это якобы сделал г. Румовский, притом так, чтобы его можно было бы использовать при редчайших и труднейших наблюдениях. Не худо бы ему было придать товарища или даже начальника. Впрочем, я подам мое мнение письменно.¹ Кстати, покорнейше прошу не медлить с проектом монумента,² ибо мне нужны χρῆμα, pecunia, деньги, Geld, argent, Raha.³

71

1761 ЯНВАРЯ 19. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Никто в жизни меня больше не избидел, как ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня к себе. Я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям. Вы меня отозвали и тем поманили. Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! то есть сделай смех и позор, свяжись с таким человеком, от коего все бегают; и вы сами не ради. Свяжись с тем человеком, который ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое рифмачество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта и Миллера для того только бранит, что не печатают его сочинений, а не ради общей пользы. Я забываю все его озлобления и мстить

не хочу никоим образом, и бог мне не дал злобного сердца. Только дружить и обходиться с ним никоим образом не могу, испыт[ав?] чрез многие случаи, и знаю, какво в крапиву...^{a, 1} Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание, только вас уверяю, что в последний раз. И ежели, несмотря на мое усердие, будете гневаться, я полагаюсь на помощь всевышнего, который мне был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил перед ним слезы в моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучше дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у господ прошу, чтобы мне с ним не знаться. Буде он человек знающий, искусный, пускай делает пользу отечеству; я по моему малому таланту также готов стараться, а с таким человеком обхождения име[ть]⁶ не могу и не хочу, который все прочие знания позор[ит],⁶ которых и духу не смыслит. И сие есть истинное мое мнение, кое без всякия страсти ныне вам представляю. Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дурак[ом]⁶ быть не хочу, но ниже у самого господ бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет.² Г. Сумароков, привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет, и рад, что его бог от меня унес. По разным наукам у меня столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя при-выкли сидеть дома и не желают с комедиантами обхождения. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сие время ужились мы в единодушии. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить в новую дурную атмосферу. Ежели вам любезно распространение наук в России, ежели мое к вам усердие не исчезло в памяти, постарайтесь о скором исполнении моих справедливых для пользы отечества прошений,^{b, 3} а о при-

^a Многоточие в подлиннике.

⁶ Край бумаги оторван с частью текста.

^b В подлиннике описка прошения.

мирении меня с Сумароковым, как о мелочном деле, позабудьте. Ожидая от вас справедливого ответа, с древним высокопочитанием пребываю

вашего высокопревосходительства
униженный и покорный слуга
Михайло Ломоносов

1761 года
Генваря 19 дня

72

1761 ЯНВАРЯ 30. Г. Н. ТЕПЛОВУ

Неоднократно писал я к его сиятельству и к вашему высокородию от истинного усердия к расширению наук в отечестве в Москву и на Украину и представлял здесь словесно и письменно о исправлении застарелых не порядков.¹ Однако^а не по мере монаршеской к наукам щедроты воспоследовали решения и успехи, за тем что не отнято^б прежнее^в самовольство недоброхотам^г приращению наук в России; ^а а когда злодеи ободряются, а добрые унижаются, то всегда добру вред чинится. Кроме многих, недавнейший пример сами довольно помните и в совести своей представить можете, что вы, осердясь на меня по бессовестным и ложным^е жалобам двух студентов,² кои отнюд требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами от Университета вовсе отстали, и из коих, как я после уведомился, один вам сват, сделали не правое дело. Не спрося от меня ответу и оправдания, присоветовали, да и по штилю видно, сами сочинили мне публичный выговор: человеку, который больше достоинств и услуг^ж

^а Зачеркнуто малые в [нрзб] и.

^б Зачеркнуто Ваше.

^в Зачеркнуто Ваше.

^г Зачеркнуто российскийского юношества в нау[ках].

^д Зачеркнуто <а особливо> ибо.

^е Зачеркнуто на меня.

^ж услуг вместо зачеркнутого меритов.

имеет, нежели за такую мелочь перед командою был обруган. И того еще вам было ^а мало: в досаду мне прибавили Миллеру жалованья, якобы он отправлял три дела исправно, а именно за то, что он, будучи профессором тридцать лет, никогда лекций не читывал ³ и не сочинил ничего, что бы профессора было достойно; 2) что он, будучи конфе[ре]нц-секретарем, задерживает «Комментарии» неисправностию в сочинении сокращений, ⁴ ведет тайную, неповоленную и подозрительную с иностранными переписку; ⁵ 3) что в «Ежемесячные сочинения» вносит не токмо вещи, какие студент может и кадеты с похвалою исправляют, но и везде, где только можно, предосудительные нашему отечеству мысли вносит. ⁶

Все сие показалось вам заслугами. А мое представление, что я через шестнадцать лет одами, речьями, химиею, физикою, историею делаю честь отечеству и всегда о добре Академии ⁶ и о праведной, ^в а не подложной чести его сиятельства усердствую, вы прияли за погрешность, для того что я не удовольствовал бесстыдных требований вашего свата. Поверьте, ваше высококорodie, я пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведенное слезными опытами академическое несчастье. Я спрашивал и испытал свою совесть. Она мне ни в чем не зазрит сказать вам ныне всю истинную правду. ^г Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже. ⁴

^а Зачеркнуто время.

^б Зачеркнуто усерд[ствую].

^в Зачеркнуто а не лице [?].

^г Зачеркнуто и вас.

⁴ Зачеркнуто <отговариваясь некогда> давно уже

Некогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу,^а писали вы к нему: L'Académie sans académiciens, la Chancell[er]erie sans membres, l'Université sans étudiants, les règles sans autorité, et au reste une confusion jusque à présent sans remède [Академия без академиков, Канцелярия без членов, Университет без студентов, правила без власти и в итоге беспорядок, доселе безысходный].⁷ Кто в том виноват, кроме вас и вашего непостоянства? Сколько раз вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно,^б мне? В том больше вы следовали^в стремлению своей страсти, нежели общей академической пользе,^г и чрез таковые повседневные перемены колебали, как трость, все академическое здание. Тот сегодня в чести и в милости, завтра в позоре и упадке. Тот, кто выслан с бесчестием, с честью назад призван. Из многих примеров нет Миллерова чуднее. Для него положили вы в регламенте быть всегда ректором в Университете историографу, сиречь Миллеру: после, осердясь на него, сделали ректором Крашенинникова;^з после^д примирения опять произвели над ним комиссию за слово Académie phanatique [Академия фанатичная],^е потом не столько за дурную диссертацию, как за свою обиду, низвергнули вы его в адьюнкты и тотчас^ж возвели опять в секретари Конференции с прибавкою вдруг великого жалованья,⁹ представили его в коллежские советники, в канцелярские члены; и опять^з мнение отменили; потом^и прибавили 200 рублей жалованья¹⁰ и еще с похвалами в ту самую пору, когда его должно было послать на соборную ловлю. Все сие^к производили вы по большей части под

^а профессору Штрубу вместо зачеркнутого некоторому из профессоров.

^б что удивительно вместо зачеркнутого всего дивнее.

^в следовали вместо зачеркнутого смотрели.

^г Зачеркнуто и Вами же сочиненную и чрез.

^д Зачеркнуто примирять.

^е Зачеркнуто кое сами ныне употребляете, не зна [не дописано].

^ж и тотчас вместо зачеркнутого наконец.

^з Зачеркнуто оставили.

^и Зачеркнуто опять.

^к Зачеркнуто происходило.

именем охранения президентской чести, которая, однако, не в том состоит, чтобы делать вышепомянутые перевороты, но чтобы производить^а дело божие и государево постоянно и непрерывно, приносить обществу беспрепятственную истинную пользу и содержать порученное правление в непоколебимом состо[я]нии, и в неразвратном и бесперерывном течении.^б Представьте себе, что знающие думают, а знают все; представьте,^в что говорят? Миллер, штрафованный за вздорную диссертацию о российском народе и оному предосудительную и за то в определении подозрительным признанный,^г имеет уже позволение писать и печатать на немецком языке российские известия безо всякой опасности.^{д.}¹¹ Изобличенный в неповолительной переписке и за то арестованный, учинен секретарем Конференции и пишет, что хочет, без ее ведома!^е Всеватель недоброхотных и занозливых мыслей в «Месячные сочинения» получает за то похвалы и награждения. Все сие происходит чьим старанием?^ж — Вашего высококородия. И надеясь на вас, не хочет и не думает отстать от своих наглых глупостей и презирует указы, посылаемые^з из Канцелярии.

^а производить *вместо зачеркнутого* делать постоя[нно].

^б *Зачеркнуто* Ободряя известных вам недоброхотов к российским ученым <разве не помните> а особливо <вашим легкомыслием> <поручено> <вверено>.

^в *Зачеркнуто* Что человек, говорят, наполненный недоброхотным духом к российским ученым, изобличенный во многих прискорбных доброжелателям обществу напеча[та]нных им его мыслях, допущен.

^г *Зачеркнуто* Без всяко[й].

^д *На полях приписано и зачеркнуто* NB Жаль мне добросердечн[ого] чел[овека] К[ирилла] Г[ригорьевича], благодете[ля], который дарованным ему <дородством> от бога счастьем, дородством, цветущими летами и богатством <без> пользоваться должен. Вам. верит. — Ежели ты его от поношения не избавишь, это письмо будет <сделано в> в песнях петь и ходить по городу, как рiесе d'eloquence. Стараюсь Академию очистить, а со стороны портят. Копию послать с Епинусовых отговорок. — Тому двадцать лет, как стараюсь о пользе российского юношества. Ныне на старость не отстану.

^е *На полях приписано* В чужие край, что хочет.

^ж *Зачеркнуто* г. Теплова.

^з посылаемые *вместо зачеркнутого* писанные [?].

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько раз вы мне на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и российскому народу предосудительное^а «Сибирской истории» предисловие,¹² которое вы сами опровергли; представьте его споры в комиссиях с Шумахером, со всеми профессорами, с вами,^б с президентом; вспомните, с другой стороны, ваши споры с Шумахером, между тем письмо о моем уничтожении к Эйлеру¹³ и ответ, что вы мне сообщили.^в Вспомните сто рублей перед вашею первою свадьбою, и между множеством подобных дел вспомните, что вам благоразумный муж, ваш благодетель, князь Алексей Михайлович Черкасский говаривал о сапожнике: не бывать-де добру, пока он...^г,¹⁴ А ныне его наследник и подражатель то ж и еще дерзновеннее делает. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обесславленную Академию вывести из нарекания отпущен^д был Бургав^е в чужие края, и нарочный пункт о том написан в его инструкции.^ж⁵

На все несмотря, еще есть вам время^з обратиться на правую сторону. Я пишу ныне к вам в последний раз, и только в той надежде, что иногда приметил в вас и добрые о пользе российских наук мнения. Еще уповаю, что вы не будете больше ободрять недоброхотов российским ученым. Бог совести моей свидетель, что я сим ничего иного не ищу, как только чтобы закоренелое несчастье Академии пресекалось. Буде ж еще так всё останется и мои праведные представления уничтожены от вас

^а Зачеркнуто российской.

^б Зачеркнуто со мною [?].

^в На полях приписано и зачеркнуто нынешняя ссора с Кельрейтером. Не хочет дать письмо. — Шумахер инвалид. — Академия должна дать приговор правосудия. — Кл[ейн]ф[ельд] удавился.

^г Многозначие в подлиннике.

^д отпущен вместо зачеркнутого послан.

^е Зачеркнуто и никто другой в.

^ж Зачеркнуто однако еще имеется время.

^з Зачеркнуто притти.

будут,^а то я забуду вовсе, что вы мне некоторые одолжения делали. За них готов я вам благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю.^б Итак, ныне изберите любое: или ободряйте явных недоброхотов не токмо учащемуся российскому юношеству, но и тем сынам отечества, кои уже имеют знатные в науках и всему свету известные заслуги! Ободряйте, чтобы Академии чрез их противоборство никогда не бывать в цветущем состоянии,^в и за то ожидайте от всех честных людей роптания и презрения^г или внимайте единственно^д действительной пользе Академии. Откиньте льщения опасных противоборников наук российских, не употребляйте божиего дела^е для своих пристрастий, дайте возрастать свободно насаждению Петра Великого.* Тем заслужите не токмо в прежнем прощение, но и немалую похвалу, что вы могли^з себя принудить к полезному наукам постоянству.

Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолода, на старость не^и покину.

В[ашего] в[ысокородия]^к

^а Зачеркнуто <то я [нрзб] дело божие> гор [нрзб] то не пожалею временного.

^б ставлю *вместо исправленного* поставлю.

^в Зачеркнуто или откиньте.

^г Зачеркнуто а может быть и праведного мщения. Не поможет именование в день страсти.

^д Зачеркнуто пользе природных р.

^е Зачеркнуто к стыд.

^ж Зачеркнуто о котором я.

^з Зачеркнуто переменить свою непостоянную натуру в полезное постоянство.

^и Зачеркнуто отстану.

^к Зачеркнуто Р. S. Вчерашнего числа Клейнфельд¹⁶ удавился. Тауберт, отзывав меня к стороне, просил никому того не сказывать ради чести Академии. А про Софронова дурную смерть ходил везде сказывать, что русские <пья[ницы]> такие-то, сякие, не думал про честь Академии.

73

1761 ФЕВРАЛЯ 15. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Коль великую надежду российским наукам подали ваше сиятельство контрассигнованием вашим академической привилегии, толь чувствительное уныние приносит им замедление желаемого совершения. Сверх того наводит немалое ослабление в моих трудах, а особливо, что мои недоброхоты везде мое доброе предприятие осмежают и худыми прореканиями отнимают охоту у тех, кои таковою монаршескою милостию давно себя ласкали и, оною пользуясь, большую пользу отечеству произвести уповали. Того ради вас, милостивый государь, всеуниженно прошу именем всея Академии употребить высокое вашего сиятельства предстательство к исполнению законного нашего прошения к подлинной пользе отечества, которая истинным рачителем почитает ваше сиятельство все общество. В сем числе и я с глубоким и достодолжным высокопочитанием пребывать честь имею

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Февраля 15 дня
1761 года

При сем приложить смелость принял просительные стихи¹ к всемилостивейшей государыне, которые вчерашнего дня вручил я милостивому государю Ивану Ивановичу.² Может быть, чрез общее ваше ходатайство подадут случай к желаемому успеху.

74

1761 ИЮНЯ 2. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Ew. Wohlgebohren werden vorgerecht finden, daß man endlich der Unordnung Ende macht, und daß wir in der Canceley als in einem Hauptorte wießen, was in der Bibliothek und Kunst-

Cammer paßiret: denn Höflichkeit und Complimenten gelten gar nichts bey Affairen, die das Wohl des Reichs angehen, wo die Unbilligkeit Gewalt nim[m]t. Wenn Ew. G. sonst ausser der Höflichkeit darwieder zu sagen haben, so geben Sie es schriftlich. Ich bin nicht Schuld daran, daß Sie bey dieser Affaire in der Canceley nicht gegenwärtig gewesen. Ich muß dieses ins Werck bringen. Der Herr Taubert hat gestern sich declariret (welches auch protocoliret ist), daß die Canceley über die Bibliothek nichts zu sagen hat. Wenn Sie etwa Reson finden, daß wir dem H. T. die Bibliothek etc. zu приданое abgeben, so schreiben Sie es auf. Unterdessen werde ich alles erfüllen, und dem Dir[igirenden] S[enat] alles aufs genaueste einen Bericht abstaten.

Перевод

Ваше благородие найдете справедливым, чтобы положить конец неурядице и чтобы мы в Канцелярии, как главенствующем месте, знали, что происходит в Библиотеке и Кунсткамере, потому что вежливость и комплименты ничего не значат в делах, касающихся государственного блага, когда несправедливость берет перевес. Если ваша милость имеет высказать что-нибудь против, кроме вежливостей, то выскажите это письменно. Я не виноват, что вы не присутствовали при этом деле в Канцелярии. Я должен это осуществить. Г. Тауберт вчера объявил (что и занесено в протокол), что Канцелярия не может вмешиваться в Библиотеку. Если вы находите справедливым, чтобы мы отдали г. Тауберту в приданое Библиотеку и т. д., то подпишитесь под этим. Между тем я исполню все и представляю обо всем подробно Правительствующему Сенату.

75

1761 СЕНТЯБРЯ 5. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельныйший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Всеуниженно и всеусердно поздравляя ваше сиятельство, милостивого государя, с сим великим торжественным праздником,¹ желаю вам совершенного здравия и непрерывного благополучия по мере вашего доброхотного сердца, чтобы оные всегда

употреблять в пользу почитателей и истинных рачителей вашего сиятельства. При сем доношу вам, милостивый государь, приятную ведомость, что г. надворный советник Попов прислал свои наблюдения из Иркутска, весьма обстоятельно написанные. Им примечены все важные и желаемые пункты во время прохождения Венеры. И сверх того все надобные метеорологические наблюдения барометрами и термометрами при часах на обсерватории, которую он с 22 апреля строил по 23 мая, имея на работе по 40 и больше человек на день. Инструменты его привезены на место в целости и к наблюдению расположены были во всякой исправности. Атмосферу также он неким образом приметил.² Наблюдения г. Шапа имею честь прислать при сем обратно,³ с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего сиятельства
милостивого государя
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Сентября 5 дня
1761 года

Р. С. Адъюнкт Румовской был весьма несчастлив:

- 1) что лучшие инструменты его повредились, хотя здесь г. Елиносом и почти всею Кунсткамерою укладены были,
- 2) что выбрал себе самое дурное место, Селенгинск, окруженное снежными горами, где всегдашние почти облака и дожди. И для того Венеры не мог видеть, как на весьма краткое время проходящую по середке Солнца, а наблюдений тогда никаких не сделал.⁴

76

1761 НОЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 25. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Ich bitte um ein Paar Stunden Frist, denn ich habe noch keine Antwort daran[?] erhalten. Ich habe mit der Ode sehr viel zu thun, als wenn ich Kindbett wäre. Sind auch die Taschen-Calender fertig?

Перевод

Прошу отсрочки на несколько часов, ибо я еще не получил по этому делу¹ ответа. С одой очень много работы: будто рожаю. А готовы ли карманные календари?

77

1761 ДЕКАБРЯ 28. Р. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельный рейхсграф,
милостивый государь Роман Ларионович!

Не имея довольного случая изъяснить перед вашим сиятельством моей истинной радости и поздравить вас, милостивого государя, с высочайшею монаршескою щедротою,¹ принимаю смелость кратко засвидетельствовать усердное чувствование моего сердца сими строками о толь великой радости, которую все добροжелательные сыновья отечества за часть своего благополучия почитают, ведая истинную вашего сиятельства ревность к пользе отечества и особливую вашей природы склонность к благодеяниям, которыми и я пользоваться всегда, как и прежде через много лет, впредь не сомневаюсь непременно, с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего сиятельства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов

Декабря 28 дня
1761 года

78

1762 ИЮНЯ 24. Ф. К. СОКОЛОВУ

Государь мой Федор Кондратьевич!

Указом Правительствующего Сената велено мне выдать на строение мозаичным художеством картины о делах блаженныя памяти государя императора Петра Великого из Коллегии эко-

номии семь тысяч четыреста шестьдесят рублей, о чем туда и указ послан.¹ Того ради поверяю вам принятие оных денег и перевод в Санктпетербург чрез вексель, как вы лучше и скорее исправить можете, и вместо меня в книге извольте расписаться;² притом попросите моим именем его сиятельство г. президента³ с почтением, чтобы пожаловал своим снисхождением мое дело, о чем к его сиятельству на будущей почте писать не премину, а от вас скорого ответа ожидаю.

Доброжелательный слуга ваш
Михайло Ломоносов

Июня 24 дня
1762 году

79

1762 ИЮЛЯ 24. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Тяжкая моя болезнь, снова усилившись в другой ноге, не дает мне покоя и свободы не токмо из дому, но ниже и с постели вытти.¹ Итак, не имея случая персонально возобновить у вашего сиятельства мою всеуниженную просьбу, принимаю смелость напомнить о том письменно. Хотя я многими молодыми и многократно в произвождении обойден, или, лучше, наказан без всякой моей прослуги и вижу множество статских и действительных статских советников, кои все во время моего советничества ассессорами и меньше были, но ныне всего несноснее я обижен, что г. Тауберт в одной со мною команде, моложе меня, коллежским советником восемь лет, пожалован статским советником без всякой передо мною большей заслуги, да лучше сказать, за прослуги и за то, что он беспрестанно российских ученых гонит и учащихся утесняет и мне во всех к пользе наук российских учиненных предприятиях всевозможные ставил пре-

пятствия. Итак, все мои будущие и бывшие рачения тщетны. Бороться больше не могу; будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости. Больше ничего не желаю, ни власти, ни правления, но вовсе отставлен быть от службы, для чего сегодня об отставке подал я челобитную его сиятельству Академии Наук г. президенту и о награждении пенсиею для прокормления^а до смерти и с повышением ранга против тех, коими обойден.² Вас, милостивого государя, всеуниженно прошу преклонить его сиятельство на сие вашу дружескою важностию,³ которое благодеяние будет мне выше всех от вас, милостивого государя, прежде показанных, которые я, с глубоким благоговением благодаря, почитаю.

Вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Июля 24 дня
1762 года

80

1762 ИЮЛЯ 25. Г. Г. ОРЛОВУ

Милостивый государь
Григорий Григорьевич!

Обрадуй всевышний господь ваше превосходительство, сколько я милостивым вашим присланием обрадован сего дня. Подай вам во весь век столько чувствовать удовольствия, как я ныне. Но оно бесконечно умножится, когда совершение вашего благодеяния истинно отеческого воспоследует, ибо оным все истинные сыны отечества от уныния восставлены или, лучше сказать, воскрешены будут. Напротив того, явные^б недоброхоты российские, в коварных своих происках ослабься, не так ста-

^а В подлиннике прекормления.

^б В «Русском вестнике» злые.

Г. Г. ОРЛОВ

Мозаика Ломоносовской мастерской (1764)

Музей М. В. Ломоносова Академии Наук СССР

нут насягать на нас дерзостно. Ныне время златой здешним наукам век поставить ^а и от презрения (в которое я было сам первый попал) избавить возлюбленный российский род! ¹ Не укосни, милостивый государь, в отчаянии и дряхлости сетующее учащееся здесь юношество оживить отрадою и показать, что ваше превосходительство бог возвысил истинным сыном отечества на защищение верных природных подданных е. в. В надежде несомненного отеческого вашего покровительства с глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
 всеуниженный и ^б всеусердный слуга
 Михайло Ломоносов

Июля 25^в дня
 1762 года

81

1762 ИЮЛЯ 26. Ф. Г. ОРЛОВУ

Милостивый государь
 Федор Григорьевич!

Для подтверждения моего законного прошения еще документы моей службы при сем прилагаю, кои прошу всепокорно вручить его превосходительству милостивому государю Григорью Григорьевичу для показания всемилостивейшей государыне. ¹ К оным присовокупить можно, что в Германии знатных профессоров жалуют высокими чинами, баронами и тайными советниками, например Вольф, Бильфингер и другие; в Швеции профессор Линней носит кавалерию Северной звезды; в Париже Домеран — орден святого Людовика, Кондамин — святого Лазаря. ² Между тем, отдаясь в божие благоволение, его прошу:

^а В «Русском вестнике» восставить.

^б В «Русском вестнике» этих двух слов нет.

^в В «Русском вестнике» 27.

сотвори со мною знамение во благо, да видят ненавидящие мя и постыдятся, яко ты, господи, помог ми и утешил мя еси.³ — Вышеписанное сообщаю для примера, не для прошения, чтоб только желаемое во благо б исполнить; благодарность моя его превосходительству бессмертна будет утверждена публичными памятниками.⁴ И вам с должным почитанием завсегда пребуду

всепокорный слуга
Михайло Ломоносов

Июля 26,
1762 года

P. S. Здесь примечать надлежит, что в чужих краях жалуют профессоров знатными чинами, а книгопродавцев и типографщиков, каков г. Таубергаупт, и других ремесленных людей никакими чинами не повышают.⁵

82

1763 ЯНВАРЯ 28—ФЕВРАЛЯ 5. К. Г. РАЗУМОВСКОМУ

Сиятельнейший граф,
м[илостивый] г[осударь] К[ирила] Г[ригорьевич]!

По должности моей принимаю смелость ваше сиятельство всеуниженно уведомить о состоянии порученных мне в особливое смотрение от вашего сиятельства в силу генерального регламента академических департаментов и с достодолжным высокопочитанием и с благонамеренным усердием нижайше прошу рассмотреть оные мои уведомления и мнения, представленные безо всякого приватного пристрастия кроме того, кое имею к распространению наук в отечестве. И ради того, милостивый государь, раболепно ваше сиятельство прошу, первое, в рассуждении Гимназии приказать учинить прибавку жалованья на содержание гимназистов по 12 рублей к прежнему, чтоб оно выдавать в год по 48 рублей. Ей, по нынешней дороговизне тридцати шестью рублями содержать невозможно. Второе, расположение

Географического департамента оставить и подтвердить мне по прежнему вашему определению, дабы произведенное мною толь уже далече сие полезное дело вступлением г. Миллера, который всегда из зависти препятствовать старается, не было по злобе рушено и начато снова дурным порядком без чаемого окончания, равно как его «Сибирской истории»; и ради того милостивейше благоволите приказать ордером накрепко, чтоб сочиненные девять карт, надлежащих к «Российскому атласу», рассмотрев определенными в Географическом департаменте членами, по их апробации безо всякого упущения времени печатать и также и впредь таким образом сочиненные и рассмотренные [ланд]карты печатать же. Третье, соблаговолите, милостивый государь, физические инструменты препоручить в смотрение другому, по моему мнению, г. Брауну, ежели г. Епинус сию камеру привести в состояние приняться не захочет и так, как он должен. Четвертое, позвольте, милостивый государь, чтоб Астрономическая обсерватория была невозбранна г. Попову как старшему здесь астроному и который должен показывать астрономические лекции, также г. Красильникову, и геодезистам, и студентам астрономии и географии, ибо она для того и построена, чтобы пользоваться природным россиянам к пользе отечества. На все сие ожидаю от вашего сиятельства справедливого и милостивого решения, ей, не для себя, но для пользы Академии и для вашей чести, которую наблюдать справедливыми вам представлениями как запрежде, так и ныне усердно и непритворно стараюсь.

83

1763 ФЕВРАЛЯ 5. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

По обещанию моему и по усердной к вашему сиятельству должности принимаю смелость прислать к вам, милостивому государю, метеорологические дорожные инструменты, которые по моему изобретению так расположены, что с великою укромно-

стию в дорогах по земли и по морю употреблять можно. Давно уже ученые искали и старались, как бы вымыслить барометер морской для предсказания штурмов, затем что обыкновенный для великого движения многой ртути совсем к тому неспособен. Сие изобретение к тому совершенно достаточно, а особливо когда практикою еще к лучшему предупест.¹ Употребление сего инструмента хотя притом и напечатано, однако оно может изъяснить сего податель, мозаичного художества мастер Васильев,² который послан от меня в Москву нарочно для исхода-тайствования определенной от Правительствующего Сената на строение монумента годовой суммы.³ Ваше сиятельство, яко первого моего предводителя к сему славному делу, всеуниженно прошу вашим милостивым предстательством учинить мне в том высокое покровительство и споспешествование, коим уже много лет пользоваться счастье имею.

Вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Февраля 5 дня
1763 года

Р. С. Всепокорнейше благодарствуя за вступление вашего сиятельства за бедного, нагло обиженного Федоровича,⁴ принужден теперь сам прибегнуть в надежное защищение вашего сиятельства. По оклеветанию г. Тауберта, который в издании «Российского атласа» мне нагло препятствовал, прислан от его сиятельства Академии Наук г. [президента] ордер, чтобы Географический департамент из моего смотрения отдать г. Миллеру, который, имев прежде сего оный департамент семь лет в своем распоряжении, ни на волос добра не сделал. И для того оный департамент поручен мне в смотрение, и моим рачением исхода-тайствованы от Правительствующего Сената географические обстоятельные описания изо всех городов российских и другие

многие пользы: заготовлены многие ландкарты к новому атласу и в печати задержаны Таубертовыми происками, который, сам будучи остановки причиною, внушил его сиятельству во время моей болезни, яко бы я был тому виновен.^a Сжальтесь, милостивый государь, обо мне, бедном человеке, который тяжкою болезнию столько изнурен, оставлен перед прочими в забвении и, будучи в свете известен как первый в России человек подлинно ученый, претерпеваю гонение от иноплеменников в своем отечестве, о коего пользе и славе ревностное мое старание довольно известно.⁵

84

1763 ФЕВРАЛЯ 5. Р. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Роман Ларионович!

Освобождаясь почти совершенно от долговременной моей болезни,¹ не могу преминуть, чтобы по моему истинному к вашему сиятельству древнему усердию не объявить моего высокопочитания, во-первых, поздравлением с наступившим новым годом, который вам, милостивому государю, желаю препроводить во всяком вождеденном удовольствии, в здравии и радости со многими, ему следующими. При сем, в надежде прежней вашего сиятельства отеческой ко мне милости, учинить мне милостивое предстательство в исходатайствовании определенной на строение мозаичного дела годовой суммы прошу всеуниженно² и о милостивом к тому благоволении не сомневаюсь, потому что сие дело приняло свое начало от вашего любезнейшего брата, милостивого государя Михайла Ларионовича, и совершение оного к особливой его сиятельства чести служить будет. Горная моя книжица с новыми прибавлениями³ печатанием к окончанию

^a Вместо выскобленного причиною.

приходит, которыя экземпляром служить вам, милостивому государю, отнюд^а не премину, с достодолжным высокопочитанием непременно пребывая

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Из Москвы
Февраля 5 дня
1763 года

85

1763 МАРТА 6. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Милостивейшее вашего сиятельства писание получив и прочитав с великою радостью, несомненно уверяюсь о непременном продолжении отеческой вашего сиятельства ко мне милости, которую за великое мое счастье искренне признаю и всеуниженно почитаю. Метеорологический инструмент хотя я не дерзал точию для того послать, чтобы поднести всемилостивейшей государыне, зная некоторые в нем небольшие недостатки и не надеявшись довольно, чтобы он дошел в целости, как еще первый опыт, однако, милостивый государь, всеусердно благодарствую за вашего сиятельства высокое попечение о моем благополучии, чинимое без моих заслуг к вашей особе. Как возможно скоро постараюсь сделать оный таким образом, чтобы достоин был любопытства е. в. При сем все[у]ниженно прошу продолжить ваше высокое предстательство о ускорении определения о мозачном деле, затем что ежели нынешний пост минует без окончания, то приспеют праздники, потом переезд сюда,¹ новоселья и

^а отнюд вместо выскобленного служить.

прочая, и тем причинится сему делу долговременная остановка. В твердой надежде милостивейшего уважения сего славного дела с глубоким и истинным высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Марта 6 дня
1763 года

86

1763 МАРТА 27. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Всеуниженно поздравляя ваше сиятельство с нынешним всеобщим праздником¹ и желая вам, милостивому государю, благословенного здравия и совершенного во всем сердечного удовольствия, раболепно благодарствую за высокое вашего сиятельства отеческое о моем деле предстательство² и не премину самым делом вскоре доказать, что оное не вотще употреблено было. Через неделю пришлю к вашему сиятельству проект, рисунок с описанием и стихи на иллюминацию, которые строение ваше сиятельство мне вверить изволили. Что за особое оказание отеческого вашего ко мне снисходительства искренне почитая, до смерти пребываю

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Марта 27 дня
1763 года

87

1763 ИЮНЯ 18. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхсграф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Высокомилостивое от вашего сиятельства обнадежение о моем заступлении от моих ненавистников и гонителей уверяет меня о снисходительном принятии моего всеуниженного мнения и представлении моего дела, которое за необходимо нужное почитаю вам, милостивому государю и отцу, изъяснить, прежде нежели ваше сиятельство действительно употребите важное ваше заступление и предстательство. По пословице, что никто лучше не знает, где сапог ногу давит, как тот, кто его носит, вашему сиятельству довольно известно, какие распри, тяжбы и почти ^а волнения у Шумахера ^б почти со всеми профессорами с начала Академии, с советником Нартовым и с другими академическими российскими служителями, и что так же поступает его зять и наследник,¹ и можете милостивейше рассудить, сколь много я от обеих ношу коварных нападков. Итак, не могу больше терпеть таких злодейских гонений, и сил моих нет больше спорить, и наконец намерен остатки изнуренных на науки и на тщетные споры дней моих препроводить в покое, который мне двумя способами от всемилостивейшия государыни пожалован быть может. Первое, буде поручены мне будут ученые, поныне в моем смотреии бывшие академические департаменты в единственную дирекцию, выключая других товарищей, кои мне по сию пору мешали в добрых предприятиях, или мне дать полное увольнение от всех дел академических, ибо я не могу отнюд тягаться и совсем боюсь иметь г. Тауберта товарищем, или командиром, или подчиненным, и, словом, никакой по ученым делам коннекции, искусством изведав, коль мне от него обороняться тяжело, и спорить с таким коварным и

^а Так в подлиннике.

^б у Шумахера вписано другими чернилами вместо выскобленного были.

неусыпным наветником горестно, и бесполезно, и вредно слабому моему здоровью. При сем, однако, уповаю на всеильную божескую десницу, что меня еще укрепит в трудах, служащих к размножению и установлению наук в России, ежели по первому моему желанию всемилостивейше благоволено будет. Для доказанья и лучшего изъяснения вышеписанных всеуниженно прошу вас, милостивого государя, дозволить мне с час времени, когда благоволите, прежде приезде е. в. в Сарское Село,² для уверения вашего о моей справедливости и для показанья границ моего законного искания, чего несомненно ожидая, с достоуважаемым высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Июня 18 дня
1763 года

88

1764 ЯНВАРЯ 19. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Уведомясь о благополучном вашего сиятельства прибытии в Италию, от искреннего сердца радуюсь и поздравляю всеуниженно, желая препроводить вам время ваше во всяком удовольствии и в совершенном укреплении вашего дражайшего здоровья. Милостивое вашего сиятельства ко мне снисходительство обнадеживает меня, что вам, милостивому государю, непротивно будет, ежели осмелюсь что донести о своем состоянии. Здоровье мое, слава богу, отчасу и чувствительно лучше становится, так что могу исполнять все мои должности без нужды. По отъезде вашем поднес я всемилостивейшей государыне нашей напечатанную и ей приписанную «Металлургию»¹ и мозаичный ее ж величества портрет, что все принято с удовольствием.² Е. в. цеса-

ревичу поднесена от меня письменная книга о возможности мореплавания Ледовитым нашим Сибирским океаном в Яппонию, Америку и Ост-Индию, почему и велено в Адмиралтейской комиссии учинить расположение с рассмотрением, и не сомневаюсь, что экспедиция туда воспоследует.³ На сей новый год подал я оду, которая экземпляр при сем для прочтения вашему сиятельству приложить честь имею.⁴ Прошедшего октября 15 дня е. и. в. всемилостивейше изволила меня пожаловать статским советником с жалованьем по 1875 руб. в год.⁵ В прочем чувствую ее государскую милость довольно: несколько раз изволила меня приглашать к себе в комнаты и довольно со мною разговаривать о науках с оказанием своего всемилостивейшего удовольствия.⁶ При сем принимаю смелость упомянуть вашему сиятельству о прежней моей всепокорнейшей просьбе в рассуждении принятия в члены Болонского института, коему ученому обществу для вручения осмелился я послать и мои сочинения при письме к вам, милостивому государю.⁷ Сверх всего, поздравляя ваше сиятельство с наступившим новым годом, с достолюбезным высокопочитанием пребываю.

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

В Санктпетербурге
Генваря 19 дня
1764 года

Свидетельства о науках советника Ломоносова^a

1

Vir juvenis praestantis ingenii Michael Lomonosow, ex quo studiorum gratia Marburgum accessit, frequenter lectionibus meis mathematicis et philosophicis, physicis praesertim interfuit,

^a В черновике заглавия нет. Рук. 1759 озаглавлена Свидетельства. Все русские переводы свидетельств принадлежат Ломоносову.

ac solidiori doctrina mirifice delectatus. Quod si igitur eadem industria pergat, nullus dubito fore, ut aliquando in patriam redux utilem reipublicae operam praestet; id quod maxime in votis habeo. Dabam Marburgi Cattorum d. 20 julii 1739.

(L. S.)

Christianus Wolfius
Acad. Marb. p. t. Pro-Rector

Молодой человек преимущественного остроумия, Михайло Ломоносов с того времени, как для учения в Марбург приехал, часто^а математические и философические, а особливо физические лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впредь с таким же рачением простираться будет, то не сомневаюсь, что,^б возвратясь в отечество, принесет пользу обществу,^в чего от сердца желаю. Дан в Марбурге 1739 июля 20.

Христиан Вольф^{г, д}

2

Экстракт из определения Академии Наук

Студент Михайло Ломоносов specimen своей науки еще в июле месяце прошлого 1741 году в Конференцию подал, который от всех профессоров оной Конференции апробован, к тому ж и в переводах с немецкого и латынского языков на российский язык довольно трудился.

Генваря 28 дня 1742 года^{д, е}

3

Ich habe mit vielem Vergnügen ersehen, daß Ew. Hochedl. sich der gelehrten Welt in den Actis der Academie der Wißen-

^а В черновике было добавлено на мой.

^б В черновике чтобы.

^в В черновике не принес пользы вместо зачеркнутого принесет. В рук. 1759 обществу отсутствует.

^г В черновике и рук. 1759 было добавлено нынешний проректор.

^д В черновике и в рук. 1759 этот экстракт отсутствует.

schaften zeigen, wodurch Sie ihrer Nation viel Ehre machen. Es wäre zu wünschen daß viele ihrem Exempel folgten.

С великим удовольствием я увидел, что вы в академических «Комментариях» себя ученому свету показали, чем вы великую честь принесли вашему народу. Желая,^a чтобы вашему примеру многие последовали.

Вольф в письме из Галы от 6 августа 1753 года.¹⁰

4

Toutes ces pièces sont non seulement bonnes mais très^a excellentes. Car il traite les^b matières de la Phisique et de la Chimie, les plus interessantes et qui sont tout à fait inconnues et^c inexplicables aux plus grands génies, avec tant de solidité, que je suis tout à fait convaincu^d de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à^e Monsieur Lomonosow qu'il possède^f le plus heureux génie pour découvrir^g les phoenomènes de la Phisique et de la Chimie et^h il seroit à souhaiter, que toutesⁱ autres Académies fussent en état de produire des découvertes semblables à celles^j que M. Lomonosow vient de faire.^k

^a В черновике и рук. 1759 Я желаю.

^a В черновике aussi tout à fait *вместо* très.

^b В черновике des *вместо* les.

^c В черновике qui étoit[en]t jusqu'à présent *вместо* les plus intéressantes. . . inconnues et.

^d В черновике persuadé *вместо* convaincu.

^e В черновике félicite *вместо* dois faire justice à.

^f В черновике de posséder *вместо* qu'il possède.

^g В черновике expliquer *вместо* découvrir.

^h В черновике et *отсутствует*.

ⁱ В черновике toutes les *вместо* toutes.

^j В черновике produire semblables découvertes *вместо* produire des découvertes semblables à celles.

^k В черновике этот французский текст написан дважды, причем во втором случае весь перечеркнут и отличается от первого тем, 1) что ему предшествуют записи Гейнсиево. Ейлерово первое. Ейлеров аттестат к его сиятельству г[оспо]д[и]ну президенту, тоже перечеркнутые,

Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физические и химические материи самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям, с таким основательством, что я совсем уверен о точности его доказательств. При сем случае я должен отдать справедливость г. Ломоносову, что он одарован самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все прочие Академии были в состоянии показать такие изобретения, которые показал г. Ломоносов.

Ейлер в письме из Берлина в Академическую канцелярию.^а 11

2) что он передан неполно: начало второй фразы *A cette occasion je félicite Mr. Lomonosow de posséder tant* зачеркнуто, а конец этой фразы *отсутствует*, 3) что он содержит следующие три поправки: *ses* вместо *cettes*, *à présent* вместо зачеркнутого *ici*, *solidité* вместо зачеркнутого *succé*.

^а В черновике другой вариант перевода Сочинения г. Ломоносова. Г. Ейлер между прочим в ответе к президенту Академии графу Кир[иле] Гр[игорьевичу] Разум[овскому] отзываясь о сочинениях г. Ломоносова таким образом *Вторая фраза вписана чужой рукой, далее же опять рукою Ломоносова* Все сии диссертации не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо он пишет о материях физических и химических, весьма нужных, которые поныне (зачеркнуто <от самых остроумных людей не могли быть истолкованы> были неизвестны) не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что он учинил с таким успехом, что я совершенно уверен о справедливости его изъяснений. При сем случае (зачеркнуто поздравляю) должен отдать справедливость г. Ломоносову, что (зачеркнуто он так счастлив) имеет превосходное дарование для (зачеркнуто истолкования) изъяснения физических и химических явлений. Желать должно, чтобы и другие академии в состоянии были (зачеркнуто открыть) произвести такие откровения, (зачеркнуто какие сделал г.) какие показал г. Ломоносов. Ейлер в ответе к его сиятельству г. президенту (Зачеркнуто 1747 года). В рук. 1759 еще один вариант перевода Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходственны, затем что он пишет о материях физических и химических весьма нужных, которые были совсем неизвестны и к истолкованию неудобны самым остроумным людям, с таким основательством, что я совсем уверен о точности его изъяснений. При сем случае я должен отдать г. Ломоносову справедливость, что он одарован

5

Quo magis sagacitatem ac profunditatem ingenii Tui in evolvendis difficillimis Chimiae quaestionibus sum admiratus, eo gratiores mihi fuerunt litterae tuae...^a Ex Tuis autem scriptis summa cum voluptate cognovi, Te in explicandis Chemicis operationibus longe a recepto apud Chemicos more recedere atque cum amplissima experientia summam Phisicae solidioris scientiam perpetuo conjungere, ex quo non dubito, quin vaga et incerta hujus disciplinae principia tandem ad plenam certitudinem ita sis perducturus, ut^b posthac locus in Physica jure tribui possit.

Сколько много пронизательству и глубине вашего остроумия в изъяснении претрудных химических вопросов я удивлялся, так равномерно ваше ко мне письмо было приятно...^a Из ваших сочинений с превеликим удовольствием я усмотрел, что вы в истолковании химических действий далече от принятого^b у химиков обыкновения^b отступили и^r с пространством^л искусством^e в практике высочайшее основательной физики знание везде совокупляете. Почему не сомневаюсь, что нетвердые и сомнительные основания сея науки приведете к полной достоверности, так что ей после место в физике по справедливости дано быть может.

Ейлер в письме от 23 марта 1748 года.¹²

весьма особливым остроумием для открытия явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все другие Академии в состоянии были произвести подобные изобретения, какие показал г. Ломоносов.

^a В подлиннике три звездочки, заменяющие многоточие.

^b В черновике и рук. 1759 ut ei.

^a В подлиннике три звездочки, заменяющие многоточие.

^b Вместо зачеркнутого в черновике обыкновенного.

^b Вместо зачеркнутого в черновике обычая.

^r В рук. 1759 и отсутствует.

^л В черновике и рук. 1759 препространным.

^e Место зачеркнутого в черновике знанием.

6

Uti profundissimae sunt meditationes Tuae, quarum communicatione tam insigne specimen amoris Tui ac benevolentiae erga me edere voluisti, retardationem responsionis meae non aegre feres, cum tam abstrusae cogitationes, rerumque maxime abditarum et tempus et otium requirant.

Как преглубоки ваши рассуждения, которых сообщением дали вы мне чувствительный знак своей любви и благосклонности...^a О умедлении моего ответа прошу не погневаться, затем что рассуждать^b о толь трудных^b и сокровенных вещах мысли времени требуют.

Ейлер в письме от 24 августа 1748 года.¹³

7

Cum semper fuerim maxime admiratus felicissimum ingenium Tuum, quo in tam diversis scientiarum generibus excellis, ac phenomena naturae singulari cum successu per theoriam illustras, tum summo gaudio intellexi...^a Omnino te digna sunt, quae de omnis generis coloribus vitro inducendis^b es perscrutatus. Nostri Chimici hoc inventum maximi faciunt.

Как я всегда удивлялся счастливому твоему остроумию, которым в толь разных науках превосходительствуешь и натуральные явления с особливым успехом теоретически изъясняешь, так приятно было мне известие...^a Достойное^b вас^b

^a В подлиннике две звездочки, заменяющие многоточие.

^b В черновике и рук. 1759 рассуждать отсутствует.

^b В черновике трудных вписано чужой рукой вместо зачеркнутого далеких.

^a В подлиннике три звездочки, заменяющими многоточие.

^b В подлиннике ошибочно inducendi.

^a В черновике вслед за тремя звездочками, заменяющими многоточие, зачеркнуто о монаршеской к вам милости.

^b Вместо зачеркнутого в черновике достоинств[о].

^b Вместо зачеркнутого в черновике тебя.

дело есть, что вы стеклу всевозможные цветы дать можете. Здешние химики сие изобретение за превеликое дело почитают.

Ейлер в письме из Берлина от 30 марта 1754 года.¹⁴

8

Dahero die Bemühungen derjenigen, welche darüber arbeiten jeder Zeit großes Lob verdienen; um so viel mehr muß man also Ew. Wohlg. verbunden seyn, daß dieselben diese große Frage aus der Dunkelheit^a entristen und einen glücklichen Anfang zu Erörterung derselben gemach[t] haben.

Того ради старание тех, которые в сем деле трудятся, всегда великую похвалу заслуживает: тем должно больше вам иметь обязательство, что вы сей великий вопрос из тьмы^a исторгнули^b и положили счастливое начало^b к его изъяснению

Ейлер в письме из Берлина от 11 февраля 1755 г.¹⁵

9

Nullum adeo dubium mihi superesse videtur, quo minus origo vera frigoris acerrimi tam subito ingruentis hoc modo sit assignata. Post tam egregia incrementa, quibus scientia naturalis ab inclyta Academia Imperiali in dies ditatur; ab ea quoque in posterum merito maximos ac felicissimos successus nobis pollicemur, praesertim cum hujus modi studia alibi fere penitus jaceant derelicta.

Dabam Berolini d. 22 Januarij anno 1754.

Мне кажется, не остается более сомнения, чтобы внезапного мороза весьма жестокого причину сему действию приписать. По таким добрым приращениям, коими натуральная наука чрез императорскую Академию обогащается, вяще и вяще ожи-

^a В рук. 1759 Finsterniß вместо Dunkelheit.

^a Вместо зачеркнутого в черновике тем[ноты?].

^b В черновике зачеркнуто и сделали.

^b В черновике зачеркнуто чтоб.

даем и впредь по справедливости великих и благополучных успехов, а особливо, что такие изыскания в других местах вовсе оставлены.

Ейлер из Берл[ина] 22 ген[варя] 1754 г. после слова, гово-
ренного в Акад[емии] о электрических воздушных явлениях.^{a,16}

10

Il y a dans le même volume un extrait du XIV des mémoires de l'Académie Imperialis de Russie, où j'ai parlé fort au long et avec beaucoup de plaisir de votre beau mémoire sur la teinture des métaux.

В том же томе содержится экстракт XIV тома академиче-
ских «Комментариев», где я пространно и с удовольствием^б
описал вашу прекрасную^в диссертацию о светлости металлов.

Формей^г в письме из Берлина от 27 октября 1753 года.¹⁷

11

Comme je suis parfaitement disposé de vous obliger en tout ce qui peut dépendre de moi, je me suis acquitté de cette tâche et je vous envoie ci-joint les feuilles de mon journal, où cette pièce est imprimée. Il étoit naturel de défendre une aussi bonne cause que la votre contre des accusateurs si injustes.

Как я желаю вам сделать обязательство во всем, что от меня зависит, я то исполнил и посылаю вам при сем листки из моего журнала, где она диссертация напечатана. Сие было должность, чтобы защитить толь праведное ваше дело от таких неправедных поносителей.

Формей в письме из Берлина от 27 мая 1755 года.¹⁸

^a В черновике и рук. 1759 этого отзыва нет.

^б В черновике и рук. 1759 радостью; далее в черновике зачеркнуто говорил о в[ашей].

^в В черновике и . рук. 1759 хорошую.

^г Вместо зачеркну пою в черновике Ейлер.

12

Debitas Tibi persolvo grates ob actum Academicum et programma, dignum fama Tua opus, quae omnia mecum communicare dignatus es.

Должное воздаю вам^a благодарение за акт академический и за программу, достойное вашей славы сочинение, которого сообщением вы меня удостоили.^b

Кондамин в письме из^b Пломберии в Лотарингии
от августа 1754.^{1a}

13

Quae sagacissimus Lomonosow circa fluxum hujus materiae subtilis in nubibus est meditatus, maximum subsidium iis, qui vires suas in hac quaestione enucleanda exercere volent, afferre debent. Eximiae quoque sunt ejus cogitationes de descensu aëris superioris, indeque tam subito orto^a gelu.

Что пронизательный Ломоносов о течении сей тонкой материи в облаках рассуждал, великую помощь подаст тем, которые в сем исследовании^a хотят своих сил отвеждать.^b Также преизрядны его размышления о нисхождении^b верхнего воздуха и о внезапных морозах.^г

Ейлер в письме из Берлина в Акад[емии] 1754 г. ^{л, 20}

^a В черновике и в рук. 1759 вам воздаю.

^b В черновике Должное... меня удостоили написано чужой рукой.

^b В черновике зачеркнуто Парижа.

^a В черновике orto summo.

^a В черновике и в рук. 1759 вопросе.

^b В черновике свои силы исследовать. В рук. 1759 сво[е]й силы.

^b В черновике и в рук. 1759 нисхождении.

^г В черновике Что пронизательный... внезапных морозах написано чужой рукой, кроме слова также, вписанного рукой Ломоносова.

^л В черновике приписано рукой Ломоносова NB Письмо Порошина, генерала. — Татищева.

14

Diploma

Qui suis in scientias praeclaris meritis jam diu per orbem litterarum celebre nomen obtinuit Nobilissimus Dominus Michael Lomonosow, Chemiae Professor et Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae Consiliarius ea diligentia et dexteritate scientias in primis Physicas adhuc excolit et illustrat, ut Academia Regia Scientiarum Sveciae et honori sibi et usui fere judicaverit cum egregio hoc viro propiore conjungi commercio. Ideoque Academia Regia Scientiarum Sveciae Celeberrimum Dominum Michaellem Lomonosow in suam cooptare voluit societatem, eumque his litteris amice invitat, ut socius sociam Regno Academiae Sveciae, utpote jam suae commodare velit operam. In rei actae fidem sigillum Regiae Academiae ipsius jussu apposuit. Die 7 Maji, anno 1760.

Petrus Vargentin
Acad. Reg. Scien. Sveciae
Secretarias Perpetuus.

L. S.

Санктпетербургской императорской Академии Наук г. советник и химии профессор Михайло Ломоносов давно уже применитыми в ученом свете по знаниям заслугами славное приобрел имя, и ныне науки, паче же всех физические, с таким рачением и успехами поправляет и изъясняет, что королевская Шведская академия наук к чести и к пользе своей рассудила с сим отменитым мужем вступить в теснейшее сообщество. И того ради Шведская королевская академия наук за благо изобрела славного сего г. Ломоносова присоединить в свое сообщество и сим писанием дружелюбно его приветствовать, дабы яко член соединенный королевской Шведской академии,

уже как своей, взаимное подавал вспоможение. Во уверение сего по повелению королевской академии печать оныя приложил. Мая 7 дня 1760 года.

М. П.

Петр Варгентин
Шведской королевской академии наук
секретарь.^{а, 21}

15

Из Энциклопедии, что издается в Литтихе о ученых людей упражнениях, напечатано в рассуждении «Слова о цветах»:

Nous n'irons pas plus loin dans cette exposition, elle suffit pour faire honneur au génie et à la méditation de Monsieur Lomonosow et pour donner lieu d'admirer en même tems les progrès des sciences dans des contrées où nous les avons⁶ vu naître.

Мы не поступим далее в сем рассуждении; оно довольно приносит чести остроумию и рассуждению г. Ломоносова и подает причину удивляться приращению наук в тех краях, где мы недавно видели их рождение.^{в, 22}

^а В черновике и в рук. 1759 весь этот текст отсутствует.

^б В подлиннике описка avant.

^в В рук. 1759 другой перевод. Мы не будем далее простирасться в сем изъяснении; оно довольно служит к чести остроумия и размышления г. Ломоносова и подает случай удивляться приращению наук в таких местах, в коих они зачались недавно (Из печатного в Литтиге журнала рассмотренные речи о происхождении света и цветов). В черновике весь этот текст отсутствует. В конце черновика приписано рукой Ломоносова: Титулы корреспондентов вместо зачеркнутого Авторы свидетельств.

Христиан Волф, фрейгер, тайный советник, Галльского университета (зачеркнуто ректор) канцлер и первенствующий профессор юриспруденции, Академии Наук Санктпетербургской, Парижской, Берлинской и Лондонского ученого собрания член.

Леонард Эйлер, (зачеркнуто в Берлинской) королевский математик в Берлинской академии и оныя директор, Академии Наук Санктпетербургской, Парижской и Лондонского ученого собрания член.

89

1764 ЯНВАРЯ 24. А. М. ГОЛИЦЫНУ

Милостивый государь, князь Александр Михайлович!

Ваше сиятельство всепокорнейше просить принимаю смелость о учинении мне милостивого вспоможения в произведении некоторого дела, служащего к чести российских предков. Всемиловитейшая государыня благоизволила повелеть чрез его превосходительство Ивана Ивановича Бецкого, чтобы я выбрал из российской истории знатные приключения для написания картин, коими бы украсить при дворе некоторые комнаты. Не малый здесь нахожу недоста[то]к в изображении старинного нашего платья разных чинов. Сведение о сем сыскать едва ли где лучше можно, как в Архиве Коллегии иностранных дел. Особливо ж есть в оной описание коронации и других церемоний государя царя Михайла Федоровича с личными изображениями на пергаменте. Сообщением сего можете, милостивый государь, подать мне великое вспомошествование.¹ В уповании сего, как и завсегда, с достодолжным высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Генваря 24 дня
1764 года

Карл-Мария де-ла-Кондамин, парижский академик, королевский химик, Берлинской академии и Лондонского собрания член, кавалер ордена святого Лазаря.

Формей, Берлинской академии секретарь, Санктпетербургской Академии и Лондонского собрания член.

90

1764 МАЯ 9. М. И. ВОРОНЦОВУ

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь Михайло Ларионович!

Оказанные вашего сиятельства высокие отеческие ко мне милости уже издавна многократно уверили, коль велико и коль истинно любление ваше к наукам. Ныне же новое подтверждение вяще и вяще о том засвидетельствует. Вашим представлением воспоследовавшее принятие меня в члены Академии Болонскаго института¹ не меньше служит к чести отечества, нежели к моей похвале, за что от обоих заслужили ваше сиятельство достодолжную благодарность, которую воздавать вам, милостивому государю, не премину до смерти. Помянутой Академии через приложенное при том письмо к г. Цанотти посылается засвидетельствование моего истинного удовольствия и благодарности и при том признания, что я таковых похвал не достоин, кои в присланном мне объявлении приписаны. При сем ничего так искренне не желаю, как не в долгом времени видеть вас, милостивого государя, обратно в отечестве в совершенном здравии и удовольствии, чем и других многих сердца обрадуете, кои не меньше вам, как себе, доброжелательствуют. Мозаичное изображение Полтавской победы уже в марте месяце составлением окончано и теперь на месте отшлифовывается.² Фигуры свыше чаяния хорошо выходят, и не сомневаюсь, что в половине июня месяца все дело начисто окончится и милостивое ваше попечение о внесении в «Флорентинские ученые ведомости» нетщетным быть докажется.³ Оканчивая сие, прошу всепокорнейше отпустить мне небольшое умедление на первые письма, полученные исправно. Оное произошло в твердом уповании скорого получения вашего всегда верного, милостивейшего обещания, коего исполнением в полученном вчера письме

премного обрадован. С достодожным высокопочитанием пре-
бываю.

милостивый государь,
вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Из С.П.-бурга майя 9 дня
1764 года

91

1764 МАЯ 9. Ф.-М. ЦАНОТТИ

Viro celeberrimo, perillustri, doctissimo Francisco
Mariae Zanotto Inclytæ Academiae scientiarum Insti-
tuti Bononiensis a secretis, dignissimo^a, singularibus
in orbe litterario meritis excellentissimo Michael
Lomonosow Sacrae Caesarae Ma[j]estatis omnium
Rossiarum consiliarius status, chymiae professor in
Acad[emia] Petropol[itana] P. O.^b

S. P. D.

Acceptis humanitatis plenis tuis litteris, quibus me in vestram
inclytam^c Academiam scientiarum instituti Bononiensis communi
omnium Academicorum consensu cooptatum esse indicare bene-
volentissime voluisti, gaudeo vehementer gratiasque quam maxi-
mas pro tanto^d officio Tibi, vir celeberrime, atque integro
illustrissimo coetui ago, et quantum in me situm est, referre
curabo.^e Etenim nil gratius contingere posse homini litterarum
studiis dedito existimo, quam esse probatum^f viris, quorum

^a dignissimo *вместо зачеркнутого* meritissimo.

^b *Зачеркнуто* Academiae artium ibidem necnon Academiae.

^c vestram inclytam *вместо зачеркнутого* mihi ad cooptationem meam.

^d *Зачеркнуто* iam.

^e *Зачеркнуто* quam maximas laudes autem, quibus me <honorare> supra
mea merita honorare voluisti.

^f *Зачеркнуто* celebre testimonium.

spectatissima atque^a ingentia in scientiis merita per orbem litterarium et ubique gentium percrebuerunt. Idcirco maxime enitendum mihi esse apud me statui ut iis encomiis^b, quorum equidem haud me dignor honore, quantulumcunque in posterum respondere,^c et Academiae vestrae, quam nunc etiam meam nuncupare jam auspiciis vestris audeo, lucubrationibus meis satisfacere possim. Ex numero earum erunt observationes^d meae et inde deducta ratiocinia circa nutationes penduli centroscopici descripti in Meditationibus meis de via navis certius determinanda §. Item variationes altitudinum barometri sigillati ibidem propositi §. Quae omnia initium sumserunt anno 1759 et hunc usque in diem continuantur, quantum quidem^e reliqua munera et valetudo mihi concedunt. Denique^f observationes electricae in aëre^g praebentibus sese spectatum auroris ut vocant borealibus, quarum verum influxum in erectas supra tectum^h sagittas electricas manifesto deprehendere mihi licuit, cum elapsa hieme et hoc primo vere ejusmodi spectacula praeter mores frequentia et luculentia contigerint. Omnia haec jam sub praelo sunt, et quam primum lucem aspicient,ⁱ ad illustrissimam Academiam Bononiensem properabunt,^j iudicio illius gravissimo se submissura. Vale Vir celeberrime mihi que ut coepisti benevolentissime^k favere atque collegis doctissimis ac praestantissimis officia et obsequia mea gratumque animum ulterius commendare non desiste.

Dabam Petropoli 9 Maji St. V.

Anno 1764.

^a Spectatissime atque *вместо зачеркнутого* studia, doctrinae et.

^b *Зачеркнуто* quibus me ultra mea merita honorare.

^c respondere *вместо зачеркнутого* satisfacere.

^d *Зачеркнуто* et meditationes.

^e *Зачеркнуто* alia.

^f Denique *вместо зачеркнутого* item.

^g *Зачеркнуто* opponet[e].

^h erectas supra tectum *вместо зачеркнутого* expositas.

ⁱ *Зачеркнуто* inprimis.

^j *Зачеркнуто* salutabunt.

^k coepisti benevolentissime *вместо зачеркнутого* benignissime.

Перевод

Франциску Марии Цанотти, секретарю славной Болонской академии, мужу знаменитейшему, известнейшему и учейшему, особыми заслугами научными прославленному, Михайло Ломоносов, статский советник е. и. в. всея России, профессор химии в Петербургской Академии,^а шлет нижайший привет.

Получив любезнейшее письмо ваше, которым пожелали вы^б благожелательно меня уведомить о моем избрании всеми академиками в члены славной Болонской академии наук, весьма радуюсь и изъявляю вам великую благодарность, муж знаменитейший, за такую^в услугу вашу, а также всему славнейшему собранию и постараюсь, насколько в моих силах, отплатить за это.^г Полагаю, что человеку, преданному науке, ничто не бывает столь приятно, как одобрение^д людей, чьи великие и славные заслуги^е в науке всему миру и ученой среде так известны. Поэтому я решил, что мне нужно приложить все силы, чтобы в дальнейшем хоть сколько-то соответствовать^ж тем похвалам,^з коих я недостоин, и представить вашей Академии, которую дерзаю почитать отныне и своею,^и плоды моих трудов. В числе их находятся мои наблюдения^и и построенные на них вычисления относительно колебаний маятника для наблюдения перемещения центра земли, каковой маятник описан в моем рассуждении о бoльшей точности морского пути, а также изменения высот в там же предложенном запаянном барометре. Все это начато в 1759 г. и до сего дня продолжается, поскольку позволяют остальные^к мои обязанности и здоровье. И, наконец,^л наблюдения над явлениями электрическими, которые в воздухе^м можно видеть и которые называются северным сиянием; истечение их в установленные^н

^а Зачеркнуто Академии Художеств.

^б пожелали вы вместо зачеркнутого мне к моему избранию.

^в Зачеркнуто уже.

^г Зачеркнуто величайшие же похвалы, которыми вы пожелали меня почитать свыше моих заслуг.

^д Зачеркнуто славное свидетельство.

^е славные заслуги вместо зачеркнутого рвенние, ученость и.

^ж Зачеркнуто которыми. меня свыше моих заслуг почитать.

^з тем похвалам вместо зачеркнутого удовлетворить.

^и Зачеркнуто и размышления.

^к остальные вместо зачеркнутого другие.

^л Зачеркнуто также.

^м Зачеркнуто противостоя[щем?].

^н Зачеркнуто выставленные.

на крышах электрические острия мне удалось видеть собственными глазами, так как прошедшей зимой и нынешней ранней весной эти явления против обыкновения случались часто и были весьма заметны. Все это находится в печати и, как скоро появится в свет,^а будет отправлено^б в знаменитую Болонскую академию, на ее просвещеннейший суд^в Прощайте, муж знаменитейший, не лишите меня и впредь вашей благожелательности,^в не откажите изъявить вашим ученым и знаменитейшим коллегам мое уважение, готовность к услугам и признательность.

Петербург 9 мая ст. ст.
1764 г.

92

1764 ИЮЛЯ 11. И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Долговременное умедление ответом на милостивое письмо вашего высокопревосходительства стараясь извинить, нигде не нахожу способа, как только в вашем великодушии, о котором многократными опытами совершенно удостоверен. Правда, что ожидание выходу из печати моих сочинений, кои при сем вам, милостивый государь, переслать честь имею,¹ не последнюю были сего укоснения причиною, и мои недоброхоты, не перестав[ва]я делать мне препятствий в добронамеренных трудах моих, нередко отнимают у меня ко всему усердную охоту. При отъезде вашем, употребя мою тяжкую и долговременную болезнь и отсутствие отсюда двора, привели было меня к крайнему презрению и низринувению,² есть ли бы меня второй мой меценат, милостивый государь граф Григорей Григорьевич, не оградил своим милостивым предстательством, и купно милостивый государь и древний мой благодетель граф Михайло Ларионович, который и вне отечества отменно своею милостию меня не забывает, коего представлением удостоен я недавно членом Бононской академии,³ и его же сиятельства попечением

^а Зачеркнуто прежде всего.

^б Зачеркнуто будут приветствовать.

^в благожелательности вместо зачеркнутого благожелательность.

известно учинено ученому свету о успехах моего мозаичного дела. что описано в «Ученых флорентинских ведомостях». О сем могу уверить вас, милостивого государя, что оконченная набором в марте месяце великая картина Полтавской победы выходит из точения весьма хороша. Ваше высокопревосходительство ведаете, сколько благополучия мог бы я получить, когда бы прежние ваши предстательства не приведены были в закоснение происками моих недоброжелателей; ныне ж, милостивый государь, имеете случай наградить оный урон равномерным благодеянием. В Парижской академии наук есть порожнее место иностранного почетного члена, а как не сомневаюсь, что ваше высокопревосходительство у тамошнего двора знатных приятелей имеете, для того униженно прошу рекомендовать меня на оное место.⁴ Тамошняя академия о моих ученых делах довольно известна. Ей же весьма пристойно и надобно иметь в здешней Академии члена, особливо ж природного россиянина. Сие избрание послужить может не токмо к моей похвале, но и к подлинной славе нашего отечества, которья вас истинным рачителем псчитают все знающие ваше попечение о науках и художествах. В уповании милостивого вашего благоизволения, а паче скорого ожидая в любезное отечество возвращения в полном здравии и удовольствии, с неперменным глубоким высокопочитанием пребываю

вашего превосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Из Санктпетербурга
Июля 11 дня
1764 года

93

1764 СЕНТЯБРЯ 20. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Figurae chasmatum Borealium aeri incisae sunt egregie expressae et pauca, quae correctione indigeant, reperio. Cras in Cancellaria de praemio agam, ubi praesentia Tua multu[m]

valebit. Caeterum autographus meus necessario requiritur, ut conferre eum possim cum apographo inciso.

M. L.^a

Die 20 Sept.
1764

Перевод

Изображения северного сияния, вырезанные на меди, сделаны превосходно, и я нахожу мало такого, что нуждается в исправлении. Завтра в Канцелярии буду говорить о вознаграждении,¹ и ваше присутствие будет весьма важно. Кроме того, обязательно требуется мой оригинал для сравнения его с вырезанной копией.

M. L.

20 сентября 1764

94

1764 ОКТЯБРЯ 7. И. И. БЕЦКОМУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Ваше превосходительство униженно прошу меня в том извинить, что утруждаю вас сею присылкою пробы при письме и притом некоторым всепокорнейшим прошением. Пробы географических обоев на тафте и на атласе¹ препоручаю на ваше благорассмотрение и потому ожидаю 140 аршин того или другого материалу и по пропорции гладкой хорошей холстины на подклейку, или всё купить приказать изволите. Первое для нас безответственнее.

Между тем вам, милостивому государю, доношу, что через годичное время перебрано от меня с заводов к мастеру Мартину для Ораниенбаумского дому на украшение мозаичных материалов на 1077 рублей,² и тому подан реестр г. Снедкову,³ который, уповаю, дошел и до вашего превосходительства. Того ради

^a *Дописано неизвестною рукою: омоносов.*

униженно прошу для крайней моей нужды не укоснить приказанием выдачи оных суммы.

Болезнь моя не позволяет самолично отдать мое почтение, которого завсегда достождным рачителем пребываю всеусердно

вашего превосходительства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов

Октября 7 дня
1764 года

Р. С. Ежели в моем сочинении⁴ вашему превосходительству нет надобности, то прошу всепокорнейше приказать переслать ко мне для пересмотра и поправок.

95

1764 ОКТЯБРЯ 10—1765 МАРТА А. Г. Г. ОРЛОВУ

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Григорей Григорьевич!

Вашего сиятельства высокие достоинства и оказанные к ученому обществу благонадежные признаки милостивейшего любления и снисходительства отъемлют всякое обинование и подают незыблемую надежду, что ваше сиятельство великодушно благоизволите принять нас и общий труд наш в ваше покровительство. Оный состоит в сочиненном новом стате, регламенте и привилегии Санктпетербургской императорской Академии Наук, сочиненном по определению Академии Наук г. президента его сиятельства графа Кирила Григорьевича Разумовского.^а В сем нужном и полезном деле старались мы^б всею возможностью по нашему лучшему разумению и совести об одной только истинной

^а Зачеркнуто которое дело поручил он господину статскому советнику Ломоносову с академическими членами.

^б Зачеркнуто под его предводительством.

пользе наук в России, как бы оные скорее распространились к умножению благополучия верных подданных е. и. в. и чтобы отвратить все прежние неудобности, бывшие в тягость наукам. И по долгом рассуждении и многократном рассматривании сего проекта единомысленно и согласно уверяем, поелику наше крайнее разумение досягает, примеры лучших европейских академий предводительствуют и показывают долговременное искусство в бытность нашу в Академии, что по сему штату, регламенту и привилегии здешняя императорская Академия Наук достигнет в краткое время до самого цветущего состояния к пользе отечества и к бессмертной славе е. и. в. А как известно, что его сиятельство Академии Наук г. президент отъезжает в чужие края, и мы опасаемся, чтобы сие наше беспристрастное и добронамеренное старание не претерпело какого препятствия или помешательства, того ради единственно прибегаем в милостивейшее покровительство вашего сиятельства, униженно прося вас, милостивого государя, споспешествовать сему полезному и нужному делу высоким вашим предстательством, с истинным высокопочитанием пребывая.

милостивый государь,
вашего сиятельства
всепокорнейшие и нижайшие слуги,
Академии Наук члены

96

1764 ОКТЯБРЯ 22. И. Г. ЧЕРНЫШЕВУ

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Иван Григорьевич!

Известные вашему сиятельству штурманы,¹ от команды вашей посланные в Академию, не могут начать прямо своего учения, пока не будут иметь Гадлеевых квадрантов, которых мы от вашей команды ожидаем. И ради того всепокорно прошу достать их как можно скорее и чтобы не утратить времени. Сего же предприятия надобность требует всевозможного изыскания но-

вейших известий, кот[о]рые прежде отправления далее из Колы получить и в пользу употребить можно при последней в север посылаемой инструкции: 1) Возвратившиеся со Шпиц-Бергена ^а офицеры или другие смышленные люди могут здесь показать какие-нибудь тамошние новые обстоятельства к нашему лучшему наставлению. 2) Команда подполковника Пленистера или купецкие промышленные люди, обращавшиеся около Чукоцкого носу, много объяснить в состоянии дело наше. В 1763 году открыл он близ северных берегов Чукотского носу пять островов новых, Медвежьими названных, и сверх того матерую землю с лесом стоячим и послать хотел вторично изыскивать далее. Уповательно, что, конечно, есть много новостей, кои еще до весны получить кажется можно. 3) Купец Снигирев с товарищем хотя и сказывали, яко они о незахождении солнца на Умнаке не слыхали от своих промышленников, с чего и положение оногo острова на карту внесено, однако оное может до четырехсот верст к Чукоцкому носу быть ближе, ежели незахождение солнца бывает действительно. Итак, весьма бы полезно было достать из промышленников, бывших на Умнаке, хотя одного человека для лучшего сведения как о сем, так и о прочем, кои, может быть, найдутся в Иркутске, в Якутске или в Охотске. О двух последних статьяx отдаю и препоручаю рассуждать вашему сиятельству, стоит ли труда посылать в Сибирь курьеров. А для первой надобности рассуждаю, чтобы послать для того указ к Архангельскому городу.² Во всем сем полагаясь на ваше попечение, между тем доношу, что мне за болезнь не можно засвидетельствовать самоличного вам почитания, с которым непременно пребываю

вашего сиятельства
всепокорный и усердный слуга
Михайло Ломоносов

Октября 22 дня
1764 года

^а Против этих слов на полях написано NB.

97

1764 ОКТЯБРЯ 26. И. Г. ЧЕРНЫШЕВУ

Сиятельнейший граф,
милостивый государь Иван Григорьевич!

Хотя и потеряется несколько времени на делание здесь Гадле[e]вых квадрантов,¹ однако уповаю, что мои прибавления или исправления много к лучшему служить будут. Между тем отысканный вашим сиятельством квадрант, пожалуйста, ко мне пришлите, а я между тем имею честь прислать одну трубу, сделанную для экспедиции, кои следует еще две, да в деле еще три особливые для сумрачного времени, кои через месяц поспеют. Что же до моего выезду² надлежит, то я еще весьма слаб и до прямого закрытия речной влажности на воздух вытти не смею. Впрочем, пребываю с достодолжным почитанием

вашего сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Октября 26 дня
1764 года

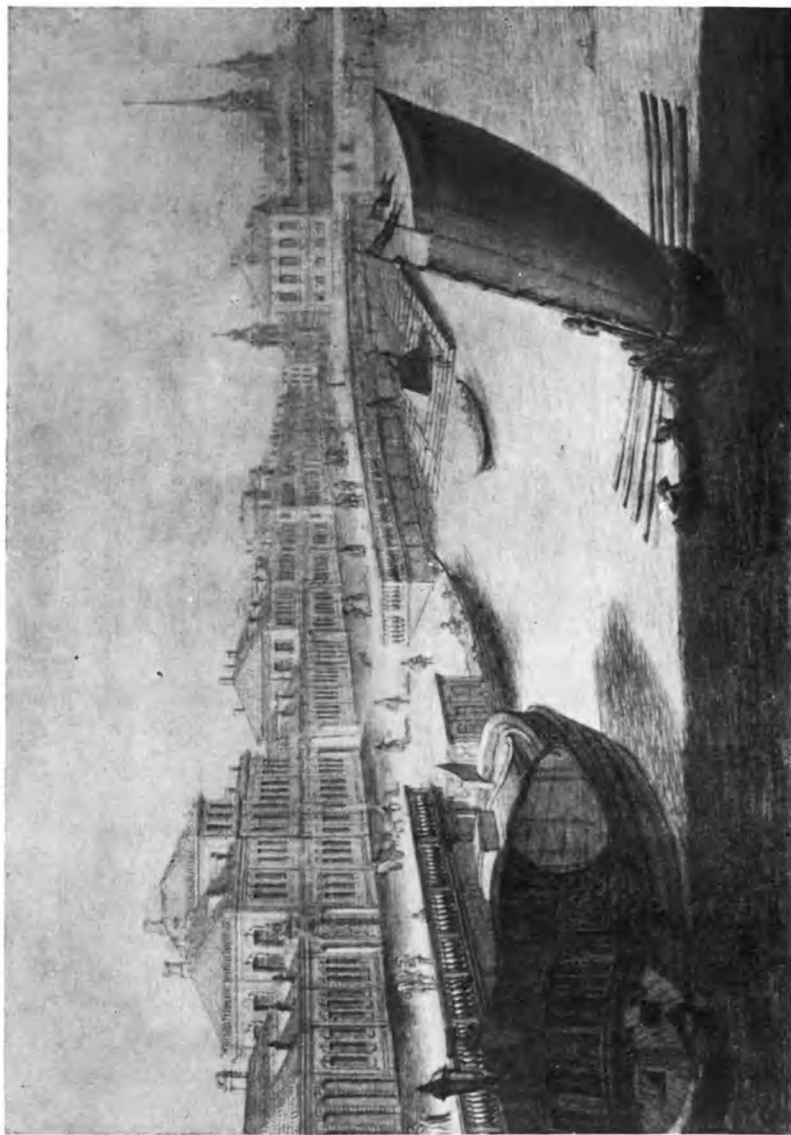
98

1764 НОЯБРЯ 9. Я. Я. ШТЕЛИНУ (?)

Со всею бы охотою исполнил я свою должность посетить вас и оказать мое к вам почитание; только истинно ныне слабость ног не позволяет. Мне есть с вашим высокородием кое-чего поговорить, а иное и посмеяться некоторому новому Kretze-Luft-Vögelein.¹ Покорно прошу после обеда чашку чаю выкушать, чем я весьма много одолжен буду.

М. Л.

9 ноябр[я] 1764

Дом М В Ломоносова на Мойке, где он скончался

Деталь рисунка М. И. Махаева

Государственный Русский музей

99

1764 ДЕКАБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 27. Я. Я. ШТЕЛИНУ

Ich werde alle mahl für die Bemühung von ihrem H. Sohn dankbar bleiben und ferne sey[?], daß ich ihn blamiren oder abschrecken soll; will auf alle Art suchen aufzumuntern. Denn spreche, wie ich denke, nicht wie die Katzen, die vorne lecken, und hinter kratzen. Ex[empli] gr[atia] il bel quadro! es war aber nur eine Esquiße, oder nur eine Idee.

Lomonosow

Перевод

Я неизменно буду благодарен господину вашему сыну за его старания и далек от того, чтобы его срамить или отпугивать. Постараюсь всеми способами его ободрить. Ибо говорю, как думаю, а не как кошки, которые спереди лижут, а сзади царапают. К примеру — прекрасная картина! Это был, однако, лишь набросок или только замысел.¹

Ломоносов

100

1765 ФЕВРАЛЯ 3. А. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Милостивый государь князь Александр Алексеевич!

Для известного вашему сиятельству типографского дела обещался взять на себя переписку в Англию купец Клаузинг, и начало неукоснительно учинено будет, как только ему предписано будет, что сюда требуется: людей ли нужнейших выписать или по данному примеру приказать там сделать требуемые российских литер алфавиты? Последнее почитает он удобнейшим делом. Между тем весьма бы не худо было послать в Англию несколько молодых людей для обучении словолитного дела, кои могут достигнуть сего искусства, пока здесь служить будут

выписанные алфавиты. На сие всепокорнейше прошу у вашего сиятельства милостивейшего приказания и ожидаю с достойным высокопочитанием

вашего сиятельства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов

Февраля 3 дня
1765 года

101

1765 ФЕВРАЛЯ 4. А. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Для заведения новой типографии в Санктпетербурге при некотором высоком правлении потребен: 1) Словолитный мастер, который бы был самый искусный пунсонщик и мог бы литеры резьбою пунсонов, выбиваньем матриц и литьем для типографии поставить исправные самую лучшею работою. А оные литеры были бы деланы гражданские российские, как ^а показаны будут, с самого хорошего латинского манеру, каковы в пример даны будут самые лучшие, деланные в Англии. 2) Оный словолитный мастер имет привести с собою достойного подмастерья. 3) Надобен ^б мастер печатного дела, от коего требуется все искусство, как сделанными по вышеписанному готовыми литерами печатать книги чисто и исправно, то есть набирать страницы и строки равноумерно и совершенно прямо, устанавливать прессы, варить и накладывать чернила, также и во всем прочем, что до исправного тиснения надлежит, знать силу совершенно. 4) Оный мастер также может принять и привести с собою достатного в деле подмастерья. 5) Оба реченные мастера обязаться должны учредить в Сан[к]тпетербурге при оном правлении исправную российскую типографию. 6) Набор книг печатаемых российских будет отправляться имеющимися здешними российскими наборщиками, а оные мастера должны

^а как вместо зачеркнутого каковы.

^б Надобен вместо зачеркнутого Требуется.

смотреть чистоты и исправности в деле литер^a и в их употреблении при печатании. 7) Оные же мастера должны своему искусству обучить здесь каждый до пяти человек здешних российских в уреченное время, кои даны будут им уже знающие несколько оные их мастерства, а не с самого начала принявшиеся за оное. 8) По сему предписанию могут охотники прислать сюда свои кондиции, а именно: время, на сколько обяжутся; плата, по времени или по работе; награждение, по чему за обучение с человека; на переезд деньги; квартера и прочее.

Угодны ли будут вашему сиятельству предписания требуемым типографщикам и не благоволите ли чего прибавить? Что ежели так угодно, не умедля можно отписать в Англию и на первых кораблях мастеров сюда поставить.

102

1765 НЕ РАНЕЕ ФЕВРАЛЯ 21. Л. ЭЙЛЕРУ

Ich habe mich höchst verwundert, daß Ew. H...^a als ein großer Gelehrter und schon betagter Man[n], über dieß ein großer Rechenmeister in Ansehung ihrer letzten Aufführung gar zu sehr verrechnet haben. Man siehet es deutlich, daß die höchste Algebra in moralischen^c Sachen ein elendes Mittel ist, die so viele Data bekan[n]ter Zahlen sind für Sie nicht zulänglich gewesen eine schon halb bekan[n]te kleine Zahl zu evalviren. Sie wußten genug was Schumacher in Ansehung der Gelehrten für ein Schelm gewesen, und daß sein Lehrling, Schwieger-Sohn und Nachfolger noch ärger ist; daß Müller ein Ignorant und von den aller ersten Professoribus flagellum professorum genannt, ein lebendiger Machiavel und stetiger Stöhrer der Academischer Ruhe ist und immer gewesen. Und Sie haben doch ihre

^a деле вписано над строкой; литер вместо переправленного литерах.

^a Многоточие в подлиннике.

^b Зачеркнуто sehr.

^c moralischen вместо зачеркнутого politischen.

falsche Insinuationes in Ansehung des Taubertischen Schoßhündchen des Rumovsky nicht einsehen können. Den[n] der Taubert, wenn er etwa einen Hund auf der Straße siehet, der mich anbellet, so ist er imstande so eine Bestie sich an den Hals^a zu hängen und stets unter dem Schwantz zu küßen. Und er thut es so lange, biß er sein Gebelle nicht nöthig hat, da schmeist er ihn ins Dreck und hetzet auf ihn andere Hunde. Was Ew. H. an den Ertzfeind aller ehrlichen Leuten den Müller geschrieben haben, davon lege ich einen Extract hie[r] bey, sammt meinen Anmerkungen. U[e]brigens meine harte Ausdrücke werden Sie mir nicht verdenken, denn sie stammen von einem durch unerhörete Bosheit meiner Feinde erbitterten Herzen her, derer gottlose Anfälle will ich Ew. Hoch...^b kürztlich für die Augen legen. Daß Schumacherisch schelmische Principium «divide et imperabis» ist auch noch biß dato bey seinem Successor in dem größten Schwang. Es ist Ew. [H.] sehr wohl bekannt daß der Schumacher immer junge Professores auf die alte gehetzt hat.^c Ich will aber außer anderen melden, was ich ausgestanden habe. 1) Sobald mich die Conferentz zum Professor erwehlet und attestiret hat und die sehlige Kayserin darzu eingesetzt, so hat der Schumacher meine schon approbirete Dissertationes an Ew. H. geschic[k]t, in der Hoffnung eines schlechten Testimonii. Sie haben aber damahls als ein ehrlicher Man[n] gehandelt. 2) Ich habe Summa Geldes zum Laboratorio vom Cabinet erhalten bey der Academie zu bauen: dieses alles, wie auch die Chymische Profession, wol[l]te er dem Burhaave zu schantzen; es gelang aber ihm nicht, und ich habe treffliche Experimente auf die Mosaique gemacht, wodurch ich Ehre, Landgüther und Gnade erhalten. 3) Dieses war dem Schumacher, Müller und Taubert ein greulicher Stachel in den Augen. Sie erschnap[p]ten eine Gelegenheit, da ich auf einen Befehl die Histo-

^a *Зачеркнуто* als einen kleinen.

^b *Многоточие в подлиннике.*

^c *Зачеркнуто* Герман,

rie schreiben sollte; und haben den elenden Salchow vor die Chymie verschrieben, um mich vom Laboratorio und vom freyen Quartier zu vertreiben. Gott hat mir aber gleich zu eigenem Haus geholfen, daß ich mitten im Petersburg in einem geräumen, nach meinem Sinn erbaueten, mit einem Garten und Laboratorio versehene schon acht Jahr[e] wohne, und allerhand Instrumente und Experimente nach meiner Willkühr mache. 4) Da ich schon auch acht Jahr in der Cantzeley sitze (nicht um zu commandiren, sonder unter Taubertischen Comando nicht zu stehen), so suchen hat[?] doch das gedachte Gesindel mich immer davon zu bringen.

Перевод

В высшей степени удивился я тому, что ваше высокородие,^а великий ученый и человек уже пожилой, а сверх того еще и великий мастер счета, так сильно просчитались в последнем своем вычислении. Отсюда ясно видно, что высшая алгебра — жалкое орудие в делах моральных: ^б столь многих известных данных оказалось для вас недостаточно, чтобы определить одно маленькое, наполовину уже известное число. Вы достаточно хорошо знали, каким плутом был в отношении ученых Шумахер, и знали, что его ученик, зять и преемник еще хуже его; что Миллер — невежда и самыми первыми профессорами прозван бичом профессоров; что он сущий Маккиавель и возмутитель мира в Академии, каковым был и всегда. И при всем том вы не сумели разобраться в их лживых инсинуациях, касающихся Таубертовой комнатной собачки — Румовского. Тауберт, как только увидит на улице собаку, которая лает на меня, тотчас готов эту бестию повесить себе на шею ^в и целовать под хвост. И продельывает это до тех пор, пока не минует надобность в ее лае; тогда он швыряет ее в грязь и натравливает на нее других собак. Прилагаю при сем извлечение из того, что написано вашим высокородием заклятому врагу всех честных людей, Миллеру, с присовокуплением моих замечаний.¹ Вы не поставите мне в вину резких выражений, потому что они исходят из сердца, ожесточенного неслыханной злостью моих врагов, о безбожных нападках ² коих хочу дать вашему высокородию краткое представление...^г Плутское

^а Зачеркнуто весьма.

^б моральных вместо зачеркнутого политических.

^в Зачеркнуто как маленький.

^г Многозначие в подлиннике.

правило Шумахера «divide et imperabis» [разделяй и будешь властвовать]³ донныне в превеликом ходу у его преемника. Вашему высочородию очень хорошо известно, что Шумахер всегда натравливал молодых профессоров на старых.⁴ Кроме всего прочего, сообщаю, что сам я претерпел: 1) Когда Конференция избрала меня в профессору и аттестовала и покойная императрица это утвердила, Шумахер послал вам мои, уже одобренные диссертации, надеясь получить дурной отзыв.⁵ Но вы поступили тогда как честный человек. 2) Я получил из Кабинета сумму, чтобы устроить при Академии лабораторию; все это, равно как и должность профессора химии, хотел он доставить Бургаву; но это ему не удалось, а я произвел удачные опыты по части мозаики, чем стяжал почет, поместья и милость. 3) Шумахеру, Миллеру и Тауберту это было страшной колючкой в глазу. Они улучили случай, когда я, выполняя полученный приказ, должен был писать историю, и чтобы выгнать меня из Лаборатории и из казенной квартиры, выписали для химии жалкого Сальхова.⁶ Но бог помог мне сразу же обзавестись собственным домом в центре Петербурга, поместительным, устроенным по моему вкусу, с садом и лабораториею, где я проживаю уже восемь лет и по своему усмотрению произвожу всякие инструменты и опыты. 4) Так как я восемь же лет заседаю в Канцелярии (не для того, чтобы начальствовать, а чтобы не быть под началом у Тауберта), то эта сволочь неизменно старается меня оттуда выжить.

103

1765 МАРТА 2. М. В. ГОЛОВИНОЙ

Государыня моя сестрица, Марья Васильевна, здравствуй на множество лет с мужем и с детьми.

Весьма приятно мне, что Мишенька¹ приехал в Санктпетербург в добром здоровье и что умеет очень хорошо читать и исправно, также и пишет для ребенка нарочито. С самого приезде сделано ему новое французское платье, сошиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как бы век у нас жил, не показал никакого виду, чтобы тосковал или плакал. Третьего дня послал я его в школы здеш-

¹ Зачеркнуто Герман.⁴

ней Академии Наук,² состоящие под мою команду, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет у меня обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошенько писать и танцевать. Вчерашнего вечера был я в школах нарочно смотреть, как он в общегитии со школьниками ужинает^а и с кем живет в одной камере. Поверь, сестрица, что я об нем стараюсь, как должен добрый дядя и отец крестный. Также и хозяйка моя и дочь его любят и всем довольствуют. Я не сомневаюсь, что он через учение счастлив будет. И с истинным люблением пребываю брат твой

Михайло Ломоносов

Марта 2 дня
1765 года
из Санкт-Петербурга

Я часто выдаюсь здесь с вашим губернатором³ и просил его по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил. В случае нужды или еще и без нужды можете его превосходительству поклониться, Евсей Федорович или ты сама.

Жена и дочь моя вам кланяются.

104

1765 МАРТА 3—4. И. В. ШЕНИНУ.

Модели займут много времени. Да и делать в Коле замедлительно будет. По [мо]ему мнению, надобно сие оставить до будущего года. И прежде здесь исследовать надобно практикою, чтобы узнать, будет ли польза.

^а В «Московском вестнике» уживается

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Том десятый «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова тесно связан по своему содержанию с девятым томом этого издания. Здесь, в первой части тома, представлены, как и там, документальные памятники научно-организационной деятельности Ломоносова. Вторую часть тома составляют письма. Те и другие охватывают тридцатидвухлетний период — с 1734 по 1765 г.

Материалы десятого тома весьма существенным образом пополняют представление о Ломоносове как о выдающемся государственном деятеле, великом патриоте и неутомимом борце за просвещение русского народа. Не менее выразительно, чем материалы девятого тома, характеризуют эти документы и то упорное сопротивление, которое встречали прогрессивные начинания Ломоносова со стороны правящих верхов феодального общества и их агентов в Академии Наук.

Служебные документы, составляющие первую часть тома, разбиты на четыре тематических раздела.

В первом разделе десятого тома Ломоносов показан как автор проектов переустройства Академии и упорядочения ее деятельности. В основу всего, что писал Ломоносов по этому предмету на протяжении двадцати одного года (1745—1765 гг.), положена одна идея: организовать Академию так, чтобы, по выражению ее учредителей, «не токмо художества и науки раз-

множились, но и чтоб народ от того пользу имел».^a Обширная записка Ломоносова о преобразовании Академии Наук, относимая одними исследователями к 1755, а другими — к 1760 гг., датирована теперь по-новому — 1758—1759 гг. — и впервые печатается в полном виде, со всеми черновыми вариантами и в авторской последовательности отдельных ее частей (документ 400). Впервые же печатается русский перевод другой пространной записки на ту же тему, составленной Ломоносовым по-латыни в последний год жизни на основе двадцатипятилетнего опыта работы в Академии (документ 408).

Второй раздел посвящен административно-хозяйственной деятельности Ломоносова: более половины вошедших сюда документов публикуются впервые. Основная масса материалов этого раздела относится к тому времени, когда Ломоносов, назначенный членом Академической канцелярии, стал принимать постоянное участие в надзоре за ученой, учебной и хозяйственной жизнью Академии (1757—1765 гг.). Особенно видное место занимают здесь документы, отражающие заботу Ломоносова о русских ученых кадрах, а также и те, где он вскрывает преступные действия академической администрации. Наиболее замечательна в этом последнем отношении «Краткая история о поведении Академической канцелярии» (документ 470). Этот красноречивый обвинительный акт, изобличающий врагов «распространения наук в отечестве», давно опубликован, но только теперь, в процессе подготовки настоящего тома, впервые подвергнут подробной проверке по архивным первоисточникам: в примечаниях к нему приведены документальные справки, подтверждающие точность показаний Ломоносова.

Третий раздел заключает в себе то, что в нынешнем делопроизводстве назвали бы «личным делом» Ломоносова: здесь печатаются его автобиографические справки, отчеты о расходах по заграничной командировке, прошения о принятии на службу, ходатайства о выдаче недоплаченного жалованья и т. п.

^a Материалы, т. I, стр. 24, § 10

Здесь же публикуется план несостоявшейся беседы Ломоносова с императрицей Екатериной II об обстоятельствах, препятствующих его работе в Академии Наук (документ 499); новая датировка (план набросан Ломоносовым, как удалось выяснить, за месяц до смерти) повышает историческое значение этого документа.

Четвертый раздел содержит планы научных занятий, представлявшиеся Ломоносовым академическому начальству, и отчеты Ломоносова о своей ученой и литературной деятельности. Особенно важны последние два отчета (документы 518 и 519), где Ломоносов незадолго до кончины подводит итоги всей своей творческой жизни. Тут же составленный им перечень его важнейших естественно-научных открытий.

Во второй части тома сосредоточены все дошедшие до нас письма Ломоносова. Со времени выхода в свет последнего их собрания (Акад. изд., т. VIII) не прошло еще и девяти лет, а между тем их коллекцию посчастливилось обогатить за это короткое время четырьмя неизвестными ранее письмами (письма 9, 78, 98 и 104), из которых одно чрезвычайно значительно: это хранящееся в Библиотеке Тартуского Государственного университета письмо Ломоносова к Леонарду Эйлеру от 16 февраля 1748 г., положившее начало их многолетней ученой переписке.

В редакторских заголовках документов и писем, посланных Ломоносовым из-за границы и датированных им числами нового стиля, дата обозначается по старому стилю.

Выявление и обработка материалов, печатаемых в десятом томе, выполнены коллективом работников Архива Академии Наук СССР.

Десятый том «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова подготовлен к печати Г. П. Блоком в сотрудничестве с Е. С. Кулябко.

Примечания составили: к 1-му разделу служебных документов А. И. Андреев; ко 2-му разделу Г. П. Блок, М. Г. Новлянская и Е. Н. Сулова; к 3-му разделу Г. П. Блок, А. А. Елисеев, Б. В. Федоренко и В. Л. Ченакал; к 4-му разделу А. А. Ели-

сеев и Б. В. Федоренко; к письмам Г. П. Блок и Е. С. Кулябко. Библиографические данные, приводимые в примечаниях к документу 502, составлены по материалам Г. М. Коровина и проверены de visu А. И. Доватуром.

В переводе иноязычных текстов принимали участие Я. М. Боровский (письма 9, 11, 15, 41, 42, 47), А. И. Доватур (документы 408, 409, 471, 474, 500—502, 519; письмо 4), Т. Н. Кладо (письма 1—3, 5—7, 31, 56—58, 60, 61, 70, 74, 76, 98, 99, 102) и Ю. Е. Копелевич (письма 68, 91). Переводы текстов Ломоносова, выполненные не им самим, набраны петитом.

ПРИМЕЧАНИЯ
СЛУЖЕБНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ПРОЕКТЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА АКАДЕМИИ НАУК
И УПОРЯДОЧЕНИЯ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

393

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, л. 109 об.).

Публикуется впервые.

Датируется предположительно. Публикуемый список написан Ломоносовым на обороте проекта доношения в Сенат об устройстве Химической лаборатории. Доношение датируется декабрем 1745 г. (т. IX наст. изд., документ 6). Оба текста писаны рукой Ломоносова и притом одинаковыми чернилами. Настоящий текст имеет, по-видимому, отношение к работам по выработке нового штата Академии Наук, выполнявшимся Ломоносовым по поручению Академического собрания во второй половине 1745 г. (Протоколы Конференции, II, стр. 73, 87, 97).

В списке все науки распределены между тремя классами Академии, названия которых, однако, не даны. Аналогичное деление всех наук на три класса Ломоносов сделал позднее, в записке 1764 г. под заглавием «Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии» (документ 408). В записке 1764 г. (в § 7), несомненно, использован список 1745 г.: Ломоносов сохранил то же деление наук по трем классам и повторил при этом большинство наук, приведенных в списке 1745 г.; те же, которые не попали в список 1764 г., а были в списке 1745 г., специально оговорены: так, в списке 1745 г. была, например, «металлургия», а в списке 1764 г. ее нет, и Ломоносов пишет (в § 7): «Заметим, что знание металлургии всегда должно требовать от химика или естествоведа»; в списке 1745 г. была «физиология», а в списке 1764 г. ее нет, но сделана такая оговорка: «Зна-

ние физиологии всегда должно требовать от анатома или физика». В списке 1745 г. в «третьем классе» были поставлены «философия», «элоквенция», «пиитика»; их нет в списке 1764 г., и это отсутствие Ломоносов поясняет: «Философом же, оратором или поэтом может оказаться любой академик, наиболее преуспевший по этой части». При сличении этих двух списков наук получается впечатление, что когда Ломоносов в 1764 г. писал этот второй список, перед ним лежал, несомненно, список 1745 г.

394

Печатается по незаверенной копии XIX в. (ААН, разр. IV, оп. 5, № 69, лл. 5058—5059) с указанием в сносках вариантов по собственноручному черновику с поправками, внесенными писарской рукой (ААН, ф. 20, оп. 3, № 16).

Первые напечатано — Билярский, стр. 779.

Датируется предположительно; год написания устанавливается по ордеру президента Академии Наук К. Г. Разумовского от 26 февраля 1754 г. об образовании упоминаемой Ломоносовым Комиссии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 465, лл. 85—86); день и месяц — по канцелярской помете «апреля 23» на публикуемом документе.

Комиссия «для отрешения излишеств от Академии» в составе советника Канцелярии АН И.-Д. Шумахера и профессоров Г.-Ф. Миллера, Я. Я. Штелина и Ломоносова была образована, как отмечено выше, на основании ордера президента от 26 февраля 1754 г. Название Комиссии принадлежит Ломоносову, который называет ее так в своей «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (документ 470, §§ 33 и 34). Там же (§ 34) находим известия о работе Комиссии. В Архиве Академии Наук СССР не отыскиваются теперь подлинные «журналы заседаний Комиссии» и «репорт Комиссии президенту» 10 мая 1754 г., который упоминает Ломоносов в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (§ 34); сохранились лишь копии этих документов в бумагах М. И. Сухомлинова (ААН, разр. IV, оп. 5, № 69, лл. 5013—5059, 5090—5091); кроме того, по той же Комиссии сохранились и некоторые документы XVIII в.: «Выписки из протоколов по бывшей при Академии Наук Комиссии о рассмотрении академических служителей» (ААН, ф. 3, оп. 2, № 140а) и «Записная тетрадь входящим делам в Комиссию о рассмотрении академических служителей» (ААН, ф. 3, оп. 2, № 88).

395

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 148—158).

Первые напечатано (неполно) — ОР, кн II, стр. 48—65; поправки к этой публикации напечатаны — Билярский, стр. 283—285.

Датируется предположительно по упоминанию в «Мнении»: 1) о благоприятных результатах, последовавших «через 7 лет» после утверждения Академического регламента, 2) экзамена семи гимназистов в Академическом собрании, который происходил «в прошлом году», т. е. 18 марта 1754 г. (Протоколы Конференции, т. II, стр. 287), и 3) участия Ломоносова в «экстраординарных собраниях» Академии Наук, посвященных пересмотру ее регламента (17, 18, 23 февраля 1755 г. — Ламанский, стр. 126—131).

По своему плану «Мнение» 1755 г. очень похоже на более позднюю записку Ломоносова (документ 400), посвященную тому же вопросу «о исправлении Санктпетербургской Академии Наук»; в записке 1755 г. отсутствует в настоящее время конец, которому в более поздней записке соответствует часть 3-я «О исправлении Академии Наук». Ломоносов записку тогда не окончил.

Никаких известий о том, подавал ли свое «Мнение» Ломоносов, не сохранилось; по-видимому, оно осталось только в его черновых бумагах, может быть в том незаконченном виде, какой представляет печатаемый текст. Многие из этого текста Ломоносов использовал в своей работе 1758—1759 гг. по «исправлению штата и устава Академии Наук». Имеющиеся в «Мнении» приписки Ломоносова относятся к более позднему времени, вероятно, когда Ломоносов писал свою записку об исправлении регламента и штата.

Несмотря на то, что «Мнение» не было, по-видимому, закончено составлением и осталось в бумагах Ломоносова, оно представляет, несомненно, большой исторический интерес: в нем Ломоносов впервые заявил о необходимости пересмотра Академического регламента и штата 1747 г., отметив их многочисленные недостатки; среди них он указал и § 41 регламента 1747 г., в котором «положенных в подушный оклад в Университет принимать запрещается»: «Будто бы сорок алтын [сумма ежегодного подушного оклада] толь великая и казне тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобретение ученого природного россиянина, и лучше выписывать [ученых из-за границы]! Довольно бы и того выключения, чтоб не принимать детей холопских».

396

Печатается по копии, писанной рукой архивариуса И. И. Стаффенгагена на немецком языке (ААН, ф. 20, оп. 4, № 1).

Местонахождение подлинника не известно.

Немецкий текст впервые напечатан — Пекарский, II, стр. 582.

Русский перевод (неточный) впервые напечатан — Билярский, стр. 785—786.

О происхождении этой записки Ломоносова имеем известие в «Протоколах Конференции», т. II, стр. 329: 1 сентября 1755 г «советник Ломо-

носов явился в Академическое собрание и продиктовал архивариусу Стаффенгагену предложение Канцелярии АН. После того, как оно было подписано Ломоносовым, через архивариуса оно было передано в Канцелярию». В том же протоколе Конференции имеется следующая приписка конференц-секретаря Г.-Ф. Миллера: «Президент по этому случаю приказал: если академики пожелают что-либо предложить к исправлению штата Академии, чтобы они сообщали об этом ему лично, а не включали в протокол Академического собрания то, что собственно непосредственно не относится к развитию наук».

В журналах и протоколах Канцелярии АН за сентябрь 1755 г. нет известий о том, что эта записка была там доложена и по ней принято какое-то решение. Не указана она и в журнале входящих бумаг Канцелярии АН за сентябрь 1755 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 662). Упоминаемый Миллером ордер президента тоже не отыскан пока в делах Канцелярии АН; вероятно, это был не ордер, а словесное распоряжение.

Документ от 1 сентября 1755 г. имеет отношение к той борьбе, которую в феврале—марте 1755 г. Ломоносов вел в «чрезвычайных собраниях» Академии по вопросу «о исправлении академического штата» (документ 470, § 35 и примечания к нему). Как известно, в этих собраниях «ничего не было предложено» относительно этого исправления, и это, конечно, сильно волновало Ломоносова, который этой запиской и отозвался на создавшееся положение. Вопрос об «исправлении штата Академии» был поставлен, по словам Ломоносова (там же), позднее (ранее 1764 г.) на основании нового указа Сената, — Канцелярия АН отвечала тогда, что штат не подлежит исправлению, но Ломоносов под этим определением не подписался; соответствующая переписка по этому делу пока не отыскана в делах Канцелярии 1756—1763 гг.

¹ Протоколы Академического собрания, начиная с сентября 1755 г. стали подписываться только одним конференц-секретарем Миллером или лицами, его заменявшими, а с 1756 г. часто и никем не подписывались. Подписи Ломоносова под протоколами 1755 (с сентября), 1756 и следующих годов не встретилось.

Печатается по черновику, писанному писарской рукой, собственноручно исправленному, дополненному и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 255—259).

Впервые напечатано — ОР, кн. V, стр. 82—87

Это представление Ломоносова, сохранившееся только в черновике, было, несомненно, подано Ломоносовым президенту; следствием его является поручение ученых и учебных департаментов Академии (Академического и

Исторического собраний, Географического департамента, Университета и Гимназии) «в особое смотрение» Ломоносова (Билярский, стр. 367).

¹ Это представление Ломоносова пока не отыскано в делах Канцелярии; нет его и в бумагах Ломоносова.

² См. документ 429 и примечания к нему.

³ Вероятно, идет речь о столкновениях Миллера с Канцелярией в марте—апреле 1757 г. по поводу плана «Ежемесячных сочинений» и труда Г. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии» (документы 426 и 427).

⁴ Мерит — заслуга

398

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Ломоносовым, Штелином и Таубертом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 469, л. 28).

Публикуется впервые.

«Ежемесячные сочинения» с 1758 г. стали выходить под новым названием: «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие»; никакого «предызвещения» или «предисловия» к новому журналу не было, однако, напечатано. Вопрос о новом «тителе» и «предисловии» не обсуждался в Академическом собрании, если судить по протоколам этого собрания за февраль—март 1758 г., и, видимо, был разрешен конференц-секретарем Г.-Ф. Миллером единолично.

399

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 232, лл. 41—42).

Впервые напечатано — «Ученые записки имп Академии Наук по I и III отделениям», т. I, 1855, стр. XV—XVI.

На основании этого представления, поданного Ломоносовым в Канцелярию 4 мая 1758 г., 29 мая 1758 г. состоялось определение Канцелярии: «... в Академическое и Историческое собрания послать указ, дабы господа профессеры об издании тех ведомостей обще с ним, Ломоносовым, сделали план, который и подать в Канцелярию...» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 469, л. 155; Билярский, стр. 370—371). Указ Канцелярии был послан в два собрания (Академическое и Историческое) 3 июня 1758 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 232, л. 44) и 5 июня был заслушан в Академическом собрании. При этом профессеры, которые не знали русского языка, пожелали, чтобы указ был переведен на язык, им понятный. 15 июня указ в переводе на немецкий язык был вновь заслушан в Академическом собрании, и «было решено, чтобы кому угодно высказать свое мнение об этом деле подал его

в письменном виде» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 409, 410). О дальнейшей судьбе этого представления Ломоносова имеется известие в «Экстракте, учиненном в Канцелярии Академии Наук из поданных от г. коллежского советника Ломоносова представлений и из учиненных на то в Канцелярии определений» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 92—95); по поводу «исполнения» по представлению от 1 мая 1758 г. и «канцелярскому определению» от 29 мая 1758 г. в «Экстракте» записано: «Указ послан; что в Собрании академиков учинено, в Канцелярию не репортовано».

400

«Приступление», первая часть и первая глава второй части печатаются по собственноручному черновику Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 160—169 об.). Глава 2-я части II печатается частично по беловику, писанному писарской рукой с собственноручными поправками и дополнениями Ломоносова (там же, лл. 183—185 об.) с указанием в сносках вариантов по собственноручному черновику (лл. 170—177 об.), а частично по этому черновику; глава 3-я части II печатается по собственноручному черновику Ломоносова (там же, лл. 177 об.—179 об.); часть III печатается по беловику, писанному писарской рукой с исправлениями и дополнениями Ломоносова (там же, лл. 180—182 об.) с указанием в сносках отдельного варианта второй главы третьей части (там же, л. 142—142 об.); глава 3-я части III печатается по собственноручному черновику Ломоносова (там же, лл. 143—144 об.).

Впервые напечатано частично — ОР, кн. II, стр. 22—24 и Билярский, стр. 436—455; в полном виде публикуется впервые.

Записка не датирована, и время, к которому она относится, может быть установлено лишь по почерку Ломоносова, которым написан его собственноручный черновик, исправленный и дополненный другим почерком Ломоносова.

Время, к которому относится почерк Ломоносова в основном тексте черновика, устанавливается на основании упоминаний в тексте тех или иных хронологических данных или событий. Таких данных несколько: так, в самом начале (стр. 35), напомнив об «указе ее величества, данном из Правительствующего Сената о исправлении законов» (именно об указе 24 августа 1754 г.), Ломоносов писал: «Стоя за пользу и важность высокопомянутого указа, принужден я был претерпеть несправедное и несносное огорчение. . . Ныне в рассуждении Академии предприял я отдать отечеству последнюю должность». Речь идет тут о событиях марта 1755 г., когда при обсуждении в «чрезвычайном собрании» Академии вопроса о регламенте Академии Наук 1747 г. возник спор между Г. Н. Тепловым и Ломоносовым, из-за которого Ломоносов был исключен президентом из числа участников собрания, но вскоре, однако, был восстановлен в своих правах

Из текста документа очевидно, что упомянутое событие уже пережито Ломоносовым и «ныне» он о нем вспомнил только случайно. Определить более точно это «ныне», во всяком случае относящееся ко времени после марта 1755 г., позволяют другие факты, которые вспоминает Ломоносов в своей записке. В числе случаев неисполнения регламента 1747 г. Ломоносов отметил назначение в Канцелярию, кроме Шумахера и Теплова, «многих членов» (стр. 61), что, как известно, произошло в феврале 1757 г., когда президент назначил двух новых членов Канцелярии (Ломоносова и Тауберта). Таким образом, можно утверждать, что записку эту Ломоносов мог начать писать не ранее 1757 г., но, вероятнее всего, в 1758 г., так как упоминаемая в основном тексте (стр. 61) прибавка жалованья профессору А. Бургава в 500 руб. была сделана в первой половине 1758 г. после того, как он в течение 1754—1757 гг. почти не бывал в Академическом собрании, а в 1758 г. в первой половине не был ни разу, но, очевидно, до кончины Бургава 14 июля 1758 г.

Записка имеет много приписок, сделанных Ломоносовым, несомненно, после 1758 г. другим почерком, чем тот, которым написан основной текст.

Время, к которому относится этот второй почерк Ломоносова, может быть установлено на основании содержания этих дополнений и исправлений. Среди них наиболее показательны приписки, сделанные на л. 18, где слова «как ныне оба статские советника» (Шумахер и Теплов) написаны на полях другими чернилами вместо зачеркнутого «Шумахер бы тогда был статский, а Теплов коллежский советник». Теплов получил чин статского советника 24 декабря 1758 г.; сенатский указ об этом от 12 января 1759 г. был получен в Канцелярии АН 13 января 1759 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 965, л. 5); значит, указанное исправление текста не могло быть сделано ранее этой даты. Ко времени после января 1759 г. относятся и все прочие исправления и дополнения, сделанные этим почерком Ломоносова.

Труд Ломоносова, начинающийся «Приступлением», однороден по содержанию со «Всенижайшим мнением» 1755 г. (документ 395), которое и вошло в него во многих местах слово в слово, в других с поправками, исключениями и многими дополнениями. Что во «Всенижайшем мнении» после вступления высказано кратко, в виде семи тезисов, то в первых двух главах этой статьи (ч. I, гл. 1 — «О причинах худого состояния Академии прежде нового стата») изложено подробно. Затем со 2-й главы части II — «Рассуждение о академическом регламенте и стате» — начинается повторение главы 2-й «Мнения» 1755 г. с поправками и дополнениями. Часть третья — «О исправлении Академии Наук», — возможно, и была в записке 1755 г., но в настоящее время в бумагах Ломоносова не отыскана.

В главе 1-й части I и в главе 1-й части II Ломоносов привел много фактов из истории Академии Наук периода до 1747 г., когда был утвержден регламент и штат Академии. Большинство этих фактов Ломоносов

вспомнил в 1764 г. в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (документ 470), в примечаниях к которой даны исчерпывающие комментарии к этим фактам.

«Рассуждение о Академическом регламенте и статье», которое составляет главу 2-ю части II записки 1758—1759 гг., является, как уже отмечено, переработкой соответствующей части «Мнения» Ломоносова 1755 г. (документ 395); оно заключает критический разбор регламента и штата 1747 г на основании тех семи общих положений («оснований»), которые кратко были намечены Ломоносовым еще в записке 1755 г. По мнению Ломоносова, «сочинитель академического стата и регламента» Г. Н. Теплов «не имел пред собою» этих «необходимо нужных оснований», из-за чего и произошли те недостатки регламента и штата, которые отмечаются Ломоносовым в заключительной части главы 2-й.

Среди параграфов регламента 1747 г., против которых возражал Ломоносов, особенно примечательны его возражения против § 41, который запрещал лицам, положенным в подушный оклад, «учиться в Академии». По этому поводу Ломоносов писал уже в записке 1755 г., но аргументация Ломоносова теперь, в 1758—1759 гг., другая, весьма отличная от той, которую он приводил в 1755 г.: если тогда речь шла вообще о людях, положенных в подушный оклад, то теперь Ломоносов предлагает различать среди них «хороших людей посадских», «которые имеют такой достаток, что на своем коште детей своих в науку отдать могут», и в отношении именно этой категории подушных — «хороших людей посадских» — он и высказывает горячо за необходимость принимать их учиться в Академии.

В главе 3-й части II этой записки Ломоносов рассуждает «О неисполнении по новому регламенту и о неправильном употреблении последнего пункта» регламента 1747 г., т. е. § 64 («Ежели сверх того, что в сем регламенте написано, президент, смотря по обстоятельствам, за благо рассудит в распорядках, до произведения наук и художеств касающихся, нечто прибавить или переменить, из чего может быть настоящая и очевидная польза. то сие ему позволяется, токмо чтоб без важных причин никаких отмен против сего регламента учинено не было и притом крайне того наблюдать. дабы ежегодные расходы положенной на содержание Академии Наук и Художеств суммы отнюд не превосходили»). В главе 3-й приводятся также много фактов из истории Академии периода 1747—1758 гг., которые отчасти прокомментированы в последующих примечаниях.

Часть III записки «О исправлении Академии Наук», состоящая из трех глав, где в главе 2-й Ломоносов говорит о новом штате Академии и в главе 3-й о новом регламенте Академии, которые должны прийти на смену регламента и штата 1747 г., носит первоначальный характер, и была разработана Ломоносовым более подробно в трудах 1762—1764 гг. (документы 407—411)

Работа над запиской 1758—1759 гг. Ломоносовым, по-видимому, не была закончена, и она сохранилась только в черновых бумагах Ломоносова.

¹ Имеется в виду указ Сената от 23 августа 1754 г. и «рассмотрение Академического регламента», происходившее в «экстраординарных собраниях» Академии в феврале—марте 1755 г.

Печатный экземпляр указа Сената от 23 августа 1754 г. «О сочинении по судебным местам проектов Уложения по плану прилагаемому и о представлении таковых же проектов из коллегий с их мнением и планами на рассмотрение Сената» с приложением «Плана к сочинению нового уложения» получен в Академии Наук 24 августа 1754 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 959, лл. 177—184; указ напечатан в ПСЗ под № 10283). Во втором пункте этого указа говорится: «О делах же прочих коллегий Канцелярии сочинять о разных материях пункты, касающиеся до тех коллегий . . . по Академии Наук — материям ассессору Тауберту».

² «Самозванный сочинитель» — Г. Н. Теплов, автор регламента 1747 г.

³ Ломоносов имеет здесь в виду свое исключение из числа членов «экстраординарных собраний» АН, происшедшее в начале марта 1755 г. и свое восстановление в том же положении 29 марта 1755 г. (документ 470, § 35 и примечания к нему).

⁴ См. документ 470, § 3 и примечания к нему.

⁵ См. документ 470, §§ 11, 13 и 14 и примечания к ним.

⁶ См. документ 470, § 12 и примечания к нему.

⁷ Посылка И. И. Тауберта за границу относится к 1748—1749 гг. (Пекарский, I, стр. 647—650) О посылке за границу профессора А. Каау-Бургава см. документ 470, § 36 и примечания к нему.

⁸ Адъюнкты Академии в 1725—1759 гг., которые «за морем обучались», — это Г.-Ф. Миллер (с 1725 г.), И. Вейтбрехт (с 1725 г.), Л. Эйлер (с 1727 г.), Г.-В. Крафт (с 1727 г.), И.-Г. Гмелин (с 1727 г.), Х.-Н. Винштейм (с 1731 г.), Г.-Ф.-В. Юнкер (с 1731 г.), А.-Б. Крамер (с 1732 г.), И.-Э. Фишер (с 1732 г.), Я. Я. Штелин (с 1735 г.), Ф. Мула (с 1736 г.), И.-Х. Вильде (с 1736 г.), Х.-Э. Геллерт (с 1736 г.), Г. Мерлинг (с 1736 г.), Ф. Мигинд (с 1736 г.), Г. В. Стеллер (с 1737 г.), И.-Ф. Брэме (с 1737 г.), Х. Крузиус (с 1740 г.), Г.-В. Рихман (с 1740 г.), М. Клейнфельд (с 1748 г.), К.-Ф. Модерах (с 1749 г.); значит, их было не девять, а 21. Возможно, что Ломоносов имеет в виду только тех адъюнктов, которые оставались адъюнктами все годы их работы в Академии — это А. Крамер, Ф. Мула, Х. Геллерт, Г. Мерлинг, Ф. Мигинд, Г. Стеллер, И. Брэме и М. Клейнфельд — всего восемь человек. Из числа обучавшихся, по словам Ломоносова, «здесь» адъюнкт А. Д. Красильников был крупным ученым астрономом, произведшим много астрономических наблюдений в 30—50-х годах; И. Ф. Трускот состоял адъюнктом Географического департамента и за долгие годы службы в Академии (1739—

1785) выполнил много научных работ по картографии и географии России; адъюнктом Иосиф Шестаковский «капитанского рангу» занимался в Академии преимущественно переводами; в частности, им переведен 2-й том «Новых комментариев»; им составлено также описание анеометра, изобретенного Ломоносовым («Новые комментарии», т. II, стр. 17—18). Кроме упомянутых трех лиц, в числе адъюнктов Академии, не ставших позднее профессорами, были В. Е. Адодуров (с 1733), И. И. Тауберт (с 1738), Г. Н. Теплов (с 1742) и М. Софронов (с 1753).

⁹ О положении Университета и Гимназии Ломоносов говорит в прошедшем времени; это место записки исправлено (настоящее время глаголов заменено прошедшим). несомненно, в 1760 г., после того как Университет и Гимназия были переданы в исключительное руководство Ломоносова.

¹⁰ О комиссии 1754 г. см примечания к § 34 документа 470 и документ 394. Упоминаемое в зачеркнутом тексте, в сноске «с», «рассуждение» Ломоносова на проект секретаря П. И. Ханина не сохранилось.

¹¹ См. на стр. 36 сноску а, а также документ 470, § 1 и примечания к нему

¹² См. документ 470, §§ 3—7, 9, 10 и 19 и примечания к ним.

¹³ Об учении и содержании российских молодых людей см. примечания к документу 470, §§ 13, 16 и 17

¹⁴ «Зять его, имения и дел и чуть не Академии наследник» — это И. И. Тауберт, который с марта 1757 г. тоже был членом Академической канцелярии. «Недавно», вероятно, относится к концу 1757 г., когда в октябре—декабре 1757 г. в Академическом собрании происходили экзамены академических студентов (Биллярский, стр. 364).

¹⁵ «Сочинитель академического стата и регламента» — Г. Н. Теплов

¹⁶ См. вводную часть примечаний к публикуемому документу.

¹⁷ Профессор астрономии Х.-Н. Винсгейм (1735—1751) был составителем карт, вошедших в «Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг» (1737), руководителем работ по составлению «Атласа Российского» 1745 г. и редактором карт, вошедших в этот атлас, автором краткой политической географии, сочиненной для объяснения атласа 1737 г. (издана в 1745 г.), и нескольких научных и научно-популярных статей по астрономии, географии, истории мореплавания, напечатанных в «Примечаниях к СПб. ведомостям» 1734—1742 гг., в «Комментариях» и «Новых комментариях» Академии Наук.

¹⁸ Ларион Калининлович Россохин — переводчик с китайского и маньчжурского языков, выполнивший в годы службы в Академии Наук много переводов (список их см. в биографии Л. К. Россохина в «Советском Востоковедении», т. III, 1945, стр. 225—241)

¹⁹ «Его наследник» — И. И. Тауберт.

²⁰ Упомянутые здесь «пункты» — это соответствующие параграфы регламента 1747 г. «Штат... Академии Наук и Художеств с показанием, до которого числа нижепоименованным чинам, смотря по их искусству и достоинству, жалование производить позволяется», не был своевременно опубликован; он содержался в секрете, и из него была известна лишь та «табель штата» (список должностей без указания их жалования), на которую ссылается Ломоносов.

²¹ Здесь имеется в виду § 16 регламента: «Академик всякий должен в том только трудиться для общества, что к его науке принадлежит, так, как, например, ботаник не должен вступаться в математические дела, анатомик в астрономические и прочее».

²² Эти приложения не сохранились.

²³ См. выше, во вводной части настоящих примечаний (стр. 614), текст «последнего», 64-го, параграфа.

²⁴ См. предыдущее примечание.

²⁵ Упомянутые здесь параграфы регламента предписывали президенту сочинить регламент Университета и инструкции для Типографии и Книжной лавки.

²⁶ Регламент Адмиралтейства предписывал последнему отчитываться в приходе и расходе денежных сумм перед Ревизион-конторой.

²⁷ См. примечание 23.

²⁸ См. документ 470, §§ 34 и 44, письмо 13; т. IX, документ 286 и примечания к ним.

²⁹ Новые члены Академической канцелярии Ломоносов и Тауберт назначены президентом К. Г. Разумовским 13 февраля 1757 г. (в журнале Канцелярии это распоряжение президента записано под 1 марта 1757 г.; см. документ 495), а Штелин — 12 апреля того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 468, л. 147).

³⁰ Определением Канцелярии от 18 июня 1750 г. профессор И.-А. Браун был «уволен» от «хождения в Академическое собрание и полуженных на него астрономических дел» (Материалы, т. X, стр. 438—439). Указ об этом, подписанный Г. Н. Тепловым, был оглашен в Академическом собрании 22 июня 1750 г. (Протоколы Конференции, т. II, стр. 234). Между тем, Браун просил всего лишь о том, чтобы ему дан был один свободный день в неделю «для отправления собственных его нужд» (ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, л. 200 об., Протоколы Конференции, т. II, стр. 229). После 22 июня 1750 г. Браун в течение трех с лишним лет почти никогда не участвовал в заседаниях Академического собрания. С октября 1753 г. Браун стал изредка посещать заседания, но все же пропустил большинство их: так, в 1756 г. он не присутствовал на 15 заседаниях, в 1757 — на 10, в 1758 — на 6, в 1759 — на 14 заседаниях, в 1760 — на 9 заседаниях; в 1761 г., в первой половине года, Браун не пропустил ни одного заседания

³¹ В 1749—1750 гг. профессор анатомии и физиологии Авраам Каау-Бургав посещал заседания Академического собрания с большими перерывами; с конца февраля 1751 г. и до конца 1753 г. Бургав не был ни разу. Между тем, ордером президента от 19 апреля 1753 г. годовой оклад Бургава был увеличен с 1000 р. до 1500 р. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 278). В 1754—1757 гг. Бургав присутствовал ежегодно на 2—3 заседаниях, в 1758 г., в первой половине года, не был ни на одном заседании, а 14 июля 1758 г. скончался.

³² Секретарями Конференции с 1742 г. были профессора: Х.-Н. Винсгейм (1742—1746), Ф.-Г. Штрубе-де-Пирмонт (1746—1749), вновь Винсгейм (1749—1751), в январе—феврале 1751 г. ввиду болезни Винсгейма обязанности секретаря исполнял профессор Г.-В. Рихман, А.-Н. Гришов (1751—1754), Г.-Ф. Миллер (1754—1765).

³³ См. документ 470, §§ 31 и 32 и примечания к ним.

³⁴ О каком определении Канцелярии или президента идет тут речь, установить не удалось. Прибавка жалованья Миллеру относится, по-видимому, к февралю 1754 г., когда Миллер был назначен конференц-секретарем и годовой его оклад был повышен с 1000 до 1500 р. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 465, л. 162 об.). «Должность российского географа», о которой здесь говорится, — вероятно, должность российского историографа (звание, которое Миллер получил еще в 1747 г.). 23 октября 1760 г. Миллеру было прибавлено еще 200 р. в год за редактирование «Ежемесячных сочинений» (там же, № 471, л. 247; ср. примечания к письму 72).

³⁵ «Вскренившийся злодей» — Г. Н. Теплов.

³⁶ Имеется в виду сенатский указ от 23 августа 1754 г. (см. примечание 1).

³⁷ Имеется в виду исключение Ломоносова из числа участников «чрезвычайных собраний» Академии в марте 1755 г., о чем см. в этом же томе. документ 470, § 35 и примечания к нему.

³⁸ В несколько иных выражениях Ломоносов высказал ту же мысль в 1761 г.: «Секретарь Конференции в тех академиях надобен, где нет Канцелярии, а у нас он совсем излишен» (документ 405).

³⁹ В 1754 г., по представлению гр. П. И. Шувалова, учреждена была при Сенате для пересмотра действующих законов и составления нового уложения особая комиссия из восьми членов, в числе которых находился и профессор юриспруденции и политики Ф.-Г. Штрубе-де-Пирмонт. При сенатском указе от 23 августа 1754 г. был опубликован «План к сочинению нового уложения» (ПСЗ, 10283) План этот был сочинен профессором Штрубе вместе с вице-президентом Юстиц-коллегии Ф. Эмме на основании составленного Штрубе «Краткого руководства к российским правам» (Печкарский, I, стр. 683—684).

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 139—140).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 920—922.

Датируется предположительно: подобное же расписание, но без назначения жалованья имеется в записке Ломоносова о необходимости преобразования Академии Наук, относящейся к 1758—1759 гг. (документ 400).

Часть штата Академии Наук, относящаяся к Университету и Гимназии, в рукописи Ломоносова оказалась зачеркнутой и в конце штатов Университета и Гимназии сделана Ломоносовым приписка: «Есть особый штат», т. е. был составлен особый штат этих учреждений; приписка, несомненно, относится к 1760 г., когда Ломоносов составил новые штаты Университета и Гимназии (т. IX наст. изд., документ 323). Составление нового штата Академии Наук не было, по-видимому, закончено Ломоносовым в 1758—1759 гг.; в сохранившейся рукописи нет штата Академии Художеств, о которой говорится в записке 1758—1759 гг. (документ 400, гл. 3).

Позднее, в 1764 г., Ломоносов разрабатывал новый штат Академии Наук, но он исходил тогда из оснований, весьма отличных от тех, которые положены были им в основу проекта штата 1758—1759 гг. (например, в отношении «классов» наук Академического собрания, должности конференц-секретаря, «департаментов» Академии, Канцелярии и др.).

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 33), с указанием в сносках вариантов по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 21, лл. 1—2).

Публикуется впервые

¹ В доношении от 30 марта 1758 г. конференц-секретарь Академии Г.-Ф. Миллер поставил вопрос о принятии П. И. Рычкова в почетные члены Академии. По словам Миллера, президент сначала обещал утвердить Рычкова почетным членом, но когда стали говорить, что «примера еще такого нет», чтобы в почетные члены Академии избирались русские, и что «надлежит прежде почтить сим званием некоторых из первейших господ здешних», утверждение Рычкова почетным членом задержалось. В ноябре 1758 г. Миллер повторил свое представление президенту об избрании Рычкова в почетные члены.

² Доклад Канцелярии президенту от 20 ноября 1758 г.

³ Представление Канцелярии от 21 января 1759 г. было утверждено президентом, по-видимому, в тот же день (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 35). О решении президента об учреждении в Академии класса академических

корреспондентов на приведенных в представлении основаниях Ломоносов сообщал уже в заседании Академического собрания 25 января 1759 г. (Протоколы Конференции, т. II, стр. 420). В этот день Канцелярия получила обратно утвержденное президентом представление от 21 января 1759 г., а 28 января 1759 г. Канцелярия направила указ «об учреждении класса академических корреспондентов» (за подписями всех четырех членов Канцелярии) в Академическое и Историческое собрания. Указ был заслушан в Академическом собрании 29 января 1759 г. (Протоколы Конференции, т. II, стр. 420). — Диплом П. И. Рычкову на звание академического корреспондента за подписями К. Г. Разумовского и Г.-Ф. Миллера был выдан только 18 августа 1759 г. (ААН, ф. 141, оп. 1, № 1); этот диплом в переводе на русский язык напечатан в «Русском архиве» 1905 г. (кн. III, стр. 314—315).

403

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 245, л. 157) с указанием в сносках вариантов по черновику, писанному писарской рукой с собственноручными поправками Ломоносова (там же, ф. 20, оп. 1, № 1, л. 295).

Впервые напечатано по черновику — ОР, кн. II, стр. 65—66; по подлиннику — Ученые записки имп. Академии Наук по I и III отделениям, т. I, СПб., 1853, стр. XVII—XVIII.

Это представление Ломоносова было заслушано в Академической канцелярии в тот же день, 15 июля 1759 г. (см. документ 404 и примечания к нему).

404

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым и Таубертом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 529, л. 209).

Публикуется впервые.

¹ В справке, составленной Канцелярией АН в конце 1761 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 265, лл. 26—29) по поводу всех предложений, внесенных Ломоносовым в Канцелярию, начиная с 1757 г., о постановлении Канцелярии от 15 июля 1759 г. («Учинить проект о новостях, подлежащих внесению во внутренние Российские ведомости») отмечено: «До кого одного проекта сочинение надлежит, в резолюции не изъяснено, и дальнего ничего не происходило» (Билярский, стр. 393).

405

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 5—6).

Впервые напечатано — ОР, кн. II, стр. 20—22.

Датируется предположительно на основании тесной связи этого документа с документом 453 и с письмом 72.

См. примечания к указанным документам. Надо думать, что, как и указанные документы, записка была направлена Г. Н. Теплову и через него президенту.

¹ Это предложение Ломоносова было осуществлено в 1761 г. 6 марта 1761 г. С. К. Котельников был предложен Ломоносовым в качестве инспектора Гимназии (т. IX наст. изд., документ 335). Предложение Ломоносова было представлено президенту 19 марта, и 28 июня 1761 г. президент согласился определить Котельникова «до времени» инспектором Гимназии (там же, документ 343).

² В отношении Университета и Гимназии это было сделано 31 мая 1761 г. (т. IX наст. изд., документ 341).

³ О ненужности конференц-секретаря в Академии Ломоносов говорил и ранее (документ 400 и примечание 38 к нему).

⁴ Шиканы — каверзы.

406

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 264, л. 146).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 540—541.

День написания устанавливается на основании имеющейся на подлиннике канцелярской пометы «Сентября 21 1761 г. записав доложить».

Предложение Ломоносова было доложено в Академической канцелярии 21 сентября 1761 г., и Канцелярия определила: «...о том обождать до прибытия... президента, а по прибытии его сиятельству доложить» (ААН, ф. 3, оп. 3, № 531, л. 237—237 об.; Билярский, стр. 541). Никаких известий о последующем ходе этого дела не отыскано.

407

Печатается по черновику, писанному писарской рукой с многочисленными поправками, замечаниями и дополнениями Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 310—316).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 929—932.

Датируется предположительно; проект регламента Академии Наук, лишь частично сохранившийся в бумагах Ломоносова (неполная IV глава II главы V, VI и VII — главы «О Академическом собрании», как они названы в записке 1758—1759 гг.), был написан Ломоносовым, несомненно, ранее 4 марта 1764 г. (дата ордера президента Ломоносову и Тауберту «учинить проект» регламента Академии Наук — Билярский, стр. 637), но

«не в давние годы», потому что в нем (в гл. VI, § 1) второе публичное собрание Академии назначается на 1 июля, «после... праздника восшествия ея и. в. на всероссийский престол», а этот «праздник» был установлен только в конце июня 1762 г. В проекте в гл. V, в §§ 1—4, «науки академические» разделялись на три класса: математический, физический и философический; такое разделение отличалось и от проектированного Ломоносовым в записках 1755 г. и 1758—1759 гг. (документы 395 и 400) и от позднейшего — в проекте регламента 1764 г. в §§ 6—8 (документ 410). Против некоторых параграфов глав VI и VII проекта рукою Ломоносова на полях рукописи поставлены кресты — это те параграфы, которые имеются и в проекте регламента 1764 г., в более распространенной редакции. Некоторые отметки Ломоносова в рукописи этого проекта (например §§ 21 и 23 гл. IV) сделаны им тогда, когда в 1764 г. он сочинял проект привилегии Академии Наук; тогда же были зачеркнуты им §§ 2—4 главы V, как не соответствовавшие тому разделению наук по «классам» Академии, которое предлагал Ломоносов в 1764 г. Принимая во внимание все отмеченные подробности, проект следует относить ко времени июль 1762 г.—1764 г. не позднее марта 4.

¹ Приписка на полях против §§ 5 и 6 не имеет отношения к данному месту проекта. «О штрафах» Ломоносов, может быть, говорил в других главах этого проекта. О них он не говорит, однако, в проекте регламента 1764 г. Говоря об «описании Миллер[овых] и Т[аубертовых] поступков», Ломоносов имеет в виду свою записку «Для известия о нынешних академических обстоятельствах» (документ 453).

408

Печатается по собственноручному черновику, написанному на латинском языке (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 292—307, 361).

Латинский текст впервые напечатан — Пекарский, II, стр. 932—942, 946. Русский перевод публикуется впервые.

Датируется предположительно. 21 мая 1764 г. в Академической канцелярии был получен ордер президента К. Г. Разумовского о составлении нового штата и устава Академии Наук, а 10 сентября 1764 г. Ломоносов представил президенту свой проект «штата» Академии Наук (ААН, ф. 3, оп. 1, № 475, л. 131; № 534, лл. 126 об., 193 об.).

4 марта 1764 г. президент Академии К. Г. Разумовский «усмотрел из представленного... в... Канцелярию Академии Наук... списка всем состоящим при оной Академии чинам и служителям многие несходства с апробованным штатом», которые, как он признал, «произзошли от невозможности, чтобы все учредить и содержать точно на таком основании, как в том апро-

бованном регламенте положено. К тому же и самые опыты показали, что разные в регламенте предписанные распорядки не соответствуют ожидаемой от оных пользе». На основании этого президент приказал: «... присутствующим в... Канцелярии статским советникам Тауберту и Ломоносову обще, или, если не согласятся, то порознь, приглася каждому к себе из гг. профессоров кого пожелают, учинить проекты, во-первых, на каком основании Академическому ученому корпусу по нынешнему состоянию и впредь быть должно, а потом и прочим департаментам порознь, токмо бы располагаемая сумма не превосходила апробованного штата, — и по сочинении представить мне» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 475, л. 131; Билярский, стр. 637).

Этот ордер президента был получен в Канцелярии АН только 21 мая 1764 г., о чем сделана на нем отметка. В тот же день состоялось определение Канцелярии: «О исполнении по тому ордеру сообщить гг. статским советникам [Тауберту и Ломоносову] с одного ордера копии» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 534, л. 126 об.; Билярский, стр. 637).

Во исполнение ордера президента Ломоносов написал прежде всего «*Idea status et legum Academiae Petropolitanae*» («Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии» — документ 408). По написании, вероятно, еще в июне 1764 г., до наступления летних вакаций, «*Idea status et legum*» была сообщена Ломоносовым профессорам И.-А. Брауну, С. К. Котельникову и И.-Э. Фишеру; в § 5, в п. 2 имеется отметка Ломоносова, что указанным лицам Наес (т. е. изложенное в продолжении п. 2, позднее зачеркнутое Ломоносовым) *superflua videntur* (Это представляется излишним). Фишер, кроме того, написал свои замечания на отдельном листе, а в конце своих замечаний Фишер приписал: «*Consignata haec sunt praesente et adstipulante clarissimo viro Kotelnikovio*» («Это написано в присутствии и с согласия достопочтенного г. Котельникова»). Ломоносов с своей стороны приписал к ним свои ответы (документ 409).

Ломоносов принял во внимание замечания Фишера и других и внес некоторые изменения в свою записку (ср. в документе 409 замечания Фишера к § 1 № 5, § 2 № 2, § 5 № 2, § 6 и зачеркнутое Ломоносовым в тексте этих же параграфов). Таким образом, публикуемый текст записки представляет собой уже исправленную Ломоносовым редакцию ее.

Но, по-видимому, существовала и еще одна ее редакция, которая до нас не дошла в целом виде и от которой имеем лишь современный подлиннику русский перевод незначительной части — начальной части § 6 (стр. 99—100, со строки 3 снизу на стр. 99, от слова *perspicendi* примерно до строки 18 сверху на стр. 100 до слова *venditando* включительно — ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 277, левый русский столбец).

Совершенно очевидно, что переводчик имел дело не с нашей, а с какой-то другой латинской рукописью публикуемой записки. Это дока-

зывается тем, 1) что зачеркнутый Ломоносовым текст (сноска а на стр. 100) частично переведен, а частично не переведен: переведен только первый абзац со слов: «Nihil autem» до слов «infensi, injurii», а два других абзаца не переведены; следует отметить, что переведенный абзац является, по-видимому, позднейшей припиской Ломоносова, так как написан на полях, а непереведенные абзацы входили в начальный текст; но зачеркнуты Ломоносовым все три абзаца; 2) что заключительная фраза русского перевода («ибо они, ходя ко двору и в знатные дома, что тень наук вместо их самих показывали и дарили») передает лишь весьма сокращенно соответствующую фразу латинского текста.

«Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии» состоят из одиннадцати параграфов (по ошибке § 11 помечен 10-ым) и особого приложения к последнему параграфу, помеченного Ломоносовым знаком NB и состоящего из пяти пунктов.

В п. 5 приложения Ломоносов писал: «Устав Академии не может быть написан раньше, чем будет одобрен ее штат, что ожидается». Эта заметка в п. 5 дает основание утверждать, что устав или регламент АН (документ 410) Ломоносов сочинял после того, как его записка («Idea status») получила известное одобрение со стороны президента АН. Впрочем, формального одобрения, по-видимому, не было ни 10 сентября 1764 г., когда Ломоносов представил президенту свой проект нового штата Академии, ни позднее. В журнале Канцелярии 1764 г. сентября 10 было записано: «Его высокографское сиятельство Академии Наук г. президент, будучи в присутствии [Канцелярии], по представлению г. статского советника Ломоносова и приложенного при том [т. е. при представлении Ломоносова, которое теперь также не отыскивается], сочиненного им же, г. статским советником, вновь Академическому корпусу штата приказал: как оный, так же бы г. статский советник Тауберт своего сочинения штат предложили в предбудущем собрании» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 534, стр. 406; Билярский, стр. 602). Ни в одном из «предбудущих собраний» Канцелярии в сентябре—декабре 1764 г. вопросом о новом штате президент и советники Канцелярии Ломоносов и Тауберт не занимались. Неизвестно также, сочинил ли Тауберт свой штат Академии и представил ли его президенту.

Несомненно лишь одно, что Ломоносов и Тауберт сочиняли отдельно свои проекты штата и регламента АН: Ломоносов сочинил проект регламента раньше Тауберта, и он был готов у него к началу марта 1765 г. (документы 410—412 и приложения к ним). Что же касается Тауберта, то проект нового регламента и штата АН был представлен им Екатерине II уже после смерти Ломоносова, в мае 1765 г. (ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XVII, № 24; ГПБ, архив Я Я Штелина, № 121; ср. Билярский, стр. 790—791).

¹ Т. е. с положением, изложенным в п. 2 § 1.

² Т. е. положение, изложенное в п. 4 § 1.

³ Ср. документ 393.

⁴ Т. е. ораторской прозе и поэзии.

⁵ Должности вице-президента в Академии в 1764 г. не было, а жалованье 1875 р. было установлено императрицей в декабре 1763 г. Ломоносову при производстве его в статские советники (Билиарский, стр. 628).

⁶ Это ссылка на университетский устав, составленный Ломоносовым в 1759 г. и до нас не дошедший. Сохранился лишь конспект этого устава (т. IX наст. изд., документ 314). Этим «уставом» не может быть «определение и стат университету и гимназии» 1760 г. февраля 14 (там же, документ 323). В этом «определении и стате» 1760 г. имеется ректор (президент АН) и проректор, однако последнего в штате 1764 г. не намечено.

409

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 308).

Латинский текст впервые напечатан — Пекарский, II, стр. 942—944. Русский перевод публикуется впервые.

Датируется предположительно по соображениям, высказанным в примечаниях к документу 408.

¹ См. документ 408, § 1, № 5. В ответе Ломоносова имеется указание, что статья о наказаниях войдет в академический устав: это служит еще одним доказательством, что «академический устав» был написан позднее, чем «Idea status».

² См. документ 408, § 2, № 2.

³ См. документ 408, § 5, № 2.

⁴ См. документ 408, § 6. «Пункт 2» не отмечен в том черновике «Idea status», по которому издается этот труд Ломоносова.

⁵ См. документ 408, § 6. Пункты 3, 4, 5 не были отмечены в том черновике «Idea status», по которому издается этот труд Ломоносова.

⁶ См. документ 408, «таблицу» при § 10.

⁷ См. документ 408, конец «таблицы» при § 10.

410

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Билиарский, стр. 652—669.

Датируется предположительно. Ломоносов начал писать новый «Регламент Санктпетербургской имп. Академии Наук» после 10 сентября 1764 г.,

когда были представлены им «Предположения об устройстве и уставе Академии Наук» (документ 408); он закончил его не позднее марта 1765 г., когда стало известно, что президент АН уезжает за границу.

«Регламент Санктпетербургской императорской Академии Наук» несомненно составлялся после того, как был представлен Ломоносовым новый «штат» Академии, т. е. после 10 сентября 1764 г. Об этом свидетельствует прежде всего последняя фраза «Предположений» (документ 408): «Устав Академии не может быть создан раньше, чем будет одобрен ее штат, что ожидается», а затем ссылки в двух местах «Регламента» на «штат» или «новый штат» (в гл. III, § 37: «Почетные члены жалованные и безжалованные, также и корреспонденты должны быть избраны общим Академическим собранием по баллотированию и, как в штате показано, из разных народов», о чем действительно говорится в § 7 «Предположений», и в гл. IV, § 58 «ибо она [Академическая типография] по положенному новому статусу хотя совсем от Академии отделяется», о чем говорится в п. 2 § 5 и в п. 3 § 3 «Предположений».

Составленный Ломоносовым «Регламент» дошел до нас не в целом виде: имеем только часть 1 (главы 1—5, §§ 1—40, 42—62, 73—82), посвященную «Собранию Академии Наук». Между тем, Академическое собрание по «Предположениям» (§ 2) лишь одна из частей Академии, а о других ее частях (Университете, Гимназии, Библиотеке, Кунсткамере, Географическом департаменте, Механической лаборатории) Ломоносов должен был говорить в частях 2-й и следующих своего проекта «Регламента».

Были ли, однако, написаны Ломоносовым какие-нибудь другие части «Регламента», кроме первой, известий пока не имеем. Может быть, они и были написаны, так как в других документах того же времени, например в проекте указа об утверждении нового устава и штата Академии Наук и др. (документы 411 и 412), когда идет речь о новом регламенте Академии, то упоминаются все те «ученые корпуса Академии», о которых говорит Ломоносов в своем проекте штата Академии.

Но и в том незаконченном виде, в котором дошел до нас регламент АН, сочиненный Ломоносовым в 1764—1765 гг., он представляет большой научный интерес. Статьи его, посвященные «Собранию Академии Наук», заключают прежде всего в себе много совершенно новых и вполне оригинальных мыслей Ломоносова по вопросам науки и ее организации в нашей Академии в 60-х годах XVIII в.; такой характер носят, например, §§ 5—10, 23—36, где даны интересные определения задач отдельных наук и представляющих их ученых, «членов Академического собрания», главное достоинство которых состоит в должном знании «не только своей науки, которой он профессор, но и других сродных с его профессией наук, состоящих в том же классе». Когда Ломоносов писал § 5, то, несомненно, имел в виду то определение задач Академии, которое дано было в регламенте 1747 г. (§ 16 —

«Академик всякий должен в том только трудиться для общества, что к его науке принадлежит, так, как, например, ботаник не должен вступаться в математические дела, анатомик в астрономические и прочая») и против которого Ломоносов горячо возражал в своих записках 1755 и 1758—1759 гг. (документы 395 и 400). Характерен для Ломоносова и § 13 проекта о том, что «по доброму примеру Парижской академии, где все академики — природные французы», все академики и адъюнкты нашей Академии должны быть «природными» русскими, а пока же это невозможно исполнить по отсутствию должного числа русских людей, следует «выписывать в обыкновенные и экстраординарные члены из других земель со всякою предосторожностью». В п. 2 § 14 Ломоносов имел в виду, несомненно, недавний случай с А.-Л. Шлёцером, который, по мнению Ломоносова, приехал в Россию не по ученым, «а по другим нуждам» и при приеме которого в академическую службу не были соблюдены «особливые предосторожности» (о борьбе Ломоносова по делу Шлёцера см. т. IX наст. изд., документы 268—273, 275—282). Предложенный Ломоносовым в § 15 способ баллотирования в академики следует признать оригинальным, но на практике он не получил, однако, применения. В § 22 Ломоносов высказывает общую мысль о том, что все академики и адъюнкты своими трудами и поведением должны «везде наблюдать обще честь Академии. . . а паче славу и пользу отечества и высочайший интерес е. и. в.», — другими словами, интересы государственной пользы должны прежде всего руководить работой ученых людей Академии. При определении «должности и труда» отдельных академиков (§§ 23—36), сделанном Ломоносовым с исчерпывающей полнотой, заслуживают внимания те определения, которые сделаны им в связи с его собственными работами в Академии. Таков прежде всего § 25, где речь идет о должности географа, § 26, где Ломоносов говорит о необходимости посылки каждые двадцать лет географических экспедиций; в § 26 сформулированы кратко и те требования, которые Ломоносов пытался осуществить в 1759—1764 гг. (см. т. IX наст. изд., документы 111—198). Столь же характерны для Ломоносова и определения задач, которые он ставит перед историографом (§ 33). Как в этом параграфе, так и в § 62 рассеяны в тексте регламента намеки на историографа и конференц-секретаря Г.-Ф. Миллера: в конце § 33 Ломоносов пишет: «Для исполнения должности [историографа] надлежит дать ему позволение входить в государственные архивы. . . только смотреть прилежно, 1) чтобы он был человек надежный и верный. . .»; на основании этого пункта и двух других легко понять, что Ломоносов имеет в виду здесь Г.-Ф. Миллера, которого он считал человеком «ненадежным, неверным, сообщавшим за границу непозволенные известия», «склонным в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию». В § 62 Ломоносов определяет обязанности секретаря Конференции (необходимость этой должности при наличии Канцелярии АН

Ломоносов в записках 1758—1764 гг. отрицал) и здесь опять-таки призывает главных командиров Академии (президента и вице-президента) «наблюдать», строго смотреть, чтобы «онный секретарь, переписываясь с иностранными учеными собраниями и членами именем Академии, ничего бы не сообщал, не требовал и не обещал им и действительно не пересылал чего из Академии без общего согласия от всего собрания...». О сношениях конференц-секретаря Миллера с иностранными учеными собраниями и членами и о характере этих сношений много примеров приводится в IX и X томах настоящего издания (документы 226, 232, 275, 415—423, 453, 470, примечания к документу 227, письмо 72 и др.). Совершенно очевидно, что в § 62 Ломоносов имел в виду именно Миллера, который допускал в своей деятельности то самое, что запрещалось этим параграфом.

Регламент Академии, составленный Ломоносовым в 1764—1765 гг., по-видимому, остался неизвестен академикам 70-х годов XVIII в., которые составляли проекты новых регламентов Петербургской Академии Наук: ни в проекте устава и привилегий АН 1774 г., подписанном гр. В. Г. Орловым и академиками С. К. Котельниковым, С. Я. Румовским, К.-Ф. Вольфом, Э. Лаксманом, А. П. Протасовым, Л. Ю. Крафтом и А.-И. Лекселем, ни в проекте устава, составленном Я. Я. Штелином, нет каких-либо следов влияния на эти уставы ломоносовского регламента АН.

411

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 284—290).

Впервые напечатано — ОР, кн. V, стр. 5—12.

Датируется предположительно по времени написания Ломоносовым проекта нового регламента Академии Наук (см. документ 410 и примечания к нему).

Проект привилегии Академии Наук, составленный Ломоносовым, — третий документ из числа относящихся к задуманной им реформе Академии Наук. Как и предшествующий документ (проект регламента), он сохранился только в бумагах Ломоносова и не получил никакого практического осуществления. Он представляет несомненный исторический интерес: так, в § 3 говорится об отпуске сумм, ассигнуемых государством Академии Наук в первую очередь, «прежде других команд». Ломоносов предлагал изжить то печальное явление в истории нашей Академии, которое весьма препятствовало ее работе и которому Ломоносов посвятил много внимания в своей «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (документ 470, § 70 и примечания к нему).

В § 5 говорится о пожаловании Академии Наук особой мызы со всеми землями и угодьями, где бы академики могли пользоваться летним отдыхом

и вместе с тем производить там физические наблюдения, составлять экономические примечания и устраивать опыты. Примечателен для своего времени § 8 этого проекта: на основании его «разночинцам», окончившим успешно Академический университет, предоставляется право на чины наравне с дворянами, которые не учились в этом университете, и др.

412

Печатается по черновику, писанному писарской рукой с собственноручными поправками и дополнениями Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 280—282; начало собственноручного черновика там же, л. 279—279 об.).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 671—673.

Из текста проекта указа видно, что он являлся заключительным в ряду других документов того же порядка, сочиненных Ломоносовым в 1764—1765 гг. В указе 1) намечен тот же состав Академии — Академическое собрание, Университет, Гимназия, Библиотека, Кунсткамера «и с другими до наук надлежащими департаментами, как то в статье академическом явствует», 2) «Департамент художеств» присоединен к Академии Художеств, 3) Академическая типография и «Книжный торг» выделены в «особый корпус», к которому присоединены «Ведомственная экспедиция и Грыдоровальная палата», 4) Канцелярия АН упразднена.

Преобразование Академии, которое проектировал Ломоносов, не было осуществлено при его жизни. Проекты нового штата, регламента, привилегии и «объявительного указа» о них сохранились только в его бумагах и, по-видимому, остались неизвестны современникам. Они представляют несомненный исторический интерес, являясь показателем того, как представлял себе реформу Академии крупнейший представитель ее, Ломоносов, положивший много трудов и усилий на то, чтобы вывести Академию из того состояния, в котором она оказалась в 50—60 гг. XVIII в.

АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАБОТА
В АКАДЕМИИ НАУК

413

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 794, л. 332).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 336—337.

Датируется предположительно по постановлению Следственной комиссии от 24 февраля 1743 г. об истребовании от Ломоносова сведений о действиях Шумахера и по канцелярской помете о поступлении публикуемого документа в названную комиссию 1 марта 1743 г.

Жалобы на Шумахера, вызвавшие в 1742 г. назначение над ним следствия, сводились главным образом к обвинению его в том, что он сознательно тормозил просветительную и педагогическую деятельность Академии Наук. Жалобщики указывали, что научные труды академиков на русский язык не переводятся, что единственной попыткой познакомить с их содержанием русских людей было издание в 1728 г. по-русски «Краткого описания Комментариев Академии Наук», где полные переводы научных статей были заменены в подавляющем большинстве случаев краткими извлечениями из них, что предисловие к этому изданию содержало неуважительный отзыв о русских переводчиках, что этих переводчиков, «совершеннолетних мужей», «Петра Великого питомцев», Шумахер «употреблял, аки своих холопей», а «при публичных собраниях, в конференциях места им и стулов не давали» (что зависело от Шумахера) и оттого они «всегда стаивали у дверей», что Шумахер не разрешал им выступать на публичных собраниях Академии, где они могли бы с успехом переводить на русский язык произносимые академиками ученые речи, а заодно оглашать и свои собственные научные «предложения», что Библиотека не пополняется произведениями русской письменности, что «младых людей учат медленно и неправильно» и что университета при Академии, в сущности, еще нет (ААН, ф. 3, оп. 1, № 794, лл. 249 об.—253, 281). Про адъюнкта истории И.-Ф. Брема жалобщики говорили, что прямых своих обязанностей он не исполняет, а работает только в Библиотеке, где он не нужен при наличии там двух штатных работников (Пекарский, I, 586).

Для проверки всех этих показаний и объяснений Шумахера Следственная комиссия постановила 24 февраля 1743 г. «взять справки» от разных лиц, в том числе и от Ломоносова (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2324, лл. 65 об.—66 об.).

Публикуемое «известие» Ломоносова точно воспроизводит текст вопросов, обращенных к нему Следственной комиссией и дает исчерпывающие ясные и правдивые ответы на них. Под предисловием Комментариев Ломоносов и тут повторяет формулировку комиссии) следует понимать предисловие к «Краткому описанию Комментариев Академии Наук» (перепечатку его см.: Неуструев, стр. 9—11).

Не воспроизведен в «известии» только один вопрос комиссии, сформулированный в ее постановлении так: «Есть ли Университет и честные и славные науки происходят ли и процветают ли?» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2324, л. 66 об.). На этот вопрос Ломоносов не дает и ответа. Текст запроса Следственной комиссии на имя Ломоносова не найден. Не исключена возможность, что при составлении этого запроса пункт об Университете был (ненамеренно или намеренно) пропущен.

Для правильной оценки публикуемого документа следует учесть, что адъюнкты В. Е. Адодуров и Г. Н. Теплов, которым были заданы те же,

что и Ломоносову, вопросы, ответили на них иначе, чем он, проявив явное стремление обелить Шумахера и очернить его обвинителей (ААН, ф. 3, оп. 1, № 794, лл. 325—329 и 330—331).

414

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 109, лл. 1—2).

Впервые напечатано — Модзалевский, стр. 314—317.

«Никогда г. советник Шумахер так самовластно не поступал, как с того времени, когда бывшая над ним Следственная комиссия в его пользу решена была», — так, совершенно справедливо было охарактеризовано всеми профессорами положение создавшееся в Академии Наук к половине 1745 г. (Пекарский, I, стр. 46). Поведение Шумахера вызывало бесчисленные столкновения его с профессорами. В течение второй половины 1745 г. ими было подано несколько жалоб на Шумахера в Сенат; первая из них датирована 17 июля 1745 г. (см. Материалы, VII, стр. 468—469, 480—485, 490—491, 503—510, 540—546, 548—555, 634—647, 676—678, 697—700, 718—735); некоторые были подписаны и Ломоносовым (см. Модзалевский, стр. 103—105, №№ 243, 246—248). В ряде этих жалоб Шумахеру ставились, между прочим, в вину, с одной стороны, систематическая «недача жалованья», которая довела многих академических служащих до «крайнего убожества и разорения», а с другой стороны — отсутствие при Академии «довольного числа студентов», особенно же русских.

Вскоре после состоявшегося 21 мая 1746 г. назначения К. Г. Разумовского президентом Академии Сенат при указе от 16 июня того же года передал все жалобы профессоров на его рассмотрение (Материалы, VIII, стр. 129—135). Разумовский не торопился с их разрешением, а Шумахер тем временем, сблизившись с Г. Н. Тепловым, успел обеспечить более чем благополучный для себя исход дела. По существу жалоб были запрошены объяснения от Шумахера (там же, стр. 146—147), а 24 февраля 1747 г. всем профессорам-жалобщикам было предложено письменно сообщить президенту. «имеют ли из оных кто к помянутым поданным от них доношениям еще какие доказательства и утверждаются ль на прежних своих доносах или нет?» (там же, стр. 387). Ответом на это предложение и явился публикуемый репорт Ломоносова.

При оценке этого документа необходимо учесть следующее: в момент его подачи всем профессорам, в том числе и Ломоносову, было хорошо известно, что дело по их жалобам приняло весьма неблагоприятный и даже опасный для них оборот. Профессоры, предвидя месть со стороны Шумахера, спешили так или иначе обезопасить себя: одни, как, например, В. К. Тредиаковский, прямо отступались от прежних своих жалоб и заявляли, что «всеконечно уничтожают» свою подпись под поданными в Сенат доношениями (ААН,

ф. 3, оп. 12, № 44, л. 104 об.), другие, как П.-Л. Леруа, ссылались на свою недостаточную осведомленность об академических порядках (там же, л. 105), третьи, как Х.-Н. Винсгейм, пытались отговориться тем, что по должности не могли не присоединить своей подписи к другим (там же, л. 108).

Публикуемый репорт Ломоносова хоть и написан с несвойственной ему сдержанностью, однако же резко отличается от репортов других профессоров своей определенностью, твердостью и безоговорочной прямоотой. Множество мелких фактов, приведенных в жалобах, Ломоносов свел к двум, но таким, которые, с одной стороны, были совершенно бесспорны, а с другой стороны, являлись наиболее вопиющими.

Дело, как и предвидели профессора, окончилось для них плачевно: Разумовский определением от 27 июля 1748 г. признал, что Шумахер не только «винным не оказался», но достоин «высочайшей милости» (Материалы, IX, стр. 329). Эта «милость» не заставила себя долго ждать: не прошло и двух месяцев, как оклад жалованья Шумахера был увеличен в полтора раза (там же, стр. 393). В июле 1747 г. был утвержден новый регламент Академии Наук, который, по справедливому замечанию одного из ее историков, «весь, от первого до последнего параграфа, написан к поддержанию неограниченной власти президента и Академической канцелярии, а стало быть к конечному подчинению им академиком и всей их деятельности» (Пекарский, I, стр. 49). Кроме того, относительно профессоров, писавших жалобы в Сенат, было приказано «о всем их непорядке учинить в собрании выговор и притом накрепчайше подтвердить, чтоб они все свои прежние затеи отложили и впредь не в справедливость отнюдь не вступали» (Материалы, IX, стр. 327).

415

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Тепловым, Штелином, Винсгеймом, Штрубе-де-Пирмонтом Третьяковским и Ломоносовым (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 15).

Публикуется впервые.

Советскими географами и историками уже не раз говорено о том, что деятельность Ж.-Н. Делиля в России не ограничивалась одной только наукой (см., например: В. Кордт, Материалы до історії картографії України. Київ, 1931, стр. 20—22; Д. М. Лебедев. География в России Петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 254—256; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950, стр. 200—207), основным же источником сведений по этому вопросу является французская биография Делиля, написанная А. Инаром на основании тщательно им изученных архивных материалов и выпущенная в свет в Париже в 1915 г. (Albert Isnard. Joseph-Nicolas Delisle, sa biographie et

sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale. Comité des travaux historiques et scientifiques. Bulletin de la Section de Géographie, t. XXX, année 1915, Paris. — Альбер Инар. Жозеф-Никола Делиль, его жизнеописание и его собрание географических карт в Национальной библиотеке. Комитет исторических и научных работ, Известия Географического отделения, т. XXX, год 1915, Париж, стр. 34—164).

Опубликованные в этой книге данные позволяют установить следующее. Крупный французский астроном Жозеф-Никола Делиль, приглашенный в 1725 г. в Петербургскую Академию Наук, вскоре после своего приезда в Россию изъявил желание заниматься, помимо астрономии, также и вопросами географии. Выступая с таким заявлением, Делиль выполнял задание французского правительства, которое, отпуская его в Россию, вменило ему в непрременную обязанность заниматься географическими работами, «из которых Франция могла бы извлечь пользу» (Isnard, стр. 44). Русские власти, ничего об этом не зная и не подозревая, пошли навстречу желанию Делиля: ему поручили составление генеральной карты и атласа Российской империи и предоставили возможность пользоваться ценнейшими картографическими материалами. Получая русские географические карты якобы для их исправления и составления генеральной карты России, Делиль спешно снимал с них копии, которые отправлял во Францию. «С первых лет своего пребывания в России, — пишет Инар, — Делиль был всецело поглощен доставкой во Францию переписанных и исправленных им карт» (там же, стр. 56). В августе 1731 г. Делиль послал целый ящик карт. Официальным адресатом был управляющий французским почтовым ведомством, истинным же получателем являлся французский морской министр, граф Морепа (там же). В марте 1743 г. Делиль переслал секретным образом тому же министру «три больших пакета русских карт и рукописей, касающихся России», и в том же году продал Людовику XV 190 русских географических карт (там же, стр. 56—57). Благодаря Делилию французское королевское правительство получило богатую коллекцию ценнейших в стратегическом отношении русских карт. Это были карты побережий Финского залива, Балтийского, Черного, Белого, Каспийского морей, планы морских портов и крепостей, в том числе Петербурга, Кронштадта, Шлиссельбурга, Нарвы, Ревеля, Риги, Архангельска, Астрахани и др., карты границ Русского государства с Польшей, Швецией, Турцией, Китаем и т. п.

Несмотря на то, что при пересылке карт во Францию Делиль принимал все меры предосторожности, в Петербурге стали ходить упорные слухи об этой темной стороне его деятельности. В 1742 г. Шумахер обвинял Делиля в том, что он тайно пересылает во Францию секретные материалы Второй Камчатской экспедиции (Материалы, т. V, стр. 313—315). Однако прямых улик против Делиля не было, и он продолжал по-прежнему работать в Академии Наук. Хоть к Географическому департаменту он и не имел

больше прямого касательства, однако же не переставал, по словам Инара, «собирать о Российской империи всякого рода сведения, могущие снабдить Францию ценными указаниями» (Isnard, стр. 63).

В мае 1747 г. Делиль навсегда покинул пределы России, получив звание почетного члена Академии Наук и пенсию в размере 200 руб. в год с обязательством, «будучи в отечестве своем... академические дела управлять» (Пекарский, I, стр. 139; подробнее см. т. X наст. изд., документ 470, § 2[†] и примечания к нему). Но когда в следующем, 1748, году Академия Наук обратилась к Делилю с просьбой дать разъяснения по некоторым научным вопросам, он в весьма резкой форме отказался выполнить эту просьбу, заявив, что «не желает иметь никакой переписки, ни каких бы то ни было сношений с Академией» (ААН, ф. 1, оп. 3, № 37, л. 192). Вслед за тем русским академикам и профессорам было категорически воспрещено иметь какое-либо общение с Делилем, а почетным членам и академическим корреспондентам было подробно разъяснено циркулярным письмом, «коим образом он, Делиль, весьма несправедливо и безответно с президентом поступил», и что поэтому Академии Наук «весьма приятно будет, когда они с частореченным Делилем никакого сообщения иметь не будут». Русскому посольству во Франции было предложено добиться, во-первых, возврата всех географических и исторических материалов, вывезенных Делилем из России, и, во-вторых, запрещения ему печатать что-либо о России без ведома Петербургской Академии Наук. Самого же Делиля предложено было исключить из числа почетных членов Петербургской Академии и лишить назначенной ему при отъезде из России пенсии (Материалы, т. IX, стр. 275—276).

Одновременно с этим 25 июня 1748 г. было издано распоряжение, которым строжайше запрещалось академикам, профессорам и всем академическим служащим сообщать «об академических обстоятельствах и делах, касающихся до наук или художеств, которые в конференциях или в других академических департаментах происходят», «а особливо всем и каждому повелевается, чтобы с Иосифом Делилем, бывшим профессором, для некоторых причин и его нечестных поступок, никакого сообщения и переписки не иметь, ниже ему или его сообщникам ни прямо, ни посторонним образом ничего о академических делах ни под каким видом не сообщать, напротив того, ежели у кого имеется его, Делиля, касающиеся письма, чертежи, ландкарты и прочее, то б оное всё принести немедленно в Канцелярию под штрафом за неисполнение, а хотя у кого и ничего нет, однако б ото всех поданы были о том в Канцелярию репорты или подписки своеручные» (ААН, ф. 21, оп. 1, № 18, л. 31).

Во исполнение этого распоряжения Миллер, как и прочие академики, подал в Академическую канцелярию доношение (от 4 июля 1748 г.), где сообщал, что переписывался с Делилем, получил от него два письма, на

которые и ответил, однако писем Делиля «у себя не оставил, не рассуждая о них, чтоб тому достойны были». Миллер сообщал, что Делиль просил в этих письмах переслать ему оставленные им у Миллера документы, касающиеся Академии Наук. Про эти документы Миллер говорил в своем дознании, что они «прежних времен», а «для нынешнего времени весьма не важного содержания», но что тем не менее он, Миллер, этих документов Делилю не послал (там же, л. 32).

Спустя некоторое время, видимо, в сентябре 1748 г., одно из упомянутых Миллером писем Делиля, отправленное последним из Риги 30 мая 1747 г., стало каким-то образом известно Академической канцелярии. В этом письме Делиль писал Миллеру: «С того времени, как я имел счастье в последний раз говорить с вами при прощании, переменял я мое намерение, касающееся до манускриптов, которые вначале я вам вручил. Мне показалось полезнее употребление из оного сделать вне государства. Того ради, сыскав способ положить оные в безопасных руках, принимаю теперь смелость просить вас, чтобы вы вручителю сего письма пожаловали отдали всю оную связку, которая у вас в руках, связав снурками и запечатав. Она будет соединена со всеми другими и служить будет к нашему предприятию, о котором мы довольно согласились» (там же, ф. 21, оп. 6, № 4).

Из этого письма следовало, таким образом, что у Миллера с Делилем существовало тайное соглашение относительно какого-то совместного предприятия, связанного с хранившимися у Миллера материалами Делиля, и что в своем недавнем дознании на имя Академической канцелярии Миллер это скрыл. Если учесть ходившие в городе слухи о шпионской деятельности Делиля (основательность этих слухов теперь доказана) и если принять во внимание, что 1748 год был годом разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией, то станет понятна та тревога, которую возбудил этот эпизод.

18 октября 1748 г. состоялось определение Академической канцелярии за подписью президента Академии Наук Разумовского о назначении «в Канцелярию для заседания» по делу о переписке Миллера с Делилем академиком Штелина, Винсгейма, Штрубе, Тредиаковского и Ломоносова, «которым присутствовать по сему делу в Канцелярии с другими Канцелярии Академической членами: советником Шумахером и г. ассессором Тепловым». В присутствии «сего полного собрания» было предписано учинить Миллеру допрос (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 1).

На другой день, 19 октября, Канцелярия в этом временно расширенном составе приступила к следствию. В ходе следствия едва ли не наиболее деятельная роль принадлежала Ломоносову. Нет сомнения, что он принимал ближайшее участие и в составлении тех документов, которые отражали отдельные этапы следствия.

Весьма примечательно, что все подлинные документы Академической канцелярии по этому делу, которые должны были бы оставаться на хранении в ее архиве, обнаружены не там, а в личном архиве Миллера.

¹ Имеется в виду упомянутое выше (стр. 635) определение Академической канцелярии от 18 октября 1748 г., подписанное К. Г. Разумовским.

416

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Тепловым, Штелином, Винсгеймом, Штрубе-де-Пирмонтом, ТрEDIAковским и Ломоносовым (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 13).

Публикуется впервые.

О том, что отвечал Миллер и как вел себя на допросе, см. документ 423. В дополнение к устным ответам Миллер представил в тот же день и письменное объяснение, содержание которого изложено вкратце в документе 423. В сохранившихся делах это объяснение Миллера не отыскано.

В тот же день, 19 октября, был произведен обыск у Миллера, сопровождавшийся выемкой обнаруженных у него документов.

417

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному ТрEDIAковским и Ломоносовым (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 17).

Публикуется впервые.

Судя по дате публикуемого репорта, обыск на квартире у Миллера затнулся до позднего вечера, а то и до ночи. О характере и содержании изъятых материалов см. документы 418 и 423.

418

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Тепловым, Штелином, Винсгеймом, ТрEDIAковским и Ломоносовым (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 19).

Публикуется впервые.

Судя по дате документа 419, разбор материалов Миллера, изъятых при обыске, продолжался около недели — с 21 по 27 октября 1748 г. включительно.

¹ Под «вышеписанным собранием» следует понимать Академическую канцелярию в том временно расширенном ее составе, который был установлен определением от 18 октября 1748 г. (см. примечания к документу 415).

419

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Тепловым, Штелином, Винсгеймом, Штрубе-де-Пирмонтом, ТрEDIAковским и Ломоносовым (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 41).

Публикуется впервые.

Упомянутые в публикуемом документе «партикулярные письма» Миллера к Теплову сохранились (ААН, ф. 21, оп. 1, № 18, лл. 60—71; оп. 6, № 4, лл. 27—40 об.).

Кроме этих писем, Миллером было подано 21 октября 1748 г. в Канцелярию второе письменное объяснение, содержание которого изложено вкратце в документе 423 (подлинник сохранился: ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, лл. 23—26 об.).

Во исполнение публикуемого определения Миллер подал еще и третье объяснение, написанное, согласно требованию Канцелярии, по-русски (там же, л. 42).

420

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Тепловым, Штелином, Винсгеймом, Штрубе-де-Пирмонтом, Тредиаковским и Ломоносовым (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 47).

Публикуется впервые.

«Письменные мнения» были поданы всеми участниками следствия (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, лл. 49—64). Пространнее других высказались Теплов (лл. 51—56) и Шумахер (лл. 49—50), причем в мнениях того и другого ясно обозначалось стремление направить следствие по определенному пути: задачей тайного соглашения Делиля с Миллером было, на их взгляд, опубликование за границей сведений, позорящих Петербургскую Академию Наук. Вопросы о пересылке Делилем во Францию русских географических карт Теплов и Шумахер не касались.

421

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 57).

Впервые напечатано — Модзалевский, стр. 317.

Датируется предположительно по содержанию документов 420 и 422.

Публикуемое «мнение» Ломоносова совпадало по существу с мнениями всех прочих участников следствия по делу Миллера, отличаясь от их записок лишь большей краткостью.

422

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Тепловым, Штелином, Винсгеймом, Штрубе-де-Пирмонтом, Тредиаковским и Ломоносовым (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 69).

Публикуется впервые.

Мысль, выраженная в публикуемом определении, совпадает с мыслью Ломоносова (см. документ 421).

423

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Шумахером, Тепловым, Штелином, Винсгеймом, Штрубе-де-Пирмонтом и Тредиаковским (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, лл. 85—90) с указанием в сносах вариантов по черновику, писанному писарской рукой и правленному рукой Ломоносова (там же, лл. 71—78).

Публикуется впервые.

День написания устанавливается предположительно по дате ответного ордера президента Академии от 19 ноября 1748 г. (Материалы, т. IX, стр. 556—557).

Судя по одной из помарок в черновике (см. сноску на стр. 180), публикуемый текст был составлен первоначально не в форме репорта, а в виде «экстракта» из следственного дела, что и соответствовало определению Канцелярии от 31 октября 1748 г. (документ 422).

Это определение дает полное основание полагать, что составителем настоящего текста был Ломоносов, который выступал, однако, в этом случае не в качестве самостоятельного автора, выражающего свое личное мнение, а лишь в качестве секретаря, которому было поручено «соединить в одно общее мнение» высказывания всех участников следствия.

Ответом на публикуемый репорт явился ордер президента Академии от 19 ноября 1748 г. Признавая, что Миллер «не оправдался» и «в том же подозрении себя оставил», Разумовский ограничился, однако, только тем, что обещал учинить Миллеру «пристойный выговор». Выразив надежду, что «Миллер придет в чувство и свои худые намерения отменит», президент разрешил ему «быть по-прежнему у своего дела» и «пользоваться всеми манускриптами из архива, которые ему понадобятся» (Материалы, т. IX, стр. 556—557).

Неизвестно, кто повлиял в данном случае на Разумовского: в сохранившихся документах нет на этот счет никаких прямых указаний. Из письма Шумахера к Тауберту от 6 ноября 1748 г. можно заключить, что инициатором следствия был сам Разумовский и что назначение следствия было для Шумахера неожиданностью. Миллер, по его словам, «отвечал плохо», и Шумахера это, видимо, тревожило, как смущало его и то, что «репорты по этому делу идут прямо к г. президенту», минуя его руки (Пекарский, I, стр. 350). Что же касается решения, принятого Разумовским по этому делу, то Ломоносов писал впоследствии, что «по негодованиям и просьбам Миллеровых при дворе приятелей дело без дальностей оставлено» (документ 470, § 31).

¹ Дальнейшее перечисление фактов, свидетельствующих о недовольстве Миллера и Делиля «академическим правлением», является почти дословным повторением того, что писал в своем «мнении» Шумахер (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, лл. 49—50).

² Под «всегдашними ссорами с президентами Академии» следует разуметь, во-первых, конфликт академиков с Блюментростом в 1732 г. (Пекарский, I, стр. 12—13), во-вторых, столкновение Делиля с Корфом в 1739 г. (там же, стр. 131—132, 528) и, в-третьих, пререкания Миллера с тем же Корфом из-за денежных расчетов по заграничной командировке Миллера (там же, стр. 317).

³ В 1741 г. Делиль просил Кабинет сосредоточить заведование всеми географическими делами в руках одного лица, подчиненного непосредственно Кабинету (там же, стр. 133), а в 1744 г. Миллер возбуждал вопрос об учреждении Исторического департамента, который формально был бы связан с Академией, но фактически был бы от нее независим, так как местопребыванием его должна была быть, по мысли Миллера, Москва (там же, стр. 338—342).

⁴ В конце того письма к Миллеру, которое дало повод к следствию, Делиль назвал «Академический корпус» «фантастическим» («corps phantastique»), что вызвало много пересудов и было признано особенно оскорбительным для чести Академии. «Делиль, — писал по этому поводу Теплов, — корпус Санктпетербургской Академии почитает за фантастический, т. е. мнимый и недостойный того почтения, какое о нем ученые люди в свете имеют» (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 52).

⁵ Эта цифра заимствована из письменного «мнения» Теплова, поданного во время следствия по делу Миллера (ААН, ф. 21, оп. 6, № 4, л. 51 об.).

⁶ «Миллер отдал себя России в вечное подданство» 29 января 1748 г.: в этот день он принес присягу (Пекарский, I, стр. 346).

Печатается по подлиннику, писанному рукой И.-Л. Стафенгагена и подписанному Ф.-Г. Штрубе-де-Пирмонтом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 86—86 об.) с указанием в сносках вариантов по черновику, писанному рукой Стафенгагена с собственноручной поправкой Ломоносова (там же, ф. 20, оп. 3, № 82, лл. 1—2)

Публикуется впервые.

В январе 1749 г. конференц-секретарь Штрубе-де-Пирмонт получил из Академической канцелярии несколько указов, предлагавших академикам выполнять те довольно разнообразные обязанности, какие возлагал на них утвержденный в 1747 г. Академический регламент. Указы были подписаны Шумахером и посылались во исполнение вынесенных им же единолично кан-

целярских определений (ААН, ф. 3, оп. 1, № 458, лл. 1, 8—10). Так, в определении от 12 января 1749 г. Шумахер, ссылаясь на § 24 регламента, требовал, чтобы академики подали в Канцелярию «примечания» о прочитанных ими новых научных трудах, «а какие гг. академикам на нынешний 1749 год потребны из Библиотеки или из Книжной лавки для чтения книги, о том собрать от них реестры и подать в Канцелярию» (там же, л. 9).

Академики нашли, что на это предложение следует ответить так: «В минувшем году никаких новых книг по их наукам в Библиотеку, насколько им известно, не поступало и в Книжной лавке налицо не было; в видах выполнения данного указа все считают желательным, чтобы о наличии в академической Книжной лавке вновь выпущенных за границей книг академики ставились в известность, чтобы в будущем книги выписывались без промедления и чтобы каталог их сообщался академикам» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 190).

В протокол Академического собрания эта формула была внесена, как всегда, по-латыни, в репорте же на имя Канцелярии ее нужно было передать по-русски. Эта последняя задача, как видим из сноски на стр. 189 настоящего тома, оказалась не по силам сочинявшему репорт, юному еще в то время канцеляристу И.-Л. Стафенгагену. На помощь пришел Ломоносов: зачеркнув конец репорта, Ломоносов заменил его своим вариантом, написанным на полях.

В ответ на этот репорт Шумахер послал 27 января 1749 г. новый указ, предлагавший академикам, «дабы каждый из них подал в Канцелярию реестр книгам, какие кто в „Лейпцигских ученых ведомостях“, в „Геттингских“, в „Гамбургских свободных рассуждениях“ и в „Гамбургском корреспонденте“ в 1746, 1747 и 1748 годах к своей науке за потребные признает и почитает, после чего в Книжной лавке велено будет немедленно оные на первых кораблях сего лета из-за моря выписать» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 88). Академики обещали подать требуемые реестры (там же, л. 89), но таких индивидуальных реестров в сохранившихся делах не обнаружено. В июле того же 1749 г. члены Академического и Исторического собраний подали в Канцелярию, по новому ее требованию (там же, № 458, л. 202), весьма обстоятельные сводные «Реестры ученым и политическим журналам и ведомостям», которые следовало бы выписать из-за границы для этих собраний (там же, № 129, лл. 304—307), но Г. Н. Теплов, находившийся тогда вместе с К. Г. Разумовским в Москве, сообщил Шумахеру, что требования академиков чрезмерны и, ссылаясь на финансовые соображения, предложил эти требования «таким образом в умеренность привести», чтобы общая стоимость выписываемых журналов не превышала 100 рублей в год (там же, л. 301), что Шумахер и принял к исполнению (там же, л. 308).

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 196—197).

Впервые напечатано — ОР, V, стр. 31—33.

Датируется предположительно. Пункт 26 настоящих заметок, написанный в прошедшем времени, заставляет думать, что заметки в этой их части составлялись после смерти С. П. Крашенинникова, т. е. не ранее 25 февраля 1755 г., а из пункта 22 явствует, что они писались до назначения Ломоносова членом Академической канцелярии, т. е. не позднее 13 февраля 1757 г.

Публикуемые заметки написаны на двух листках бумаги неодинакового качества и притом разными чернилами, из чего следует, что они писались в несколько приемов.

Судя по тому, что п. 8 этих заметок написан во втором лице, можно думать, что Ломоносов намеревался использовать содержащийся в них фактический материал в документе, адресованном какому-то высокопоставленному лицу.

Нет сомнения, что Ломоносов возвращался к этим заметкам не раз. Некоторую их часть (пункты 2, 28—35) он использовал в записке 1758—1759 гг. о необходимости преобразования Академии Наук (документ 400). Весьма вероятно, что Ломоносов заглядывал в эти заметки и в то время, когда писал известное письмо Г. Н. Теплову от 30 января 1761 г. (письмо 72). И, наконец, совершенно бесспорно, что эти же заметки лежали у Ломоносова перед глазами, когда он осенью 1764 г. составлял «Краткую историю о поведении Академической канцелярии» (документ 470).

Пункт 1 имеет в виду происходившее в 1748—1749 гг. рассмотрение составленного Г.-Ф. Миллером проекта регламента Академического университета. Проект обсуждался в Историческом собрании при участии Ломоносова, однако президентом утвержден не был (подробнее см. письмо 13 и т. IX наст. изд., документ 286).

В п. 2 говорится о состоявшемся в 1730 г. присвоении профессорского звания Г.-Ф. Миллеру (Пекарский, I, стр. 312—313; подробнее см. документ 470, § 5).

В п. 3 говорится о происшедшем 5 декабря 1747 г. пожаре, серьезно повредившем здание Библиотеки и Кунсткамеры. А. К. Нартов упомянул в этом пункте, очевидно, в связи с тем, что его показания о том, где начался пожар, разошлись с показаниями Академической канцелярии (Материалы, т. VIII, стр. 640; подробнее см. документ 470, § 23).

Упомянутая в п. 4 комиссия была образована по ордеру президента от 26 февраля 1754 г. для упорядочения штата академических учреждений и искоренения академических не порядков (ААН, ф. 3, оп. 1, № 465,

лл. 85—86). В ней, кроме Ломоносова, участвовали Г.-Ф. Миллер Я. Я. Штелин и И.-Д. Шумахер. Ни к каким серьезным принципиальным решениям она не пришла (подробнее см. документ 470, § 33).

Говоря в том же пункте о своем письме к президенту, Ломоносов имеет в виду, очевидно, то не дошедшее до нас письмо, где, как видно из письма Ломоносова к И. И. Шувалову от 1 ноября 1753 г. (письмо 37), шла речь о необходимости пресечь вмешательство Академической канцелярии в «ученые дела».

В п. 5 Ломоносов вспоминает о жалобах профессоров на Шумахера, поданных ими в Сенат в 1745 г. и переданных Сенатом на рассмотрение К. Г. Разумовского (подробнее см. документы 414 и 470, § 19). Слова «двор дан ордером» следует понимать, очевидно, в том смысле, что в 1748 г. ордером президента Шумахеру был предоставлен для жительства один из купленных Академией домов (Материалы, т. IX, стр. 393).

Пункт 6 посвящен К. Г. Разумовскому. Назначенный гетманом в 1750 г., он в начале лета 1751 г. уехал на Украину, откуда в ноябре 1752 г. выехал в Москву и весной 1754 г. вернулся из Москвы в Петербург (Васильчиков, т. I, стр. 147—148, 164 и 182). Упоминание о «трех человеках», представленных Разумовским «в присутствии» после возвращения в Петербург, несколько загадочно. Вероятнее всего, что речь идет о трех молодых украинских дворянах А. Лобысевиче, С. Дзевовиче (в более поздних документах он писался Дзевовичем) и Ф. Козельском. Первые двое просили в 1754 г. о приеме их в Академический университет (Протоколы Конференции, т. II, стр. 298, 308 и 317—318; ААН, ф. 1, оп. 2-1754, №№ 3, 6 и 10). Третий, Ф. Козельский, просившийся тоже в Университет, был принят в 1755 г. в Академическую гимназию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 198, л. 2), переведен затем в студенты, а в 1758 г. уволен, так как было «усмотрено, что он к продолжению наук дальней охоты не имеет» (там же, № 469, л. 162). Известно, что А. Лобысевичу (свойственнику Г. Н. Теплова) и С. Дзевовичу К. Г. Разумовский покровительствовал (см. письмо 72 и т. IX наст. изд., документ 329). Известно также, что они были уволены из Академии Ломоносовым и что с его же ведома и согласия уволен был и Федор Козельский, однако, кого из трех он называл «бессовестным», кого «шалуном» и кого «невежей», установить едва ли возможно.

В п. 7 говорится опять о К. Г. Разумовском, который в 1754—1755 гг. не присутствовал ни разу ни в Академическом собрании, ни в заседаниях Академической канцелярии. Говоря о том, что «с приезде граф был в Академии только однажды», Ломоносов имеет в виду, очевидно, участие К. Г. Разумовского в одном из торжественных публичных собраний Академии Наук

Под «ежемесячными листами», упомянутыми в пункте 9, Ломоносов разумеет академический журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который начал выходить с января 1755 г. под редакцией Г.-Ф. Миллера (см. Протоколы Конференции, т. II, стр. 320).

Пункт 10 направлен тоже против К. Г. Разумовского, так как репорт императрице об академическом пожаре (Материалы, т. VIII, стр. 631—634) был подписан только им, хоть составлял его, разумеется, и не он. В этом репорте Готторпский глобус отнесен к числу сгоревшего имущества, однако же оговорено, что так как он «сделан из меди, то в нем внутри железная машина осталась цела» и что его ремонт обойдется недорого (там же, стр. 633). Ломоносов же утверждал, что от глобуса «в целости ничего не осталось, кроме старой его двери, коя лежала внизу в погребе» (документ 470, § 23). Из сообщений А. К. Нартова и мастера Б. Скотта видно, что утверждение Ломоносова было несравненно ближе к истине, чем сообщение Разумовского: глобус пришлось делать заново (см. Материалы, т. IX, стр. 206—207, 258—260 и др.).

Упомянутая в п. 11 просьба академиков «о рангах», т. е. о присвоении должности академика одного из четырнадцати «классов», предусмотренных «Табелью о рангах», была возбуждена в 1748 г. при ближайшем участии Ломоносова, но Академическая канцелярия не дала хода этой просьбе (Материалы, т. IX, стр. 393—394; подробнее см. письмо 12).

Пункты 12, 18 и 21 тесно между собой связаны и относятся к одному и тому же эпизоду, а именно к поездке Ломоносова в Москву в феврале 1753 г. Так как Шумахер отказался предоставить Ломоносову отпуск, то Ломоносов обратился в Сенатскую контору, которая и выдала Ломоносову соответствующее разрешение (ААН, ф. 3, оп. 1, № 958, лл. 19—20). Академическая администрация не решилась наложить на Ломоносова взыскание за отлучку без ее дозволения, но в Академическом собрании был оглашен ордер президента, где ставилось на вид, что «некоторые академики не во всем точно исполняют по силе регламента академического», и даже члену Сенатской конторы, адмиралу кн. М. М. Голицыну, имевшему в отсутствие двора «главную команду» над всеми столичными учреждениями и уполномоченному императрицей подписывать «пашпорты» всем отъезжающим (ААН, ф. 3, оп. 1, № 957, л. 145), даже ему был объявлен, по выражению Ломоносова, «вежливый реприманд от президента в форме письма от советника Теплова» (документ 470, § 28; подробнее см. т. IX наст. изд., документы 51—55). Заключительная часть пункта 18 неясна.

Пункты 13, 14, 15 и 31 направлены против Шумахера и характеризуют настолько общеизвестные черты его диктаторской тактики, что не нуждаются в особых пояснениях (ср. документ 470, §§ 2—4, 7, 9, 19, 21).

Упомянутое в п. 16 назначение Г.-Ф. Миллера конференц-секретарем Академии Наук состоялось 26 февраля 1754 г. (ААН, ф. 1, оп. 2-1754,

№ 3). Тайным инициатором этого назначения был Г. Н. Теплов (там же, ф. 21, оп. 1, № 272, л. 4 об.; подробнее см. письмо 72).

Пункт 17 говорит об обстоятельствах, имевших место в середине 1740-х годов, в период хлопот Ломоносова об устройстве Химической лаборатории (см. документ 470, §§ 26—27). Авраам Каау-Бургав (Ломоносов называет его «меньшим», чтобы отличить его от Германа Каау-Бургава, лейб-медика императрицы, директора Медицинской канцелярии и почетного члена Академии Наук) был вызван из Голландии на русскую службу в 1746 г. и в следующем году был принят в Академию Наук на должность профессора анатомии и физиологии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 64). Обещанную ему Шумахером должность профессора химии занимал в то время Ломоносов.

Под «неправым произвождением себя в члены» (п. 20) Ломоносов разумет, очевидно, участие Шумахера на правах члена в Академическом собрании. Судя по протоколам последнего, Шумахер участвовал в заседаниях академиков с первых лет существования Академии Наук (Протоколы Конференции, т. I, стр. 13, 21, 22 и сл.). Этому потворствовал первый президент Академии Л. Л. Блюментрост, который заявлял, правда, неофициально, что Шумахер «не есть секретарь Академии, но самый старший из членов ее и секретарь его величества по делам Академии, назначенный по особому повелению с самого начала учреждения ее» (Пекарский, I, стр. 10). Никто не знал, что это за «повеление», и когда в 1745 г. академиками были высказаны вполне законные сомнения относительно права Шумахера заседать с ними за одним столом, Шумахер мог сослаться только на сенатский указ от 5 октября 1738 г., разрешавший конференц-секретарю Х. Гольдбаху и ему, Шумахеру, в то время всего лишь библиотекарю, «в той Академии присутствовать» (Пекарский, I, стр. 62; ААН, ф. 3, оп. 1, № 944, л. 116). Ссылка Шумахера на этот документ была юридически несостоятельна, так как по вполне авторитетному разъяснению тогдашнего «главного командира» Академии И.-А. Корфа, оглашенному в 1738 г. одновременно с упомянутым сенатским указом, право «присутствовать» в Академическом собрании предоставлялось одному Гольдбаху, Шумахеру же разрешалось «присутствовать», т. е. заседать, только в Академической канцелярии (ААН, ф. 1, оп. 2-1738, № 1, л. 42; Протоколы Конференции, т. I, стр. 506). Положение изменилось с изданием Академического регламента 1747 г. Его авторы, Теплов и Шумахер, в заботе о членах Академической канцелярии, не забыли оговорить, чтобы «в собрании академиков иметь им голос и заседание» (§ 50), причем, по их же разумеем подсказке, президентом было официально разъяснено, что Шумахер и Теплов, являясь членами Академического собрания, имеют в этом собрании старшинство «перед всеми академиками» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 456, л. 62).

В том же п. 20 Ломоносовым затронут и другой, более существенный, вопрос — о порядке замещения вакантных академических кафедр. Практика была такова, что они в огромном большинстве случаев замещались, как и указывает Ломоносов, «без согласия академиков». Это противоречило воле Петра I: право «градусы академиков давать» было предоставлено им Академическому собранию (Материалы, т. I, стр. 21). В 1747 г. усвоенная Академической администрацией противозаконная практика была узаконена: новый регламент дал президенту Академии «совершенную», т. е. неограниченную, власть назначать и увольнять академиков (§ 12).

Пункт 23 не поддается расшифровке.

Пункт 24 имеет в виду Шумахера, который 28 марта 1740 г. действительно выписал себе какой-то диплом (ААН, ф. 3, оп. 2, № 136). Упомянутые в этом пункте «представления» Ломоносова не отысканы.

В п. 25 говорится о состоявшемся 18 июня 1750 г. назначении профессора натуральной истории и ботаники С. П. Крашенинникова ректором Академического университета и гимназии взамен уволенного от этой должности историографа Г.-Ф. Миллера (Материалы, т. X, стр. 438). Иллюстрацией к словам Ломоносова о том, что Крашенинников «не знал поступать со студентами» (п. 26), могут служить материалы, опубликованные Д. А. Толстым в его работе «Академический университет в XVIII столетии» (СПб., 1885, стр. 36—39).

Упомянутое в п. 27 Историческое собрание было учреждено по определению Академической канцелярии от 24 марта 1748 г. в качестве «особливого профессорского собрания» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 457, лл. 54—55; Пекарский. Доп. изв., стр. 25—26; см. также — Материалы, т. X, стр. 441—442). Ломоносов состоял членом Исторического собрания со дня его учреждения до сентября 1751 г., когда из-за недоразумений с Миллером попросил освободить его от хождения в это собрание (подробнее см. документ 492).

Пункты 28—35 почти дословно повторены в упомянутой выше записке Ломоносова, составленной в 1758—1759 гг. (документ 400); в примечаниях к ней даны пояснения по содержанию этих пунктов.

426

Печатается по копии, писанной писарской рукой (ААН, ф. 3, оп. 1, № 501, л. 161).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Публикуется впервые.

Первый научно-литературный журнал в России, созданный в связи с предложением Ломоносова о возобновлении издания «Примечаний к Ведомостям», выпускался Академией Наук с 1755 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 465, лл. 392—394; № 194, лл. 296—314) по 1764 г. под названиями:

«Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1757), «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» (1758—1762) и «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» (1763—1764). Бессменным редактором журнала был Г.-Ф. Миллер.

Ломоносова не удовлетворяло направление появлявшихся в журнале исторических статей, в которых не могли не сказываться «норманистические» воззрения Миллера. Поэтому с первых же дней назначения Ломоносова членом Академической канцелярии им были предприняты попытки установить систематический контроль за «Ежемесячными сочинениями». Уже 8 марта 1757 г. Канцелярия предложила представить на ее рассмотрение статью Г. А. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 120).

Следует иметь в виду, что это происходило в момент острейшего конфликта Ломоносова с Синодом из-за «Гимна бороде» и другого сатирического стихотворения, направленного против высшего духовенства: 6 марта 1757 г. Синод представил императрице доклад, где просил «таковые соблазнительные и ругательные пашквили истребить и публично сжечь и впредь то чинить воспретить, а означенного Ломоносова для надлежащего в том увещания и исправления в Синод отослать» (т. VIII наст. изд., примечания к «Гимну бороде»). Г. А. Полетика служил в это время в Синоде в должности переводчика и имел ближайшее касательство к делам духовной цензуры: ему не раз приходилось давать отзывы о сочинениях, поступавших на ее просмотр (Т. В. Барсов. О духовной цензуре в России. «Христианское чтение», 1901, т. ССХII, ч. I, стр. 121—122). Этим обстоятельством и объяснялся, очевидно, тот особый интерес, который проявил Ломоносов к статье Полетики: погрешности синодального цензора могли послужить Ломоносову хорошим оружием при защите от нападков церковных властей.

11 марта Ломоносов на словах сообщил Миллеру свое отрицательное мнение о статье Полетики, отметив, — как передает Миллер, — что «в оной с 10-го века после рожества Христова по 17 век ни о каких школах в России не упомянуто» и что говорится в статье «только о киевских школах, а не о московских» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, лл. 312 об.—313). Карандашные отметки на корректурном оттиске говорят о том, что неодобрение вызывали также многократные упоминания Полетики об участии польских королей и константинопольского патриарха в устройстве Киевской академии (там же, № 501, лл. 173—185; ср. также приложенную к корректуре копию сенатского указа от 5 октября 1720 г. об именовании Киево-печерского и Черниговского монастырей «ставропи[ги]ею всероссийских патриархов, а не константинопольских», л. 186). Эти карандашные отметки являлись отголоском многовековой борьбы Русского государства за независимость русской церкви от константинопольской или так называемой «вселенской» пат-

риархии. После воссоединения Украины с Россией древняя борьба двух церковных центров приобрела вновь актуальный и притом не узко церковный, а общеполитический характер.

Что касается эпиграммы Сумарокова, то сам Миллер 8 марта представил в Канцелярию ее текст, прося указать, может ли она быть напечатана (там же, № 220, лл. 307—308). Представленный Миллером текст эпиграммы в архиве Канцелярии не сохранился, но писец, надписывая на обложке соответствующего канцелярского дела заголовок последнего, ввел в этот заголовок три сумароковских стиха:

Ты туфли обругал, а их бояря носят,
Б[о]ря ль иль паны. Зияет всякой пан,
Держа в руке большей венгерского стакан.

(Там же, л. 304).

В бумагах академика М. И. Сухомлинова обнаружен следующий полный, по-видимому, текст эпиграммы, написанный писарским почерком конца XIX в.:

Эпиграмма

Ты туфли обругал, а их бояря носят,
Бояря на тебя отмщениа в том просят,
Бояря иль паны: зияет всякой пан,
Держа в руке большой венгерскова стакан,
Пышит и дуется от ярости безмерной,
И вопит: отомстим скоряй сей твари скверной,
Которая на наш востать дерзнула сан
И нагло плевелы отважилася сеять.
Преступника в куски Устав велит изсечь,
А тело после сжечь,
И сей негодный прах по воздуху разсеять.

(ААН, ф. 20, оп. 9, № 264).

Возражения Ломоносова против статьи Полетики и требование представить эту статью на просмотр в Канцелярию чрезвычайно раздражили Миллера. В пространном доношении от 12 марта он пытался доказать, что Канцелярия не вправе обращаться к нему с такими требованиями, что возражения Ломоносова несостоятельны и что «еще не было в Ежемесячных сочинениях такой изрядной, полезной и надобной статьи», как статья Полетики (там же, лл. 312—314).

13 марта состоялось определение Канцелярии о воспрещении печатать статью Полетики, причем Миллеру было предложено заранее осведомлять

Канцелярию о статьях, намечаемых к опубликованию в журнале (там же, № 468, лл. 105—106; Билярский, стр. 325—326).

Публикуемый указ, посланный Миллеру в тот же день во исполнение этого определения, был подписан одним Ломоносовым. Одновременно вся переписка с Миллером по этому делу была направлена Канцелярией в копиях президенту Академии в Глухов при репорте, подписанном Шумахером, Ломоносовым и Таубертом. Они просили «по справедливейшем рассмотрении таковых г. конференц-секретаря Миллера замыслов... оные заблаговременно сократить и не допустить, дабы от сего какое вящее зло [не] последовало» (там же, № 501, л. 154—154 об.).

427

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и никем не подписанному (ААН, ф. 3, оп. 1, № 501, лл. 187—188)

Впервые напечатано: Билярский, стр. 329—331.

Датируется предположительно по доношению Миллера от 14 марта 1757 г. и по канцелярской помете о получении публикуемой записки в Глухове 10 апреля 1757 г.

Еще в январе 1755 г., когда Миллер только что приступил к исполнению обязанностей редактора «Ежемесячных сочинений», он просил президента Академии Наук, чтобы Ломоносов «не был судьей в чем-нибудь», что касается его, Миллера. Эту свою просьбу Миллер мотивировал, с одной стороны, напоминанием о «великой соре», которая была у него с Ломоносовых при обсуждении диссертации Миллера «Происхождение имени и народа российского» (см. т. VI наст. изд., стр. 17—80, 546—559), а с другой стороны, следующим доводом: «Г-н Ломоносов не только то, что я делаю, ни во что не ставит, но и дерзает критиковать и опровергать то, что ваше высокографское сиятельство изволили приказать или апробовать или что целым собранием определено в его небытность» (ААН, ф. 21, оп. 1, № 25, л. 7).

Понятно поэтому, какое раздражение вызвал в Миллере опубликованный выше (документ 426) указ Канцелярии, подписанный одним Ломоносовым. Это последнее обстоятельство дало повод Миллеру усмотреть в решении Канцелярии личный выпад Ломоносова, заподозрить его в том, что указ послан без ведома других членов Канцелярии, и выразить сомнение в праве Ломоносова подписывать канцелярские указы и даже в праве заседать в Канцелярии, так как ордер президента о назначении Ломоносова членом Канцелярии не был утвержден ни Сенатом, ни императрицей. В связи с этим указом Миллер подал 13 марта жалобу на имя президента Академии и 14 марта доношение на имя Канцелярии. То и другое было изложено в выражениях, одинаково оскорбительных как для Ломоносова, так и для других членов Канцелярии: «Ни г. статский советник Шумахер,

ни г. ассессор Тауберт, — писал Миллер в доношении на имя Канцелярии, — не изволят рассуждать о достоинности пиесы г. ассессора Полетики; следовательно, г. советник и профессор Ломоносов один и доводчик и хочет быть судиею в сем деле, что указам государственным весьма противно» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 317). В жалобе на имя президента Миллер высказывался еще резче, вина во всем одного Ломоносова: «Злому року угодно было, чтобы Ломоносов, войдя в состав Канцелярии, только на то, как-будто, и оказался пригоден, чтобы причинять огорчения многим из нас, в особенности же мне», — писал Разумовскому Миллер и добавлял: «Посещающие Канцелярию передают мне, что г. Шумахер не изрекает ни слова, а г. Тауберт не осмеливается, видимо, возражать против того, что предлагает г. Ломоносов. Писцы в полном распоряжении последнего» (там же, ф. 21, оп. 1, № 27, лл. 11, 12 об.).

По получении доношения Миллера от 14 марта 1757 г. Канцелярия отправила президенту, в дополнение к ранее посланным документам (см. примечания к документу 425), публикуемую записку. Она никем не подписана и, судя по журналу исходящих (ААН, ф. 3, оп. 1, № 605), была послана без всякой сопроводительной бумаги. Если Ломоносов и не был. может быть, непосредственным ее автором, то принимал бесспорно участие в ее составлении.

К. Г. Разумовский ответил на посланные ему документы чрезвычайно решительным ордером, где писал, что поведение Канцелярии в этом деле им «весьма апробуется», а Миллеру «рекомендуется всякая пристойность и почтение к Канцелярии, от которых он в сем случае немало отступил» (там же, № 468, л. 144).

428

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Штелином и Таубертом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 202).

Публикуется впервые.

Подтвержденный президентом Академии указ Канцелярии от 13 марта 1757 г. о представлении на предварительный просмотр статей, намечаемых к опубликованию в «Ежемесячных сочинениях» (см. примечания к документу 426), выполнялся Миллером неточно или, вернее сказать, не выполнялся вовсе. В начале апреля 1757 г. он представил «Оглавление „Сочинениям“ месяца марта 1757 году» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 223, л. 22) и затем ежемесячно представлял подобные же оглавления (там же, лл. 23—24), но не до сдачи в набор перечисленных в них статей, а уже после их напечатания, чем и была вызвана публикуемая резолюция.

Миллер ответил на нее доношением от 9 июня 1757 г. (там же, лл. 20—21), где отговаривался тем, будто в начале месяца никогда не бывает известно, какие материалы войдут в очередной номер. В дальнейшем

он продолжал, не считаясь с резолюцией Канцелярии, представлять оглавления уже после напечатания соответствующего номера (там же, лл. 25—32), а с марта 1758 г. прекратил и совсем их подачу.

В феврале 1759 г. в «Ежемесячных сочинениях» появились анонимные стихи, которые вызвали недовольство двора и потребовали перепечатки листа. Это подало повод Канцелярии двумя журнальными резолюциями от 23 и 29 марта 1759 г. подтвердить Миллеру прежние свои распоряжения о сообщении содержания номеров до их напечатания (там же, № 529, лл. 109 об. и 115 об.), но в делах не сохранилось никаких следов выполнения Миллером этих резолюций.

Таким образом, Ломоносов был совершенно прав, когда в 1761 г. писал президенту Академии, что Миллер «на всё несмотря и по сие время не токмо словесных от Канцелярии требований, но ниже указов исполняет и не объявляет материй, вносимых в „Сочинения“» (см. документ 452).

429

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 708, лл. 334—337).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 334—337.

Академическая канцелярия в составе Ломоносова, Штелина и Тауберта слушала публикуемое представление 6 июня 1757 г. и определила копию представления сообщить президенту Академии, «ибо гг. Канцелярии члены оное его, г. Ломоносова, представление весьма за полезное признавают» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 209).

Соответствующий репорт был отправлен президенту в Глухов 16 июня 1757 г. (там же, № 708, л. 106 об.), но остался, судя по сохранившимся документам, без ответа.

См. документ 432 и примечания к нему.

430

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 21, оп. 1, № 27, л. 6).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 344—345.

Аттестация иностранных домашних учителей и владельцев частных школ, о которой идет речь в публикуемом документе, производилась Академией Наук по указу Сената от 5 мая 1757 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 962, л. 51). Согласно этому указу, иностранцам, не имеющим экзаменационных свидетельств от Академии Наук или от Московского университета, запрещалось преподавать и содержать частные школы. Владельцы школ, не выдержавшие экзамена, подлежали высылке из России; лица же, допустившие иностранцев без аттестатов к обучению своих детей, штрафовались.

Обязанность производить экзамены и аттестацию иностранных домашних учителей была возложена Академической канцелярией на Историческое собрание (там же, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 176).

Первый экзамен состоялся 14 мая 1757 г. (там же, № 830, лл. 12, 16), и 23 мая были выданы первые аттестаты: все аттестаты подписывались Академической канцелярией, в том числе и Ломоносовым (там же, лл. 13, 17). Экзаминаторами были профессора Г.-Ф. Миллер, Ф.-Г. Штрубде-Пирмонт, И.-Э. Фишер, И.-А. Браун и др. Об итогах экзаменов они сообщали Канцелярии на первых порах коллективными репортами (там же, лл. 12, 16, 50, 82 и др.).

Во исполнение публикуемого указа, со второй половины июня 1757 г. (там же, ф. 3, оп. 1, № 830, лл. 84, 88, 103—106, 116, 123, 136 и др.) в Канцелярию стали поступать не коллективные, а индивидуальные отзывы экзаминаторов с препроводительными письмами Миллера, который представлял и свои отзывы, когда бывал сам экзаминатором по немецкому языку (там же, л. 197). Оценки знаний экзаменующихся стали с этого времени обстоятельнее и строже.

Всего в Академии Наук было проэкзаменовано в 1757 г. 61 человек и в 1758 г. 18 человек (там же, ф. 21, оп. 1, № 27, лл. 2—5; отпуска аттестатов см. там же, ф. 3, оп. 1, № 830, лл. 1—218; № 831, лл. 1—280; два подлинника, не выданные на руки, подписанные Ломоносовым, № 830, лл. 143, 209). Производились ли эти экзамены в последующие годы, неизвестно.

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 227, л. 97).

Публикуется впервые.

Датируется предположительно по канцелярской помете о получении публикуемого представления Академической канцелярией 9 декабря 1757 г.

Академическая канцелярия приняла предложение Ломоносова (ААН, ф. 3, оп. 1, № 468, лл. 399—500), и в начале 1758 г. была составлена ведомость под заглавием «Сколько и каких материалов и на какой департамент через пять лет изошло порознь и по годам, начиная с 1753 по нынешний 1758 год и сколько от 1757 года тех материалов в остатке и сколько на нынешний 1758 год таковых же требуется и за выключкою остатка сколько докупить следует» (там же, № 227, лл. 100—149). На основе этой ведомости был написан «реестр, каких материалов на нынешний 1758 год потребно для всех департаментов купить» (там же, лл. 180—183), и в соответствии с реестром была произведена закупка материалов на 1758 год (там же, лл. 179, 189—198).

В январе следующего 1759 г. Канцелярия, очевидно, опять по настоянию Ломоносова, подтвердила свое распоряжение об обязательном представлении мастерскими годовых заявок на материалы (там же, № 529, л. 36). С тех пор введенный Ломоносовым порядок вошел, по-видимому, в академический обиход: есть данные, что и в первой половине 1760-х годов закупка материалов производилась в этом именно порядке (там же, № 268, лл. 194—285).

432

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Ломоносовым, Штелином и Таубертом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 528, л. 95).

Публикуется впервые.

См. документ 429 и примечания к нему.

План задуманных Ломоносовым новых академических «палат» был им же самим и начерчен. Он не отыскан. Дошло до нас (в собственноручном черновике и в подлиннике, писанном писарской рукой) только пояснение Ломоносова к плану (см. т. IX наст. изд., документ 318). Из этого пояснения видно, что речь шла не об одном здании, а о целом академическом городке из четырнадцати корпусов, которые должны были расположиться на том самом участке Васильевского острова, где находится сейчас главное здание Академии Наук.

Время составления Ломоносовым плана не выяснено. Известно лишь, что план дважды просматривался академическим архитектором Шумахером (второй раз в конце декабря 1759 г.) и не вызвал с его стороны возражения (ААН, ф. 3, оп. 1, № 708, лл. 108 и 119). В том же 1759 г. до 7 декабря архитектор Шумахер составил и «исчисление», т. е. смету на постройку проектированных Ломоносовым зданий (там же, лл. 111—118), которые, согласно этой смете, должны были обойтись в 151 976 руб. К моменту составления сметы первоначальное предположение Ломоносова об устройстве при Академии кирпичного и лесопильного заводов, повидимому, уже отпало: в смету вошла покупка кирпича, брусков и «пильных» досок по торговым ценам.

Неизвестно, чем была вызвана почти двухлетняя задержка (с марта 1758 г. по декабрь 1759 г.) в рассмотрении этого дела. 7 декабря 1759 г. Ломоносов подал в Академическую канцелярию представление о передаче президенту Академии на утверждение проектов университетского и гимназического регламентов, а заодно с ними и плана новых академических зданий, «дабы оные проекты и план неукоснительно представить можно было куда надлежит на конфирмацию» (см. т. IX наст. изд., документ 318). На обороте этого представления Ломоносовым было написано «напоминание о счете [т. е. о смете] г. архитектора Шумахера». Цифры сметы Ломоносов

считал преувеличенными и предлагал сократить ее более чем на 40%. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 708, лл. 108 об и 119 об.).

По представлению Ломоносова от 7 декабря 1759 г. Канцелярия не вынесла никакого решения

См. документ 447 и примечания к нему.

433

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Ломоносовым, Штелином и Таубертом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 469, л. 111).

Публикуется впервые.

Долг, о котором идет речь в публикуемом определении, сложился в результате печатания в Академической типографии в 1748 и 1751 гг. целого ряда произведений А. П. Сумарокова: трагедий «Хорев» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 517, лл. 123—124) и «Гамлет» (там же, лл. 546, 589, 622—623), двух эпистол (там же, л. 644), трагедий «Артистона» (там же, № 461, л. 26), «Синав и Трувор» (там же, лл. 88, 103—104) и др. Во исполнение публикуемого определения, в Статс-контору была направлена просьба об удержании из жалованья Сумарокова по должности директора театра следуемой с него в пользу Академии суммы (там же, № 230, лл. 346—347), однако Статс-контора этой просьбы не исполнила.

В июне 1761 г. академический комиссар С. В. Зборомирский сообщил Канцелярии, что ввиду увольнения Сумарокова от должности директора театра взъискать с него долг невозможно. Сообщение Зборомирского не соответствовало действительности: за Сумароковым при увольнении его от службы было сохранено полностью все его содержание («Русский архив», 1871, № 10, стр. 1639—1640).

В августе 1762 г. Академическая канцелярия обратилась по этому делу к президенту Академии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 473, л. 196), а тот — к Екатерине II. По указу последней Академической канцелярии пришлось 9 декабря 1762 г. числившиеся за Сумароковым деньги «сложить и в долгу не числить» (там же, № 473, л. 266). Екатерина II распорядилась вместе с тем печатать впредь все сочинения Сумарокова «безденежно, а вести порядочный счет и требовать заплаты с Кабинета» (там же, № 2240, л. 3).

434

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 528, л. 146).

Публикуется впервые.

В дознении от 30 апреля 1758 г. конференц-секретарь Миллер, настаивая на рассылке почетным членам Академии «Комментариев» и других

академических изданий, сообщал о просьбе почетного члена Петербургской Академии, профессора Пизанского университета П. Фризи выслать ему не только новые, но и старые «Комментарии», с т. IX по XIV, «потому что в Венеции печатано только восемь томов, а прочих в Италии нигде за деньги достать невозможно» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 232, л. 96).

11 декабря 1758 г. член Канцелярии Штелин «словесно объявил», что президент Академии, вероятно, по жалобе Миллера, распорядился удовлетворить просьбу Фризи, что и было исполнено (там же, № 528, л. 317 и № 238, л. 122 об.).

435

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером. Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 39).

Публикуется впервые.

По определению Канцелярии АН от 12 декабря 1754 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 465, лл. 408—409), для печатания «Ежемесячных сочинений» в Академической типографии был установлен «особый стан с довольном числом литеров», к которому было прикреплено четверо рабочих.

Несмотря на такие благоприятные технические условия, журнал выходил не всегда регулярно. Редактор журнала Миллер винил в этом Типографию, ссылаясь на то, что «бывший при наборе „Ежемесячных сочинений“ наборщик определен к другим делам, и оставлены при оном наборе одни ученики» (там же, ф. 21, оп. 1, № 27, л. 27). По объяснению же фактора Типографии А. Е. Лыкова, печатание «Ежемесячных сочинений» замедлялось тем, что «каждого листа бывает корректур по шести и более» (там же, ф. 3, оп. 1, № 239, л. 250). Этим сообщением Типографии и было вызвано публикуемое определение Академической канцелярии.

Миллер ответил на него пространным доношением, где обвинял А. Е. Лыкова, беспорочно проработавшего в Типографии двадцать пять лет, в «явной неправде» и «ложных доносах», а других наборщиков — в «лености и несмотрении», из-за чего «те же самые погрешности двжды или тржды корриговать должно», и в заключение заявил, что «не намерен больше в корректуры вступать, кроме последней ревизии» (там же, ф. 21, оп. 1, № 27, лл. 31—32).

Совершенно иначе отнесся к делу академик Н. И. Попов, которому было поручено «наблюдать чистоту русского языка» в журнале. Признавая решение Канцелярии разумным, он потребовал, чтобы Типография доставляла ему материалы по журналу не в корректурном, а в рукописном виде. Это требование Попова не только не было исполнено, но ему перестали с этого времени посылать и корректуры. Он сообщил об этом Канцелярии

(там же, ф. 3, оп. 1, № 242, л. 59), которая подтвердила законность его требования (там же, № 529, лл. 126—127).

436

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 46)

Публикуется впервые.

День подписания устанавливается по «Реестру протоколам Канцелярии АН и ордерам г. президента 1759 года» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 1, порядк. № 21).

Первая «челобитная» Фишера об увеличении его оклада, поданная им 12 мая 1757 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 222, лл. 167—168), хотя и была поддержана Ломоносовым (там же, лл. 169—170), однако не получила удовлетворения.

Публикуемое представление Канцелярии было послано президенту Академии Наук после подачи Фишером, почти два года спустя, в феврале 1759 г., повторной «челобитной» (там же, № 240, л. 3). На этом представлении К. Г. Разумовским была наложена резолюция: «Учинить по сему», вслед за чем определением Канцелярии от 11 февраля 1759 г. оклад Фишера был повышен до 860 руб. в год (там же, № 470, л. 48).

437

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 529, л. 161).

Публикуется впервые.

В «Ежемесячных сочинениях», наряду с оригинальными русскими статьями, печатались и переводные статьи, причем из числа последних многие переводились на русский язык силами академических переводчиков. Некоторые работники Академии Наук выступали в «Ежемесячных сочинениях» в качестве переводчиков лишь эпизодически; таковы были, например, А. И. Дубровский, Г. В. Козицкий, А. А. Константинов, А. Д. Красильников, В. И. Лебедев, А. К. Нартов, И. К. Россохин, П. И. Рычков, С. Я. Румовский, М. Софронов и др. Постоянным же переводчиком с первых дней существования журнала был товарищ Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии в Москве И. И. Голубцов, назначенный на эту должность по просьбе Миллера (ААН, ф. 21, оп. 1, № 25, лл. 8—9) в январе 1755 г. и занимавший ее до дня своей смерти 25 мая 1759 г. (там же, ф. 3, оп. 1, № 243, лл. 151—180).

Во исполнение публикуемой журнальной резолюции Канцелярии, инспектор Академической гимназии К.Ф. Модерах предложил двух кандидатов из числа академических студентов для замещения освободившейся за смертью Голубцова должности, но обе кандидатуры были отведены, и

Миллер сам выбрал для той же цели двух других студентов — С. И. Волкова и А. М. Разумова (там же, лл. 182—186). Журнальной резолюцией Канцелярии от 19 ноября 1759 г. они были выключены из числа студентов и переданы в распоряжение Миллера (там же, № 529, л. 307 об.).

438

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 245, л. 153).

Впервые напечатано (с неверным обозначением года) — Билярский, стр. 537.

Край листа, где Ломоносовым был обозначен год написания документа, отрезан; год устанавливается по канцелярской помете: «Июля 15 д[ня] 1759, записав, сообщая со ордером его высокографского сиятельства доложить» и по входящему журналу (ААН, ф. 3, оп. 1, № 666, вход. № 668).

Для правильного понимания публикуемого документа необходимо иметь в виду, что речь идет о трех разных суммах, отличных друг от друга как по своему происхождению, так и по своему назначению, а именно: 1) о сумме в две тысячи рублей, которая, на основании § 52 Академического регламента, должна была выделяться ежегодно из доходов Книжной лавки и расходоваться на пополнение книжных фондов Библиотеки и музейных фондов Кунсткамеры, 2) о сумме в пятьсот рублей, которая, согласно тому же параграфу регламента, должна была выделяться тоже ежегодно из штатных ассигнований на Академию и расходоваться на хозяйственные и технические надобности Библиотеки и Кунсткамеры, и 3) о сумме в двадцать три тысячи восемьдесят девять рублей, которая, согласно представленной Академией смете, была отпущена в 1753—1754 гг. по особым указам Сената специально на ремонт поврежденного пожаром здания Библиотеки и Кунсткамеры (ср. ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, л. 224). Распорядителем всех трех сумм была Академическая канцелярия, где вопросы о расходовании этих сумм должны были начиная с 1757 г. разрешаться коллегиально. Первые две суммы не расходовались полностью по прямому своему назначению, третья же сумма, которой фактически распоряжался Тауберт, была целиком израсходована, и так как расходы по ремонту превысили смету, то на них ушла, кроме того, и часть штатной суммы (по расчетам Ломоносова, около двух тысяч пятисот рублей, см. Билярский, стр. 494).

Публикуемое представление Ломоносова содержит протест против ордера президента Академии, полученного Канцелярией 11 июня 1759 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, лл. 193—194) и подтверждавшего прежний ордер по тому же вопросу, подписанный Разумовским еще год назад — 30 июня 1758 г. (там же, № 469, л. 176). Суть этих двух ордеров, составленных вне всякого сомнения Таубертом, сводилась к тому, что вся экономия, которая должна была образоваться за двенадцать лет вследствие не-

полного израсходования первых двух сумм, обращалась на пополнение третьей, перерасходованной Таубертом суммы, причем единоличным и бесконтрольным распорядителем этих денег назначался Тауберт. Таким образом, опротестованное Ломоносовым распоряжение президента было неправильно вдвойне: оно, с одной стороны, нарушало Академический регламент, обращая на хозяйственные нужды такие средства, которые предназначались для удовлетворения нужд научных; с другой стороны, оно противоречило установленному самим же Разумовским принципу коллегиального рассмотрения административно-хозяйственных дел (там же, № 468, л. 85).

Как ни справедлив был протест Ломоносова, как ни верно было его утверждение, что истинным украшением Библиотеки и Кунсткамеры должны быть не позолоченные шкафы, а «множество редких и нужных книг и вещей, любопытства достойных», как ни основательно было его указание, что в случае недостатка средств на ремонт надо просить Сенат о дополнительном ассигновании, — тем не менее публикуемому представлению Ломоносова не дали хода. Хоть оно и было рассмотрено Канцелярией и со стороны других ее членов не вызвало официальных возражений (там же, № 529, л. 209), однако Тауберт сумел все же уклониться от обращения в Сенат, опасаясь, — как объясняет Ломоносов, — что Сенат потребует в таком случае отчета в израсходовании ранее отпущенных средств (Биллярский, стр. 495). Деньги на ремонт продолжали расходоваться Таубертом единолично, причем суммы ушли такие, что на них, по расчетам Ломоносова, можно было бы построить новое здание, а с техническим оборудованием Библиотеки и Кунсткамеры, в том числе и с изготовлением позолоченных шкафов не управились еще и в 1761 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 472, лл. 126 и 130 и № 531, лл. 213 об. и 215 об.); отчет же в израсходовании средств на ремонт (притом лишь «краткий») был представлен Таубертом в Сенат только в 1762 г. (там же, № 532, л. 224 об.).

Финансовым злоупотреблениям Тауберта был положен предел уже после смерти Ломоносова, в 1767 г., когда новый директор Академии В. Г. Орлов распорядился, «чтобы без ведома Комиссии г. статский советник Тауберт по Библиотеке и Кунсткамере никаких работ один сам собою не подряжал, а если оные без ведома Комиссии деланы будут, за оные денег не платить» (там же, № 537, л. 117 об.).

439

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 266).

Публикуется впервые.

Публикуемое «мнение» Ломоносова, датированное 12 августа 1759 г., приложено к определению Академической канцелярии, которое, судя по канцелярской помете, состоялось 7 августа, а подписано Разумовским,

Таубертом и Штелином 13 августа 1759 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, лл. 264—265).

9 июня 1759 г. академическим архитектором Шумахером была представлена в Канцелярию смета на ремонт Обсерватории. Стоимость ремонтных работ была определена по смете в сумме 1443 руб. 32 коп. По существовавшим в то время правилам, подряд на эти работы следовало сдать с торгов. Ввиду того, что заявленные подрядчиками Кинтом и Бехером цены значительно превышали сметную, Канцелярия не сочла возможным сдать им подряд и определением от 3 августа 1759 г. предложила архитектору Шумахеру произвести ремонт хозяйственным способом по сметной стоимости, без участия подрядчиков (там же, л. 243). Архитектор ответил, что смета была составлена им применительно к июньским условиям и ценам, которые к началу августа успели измениться, и что поэтому произвести ремонт по сметной стоимости он не может. Тогда Канцелярия объявила вторичные торги, на которые явились только те же два подрядчика, причем Кинт снизил заявленную им ранее цифру до 1900 руб., что превышало смету почти на 40%. На этих условиях Канцелярия 7 августа 1759 г. и сдала подряд Кинту, в отмену прежнего своего решения, принятого четырьмя днями раньше; подрядчику вменялось в обязанность произвести все работы «нынешним удобным временем, не допуская до глубокой осени» (там же, л. 265).

Ломоносов отказался подписать это определение Канцелярии, подписанное не только Таубертом и Штелином, но и Разумовским. Несмотря на возражения Ломоносова, оно было приведено в исполнение: с Кинтом заключили договор и выдали ему крупный денежный аванс (там же, л. 286). Из позднейших записей Ломоносова можно заключить, что решение Канцелярии было обжаловано им в Сенат (см. документ 448, п. 2), однако эта жалоба Ломоносова пока не обнаружена; не исключена возможность, что она была заявлена на словах.

Кинт нарушил договорные сроки: не только к осени 1759 г., но и к зиме следующего, 1760, года Обсерватория еще не была отремонтирована (см. документ 448 и примечания к нему). Недоделки были официально удостоверены (ААН, ф. 3, оп. 1, № 262, л. 54). Ломоносов, по его словам, «подрядчика Кинта за такую неисправность хотел посадить под караул», но Тауберт этого не допустил. С Кинтом был тогда же произведен полный расчет с удержанием за «недоделку» всего 50 руб., и в дальнейшем все строительные и ремонтные работы по Академии поручались попрежнему неизменно ему и Бехеру (см. документ 448 и примечания к нему).

Публикуется впервые.

Хотя § 15 Академического регламента 1747 г. адъюнктам и было предоставлено право голоса в Академическом собрании, где они могли сидеть «у того же стола, рядом с академиками», однако на практике не все адъюнкты допускались к участию в этих заседаниях. Так обстояло дело и с А. П. Протасовым, который, будучи назначен адъюнктом 1 марта 1751 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 461, л. 124), в течение почти девяти лет не приглашался в Академическое собрание.

А. П. Протасов был еще в студенческие годы близко известен Ломоносову, который внимательно следил за научными успехами А. П. Протасова и оказывал ему деятельную поддержку.

Публикуемый указ не случайно подписан Ломоносовым: нет сомнения, что именно по его почину Канцелярия определила ввести Протасова в состав Академического собрания (там же, № 529, л. 271). Другие члены Канцелярии, в частности Тауберт, отнюдь не сочувствовали выдвиганию русских ученых и в дальнейшем доставили Протасову немало неприятностей (см. документ 446).

Непосредственным поводом к данному решению Канцелярии послужило возвращение Протасова из долголетней научной командировки за границу, где он завершал свое образование.

В заседании Академического собрания А. П. Протасов впервые участвовал 15 октября 1759 г. (Протоколы Конференции, т. II, стр. 439)

441

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 530, л. 68 об.).

Публикуется впервые.

Ломоносову как советнику Академической канцелярии приходилось не только нести на себе заботу об организации научной деятельности Академии, но и тратить время на разрешение всех, подчас мелких и будничных вопросов ее хозяйственной жизни. Образцом участия Ломоносова в обсуждении таких вопросов является публикуемый документ.

Канцелярия от строений отказалась произвести на свой счет работы, упоминаемые в журнальной резолюции Академической канцелярии, и в течение последующих двух лет берег Невы продолжал оставаться все в том же неблагоустроенном состоянии. За его укрепление принялись только в 1762 г. На участках, принадлежавших Академии, забивку свай и другие работы пришлось производить ей самой на свои средства. Покончили с этим лишь в 1763 г., израсходовав из академических средств около 1800 рублей (ААН, ф. 3, оп. 1, № 252, лл. 141—142, 146—159, 181—183, 206—212 и № 532, лл. 56, 75, 97, 108 об., 115 об.—116, 134 об.).

442

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 530, л. 78).

Публикуется впервые.

По именному указу императрицы дом Демидовых на «стрелке» Васильевского острова, неподалеку от Академии Наук, был передан в ее временное пользование впредь до восстановления погоревшего 5 декабря 1747 г. здания Кунсткамеры и Библиотеки. Передача состоялась в конце того же 1747 г., и Полицмейстерская канцелярия была об этом извещена (ААН, ф. 3, оп. 1, № 951, л. 88).

В демидовский дом были перенесены ценнейшие коллекции Кунсткамеры и не менее ценные книжные собрания, опыт же показывал, что постой воинской части неизбежно влек за собой в то время разрушительные последствия (см., например, там же, № 532, л. 171).

Судя по стилю публикуемой резолюции, ее редактором, а может быть, и автором был Ломоносов.

Содержание резолюции было в тот же день сообщено Полицмейстерской канцелярии (там же, № 253, лл. 47—48). Отсутствие дальнейшей переписки по этому вопросу позволяет предполагать, что угрожающее упоминание о Кабинете произвело на полицию должное впечатление: обжалованное Академией распоряжение было, видимо, отменено.

В следующем году, по челобитью Демидовых, их дом был изъят из ведения Академии и возвращен владельцам (там же, № 472, лл. 117, 125 и 126).

443

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 72).

Публикуется впервые.

В апреле 1759 г. профессор И.-Х. Гебенштрейт был отпущен на несколько месяцев за границу для лечения, а его должность при Ботаническом саде была «препоручена» на это время адъюнкту И-Ф Кельрейтеру (там же, № 242, л. 105). В сентябре того же года Гебенштрейт сообщил Тауберту, что поправился, но что опасается еще трогаться в обратный путь и просит дать ему какое-нибудь научное поручение, которое он мог бы выполнить за границей (там же, лл. 117—118). Что ответили ему на это, неизвестно, но сохранилось письменное «мнение» двух советников Академической канцелярии, Тауберта и Штелина, поданное Разумовскому, без ведома третьего советника Канцелярии, Ломоносова (там же, лл. 125—126). В этом документе Тауберт и Штелин весьма отрицательно характеризуют Гебенштрейта как ученого, рекомендуют уволить его от академической

службы и настоятельно советуют произвести Кельрейтера в обычные профессора. На обороте «мнения» написано неизвестной рукой по-французски: «29 января представлено его сиятельству г. президенту, который по прочтении приказал, чтобы Канцелярия объявила г. Кельрейтера ординарным профессором, и г. Гебенштрейта известили бы об отставке». Эта резолюция Разумовского осталась неизвестна Ломоносову. Тем же днем, как и эта резолюция (9 февраля 1760 г. нового стиля, что соответствовало по старому стилю 29-му января), датировано и отправленное из Лейпцига прошение Гебенштрейта, где он заявляет Академической канцелярии, что хоть и намеревался вернуться в Россию, однако, ввиду военных обстоятельств и отсутствия средств на дорогу, осуществить это намерение не может и потому просит уволить его от академической службы (там же, л. 123). Совпадение дат свидетельствует с полной несомненностью, что решение об увольнении Гебенштрейта было принято до получения его просьбы об отставке. Таким образом, Ломоносов, вероятно, совершенно прав, когда говорит, что Гебенштрейту «присоветовали» подать эту просьбу, вовсе не отвечающую его собственным желаниям (см. документ 453, II, п. 10).

Прошению Гебенштрейта от 9 февраля 1759 г. и посвящено публикуемое определение, которое, если написано, может быть, и не самим Ломоносовым, то выражает бесспорно именно его волю: другие два советника Канцелярии, Тауберт и Штелин, имея уже в руках распоряжение президента о назначении Кельрейтера профессором, не стали бы, конечно, затевать сложную процедуру опроса по этому предмету всех академиков.

Этот опрос дал не те результаты, какие предсказывали Тауберт и Штелин в своем секретном «мнении», поданном Разумовскому, где они ссылались на «всех» академиков, которые единодушно, будто бы, считают и «засвидетельствовать не откажутся», что Кельрейтер «как в ботанике, так и во всех частях истории натуральной» имеет «гораздо превосходнейшее знание перед профессором Гебенштрейтом». На деле же из десяти опрошенных академиков (Ломоносова не запрашивали) только трое (Цейгер, Эпинус и Гришов) нашли, что Кельрейтера можно назначить профессором ботаники, не требуя от него нового «специмена», остальные же семеро (Попов, Котельников, Румовский, Протасов, Фишер, Браун и Сальхов) признали, что без такого «специмена» назначать Кельрейтера профессором нельзя, так как ни одной работы по ботанике им пока не представлено (там же, лл. 130—140 и 143—144). При всей вескости этого последнего довода, подтвержденного соответствующей архивной справкой (там же, л. 120), восторжествовало все же мнение меньшинства, к которому присоединился конференц-секретарь Миллер, сославшийся на отзыв почетного члена Академии, лейб-медика императрицы де-Гортера (там же, л. 128). От Кельрейтера не потребовали никаких доказательств его ботанических

познаний, и орденом Разумовского от 13 апреля 1760 г. он был назначен профессором (там же, л. 149).

Этого назначения Кельрейтер, однако, не принял, мотивируя свой отказ тем, что жалования ему дали на двести рублей меньше, чем он просил (там же, л. 151). Дождавшись окончания своего пятилетнего адъюнктского контракта, он летом 1761 г. уехал на родину (там же, № 472, лл. 91 и 119).

В последующие годы Миллером и Таубертом была возобновлена попытка ввести Кельрейтера в состав академиков, причем, когда весной 1763 г. распространилась весть об отставке Ломоносова, Миллер поспешил известить об этом одного из своих заграничных корреспондентов в таких выражениях: «Академия освобождена от г. Ломоносова, — писал Миллер — Уведомьте об этом скорее г. Кельрейтера; наверное, это ускорит его решимость возвратиться опять сюда» (Пекарский, Доп. изв., стр. 87—88). Но в цене опять не сошлись, и Кельрейтер так и не вернулся в Россию (там же, № 274, лл. 152—156 и 164—175 и № 474, лл. 187—189 и 279).

444

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 87).

Публикуется впервые.

Адъюнкт Н. Н. Мотонис, которому поручено было править переводы в «Ежемесячных сочинениях», выполнял эти обязанности очень недолго, всего около месяца — до 17 мая 1760 г. (Биярский, стр. 49), когда, по свидетельству Ломоносова, «прошением письменным от того дела и ста рублей отказался, не терпя Миллерова повелительства» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 11; Биярский, стр. 49).

Н. Н. Мотонис и Г. В. Козицкий были превосходными стилистами, за что и ценил их Ломоносов.

Упомянутая в публикуемом определении инструкция президента была подписана К. Г. Разумовским 13 февраля 1757 г. перед отъездом его на Украину, одновременно с назначением Ломоносова и Тауберта членами Академической канцелярии (см. документ 495).

445

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 99).

Публикуется впервые.

Во исполнение публикуемого определения Академическая канцелярия представила президенту Академии репорт, датированный 17 июля того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 190). 27 сентября этот репорт вернулся

в Канцелярию с резолюцией Разумовского: «Апробуется» (там же), и только 29 сентября состоялось определение Канцелярии о назначении С. Г. Котельникова ординарным профессором высшей математики (там же, л. 191).

С. Г. Котельников, солдатский сын, воспитанник школы Феодана Прокоповича, окончил курс Академической гимназии, а затем и Академического университета, где слушал лекции Ломоносова по физике. Свое образование он завершил за границей под непосредственным руководством Леонарда Эйлера, который очень высоко ценил его математические способности. Назначение Котельникова экстраординарным профессором состоялось в 1756 г. по настоянию Ломоносова и Эйлера, которым пришлось преодолеть при этом упорное сопротивление конференц-секретаря Академии Миллера, желавшего во что бы то ни стало заместить математическую кафедру иностранцем (М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 3. СПб., 1876, стр. 13—14).

Ломоносов, признавая Котельникова «человеком ученым, порядочным, смышленным и трезвым» (документ 405), продолжал и в дальнейшем выдвигать его в Академии на «достойное место». В апреле 1761 г. Котельников был назначен по предложению Ломоносова инспектором Гимназии (т. IX наст. изд., документы 335—336).

В том же 1761 г. Ломоносов весьма решительно поставил вопрос о необходимости создать в Академии Наук «в голосах равновесие между российскими и иноземцами, и ради того прибавить в Канцелярию члена российского», причем указывал, что «весьма к тому способен профессор Котельников» (документ 405).

Однако в состав высшей академической администрации Котельников был введен лишь после смерти Ломоносова, в ноябре 1766 г., когда его назначили членом вновь образованной Комиссии, заменившей Академическую канцелярию.

Сведения о дальнейшей деятельности Котельникова см. в вышеупомянутом труде М. И. Сухомлинова, стр. 15—65.

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 102).

Публикуется впервые.

См. документ 440 и примечания к нему.

Мысль о защите диссертации на степень доктора медицины в одном из заграничных университетов появилась у А. П. Протасова во время его пребывания в Голландии в 1758—1759 гг. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 804, лл. 227 об.—228). Но Канцелярия АН не разрешила ему этого и по на-

стоянию Ломоносова предложила срочно вернуться в Петербург, обещая присудить ему докторскую степень в день торжественной «инавгурации» Академического университета (там же, № 470, л. 161).

По сообщению Ломоносова, «к сему Тауберт не подписался, отзываясь, что какие-де здесь постановления и докторы, не будут-де его почитать, будто бы здешняя монаршеская власть не была толь важна, как голландская» (документ 470, § 49).

По возвращении Протасова в сентябре 1759 г. в Петербург им была представлена в Академию Наук диссертация, а 17 апреля 1760 г. он подал прошение о предоставлении ему освободившейся за смертью академика Бургава должности профессора анатомии и физиологии (там же, ф. 3, оп. 1, № 261, лл. 166—167).

Во исполнение публикуемого определения Академической канцелярии, диссертация Протасова читалась частями в Конференции, но, по справедливому выражению академика М. И. Сухомлинова, «чья-то враждебная рука тормозила назначение Протасова профессором» (Сухомлинов. История Российской Академии, III, стр. 80). Это была рука Тауберта. Предполагавшаяся инавгурация Академического университета, как известно, не состоялась, в связи с чем Протасов не получил и обещанной ему докторской степени.

В августе 1762 г. он вновь поднял вопрос о присуждении ему этой степени (ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 57). Постановлением чрезвычайного Академического собрания от 9 августа 1762 г., состоявшимся в отсутствие Ломоносова (Протоколы Конференции АН, т. II, стр. 485), Протасову было разрешено отправиться для защиты диссертации за границу. 10 июня 1763 г. он получил степень доктора медицины Страсбургского университета (там же, ф. 3, оп. 1, № 533, л. 184 и № 270, л. 69). «Тауберт сие учинил, — поясняет Ломоносов, — не для пользы Протасова, да в укоснение Университету», причем и «после возвращения Протасова доктором при произвождении его в профессору Тауберт продолжал время, и если бы Ломоносов не ускорил, отнесши дело на дом президенту для подписания, то бы, конечно, Протасов и по сию пору был адъюнктом» (документ 470, § 49). Только 3 ноября 1763 г. Протасов был утвержден, наконец, экстраординарным профессором (Протоколы Конференции АН, т. II, стр. 508). Звание ординарного профессора он получил 8 апреля 1771 г. (там же, т. III, стр. 11—12).

Что касается адъюнкта Г. В. Козицкого, то звания профессора красноречия и философии он так и не получил. В 1763 г. он оставил академическую службу (ААН, ф. 3, оп. 1, № 279, л. 50). 26 января 1767 г. Г. В. Козицкий, занявший к этому времени высокое положение при дворе, был избран почетным членом Академии Наук (Протоколы Конференции АН, т. II, стр. 591).

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, лл. 115—116).

Публикуется впервые.

См. документ 429 и примечания к нему.

После того как по представлению Ломоносова от 7 декабря 1759 г. Академическая канцелярия не вынесла никакого решения и уклонилась тем самым от передачи на утверждение президента составленного Ломоносовым плана новых академических зданий (т. IX наст. изд., документ 318 и примечания к нему), Ломоносов в середине того же декабря побывал у президента и подал ему непосредственно от себя ряд представлений по академическим делам. Они не отысканы, точное их содержание неизвестно, и о существовании их мы знаем только из следующего ордера президента Академии на имя Канцелярии, подписанного К. Г. Разумовским 22 декабря 1759 г.: «Поданные мне представления от коллежского советника г. Ломоносова о распорядке ученых департаментов в оной Канцелярии неукоснительно обще с ним рассмотреть и мне для конфирмации подать, чтобы прежде моего отъезда в Малую Россию установить всему ученых дел течению надежное основание» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 375). Можно думать, что в числе упомянутых в этом ордере представлений Ломоносова было и его не дошедшее до нас представление об утверждении плана новых академических строений. На такую догадку наводит публикуемое определение Канцелярии от 23 мая 1760 г.: Канцелярия не решилась бы, конечно, обращаться по такому ответственному делу в Сенат, если бы не была уполномочена на то президентом; актом, предоставлявшим ей такие полномочия, был, очевидно, вышеприведенный ордер президента.

Желание К. Г. Разумовского, чтобы представление Ломоносова было рассмотрено Канцелярией до отъезда президента на Украину, не исполнилось. Он выехал из Петербурга еще в декабре 1759 г. (Васильчиков, стр. 262), а Канцелярия занялась рассмотрением дела только 23 мая 1760 г. Следует, впрочем, иметь в виду, что январь и февраль 1760 г. Разумовский провел в Москве, откуда бесспорно сносился с Ломоносовым, свидетельством чего служат некоторые распоряжения президента, изданные в этот период по представлениям Ломоносова (см., например, т. IX, наст. изд., документы 320, 323 и 324). Не исключена, таким образом, возможность, что у них шла в это время переписка и по данному делу.

Во исполнение публикуемого определения, Канцелярия 24 мая 1760 г. представила в Сенат соответствующее доношение, которое почти слово в слово повторяло текст определения: некоторые мелкие стилистические

поправки внес в этот текст Тауберт (ААН, ф. 3, оп. 1, № 708, лл. 124—127; № 667, л. 93 об., исх. № 535).

Ответного указа Сената не обнаружено. По всем вероятностям, его и не последовало. Мысль Ломоносова о постройке новых академических зданий получила осуществление только через четверть века после его смерти.

Сохранились, однако, кое-какие, правда весьма неясные, следы дальнейших хлопот Ломоносова по этому делу.

Такова, например, следующая недатированная записка, писанная писарской рукой: «Доношение в Правительствующий Сенат из Канцелярии АН о построении для соединения академических департаментов на лугу против коллегий общего каменного корпуса и о определении на это строение суммы, чему вносятся при том примерные планы и фасады, сочиненные коллежским советником Ломоносовым». Слово «общего» приписано на полях рукой Ломоносова вместо зачеркнутого «одного», а ниже текста его же рукой написано: «Переписать и тотчас ко мне принести» (там же, ф. 20, оп. 3, № 28). Трудно сказать, каково было назначение этой записки. Несомненно лишь, что Ломоносов намеревался передать ее какому-либо официальному лицу и что она была написана после подписания публикуемого определения Канцелярии.

Другой документ еще менее ясен, но ценен тем, что содержит определенную дату: на обороте выписки из журнала Академической канцелярии от 16 марта 1758 г. (см. примечания к документу 429) написано неизвестной рукой: «Снять репорт, исчисления архитекторские. Июля 2 числа 1761». Таким образом, дело находилось еще в каком-то движении год спустя после передачи его в Сенат.

В сводной справке Академической канцелярии, составленной по требованию Ломоносова в конце того же 1761 г., указано, что «план и исчисление с требованием на то суммы представлены Правительствующему Сенату, но указа не получено» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 92).

Если Сенат уклонился от утверждения представленного Академией проекта, то объяснялось это, вероятно, тем, что ассигнование такой крупной по тогдашним условиям суммы, как 90 000 руб., было не по силам истощенному Семилетней войной государству.

Печатается по черновику, написанному рукой И. С. Баркова с собственноручными поправками Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 17—18), с указанием в сносках вариантов по более раннему собственноручному неполному черновику (там же, лл. 2—3).

Впервые напечатано (с неверным обозначением даты) — Билярский, стр. 496—499.

Датируется предположительно по содержанию документа: как явствует из его текста (п. 4), он писался еще при жизни академика Гришова, умершего 4 июня 1760 г.; следовательно, документ написан никак не позднее этого числа; в тексте (п. 5) упоминается, что Обсерватория «не токмо на срок прошлой осени, но и по сие число еще не выстроена», а так как под «прошлой осенью» следует разуметь, вне всякого сомнения, осень 1759 г. (см. документ 439 и примечания к нему), то документ написан бесспорно не ранее зимы 1759—1760 гг. и притом едва ли в начале этой зимы, т. е., вероятно, не в 1759, а в 1760 г.

Неясно, кому адресован публикуемый документ. По содержанию он близок к п. 6 раздела II записки, поданной Ломоносовым президенту Академии под заглавием «Для известия о нынешних академических обстоятельствах» (см. документ 453), и, может быть, предназначался для передачи ему же. Однако текст документа не исключает и такого предположения, что Ломоносов намеревался вручить свою записку кому-либо из высокопоставленных лиц, не имевших прямого отношения к Академии.

Об упоминаемых в п. 1 неправильностях, допущенных академической администрацией при ремонте пострадавшего от пожара здания Библиотеки и Кунсткамеры, см. документ 439 и примечания к нему.

Об упоминаемых в пп. 2 и 5 злоупотреблениях, допущенных при ремонте Обсерватории, см. документ 453, II, п. 3 и примечания к нему.

Упоминаемый в п. 3 Боновский дом, называвшийся так по фамилии прежнего владельца, генерала Г. И. Бона, находился на Васильевском острове, между 1-й и 2-й линиями («Ломоносов», III, стр. 335—336). В этом доме с 1741 по 1757 г. жил Ломоносов. Немедленно после его выезда оттуда было приступлено к капитальной перестройке дома, которую взялся произвести за 1500 р. подрядчик Кинт. По окончании ремонта в Боновский дом должны были переехать академики Гебенштрейт и Сальхов со своими адъюнктами (ААН, ф. 3, оп. 1, № 761, лл. 45—47). Тауберт проживал в этом доме, согласно ордеру президента Академии, с начала 1758 г. (там же, № 469, л. 16).

Упоминаемые в п. 4 «Волкова и Лутковского дома» сохранились и поныне (Васильевский остров, 7 линия, № 2) и продолжают оставаться в ведении Академии Наук СССР. Конфискованные в недостроенном виде у полковника Лутковского (в 1724 г.) и у генерала А. Волкова (в 1725 г.), они были переданы в 1757 г. Академии Наук, и на их достройку было отпущено Сенатом 6500 р. (там же, № 761, лл. 28, 73—74 и № 469, л. 266). Подрядчиком и тут оказался Кинт (там же, № 761, лл. 102—104). Ордером президента Академии от 5 октября 1758 г. Тауберту была предоставлена в одном из этих домов «пристойная квартира» (там же, № 469, л. 266 об.).

Упомянутая в пп. 4 и 6 «новая Типография» была оборудована стараниями Тауберта в доме Волкова и Лутковского и пущена в ход в середине февраля 1759 г. Орденом президента Академии она была «совсем отделена» от старой академической Типографии и передана в «единственное ведение» Тауберта (там же, № 470, лл. 186—187; подробности о весьма своеобразных условиях деятельности новой Типографии см. Пекарский, I, стр. 654—656).

Отмеченные Ломоносовым «похлебства г. Тауберта к немецким столярам» вполне подтверждаются сохранившимися документами. Благодаря покровительству Тауберта, едва ли бескорыстному, подрядчики Кинт и Бехер получили своего рода монополию на все наиболее крупные строительные и ремонтные работы по Академии Наук, не взирая на то, что их цены неизменно оказывались выше сметных, что договорные сроки нарушались ими систематически и что качество их работы было далеко не безупречно: так, например, жилые «светлицы» для младшего технического персонала Академии, построенные Кинтом в 1762 г. на 14 и 15 линиях Васильевского острова, через год пришли уже в упадок (ААН, ф. 3, оп. 1, № 472, лл. 43 и 103, № 473, л. 95 и № 474, л. 172).

449

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 224).

Публикуется впервые.

Выставленная на публикуемом определении дата — 20 октября 1760 г. — является датой его подписания, решение же Академической канцелярии, изложенное в этом определении, было принято четырьмя днями ранее — 16 октября 1760 г.: этим днем помечен репорт, поданный Канцелярией в Сенат во исполнение упомянутого решения (ААН, ф. 3, оп. 1, № 256, лл. 204, 206, 208, 210).

В объяснительной записке к проекту нового устава Академии Наук, над которым Ломоносов работал в 1764 г., он отметил, что Академию «гнетут и почти удушают дела, ей несвойственные и чуждые», которые «препятствуют пользе и успехам наук» и которые поэтому необходимо «отсесть и отбросить прочь» (документ 408).

Красноречивой иллюстрацией к этому заявлению, подтверждающей всю его справедливость, является публикуемое определение. Хотя непосредственным автором последнего был не Ломоносов, а, по-видимому, Тауберт, однако содержание этого документа отражает бесспорно точку зрения Ломоносова, по указаниям которого он, очевидно, и написан.

Составленный Таубертом текст не вполне удовлетворил Ломоносова. Полгода спустя он писал по этому поводу президенту Академии: «Чтобы Правительствующему Сенату не показывать никакой прикромости [т. е. досады].

советовал я моим товарищам, чтобы по возможности что-нибудь в послушание сделать» (документ 453, II, п. 1). Судя по сохранившимся документам, Тауберт учел совет Ломоносова: в текст репорта Сенату, совпадавший первоначально с текстом публикуемого определения и уже подписанный всеми тремя советниками Академической канцелярии, в том числе и Ломоносовым, Тауберт внес своей рукой кое-какие поправки, смягчив резкость некоторых выражений, и заключил репорт обещанием, что Академия Наук «о свидетельствовании переведенных уже на российский язык книг крайнее свое старание прилагать будет» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 256, лл. 205—210). Уклоняясь, таким образом, от перевода присланных ей иноязычных актов, Академия Наук соглашалась только отрецензировать чужие готовые переводы. Репорт Академии до такой степени раздражил сенаторов, что они отказались его принять. Тауберту, который лично принес репорт, они объявили, по словам Ломоносова, «твердый выговор» (документ 453, II, п. 1) и приказали, «чтобы по силе упомянутого Правительствующего Сената указа во всем учинено было неременное исполнение» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 472, л. 133). «Неременного исполнения», однако, не последовало. Задача, возложенная Сенатом на Академию Наук, была ей действительно не под силу: предстояло перевести с немецкого, старонемецкого и шведского языков около 9000 страниц (там же, № 256, лл. 232—233). Безвыходное положение понудило Академическую канцелярию стать на путь сознательных затяжек и формальных отписок. Когда восемь месяцев спустя Сенат запросил о положении дела, то оказалось, что к работе еще и не приступали (там же, лл. 235—236). В конечном итоге перевод актов был возложен Сенатом на Юстиц-коллегию по делам лифляндским и эстляндским, в состав которой был введен для этой цели новый член, отставной дипломат А. С. Волков. Участие же Академии в этом деле было сведено лишь к командированию в помощь Волкову двух знающих языки студентов (там же, лл. 241—242). Отпуская студентов, Ломоносов настоял, чтобы они работали у Волкова только в свободное от лекций время, «дабы производимые ими науки не остались втуне» (там же, л. 246).

¹ Указ Сената был послан 22 сентября, а получен в Академической Канцелярии 26 сентября 1760 г. (там же, л. 202).

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 709, л. 296).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 480—481.

В № 85 «Санктпетербургских ведомостей» от 24 октября 1760 г. и в прибавлениях к № 87 той же газеты от 31 того же октября был опубли-

кован ряд официальных сообщений, связанных с взятием Берлина русскими войсками. Иностранные переводы этих сообщений были напечатаны во французском и в немецком изданиях названных ведомостей. Экземпляр немецкого издания, вышедшего самым крупным тиражом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 257, л. 37), не отыскан ни в одной из наших государственных библиотек, и нам не известно поэтому, в чем именно заключались погрешности немецкого перевода, о которых говорит Ломоносов. По утверждению Ломоносова, этот перевод содержал «такие ложные известия, кои служат к явному ущербу славы» русского оружия (документ 462, п. 7).

Ответственность за допущенную ошибку должен был бесспорно нести Тауберт, которому еще в 1751 г. было официально поручено «исправлять перевод российских Ведомостей» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 461, л. 152).

Канцелярия Академии Наук, рассмотрев в отсутствие Тауберта публикуемое представление Ломоносова, определила «учинить следствие и, во-первых, допросить архивариуса Стафенгагена и других, кто к тому принадлежит, а от г. советника Канцелярии Тауберта истребовать письменное на то изъяснение» (там же, л. 280). В одном более позднем документе Ломоносов говорит, что следствие было назначено по «словесному приказанию» двора (документ 462, п. 7). Слова Ломоносова о негодовании знатных придворных особ находят себе документальное подтверждение (там же, № 100, оп. 1. № 208, л. 1).

Как видно из позднейшей канцелярской справки, составленной в Академической канцелярии по требованию Ломоносова, к производству следствия было приступлено: архивариус Стафенгаген в качестве главного свидетеля представил какое-то письменное объяснение (там же, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 91—95). Но Тауберт сперва, по словам Ломоносова, «чинил всякие проволочки», а затем, заручившись, очевидно, поддержкой своих придворных покровителей, «для закрытия своей неправды изодрал» показание Стафенгагена (документ 462, п. 7), содержание которого так и осталось нам неизвестным.

¹ «Прошибка» заключалась в том, что в объявлении о продаже кареты, лошадей цуговых и шор в доме графа П. Г. Чернышева этот вельможа был назван вместо действительного камергера действительным камердинером («Санктпетербургские ведомости», № 94 от 24 ноября 1760 г.). За эту «прошибку» академический переводчик и корректор Алексей Барсов был посажен под арест, разжалован в копиисты, а, кроме того, еще и оштрафован в сумме месячного оклада (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 259).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 704, примеч. 1.

Датируется предположительно — по связи с представлением Ломоносова в Канцелярию АН от 9 декабря 1760 г. (документ 450).

Судя по форме публикуемой записки, она представляет собою (довольно обычный в деловой практике Ломоносова) конспект его словесного выступления по делу об ошибке, допущенной Таубертом в немецком переводе официального сообщения о взятии русскими войсками Берлина.

Не известно, предшествовало ли это словесное выступление подаче Ломоносовым письменного представления в Академическую канцелярию (документ 450), или же состоялось уже в то время, когда Канцелярия определила произвести по этому делу следствие.

452

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 472, л. 18).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 485—486.

Учитель русского языка С. И. Веденский был хорошо известен Ломоносову и как бывший академический студент, и как его ближайший сотрудник по работе над «Древней российской историей» (т. VI наст. изд., стр. 575). Под караулом он содержался с 11 декабря 1760 г. по распоряжению Ломоносова за двухнедельный прогул (см. т. IX наст. изд., документ 261). Прапорщик П. Н. Галл занимал в Академии Наук должность «инспектора над магазином, у которого в команде солдаты канцелярские и при департаментах» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 460, л. 440). Его надзору была подчинена и академическая «караульня», где содержались арестованные.

Дело против Галла было возбуждено Ломоносовым по жалобе Веденского. Следствием было установлено, что прапорщик, приказав караульным солдатам держать учителя, собственноручно избил его «плетью, какою лошадей погоняют». Обнаруженные на спине у Веденского «боевые знаки» подтвердили факт учиненной над ним расправы (ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 46), а благодаря свидетельству Ломоносова, был установлен, кроме того, еще и факт вымогательства со стороны Галла.

453

Печатается по черновику, писанному писарской рукой с собственноручными поправками Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 19—22). с указанием в сносках вариантов по более раннему черновику, писанному рукой Ломоносова (там же, лл. 8—15) и обозначенному в сносках словом «черновик».

Впервые напечатано — ОР, II, стр. 73—85.

Датируется на основании пометы Ломоносова в собственноручном черновике представления (см. стр. 228, сноска в).

Об этом представлении Ломоносова упоминает Миллер в своем письме Г. Н. Теплову от 12 марта 1761 г. («Вы говорите в вашем письме о 18 обвинительных пунктах, которые он [Ломоносов] послал его сиятельству касательно меня»). Прося Теплова в том же письме прислать ему копию этого представления, Миллер говорит и о письме Ломоносова к Теплову от 30 января 1761 г. (письмо 72), копия которого побывала в руках и у Миллера, и у Тауберта (Ламанский, стр. 105). Таким образом, не может быть сомнения в том, что публикуемое представление было действительно послано Ломоносовым президенту.

В этом представлении Ломоносов приводит отдельные факты из истории Академии Наук, которые использованы им отчасти в упомянутом письме к Г. Н. Теплову и в «Краткой истории поведения Академической канцелярии» (документ 470).

Узнав о существовании публикуемого представления, но еще не успев ознакомиться с его содержанием, Миллер обратился к Теплову с просьбой исходатайствовать у президента Академии Наук ордер, который воспрещал бы Ломоносову вмешиваться в дела, касающиеся Миллера. «Верьте мне, сударь, — писал Миллер Теплову, — Ломоносов — это бешеный человек с ножом в руке. Он разорит всю Академию, если его сиятельство не наведет в ней в скором времени порядка» (Ламанский, стр. 105).

¹ Миллер представлял П. И. Рычкова в почетные члены Академии в конце 1758 г.; в январе 1759 г. Академическая канцелярия присвоила, однако, Рычкову лишь звание корреспондента Академии (документ 402); Миллер в своей переписке действительно называл Рычкова «членом корреспонденции».

² В «Новых лейпцигских ученых сочинениях» и в «Журнале ученых людей» (голландского издания) было напечатано «обстоятельнейшее известие» Эпинуса об опытах, проделанных в Петербурге в 1758—1759 гг. по замораживанию ртути; то же известие Эпинус предполагал напечатать и в одном из академических изданий, но напечатание их в русском издании не состоялось ввиду замеченных в труде Эпинуса «неисправностей», которые, по словам Ломоносова, состояли в том, «что в оном первое замораживание искусством ртути приписано Цейгеру» (т. IX наст. изд., документ 226).

³ См. примечания к письму 72.

⁴ См. т. IX наст. изд., документы 33, 39—41 и примечания к ним.

⁵ Словом «phanatique» (фанатичный) Ломоносов по забывчивости заменил другое французское слово «phantastique» (фантастический): Ж.-Н. Делиль в одном из писем Миллеру обозвал Петербургскую Академию Наук «corps phantastique» (фантастическое сообщество). По поводу этой переписки

Делиля с Миллером и была учреждена над последним «вторая комиссия» (см. документы 415—423 и примечания к ним). «Студент Арнольд» — немецкий физик, магистр Иоган-Христиан Арнольд, написавший в 1754 г. диссертацию о теплоте и стуже, в которой резко критиковал Ломоносова (см. т. III наст. изд., стр. 539).

⁶ Речь идет о французском астрономе Шаппе д'Отерош (см. т. IX наст. изд., документы 227—232 и примечания к ним; «Ломоносов», II, стр. 248—249). Недовольство при дворе и в Сенате его приездом, вероятно, было; возможно, что вспоминали при этом случай с академиком И.-Г. Гмелином, который по отъезде из России издал за границей свой «журнал» Сибирского путешествия — «Reise durch Sibirien» (1752—1753 гг.), где находили много вещей «бесславных» для России и русского народа (Пекарский, I, стр. 452).

⁷ См. документы 426, 427 и примечания к ним и т. IX наст. изд., документ 313.

⁸ См. т. IX наст. изд., документы 106, 164, 165 и примечания к ним. Какие карты были сделаны в Географическом департаменте «для частных лиц [т. е. для частных лиц] в угождение», установить не удастся. Говоря о том, что Миллер составлял, «как и прежде сего, вместо российской истории знатым особам генеалогические таблицы», — Ломоносов имел в виду составлявшиеся Миллером «родословные таблицы» «великих князей, царей и императоров российских... прежних удельных князей... и о иных знатных родах», чем Миллер занимался еще до поручения ему в 1747 г. «должности российского историографа» (Миллер. История Сибири, I. М.—Л., 1937, стр. 151). Об отношении Миллера к делу собирания «географических ответов из городов» см. т. IX наст. изд., документ 140 и примечания к нему.

⁹ Миллер был назначен профессором еще в 1730 г., но лекций в Академическом университете не читал во все последующие годы своей деятельности, хотя некоторое время (1747—1750 гг.) был ректором и профессором Университета. Слова Ломоносова о том, что Миллер «порочит полезные новые учреждения Университета и Гимназии», разработанные Ломоносовым, вполне соответствовали действительности (т. IX наст. изд., документы 317, 319 и примечания к ним; ср. также: Ламанский, стр. 105).

¹⁰ «Пустошь» — пустая и невразумительная речь.

¹¹ См. т. VI наст. изд., стр. 17—80, 546—559.

¹² Речь идет о статье Миллера «Известия о запорожских козаках», напечатанной в майском номере «Сочинений и переводов, к пользе и увеселению служащих» (1760 г., стр. 387—444). Какой «лист был перепечатан» и какие «слова выкинуты», установить не удастся.

¹³ См. выше, примечание 7. На стр. 41 июльского номера «Сочинений и переводов, к пользе и увеселению служащих» 1760 г., в статье

И. Г. Гербера «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и о их состоянии в 1728 году» было сказано: «Андреева или Ендери деревня, лежащая между реками Сулаком и Аксалем, построена и населена от беглых русских и казаков». Миллер как редактор «Сочинений и переводов» сделал к этому месту статьи Гербера следующее примечание: «Сие мнение сочинителево о происхождении жителей в Андрееве весьма сомнительно. Они держатся магометанской веры. Как же русские и козаки, живущие в совершенной вольности, могли к оной приклониться? Такого примера еще не было и никаких следов российского языка у них не примечено. Имя Андреева, которое, чаятельно, сочинителя к сему мнению привело, может быть произошло от российских караванов, из подобного татарского слова Ендери». Миллер не совсем прав: в местности Эндери (на северном Кавказе), слышней у русских под названием Андреевой деревни, население было смешанное: в его составе были и донские казаки, бежавшие туда после Булавинского восстания. Вопрос об этой местности, подчиненной Тарковскому шевкалу, беспокоил русскую дипломатию еще при Петре I (С. М. Соловьев, кн. IV, столб. 669—670).

¹⁴ См.: Протоколы Конференции, т. II, стр. 458—460 и т. IV наст. изд., стр. 761—762.

¹⁵ См. документ 444 и примечания к нему.

¹⁶ Описание жилищ чувашей находится в труде Миллера «Описание языческих народов в Казанской губернии, а именно, черемисов, чувашей и остяков» («Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», июль 1756 г., стр. 39—40). «Домы у сих народов, — писал Миллер, — деланы татарским построением, разнятся от русских крестьянских домов тем, что избы не черные, но белые».

¹⁷ В «Sammlung russischer Geschichte» (академическом журнале, который был создан Миллером еще в 1732 г., прекратился после отъезда Миллера в сибирское путешествие в 1733 г. и возобновлен им в 1758 г.) был напечатан в 1760—1761 гг. в т. V, вып. 3—4 «Versuch einer neueren Geschichte von Russland» («Опыт новейшей истории России»), в котором находилась и часть, посвященная «смутным временам Годунова и Растриги» (см. т. V, вып. 3, стр. 181—264, и вып. 4, стр. 265—380); в следующем, 1761 г. Миллер напечатал по-русски в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих», в январе (стр. 3—63), феврале (стр. 99—154) и марте (стр. 195—244) большую часть «Опыта новейшей истории России». Для апрельской книжки «Ежемесячных сочинений» был набран и конец «Опыта» — описание времени Годунова и «Растриги», но апрельская книжка вышла без этой статьи Миллера: она была изъята из готового уже номера журнала, а Миллер, по его словам, получил тогда «жестокый выговор» от правительства «за некоторые в его сочинениях о российской истории нахо-

дящиеся непристойности» (П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867, стр. 46—47; Пекарский, I, стр. 380).

¹⁸ См. т. VI наст. изд., стр. 546—559.

¹⁹ См. документ 449 и примечания к нему.

²⁰ См. документы 457, 458 и 470, § 45 и примечания к ним, а также т. IX наст. изд., документы 306, 308, 341 и примечания к ним.

²¹ Т. е. Шумахера.

²² Ордер президента Академии Наук от 23 октября 1760 г. об отправлении адъюнкта Румовского в Сибирь для наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца (см. т. IX наст. изд., примечания к документу 227).

²³ Об организации астрономической экспедиции в составе академика Н. И. Попова и адъюнкта С. Я. Румовского в конце 1760 г.— начале 1761 г. см. т. IX, документы 227—231, 235, 246 и примечания к ним.

²⁴ См. т. IX наст. изд., примечания к документу 322.

²⁵ Антлия — воздушный насос. О физических опытах с птицами см. т. IX наст. изд., документ 204 и примечания к нему.

²⁶ См. примечания к документам 438, 439, 447, 448

²⁷ См. примечания к документу 460, п. 6.

²⁸ См. документ 443 и примечания к нему. К. И. Щепин, получивший прекрасное образование за границей, работал в 1751—1753 гг. в Академии Наук, где для обучения натуральной истории был «придан» к академику С. П. Крашенинникову. В мае 1753 г. при поддержке последнего Щепин был командирован в Лейден для усовершенствования в ботанике: его прочли в преемники тяжело больного Крашенинникова (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, лл. 280—281, 303—304, 308, 313—332; № 463, лл. 1—2; № 464, лл. 321—323). Но когда в 1755 г. Крашенинников умер, его профессорская вакансия была замещена выписанным из-за границы И.-Х. Гебенштрейтом, а на должность адъюнкта при нем был прислан за границей же двадцатидвухлетний тюбингенский «лицензиат» И.-Ф. Кельрейтер (там же, № 700, лл. 181—182, 189; № 128, лл. 173—191). Что же касается Щепина, то когда в июне 1756 г. Медицинская канцелярия выразила желание перевести его в свой штат, Академическая канцелярия тотчас же ответила на это согласием, потребовав только, чтобы Медицинское ведомство возместило ей расходы по заграничной командировке Щепина (там же, № 467, л. 125). Эту сделку Ломоносов и называет «продажей» Щепина. В лице последнего Академия потеряла превосходно образованного натуралиста и выдающегося педагога (см.: В. В. Куприянов. К. И. Щепин — доктор медицины XVIII века. М., 1953).

²⁹ См. примечания к документу 448, п. 4

³⁰ См. примечания к документу 450.

454

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 260, л. 15).

Впервые напечатано — «Ученые записки имп. Академии Наук по I и III отделениям», т. 1, СПб., 1853, стр. LXVIII—LXIX.

В справке Канцелярии АН, составленной по требованию Ломоносова в конце 1761 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 265, лл. 26—29), отмечено, что по публикуемому представлению «резюми не положено».

О том, на какие долгие сроки задерживался выход в свет «Комментариев», см. примечание 48 к документу 516. Обязанности составлять «сокращения диссертаций», т. е. краткие резюме печатаемых в «Комментариях» научных статей, лежала, согласно § 32 Академического регламента, на конференц-секретаре Миллере. Как самые диссертации, так и их «сокращения» печатались на латинском языке и были, таким образом, доступны лишь весьма ограниченному кругу читателей. § 32 Академического регламента требовал, чтобы «сокращения» печатались и в русском переводе, но Миллер этого не исполнял.

455

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 562).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 752.

Датируется предположительно по письму Л. Эйлера к Г.-Ф. Миллеру от 17 февраля 1761 г. нового стиля, которое было получено в Петербурге 23 февраля 1761 г. старого стиля (ААН, ф. 21, оп. 3, № 321, л. 65); в это письмо было вложено, по словам Эйлера, то самое его письмо на имя Ломоносова, о котором упоминается в публикуемом документе. Таким образом, последний был написан не ранее 24 февраля 1761 г. и не позднее 13 марта того же года: в этот день Миллер сообщил Эйлеру о своем разговоре с Ломоносовым, а этот разговор, судя по его содержанию, произошел, очевидно, уже после свидания Ломоносова с Воронцовым.

Письмом от 18 октября 1760 г (нового стиля) Леонард Эйлер, проживавший в то время в Берлине, просил президента Академии Наук К. Г. Разумовского возместить ему как почетному члену Академии убытки, понесенные им при занятии русскими войсками Берлина (французский подлинник письма — ААН, ф. 3, оп. 1, № 472, лл. 2—3; русский перевод там же, № 259, лл. 563—564).

Несмотря на благосклонное отношение президента к просьбе Эйлера (там же, № 472, л. 1), академическая администрация не решалась все же выступить по этому вопросу с официальным представлением, считаясь, вероятно, с тем, что Эйлер в качестве члена Берлинской академии наук

состоял на прусской службе, а война с Пруссией еще продолжалась. Ввиду того, что дело приобретало, таким образом, дипломатический оттенок, Миллер посоветовал Эйлеру прибегнуть к предстательству Ломоносова как человека, близкого к главе дипломатического ведомства, канцлеру М. И. Воронцову (там же, ф. 21, оп. 3, № 321, л. 65; ср.: Пекарский, I, стр. 280). Письмо Эйлера Ломоносову, упоминаемое в публикуемом документе, не сохранилось.

13 марта 1761 г. Миллер написал Эйлеру, что говорил о нем с Ломоносовым, что дело разрешится, по-видимому, благополучно, но что надо запастись терпением, так как решение зависит от наивысших инстанций, а они поглощены другими заботами (там же, ф. 21, оп. 3, № 309). Таким образом, Воронцов обнадежил, по-видимому, Ломоносова, но обнадежил напрасно: ни при Елизавете, ни при ее преемнике, Петре III, никакого решения по делу Эйлера не последовало, и только в апреле 1763 г., во время происходивших в Москве коронационных торжеств, Разумовский сообщил оттуда Канцелярии, что Екатерина II распорядилась выплатить Эйлеру 1200 руб., взяв их из сумм Академической книжной лавки (там же, ф. 3, оп. 1, № 2240, л. 4; ср.: Пекарский, I, стр. 281)

456

Печатается по черновику, писанному писарской рукой с собственноручной припиской Ломоносова (ААН, ф. 3, оп. 1, № 238, л. 14).

Впервые напечатано — «Ломоносов», I, стр. 392—393.

Публикуемый документ является ответом на запрос Сенатской канцелярии от 28 марта 1761 г. о члене Медицинской коллегии, химике и аптекаре Главной Санктпетербургской аптеки И.-Г. Моделе, является ли он «членом Академии Наук, давно ль состоит и по какому указу и точно ль между профессорами числится» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 238, л. 12). Запрос был подписан только секретарем, почему и ответ Академии подписан тоже только секретарем Академической канцелярии, однако заключительная часть этого ответа, касающаяся юридического положения почетных членов, написана Ломоносовым.

Об избрании И.-Г. Моделя почетным членом Академии Наук см.: Протоколы Конференции, т. II, стр. 417 и ААН, ф. 3, оп. 1, № 238, лл. 8—11.

457

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 152).

Впервые напечатано — Акад. изд., т. VIII, стр. 226 втор. паг.

Первая часть публикуемой записи (до слов «позныне не подано») почти дословно совпадает с начальной частью определения Канцелярии от того же числа (документ 458), а это определение написано бесспорно Ломоносовым

Таким образом, нет сомнения, что автором публикуемой записи является он же.

Оба документа — и публикуемая журнальная запись, и определение — были тогда же подписаны Ломоносовым, Тауберт же не подписал ни того, ни другого. Одной подписи Ломоносова было недостаточно, так как, согласно распоряжению президента, определения и резолюции Академической канцелярии должны были подписываться всеми ее членами (там же, ф. 3, оп. 1, № 468, л. 86). Ввиду этого, подписанные Ломоносовым документы были в тот же день посланы на подпись Штелину, который в заседании Канцелярии не участвовал. Штелин подписал из двух документов только один — журнальную запись. Этим было вызвано письмо Ломоносова Штелину, написанное, как явствует из его текста, на другой день после спора с Таубертом, т. е. 2 июня Ломоносов требовал, чтобы Штелин либо подписал определение о ревизии Библиотеки и Кунсткамеры, либо объяснил письменно, почему отказывается его подписать (письмо 74).

В те же дни, видимо, Штелин получил следующее письмо от Тауберта: «Я беседовал вчера вечером с его превосходительством г. камергером Шуваловым. Его весьма удивили затей нашего дорогого коллеги [т. е. Ломоносова], некоторые образчики коих я ему показал. Он оставил у себя тот, который касался предполагаемого обследования Библиотеки, и обещал потолковать об этом также и с Романом Илларионовичем Воронцовым. Со вчерашнего дня, — как мне передавали, — наш первый писатель [т. е. Ломоносов] чувствует себя прижатым к стене и начинает догадываться, что все это дело может обернуться очень для него плохо. Если президент пожелает действовать строго, ничто не спасет его [Ломоносова] от его гнева» (подлинник написан по-французски; см.: «Записки имп. Академии Наук», т. VII, СПб., 1865, стр. 122) Тауберт добавлял даже, что говорил о Ломоносове и с генерал-прокурором. Попытка дискредитировать Ломоносова в глазах вельмож, относившихся к нему наиболее дружественно, свидетельствует о том, до какой степени напуган был Тауберт возможностью обследования подведомственных ему учреждений. Последующие события показали, что он имел основание бояться ревизии: в Сенате в начале июля того же 1761 г. уже шла речь о том, что Академическая библиотека «в превеликом беспорядке», что «Кунсткамера никакого приращения не имеет», что и тут, и там наблюдается «бесполезность и напрасная трата казенной суммы» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», СПб., кн. VI, столб. 225).

Четыре года спустя расхищение книжных и рукописных фондов Академической библиотеки стало общеизвестным фактом, о котором Екатерина II не раз упоминала в своих резолюциях (Пекарский, I, стр. 665).

Штелин уклонился от выполнения требований Ломоносова: определения об обследовании Библиотеки и Кунсткамеры он так и не подписал.

Ломоносова, как он и предупреждал Штелина, это не остановило. На подлинном определении есть отметка, что 2 июня, т. е. в день написания Ломоносовым письма Штелину, копию с этого определения получил канцелярист Я. Волков (ААН, ф. 20, оп. 3, № 118, л. 2 об.); сохранилась в составе «текущих дел» и самая копия (там же, ф. 3, оп. 1, № 262, л. 9). Это означает, что Ломоносовым было дано распоряжение исполнить определение путем посылки указов академикам, которым он намеревался поручить ревизию Библиотеки и Кунсткамеры.

Несмотря, однако, на всю настойчивость Ломоносова, определение от 1 июня осталось неисполненным; указы посланы не были; Тауберт никаких отчетов не представил, и обследование подведомственных ему учреждений не состоялось. Можно не сомневаться, что такой оборот дела явился результатом вмешательства стоявших за спиной Тауберта крупных реакционных сил, которые отнюдь не желали терять такого ловкого и полезного агента, как он. Ревизия Библиотеки была произведена лишь два года спустя после смерти Ломоносова — в 1767 г. (там же, ф. 3, оп. 1, № 537, л. 233).

458

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН СССР, ф. 20, оп. 3, № 118, лл. 1—2), с указанием в подстрочных сносках вариантов по черновику, писанному рукой Ломоносова (там же, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 38).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 523—525.

См. примечания к документу 457.

459

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым, Таубертом и Штелином (ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 235).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 540.

Во исполнение публикуемой резолюции, Книжная лавка представила в Академическую канцелярию девять печатных произведений Ломоносова по 12 экземпляров каждого (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1098, л. 43). Они были переданы в переплетную мастерскую, где, по желанию Ломоносова, были переплетены «всех выходов в одну, итого в двенадцать книг» (там же, № 264, л. 91). Получилось, таким образом, двенадцать конволютов, из которых каждый содержал все девять произведений.

Документальных материалов о рассылке их иностранным ученым не обнаружено. Один из двенадцати конволютов находится в настоящее время в Рукописном отделении Библиотеки АН СССР (шифр $\frac{V.F.O.}{11}$). На его корешке вытеснено: «Ломоносов, Opera academica» («Ломоносов, Академические сочинения»).

Намереваясь разослать свои произведения, Ломоносов преследовал, очевидно, двоякую цель: с одной стороны, он хотел ознакомить зарубежных ученых с теми из своих сочинений, которые считал, вероятно, лучшими, с другой стороны — заботился в отдельных случаях и о закреплении своего приоритета. Поэтому список произведений Ломоносова, отобранных им для рассылки, интересен вдвойне. В конволют вошли в указанной ниже последовательности:

- 1) Слово похвальное Елизавете Петровне (изд. 1749 г.),
- 2) Слово о пользе химии (изд. 1758 г.),
- 3) Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих (изд. 1753 г.),
- 4) Слово похвальное Петру Великому (изд. 1759 г.),
- 5) Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее (изд. 1759 г.),
- 6) Слово о рождении металлов от трясения земли (изд. 1757 г.),
- 7) Рассуждение о бóльшей точности морского пути (изд. 1759 г.),
- 8) Рассуждение о жидкости и твердости тел (изд. 1760 г.),
- 9) Явление Венеры на Солнце (изд. 1761 г.).

Из девяти произведений семь вошли в латинском переводе, «Явление Венеры» в немецком переводе и «Слово похвальное Петру Великому» во французском переводе бар. Т.-Г. Чуди, состоявшего одно время личным секретарем И. И. Шувалова. В конволюте Библиотеки АН, на титульном листе этого последнего перевода, после напечатанных по-французски слов «переведено с русского подлинника» Ломоносов своей рукой приписал по-французски же: «но переведено очень плохо и вопреки возражениям автора».

460

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф 20, оп 1, № 2, л. 50—51).

Впервые напечатано (с пропуском пунктов 11—13) — Пекарский, II, стр. 928—929.

Датируется предположительно — по самому позднему из всех упоминаемых в этих заметках эпизодов академической жизни (см. ниже, пояснения к пункту 13) и по тесной связи с представлением президенту Академии Наук (документ 461), которое было написано не позднее 24 декабря 1761 г. Пятилетний, «слезный», по выражению Ломоносова, опыт работы в должности члена Академической канцелярии (1757—1761 гг.) привел его к убеждению, что наиболее злостным его противником является другой член той же Канцелярии, Тауберт. В руках последнего оказался к этому времени фактически весь административно-хозяйственный и финансовый аппарат Академии. Оказывая личные услуги ее президенту (Тауберт орга-

низовал для детей Разумовского домашнюю школу, которой сам и руководил), он снискал его расположение и заручился, кроме того, чрезвычайно широкими связями в высших бюрократических и придворных сферах тогдашнего Петербурга. Это давало ему возможность безнаказанно злоупотреблять своей властью. О злоупотреблениях Тауберта знал не один Ломоносов: знал о них и третий член Канцелярии, Штелин, знали и другие академики (ААН, разр. IV, оп. 6, № 91, л. 36 и сл. и № 92, л. 26 и сл.), однако только у Ломоносова хватило мужества заявить об этом открыто и потребовать удаления Тауберта из Академии и предания его суду. Сознавая всю опасность такого выступления, Ломоносов готовился к нему с особенной тщательностью: собирал фактический материал, записывал начерно то, что приходило на память, составлял план официального представления президенту Академии и т. д. Публикуемые заметки, поясняемые ниже по отдельным их пунктам, отражают одну из начальных стадий этой подготовительной работы Ломоносова.

Пункт 1. Вопрос о непредставлении Таубертом отчетов по Библиотеке и Кунсткамере был официально возбужден Ломоносовым в заседании Академической Канцелярии 1 июня 1761 г. (документы 457—458).

Пункт 2. Говоря о том, что Тауберт настраивал против него академика Ф.-У.-Т. Эпинуса, Ломоносов имеет в виду два эпизода: 1) продолжавшиеся более трех лет (1756—1759) споры о построенной Ломоносовым «ночезрительной трубе», в процессе которых особенно резко «в ироническом тоне теоретического превосходства» выступал против Ломоносова Эпинус (см. т. IV наст. изд., стр. 732—737 и «Ломоносов», II, стр. 71—92), причем, по утверждению Ломоносова, «все ясно уразумели, что то есть Таубертов промысел по шумахерскому примеру» (документ 470, § 38); 2) участие Эпинуса в группе академиков, ходивших по наущению Тауберта к президенту Академии Наук и другим сановникам с просьбой не производить Ломоносова в чин статского советника; этот эпизод, не получивший никакого отражения в сохранившихся документах, известен только со слов Ломоносова (документ 470, § 39). Отношения академика С. Я. Румовского с академиком Н. И. Поповым, адъюнктом А. Д. Красильниковым и Н. Г. Кургановым стали обостряться с конца 1760 г. в связи с организацией наблюдений прохождения Венеры по диску Солнца (подробнее см. т. IX наст. изд., документы 227—231, 235—243, 246). Румовский, тесно связанный с Эпинусом и Таубертом, был в 60-х годах одним из наиболее деятельных участников враждебной Ломоносову академической группы.

Пункт 3. Под «деньгами от Типографии» Ломоносов понимает доход от продажи академических изданий; эти суммы Тауберт расходовал в ряде случаев бесконтрольно, «имея, — по выражению Ломоносова, — казну от Книжной лавки под своим ведением и печатью» (документ 470, § 45)

Пункт 4. Речь идет о злоупотреблениях, которые допускались Таубертом при сдаче подрядов на строительные и ремонтные работы. Начало официальной борьбы с этими злоупотреблениями Ломоносов положил еще в 1759 г., а в 1760 г. составил подробную записку по этому предмету (документы 438, 439, 448).

Пункт 5. О ремонте «дома Волкова и Лутковского», который был передан Академии Наук в 1757 г. и где помещалась «новая» Академическая типография и личная квартира Тауберта, см. документ 448, п. 4.

Пункт 6. Заказ на глобус для вел. князя Павла был передан Академии Наук воспитателем Павла Ф. Д. Бехтеевым 15 марта 1760 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 253, л. 144). Академическая канцелярия поручила изготовление глобуса адъюнкту И. Ф. Трускоту (там же, № 530, л. 83).

Академии обязали сделать глобус для Павла «не помешкав» (там же, № 253, л. 144). Ломоносов обвинял Тауберта в том, что он, желая отстранить Ломоносова от участия в этом деле и «пренебрегая предосторожностью о целостности здравия государственной фамилии», отдал глобус Трускоту на дом в то самое время, когда «Трускотова жена и с детьми были в прилипчивой болезни» (документ 469, п. 9, сноска а).

Пункт 7 (зачеркнутый Ломоносовым). В этом пункте речь шла об ответственности Тауберта за ошибки, допущенные при опубликовании реляции о взятии русскими войсками Берлина (подробнее см. документы 450 и 451).

Пункт 8. Под именем «российских астрономов» Ломоносов разумеет адъюнкта А. Д. Красильникову и Н. Г. Курганова, которых академик Ф.-У.-Т. Эпинус при поддержке Тауберта не желал допустить в Академическую обсерваторию для наблюдения одновременно с ним в мае 1761 г. прохождения Венеры по диску Солнца (подробнее см. т. IX наст. изд., документы 236—242).

Пункт 9. Говоря о профессорах, которых Тауберт обижал «коварным и наглым образом», Ломоносов имел в виду в данном случае, вероятно, И.-А. Брауна, А. П. Протасова и Г.-Ф. Федоровича (документ 470, §§ 49, 50 и 58). Профессорская кафедра была вынесена, по распоряжению Тауберта, из помещения, где читал лекции профессор Браун (документ 397).

Пункт 10. Ломоносов говорит в этом пункте о своих предложениях, которым Тауберт не дал хода. Далее, на другом листе, он перечисляет их подробно (см. стр. 246). Весьма вероятно, что именно в эти дни, одновременно с составлением публикуемых заметок, Ломоносов дал распоряжение служащим Академической канцелярии составить для него справку о поданных им представлениях и об исполнении, которое по ним последовало. Эта справка под заглавием «Экстракт, учиненный в Канцелярии Академии Наук из поданных от г. коллежского советника Ломоносова представлений и из учиненных на то в Канцелярии определений» сохранилась в Архиве

АН СССР в двух видах: цел и белой экземпляры, восходящий к личному архиву Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 91—95), и — среди «текущих дел» Канцелярии за ноябрь 1761 г. — черновик, испещренный поправками разных лиц, в том числе и Тауберта (там же, ф. 3, оп. 1, № 265, лл. 26—29). Экстракт охватывает время с половины марта 1757 г. по половину февраля 1761 г. и содержит сведения о девятнадцати представлениях Ломоносова. Реальное исполнение — как видно из экстракта — последовало только по двум из них.

Пункт 11 (зачеркнутый Ломоносовым). Определений Академической канцелярии, подписанных ее членами и зачеркнутых Таубертом, среди сохранившихся документов не обнаружено, что и не удивительно: если подобные случаи бывали, то Тауберт бесспорно изымал и уничтожал такие, зачеркнутые им документы.

Пункт 12. Речь идет о задуманных Ломоносовым еще в 1759 г. астрономо-географических экспедициях для определения широты и долготы важнейших населенных пунктов нашей страны. Это предприятие, основательно продуманное и подготовленное Ломоносовым, было, по выражению новейшего исследователя, «затянута и сорвано» путем «поверхностных отговорок и указаний на формальные препятствия» (Гнучева, стр. 69; подробнее см. т. IX наст. изд., документы 118, 121, 122, 124, 125, 127, 128, 130, 135, 137, 141, 143, 146, 151, 160, 169, 173, 193—195, 198). Под словами «почтовая карта» следует понимать ту новую карту России, к составлению которой Миллер приступил в 1754 г. и на которую намеревался нанести все почтовые станции. Усомнившись «в местоположении Астрахани и всей местности вокруг Каспийского моря», Миллер, — как сам он рассказывал впоследствии, — «нашел такую поддержку, что выпуск почтовой карты, хотя гравировка ее была уже закончена, был отложен» (Гнучева, стр. 64, 225—226). Это произошло, очевидно, уже в те годы, когда Географический департамент находился в ведении Ломоносова. Упомянутая карта в исправленном виде была издана Миллером только во второй половине 1770-х гг. (там же, стр. 64 и 249, № 118), т. е. много лет спустя после смерти Ломоносова.

Пункт 13. Эпизод, о котором говорится в этой заметке, был самым недавним из всех упомянутых в публикуемом документе. Ревизион-контора, контролировавшая финансовую деятельность государственных учреждений, наложила на Академическую канцелярию штраф в сумме 120 руб. «за неприсылку в указанные сроки» денежных отчетов за 1757 г. Академическая канцелярия, несмотря на многократные напоминания, не уплатила штрафа Сенатским указом от 24 октября 1761 г. была подтверждена необходимость его уплаты (ААН, ф. 3, оп. 1, № 967, лл. 108—109), и таким образом были удостоверены те самые беспорядки в академической отчетности, которые так настойчиво ставил на вид Ломоносов. Воспользовавшись тем,

что резолютивная часть сенатского указа была сформулирована недостаточно отчетливо, Тауберт, судя по канцелярскому журналу, огласил в присутствии Ломоносова только ее, умолчав об исторической части указа, где были вполне ясно изложены обстоятельства дела (там же, № 531, л. 263). При очередном отпуске денег на уплату жалованья академическим служащим Статс-контора промеморией от 12 ноября 1761 г. распорядилась удержать упомянутый штраф (там же, № 264, л. 108). Содержание этого документа не удалось скрыть от Ломоносова: он был прочитан в его присутствии 29 ноября 1761 г. (там же, № 531, л. 284 об.). Дальнейшее течение дела не совсем ясно. Упоминаемая Ломоносовым промемория на имя Статс-конторы не обнаружена, однако в других документах имеются косвенные указания на то, что Тауберт добился все же, по-видимому, отмены штрафа (ср. там же, л. 300). Упомянутый Ломоносовым М. Фирсов занимал должность регистратора при Академической канцелярии и вел переписку по счетной части.

Заметки, занесенные Ломоносовым на второй лист (стр. 245), относятся бесспорно к тому же приблизительно времени, что и предыдущие, но отражают уже следующую стадию работы: составление плана записки о служебных преступлениях и упущениях Тауберта. Характерные для Ломоносова цифровые строки свидетельствуют о том, что, кроме откомментированных выше, существовали еще и какие-то другие, не дошедшие до нас черновые заметки Ломоносова на ту же тему, снабженные порядковыми номерами. Из этих-то номеров, расгруппированных по тематическому признаку, и составились четыре строки. На них кончается начальный набросок плана. Он предусматривал, как видно, общую характеристику неблагоприятных действий Тауберта (первые три пункта), за которой должна была следовать целая серия иллюстрирующих ее фактических справок, разбитых на четыре тематические группы: 1) «властолюбие», 2) «лакомство» (т. е. корыстолюбие), 3) «зависть» и 4) «ненависть к россиянам».

Далее на том же листе набросан план представления К. Г. Разумовскому (слова «к графу» имеют в виду его) о необходимости положить конец академическому неустройству, которое, — как предостерегал Ломоносов, — могло навлечь неприятности и на самого президента («чтобы хлопот избыл»). — «Académie sans, sans. . .» — сокращенная выдержка из несохранившегося письма Г. Н. Теплова на имя профессора Ф.-Г. Штрубе-де-Пирмонта; в развернутом виде цитируемый Ломоносовым отрывок из этого французского письма был передан им по-русски так: «Академия без академиком, Канцелярия без членом, Университет без студентов, правила без важности и, наконец, во всем замешательство, даже поныне не исцелимое» (документ 470, § 36). Фамилию Теплова Ломоносов переименовал на немецкий лад (Tepelhof).

«Указом 24 года» Ломоносов называет именной указ Петра I от 20 января 1724 г. «о повиновении командирам во всем, что не противно указам» (ПСЗ, № 4423). — Из числа представлений Ломоносова Разумовскому, отправленных «недавно на Украину», где президент Академии прожил на этот раз более полутора лет, с 8 марта 1760 г. по 23 октября 1761 г., известны три записки (документы 495, 448, 453). «Обличительным» Ломоносов называет свое письмо Теплому от 30 января 1761 г (письмо 72).

Следующие две строки, помеченные знаком NB, приписаны, видимо, позднее. — Фамилия упоминаемого Ломоносовым «Лва Симоновича» не выяснена. — «Morbus Neapolitanus» в буквальном переводе «неаполитанская болезнь»; в XVIII в. так принято было называть сифилис.

Далее, под заголовком «Представления», Ломоносов перечисляет двенадцать своих представлений, не получивших хода ввиду противодействия Тауберта и его приспешников. Последовательность, в которой записаны представления, убеждает в том, что, перечисляя их, Ломоносов держал перед глазами вышеупомянутый «экстракт», составленный по его требованию Академической канцелярией (см. выше, пояснения к п. 10).

Представление 1-е — см. документ 429 и приписанные сбоку слова «О строении академическом подан план».

Представление 2-е — см. т. IX наст. изд., документ 300.

Представление 3-е, обозначенное в публикуемых заметках одним словом «Потребно!!!», — см. документ 43.

Представление 4-е — см. документ 399.

Представление 5-е — см. т. IX наст. изд., документ 313.

Представление 6-е, обозначенное в публикуемых заметках одним греческим словом *βατοσκόπιον* батоскоп, — см. т. IV наст. изд., стр. 321—323, 445, п. 7, 788, прим. 49.

Представление 7-е — см. документ 438

Представление 8-е — см. документ 404.

Представление 9-е — см. документ 454

Представление 10-е — см. документ 406.

Представление 11-е — см. т. IX наст. изд., документ 265.

Представление 12-е — см. документы 457—458 (ср. также п. 1 публикуемых заметок).

Представление 13-е среди сохранившихся документов не обнаружено: известны лишь отдельные упоминания Ломоносова об этом эпизоде (см. выше пояснения к п. 6 публикуемых заметок).

Заключительные строки, где Ломоносов вводит новую уже нумерацию, посвящены тем «препятствиям», которые чинил Тауберт при организации задуманных Ломоносовым астрономо-географических экспедиций (см. выше пояснения к п. 12 публикуемого документа) и при осуществлении предло-

женных Ломоносовым преобразований Академической гимназии: последняя тема подробно развита Ломоносовым в документах, написанных им в более позднее время (см. документ 470, §§ 45—47, 51, 52, а также т. IX наст. изд., документы 350 и 353).

Приписка на полях против слова «Представления» касается, видимо, двух разных вопросов:

1) о том, что в представлении президенту (Ломоносов в данном случае называет это представление «репортом») следует включить сведения об академических учреждениях, подведомственных Ломоносову, т. е. об Университете, Гимназии и Географическом департаменте;

2) о том, что следует написать в Камер-коллегию промеморию относительно выборки там сведений о количестве крестьянского населения сел и деревень (см. т. IX наст. изд., документы 123, 134, 142, 149, 197). Возможно, впрочем, и другое толкование последних строк, так как падежное окончание слова «промемория» оторвано: если это слово было не в винительном, а в предложном падеже, то это означало, что Ломоносов считал нужным упомянуть об этой промемории в своем представлении президенту.

При оценке всего публикуемого документа в целом полезно иметь в виду, что ломоносовская характеристика академической деятельности Тауберта совпадает в общих чертах с той, которая дана в найденной в Лондоне академиком И.-Х. Гамелем краткой анонимной истории Академии Наук, написанной в 1767 г. на французском языке (ААН, разр. IV, оп. 6, № 91, л. 36 и сл. и № 92, л. 26 и сл.). Это совпадение имеет тем большее значение, что автором упомянутой истории был совершенно бесспорно академик Я. Я. Штелин, состоявший с 1757 по 1763 г., т. е. одновременно с Ломоносовым членом Академической канцелярии и, таким образом, столь же близко, как он, знакомый с внутренней жизнью Академии того времени. О «превеликом беспорядке» в подчиненных Тауберту «департаментах», о бесхозяйственном расходовании им бюджетных средств и бесконтрольной трате так называемых «книжных сумм» был хорошо осведомлен и Сенат, что нашло себе отражение в его определении от 5 июля 1761 г. (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», СПб., кн. VII, столб. 225—226).

Печатается по черновику, писанному писарской рукой и собственноручно исправленному Ломоносовым (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 43—48).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Представление впервые напечатано — Билярский, стр. 551—553; приложение к представлению («Пункты продерзостей Канцелярии советника Тауберта») публикуется впервые

Датируется предположительно по содержанию представления, теснейшим образом связанному с опубликованными в настоящем томе (документ 460) черновыми заметками, которые совершенно бесспорно датируются концом 1761 г. Слова «ради вашего недолгого, как видно, здесь пребывания» показывают, что публикуемое представление писалось в бытность К. Г. Разумовского в Петербурге, куда он вернулся из Глухова 10 декабря 1761 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 289 об.), а упоминание о «самодержнице» дает полное основание утверждать, что публикуемое представление писалось еще при жизни императрицы Елизаветы, которая умерла 24 декабря того же года.

Подлинник публикуемого представления не отыскан, и неизвестно, было ли оно подано Разумовскому. Мы знаем лишь, что в декабре 1761 г., правда, по-видимому, уже после смерти Елизаветы, Ломоносову довелось побывать у Разумовского с докладом по некоторым академическим делам (там же, лл. 301 об.—302). Но какова бы ни была дальнейшая участь публикуемого документа, цель, которую он преследовал, достигнута не была: Тауберт остался у власти.

В публикуемом представлении Ломоносов приводит полностью тот указ Петра I, о котором упоминал и в своих предварительных черновых заметках (документ 460), и открыто предупреждает Разумовского, что в случае, если последним не будет уважено данное представление, он, Ломоносов, поступит по петровскому указу, т. е. обжалует действия Разумовского в Сенат или императрице. Была ли приведена в исполнение эта угроза, остается невыясненным.

Говоря о прежних своих представлениях Разумовскому, Ломоносов имеет в виду, очевидно, свои записки о неудовлетворительном состоянии Академии Наук, представленные президенту в начале того же 1761 г. (документы 405 и 453).

Пояснения к «пунктам продерзостей» Тауберта см. в примечаниях к черновым заметкам (документ 460), которые легли в их основу.

Ломоносов придавал, как видно, чрезвычайно серьезное значение публикуемому документу и вполне ясно сознавал, каким опасностям подвергает себя, обращаясь к своему сановному начальнику с таким решительным и резким требованием: об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве Ломоносова выписка из законов, составленная по его, несомненно, поручению академическим канцеляристом (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 47—48); она содержит полные тексты указов Петра I от 20 января 1724 г. и 13 ноября 1724 г. о праве челобитчиков на отвод лицеприятных судей и об ответственности челобитчиков за отвод, заявленный ими без достаточных оснований, а также выдержки из «Артикула воинского купно с процессом, надлежащим судящим» 1715 г. и из Уложения 1649 г. об ответственности челобитчиков за клевету.

462

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 86—90; вариант п. 9 — там же, ф. 20, оп. 3, № 7, лл. 1—2).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 553—557. Черновой вариант п. 9 публикуется впервые.

Датируется предположительно по тесной связи с документом, приложенным к представлению Ломоносова на имя президента Академии Наук об отдаче Тауберта под следствие (документ 461).

Настоящая записка, известная только по черновому автографу, является несколько более распространенным вариантом вышеупомянутого приложения к документу 461, которое озаглавлено «Пункты продерзости советника Тауберта». Возможно, что Ломоносов готовил публикуемую записку в качестве приложения к той жалобе в Сенат, о которой он намекал Разумовскому в своем представлении на его имя (документ 461).

Пояснения к отдельным пунктам см. в примечаниях к черновым заметкам, которые легли в их основу (документ 460).

По упомянутой в п. 1 жалобе Н. А. Демидова на Тауберта было произведено особое расследование, которое подтвердило основательность жалобы (ААН, ф. 3, оп. 1, № 472, лл. 117, 125 и 126; см. также: Пекарский, II, стр. 734—735).

463

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Разумовским, Ломоносовым и Таубертом (ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената. № 3055, л. 606).

Публикуется впервые.

О переводе и печатании «Описания манчжурского народа» см. т. IX наст. изд., документ 276.

Хоть публикуемое доношение подписано и не одним Ломоносовым и хоть окончательный текст доношения выправлен не его рукой, а рукой Тауберта (ААН, ф. 3, оп. 1, № 208, л. 405), однако почин в этом деле принадлежал бесспорно Ломоносову: о работе, выполненной Россохиным и Леонтьевым, он высказывался с особенным уважением как о «немалом» труде (документ 470, § 62).

И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева можно смело назвать первыми русскими синологами. Оба были серьезными знатоками китайского и маньчжурского языков, изучением которых они занимались в Китае в течение долгого ряда лет: Россохин прожил там с 1727 по 1740 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 39), а Леонтьев — с 1742 по 1751 г. (Русский биографический словарь, т. «Лабзин-Ляшенко», стр. 227).

7 августа 1762 г. последовал указ Сената о выдаче единовременного пособия вдове и детям Россохина в размере 600 руб., а Леонтьеву в раз-

мере 400 руб. Последний был произведен, кроме того, в чин «первых трех коллегий секретаря» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 968, л. 190).

464

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, л. 215) с указанием в сносках вариантов по собственноручному черновику (там же, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 109).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 569—570.

Датируется предположительно — по упоминаемому Ломоносовым определению Канцелярии АН от 11 сентября 1762 г. (там же, № 532, л. 213).

Указом Сената от 27 августа 1762 г. Академии Наук, как и другим государственным учреждениям, было повторно предложено представить в Сенат «о государственных доходах обстоятельные и краткие ведомости, сколько тех денег ежегодно в казну доходит, куда оные в расход употребляются и по каким указам» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 968, л. 226). Тауберт, стремясь сохранить за собой бесконтрольное распоряжение крупными денежными доходами академической Книжной лавки, Типографии и мастерских (в первой половине 60-х годов XVIII в. эти доходы составляли в среднем около 20 000 руб. в год; см. там же, № 270, л. 193 об.), вынес 11 сентября 1762 г. в отсутствие Ломоносова журнальную резолюцию о представлении в Сенат репорта с сообщением, что Академия, кроме положенной по штату суммы, «никаких других государственных доходов не имеет» (там же, л. 187).

Ломоносов, получив на подпись резолюцию и репорт, отказался их подписать и в публикуемом «мнении» разоблачил неловкую ложь Тауберта.

Последнему пришлось изменить редакцию резолюции и пуститься в долгие и запутанные, но мало убедительные рассуждения о том, почему книжные, типографские и тому подобные доходы «за государственные доходы числить не можно» (там же, № 532, л. 213). Те же рассуждения были повторены и в репорте, который был отправлен Таубертом в Сенат 17 сентября 1762 г. (там же, № 270, л. 188 и № 609, л. 70), но затребованных Сенатом цифровых данных Тауберт так и не представил.

Эти данные он был вынужден открыть только после смерти Ломоносова, в декабре 1765 г., когда Сенат повторил свой запрос в более ясных и решительных выражениях (там же, л. 180 и сл.).

465

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 389—390).

Впервые напечатано — ОР, кн. V, стр. 12—15.

Датируется предположительно: профессор Эпинус получил Обсерваторию «себе в единственное расположение» по ордеру президента Академии Наук, подписанному в июне 1762 г. и поступившему в Академическую канцелярию 2 июля того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 473, л. 141).

Нет сомнения, что в публикуемом представлении Ломоносов имеет в виду именно данный ордер президента, а не определение Канцелярии от 16 июня 1760 г. (т. IX наст. изд., документ 224), которое предоставляло Эпинусу гораздо менее широкие полномочия по Обсерватории. Таким образом, представление Ломоносова написано, во всяком случае, не ранее 2 июля 1762 г. Начальные же слова представления убеждают в том, что оно написано в первых числах следующего, 1763, года, до подачи профессорами в Канцелярию отчетов о своих трудах за «прошлый», 1762, год. Эти отчеты были поданы в Канцелярию при репорте конференц-секретаря Миллера 25 января 1763 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 851, л. 1). Следовательно, позднее этого дня публикуемый документ не мог быть написан. Датировка П. С. Билярского («около половины ноября 1760 г.») произвольна и безусловно ошибочна.

Публикуемое представление было, очевидно, приложено Ломоносовым к его письму на имя президента от 28 января — 5 февраля 1763 г. (письмо 82), а 4 марта 1764 г. он подал в Академическую Канцелярию новое представление по тому же вопросу (см. документ 468, т. IX наст. изд., документ 224 и примечания к ним, где даны пояснения по содержанию обоих документов).

Поводом к написанию публикуемого представления послужил бесспорно вышеупомянутый ордер президента, полученный в Канцелярии 2 июля 1762 г. Этот ордер не мог не вызвать протеста со стороны Ломоносова, так как ограничивал его полномочия как советника Канцелярии, ведающего всей ученой частью Академии, в том числе и Обсерваторией.

¹ В 1763 г. Эпинус занимал должность главного инспектора или обер-инспектора классов Сухопутного шляхетного корпуса и получал по этой должности 900 руб. в год сверх того оклада, какой он получал в Академии Наук (ААН, разр. IV, оп. 1, № 112). Об отказе Эпинуса читать лекции студентам Академического университета см. т. IX наст. изд., документы №№ 296 и 322 и примечания к ним.

² Прикрый — терпкий, неприятный на вкус.

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 474, л. 93).

Впервые напечатано (частично) — Пекарский, II, стр. 784.

Полностью публикуется впервые.

О С. С. Волчке см. т. IX наст. изд. Примечания к документу 379.

В 1755 г. Волчков после многолетнего пребывания в Москве и у себя в именье вернулся в Петербург (ААН, ф. 3, оп. 1, № 195, л. 766), где еще около пяти лет продолжал числиться на академической службе. В 1759 г. он вошел в Сенат с предложением «о учреждении под ведомством и протекциею Правительствующего Сената типографии за его [Волчкова] надзиранием для скорейшего произведения к народной пользе в печать рукописных его, Волчкова, перевода книг». Проект был в основном одобрен Сенатом, который известил об этом Академию, сообщив, что директором вновь учреждаемой типографии назначается Волчков (там же, № 249, л. 78).

С этих пор между Сенатом и Академией или, точнее говоря, между Волчковым и Таубертом началась затянувшаяся на четыре года тяжба, которую П. П. Пекарский не без основания называет «первым в России процессом о литературной собственности» (Пекарский, II, стр. 782). Предметом спора были переводы Волчкова. Волчков настаивал, чтобы Академия вернула ему все, что он перевел, ненапечатанное и напечатанное. Тауберт же доказывал, что Академия не может и не должна отдавать эти переводы, так как именно за них и только за них Волчков получал академическое жалованье.

Юридически позиция Академии была сильнее, но Волчков заручился, по-видимому, в Сенате чьей-то весьма серьезной поддержкой, и Академия получала один сенатский указ за другим с требованием «взнести» в Сенатскую типографию все переводы Волчкова. Таких указов сохранилось около десятка (ААН, ф. 3, оп. 1, № 249, лл. 79, 90, 95, 98, 103, 105, 114, 119, 126—127). Ломоносов принимал в этой тяжбе лишь пассивное участие. В качестве члена Академической канцелярии он подписывал некоторые ее определения, связанные с этим делом (см., например, там же, № 472, л. 109; № 473, лл. 133—134 и др.), но когда Волчков, в надежде парализовать влияние Тауберта, попросил Сенат послать «особливый» указ «на имя старшего в Академической канцелярии советника Михаила Ломоносова» (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1859, кн. II, Смесь, стр. 160) и когда Сенат исполнил и эту просьбу Волчкова, Ломоносов уклонился от прямого вмешательства в дело (ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 297).

В начале 1763 г. Волчков подал «челобитную» Екатерине II, которая распорядилась оказать ему «надлежащую справедливость». Это заставило Разумовского потребовать от Академической канцелярии «изъяснения», которое Тауберт облек в форму канцелярского определения, экстракта из дела и репорта президенту (там же, № 249, лл. 130—131; № 474, л. 91). Ломоносов отказался подписать эти документы, подав публикуемое «мнение».

467

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 474, лл. 100—101).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 599—602.

День написания устанавливается предположительно по дате определения Канцелярии АН от 24 апреля 1763 г., к которому приложено публикуемое мнение (ААН, ф. 3, оп. 1, № 474, л. 99).

В апреле 1763 г. в Академическую канцелярию поступили репорты находившегося в Москве «у осмотру и описи академической тамошней Книжной лавки» инспектора Ильина, который сообщал между прочим, что «президент за оказавшимися по оной [лавке] непорядками приказал об отдаче оной в партикулярное содержание» и поручил Канцелярии «рассмотрение учинить» по этому вопросу; от инспектора Ильина поступили и «сообщенные ему от немцов Сколария и Вевера, которые тое лавку в свое содержание принять желают, кондиции». Канцелярия в лице И. И. Тауберта рассматривала 24 апреля 1763 г. эти «кондиции», признала их «в рассуждении казенного интереса» неудобными и решила, сочинив новые «кондиции», послать их Ильину и «велеть ему как наивозможно охотников сыскивать и приглашать, о чем для известия припечатать еще в Московских газетах».

24 апреля 1763 г. Ломоносова в Канцелярии не было. Когда приведенное выше определение поступило к нему, он его подписал, но добавил к своей подписи слова: «приобщаю свое мнение», которое и оказалось приложено к определению.

Доводы Ломоносова, изложенные в его мнении, не были приняты во внимание: академическая Книжная лавка в Москве была 13 октября 1763 г. отдана вновь «в партикулярное содержание» «синодальному певчему» Петру Волкову (ААН, ф. 3, оп. 1, № 475, лл. 276—277; Билярский, стр. 599).

468

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 281, лл. 25—26), с указанием в списках вариантов по собственноручному черновику (там же, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 176—177).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 630—632.

День написания устанавливается предположительно по канцелярской помете о получении публикуемого документа в Академической канцелярии 4 марта 1764 г.

См. документ № 465 и примечания к нему.

Публикуемое представление Ломоносова было доложено 4 марта 1764 г. присутствовавшему в Канцелярии президенту Академии Наук, ко-

торый приказал: «Выписав из оного представления надлежащие пункты для подачи его сиятельству [т. е. президенту] ответа, сообщить из Канцелярии гг. коллежскому советнику и профессору Эпинусу и профессору же Румовскому при указе, а о перестройках на Обсерватории учинить из дела выписку» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 534, л. 78). Ответ Эпинуса и выписка о перестройках не отысканы, ответ же Румовского в форме доношения на имя президента, поданный в Канцелярию 13 сентября 1764 г. (там же, № 673, л. 55 об., вход. № 1170), сохранился в копии, обнаруженной в личном архиве Ломоносова (там же, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 257—259; Билярский, стр. 681—685). В этом доношении Румовский пытался доказать, что обвинения, предъявленные ему Ломоносовым, являются «напрасными», а «похвалы», которые Ломоносов «приписывал», по выражению Румовского, Н. И. Попову, А. Д. Красильникову и Н. Г. Курганову, — неосновательными. «От утеснения мне нигде искать не дозволено, как у вашего сиятельства. И для того всепокорно прошу принять меня в свое покровительство и защитить от гонения г. статского советника [Ломоносова]». О доношении Румовского было доложено президенту 13 сентября 1764 г. в Канцелярии, в присутствии Ломоносова и Тауберта, причем президент приказал: «По оному его, Румовского, ответу доложить в предбудущее собрание» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 534, л. 145). Однако в сохранившихся бумагах Академической канцелярии не обнаружено никаких следов такого доклада и принятых на основании его решений. П. С. Билярский, вероятно, прав, считая, что никаких решений и не последовало (Билярский, стр. 686). С этим эпизодом связано письмо, которое Ломоносов намеревался послать Л. Эйлеру в конце февраля следующего, 1765, года (письмо 102).

О деятельности профессоров Г.-В. Крафта и Г.-В. Рихмана по организации Физического кабинета (или «Физической палаты») Академии Наук, об его оборудовании, об экспериментальных работах, которые велись там при названных двух академиках, и о том плачевном состоянии, в какое пришел этот Кабинет, с тех пор как оказался в заведовании академика Ф.-У.-Т. Эпинуса, см.: «Ломоносов», I, стр. 181—206.

Полная бездеятельность Эпинуса как заведующего Физическим кабинетом и Обсерваторией подтверждена его собственными отчетами за 1762—1763 гг. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 851, лл. 7 и 16).

Вопрос об ответственности Эпинуса отпал, так как именным указом Екатерины II от 14 февраля 1765 г. было повелено «употребить его при учении» великого князя Павла и, оставив академиком, уволить «от обыкновенных трудов» по Академии с тем, «чтоб оных от него и требовано не было, кроме того, что он сам собою делать будет» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2240, л. 26). С этих пор Эпинус почти вовсе оставил ученую деятельность.

Ботанический сад состоял в ведении профессора ботаники. Профессор ботаники И.-Х. Гебенштрейт выбыл из Академии 3 мая 1759 г. Одновременно с ним адъюнктом ботаники с конца 1755 г. состоял И.-Г. Кельрейтер, который с середины 1761 г. также оставил Академию (документ 443). Конференц-секретарь Г.-Ф. Миллер вступил в переписку с заграничными ботаниками, приглашая их на службу в Академию; переписка эта затянулась действительно на «несколько лет» и закончилась уже после ухода Миллера с должности конференц-секретаря и после смерти Ломоносова. В 1767 г. на должность профессора ботаники был приглашен С.-Г. Гмелин.

¹ Имеется в виду пожар 1747 г.

² Речь идет о Н. И. Попове, А. Д. Красильникове и Н. Г. Курганове. О недопущении их на Обсерваторию см. документ 470, § 57 и т. IX наст. изд., документы 236—243.

³ Со времени назначения в 1756 г. профессором физики Эпинуса.

⁴ Профессоров Крафта и Рихмана (см. стр. 693).

⁵ Относительно «прежних подозрительных переписок и других неисправностей» Миллера см. документ 453.

⁶ О командировке А. П. Протасова в Голландию см. документ 470, § 49.

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Таубертом и Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 534, л. 152).

Публикуется впервые.

Как видно из журнала Академической канцелярии от 2 июля 1764 г., в этот день из числа двух членов Канцелярии налицо был только один Ломоносов, отчего и резолюция написана в единственном числе («приказал» вместо обычного «приказали»). Тауберт, который, как отмечено в журнале, «за другими академическими делами не присутствовал», подписал публикуемую резолюцию задним числом. Бесспорно таким образом, что она отражает единоличное распоряжение Ломоносова.

Мотивы этого распоряжения нам не известны. Вероятнее всего, что заказанная Ломоносовым бухгалтерская справка была нужна ему в связи с его работой над проектом нового Академического регламента и штата (документы 408, 409).

Судя по канцелярской помете, копия резолюции была передана для исполнения канцеляристу Ивану Кириллову, но документальных следов исполнения не отыскано: «ведомость» не обнаружена ни в личном фонде Ломоносова, ни в бумагах Академической канцелярии, и была ли она составлена, мы не знаем.

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 30, лл. 1—43).

Впервые напечатано — Ламанский, стр. 26—73.

Датируется предположительно — по содержанию публикуемой записки. В ее тексте нет никаких данных, которые позволили бы определить хоть с приблизительной точностью, когда именно приступил Ломоносов к ее составлению. Лишь в заключительной ее части (с § 60) начинают встречаться ссылки на такие факты, которые дают твердое основание считать, что работа над этой частью началась не ранее июля 1764 г. и продолжалась в августе того же года. О следствии, которое было назначено Сенатом по делу Шлёцера (§ 64), Ломоносов не мог писать до 3 июля 1764 г. (см. т. IX наст. изд., документ 272). О предложении Шлёцера составить «экстракт» из «Описания маньчжурского народа» (§ 62) Ломоносов не мог писать до 9 августа 1764 г., потому что лишь в этот день Тауберт послал в Сенат то доношение, из которого Ломоносов впервые узнал о предложении Шлёцера (см. там же, документ 276). О печатании «Грамматики» Шлёцера (§ 60) Ломоносов узнал тоже только в августе 1764 г. (см. там же, документ 277). Имеют некоторое хронологическое значение и слова о том, что дом Строгановых «оторван от Университета и Гимназии» (§ 52): это не могло быть написано после 13 сентября 1764 г., когда Разумовский, по настоянию Ломоносова и вопреки возражениям Тауберта, распорядился отвести дом Строгановых под Университет и Гимназию (там же, ф. 3, оп. 1, № 534, л. 145). Но еще большее значение имеет двукратное упоминание Ломоносова о том, что за время его единоличного руководства учебной частью Академии произведено в студенты двадцать гимназистов (§§ 45 и 68). Ломоносов чрезвычайно тщательно вел счет этим производствам и не стал бы дважды называть цифру двадцать, если бы писал об этом после 26 августа 1764 г.: в этот день им было подписано определение о производстве в студенты В. П. Светова и А. Телегина (ААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 121), после чего общее число произведенных Ломоносовым студентов увеличилось с двадцати до двадцати двух. Этим исчерпываются те положительные данные, на которые можно опереться при датировке публикуемой записки. Большой ее объем (без малого 2½ печатных листа) и насыщенность фактическим материалом такова, что написать ее в два-три дня было бы не по силам даже Ломоносову. Однако же характер изложения и необычно малое для Ломоносова количество помарок свидетельствуют как будто о некоторой торопливости, которая не помешала, впрочем, соблюсти известное единство стиля. Это наводит на предположение, что процесс работы над рукописью занял, должно быть, сравнительно немного времени и протекал, по-видимому, без сколько-нибудь длительных

перерывов. Напрашивается, таким образом, догадка, что Ломоносов приступил к составлению записки не ранее июля 1764 г. Но это только догадка, настаивать на которой не приходится.

Документ написан в третьем лице. Отсюда вывод, что Ломоносов не собирался вручать или посылать его адресату непосредственно, а намеревался доставить его по назначению через кого-то. Возникают, следовательно, три вопроса: 1) кто был адресат, 2) кто был избран посредником и 3) была ли записка Ломоносова доставлена по назначению?

Адресатом записки была Екатерина II. Текст заключительного параграфа (§ 71) не оставляет на этот счет никаких сомнений. Этот текст достоин глубокого внимания, причем особенно примечательны вводные слова «может быть» и последняя, патетическая фраза: Ломоносов заявлял, что при данной исторической обстановке «несчастье», грозящее наукам, а тем самым и отечеству, может быть предотвращено только путем вмешательства верховной власти, но признавался вместе с тем совершенно открыто, что не уверен, хватит ли для этого у Екатерины II «истинного любления к наукам» и «усердия к пользе отечества».

Посредником между Ломоносовым и Екатериной и, в частности, передатчиком записки должен был стать весьма влиятельный в ту пору фаворит императрицы, Г. Г. Орлов. Это тоже не вызывает сомнений. Ломоносов пользовался его помощью и ранее (см. письма 80 и 81). Орлов, по свидетельству современников, проявлял некоторый интерес к естественным наукам и читал Ломоносова (ср. Акад. изд., т. VIII, стр. 248 втор. паг.). Орлову как «любителю чистых муз, защитнику их трудов» было посвящено стихотворение Ломоносова (т. VIII наст. изд.), написанное 19 июля 1764 г. Оно печаталось отдельным изданием в то самое время, когда составлялась публикуемая записка, и было перепечатано затем в сентябрьском номере «Ежемесячных сочинений» 1764 г. (стр. 235—238). Это хронологическое совпадение, конечно, не случайно. Прочие вельможи, называвшие себя друзьями Ломоносова, М. И. Воронцов и И. И. Шувалов, давно уже утратили былую силу при дворе и находились за пределами России.

До самого последнего времени оставалось неясным, дал ли Ломоносов какое-либо движение публикуемой записке или же похоронил ее в своем архиве, где сто лет спустя профессор В. И. Ламанский нашел ее черновик, тот самый, по которому она печатается в настоящем томе. Некоторый материал для разрешения этого вопроса был обнаружен совсем недавно А. И. Андреевым в еще не опубликованной анонимной истории Академии Наук, автором которой является бесспорно Я. Я. Штелин, написавший это произведение в 1767 г., т. е. через два года после смерти Ломоносова («Abrégé de l'histoire anecdote de l'Académie impériale des sciences à St. Pétersbourg». — Краткая анекдотическая история имп. Академии Наук в С.-Петербурге. ААН, разр. IV, оп. 6, №№ 91 и 92). Говоря о причи-

нах, которые побудили Екатерину отстранить Тауберта, назначить в 1766 г. «главным директором» Академии Наук брата своего фаворита, В. Г. Орлова, и заняться вопросом о переустройстве Академии, Штелин сообщает, что особенно важную роль сыграла в этом случае «пространная повесть» («un ample récit») о плачевном состоянии Академии, найденная после смерти Ломоносова в его бумагах (там же, № 91, л. 36). «Эта рукопись, — добавляет Штелин, — которую ее автор сочинил для представления двору, подтвердила сложившееся там с некоторых пор убеждение, что академические дела ведутся плохо» (там же). Нельзя не согласиться с А. И. Андреевым, что под «пространной повестью», найденной в бумагах Ломоносова, Штелин разумеет, очевидно, публикуемую записку. Итак, если отнестись к рассказу Штелина с доверием, а не верить ему нет, кажется, в данном случае никаких оснований, и если вспомнить, что хозяином рукописного наследия Ломоносова стал после его смерти Г. Г. Орлов (см. т. VII наст. изд., стр. 902), то придется признать, 1) что Ломоносов при жизни не успел дать ход своей записке и 2) что после его кончины она попала в те самые руки, в какие он намеревался ее передать, и хоть и поздно, но достигла в какой-то степени той цели, ради которой составлялась.

Можно высказать и еще одно предположение: кроме сохранившегося в архиве Ломоносова чернового текста записки существовал, вероятно, и другой, белой ее текст, может быть, несколько отличный от первого, тот, который читался при дворе. Трудно в самом деле допустить, что императрице был дан на прочтение черновик Ломоносова с помарками и заметками на полях. Еще труднее допустить, что этот черновик после прочтения его Екатериной II был возвращен на прежнее место — в собрание оставшихся после Ломоносова бумаг. Есть некоторое основание думать, что переписка документа происходила, может быть, еще при жизни Ломоносова: в черновике он разделил заглавие записки вертикальными черточками на четыре части с тем, очевидно, чтобы переписчик разбил это заглавие на четыре строки, причем рядом, на полях, сам Ломоносов начал выводить для образца каллиграфическим почерком первую строку.

Известный нам черновой текст был, как указано выше, впервые опубликован в 1865 г. и притом в одном и том же году дважды: сперва В. И. Ламанским, затем П. С. Билярским (Билярский, стр. 049—0101). Ни тот, ни другой не дали реального комментария. У Билярского комментарий заменен чисто формальными ссылками на некоторые другие, связанные с данным текстом документы, напечатанные в его книге, да тринадцатую подстрочными примечаниями по существу. В некоторых из этих примечаний Билярский путем намеков и недомолвок дает понять, что полагаться на содержащиеся в ломоносовском тексте фактические сообщения не следует (см., например, стр. 078, 079, 080). Оценивая весь этот текст в целом, Билярский заявляет: «Досуг ли было Ломоносову заботиться о каких-

нибудь отвлеченных, идеальных интересах, об истории, о потомстве, когда нужно было, наперекор всем недоброжелателям, проложить себе путь к возвышению в звание вице-президента?». Ломоносов, может быть, — продолжает Билярский, — даже не пожелал бы сохранения этой записки для потомства, «если бы имел досуг об этом подумать» (стр. 673).

На публикуемую записку ссылались довольно часто, однако тон этих ссылок, в иных случаях скептический, говорил о том, что никем не опровергнутые замечания Билярского сделали и продолжают делать свое дело.

В процессе подготовки настоящего тома была предпринята попытка проверить фактическую часть публикуемого текста по возможности слово за словом путем критического сопоставления сообщений Ломоносова с данными архивных документов, в значительной своей части еще не опубликованных. Результаты проверки даны ниже, в пояснениях к отдельным параграфам, общий же ее итог может быть вкратце сформулирован так: Ломоносов во всех своих фактических сообщениях неизменно и безупречно правдив. О сознательном искажении им исторической истины, на что намекает Билярский, не может быть, разумеется, и речи. Из числа семидесяти одного параграфа записки только в восьми параграфах обнаружены некоторые частичные малосущественные фактические неточности. Все они подробно оговорены ниже (см. пояснения к §§ 5, 7, 12, 18, 21, 33, 42 и 59) и объясняются либо тем, что Ломоносов, говоря об обстоятельствах, предшествовавших его поступлению на академическую службу, был введен в заблуждение чужими, не вполне верными показаниями, либо попросту тем, что ему изменила в некоторых случаях память: так смешал он, например, журнал «Ежемесячные сочинения» с журналом «Трудолюбивая пчела» (§ 42) и Нерчинск с Селенгинском (§ 59).

Что касается отдельных намеков Билярского, то там, где они хоть сколько-нибудь конкретны, проверены и они (см. пояснения к §§ 45 и 46). Их несостоятельность можно считать теперь доказанной.

«Бремя ответственности» Билярского усугубляется еще и тем, что он, как уже говорилось, отказывает публикуемой записке в идейном содержании и считает ее продиктованной эгоистическими побуждениями (Билярский, стр. 673).

Ломоносов писал настоящий текст за семь месяцев до смерти. Это было время, когда с новой силой ополчились на него давние противники его передового научного, материалистического направления и его прогрессивной, патриотической просветительной программы. К старым врагам присоединился теперь еще и новый — Шлёцер. За спиной у непосредственных участников этой кампании, пытавшихся «освободить» Академию от Ломоносова, стояли темные реакционные силы, которые стремились парализовать просветительную работу Академии. Многими десятками фактов, приведенных в публикуемой записке, доказывал Ломоносов, что именно этим вполне

сознательным преступным стремлением была проникнута вся деятельность таких людей, как Шумахер и Тауберт. Для Ломоносова, носителя воистину новой, демократической культуры, родина и наука были неразрывными понятиями («Правда», 1936, № 317/6923 18 ноября, стр. 1, передовая статья). Бороться за рост русской науки и за широкое распространение ее в народе значило для него бороться за высшее благо родины. Такова руководящая идея всей жизни Ломоносова. Она просвечивает сквозь каждую строку публикуемой записки.

Составление этой записки было одним из самых решительных актов той идейной борьбы, которой Ломоносов отдал всю свою жизнь. В этом основном, исключительно крупное значение публикуемого документа.

Ценность его заключается еще и в том, что из всех известных нам исторических обзоров деятельности Академии Наук он является самым ранним и — как уже сказано — безусловно достоверным. Он повествует о целом ряде таких фактов, о которых нет упоминаний в других архивных и литературных источниках. Все такого рода факты отмечены ниже, в пояснениях к отдельным параграфам (см., например, пояснения к §§ 17, 18, 34, 39, 48, 56, 57, 67).

«Краткая история о поведении Академической канцелярии» замечательна, кроме всего прочего, и как образец полемической прозы. Совершенно своеобразны и все ее построение в целом, и отдельные примененные в ней литературные приемы, в особенности же те неожиданные, поражающие своей убедительностью антитезы, которыми Ломоносов мастерски пересыпает свой лаконичный текст (см., например, §§ 45 и 50).

К § 1. Названные Ломоносовым профессора прибыли в Петербург в период времени с 14 августа 1725 г. по 24 июня 1726 г. (Пекарский, I, стр. 69, 97 и 197). Л. Л. Блюментрост был назначен президентом Академии Наук 20 ноября 1725 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 189), а неофициально исполнял эти обязанности и ранее (Пекарский, I, стр. 7). — Официальной датой поступления И.-Д. Шумахера на академическую службу следует считать 1 января 1724 г., когда Блюментрост подписал с ним контракт на заведование Библиотекой и Кунсткамерой (фактически Шумахер ведал той и другой с 1714 г.) с возложением на него «секретарского дела» при Академии Наук (Материалы, т. I, стр. 14; Пекарский, I, стр. 17). — Заведование денежными суммами Академии было поручено Шумахеру распоряжением Блюментроста от 16 февраля 1724 г. (Материалы, т. I, стр. 31).

К § 2. В 1711 г. в Страсбурге Шумахер защитил магистерскую диссертацию на богословскую тему (Пекарский, I, стр. 16), но вскоре, еще на родине, отстал от научной работы, к которой никогда уже более и не возвращался. — Сведения о «приватных прислугах», т. е. о личных услугах,

которые Шумахер оказывал лицам, в той или иной мере близким к русскому императорскому двору, можно найти в сохранившейся частично переписке Шумахера с такими, например, людьми, как лифляндский губернатор кн. П. А. Голицын, адмирал гр. Н. Ф. Головин, фельдмаршал гр. Б.-Х. Миних, фельдмаршал гр. Я. В. Брюс, вице-президент Коллегии иностранных дел бар. А. И. Остерман и др. (ААН, ф. 121, оп. 1, № 3 и оп. 2, №№ 55, 56, 109 и 130). «Доверенность», т. е. доверие, Блюментроста Шумахер завоевал в такой степени, что Блюментрост, уезжая в начале 1728 г. в Москву, официально уполномочил Шумахера «все дела академические и канцелярские управлять и крепить» (Материалы, т. I, стр. 345). Сразу же затем «воспоследовали неудовольствия и жалобы» профессоров на Шумахера (ср. Пекарский, I, стр. 21—23).

К § 3. Г.-Ф. Миллеру едва исполнилось двадцать лет, и он не кончил еще университетского курса в Лейпциге, когда в 1725 г. по предложению профессора И.-П. Коля приехал в Петербург. Зачисленный в штат Академии Наук со званием студента, он первые два года занимался преподаванием в Академической гимназии, а с начала 1728 г. стал принимать участие в административной жизни Академии и к концу 1729 г., помогая Шумахеру, сблизился с ним уже настолько, что во время отлучек Шумахера выступал в качестве его заместителя (там же, стр. 310—312). — Ломоносов совершенно прав, когда говорит, что Канцелярия Академии Наук возникла «безо всякого формального учреждения и указа»; можно было бы добавить: и вопреки воле основателя Академии, Петра I, который намечал иной порядок управления Академией и ведения ее делопроизводства и хозяйственных дел (Материалы т. I, стр. 17, 19, 21 и 22).

К § 4. Первая, насколько известно, жалоба профессоров на Шумахера относится к 1729 г. и была подана президенту Академии (Пекарский, I, стр. 10), вторая в том же году была обращена к Петру II (там же, стр. XLVIII), третья в начале 1733 г. адресована в Сенат (там же, стр. L). Все три оставлены без последствий (ср. Материалы, т. I, стр. 529—532). — Из восьми профессоров первого призыва, прибывших в Петербург в 1725 г., шестеро, т. е. 75% всего их числа, выбыли из состава Академии на протяжении первых восьми лет ее существования; причиной их ухода были почти во всех случаях недоразумения с Шумахером, который не только не пытался удержать ученых в академическом штате, но, наоборот, всячески ускорял увольнение их в отставку (там же, стр. 24, 74—75, 78, 107—109).

К § 5. Говоря об обстоятельствах, предшествовавших назначению Миллера профессором, Ломоносов положился, очевидно, всецело на официальное показание Шумахера, данное последним в 1747 г. в одном из его ответов на жалобы профессоров (Материалы, т. VIII, стр. 690). Однако это показание Шумахера, которое Ломоносов, а вслед за ним и П. П. Пекарский (Пекарский, I, стр. 312—313) повторили почти дословно, не вполне

соответствует действительности. Сообщая, что кандидатура Миллера в профессора была будто бы отклонена профессорами, Шумахер ссылается на протоколы Академической канцелярии и Академического собрания. Ни те, ни другие (за 1730 г.) до нас не дошли: протоколы Академического собрания были утеряны еще в XVIII в. (ААН, ф. 21, оп. 1, № 1, тетрадь IV, л. 8). Умалчивает об этом и сам Миллер, который в своей «Истории Академии Наук» довольно подробно рассказывает, как происходило его назначение профессором истории (там же, л. 8 об.). На этот туманный эпизод проливает некоторый свет еще не опубликованная и не использованная историками копия протокола Академического собрания от 27 июля 1730 г., восходящая бесспорно к XVIII в. (неясный водяной знак на бумаге может быть прочитан как «1771»; подлинник, как и все протоколы за время с 29 октября 1728 г. по 11 сентября 1730 г., не сохранился), никем, правда, не заверенная, но не вызывающая никаких подозрений (там же, разр. I, оп. 92, № 33). Из этой копии видно, что 27 июля 1730 г. состоялось чрезвычайное собрание всех профессоров, посвященное обсуждению предложенных Блюментростом кандидатур, причем все пять кандидатов, а именно Л. Эйлер, И.-Г. Гмелин, Г.-В. Крафт, И. Вейтбрехт и Г.-Ф. Миллер, были единогласно признаны пригодными для замещения соответствующих академических кафедр со званием экстраординарных профессоров. Таким образом, сообщение Шумахера с формальной стороны неточно. Однако из той же копии протокола явствует, что если первые четыре кандидата рассматривались как уже сложившиеся ученые, безусловно достойные профессорского звания, то кандидатура Миллера вызвала сомнения. В приложенной к протоколу упомянутого заседания записке профессора Г.-Б. Бюльфингера, датированной тем же числом, что и протокол, вслед за вполне положительными научными характеристиками первых четырех кандидатов, дана следующая, весьма сдержанная и уклончивая характеристика Миллера: «Хоть г. Герард-Фридрих Мюллер и не читал еще до сих пор в Академическом собрании никаких своих исследований, так как его работы собственно к тому и не клонятся, однако же составленные и напечатанные им еженедельные „Примечания“ успели дать достаточно представление об его начитанности в области истории, о ловкости его изложения, об его прилежании и об умении пользоваться здешней Библиотекой. Можно поэтому надеяться, что если эта прекрасная возможность за ним сохранится, если повседневной работы у него побавится и если, вследствие этого, у него освободится больше времени для частного изучения истории, то, изучая ее таким образом, он сумеет выдвинуться, в каковых целях ему можно было бы доверить кафедру истории». Через неделю после упомянутого чрезвычайного собрания профессор Миллер уехал за границу. Нет сомнения, что эта близость двух дат не случайна: с тем и было создано собрание именно в данный день, чтобы Миллер мог посетить иностранные университеты уже в звании профессора.

К §§ 6—7. Дружба, завязавшаяся у Миллера с вновь назначенными профессорами, засвидетельствована им самим (ААН, ф. 21, оп. 1, № 1, тетрадь IV, лл. 9 и 11). Судя по его сообщению, начало этой дружбе было положено действительно еще до отъезда Миллера за границу. Но в то время ни Миллер, ни его друзья не были еще профессорами, а потому выражение Ломоносова «новый сей профессор» здесь неуместно. Прямых сведений о том, что Миллер еще до отъезда за границу «стал наводить Шумахеру упадки в его власти», у нас нет, но известно, что недоразумения между Шумахером и профессорами имели место и в то время (там же, л. 8) и что Шумахер, воспользовавшись отъездом Миллера, вскрыл в квартире последнего шкаф, где хранилась вся его переписка, и ознакомился, видимо, с ее содержанием (Пекарский, I, стр. 315). За границу Миллер уехал 2 августа 1730 г., а вернулся в Петербург 2 августа 1731 г. (Материалы, т. VI, стр. 212). Ломоносов ошибается, говоря, что в Англию Миллер ездил «без позволения»: в официальном наказе, данном ему при отъезде из Петербурга за подписью Шумахера, в числе стран, которые Миллер должен был посетить, значилась и Англия (ААН, ф. 21, оп. 1, № 88). В бытность свою там Миллер был действительно избран членом Лондонского королевского общества (там же, № 1, тетр. IV, л. 16). В своей «Истории Академии Наук» он подтверждает сообщение Ломоносова, что со времени возвращения Миллера из-за границы отношения его с Шумахером, до тех пор дружеские, стали вдруг враждебными (Материалы, т. VI, стр. 212). Подтверждена документально и «великая распря» Шумахера с Миллером из-за денежных расчетов по заграничной поездке последнего (Пекарский, I, стр. 317). «Для избежания его, Шумахера, преследований, — пишет Миллер, — я вынужден был отправиться в путешествие» (там же, стр. 26).

К § 8. Упоминаемые Ломоносовым двенадцать учеников Московской Славяно-греко-латинской академии прибыли в Петербург в декабре 1732 г. В апреле следующего, 1733 года, пятеро из них были назначены Академией Наук в состав Камчатской экспедиции (Советский Север, вып. 2, Л., 1939, стр. 8). Ломоносов прав, говоря, что из состава этой группы «один удался Крашенинников». Кроме него, в Сибири обратил на себя внимание прилежанием и способностями А. П. Горланов, автор труда о народных лекарствах в Сибири. По возвращении из экспедиции он вплоть до 1750 г. состоял копиистом при Миллере и дальше предоставленной ему затем Крашенинниковым должности учителя латинского языка Академической гимназии не пошел (Материалы, т. VIII, стр. 484; т. IX, стр. 42, 241, 243, 376, 383, 509; т. X, стр. 278, 543; ААН, ф. 3, оп. 1, № 245, л. 175). Третий их товарищ, геодезист, Лука Иванов, не вернулся, видимо, из Сибири. Четвертый, В. Третьяков, во время экспедиции был признан пригодным только «к потрошению птиц, также к сохранению и сушению трав»

и в 1743 г. был отрешен от Академии (Материалы, т. V, стр. 684—688). Пятый, Ф. Попов, способный молодой астроном, спился и был отдан в солдаты (там же, т. VIII, стр. 325). Что касается прочих семи, не включенных в состав экспедиции, то один из них погиб от несчастного случая сразу после приезда в Петербург (там же, т. II, стр. 293), а относительно остальных было найдено тогда же, что все они «к наукам непонятны», и их как совершенно точно сообщает Ломоносов, определили кого «в подъячие», кого «к ремесленным делам», даже не попытавшись продолжить их учение (там же, т. II, стр. 293, 325; т. III, стр. 311, 428, 537, 540; т. IV, стр. 158, 556; т. V, стр. 9, 10, 12, 14; т. VII, стр. 117, 218, 580, 654, 471; т. VIII, стр. 339—340, 525). Прав Ломоносов и в том отношении, что с 1733 г. (точнее даже с 1731 г.) по 1738 г. Академический университет бездействовал: никаких лекций не читалось (Записки АН, т. LI, кн. 1, СПб., 1885, прилож. № 3, стр. 7—11).

К § 9. Миллер пробыл в экспедиции около десяти лет — с 8 августа 1733 г. по 14 февраля 1743 г. (Пекарский, I, стр. 321 и 322). Нелады профессора Ж.-Н. Делиля с Шумахером начались с первой половины 1730-х годов и к концу 1734 г. вылились в открытую вражду (там же, стр. 27, 129—130). Профессор Крафт, свойственник Шумахера, прикомандированный в 1727 г. к Делилю для совместной работы в Обсерватории, порвал с ним очень скоро, недовольный «непристойным господством» Делиля (там же, стр. 458, 475). Ссора Делиля с приверженцем Шумахера, профессором Г. Гейнзиусом, завершившаяся, как и указывает Ломоносов, дракой, произошла 2 сентября 1741 г. (там же, стр. 133—134, подробнее см. ААН, ф. 21, оп. 1, № 105/3, лл. 59 об.—60, 62—64). — Приписка Ломоносова на полях «о прибытии на Шпиц Берген» не связана с публикуемой запиской, а является заметкой для памяти, относящейся, очевидно, к работе Ломоносова над «Примерной инструкцией морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на Восток Северным Сибирским океаном» (т. VI наст. изд., стр. 519—535). Над этой инструкцией Ломоносов работал с июня 1764 г. по начало марта 1765 г.

К § 10. Столкновение профессора И. Вейтбрехта с профессором Г.-Ф.-В. Юнкером, которое тоже псевело к драке, произошло 31 декабря 1733 г. (Пекарский, I, стр. 470, 484). Юнкер, товарищ Миллера по Лейпцигскому университету, любимец Шумахера, пользовался особым доверием фельдмаршала Миниха и состоял в его свите на правах историографа во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. (там же, стр. 482, 484—485).

К § 11. М. Фелтинг, он же Фельтен, свойственник Шумахера, отчим Тауберта и тесть профессора Крафта, состоял в 1736—1737 гг. экономом Академии Наук. Деньги на содержание присланных из Москвы учеников стали выдаваться ему с 27 января 1736 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1044.

л. 11) и расходовались им недобросовестно. Ученики обвиняли его в воровстве (Материалы, т. III, стр. 240—242). В декабре 1736 г. Фельтен вызывался в Сенат, где его спрашивали, «для чего учеников обижают и им настоящего платья и прочего не дают, а в расход на них пишут излишнее и их бьют?» («Записки имп. Академии Наук», т. XII, СПб., 1867, прилож. № 5, стр. 25—26). Часть денег, отпущенных награничную командировку Ломоносова и двух его спутников, была действительно израсходована на другие академические нужды (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1044, л. 209 об.), а отъезд Ломоносова из Петербурга состоялся лишь 8 сентября того же года. Из-за сильного шторма корабль через двое суток вернулся назад и только 23 октября вышел из Кронштадта в море (Куник, I, стр. 108).

К § 12. Финансовое положение Академии Наук в первые 25 лет ее существования охарактеризовано Ломоносовым правильно (см. Пекарский, I, стр. XLIV—XLV, XLVII—XLVIII). Говоря о сумме сверхсметных ассигнований, полученных Академией в 1730-х годах, Ломоносов основывался, по-видимому, на сведениях А. К. Нартова (Материалы, т. V, стр. 758). П. П. Пекарский указывает меньшую сумму — 60 000 р. (Пекарский, I, стр. LIII—LV). Трудно сказать, что понимал Ломоносов под словами «печатание книг заморских», — перепечатку ли книг, изданных за границей, или же печатание книг, написанных в России, но на иностранных языках. Академическая типография занималась и тем, и другим, причем, однако, случаи перепечатки книг, выпущенных за рубежом, были сравнительно редки (см., например, ААН, ф. 3, оп. 1, № 74, лл. 113—115; № 85, лл. 16—17; № 100, лл. 62—65; № 109, лл. 252—253). Ломоносов совершенно прав, утверждая, что как печатание книг на иностранных языках, так и торговля ими составляли своего рода монополию Академии Наук.

К § 13. Бедственное положение присланных из Москвы учеников засвидетельствовано их собственными жалобами и многочисленными заявлениями надзиравшего за ними одно время адъюнкта В. Е. Адодурова (см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 18, лл. 140, 158, 175, 216, 220, 277 и др.), который писал в июне 1737 г., что «оныя ученики как в платье, так и в прочих нужных вещах претерпевали крайнюю скудость и для того принуждены были свое учение по большей части оставить». — «Не токмо платья и обуви, но и дневной не имеем пищи», — жаловались чуть не каждый месяц ученики. — Рассказ Ломоносова о подаче ими жалобы в Сенат вполне точен: жалоба была подана 16 ноября 1736 г. (Материалы, т. III, стр. 240—241). 17 того же ноября Шумахер распорядился: «За обогание Правительствующего Сената» и за другие «самовольные, предерзостные, без ведома Академии учиненные поступки» двоих жалобщиков «при собрании всех учеников бить батожем нещадно» (там же, стр. 242—243). «Чувствительный выговор» был объявлен Шумахеру Сенатом 19 того же ноября (там же, стр. 248; подробнее см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 25, лл. 58—77).

В мае 1740 г. «московские студенты», как называл их Сенат, были проэкзаменованы в присутствии всех профессоров (Материалы, т. IV, стр. 396—397). В сентябре того же года по представлению Академии, утвержденному императорским Кабинетом, трое бывших учеников были назначены переводчиками, один — типографским корректором, а четверых оставили в Академии, «дабы они могли быть впредь геодезистами» (там же, стр. 468—469). — Слова Ломоносова о том, что после этого «лекции почти совсем пресекались», подтверждаются не только академическими служащими, подавшими жалобы на Шумахера в 1742 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 794, лл. 249 об.—250, 281), но косвенно и самим Шумахером, который, пытаясь возобновить с 1 сентября 1742 г. чтение лекций, издал об этом особое объявление, начинавшееся такими словами: «Ныне начинаем опять... публичное и приватное в науках наставление» (Материалы, т. V, стр. 307).

К § 14. Ломоносов прибыл в Марбург 3 ноября 1736 г. Физике, математике и механике он обучался там у Х. Вольфа, а химии — у Ю.-Г. Дуйзинга («Русский вестник», 1861, т. XXXI, № 1, стр. 139, 157—158). Немецкий язык, которого Ломоносов до отъезда за границу совсем не знал (Куник, II, стр. 230), он усвоил так быстро, что, прожив в Марбурге всего десять месяцев, он уже писал «главному командиру» Академии Наук по-немецки (письмо 1). Свидетельством его успешных занятий французским языком является его перевод оды Фенелона, представленный в Академию в 1738 г. (см. т. VIII наст. изд.). Денежные расчеты Ломоносова с Академией во время пребывания его за границей показаны в бухгалтерской справке, составленной Академической канцелярией в 1746 г. (Биллярский, стр. 1—3). Справка эта, однако, едва ли заслуживает полного доверия: суммы, отпускавшиеся Статс-конторой на содержание командированных за границу студентов, довольно широко расходовались Канцелярией на другие надобности (см., например, ААН, ф. 3, оп. 1, № 26, л. 430; № 41, лл. 340 и 453 и др.). Из другой бухгалтерской справки, составленной в 1741 г. уже после возвращения Ломоносова на родину, видно, что за годы пребывания его за границей И.-Ф. Генкелю было переведено только около 75% упомянутых сумм, а остальные 25% числились «в остатке» (там же, № 60, л. 235). — Вопрос о взаимоотношениях Ломоносова с И.-Ф. Генкелем подробно освещен в его письмах 1739—1740 гг. к последнему и к Шумахеру (письма 4 и 5). — Бегство Ломоносова из Фрейберга произошло в мае 1740 г. — О «скитаниях» его товарищей, Д. И. Виноградова и Г.-У. Райзера, сохранилось мало сведений. Известно, что летом 1741 г. Виноградов выезжал из Фрейберга с научной целью в окрестные городки, а Райзер провел конец 1743 г. в Дрездене, где ходатайствовал перед русским посланником Г.-К. Кейзерлингом о средствах для поездки домой. Оба студента «прегерпевали великую нужду» (М. А. Без-

бородов. Дмитрий Иванович Виноградов, создатель русского фарфора. М.—Л., 1950, стр. 83—85). Фамилия Райзера писалась по-немецки Raiser (ААН, ф. 20, оп. 5, № 183), по-русски же она писалась в 30—40-х гг. различно: то Райзер, то Рейзер, то Рейсер (см., например, там же, ф. 3, оп. 1, № 778, л. 33). Сведения, сообщаемые Ломоносовым в этом параграфе, ср. с теми, которые он дает в своей более ранней записке о преобразовании Академии Наук (документ 400).

К § 15. В 1741—1744 гг. деньги на содержание академических студентов в Германии отпускались Статс-канторой действительно без перебоев, причем, как совершенно верно указывает Ломоносов, Академическая канцелярия вплоть до 4 июня 1744 г. продолжала испрашивать и получать эти суммы из расчета на всех трех студентов, не взирая на то, что один из них, Ломоносов, уже вернулся из Германии 8 июня 1741 г. и с 1 января 1742 г. получал жалованье из другого источника (Куник, II, стр. 342—343; ААН, ф. 20, оп. 5, №№ 271, 272 и 297). Что касается Виноградова и Райзера, то Шумахер, получая на содержание их деньги, как и на Ломоносова, до половины 1744 г., перестал переводить эти деньги за границу с половины 1742 г. (Куник, II, стр. 364), несмотря на то, что и весь 1742 г., и весь 1743 г. они продолжали еще жить там (Материалы, V, стр. 886). — Вексель на 100 руб. был послан Ломоносову при ордере Шумахера от 28 февраля 1741 г. (Куник, II, стр. 340). — О своем поручительстве за Ломоносова Х. Вольф писал Шумахеру 14 апреля 1741 г. (там же, стр. 341—342). — «Свидетельства о своих успехах и specimens» Ломоносов представил в Академическое собрание летом 1741 г., причем, как удостоверил Шумахер, «specimen» Ломоносова «от всех профессоров оной Конференции так апробован, что сей specimen и в печать произвести можно» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 694; Пекарский, II, стр. 321; см. также документ 476 и т. I наст. изд., стр. 546—547). При отправлении Ломоносова за границу, ему, как и двум его товарищам, было действительно обещано, что «ежели они в означенных науках совершенны будут, пробы своего искусства покажут и о том надлежащее свидетельство получат», то по возвращении будут назначены экстраординарными профессорами (Куник, II, стр. 230). — Производство Ломоносова в адъюнкты состоялось 8 января 1742 г. (документ 476), а в профессора — 25 июля 1745 г. (документ 485). Г.-У. Райзер по возвращении из-за границы был принят с согласия Академии Наук на службу в ведомство Берг-коллегии.

К § 16. А. К. Нартов вступил в штат Академии Наук в 1735 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 23; Материалы, т. V, стр. 330) одновременно с передачей в Академию инструментов и машин из бывшей мастерской Петра I (ААН, ф. 3, оп. 1, № 430, л. 311) Одним из поводов к недоразумениям, возникшим между Нартовым и Шумахером, была невыплата жалованья состоявшим при Нартове канцеляристам — Упоминаемая Ломо-

носовым жалоба профессора Делиля на Шумахера была подана в Сенат в январе 1742 г., в феврале того же года туда же подал жалобу и Нартов (Пекарский, I, стр. 34—35). По рассмотрении упомянутых двух жалоб Нартов в августе 1742 г. был командирован Сенатом в Москву, где находился в то время императорский двор (Материалы, т. V, стр. 307), и там подал императрице взятые им с собой из Петербурга жалобы ряда младших академических служащих на Шумахера. Говоря, что всех жалобщиков было одиннадцать человек, Ломоносов включает, очевидно, в это число Нартова и Делиля. Кроме них двоих, было еще девять человек, решившихся вступить в борьбу с Шумахером. В их составе был старейший (после Шумахера) служащий Академии, переводчик И. С. Горлицкий, два канцелярских служителя, гравер А. Поляков, прибывший одновременно с Крашенинниковым из Москвы, когда снаряжалась Вторая Камчатская экспедиция (см. пояснения к § 8), и три товарища Ломоносова по Московской Славяно-греко-латинской академии, вместе с ним приехавшие в Петербург (см. пояснения к § 13). — 30 сентября 1742 г. был подписан указ о назначении Следственной комиссии, а 7 октября 1742 г. Шумахер и три доверенных его лица были арестованы этой комиссией (Материалы, т. V, стр. 376—378).

К § 17. О предательстве подканцеляриста В. Худякова (который при контролере Гофмане, арестованном вместе с Шумахером, «счетное повиыть правил») не обнаружено никаких других известий, кроме настоящего сообщения Ломоносова. Нет сомнений, что Шумахер был действительно как-то осведомлен не только о факте подачи на него жалоб, но и об их содержании. Об этом свидетельствует столь саркастически отмеченная Ломоносовым лихорадочная деятельность Шумахера по организации чтения лекций. Дата сенатского определения о командировании Нартова в Москву (13 августа 1742 г.) весьма знаменательно совпадает с датой широковетательного объявления Шумахера о том, что Академия Наук возобновляет «публичное и приватное в науках наставление» (Материалы, т. V, стр. 307—311): это был, хоть только и показной, но непосредственный отклик на справедливые жалобы русских академических работников, заявлявших, что Академия пренебрегает своими основными просветительными обязанностями, что «молодых людей учат медленно и неправильно» и что «университета при Академии и поныне нет совершенно» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 794, лл. 249 об.—250 и 281). Ломоносов не ошибался, утверждая, что число объявленных Шумахером лекторов (13 человек) превышало число слушателей (12 человек), в состав которых ввели, кроме студентов, и четырех переводчиков (Материалы, т. V, стр. 324). — Упоминаемый Ломоносовым «сильный тогда при дворе человек иностранный» — это субсидированный тремя иностранными правительствами авантюрист И.-Г. Лесток, который на правах лейб-медика императрицы пользовался в ту

пору действительно большим влиянием при дворе и с которым Шумахер был, несомненно, связан (Пекарский, I, стр. 40, 42—43). Необходимо, однако, иметь в виду, что если Следственная комиссия, по совершенно точному определению Ломоносова, «вскоре вся оборотилась на доносителей», то это объяснялось, конечно, не чьим-то личным вмешательством, а политическим существом дела. Авторы жалоб, представители русских академических низов, при всей своей малочисленности и слабости уже сознавали себя носителями новой, демократической культуры и впервые осмелились поднять голос в ее защиту. Оттого-то они и получили такой сокрушительный отпор со стороны представителей господствовавшей дворянской культуры: реакционным правящим верхам Шумахер был, разумеется, ближе и нужнее, чем предприимчивый и смелый русский инженер-изобретатель Нартов и чем мятежные московские семинаристы, которых Шумахер уже не раз усмирлял батожем и кошками. — Ломоносов прав, утверждая, что Следственная комиссия опечатала далеко не все академические дела, да и то, что было опечатано, оставалось доступно Шумахеру, несмотря на его арест: это подтверждено свойственником и приятелем Шумахера, профессором Крафтом (Пекарский, I, стр. 36, прим.). В октябре 1742 г. Нартов, по соглашению с некоторыми другими обвинителями Шумахера, опечатал дела Академического собрания и, в частности, переписку с иностранными учеными, а также дела Второй Камчатской экспедиции и Географического департамента, в составе которых были секретные карты. Целость печатей проверялась лицами, уполномоченными на то Нартовым. К числу таких лиц принадлежал и Ломоносов. Столкновения этих лиц с профессорами, державшими сторону Шумахера, повели к тому, что по жалобе последних Следственная комиссия приказала 31 января 1743 г. распечатать все, что опечатал Нартов (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2324, лл. 55—57, 62; ср.: Билярский, стр. 16). Сообщение Ломоносова о том, что Тауберт «самовластно» срывал наложенные Следственной комиссией печати, основано на показаниях академического сторожа Глухова (Билярский, стр. 17; Материалы, т. V, стр. 469—470), а из протоколов Следственной комиссии видно, что «доносители» были в самом деле отстранены ею от участия в «разборе писем и вещей» (Материалы, т. V, стр. 426—427; т. VII, стр. 227—228). — Шумахер был освобожден из-под ареста 28 декабря 1742 г. (Пекарский, I, стр. 42), а 13 января 1743 г. семь человек из числа «доносителей» были арестованы Следственной комиссией (Материалы, т. V, стр. 578).

К § 18. А. К. Нартовым, когда он замещал Шумахера, были действительно уволены некоторые низшие академические служащие, ввавшие, по выражению Нартова, «в пьянство и в невоздержанность» (Материалы, т. V, стр. 705, 759—760), но о подаче ими жалобы императрице Елизавете не сохранилось никаких других известий, кроме настоящего сообщения

Ломоносова. Упомянутый Ломоносовым именной указ о восстановлении Шумахера в должности и о том, чтобы «Нартову быть у прежнего дела, у которого он до отрешения советника Шумахера был», стал известен Академии из сенатского указа от 5 декабря 1743 г. (там же, стр. 981—982).— Доклад, «весьма добротный для Шумахера, а предосудительный для доносителей», был адресован Следственной комиссией не в Сенат, а императрице и был вручен ей лично 20 марта 1743 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 794, лл. 375—390). Приговор, вынесенный 10 мая 1744 г. Сенатом, был в отношении «доносителей» чрезвычайно суров, но 3 августа того же года Сенат выпустил их из-под стражи и освободил от наказаний, применив к ним указ об амнистии, изданный 15 июля того же года по случаю окончания русско-шведской войны. Что же касается Шумахера, то его признали виновным только в присвоении академического вина на сумму 109 руб. 38 коп. (Материалы, т. VII, стр. 158—163).— Из числа «пунктов, в коих Шумахер изобличен», первые два заимствованы Ломоносовым из жалобы Нартова на Следственную комиссию от 20 апреля 1743 г. (копия этой неопубликованной жалобы с отметками Ломоносова сохранилась в его личном архиве: ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 34—48; заимствованные Ломоносовым сведения см. на лл. 37—38), а пункт 3 — из определения Сената от 3 августа 1743 г. (Материалы, т. VII, стр. 161).— Обвинение в пересылке за границу секретной карты, обнаруженной среди бумаг сосланного в Березов вице-канцлера и генерал-адмирала А. И. Остермана, было предъявлено Шумахеру академическим гравером А. Поляковым. В разборке бумаг Остермана принимал участие Тауберт (Пекарский, I, стр. 642). Следственная комиссия признала обвинение недоказанным (Материалы, т. V, стр. 570), с чем согласился и Сенат (там же, т. VII, стр. 159). Шумахер в данном случае был действительно неповинен в пересылке за границу секретной карты: речь шла о карте Второй Камчатской экспедиции, а эта карта была получена в Петербурге уже после опалы и ссылки Остермана и не могла, следовательно, находиться в его бумагах (Свен Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Перевод под редакцией А. И. Андреева, Л.—М., 1940, стр. 8; карта при стр. 128).

К § 19. Некоторые профессеры, в частности Крафт и Вингейм, приняли действительно чрезвычайно горячее участие в хлопотах о восстановлении Шумахера в прежней должности и об отстранении Нартова: авторов жалоб на Шумахера они называли «ничтожными людьми из академической челяди» (Пекарский, I, стр. 35, 41, 459). Что касается Минлера, то он сам признавался, что все действия в защиту Шумахера предпринимались по его советам и что все связанные с этим просьбы и представления писались им (там же, стр. 337). Ломоносов умалчивает о том, какое деятельное участие в этих хлопотах принимал Штелин. Может быть, его именно и разумел Ломоносов под именем «прочих профессоров», которых привлекли

к этим хлопотам. — «Случайными», по выражению Ломоносова, «людьми», через которых передавались профессорами эти просьбы, были все тот же Лесток, М. И. Воронцов и А. Г. Разумовский (Пекарский, I, стр. 42—43; Материалы, т. VI, стр. 574—576). — «Деспотическое» поведение Шумахера после окончания над ним следствия засвидетельствовано всеми профессорами (Пекарский, I, стр. 46). — Обязанности Делиля как «депутата со стороны доносителей» заключались в том, что во время производства следствия он присутствовал при всех допросах обвиняемых. — Жалобы на Шумахера (их было несколько) были поданы профессорами в Сенат во второй половине 1745 г. (примечания к документу 414). Предметом жалоб было в основном то самое, на что за три года перед тем жаловалась и презираемая ими «академическая челядь». — В марте 1746 г. Сенат определил: «Что в той Академии до наук и им принадлежащих вещей касается, то поручить ведать, и смотреть, и направлять обще в собрании всем профессорам» (Материалы, т. VIII, стр. 49).

К § 20. См. примечания к документу 414.

К § 21. Из числа названных Ломоносовым шести профессоров первые трое выбыли фактически в 1744 г., Гмелин и Делиль уехали за границу в начале 1747 г., а Крузиус — в 1749 г. (Пекарский, I, стр. 139, 443, 459, 576, 580, 695). — Делиль прибыл в Петербург в феврале 1726 г. (там же, стр. 129) и в 40-х годах был старейшим, по времени назначения, профессором. Ломоносов не совсем прав, говоря, что Делилю было отказано в прибавке жалованья: в марте 1746 г. к его и без того большому окладу (1800 руб. в год) было добавлено Сенатом еще 600 руб., правда, с тем, чтобы «впредь ему казенной квартиры, дров и свеч не давать» (Материалы, т. VIII, стр. 49). Не вполне точен и рассказ Ломоносова об увольнении Делиля: в сентябре 1744 г. Делиль действительно просил об отставке, но Сенат отказал ему в этом и предложил заключить с Академией новый контракт; Делиль, несмотря на многократные напоминания, оттягивал подписание контракта в течение почти полутора лет, что и подало повод к отрешению его в январе 1747 г. от Академии «яко ослушника» сенатского указа (там же, т. VII, стр. 138, 556; т. VIII, стр. 171—179, 238, 271—272, 278, 340). Такова была формальная сторона дела, суть же его, по совершенно справедливому замечанию Ломоносова, заключалась в том, что Шумахер рад был случаю «избыть своего старого соперника». Нельзя вместе с тем не учесть, что уклончивое поведение Делиля в вопросе о возобновлении контракта определялось, очевидно, в значительной степени зависимостью Делиля от французского правительства (примечания к документу 415): дипломатические отношения последнего с петербургским двором приняли к тому времени такой оборот, что можно было со дня на день ожидать их официального разрыва, который и последовал в 1748 г. — Обстоятельства, при которых отпущен был за границу Гмелин, изложены

Ломоносовым совершенно верно (Пекарский, I, стр. 440—443). О поручительстве Ломоносова за Гмелина см. документы 487 и 488. О причинах своего невозвращения в Россию Гмелин писал К. Г. Разумовскому 30 августа 1748 г. (Пекарский, I, стр. 444—445).

К § 22. Новый регламент и штат Академии Наук, составленные Тепловым в несомненном сотрудничестве с Шумахером и без участия профессоров (ср.: Васильчиков, стр. 87), были утверждены 24 июля 1747 г., оглашены в Академическом собрании 13 августа того же года и опубликованы 25 сентября того же года (Протоколы Конференции, т. II, стр. 176—177; «Содержание ученых рассуждений имп. Академии Наук», изданных в I томе «Новых комментариев», СПб., [б. г.], стр. 8—39). — Новый регламент, закреплявший за Академической канцелярией узурпированную ею власть, не имел действительно ничего общего с взглядами профессора Х. Гольдбаха, который, как правильно отмечает Ломоносов, «всегда старался о преимуществах профессорских» (Пекарский, I, стр. 167).

К § 23. Пожар академического здания произошел в ночь на 5 декабря 1747 г. Огонь появился «под кровлею», над комнатами, куда в связи с отмеченными Ломоносовым перемещениями были переведены Рисовальная и Грыдоровальная палаты. «Надзиратель над строением» Г. Бок утверждал после пожара, что «печи в Рисовальной и других палатах были твердые и трубы чищенные с неделю до того», но это утверждение никакой проверке подвергнуто не было (Материалы, т. VIII, стр. 619, 627). Слова Ломоносова «говорено и о Герострате» следует понимать в том смысле, что ходили слухи о преднамеренном поджоге. Никакого формального следствия о пожаре не производилось: ограничились внутриакадемическим поверхностным расследованием, которым по поручению Шумахера руководил его верный агент Тауберт (там же, стр. 628). Сообщенные Ломоносовым данные об убытках от пожара соответствуют сведениям, официально представленным лицами, в непосредственном ведении которых находились пострадавшие от огня помещения (там же, стр. 619—626). Ломоносов прав и в том отношении, что в сообщениях «двору и публике» академическая администрация сознательно преуменьшила эти убытки (Материалы, т. VIII, стр. 618, 631—634; «Санктпетербургские ведомости», № 98 от 8 декабря 1747 г., стр. 782—783).

К § 24. Ремонт или, точнее, реконструкция заново большого глобуса была закончена в 1754 г., но и в последующие годы продолжались еще работы по его доделке (Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии Наук. М.—Л., 1953, стр. 126—128). Постройка «каменного о двух этажах покоя» для глобуса была завершена в 1752 г. и обошлась в 5470 руб. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 749, лл. 18, 68, 117).

К § 25. О состоявшемся в 1748 г. третьем по счету привлечении воспитанников духовных семинарий в Академический университет

см. т. IX наст. изд., документы 284 и 285. В состав этой группы входили в числе других С. Я. Румовский (впоследствии академик), М. Софронов (впоследствии адъюнкт), Н. Н. Поповский и А. А. Барсов (впоследствии профессора Московского университета). — С. Г. Котельников и А. П. Протасов были переведены из Невской семинарии в Академическую гимназию еще в 1741 г. и вскоре после этого (первый в 1742 г., второй в 1743 г.) произведены в студенты (М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. III. СПб., 1876, стр. 5, 65, 66). — Миллер был назначен историографом и ректором Университета 10 ноября 1747 г. (Материалы, т. VIII, стр. 595—596); слова Ломоносова «по регламенту» следует понимать в том смысле, что так как по штату, утвержденному одновременно с новым регламентом Академии, должность ректора Университета совмещалась с должностью историографа, то Миллер, будучи назначен историографом, становился тем самым, согласно регламенту, и ректором. — Упомянутое Ломоносовым обострение отношений Миллера с Тепловым и Шумахером произошло в 1749—1750 гг. и кончилось временным разжалованием Миллера из профессоров в адъюнкты (подробнее см. в примечаниях к письму 72). Увольнение Миллера от должности ректора и назначение на эту должность С. П. Крашенинникова состоялось 18 июня 1750 г. (Материалы, т. X, стр. 438). — Рассказ Ломоносова о производстве девяти гимназистов в студенты «во время Крашенинникова ректорства» вскрывает чрезвычайно показательный эпизод академической жизни, не отмеченный ни историком Академического университета Д. А. Толстым, ни биографами Ломоносова. В конце октября 1753 г. Ломоносов написал находившемуся в Москве К. Г. Разумовскому письмо (оно не отыскано), где, жалуясь на диктаторство Шумахера, настаивал на том, «чтобы без ведома профессорского никакие ученые дела не отправлялись». Известив о посылке этого письма И. И. Шувалова, Ломоносов просил его поддержать заключенные в письме просьбы (письмо 37), что Шувалов, видимо, и сделал. Откликом на поддержанную Шуваловым жалобу Ломоносова явился ряд запросов, направленных Разумовским в Академическую канцелярию в конце декабря того же 1753 года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 184, лл. 252, 255, 257). Один из них, не сохранившийся в подлиннике, касался Университета. Президент желал, в частности, знать, есть ли среди казеннокоштных гимназистов такие, которых можно было бы произвести в студенты (там же, л. 252). Связь этого запроса с письмом Ломоносова совершенно бесспорна: Ломоносов и впоследствии обвинял Шумахера в том, что за первые тридцать лет его диктатуры (1724—1753) ни один академический гимназист не был произведен в студенты (см. § 45). Запрос был передан Канцелярией Крашенинникову, который в своем ответе Шумахеру назвал восемь гимназистов, достойных, по его мнению, производства в студенты (там же, № 185, л. 557) Тогда Шумахер, не подвергая их экзамену, не посовето-

вавшись с академиками и не испросив даже разрешения президента, своим единоличным распоряжением произвел всех восьмерых в студенты, о чем поспешил объявить им под расписку (там же, л. 559 и № 465, л. 1). Эта странная торопливость Шумахера, в других случаях ему вовсе не свойственная, объяснялась, очевидно, тем, что запросы президента очень серьезно его встревожили: Шумахер понимал, что они вызваны жалобой Ломоносова, которой он еще не читал, но о существовании которой ему было уже известно (Пекарский, II, стр. 529). Ломоносов ответил на действия Шумахера тем, что 10 марта 1754 г. поставил вопрос о производстве гимназистов в студенты в только что образованной тогда «Комиссии о рассмотрении академических служителей», членами которой были и Ломоносов, и Шумахер. 15 того же марта Комиссия постановила проэкзаменовать вновь произведенных студентов в Академическом собрании (ААН, разр. IV, оп. V, № 69, лл. 5037, 5041). Экзамен состоялся 18 того же марта. Экзаменаторы пришли к заключению, что студенты недостаточно овладели латынью, чтобы слушать на этом языке университетские лекции, и что им следует поэтому позаниматься еще некоторое время в высших классах Гимназии, о чем 12 мая того же года было сообщено К. Г. Разумовскому от имени Комиссии. Крашенинников уклонился от участия в этом собрании, а академик Н. И. Попов, хотя в нем и участвовал, однако побоялся подписать протокол, сославшись на то, что экзамен был произведен «самовольством, а не по указу» президента (Протоколы Конференции, т. II, стр. 297—298; ААН, ф. 3, оп. 2, № 88, лл. 7, 8; № 140-а, лл. 2, 3). О дальнейшей судьбе этих студентов см. Протоколы Конференции, т. II, стр. 356—357; ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, лл. 134 об.—136. — «За море», т. е. за границу, были командированы в 1751 г. бывшие студенты С. К. Котельников и А. П. Протасов (М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. III. СПб., 1876, стр. 8, 72) и в 1754 г. С. Я. Румовский и М. Софронов (ААН, ф. 3, оп. 1, № 181, лл. 274—276). — Чтение лекций в Академическом университете «пресеклось» еще при жизни Крашенинникова, который в январе 1754 г. доносил Канцелярии, что лекции читают только профессор Браун и адъюнкт Софронов (там же, № 185, л. 557). После отъезда Софронова в 1754 г. за границу единственным активным университетским лектором остался Браун. Это подтверждено и студентами, которые в начале 1757 г. заявляли письменно, что «кроме г. профессора Брауна никто лекций не читает» (там же, № 220, л. 28).

К §§ 26—27. Об истории создания Химической лаборатории см. т. IX наст. изд., документы 1, 4—7. Сообщение Ломоносова о том, что Шумахер намеревался доверить А. Каау-Бургаву, кроме кафедры анатомии, также и «химическую профессию», находит себе подтверждение в словах самого Шумахера: 25 мая 1745 г., т. е. в то самое время, когда в Академии само-

ждался вопрос о назначении Ломоносова профессором химии, Шумахер писал одному из своих корреспондентов: «Обдумав дело г. Каау, я нахожу, что нет ничего легче, как доставить ему место профессора в Академии, если пожелает он взять на себя анатомию и в то же время направлять занятия Ломоносова, который уже сделал успехи в химии и которому назначена по этой науке кафедра» (ААН, ф. 1, оп. 3, № 35, л. 117). Таким образом, предполагалось лишить Ломоносова научной самостоятельности: работа Химической лаборатории ставилась под контроль Бургава. О посылке диссертаций Ломоносова Л. Эйлеру см. примечания к письму 9. — Говоря о себе «будучи произведен», Ломоносов имеет в виду свое назначение профессором химии, состоявшееся 25 июля 1745 г. по представлению Академического собрания (документ 484).

К § 28. Об устройстве Ломоносовым Усть-Рудицкой фабрики см. т. IX наст. изд., документы 47 и 48. Об обстоятельствах, сопровождавших поездку Ломоносова в Москву в феврале 1753 г. см. там же документы 51—55.

К § 29. Профессор Г.-В. Рихман погиб 26 июля 1753 г. Зачеркнутые Ломоносовым строки свидетельствуют о том, что он намеревался первоначально посвятить этот параграф описанию неблагоприятных действий Шумахера в период подготовки к публичному собранию Академии Наук, назначенному на 6 сентября 1753 г., а состоявшемуся фактически лишь 26 ноября 1753 г. (подробнее об этом см. т. III наст. изд., стр. 512—518, а также письмо 31). — Об обстоятельствах, при которых Ломоносов приступил к работе над «Древней российской историей», см. т. VI наст. изд., стр. 572—575. Нет сомнения, что, вопреки утверждению Ломоносова, он «стал с рачением собирать к тому нужные материалы» не после состоявшейся в 1753 г. беседы по этому вопросу с императрицей Елизаветой, а задолго до этой беседы. Говоря, что первый том «Древней российской истории» был поднесен им императрице в 1749 г., Ломоносов допустил очевидную ошибку: рукописный экземпляр этого тома был поднесен ей в первых числах сентября 1758 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 469, лл. 245, 250). — Об академическом конкурсе на химическую диссертацию, о приглашении на должность профессора химии и об увольнении У.-Х. Сальхова, который был выписан из-за границы без ведома Ломоносова, см. т. IX наст. изд., документы 33, 39—41, а также документ 453, I, п. 4. О тяжелых бытовых условиях, в которых оказался Сальхов по прибытии в Петербург, см. документ 448, п. 3 (ср. также ААН, ф. 3, оп. 1, № 208, лл. 299—342; разр. V, оп. 1-с, № 2).

К § 30. О происходивших в 1747 г. «спорах между Миллером и Крёкшиным» см. т. VI наст. изд., стр. 7—12 и 541—545. — Об увольнении Миллера в 1750 г. от должности ректора см. выше, пояснения к § 25. — Об обстоятельствах, связанных с печатанием выпущенного

в 1750 г. первого тома «Сибирской истории» Миллера, см. т. VI наст. изд., стр. 81—84 и 559—562. — «Сочинением родословных таблиц в угождение частным знатым особам» Миллер действительно занимался немало с самых первых лет своей академической службы (Пекарский, I, стр. 311—312 и 351—352).

К § 31. В этом параграфе Ломоносов отступил от хронологической последовательности изложения: говоря о двух эпизодах, отделенных друг от друга пятилетним промежутком, он начинает с более позднего эпизода и затем переходит к более раннему. Карта географических открытий, явившихся результатом русской морской экспедиции к побережью Северной Америки, была опубликована в Париже в 1752 г. Ее напечатал и снабдил своими объяснениями Ж.-Н. Делиль. Академия Наук, которая была действительно «немало потревожена» этой публикацией, поручила Миллеру написать статью, где он должен был «показать все нечестные в сем деле Делилевы поступки и главные его карты и изъяснения несправности». Нечестностей было много, и Миллер выполнил данное ему поручение, напечатав в 1753 г. на нескольких языках соответствующую статью (Пекарский, I, стр. 142—143). — Что касается упоминаемого Ломоносовым письма Делиля к Миллеру, то оно было «перехвачено» в 1748 г. (документы 415—423).

К § 32. О диссертации Миллера «Происхождение имени и народа российского» и о вызванной ею дискуссии, происходившей в 1749—1750 гг., см. т. VI наст. изд., стр. 17—80 и 546—559. — О столкновении Миллера с Тепловым и о состоявшемся в октябре 1750 г. разжаловании Миллера в адъютанты см. примечания к письму 72.

К § 33. Президент Академии Наук К. Г. Разумовский, будучи назначен гетманом, выехал из Петербурга на Украину в двадцатых числа мая 1751 г. (Васильчиков, стр. 145—148). — Теплов произведен в коллежские советники с назначением состоять при гетмане 1 марта 1751 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 149, лл. 430—431). Ломоносов произведен в тот же чин «за его отличное в науках искусство» 4 марта 1751 г. (там же, № 151, л. 106). Ломоносов придавал очень большое значение этому своему производству: полученный им «полковничий ранг» изменял коренным образом его общественное положение (примечания к письму 12) и придавал больший вес его служебному положению в Академии, где в то время еще никому из академиков, кроме него и Штелина, не было присвоено чинов. Н. И. Попов назначен профессором астрономии 1 марта 1751 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 146, л. 386). Миллер восстановлен в звании профессора 21 февраля 1751 г. (там же, № 461, л. 222 об.; № 149, лл. 402, 427—429, 451—453) и назначен действительным конференц-секретарем Академии 26 февраля 1754 г. (там же, ф. 1, оп. 2-1754 г., № 3); годовой оклад его жалованья был повышен при этом с 1000 до 1500 руб. (там же,

ф. 3, оп. 1, № 465, л. 162 об.). Говоря о том, что Географический департамент был «поручен» Миллеру, Ломоносов выражается не совсем точно. 12 марта 1751 г. заведование этим департаментом было возложено на академика А.-Н. Гришова (там же, № 161, л. 236), а два года спустя, 13 марта 1753 г., ему же совместно с Миллером было поручено наблюдать за изданием тех «новых генеральных и специальных карт Российской империи», которые предполагалось выпустить (там же, № 464, л. 195). Этим и исчерпывались официальные полномочия Миллера по Географическому департаменту, однако ввиду бездеятельности Гришова фактическим руководителем картографических работ стал Миллер. — О Комиссии «для отрешения излишеств» см. пояснения к § 34.

К § 34. Источником «слуха» об академических неурядицах, который, по словам Ломоносова, «достиг и до самых внутренностей двора», было, очевидно, то самое поддерживаемое И. И. Шуваловым письмо Ломоносова К. Г. Разумовскому, о котором шла речь выше, в пояснениях к § 25. Прямым следствием этого письма был, как уже сказано, ряд запросов К. Г. Разумовского в Академическую канцелярию. По получении ответов на них Разумовский направил туда же 26 февраля 1754 г. пространный ордер о пересмотре состава академических служащих. В основу ордера была положена ломоносовская мысль о ненормальности создавшегося в Академии положения, при котором «больше прилагается старание художественную фабрику размножить, нежели науки». Пересмотр штата был поручен Комиссии, в состав которой, кроме Ломоносова, вошли Шумахер, Штелин и Миллер (ААН, ф. 3, оп. 1, № 465, лл. 85—86). Ломоносов говорит, что, кроме ордера на имя Канцелярии, был послан одновременно еще и второй ордер лично ему, а сверх того «приватное письмо» Теплова ему же. В дошедшей до нас части личного архива Ломоносова нет, к сожалению, этих двух документов, в которых, по его словам, были «точно и ясно изображены Шумахеровы неурядицы» и которыми Ломоносов, как видно из данного параграфа, чрезвычайно дорожил. Весьма вероятно, что оба документа были изъяты при происходившей после смерти Ломоносова разборке его печатанных бумаг. Факт получения им «особливого» ордера Разумовского и письма от Теплова служит хоть и косвенным, но надежным доказательством того, что истинным инициатором предполагавшегося «отрешения излишеств от Академии» был Ломоносов. О деятельности образованной Разумовским «Комиссии о рассмотрении академических служителей» (так именовалась она официально), которая породолжалась фактически с 8 марта по 23 апреля 1754 г., см документ 394 и примечания к нему. Секретарь Академической канцелярии П. И. Ханин, которого в эту пору приблизил к себе Разумовский, подавал в Комиссию представление об упорядочении работ Типографии и Книжной лавки. Слова Ломоносова, что «Ханин искал себе ассессорства и единственного смотра над книж-

ным печатанием и торгом», подтверждаются тем, что в своем представлении Ханин весьма упорно настаивал на учреждении должности директора «над Типографиею и другими всеми художниками, по примеру Синодальной типографии в штатском чине состоящего» (ААН, ф. 21, оп. 1, № 24, лл. 8—9; ф. 3, оп. 2, № 88, л. 8). — Репорт президенту об итогах деятельности Комиссии послан в Москву 12 мая 1754 г. (там же, ф. 3, оп. 2, № 88, лл. 7—8). Автором этого весьма подобострастного и уклончивого репорта, который сводил в сущности на нет все принятые Комиссией решения, был, несомненно, Шумахер. — Архитектор И.-Я. Шумахер подлежал увольнению «за неприлежное отправление его должности» по словесному приказу Разумовского, объявленному в Комиссии Ханиным (ААН, ф. 3, оп. 2, № 140-а, л. 5 об.), фактически же он был уволен только в 1756 г. и принят снова на академическую службу по письменному ордеру того же Разумовского в декабре 1758 г. (там же, ф. 3, оп. 1, № 238, л. 150).

К § 35. Об обстоятельствах, связанных с обсуждением в 1755 г. вопроса о пересмотре Академического регламента, см. документы 395 и 396 и примечания к ним. О состоявшемся тогда же «отрешении» Ломоносова от присутствия в Академическом собрании см. письма 49 и 50 и примечания к ним. — Слова Ломоносова «хотя же академический стат снова по указу из Правительствующего Сената недавно подан яко не подлежащий к поправлению, к чему Ломоносов не подписался», следует понимать, по видимому, так: Сенат «недавно», т. е. в 1763—1764 гг., обращался в Академическую канцелярию с требованием представить штат Академии Наук и сообщить, не нуждается ли последний в изменении. Канцелярия, представив штат, ответила, что изменению он не подлежит; Ломоносов же отказался подписать такой ответ. Это сообщение Ломоносова весьма правдоподобно. В конце 1763 г. пересматривались штаты всех вообще государственных учреждений, и 15 декабря 1763 г. Екатериной II был издан манифест, определявший по-новому функции этих учреждений, а вслед за тем ею был подписан именной указ о «штатах разным присутственным местам». Манифест был получен в Академии Наук 20 декабря 1763 г., а именной указ — 2 января 1764 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 969, лл. 250 и 282). Однако среди утвержденных этим именованием указом штатов нет штата Академии Наук, и никаких следов переписки между Академией и Сенатом по этому вопросу не удалось обнаружить ни в сохранившихся делах Академической канцелярии, ни в делах Сената. — Упомянутый в конце параграфа ордер президента о составлении проекта нового устава Академии Наук был подписан в мае 1764 г. (см. примечания к документу 408).

К § 36. Характеризуя в этом параграфе период с половины 1747 г. по начало 1757, Ломоносов прав, когда говорит, что «упалые» (т. е. вакантные) профессорские места замещались в эти годы «весьма посредствен-

ными» иностранными учеными: крупнее прочих был только профессор механики Х.-Г. Кратценштейн, проработавший в Академии всего пять лет (1748—1753 гг.). Об инструкции, данной академику А. Каау-Бургаву при увольнении его в 1748 г. в заграничный отпуск, см. примечания к письму 72. — Не раз цитированные Ломоносовым слова Теплова «Академия без академиков...» должны быть датированы, по-видимому, концом 1756 г. (там же).

К § 37. Зачеркнутые Ломоносовым строки говорят о том, что он намеревался начать заключительную главу своей записки с рассказа о распоряжении президента Академии Наук от 24 марта 1758 г. (у Ломоносова описка: «1748») относительно распределения обязанностей между членами Академической канцелярии (Биларский, стр. 367—368; см. также § 43). — К. Г. Разумовский выехал из Петербурга на Украину в половине февраля 1757 г. (Васильчиков, стр. 204—206). Его ордер о назначении Ломоносова и Тауберта членами Академической канцелярии был подписан 13 февраля 1757 г., а объявлен 1 марта того же года (документ 495). — В 1756 г. Штелину было поручено «главное смотрение над возобновлением сгоревшего академического строения», а 12 апреля 1757 г. он был назначен членом Канцелярии и одновременно «директором всех при Академии художеств» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 221, лл. 337—338). — О злоупотреблениях Тауберта при сдаче строительных подрядов и о выступлениях Ломоносова по этому вопросу см. документы 438, 439, 448, 460—462. О протесте, поданном секретарем Академической канцелярии М. М. Гурьевым в Сенат, Ломоносов говорит в настоящей записке дважды (см. § 70). В сохранившихся делах Канцелярии не обнаружено никакого письменного «доношения» Гурьева в Сенат, да такого, видимо, и не было Речь, вероятно, идет о следующем. 22 августа 1761 г. Гурьев «призывался» в Сенат и отвечал там устно на вопросы генерал-прокурора, касавшиеся ремонта сгоревшего академического здания. Ответы Гурьева на эти вопросы известны лишь по его официальному репорту на имя Академической канцелярии, где они изложены так, что их нельзя назвать «протестом» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 263, л. 11). Каковы они были в действительности, мы не знаем; из документов, однако, видно, что в тот же день, вслед за Гурьевым «призван был» в Сенат и Тауберт. Если верить его сообщениям, генерал-прокурор (очевидно, уже достаточно хорошо осведомленный Гурьевым) ни о чем не расспрашивал Тауберта, а ограничился только словесным приказом «возможно поспешать» с приведением в порядок сгоревшего здания (там же, № 531, лл. 213 об.—214). В связи с этим заговорили о новых ремонтных подрядах, и через день, 24 августа 1761 г., на этой почве в заседании Академической канцелярии произошло резкое столкновение Ломоносова с Таубертом, на сторону которого стал, по обыкновению, и Штелин (там же, л. 215 об.) Насколько огромны были рас-

ходы на бесплатную раздачу книг, можно судить по тому, что в 1763 г., например, стоимость книг, отпущенных Академией безденежно, достигла 13 698 руб. 90 коп., т. е. составила более 27% годовой штатной суммы, которая отпускалась на содержание всей Академии (там же, № 1692, л. 13). — О перегрузке Академии делами, не имевшими отношения к науке, см. документ 409. Интересно сопоставить настоящий параграф с репортом Ломоносова о причинах «несостояния» Академии Наук, поданным 7 января 1758 г. на исходе первого года его работы в качестве члена Академической канцелярии (документ 397).

К § 38. Модель ночезрительной трубы была представлена Ломоносовым в Академическое собрание в мае 1756 г. Об этом приборе и о полемике Ломоносова с академиком Ф.-У.-Т. Эпинусом по этому предмету см. документ 460, п. 2 и т. IV наст. изд., стр. 111—119 и 729—740. Сведения об участии Эпинуса в ученой и педагогической деятельности Академии Наук и о том, как Тауберт его «отвел от наук», см. примечания к документу 468.

К § 39. Теплов был произведен в статские советники 24 декабря 1758 г., о чем Академия Наук была извещена сенатским указом от 12 января 1759 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 965, л. 5). Таким образом, эпизод, о котором Ломоносов сообщает в настоящем параграфе, имел место в 1759 г.; Ломоносов действительно «уже девятый год тогда был в одном чину» (с марта 1751 г.). Упоминаемое им прошение его на имя Разумовского не отыскано. Оно было отклонено: производство Ломоносова в статские советники состоялось только пять лет спустя, в декабре 1763 г. (там же, № 270, л. 316; № 969; л. 280). — Контракт Академии с Эпинусом был подписан в октябре 1756 г. (там же, № 700, л. 184), но вступил в действие только с 31 мая 1757 г., когда Эпинус, прибыв из Берлина в Петербург, впервые появился в Академии (там же, № 468, л. 188). Производство его в коллежские советники состоялось 10 апреля 1761 г. (там же, № 967, л. 38), т. е. на четвертом году его академической службы. — Об отказе Эпинуса от чтения университетских лекций см. т. IX наст. изд., примечания к документу 322.

К § 40. Распоряжение Тауберта о переносе кафедры из академического здания в помещение Гимназии состоялось в ноябре 1757 г.: 1 декабря 1757 г. профессор Браун сообщил Канцелярии, что «аудитория употреблена на другое дело» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 38). Ломоносов обжаловал это распоряжение президенту 7 января 1758 г., заявив, что из-за самовольных действий Тауберта «лекции вовсе остановились» (документ 397).

К § 41. О несостоявшейся командировке академического художника Андрея Грекова см. т. IX наст. изд., документ 265. — А. А. Греков, по национальности грек, сын матроса русского галерного флота, работал

в Академии Наук с 1729 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 5, лл. 201—203). В 1742—1744 гг. в качестве одного из «доносителей» на Шумахера он долго содержался под стражей, был приговорен к битью батожем, но помилован и оставлен при Академии (Материалы, т. VII, стр. 182). В первой половине 1760-х годов он состоял учителем рисования при великом князе Павле (ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, лл. 13—14). Вскоре после смерти Ломоносова, в декабре 1765 г., Тауберт уволил Грекова от академической службы (ААН, ф. 3, оп. 1, № 293, л. 184). Брат Андрея Грекова, Алексей, искуснейший гравер, соавтор знаменитых «проспектов» Петербурга, проработал в Академии тридцать пять лет, с 1735 по 1770 г. (там же, № 237, л. 196; № 325, л. 494). Шумахер продержал его двадцать два года на окладе «ученика» (там же, № 261, л. 83), а когда Алексей Греков, получивший, наконец, в 1756 г. звание подмастерья, возбудил четыре года спустя ходатайство о награждении «мастерским чином», ему было в этом отказано (там же, л. 84 об.).

К § 42. «Некоторым известием о мусии» Ломоносов называет статью В. К. Третьяковского «О мозаике», содержавшую пренебрежительный отзыв о современном мозаичном искусстве, который, как опасался Ломоносов, мог неблагоприятно повлиять на возбужденное им в Сенате дело о заказе на мозаичные работы для Петропавловского собора (ср. т. IX наст. изд., документы 84 и 87). — Ломоносову изменила в этом случае память: статья Третьяковского была напечатана не в «Ежемесячных сочинениях», а в журнале «Трудолюбивая пчела» (СПб., 1759, июль, стр. 358—360). Таким образом, упрек, брошенный в настоящем параграфе Миллеру, должен быть переадресован издателю «Трудолюбивой пчелы», А. П. Сумарокову.

К § 43. «Президентский ордер», вполне точно излагаемый Ломоносовым подписан 24 марта 1758 г. (Билярский, стр. 367—368; ср. выше пояснения к § 37). Хозяином инструментального дела стал действительно Тауберт. Из месячных отчетов Инструментальной палаты за 1758—1764 гг. видно, что в течение этих семи лет она отдавала очень мало времени научному приборостроению по заказам академиков. Основная ее работа заключалась в выполнении платных заказов других ведомств и в техническом обслуживании прочих академических ремесленных мастерских. Кроме того, время от времени она выполняла мелкие приборостроительные заказы забавлявшихся наукой вельможных дилетантов (ААН, ф. 3, оп. 1, №№ 503—509).

К § 44. Заботу об улучшении жилищных условий гимназистов и студентов Ломоносов проявлял и до своего вступления в заведование ученой и учебной частью Академии. Об этой заботе говорит, в частности, его представление от 6 июня 1757 г. о постройке нового академического здания. Этот проект мотивировался, между прочим, и тем, что проживание учащихся «по разным местам, у своих родителей или свойственников»

имеет чрезвычайно вредные для них последствия (документ 429 и примечания к нему). Говоря о новых штатах и регламентах Университета и Гимназии, Ломоносов имеет в виду в данном случае подписанное им и Разумовским определение от 14 февраля 1760 г. и приложенный к этому определению «стат новоучрежденный», а также составленные Ломоносовым проекты университетского и гимназического регламентов, которые, хотя и не получили официального утверждения, но с одобрения президента были введены в действие (см. т. IX наст. изд., документы 303, 314, 323).

К § 45. В первой части этого параграфа речь идет о денежном положении Гимназии в 1758—1759 гг. К словам Ломоносова «не мог выпросить у Тауберта денег» П. С. Билярский в своей публикации 1865 г. дал пространное примечание, где, задавая риторический вопрос, «оправдаются ли сохранившимися приходо-расходными книгами» сетования Ломоносова, приводит цифровые данные, подобранные так, что у читателя может зародиться сомнение в справедливости жалоб Ломоносова (Билярский, стр. 078—079). Однако сам же Билярский признается, что приходных записей по Гимназии за 1759 г. он «не видал», чему нельзя не удивиться, так как эти записи содержатся в той самой шнуровой приходо-расходной книге (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1542), откуда Билярский почерпнул цифры за 1758 г. Таким образом, в эту книгу он только заглянул, но до конца ее даже не перелистал. Кроме того, опустив список денежных выдач за 1759 г., он заменил их списком этих выдач за 1760 г., который к настоящему параграфу не имеет ровно никакого отношения, так как Ломоносов говорит здесь о периоде до 19 января 1760 г. «Сетования» Ломоносова сводятся к жалобам на нерегулярность денежных выдач в пределах бюджетного года, а Билярский, обходя этот вопрос, приводит за 1759 г. только одну итоговую цифру и не указывает, в какие именно сроки выдавались деньги в этом году. А в этих-то сроках и заключается основная суть дела. Судя по сохранившимся документам, дело обстояло следующим образом. В половине 1758 г. Ломоносов возбудил ходатайство об ассигновании 1800 руб. в год на организацию для казеннокоштных гимназистов общежития и на «довольствие» их «пищею и прочим» (т. IX наст. изд., документ 306). Эта заявка Ломоносова была сильно урезана: вместо просимых 1800 руб. президент Академии ассигновал в год всего две трети этой суммы, т. е. 1200 руб., что, разумеется, сбilo все сметные расчеты. Ассигнованная сумма должна была отпускаться либо из бюджетных сумм Академии, либо из так называемых «книжных» сумм, а так как бюджетных сумм в наличности зачастую не оказывалось, то приходилось, как говорит Ломоносов, прибегать к «книжным» суммам, которыми единолично распоряжался Тауберт. Итак, нужно было действительно «упрашивать» Тауберта, а он отвечал на эти просьбы тем, что выдавал деньги в совершенно неопределенные сроки, да к тому же и размер очередных выдач варьировал по сво-

ему усмотрению. Сказанное достаточно наглядно иллюстрируется следующей таблицей, составленной на основании вышеупомянутой приходо-расходной книги:

1758 г.	августа	20	отпущено	400 р.
»	ноября	26	»	800 »
1759 г.	апреля	3	»	100 »
»	мая	10	»	100 »
»	июня	14	»	500 »
»	декабря	10	»	500 »

При таком нерегулярном отпуске средств, и без того уже урезанных, в денежном хозяйстве вновь учрежденного гимназического общежития не могли не происходить серьезные перебои. А на эти скудные средства приходилось не только кормить и поить гимназистов: нужно было, кроме того, одевать и обувать их, обставлять общежитие необходимой мебелью и посудой, запастись дровами и т. п. И в то самое время, когда на нужды русского просвещения отпускались из академических сумм с такой неохотой лишь жалкие крохи, те же академические суммы расточались тысячами и десятками тысяч на затейливую отделку павильона для глобуса, на золоченую резьбу для библиотечных шкафов да на драгоценные книжные подношения царедворцам (ср. выше пояснение к §§ 24 и 37). Учитывая все эти обстоятельства, нельзя не поверить Ломоносову, что ему в самом деле «до слез доходило» при виде «босых» гимназистов, которым «почти есть было нечего». — Медальерный и пунсонный мастер И. Купи умер 4 февраля 1760 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 288, л. 254). Его инструменты были приобретены Академией у его вдовы за 120 руб. по определению Академической канцелярии от 6 мая того же года (там же, № 252, л. 99). За их покупку высказывался Я. Я. Штелин (там же, л. 96). Главная масса приобретенных инструментов предназначалась для резания стальных печатей, т. е. для такой работы, которую Академия Наук выполняла почти исключительно по частным заказам придворной знати. — Определение Академической канцелярии, «по силе которого советнику Ломоносову одному поручены в смотрение Университет и Гимназия», подписано Разумовским 19 января 1760 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 19). Годовая штатная сумма на содержание Университета и Гимназии повышена с 12 890 руб. до 15 248 руб. определением от 14 февраля того же года, которое подписано Разумовским и Ломоносовым (т. IX наст. изд., документ 323). Определение Канцелярии об отделении этой суммы от прочих денежных средств Академии и об установлении особого порядка ее расходования состоялось 31 мая 1761 г. (там же, документ 341). — Статистические данные, которыми Ломоносов заключает настоящий параграф, вполне точны и весьма красноречивы: за то недолгое время, когда Университетом и Гим-

назией единолично руководил Ломоносов (1760—1765 гг.), произведено из гимназистов в студенты 24 человека (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 24; № 474, л. 236; № 827, лл. 32, 73, 121, 135; оп. 9, № 39), причем к моменту составления настоящей записки, т. е. к 26 августа 1764 г., было произведено в студенты, как уже говорилось (см. выше, стр. 695), двадцать академических гимназистов; за первые же тридцать лет «правления Шумахерова» (1724—1753 гг.) ни один академический гимназист не был произведен в студенты. Нельзя считать академическими гимназистами ни товарищей Ломоносова по Московской академии, которые в Академии Наук, по свидетельству ее «главного командира», обучались только «немецкому диалекту» и которых тот же «главный командир» называл «студентами», а Сенат — «московскими студентами» (Материалы, т. III, стр. 677—678; т. IV, стр. 396), ни С. К. Котельникова и А. П. Протасова, которые, хоть и числились формально в течение одного года (19 августа 1741 г.—28 августа 1742 г.) академическими гимназистами, однако не проходили гимназического курса, обучаясь только риторике и логике (ААН, ф. 3, оп. 1, № 79, лл. 79, 189, 193 об., 196; № 452, л. 202; Протоколы Конференции, т. I, стр. 715). Нет сомнения, что Ломоносов, говоря о «произведении» в студенты, имеет в виду не таких пришлых, уже где-то обученных молодых людей, а коренных питомцев Академической гимназии.

К § 46. Согласно ордеру президента Академии от 18 августа 1758 г., суммы на содержание казеннокоштных гимназистов должны были выдаваться на руки инспектору Гимназии К.-Ф. Модераху, которому предлагалось расходовать их «по расположению» Ломоносова (Биярский, стр. 374). В соответствии с этим, когда оказывалось возможным получить деньги из кассы, Ломоносов извещал об этом Модераху ордером, в который включались обыкновенно следующие слова: «Извольте, оные деньги приняв, записать в данную вам тетрадь и держать в расход, в силу его высокографского сиятельства Академии г. президента августа 18 дня 1758 г. ордера, по расположению моему с запискою в оную тетрадь и с расписками» (см., например, ААН, ф. 3, оп. 1, № 832, лл. 22, 23). В некоторых случаях слова «по расположению моему» опускались (см. там же, л. 20). Из числа таких ордеров сохранились, к сожалению, только очень немногие и притом относящиеся уже к 1760 г. Упомянуемого Ломоносовым ордера с подчисткой среди них не обнаружено. Совершенно произвольны и несостоятельны догадки П. С. Биярского, будто Модерах, представив подчищенный кем-то ордер, проявил тем самым «недостаток доверия к Ломоносову», из-за чего лишился, будто бы, расположения последнего и был отрешен от должности инспектора. Все это нимало не похоже на истину. Ломоносов подробно и ясно излагает те чисто принципиальные, а отнюдь не личные, как думает Биярский, мотивы, по которым он согласился уволить Модераха (см. т. IX наст. изд., документ 335).

О «расположении» Ломоносова к Модераху говорить вообще не приходится: Ломоносов никогда не питал и не мог питать расположения к педагогу, который отстаивал интересы одного только «благородного юношества», т. е. гимназистов-дворян, и рекомендовал воздерживаться от приема в Гимназию учеников «из самого подлого народа» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, лл. 140 об.—141). На этой почве у Ломоносова произошло резкое столкновение с Модерахом еще в 1756 г., т. е. задолго до того, как Ломоносову было поручено управление учебной частью Академии (Протоколы Конференции, т. II, стр. 356). Вступив в исполнение обязанностей члена Академической канцелярии и получив тем самым возможность вникать во внутреннюю жизнь Университета и Гимназии, Ломоносов сразу же обнаружил ряд серьезнейших недочетов в педагогической деятельности Модераха (т. IX наст. изд., документы 290, 296—298).

К § 47. Составленный Ломоносовым проект регламента и штата Университета и Гимназии был послан, по резолюции Академической канцелярии от 17 сентября 1759 г., на отзыв профессорам Г.-Ф. Миллеру, И.-Я. Брауну и К.-Ф. Модераху (т. IX наст. изд., документ 315). Г. Н. Теплов в этой резолюции не упомянут, и отзыв его о ломоносовском проекте не отыскан. Говоря «трое из профессоров», Ломоносов разумеет Миллера, Брауна и Модераха, а «четвертым» он называет Фишера.

К § 48. Упоминаемое в этом параграфе представление Ломоносова не отыскано. В мае 1760 г. Академическая канцелярия послала в Академическое собрание диссертацию Г. В. Козицкого и просила по ознакомлении с ней дать отзыв, достоин ли ее автор быть профессором красноречия, философии и латинских словесных наук (документ 446). Диссертация посылалась на дом академикам; им предлагали высказаться о ней поскорее, но они так, по-видимому, и не высказались, и дело заглохло (Протоколы Конференции, т. II, стр. 450—451, 460). Козицкий, по отзыву Н. И. Новикова, был прекрасно образован, знал много языков и славился «слогом чистым, важным, плодовитым и приятным» (Сборник ОРЯС АН, т. XIX, СПб., 1878, стр. 308). Хотя звания профессора он так и не получил, однако в 1760—1763 гг. привлекался Ломоносовым к чтению студентам лекций по риторике (Ломоносов, III, стр. 363; ср. также ААН, ф. 3, оп. 1, № 825, л. 12). Одновременно он, как и Н. Н. Мотонис, преподавал и в Гимназии. Оба очень рано покинули академическую службу: Козицкий в 1763 г., Мотонис в 1764 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 279, л. 50; № 282, л. 172). В 1767 г., после фактического отрешения Тауберта от академических дел, Козицкий и Мотонис были единогласно избраны почетными членами Академии Наук «во внимание к их удивительным способностям по части русского языка» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 591). — С. Я. Румовский, тесно связанный с врагами Ломоносова — Таубертом, Эпинусом и Шлёцером, был назначен профессором астрономии 16 марта

1763 г. на двадцать девятом году от рождения (ААН, ф. 3, оп. 1, № 274, л. 133).— О служебной карьере А.-Л. Шлёцера см. т. IX наст. изд., примечания к документу 268.

К § 49. Хлопоты Ломоносова об утверждении «привилегии» для Академического университета освещены в т. IX наст. изд. (документы 324 и 325). Представление на имя императрицы об утверждении привилегии было написано от имени Академической канцелярии, но подписано 17 февраля 1760 г. только президентом Академии и Ломоносовым (там же, документ 324). Тауберт и Штелин еще за три дня до того отказались подписывать бумаги, относящиеся к Университету и Гимназии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 530, л. 54).— О получении А. П. Протасовым ученой степени доктора медицины и профессорского звания см. документы 440 и 446. Протасов был назначен профессором 3 ноября 1763 г., т. е. на семь с половиной месяцев позже, чем Румовский, благодаря чему последний, по тогдашним правилам, получил «старшинство перед Протасовым».

К § 50. Профессор Ф.-Г. Штрубе-де-Пирмонт был уволен от академической службы в 1757 г. (Пекарский, I, стр. 686). Обер-аудитор Адмиралтейств-коллегии Г.-Ф. Федорович был назначен профессором «российских прав» 21 февраля 1760 г. с ведома Академического собрания, которое 10 октября 1759 г. рассматривало представленный Федоровичем «специмен», вызвавший одобрительные отзывы (Протоколы Конференции, т. II, стр. 432, 436—437, 446). Против этого назначения высказывался тогда, по словам Ломоносова, один только Г.-Ф. Миллер. Кроме личной неприязни Миллера к Федоровичу, о причинах которой Миллер писал впоследствии весьма пространно (ААН, ф. 21, оп. 1, № 33, лл. 35—36), имело значение, вероятно, и то обстоятельство, что кафедра русского права была учреждена по мысли Ломоносова (т. IX наст. изд., документы 314 и 323) и вопреки желанию Миллера, который еще в 1748 г. говорил, что за отсутствием пособий по русскому праву нет надобности создавать такую кафедру (ААН, ф. 21, оп. 1, № 99, § 28, л. 13). Федорович приступил к чтению лекций в 1761 г. и продолжал читать их в 1762—1763 гг. (Ломоносов, III, стр. 361—362). В начале августа 1762 г. переводчик А. Я. Поленов, впоследствии известный юрист, и трое студентов возбудили перед Академической канцелярией ходатайство о командировании их за границу для дальнейшего усовершенствования в науках. Каждый из них мотивировал эту просьбу по-своему; в прошении Поленова указывалось, между прочим, что лекции Федоровича не могут принести ему пользы, так как последний «до сего еще времени диктует своим слушателям голые дефиниции» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 32). Рассказ Ломоносова о дальнейшей судьбе этого ходатайства абсолютно точен. Тауберт повел дело весьма странным, совершенно необычным в то время порядком и дал ему небывало быстрый ход. Воспользовавшись тяжелой болезнью Ломоносова и не записав ничего

в журнал Академической канцелярии, Тауберт созвал экстраординарное Академическое собрание, куда явился лично и на словах доложил вышеупомянутые четыре прошения. Жалоба Поленова на Федоровича была занесена Миллером в протокол. По поводу этой жалобы Миллер счел нужным заявить, что профессорские должности следует замещать достойными людьми, и эти свои слова, прямо направленные против Федоровича, а через его голову и против Ломоносова, он тоже внес в протокол. Не пригласив Федоровича в собрание и не запросив у него даже объяснений по существу поданной на него жалобы, академики признали, что А. Я. Поленова и одного из студентов, И. И. Лепехина (будущего академика), следует командировать за границу (Протоколы Конференции, т. II, стр. 485—486). Это собрание состоялось 9 августа 1762 г., а 13 сентября того же года командированные уже отбыли из Петербурга (ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 62). Только после их отъезда узнал, по-видимому, Федорович о том, что в Академическом собрании обсуждался и был осужден метод его преподавания. 2 декабря того же 1762 г. он явился в это собрание, чтобы ознакомиться с протоколом, где содержалась порочащая его запись. Миллер не дал протокола, и на этой почве у них произошло описанное Ломоносовым столкновение. По этому поводу производилось весной 1763 г. по просьбе Федоровича целое следствие, которое, как это часто случалось в те годы, ни к каким решениям не привело. Очевидец, профессор Браун, подтвердил, что «зачинщиком ссоры» и «обидящим» был Миллер, а «обиженным» — Федорович и что имело место «бесчестное и наглое выведение» Федоровича из Академического собрания (Протоколы Конференции, т. II, стр. 492—493; ААН, ф. 3, оп. 1, № 273, лл. 105—108). Да и сам Миллер сознался, что дал волю рукам; спор его с обвинителями свелся, в сущности, только к тому, выпроваживал ли он Федоровича «взашей», «за плечо» или «за рукав» (там же, ф. 20, оп. 1, № 33, л. 38). — Упоминаемая Ломоносовым жалоба П. Б. Иноходцова на академика С. Я. Румовского была доложена последним Академическому собранию в феврале 1764 г. Иноходцов, впоследствии крупный астроном, заявлял, что Румовский, к которому он был направлен для изучения математики и астрономии, не преподает ему ничего, кроме сферической тригонометрии, в силу чего он, Иноходцов, никаких астрономических познаний не приобрел. 9 того же сентября Иноходцову был объявлен выговор в присутствии всех академиков, причем потребовано от него обещание, что свою жалобу он возьмет назад и напишет вместо нее другое «доношение» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 511). Противопоставив два эпизода, весьма между собою сходные, но разрешившиеся тем не менее по-разному, Ломоносов воздержался от вывода, который ясен и так: при рассмотрении двух аналогичных студенческих жалоб судьи, противники Ломоносова, руководились не принципиальными соображениями, а личными симпатиями и антипатиями. — Подробнее об отправлении Поле-

нова и Лепехина за границу см. т. IX наст. изд., примечания к документу 346.

К §§ 51—52. Текст этих двух параграфов повторен Ломоносовым почти дословно в представлении, которое он подал в Академическую канцелярию в начале сентября 1764 г. (т. IX наст. изд., документ 353).

К §§ 53—54. Текст этих двух параграфов является пересказом того, что изложено Ломоносовым в его «Кратком показании о происхождении академического Географического департамента» (т. IX наст. изд., документ 164). История выписки из-за границы астрономических инструментов (§ 54) изложена Ломоносовым верно. Список этих инструментов был представлен А. Д. Красильниковым еще 7 февраля 1761 г., причем Канцелярия предполагала сперва писать о присылке их из Англии почетному члену нашей Академии Д. Брэдди (ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 80 об.). Но 18 мая того же года Тауберт вызвался сам выписать эти инструменты (там же, л. 144), от чего, однако, через четыре дня, 22 мая, отказался, что заставило Канцелярию обратиться непосредственно к находившимся в Петербурге английским купцам (там же, л. 146 об.). Через месяц, 20 июня, Штелин сообщил Канцелярии, что английский купец Рейнголд обещает выписать инструменты (там же, № 472, л. 3). Хотя Канцелярия и просила этого купца доставить инструменты «нынешним летом», т. е. в 1761 г., однако прошло и это лето, и следующее (это были годы болезни Ломоносова), а инструментов все не было: Рейнголд представил их только 1 апреля 1763 г. Канцелярия назначила комиссию для их освидетельствования (там же, № 474, л. 78), а к этому времени, когда со всеми формальностями было покончено (определение Канцелярии об оплате счета было датировано 15 мая 1763 г. — там же, л. 132), успел уже поступить упомянутый Ломоносовым ордер президента Академии о приостановке географических экспедиций: он был подписан в Москве 17 апреля 1763 г., а поступил в Канцелярию 26 того же апреля (там же, л. 113).

К § 55. Представление Ломоносова от 5 февраля 1763 г., заключавшее в себе протест против ордера президента Академии о передаче Географического департамента в ведение Миллера, опубликовано в т. IX наст. изд. (документ 165).

К § 56. Из начальных слов этого параграфа явствует, что в 1763 г. Ломоносов виделся лично с Екатериной II и вручил ей план географических экспедиций, составленный им еще в 1760 г. После встречи с Ломоносовым Екатерина II действительно послала в Академию справиться: «Было ль от кого из гг. академиков в подаче предложение о измерении всей России треугольниками и какое о том в собрании положено мнение». Академическая канцелярия 17 ноября 1763 г. направила соответствующий запрос Миллеру, в ведении которого находился архив Академического собрания (ААН, ф. 1, оп. 2-1763 г., № 3; Билярский, стр. 624). Миллер в ответ

на этот запрос составил две справки: одну пространную, датированную 30 ноября 1763 г. (ААН, ф. 21, оп. 1, № 105/3), другую сокращенную, датированную 1 декабря того же года (ААН, ф. 20, оп. 1, л. 330; Билярский, стр. 625). В этих справках Миллер в самом деле утверждал, что «о измерении всего Российского государства треугольниками никогда никаких предложений ни от кого из гг. академиков не было, и не сочинены никогда образцовые о том карты». Упомянув далее о связанных с таким измерением предположенных Ж.-Н. Делиля, которых тот не подавал, однако, по заявлению Миллера, в Академию Наук «на апробацию», Миллер действительно ни словом не обмолвился ни о ломоносовском проекте географических экспедиций вообще, ни, в частности, о карте таковых, составленной Ломоносовым же. Судя по тому, что ни в протоколах Академического собрания, ни в журналах Академической канцелярии, ни в журналах входящих и исходящих бумаг нет решительно никаких следов канцелярской пересылки запроса Екатерины II в Академию и ответа Академии на этот запрос, надо полагать, что запрос был передан Тауберту кем-то на словах (вероятно, Г. Н. Тепловым) и что в ответ на него Тауберт передал без всякой препроводительной бумаги справку Миллера. Такое предположение согласуется и с текстом Ломоносова, который говорит: «На сие ответствовано мимо оного Ломоносова чрез статского советника Тауберта от Миллера».

К § 57. Об отказе Ф.-У.-Т. Эпинуса допустить А. Д. Красильникова и Н. Г. Курганова на Академическую обсерваторию для наблюдения одновременно с ним прохождения Венеры по диску Солнца см. т. IX наст. изд., документы 236, 237, 239—243. А. Д. Красильников, участник Второй Камчатской экспедиции, занимался астрономическими наблюдениями, как совершенно правильно отмечает Ломоносов, и на самой восточной, и на самой западной оконечностях тогдашней России, «в самой крайности Азии, на восточном берегу Тихого моря» (слова Красильникова) и затем, уже в 1750 г., на островах Даго и Моон (ААН, разр. V, оп. 1-К, № 92, л. 22; Материалы, т. X, стр. 622—623). Миллер сообщает, что сибирские астрономические наблюдения профессора Л. Делиль-де-ла-Кройера были в основном или, во всяком случае, в лучшей своей части произведены Красильниковым (Материалы, т. VI, стр. 286). Ж.-Н. Делиль-старший еще в 1738 г. заявлял, что Красильников может совершенно самостоятельно производить любые астрономические наблюдения, связанные с определением долгот и широт (там же, т. III, стр. 639). Говоря о том, что наблюдения Красильникова были одобрены профессором А.-Н. Гришовом, Ломоносов имел, вероятно, в виду, заявление Гришова о том, что результаты балтийских наблюдений Красильникова совпали с результатами его собственных аренсбургских наблюдений (Протоколы Конференции, т. II, стр. 308). В половине XIX в. рукописи Красильникова были внимательно изучены акаде-

миком О. В. Струве, который, отозвавшись с величайшей похвалой обо всех вообще астрономо-географических трудах «этого ревностного путешественника», нашел, что его сибирские наблюдения отличаются «поистине изумительной для своего времени точностью» (Recueil des actes des séances publiques de l'Académie imp. des Sciences de St.-Petersbourg, tenues le 28 décembre 1847 et le 29 décembre 1848. — Собрание протоколов публичных заседаний имп. С.-Петербургской Академии Наук, состоявшихся 28 декабря 1847 г. и 29 декабря 1848 г. С.-Петербург, 1849, стр. 89, 97). К моменту, когда возник спор относительно допущения Красильникова и Курганова в Обсерваторию, у Красильникова был уже тридцатилетний астрономический стаж (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 34), тогда как Эпинус, по справедливому замечанию Ломоносова, был в то время еще начинающим астрономом: до переезда в Россию он всего два года занимался практической астрономией. — Последние строки настоящего параграфа о беготне Тауберта и Эпинуса «по знатным домам» несколько загадочны. Можно думать, что речь идет здесь о каком-то неизвестном нам эпизоде, который был связан с отставкой и последующим восстановлением Ломоносова в звании академика: поводом к отставке послужили бесспорно какие-то взведенные на него обвинения, а чтобы отвести их, ему, вероятно, пришлось прибегнуть к «оправданиям»: вот их-то и «заглушали», может быть, Тауберт и Эпинус.

К § 58. Упоминаемая Ломоносовым статья парижского астронома, аббата А.-Г. Пенгрэ (A.-G. Pingré) была напечатана в «Мемуарах» Парижской академии наук за 1761 г., вышедших в свет в 1763 г. (Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCCLXI. Avec les Mémoires de Mathématique et de Physique pour la même année, tirés des registres de cette Académie. Paris, MDCCLXIII — История королевской Академии наук. Год 1761. С Записками по математике и физике за тот же год, извлеченными из реестров этой Академии. Париж, 1763, стр. 413—418 второй пагинации). Она была посвящена астрономическим наблюдениям автора, произведенным 6 июня (26 мая по ст. ст.) 1761 г. на одном из островов Индийского океана в связи с прохождением Венеры по диску Солнца, и содержала обзор подобных же наблюдений, произведенных в тот же день другими астрономами в разных пунктах земного шара. В этом обзоре Пенгрэ коснулся вскользь и петербургских наблюдений, о которых отозвался чрезвычайно пренебрежительно и заявил, что все три наших наблюдателя допустили одну и ту же ошибку, которая исключает возможность пользоваться их данными. О самих наблюдателях он сказал следующее: «г. Брауну отдают справедливость, что он изучает природу усердно, умело и успешно. Все трое наделены несомненно и знаниями, и талантами, но недостает им бесспорно одного — опыта в астрономических операциях». Красильникова и Курганова Пенгрэ не назвал (там же, стр. 459—460). Наблюдавшееся

в 1761 г. прохождение Венеры по диску Солнца вызвало горячие споры не только среди русских академиков, но и во всем ученом мире, причем в Париже, как и в Петербурге, астрономы раскололись на два лагеря. Историки отечественной астрономии еще не удосужились изучить эту интереснейшую международную полемику во всей ее полноте, и потому мы до сих пор, к сожалению, не знаем, кто же из спорящих был прав и кто заблуждался. Полезно, однако, и до окончательного разрешения этого вопроса иметь в виду, что методы наблюдения самого аббата Пенгрэ, так строго осудившего наших наблюдателей, подверглись тогда же у него на родине суровой критике, которая заставила его несколько лет спустя (уже после смерти Ломоносова) признать свою методологическую оплошность и внести поправку в свои вычисления (*Biographie universelle (Michaud) ancienne et moderne* — Всеобщее жизнеописание (Мишо) древнее и новое. Париж—Лейпциг, т. XXXIII, без года, стр. 365). — Наблюдения Брауна, Красильникова и Курганова опубликованы не были. Ломоносов не ошибся, предполагая, что они проникли «во внешние земли» при посредстве его врагов. Среди бумаг Миллера разыскан недатированный черновик его письма на имя французского астронома аббата Ж. Шаппа д'Отероша, которому Миллер препроводил при этом письме запись наблюдений Красильникова, добавив от себя, что они «весьма неисправны» (ААН, ф. 21. оп. 3, № 360/5). Из текста цитированной выше статьи Пенгрэ (стр. 459) видно, что до него дошли жалобы Эпинуса на какие-то утеснения, от которых терпела, будто бы, урон его астрономическая работа в Петербурге, а из другой статьи того же Пенгрэ, напечатанной два года спустя, следует, что он состоял в переписке с Румовским, который снабжал его сведениями о своей астрономической деятельности (*Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCCLXIV... Paris, MDCCLXVII* — История королевской Академии наук. Год 1764. . . Париж, 1767, стр. 115—116 первой пагинации и стр. 339—343 второй пагинации). Нам известны, таким образом, имена трех петербургских академиков, при посредстве которых получали информацию парижские астрономы: все трое принадлежали к враждебной Ломоносову группе. — Об опытах Брауна по замораживанию ртути в термометре и о публикации, появившейся в связи с ними в Лейпциге, см. т. IX наст. изд., документ 226.

К § 59. Упомянутое Ломоносовым письмо Румовского от 4 июня 1761 г. было послано не из Нерчинска, как пишет Ломоносов, а из Селенгинска, где Румовский должен был наблюдать прохождение Венеры по диску Солнца. Его постигла неудача: день выдался ненастный, и сквозь густые облака солнце проглядывало лишь изредка и ненадолго. В письме на имя Ломоносова Румовский говорил: «Ежели бы 26 день мая был ясный и мне бы удалось сделать надежное примечание над Венерою, то я бы без всякого сомнения остался в здешнем наихудшем всей Сибири.

городе до того бы времени, пока не определил аккуратно длину сего места. Но мое наблюдение того не стоит» (Акад. изд., т. VIII, стр. 239; слова, набранные в разрядку, подчеркнуты Ломоносовым). Это «наблюдение», которое сам же Румовский признавал в 1761 г. нестоящим и ненадежным, он принялся затем рекламировать весьма широко: посвятил ему речь, прочитанную 23 сентября 1762 г. в публичном собрании Академии и вышедшую в том же году отдельным изданием (под заглавием «Изъяснения наблюдений по случаю явления Венеры в Солнце, в Селенгинске учиненных») и ряд статей, опубликованных в 1762—1764 гг. в «Новых комментариях» Академии («*Novi Commentarii*», т. XI, стр. 443—486, 487—536) и в «Ежемесячных сочинениях» (1764, т. II, апрель, стр. 378—383). Кроме того, о том же селенгинском «наблюдении» Румовского появилось целых два хвалебных сообщения в «Мемуарах» Парижской Академии наук за 1764 г., вышедших в свет в 1767 г. (точную библиографическую справку см. выше, в пояснениях к § 58). Оба были написаны все тем же аббатом Пенгрэ и основаны на сообщениях Румовского. — «Оптическими известиями» Румовского Ломоносов называет «Речь о начале и приращении оптики до нынешних времен», произнесенную Румовским 2 июля 1763 г. в публичном собрании Академии Наук и выпущенную затем отдельным изданием. В конце этой речи (стр. 25) Румовский вне всякой связи с предыдущим текстом посвящает один короткий абзац вопросу, «каким образом свет от солнца до нас доходит». Изложив в нескольких словах теории света Декарта-Эйлера и Ньютона, Румовский заявляет, что хоть оба «мнения» имеют свои достоинства, однако «трудно или совсем невозможно еще решить, которое из них за истинное признавать должно». На этом абзац и обрывается; о ломоносовской теории света Румовский не проронил ни слова. Чтобы оценить всю злость этого умолчания, надо учесть прежде всего, что «Слово о происхождении света» (1756 г.), подводившее итоги долголетним теоретическим и экспериментальным изысканиям Ломоносова в области изучения природы света и являвшееся одним из наиболее значительных научных его трудов (т. III наст. изд., стр. 552—553), было у всех еще очень свежо в памяти. Румовский, который в прошлом был многим обязан Ломоносову (см. т. IX наст. изд., примечания к документу 284), произносил свою речь с той самой академической кафедры, с которой семь лет назад произносилось и ломоносовское «Слово». При таких условиях умолчание об этом «Слове» не могло не обратить на себя внимания и должно было быть понято слушателями как намек на то, что ломоносовская теория света явно ошибочна, ненаучна и потому недостойна упоминания. Обстановка, в которой выступал Румовский, была исключительно пышна: его слушала сама Екатерина II, окруженная сонмом вельмож. В этот именно день, в этом самом публичном собрании Академии Екатериной был впервые примечен и обласкан злейший враг Ломоносова.

академик Эпинус («Русский биографический словарь», том «Шапов—Юшневский», стр. 267). Не исключена возможность, что он воспользовался этим случаем, чтобы откомментировать соответствующим образом то оскорбительное для Ломоносова умолчание, ради которого Румовский и вставил, конечно, в свою речь не идущий к делу абзац о теориях света. Если принять к тому же во внимание, что все это происходило в то время, когда Ломоносов не успел еще оправиться от чуть не стоившего ему жизни потрясения, причиненного указом Екатерины II об его отставке (указ был подписан 2 мая и взят назад 13 мая 1763 г.; Ломоносов, незадолго до того заболевший, не появлялся после этого в Академии до 7 августа), то станет понятна та горечь, с которой он говорит о выходе Румовского.

К § 60. Об установке большого астрономического квадранта см. т. IX наст. изд., документ 250.

К § 61. О начале академической карьеры А.-Л. Шлёцера см. т. IX наст. изд., примечания к документу 268; об его «Грамматике» и об ее печатании см. там же, документ 277 и примечания к нему.

К § 62. Об издании переведенного на русский язык описания Китайского государства и об участии в этом деле Шлёцера см. т. IX наст. изд., документ 276 и примечания к нему.

К §§ 63—64. О привлечении Шлёцера к работам по русской истории и о выдаче ему на дом рукописей из Академической библиотеки см. т. IX наст. изд., документы 272, 273, 275 и примечания к ним.

К §§ 65—66. Текст этих параграфов, где подводятся некоторые итоги изложенному ранее, не требует пояснений, за исключением только последних строк § 66. Они достойны серьезного внимания; здесь, и только здесь, названы имена участников той направленной против Ломоносова тайной интриги, которая имела задачей «конечное его опровержение» и привела к неожиданной его отставке весной 1763 г. Тауберт, Миллер и Эпинус были, как известно, непримиримыми врагами Ломоносова и еще более ожесточенными врагами передовых, патриотических идей, положенных в основу всей его организационной деятельности. Что же касается адъюнкта И. Ф. Трускота, то он затаил чисто личную злобу против Ломоносова, вероятно, еще с тех пор, когда более двадцати лет назад, весной 1743 г., в пору следствия над Шумахером они повздорили с Ломоносовым в помещении Географического департамента и когда Ломоносов в пылу перебранки сказал Трускоту, что адъюнктом его «сделал» Шумахер и что этого звания он, Трускот, недостоин (Билярский, стр. 28—31). На отношении Трускота к Ломоносову мог повлиять и эпизод с глобусом для великого князя Павла (см. документ 460, п. 6; ср. т. IX наст. изд., примечания к документу 168).

К § 67. Говоря о «поступках» Л. Л. Блюментроста «при первом основании Академии», Ломоносов имеет в виду, очевидно, те его распоряже-

ния, в силу которых фактически хозяином Академии стал Шумахер (см. выше, пояснения к §§ 1 и 2). Биограф Блюментроста подтверждает, что первый президент Академии Наук и Шумахер проявляли действительно всегда и во всем полное единодушие (Пекарский, I, стр. 8—12). В 1754 г. Блюментрост был назначен вторым куратором новоучреждаемого Московского университета, в связи с чем в феврале 1755 г., за месяц с небольшим до своей смерти, был вызван из Москвы в Петербург для совещаний с первым куратором того же университета И. И. Шуваловым (там же, стр. 15). В этот-то период Ломоносов и приметил в Блюментросте «нелюбие к российским ученым», которое выразилось в том, что Блюментрост устранил Ломоносова от участия в совещаниях о Московском университете. — Г.-К. Кейзерлинг занимал пост президента Академии менее полугода — со второй половины июля по конец 1733 г. (Б. Л. Модзалевский. Список членов имп. Академии Наук 1725—1907. СПб., 1908, стр. 1). За это короткое время он успел уделить некоторое внимание «ученикам российской нации» и исходатайствовать для Академии крупную денежную субсидию (Пекарский, I, стр. LII—LIII). И.-А. Корф ознаменовал свое почти шестилетнее пребывание в должности «главного командира» Академии (1734—1740 гг.) получением дополнительных денежных субсидий, усердными, но безуспешными хлопотами об утверждении академического устава и штата, пополнением состава русских студентов, командированием некоторых из них, в том числе Ломоносова, за границу и привлечением в состав Академии Г.-В. Рихмана. При всем том Корф потакал Шумахеру в самом деле «больше, чем надобно», отстаивая необходимость существования многолюдной Академической канцелярии и допуская непомерный рост ремесленных мастерских в ущерб интересам ученой и учебной части Академии (там же, стр. LIII—LV). — Говоря, что К. Г. Разумовский «вверился тотчас в Шумахера» и что «Теплов был ему (Разумовскому) предводитель, а Шумахеру приятель», Ломоносов совершенно точно определяет взаимоотношения членов того триумvirата, который правил Академией в период времени с середины 1746 г. по начало 1757 г. К концу этого периода, примерно с 1755 г., когда Шумахер стал заметно дряхлеть, его отношения с Тепловым испортились (ср. там же, стр. 48—62). — Академический регламент 1747 г., составленный Тепловым и Шумахером, закрепил за Академической канцелярией узурпированную ею власть: ей дано было право «в небытность президента корпусом так, как президент сам, управлять» (§ 50 регламента), про президента же говорилось в регламенте, что он «всеми академиками, адъюнктами так, как Университетом, Канцеляриею и прочими департаментами, до Академии Художеств касающимися [т. е. художественными и ремесленными мастерскими],... управляет и повелевает», издавая указы «именем е. и. в.» (§ 11 регламента). Упомянутый Ломоносовым «последний пункт о полномощии президентском»

(§ 64 регламента), позволял президенту дополнять и изменять регламент (ср. документ 395 и примечания к нему).

К § 68. «Канцелярскими журналами» назывались протоколы заседаний Академической канцелярии. Они действительно были переполнены бесчисленными решениями по мелочным хозяйственным вопросам, заглянувшими «ученые дела» своим множеством. — О числе студентов, получивших это звание в годы, когда учебной частью Академии единолично ведал Ломоносов, и в предшествующее время, см. § 45 публикуемой записки и пояснения к нему. — «Постановлением в градусы» Ломоносов называет производство в магистры, адъюнкты, профессора и академики, предусмотренное § 47 Академического регламента. За первые сорок лет существования Академии в магистры было произведено всего четыре русских студента, в адъюнкты — 11, в профессора и академики — 6. Ломоносов добивался, чтобы право присуждения «градусов», т. е. ученых степеней магистра, доктора и др., было предоставлено непосредственно Академическому университету в качестве одной из его «привилегий» (ср. т. IX наст. изд., документ 314), против чего и восставал Тауберт (ср. § 49 публикуемой записки); о получении А. П. Протасовым степени доктора медицины см. там же и документы 440 и 446.

К § 69. Под «иностранными» Ломоносов разумеет, видимо, прежде всего французского астронома, члена Парижской Академии наук, аббата Ж. Шаппа д'Отероса, который в 1761 г. наблюдал в Тобольске прохождение Венеры по диску Солнца и выпустил затем во Франции подробное описание своего путешествия в Сибирь (*Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761* — Шапп д'Отерош. Путешествие в Сибирь, совершенное по повелению короля в 1761 г. Париж, 1768). Эта книга вышла в свет уже после смерти Ломоносова, а при жизни его появилось только предварительное сообщение Шаппа, напечатанное в «Мемуарах» Парижской академии («*Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCCLXI. Avec les Mémoires de Mathématique et de Physique pour la même année*». Paris, MDCCLXIII — История королевской Академии наук. Год 1761. С Записками по математике и физике за тот же год. Париж, 1763, стр. 342—344 втор. паг.). Книга Шаппа была предвестницей того литературного похода против России, который начался с 1771 г. по заданию французского королевского правительства и был предуган Людовиком XV еще за десять лет до того, на исходе Семилетней войны, т. е. как раз в то время, когда Шапп, верный слуга Людовика, писал свою книгу (E. P. Boutaric. *Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère*, t. I. Paris, 1866, стр. 279 — Э.-П. Бутарик. Секретная неизданная переписка Людовика XV по внешней политике, т. I, Париж, 1866, стр. 279). Затевавшаяся в Париже антирусская кампания имела задачей снизить международный вес России путем клеветы на русский народ.

В эту именно сторону направлены были и усилия Шаппа, засорившего свою книгу псевдонаучными разглагольствованиями о «тупом и непонятном разуме» и о «великой лени и нерадении» русских людей (стр. 210, 220, 221, 223 и др.). Говоря о Петербургской Академии наук и превознося ее «достоинейших» иностранных деятелей, в том числе Тауберта и Штелина, Шапп утверждал, что, несмотря на все усилия Петра I и его преемников, за шестьдесят (!) лет ни один русский ученый не дорос до того, чтобы стоило упомянуть о нем в истории науки (стр. 210). Вторая и третья фразы § 69 комментируемой записки воспроизводят довольно точно формулировки Шаппа. Это дает основание предполагать, что Ломоносову была откуда-то известна тенденция готовившейся в Париже книги. — О посылке научных статей Ломоносова «с худым намерением к Эйлеру» см. примечания к письму 9. — «Лейпцигскими учеными сочинениями» Ломоносов называет выходящий в Лейпциге журнал «*Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis*» («Записки о работах, произведенных в области естествознания и медицины»), где в 1752 г. был напечатан отрицательный отзыв о тех физических работах Ломоносова, в которых излагалась его теория вещества и молекулярно-кинетическая теория теплоты и газов. Заграничным критикам, нападавшим на передовые материалистические воззрения Ломоносова с реакционных, метафизических позиций, он ответил пространной статьей («опроверг оное публично довольными доводами»), напечатанной в 1755 г. в Амстердаме (т. III наст. изд., стр. 201—232, 538—543).

К § 70. Под «Академическим собранием» Ломоносов разумеет в данном случае академиков, которых по штату 1747 г. положено было девять, а под «прочими до наук надлежащими людьми» — адъюнктов (девять штатных должностей), почетных членов (десять штатных должностей), историографа (одна штатная должность) и профессоров Университета (пять штатных должностей). В период с 1747 по 1764 г. не бывало действительно ни разу такого случая, чтобы все эти тридцать четыре штатных должности оказывались замещены. Говоря о том, что «недобности к ученым департаментам почти всегда недоставали», Ломоносов имеет в виду, вероятно, то обстоятельство, что и из числа прочих штатных должностей, имевших отношение к ученой и учебной части Академии (сюда надо включить и штатные оклады жалованья казеннокоштных студентов и гимназистов), многие оставались зачастую незамещенными. Ломоносов совершенно прав, утверждая, что академические служащие «претерпевать должны были в выдаче жалованья скудость». Речь идет о хронических задержках в выплате жалованья, т. е. о том, что, составляя одну из самых чувствительных язв академической жизни, серьезнейшим образом тормозило и расшатывало научную работу Академии. За двенадцать лет, предшествовавших составлению публикуемой записки Ломоносова,

1753—1764 гг., жалование научным работникам Академии ни разу не было выплачено вовремя, день в день: оно неизменно выдавалось с опозданием, в лучшем случае на 6—9 дней (таких случаев было за двенадцать лет всего три), а в среднем на 57 дней, т. е. почти на два месяца; бывали и такие случаи, когда выплата жалованья задерживалась на 101, 104, 119, 136, а один раз даже на 358 дней, т. е. без малого на целый год (сентябрьская треть 1759 г.). Опоздание в выплате жалованья стало катастрофически возрастать, с тех пор как хозяйственная часть Академии очутилась в руках Тауберта: если в 1753—1755 гг. опоздание колебалось в пределах от 6 до 54 дней, а в среднем не превышало 22 дней, то в 1757 г. оно достигло 68 дней, в 1758 г. — 93 дней и в 1759 г. — 156 дней. 1759 год ознаменовался решительными выступлениями Ломоносова против хозяйственной политики Тауберта (документы 438 и 439). В 1760—1761 гг. он критиковал ее еще резче (документы 448 и 453) и в конце 1761 г. потребовал привлечения Тауберта к уголовной ответственности (документы 460—462). Эти выступления Ломоносова возымели, как видно, действие, и жалование стало выплачиваться с меньшими опозданиями (в 1760 г. — 96 дней, в 1761 г. — 51 день, в 1762 г. — 39 дней, в 1763 г. — 17 дней). Но с конца 1763 г., вскоре после отставки Ломоносова, кривая опозданий снова пошла в гору: жалование за сентябрьскую треть 1763 г. было выплачено с опозданием на 36 дней, а за январскую треть 1764 г. — с опозданием на 67 дней (ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, лл. 389, 543; № 465, лл. 19, 162, 284; № 466, лл. 6, 147, 302; № 467, лл. 22, 142, 331; № 468, лл. 33, 250, 319; № 469, лл. 74, 203, 330; № 470, лл. 105, 252, 322; № 471, лл. 162, 204, 308; № 472, лл. 96, 144, 218; № 473, лл. 27, 153, 223; № 474, лл. 10, 125, 240; № 475, л. 182). Таким образом, Ломоносов был совершенно прав и в том случае, когда писал, что задержка в выдаче жалованья «и ныне [т. е. в 1764 г.] случается». — Ввиду постоянного наличия вакантных должностей получаемая Академией штатная сумма (53 298 руб. в год) никогда не расходовалась вся целиком по прямому своему назначению; из года в год должен был накапливаться поэтому известный ее остаток, который в общем итоге за время со дня введения нового штата по 1759 г. должен был достигнуть, по расчетам Ломоносова, 65 701 руб. Эту цифру Ломоносов заимствовал, очевидно, из той не дошедшей до нас бухгалтерской справки, которая была составлена на основании п. 4 определения Академической канцелярии от 19 января 1760 г. (т. IX наст. изд., документ 320). О расходах «на выстройку погоревших палат» см. документ 438. — «Полшесты тысячи рублей» — 5500 руб. На постройку «каменной палатки под глобус» было израсходовано 5470 руб. (см. выше, пояснения к § 24). — В XVIII в. академические издания печатались обычно в количестве 600 экземпляров. Если из этого количества раздавалось «даром близ ста экземпляров», то это

означает, что на бесплатную раздачу уходило около 17% всего тиража. О том, во что обходилась Академии такая раздача, см. выше, пояснения к § 37. — О «новом строении глобуса» см. выше, пояснения к § 24. — Говоря о своем представлении, касающемся подрядов, Ломоносов имеет в виду свою записку под заглавием «Для памяти о подрядах академических» (документ 448). — О «доношении в Сенат от секретаря Гурьева» см. выше, пояснения к § 37. — О ремонте дома, где жил Тауберт, см. документы 448 и 453. — О неподаче Таубертом отчетов по Кунсткамере и Библиотеке см. документы 457 и 458. — С. Прейсер, бухгалтер академической Книжной лавки, ставленник Шумахера, состоял в 1742—1743 гг. под следствием, был арестован одновременно с Шумахером и с ним же заодно освобожден. Он умер 23 июля 1764 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 283, л. 305).

К § 71. Человек, «который за закон себе поставил Махивелево учение», — Тауберт.

471

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 20, оп. 3, № 95) с указанием в сносках вариантов по собственноручному черновику (там же, оп. 1, № 2, л. 331).

Подлинник на латинском языке.

Латинский текст впервые напечатан (неполно, по введенной в протокол Академического собрания копии, там же, ф. 1, оп. 1, № 16, л. 2 об.) — Билярский, стр. 736—737.

Русский перевод публикуется впервые.

28 января 1765 г. Ломоносов участвовал в последний раз перед смертью в заседании Академического собрания. Все заседание было посвящено обсуждению организационных вопросов, возникших ввиду назначения конференц-секретаря Академии Миллера главным надзирателем Московского воспитательного дома. Это назначение, неожиданное, кажется, и для самого Миллера, состоялось 1 января 1765 г. по докладу И. И. Бецкого (ААН, ф. 3, оп. 1, № 971, л. 36), который известил об этом Академическую канцелярию промеморией от 20 января (там же, ф. 1, оп. 2-1765 г., л. 2).

Заседание Академического собрания началось с оглашения Ломоносовым этой промемории. Далее, по инициативе Миллера, обсуждался вопрос о дальнейшем выпуске «Ежемесячных сочинений», которые за отъездом Миллера в Москву лишались главного редактора. Вслед за тем Ломоносов прочитал публикуемое представление (Протоколы Конференции, т. II, стр. 532).

Этот документ имел двоякое значение.

Опыт показывал, что от конференц-секретаря зависит в значительной степени весь ход работ Академического собрания, а тем самым и всей Академии в целом. Академический регламент 1747 г не содержал никаких

указаний по вопросу о порядке замещения должности конференц-секретаря. практически же со времени утверждения регламента, конференц-секретари назначались властью президента Академии без согласования кандидатуры с Академическим собранием (ААН, ф. 3, оп. 1, № 954, л. 22; № 461, л. 143; ф. 1, оп. 2-1754 г., № 3, л. 43). Из текста публикуемого документа видно, что Ломоносов стремился прежде всего изменить эту практику, добиваясь, чтобы кандидата в конференц-секретари выдвигало Академическое собрание. Ломоносов считал нужным, кроме того, отчетливо определить те требования, которым должен отвечать будущий конференц-секретарь.

Огласив публикуемое заявление, Ломоносов назвал, со своей стороны, имена профессоров Фишера и Брауна «как старших в профессорском звании» и потому наиболее достойных, на его взгляд, занять освобождающуюся должность и предложил поставить их кандидатуры на голосование. Но баллотировка не состоялась. Фишер сам отвел свою кандидатуру, а кандидатуру Брауна отвел Миллер: он «посоветовал не производить выборов без соизволения президента или приказа из Академической канцелярии» и добавил, что из Петербурга он, Миллер, пока еще не уезжает и готов нести по-прежнему обязанности конференц-секретаря (Протоколы Конференции, т. II, стр. 532).

Болезнь, которая через два с небольшим месяца после описанного заседания унесла Ломоносова в могилу, лишила его возможности принять дальнейшее участие в этом деле.

Орденом президента Академии от 5 марта 1765 г. на должность конференц-секретаря был назначен профессор Я. Я. Штелин (ААН, ф. 1, оп. 2-1765 г. № 3).

ПРОХОЖДЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

472

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ЦГАДА, ф. Московской синодальной конторы, № 245, л. 15).

Впервые напечатано — Ломоносовский сборник, СПб., 1911, стр. 70—71.

В начале 1734 г. известный русский географ, обер-секретарь Сената И. К. Кирилов представил в императорский Кабинет проект экспедиции в «Киргиз-Кайсацкую и Каракалпакскую орду» с целью закрепления названных земель за Россией. Утвердив 1 мая 1734 г. этот проект, императрица Анна Ивановна назначила руководителем экспедиции, получившей название «Офенбургской», самого Кирилова. В состав экспедиции, помимо «офицеров артиллерийских, инженерных и морских служителей и других разных чинов людей», должен был войти и «ученый священник из Спасской школы», т. е. из Славяно-греко-латинской академии.

18 июля того же 1734 г. Кирилов обратился в Синод с просьбой определить к нему в экспедицию рекомендованного ему архимандритом Спасского училищного монастыря ученика М. Красильникова. Красильников, давший сперва согласие выехать с Кириловым в экспедицию, отказался затем от этой поездки. После ряда неудачных попыток пригласить на должность священника заранее намеченных лиц Кирилов согласился принять любого желающего с ним поехать ученика Славяно-греко-латинской академии. В связи с этим Московская Синодального правления канцелярия 30 августа 1734 г. направила ректору Славяно-греко-латинской академии, архимандриту Стефану, указ, предписывавший ему «выбрать из учеников достойного кандидата» (Ломоносовский сборник, СПб., 1911, стр. 69).

Через два дня, 2 сентября того же 1734 г., выбранный архимандритом Стефаном ученик явился в названную канцелярию: это был Ломоносов.

Во время пребывания его в Канцелярии прибыл туда и Кирилов. Познакомившись с представленным ему кандидатом, Кирилов, как о том свидетельствует протокольная запись Канцелярии от 2 сентября, заявил, «что тем школьником по произведении его во священство будет он доволен» (там же, стр. 70).

Спустя еще два дня Ломоносов, согласно порядку, существовавшему для лиц, возводимых в духовный сан, был допрошен в Ставленническом столе упомянутой канцелярии. Результатом этого допроса явился публикуемый документ.

См. документ № 473.

473

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному по пунктам Ломоносовым (ЦГАДА, ф. Московской Синодальной конторы, № 245, лл. 16—17).

Впервые напечатано — Ломоносовский сборник, СПб., 1911, стр. 71—72.

Датируется предположительно по дню запроса Московской Синодального правления канцелярии, адресованного в Камер-коллегию.

Рассмотрев показания, данные Ломоносовым 4 сентября 1734 г. в Ставленническом столе (документ 472), Московская Синодального правления канцелярия запросила Камер-коллегию, действительно ли в Холмогорах имеется поп Василий Дорофеев, имеется ли у него сын Михайло и каков его возраст? Подписан был этот запрос в тот самый день, когда Ломоносова допрашивали в Ставленническом столе.

Узнав об этом запросе, Ломоносов дал в Московской Синодального правления канцелярии новые, на этот раз правильные показания о своем происхождении, которые и изложены в публикуемом документе.

Как видно из текста последнего, причиной, заставившей Ломоносова дать неверные о себе сведения, явилось желание поехать с Кириловым

в экспедицию и боязнь, что крестьянское происхождение помешает осуществлению этого замысла.

Публикуемый документ важен еще и тем, что содержит рассказ Ломоносова о том, как он в 1730 г. ушел из дому в Москву и как поступил в Славяно-греко-латинскую академию. При поступлении туда он, как сам признается, назвал себя дворянским сыном.

474

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 65, л. 1).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — Куник, I, стр. 116; русский перевод — Куник, II, стр. 261.

Датируется предположительно по дню канцелярской пометы на счете Г.-У. Райзера, приложенном к счету Ломоносова: 26 сентября 1737 г.

Публикуемый отчет Ломоносова является единственным известным нам документом, показывающим, как расходовал Ломоносов за границей средства, которыми снабжала его Академия Наук, и как они были недостаточны.

Из отчета видно, что за первый год своего пребывания в Марбурге Ломоносов израсходовал, не считая издержек на питание и учение, 100 рублей и 209 талеров. Немецкий рейхсталер приравнялся в 1736 г. к 80 русским копейкам (Куник, I, стр. 102; II, стр. 241). Таким образом, вся израсходованная Ломоносовым сумма составляла 267 руб. 20 коп.

Отправляя Ломоносова за границу, Академия Наук установила ему годовое содержание в 400 рублей. Тогда же была составлена «приблизительная смета необходимым расходам» на одного студента, согласно которой у каждого из них из указанных 400 рублей, исключая расход на питание, одежду, квартиру и другие хозяйственные нужды, должно было оставаться еще на учение 240 рублей (там же). Если к указанной выше сумме расходов Ломоносова за первый год, т. е. к 267 руб. 20 коп., прибавить еще не значащиеся в его отчете расходы на питание, то на учебу у него не оставалось, следовательно, и половины намечавшейся Академией суммы.

Значительную долю издержек составили путевые расходы от Петербурга до Марбурга. При отъезде в Германию Ломоносову было выдано всего 300 руб. (Билярский, стр. 2). Следующая пересылка ему денег была произведена лишь через год после его отъезда — 10 сентября 1737 г. (Куник, I, стр. 195; II, стр. 353). Получить эту сумму до составления отчета он, конечно, не мог и не располагал, следовательно, в это время никакими средствами к существованию. Как и в последующие годы пребывания за границей, Ломоносову приходилось жить в долг.

Если отбросить путевые издержки, то окажется, что больше всего денег Ломоносов, как видно из отчета, расходовал на покупку книг.

475

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 68, л. 1).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — Куник, I, стр. 134; русский перевод — Куник, II, стр. 281.

Как уже указывалось (примечания к документу 474), нерегулярная пересылка денег из Петербурга заставляла Ломоносова брать деньги займы и пользоваться в долг услугами тех или иных мастеров. Свидетельством тому служит публикуемый список, составленный Ломоносовым на третьем году заграничной жизни.

Цифры долгов показаны Ломоносовым и Вольфом в разной валюте: в рублях, флоринах, талерах и грошах. Так как соответствующими сокращенными обозначениями снабжены далеко не все цифры, то итоги не поддаются проверке. Можно думать, что один из двух итогов, вероятно первый, выражен в рублях. Если это так, то сумма показанных в списке долгов весьма значительна: она превышала тогдашний годовой оклад содержания Ломоносова.

476

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному по пунктам Ломоносовым (ААН, ф. 20, оп. 3, № 69, лл. 1—2).

Впервые напечатано — Куник, II, стр. 359—360.

День написания устанавливается предположительно — по дате резолюции Шумахера на прошении Ломоносова (там же, лл. 1 об.—2).

Со времени возвращения в июне 1741 г. из-за границы Ломоносов в течение семи месяцев работал в Академии Наук, не состоя в ее штате.

Несмотря на то, что выполненные им за это время работы (диссертации «Рассуждение о катоптрическом зажигательном инструменте» и «Физико-химические размышления о соответствии серебра и ртути», описание хранившейся в Академии Наук коллекции минералов, относящиеся к соляному делу переводы «известий и проектов» Г.-Ф. Юнкера, переводы различных научно-популярных статей для «Прибавлений на Санктпетербургские ведомости» и др.) уже тогда получили высокую оценку ученых, неоднократные обращения Ломоносова в Академическую канцелярию с просьбой об «определении» его в Академию Наук оставались без ответа.

А между тем, перед отъездом за границу Ломоносов и оба его спутника были действительно, — как он говорит, — обнадужены, что в случае, если по возвращении они «в пройденных науках совершены будут, пробы

своего искусства покажут и о том надлежащее свидетельство получают», то будет «в профессора экстраординарные удостоены» (Куник, II, стр. 230).

Не известно, что заставило Шумахера отказаться на сей раз от безучастного отношения к ходатайству Ломоносова. На публикуемом прошении Шумахер наложил 8 января 1742 г. следующую резолюцию: «Понеже сей проситель, студент Михайло Ломоносов, specimen своей науки еще в июле месяце прошлого 1741 году в Конференцию подал, который от всех профессоров оной Конференции так апробован, что сей specimen и в печать произвестъ можно; к тому ж покойный профессор Амман его, Ломоносова, Канцелярии рекомендовал; к тому ж оный Ломоносов в переводах с немецкого и латинского языков на российский язык довольно трудился, а жалованья и места поныне ему не определено; то до дальнего указа Правительствующего Сената и нарочного Академии определения быть ему, Ломоносову, адъюнктом физического класса. А жалованья определяется ему сею 1742 года генваря с 1 числа по 360 рублей на год, счисляя в то число квартиру, дрова и свечи, о чем заготовить определение, а к комиссару указ» (ААН, ф. 20, оп. 3, № 69).

Согласно этой резолюции, Ломоносов с 1 января 1742 г. стал числиться адъюнктом Академии Наук по физическому классу с годовым окладом в 360 рублей.

Глухая ссылка Шумахера на одобрительный отзыв профессоров о «specimene», представленном Ломоносовым, не поддается проверке. Не сохранилось никаких известий о том, как именно были оценены профессорами работы Ломоносова, просмотренные конференц-секретарем Х. Гольдбахом «и прочими гг. профессорами» и переданные 24 августа 1741 г. для прочтения на дому профессору Г.-В. Крафту (Протоколы Конференции, т. I, стр. 694; т. I наст. изд., стр. 546—547). Известно лишь, что Крафт читал их затем вслух в целом ряде заседаний Академического собрания (9, 12, 26 и 30 октября и 6 ноября 1741 г.), после чего сдал их в Архив, а 20 ноября 1741 г. в Академическом собрании было решено, что если те студенты, чьи работы читались в собрании, пожелают получить свидетельства о своих успехах, то должны предварительно подвергнуться экзамену (Протоколы Конференции, т. I, стр. 701, 703—705, 707). Это касалось и Ломоносова, но держал ли он экзамен, не известно. Протоколы Академического собрания за первую половину следующего, 1742, года не сохранились. Уцелел, однако, составленный еще в 40-х годах именной и предметный указатель к этим протоколам, из которого видно, что 4 января 1742 г. Академическое собрание постановило передать в Канцелярию АН выписку из своих протоколов, касающихся «specimenov» Ломоносова (ААН, ф. 1, оп. 1, № 12—б, л. 124). Эта выписка не обнаружена. Нет сомнения, что она была затребована Канцелярией в связи с предстоявшим производством Ломоносова в адъюнкты. В более позднем доношении профессоров, подан-

ном 1 марта 1743 г. в Следственную комиссию о Шумахере, есть такое, еще не публиковавшееся сообщение: «Адъюнкты Теплов и Ломоносов предложили профессорам в Конференции [т. е. в Академическом собрании] свидетельства о способности своей в науках [т. е., по обычной для того времени терминологии, «специмены»] и по апробовании оных объявлены 3 и 28 числа генваря 1742 году адъюнктами, после чего по сношению о том с Конференциею 31 числа марта позволено им при обыкновенных собраниях присутствовать» (там же, ф. 3, оп. 1, № 794, л. 337 об.). Таким образом, «апробование» Ломоносовских специменов засвидетельствовано не одним Шумахером, а и профессорами. Является ли 31 марта 1742 г. датой «сношения» или датой «позволения», неясно. Известно лишь из упомянутого выше указателя к протоколам, что официальное извещение Шумахера о производстве Ломоносова в адъюнкты было послано в Академическое собрание лишь 11 мая 1742 г. (там же, ф. 1, оп. 1, № 12, том 2, л. 124). Надо полагать, что только после этого Ломоносову было разрешено присутствовать в этом собрании.

477

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному по пунктам Ломоносовым (ААН, ф. 20, оп. 3, № 70, л. 1).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 23—24.

День написания устанавливается предположительно по дате канцелярской пометы о подаче публикуемого документа в Академическую канцелярию 23 апреля 1743 г.

Просьба Ломоносова вычитать из его «адъюнктского жалованья» лишь «адъюнктские деньги», т. е. суммы, которые получались им после 1 января 1742 г., и не вычитать «студентских», т. е. получавшихся до 1 января 1742 г., была вполне справедлива.

При отправке Ломоносова за границу в 1736 г. ему было определено «годовое содержание» в 400 руб. За все время его пребывания за границей, с 23 сентября 1736 г. (день отплытия из Кронштадта) по 8 июня 1741 г. (день возвращения в Петербург), т. е. за 4 года 8 месяцев и 16 дней, ему, следовательно, должно было быть выплачено, с учетом и тех сумм, которые выплачивались Х. Вольфу и И.-Ф. Генкелю за его обучение, 1884 руб. 50 коп. За то время, с 8 июня 1741 г. по 1 января 1742 г., в течение которого он, по возвращении из-за границы, работал в Академии Наук, не получая жалованья, а числясь по-прежнему студентом, ему, исходя из указанного расчета, следовало получить еще 225 руб. 50 коп. Общая сумма всех затрат на него должна была составить, таким образом, 2110 руб.

Если верить справке, составленной в Академической канцелярии в 1746 г., то за все время пребывания Ломоносова за границей Академией Наук было израсходовано на него 1870 руб. 81 коп. (Билярский, стр. 3). За те 6 месяцев и 23 дня, в течение которых он по возвращении на

годину работал в Академии, не получая жалованья, ему было выдано: 8 июня 1741 г. — 50 руб. (там же), 7 августа — 15 руб., 4 сентября — 10 руб., 15 октября — 6 руб., 2 ноября — 10 руб. и 8 декабря — 20 руб. (Куник, ч. I, стр. 194; ч. II, стр. 352), т. е. всего 111 руб. Все затраты на него до зачисления его в штат на должность адъюнкта составили, следовательно, 1981 руб. 81 коп., т. е. на 128 руб. 19 коп. меньше, нежели это было предусмотрено. Таким образом, ни о какой задолженности Ломоносова перед Академией Наук за его «студентское» время не могло быть и речи. Это подтверждается и тем, что когда три года спустя, в 1746 г., Ломоносов потребовал возмещения не досланных ему за границу «студентских» денег, Шумахер тотчас же удовлетворил его претензию (документ 486).

На оригинале публикуемого доношения имеется сделанная рукой секретаря Канцелярии Академии Наук Волчкова надпись следующего содержания: «Подано в Канцелярию Академии Наук 23 апреля 1743 году. Справиться с комиссаром, много ли Ломоносову в бытность его студентом, до определения в адъюнкты, денежных дач было, в котором году что выдано». Наводились ли эти справки и каково было решение Канцелярии по этому доношению, не известно.

478

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному по пунктам Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 77, л. 499).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 40.

День написания устанавливается предположительно по дате канцелярской пометы о подаче публикуемого документа в Академическую канцелярию 30 мая 1743 г.

Выплата жалованья академическим служащим производилась в рассматриваемое время почти всегда с большим запозданием против установленного времени. Задержки в выплате жалованья достигали иногда трех, четырех и более месяцев. Особенно страдали от этого низкооплачиваемые служащие, к числу которых принадлежал в 1742—1745 гг. и Ломоносов.

На публикуемом доношении Ломоносова, находившегося в то время под арестом (см. документ 479), сделана рукой секретаря Академической канцелярии С. С. Волчкова следующая помета: «Подано в Канцелярию Академии Наук 30 мая 1743 году. О выдаче адъюнкту Ломоносову за месяц заслуженного жалованья на прошлый 1742 год послать к расходу указ».

479

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 78, л. 332).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 46.

День написания устанавливается предположительно по дате канцелярской пометы о подаче публикуемого документа в Академическую канцелярию 23 июня 1743 г.

В августе 1742 г. работавшим в Академии Наук механиком А. К. Нартовым и рядом других академических служащих были поданы императрице жалобы на злоупотребления Шумахера, которого они обвиняли, в частности, в преднамеренном срыве работы по подготовке русских ученых кадров. Жалобы возымели действие. 30 сентября 1742 г. был подписан указ о назначении Следственной комиссии, а 7 октября того же года Шумахер и три доверенных его лица были арестованы. «Смотрение» над всем тем, что находилось в ведении Шумахера, было поручено Нартову (Материалы, т. V, стр. 376—379). Арест Шумахера был далеко не строг: академические дела, даже опечатанные Следственной комиссией, оставались ему доступны. Нартов, распорядившись проверить состояние печатей и опечатать дела Академического собрания, уполномочил на это в числе других и Ломоносова. На этой почве у Ломоносова уже через неделю после ареста Шумахера произошло столкновение с приверженцами последнего, которых в составе Академического собрания оказалось немало. Результатом этого столкновения явились жалобы на Ломоносова, поданные профессорами в Следственную комиссию в декабре 1742 г. (Пекарский, II, стр. 330—332). Тем временем в ходе следствия над Шумахером произошел крутой поворот в его пользу. Его академические сторонники горячо выступили в его защиту и встретили полную поддержку со стороны правящих реакционных кругов, прямыми представителями которых были сановные члены Следственной комиссии. В итоге, ставленник этих реакционных кругов, Шумахер, был 28 декабря 1742 г. освобожден из-под стражи, а из числа лиц, подавших на него жалобы, семь человек были 13 января 1743 г. арестованы (Пекарский, I, стр. 42; Материалы, т. V, стр. 578): волею классового «правосудия» обвинители, смелые русские патриоты, принадлежавшие к демократическим низам тогдашнего общества, оказались обращены в обвиняемых. Ломоносова не без основания признавали их единомышленником и соратником. Подобно им, он боролся за то, чтобы Академия стала не только центром передовой русской науки, но и центром русского просвещения. Тотчас же после ареста жалобщиков были приняты репрессивные меры и в отношении Ломоносова. Его «умышленно» (как сказано в официальном документе) перестали приглашать в Академическое собрание, членом которого он состоял как адъюнкт, а 21 февраля 1743 г. ему было прямо объявлено профессорами, «что он поступит лучше, если воздержится от посещения заседаний до тех пор, пока не станет известным решение Следственной комиссии» (Протоколы Конференции, т. I, стр. 726, 729). Ломоносов не желал подчиниться незаконному решению своих противников, но каждый раз, как он являлся в Академическое собрание, его просили удалиться. Не помогла и поддержка

Нартова, который пытался вступить за Ломоносова (там же, стр. 730, 733, 734). Борьба приобретала все более острый, даже ожесточенный характер, и 26 апреля 1743 г. у Ломоносова произошло новое, чрезвычайно резкое столкновение с конференц-секретарем Х.-Н. Вингеймом и адъюнктом И. Ф. Трусокотом, причем Ломоносов, не стесняясь в выражениях, открыто высказал свое мнение о Шумахере и об его приспешниках (Биярский, стр. 24—32). Форма, которую Ломоносов придал своему протесту, была груба (что, впрочем, при тогдашних нравах не было явлением исключительным), но самый протест был при сложившейся обстановке вполне естествен и справедлив. Именно потому-то Ломоносов и поплатился так дорого за свои «неучтивые поступки». В мае 1743 г. профессора подали на него новую жалобу (Ламанский, стр. 8—11). В числе подписавших ее лиц были такие, которые в другие — и более ранние, и более поздние — времена сами затевали в стенах Академии не только перебранки, но и драки (документ 470, §§ 9—10, 50 и примечания к ним) и оставались притом безнаказанными К Ломоносову, который на допросе в Следственной комиссии держал себя независимо и даже дерзко, отнеслись иначе: 28 мая 1743 г. он был арестован (Биярский, стр. 39—40, 42—44). Профессора на этом не успокоились: обсуждался вопрос о подаче на Ломоносова еще одной жалобы, адресованной на этот раз самой императрице (Протоколы Конференции, т. I, стр. 743), а Следственная комиссия возвела на Ломоносова обвинение в таких преступлениях, за которые по законам того времени полагалось битье батогами или плетьюми, а то и смертная казнь (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2324, лл. 129—137).

Публикуемое доношение Ломоносова, поддержанное Академической канцелярией в лице Нартова (Ламанский, стр. 19—20), было оставлено Следственной комиссией без внимания (Биярский, стр. 49). Ломоносова протолкнули под стражей почти восемь месяцев. Только 18 января 1744 г. последовал, наконец, сенатский указ «оного адъюнкта Ломоносова для его довольного обучения от наказания свободить», но с тем, 1) чтобы он попросил у профессоров прощения и 2) чтобы в течение года ему выплачивалось в наказание только половинное жалованье (там же, стр. 51—52).

Как видно из протокола Академического собрания от 27 января 1744 г., текст письменного извинения, которое заставили Ломоносова в этот день подписать, а кроме того, произнести еще и устно, был составлен не им, а его противниками (Протоколы Конференции, т. II, стр. 4; Модзалевский, стр. 354).

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному по пунктам Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 79, л. 51)

Впервые напечатано — Биярский, стр. 48—49.

День написания устанавливается предположительно по дате канцелярской пометы о подаче публикуемого документа в Академическую канцелярию 14 июля 1743 г.

Публикуемый документ, как и ряд других аналогичных по содержанию (документы 481—483), характеризует тяжелое финансовое положение Академии и отсутствие повседневной заботы правительства о ее нуждах. Именно этим объяснялись постоянные задержки в выплате жалованья академическим сотрудникам.

¹ Сохранились расписки Ломоносова от 9 и 17 июня 1743 г. в получении жалованья за январскую и майскую трети 1742 г. за вычетом сумм, выданных ранее в счет жалованья (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1062, лл. 130 и 132 об.).

² См. документ 479 и примечания к нему.

³ Через два дня после подачи Ломоносовым публикуемого прошения, 16 июля 1743 г., ему было выдано 10 руб. в счет жалованья, «за сентябрьскую прошлого 1742 года треть, согласно указу Академии Наук» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1062, л. 143 об.).

481

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 81, л. 1).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 340—341.

Для установления дня написания публикуемого документа нет документальных данных. Из канцелярской же пометы видно, что он был подан в Академическую канцелярию только 9 сентября 1743 г.

См. документ 480 и примечания к нему.

На публикуемом доношении Ломоносова рукой секретаря Академической канцелярии С. С. Волчкова наложена резолюция: «За неимением в казне денег выдать Ломоносову пять рублей». Эта резолюция была выполнена на другой день — 10 сентября 1743 г. Под этим числом в расходной книге Академии Наук имеется такая расписка: «Онные пять рублей адъюнкта Михайла Ломоносов взял, а вместо его за болезнь по прошению его расписался переводчик Никита Попов» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1062, л. 154 об.).

482

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 82, л. 238).

Впервые напечатано — Материалы, V, стр. 926—927.

День написания устанавливается предположительно по дате канцелярской пометы о подаче публикуемого документа в Академическую канцелярию 24 октября 1743 г.

См. документы 480 и 481 и примечания к ним.

Просьба Ломоносова была удовлетворена только через восемь дней: 4 ноября 1743 г., как видно из его расписки, ему было выдано тридцать рублей (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1062, л. 208 об.).

¹ Кто были упоминаемые Ломоносовым «приезжие люди», которым он был должен, не установлено.

483

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному по пунктам Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 83, л. 135).

Впервые напечатано — Материалы, V, стр. 978.

День написания устанавливается предположительно по дате канцелярской пометы о подаче публикуемого документа в Академическую канцелярию 29 ноября 1743 г.

См. документы 480—482 и примечания к ним.

На публикуемом доношении Ломоносова была наложена в тот же день следующая резолюция: «Выдать Ломоносову означенные достальные на генварьскую треть 1743 г. 79 р. 89 коп. Взять из Книжной лавки книги, записав в расход с распискою» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 83, л. 137).

Таким образом, деньги, которые следовало выдать Ломоносову непосредственно по окончании январской трети 1743 г., т. е. 1 мая, были выплачены ему с опозданием на семь месяцев.

484

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 95, лл. 78—79).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 61—62.

День написания, не показанный ни в публикуемом прошении, ни в канцелярской помете о подаче этого прошения в Академическую канцелярию в апреле 1745 г., устанавливается предположительно по книге «Входящие промемориям, доношениям и репортам 1745 году», где публикуемое прошение записано поступившим 1 мая 1745 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 653, л. 12, вход. № 173).

Присвоение Ломоносову звания профессора, соответствовавшего в то время званию академика, — один из примечательных фактов в истории русской науки XVIII в. Обладая всеми данными для получения этого давно обещанного ему звания, Ломоносов тем не менее вынужден был длительное время преодолевать различные препятствия, искусственно воздвигаемые

на его пути. Он многократно просил Академию о своем «определении», «однако она, — как писал Ломоносов в 1742 г., — на мое прошение никакого решения не učinила и я, в таком оставлении будучи, принужден быть в печали и огорчении» (документ 476).

Чтобы понять до конца весь довольно сложный ход дела о присвоении Ломоносову звания профессора, необходимо иметь в виду, что ко времени подачи им публикуемого прошения отношения профессоров с Шумахером резко ухудшились. Те самые профессора, которые в 1742—1743 гг., в период следствия над Шумахером, выступали его защитниками, стали теперь его деятельными врагами: на протяжении второй половины 1745 г. членами Академического собрания была подана в Сенат целая серия коллективных жалоб на Шумахера. Объяснялось это тем, что Шумахер, восстановленный во всех правах, какими пользовался до следствия, стал после этого распоряжаться в Академии еще более деспотически, чем прежде. В основе его конфликта с профессорами был спор о власти, разрешение которого затруднялось тем, что утвержденное в законном порядке регламента Академии Наук в то время еще не существовало и что должность президента Академии с начала 1741 г. оставалась вакантной. Изменилось отношение профессоров и к Ломоносову. Те самые профессора, которые в 1742—1743 гг. жаловались на него, не допускали в Академическое собрание и добивались его ареста, теперь, оценив, по-видимому, не только его ученые, но и его организационные дарования, привлекали его к участию в своих действиях против Шумахера и давали ему ответственные поручения.

При отсутствии регламента вопрос о порядке присвоения профессорского звания был неясен. В докладе Л. Л. Блюментроста об учреждении Академии Наук содержалось предложение предоставить Академическому собранию «ныне или со временем» право «градусы академиков давать». Рассматривая 22 января 1724 г. этот доклад, Петр I написал под вышеприведенным предложением собственноручно: «Позволяется» (Материалы, т. I, стр. 21). Но в продолжение первых двадцати лет существования Академии профессорам не удавалось воспользоваться этим «разрешением»: профессора назначались обычно властью президента Академии, иногда по соглашению с Академическим собранием (примечания к документу 470, § 5; ср. ААН, ф. 3, оп. 1, № 762, л. 40 и № 797, л. 4 об.).

Затянувшаяся на целых три месяца процедура присвоения Ломоносову профессорского звания обратилась в своего рода поединок между Шумахером и профессорами. На следующий день после подачи публикуемого прошения, 1 мая 1745 г., Ломоносов обратился к Шумахеру с письмом, где просил поскорее доложить об его ходатайстве Академическому собранию (письмо 7). 2 мая 1745 г. Академическая канцелярия в лице Шумахера, рассмотрев это прошение и находя, что «без аттестата гг. профессоров» нельзя решить вопрос о достоинствах кандидата, определила «о вышепи-

санном в Конференцию послать на немецком диалекте письмо», приложив копии прошения Ломоносова и аналогичного прошения адъюнкта Крузиуса (ААН, ф. 3, оп. 1, № 514, л. 252). Письмо «на немецком диалекте», адресованное Шумахером конференц-секретарю Х.-Н. Винсгейму (тому самому, с которым у Ломоносова были такие бурные столкновения три года назад; см. выше, примечания к документу 479) было написано в тот же день (ААН, ф. 1, оп. 2-1745 г., № 5) и 3 мая было оглашено в Академическом собрании, в протокол которого была внесена следующая запись. «Академики, нисколько не сомневаясь в учености и способности гг. адъюнктов, постановили, ради лучшего порядка, чтобы каждый представил Академическому собранию еще какой-нибудь образец работы для получения места среди профессоров и для этого по собственному выбору взял бы разработку темы, которую он считает наиболее соответствующей нынешнему состоянию наук. Поэтому они сочли необходимым указать г. Крузиусу, чтобы он как можно скорее представил в Академию диссертацию из области греческой или римской древности, а г. адъюнкту Ломоносову из области науки о металлах» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 57).

Как видно из «Перечня академических документов за май месяц 1745 г.» («Repertorium actorum pro mense Maio 1745»), Ломоносов представил требуемую диссертацию через двадцать пять дней — 28 мая 1745 г. Она носила заглавие «De tincturis metallorum» («О металлическом блеске»; ААН, ф. 1, оп. 2-1745 г., № 5; текст ее см. т. I настоящего издания, стр. 390—417). Через две с половиной недели, 14 июня, Ломоносову была дана возможность «вне очереди» прочитать ее вслух в Академическом собрании (Протоколы Конференции, т. II, стр. 63), а в следующем заседании 17 июня, «по выходе г. адъюнкта Ломоносова из Конференции, советовано о его учении и успехе в оном и общим согласием определено, что поданные от г. адъюнкта учения его specimens достойны профессорского звания. И понеже учению г. адъюнкта профессия пристойна больше химическая, то почтенный г. Гмелин в собрании объявил, что он означенную профессию помянутому г. адъюнкту совершенно уступает» (там же, стр. 63—64; переведено на русский язык тогда же академическим переводчиком В. И. Лебедевым, ААН, ф. 3, оп. 1, № 95, л. 86). «Наконец, — записано в том же протоколе, — принято в рассуждение и то, каким образом г. адъюнкта профессором произвесть и объявить и другие подобные тому случаи, чего тогда окончатъ нельзя было и для того оставлено до другого собрания» (там же, л. 86 об.). В «другом собрании», т. е. в следующем очередном заседании Академического собрания, которое состоялось 21 июня, было решено привлечь к обсуждению данного вопроса Шумахера; за ним послали, но он не явился, из-за чего пришлось опять отложить дело и назначить на следующий день экстраординарное собрание (Протоколы Конференции, т. II, стр. 65). Однако Шумахер, которому подробно объяснили, зачем его при-

глашают, не явился и на следующий день. Академикам пришлось решать вопрос без него. Они постановили за отсутствием президента обратиться в Сенат, которому сообщить, что Академия считает Ломоносова достойным производства в профессору и просит утвердить его в этой должности. Академическое собрание не отважилось, однако, снести по этому поводу непосредственно с Сенатом, а постановило известить о своем решении Шумахера с тем, чтобы он сообщил Сенату мнение академиков. Такое же решение было принято в тот же день, 22 июня, и о студенте С. П. Крашенинникове, который просил о производстве в адъюнкты (там же, стр. 66). Известить Шумахера должен был от имени Академического собрания конференц-секретарь Винсгейм. Тексту этого извещения придавалось, видимо, большое значение: Винсгейм, прежде чем послать Шумахеру письмо, прочитал его текст 28 июня товарищам (там же).

В этом послании, где весьма тщательно было продумано каждое слово Шумахеру давали понять, что вопрос уже решен академиками, что утвердить их решение должен Сенат, а что он, Шумахер, является только передаточной инстанцией. Письмо Винсгейма было отправлено по назначению 28 июня 1745 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 95, лл. 98—101).

Шумахер отомстил академикам тем, что оставил письмо Винсгейма и без исполнения, и без ответа. Ломоносова не могла не взволновать эта новая задержка. Он ходил объясняться с Шумахером, который заявил ему, как видно, что письма Винсгейма ему мало, а нужна официальная выписка из протокола Академического собрания. 1 июля Ломоносов попросил академиков дать ему такую выписку и тотчас же получил ее (Протоколы Конференции, т. II, стр. 67), но Шумахер, не удовлетворившись и ею, сказал Ломоносову, что выписка должна быть доставлена ему официально, через конференц-секретаря. На переговоры с Шумахером и Винсгеймом ушло еще три дня. 4 июля Винсгейм послал Шумахеру требуемое письмо с выпиской из протокола (ААН, ф. 3, оп. 1, № 95, лл. 84—85).

После этого Шумахер уже без всяких причин промешкал еще две недели: 8 июля он подписывает журнальную резолюцию о подаче соответствующего доношения в Сенат, где говорится, между прочим, что «Канцелярия Академии Наук, будучи ныне без президента, оных Ломоносова и Крашенинникова в аттестованные чины определить не смеет» (там же, № 514, л. 337); 10 июля Шумахер подписывает самое доношение в Сенат, но подает его туда лично только 18 июля (там же, № 95, л. 97).

Сенат рассмотрел дело в тот же день и определил: «По показанному Канцелярии Академии Наук представлению и по достоинству профессоров быть при той Академии Ломоносову профессором химии, а Крашенинникову адъюнктом натуральной истории». Однако же окончательного решения вопроса в отношении Ломоносова Сенат на себя не принял и через неделю, 25 июля, доложил дело императрице, которая тут же дала Сенату словес-

ный «указ» о производстве Ломоносова в профессора. Во исполнение этого указа Сенат определил «призвать» Ломоносова, объявить ему указ императрицы и привести к присяге. 26 июля «при собрании Правительствующего Сената» Ломоносову был объявлен указ (там же, № 949, л. 89), а 30 июля священник Андреевского собора привел его к присяге и дал подписать печатный текст «клятвенного обещания» («Ломоносов», III, стр. 376, № 3).

8 августа в Академическую канцелярию поступил подписанный 7 августа сенатский указ о назначении Ломоносова профессором. Шумахер поручил Крашенинникову перевести указ на латинский язык для передачи в Академическое собрание (ААН, ф. 3, оп. 1, № 514, л. 393).

12 августа 1745 г. этот латинский текст был оглашен в Академическом собрании, куда был торжественно введен Ломоносов и где получил «место среди профессоров» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 72).

Одновременно с Ломоносовым тем же указом императрицы был произведен в профессора и В. К. Тредиаковский. Разница была лишь в том, что это было сделано без ведома Академического собрания: взамен свидетельства профессоров Тредиаковский представил в Сенат аттестат, выданный ему членами Синода, где говорилось, что он «не несколько, но толико произошел в элоквенции» (Пекарский, II, стр. 100 и 107).

В истории Академии Наук это был первый случай присвоения профессорского звания «природным россиянам».

¹ Ломоносов был определен адъюнктом физического класса 8 января 1742 г. (документ 476 и примечания к нему).

² Ломоносов имеет в виду выполненные им переводы «Волфианской экспериментальной физики» (т. I наст. изд., стр. 419—530 и 575—592) и статьи Г. Гейнзиуса о комете 1744 г. (т. IV наст. изд., стр. 7—110, 717—729), не дошедшие до нас переводы по соляному делу (документ 520), переводы статей Г.-В. Крафта о машинах, о селитре и т. д., опубликованные им в 1741—1742 гг. в «Прибавлениях» к «Санктпетербургским ведомостям», и свои «питические» переводы произведений античных авторов, вошедшие в первый вариант «Риторики», а также од Фенелона, Юнкера и др. (т. VIII наст. изд.).

Сохранились также выполненные Ломоносовым в 1741—1742 гг. переводы отдельных разделов каталога минералов (т. V наст. изд., стр. 7—241, 653—658). Есть все основания предполагать, что некоторые переводы по естествознанию, выполненные Ломоносовым до апреля 1745 г., до нас не дошли.

³ Имеются в виду труды Ломоносова: «Первые основания металлургии или рудных дел» (т. V наст. изд., стр. 397—631, 688—721), написанные им в первом варианте, вероятно, в 1742 г., и «Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненное», написанное в 1743 г. (см. т. VII наст. изд., стр. 19—79 и 790—800).

⁴ В процессе работы над своими трактатами по физике, химии, металлургии, риторике и др. Ломоносов прочитал сотни книг «славных авторов» по самым разнообразным областям науки. В его сочинениях того времени встречаются ссылки на труды Агриколы, Аристотеля, Бернулли, Бойля Гюйгенса, Декарта, Лейбница, Мариотта, Ньютона, Паскаля, Реомюра, Торичелли и многих других.

⁵ Имеются в виду ученики Ломоносова, студенты Академического университета, будущие академики А. П. Протасов и С. К. Котельников, которым Ломоносов в 1744 г. читал лекции по физике (Материалы, т. VII, стр. 133, 357—358). Несколько ранее, в 1742 г., Ломоносов давал будущему адъюнкту Академии, студенту М. Клейнфельду, наставление в химии и истории натуральной о рудах (Меншуткин, II, стр. 449).

⁶ Имеются в виду опыты по растворимости металлов, выполненные Ломоносовым в мае 1744 г. в Физическом кабинете АН, которые он считал своими первыми опытами по физической химии. Сообщение об этих опытах было сделано Академическому собранию адъюнктом Х.-Э. Геллертом (ААН, ф. 1, оп. 2-1744 г., № 39, § 10; ср. также: «Ломоносов», III, стр. 260—264; Протоколы Конференции, т. II, стр. 32). Указанные опыты были повторены Ломоносовым в Академическом собрании 29 марта и 22 апреля 1745 г. (Протоколы Конференции, т. II, стр. 55 и 57). Их описание было дано Ломоносовым в §§ 28 и 29 его «Диссертации о действии химических растворителей вообще» (т. I наст. изд., стр. 337—383, 566—572). Анализ работ Ломоносова, относящихся к этому периоду, дает основание предполагать, что до апреля 1745 г. он выполнил и ряд других «новых химических опытов», записи о которых пока не отысканы.

⁷ В 1744 г. и в начале 1745 г. Ломоносовым написаны следующие работы: 1) «Физические размышления о причинах теплоты и холода» (т. II наст. изд., стр. 63—103 и 653), 2) «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном» (т. I наст. изд., стр. 315—331 и 564—566), 3) «О действии химических растворителей вообще» (там же, стр. 337—383 и 566—572). Эти работы Ломоносов представил 7 декабря 1744 г. в Академическое собрание (Протоколы Конференции, т. II, стр. 43). Одновременно Ломоносов работал над сочинением на тему «О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах» (т. I наст. изд., стр. 279—313 и 562—564) и занимался другими исследованиями.

485

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному по пунктам Ломоносовым (ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената, № 1205, л. 548).

Впервые напечатано — Материалы, т. VII, стр. 511—512.

День написания устанавливается предположительно по дате канцелярской пометы: «Отдана от речетмейстерских дел августа 12 1745 году» («Ломоносов», III, стр. 376, № 4).

Вопрос о том, какое жалованье должно выплачиваться Ломоносову по назначении его профессором, обсуждался еще до этого назначения и в Академическом собрании, и в Академической канцелярии. Академическое собрание находило, что в соответствии с ранее бывшими прецедентами Ломоносову следует платить 500 руб. в год (Протоколы Конференции, т. II, стр. 66), Шумахер же в своем представлении Сенату от 10 июля 1745 г. писал более уклончиво: «Профессорам при Академии разные оклады: иным по 860, другим по 660, младшим профессорам по 500» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 95, л. 97 об.).

Прочитав 12 августа 1745 г. только что полученный в этот день сенатский указ (см. примечания к документу 484), Ломоносов убедился, что Сенат, назначив его профессором, забыл упомянуть об окладе его жалованья. В тот же день Ломоносовым было подано публикуемое прошение.

Рассмотрение дела Сенатом затянулось на долгий срок. По этому поводу Академическое собрание дважды (в октябре 1745 и 6 февраля 1746 г.) обращалось в Сенат с доношениями о невыплате жалованья «произведенным вновь» профессорам, адъюнктам и другим академическим служащим (ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената, № 1205, лл. 603—604, 625—626; ср. также Материалы, т. VII, стр. 676 и т. VIII, стр. 32, 35—36). Указ Сената о назначении Ломоносову годового оклада в сумме 660 руб. был послан только 14 марта 1746 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 950, л. 55; ср. также Материалы, т. VIII, стр. 63).

486

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой, исправленному и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 100, лл. 252—253)

Впервые напечатано — Билярский, стр. 78—79.

При рассмотрении в Академической канцелярии публикуемого доношения были сделаны выписки из старых приходо-расходных книг (Билярский, стр. 1—3) и была учтена задолженность Ломоносова по Книжной лавке, после чего Канцелярия вынесла 25 февраля 1746 г. такое решение: «Понеже хотя он, Ломоносов, во Францию, в Англию и в Голландию не ездил, однако в оной Немецкой земле будучи, многие бергверки и горные заводы видал и тамо чрез немалое бытие отменное искусство получил, что не токмо от Академии Наук в адъюнкты, но по именному е. и. в. прошлого 1745 году указу профессором химии всемиловнейше пожалован, — за такие реченного Ломоносова пред прочими товарищи его ревностные труды и особливую его перед ними к пользе государственной

действительно полученную науку, и за разные в бытность здесь, в России, оказанные услуги означенную, в бытность его в Марбурге и в других немецких городах для наук в разные годы происшедшую недодачу коего жалования 380 р. 10¹/₂ коп. выдать из Книжной лавки, достальные, что надлежит, книгами ж, записав в расход с распискою» (Материалы, т. VIII, стр. 39—41).

Так как речь шла о сумме, которая следовала Ломоносову бесспорно, то не было, разумеется, никакой надобности мотивировать эту уплату особыми его заслугами. Такая многословная мотивировка была пущена в ход только для того, чтобы замаскировать факт недодачи Ломоносову денег, полученных на его содержание за границей, а израсходованных Академической канцелярией на другие надобности.

Публикуемый документ важен тем, что устанавливает этот факт с полной ясностью. Определяется и сумма недодачи — 380 руб., что составляло почти полный годовой оклад заграничного жалования Ломоносова (ср. примечания к документам 474 и 477).

487

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Г.-Ф. Миллером и Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 798, лл. 71—72).

Впервые напечатано (без подписей) — Пекарский, I, стр. 443—444.

Датируется предположительно по дню отъезда И.-Г. Гмелина за границу (ААН, ф. 3, оп. 1, № 456, л. 38).

Академик И.-Г. Гмелин, ссылаясь на плохое состояние здоровья, а также на предложение занять кафедру в Тюбингенском университете, хлопотал в течение ряда лет (с конца 1744 г.) о своем увольнении из Академии. В июле 1747 г., подписав с Академией контракт с обязательством пробыть в звании ее члена еще четыре года, Гмелин получил разрешение на отъезд на один год в Германию с половинным жалованьем (Пекарский, I, стр. 442—443). Материальную ответственность за выполнение обязанностей, принятых на себя Гмелином, должны были нести заодно с ним и два представленных им поручителя. Такими поручителями согласились быть Ломоносов и Г.-Ф. Миллер. О том, во что им это обошлось, см. документ 488 и примечания к нему.

¹ Имеется в виду обширное исследование Гмелина «*Flora Sibirica sive historia plantarum Sibirae*» («Сибирская флора или история растений Сибири») в четырех томах. Первая часть его была подготовлена к печати в 1746 г. «Сибирская флора» содержит описание около 1200 растений с приложением 300 рисунков (Пекарский, I, стр. 441, 456—457).

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 817, л. 386).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 753.

День написания устанавливается предположительно по канцелярской помете о подаче публикуемого документа в Академическую канцелярию 18 января 1749 г.

См. документ 487 и примечания к нему.

8 августа 1748 г. срок годового заграничного отпуска Гмелина был продлен по его просьбе еще на полгода, т. е. до 1 января 1749 г., а 30 августа 1748 г. он сообщил президенту Академии Наук К. Г. Разумовскому, что получил должность профессора в Тюбингенском университете. Из этого следовало, что в Россию он больше не вернется. Дело осложнялось еще тем, что Гмелин взял с собой материалы, собранные им во время экспедиции в Сибирь, и намеревался, очевидно, издать их за границей. Этот «двухшерстный и нарушительный против контракта случай» вызвал в Петербурге большое волнение (Пекарский, I, стр. 444—445).

27 сентября 1748 г. Академическая канцелярия определила объявить Ломоносову и Миллеру, «дабы они старались поручительство свое настоящим делом окончать». Одновременно было определено выплачивать обоим с 1 сентября 1748 г. только половинное жалованье, «а другую половину удерживать в казне до окончания дела и до указа» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 457, л. 251 об.).

В момент подачи Ломоносовым публикуемого доношения Разумовский и Теплов находились с императорским двором в Москве, куда Шумахер и переслал это доношение 19 января 1749 г., приложив к нему, как обычно он это делал, и свое «мнение», где упомянул, что Ломоносов и Миллер «кричат и шумят, нетерпеливы и к делу неудобны бывают» (там же, № 817, л. 387 об.).

Ответный указ «Главной канцелярии Академии Наук», т. е. Разумовского и Теплова, был подписан ими только 20 апреля 1749 г. Указ предлагал выплачивать Ломоносову впредь полное жалованье и вернуть ему удержанное за вычетом, однако, той суммы, в которой он поручился за Гмелина, т. е. 315 руб. 83 коп. (там же, № 954, л. 73). Определение Академической канцелярии об исполнении этого распоряжения президента состоялось 13 мая 1749 г. (там же, № 458, лл. 171—172).

Таким образом, в течение восьми с половиной месяцев Ломоносову, который и без того был уже в долгу (см. документ 490 и примечания к нему), пришлось получать половинное жалованье и в конечном итоге после отмены этих удержаний выплатить из своего кармана 315 руб. 83 коп., т. е. около половины своего годового оклада. Какую часть этой суммы

возместил Ломоносову Гмелин, мы не знаем. Не известна и переписка их по этому вопросу, о которой упоминается в публикуемом доношении. Косвенные данные о содержании этой переписки см.: Билярский, стр. 93 (прим.); Пекарский. Доп. изв., стр. 31.

489

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 128, л. 240).

Впервые напечатано (с ошибкой в дате: 5 июня вместо 9 июня) — Билярский, стр. 128.

См. документы 487 и 488 и примечания к ним.

490

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 20, оп. 3, № 36, лл. 1—2).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 774—776.

Датируется предположительно по времени подачи А. М. Балком прошения, на которое Ломоносов ответил публикуемым доношением (Билярский, стр. 772—774).

Академическая канцелярия, обсудив доношение Ломоносова, нашла, что рассмотреть и решить это дело надлежит не в Академии, а в Конторе Главного магистрата, откуда оно и поступило еще в июле 1750 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 142, л. 556), и определила «явиться Ломоносову в той конторе», но с тем, чтобы он там «нимало не был задержан, дабы не произошло от того по его самонужным при Академии делам остановки и интересу е. и. в. упушения» (Билярский, стр. 776).

Как решила дело Контора Главного магистрата, не выяснено.

Публикуемый документ важен тем, что служит лишним свидетельством того чрезвычайно трудного материального положения, в котором находился Ломоносов во второй половине 1740-х годов. Вексель, предъявленный Балком ко взысканию, был выдан Ломоносовым в 1746 г. (Билярский, стр. 773). Причиной запутанности его денежных дел была прежде всего недодача ему жалованья во время пребывания его за границей, что заставило Ломоносова наделать там долгов (документы 474, 477, 486 и примечания к ним), которые в 1746 г. были погашены еще не полностью. Другой причиной «сильной» и даже, как сам он говорил, «крайней» его нужды были постоянные задержки в выдаче жалованья: в 1743, 1744 и в первой половине 1745 г. не было ни одного случая, когда жалованье было бы выдано академическим служащим во-время; выплата его задерживалась в среднем на полгода, а иногда на 7, 8 и даже на 11 месяцев (Модзалевский, стр. 237—239, №№ 805—809, 811, 813, 814). Наконец, в ту же пору с Ломоно-

сова в течение полугода удерживали половину жалованья по его поручительству за академика И.-Г. Гмелина (документы 487—489).

¹ Речь идет о трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» (см. примечание 1 к документу 491).

491

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 117, л. 61).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 480.

Определением Академической канцелярии от 6 мая 1748 г. за подписями Разумовского, Шумахера и Теплова заведование «Санктпетербургскими ведомостями», лежавшее до тех пор на Тауберте, было передано Штелину, в распоряжение которого было дано четыре переводчика, «а те переводы править, и последнюю их ревизию отправлять, и над всем тем, что к тому принадлежит, труд нести» должен был Ломоносов. За эту работу ему было назначено тем же определением дополнительное вознаграждение в сумме 200 руб. в год (ААН, ф. 3, оп. 1, № 457, л. 75). Этот приработок доставался Ломоносову не легко: так как корректуры «Ведомостей» запрещалось править дома, то Ломоносову приходилось тратить два дня в неделю на дежурство в Ведомостной экспедиции (ААН, ф. 3, оп. 1, № 457, л. 77). Любая, даже чужая погрешность в тексте «Ведомостей» грозила ему серьезными неприятностями (письмо 17).

1 марта 1751 г. в жизни Ломоносова произошло чрезвычайно важное событие: подписанным в этот день именованным указом императрицы он был произведен в чин коллежского советника (ААН, ф. 3, оп. 1, № 956, лл. 25—26). Это меняло коренным образом и его социальное положение (см. примечания к документу 470, § 33 и к письму 12), и его имущественное положение: тем же указом годовой оклад его жалованья был повышен до 1200 руб., т. е. почти удвоен.

При этих условиях надобности в тяжелом «ведомостном» приработке больше не было, и Ломоносов поспешил от него отказаться: указ об его производстве был получен в Академической канцелярии 5 марта, а через три дня, 8 марта, Ломоносов подал публикуемое доношение.

Определением президента Академии от 23 марта 1751 г. ходатайство Ломоносова было удовлетворено: правка «Ведомостей» была поручена Тауберту (ААН, ф. 3, оп. 1, № 461, л. 152).

¹ «Изустный» указ императрицы о сочинении трагедии был сообщен Ломоносову 29 сентября 1750 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 963, л. 41). Во исполнение этого указа Ломоносов написал свою первую трагедию

«Тамира и Селим», которую окончил в ноябре того же года, а в декабре «начал сочинять» другую трагедию «Демофонт».

492

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, л. 156), с указанием в сносках вариантов по черновику (там же, ф. 20, оп. 1, № 7, л. 1).

День написания устанавливается по черновику, где он прямо указан (см. сноску «в» на стр. 348), подано же публикуемое доношение в Академическую канцелярию, как видно из канцелярской пометы, только 17 сентября 1751 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, л. 156).

Историческое собрание было учреждено по определению Академической канцелярии от 24 марта 1748 г., причем задачи даны были ему такие: «В оном все то прочтено и пересмотрено быть имеет, что в Департаменте историческом сочинено будет, также и сочинения, стихотворения, критические, философские и все гуманиоры, а притом и расположение, касающееся до Университета и Гимназии, а потом общим согласием представлено в Канцелярию для исполнения» (Материалы, т. IX, стр. 125—126). Собрание должно было заседать один раз в неделю «во весь год бесперерывно», но в данный период заседания происходили чаще — до трех раз в неделю. В состав Собрания, кроме Ломоносова, были определены профессора Г.-Ф. Миллер, В. К. Тредиаковский, Я. Я. Штелин, И.-А. Браун, П.-Л. Леруа, Ф.-Г. Штрубе, Х. Крузиус, И.-Э. Фишер и адъюнкт И. И. Тауберт.

Об обстоятельствах, сопровождавших обсуждение в Историческом собрании диссертации Миллера «Происхождение имени и народа российского» и его «Сибирской истории», см. т. VI наст. изд., стр. 17—84, 546—562.

21 сентября 1751 г. публикуемое доношение Ломоносова было рассмотрено Академической канцелярией (в лице одного Шумахера), которая определила: «Объявленного г. советника и профессора Ломоносова от присутствия Исторического собрания за показанными в его доношении резолами уволить до указа, и те сочинения г. профессора Мильера читать ему на дому и по прочтении с примечаниями отсылать на рассуждение в Историческое собрание» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 461, л. 403). Определением от 30 декабря 1751 г. Канцелярия уточнила, по просьбе Исторического собрания, это решение, предложив «последующие главы отсылать г. советнику и профессору Ломоносову наперед, дабы в Собрание после его, г. советника, примечаний в другой раз читано не было, и по прочтении ему, г. советнику, присылать в Канцелярию, которые отсылать для свидетельства в Историческое собрание и оные отдавать архивариусу Стафенгагену» (там же, л. 479).

¹ Ломоносов имеет в виду свою работу по систематизации материалов для «Российской грамматики».

² Ломоносов работал в то время над трагедией «Демофонт».

493

Печатается по копии, писанной рукою архивариуса Стафенгагена (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 63), с указанием в сносках вариантов по собственноручному черновику (там же, ф. 20, оп. 3, № 14, лл. 1—2).

Впервые напечатано (по черновику) — Куник, II, стр. 370.

Датируется предположительно по дню слушания в Академическом собрании указа Академической канцелярии о представлении академиками автобиографических сведений, затребованных Герольдмейстерской конторой Сената (25 февраля 1754 г.), и по репорту Стафенгагена о том, что все требуемые сведения им собраны (2 марта 1754 г.).

27 января 1754 г. генерал-прокурору был дан именной указ императрицы «сделать в Правительствующем Сенате ведомость о всех обретающихся при делах е. и. в. гражданских чинах, состоящих в генералитетских, штаб-и обер-офицерских чинах и рангах, поимянно, и какое которому чину жалованье определено и производится по каким указам, и в которых местах как в Петербурге и всех Остзейских местах, так и в Москве и в прочих губерниях». Во исполнение этого указа Герольдмейстерская контора Сената 29 января того же года определила разослать во все государственные учреждения соответствующие запросы, причем, сверх тех данных, которые перечислялись в именном указе, затребовать еще сведения о том, «сколько кому от роду лет, и у кого есть мужеска пола детей, и в каковы лета, и где на смотрах явлены или в каких службах или в учениях находятся, також сколько за кем мужеска полу душ людей и крестьян, в которых уездех по сколько душ». Все эти данные должны были быть присланы «в крайней скорости».

Такой запрос Герольдмейстерской конторы, облеченный в форму ее промемории от 9 февраля 1754 г., был получен 22 того же февраля и Академической канцелярией (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 2). Канцелярия в тот же день вынесла определение о представлении академическими служащими требуемых «известий», причем собрать подобные «известия» от профессоров и составить по ним затем сводную «ведомость» было поручено архивариусу Стафенгагену, а оба собрания, Академическое и Историческое, были извещены об этом указами (там же, лл. 3—5). 2 марта 1754 г. Стафенгаген подал в Академическую канцелярию репорт о том, что он «означенные известия все собрал под одну ведомость» (там же, л. 47).

Все автобиографические данные, внесенные Ломоносовым в публикуемое известие, совершенно точны. Оно является единственным пока документальным источником наших сведений о дне поступления Ломоносова в Московскую Славяно-греко-латинскую академию.

494

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 197, л. 575).

Впервые напечатано — Пекарский, I, стр. 548.

Ломоносов занимался составлением проектов иллюминаций и фейерверков и сочинением стихотворных надписей к ним в период с 1747 по 1754 г. (см. т. VIII наст. изд.).

Рассмотрев публикуемый репорт, Академическая канцелярия в лице Шумахера не приняла никакого решения по существу и определила: репорт Ломоносова «впредь для ведома иметь при деле в повытье» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 524, л. 143). По сообщению Ломоносова он привлекался к участию в устройстве фейерверков и иллюминаций еще и в 1756 г. (документ 516).

495

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Шумахером, Ломоносовым и Таубертом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 105).

Публикуется впервые.

Ордер о назначении Ломоносова и Тауберта членами Академической канцелярии был подписан президентом Академии 13 февраля 1757 г. накануне его отъезда на Украину (там же, № 468, л. 85). Тогда же была подписана им упомянутая в публикуемом документе «Инструкция Академической канцелярии» (там же, лл. 85—90).

Судя по канцелярской помете, ордер президента был получен в Канцелярии только через две недели после его подписания — 1 марта 1757 г. Свое распоряжение о назначении Ломоносова и Тауберта членами Канцелярии президент мотивировал так: «Дабы в отсутствии моем в случае иногда болезни г. статского советника Шумахера или иного приключения, которому он по дряхлости и старости лет своих подвержен быть может, Канцелярия академическая прайдна не осталась, а паче всего в порядочном течении дел остановки не воспоследовало и над всеми академическими департаментами могло быть всегдашнее доброе смотрение».

С того времени Шумахер, которому было тогда 66 лет, утратил прямое влияние на ход академических дел. Умер он четыре года спустя — 2 июля 1761 г. (Пекарский, I, стр. 63).

496

Печатается по подлиннику, писанному рукой студента И. Аврамова и подписанному Ломоносовым (ЦГАДА, ф. Госархива X, № 496, ч. I, л. 205).

Впервые напечатано — Записки АН, т. XII, стр. 104—106

День написания устанавливается по письму Ломоносова к М. И. Воронцову от 24 июля 1762 г., где говорится: «Сегодня об отставке подал я челобитную» (письмо 79).

На отдельном листке, приложенном к прошению, рукой того же студента И. Аврамова написано: «Коллежский советник Михайло Ломоносов обойден в произвождении, и младшие его в статских чинах пожалованы», после чего следуют имена и фамилии пятнадцати лиц, произведенных в чины IV и V классов; последним в этом списке показан Тауберт (Акад. изд., т. VIII, стр. 245—246 втор. паг.).

Публикуемое прошение являлось открытым протестом против первых действий нового, екатерининского правительства, в которых Ломоносов не без основания усмотрел пренебрежение к передовым русским ученым, самоотверженным борцам за «просвещение народа» и за «приращение наук в отечестве». Поощрены царскими наградами оказались не они, а чиновники от науки, такие, как Тауберт, который, по справедливому выражению Ломоносова, «беспрестанно российских ученых гонит и учащихся утесняет и мне во всех к пользе наук российских учиненных предприятиях всевозможные ставил препятствия» (письмо 79).

В день подачи публикуемого прошения президенту Академии Наук Ломоносов обратился к М. И. Воронцову с письменной просьбой поддержать его ходатайство об отставке (там же; ср. также письма 80 и 81 и примечания к ним). Прощению был дан законный ход: оно попало в руки давнего литературного противника Ломоносова, И. П. Елагина, который состоял теперь «при собственных е в. делах у принятия челобитен» (Акад. изд., т. VIII, стр. 243, втор. паг.), однако дальнейшего движения не получило.

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Таубертом и Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 533, л. 166).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 610.

Публикуемый документ имеет прямую связь с отставкой Ломоносова по указу Екатерины II от 2 мая 1763 г. («Ломоносов», III, стр. 401, № 155). Об этой отставке Академическая канцелярия была извещена самим Ломоносовым через копииста К. Ефимова 15 мая 1763 г. (ААН, ф. 3, сп 1, № 533, л. 105) Однако еще за два дня до этого извещения, с 13 мая того же года, Канцелярия перестала вносить имя Ломоносова в свой журнал: о нем не упоминалось ни в числе «прибывших» в Канцелярию членов ее, ни в числе «неприсутствовавших» (там же, лл. 102—103). Тем самым Ломоносов признавался выбывшим из состава Академии Наук. Так продолжалось до 7 августа 1753 г., несмотря на то, что исполне-

ние указа об отставке Ломоносова было, как известно, приостановлено еще 13 мая того же года («Ломоносов», III, стр. 401, №№ 157 и 158).

7 августа 1763 г. Ломоносов, как видно из публикуемой журнальной записи, впервые после долговременного отсутствия «вступил» в Канцелярию и положил тем самым конец тому неопределенному положению, в каком он находился в течение почти трех месяцев.

Подробнее об этом эпизоде см. т. IX наст. изд., примечания к документу 174.

498

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 36—37).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, стр. 500—501.

Датируется предположительно по письму Ломоносова к М. И. Воронцову от 18 июня 1763 г. (письмо 87); к этому письму приложен был публикуемый документ. Таким образом, он был подан через месяц с небольшим после того как было приостановлено исполнение указа Екатерины II об отставке Ломоносова («Ломоносов», III, стр. 401, №№ 157 и 158).

Пояснения по существу этого документа см. в вышеупомянутом письме Ломоносова к Воронцову и в примечаниях к этому письму.

Составленный Ломоносовым проект указа (в первом его варианте) предусматривал передачу «в единственное расположение и смотрение» Ломоносова тех частей Академии Наук, которые были отданы «в его особенное смотрение» определением президента Академии от 24 марта 1758 г. (Биларский, стр. 367—368). Речь, иначе говоря, шла о том, чтобы Академическое и Историческое собрания и Географический департамент были подчинены единоличному надзору Ломоносова на тех же основаниях, на каких он ведал, согласно ордеру президента от 19 января 1760 г., Университетом и Гимназией (см. т. IX наст. изд., документ 320). Второй вариант проекта предусматривал увольнение Ломоносова в отставку с производством не в следующий чин, а через чин — в действительные статские советники.

Докладывался ли публикуемый проект Екатерине II, мы не знаем. Известно лишь, что ни один из двух предложенных Ломоносовым вариантов не был осуществлен.

Через полгода после подачи Ломоносовым этого проекта, 15 декабря 1763 г., он был произведен не через чин, как просил, а в следующий чин статского советника, причем годовой оклад его жалованья был повышен до 1875 р. («Ломоносов», III, стр. 401, № 160), т. е. до размера той пенсии, какую намечал Ломоносов во втором варианте своего проекта. Таким образом, старшинство в чине осталось за Таубертом.

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 204 об.).

Впервые напечатано — ОР, II, стр. 40.

Датируется предположительно. Публикуемый план написан на первой странице сложенного вдвое писчего листа, на четвертой странице которого Ломоносов теми же чернилами начертил план дельты Сев. Двины и набросал вчерне добавление к п. 1 составленной им «Примерной инструкции морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном» (факсимиле см. на стр. 355 настоящего тома). 26 февраля 1765 г. в Адмиралтейской коллегии состоялось при участии Ломоносова обсуждение переработанного им заново текста названной «Инструкции», после чего Ломоносов не позднее 4 марта того же года внес в этот текст ряд исправлений и добавлений. В числе последних было и то добавление, черновик которого написан на 4-й странице интересующего нас листа (т. VI наст. изд., стр. 523 и 624). Таким образом, черновая редакция этого добавления, лишь весьма незначительно отличающаяся от окончательной, была написана тоже не ранее 26 февраля и не позднее 4 марта 1765 г. Судя по тому, что публикуемый план написан на 1-й странице того же листа, можно предполагать, что он был составлен ранее вышеупомянутого черновика, однако и топографическая их близость, и тождественность чернил убеждают в том, что промежуток времени между составлением того и другого был минимален: план беседы с Екатериной II был написан Ломоносовым почти одновременно с черновиком добавления к «Примерной инструкции», т. е. между 26 февраля и 4 марта 1765 г., — за месяц с небольшим до кончины Ломоносова. В пользу такой датировки говорят и следующие побочные обстоятельства. С начала 1765 г. вплоть до двадцатых чисел января Ломоносов болел (ААН, ф. 3, оп. 1, № 535, лл. 26—42). 28 января 1765 г. он в первый и единственный раз в этом году участвовал в заседании Академического собрания (Протоколы Конференции, т. II, стр. 532; ср. документ 471 и примечания к нему). В последних числах января и в течение всего февраля 1765 г. Ломоносов, числясь здоровым и выезжая по делам из дому (например в заседания Адмиралтейской коллегии. — Перевалов, стр. 487 и 490), ни разу не являлся в Академическую канцелярию. В ее журналах, относящихся к этому периоду, неизменно отмечалось: «... а г. статский советник Ломоносов за другими академическими делами [или чаще: за другими делами] не присутствовал» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 535, лл. 44—53 об.). Лишь 28 февраля, в одиннадцатом часу утра, Ломоносов «прибыл», наконец, в Канцелярию (где уже «присутствовал» Тауберт), принял участие в очередном ее заседании и «вышел» пополудни во втором часу (там же, л. 54).

Судя по журналу заседания, можно думать, что поводом к этому приезду Ломоносова в Канцелярию явилось неожиданное и ничем не оправданное увольнение «инструментального художества мастера» Ф. Н. Тирютина, беспорочно прослужившего в Академии 28 лет и многократно выполнявшего технические заказы Ломоносова (см. т. IX наст. изд., документ 392). На споры об этом даровитом и честном мастере, которого выгоняли из Академии якобы за ненадобностью, и ушли, очевидно, те три часа, которые Ломоносов провел в Канцелярии. Добиться восстановления Тирютина ему не удалось. Достиг он только того, что заслуженному мастеру был выдан хороший аттестат, который подписал и Ломоносов.

Это последнее в жизни посещение Академии и явилось, может быть, тем непосредственным толчком, который заставил Ломоносова написать публикуемые строки.

Нельзя забывать, что за неделю перед тем, 21 февраля 1765 г., Миллер в отсутствие Ломоносова прочитал вслух в Академическом собрании адресованное ему, Миллеру, и едва ли предназначенное для публичного оглашения письмо Л. Эйлера о С. Я. Румовском, которое, став таким образом через третьих лиц известно Ломоносову, глубоко его обидело (см. письмо 102 и примечания к нему).

Форма записи характерна для Ломоносова: перед особо ответственными беседами с высокопоставленными лицами он намечал иногда именно в таком виде план того, о чем намеревался говорить (см., например, т. VII наст. изд., стр. 672, 851—853). Не только первая строка записи («Видеть Г.»), но и весь подбор затронутых в ней тем свидетельствуют о том, что таким высокопоставленным лицом должна была явиться в данном случае Екатерина II. Достоинно внимания, что заключительная строка записи является прямым к ней обращением во втором лице («Ежели не пресечете...»).

По своему содержанию публикуемый план весьма близок к тому, что писал Ломоносов за полгода перед тем в заключительном параграфе «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (документ 470, § 71), однако тон высказываний здесь еще решительнее, чем там. Обстановка работы в Академии Наук, — говорит Ломоносов, — сложилась такая, что ему там «места нет». Его гонят только за то, что он в заботах о высшем благе родины стремится просветить русский народ и показать всему миру «способность и остроту его в науках». Внешние знаки внимания к Ломоносову («все любят» — здесь намек на показную благосклонность самой Екатерины) не мешают тому, что торжествует по-прежнему «шумахершина», т. е. засилье чиновников, которые, не имея ничего общего с наукой, тормозят с согласия правящих реакционных верхов развитие русской науки и русского просвещения. Ломоносов рассматривает это как несчастье, угрожающее «целому обществу»: по его концепции, силой просвещения определяется сила народа, а тем самым и честь, и безопасность государства.

Таков общий смысл того, что он собирался сказать «самодержнице» — не в порядке жалобы и не в порядке просьбы, а в порядке предостережения («ежели не пресечете, великая буря восстанет»).

Беседа с Екатериной II не состоялась. Через несколько дней после того, как был написан публикуемый план, между 5 и 7 марта 1765 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 535, л. 60 об.), Ломоносова опять свалила болезнь, от которой он уже не оправился.

¹ В «кондициях», приложенных к указу Екатерины II 5 января 1765 г. о назначении Шлёцера ординарным профессором истории, говорилось: «Не только не возбраняется ему употреблять все находящиеся в имп. Библиотеке и при Академии книги, манускрипты и прочие к древней истории принадлежащие известия, но и дозволяется требовать чрез Академию всего того, что к большому совершенству поручаемого ему дела служить может» (Биярский, стр. 734). Ломоносов писал по этому поводу, что такое разрешение «покрывает непозволённую дерзость допущения совсем чужого и ненадежного человека в Библиотеку российских манускриптов, которую не меньше архивов в сохранности содержать должно» (т. IX наст. изд., документ 282).

² «Дедикация» — посвящение. «Его высочество» — будущий Павел I. Ему были посвящены две работы Ломоносова: «Российская грамматика» (т. VII наст. изд., стр. 391—393) и «Краткое описание разных путешествий по Северным морям» (там же, т. VI, стр. 419—420).

³ Приведенные Ломоносовым латинские слова являются цитатой из Цицерона. (Речь против Катилины, IV, 2).

⁴ Pro aris etc. — это выражение, которое в полном его виде читается так: «Pro aris et focus certamen» (буквально: «Борьба за алтари и домашние очаги») и заимствовано тоже из Цицерона (О природе богов, III, 94), стало впоследствии поговорочным. В данном контексте его можно передать по-русски так: «В борьбе за благо родины».

ПЛАНЫ И ОТЧЕТЫ О РАБОТЕ

500

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — немецкий текст: Куник, I, стр. 112; русский перевод А. А. Куника: Куник, II, стр. 254—255.

Датируется предположительно по канцелярской помете о поступлении публикуемого репорта в Академическую канцелярию 26 сентября 1737 г. (Куник, II, стр. 254).

Публикуемый документ — первый известный нам репорт русских студентов из Марбурга.

¹ Об обстоятельствах, вызвавших отправку Ломоносова, Д. И. Виноградова и Г.-У. Райзера в Марбург, см.: Куник, II, стр. 225—245.

² На сохранившейся копии инструкции рукой Ломоносова написано: «Такову инструкцию студент Михайло Ломоносов получил, по которой точно исполнять будет» (ААН, ф. 20, оп. 3, № 57, лл. 1—2).

³ Имеются в виду лекции Г.-Э. Штала по химии, изданные его учениками под заглавием: G. E. Stahl. Fundamenta chymiae dogmaticae et experimentalis. Norimbergae, 1723 (Г.-Э. Шталь. Основания догматической и экспериментальной химии. Нюрнберг, 1723). Эта книга была в личной библиотеке Ломоносова в Марбурге (документ 502).

⁴ Имеется в виду труд: H. F. Teichmeyer. Institutiones chemiae dogmaticae et experimentalis in quibus chemicorum principia, instrumenta, operationes et producta succincta methodo traduntur in usum auditorii sui cum figuris aeneis et indicibus, Jenaе, 1729 (Г. Ф. Тейхмейер. Наставления по догматической и экспериментальной химии, в которых сжато рассказывается об основаниях, инструментах, операциях и продуктах химиков. С рисунками на меди и укзателями. Йена, 1729).

⁵ Имеется в виду 1-й раздел 2-го тома труда Хр. Вольфа *Elementa matheseos universae. Halae Magdeburgicae* (Хр. Вольф. Элементы всей математики. Галле), 1713—1715. Этот труд был переиздан в Женеве в 1732—1735 гг. и в Галле в 1730—1738 гг. В личной библиотеке Ломоносова в Марбурге первые три тома этого сочинения были в женевском издании, а 4-й том в другом издании, вышедшем в Галле в 1738 г. (см. документ 502 настоящего тома).

⁶ Эти разделы составляют 2-ю и 4-ю части 2-го тома названного выше труда, по которому Хр. Вольф и читал лекции студентам.

501

Печатается по собственноручному подлиннику, подписанному Ломоносовым, Виноградовым и Райзером (ААН, ф. 20, оп. 3, № 67).

Подлинник на немецком языке.

Впервые напечатано (частично) — немецкий текст: Куник, I, стр. 122; русский перевод А. А. Куника: Куник, II, стр. 167—268. Полностью немецкий текст и русский перевод публикуются впервые.

Репорт датирован 25 марта 1738 г. по новому стилю; таким образом, по старому стилю его следует датировать 14 марта 1738 г.

¹ Имеется в виду репорт 1737 г. (документ 500).

² Лекции по догматической физике, излагающие систему натуральной философии Хр. Вольфа, были изданы им впервые отдельными сочинениями

в 1723—1725 гг. (см. т. I наст. изд., стр. 540). В личной библиотеке Ломоносова в Марбурге (документ 502) был труд Вольфа по догматической физике, изданный в Галле в 1734 г., и его же лекции по логике, изданные в Франкфурте и Лейпциге в 1732 г. под названием: *Ch. Wolf. Philosophia rationalis, sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usus scientiarum atque vitae aptata* (Х. Вольф. Рациональная философия, или логика, разработанная научным методом и приспособленная для нужд науки и жизни).

³ Инструкция, составленная профессорами Г.-В. Крафтом и И. Амманом 30 августа 1737 г., была отправлена в Марбург от имени президента Академии 7 октября 1737 г. (Куник, II, стр. 262—265).

⁴ В инструкции по изучению естественной истории студентам предлагалось прочитать и изучить большое количество трудов различных авторов по минералогии, ботанике и зоологии (Куник, II, стр. 263—264).

502

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 37, лл. 3—4).

Подлинник на немецком языке.

Впервые напечатано — немецкий текст: Куник, I, стр. 129—132; русский перевод А. А. Куника (частично): Куник, II, стр. 277—278. Полностью русский перевод публикуется впервые.

Репорт датирован 15 октября 1738 г. по новому стилю; таким образом, по старому стилю он датируется 4 октября 1738 г.

К репорту были приложены: 1) научная работа Ломоносова на латинском языке: *Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeeexistentis dependente* (Работа по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предшествующей жидкости; т. I наст. изд., стр. 5—21, 539—542) и 2) русский перевод оды «которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон» (см. т. VIII наст. изд.).

¹ См. документ 501 и примечания к нему.

² Лекции по экспериментальной физике Хр. Вольфа были изданы впервые в 1721—1723 гг и переизданы в 1727—1729 гг. (см. т. II наст. изд., стр. 344). В своей личной библиотеке в Марбурге Ломоносов имел первую часть второго немецкого издания труда Хр. Вольфа по экспериментальной физике (см. ниже, примечание 51).

³ Лекции по метафизике Хр. Вольфа были изданы впервые в 1736 г. Указанный труд Ломоносов приобрел для своей библиотеки в Марбурге (см. ниже, примечание 53).

⁴ См. документы 500 и 501 и примечания к ним.

⁵ Kleiner Atlas scholasticus von achtzehnen Charten... mit einer accuraten Illumination, zu seinen geographischen Fragen accomodiret durch Johann Hübner. . . Nürnberg—Hamburg, 1732 (Малый школьный атлас из восемнадцати карт. . . с тщательной раскраской, приспособленный Иоганном Гюбнером к его географическим вопросам. . . Нюрнберг—Гамбург, 1732). Ломоносов приобрел более позднее, по-видимому, издание названной книги.

⁶ B. Faber. Thesaurus eruditionis scholasticae omnium usui et disciplinae omnibus accomodatus post celeberrimorum virorum Buchneri, Cellarii, Graevii operas et adnotationes et multiplices Andreae Stubellii curas iterum recensitus, emendatus, locupletatus a. J. Mathia Gesnero. Accessit primum hac editione verborum et formularum interpretatio gallica. Lipsiae, 1735, 2 vol. (Б. Фабер. Сокровищница школьной учености, приспособленная для общего пользования и для всех наук, после трудов и примечаний знаменитейших мужей Бухнера, Целлария, Гревия и многообразных стараний Андрея Штубеллия, снова просмотренная, исправленная и дополненная Иог. Матвеем Геснером. В этом издании впервые добавлен французский перевод слов и формул. Лейпциг, 1735, 2 тома).

⁷ F. Ruysch. Archetypus totius medicinae. Francofurti, 1737 (Ф. Рюйш. Первообраз всей медицины. Франкфурт, 1737).

⁸ J. J. Becher. Physica subterranea, profundam subterraneorum genesis e principiis hucusque ignotis ostendens. Lipsiae. 1703; Ed. 2-da. Lipsiae, 1738 (И. И. Бехер. Подземная физика, показывающая из начал до сих пор неизвестных глубокое зарождение того, что находится под землей. Лейпциг, 1703; 2-е изд., Лейпциг, 1738).

⁹ H. Boerhaave. Elementa chemiae, quae anniversario labore docuit in publicis, privatisque scholis Hermannus Boerhaave, Lugduni Batavorum, 1732 (Г. Бургав. Элементы химии, которые излагал в ежегодных общественных и частных курсах Герман Бургав. Лейден, 1732).

¹⁰ M. Schmuck (Schmucker). Aerarium chymicum oder Chymische Schatz-Cammer. Norimbergae, 1686 (М. Шмукк (Шмуккер). Химическое казнохранилище, или химическая сокровищница. Нюрнберг, 1686). Ломоносов приобрел, по-видимому, франкфуртское издание 1736 г. названной книги.

¹¹ Ch. Vater. Institutiones medicae. Wittenbergae, 1722 (Х. Фатер. Медицинские наставления. Виттенберг, 1722).

¹² G. E. Stahl. Fundamenta chymiae dogmaticae et experimentalis... Norimbergae, 1723 (Г.-Э. Шталь. Основания догматической и экспериментальной химии. . . Нюрнберг, 1723).

¹³ См. выше, прим. 4 к документу 500.

¹⁴ J. F. Weidler. Tractatus de machinis hydraulicis, toto terrarum orbe maximis Marlyensi et Londinensi et aliis rarioribus similibus, in quo mensurae prope ipsas machinas notatae describuntur et de viribus earum

luculenter disseritur. Cum figuris aeri incis. Vitembergae, 1728 (И. Ф. Вейдлер. Трактат о гидравлических машинах, величайших на всем земном шаре — марлийской и лондонской, и о других подобных же редких, в котором описываются размеры, отмеченные при самых машинах, и дается ясное рассуждение об их силах. С рисунками, вырезанными на меди. Виттенберг, 1728).

¹⁵ Ch. Wolf. Elementa matheseos universae. Tomus primus, qui commentationem de methodo mathematica, arithmetica, geometriam, trigonometriam planam et analysis tam finitorum quam infinitorum complectitur... Genevae, 1732. Tomus secundus, qui mechanicam et staticam, hydrostaticam, aërometriam, hydraulicam complectitur... Genevae, 1733. Tomus tertius, qui opticam, perspectivam, catoptricam, dioptricam, sphaerica et trigonometriam sphaericam atque astronomiam tam sphaericam quam theoreticam, complectitur... Genevae, 1735 (Х. Вольф. Элементы всей математики. Том первый, содержащий в себе рассуждение о математическом методе, арифметику, геометрию, тригонометрию на плоскости и анализ как конечных, так и бесконечных... Женева, 1732. Том второй, содержащий в себе механику и статику, гидростатику, аэрометрию, гидравлику... Женева, 1733. Том третий, содержащий в себе оптику, перспективу, катоптрику, диоптрику, сферические фигуры и сферическую тригонометрию, а также астрономию как сферическую, так и теоретическую. Женева, 1735).

¹⁶ Ch. Wolf. Elementa matheseos universae... Tomus IV, qui geographiam cum hydrographia, chronologiam, gnomonicam, pyrotechniam, architecturam militarem atque civilem complectitur... Hallae Magdeburgicae, 1738 (Х. Вольф. Элементы всей математики. Том четвертый, содержащий в себе географию с гидрографией, хронологию, гномонику, пиротехнику, архитектуру военную и гражданскую... Галле в Магдебургской области, 1738).

¹⁷ Ch. Wolf. Philosophia rationalis, sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usus scientiarum atque vitae aptata. Francofurti et Lipsiae, 1728 (Х. Вольф. Рациональная философия, или логика, разработанная научным методом и приспособленная для нужд наук и жизни. Франкфурт и Лейпциг, 1728). Ломоносов приобрел более позднее, по-видимому, издание названной книги.

¹⁸ Ch. Wolf. Philosophia prima, sive ontologia, methodo scientifica pertractata, qua omnis cognitionis humanae principia continentur. Francofurti et Lipsiae, 1730 (Х. Вольф. Первая философия, или онтология, разработанная научным методом, в которой содержатся начала всякого человеческого познания. Франкфурт и Лейпциг, 1730). Ломоносов приобрел более позднее, по-видимому, издание названной книги.

¹⁹ Ch. Wolf. *Cosmologia generalis, methodo scientifica pertractata, qua ad solidam inprimis Dei atque naturae cognitionem via sternitur.* Francofurti et Lipsiae, 1731 (X. Вольф. Общая космология, разработанная научным методом, которою прокладывается путь к прочному познанию, преимущественно бога и природы. Франкфурт и Лейпциг, 1731).

²⁰ Ломоносов приобрел более раннее издание книги: F. Fenelon. *Les aventures de Télémaque, fils d'Ulisse.* . . Rotterdam, 1725 (Ф. Фенелон. Приключения Телемаха, сына Улисса. . . Роттердам, 1725; см. Акад. изд., т. I, стр. 5—8 втор. пар.).

²¹ J. J. Becher. *Opuscula chymica rariora, addita nova praefatione ac indice locupletissimo multisque figuris aeneis illustrata a Friderico Roth-Scholtzio.* Norimbergae et Altorfii, 1719 (И.-И. Бехер. Редкие небольшие химические работы с добавлением нового предисловия и подробнейшего указателя, иллюстрированные многими рисунками на меди Фридрихом Рот-Шольцем. Нюрнберг и Альторф, 1719).

²² H. Voerhaave. *Institutiones medicae in usus annuae exercitationis domesticos digestae.* . . Editio Leydensis quarta, prima longe auctior. Lugduni Batavorum, 1727 (Г. Бургав. Медицинские наставления, записанные для домашнего упражнения в течение года. . . четвертое лейденское издание, гораздо полнее первого. Лейден, 1727) Ломоносов приобрел более позднее, по-видимому, издание названной книги.

²³ *Collectanea chymica leidensia, oder mehr als 700 auserlesene chymische Processe, welche von Herrn Maetsio, Marggravio und Le Mortio ehedessen dreyen berühmten Professoribus der Chymie zu Leyden, denen damahls aus allen Theilen Europae gegenwärtigen Auditoribus so wohl publice, als privatim nicht nur gewiesen, sondern auch mündlich dictirt worden. Vor diesem von Herrn Christoph Ludwig Morley in Ordnung zusammen getragen und ans Licht gebracht. Nochmals durch Herrn Theodorum Muykens.* . . mit vielen neuen, schönen und accuraten Experimenten vermehret, in richtigere Ordnung gestellt, allenthalben verbessert. Nun aber auf Ersuchen guter Freunde ins Teutsche übersetzt und mit doppelten Registern versehen. Ein Werck so allen Medicis, Chymicis, Physicis, Apothekern und jeden seine Gesundheit-Liebenden höchst nöthig und nützlich. Dritte Auflage von vielen Druckfehlern gesäubert und verschiedentlich gebessert, Jena, 1726 (Лейденский химический сборник, или свыше 700 избранных химических процессов, которые были не только показаны, но и устно объяснены в общественных и частных курсах господами Маецием, Марггравом и Ле Мортием, тремя некогда знаменитыми профессорами химии в Лейдене, присутствовавшим при этом слушателям из всех частей Европы. Ранее они были собраны, приведены в порядок и выпущены в свет господином Христофором Людвигом Морлеем. Еще раз. . . их дополнил многими прекрасными опытами, расположила

в более правильном порядке, во всех отношениях улучшил господин Теодор Мюйкенс. Ныне, по просьбе добрых друзей, они переведены на немецкий язык и снабжены двойным указателем. Произведение в высшей степени необходимое и полезное всем врачам, химикам, физикам, аптекарям и всем, кто дорожит своим здоровьем. Третье издание, очищенное от множества опечаток и в разных отношениях улучшенное. Иена, 1726).

²⁴ *Compendium universae latinitatis*. Jenae, 1734 (Сжатый курс всей латыни. Иена, 1734).

²⁵ *Die redende Thiere über menschliche Fehler und Laster, bey ruhigen Stunden lustig und nützlich zu lesen*. Franckfurt und Leipzig, 1738—1751 (Животные, разговаривающие о человеческих недостатках и пороках, — для чтения, с удовольствием и пользой, в спокойные часы. Франкфурт и Лейпциг 1738—1751). Ломоносов приобрел более позднее, по-видимому, издание названной книги.

²⁶ D. Erasmus. *Colloquia familiaria, ex recensione et cum notis perpetuis Petri Rabi. Accedunt ejusdem Erasmi Conflictus Thaliae et Barbariei, Apologia et Utilitas colloquiorum nec non Laus morias...* Ulmae, 1712 (Д. Эразм. Дружеские беседы, проверенные Петром Рабом и снабженные непрерывными примечаниями. Добавлены того же Эразма Спор Талии и Варварства, Апология и Польза бесед, а также Похвала глупости. Ульм, 1712).

²⁷ J. Freind. *Praelectiones chymicae, in quibus omnes fere operationes chymicae ad vera principia et ipsius naturae leges rediguntur*. Amstelodami, 1718 (Дж. Фреинд. Лекции по химии, в которых почти все химические операции подводятся к истинным началам и законам самой природы. Амстердам, 1718).

²⁸ P. Marivaux. *Der durch seine freymüthige Aufrichtigkeit glücklich gewordene Bauer, oder die sonderbaren Begebenheiten des Herrn von N., beschrieben von dem Herrn von Marivaux, aus dem französischen übersetzt. Erster Theil*. Leipzig, 1736 (П. Мариво. Крестьянин, ставший счастливым благодаря своей прямодушной откровенности, или удивительные приключения господина де Н., описанные господином де Мариво, — перевод с французского, часть первая. Лейпциг, 1736).

²⁹ J. Swift. *Des capitains Lemuel Gulliver Reisen in unterschiedliche entfernte und unbekante Länder. Erster — (dritter und letzter) Theil...* Hamburg und Leipzig, 1727—1728 (Дж. Свифт. Путешествия капитана Лемюэля Гулливера в разные отдаленные и неизвестные страны. Первая — (третья и последняя) часть... Гамбург и Лейпциг, 1727—1728). Ломоносов приобрел, по-видимому, берлинское издание 1731 г. названной книги.

³⁰ Fr. Hoffmann. *Observationum physico-chymicorum selectiorum libri III. In quibus multa curiosa experimenta et lectissimae virtutis medicamenta exhibentur, ad solidam et rationalem Chymiam stabiliendam*

praemissi. Halae, 1736 (Фр. Гоффман. Три книги избранных физико-химических наблюдений, в которых представлены многие любопытные опыты и лекарства, обладающие исключительными свойствами; книги служат предварением к прочному и разумному утверждению химии. Галле, 1736). Ломоносов приобрел более позднее, по-видимому, издание названной книги.

³¹ Sammlung von Johann Christians Günthers, aus Schlesien, bis an hero edirten deutschen und lateinischen Gedichten, auf das Neue übersehen, wie auch in einer bessern Wahl und Ordnung an das Licht gestellt, nebst einer Vorrede von den so nöthigen als nützlichen Eigenschaften der Poesie. Bresslau und Leipzig, 1735 (Собрание изданных до настоящего времени немецких и латинских стихотворений Иоганна-Христиана Гюнтера из Силезии, вновь пересмотренное и выданное в свет в лучшем выборе и порядке, — с предисловием о необходимых и полезных свойствах поэзии. Бреславль и Лейпциг, 1735).

³² J. Hübner. Neu-vermehrtes poetisches Hand-Buch, das ist eine kurtz-gefaste Anleitung zur deutschen Poesie, nebst einem vollständigen Reim-Register, den Anfängern zum Besten zusammen getragen. Leipzig, 1711 (И. Гюбнер. Вновь расширенное поэтическое руководство, то есть кратко изложенное введение в немецкую поэзию, с подробным указателем рифм, составленным на пользу начинающим. Лейпциг, 1711).

³³ Anacreon. Les poésies d'Anacreon et de Sapho, traduites en françois, avec des remarques, par madame Dacier. Nouvelle édition, augmentée des notes latines de m-r Le Fevre et de la traduction en vers françois de m-r de La Fosse. Amsterdam, 1716 (Анакреон. Стихотворения Анакреона и Сафо, переведенные на французский язык, с примечаниями госпожи Дасье. Новое издание, дополненное латинскими примечаниями г-на Ле Февра и французским стихотворным переводом г-на Ла Фосс. Амстердам, 1716).

³⁴ M. V. Martialis. Epigrammata, paraphrasi et notis variorum selectissimis interpretatus est Vincentius Collesso... Amstelaedami, 1701 (М. В. Марциал. Эпиграммы; пересказом и избраннейшими примечаниями разных лиц пояснил... Винцентий Коллессо. Амстердам, 1701).

³⁵ Ch. H.-Chr.-F. Menantes. Auserlesener neuer Briefe erster (anderer) Theil, nebst einer kurtzen Anleitung zur üblichen und gewöhnlichen Titulatur. Halle, 1722, 2 Bände (Г.-Х.-Ф. Менантес. Новые избранные письма, часть первая (другая), с кратким наставлением относительно принятой и обычной титулатуры. Галле, 1722. Два тома). Ломоносов приобрел более раннее, по-видимому, издание названной книги.

³⁶ B. Neukirch. Anweisung zu teutschen Briefen. Leipzig, 1709 (Б. Нейкирх. Указание о том, как писать немецкие письма. Лейпциг, 1709).

³⁷ Peplier. Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise et alle-

mande, nebst einem vollständigen Titularbuche von Preussischen Hofe. Berlin, 1733 (Пеплие. Новая и совершенная королевская французская и немецкая грамматика, с подробной книгой титулатуры прусского двора. Берлин, 1733). Ломоносов приобрел, по-видимому, берлинское издание 1736 г. названной книги.

³⁸ J. L. Frisch. Nouveau dictionnaire des passagers françois-allemand et allemand-françois, oder Neues französisch-teutsches und deutsch-französisches Wörter-Buch. Leipzig, 1733 (И.-Л. Фриш. Новый французо-немецкий и немецко-французский словарь для путешественников... Лейпциг, 1733).

³⁹ F. A. Pomey. Pantheum mythicum, seu fabulosa deorum historia, hoc primo epitomes eruditionis volumine breviter dilucide comprehensa... Editio novissima, prioribus correctior variisque aeneis figuris ornata. Francofurti, 1732 (Ф.-А. Помей. Мифологический пантеон, или сказочная история богов, содержащаяся в кратком и ясном изложении в этом первом томе образованности... Новейшее издание, более исправленное, чем прежние, и украшенное разнообразными рисунками на меди. Франкфурт, 1732).

⁴⁰ G. Ph. Plats. Dialogues domestiques françois-allemands avec des complimens familiers. Französisch-teutsche mit gemeinen Complimenten vermischte Gespräche von Hans-Sachen. Wien und Nürnberg, 1738. (Г.-Ф. Платс. Домашние французо-немецкие разговоры, с обычными комплиментами. Французо-немецкие разговоры о домашних делах, с примешанными к ним обычными комплиментами. Вена и Нюрнберг, 1738). Ломоносов приобрел более раннее, по-видимому, нюрнбергское издание 1724 г. названной книги.

⁴¹ M. T. Cicero. Selectae orationes, ad exemplar probatissimorum codicum expressae... Amstelaedami, 1735 (М. Т. Цицерон. Избранные речи, напечатанные по тексту самых исправных рукописей... Амстердам, 1735).

⁴² J. F. Schreiber. Elementorum medicinae physico-mathematicorum tomus primus. Praefatus est Christianus Wolfius. Francofurti et Lipsiae, 1731 (И.-Ф. Шрейбер. Физико-математические элементы медицины. Том первый. Предисловие написал Христиан Вольф. Франкфурт и Лейпциг, 1731).

⁴³ G. F. Stabel. Chymiae dogmatico-experimentalis tomus prior, compectens doctrinae chymicae fundamenta. Halae Magdeburgicae, 1728 (Г.-Ф. Штабель. Догматико-экспериментальная химия. Том первый, содержащий основы химической науки. Галле в Магдебургской области, 1728).

⁴⁴ G. E. Stahl. Experimenta, observationes, animadversiones, CCC numero, chymicae et physicae, qualiam alibi vel nulla, vel rara, nusquam autem satis ampla, ad debites nexus et veros usus, deducta

mentio, commemoratio, aut explicatio invenitur. Qualium partim in aliis auctoris scriptis, varia mentio facta habetur; partim autem nova commemoratio hoc tractatu exhibetur; utriusque vero universa res uberius explicatur atque confirmatur. Berolini, 1731 (Г.-Э. Шталь. Опыты, наблюдения, замечания по химии и физике, числом триста, о которых в других местах нельзя вовсе или можно лишь изредка найти упоминание, напоминание или объяснение, нигде, однако, с достаточной полнотой, в надлежащей связи и с указанием истинного применения. О них частично имеются разнообразные упоминания в других сочинениях автора, частично же впервые упоминается в этом трактате, но в том и другом случае все дело подробнее разъясняется и подтверждается. Берлин, 1731). Ломоносов приобрел, по-видимому, берлинское издание 1732 г. названной книги.

⁴⁵ Ch. E. Steinbach. Vollständiges deutsches Wörterbuch, vel Lexicon germanico-latinum cum praefationibus et auctoris et J. U. Koenig... Tomus I—II, Bresslau, 1734 (Х.-Э. Штейнбах. Полный немецкий словарь, или немецко-латинский лексикон, с предисловиями автора и И.-У. Кенига. . . том I—II. Бреславль, 1734).

⁴⁶ Ch. Wolf. Tabulae sinuum atque tangentium, tam naturalium quam artificialium, una cum logarithmis numerorum vulgarium ab 1 usque ad 10 000, numeris quadratis ac cubicis ab 1 usque ad 1000. Edidit, praefatus est et regulam universalem solvendi omnia triangula tam plana, quam sphaerica, praemisit Christian Wolfius... Francofurti et Lipsiae, 1728 (Х. Вольф. Таблицы синусов и тангенсов как натуральных, так и искусственных, вместе с логарифмами обыкновенных чисел от 1 до 10 000, квадратными и кубическими числами от 1 до 1000. Издал и снабдил предисловием и предпослал общее правило решения всех как плоских, так и сферических треугольников Христиан Вольф... Франкфурт и Лейпциг, 1728).

⁴⁷ L. Ph. Thümmig. Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae. Tomus prior. Francofurti et Lipsiae, 1725 (Л.-Ф. Тюммиг. Наставления по вольфианской философии, составленные для академического употребления. Том первый. Франкфурт и Лейпциг, 1725). Ломоносов приобрел более позднее, по-видимому, франкфуртское издание 1729 г. названной книги.

⁴⁸ J. Veneroni (Vigneron). Italienisch-französisch und teutsche Grammatica oder Sprach-Meister... Franckfurt und Leipzig, 1719 (И. Венерони (Виньерон). Итальянско-французско-немецкая грамматика, или учитель языков... Франкфурт и Лейпциг, 1719).

⁴⁹ Verheyen. Corporis humani anatomia, in qua omnia tam veterum, quam recentiorum anatomicorum inventa methodo nova et intellectu facillima describuntur, ac tabulis aeneis repraesentantur, Lipsiae, 1699

(Вергейен. Анатомия человеческого тела, в которой все открытия как старых, так и современных анатомов описываются новым, очень легким для понимания способом и изображаются с помощью медных досок... Лейпциг, 1777).

⁵⁰ Ch. Wolf: 1) Vernünfftige Gedancken von den Würcungen der Natur. Halle, 1723, 2) Vernünfftige Gedancken von den Absichten der natürlichen Dinge. Halle, 1724, 3) Vernünfftige Gedancken von dem Gebrauche der Theile des menschlichen Leibes, der Thiere und Pflanzen. Frankfurt und Leipzig, 1725 (X. Вольф: 1) Разумные мысли о действиях природы. Галле, 1723, 2) Разумные мысли о назначении природных вещей. Галле, 1724, 3) Разумные мысли об употреблении частей человеческого тела, животных и растений. Франкфурт и Лейпциг, 1725). Система натуральной философии, изложенная Хр. Вольфом в указанных трех книгах, Ломоносовым сокращенно была названа «Догматической физикой».

⁵¹ Ch. Wolf. Experimenta physica, oder allerhand nützliche Versuche, dadurch zu genaues Erkenntniss der Natur und Kunst der Weg gebähnet wird. Erster—dritter Theile. Halle in Magdeburgischen, 1721—1723; 2-te Aufl., Allerhand nützliche Versuche. Halle in Magdeburgischen, 1727—1729 (X. Вольф. Физические эксперименты, или всякого рода полезные опыты, которыми прокладывается путь к точному познанию природы и искусства. Части первая—третья. Галле в Магдебургской области, 1721—1723; 2-е изд. Всякого рода полезные опыты... Галле в Магдебургской области, 1727—1729).

⁵² Ch. Wolf. Ratio praelectionum Wolfianorum in mathesin et philosophiam universam, et opus Hugonis Grotii de jure belli et pacis. Halae, 1735 (X. Вольф. Объяснение лекций Вольфа по математике, по всей философии и по труду Гуго Гроция «О праве войны и мира». Галле, 1735).

⁵³ Ch. Wolff. Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, den Liebhabern der Weisheit mitgetheilet von Christian Wolff. Franckfurt und Leipzig, 1736 (X. Вольф. Разумные мысли о боге, о мире и о душе человека и вообще обо всех вещах, сообщенные любителям мудрости Христианом Вольфом. Франкфурт и Лейпциг, 1736). Эта книга сокращенно называлась «Немецкой метафизикой».

⁵⁴ Ch. Wolff. Vernünfftige Gedancken von der Menschen Thun und Lassen zu Beförderung ihrer Glückseligkeit, den Liebhabern der Wahrheit mitgetheilet von Christian Wolff. . . Halle in Magdeburgischen, 1720 (X. Вольф. Разумные мысли о житье-бытье людей с целью доставить им счастье, сообщенные любителям мудрости Христианом Вольфом... Галле в Магдебургской области, 1720).

⁵⁵ Ch. Wolff. Vernünftige Gedancken von dem gesellschaftlichen Leben der Menschen und insonderheit dem gemeinen Wesen zu Beförderung der Glückseligkeit des menschlichen Geschlechtes den Liebhabern der Wahrheit mitgetheilet von Christian Wolff. . . Frankfurt und Leipzig, 1732 (X. Вольф. Разумные мысли об общественной жизни людей и преимущественно об общественном благе, с целью доставить счастье человеческому роду, сообщенные любителям мудрости Христианом Вольфом. . . Франкфурт и Лейпциг, 1732).

⁵⁶ Ch. Cellarius. Alte und neue Geographie in deutsche Fragen abgefasst, mit vielen curieusen Anmerkungen vermehret und bis 1709 continuiert. Nebst einem ausführlichen Register und Vorrede des Uebersetzers. Jena (X. Целларий. Древняя и новая география, изложенная в виде вопросов на немецком языке, дополненная многими любопытными примечаниями и продолженная до 1709 года. С подробным указателем и предисловием переводчика. Иена).

⁵⁷ D. Erasmus. Adagia, id est proverbiorum, paroemiarum et parabolarum omnium, quae apud graecos, latinos, hebraeos, arabas etc. in usu fuerunt, collectio absolutissima in locos communes digesta. . . Lipsiae, 1695 (Д. Эразм. Адагии, или очень полное собрание всех пословиц, поговорок, сравнений, бывших в употреблении у греков, латинян, евреев, арабов и т. п., с расположением по общепринятым рубрикам. Лейпциг, 1696).

⁵⁸ D. Erasmus. De utraque verborum ac rerum copia libri II, ad sermonem et stylum formandum utilissimi. Gottingae, 1690. (Д. Эразм. Об изобилии слов и вещей — две книги, весьма полезные для формирования речи и стиля. Геттинген, 1690).

⁵⁹ H. Ch. F. Menantes. Lettres choisies des meilleurs et plus nouveaux auteurs françois, traduites en allemand par Menantes. Auserlesene Brieffe, aus denen besten und neusten frantzösischen Scribenten ins Hoch-teutsche übersetzt von Menantes. Dritter und verbesserter Druck. Hamburg, 1731 (Г.-Х.-Ф. Менантес. Избранные письма из лучших и новейших французских авторов, переведенные на немецкий язык Менантесом. Третье, улучшенное издание, Гамбург, 1731).

⁶⁰ P. Ovidius Naso. Opera in tres tomos divisa. Amstelaedami, 1735 (П. Овидий Назон. Произведения, разделенные на три тома. Амстердам, 1735).

⁶¹ Plinius Caecilius Secundus, G. Epistolae et panegyricus. Recensuit ac novis commentariis illustravit, etiam indicibus plenioribus tam rerum, quam latinitatis et tabulis geographicis auxit Christophorus Cellarius. Editio nova. Quasdam notulas adjecit M. J. Ch. Herzog. . . Lipsiae, 1721 (Г. Плиний Цецилий Секунд. Письма и панегирик. Проверил и снабдил новыми комментариями, а также дополнил более подробными указателями

предметов и латинского языка и географическими картами Христофор Целларий. Новое издание. Некоторые мелкие замечания добавил М.-И.-Х. Герцог... Лейпциг, 1721).

⁶² L. Seneca. Tragoediae, cum notis Th. Farnabii. Amstelodami, 1665 (Л. Сенека. Трагедии, с примечаниями Т. Фарнабия. Амстердам, 1665).

⁶³ P. Vergilius Maro. Opera. Nic. Heins. Dan. F., e mem'bris compluribus usque antiquissimis recensuit. Amstelodami, 1676 (П. Вергилий Марон. Произведения. Проверил по многочисленным рукописям на пергамене, вплоть до древнейших, Николай Гейнзиус, сын Даниила. Амстердам, 1676).

503

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 803, л. 56).

Впервые напечатано: Ламанский, стр. 84.

Публикуемый документ — первый известный нам план работ Ломоносова. Подобные планы и отчеты по ним академики и адъюнкты должны были представлять в соответствии с § 14 регламента Академии 1747 г. за каждую треть года.

¹ «Генварская треть» включала январь—апрель, «майская треть» — май—август, «сентябрьская треть» — сентябрь—декабрь каждого года.

² Историческое собрание Академии Наук было образовано по определению Академической канцелярии от 24 марта 1748 г., подписанному президентом Академии К. Г. Разумовским и членами Канцелярии И.-Д. Шумахером и Г. Н. Тепловым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 457, л. 54).

³ См. документ 504 и т. IX наст. изд., документ 20 и примечания к нему.

⁴ В январской трети 1749 г. студенты для слушания лекций Ломоносова по химии не были назначены (там же).

⁵ Изучением теплоты Ломоносов стал заниматься с начала 40-х годов. Его работы на эту тему опубликованы в томах I, II и III наст. изд. По намеченной теме Ломоносовым были выполнены в январской трети 1749 г. некоторые «Физические опыты» (документ 504, п. 4; ср. также т. III наст. изд., стр. 193—196, 537).

⁶ Изучением природы света и теории цветов Ломоносов стал заниматься с начала своей научной деятельности в Академии. В своем труде «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее», законченном в середине 1756 г., Ломоносов писал: «Хотел бы я изъяснить все, что о цветах чрез 15 лет думал между другими моими трудами» (т. III наст. изд., стр. 315—344 и 550—555. Ср. также документы 504, 506—514, 516).

504

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 97).

Впервые напечатано: Пекарский, II, стр. 401.

¹ Об окончании постройки Химической лаборатории см. т. IX наст. изд., документ 13.

² Ломоносов называет так свой труд «Прибавление к размышлениям об упругости воздуха» (т. II наст. изд., стр. 145—163, 658—661).

³ Записи опытов и текст диссертации Ломоносова на эту тему не отысканы (ср. примечание 5 к документу 503).

⁴ Имеется в виду «Слово похвальное» императрице Елизавете (т. VIII наст. изд.).

505

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 747, л. 169).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 127—128.

День написания устанавливается по канцелярской помете о подаче публикуемого репорта в Академическую канцелярию 26 мая 1749 г.

¹ Имеется в виду «Слово похвальное» императрице Елизавете (т. VIII наст. изд.).

² См. т. VII наст. изд., стр. 946—948.

³ См. примечание 3 к документу 504.

506

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 104).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 401.

Датируется предположительно по репорту архивариуса Стаффенгагена от 19 сентября 1749 г., при котором публикуемый документ был представлен в Академическую канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 101).

¹ Ср. т. IX наст. изд., документ 20 и примечания к нему.

² Имеется в виду «Слово похвальное» императрице Елизавете (т. VIII наст. изд.).

³ См. т. VII наст. изд., стр. 946—948.

⁴ Ср. т. IX наст. изд., документ 44 и примечания к нему.

⁵ См. примечание 3 к документу 504.

507

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 114).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 401.

Датируется предположительно по репорту архивариуса И. И. Стафенгагена от 15 января 1750 г., при котором публикуемый документ был представлен в Академическую канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 110).

¹ Имеется в виду работа над «Словом похвальным» императрице Елизавете, которое было произнесено Ломоносовым на публичной ассамблее Академии Наук 26 ноября 1749 г. (см. т. VIII наст. изд.).

² См. т. IX наст. изд., документы 24 и 44 и примечания к ним; ср. также т. II наст. изд., стр. 371—438, 680—685.

508

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 141, л. 124).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 440.

¹ См. т. IX наст. изд., документы 20, 22 и 44 и примечания к ним.

509

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 145, л. 289).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 440—441.

Датируется предположительно по репорту академика Х.-Н. Винсгейма от 15 сентября 1750 г., при котором публикуемый документ был представлен в Академическую канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 145, л. 286).

¹ Имеется в виду трагедия «Тамира и Селим» (см. т. VIII наст. изд., а также т. IX наст. изд., документы 20, 22 и 44 и примечания к ним).

510

Печатается по копии, писанной рукой И. И. Стафенгагена и представленной академиком Х.-Н. Винсгеймом в Академическую канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 149, л. 321), с указанием в сносках вариантов по собственноручному черновику (там же, ф. 20, оп. 3, № 84).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 441.

¹ См. т. VIII наст. изд.

² См. лабораторный журнал и лабораторные записи 1750—1751 гг. (т. II наст. изд., стр. 371—438, 680—685).

511

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, л. 95).

Впервые напечатано — Модзалевский, стр. 357—358.

Датируется предположительно по дню окончания майской трети и по репорту академика А.-Н. Гришова, при котором публикуемый документ был представлен в Академическую канцелярию 9 октября 1751 г. в числе других репортов, поданных академиками «в разное время» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, л. 91).

¹ См. лабораторный журнал и лабораторные записи 1750—1751 гг. (т. II наст. изд., стр. 371—438, 680—685).

² См. т. II наст. изд., стр. 345—369, 678—680.

³ См. т. VIII наст. изд.

512

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 162, л. 52).

Впервые напечатано — Модзалевский, стр. 358.

¹ См. т. VIII наст. изд.

² Речь идет о первой мозаичной работе Ломоносова — «Мадонна», набранной с оригинала итальянского художника Солимены (Макаров, стр. 129—133).

513

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 166, л. 422).

Впервые напечатано (частично) — Пекарский, II, стр. 494.

Полностью публикуется впервые.

Датируется предположительно по дню окончания январской трети и по репорту архивариуса И. И. Стафенгагена от 10 июля 1752 г., при котором публикуемый документ был представлен в Академическую канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 166, л. 420).

¹ Лабораторного журнала и систематических лабораторных записей Ломоносова, относящихся к этому периоду, не сохранилось. Отдельные листки лабораторных записей, по-видимому этого периода, опубликованы в т. II наст. изд., стр. 422—438, 680—685.

² См. примечание 2 к документу 512.

³ Слушателями Ломоносова были студенты Василий Клементьев, Иван Братковский, Иван Федоровский и Степан Румовский. Сохранился текст лекций Ломоносова по физической химии, записанный В. Клементьевым

(ААН, ф. 20, оп. 1, лл. 201—206). Свои занятия с указанной группой студентов Ломоносов начал еще, по-видимому, в конце 1751 г. (см. т. IX наст. изд., документы 22 и 30 и примечания к ним. Об успехах, оказанных этими студентами, см. там же, документ 287). Подробнее о содержании курса по физической химии см. т. II наст. изд., стр. 437—577, 686—699. Полной рукописи названного курса не сохранилось.

514

Печатается по копии, хранящейся в протокольных бумагах Академического собрания (ААН, ф. 1, оп. 2-1752 г., № 10, л. 8).

Местонахождение подлинника не известно.

Публикуется впервые.

Датируется предположительно по дню окончания майской трети.

¹ Надписи на иллюминации 1752 г. см. в т. VIII наст. изд.

² О лекциях по экспериментальной химии см. т. IX наст. изд., документы 22 и 30 и примечания к ним.

³ См. т. II наст. изд., стр. 437—575, 686—699.

⁴ См. т. IX наст. изд., документы 287 и 386 и примечания к ним.

⁵ См. т. IX наст. изд., документ 45 и примечания к нему.

⁶ См. примечание 2 к документу 512.

⁷ См. т. VI наст. изд., стр. 163—286, 572—588.

515

Печатается по подлиннику, писанному рукой архивариуса И. И. Стафенгагена и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 175, л. 469).

Впервые напечатано (по черновику, местонахождение которого не известно) — ОР, V, стр. 81—82.

Датируется предположительно по дню окончания сентябрьской трети и по репорту архивариуса Стафенгагена от 17 марта 1753 г., при котором публикуемый документ был представлен в Академическую канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 175, л. 468).

¹ См. т. IX наст. изд., документы 22 и 30 и примечания к ним и т. II наст. изд., стр. 437—575, 686—699.

² См. т. IX наст. изд., документ 31 и примечания к нему.

³ Речь идет о первом мозаичном портрете Петра I (Макаров, стр. 134—135).

⁴ См. т. V наст. изд., стр. 670—671.

⁵ См. т. IX наст. изд., документы 287 и 386 и примечания к ним.

⁶ См. т. VIII наст. изд. Под «другими стихотворческими сочинениями» Ломоносов понимает «Письмо о пользе стекла» (см. там же).

Печатается по копии, писанной писарской рукой с собственноручной пометой Ломоносова «Копия» (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 18—21).

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — «Московский телеграф», 1827, ноябрь, ч. XVIII, № 22, стр. 109—117.

Датируется предположительно: 1) по дню объявления 28 октября 1756 г. в Академическом собрании ордера президента Академии Наук от 26 того же октября о представлении всеми академиками, профессорами и адъюнктами в трехдневный срок репортов «о своих трудах и упражнениях с 1751 года поныне» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 364; ААН, ф. 1, оп. 2-1756 г., № 10, л. 6) и 2) по упоминанию в публикуемом документе о сочиненном Ломоносовым «проекте со стихами для фейерверка к 18 декабря сего 1756 года». Таким образом, публикуемый документ был написан бесспорно в промежуток времени с 28 октября по 18 декабря 1756 г., а так как президент требовал представления отчетов в трехдневный срок, то следует полагать, что Ломоносов написал свой отчет в начале указанного периода, т. е. либо в конце октября, либо в первых числах ноября 1756 г.

Пушкин, приведя весь публикуемый документ полностью в одной из своих статей («Путешествие из Москвы в Петербург»), предпосылает ему такие слова: «Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт».

¹ См. т. II наст. изд., стр. 371—438, 680—686.

² См. там же, стр. 345—369, 678—680.

³ Приборы, созданные Ломоносовым «для физической химии», не отысканы. Чертежи некоторых из них см. там же, стр. 476—478.

⁴ Записей Ломоносова об упоминаемых физических опытах не отыскано.

⁵ См. т. VI наст. изд., стр. 85—87, 163—286, 562—563 и 572—588.

⁶ См. т. VIII наст. изд.

⁷ См. там же.

⁸ См. т. VII наст. изд., стр. 845.

⁹ См. т. IX наст. изд., документы 287 и 386 и примечания к ним.

¹⁰ Под третьей книгой «Красноречия» Ломоносов понимает третью часть «Риторики», посвященную стихотворству. Рукопись этого труда не отыскана (см. т. VII наст. изд., стр. 809—810).

¹¹ Отдельные листки лабораторных записей, повидимому, 1752 г. см. т. II наст. изд., стр. 422—438, 680—685. Лабораторный журнал Ломоносова за 1752 г. не сохранился. Об его лекциях по физической химии и об его химических опытах см. документы 513—515; ср. также т. II наст. изд. стр. 437—577, 686—699.

¹² См. т. IX наст. изд., документы 44—46 и примечания к ним.

¹³ О работах Ломоносова по изучению атмосферного электричества за 1752 и 1753 гг. см. т. III наст. изд., стр. 15—133, 512—527. Сведений о его опытах «о разном протяжении воздуха по градусам термометра» не отыскано.

¹⁴ См. документ 514, п. 7 и т. VI наст. изд., стр. 85—87, 163—286, 562—563, 572—588.

¹⁵ См. т. VIII наст. изд.

¹⁶ Рукопись второй части «Красноречия», т. е. «Риторики», не отыскана (см. т. VII наст. изд., стр. 809—810).

¹⁷ Лабораторный журнал и лабораторные записи Ломоносова за 1753 г. не отысканы; о «новых физико-химических опытах» и «цифирных таблицах» см. т. II наст. изд., стр. 578—643, 699—705.

¹⁸ О химико-физических опытах, выполненных Ломоносовым в Лаборатории совместно с Г.-В. Рихманом, документальных данных не отыскано.

¹⁹ О работах Ломоносова по изучению атмосферного электричества и об его труде «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», см. т. III наст. изд., стр. 15—179, 189—192, 512—536.

²⁰ Записи Ломоносова о проведенных им в 1753 г. наблюдениях за изменением яркости цветов в различных температурных условиях не отысканы.

²¹ См. документ 514, п. 7 и т. VI наст. изд., стр. 85—87, 163—286, 562—563, 572—588.

²² См. т. VII наст. изд., стр. 844—845.

²³ См. т. VIII наст. изд.

²⁴ Лабораторный журнал и лабораторные записи Ломоносова за 1754 г. не отысканы. О «физико-химических таблицах» см. т. II наст. изд., стр. 528—643, 699—705.

²⁵ Вопросу «О сыскании долготы и широты на море при мрачном небе» посвящена часть вторая труда Ломоносова «Рассуждение о большей точности морского пути», законченного в 1759 г. (см. т. IV наст. изд., стр. 123—319 и 740—759). Об опытах Ломоносова «над водою, из Северного океана привезенною», см. т. III наст. изд., стр. 37 и 105. Записи Ломоносова об опытах, выполненных «при пильной мельнице», не отысканы. Сообщение Ломоносова об изобретенной им «аэродромической машине» см. Протоколы Конференции, т. II, стр. 309.

²⁶ См. т. VI наст. изд., стр. 163—286, 572—588.

²⁷ См. т. VIII наст. изд.

²⁸ Лабораторный журнал и лабораторные записи Ломоносова за 1755 г. не отысканы.

²⁹ Труд Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» см. т. III наст. изд., стр. 201—232 и 538—543.

³⁰ Письмо Ломоносова «О северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном» не отыскано. По-видимому, оно было использовано им в его труде «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», третья глава которого названа им «О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию» (см. т. VI наст. изд., стр. 407—498, 602—615).

³¹ См. т. VI наст. изд., стр. 217—230.

³² См. т. VIII наст. изд.

³³ Работу над составлением «Российской грамматики» Ломоносов завершил в 1755 г., но печатание ее началось фактически только в 1756 г. и было закончено в январе 1757 г. (т. VII наст. изд., стр. 847—850).

³⁴ «Письмо о сходстве и переменах языков» не отыскано (см. там же, стр. 944—945).

³⁵ Лабораторный журнал и лабораторные записи Ломоносова за 1756 г. не отысканы. Весьма ценные сведения об опытах, приведших Ломоносова к открытию закона сохранения веса вещества при химических реакциях, сохранились в «Описях» Химической лаборатории за 1757, 1759 и 1760 гг. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 221, лл. 280а—295; № 240, лл. 267—281; № 254, лл. 133—142 об.; ср. также «Ломоносов», III, стр. 273—310).

³⁶ Записи об упоминаемых Ломоносовым химических опытах «со вспоможением воздушного насоса» и об изысканиях, выполнявшихся под его «смотрением» его учеником В. И. Клементьевым, не отысканы.

³⁷ Об изобретенной Ломоносовым «никтоптической трубе» см. т. IV наст. изд., стр. 489—663, 800—816 и «Ломоносов», III, стр. 71—92.

³⁸ О «пендулах», изобретенных Ломоносовым, и о наблюдениях, проведенных с их помощью, см. т. IV наст. изд., стр. 489—709, 800—816 и т. IX наст. изд., документы 212, 221, 222 и 234 и примечания к ним.

³⁹ См. т. III наст. изд., стр. 315—344, 550—555.

⁴⁰ См. т. VI наст. изд., стр. 575, 578—579.

⁴¹ См. т. VIII наст. изд.

⁴² «Проект со стихами для фейерверка к 18 декабря» 1756 г. не отыскан и никаких связанных с этим проектом Ломоносова документов в делах Академической канцелярии не обнаружено.

⁴³ Рукопись этого труда не отыскана. Содержание его, по-видимому, легло в основу третьей части «Рассуждения о большей точности морского пути», озаглавленной «О ученом мореплавании» (см. т. IV настоящего издания, стр. 123—319, 740—759).

⁴⁴ Рукопись диссертации не отыскана. Вероятно, в этой работе Ломоносов касался вопросов, относящихся к устройству металлического термометра, предназначенного «для исследования самых сильных морозов в Сибири, в местах, зимою непроходимых». Такой термометр был сконструирован Ломоносовым и упоминает им в числе его «новых изобретений» (см. документ

518, III, п. 17). 10 января 1760 г. Ломоносов сделал сообщение об этом своем изобретении в Академическом собрании. Идея Ломоносова была одобрена, и Академической канцелярии было предложено изготовить термометр (Протоколы Конференции, т. II, стр. 443).

⁴⁵ См. т. V наст. изд., стр. 295—347, 673—685.

⁴⁶ См. т. I наст. изд., стр. 279—313, 562—564, т. III наст. изд., стр. 491—501, 588—591 и т. X наст. изд., письма 11 и 41. Последняя редакция труда Ломоносова по этому вопросу, которым он занимался долгие годы, не отыскана.

⁴⁷ Рукопись Ломоносова на эту тему не отыскана.

⁴⁸ Работы, написанные академиками и адъюнктами в 1747—1749 гг., были напечатаны в т. I «Новых комментариев», который вышел в свет в 1750 г., работы 1749 г. — в т. II, вышедшем в свет в 1751 г., работы 1750—1751 гг. — в т. III, вышедшем в свет в 1753 г., работы 1752—1753 гг. — в т. IV, вышедшем в свет в 1758 г., работы 1754—1755 гг. — в т. V, вышедшем в свет в 1760 г., работы 1756 г. — в т. VI, вышедшем в свет в 1761 г.

517

Печатается по копии, писанной писарской рукой и находившейся в архиве Воронцовых (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 54—55). Сверено с другой писарской копией, находившейся там же (ЦГАДА, ф. Воронцовых, № 2847, лл. 11—12).

Впервые напечатано — Акад. изд., т. VIII, стр. 215—217.

Датируется предположительно по письму Ломоносова к М. И. Воронцову от 30 декабря 1759 г. (т. X наст. изд., письмо 63), при котором публикуемая «роспись» была послана последнему.

¹ «Текущими делами канцелярскими» Ломоносов стал заниматься с 1 марта 1757 г., когда объявлен был ордер президента Академии Наук от 13 февраля того же года о назначении Ломоносова членом Академической канцелярии (документ 495). Определением президента от 24 марта 1758 г. Ломоносову было поручено «иметь особое прилежное старание и смотрение, дабы в Академическом, Историческом и Географическом собраниях, також в Университете и Гимназии все происходило порядочно и каждый бы должность свою в силу регламента и данных особых инструкций отправлял со всяким усердием, употребляя труды свои к настоящей пользе Академии» (Биларский, стр. 368).

² См. документ 429 и т. IX наст. изд., документ 318 и примечания к ним.

³ См. т. IX наст. изд., документы 111—119 и примечания к ним.

⁴ См. т. IX наст. изд., документы 311, 313, 316 и примечания к ним.

⁵ См. т. IX наст. изд., документы 303, 304, 314, 315, 317, 318 и примечания к ним.

⁶ См. т. IX наст. изд., документы 314 и 324 и примечания к ним.

⁷ См. т. IX наст. изд., документы 314 и 325 и примечания к ним.

⁸ См. документ 402.

⁹ О работах по физике, выполненных Ломоносовым в 1759 г., см. т. IV наст. изд., стр. 489—532, 123—319.

¹⁰ См. т. VI наст. изд., стр. 287—358, 588—592.

¹¹ Никаких следов работы Ломоносова над «рифмологией российской» не отыскано.

¹² Из пяти упомянутых Ломоносовым «кратких стихов» известны только два: «На фортуна» («Фортуна вижу я или Венеру...») и «На Петров день в Петергофе» («Взойди, веселый дух, на ону высоту...»). См. т. VIII наст. изд.

¹³ См. т. VIII наст. изд., ода 1759 г.

¹⁴ Черновые фрагменты «речи благодарственной» на инаугурацию Университета см. в т. VIII наст. изд.

518

Печатается по копии, писанной писарской рукой (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 56—59).

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — «Научное наследство», т. I, 1948, стр. 11—23.

Датируется предположительно: 1) пункт 11 раздела III о центроскопических инструментах весьма близок по содержанию с пунктами 7—9 латинской записки Ломоносова *Conspectus potiorum theorematum* (документ 519), которая датируется первой половиной 1764 г.; 2) в пункте 12 того же раздела Ломоносов говорит о том, что им «сочиняется» подлинная теория северных сияний «пространно», и упоминает о своих «учиненных и нарисованных» наблюдениях северных сияний; под «теорией» северных сияний следует понимать, очевидно, незавершенную работу Ломоносова «Испытание причины северного сияния и других подобных явлений» (т. III наст. изд., стр. 481—486), которая писалась в период времени с конца 1763 г. по май 1764 г. (там же, стр. 583); свои зарисовки северных сияний Ломоносов представил Академии в мае 1764 г. (там же, стр. 584); 3) печатание немецкого перевода «Российской грамматики» Ломоносова, производившееся в апреле—сентябре 1763 г. чрезвычайно медленно (печатали, как правило, по одному листу в месяц: см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 508, лл. 69 об., 104, 115, 131, 143), с октября 1763 г. пресеклось и вовсе на целых четыре месяца (там же, лл. 171—172, 178—179, 198—199) и возобновилось только с февраля следующего, 1764 г., после чего пошло несколько быстрее, чем раньше (стали печатать в среднем по три листа в месяц; см. там же, № 509,

лл. 115 об., 119 об., 80 об., 91 об.); если бы публикуемый документ был написан в последней четверти 1763 г., когда немецкий перевод не печатался, то Ломоносов безусловно не написал бы, что он «печатается» (пункт 1 раздела V публикуемого документа); а отметил бы, вероятно, что печатание его прервано. Все эти соображения, особенно же последнее, заставляют полагать, что публикуемая «роспись» написана в самом начале 1764 г.

Современная Ломоносову копия, по которой роспись публикуется, обнаружена в архиве М. И. Воронцова. Она была приложена, очевидно, к письму Ломоносова на имя Воронцова от 19 января 1764 г. (письмо 88) и предназначалась для передачи в Болонскую академию наук. В архиве Воронцовых была и вторая копия той же «росписи», несколько отличная от первой (ЦГАДА, ф. Воронцовых, № 2847).

¹ См. т. IX наст. изд., документы 1,4—7, 10—15 и примечания к ним.

² См. документы 503, 508, 513—516 и т. IX наст. изд., документы 9, 20, 22 и 30 и примечания к ним.

³ См. документ 515; т. V наст. изд., стр. 249—262, 271—289, 662—666, 668—673; т. IX наст. изд., документы 3, 8 и 25 и примечания к ним.

⁴ См. документ 509; т. II наст. изд., стр. 438, 683—684; т. IX наст. изд., документ 23.

⁵ См. документы 503, 506—509 и 516; т. II наст. изд., стр. 341—432, 680—685; т. III наст. изд., стр. 315—344, 550—555; т. IV наст. изд., стр. 411—412, 415, 430, 440, 459, 461, 780, 782, 784; т. IX наст. изд., документ 24.

⁶ См. документы 506—516; т. II наст. изд., стр. 371—437, 680—685; т. IX наст. изд., документы 44—48, 50, 57, 62, 66, 68, 72, 77, 78, 83, 86, 91, 93, 98, 101 и примечания к ним.

⁷ Записи Ломоносова об этих опытах не отысканы, программу же последних см. в т. II наст. изд., стр. 642, 705.

⁸ См. т. I наст. изд., стр. 337—387, 566—572.

⁹ Эта диссертация Ломоносова, представленная им в Академическое собрание в августе 1741 г. и переданная затем на рассмотрение профессору Г.-В. Крафту (Протоколы Конференции, т. I, стр. 694, 701, 703—704 и 705—706), не отыскана.

¹⁰ См. т. II наст. изд., стр. 343—369, 678—680.

¹¹ См. т. II наст. изд., стр. 219—325, 666—675.

¹² См. документы 513, 514 и 516 и т. II наст. изд., стр. 439—643.

¹³ См. т. IX наст. изд., документ 34 и примечания к нему.

¹⁴ См. т. IV наст. изд., стр. 409—411, 415—417, 420—423, 430, 439, 780, 782, 784.

¹⁵ См. т. V наст. изд., стр. 397—520, 688—691, 694—698

- ¹⁶ См. т. I наст. изд., стр. 315—331, 564—566; т. V наст. изд., стр. 521—529, 691—693, 698.
- ¹⁷ См. т. V наст. изд., стр. 530—631, 693—694, 698—721.
- ¹⁸ См. т. V наст. изд., стр. 295—347, 673—685.
- ¹⁹ См. т. II наст. изд., стр. 389—417, 572—577.
- ²⁰ См. т. II наст. изд., стр. 7—103, 647—653.
- ²¹ См. т. II наст. изд., стр. 105—143, 653—658.
- ²² См. т. II наст. изд., стр. 145—167, 658—662.
- ²³ Эти метеорологические наблюдения не отысканы.
- ²⁴ См. т. II наст. изд., стр. 205—219, 665—666.
- ²⁵ См. т. III наст. изд., стр. 15—99, 512—527.
- ²⁶ См. т. III наст. изд., стр. 315—344, 550—555.
- ²⁷ См. т. IV наст. изд., стр. 123—321, 740—759.
- ²⁸ См. т. III наст. изд., стр. 377—427, 559—569.
- ²⁹ См. т. IV наст. изд., стр. 361—380, 767—774.
- ³⁰ См. документ 516; т. II наст. изд., стр. 327—337, 675—678; Протоколы Конференции, т. II, стр. 275; т. IV наст. изд., стр. 489—708, 800—816.
- ³¹ См. т. III наст. изд., стр. 81—89, 121—125, 477—486, 519—587.
- ³² См. т. VI наст. изд., стр. 417—514, 602—617.
- ³³ См. т. I наст. изд., стр. 237—251, 557—559; т. II наст. изд., стр. 169—203, 662—665; т. III наст. изд., стр. 233—234, 349—371, 543—545, 556—568.
- ³⁴ См. т. IV наст. изд., стр. 293—297; Протоколы Конференции, т. II, стр. 418.
- ³⁵ См. т. IV наст. изд., стр. 433—434, 438, 445, 451, 457 и 486.
- ³⁶ См. т. IV наст. изд., стр. 455.
- ³⁷ См. т. IV наст. изд., стр. 111—119, 729—740.
- ³⁸ См. т. IV наст. изд., стр. 455, 456 и 790.
- ³⁹ См. т. IV наст. изд., стр. 321—323, 759—760.
- ⁴⁰ См. т. IV наст. изд., стр. 414, 433, 438, 439, 443—445, 447, 450—451, 783.
- ⁴¹ См. т. IX наст. изд., документ 132.
- ⁴² О «центрических машинах» Ломоносов говорит и в более позднем своем отчете (документ 519, пп. 7—9), но какой из описанных там приборов он считал «новым», определить нельзя.
- ⁴³ Записей Ломоносова по этому вопросу не обнаружено.
- ⁴⁴ Записей Ломоносова по этому вопросу не обнаружено.
- ⁴⁵ Записей Ломоносова по этому вопросу не обнаружено.
- ⁴⁶ См. т. IV наст. изд., стр. 455.
- ⁴⁷ См. т. IV наст. изд., стр. 408, 411—412, 415, 430, 439, 440, 445, 453—458, 461 и 482.

- ⁴⁸ См. т. III наст. изд., стр. 491—501, 588—591.
- ⁴⁹ См. т. IV наст. изд., стр. 407, 412, 414, 420, 424, 426—433, 445, 454—456, 465, 469, 471—487, 781, 792—800.
- ⁵⁰ См. т. IX наст. изд., документы 202 и 204 и примечания к ним.
- ⁵¹ См. т. VII наст. изд., стр. 7—18, 781—789.
- ⁵² Никаких следов «рифмологии российской» в рукописном наследии Ломоносова не обнаружено. Ср. документ 517. Упоминаемые в пп. 3—12 поэтические произведения Ломоносова см. в т. VIII наст. изд. «Одами торжественными» Ломоносов называл те, которые писал по случаю разного рода официальных празднеств (их известно не семнадцать, а двадцать две), «одами духовными» — переложения псалмов и из книги Иова, а также оба «Размышления о божием величестве».
- ⁵³ См. документы 514 и 515 и т. IX наст. изд., документы 287 и 386 и примечания к ним.
- ⁵⁴ См. документ 517 и т. VII наст. изд., стр. 389—578, 844—888.
- ⁵⁵ См. документ 517 и т. VII наст. изд., стр. 19—79, 790—800; 89—378, 805—839.
- ⁵⁶ См. документ 516 и т. VIII наст. изд.
- ⁵⁷ См. документы 504—506 и т. VIII наст. изд.
- ⁵⁸ Ломоносов говорит в данном случае, очевидно, о своем «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (т. VII наст. изд., стр. 585—592, 892—900).
- ⁵⁹ Работы Ломоносова, упомянутые в пп. 6—9, не отысканы.
- ⁶⁰ См. документ 517 и т. VI наст. изд., стр. 287—358, 588—591.
- ⁶¹ О работе Ломоносова над «Древней российской историей» см. документы 514, 516 и 517, письмо 21 и т. VI наст. изд., стр. 163—286, 572—588.
- ⁶² См. документы 429 и 447 и т. IX наст. изд., документ 318 и примечания к ним.
- ⁶³ См. документ 517, письмо 82 и т. IX наст. изд., документы 106—198 и примечания к ним.
- ⁶⁴ См. документ 517, письмо 82 и т. IX наст. изд., документы 283—363 и примечания к ним.
- ⁶⁵ См. документы 403 и 404 и примечания к ним.
- ⁶⁶ В конце 1761 г., по требованию Ломоносова, ему представлен был «Экстракт, учиненный в Канцелярии Академии Наук из поданных от г. коллежского советника Ломоносова представлений и из учиненных на то в Канцелярии определений» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 91—95; черновик — там же, ф. 3, оп. 1, № 265, лл. 25—29). Из этого «экстракта», охватывающего период с 12 марта 1757 г. по 19 февраля 1761 г., явствует, что из 19 упомянутых в нем представлений Ломоносова положительное решение получили только три

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 274—277).

Оригинал на латинском языке.

Впервые напечатано: латинский текст — Акад. изд., т. VI, стр. 255—259; русский перевод — А. С. Будилович. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869, стр. 58—60.

Датируется предположительно. Свои наблюдения с «центроскопическим маятником» Ломоносов начал 13 марта 1759 г. (т. IV наст. изд., стр. 491, 800). Говоря в публикуемом документе об этих наблюдениях, он пишет, что проводил их «до сего дня в течение более пяти лет». Таким образом, документ написан бесспорно в 1764 г. В другом месте того же документа Ломоносов пишет, что наблюдения и опыты, связанные с изучением причин северного сияния, были проведены им «в течение только что прошедшей зимы», а в письме к Ф.-М. Цанотти от 9 мая 1764 г., сообщая об этих же наблюдениях, Ломоносов отмечает, что они были проведены «прошедшей зимой и нынешней ранней весной» (см. т. X наст. изд., письмо 91). Итак, документ написан весной 1764 г. Если же учесть, что в этом документе Ломоносов называет себя почетным членом Болонской Академии и что о своем избрании в члены названной Академии Ломоносов узнал из письма Ф.-М. Цанотти, которое, будучи отправлено из Болоньи 13 апреля 1764 г., пришло в Петербург не раньше первых чисел мая этого года, то можно утверждать с уверенностью, что публикуемый документ был написан в мае 1764 г.

¹ См. т. II наст. изд., стр. 7—55, 647—652.

² См. т. II наст. изд., стр. 105—139, 653—757.

³ Имеется в виду «Диссертация о действии химических растворителей вообще» (т. I наст. изд., стр. 337—383, 566—572). Возможно, что Ломоносов имел в виду в данном случае и другой свой труд «Введение в истинную физическую химию» (см. т. II наст. изд., стр. 481—577, 694—699).

⁴ Имеются в виду труды Ломоносова «О металлическом блеске» (т. I наст. изд., стр. 389—417, 572—577) и «Слово о рождении металлов от трясения земли» (т. V наст. изд., стр. 295—347, 673—685).

⁵ См. т. III наст. изд., стр. 15—99, 512—522.

⁶ «Только что прошедшей зимой» Ломоносов называет зиму 1763/64 г. В письме к Ф.-М. Цанотти от 9 мая 1764 г. он писал, что «прошедшей зимой и нынешней ранней весной эти явления против обыкновения случались часто и были весьма заметны» (т. X наст. изд., письмо 91). Ср. также труд Ломоносова «Испытание причины северного сияния и других подобных явлений» (т. III наст. изд., стр. 481—486, 583—587).

⁷ См. т. III наст. изд., стр. 315—344, 550—555.

⁸ Каких-либо записей по этому вопросу, сделанных Ломоносовым в конце жизни, не обнаружено.

⁹ См. т. IV наст. изд., стр. 123—319, 740—759.

¹⁰ См. т. IV наст. изд., стр. 489—708, 800—816; т. IX наст. изд., документы 234, 251—252 и примечания к ним.

¹¹ См. т. IV наст. изд., стр. 170—171, 755—756.

¹² Описания созданной Ломоносовым «машины», которую он называл «новой центрической машиной» (документ 518), не обнаружено.

520

Печатается по копии, писанной писарской рукой (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 85—86).

Впервые напечатано — «Отечественные записки», 1829, ч. 37, стр. 166—168.

Датируется предположительно на основании содержащихся в публикуемом документе слов Ломоносова «будучи двадцать лет профессором химии»: указ о назначении Ломоносова профессором химии состоялся 25 июля 1745 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 949, л. 89 об.).

Для какой цели была составлена Ломоносовым публикуемая справка, не известно, равно как не выяснено, кому предполагал он ее подать.

¹ К числу упоминаемых в публикуемом документе репортов, экстрактов, известий и проектов Юнкера, переведенных по его поручению Ломоносовым, может быть отнесен пока только один дошедший до нас документ, а именно: «Нижайший доклад и непредрассудительное мнение имп. Солянному комиссариату о соляных делах, что в местах, между Днепром и Домном положенных, находятся, а особливо о обоих имп. заводах, что в Бахмуте и Торе» (т. V наст. изд., стр. 243—247, 661—662).

² Репорты Ломоносова о пробе русских и заграничных солей см. т. V наст. изд., стр. 249—262, 291—294, 662—666, 671—673.

³ См. т. V наст. изд., стр. 295—347, 530—631, 673—685, 698—721.

ПИСЬМА

1

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 66, лл. 1—3).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — Куник, I, стр. 115—116; русский перевод — Куник, II, стр. 260. Приложенный к письму рисунок Ломоносова впервые воспроизведен — Модзалевский, между стр. 90—91.

15 апреля 1735 г. Академия Наук по указу Кабинета обратилась к горному советнику И.-Ф. Генкелю в Фрейберге с просьбой подыскать на русскую службу химика, сведущего в горном деле (ААН, ф. 3, оп. 1, № 778, л. 23). Генкель ответил, что ни во Фрейберге, ни в других местах химика не найти, в связи с чем предложил послать к нему для изучения горного дела «таких людей, которые науки знают или по крайней мере латинский язык и несколько по-немецки разумею[т], а в прочем находились бы такой остроты разума, чтоб они сами себя управлять и все примечать могли, также бы прямую охоту и склонность к тому имели» (там же, л. 25 об.).

5 марта 1736 г. «главный командир» Академии И.-А. Корф представил в Кабинет репорт об отправлении в Фрейберг к Генкелю трех академических студентов — Ломоносова, Г.-У. Райзера и Д. И. Виноградова, «понеже они все те свойства в себе имеют, какие помянутый берг-физикус требует» (там же, № 778, л. 35 об.). 13 марта 1736 г. Кабинет утвердил это представление Корфа, однако ввиду того, что Генкель запросил за содержание студентов такую сумму, которая значительно превышала ассигнованную Кабинетом, Академия Наук решила отправить студентов в Марбургский университет, «чтоб там в металлургии и в прочих науках положить основание и продолжать оное под смотрением профессора Вольфа» (там же, № 435, л. 14). Студенты выехали из Петербурга 19 сентября 1736 г. и прибыли в Марбург 3/14 ноября (Briefe von Christian Wolff, aus den Jahren 1719—1753. St.-Pb. 1860, стр. 93—100. — Письма Христиана Вольфа 1719—1753 гг. СПб., 1860).

14 августа 1737 г. Канцелярия Академии Наук определила: «За моря в Марбурх писать на немецком языке к ученикам Михайле Ломоносову, Дмитрею Виноградову и к Рейзеру с требованием о присылке от них о науках, что обучились и обучаются» (там же, № 439, л. 54). Но студенты представили требуемый отчет еще до получения этого запроса — в июне 1737 г. (документ 500), а потому в публикуемом письме Ломоносов ограничился только тем, что, написав письмо по-немецки и приложив к нему рисунок, предъявил тем самым вещественные доказательства своих успехов в немецком языке (которого не знал до поездки в Германию) и в рисовании. Приложенный к письму рисунок сделан Ломоносовым с гравюры, находящейся в руководстве художника И.-Д. Прейслера, изданном Академией Наук в Петербурге в 1734 г. под названием «Gründlichverfasste. Regeln oder kurtze Anleitung zu der Zeichen-Kunst. Erster Theil» Основательно изложенные правила или краткое руководство по рисовальному искусству. Первая часть). Оттиски со всех гравированных досок этого издания хранятся в Архиве АН СССР (Р. XII, оп. 2, № 1 лл. 75—128).

2

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 51, лл. 1—2).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — Куник, I, стр. 121; русский перевод — Куник, II, стр. 266.

Публикуемое письмо написано Ломоносовым в ответ на полученное студентами 7/18 октября 1737 г. извещение «главного командира» Академии Наук И.-А. Корфа о высылке денег на их содержание по 200 руб. на каждого (ААН, ф. 20, оп. 5, № 126).

¹ Ломоносов упоминает в письме две инструкции, полученные студентами: одну, данную им в 1736 г. при отъезде из Петербурга (Куник, II, стр. 246—247), и другую, «новую», датированную 30 августа 1737 г. и подписанную профессорами Г.-В. Крафтом и И. Амманом (ААН, ф. 1, оп. 3, № 1, лл. 78—79). Она содержала наставления о собирании минералов, изучении ботаники и зоологии и список рекомендуемых книг по естественной истории.

3

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 52, лл. 1—2).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — Куник, I, стр. 123, русский перевод — Куник, II, стр. 268—269.

Публикуемое письмо написано Ломоносовым в ответ на датированную 29 мая 1738 г., уже третью по счету инструкцию Академии Наук (ААН, ф. 20, оп. 5, № 132; Куник, II, стр. 270). В этой инструкции студентам вменялось в обязанность более ясно и подробно составлять отчеты о своих занятиях, более бережливо расходовать средства, отпускаемые на их содержание, и представлять вместе с отчетом список приобретенных ими для занятий книг. Перечень купленных книг с указанием их стоимости Ломоносов прислал в Академию Наук позже, при своем репорте от 4/15 октября 1738 г. (документ 502). Под «пасхальной ярмаркой» Ломоносов подразумевал книжную ярмарку в Лейпциге.

¹ Деньги на содержание студентов в сумме 300 руб. были переведены им Академией через Х. Вольфа в мае 1738 г. (Куник, II, стр. 269—270).

4

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 53, лл. 1—2).

Подлинник на латинском языке.

Латинский текст впервые напечатан — Куник, I, стр. 167, русский перевод — Куник, II, стр. 317—318.

Датируется предположительно на основании сообщения И.-Ф. Генкеля о том, что публикуемое письмо было послано ему Ломоносовым «на следующий день» после их столкновения, которое произошло, по словам Генкеля, через «несколько дней» после отправки последним 13 декабря 1739 г. письма на имя главного командира Академии Наук (Куник, II, стр. 316, 322—323).

После трехлетнего пребывания в Марбурге Ломоносов со своими товарищами прибыл 25 июля 1739 г. во Фрейберг к горному советнику И.-Ф. Генкелю для изучения горного дела и металлургии. В ордере Канцелярии АН фрейбергским студентам «строжайше» предлагалось «оказывать г. бергфизику Генкелю как своему начальнику должное почтение, тщательно следовать его распоряжениям относительно занятий, образа жизни и поведения, довольствоваться тем столом и помещением, которые он им назначит, и вообще во всем повиноваться тем распоряжениям, которые им будут сделаны относительно их содержания» (ААН, ф. 20, оп. 5, № 179; Куник, II, стр. 310; см. также ф. 3, оп. 1, № 448, л. 729).

Публикуемое письмо было приложено Генкелем к своему репорту в Академию Наук от 9 июня 1740 г., где о своем столкновении с Ломоносовым он сообщал следующее: «Поручил я ему, между прочим, заняться у огня работою такого рода, которую обыкновенно и сам исполнял, да и другие не отказывались делать, но он мне два раза наотрез ответил: „Не хочу“. Видя, что он, кажется, намерен отделаться от работы и уже давно желает разыгрывать роль господина, я решил воспользоваться этим удобным случаем, чтобы испытать его послушание и стал настаивать на своем, объясняя ему, что он таким образом ничему не научится, да и здесь будет совершенно бесполезен: солдату необходимо понюхать пороху. Едва я успел сказать это, как он с шумом и необыкновенными ухватками отправился к себе, в свою комнату, которая отделена от моего музея только простою кирпичною перегородкою, так что при громком разговоре в той и другой части легко можно слышать то, что говорится. Тут-то он, во всеуслышание моей семьи, начал страшно шуметь, изо всех сил стучал в перегородку, кричал из окна, ругался». Подробно изобразив дальнейшие «выходки» Ломоносова, Генкель продолжает: «На следующий день он не пришел в лабораторию, а прислал мне вечером прилагаемое при сем письмо, в котором под видом извинения обнаруживал скорее упорство и дерзость с примесью разных ложных обвинений и натяжек для своего оправдания, так что я счел для себя неприличным не только потакать ему, но и отвечать на его письмо. Наконец, на четвертый день, после долгих увещаний его товарищами и после разных дерзостей с его стороны, он пришел ко мне в комнаты и, по-видимому, изъявил раскаяние в своем необычайном поступке.

Намылив ему сперва по заслугам голову, я потом опять стал обращаться с ним так ласково, как будто между нами ничего не было» (ААН, ф. 20, оп. 5, № 199; Куник, I, стр. 170—173; Куник, II, стр. 322—323).

Подробности о том же см. в письме Ломоносова Шумахеру (письмо 5).

При оценке столкновения Ломоносова с Генкелем полезно вспомнить, что оно почти совпало по времени с первым выступлением Ломоносова в качестве самостоятельного ученого: в конце 1739 г. им было послано в Российское собрание при Академии Наук его знаменитое «Письмо о правилах российского стихотворства».

¹ «Сиятельный граф» — граф Рейсский, обучавшийся у Генкеля химии.

5

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 36—37).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — Куник, I, стр. 179—183; русский перевод — Куник, II, стр. 334—338.

Ломоносов уехал из Фрейберга в первой половине мая 1740 г., не прожив там и года. Академия Наук по получении репорта И.-Ф. Генкеля о самовольном отъезде Ломоносова постановила немедленно вызвать его обратно в Петербург (ААН, ф. 3, оп. 1, № 450; л. 367; ф. 20, оп. 5, № 201), о чем послала письмо Генкелю и 31 июля 1740 г. известила о том же русского посла в Дрездене Г.-К. Кейзерлинга (ААН, ф. 20, оп. 5, № 201; Куник, I, стр. 174).

¹ Упоминаемая Ломоносовым жалоба, посланная им 21 мая 1740 г. в Академию Наук из Лейпцига, не отыскана.

² «Надворный камеральный советник» — почетный член Академии Наук Г.-Ф.-В. Юнкер, находившийся во Фрейберге для осмотра соляных заводов. В течение четырех месяцев Ломоносов переводил для него разные экстракты и доношения в Петербург (Пекарский, II, стр. 296). О работе Ломоносова у Юнкера сохранилась записка самого Ломоносова (документ 520).

³ Отношения Ломоносова с Генкелем обострились в связи со следующим ордером Академической канцелярии от 13 июля 1739 г., который поставил трех русских студентов в полную материальную зависимость от Генкеля: «Каждому из означенных трех студентов вместо прежде выдававшейся им стипендии назначить ежегодно в Фрейберге не более 150 рублей, и деньги эти не выдавать им на руки, а отпускать г. берг-физику Генкелю, который будет расходовать их на содержание упомянутых студентов в таком виде, как это предписано Академиею Наук и сообщено

г. бергфизику, самим же студентам на карманные деньги и мелочные расходы, как то: на письменные материалы, пудру, мыло и т. п., выдавать каждому не более 1 талера в месяц» (ААН, ф. 20, оп. 5, № 179). О столкновении Ломоносова с Генкелем по поводу растирания ядов см. письмо 4 и примечания к нему.

⁴ О денежных расчетах Академии Наук с Х. Вольфом см. письмо Вольфа в Академию Наук от 15 июня 1740 г. (Куник, I, стр. 169; Куник, II, стр. 321).

⁵ Об успехах Ломоносова в науках Генкель 23 сентября 1740 г. сообщил Академии Наук следующее: «Господин Ломоносов, довольно хорошо усвоивший себе теоретически и практически химию, преимущественно металлургическую, а в особенности пробирное дело, равно как и маркшейдерское искусство, распознавание руд, рудных жил, земель, камней, солей и вод, способен основательно преподавать механику, в которой он, по отзывам знатоков, очень сведущ» (там же, стр. 331). Вопросам приложения математики к теоретической химии посвящена неоконченная работа Ломоносова «Элементы математической химии», написанная в 1741 г. в виде введения к задуманному им обширному физико-химическому исследованию (см. т. I наст. изд., стр. 65—83 и 545).

⁶ О своем посещении рудников в Гессене и Зигене Ломоносов упоминает в «Первых основаниях металлургии» (см. т. V наст. изд., стр. 521, 524, 563, 581).

⁷ Испрашиваемое Ломоносовым разрешение на посещение рудников в Гарце не было дано. На публикуемое письмо Ломоносов получил от И.-Д. Шумахера датированный 28 февраля 1741 г. ответ, где подтверждалось предписание о немедленном выезде по открытии навигации в Петербург. К письму был приложен вексель на 100 рублей (см. Акад. изд., т. VIII, стр. 62—64; втор. паг., стр. 10). Через неделю, 7 марта 1741 г., Ломоносову через Х. Вольфа был отправлен и второй вексель, по-видимому, для погашения долгов (Куник, II, стр. 341).

6

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАДА, ф. Госархива XVII, № 9, л. 1).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — «Записки имп. Академии Наук», т. X, кн. II, СПб., 1867, стр. 181—182; русский перевод — Акад. изд., т. VIII, стр. 65—66.

¹ Упоминаемые Ломоносовым предшествующие письма его к Д. И. Виноградову до нас не дошли, как не сохранилось и ответное письмо Вино-

градова. Нет никаких известий о том, каковы были в дальнейшем отношении Ломоносова с Виноградовым, завязавшиеся еще в Москве, в бытность их обоих учениками Славяно-греко-латинской академии.

² Риторика французского иезуита Каусина, т. е. Коссена (*De eloquentia sacra et humana libri XVI. Lutetiae Parisiorum, 1630* — О духовном и светском красноречии. Париж, 1630). О работе Ломоносова над Риторикой Каусина см. т. VII наст. изд., стр. 791.

³ История России Петра Петрея (*Regni Muschovitici sciographia. Thet är: Een wiss och egenteligh Beskriffning om Rudzland, Stockholm, 1615*) вышла в шести отдельных частях на шведском языке. В 1620 г. этот труд был напечатан в Лейпциге на немецком языке с дополнениями под заглавием: «*Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Muschkow*» (*Lipsiae, 1620*).

⁴ Сочинения Гюнтера под заглавием: «*Günters Gedichte*». Breszlau, 1735, были приобретены Ломоносовым в Марбурге в 1738 г. (см. документ 502).

⁵ О приказе, полученном Ломоносовым из Петербурга, и векселе на 100 рублей см. примечания к письму 5.

⁶ Письма Х. Вольфа к Ломоносову не известны. Из относящихся к этому времени писем Шумахера к Ломоносову известно только письмо от 28 февраля 1741 г., упоминаемое в примечаниях к письму 5.

⁷ День выезда Ломоносова из Марбурга не известен. В Петербург он прибыл 8 июня 1741 г. (Пекарский, II, стр. 312).

7

Печатается по копии, писанной писарской рукой (ААН, ф. 20, оп. 4, № 23, лл. 1—2).

Местонахождение подлинника не известно.

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст и русский перевод впервые напечатаны (неточно) — «Исторический вестник», 1888, т. XXXII, № 6, июнь, стр. 729—733.

¹ Упоминаемое Ломоносовым прошение опубликовано в настоящем томе (документ 484). Оно было подано Ломоносовым в Академическую канцелярию в конце апреля 1745 г. и содержало ходатайство о присвоении ему звания профессора химии с «надлежащим жалованьем».

² Под «другими, которые тоже добиваются повышения», Ломоносов разумел, очевидно, В. К. Тредиаковского, Х. Крузиуса и С. П. Крашенинникова, ходатайствовавших о назначении: первый — профессором российской и латинской элоквенции, второй — профессором древностей и третий — адъюнктом натуральной истории (Билярский, стр. 62—68).

8

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — «Архангельские губ. ведомости», 1845, отд. II. часть неофициальная, стр. 215—216.

Адресат письма, Варсонофий, был в 1746 г. архиепископом архангелогородским и холмогорским, а до того, с 1727 по 1740 г., — архимандритом Соловецкого монастыря. Отношения с Ломоносовым Варсонофий поддерживал до конца своей жизни (Ломоносовский сборник. Архангельск, 1911, стр. 152).

В надгробной надписи Варсонофий охарактеризован как «умножитель наук и школ любитель, заступник бедных» («Русский провинциальный некрополь», т. I, М., 1914, стр. 130—131). Если холмогорскому архиерею были действительно свойственны эти черты, то они-то, вероятно, и побудили Ломоносова вступить с ним в общение.

¹ Отец Ломоносова — Василий Дорофеевич Ломоносов утонул в море в 1741 г. (Б. Л. Модзалевский. Род и потомство Ломоносова. Ломоносовский сборник. СПб., 1911, стр. 333—334).

² Упоминаемая Ломоносовым «книжица» — «Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов». СПб., 1746.

³ Календарь или месяцеслов исторический на 1747 г. вышел в декабре 1746 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 105, л. 304); Ломоносов принимал участие в его редактировании (Протоколы Конференции, т. II, стр. 120).

9

Печатается по собственноручному подлиннику (Библиотека Тартуского государственного университета, Morg. Ер. phil. II, 143, где письмо обнаружено сотрудником Библиотеки Э. С. Вигелем и подготовлено к печати заведующим кафедрой физики названного университета, доцентом А. М. Миттом).

Подлинник на латинском языке.

Впервые напечатано — «Ломоносов», III, стр. 255—258.

Публикуемое письмо положило начало переписке Ломоносова с Л. Эйлером, продолжавшейся затем вплоть до последнего года жизни Ломоносова.

¹ Упоминаемое Ломоносовым письмо Л. Эйлера к президенту Академии Наук К. Г. Разумовскому было написано 21 ноября 1747 г. и касалось присланных Эйлеру на отзыв диссертаций Ломоносова и Г.-В. Рихмана (ААН, ф. 136, оп. 2, № 4, л. 1). Диссертации Ломоносова были посланы Эйлеру Шумахером в надежде получить от него отрицательный о них

отзыв. Об этом факте Ломоносов вспоминает в своем письме к Г. Н. Теплову от 30 января 1761 г. (письмо 72) и в последнем своем письме к Эйлеру (письмо 102). В ответном письме Эйлер, вопреки ожиданиям Шумахера, очень высоко оценил работы Ломоносова: «Я чрезвычайно восхищен, — писал он, — что эти диссертации по большей части столь превосходны, что „Комментарии“ имп. Академии Наук станут многим более замечательны и интересны, чем труды других академий» (ААН, ф. 136, оп. 2, № 4, л. 1). К письму был приложен, кроме того, отдельный отзыв Эйлера о работах Ломоносова (письмо 88), который был показан Ломоносову Тепловым тайком от Шумахера.

² В начале февраля 1748 г. Академия Наук получила датированное 31 января этого года сообщение от Эйлера, что Берлинская академия темой на премию 1749 г. избрала вопрос о происхождении селитры и что, по мнению Эйлера, наилучшее решение этого вопроса мог бы дать Ломоносов. «Я не сомневаюсь, — писал он, — чтобы об этом кто-нибудь мог представить лучше, чем г. Ломоносов, которого я прошу убедить взяться за эту работу. Было бы, конечно, весьма почетно, если бы член имп. Академии, да к тому же русский, удостоился нашей премии» (Биярский, стр. 96). Ломоносов согласился принять участие в конкурсе, объявленном Берлинской академией, но приступил к работе над диссертацией о селитре лишь через год — 16 января 1749 г. (ф. 20, оп. 1, № 3, л. 94). О результатах конкурса см. т. II наст. изд., стр. 667.

10

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 115, л. 12).

Впервые напечатано — Биярский, стр. 101—102.

В дате письма у Ломоносова описка — указан 1747 г. вместо 1748 г.

Упомянутый в письме ордер о переводе немецких стихов к проекту иллюминации, назначенной на 25 апреля 1748 г. по случаю годовщины коронации императрицы, был послан Ломоносову Канцелярией АН 20 апреля 1748 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 115, л. 10). Проект указанной иллюминации с «изъяснением» и стихами на немецком языке был составлен Я. Я. Штелином (там же, ф. 3, оп. 1, № 115, лл. 5—6, 13; то же в переводе В. И. Лебедева, лл. 7, 15).

Г. Н. Теплов ответил Ломоносову на его письмо в тот же день, но прислал ему не запрошенный им план иллюминации из Артиллерийской канцелярии, а «изъяснение» иллюминации, добавив: «Прошу сочинить также стихи, какие вам пристойны покажутся на российском языке; а чтоб г. советника Штелина не обидеть, то прошу и его стихи перевести стихами же, и тогда Канцелярия артиллерии то употребит, что ей от высокого мнения апробовано будет. Впрочем пис[ь]мо ваше таких экспрессий напол-

нено, которые предосудительны чести г. советника Штелина; берегитесь, чтоб вы ему не досадили: пишет всяк сколько может по рассуждению, как кто хочет» (Акад. изд., т. VIII, стр. 71—72).

Ломоносов выполнил данное ему поручение и представил в Канцелярию АН как свою собственную стихотворную надпись, так и перевод стихов Штелина (там же, № 115, л. 14); тексты обоих надписей см. в т. VIII наст. изд.

11

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 136, оп. 2, № 2, лл. 445—452).

Подлинник на латинском языке.

Впервые напечатано полностью — Акад. изд., т. VIII, стр. 72—91.

Письмо Ломоносова к Эйлеру от 5 июля 1748 г. является письмом лишь по форме, по существу же оно представляет собой научный трактат, почему и вошло в т. II наст. изд. (стр. 169—193), где напечатаны труды Ломоносова по физике и химии 1747—1752 гг. Чтобы сосредоточить, однако, в одном месте все дошедшие до нас письма Ломоносова к Эйлеру, текст упомянутого письма повторен и в этом томе, где публикуются все вообще разысканные до сих пор письма Ломоносова.

Примечания к письму см. в т. II наст. изд., стр. 662—664.

12

Русский текст и немецкий перевод печатаются по собственноручным черновикам (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 111 об.—112).

Местонахождение поданного в Академическую канцелярию подлинника не известно.

Впервые напечатано — ОР, кн. V, стр. 88—90.

Датируется предположительно: как видно из первой фразы публикуемого письма, оно являлось уже «вторичной» просьбой о присвоении академиком «рангов»; первая просьба о том же была облечена в форму «челобитной», которую Ломоносов подал от имени «всех профессоров» в Академическую канцелярию 12 июля 1748 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 802, л. 81, П. С. Билярский и Л. Б. Модзалевский ошибочно относят этот факт к 1749 г.: Билярский, стр. 129; Модзалевский, стр. 111, № 275). Эта «челобитная» не отыскана. Рассмотрение же вопроса, поднятого академиками в «челобитной» и в письме, состоялось в Академической канцелярии в присутствии президента Академии 3 сентября 1748 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 457, лл. 215—216). Таким образом, письмо было написано, вероятно, между 12 июля и 3 сентября 1748 г.

Вопрос о «рангах» академиков, т. е. о том, чтобы должности академика был присвоен один из четырнадцати «классов», предусмотренных петров-

ской «Табелью о рангах», имел в условиях того времени серьезное значение. «Табель о рангах» преследовала двоякую цель: создание привилегированного чиновничества и одновременно демократизацию дворянства. Императорское правительство старательно внушало мысль, что общественное положение людей должно определяться только служебным рангом, а не происхождением. При публичных торжествах и в официальных собраниях чиновников штрафовали как за требование почестей и мест, не соответствовавших их рангу, так и за уступку своего места лицу низшего ранга. Это распространялось не только на самих чиновников, но и на их жен. Даже в церкви полагалось стоять по чинам. Чрезвычайно важное значение имело и то обстоятельство, что «служители», достигшие одного из первых восьми рангов, становились тем самым потомственными дворянами, «хотя б они и низкой породы были» (ПСЗ, № 3890). При таких обстоятельствах служащие, не имевшие почему-либо никакого ранга, оказывались в чрезвычайно тяжелом, а подчас даже и унижительном положении.

В таком положении были все служащие Академии Наук. «Табель о рангах» была издана в 1722 г., т. е. до учреждения Академии, ввиду чего академические должности не были и не могли быть предусмотрены табелью. Это причиняло затруднения не только отдельным академическим работникам, но и всей Академии в целом, так как мешало привлекать людей на академическую службу и удерживать их на этой службе. Новый регламент Академии, сочиненный Тепловым и утвержденный императрицей в 1747 г., не поправил дела: о рангах там не было сказано ни слова.

Публикуемый документ был подписан, судя по его заключительным словам, всеми академиками, но непосредственным автором его был бесспорно Ломоносов: русский черновик написан весь, от начала до конца, его рукой на второй странице двойного писчего листа, а на третьей странице того же листа (en regard) его же рукой написан немецкий перевод, принадлежащий тоже Ломоносову и предназначавшийся для академикоминностранцев, не владевших русским языком.

Из сохранившихся документов не видно, каково было дальнейшее движение поданной академиками петиции: никаких упоминаний о ней в делах Академической канцелярии не обнаружено. Но возможно, что не только предыдущей челобитной, но и ею вызвано было обсуждение вопроса о рангах, состоявшееся 3 сентября того же 1748 г. при участии Разумовского, Шумахера и Теплова (ААН, ф. 3, оп. 1, № 457, лл. 215—216; М. И. Сухомлиновым в т. IX его «Материалов» на стр. 393—394, этот документ опубликован с некоторыми ошибками). Канцелярия соглашалась с тем, что отсутствие рангов ведет к «бескуражню» академических служащих, однако же от удовлетворения ходатайства академиком уклонилась, прибегнув к совершенно произвольному и неверному толкованию «Табели», где, по ее словам, «профессорам положен ранг против капитанов

армейских» В «Табели», в девятом ее классе (который не давал права на дворянство) действительно упоминались в числе других и «профессоры при академиях», но так как Академии Наук в момент издания «Табели» еще не существовало, то это упоминание никак не могло, разумеется, распространяться на академиков: «Табель» понимала под «профессорами при академиях» преподавателей таких учебных заведений, как, например, будущий Морской шляхетный кадетский корпус, который был учрежден в 1715 г. под наименованием Академии морской гвардии. Оттого-то упомянутым в «Табели» «профессорам» и был присвоен такой невысокий ранг, приравнивавший их к армейским капитанам, галерным мастерам и сенатским протоколистам. Основываясь на своем заведомо неверном толковании «Табели», Канцелярия признала, что вопрос о ранге академиков является вопросом уже окончательно и бесповоротно решенным и сочла поэтому возможным ограничиться возбуждением ходатайства перед Сенатом о присвоении рангов только адъюнктам, студентам и «разных художеств художникам», отметив при этом, в пику академикам, что адъюнкт оказывается нередко «ученее, нежели иной академик». Соответствующее доношение в Сенат было заготовлено, но, как видно из журнала исходящих бумаг, отправлено по адресу не было (ААН, ф. 3, оп. 1, № 121, лл. 23—25; ср также № 594). На том дело и кончилось (о значении рангов см.: И. И. Георги. Описание столичного города Санктпетербурга. [СПб.], 1794, стр. 336).

13

Печатается по копии, писанной писарской рукой (ААН, ф. 3, оп. 1, № 803, л. 22), и по выписке из второй половины письма, заверенной В. К. Третьяковским (там же, № 123, л. 71 об.).

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Билярский, стр. 115—116.

См. т. IX наст. изд., примечания к документу 286.

¹ Под «стихами Александра Петровича» Ломоносов разумеет эпистолы А. П. Сумарокова о русском языке и о стихотворстве (см. там же, документ 371 и примечания к нему).

² Упоминаемое Ломоносовым письмо Третьяковского до нас не дошло.

14

Печатается по копии, писанной писарской рукой (ААН, ф. 1, оп. 3, № 38, лл. 16—17, 14—15).

Местонахождение подлинника не известно

Впервые напечатано — Пекарский, Доп. изв., стр. 35—36.

Публикуемое письмо является ответом В. Н. Татищеву на его просьбу написать посвящение к его «Истории российской» и просмотреть автор-

ское предисловие к этому труду. Упомянутое Ломоносовым письмо Татищева, в котором была изложена эта просьба, не разыскано, причем неясно, было ли оно адресовано непосредственно Ломоносову или, — что вероятнее, — Шумахеру, с которым Татищев находился в постоянной переписке. Ломоносов передал публикуемое письмо и текст сочиненного им посвящения Шумахеру, который, пересылая его Татищеву 30 января 1749 г., сообщал: «Я не хотел задерживать прилагаемое при сем письмо г. Ломоносова, сейчас мне переданное им для отсылки, чтобы ваше превосходительство могли убедиться в нетерпеливом желании нашем видеть появление в свет на пользу общества вашего превосходного труда» (ААН, ф. 1, оп. 3, № 38, л. 13). Со своей стороны Татищев просил Шумахера сделать Ломоносову в благодарность за выполненную просьбу «подарок в 10 рублей», которым Ломоносов, по словам Шумахера, остался «очень доволен» (там же, л. 11). «История российская» вышла в свет после смерти Татищева и Ломоносова. Печатание ее происходило под наблюдением Миллера, который заменил написанное Ломоносовым посвящение (см. приложение к публикуемому письму) своим.

¹ Татищев не последовал совету Ломоносова в отношении «ответа князя Долгорукого» и оставил в своем предисловии рассказ об известном диалоге Петра I с Яковом Долгоруким.

² Неоконченное «Преложение псалма 103» было напечатано впервые в посмертном собрании сочинений Ломоносова (СПб., 1784, ч. 1, стр. 43—46).

³ Ко времени посылки публикуемого письма шесть од Ломоносова успели уже выйти в свет отдельными изданиями. Эти-то издания он и отправил Татищеву. Есть основания думать, что переписка их на этом не оборвалась (Пекарский, Доп. изв., стр. 38), но она не отыскана.

15

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 136, оп. 2, № 3, лл. 50—51).

Подлинник на латинском языке.

Впервые напечатано полностью (латинский текст и русский перевод) — Акад. изд., т. VIII, стр. 98—101.

Публикуемое письмо является ответом на письмо Эйлера от 13/24 августа 1748 г. Полностью оно не сохранилось; известен только отрывок из него, выписанный рукой Ломоносова и переведенный им же на русский язык (приложение к письму 88). Эйлер дает в нем положительный отзыв о первых результатах исследований Ломоносова об отношении массы и веса, которые Ломоносов изложил ему в своем письме от 5 июля 1748 г. (письмо 11).

Почти 10 лет спустя, 30 января 1758 г., Ломоносов представил в Академическое собрание диссертацию об отношении количества материи и веса, озаглавленную «De ratione quantitatis materia et ponderis» (Об отношении количества материи и веса; см. Протоколы Конференции, т. II, стр. 400), которая в основной своей части почти дословно совпадает с текстом упомянутого письма Ломоносова от 5 июля 1748 г. О значении этой работы см. т. III наст. изд., стр. 662—663.

¹ Об истории постройки и оборудования Химической лаборатории см. т. IX наст. изд., документы 1, 4—7, 10—15 и примечания к ним.

² Под упоминаемыми в письме «работами над русским языком» следует понимать соби́рание материалов для «Российской грамматики» (см. т. VII наст. изд., стр. 845).

³ Под девизом «Знания начал в химии так же важны, как сами начала в телах» Ломоносов послал на конкурс, объявленный Берлинской Академией наук, диссертацию о рождении и природе селитры. Об истории этой диссертации см. т. II наст. изд., стр. 666—674, а также письмо к Эйлеру от 16 февраля 1748 г. (письмо 9). К работе над диссертацией Ломоносов приступил 16 января 1749 г., а 29 марта того же года она уже была получена в Берлине. Таким образом, рождение дочери Ломоносова, Елены Михайловны (21 февраля 1749 г.), совпало со временем работы над диссертацией.

⁴ Под «диссертацией об упругости воздуха» Ломоносов разумеет свою работу «Опыт теории упругости воздуха» (т. II наст. изд., стр. 105—139). По поводу замечаний Ломоносова о том, что в этой работе «нехватает объяснения очень известного закона, а именно, что упругость воздуха пропорциональна плотности», см. там же, стр. 658—661. Об опытах Ломоносова и Рихмана «над разрывом самых прочных тел замерзающей водой» см. там же, стр. 148—155, 659—661.

⁵ «Замечаниями по адресу Робинса» Ломоносов называет комментарии Эйлера к книге Б. Робинса «New principles of gunnery», London, 1742 («Новые основания артиллерии». Лондон, 1742).

⁶ «Работу о монадах» Ломоносов не окончил (т. I наст. изд., стр. 562—564).

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАДА, ф. Госархива XIX, № 86, л. 4).

Впервые напечатано П. П. Пекарским — Записки АН, т. X, СПб., 1867, стр. 183.

В публикуемом письме речь идет об анализе меди, найденной близ Камчатки иркутским служилым человеком Дмитрием Наквазиным и до-

ставленной им в Берг-коллегию, откуда один фунт этой меди был затребован Кабинетом е. и. в. «на пробу: сходна ли будет в доброту с японскою» (там же, стр. 183).

Деловые отношения Ломоносова с кабинет-секретарем И. А. Черкасовым завязались еще в 1744 г., когда Ломоносов был вызван в Кабинет для пробы «солей российских» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 85 об.). Другие сообщения Ломоносова об анализах, произведенных им по заданию Кабинета и Берг-коллегии, опубликованы в т. V наст. изд. (стр. 253—262, 291—294).

Получив публикуемое письмо Ломоносова, Черкасов распорядился: «Чтоб получить сюда оной камчатской меди довольно (на лигатуру в червонные и на другие потребности) число, о том Берг-коллегия имеет свое прилежное старание употребить и чтоб при том было совершенное географическое описание и по горному искусству описание ж, как она в каком количестве лежит и каким способом ее достать можно, для чего надлежит отправить искусного горного офицера из Берг-коллегии». Это мероприятие было осуществлено только в 1754 г. (Записки АН, т. X, СПб., 1867, стр. 183—184).

17

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 803, л. 450—450 об.).

Впервые напечатано — Ламанский, стр. 87.

«Оплошность», в которой Шумахер пытался обвинить Ломоносова, была допущена не Ломоносовым, а Г. Н. Тепловым, который, сообщая Академии Наук для внесения в русские и немецкие газеты известие о пожаловании камер-пажа И. И. Шувалова в камер-юнкеры, не упомянул его отчества. Оно не было, впрочем, упомянуто и в указе Сената (ААН, ф. 3, оп. 1, № 953, л. 36). Эта «оплошность» была допущена потому, что ни Сенат, ни Теплов не знали еще, вероятно, что Шувалов стал фаворитом императрицы Елизаветы. Когда же это выяснилось, то Теплов решил переложить вину на академических служащих, укоряя их в «неосторожности и в нерадении» (там же, № 821, л. 105).

Ссылка Ломоносова на «Инструкцию в Ведомственную экспедицию» вполне основательна. По этой инструкции на Ломоносова возлагался только просмотр переводов, которые он должен был «править и последнюю оных ревизию отправлять» (там же, № 457, л. 77).

Теплов в письме к Шумахеру требовал, чтобы всем виновным был объявлен выговор (там же, № 821, л. 105 об.). Шумахер в ответном письме сообщил Теплову, что выговор объявлен Ломоносову, переводчику Лебедеву и корректору Барсову (там же, л. 108). Это не вполне соответствует действительности: Шумахер не решился объявлять формальный

выговор Ломоносову, а ограничился сообщением ему копии письма Теплова и предложил «иметь прилежное смотрение, дабы впредь таковых неисправностей чинено не было» (ф. 3, оп. 1, № 803, л. 448).

18

Печатается по тексту первой публикации

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 342—343.

Датируется предположительно по содержанию публикуемого письма, из которого ясно видно, что оно написано накануне первого представления трагедии «Тамира и Селим» в присутствии императрицы; это представление состоялось в декабре 1750 г. (Журналы камер-фурьерские 1750 г., стр. 145 и 155); авторская работа над трагедией была окончена не позднее октября того же года: к 1 ноября текст ее был уже набран типографией (ААН, ф. 3, оп. 1, № 460, л. 473). Таким образом, публикуемое письмо является самым ранним из дошедших до нас писем Ломоносова к И. И. Шувалову. Датировка, предложенная в свое время П. С. Билярским, который относил это письмо к лету 1751 г. (Билярский, стр. 146) и повторенная в т. VIII Акад. изд. (стр. 109), безусловно ошибочна.

Сближение Ломоносова с И. И. Шуваловым началось с лета 1750 г. К тому же времени относится стихотворное послание Ломоносова под заглавием: «Письмо к его высокородию Ивану Ивановичу Шувалову» (см. т. VIII наст. изд.).

¹ Под «приятнейшим местом, которое от него [Ломоносова] усердными похвалами возвышено», следует понимать Царское Село, воспетое Ломоносовым в благодарственной оде 1750 г., где упоминаются те же «верхи» дворцовой церкви (т. VIII наст. изд.).

² Слова Ломоносова о том, что Тамира «засмотрится на красоту великолепного здания» и что Мамай «на позлащенные верхи не оглянется», содержат намек на производившиеся в 1750 г. под руководством В. В. Растрелли работы по отделке Большого Царскосельского дворца; под «позлащенными верхами» разумеются, очевидно, главы дворцовой церкви, которые осенью 1749 г. были «вызолочены чрез огонь червонным золотом», а яблоки и кресты — «приварным золотом» (И. Яковкин. История Села Царского, ч. II. СПб., 1829, стр. 130; А. Бенуа. Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1910, стр. 44).

³ Несомненно, что эти слова, как и все письмо, аллегоричны; весьма вероятно, что Ломоносов у себя на дому читал только что написанную трагедию Шувалову, на которого она произвела благоприятное впечатление, и теперь Ломоносов выражал желание, чтобы такое же впечатление

она произвела и на императрицу. О дате первого представления «Тамиры и Селима» см. примечания к этой трагедии (т VIII наст. изд.).

19

Печатается по тексту первой публикации
Местонахождение подлинника не известно
Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 319.

¹ Под «прекрасными местами» Ломоносов разумеет Царское Село, где, сопровождая Елизавету, часто бывал Шувалов и куда по его приглашению ездил и Ломоносов.

² Слова Ломоносова «прежестокая минувшая зимы стужа» подтверждаются данными метеорологических наблюдений профессора И.-А. Брауна: в феврале 1751 г. температура в Петербурге опускалась до -30°C . («Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, февраль, стр. 155).

³ Упомянутая Ломоносовым эклога Н. Н. Поповского до нас не дошла. Об отношении Ломоносова и Шувалова к Поповскому см т. IX наст. изд., документ 385 и примечания к нему.

20

Печатается по тексту первой публикации.
Местонахождение подлинника не известно.
Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 320.

К работе над изготовлением «стекол разных цветов» Ломоносов приступил в 1749 г., как только была оборудована Химическая лаборатория (ААН, ф. 3, оп. 1, № 137, лл. 544—545, ср. т. IX наст. изд., документ 20 и примечания к нему). 8 января 1750 г. он показывал свои цветные стекла в Академическом собрании (Протоколы Конференции, т. II, стр. 217). В 1750—1751 гг. Ломоносов продолжал лабораторную работу над цветными стеклами, и во второй половине 1751 г. у него зародилась мысль о производстве цветного стекла и мозаичных работ в широких государственных масштабах (т. IX наст. изд., документ 45). Этому вопросу и было посвящено, вероятно, упоминаемое в письме и не дошедшее до нас «нижайшее прошение». С этим же связано, должно быть, и представление «проб мозаичных составов» императрице через любителя мозаичного искусства М. И. Воронцова, который будучи женат на родственнице Елизаветы, мог оказать на нее влияние.

В т. IX наст. изд. опубликован ряд документов (10—19, 21, 23, 28—31), подтверждающих, что работа в Химической лаборатории заставляла Ломоносова обращаться в Канцелярию действительно за каждой «безделицею», отношение же канцелярских «подьячих» к этим обраще-

ниям достаточно ярко характеризуется, например, тем «мнением», какое высказал Шумахер по поводу просьбы Ломоносова о назначении ему в помощь лаборатора (там же, примечания к документу 17).

21

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 321.

Публикуемое письмо и сообщенные в нем стихи написаны Ломоносовым в связи с состоявшимся 8 сентября 1751 г. спуском с верфей Адмиралтейства военного корабля «Иоанн Златоуст» («Санктпетербургские ведомости», 1751, № 73, стр. 554). Стихи были впервые напечатаны в «Собрании сочинений» Ломоносова 1757 г. (кн. I, стр. 182) в несколько иной редакции (см. т. VIII наст. изд.).

Трагедия «Демофонт» была начата Ломоносовым по особому приказу императрицы в декабре 1750 г. и окончена не ранее 10 сентября и не позднее ноября 1751 г. (Ламанский, стр. 148).

О плане «Российской истории» см. т. VI наст. изд., стр. 85, 562—563, 572—573.

22

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 1—2).

Впервые напечатано — «Воронежская беседа на 1861 г.», СПб., 1861, стр. 231—232.

Как видно из первых слов публикуемого письма, ему предшествовало другое письмо Ломоносова на имя И. И. Шувалова по тому же вопросу, на которое Шувалов ответил «вчерашними строчками», т. е. 2 марта 1752 г. Ни это первое письмо Ломоносова, ни ответное письмо Шувалова не отысканы.

Исследование сибирских руд производилось Ломоносовым по поручению Академической канцелярии для Кабинета, который разослал образцы этих руд одновременно в три учреждения: в Академию, в Монетную канцелярию и в Берг-коллегию. Передавая распоряжение Кабинета Ломоносову, Канцелярия предлагала ему «учинить непродолжительное исполнение» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 161, л. 222). Ему пришлось, таким образом, торопиться.

24 февраля 1752 г. Ломоносов сообщил Канцелярии, что, согласно произведенной им пробе, «все руды, запечатанные в тридцати трех бумажках, содержат в себе признак серебра» (т. V наст. изд., стр. 277—278), о чем Канцелярия на следующий же день известила Кабинет (ААН, ф. 3, оп. 1, № 161, л. 224).

В половине мая из Кабинета пришло сообщение, что пробы, произведенные в Берг-коллегии и в Монетной канцелярии, дали иной, чем у Ломоносова, отрицательный результат: серебра в рудах не оказалось. Обнаружилось вместе с тем, что представившим образцы руд тобольским купцом И. Зубаревым был совершен подлог: его товарищ Леврин сознался, что, «купя в Тобольске на рынке изломанный крест и растопя, показал, якобы то серебро вышло из оных руд» В связи с этим стоявший во главе Кабинета бар. И. А. Черкасов (Ломоносов называет его в письме «некоторой знатной особой») потребовал от Академической канцелярии объяснения. «отчего она в пробе неверность и обманство произошло и нет ли в том подобного, как и вышеписанный Леврин учинил, чьего коварства» (Билярский, стр. 169—170).

Ломоносов узнал обо всем этом, как видно из публикуемого письма, задолго до вышеприведенного официального сообщения Кабинета, в ответ на которое 16 мая 1752 г. подал в Кабинет репорт, где сообщил, что произвел повторную пробу «самой богатой» руды и серебра в ней не нашел (Пекарский, II, стр. 491). Чистосердечно признав, таким образом, свой промах, Ломоносов положил тем самым конец этому делу, которое дальнейших неприятных для него последствий не имело.

23

Печатается по собственноручному подлиннику. (ААН, ф. 20, оп. 3, № 56).

Впервые напечатано — Грот, стр. 23

По справедливому предположению Я. К. Грота (Грот, стр. 23), в публикуемом письме речь идет о шуточном послании Вольтера «*Au roi de Prusse*» («Прусскому королю»), написанном в 1751 г. и адресованном Фридриху II. Вольтер жил в то время в Берлине и, нося звание камергера прусского двора, исполнял фактически обязанности литературного редактора французских стихов Фридриха. Нет сомнения, что именно Фридриха Ломоносов и называет «его государем».

Упомянутое послание Вольтера оканчивается следующими стихами:

Et vous allez pourtant à l'immortalité
En nous prêchant l'âme mortelle.

(И обретае^{те} вы все же путь к бессмертью,
Внушая мысль о смертности души).

Таким образом, Вольтер прославляет в этих стихах Фридриха за отрицание одного из основных догматов христианства — бессмертия души. Это и дало повод Я. К. Гроту признать, что именно данное стихотворение Вольтера имел в виду Ломоносов в своем письме Шувалову.

В пользу такой догадки можно выставить и еще один довод. Послание Вольтера построено на резких антитезах, близких к парадоксу (проповедник, опровергающий свою собственную проповедь; обидное для Фридриха сравнение его с подобным проповедником обращается в похвалу Фридриху; проповедуя, что человеческая душа подвержена смерти, Фридрих тем самым приобретает право на бессмертие). Ломоносов в своем письме явно пародирует парадоксальную манеру Вольтера, прибегая к еще более резким антитезам («полоумное остроумие»; «бессовестная честность», «ругательная хвала», «панегирическая пасквиль»).

Дошедшие до нас суждения Ломоносова о Вольтере не исчерпываются этим письмом: ср. письмо к И. И. Шувалову от 2 сентября 1757 г. (письмо 53, а также т. VI наст. изд., стр. 89—96). Но этих материалов все же слишком мало, чтобы составить себе достаточно полное представление о том, как оценивал Ломоносов своего великого современника, которого бесспорно относил к числу классиков французской литературы; составляя в 1758 г. программу преподавания французского языка для Академической гимназии, Ломоносов назвал трех авторов, чьи произведения должны изучаться гимназистами: Мольера, Расина и Вольтера (т. IX наст. изд., документ 303, § 42).

24

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 322—324.

Упомянутое Ломоносовым письмо И. И. Шувалова от 28 декабря 1752 г. не отыскано.

О том, когда и при каких обстоятельствах Ломоносов приступил к работе над «Древней российской историей», см. т. VI наст. изд., стр. 572—574.

Ответив Шувалову, что «покинуть вовсе» свою работу в области физики и химии нет «ни нужды, ниже возможности», Ломоносов тем не менее стал именно с этого времени заниматься историей не только «по досугам», как это было ранее (документ 514), а систематически и порой даже в ущерб другой работе. Так, в письме к Эйлеру от 12 февраля 1754 г. он сообщает: «Я часто за самой работой ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях российских. Поэтому мною пропущено немало доказательств того, что верхняя атмосфера при полном спокойствии должна спускаться в нижнюю» (письмо 41). Об этом же Ломоносов говорит и в своей записке о поведении Академической канцелярии: «Ломоносов сказал в Собрании профессорском [18 августа 1754 г.], что-де он, имея работу сочинения „Российской истории“, не чаёт так свободно упраж-

няться в химии» (документ 470, § 29; см. также Протоколы Конференции. т. II, стр. 311 и ААН, ф. 1, оп. 2-1754 г., № 8).

Полны глубокого значения заключительные слова Ломоносова о том, что устройством фабрики завершаются все его химические труды, потерять которые «бесплодно» было бы для него «несносным мучением». Они говорят о том, как сильно было в Ломоносове сознание необходимости связывать теоретическую научную работу с производственной практикой: оставить свои лабораторные труды не внедренными в производство означало для него потерять их «бесплодно».

¹ Под упоминаемыми Ломоносовым трудами «на украшение российского слова» следует понимать «Российскую грамматику», над которой Ломоносов работал с конца 40-х годов до конца 1755 г.

² О «Слове похвальном Петру Великому» см. т. VIII наст. изд.

³ «Всепокорнейшим прошением о фабрике» Ломоносов называет свое представление об организации мозаичного дела, поданное на имя императрицы 25 сентября 1752 г. (см. т. IX, наст. изд., документ 47).

25

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Билярский, стр. 778.

Датируется предположительно на основании 1) доношения Ломоносова в Санктпетербургскую контору Сената от 22 февраля 1753 г. (т. IX наст. изд., документ 52) и 2) репорта Ломоносова в Канцелярию АН от 23 февраля 1753 г. о своем отъезде в Москву, согласно разрешению Конторы Сената (там же, документ 54).

В Москву, где в то время находился весь императорский двор. Ломоносов ехал по делам, связанным с устройством мозаичной фабрики (там же, документы 51—55 и примечания к ним).

26

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 2—2 об.).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, стр. 480.

Публикуемое письмо написано через день после возвращения Ломоносова из Москвы, где по его просьбе императрицей был подписан указ о пожаловании Ломоносову населенного крестьянами имения с припиской к его мозаичной фабрике (т. IX наст. изд., документы 48 и 55 и примечания к ним).

М. И. Воронцов, через которого Ломоносов представлял императрице пробы мозаичных составов и к которому обращался в свое время с прось-

бой поддержать его предложение об основании фабрики, оказал, очевидно, и в этом случае влияние на благоприятный исход дела, за что Ломоносов и благодарит его в публикуемом письме

27

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 3—4).

Впервые напечатано (не точно, по копии) — Билярский, стр. 203—204; полностью по подлиннику — Акад. изд., т. VIII, стр. 123—124.

П. И. Шувалов был в годы царствования Елизаветы Петровны одним из самых влиятельных государственных деятелей и автором целого ряда экономических реформ.

«Новое оказание высочайшей милости», с которым поздравляет его Ломоносов, заключалось в пожаловании Шувалову 30 000 руб. за «верную и усердную его к е. и. в. и государству службу в изыскании способу к приращению доходов кабацких и соляных» («Санктпетербургские ведомости», 1753, № 35). Речь шла об установлении единых для всей империи цен на вино и на соль.

Текст публикуемого письма наводит на предположение, что «многие благодеяния» П. И. Шувалова, о которых говорит Ломоносов, заключались в помощи, которую он оказал в деле об устройстве мозаичной фабрик: это дело рассматривалось в Сенате в декабре 1752 г., и голос Шувалова повлиял, вероятно, на благоприятное его разрешение.

«Малым опытом начинающегося в России мозаичного искусства» Ломоносов называет мозаичный образец, который он приложил к публикуемому письму в подарок жене П. И. Шувалова (Макаров, стр. 48 и 133—134).

28

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 324—326.

¹ Под «высочайшей щедротой» Ломоносов имеет в виду именной указ императрицы от 15 марта 1753 г. о пожаловании ему земель и крестьян для учреждаемой им мозаичной фабрики (см. т. IX наст. изд., примечание к документу 48).

² «Спасские школы» — Славяно-греко-латинская академия при Заиконоспасском монастыре в Москве, где с 1731 по 1735 г. обучался Ломоносов.

³ Слова Ломоносова «отец, никогда детей кроме меня не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил» не совсем точны: он был единствен-

ным ребенком от первого брака его отца, у которого, однако, от второго и третьего браков были еще и другие дети, причем в момент ухода Ломоносова из родительского дома у его отца был уже второй сын (Б. Л. Модзалевский. Род и потомство Ломоносова. Ломоносовский сборник. СПб., 1911, стр. 335). Некоторые новые сведения об имущественном положении отца Ломоносова см.: «Ломоносов», III, стр. 240—241

⁴ Алтын — три копейки; денежка — $1/2$ копейки.

⁵ Во время пребывания за границей Ломоносов получал жалованье действительно «против прежнего в сорок раз»: 400 руб. вместо 10 руб. в год, какие получал в Москве.

⁶ Не известно, кого имел в виду Ломоносов под теми, «которые мне от усердия велят быть предосторожну», и под теми, «которые из недобротства зависть толкуют». Надо полагать, что в неотысканном письме Шувалова, на которое отвечает Ломоносов, шла речь о городских толках, вызванных открытием мозаичной фабрики и пожалованием Ломоносову поместья, причем одни говорили, по-видимому, что Ломоносов, принимаясь за новое предприятие, проявляет чрезмерное усердие, которое может оказаться ему не по силам, другие же предсказывали, вероятно, что фабрика и поместье, подняв материальное благосостояние Ломоносова, отвлекут или вовсе отвратят его от науки и от поэзии.

⁷ Говоря о Диогене, оставившем своим землякам «несколько остроумных шуток», Ломоносов имеет в виду, что Диоген не оставил никакого научного наследия, кроме некоторого количества отдельных афоризмов.

⁸ Сведения, сообщаемые Ломоносовым об имущественном положении перечисленных им иностранных ученых, совершенно точны: Ньютон получал твердый доход со своего небольшого родового имения, который в соединении с профессорским содержанием обеспечивал его вполне достаточными средствами, а во второй половине жизни, после назначения хранителем Лондонского монетного двора, достиг еще большего благосостояния (С. И. Вавилов. Исаак Ньютон. 2-е изд., М.—Л., 1945, стр. 170). Бойль, сын лорда, самого богатого человека в тогдашней Англии, тратил значительные суммы на свои научные предприятия и содержал на свои средства большой штат лаборантов, механиков и секретарей, чем и объяснялся. по мнению его биографов, огромный объем его научно-литературной продукции (L.-T. More. The Life and Works of the Honourable Robert Boyle London, New-York, Toronto, 1944, стр. 5, 107, 130 и др.—Л.-Т. Мор. Жизнь и труды достопочтенного Роберта Бойля. Лондон, Нью-Йорк, Торонто, 1944). Христиану Вольфу, сыну ремесленника, был дан в 1745 г титул имперского барона; к концу жизни, получая исключительно высокий оклад жалованья, значительно превосходивший обычные профессорские оклады, он скопил крупное состояние и оставил в наследство сыну прекрасный дом в г. Галле и «рыцарское имение» (Christian Wolffs eigene Le-

bensbeschreibung. Leipzig, 1841, стр. 79. — Собственное жизнеописание Христиана Вольфа. Лейпциг). Английский медик и ботаник Г. Слоан (Sloane) положил основание Британскому музею, завещав государству библиотеку, содержащую 50 000 печатных и рукописных томов, и превосходное собрание «редкостей» с условием, чтобы его наследникам было выплачено 20 000 фунтов стерлингов (Encyclopaedia Britannica — Британская энциклопедия, т. 20, стр. 798).

29

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 326—330.

Упомянутое Ломоносовым письмо И. И. Шувалова от 24 мая 1753 г. не отыскано. Оно являлось ответом на письмо Ломоносова от 4 января того же года (письмо 24).

¹ Под «некоторыми людьми, которые только лишь себе путь к счастью учением отворили, и т. д.» Ломоносов, очевидно, имеет в виду Г. Н. Теплова. Последний начал академическую службу в 1740 г. в качестве переводчика, был произведен в адъюнкты ботаники в 1742 г. и в 1743 г. отправлен «для дальнейшего и совершенного обучения» в Тюбинген и в Париж, «дабы, возвратясь после четырех или пяти лет, достойным профессором быть» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 947, л. 34). Назначение К. Г. Разумовского (с которым Теплов ездил за границу) президентом Академии Наук предопределило дальнейшую карьеру Теплова. 1 июля 1746 г. он был назначен в Академическую канцелярию ассессором и, пользуясь неограниченным доверием Разумовского, стал фактически вершителем всех академических дел, забросив почти вовсе научную работу (подробности см.: Пекарский, II, стр. XXI).

² Мачеха Ломоносова — третья жена его отца, вдова Ирина Семеновна, дочь крестьянина Николаевской Матигорской волости Семена Корельского (Б. Л. Модзалевский. Род и потомство Ломоносова. Ломоносовский сборник, СПб., 1911, стр. 334).

³ «Описание и рисунок» не отысканы.

⁴ Об опытах и открытиях Ломоносова и Рихмана в области электричества и о «публичном акте», на котором оба они должны были выступить с речами на эту тему, см. в т. III наст. изд., стр. 510—519, 523—524, 527—533, 535—536, 545—546. «Мушенбровковым опытом с сильным ударом» Ломоносов называет способ получения сильного электрического разряда с помощью так называемой «лейденской банки», открытой в 1745 г. Э. Клейстом и, независимо от него, в 1746 г. П. Мушенбромом.

⁵ О работе Ломоносова над второй частью «Краткого руководства к красноречию» см. т. VII наст. изд., стр. 809—810.

⁶ О работе Ломоносова над «Древней российской историей» см. т. VI наст. изд., стр. 572—579.

⁷ Фраза, начинающаяся словами «Ежели кто по своей профессии и должности читает лекции», характеризует педагогическую и научную деятельность Ломоносова в 1752/53 учебном году, о чем он подробнее говорит в своих отчетах (документы 514, 515). К этому учебному году относится чтение Ломоносовым лекций по экспериментальной химии.

⁸ Дом И. И. Шувалова, где Ломоносов предполагал разместить «обещанные оптические вещи», находился на Невском проспекте, на углу Малой Садовой (П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга, СПб., 1885, стр. 548, 558). Этот дом был окончательно отделан к приезду Шувалова из Москвы в 1754 г. («Санктпетербургские ведомости», 1754, № 85, стр. 677—678; № 86, стр. 684—685). В архивных документах не сохранилось сведений о том, какие именно «оптические вещи» и «инструменты» изготовлялись для Шувалова под наблюдением Ломоносова

30

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые опубликовано — Соч. 1784, ч. I, стр. 330—333.

О работах Ломоносова и Рихмана по изучению природы молнии и о наблюдениях и опытах, которые производились ими в 1753 г., см. т. III наст. изд., стр. 515—522.

Материалы о смерти Рихмана, опубликованные лишь частично (Пекарский, I, стр. 710—711), хранятся в ААН, ф. 3, оп. 1, № 707, лл. 58—106. Официальное сообщение об этом событии было опубликовано неделю спустя в «Санктпетербургских ведомостях» (№ 62 от 3 августа 1753 г.; ср.: Г.-В. Рихман. Труды по физике. М., 1956, стр. 548—550, 696—700).

Вдова Рихмана — Анна-Елизавета Рихман, рожд. Гинц, вышла впоследствии замуж за профессора И.-А. Брауна (Пекарский, I, стр. 714—715). Сведения о детях Рихмана, сообщаемые Ломоносовым, не точны. По сообщению вдовы Рихмана от 5 августа 1753 г., у нее было два сына — Вильгельм и Фридрих и одна дочь (не известная по имени). Старшему сыну было в то время 4 года, младшему — 3 месяца, а дочери полтора года (ААН ф. 3, оп. 1, № 707, л. 91). Ходатайство Ломоносова о назначении вдове Рихмана пожизненной пенсии не получило удовлетворения: Академия Наук ограничилась выдачей ей через полгода после смерти Рихмана единовременного пособия (примечания к письму 33).

Опасения Ломоносова, что смерть Рихмана может быть «протоколкована противу приращения наук», имели серьезные основания. В реакционных дворянских кругах пошли толки о кощунственности таких опытов, какие

производили Ломоносов и Рихман; приборы, которыми они пользовались, именовались «проклятыми». О своей ненависти к электрической машине говорил даже такой относительно просвещенный деятель, как Р. И. Воронцов. Даже в суждениях такого бесспорно образованного человека, каким был академик Миллер, проскальзывали ноты сомнения в целесообразности столь опасных опытов (Пекарский, I, 712—713). Шумахер поспешил поднять вопрос об отмене публичного собрания Академии Наук, которое предполагалось посвятить речам Ломоносова и Рихмана об атмосферном электричестве (письма 31, 32, 34 и примечания к ним).

Публикуемое письмо, напечатанное впервые еще в XVIII в., пользуется широкой известностью. Пушкин, говоря о Ломоносове, писал: «Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана!» (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 253).

31

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 133).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст и русский перевод впервые напечатаны — Модзалевский, стр. 304 и 309.

В письме идет речь о «публичном акте» Академии Наук, назначенном первоначально на 5 сентября 1753 г. На этом акте Рихман должен был выступить с речью о своих опытах по электричеству, а Ломоносову вменялось в обязанность «на то ответствовать и содержание диссертации слушателям объявить на российском языке» (Биларский, стр. 205—206). Смерть Рихмана и возникшие в связи с ней толки о кощунственности его опытов (см. примечания к письму 30) дали повод Шумахеру возбудить перед Разумовским вопрос о том, чтобы публичный акт был отложен, а тема об электричестве — снята (ААН, ф. 3, оп. 1, № 522, л. 326 об.). Скрыв это свое представление от академиков и, в частности, от Ломоносова, Шумахер, как видно из публикуемого письма, продолжал вести с ними разговоры о программе того самого «публичного акта», об отмене которого писал Разумовскому. Лицемерие его шло еще дальше: на письмо Ломоносова он в тот же день ответил ему весьма любезно, что согласен с его доводами и что считает справедливым, чтобы работа Ломоносова об электричестве явилась на акте главной (Пекарский. Доп. изв., стр. 58). Коварство Шумахера усугублялось еще и тем, что о своих переговорах с академиками он не осведомлял Разумовского. Все это, вместе взятое, создавало ту тяжелую обстановку, как нельзя более благоприятную для всякого рода взаимных обид и недоразумений, на которую не раз жаловался Ломоносов.

Спустя несколько дней после отправки Ломоносову вышеупомянутого любезного письма Шумахер получил из Москвы полуофициальное известие,

что его представление одобрено Разумовским (ААН, ф. 3, оп. 1, № 177, лл. 101—102), а 9 сентября того же года Теплов сообщил ему о том же уже вполне официально: публичная ассамблея откладывалась на апрель будущего года, «и о какой материи речи читать должно, о том Канцелярия представить заблаговременно его высокографскому сиятельству имеет» (там же, л. 104).

Таким образом, Ломоносов оказывался лишен возможности огласить одно из наиболее выдающихся своих исследований, где он развивал и обосновывал свою собственную теорию явлений атмосферного электричества.

О дальнейшем ходе этого дела см. т. III наст. изд., стр. 515—518 и примечания к письмам 32 и 34.

Упомянутая в письме диссертация Рихмана была опубликована лишь в 1758 г. в «Новых комментариях» под заглавием: «De indice electricitatis et de ejus usu in definiendis artificialis et naturalis electricitatis phaenomenis dissertatio» («Novi Commentarii», т. IV, стр. 301—340. Русский перевод под заглавием «Рассуждение об указателе электричества и о пользовании им при исследовании явлений искусственного и естественного электричества» см.: Г.-В. Рихман. Труды по физике. М., 1956, стр. 338—359).

Профессор А.-Н. Гришов состоял конференц-секретарем Академии Наук с 1751 по 1754 г. (Список членов имп. Академии Наук. 1725—1907. СПб., 1908, стр. 7).

32

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 333—334.

Философская поэма английского писателя Александра Попа «Опыт о человеке» была переведена (как предполагают, по заданию Ломоносова) его учеником, студентом Академии Наук Н. Н. Поповским в 1753 г. Перевод «всех стихов Попиевых, несколько еще исправленных», был представлен Ломоносовым в Канцелярию АН для послыки президенту 28 марта 1754 г. (письмо 43). Поповский не знал английского языка и переводил «Опыт о человеке» с французского прозаического перевода.

Издание перевода Поповского встретило большие затруднения. Духовная цензура нашла, что «издатель оныя книги ни из св. писания, ни из содержимых в православной нашей церкви узаконений ничего не заимствуя, единственно все свои мнения на естественных и натуральных понятиях полагает, присовокупляя к тому и Коперникову систему, також и мнения о множестве миров, священному писанию совсем несогласные» («Библиографические записки», 1858 г., т. I, столб. 490). Книга вышла в свет лишь благодаря личному вмешательству И. И. Шувалова только три года

спустя, в 1757 г., причем многие стихи были вовсе вычеркнуты, а иные заменены новыми, сочиненными московским архиепископом (подробности см.: Сочинения Н. С. Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 82—89). Несмотря на цензурные искажения, перевод Поповского пользовался большим успехом и выдержал шесть изданий («Отечественные записки», 1807, № 5, стр. 374—378; Сопиков, ч. IV, стр. 68).

Об отношениях Ломоносова и Поповского и об определении Поповского на работу в Академическую гимназию см. т. IX наст. изд., примечания к документу 386.

«Публичным действием» Ломоносов называет торжественное заседание Академии Наук, которое должно было состояться 5 сентября 1753 г. и о программе которого шли споры (письмо 31 и примечания к нему).

Говоря, что «Академическое собрание... весьма мало осталось, состоя в четырех профессорах», Ломоносов имеет в виду только академиков одного с ним физико-математического класса: себя, Брауна, Гришова и Попова, всех же членов Академического собрания было в то время десять.

33

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 3).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 480—481.

Обращение Ломоносова к М. И. Воронцову о помощи вдове профессора Рихмана было вызвано задержкой в рассмотрении ее прошения от 5 августа 1753 г. о пособии и пенсии на воспитание малолетних детей (ААН, ф. 3, оп. 1, № 707, л. 91).

Воронцов исполнил, по-видимому, просьбу Ломоносова: через две недели, 16 сентября 1753 г., последовало определение Канцелярии АН о выдаче вдове Рихмана единовременно ста рублей, как записано в определении, «в милостыню» и о выплате ей затем в два срока годового оклада жалованья ее покойного мужа в сумме 860 руб. В пенсии же на воспитание малолетних детей Рихмана, о чем хлопотал Ломоносов (письмо 30), было отказано «за неимением таких примеров» (ф. 3, оп. 1, № 707, л. 101).

В 1761 г. оба сына Рихмана были приняты на казенное содержание в Академическую гимназию (ф. 3, оп. 1, № 827, л. 72).

34

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 334—335.

«Переписанная речь», о которой Ломоносов сообщает в публикуемом письме, — приготовленное им для прочтения на торжественном заседании Академии Наук 5 сентября 1753 г. «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (см. примечания к письмам 31 и 32).

Из публикуемого письма явствует, что в то время как Ломоносов настаивал, чтобы отмененный «публичный акт» был перенесен не на апрель 1754 г., а на ноябрь 1753 г. и чтобы на этом акте ему было разрешено огласить свой трактат, Шумахер уговаривал Ломоносова удовольствоваться опубликованием своей речи в академических «Комментариях» и отказаться от публичного ее произнесения.

Второй том «Истории российской» В. Н. Татищева, находившийся в рукописи у И. И. Шувалова (П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. Записки Академии Наук, т. IV, СПб., 1864, стр. 49), был нужен Ломоносову для его работы над «Древней российской историей» (см. т. VI наст. изд., стр. 578—579).

35

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 56), сохранившемуся не полностью; отсутствующее в нем начало письма (до слов «Древних и новых стихотворцев» включительно) печатается по тексту первой, посмертной публикации.

Первая половина письма (до слов «Атланту наступлю на плечи я ногою» включительно) впервые напечатана — Соч. 1784, ч. I, стр. 343—345; вторая половина письма (начиная со слов «Сим подобных высоких мыслей») впервые напечатана — Грот, стр. 24. Полный текст письма впервые напечатан — Билярский, стр. 220—222.

Упомянутое Ломоносовым письмо И. И. Шувалова не дошло до нас, и содержание его нам не известно. Мы видим лишь, что в нем было предложение или даже «приказание» выступить с возражениями против нападок, которым стала подвергаться в эту пору поэзия Ломоносова.

Публикуемый текст достаточно ясно обозначает «зюлов» Ломоносова: это — «Перфильевич», т. е. И. П. Елагин, и «его учитель», т. е. А. П. Сумароков.

Ломоносов, как видно из настоящего письма, был более всего задет тем, что его стихи осуждают за «надутые изображения», т. е. за гиперболичность образов. Нам не удалось отыскать ни одного относящегося к этим годам произведения Сумарокова или Елагина, где подобное обвинение было бы предъявлено Ломоносову открыто. Известна лишь опубликованная М. И. Сухомлиновым афиша-пародия (Акад. изд., т. I, стр. 435 втор. паг.), где имя Ломоносова не названо, но где высмеивается приподнятость его поэтического стиля. Эту именно афишу Ломоносов и называет, вероятно, пародией Елагина на «Тамиру». Однако из текста публикуемого письма

можно заключить, что в данном случае Ломоносов восстает не против этой пародии, а против других, более поздних, «намерений и движений» Елагина, в частности против его послания к Сумарокову, где поэзия Ломоносова подвергалась уже прямому осуждению.

Есть основание думать, что письмо Шувалова было вызвано написанной Елагиным, очевидно, в это именно время сатирой «На петиметра и кокеток» («Библиографические записки», 1859, т. II, столбцы 451—454), задевшей за живое Шувалова. В ответ на эту сатиру появилось пародировавшее ее стихотворение под заглавием «Возражение или превращенный петиметр» (там же, столбцы 457—458); автором этого последнего стихотворения был ученик и последователь Ломоносова Н. Н. Поповский (П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936, стр. 134). Об этом-то произведении Поповского Ломоносов и говорит в публикуемом письме («прошу, ежели возможно, удовольствоваться тем, что сочинил г. Поповский»). В новой сатире Елагина Ломоносов был затронут лишь мимоходом: высмеивалась его неудачная рифма Россия—Индия. Но Поповский счел тем не менее нужным вступить за учителя и сказал в своей ответной пародии:

Парнасского писца, для бога, не замай:
Стократ умней тебя; его не задирай.

«Парнасским писцом» Поповский называет Ломоносова: это и был тот «титул», о котором говорится в заключительной части публикуемого письма.

Подробнее см. в примечаниях к стихотворению «Отмщать завистнику меня вооружают» (т. VIII наст. изд.).

¹ Ссылку на § 158 своей «Риторике», где говорится о том, что путем «увеличения вещей» поэты «особливо возвышают героические поэмы», Ломоносов мог бы дополнить цитатами из §§ 196 и 197 той же книги, где он учит, как достигать «напряжения» при помощи гипербол, которые особенно нужны для изображения «людей, великими страстями объятых».

² В послании Елагина к Сумарокову («Библиографические записки», 1859, т. II, столб. 524) были такие стихи:

Где Мальгерб, тобой почтенный,
Где сей Пиндар несравненный,
Что в Эпистолах мы чем?

Елагин имеет в виду сумароковскую «Эпистолу о стихотворстве», датированную 1748 г., где о Ломоносове, с которым Сумароков был тогда еще близок, было сказано:

Он — наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен.

(См. т. IX наст. изд., примечания к документу 371).

³ «За двадцать лет», т. е. двадцать лет тому назад. Так как публикуемое письмо написано в 1753 г., то речь идет, стало быть, о времени пребывания Ломоносова в Московской славяно-греко-латинской академии. Наши сведения о поэтической деятельности Ломоносова в эти годы до крайности скудны и ненадежны («Ломоносов», II, стр. 58; Ломоносовский сборник. Архангельск, 1911, стр. 19). Тем большее значение приобретает поэтому сообщение Ломоносова о том, что его тогдашние стихотворные опыты высоко оценивались его учителями.

36

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — «Московский телеграф», 1828, ч. 22, август, № 15, стр. 398—400.

Датируется предположительно по связи с письмом Ломоносова к И. И. Шувалову от 16 октября 1753 г. (письмо 35).

Тематическая связь этих двух писем очевидна, а тем самым не вызывает сомнений и их хронологическая близость: публикуемое письмо посвящено все целиком рукописной сатире И. П. Елагина «На петиметра и кокеток», в письме же от 16 октября 1753 г. упоминается пародировавший ту же сатиру стихотворный ответ Н. Н. Поповского. Во вступительных словах обоих писем говорится о том, что адресат письма принуждает Ломоносова вступить в полемику с Елагиным, к чему сам Ломоносов не склонен.

Публикуемое письмо содержит выпады не столько против Елагина, сколько против Сумарокова, на чью долю приходятся самые тяжелые удары. Все письмо в целом является превосходным образцом того полускрытого «насмешства», о котором Ломоносов говорит в § 120 своей «Риторики».

Адресат письма не обозначен. Едва ли можно оспаривать предположение А. С. Будиловича (Будилович, II, стр. 36), что письмо обращено к И. И. Шувалову. Вполне очевидно, что документ был предназначен для того, чтобы ходить по рукам так же, как ходили по рукам направленные против Ломоносова стихи его литературных противников. Один из проникших в публику списков письма был скопирован еще в XVIII в. составителем рукописного сборника, носившего заглавие «Разные стиходействии» («Библиографические записки», 1859, т. II, столбцы 449 и 455), другой список оказался в архиве гр. И. А. Остермана, откуда перешел уже в XIX в. к писателю И. И. Лажечникову. Именно этот, по-видимому, список и опубликовал в 1828 г. «Московский телеграф» (Акад. изд., т. VIII, стр. 82 втор. паг.).

Непосредственным объектом внимания Ломоносова была не вся сатира Елагина, а только шестнадцать начальных ее стихов, посвященных восхвалению Сумарокова:

Открытие таинства любовныя нам лиры,
Творец преславныя и пышныя Семиры,
Из мозгу рождшейся богини мудрый сын,
Наперсник Боалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель злых пороков,
Благий учитель мой, скажи, о Сумароков,
Где рифмы ты берешь? Ты мне не объявил,
Хоть к стихотворству мне охоту в сердце влил.
Когда сложенные тобой стихи читаю,
В них разум, красоту и живость обретаю
И вижу, что ты, их слагая, не потел,
Без принуждения писал ты, что хотел.
Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся,
И ищучи ее, работал и ломался,
Не вижу, чтоб искав сердился ты на них:
Оне, встречаяся, кладутся сами в стих.

(«Библиографические записки», 1859, т. II, № 15 столб. 451).

Публикуемое письмо является саркастическим комментарием к этим стихам.

Подробнее см. в примечаниях к стихотворениям «Отмщать завистнику меня вооружают» и «Златой молодых людей и беспечальный век» (т. VIII наст. изд.).

¹ Семира — главная героиня одноименной трагедии Сумарокова.

² Стих Елагина «Из мозгу рождшейся богини мудрый сын» должен был обозначать, что Сумароков является сыном богини Минервы, которая, по мифологическим представлениям римлян, считалась рожденной из головы Юпитера.

³ С рассуждением Ломоносова о разных значениях слов «благий» и «благой» переключается следующая черновая его запись, которая содержится в подготовительных материалах к «Российской грамматике»: «Благий (blahjĭ) bonus. Благой (blagoi) fatuus (т. VII наст. изд., стр. 619).

Впервые напечатано (не точно, по копии) — «Воронежская беседа на 1861 г.», СПб., 1861, стр. 229—231; точно по подлиннику, но без обращения и заключительных слов — Пекарский, П, стр. 520—522.

¹ Упомянутые Ломоносовым письма И. И. Шувалова до нас не дошли.

² Ордер президента, о котором говорит Ломоносов, был получен Академической канцелярией 18 октября 1753 г. и предлагал «так расположиться, чтоб для вышеупомянутого высочайшего торжества ноября 25 числа сего текущего года акт академический конечно был для публики, в котором г. Ломоносов читать имеет „Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих“» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 605) Ордер содержал прямую ссылку на неизвестное до тех пор академиком представление Шумахера и, будучи оглашен 18 октября 1753 г. в Академическом собрании (Протоколы Конференции, т. II, стр. 288), открыл Ломоносову глаза на двойную игру Шумахера (см. примечания к письму 31). Оттого-то Ломоносов и называет этот ордер изобличающим. Из публикуемого письма видно, что «неправедные поступки» Шумахера не ограничились попыткой сорвать произнесение Ломоносовым речи об электричестве. В чем заключались дальнейшие его происки, в точности не известно: судя по содержанию последующего ордера Разумовского от 4 ноября 1753 г. (Билярский, стр. 237), есть основание думать, что Шумахер хотел добиться отрицательного отзыва Академического собрания о речи Ломоносова с тем, чтобы либо вовсе снять с очереди, либо отложить на неопределенно долгое время вопрос об ее напечатании. Разумовский, по настоянию Ломоносова, распорядился, чтобы разрешение этого вопроса было предоставлено академиком и чтобы «Канцелярия не вступалась в сие их дело» (там же; подробнее см. т. III наст. изд., стр. 516—517).

³ В 1753 г. Тауберт, женатый с 1750 г. на дочери Шумахера, числился адъюнктом, занимал должность унтер-библиотекаря и, по распоряжению Шумахера, осуществлял «под дирекциею Канцелярии главное надзирание над обретающимися при Академии художественными департаментами и художниками». Фактически же, благодаря свойству с Шумахером и дружбе с Тепловым, участие Тауберта в академических делах простиралось уже и в то время гораздо дальше официально возложенных на него функций (Пекарский, I, стр. 644 и сл.).

⁴ Под «изображением е. и. в., что на петербургском плане», Ломоносов разумет изображение императрицы Елизаветы, которым украшен был картуш к плану Петербурга, поднесенному ей Академией в 1753 г. План был начерчен адъюнктом И. Ф. Трускотом, а все декоративные его элементы, в том числе и картуш, как значится на подлиннике, «под смотрением мастера Ив. Соколова гридировали художники обще» (ААН, разр. IX. оп. 3а, № 4). Оригиналом для лица императрицы послужил портрет работы придворного

живописца Л. Каравака, гравированный тем же Соколовым еще в 1745 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 96, лл. 243—244). Неясно, в чем заключалось участие Шумахера в работе над планом; известно лишь с его собственных слов, что когда Елизавета Петровна похвалила работу русских учеников, участвовавших в художественной отделке плана, то кое-что, — как писал Шумахер, — «перепало и на нашу с Таубертом долю» («Mr. Taubert et moi, nous en avons eu notre part», ААН, ф. 1, оп. 3, № 41; у Пекарского, Доп. изв., стр. 54, эти слова переведены неверно).

⁵ «Публикованным бездельником» Ломоносов называет прапорщика кн. Н. А. Хованского, отставленного от службы за «ябедничество», о чем Сенат широко оповестил в 1752 г. все правительственные учреждения печатными указами (ААН, ф. 3, оп. 1, № 957, лл. 58—59).

⁶ Приводимые Ломоносовым факты из истории Академии Наук, свидетельствующие о «бессовестном» поведении Шумахера, изложены более подробно в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (документ 470), в примечаниях к которой даны соответствующие пояснения. Ломоносов дважды упоминает о своем письме к президенту Академии, отправленном «на прошлой почте», следовательно, в конце октября 1753 г. Это письмо, посвященное «бедному Академии состоянию» и содержавшее жалобу на «Шумахерово правление», не отыскано. Оно бесспорно дошло до Разумовского и было, насколько можно судить по последствиям, поддержано Шуваловым. Шумахер знал о существовании этого письма и был им весьма встревожен (Пекарский. Доп. изв., стр. 60). Прямым последствием этого выступления Ломоносова был ряд письменных запросов президента, обращенных к Шумахеру, и назначение затем Комиссии для пересмотра академического штата (подробнее см. примечания к документу 470, § 25). Эти меры не дали непосредственных практических результатов, однако же нет сомнения, что именно с этого времени значение Шумахера начало падать.

38

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 4)

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 481—482.

«Высочайшая милость», с которой Ломоносов поздравляет М. И. Воронцова, заключалась в пожаловании последнему 18 декабря 1753 г. «в вечное и потомственное владение» двух мыз — Мариенбург и Калимой в Рижском уезде (см.: П. Баранов. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в., т. III, 1740—1742 гг., СПб., 1878, стр. 282, № 10357).

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 335—336.

«Примечаниями на Ведомости» Ломоносов называет те приложения к «Санктпетербургским ведомостям», которые выпускались Академией Наук с 1728 по 1742 г. под разными заглавиями (1728 г. — «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях»; 1729—1731 гг. — «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях»; 1732—1738 гг. — «Примечания на Ведомости»; 1739 г. — «Примечания при Ведомостях»; 1739—1740 гг. — «Примечания на Ведомости»; 1741—1742 гг. — «Примечания к Ведомостям»). Основное содержание «Примечаний» составляли научно-популярные статьи, к которым присоединялись иногда в небольшом количестве произведения художественной литературы, а также внешнеполитические и придворные известия (подробное содержание см. Неуструев, стр. 7—8 и 18—40).

В первые два года единоличным редактором «Примечаний» был Г.-Ф. Миллер. С 1730 г. в составлении их стали принимать участие и другие профессора, в частности Л. Эйлер, И.-Г. Гмелин и И.-С. Бекенштейн. Редакционные совещания происходили под председательством И.-Д. Шумахера.

«Примечания» прекратили свое существование в конце 1742 г., когда Шумахер, еще находившийся под следствием и арестованный, вел борьбу за восстановление своей власти, а близкие ему профессора оказывали всяческое противодействие его преемнику А. К. Нартову, стараясь очернить его в глазах высших властей и сорвать его работу. Когда в апреле 1743 г. Нартов письменно запросил Академическое собрание, почему не выходят более «Примечания», профессора ответили, что в этом повинен он сам, так как запретил печатать очередной номер «Примечаний», одобренный Шумахером, а для следующих номеров не собрал материала, о чем Шумахер будто бы неизменно заботился лично, не перелагая этой обязанности на профессоров (Протоколы Конференции, т. I, стр. 736; ААН, ф. 1, оп. 2-1743 г., № 4; Материалы, т. VI, стр. 604—605). Нартов не успел добиться возобновления «Примечаний», так как вскоре после того был отрешен от должности советника, которую занял опять Шумахер.

Предложение Ломоносова издавать «подобные сим периодические сочинения» на новых основаниях было принято: с января 1755 г. Академия Наук стала выпускать учено-литературный журнал под заглавием «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (ср. документы 426—428 и примечания к ним).

40

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 5).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 482.

Ответ Воронцова, за который Ломоносов приносит благодарность, не известен. Следует полагать, что Воронцов, отвечая на письмо Ломоносова от 3 января 1754 г. (письмо 38), благодарил его за поздравление и выражал готовность оказывать ему и впредь деловые услуги.

Своей «речью» Ломоносов называет, очевидно, «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», которое в конце ноября 1753 г. было опубликовано в составе сборника «Торжество Академии Наук... празднованное публичным собранием... ноября 26 дня 1753 года». Воронцов значится в числе высокопоставленных особ, которым были розданы в декабре 1753 г. парадные экземпляры этой книжки, напечатанные на александрийской бумаге и переплетенные в дорогой белый шелк (ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 661). Слова Ломоносова «лучше экземпляров не имею» позволяют предполагать, что он послал Воронцову при данном письме не книжки, а отдельные оттиски «Слова», выпущенные без титульного листа с одним только шмуцтитлом (ср. Сопиков, ч. III, стр. 190, примечание В. Н. Рогожина к № 6028).

41

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 136, оп. 2, № 3, лл. 361—362 об.).

Подлинник на латинском языке.

Впервые напечатано полностью (латинский текст и русский перевод) — Акад. изд., т. VIII, стр. 155—159.

Предшествующее письмо Ломоносова к Эйлеру было написано 27 мая 1749 г. (письмо 15). Таким образом, перерыв в их переписке продолжался около пяти лет. Он был вызван первоначально происшедшим в 1750—1751 гг. осложнением дипломатических отношений между Россией и Пруссией. Это и было то «обстоятельство», на которое намекает Ломоносов во вступительных словах своего письма. По этой именно причине в марте 1751 г. студент Академического университета С. К. Котельников, командированный за границу к Эйлеру для усовершенствования в математических науках, не получил паспорта для проезда в Берлин и был ввиду этого послан в Лейпциг к профессору Гейнзиусу. В Берлин он выехал только в июле 1752 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 804, лл. 10, 12, 43). Те же осложнения затруднили, как видим, и почтовую связь с Берлином.

¹ О работах Ломоносова в области теории цветов см. т. III наст. изд., стр. 550—552. Через два месяца после отсылки публикуемого письма.

18 апреля 1754 г., Ломоносов выступил с предложением прочитать в публичном собрании Академии речь «о теории цветов, подтвержденной физическими и химическими опытами» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 302), но это собрание не состоялось, и речь была написана и произнесена Ломоносовым только в 1756 г. (т. III наст. изд., стр. 315—344).

² Об организации Ломоносовым мозаичных работ см. т. IX наст. изд., документы №№ 44—61, а также письмо Ломоносова И. И. Шувалову от 15 августа 1751 г. (письмо 20).

³ Образ богоматери является первой мозаичной работой Ломоносова, которую он начал в 1751 г. и закончил в 1752 г.

⁴ Указ Сенату о пожаловании Ломоносову имени для устройства в нем мозаичной фабрики состоялся 15 марта 1753 г. (Акад. изд., т. II, стр. 66—67 втор. паг.).

⁵ О «самопишущей метеорологической обсерватории» Ломоносов докладывал в Академическом собрании 18 апреля 1754 г., предлагая произнести речь на эту тему в публичном собрании Академии (Протоколы Конференции, т. II, стр. 301—302), но это собрание, как уже сказано, не состоялось. Краткое сообщение об обсерватории было сделано Ломоносовым в очередном заседании Академического собрания 1 июля 1754 г. (там же, стр. 308—309). К вопросу о самопишущих метеорологических обсерваториях Ломоносов вернулся в § 83 своего «Рассуждения о большей точности морского пути, датированном 1759 г. (см. т. IV наст. изд., стр. 173).

⁶ О беседе Ломоносова с императрицей по поводу его «Древней российской истории» см. т. VI наст. изд., стр. 574.

⁷ Своей «недавней» речью Ломоносов называет «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (т. III наст. изд., стр. 15—100 и 518). В процессе продолжительного и довольно бурного обсуждения этой работы в Академическом собрании Ломоносов выступил с письменными возражениями против теории строения кометных хвостов, предложенной Ньютоном (там же, стр. 157—177), чем вызвал недовольство некоторых академиков: «В особенности же не могут они простить ему, — писал Шумахер Эйлеру, — то, что в своих заметках он осмеливается нападать на столь знаменитых в ученом мире людей» (ААН, ф. 1, оп. 3, № 43, л. 34; Пекарский. Доп. изв., стр. 59—60). Откликом на это и являются слова Ломоносова о нежелании нападать «на писания великих мужей».

⁸ Слова Ломоносова «Я боюсь омрачить старость мужу...» относятся к Христиану Вольфу, чья натуральная философия находилась в противоречии с материалистическими воззрениями Ломоносова, которые должны были получить полное свое выражение в его «диссертации» (см. т. I наст. изд., стр. 562—564; ср. также т. III, стр. 539).

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые напечатано по подлиннику, находившемуся в Берлинской королевской библиотеке, — «Русская старина», 1895, № 4, стр. 222—223.

Публикуемое письмо написано в ответ на недошедшее до нас полностью письмо неперменного секретаря Берлинской академии наук и почетного члена Петербургской Академии И.-Г.-С. Формея от 16 (27) октября 1753 г. В сохранившемся отрывке этого письма Формей сообщает Ломоносову, что в своем печатном отзыве о XIV томе «Комментариев» Петербургской Академии Наук он «весьма пространно и с большим удовольствием высказался об его прекрасной диссертации касательно металлического блеска» (приложение к письму 88, п. 10). Этот отзыв о диссертации Ломоносова (она напечатана в т. I наст. изд., стр. 390—417) был помещен в издававшемся Формеем журнале «Nouvelle Bibliothèque Germanique ou histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord» («Новая германская библиотека, или литературная история Германии, Швейцарии и северных стран»), т. VIII, ч. I, стр. 1—16, причем из всех трудов, напечатанных в т. XIV «Комментариев» нашей Академии, отрецензирована была лишь диссертация Ломоносова, который характеризовался как «искусный химик» (стр. 14).

¹ Речью, недавно произнесенной, Ломоносов называет, очевидно, свое «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих».

² Упоминаемые Ломоносовым письма Формея к Разумовскому не отысканы.

³ Сантороцкий, точнее Санторок (Santoroc), Иоганн-Каспар, профессор поэзии, логики и метафизики и декан философского факультета Марбургского университета в бытность Ломоносова в Марбурге читал курсы «языческой теологии» и «натуральной теологии» и вел практические занятия по поэтике на основе трактата Горация «De arte poetica» (ААН, ф. 20, оп. 6, № 59).

⁴ В чем заключались денежные отношения Санторока с Фитингофом и кто был последний, не известно. Возможно, что речь идет о бароне И. Ф. Фитингофе, впоследствии главном директоре Медицинской коллегии, который в 1754 г. в качестве офицера русской службы участвовал в войне с Пруссией.

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 336—338.

¹ Упомянутое Ломоносовым письмо его, которое Шувалов назвал «ласкательным», и ответ Шувалова на это письмо не разысканы. «Всепокорнейшим прошением» Ломоносов называет это же самое, неизвестное нам письмо к Шувалову.

² Вторая фраза публикуемого письма (начинающаяся со слов «Всепокорнейшее мое прошение...») недостаточно ясна и вызвала ряд противоречивых толкований. Особенно туманны, может быть даже сознательно завуалированы, слова: «... в рассуждении толь великой особы, к которой мое сочинение простирается». П. С. Билярский полагал, что «великая особа есть без сомнения императрица, которой Ломоносов хотел представить стихотворный перевод Поповского» (Билярский, стр. 261—262). По мнению П. П. Пекарского, Ломоносов говорил в данном случае не о стихах Поповского, а о своем «Слове похвальном» Петру I (Пекарский, II, стр. 578). К этому мнению присоединился и Л. Б. Модзалевский, считавший в связи с этим, что «великой особой» Ломоносов называл не Елизавету, а Петра (Акад. изд., т. VIII, стр. 104 втор. паг.). Слова «мое сочинение» исключает догадку Билярского. Нет никакого сомнения, что Ломоносов имеет в виду какую-то свою работу, причем весь смысл как разбираемой фразы, так и последующей заключается в том, что Ломоносов просит Шувалова быть своего рода придворным цензором этой работы, просмотреть ее не с точки зрения ее формы, а со стороны ее содержания и определить, соблюдены ли в ней требования, предъявляемые к сочинениям, которые «простираются» к «великим особам». Неясно, когда именно приступил Ломоносов к работе над «Словом похвальным» Петру I, но твердо известно, что к декабрю 1754 г. оно было еще не готово (ААН, ф. 3, оп. 1, № 523, л. 428 об.), а в таком случае не преждевременно ли было поднимать в марте месяце этого года вопрос о цензурном просмотре этого ненаписанного произведения? И что побудило бы Ломоносова говорить о нем эзоповским языком, заменяя столь часто упоминаемое им в других случаях имя Петра парфразой «великая особа»? Не естественнее ли думать, что Ломоносов писал Шувалову о своей «Древней российской истории»? Судя по отчетам Ломоносова, он в 1754 г. работал над ней много и написал, кроме посвящения и вступления, три первых главы (т. VI наст. изд., стр. 574). Посвящение (Ломоносов называл его «дедикацией»), к сожалению, не сохранившееся, и было, может быть, тем сочинением, которое, по выражению Ломоносова, «простиралось» к одной из «великих особ»: нет сомнения, что оно, по обычаю того времени, было адресовано либо самой Елизавете, либо кому-либо из членов царской семьи. Подобное предположение тем более правдоподобно, что императрица, как известно, была осведомлена об этой работе Ломоносова и высказывала некоторые пожелания по вопросу об ее стиле (там же). Интересовался историческими трудами Ломоносова и Шувалов.

³ «Его сиятельство» — президент Академии Наук К. Г. Разумовский. Предназначенный для отсылки ему оконченный перевод поэмы «Опыт о человеке» был выполнен по совету Ломоносова его учеником Н. Н. Поповским. О переводе первой части этой поэмы Ломоносов сообщал Шувалову 23 августа 1753 г. (письмо 32 и примечания к нему; об отношениях Ломоносова к Поповскому см. т. IX наст. изд., документ 386).

⁴ Комиссия, упоминаемая во второй, неполно сохранившейся части письма, была образована по ордеру президента от 26 февраля 1754 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 465, лл. 85—86). О деятельности этой Комиссии (Ломоносов называет ее «Комиссией для отрешения излишеств от Академии») см. документ 394 и примечания к документу 470, § 34.

44

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАДА, ф. портфели Миллера, № 546, п. 5, № 9, лл. 179—180 об.).

Впервые напечатано — «Северный архив», 1823, ч. 7, № 14, июль, стр. 92—96.

¹ Упоминаемая Ломоносовым «новоприсланная диссертация» была одной из многих работ, представленных в Академию Наук на соискание премии в 100 червонцев за решение научной задачи, предложенной Ломоносовым (по вопросу об отделении золота от серебра). Данная диссертация была направлена Ломоносову на отзыв по решению Академического собрания от 29 апреля 1754 г. (Протоколы Конференции, т. II, стр. 303). О результатах конкурса см. т. IX наст. изд., примечания к документу 33.

² Письмо Эйлера от 16/27 апреля 1754 г. (ААН, ф. 1, оп. 3, № 40, лл. 105—106), упоминаемое Ломоносовым, было вызвано следующими обстоятельствами. В марте 1754 г. президент предложил Академическому собранию обсудить, кого из известных иностранных ученых могло бы оно рекомендовать в качестве кандидатов для замещения вакантных академических кафедр экспериментальной физики, механики и высшей математики (там же, ф. 1, оп. 2-1754 г., № 3, л. 42). На должность профессора высшей математики Собрание единодушно (возражал один только Миллер) выдвинуло кандидатуру адъюнкта С. К. Котельникова, который довершал в то время в Берлине под руководством Эйлера свое математическое образование. На кафедру экспериментальной физики Ломоносов предложил хорошо ему известного марбургского профессора И.-К. Шпангенберга, а на кафедру механики профессором Гришовом был предложен И.-П. Эбергард, который профессорствовал в Галле и недавно издал работу по теории света и огня. Кандидатуру Эбергарда поддержал и Ломоносов (Прото-

колы Конференции, т. II, стр. 296; подробнее см. ААН, ф. 21, оп. 1, № 81). Эйлер дал положительную оценку Котельникову, но заявил, тем не менее, что быть профессором ему еще рано. Не одобрил он также и кандидатур Шпангенберга и Эбергарда, сказав, что не видал еще ни одной их работы, которая была бы достойна опубликования в «Комментариях» Петербургской Академии, что подобные люди, в силу служебных своих обязанностей, вынуждены топтаться на месте, не выходя за пределы самых начальных знаний, и что лишь очень редко и очень немногие из них стараются подняться в области своей науки на более высокую ступень. Взамен выставленных академиками, Эйлер предложил своих кандидатов. По поводу заявления Эйлера о преждевременности назначения Котельникова профессором Ломоносов счел нужным напомнить, что сам Эйлер был назначен адъюнктом Петербургской Академии, когда ему было всего двадцать лет от роду. В итоге, из числа кандидатур, выдвинутых как петербургскими академиками, так и Эйлером, не прошла на этот раз ни одна. Котельников был назначен экстраординарным профессором высшей математики только в 1757 г.

³ Замечательны слова Ломоносова о том что «в Академии надобен человек, который изобретать умеет, но еще больше надобен, кто учить мастер». Они отражают вполне оправданный исторической обстановкой того времени взгляд Ломоносова на Академию Наук как на учреждение, которое не должно замыкать свою деятельность рамками одной только кабинетно-научной работы, а обязано в первую очередь заботиться о культурном росте страны и, в частности, о воспитании ученых кадров.

⁴ Об отношении Ломоносова к теории цветов Ньютона см. т. III наст. изд., стр. 334, 437, 553, 554 и 573.

⁵ Упоминаемый Ломоносовым Николай Наумович Чоглоков, официально обер-гофмейстер великокняжеского, так называемого «малого» двора, был приставлен Елизаветой Петровной к будущему Петру III и его жене, Екатерине, для надзора за их поведением. Эти обязанности он выполнял столь неловко, что восстановил против себя обоих супругов. Он умер в Москве 25 апреля 1754 г.

45

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 16—17).

Впервые напечатано — «Московский телеграф», 1825, ч. V, № XVIII, сентябрь, стр. 133—136.

Датируется предположительно по дню подачи и слушания в Сенате упомянутого в публикуемом письме доношения И. И. Шувалова об учреждении Московского университета: оно было подано в Сенат 19 июля 1754 г. и в тот же день было рассмотрено Сенатом (ПСЗ, 10346). В при-

ложенный к доношению «Проект о учреждении Московского университета» вошел, как пояснено ниже, ряд текстов, почти дословно повторяющих соответствующие части письма Ломоносова. Из этого следует, что между днем отправки письма и днем подачи доношения в Сенат прошло бесспорно некоторое время — никак не менее двух-трех дней и что, таким образом, публикуемое письмо было написано Ломоносовым, во всяком случае, не позднее первой половины июля 1754 г.

Публикуемое письмо имеет исключительно важное историческое значение: оно является одним из основных документов, определяющих степень участия Ломоносова в учреждении Московского университета.

Текст письма позволяет установить следующие факты:

1) Ломоносов говорил с Шуваловым об учреждении Московского университета еще до того, как Шувалов предпринял по этому делу первые официальные шаги. Об этом свидетельствуют два отрывка письма: в начале письма Ломоносов говорит о том, как обрадовала его решимость Шувалова «подлинно в действо произвести» то намерение, о котором до того он сообщал Ломоносову только «словесно»; и далее, в том абзаце письма, который обозначен цифрой 1, Ломоносов прямо напоминает Шувалову об основном принципе проектирования университета, который он, Ломоносов, излагал Шувалову ранее («главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству»). Оба эти отрывка находятся в полном соответствии с позднейшим сообщением Ломоносова о том, что он не только был «участником при учреждении Московского университета», но и «первую причину подал к основанию помянутого корпуса» (документ 470, § 67).

2) Основной принцип проектирования («главное основание»), предложенный Ломоносовым, был учтен при составлении проекта университетского устава. Этот принцип, который Ломоносов применял и при проектировании Академического регламента (документ 408, § 1, пп. 1 и 2), заключался в том, чтобы при установлении числа университетских кафедр исходить не из количества наличных в данное время кандидатов, пригодных для замещения проектируемых профессорских вакансий, а из потребностей Университета с тем, чтобы «план Университета служил во все будущие годы». Так и составлен был проект: многие из предусмотренных им кафедр оставались, как известно, еще долгое время вакантными.

3) До подачи своего доношения в Сенат Шувалов ознакомил Ломоносова с черновым текстом этого доношения.

4) К черновому тексту доношения, полученному Ломоносовым, Шувалов не приложил проекта университетского устава или, как выражается Ломоносов, «плана». Этим обстоятельством подтверждается косвенным образом предположение, что такого проекта в тот момент еще и не существовало.

5) Поправки, внесенные в текст письма, как видно из рукописи, частично рукою Ломоносова, частично же рукою Шувалова (см. подстрочные сноски на стр. 514 настоящего тома), говорят о том, что это письмо, по получении его Шуваловым, обсуждалось им совместно с Ломоносовым.

6) Решения, принятые в итоге этого совместного обсуждения (сокращение числа кафедр Философского факультета с шести до четырех и добавление нового предмета преподавания — геральдики), нашли себе отражение в проекте, который был представлен Шуваловым в Сенат.

7) Как видно из сопоставления текстов, приводимых ниже, пятый параграф проекта, представленного Шуваловым в Сенат, повторяет почти дословно всю ту часть письма Ломоносова, которая помечена им арабской цифрой 2:

Письмо Ломоносова

2) Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах.

В Юридическом три

1. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения римской древней и новой империи.

2. Профессор юриспруденции российской, который, кроме вышеписанных, должен знать и преподавать внутренние государственные права.

3. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском 3 же

1 Доктор и профессор химии

Проект университетского устава

5

Профессоров в университете будет в трех факультетах десять.

В Юридическом

1. Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения римской древней и новой империи.

2. Профессор юриспруденции российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права.

3. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском

1. Доктор и профессор химии должен обучать химии физической особливо и аптекарской.

II. Доктор и профессор натуральной истории

III. Доктор и профессор анатомии

В Философском шесть

I. Профессор философии

II. — физики

III. Профессор оратории

IV. — поэзии

V. — истории

VI. — древностей и кри-

тики

II. Доктор и профессор натуральной истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных.

III. Доктор и профессор анатомии обучать должен и показывать практикою строение тела человеческого на анатомическом театре и приучать студентов в медицинской практике.

В Философском

I. Профессор философии обучать должен логику, метафизику и нравоучения.

II. Профессор физики обучать должен физике экспериментальной и теоретической.

III. Профессор красноречия для обучения оратории и стихотворства.

IV. Профессор истории для показания истории универсальной и российской, также древностей и геральдики.

Таким образом, текст письма Ломоносова, лишь незначительно подправленный Шуваловым, явился основным источником этой особенно важной части университетского устава, где определяются разделение университета на факультеты, число кафедр и предметы университетского преподавания.

8) Из заключительных слов письма усматривается, что Ломоносов выражал готовность составить в пятидневный срок «полный план», т. е. развернутый проект устава Московского университета и гимназии.

Все эти факты, вместе взятые, приводят к твердому убеждению, что участие Ломоносова «при учреждении Московского университета» не ограничилось посылкой публикуемого письма: нет сомнения, что и до того и после Ломоносов, как это подтверждают его современники («Москвитянин» 1852, № 10, отд. IV, стр. 60), не раз беседовал на эти темы с Шуваловым.

46

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 6).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 482.

Письмо написано в ответ на просьбу М. И. Воронцова сочинить надпись «стихами или прозою» на празднество с иллюминацией, которое он по примеру других вельмож намеревался устроить у себя в доме по случаю рождения вел. князя Павла Петровича. Просьба Воронцова была изложена письменно на листке, озаглавленном «Нотация на память. Материя для сочинения надписи иллюминации моей», где Воронцов собственноручно набросал в прозаической форме проект «надписи» (Акад. изд., т. VIII, стр. 176).

Ломоносов исполнил эту просьбу. Приложенная к письму рукопись его стихов не сохранилась. Это было стихотворение, опубликованное четыре года спустя под заглавием «Надпись на рождение государя великого князя Павла Петровича» в томе I собрания сочинений Ломоносова, которое выпускалось Московским университетом (стр. 178; см. т. VIII наст. изд. и Акад. изд., т. II, стр. 176 перв. паг. и 123 втор. паг.). Первые два стиха этой надписи почти дословно совпадают с первыми словами «нотации» Воронцова.

Празднество состоялось 4 марта 1755 г. («Санктпетербургские ведомости», 1755, № 20 от 10 марта, стр. 4).

¹ Какие картины, «обложенные рамами флорентинской работы», были представлены Ломоносовым при публикуемом письме, остается невыясненным.

47

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 136, оп. 2, № 3, лл. 440—441).

Подлинник на латинском языке.

Впервые напечатано полностью (латинский текст и русский перевод) — Акад. изд., т. VIII, стр. 177—180.

¹ О теории цветов Ломоносова и о его работе над ее обоснованием см. т. III наст. изд., стр. 550—555.

² «Слово похвальное Петру Великому» Ломоносов предполагал написать в 1754 г. с тем, чтобы произнести его 19 декабря этого года (см. примечания к письму 43), однако не успел закончить его в срок. Слово было произнесено в торжественном собрании Академии Наук 26 апреля 1755 г.

³ О дальнейшей судьбе упоминаемого здесь «опровержения» см. т. III наст. изд., стр. 538—541.

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 338—339.

Как видно из содержания публикуемого письма, оно написано после состоявшейся накануне, 29 декабря 1754 г., беседы Ломоносова с И. И. Шуваловым, который, вероятно, со слов К. Г. Разумовского, дал понять Ломоносову, что его «всепокорнейшее прошение» едва ли может рассчитывать на успех. В чем именно заключалось это «прошение», мы не знаем. Из письма видно лишь, что Ломоносов, как он сам поясняет, хотел быть «произведен в Академии для пресечения коварных предприятий», т. е. желал получить такое назначение, которое давало бы ему возможность активно противодействовать «коварным предприятиям» реакционной группы в лице Шумахера, Теплова и Тауберта. Шла ли речь о производстве Ломоносова в члены Канцелярии или в вице-президенты Академии, не известно. Ломоносов ставил вопрос решительно: либо дать ему то академическое звание, о котором он просил, либо перевести его из Академии в другое ведомство, «лучше всего в Иностранную коллегию». Назначение Ломоносова советником Канцелярии состоялось только два года спустя, 13 февраля 1757 г.

¹ Приводимые в письме церковнославянские тексты («сотворил со мною знамение во благо... бысть сей») заимствованы Ломоносовым из псалмов, очевидно, по памяти, а потому и не вполне точно.

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 56).

Впервые напечатано — Грот, стр. 24—25.

Как публикуемое письмо, так и последующее, от 12 марта 1755 г. (письмо 50), относится к тому моменту, когда после происшедшего 23 февраля 1755 г. резкого столкновения Ломоносова с Тепловым при обсуждении в Академическом собрании вопроса о пересмотре регламента Академии (Ламанский, стр. 94—95) Разумовский воспретил Ломоносову участвовать в собраниях.

Текст и точная дата этого последнего распоряжения не известны, так как Разумовский, отменив его 29 марта 1755 г., приказал возвратить ему «в оригинале» как его собственный, им же и отмененный ордер, так и соответствующее определение Канцелярии, «не оставляя с них копии», что и было исполнено (ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 98; Билярский, стр. 293). Третьяков, упоминая о президентском указе (27 марта

т. е. еще до его отмены), формулировал его содержание так: «Советнику Ломоносову не велено быть в собраниях» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, л. 189). Подобную же формулировку дает и сам Ломоносов: «Отрешен был Ломоносов от присутствия в Профессорском собрании» (документ 470, § 35).

Распоряжение Разумовского было косвенным образом подсказано Миллером, который, сообщая ему 24 февраля 1755 г. об отказе Теплова («за учиненным ему от г. советника Ломоносова бесчестьем») и Шумахера участвовать в дальнейшем обсуждении поправок к регламенту, запрашивал президента, «продолжать ли сии экстраординарные собрания и без именованных двух старших членов», и просил освободить и его, Миллера, от участия в этих собраниях, «потому что, — писал Миллер, — не меньше за г. советника Ломоносова опасаясь, имея уж толь много примеров его ко мне досады, что впредь с ним ни о каком деле говорить не осмеливаюсь» (ААН, ф. 21, оп. 1, № 25, л. 14).

Нет сомнения, что отмена наложенного на Ломоносова взыскания произошла не без участия Шувалова. Возможно даже, что весь этот инцидент был доведен Шуваловым до сведения императрицы: на это намекает Ломоносов, говоря, что он был «при дворе законно оправдан» (см. документ 470, § 35).

¹ «Коварником» Ломоносов называет Теплова.

² Ж.-Н. Делиль выбыл из состава Академии Наук 23 января 1747 г.; И.-Г. Гмелин — в 1747 г.; И.-Г. Сигезбек — 1 мая 1747 г.; Х. Крузнус — 20 апреля 1749 г.; И.-Х. Гебенштрейт в 1753 г.; И. Вейтбрехт умер в Петербурге 8 февраля 1747 г.

50

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 7—8).

Впервые напечатано (не точно) — «Воронежская беседа на 1861 г», СПб., 1861, стр. 292—293.

См. примечания к предыдущему письму.

¹ «Лукавцем» Ломоносов называет Теплова.

51

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 209, л. 10).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 591—592.

Просьба Ломоносова, изложенная в публикуемом письме, была удовлетворена немедленно: Петров был в тот же день определен в Рисовальную

палату (ААН, ф. 3, оп. 1, № 209, л. 11). Подробнее о Петрове см. т. IX наст. изд., документ 67 и примечания к нему.

52

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 210, лл. 258—259).

Впервые напечатано полностью — Акад. изд., т. VIII, стр. 194—195

О поступлении Ф. Беттигера на академическую службу и об его работе в Химической лаборатории см. т. IX наст. изд., документ 27 и примечания к нему.

Ходатайство Ломоносова, содержащееся в публикуемом письме, было удовлетворено: определением Академической канцелярии от 30 июля 1756 г. Беттигер был уволен от академической службы «по его желанию», и на его место лаборатором был назначен В. И. Клементьев (ААН, ф. 3, оп. 1, № 210, лл. 261—262).

Сохранилась копия аттестата, выданного Ломоносовым Беттигеру 22 марта того же года, где удостоверяется, что Беттигер «отправляет свою должность верно и прилежно и сверх химических операций ведет метеорологический журнал третий год» (там же, л. 250).

53

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Собрание П. К. Сухтелена, картон 73).

Впервые напечатано — Записки АН, т. X, кн. II, СПб., 1867, стр. 186—187.

¹ Упоминаемое Ломоносовым письмо И. И. Шувалова не отыскано. В этом письме Шувалов ограничился, по-видимому, только кратким сообщением о том, что Вольтеру поручено писать о Петре I, но не осведомил Ломоносова, в каком состоянии находится эта работа Вольтера. Намечая порядок доставления Вольтеру материалов о Петре, Ломоносов исходил, как видим, из предположения, что Вольтер еще только готовится приступить к делу, тогда как в действительности Вольтер успел уже написать к этому времени восемь глав, о чем Шувалову было известно (см. т. VI наст. изд., стр. 564). О материалах, которые готовились при участии Ломоносова для Вольтера, см. также письма 55 и 62 и примечания к ним.

² «Сокращенное описание дел государевых», о котором говорит Ломоносов, до нас не дошло. «Панегириком» он называет свое «Слово похвальное» Петру I, а «первым листом моей речи» — первый печатный лист своего «Слова о рождении металлов от трясения земли», которое он произнес в торжественном заседании Академии Наук 6 сентября 1757 г. (см. т. V наст. изд., стр. 295—347 и ААН, ф. 3, оп. 1, № 528, лл. 308 об.—309).

³ «Панегирик» Петру I был переведен на французский язык, но не академиком Штрубе-де-Пирмонтом, а секретарем И. И. Шувалова, бароном Чуди и притом, по отзыву Ломоносова, «весьма плохо и вопреки возражениям автора». Этот перевод вышел в свет в 1759 г. (Кунцевич, стр. 31, № 93).

⁴ «Престарелые лета» Вольтера, которому было в то время 63 года, не помешали ему пережить Ломоносова на тринадцать лет: Вольтер умер в 1778 г.

⁵ Был ли составлен упоминаемый Ломоносовым «Краткий экстракт из летописцев» о состоянии России в 1613—1633 гг. и записывал ли Ломоносов слышанные им рассказы о детстве Петра I, мы не знаем.

54

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 56, л. 4).

Впервые напечатано — Грот, стр. 25—26.

¹ Упоминаемое Ломоносовым «расписание разных цен мусии» было приложено к письму в виде отдельного документа под заглавием «Выкладка, по чему становится квадратный фут мусии по разным сортам» (см. т. IX наст. изд., документ 79).

² Речь идет о мозаичном портрете императрицы Елизаветы Петровны, который исполнялся на Усть-Рудицкой фабрике по заказу И. И. Шувалова для Московского университета. Дата окончания портрета не совсем ясна: по-видимому, он был окончен в 1760 г. По неизвестным нам причинам он не был отправлен в Москву, а сдан в Академию Художеств, где хранился почти целое столетие. В 1851 г. он был передан в «Новый Эрмитаж», а с 1913 г. находится в Русском музее в Ленинграде (Макаров, стр. 155—157).

³ Рядом авторов высказано мнение, что под именем упомянутого Ломоносовым «Федора» следует разуметь известного русского портретиста Ф. С. Рокотова. В. К. Макаров считает его автором картона, с которого набиралась ломоносовская мозаика (там же, стр. 135; Акад. изд., т. VIII, стр. 147 втор. паг.).

55

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 342.

¹ «Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов» и «Сокращение о житии государей и царей Михаила, Алексея и Федора» подготовлялись Ломоносовым как материал для истории Петра I, которую писал

в это время Вольтер (см. письмо 53 и примечания к нему). Первая работа опубликована в т. VI наст. изд. (стр. 97—162), вторая не отыскана.

² «Свидетельства и труды» Ломоносова, приложенные к публикуемому письму, не сохранились. Судя по заглавию, можно думать, что это были такого же типа выписки из отзывов о Ломоносове, как те, которые он приложил к письму на имя М. И. Воронцова от 19 января 1764 г. (письмо 88). К ним были приложены, вероятно, и печатные оттиски «трудов».

³ Слова «с верху Парнасских гор долой», выделенные Ломоносовым как цитата, заимствованы, по-видимому, из каких-то направленных против него сатирических стихов, нам не известных. Именно в это время, осенью 1757 г., таких стихов появлялось немало в связи с шумом, который был поднят вокруг «Гимна бороде».

⁴ В первой публикации (1784 г.), по которой печатается настоящее письмо, между словами «строения» и «фабрики» нет запятой, а запятая была бы здесь вполне уместна: строительство Усть-Рудицкой фабрики было давно уж завершено, и, говоря о заботах, связанных с фабрикой, Ломоносов имел в виду, очевидно, не строительные операции на фабрике, а чрезвычайно волновавший его в ту пору вопрос о сбыте ее изделий (см. т. IX наст. изд., документы 80—82 и примечания к ним); что же касается слова «строения», то оно относилось, вероятно, к постройке жилого дома на Мойке, куда Ломоносов переехал именно в данном году. Таким образом, можно предполагать, что в рукописном подлиннике, до нас не дошедшем, обсуждаемая фраза начиналась так: «Домашние мои заботы в рассуждении строения, фабрики и прочего приходят к окончанию».

⁵ О каком обещанном портрете идет речь в последних строках письма, не выяснено.

56

Печатается по собственноручному подлиннику (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, собрание А. С. Норова, Авт. 3, 54).

Немецкий текст напечатан впервые — «Летописи», 1859, т. I, кн. 2, отд. III, стр. 193—194; русский перевод напечатан впервые — Акад. изд., т. VIII, стр. 201.

Публикуемое письмо относится к тому моменту, когда Сенат, рассмотрев 3 октября 1757 г. прошение Ломоносова об обеспечении Усть-Рудицкой фабрики заказами на мозаичные изделия для украшения казенных зданий (т. IX наст. изд., документ 81 и примечания к нему), предложил Академической канцелярии освидетельствовать мозаичные изделия Ломоносова, а Канцелярия 23 того же октября определила произвести это освидетельствование в собрании Академии Художеств, где руководящим лицом был адресат настоящего письма — Штелин.

Подробности см. в т. IX наст. изд., примечания к документу 81, где приведен и положительный отзыв Академии Художеств о художественных и технических достоинствах мозаичных работ Ломоносова.

57

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погодинское собрание, автографы, № 272).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст и русский перевод напечатаны впервые — Акад. изд., т. VIII, стр. 203.

Датируется предположительно по предыдущему письму на имя Штелина (письмо 56) и по дню подачи Стафенгагеном 1 ноября 1757 г. репорта в Академическую канцелярию с приложением отзыва Академии Художеств о мозаичных работах Ломоносова (см. примечания к письму 56).

На письмо Ломоносова от 27 октября 1757 г. с просьбой ускорить рассмотрение его мозаичных работ в собрании Академии Художеств Штелин ответил запиской, где сообщал, что составленный им отзыв об этих работах готов, но еще не подписан другими членами Академии Художеств. Посылая черновик отзыва Ломоносову на просмотр, Штелин обещал по возвращении черновика в тот же день отдать его в Академию для переписки набело, после чего он будет подписан и направлен «дальше», т. е. в Академическую канцелярию (Акад. изд., т. VIII, стр. 202—203, где два письма Ломоносова на имя Штелина, опубликованные там под №№ 79 и 81, расположены в неверной последовательности).

На обороте этой записки Штелина написано публикуемое письмо, где Ломоносов сообщает, что вполне удовлетворен содержанием присланного ему отзыва и просит скорее дать ему ход. В окончательном тексте отзыва, сохранившегося только в русском переводе, нет упоминаемого Ломоносовым слова «довольно» (см. ААН, ф. 3. оп. 1, № 226, лл. 131—132).

58

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погодинское собрание, автографы, № 265).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст напечатан впервые — Летописи, т. I, кн. 2, 1859, отд. III, стр. 194, № 2; русский перевод напечатан впервые — Акад. изд., т. VIII, стр. 202.

Датируется предположительно по тем же основаниям, что и предыдущее письмо (письмо 57), с которым оно тесно связано.

Несмотря на обещание Штелина дать отзыв о мозаиках Ломоносова в переписку в тот же день и не взирая на двукратную просьбу Ломоносова об ускорении канцелярских процедур, дело все же, как видим, затягивалось.

Кроме переписки немецкого оригинала набело, оставалось еще собрать подписи лиц, смотравших мозаики, перевести немецкий текст на русский язык и представить отзыв в Академическую канцелярию. Эти-то действия Ломоносов и предлагал поручить архивариусу Стафенгагену, который их и выполнил: 1 ноября 1757 г. отзыв был им подан в Канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 468, л. 367).

Причина, по которой Ломоносов так торопил Штелина, заключалась в критическом финансовом положении Усть-Рудицкой фабрики: ее продукция не находила сбыта, расходы на содержание фабрики покрывать было нечем, а Мануфактур-коллегия требовала возврата ссуды.

¹ Не известно, что имел в виду Ломоносов, говоря в публикуемом письме о каком-то ухудшении обстановки. Вероятнее всего, что речь шла об отголосках той рукописной полемики, которая была вызвана «Гимном бороде». В процессе этой полемики враги Ломоносова не упускали случая намекнуть и на то, что устрйством фабрики Ломоносов причинил убыток казне (Пекарский, II, стр. 607)

59

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН. ф. 20. оп 3, № 56).

Впервые напечатано — Грот, стр. 26

Упоминаемый в письме портрет Ломоносова предназначался для первой книги «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе» Ломоносова, которое печаталось Московским университетом. Этот портрет был исполнен по заказу И. И. Шувалова французским художником-гравером Этьеном Фессаром и прислан из Москвы для печатания в Академической типографии.

Ломоносову не понравилась поза, в которой изобразил его художник, и маловыразительный традиционный морской пейзаж, на заднем плане Устранение этих «погрешностей» было поручено академическому граверу Х.-А. Вортману, который исправил позу и заменил морской пейзаж индустриальным, изобразив на заднем плане часть Усть-Рудицкой фабрики.

Несмотря на нежелание Ломоносова, под его портретом все же появилась подпись. Это было знаменитое впоследствии шестистишие:

Московский здесь Парнасс изобразил витию,
 Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию.
 Что в Риме Цицерон и что Virgiliй был,
 То он один в своем понятии вместил,
 Открыл природы храм богатым словом россов;
 Пример их остроты в науках Ломоносов.

Автором подписи, как установлено Л. Б. Модзалевским, был ученик Ломоносова Н. Н. Поповский, состоявший тогда профессором Московского университета.

¹ Упоминаемое Ломоносовым «прежнее» письмо его к И. И. Шувалову до нас не дошло. Слова «Я прошу только того, что мне надлежит по справедливости» позволяют предполагать, что в этом письме Ломоносов возбуждал ходатайство о повышении в должности или о производстве в следующий чин (ср. письмо 55).

² «Героическим описанием трудов Петровых» Ломоносов называет свою героическую поэму «Петр Великий», начатую, как видно из его отчетов о своих трудах, в 1756 г. (см. документ 516); о работе Ломоносова над этим произведением см. т. VIII наст. изд.

60

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погодинское собрание, автографы, № 273).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — «Летописи», 1859, т. I, кн. 2, отд. III, стр. 194—195. Полный русский перевод впервые напечатан — Акад. изд., т. VIII, стр. 205—206.

Упоминаемое в письме «дело в Сенате» касалось правительственного заказа на мозаичные работы для Петропавловского собора. 26 мая 1758 г. императрице докладывалось определение Сената по этому вопросу. Оно было благоприятно для Ломоносова и не встретило возражений со стороны Елизаветы Петровны. Одобренный ею доклад был «отдан» 2 июня в Сенат, где началась новая бюрократическая процедура, одна из стадий которой завершилась 20 июня («Ломоносов», III, стр. 398, № 136). Это и имеет в виду Ломоносов, говоря, что дело «окончилось лишь восемь дней тому назад». В действительности, однако, оно было еще очень далеко от окончательного разрешения: Ломоносов не мог предвидеть, что оно затянется еще на два года (подробнее см. т. IX наст. изд., документы 87 и 92 и примечания к ним).

61

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погодинское собрание, автографы, № 267).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст напечатан впервые — «Летописи», 1859, т. I, кн. 2, отд. III, стр. 195, № 5; русский перевод напечатан впервые — Акад. изд., т. VIII, стр. 206—207.

Датируется предположительно по дню фейерверка и по определению Академической канцелярии о напечатании описания фейерверка. Упомянутый в письме фейерверк был устроен П. И. Шуваловым в Петербурге 11 или 12 июня 1758 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 234, л. 8; «Санктпетербургские ведомости», 1758, № 48, 16 июня, стр. 2). Описание фейерверка было напечатано в Академической типографии в октябре 1757 г. в количестве 200 экземпляров (ААН, ф. 3, оп. 1, № 528, лл. 179 об. и 267; № 234, лл. 6—19) Весь тираж этого издания поступил в распоряжение П. И. Шувалова, в связи с чем оно обратилось в величайшую библиографическую редкость, которую не удалось отыскать даже в самых крупных наших библиотеках, а текст публикуемого письма настолько неясен, что нет возможности установить, кто был автором стихов, переведенных Ломоносовым на латинский язык: сам ли Ломоносов или другое лицо, может быть, Штелин. Не найден и этот латинский перевод.

62

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 340—341.

¹ «Историческими переводами и экстрактами с российского языка на французский» Ломоносов называет материалы по русской истории, которые через И. И. Шувалова посылались Вольтеру в связи с работой последнего над историей Петра I (ср. письма 53 и 55). Для Вольтера же подготавливался в 1759—1760 гг. при участии Ломоносова и экстракт из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (т. VI наст. изд., стр. 566). В публикуемом письме Ломоносов называет эту книгу «Камчатской историей». Об отношениях Ломоносова с К.-Ф. Модерахом см. т. IX наст. изд., документы 296, 300, 312, 316, 335—337, 340, 343 и примечания к ним.

² Говоря о своих «недоброжелателях», Ломоносов имеет в виду в данном случае академиком С. Я. Румовского и, в особенности, Ф.-У.-Т. Эпинуса, которые резко и несправедливо критиковали построенную Ломоносовым «ночезрительную трубу», или, как он именовал ее иногда, «машину для сгущения света». Споры по этому вопросу продолжались уже более трех лет, лишая Ломоносова возможности обнародовать свое изобретение. Примерно за две недели до написания публикуемого письма Ломоносов получил от Шувалова новую английскую трубу из имп. Кабинета, в которой усмотрел реализацию своего предложения, лишившую его приоритета. Подробности см. в статье С. И. Вавилова «Ночезрительная труба М. В. Ломоносова» («Ломоносов», II, стр. 71—92).

³ Новым оптическим инструментом Ломоносов называет гидроскопическую трубу, над изобретением которой он работал в 1759 г. (т. IV наст. изд., стр. 321—323, 445, 759—760).

⁴ «Явным бессовестием» Ломоносов считал появление в июньском номере журнала «Трудолюбивая пчела», издававшегося А. П. Сумароковым (1759 г., стр. 360) и печатавшегося в Академической типографии, статьи «О мозаике», где автор ее, В. К. Третьяковский, говорил о том, что невозможно «подражать совершенно камешками и стеклышками всем красотам и приятностям, изображаемым от искусных кисточки». Ломоносов опасался, что эта статья может неблагоприятно повлиять на ход возбужденного им в Сенате дела о заказе на мозаичные украшения для Петропавловского собора (т. IX наст. изд., документы 87—89 и примечания к ним).

63

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 14—15).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 484—486.

Ходатайствуя о создании должности вице-президента Академии Наук и о своем назначении на эту должность, Ломоносов видел в этом наиболее верный способ изменить соотношение сил внутри Академии и освободить ее тем самым от власти реакционной канцелярской клики, которая противодействовала стараниям Ломоносова «о распространении наук в отечестве». Однако ходатайство Ломоносова удовлетворено не было.

К публикуемому письму была приложена составленная Ломоносовым «Роспись упражнений сего 1759 года» (документ 517). К этому же письму Ломоносов приложил и сводку «свидетельств» иностранных ученых об его работах. Она печатается в качестве приложения к письму 88, при котором была послана М. И. Воронцову вторично в несколько более полном варианте.

¹ Говоря о себе, что «через пятнадцать лет нес... четыре профессии», Ломоносов исчислял этот период со дня назначения своего профессором химии, т. е. с 25 июля 1745 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 949, л. 89).

² Более подробные сведения о трудах Ломоносова «в обоим красноречии, в истории, в физике и в химии» см. в его отчетах и в примечаниях к ним (документы 503—520).

³ Отправлением «дел канцелярских» Ломоносов называет свою работу по должности члена Академической канцелярии, в состав которой он был введен 13 февраля 1757 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 105).

⁴ О деятельности Ломоносова как руководителя Академической гимназии см. т. IX наст. изд., документы №№ 289, 290, 300—313, 315, 316.

320, 323, 327. «Строгий» экзамен, о котором говорит Ломоносов, происходил «в присутствии всех академиков и профессоров» и затянулся до первых чисел января 1760 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 825, лл. 19—24). В итоге этого экзамена 17 января 1760 г. состоялось определение Академической канцелярии о производстве в студенты девяти гимназистов, в том числе И. И. Лепехина, известного впоследствии академика (там же, № 471, л. 24).

⁵ В момент писания публикуемого письма у Ломоносова было формально три «товарища» по Канцелярии: Шумахер, Тауберт и Штелин, но одряхлевший Шумахер уже отстранился к этому времени от всяких дел. Говоря о том, что «два иностранные в Канцелярии члены против меня перевес имеют», Ломоносов, таким образом, разумеет Тауберта и Штелина.

⁶ Двадцатилетний срок пребывания «в сем корпусе», т. е. в Академии, Ломоносов исчисляет со дня своего возвращения в 1741 г. из Германии, а девятилетний срок службы «советником» — со дня производства 1 марта 1751 г. в коллежские советники.

⁷ Упомянув о своей деятельности на правах «судьи» в нескольких комиссиях, Ломоносов имеет в виду, очевидно, свое участие в расследовании дела о переписке Миллера с И.-Н. Делилем в 1748 г. (документы 415—423) в «Комиссии для отрешения излишеств от Академии», образованной по ордеру президента от 26 февраля 1754 г. (документ 394) и, может быть, в обсуждении диссертации Миллера в 1749—1750 гг. (см. т. VI наст. изд., стр. 17—80, 546—549).

64

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 22—23).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 433.

Датируется предположительно. Вопросом об утверждении «университетской привилегии» и об «инавгурации» Академического университета Ломоносов был особенно усердно занят в первые месяцы 1760 г. Этого вопроса он касался в письме М. И. Воронцову от 30 декабря 1759 г. (письмо 63) и в письмах И. И. Шувалову от 17 и 20 апреля 1760 г. (письма 66 и 67), а после того, насколько известно, не возвращался к нему ни в частных письмах, ни в официальных представлениях и репортажах вплоть до 15 февраля 1761 г. (письмо 73). В публикуемой записке заключительные слова Ломоносова о произнесении «благодарственного слова на университетской инавгурации» звучат настолько уверенно, что могли быть написаны лишь в такой момент, когда Ломоносов считал эту «инавгурацию» делом почти решенным. Столь оптимистическое настроение могло возникнуть у него, вероятно, непосредственно после того, как президент Академии подписал 14 февраля 1760 г. составленное Ломоносовым определение о преобразовании Академического университета (т. IX наст. изд.).

документ 323) и 17 того же февраля представление в Конференцию при имп. дворе об утверждении университетской «привилегии» (там же, документ 325). Таким образом, есть основание думать, что публикуемая записка составлена в промежуток времени с 14 февраля по 17 апреля 1760 г., вернее же всего во второй половине февраля этого года, с чем согласуются и слова Ломоносова: «служу 9 лет в одном чине».

Основная тема записки — та же самая, которой посвящено и вышеупомянутое письмо М. И. Воронцову от 30 декабря 1759 г.: речь идет об учреждении должности вице-президента Академии Наук и о назначении на эту должность Ломоносова.

Форма публикуемой записки заставляет полагать, что Ломоносов либо передал ее Шувалову из рук в руки при личной беседе об академических делах, либо послал ее в дополнение к такой беседе.

¹ Ломоносов прав, когда говорит, что вопрос о создании такой должности был поднят еще до него самим Разумовским, который в 1751 г., перед отъездом на Украину, писал императрице, что «весьма бы полезно было прибавить вице-президента» (Васильчиков, стр. 147—148).

² О «советах» Ломоносова относительно Московского университета см. письмо 45 и примечания к нему.

³ «Петриадой» Ломоносов называет свою поэму «Петр Великий», которая, как известно, осталась неоконченной. Первую ее часть Ломоносов преподнес И. И. Шувалову в рукописи 1 ноября 1760 г. (Куник, II, стр. 329).

⁴ Черновик речи Ломоносова на «инавгурацию» Университета см. в т. VIII наст. изд.

65

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3. № 55, лл. 9—11).

Впервые напечатано — «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», 1862, № 28, стр. 19—20.

См. примечания к письму 54.

¹ Приложенный к публикуемому письму счет на сумму 1201 руб. 20 коп. см. в т. IX наст. изд., документ 90.

² Просьба Ломоносова об оплате счета была удовлетворена в том же 1760 г. (П. Н. Петров. Сборник материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования, ч. I. СПб., 1864, стр. 27).

³ Упоминаемые в письме «трудящиеся мастерские люди» — мозаичисты, «наборщики» Матвей Васильев и Ефим Мельников, ученики Ломоносова (Макаров, стр. 156).

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 12—13).

Впервые напечатано (не точно) — «Воронежская беседа на 1861 г.», СПб., 1861, стр. 233—235.

Публикуемое письмо теснейшим образом связано с тем отзывом о литературной и театральной деятельности А. П. Сумарокова, который напечатан в т. IX наст. изд. (документ 388).

Как видно из текста письма, оно было вызвано столкновением Ломоносова с бароном А. С. Строгановым, которое произошло накануне — 16 апреля 1760 г. Яблоком раздора послужила речь французского аббата Лефевра, произнесенная в салоне Строганова на тему об успехах изящных искусств в России. Строганов настаивал на ее напечатании, Ломоносов же возражал, причем в процессе спора вельможный юнец позволил себе попрекнуть Ломоносова «низкой породой». Победа — и притом не только моральная — осталась за Ломоносовым. Он не побоялся поставить под угрозу свои отношения с Воронцовым и Шуваловым и нашел в себе мужество не уступить обидчику: печатание брошюры Лефевра, которую Академическая типография успела уже набрать, было приостановлено. Строганову пришлось печатать ее за границей, изменив предварительно ее текст и выкинув из нее те выражения, которыми особенно задет был Ломоносов (подробнее см. т. IX наст. изд., примечания к документу 388). Поражение Строганова этим не ограничилось. Примерно через месяц после его стычки с Ломоносовым другой молодой вельможа, гр. А. П. Шувалов (в публикуемом письме Ломоносов именует его «приятелем» Строганова), произнес, а затем и напечатал — тоже за границей — речь, где, не называя Лефевра, вступил с ним в решительную полемику по тому самому вопросу, который в данном случае особенно волновал Ломоносова: вся речь Шувалова посвящена обстоятельному и нелицеприятному сопоставлению Ломоносова с Сумароковым, причем Ломоносов назван «гениальным творцом» (*génie créateur*) и «отцом нашей поэзии», тогда как про Сумарокова сказано, что он «лишен творческого гения» (*privé d'un génie créateur*) и является только ловким подражателем (русский перевод речи А. П. Шувалова см. П. Н. Берков, указ. соч., стр. 262—265).

¹ «Александр Сергеевич» — барон А. С. Строганов, зять вице-канцлера М. И. Воронцова, свойственник императрицы, едва ли не самый богатый человек в тогдашней России. В 1757 г. он вернулся из-за границы после шестилетнего путешествия. В 1760 г., когда было написано публикуемое письмо, А. С. Строганову было 27 лет.

² Упоминаемые в письме «копии» не отысканы.

³хлопоты Ломоносова об утверждении «университетской привилегии» освещены в т. IX наст. изд., документ 324.

67

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 56).

Впервые напечатано — Грот, стр. 26—27.

¹ Об «описании Камчатки» см. письмо 62 и примечания к нему.

² О привилегии для Академического университета и об инаугурации его см. т. IX наст. изд., документы 324 и 325 и примечания к ним.

³ Слова Ломоносова «начало особого рачения к приведению в исполнение старания моего в словесных науках» являются, как думают, намеком на работу над поэмой «Петр Великий». По свидетельству И. Ф. Тимковского, И. И. Шувалов говорил ему о названной поэме, что это он, Шувалов, «заставил» Ломоносова «сделать этот опыт для императрицы» («Москвитянин», 1852, № 20, кн. 2, Исторические материалы, стр. 60).

68

Печатается по фотокопии подлинника, хранящегося в Шведской Академии наук в Стокгольме, с указанием в сносках вариантов по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 260).

Латинский текст впервые напечатан — «Выставка „Ломоносов и елизаветинское время“», т. VII, Пгр., 1915, стр. 207. Русский перевод впервые напечатан — Акад. изд., т. VIII, стр. 224—226.

19 (30) апреля 1760 г. Ломоносов был единогласно избран почетным членом Шведской академии наук. 27 апреля (7 мая) 1760 г. был подписан диплом Ломоносову на это звание. Дата получения Ломоносовым шведского диплома не известна.

Текст диплома заканчивался пожеланием, чтобы Ломоносов «яко член соединенный королевской Шведской академии уже как своей взаимное подавал вспоможение» (письмо 88, приложение). Ломоносов тотчас же отозвался на это пожелание и написал для доклада в Шведской академии «Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях», которое в публикуемом письме называется своей «членской работой». Текст этой работы см. в т. III наст. изд., стр. 447—459, где в примечаниях изложена история ее опубликования (стр. 577—579).

69

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 16—17).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 486—487.

В первой фразе письма Ломоносов напоминает Воронцову о своем письме к нему от 30 декабря 1759 г. (письмо 63), к которому были прило-

жены; 1) отчет о работах Ломоносова за 1759 г. (документ 517) и 2) сводка отзывов иностранных ученых о научных трудах Ломоносова (приложение к письму 88). Эти именно два приложения Ломоносов и имеет в виду, когда говорит: «при чем сообщены мои труды и свидетельства».

Хлопоты Ломоносова о назначении его вице-президентом Академии Наук не увенчались успехом и на этот раз. А между тем в середине следующего, 1761, года Сенат, независимо от ходатайства Ломоносова, поднял вопрос о создании в Академии такой или подобной должности. «Худое состояние» Академии объяснялось, по мнению Сената, тем, что Разумовский, «находясь в долговременном отсутствии, не может сам своею особою надсматривать», ввиду чего Сенат решил просить императрицу о назначении «для лучшего распорядка при Академии» некоего камергера, графа Головкина, «а когда президент сюда прибудет, то Головкину быть при нем товарищем» (Солорьев, кн. VI, столб. 226). Назначение Головкина не состоялось, но вопрос о создании должности вице-президента Академии продолжал обсуждаться: в начале 1762 г. Разумовский прочил на эту должность А. С. Строганова, того самого юного «мецената», который счел уместным публично попрекнуть Ломоносова «низким» происхождением (письмо 66 и примечания к нему). Петру III хотелось назначить вице-президентом И. И. Шувалова. А Миллер уговаривал В. Е. Адодурова выставить свою кандидатуру, сообщая ему при этом по секрету, что Ломоносова думают удалить из Академии «куда-нибудь, может быть, в Берг-коллегию». — «Пусть и тамошние господа проведуют, — добавлял Миллер, — чего натерпелись мы за пятнадцать лет от этого нарушителя спокойствия. При одной мысли об этом слюнки текут» (письмо от 31 января 1762 г.; ААН, ф. 21, оп. 3, № 304/2, л. 19). Об этих интригах Ломоносов, насколько известно, не знал.

¹ Говоря о том, что К. Г. Разумовский поручил ему «главное правление ученых департаментов», Ломоносов имел в виду два одновременных распоряжения президента Академии Наук: 1) определение от 24 марта 1758 г., где Ломоносову предлагалось «иметь особое прилежное старание и смотрение, дабы в Академическом, Историческом и Географическом собраниях, також в Университете и в Гимназии все происходило порядочно» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 469, л. 104) и 2) ордер от 19 января 1760 г., которым «учреждение и весь распорядок Университета и Гимназии» поручались «единственно» Ломоносову (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 19).

² См. примечание 1 к письму 64.

70

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погодинское собрание, автографы, № 266).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан (не точно) — *Летописи*, т. I, кн. 1, кн. 1, 1859, отд. III, стр. 195, № 4. Русский перевод впервые напечатан — Пекарский, II, стр. 697, прим. 2 и стр. 711.

Датируется предположительно по дню получения в Академической канцелярии ордера К. Г. Разумовского от 23 октября 1760 г., на котором рукой канцеляриста помечена «входящая» дата «Ноября 7 д[ня] 1760» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 244), и по дате состоявшегося во исполнение этого ордера определения Канцелярии от 13 ноября 1760 г. об отправке в Сибирь двух астрономических экспедиций (там же, лл. 250—252; см. т. IX наст. изд., документ 227). В упомянутом ордере президента назначались две экспедиции, а участник экспедиции — только один, С. Я. Румовский. Канцелярии предстояло, таким образом, наметить второго участника. По этому вопросу между членами Канцелярии возникли разногласия, чем и объясняется, должно быть, необычный в тогдашней академической практике шестидневный разрыв между президентским ордером и канцелярским определением. В этот-то промежуточный период времени и было написано публикуемое письмо.

¹ Свое намерение подать по этому делу особое мнение «письменно» Ломоносов выполнил не сразу. При первоначальном обсуждении в Канцелярии вопроса о наблюдателях, состоявшемся 13 ноября 1760 г., Ломоносов такого мнения в письменном виде не подавал; по крайней мере никаких следов письменного его выступления не сохранилось. Нельзя считать таким «мнением» и письменно выраженное Ломоносовым несогласие с решением Тауберта и Штелина от 23 декабря того же года о командировании Румовского в Сибирь ранее других «обсерваторов» (см. т. IX наст. изд., документ 229). «Мнение», о котором говорит в публикуемом письме Ломоносов, было включено им в пространную записку «О нынешних академических обстоятельствах», поданную президенту в январе 1761 г. (см. документ 453). В этой записке Ломоносов возвращается к вопросу о некомпетентности и неопытности Румовского как астронома и вскрывает причины разногласий, возникших в Академической канцелярии в связи с вышеупомянутым ордером президента от 23 октября 1760 г.

² «Монументом» Ломоносов называет мозаичные украшения к гробнице Петра I в Петропавловском соборе. Вопрос о правительственном заказе на эти украшения оставался все еще неразрешенным: Елизавета Петровна, хотя и одобрила мысль о создании такого «монумента», но пожелала выслушать мнения специалистов о том, «каков бы сей монумент быть имел». Мнение Академии Наук должен был формулировать Штелин (Биларский, стр. 472). Этим и объясняется обращенная к нему просьба Ломоносова «не медлить с проектом монумента».

³ Говоря о своей нужде в деньгах, Ломоносов, чтобы подчеркнуть степень этой нужды, повторяет, шутки ради, слово «деньги» шесть раз на шести разных языках: по-гречески, по-латыни, по-русски, по-немецки, по-французски и по-фински.

71

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 14—15).

Впервые напечатано — «Уrania. Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности, изданная М. Погодиным», М., 6. г., стр. 54—58.

2 января 1761 г. один из «кавалеров», бывавших у И. И. Шувалова, некий статский советник Мизере записал у себя в дневнике: «Бешеная выходка бригадира Сумарокова за столом у камергера Ивана Ивановича [Шувалова]. Смешная сцена между ним же и г. Ломоносовым» («Русский архив», 1911, кн. II, стр. 5). Это столкновение Ломоносова с Сумароковым в доме Шувалова и послужило, очевидно, для последнего поводом предпринять ту попытку их примирения, о которой пишет Ломоносов.

В чем заключалась «смешная сцена» и чем была вызвана «бешеная выходка» Сумарокова, мы не знаем. Известно лишь, что давние нелады двух поэтов особенно обострились в 1760 г. Свидетельством тому служит раздраженный отзыв Ломоносова о Сумарокове, напечатанный в т. IX наст. изд. (документ 388), и письмо Сумарокова Шувалову от 7 декабря 1760 г., содержащее желчные выпады против Ломоносова (Грот, I, стр. 43). Причина обострения их вражды была, повидимому, тройкая. Сказались, во-первых, недоразумения, происходившие у Сумарокова с руководителями Академии Наук и с Ломоносовым, в частности в 1759 г., когда Сумароков печатал в Академической типографии под цензурным надзором Академии свой журнал «Трудолюбивая пчела» (см. т. IX наст. изд., документ 262). Во-вторых, Сумароков был обижен тем, что с 1759 г. в академическом журнале «Ежемесячные сочинения» перестали печатать его произведения; отзвуком этой обиды является адресованная Шувалову просьба Сумарокова освободить его «от команды Тауберта, Штелина, Миллера и Ломоносова по печатанию книг» (Грот, I, стр. 43) и обращенное к тому же Шувалову ходатайство «послать» в печать его «Притчи» (там же, стр. 47). В-третьих, — и это, кажется, было важнее всего, — Сумароков, предвидя, что ему придется оставить вскоре театральную службу, просил того же Шувалова о каком-то «академическом месте» для себя, т. е., вероятно, о звании академика. «Вы мне изволили предлагать об академическом месте, — писал он Шувалову 7 декабря 1760 г., — которое, кажется мне, и принадлежит несколько мне» (там же, стр. 43). В публикуемом письме Ломоносов недаром, конечно, дважды говорит о пренебрежительном отно-

шении Сумарокова к науке и об его необразованности: весьма вероятно, что эти слова Ломоносова были отголоском какого-нибудь разговора с Шуваловым о желании Сумарокова получить звание академика. Желание это, как известно, не сбылось, чем и вызвана была, может быть, «бешеная выходка Сумарокова».

¹ Слова «Каково в крапиву...» являются автоцитатой из стихотворения Ломоносова «Злобное примирение» (см. т. VIII наст. изд.; ср. почти те же слова в вышеупомянутом отзыве Ломоносова о Сумарокове, т. IX наст. изд., документ 388).

² «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет», — эти смелые и гордые слова Ломоносова, не раз цитированные Пушкиным, стали знамениты.

³ Своими «справедливыми для пользы отечества прошениями» Ломоносов именуется, очевидно, свои ходатайства об утверждении «привилегии» для Академического университета и об учреждении должности вице-президента Академии Наук. В связи с этим именно Ломоносов и напоминает, что у Шувалова есть «ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках».

72

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 24—28).

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — ОР, кн. II, стр. 34—39.

Месяц и день написания письма устанавливаются предположительно по словам Ломоносова: «вчерашнего числа Клейнфельд удавился»; самоубийство адъюнкта М. Клейнфельда произошло 29 января 1761 г.

Значение этого документа, для биографии Ломоносова весьма важного, может быть понято правильно лишь в том случае, если учесть, с одной стороны, основные задачи академической деятельности Ломоносова, а с другой стороны, ту обстановку, в какой он оказался в Академии к началу 60-х годов.

Основные задачи Ломоносова точно и ясно определены им самим в тексте публикуемого письма: это — «распространение наук в отечестве» (слово «распространение» он заменяет в другом случае словом «утверждение») или шире — «польза российского юношества». В этом прежде всего он видит «действительную пользу Академии». Ломоносов ничуть не преувеличивает, когда говорит, что эти задачи ему «всего в жизни дороже» и что за них он готов восстать «и против отца своего родного».

В эту сторону были направлены все усилия Ломоносова с первых лет его академической службы, и с первых же шагов он натолкнулся на активное и пассивное, открытое и тайное, но всегда упорное и действенное сопротивление тех, кого он в публикуемом письме называет попеременно недоброхотами, неприятелями и опасными противоборниками наук российских и российских ученых. Формулировка Ломоносова и тут достаточно ясна: совершенно очевидно, что этими прозвищами он клеймит тех академических деятелей иностранного происхождения, которым была чужда забота о «пользе российского юношества» и которые считали для себя невыгодным «распространение наук» в нашей стране. Судя по всем предшествующим высказываниям Ломоносова, он вплоть до начала 60-х годов считал, что начальствовавшие в Академии иностранцы были единственными виновниками ее «закоренелого несчастья» и что с этим «несчастьем» может быть покончено, если он, Ломоносов, займет в Академии руководящий пост.

В 1757 г. Ломоносов, как мы знаем, получает такой пост: он становится членом Академической канцелярии. На протяжении следующих трех лет его административные полномочия расширяются: в 1758 г. ему поручается наблюдение за всей научной частью Академии, а в 1760 г. на него возлагается единоличное руководство Университетом и Гимназией.

Публикуемое письмо относится к тому времени, когда Ломоносов успел, по его выражению, «слезными опытами» убедиться, что надежды, которые он связывал с этими почетными назначениями, были напрасны: несмотря на все рвение, с каким он принялся за выполнение своих новых, административных обязанностей, сопротивление «недоброхотов» продолжало оставаться все таким же действенным и в большинстве случаев непреодолимым. Это не могло не навести на мысль, что дело не в одних только иностранцах, что они не могли бы быть так сильны, если бы не встречали поддержки со стороны русских государственных деятелей более или менее высокого ранга.

Эта мысль, только теперь, по-видимому, обратившаяся у Ломоносова в уверенность, была бесспорно правильна, но он заблуждался, когда думал (как видно из письма), что пособниками академических иностранцев были только президент Академии Разумовский и Теплов, что «добросердечие» первого и «непостоянство» второго являлись чуть ли не главными причинами академического неустойства. Ломоносов не знал и даже, очевидно, не подозревал, что бюрократические и дворцовые связи его чужеземных «неприятелей» были несравненно шире и глубже. Его академические враги вели за его спиной разговоры и переписку о нем со многими влиятельными особами, в том числе даже и с теми меценатствующими сановниками, которых Ломоносов считал своими искренними друзьями и покровителями. Ближайшей задачей этих закулисных интриг было «освобождение Академии от Ломоносова» (формула Миллера).

Борьба, происходившая в Академии, была в основе своей политической борьбой. Враждебные Ломоносову академические иностранцы были действительно «опасными противоборниками» оттого, что их обращала в свое орудие феодальная знать, окружавшая императорский престол. «Распространение наук в отечестве», противоречившее эгоистическим интересам приезжих ученых, противоречило не в меньшей степени и интересам русской феодальной верхушки, так как просвещение народных масс неизбежно вело к активизации последних. Отсюда союз этой верхушки с враждебными Ломоносову академическими деятелями иностранного происхождения.

«Сколько раз, — пишет Ломоносов Теплову, — вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно, мне». Вводные слова «что удивительно» свидетельствуют с полной несомненностью, что когда писалось публикуемое письмо, Ломоносов еще не отдавал себе отчета в тесной связи, существовавшей между академическими иностранцами и той русской реакционной кликой, к которой примыкал Теплов: в Теплове как в русском человеке он видел еще тогда своего естественного союзника.

Только в свете этих общих соображений может быть оценено по достоинству публикуемое письмо, чрезвычайно ярко характеризующее положение Ломоносова в Академии.

¹ Из числа представлений и писем Ломоносова, о которых он упоминает в первых строках письма и в начале второго его абзаца, отыскано в черновике только одно, относящееся к январю 1761 г. (документ 453).

² Об увольнении из Университета студентов Лобyseвича и Девича см. т. IX наст. изд., документ 329 и примечания к нему. Первый из них был, как это отмечено Ломоносовым, в свойстве с Тепловым.

³ Миллер, нося звание профессора в течение тридцати пяти лет, в самом деле никогда не читал лекций в Академическом университете.

⁴ Ломоносов прав и в том отношении, что выход в свет основного издания Академии «*Novi Commentarii*» (Новые записки) стал задерживаться больше прежнего, с тех пор как редактором этого издания в 1745 г. сделался Миллер: до него (томы I—III) опоздание не превышало двух лет; IV том, выпущенный уже под редакцией Миллера, вышел с опозданием на пять лет; в предисловии к этому тому говорилось, что «издание других томов без всякого замедления следовать будет», но это обещание не было выполнено: том V задержался снова на пять лет, а том VI (вышедший в год написания публикуемого письма) — на четыре года. «Сокращениями» Ломоносов называет те резюме публикуемых статей, с которых начинался каждый том.

⁵ Говоря о «подозрительной с иностранными переписке» Миллера, Ломоносов имел в виду переписку Миллера с И.-Н. Делилем, по поводу которой в 1748 г. было произведено целое следствие (документы 415—423).

Вспоминая этот эпизод, Ломоносов говорит, что поводом к следствию послужили слова Делиля «Académie phanatique» («фанагическая Академия») Ломоносову изменила в этом случае память: Делиль, толкуя в письмах к Миллеру об Академии, называл ее «sogrs phantastique» («причудливое сообщество»). Со времени назначения Миллера в 1754 г. конференц-секретарем Академии его переписка с заграничными учеными значительно расширилась. Президент обязал его прочитывать предварительно все письма, адресуемые за границу, в Историческом собрании и сдавать их заверенные копии в Архив Конференции (ААН, ф. 21, оп. 3, № 272, л. 2), но Миллер не соблюдал этого требования.

⁶ О «предосудительных нашему отечеству мыслях», которые Миллер внесил, по мнению Ломоносова, в «Ежемесячные сочинения», см. документы 426—428 и 453 и примечания к ним.

⁷ Цитируемое Ломоносовым письмо Теплова к профессору Штрубе-де-Пирмонту не отыскано. Ломоносов указывает, что оно было написано в связи с просьбой последнего о прибавке жалованья. Такие просьбы Штрубе возбуждал трижды: в 1748 г., в 1750 и в 1756 гг. (Пекарский, I, стр. 679, 683 и 685; ААН, ф. 3, оп. 1, № 460, л. 376 об.; № 465, л. 163 и № 215, лл. 192—193). Слова Теплова «la Chancellerie sans membres» (Канцелярия без членов) позволяют думать, что данное письмо его к Штрубе было написано в конце 1756 г., когда единственным членом Академической канцелярии был одряхлевший, уже почти недееспособный Шумахер.

⁸ В штате Академии, приложенном к ее регламенту, который был утвержден 24 июля 1747 г., должность ректора была действительно, как указывает Ломоносов, соединена с должностью историографа; 10 ноября 1747 г. Академическая канцелярия определила заключить с Миллером контракт, согласно которому он назначался на обе эти должности (Пекарский, I, стр. 345—346). От должности ректора он был уволен 18 июня 1750 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 460, л. 236), и в тот же день на эту должность был назначен С. П. Крашенинников (там же, л. 239).

⁹ Верна и следующая формулировка Ломоносова: «потом не столько за дурную диссертацию, как за свою обиду, низвергнули вы его [Миллера] в адьюнкты и тотчас возвели опять в секретари Конференции с прибавкою великого жалования». «Дурной диссертацией» Ломоносов называет диссертацию Миллера «Происхождение имени и народа российского». О ней и о вызванных ею пререканиях см. т. VI наст. изд., стр. 17—80 и 546—558. Орденом президента Академии от 6 октября 1750 г. Миллер был разжалован из профессоров в адьюнкты сроком на один год со снижением жалованья с 1000 руб. до 360 руб. в год. В исторической части этого ордера упоминается и вышеозначенная диссертация, но в резолютивной части ордера о ней нет речи, а говорится лишь, что взыскание налагается на

Миллера «за единые его ругательства командиров его и его товарищей и за ослушание команды и дерзостные поступки»; «ругательства командиров», как видно из того же ордера, заключались в том, что Миллер в присутствии президента назвал Теплова клеветником и лжецом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 460, лл. 425—430). Через четыре с половиной месяца, 21 февраля 1751 г., Миллер был восстановлен в звании профессора; восстановлен был и прежний оклад жалованья (Пекарский, т. I, стр. 365), причем «велено жалованье ему профессорское произвести за то время, которое он и адъюнктом был» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 461, л. 222 об.; ср. также № 149, лл. 402, 427—429 и 451—453). Ордером президента от 26 февраля 1754 г. Миллер был назначен конференц-секретарем Академии (там же, ф. 1, оп. 2-1754 г., № 3), причем годовой оклад его жалованья был повышен в полтора раза — с 1000 до 1500 руб. (там же, ф. 3, оп. 1, № 465, л. 162 об.). Если принять во внимание, что Ломоносов получал тогда лишь 1200 руб. в год, годовой же оклад жалованья большинства академиков колебался в то время в пределах от 660 до 860 руб., то приходится согласиться с Ломоносовым, что жалованье, назначенное Миллеру, было действительно «великим».

¹⁰ Ордером президента от 23 октября 1760 г. Миллеру было прибавлено еще 200 руб. в год за редактирование «Ежемесячных сочинений» (там же, № 471, л. 247). Этот ордер был подписан президентом по ходатайству Теплова (там же, ф. 21, оп. 1, № 272, л. 12 и № 308а, лл. 7 и 8). Относительно представления Миллера в коллежские советники известно лишь, что он просил об этом Теплова в конце 1753 г., но тот, хотя и заявлял, что признает его просьбу основательной, однако уклонился от ее исполнения и предложил Миллеру, взамен того, должность конференц-секретаря, которую Миллер и принял. Переписка по этому вопросу велась ими, по выражению Теплова, «sub sigillo silentii» («под печатью молчания»), т. е. тайно, и Ломоносов поэтому мог знать о ней только по слухам (там же, № 272, л. 4 об.; см. также: Пекарский, I, стр. 372).

¹¹ Говоря о том, что Миллер «имеет позволение писать и печатать на немецком языке российские известия безо всякой опасности», Ломоносов имеет в виду те сборники статей и материалов по русской истории, которые Миллер издавал на немецком языке под общим заглавием «Sammlung Russischer Geschichte». В 1732—1737 гг. были изданы первые выпуски этого издания, которое приостановилось затем более чем на двадцать лет, и было возобновлено Миллером в 1758 г.

¹² Упоминаемое Ломоносовым предисловие Миллера к «Сибирской истории» было действительно отвергнуто Тепловым, а затем и Разумовским по предложению Шумахера, и вместо этого предисловие было напечатано другое, сочиненное Шумахером (Г.-Ф. Миллер. История Сибири. М.—Л., 1937, стр. 83—84 и 462—463). Таким образом, все сообщаемые Ломоно-

совым факты из биографии Миллера верны. Ломоносов приводит их в доказательство «непостоянства» Теплова, но это «непостоянство», в свете отмеченных Ломоносовым фактов, доказывает в свою очередь, что за спиной у Миллера стояли такие силы, перед которыми приходилось капитулировать даже такому опасному его недоброжелателю, как Теплов.

¹³ «Письмо о моем уничтожении к Эйлеру и ответ» — разъяснение этих слов Ломоносова см. в примечаниях к письму 9.

¹⁴ Ломоносов приводит лишь начало изречения А. М. Черкасского о сапожнике. Под «сапожником» следует разуметь Шумахера (Schuhmacher в переводе на русский язык — сапожник), а «его наследником и подражателем» Ломоносов называет Тауберта.

¹⁵ В упоминаемой Ломоносовым инструкции, которую получил академик Бургав, когда уезжал в 1749 г. в заграничный отпуск, ему действительно предписывалось опровергать слухи, будто императрица Елизавета Петровна намерена упразднить Академию. Он должен был «накрепко уверять» своих иностранных собеседников, что императрица «оную [Академию] день от дня в лучшее состояние приводить благоизволяет» и что Разумовский управляет Академией «с знатным успехом» (Пекарский, II, стр. XLV).

¹⁶ Адъюнкт анатомии М. Клейнфельд покончил самоубийством, как уже говорилось, 29 января 1761 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 610). Даровитый молодой ученый, адъюнкт математики М. Софронов скончался в промежуток времени между 7 и 10 февраля 1760 г. (там же, № 252, лл. 21—21 об.).

73

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, собрание автографов).

Впервые напечатано — Сочинения Ломоносова, СПб., 1847, т. I, стр. 713—714.

См т. IX наст. изд., примечания к документам 324 и 325.

¹ Упоминаемые Ломоносовым «просительные стихи» («Богиня, дочь божеств, науки основавших...») см. в т. VIII наст изд.

² Иван Иванович — И. И. Шувалов.

74

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погдинское собрание, автографы, № 270).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — Летописи, т. I, кн. 1, М., 1859, отд. III, стр. 196; русский перевод впервые напечатан — Пекарский, II, стр. 735—736.

См. примечания к документам 457 и 458. Там же соображения о датировке публикуемого письма.

75

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 18—19).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 487.

¹ Публикуемое письмо написано в день именин императрицы Елизаветы; это и был тот «праздник», о котором говорится в первых строках письма.

² *Астрономические наблюдения, произведенные Н. И. Поповым в Иркутске, были признаны Академией неудовлетворительными и напечатаны не были. Изложенные в виде ряда отдельных, дополнявших друг друга сообщений на латинском языке, они сохранились только частично (ААН, разр. I, оп. 51, №№ 21, 23 и 25). Остальная их часть была передана в 1804 г. в Академическую обсерваторию, откуда не возвратилась и, по-видимому, пропала бесследно. Суровый приговор, вынесенный им около двухсот лет тому назад группой враждебных Ломоносову академиков и, в частности, С. Я. Румовским в обстановке, исключавшей беспристрастие (см. Записки АН, т. 73, СПб., 1893, прилож. № 2, стр. 45—51), до сих пор еще не проверен специалистами-астрономами. А такая проверка была бы весьма необходима, так как утвердившееся в силу этого приговора мнение о неспособности Попова к астрономическим исследованиям находится в полном противоречии с превосходной аттестацией, данной ему как астроному не только Ломоносовым, но и Леонардом Эйлером (см. Леонард Эйлер. 1707—1783. Сборник статей и материалов к 150-летию со дня смерти. М.—Л., 1935, стр. 113).*

³ Наблюдения Шаппа д'Отероша, произведенные в Тобольске и полученные Академией Наук через М. И. Воронцова, были возвращены последнему Ломоносовым при публикуемом письме, после того как были доложены 24 августа 1761 г. Академическому собранию (Протоколы Конференции, т. II, стр. 471). Подлинная рукопись хранится в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ф. Воронцовых, № 641, лл. 10—20), копия в ААН (ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 78—83). Подробнее см. т. IX наст. изд., документ 246 и примечания к нему.

⁴ См. документ 470, § 59 и примечания к нему.

76

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погодинское собрание, автографы, № 268).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — *Летописи*, т. I, кн. 1, М., 1859, отд. III, стр. 196, № 6; русский перевод впервые напечатан — *Акад. изд.*, т. VIII, стр. 316.

Датируется предположительно по упоминанию о карманном календаре и об оде.

Термин «карманный календарь» утвердился в официальном академическом обиходе лишь в XIX в. — с 1812 г. (В. П. Шемиот. Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках имп. Академии Наук, а также сочинений, изданных Академиею отдельно, со времени ее основания по 1872 г. включительно. СПб., 1875, стр. 202—203). В документах же XVIII в., относящихся к ломоносовской поре, этот термин встречается только в период времени с 1760 по 1762 г. В репорте комиссара Академической книжной лавки С. Зборомирского от 6 февраля 1761 г. о поступивших, проданных и оставшихся книгах значится «календарь карманный государя великого князя Павла Петровича» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1098, л. 4 об.). Упомянутый календарь печатался в количестве 525 экз. в декабре 1760 г. (там же, № 505, л. 248 об.) и к первым числам января 1761 г. вышел в свет («Санктпетербургские ведомости», № 2 от 5 января 1761 г.). Экземпляр его под заглавием «Карманный календарь е. и. в. государя великого князя Павла Петровича на 1761 год» хранится в Библиотеке АН СССР под шифром «XVIII век 1761/43». Это крохотная (в шестнадцатую долю листа) книжка-игрушка, украшенная миниатюрными географическими картами России. Она предназначалась в подарок пятилетнему внуку императрицы, будущему императору Павлу I, но часть тиража поступила и в продажу. Предполагалось, что такой же календарь будет выпущен и на следующий, 1762, год. К подготовке его приступили заблаговременно: еще с лета известный академический «перспективный мастер» М. И. Махаев занялся под наблюдением профессора Я. Я. Штелина иллюстративной частью календаря: в течение июля—сентября 1761 г. были нарисованы на сей раз не географические карты, а «малые проспекты» (т. е. миниатюрные виды) трех императорских дворцов и Летнего сада в Петербурге, Петропавловской крепости, Петергофа, Сарского Села, Ораниенбаума и Стрельны (ААН, ф. 3, оп. 1, № 506, лл. 73, 88 и 100). Календарь был уже в типографии, когда Академическая канцелярия ордером от 7 декабря 1761 г. за № 1376 распорядилась почему-то (вероятно по приказу двора) переделать календарь из карманного в стенной, что и было исполнено (там же, № 259, л. 481; ср. также № 507, л. 4). На этом и кончилось кратковременное существование данной разновидности календаря, и самый термин «карманный календарь» вышел с этих пор из академического употребления на много десятилетий. Таким образом, наличие этого термина в публикуемой записке позволяет утвер-

ждать, что она написана не ранее конца 1760 г. и не позднее первых чисел декабря 1761 г.

Дальнейшему уточнению ее даты помогает упоминание об оде.

В 1760 г. Ломоносов, насколько известно, не написал ни одной оды (ср. Кунцевич, стр. 32—34). Итак, речь может идти только о 1761 г., когда он написал и напечатал две торжественных оды: одну — императрице Елизавете Петровне ко дню двадцатилетия ее царствования, что праздновалось 25 ноября (см. т. VIII наст. изд.), другую — императору Петру III, по случаю его вступления на престол (см. там же). Но вторая ода была написана в трехдневный промежуток времени между 25 декабря (день смерти Елизаветы) и 28 декабря 1761 г., когда Ломоносов представил уже готовую оду в Канцелярию для сдачи в печать (ААН, ф. 3, оп. 1, № 472, л. 266), а к этому сроку карманный календарь, как пояснено выше, успел уже прекратить свое существование. Следовательно, в данной записке Ломоносов говорит, без сомнения, о первой из двух названных од. Точная дата сдачи ее в печать документально не установлена, потому что печатание ее происходило, вопреки обыкновению, не по письменной резолюции Канцелярии, а «по словесному приказанию» Ломоносова. Об этом последнем обстоятельстве свидетельствует фактор Академической типографии в своем репорте от 27 ноября 1761 г., из которого видно, что к этому дню ода была уже напечатана (там же, № 265, л. 191). Несоблюдение обычных формальностей при сдаче оды в набор объяснялось, вероятнее всего, юбилейной спешкой, а спешка вызывалась в свою очередь тем, что Ломоносов затянул, должно быть, представление оды и сдал ее за очень короткий срок до юбилейной даты 25 ноября. Что работа над одой шла медленно, об этом говорит и публикуемая записка.

Приведенных данных вполне достаточно для того, чтобы считать последнюю написанной в ноябре 1761 г., не позднее 25 числа этого месяца.

Тем самым эта короткая записка, про которую еще недавно писалось, что она «не поддается датировке и комментарию» (Акад. изд., т. VIII, стр. 318 втор. паг.), обращается благодаря выяснению даты в весьма своеобразный и не лишенный значения комментарий к оде Ломоносова на 25 ноября 1761 г.

¹ О каком «деле» идет речь в первой фразе публикуемой записки, установить пока не удалось.

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 20).

Первые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872., стр. 488.

¹ «Щедрота», о которой говорит Ломоносов, заключалась в том, что указом нового императора Петра III от 28 декабря 1761 г. Р. И. Воронцов производился в «полные генералы с настоящим по тому чину жалованьем» и назначался членом Конференции при имп. дворе (ААН, ф. 3, оп. 1, № 968, л. 15).

78

Печатается по копии (ААН, ф. 3, оп. 4, № 14/9).

Публикуется впервые.

Федор Кондратьевич Соколов, бывший студент Академического университета, произведенный в 1757 г. по представлению Ломоносова в младшие переводчики Академии Наук (ААН, ф. 3, оп. 1, № 501, лл. 13—14), состоял в 1759 г. бухгалтером Академической книжной лавки в Москве (там же, ф. 3, оп. 1, № 246, л. 22).

¹ Смета на мозаичные работы в Петропавловском соборе была утверждена Сенатом в сумме 80 764 руб. 10 коп. Окончательное утверждение сметы последовало 14 июня 1761 г. Работы были рассчитаны на шесть лет, в соответствии с чем и сметная сумма должна была быть выплачена Ломоносову в течение шести лет равными долями, т. е. по 13 460 руб. 68 коп. в год. 8 марта 1761 г. Ломоносов, не дожидаясь окончательного утверждения сметы, возбудил перед Сенатом ходатайство о выдаче ему «наперво», т. е. авансом, шести тысяч рублей «для начатия заблаговременно оногo мозаичного строения делом» и для погашения ранее выданной ссуды. Ходатайство Ломоносова было Сенатом удовлетворено 14 июня 1761 г., одновременно с утверждением сметы (см. т. IX наст. изд., документ 92 и примечания к нему и «Красный архив», 1940, № 100, стр. 183—184), а 7 июня 1762 г., т. е. почти через год после первой выплаты, Сенат определил выдать Ломоносову из Коллегии экономии еще 7460 руб. («Ломоносов», III, стр. 400, № 153), т. е., «годовую» сумму за вычетом ранее полученных 6000 руб. Во исполнение этого определения Сената в Коллегию экономии, находившуюся в Москве, и был послан тот сенатский указ, о котором Ломоносов пишет Соколову.

² Из сохранившихся документов видно, что Ф. К. Соколов принял за исполнение данного ему Ломоносовым поручения лишь 22 июля 1762 г. (ААН, ф. 3, оп. 4, № 14, лл. 26—27), т. е. почти через месяц после того, как Ломоносов написал ему письмо. Документов, освещающих дальнейший ход дела, не обнаружено. В процессе его разрешения Ломоносову пришлось столкнуться, вероятно, еще с немалыми затруднениями, так как 18 августа 1762 г. Коллегия экономии была упразднена (ПСЗ, 11643) и восстановлена только 12 мая 1763 г. (ПСЗ, 11716 и 11814). Определенная Сенатом

сумма 7460 руб. была выплачена Ломоносову лишь 2 октября 1762 г. («Ломоносов», I, стр. 158).

³ «Его сиятельством г. президентом» Ломоносов называет организатора и первого президента Коллегии экономики, кн. Б. А. Куракина.

79

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 21—22).

Впервые опубликовано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 488—489.

¹ Болезнь, о которой говорит Ломоносов («частый лом в ногах и раны»), постигла его в феврале 1762 г. С 21 февраля по 10 мая он не бывал в Академии, в мае являлся туда лишь изредка, а с июня опять слег в постель. К моменту написания публикуемого письма состояние его здоровья ухудшилось: 25 июля 1762 г. копиист, носивший ему на подпись канцелярские журналы, не был допущен к Ломоносову, причем ему было объявлено, что «г. советник за болезнь в Академическую канцелярию ездить и дел в доме подписывать не может» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, лл. 179 об.—180).

² К тяготам «недужливой старости» присоединялось и угнетенное моральное состояние. В то время как на участников только что произошедшего дворцового переворота, а в их числе и на главных противников Ломоносова — Теплова и Тауберта, сыпались щедрые награды, Ломоносов, стоявший в стороне от этих политических событий, был обойден. Тауберт, печатавший в академическом подвале манифест о восшествии на престол Екатерины II (Сборник ОРЯС, т. XIII, СПб., 1875, стр. 98), был произведен за это в чин статского советника и тем самым становился старшим членом Академической канцелярии. Для Ломоносова это было не вопросом личной обиды, а крушением надежд на возможность изменить соотношение сил в Академии Наук. Новое правительство с первых же шагов дало почувствовать, что Ломоносову нечего рассчитывать на его поддержку «во всех к пользе наук российских учиненных предприятиях». Этим и была вызвана подача упоминаемой Ломоносовым «челобитной» об отставке (ср. т. IX наст. изд., примечания к документу 174).

³ Воронцов ответил Ломоносову в тот же день, обещая переговорить по его делу с Разумовским (Акад. изд., т. VIII, стр. 245), но положение самого Воронцова при дворе было в это время настолько шатко, что его ходатайство о награждении Ломоносова «по достоинствам» не могло бы иметь успеха. «Челобитную» Ломоносова об отставке оставили до поры до времени без движения.

Печатается по тексту публикации И. А. Шляпкина («Русская старина», 1895, № 4, стр. 224).

Подлинник находился в Берлинской королевской библиотеке.

Впервые напечатано (не точно и с неверной датой) — «Русский вестник», 1808, ч. II, № 6, июнь, стр. 323—324.

Из первых слов публикуемого письма видно, что в день его написания, 25 июля 1762 г., Ломоносов получил от Г. Г. Орлова какое-то приятное для себя известие. Не ясно, было ли оно сообщено ему в форме письма или через кого-нибудь на словах. Слово «присылание» заставляет признать второе предположение более правдоподобным (см. примечания к письму 81). Из последних слов Ломоносова («когда совершение вашего благодеяния истинно-отеческого воспоследует») можно заключить, что речь шла пока лишь о каком-то обещании Орлова.

Дворцовый переворот 1762 г. лишил Ломоносова той опоры, которую он находил прежде в лице М. И. Воронцова и И. И. Шувалова, утративших теперь свое влиятельное положение при дворе. Вполне естественно поэтому, что Ломоносов был, — как он пишет, — «обрадован» обещанием Г. Г. Орлова, значение которого все склонны были в ту пору переоценивать, видя в нем не только фаворита недавно воцарившейся Екатерины II, но и нового временщика.

Сопоставляя текст публикуемого письма с тем, что Ломоносов писал накануне М. И. Воронцову (письмо 79), нельзя не прийти к убеждению, что обещание Орлова, подсказанное, может быть, тем же Воронцовым, касалось прежде всего награждения Ломоносова «повышением ранга против тех, коими обойден». Вероятнее всего, что Орлов обещал ходатайствовать о производстве Ломоносова в такой чин, который возвратил бы ему первое место в Канцелярии. Совершенно бесспорно, что Орлов одновременно выражал готовность помочь и в деле об утверждении «привилегии» для Академического университета.

Выполнил ли Орлов свои обещания, говорил ли по этим вопросам с Екатериной II, мы не знаем. Известно лишь, что «совершения», на которое надеялся Ломоносов, не последовало: оба вопроса так и остались неразрешенными.

¹ Слова «Наше время златой здешним наукам век поставить и от презрения... избавить возлюбленный российский род» — измененная авторитата из оды Ломоносова на восшествие на престол Екатерины II (см. т. VIII наст. изд.).

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано — «Русский вестник», 1808, ч. II, № 6, июнь, стр. 320—322.

Публикуемое письмо является как бы дополнением к отправленному накануне, 25 июля 1762 г., письму Ломоносова на имя Г. Г. Орлова (письмо 80).

П. П. Пекарский, а за ним и Л. Б. Модзалевский считали, что публикуемое письмо свидетельствует о давнем и даже будто бы довольно близком знакомстве Ломоносова с Федором Орловым (Пекарский, II, стр. 773; Акад. изд., т. VIII, стр. 251 втор. паг.). Однако текст письма (а они только на нем и базировались) не дает решительно никаких оснований для подобной догадки. Гораздо естественнее другое предположение, которое вытекает из сопоставления данного письма с вышеупомянутым письмом на имя Г. Г. Орлова: Ф. Г. Орлов был, по-видимому, тем самым посланцем, который по поручению своего брата, Г. Г. Орлова, посетил Ломоносова 25 июля 1762 г. и передал ему на словах обещание Г. Г. Орлова оказать Ломоносову поддержку и помощь.

¹ Документы, приложенные Ломоносовым к публикуемому письму, не сохранились.

² Ссылкой на высокие награды, полученные иностранными учеными, Ломоносов оперировал не раз. Сохранилась пространная письменная справка, составленная им по этому вопросу (Акад. изд., т. VIII, стр. 251—252 втор. паг.).

³ Церковнославянская цитата («Сотвори со мною знамение во благо...») из псалма 85, ст. 17 приведена Ломоносовым на память не вполне точно.

⁴ «Публичными памятниками» Ломоносов называет в данном письме свои оды. Известно лишь одно стихотворное послание Ломоносова, адресованное Г. Г. Орлову; оно датировано 19 июля 1764 г. (см. т. VIII наст. изд.).

⁵ В постскриптуме речь идет о состоявшемся 19 июля 1762 г. награждении Тауберта чином статского советника. Ломоносов сознательно искажает его фамилию, именуя его Таубергауптом, т. е. в буквальном переводе голубиной головой.

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно

Впервые напечатано — ОР, кн. V, стр. 26—27.

Датируется предположительно. Конечная дата определяется точно на основании представления Ломоносова в Академическую канцелярию от 5 февраля 1763 г. (см. т. IX наст. изд., документ 165), вызванного теми же самыми обстоятельствами, что и публикуемое письмо, о котором упоминается в заключительных словах этого представления («А обстоятельно о Географическом департаменте и верно представлено от меня его сиятельству Академии Наук г. президенту»). Отсюда можно вывести заключение, что письмо предшествовало представлению. Что касается второй, более ранней даты, то она устанавливается по журнальной резолюции Академической канцелярии от 28 января 1763 г. об объявлении Ломоносову ордера президента от 31 августа 1762 г., согласно которому Географический департамент передавался в ведение Г.-Ф. Миллера (ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 213; см. т. IX наст. изд., примечания к документу 165).

Поводом для послыки публикуемого письма послужил объявленный Ломоносову 28 января 1763 г. ордер президента Академии Наук от 31 августа 1763 г. о передаче Географического департамента из ведения Ломоносова в ведение Миллера (см. т. IX наст. изд., примечания к документам №№ 164 и 166). Так как этим ордером отменялось в известной части определение президента от 24 марта 1758 г., согласно которому на Ломоносова возлагалось наблюдение за всей вообще научной и педагогической деятельностью Академии (Биларский, стр. 367—368), то Ломоносов, предвидя, вероятно, что вслед за Географическим департаментом из его ведения могут быть изъяты и другие академические учреждения, счел необходимым коснуться в своем письме не только Географического департамента, но и Гимназии, Физического кабинета и Обсерватории.

К письму, как видно из его текста, были приложены «уведомления и мнения» о состоянии отделов Академии, порученных Ломоносову «в особое смотрение»: это были, очевидно: 1) отчет о состоянии Университета и Гимназии (т. IX наст. изд., документ 350), 2) «Краткое показание о происхождении академического Географического департамента» (там же, документ 164) и 3) отчет о состоянии Физической камеры, Обсерватории и Ботанического сада (документ 465).

На публикуемое письмо К. Г. Разумовский не отозвался, насколько известно, никак. Вопрос об увеличении жалованья гимназистам остался до конца жизни Ломоносова не разрешенным. Руководство Географическим департаментом Ломоносов, несмотря на ордер президента, сохранил за собой (т. IX наст. изд., примечания к документам 164 и 165). Что же касается Физической камеры, Обсерватории и Ботанического сада, то, не зная на повторное представление Ломоносова от 4 марта 1764 г. (документ 468), просьба его о передаче Физической камеры в ведение профессора И.-А. Брауна и о предоставлении «невозбранного» доступа на Обсервато-

рию профессору Н. И. Попову, адъюнкту А. Д. Красильникову и студентам Географического департамента не получила удовлетворения.

83

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 24—25).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 490—491.

¹ Об изобретенном Ломоносовым морском барометре см. т. IV наст. изд., стр. 448—449, 450, 455. Как видно из ответного письма М. И. Воронцова, последний нашел его «столь полезным и преимущественным от обыкновенных», что показал Екатерине II, и та похвалила прибор. Подобный же барометр был передан Ломоносовым и Г. Г. Орлову, который, как и Воронцов, демонстрировал его императрице (Акад. изд., т. VIII, стр. 262).

² Об упоминаемом в письме мастере М. Васильеве см. т. IX наст. изд., документ 69 и примечания к нему.

³ Определение Сената о выплате Ломоносову очередной «годовой суммы» на оплату мозаичных работ для Петропавловского собора состоялось 28 февраля 1763 г. (там же, примечания к документам 102 и 103). Воронцов оказал, видимо, некоторое содействие ускорению этого дела, о чем свидетельствует письмо к нему Ломоносова от 27 марта того же года (письмо 86).

⁴ Упомянув «нагло обиженного Федоровича», Ломоносов имел в виду столкновение последнего с Г.-Ф. Миллером, о чем см. документ 470, § 50 и примечания к нему. В чем выразилось «вступление» Воронцова, не известно. Возможно, что под его влиянием К. Г. Разумовский 13 января 1763 г. приказал Академической канцелярии, «исследовав, кто прав или виноват найдется, прислать к его сиятельству, [т. е. к Разумовскому] со мнением» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 474, л. 8).

⁵ Относительно ордера президента Академии Наук о передаче Географического департамента в ведение Г.-Ф. Миллера см. т. IX наст. изд., примечания к документам 164 и 165. Воронцов вежливо, но весьма решительно отказался от вмешательства в это дело и посоветовал Ломоносову «оградить себя великодушием и ожидать от времени того, что может быть теперь многим подвержено трудностям» (Акад. изд., т. VIII, стр. 262—263).

84

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 23).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 489—490.

Публикуемое письмо написано из Петербурга, а не из Москвы, как ошибочно пометил Ломоносов, что подтверждается записью в журнале Канцелярии АН: в день написания письма Ломоносов участвовал в заседании Канцелярии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 533, лл. 59 и 61). Письмо Ломоносова М. И. Воронцову, датированное тем же числом (письмо 83), помещено Петербургом.

¹ Болезнь, упоминаемая Ломоносовым, была действительно продолжительна, что подтверждается отметками того же канцелярского журнала за январь и февраль 1763 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 533, лл. 47—48, 51, 53, 55, 57—58, 62—63, 66—68, 70).

² Об исходатайствовании средств на мозаичные работы в Петропавловском соборе см. примечания к письму 78. После свержения и смерти Петра III адресат письма Р. И. Воронцов был в опале и оставался временно не у дел. Обращаясь к нему, Ломоносов рассчитывал, вероятно, на то, что Р. И. Воронцов может оказать нужную ему помощь через своего брата, Ивана Илларионовича, который, состоя президентом находившейся в Москве Вотчинной коллегии, располагал широкими связями в московских служебных кругах.

³ «Горной моей книжицей с новыми прибавлениями» именуется Ломоносов свою работу «Первые основания металлургии или рудных дел» с двумя прибавлениями: «О польном движении воздуха, в рудниках примеченном» и «О слоях земных». Представленная для напечатания в Канцелярию АН 5 февраля 1761 г. (Билярский, стр. 505), она вышла в свет только в октябре 1763 г. (см. т. V наст. изд., стр. 690). О поступлении ее в продажу было объявлено в № 89 «Санктпетербургских ведомостей» от 7 ноября 1763 г.

85

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 26).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 491—492.

Публикуемое письмо является ответом на письмо М. И. Воронцова от 17 февраля 1763 г. (см. Акад. изд., т. VIII, стр. 262—263), цитированное частично в примечаниях к письму 83, где даны также пояснения относительно «метеорологического инструмента» и «определения о мозаичном деле».

¹ «Переезд сюда» — возвращение Екатерины II и всего двора в Петербург после состоявшейся в Москве коронации («Сенатский архив», т. XII, СПб., 1907, стр. 492—499).

86

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 27).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 492.

Публикуемое письмо является ответом на письмо М. И. Воронцова от 22 марта 1763 г. (Акад. изд., т. VIII, стр. 264—265 перв. паг.), где Воронцов просил Ломоносова составить проект и написать стихи к иллюминации, которую он собирался устроить перед своим домом в честь возвращения Екатерины II в Петербург после коронации. Ломоносов выполнил эту просьбу и послал Воронцову при не дошедшем до нас письме от 17 апреля 1763 г. проект иллюминации с рисунком и стихами. Воронцов остался доволен присланным проектом и ответил: «Я нахожу оный столь хорошо вымышленным и расположенным, что отнюдь не усматриваю нужды делать какие-либо отмены» (там же, стр. 266 перв. паг.). План, рисунок и стихи Ломоносова на иллюминацию не отысканы.

¹ Упоминаемый в письме «нынешний всеобщий праздник» — праздник пасхи, приходившийся в 1763 г. на 23 марта.

² Под отеческим «предстательством» и «снисходительством» Воронцова Ломоносов понимает помощь, которая была оказана ему последним при получении очередного платежа на мозаичные работы в Петропавловском соборе (письма 83 и 85).

87

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 28—29).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 493—494.

Публикуемое письмо относится к тому тяжелому в жизни Ломоносова периоду, когда в итоге направленных против него интриг и доносов последовал указ Екатерины II об увольнении его в «вечную» отставку с производством в статские советники. Указ, подписанный 2 мая 1763 г., был через десять дней взят назад Екатериной II, но тем самым отменялось и производство Ломоносова в чин статского советника, которым он был награжден при отставке (подробнее см. т. IX наст. изд., примечания к документу 174). Таким образом, из двух членов Академической канцелярии (Штелин выбыл в 1763 г. из числа ее советников) Ломоносов оказывался теперь младшим, тогда как до воцарения Екатерины II он был старшим из трех. Оттого-то, по-видимому, Ломоносов, несмотря на отмену указа об отставке, и не возвращался к исполнению своих адми-

административных обязанностей еще около трех месяцев — до 7 августа 1763 г.

Чтобы восстановить свое положение в Академии Наук, Ломоносов добивался, во-первых, производства не в следующий чин статского советника (что не дало бы ему старшинства перед Таубертом, произведенным в этот чин ранее его), а через чин — в действительные статские советники и, во-вторых, передачи в его единоличное ведение всех «до наук надлежащих департаментов». Именно так сформулирован был собственноручно написанный Ломоносовым проект именного указа, сохранившийся в архиве Воронцова (документ 498), и к этому именно сводилась основная просьба Ломоносова, изложенная в публикуемом письме.

Но реакционное екатерининское правительство, в составе которого видную роль играл в то время давний недруг Ломоносова и приятель Тауберта, Г. Н. Теплов, было отнюдь не расположено верить руководству Академией Наук Ломоносову, и его ходатайство уважено не было.

¹ «Зятем и наследником» Шумахера Ломоносов именует Тауберта.

² Екатерина II со всем двором находилась еще в Москве. Ломоносов просил Воронцова уделить ему время для личной беседы до возвращения императрицы в Царское Село. Состоялось ли это их свидание, не известно.

88

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 30—31). Приложенные к письму «Свидательства о науках советника Ломоносова» на иностранных языках с переводами Ломоносова печатаются по подлиннику, писанному писарской рукой (там же, лл. 60—63), с указанием в сносках вариантов по черновику, частично собственноручному, частично же писанному писарской рукой (там же, оп. 1, № 5, лл. 153—158), и по второму, более раннему подлиннику (см. примечания к письму 63), писанному писарской рукой с собственноручными поправками Ломоносова (там же, оп. 3, № 134, лл. 49—52 об.), обозначаемому в сносках Рук. 1759.

Письмо впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, стр. 494—495. «Свидательства» впервые напечатаны (неполно по черновику) — Пекарский. Доп. изв., стр. 93—98.

На подлиннике письма помета рукой Воронцова: «Получено в Вене 30 апреля». К письму, кроме «Свидательств», была приложена «Роспись сочинениям и другим трудам советника Ломоносова», написанная тем же писарским почерком и на такой же бумаге, как и «Свидательства» (документ 518).

М. И. Воронцов уехал за границу в августе 1763 г. и вернулся в Петербург в феврале 1765 г., за полтора месяца до смерти Ломоносова.

¹ См. т. V наст. изд., стр. 688—694.

² «Мозаичный е. и. в. портрет» — портрет Екатерины II был поднесен Ломоносовым императрице 22 сентября 1763 г. («Ломоносов», I, стр. 162).

³ «Письменную книгу о возможности мореплавания Ледовитым нашим Сибирским океаном» Ломоносов называет свое «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию» (т. VI наст. изд., стр. 417—498, 602—615).

⁴ Упоминаемая в письме ода 1764 г. опубликована в т. VIII наст. изд. Экземпляр ее, посланный Воронцову при публикуемом письме, не сохранился.

⁵ Указ о производстве Ломоносова в статские советники (а не в действительные статские советники, как он просил: см. письмо 87 и примечания к нему) с жалованьем по 1875 руб. в год состоялся не 15 октября, как указано в письме, а 15 декабря 1763 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 474, л. 340).

⁶ О том, что Екатерина несколько раз приглашала Ломоносова, по его выражению, «к себе в комнаты», не сохранилось никаких других известий, кроме этих его слов, да его же беглого упоминания об одной из встреч с императрицей в ноябре того же 1763 г. (документ 470, § 56). Камерфурьерскими журналами зафиксировано лишь посещение ею Ломоносова на дому 7 июня 1764 г. (Акад. изд., т. II, стр. 356—358 втор. паг.). Каковы бы ни были внешние выражения благосклонности Екатерины II к Ломоносову, при оценке истинного ее отношения к великому русскому ученому нельзя забывать таких исторических фактов, как подписание Екатериной указа о «вечной» отставке Ломоносова и как ее решение по делу Шлёцера (т. IX наст. изд., документ 282 и примечания к нему; ср. также публикуемый в настоящем томе документ 499).

⁷ О принятии Ломоносова в члены Болонской академии наук см. письма 91 и 92 и примечания к ним. Упоминаемое Ломоносовым предшествующее письмо его М. И. Воронцову, касавшееся этого вопроса, до нас не дошло. Какие «сочинения» Ломоносова были приложены к этому письму, не известно. Приложенные к публикуемому письму «Свидетельства» и «Роспись» предназначались, очевидно, для Болонской академии.

⁸ Местонахождение подлинного письма Х. Вольфа не известно. Сохранилась современная Ломоносову копия, заверенная архивариусом Академии Наук, с собственноручной распиской Ломоносова: «Подлинное получил обратно Михайла Ломоносов» и датой «октября 10 дня 1760 году», написанной рукой архивариуса (ААН, ф. 20, оп. 3, № 71, л. 2).

⁹ См. примечания к документу 476.

¹⁰ Местонахождение подлинного письма Вольфа не известно.

¹¹ Местонахождение подлинника, который был приложен к письму Л. Эйлера к К. Г. Разумовскому от 21 ноября 1747 г. («Ломоносов», III, стр. 253; ср. примечания к письму 9), не известно. Разночтения во фран-

цузском тексте объясняются, вероятно, тем, что Ломоносов записал его может быть, сперва по памяти, а затем уже скопировал с подлинника: нельзя забывать, что этот отзыв, сообщенный Ломоносову Г. Н. Тепловым тайком от Шумахера, находился в руках у Ломоносова, по-видимому, лишь очень короткое время (документ 470, § 27 и письмо 72).

¹² Местонахождение подлинного письма Эйлера не известно.

¹³ Местонахождение подлинного письма Эйлера не известно.

¹⁴ Местонахождение подлинного письма Эйлера не известно. Сохранилась незаверенная копия XVIII в. (ААН, ф. 20, оп. 5, № 65). Полный текст письма Л. Эйлера, опубликованный по этой копии, см. Акад. изд., т. VIII, стр. 161—163.

¹⁵ Местонахождение подлинного письма Эйлера не известно. Сохранилась незаверенная копия XVIII в. (ААН, ф. 20, оп. 2, № 10), где дата выставлена иная: не 11 февраля, а 11 января 1755 г. Полный текст письма Эйлера, опубликованный по этой копии, см. Акад. изд., т. VIII, стр. 181—183.

¹⁶ Полный латинский текст письма Эйлера от 22 января 1754 г., адресованного в Академию Наук, см. Билярский, стр. 251—252. Подлинник в ААН, ф. 1, оп. 3, № 40, лл. 99—100.

¹⁷ Местонахождение подлинного письма И.-Г.-С. Формея и полный текст этого письма не известны. Упомянутый Формеем отзыв его о XIV томе петербургских «*Novi Commentarii*» (Новые записки) напечатан в его издании «*Nouvelle Bibliothèque Germanique ou histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord*» (Новая германская библиотека или литературная история Германии, Швейцарии и северных стран), июль, август и сентябрь 1753 г., т. III, ч. I, 1753, Амстердам, стр. 1—16. Из всех трудов, опубликованных в XIV томе «*Novi Commentarii*», Формей уделяет в своем отзыве внимание одной только диссертации Ломоносова «О металлическом блеске» (т. I наст. изд., стр. 389—417, 572—577).

¹⁸ Местонахождение подлинного письма Формея и полный текст этого письма не известны. «Мои журнал» Формей называет свое издание «*Nouvelle Bibliothèque Germanique*» (см. выше, примечание 17), а «оной диссертацией» — статью Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии», напечатанную в этом издании в 1755 г. (подробнее см. т. III наст. изд., стр. 401—432, 538—543).

¹⁹ Местонахождение и полный текст подлинного письма Ш.-М. Кондамина не известны. «Актом академическим» Кондамин называет книгу «Торжество Академии Наук, ... празднованное публичным собранием... ноября 26 дня 1753 года». СПб., 1753. Здесь были напечатаны речь Ломоносова «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (т. III наст. изд., стр. 15—99, 512—513) и упоминаемая Кондамином

«Программа», где Ломоносов предлагает в качестве задачи на премию на 1754 г. тему «Сыскать подлинную электрической силы причину и составить точную ее теорию» (там же, стр. 135—141, 527—530). В публикуемом отрывке Кондамин благодарит Ломоносова за присылку вышеупомянутой книги, которая была выпущена одновременно на русском и латинском языках. Пломберией Ломоносов называет французский город Пломбьер (Plombières).

²⁰ Этот отрывок заимствован из письма Эйлера на имя Академии Наук от 22 января 1754 г., о котором см. выше, в примечании 16.

²¹ Ломоносов приводит здесь полностью текст полученного им диплома на звание члена Шведской академии наук (ср. письмо 68 и примечания к нему).

²² Этот отрывок заимствован из отзыва о работе Ломоносова «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» (т. III наст. изд., стр. 315—344, 550—555), который был напечатан в журнале «Journal encyclopédique» («Энциклопедический журнал») на 1 февраля 1759 г., т. I, ч. III, стр. 3—11. Литтихом или Литтигом Ломоносов называет город Люттих, он же Льеж, где издавался названный журнал.

89

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАДА, ф. Госархив, разд. XVII, № 19, л. 1).

Впервые напечатано — Ламанский, стр. 106.

К письму была приложена записка Ломоносова под заглавием «Идеи для живописных картин из российской истории». Она опубликована в т. VI наст. изд. (стр. 365—373), где в примечаниях даны сведения об истории этого дела.

А. М. Голицыну как вице-канцлеру был подчинен находившийся в Москве Архив Коллегии иностранных дел.

¹ Выражение Ломоносова «с о о б щ е н и е м сего можете, милостивый государь, подать мне великое вспомоществование» наводит на мысль, что Ломоносов просил переслать из Москвы в Петербург интересовавшие его архивные материалы. Была ли удовлетворена его просьба, не известно.

90

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 34—35).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 495—496.

¹ Об избрании Ломоносова в члены Болонской академии наук см. письмо 91 и примечания к нему.

² Мозаичная картина «Полтавская баталия» была «окончена набором, шлифовкою и полированием» в январе 1765 г. (Макаров, стр. 165; подробности см. т. IX наст. изд., документ 104 и примечания к нему).

³ «Попечение о внесении в „Флорентинские ученые ведомости“» заключалось в том, что 12 марта 1764 г., т. е. еще до избрания Ломоносова в члены Болонской академии, в упомянутом журнале, благодаря хлопотам М. И. Воронцова, была напечатана заметка о мозаичных работах Ломоносова. Русский перевод заметки был опубликован в майской книжке «Ежемесячных сочинений и известий о ученых делах» за 1764 г.

91

Латинский текст печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 310).

Местонахождение подлинника не известно.

Латинский текст впервые напечатан — Билярский, стр. 789—790. Русский перевод впервые напечатан — Акад. изд., т. VIII, стр. 299—300.

Публикуемое письмо было отправлено через М. И. Воронцова при письме на его имя от 9 мая 1764 г. (письмо 90).

Секретарь Болонской академии наук Ф.-М. Цанотти письмом от 2/13 апреля 1764 г. известил Ломоносова, что состоявшимся того же числа единогласным постановлением общего собрания названной академии Ломоносов избран в ее члены. Как видно из этого письма, кандидатура Ломоносова была выдвинута М. И. Воронцовым, который был хорошо известен Болонской академии как щедрый жертвователь, обогащавший ее коллекции «презрительными книгами и другими вещми». Цанотти величал Ломоносова «во всяких науках превосходнейшим мужем», говорил об «особливых и несравненных» его достоинствах и отмечал, что слава его имени достигла и Болоньи (подлинное письмо Цанотти не отыскано; текст его известен лишь по русскому переводу, опубликованному при жизни Ломоносова в «Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах», 1764, май, стр. 465—466, и перепечатанному в Акад. изд., т. VIII, стр. 295—296).

¹ Ломоносов, говоря о том, что Болонскую академию дерзает «почитать отныне и своею», повторяет слова Цанотти, который заключал свое письмо следующей фразой: «Итак, уповаем, что сие объявление нашего к вам благоприятства с удовольствием и охотою примете и академию Бононского института отसेде своею почитать изволите».

² Не известно, послал ли Ломоносов в Болонскую академию те свои научные сочинения, о которых упоминает в публикуемом письме. Из этих сочинений при его жизни было опубликовано только одно, а именно «Рассуждение о большей точности морского пути», выпущенное в 1759 г. (т. IV наст. изд., стр. 123—186). В 1762—1763 гг. Ломоносов снова вер-

нулся к этому вопросу, о чем свидетельствуют его «Химические и оптические записки» (там же, стр. 405—464 и 779—792), но дальше подготовительных заметок, насколько известно, не пошел. «Вычисления относительно колебаний маятника» получили отражение в «Таблицах колебаний центроскопического маятника», которые были сданы в набор и частично напечатаны еще до кончины Ломоносова, но в свет не вышли (там же, стр. 469—709 и 800—816). Относительно работ Ломоносова по вопросу о природе северного сияния см. т. III наст. изд., стр. 477—486 и 582—587.

92

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 56).

Впервые напечатано — Грот, стр. 27—28.

Публикуемое письмо является ответом на не дошедшее до нас письмо И. И. Шувалова.

После воцарения Екатерины II положение Шувалова при дворе стало чрезвычайно тяжелым. До императрицы дошел слух, что в одном из своих писем к Вольтеру Шувалов в недостаточно лестных для нее выражениях отозвался о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. Недовольных этим переворотом было немало, и в их кругу имя Шувалова произносилось с уважением и сочувствием. Этого было достаточно, чтобы озлобить против него Екатерину II (Соловьев, кн. V, столбцы 1349 и 1437; В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. II. СПб., 1891, стр. 516). Весной 1763 г. Шувалову было предложено «отъехать на некоторое время в чужие края». Ссылка затянулась на много лет (он вернулся в Петербург только в 1773 г.), и Ломоносову не привелось больше увидаться с бывшим своим «меценатом».

¹ Не известно, какие свои сочинения послал Ломоносов при публикуемом письме. Со времени отъезда Шувалова за границу успели выйти в свет к моменту написания этого письма только «Первые основания металлургии», ода на новый, 1764, год, да немецкий перевод «Российской грамматики». Возможно, что об этих-то трех произведениях и идет речь.

² Письмо написано в очень трудную для Ломоносова пору, когда его конфликт с Таубертом и Разумовским из-за Шлёцера достиг особенной остроты (т. IX наст. изд., документы 272 и 275 и примечания к ним). «Низринованием» Ломоносов называет, очевидно, свою кратковременную отставку, которая произошла в мае 1763 г., уже после отъезда Шувалова.

³ Об избрании Ломоносова в члены Болонской Академии наук, о посвященной ему статье в «Флорентинских ученых ведомостях» и об окончательной работе над мозаичной картиной «Полтавская баталия» см. письма 89, 91 и 92 и примечания к ним.

⁴ Не выяснено, вел ли Шувалов какие-нибудь переговоры с Парижской академией наук по вопросу об избрании Ломоносова в ее почетные члены. Известно лишь, что избрание это не состоялось.

93

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погодинское собрание, автографы, № 271).

Подлинник на латинском языке.

Латинский текст впервые напечатан — *Летописи*, т. I, кн. 1, М., 1859, отд. III, стр. 196, № 7; русский перевод впервые напечатан — *Акад. изд.*, т. VIII, стр. 304.

Речь идет о таблицах северных сияний, гравированных на меди мастером И. Штенглином по рисункам Ломоносова.

Подробнее см. т. III наст. изд., стр. 584—585.

¹ Вопрос об оплате работы гравера был разрешен Академической канцелярией, согласно желанию Ломоносова, при участии Я. Я. Штелина как «директора художеств». Определение Канцелярии по этому предмету подписано Ломоносовым и Таубертом 28 сентября 1764 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 475, л. 254). Из этого определения видно, что Ломоносовым было сдано для гравирования 13 рисунков и что к моменту написания публикуемого письма гравер успел изготовить только две доски.

94

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГИАЛ, ф. Минист. имп. двора, кн. 101, оп. 73/187, стр. 24).

Впервые напечатано — *Сборник ОРЯС*, т. 63, СПб., 1897, стр. VI—VII.

¹ О «географических обоях» см. т. IX наст. изд., документ 172 и примечания к нему.

² Вторая часть публикуемого письма касается уплаты за « мозаичные составы », т. е. за литое цветное массивное стекло, к изготовлению которого Усть-Рудицкая фабрика Ломоносова приступила с 1761 г. и которое шло для украшения ораниенбаумских дворцов. Крупные куски этого стекла изготовлялись на фабрике путем отливки и разбивались там же на более мелкие при помощи «разбойника с рассеком». В таком виде они поступали на Петергофскую гранильную фабрику, где путем обточки им придавались самые разнообразные очертания. Из подготовленных таким образом кусочков ломоносовской смальты под руководством упоминаемого Ломоносовым мастера Якопо Мартини складывались по рисункам Ринальди мозаичные полы в «Стеклярусном кабинете» Китайского дворца и обрамления рельефных портретов над дверьми; ими же отделялись столики. Тем же

материалом пользовались и при отделке Большого, бывшего Меншиковского, дворца в Ораниенбауме (подробнее см. М. А. Безбородов. М. В. Ломоносов и его работы по химии и технологии силикатов. М.—Л., 1948, стр. 219—223; Макаров, стр. 71—72).

³ Упомянутый в письме А. Т. Снетков (у Ломоносова ошибочно — Снедков) состоял ассессором подведомственной И. И. Бецкому Канцелярии от строения.

⁴ О каком своем «сочинении» говорит Ломоносов в постскриптуме к письму, не выяснено

95

Печатается по черновику, писанному писарской рукой, с собственноручными поправками Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 324—326).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 669—670.

Датируется предположительно по времени составления Ломоносовым проекта нового регламента Академии Наук (см. примечания к документу 410), т. е. периодом времени с 10 октября 1764 г. по март 1765 г. Упоминание о скором отъезде президента Академии «в чужие края» заставляет думать, что проект письма был составлен Ломоносовым скорее в конце, чем в начале или в середине этого периода, так как К. Г. Разумовский уехал за границу в апреле 1765 г., уже после смерти Ломоносова.

Из текста письма видно, что оно должно было быть послано от лица всех академиков, после того как они «по долгом рассуждении и многократном рассматривании... единомысленно и согласно» одобряют составленные Ломоносовым проекты нового штата, регламента и привилегии Академии Наук. До рассмотрения этих проектов всеми академиками дело, как мы знаем, не дошло, а потому можно сказать с полной уверенностью, что публикуемое письмо послано по назначению не было.

96

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАВМФ, ф. 913, д. 166 (13515), лл. 296а—296б).

Впервые напечатано — «Московский телеграф», 1828, ч. 21, № 11, стр. 295—297.

Публикуемое письмо посвящено Северной морской экспедиции, снаряженной в то время по мысли Ломоносова при деятельном его участии. Руководила снаряжением экспедиции Адмиралтейств-коллегия, президентом которой числился сын Екатерины II, будущий Павел I. Ввиду его малолетства главой коллегии был фактически член ее, гр. И. Г. Чернышев, адресат настоящего письма.

¹ О назначенных на экспедиционные суда штурманах, присланных Коллегией в Академию Наук для учебной подготовки, и о нужных для их

обучения «Гадлеевых квадрантах» см. т. VI наст. изд., стр. 611—612 и 620—621 и т. IX наст. изд., документы 354, 359—362 и примечания к ним.

² Из числа трех содержавшихся в письме просьб Ломоносова, или, как он их называет, «статей», первая и третья были исполнены Адмиралтейств-коллегией немедленно. Через четыре дня после посылки письма, 26 октября 1764 г., Коллегия постановила: «В Архангелогородскую контору над портом послать указ: велеть возвратившегося со Шпицбергена на пинке лейтенанта Немтинова пути его из Архангельска с журналом, с тому принадлежавшими делами прислать в Коллегию курьером немедленно» (Перевалов, стр. 486). В тот же день коллегия решила отправить к сибирскому губернатору Д. И. Чичерину курьера с просьбой прислать в Петербург кого-либо из «бывших на Умнаке промышленников» (там же, стр. 347). Что касается второй «статьи» — о сведениях, собранных «командой подполковника Пленистера», то в этом случае Ломоносов обошелся без помощи Адмиралтейств-коллегии. Ф. Х. Плениснер (некоторые, подобно Ломоносову, писали его фамилию Пленистер), участник Второй Камчатской экспедиции, состоявший с 1760 г. главным командиром Охотского края и занимавшийся изучением береговых очертаний северо-восточной Сибири, направлял в Академию Наук копии своих записок и карт. Так попала в руки Ломоносова и карта сержанта С. Андреева, который в 1763 г. был командирован Плениснером из устья Колымы для обследования Медвежьих островов. Эти острова, по крайней мере некоторые из них, были известны русским путешественникам и ранее (Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935, стр. 61 и 103—111; М. И. Белов. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.—М., 1952, стр. 61, 178—179), но сержант Андреев был одним из первых, кто обследовал всю группу островов и нанес ее на карту; тогда же Плениснер впервые назвал их Медвежьими (Перевалов, стр. 354). Оттого-то Ломоносов, именуя их «новыми», и говорит не совсем точно, что «открыл» их Плениснер. Карта Андреева была представлена Ломоносовым в Адмиралтейств-коллегию 18 февраля 1765 г. (там же, стр. 355 и 487; см. также т. VI наст. изд., стр. 625; о карте Андреева см. М. И. Белов. Существовала ли земля Андреева? «Известия Всесоюзного Географического общества», 1952, вып. 5).

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАВМФ, ф. 913, д. 166 (13515), л. 296в).

Впервые напечатано — «Московский телеграф», 1828, ч. 21, № 11, стр. 297—298.

Публикуемое письмо имеет прямую связь с предыдущим письмом к И. Г. Чернышеву, написанным четырьмя днями ранее (письмо 96).

¹ Об изготовлении Гадлеевых квадрантов и труб для северной морской экспедиции см. т. VI наст. изд., стр. 620—621 и Перевалов, стр. 346 и 487.

² Под «моим выездом» Ломоносов понимает, очевидно, какую-то намечавшуюся деловую поездку, связанную с подготовкой экспедиции. Судя по записям в журнале Академической канцелярии, Ломоносов не выезжал из дому по болезни с 20 октября по 13 декабря 1764 г. (ААН, ф. 3, оп. 1. № 534, лл. 212—214, 217, 219, 220, 222, 225 об., 226, 228, 229, 231, 233, 236). Те же записи позволяют заключить, что в 1764 г. навигация по Неве закрылась 23 ноября (там же, л. 235, № 512).

98

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГЛА, ф. М. В. Ломоносова, № 1625).

Публикуется впервые.

Не ясно, кому адресована публикуемая записка. Ее содержание и тон дают основание думать, что она обращена к лицу, с которым Ломоносов находился в довольно близких деловых и личных отношениях. Такими лицами были зимой 1764—1765 гг., кроме работников Академии Наук, члены Адмиралтейств-коллегии, с которыми Ломоносов часто общался в то время в связи с подготовкой полярной экспедиции. Но среди членов этой коллегии не было немцев, а в письме к русскому человеку Ломоносов едва ли пустил бы в ход такое далеко не общепонятное немецкое слово, какое мы видим в публикуемом тексте. Вернее предположить, что адресатом записки был кто-нибудь из академических немцев. Из их числа было тогда лишь трое таких, кого можно было величать «вашим высокородием» (так величали в то время только людей, состоявших в чине статского советника), а именно Г.-Ф. Миллер, И. И. Тауберт и Я. Я. Штелин. Отношения Ломоносова с первыми двумя были настолько обострены, что он не стал бы, конечно, писать им в таком дружелюбном тоне и звать их к себе «после обеда чашку чаю выкушать». По всем этим соображениям наиболее вероятным адресатом письма можно считать Штелина.

Против подобного предположения говорит лишь то обстоятельство, что записка написана по-русски, тогда как все остальные известные нам письма и записки Ломоносова к Штелину написаны по-немецки. Некоторым же косвенным доводом в пользу высказанного предположения служит ссылка Ломоносова на «слабость ног», которая, по его словам, препятствует ему посетить не известного нам корреспондента: Штелин, живший в зимнее время «на Адмиралтейской стороне, в Большой Морской, в своем доме» (ААН, ф. 3, оп. 3, № 15), был настолько близким соседом Ломоносова, что ходили они друг к другу, очевидно, только пешком; при «сла-

бости» же ног и такое путешествие было Ломоносову затруднительно. Этим и объясняется, вероятно, ссылка на «слабость ног»: подобная ссылка была бы непонятна, если бы речь шла о посещении человека, к которому Ломоносов по дальности расстояния привык ездить на лошадях.

¹ Немецкое слово «Kretze-Luft-Vögelein» в том виде, как оно написано Ломоносовым, не поддается переводу. По разъяснению В. М. Жирмунского, это, вероятно, искаженное Kreuzluftvögelein, т. е. птица клёст. Характерной особенностью этой птицы является строение ее клюва: концы его, загнутые в разные стороны, перекрещиваются. Существовала христианская легенда, будто клёст искривил себе клюв, пытаясь вытащить гвозди из ран распятого Христа. Во второй половине XVIII в. в Германии эту легенду еще помнили, о чем свидетельствует следующий, например, указанный В. М. Жирмунским текст в журнале «Deutsche Chronik» («Немецкая хроника») за 1775 г. (стр. 762): «Der Sinzendorfsche Pfarrer F., der sich als ein Kreuzluftvögelein immer in den Wunden des Heilands wälzte. . .» («Зинцендорфский проповедник Ф., который, подобно клёсту, все время копошился в ранах Спасителя. . .»). В этом тексте, принадлежащем антиклерикальному автору, известному немецкому писателю Хр.-Ф.-Д. Шубарту, легенда интерпретирована, сообразно духу времени, уже несколько иронически. Это дает основание предполагать, что бытовавшими в ломоносовское время переносными значениями слова Kreuzluftvögelein пользовались и для характеристики тех или иных отрицательных человеческих свойств: так могли называть и человека, опрометчивого, склонного к заведомо безнадежным, непосильным ему предприятиям, и человека злорадного, склонного копаться в чужих ранах. В каком значении применил это немецкое слово Ломоносов и кого охарактеризовал таким образом, остается пока загадкой. Не имел ли он в виду одного из тех, кто выступал в эту пору в защиту Шлёцера? Не идет ли речь о неожиданном вмешательстве в это дело мелкого придворного деятеля, генерал-рекетмейстера И. И. Козлова (т. IX наст. изд., примечания к документу 282)? Если бы подобная догадка оказалась верна, то это могло бы послужить еще одним косвенным доводом в пользу того, что адресатом публикуемой записки был Штелин: в деле Шлёцера он хоть и занял по своему обыкновению компромиссную, примиренческую позицию, однако же с несвойственной ему твердостью высказался за то, чтобы при решении этого дела были ограждены права «природных» русских ученых (там же, примечания к документу 271). Таким образом, Штелин был одним из тех очень немногих академических деятелей, с кем Ломоносов мог более или менее откровенно говорить о Шлёцере и об его заступниках.

Печатается по собственноручному подлиннику (ГПБ, Погодинское собрание, автографы, № 269).

Подлинник на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — *Летописи*, т. I, кн. 1, М., 1859, отд. III, стр. 196—197, № 9; русский перевод впервые напечатан — *Акад. изд.*, т. VIII, стр. 308.

Датируется предположительно по помете Штелина: «d. 27 X^{br}. 1764», т. е. 27 декабря 1764 г.

В публикуемом письме речь идет о переводе на немецкий язык «Краткого Российского летописца» Ломоносова. Переводчиком был сын профессора Я. Я. Штелина, Петр Яковлевич Штелин. Биограф Я. Я. Штелина, К. Штелин, пишет, что Петр Штелин, семнадцатилетний артиллерийский поручик, переводил только что вышедший из печати «Летописец» «зимними вечерами» 1760 г. (Karl Stählin, *Aus den Papieren Jacob von Stählins*. Königsberg—Berlin, 1926, стр. 346. — Карл Штелин. Из бумаг Якоба фон-Штелина. Кенигсберг—Берлин, 1926). Дата, сообщенная К. Штелином, точна: она подтверждается хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина рукописью перевода, помеченной 1760 г. (ГПБ, архив Я. Я. Штелина, № 946). Однако «Летописец» переводился П. Я. Штелином не с печатного оттиска, а с рукописи: первое русское издание «Летописца» было отпечатано лишь в декабре 1760 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 505, л. 248 об.) и вышло в свет во всяком случае не ранее 1761 г. (ср. там же, № 531, лл. 97 и 120; № 261, лл. 54—55; № 1098, л. 18; объявление о поступлении «Летописца» в продажу напечатано в № 37 «Санктпетербургских ведомостей» от 8 мая 1761 г.).

Письмо относится к тому времени, когда готовилось к печати или уже печаталось немецкое издание «Летописца», вышедшее в свет за границей в 1765 г. (*Kurzgefasstes Jahrbuch der Russischen Regenten*. Copenhagen und Leipzig. — Краткая летопись русских правителей. Копенгаген и Лейпциг, 1765), и когда переводчик П. Я. Штелин находился на русской дипломатической службе в Копенгагене, где наблюдал, вероятно, лично за печатанием своего перевода.

Содержание письма позволяет догадываться, что Ломоносову был знаком этот перевод, который, может быть, был прислан ему из-за границы в рукописи или даже в корректуре, и что Ломоносов откровенно («говорю, как думаю») высказал переводчику свое мнение о качестве его работы.

Нет сомнения, что публикуемое письмо написано Ломоносовым в ответ на какое-то, не известное нам обращение к нему Штелина-отца, который, силясь, по свидетельству его биографа, привить сыну вкус к серьезным занятиям (Karl Stählin, *ук. соч.*, стр. 346—347 и 349), опасался, вероятно,

что критические замечания Ломоносова могут «отпугнуть» Петра Штелина от переводческой работы. Этим и объясняется, очевидно, обещание Ломоносова «всеми способами его ободрить».

¹ Последние две фразы письма (со слов «К примеру — прекрасная картина!..») не ясны.

100

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАДА, ф. Канцелярии генерал-прокурора, 1765 г., № 46/6443, л. 409).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 870—871.

Вслед за произведенной в 1763 г. реформой Сената была значительно расширена и Сенатская типография. 10 августа 1764 г. был утвержден новый ее штат и отпущены средства на ее переоборудование. Верховный надзор за типографией был поручен генерал-прокурору (История Правительствующего Сената за двести лет, т. V. СПб., 1911, стр. 76—77; «Сенатский архив», т. XIV. СПб., 1910, стр. 400), каковым состоял в то время адресат публикуемого письма — кн. А. А. Вяземский. По новому положению Сенатской типографии предоставлялось право печатать не только официальные акты, но и «частные сочинения». При ничтожно малом еще в то время количестве петербургских типографий и при том, что все они, кроме Академической типографии, носили узко ведомственный характер, преобразование Сенатской типографии оценивалось Ломоносовым, очевидно, как событие крупного общественного значения, чем и объяснялось то деятельное участие, которое он принял в этом деле по просьбе Вяземского.

В публикуемом письме Ломоносов, верный патриотическим началам, определявшим всю его деятельность, пытается склонить Вяземского к отказу от выписки из-за границы мастеров печатного дела и предлагает взамен того, в целях воспитания своих типографских кадров, «послать в Англию несколько молодых людей для обучения словолитного дела». Предложение Ломоносова было вежливо отклонено Вяземским: «Мне кажется, — ответил он в тот же день Ломоносову, — что гораздо бы лучше и полезнее для типографии было, если бы выписать для того нужнейших людей, и потому паки вас, милостивого государя моего, прошу принять на себя труд уговорить купца Клаузинга на сие последнее намерение, и за какую цену он выписать может, меня пожаловать и уведомить» (Акад. изд., т. VIII, стр. 309).

101

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАДА, ф. Канцелярии генерал-прокурора, № 46/6443, лл. 411—412).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 871—872.

Публикуемое письмо, тесно связанное с предыдущим (письмо 100), является ответом на цитированное в примечаниях к последнему письму Вяземского от 3 февраля 1765 г. Подчинившись требованию Вяземского относительно выписки типографских мастеров из-за границы, Ломоносов сводит число этих иностранцев к минимуму (четыре человека) и с обычной для него в таких случаях настойчивостью вменяет им в непременную обязанность «своему искусству обучить здесь каждый до пяти человек здешних российских».

Вяземский принял предложенные Ломоносовым условия выписки мастеров и просил его «приложить труд к ним таким образом писать» (Акад. изд., т. VIII, стр. 311).

Документальных следов дальнейшего участия Ломоносова в этом деле пока не отыскано.

102

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 336—337).

Черновик на немецком языке.

Немецкий текст впервые напечатан — ОР, кн. II, стр. 69—72; русский перевод впервые напечатан — «Записки имп. АН», 1864, т. V, кн. I, стр. 105—106.

Датируется предположительно по содержанию письма. Год написания — 1765-й — определяется твердо на основании слов Ломоносова о том, что он уже восемь лет живет в своем доме и восемь же лет заседает в Академической канцелярии: переезд Ломоносова в свой дом на Мойке и назначение его членом Канцелярии состоялись, как известно, в 1757 г. ($1757 + 8 = 1765$). Месяц написания письма может быть определен лишь приближенно на основании упоминания Ломоносова о письме Эйлера к Миллеру относительно Румовского: речь идет, очевидно, о письме Эйлера из Берлина от 5/16 февраля 1765 г. (ААН, ф. 21, оп. 3, № 321, лл. 127—128), которое пришло в Петербург не ранее второй половины февраля 1765 г. (нормально письма из Берлина в Петербург шли в то время около двух недель) и было оглашено Миллером в Академическом собрании 21 февраля 1765 г. Ранее этого числа публикуемое письмо не могло быть написано.

Сохранились лишь черновые наброски отдельных частей письма, которое — можно сказать это с почти полной уверенностью — не только не было отправлено, но не было, видимо, и дописано тяжело больным Ломоносовым. Отсутствует не только конец письма, но и внутри текста налицо весьма значительный, вероятно, пропуск, который сам же Ломоносов обозначил многоточием.

Поводом обращения Ломоносова к Эйлеру послужило вышеупомянутое письмо последнего к Миллеру, которое было вызвано в свою очередь обстоятельствами, изложенными в документах 465 и 468 и в примечаниях к ним. Представление Ломоносова о неисправном состоянии Обсерватории, находившейся формально в исключительном ведении академика Ф.-У.-Т. Эпинуса, а фактически в распоряжении прикомандированного к нему профессора Румовского, чрезвычайно встревожило последнего. Будучи тесно связан как с Эпинусом, так и с другими враждебными Ломоносову академическими деятелями, Румовский в доношении на имя президента Академии просил защитить его от «гонения» Ломоносова. Мы не знаем, непосредственно ли от Румовского или через Миллера узнал об этом Л. Эйлер, у которого Румовский когда-то учился и с семьей которого сохранял связь. 5/16 февраля 1765 г. Эйлер написал по этому поводу Миллеру следующее: «Его канцлерскому сиятельству [М. И. Воронцову] я рекомендовал также наилучшим образом и г. Румовского. Его положение в самом деле плачевно из-за того, что против него так настроен г. статский советник Ломоносов. Румовский — это блестящий ум, способный оказать великую честь русской науке, и было бы в высшей степени непростительно, если бы он терпел притеснения даже со стороны своих соотечественников. Надеюсь, что г. канцлер вступится за него со всей настойчивостью. Будьте добры сказать ему, ваше высочородие, чтобы он без стеснения явился к его сиятельству, переговорив, однако, предварительно с молодым графом Воронцовым, которому я еще совсем недавно дал истинное представление о способностях г. Румовского» (ААН, ф. 21, оп. 3, № 321, лл. 127—128; оригинал на немецком языке).

Письмо Эйлера носило личный характер и едва ли предназначалось для публичного оглашения. Но Миллер, тем не менее, не преминул огласить его 21 февраля 1765 г. в Академическом собрании (Протоколы Конференции, т. II, стр. 533), о чем Ломоносов, хоть в заседании и не участвовал, не мог не узнать: при оглашении письма присутствовали близкие ему люди, профессора И.-А. Браун, С. К. Котельников и А. П. Протасов. При той тяжелой для Ломоносова обстановке, какая сложилась в то время в Академии Наук, и при болезненном его состоянии (дело происходило за полтора месяца до его смерти) этот эпизод не мог не вызвать со стороны Ломоносова бурной реакции (см. документ 499 и примечания к нему).

¹ Приведенная выше выдержка из письма Эйлера является, несомненно, тем самым «извлечением», которое Ломоносов предполагал послать Эйлеру с добавлением своих замечаний. Эти замечания до нас не дошли, и написал ли их Ломоносов, не известно.

² О «безбожных нападках» своих врагов Ломоносов намеревался, видимо, написать Эйлеру подробнее, чем сделал это в публикуемом черновике, о чем говорит его многоточие.

³ *Divide et imperabis* (точнее: *divide et impera*, разделяй и властвуй) — политический девиз, сформулированный Маккиавелли.

⁴ Якоб Герман, чью фамилию Ломоносов написал было, а потом зачеркнул, — швейцарский математик, первый иностранный ученый, вступивший в 1725 г. в состав действительных членов Петербургской Академии Наук («professor primarius»). В 1728 г. академики ходатайствовали о назначении его директором Академии, что восстановило против него Шумахера, который поспешил создать обстановку, заставившую Германа подать в отставку. В январе 1731 г. он покинул Петербург, произнеся перед тем в Академии «короткую и взволнованную» прощальную речь (Пекарский, I, стр. 68 и 70).

⁵ Об отправке Шумахером диссертаций Ломоносова Эйлеру см. примечания к письму 9.

⁶ Об ассигновании средств на устройство Химической лаборатории и о приглашении Сальхова на должность профессора химии см. т. IX наст. изд., документы 7 и 33 и примечания к ним. Достойны особого внимания слова Ломоносова о том, что его стремились «выгнать» из Химической лаборатории: они колеблют довольно прочно утвердившееся у некоторых исследователей представление, будто Ломоносов расстался с академической лабораторией по своей доброй воле.

103

Печатается по писарской копии XVIII в. (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 65) с указанием в сносках вариантов по первой публикации.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано (по подлиннику) — «Московский вестник», 1828, ч. VII, № 4, стр. 510—512.

Публикуемое письмо адресовано родной сестре Ломоносова — Марии Васильевне, бывшей замужем за своим земляком, крестьянином Матигорской волости, Евсеем Федоровичем Головиным.

¹ Упомянутый в письме «Мишенька» — ее сын, Михаил Евсеевич Головин.

² «Школами здешней Академии Наук» Ломоносов называет Академическую гимназию. М. Е. Головин был определен в эту Гимназию 1 марта 1765 г. и вскоре выдвинулся там, по отзыву академиков-экзаменаторов, на одно из самых первых мест, проявив склонность и способность к ученой деятельности (ААН, ф. 3, оп. 9, № 166). Впоследствии, с 1776 по 1786 г., Головин был адъюнктом Академии Наук по экспериментальной

физике. Умер он в 1790 г. тридцати четырех лет от роду, успев приобрести почетную известность как педагог, автор учебников и как первый физик-методист, организовавший преподавание этого предмета в средней школе. Его характеристику как ученого и педагога см. в весьма обстоятельной, но не свободной от некоторых неточностей работе В. В. Бобынина «Михаил Евсеевич Головин» («Математическое образование», 1912, №№ 4—8) и в книге Б. Е. Райкова «Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России» (изд. 2-е, М.—Л., 1947, стр. 348—355).

³ «Вашим губернатором» Ломоносов называет архангельского губернатора Е. А. Головцына, который состоял в этой должности с 1760 г.

104

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАВМФ, ф. 913, д. 166 (13515), л. 398).

Впервые напечатано — Перевалов, стр. 329.

Датируется предположительно по письму обер-секретаря Адмиралтейств-коллегии И. В. Шенина от 3 марта 1765 г., на котором написан публикуемый ответ Ломоносова, и по протоколу Адмиралтейств-коллегии от 4 марта 1765 г., где обсуждался этот ответ.

25 июня 1764 г. Ломоносов представил в Адмиралтейств-коллегию «Примерную инструкцию морским командующим офицерам, отправляющимся к поискам пути на Восток Северным Сибирским океаном» (т. VI наст. изд., стр. 519—535) с приложением реестра нужных для этой экспедиции приборов (там же, стр. 515—518). В числе последних упоминался «вентилатор» — прибор для определения направления и силы ветра. Адмиралтейств-коллегия тотчас же распорядилась «вентилантры по приложенным рисункам по каждому сделать при Адмиралтействе по одной моделч по указанию его ж, г. Ломоносова, немедленно» (Перевалов, стр. 477). Соответствующий указ был на другой же день дан Интендантской экспедиции при Адмиралтействе (там же, стр. 331). 16 сентября Коллегия при участии Ломоносова рассматривала изготовленную Интендантской экспедицией модель «вентилатора», причем Ломоносов обещал, «что той модели имеет учинить изъяснение и предложить Коллегии» (там же, стр. 480—481). Не выяснено, написал ли Ломоносов обещанное «изъяснение». Известно лишь, что 3 марта 1765 г. обер-секретарь Адмиралтейств-коллегии И. В. Шенин обратился к нему со следующим письмом: «Коллегия приказали к г. Чичагову вентилантру послать модель, а я думаю, что надобно при том быть описанию, и то ль, которое при сем прилагаю, или другое будет, о том я докладываю ваше высочордие» (там же, факсимиле на стр. 329; на стр. 331 текст письма напечатан не точно). Упомянутый в этом письме начальник экспедиции, В. Я. Чичагов, находился в то время уже в Коле.

Публикуемая записка Ломоносова является ответом на это письмо и написана на нем же, ниже подписи и даты. 4 марта 1765 г. она была прочитана в заседании Адмиралтейств-коллегии, которая вынесла такое постановление: «Оное записать и помянутой модели, за неимением описания, не посылать» (там же, стр. 490). Слова «за неимением описания» не вяжутся с приведенным письмом Шенина, из которого видно, что какое-то описание существовало и было приложено к упомянутому письму. До нас это описание не дошло, и мы не знаем, кто был его автором: Ломоносов или какое-нибудь другое лицо. Противоречие будет устранено, если предположить, что Ломоносова не удовлетворило присланное Шениным описание и что он либо уничтожил этот документ, либо вернул с пометой об его непригодности.

Обращают на себя внимание заключительные слова Ломоносова: «И прежде здесь исследовать надобно практикою, чтобы узнать, будет ли польза». Они говорят о характерной для Ломоносова повышенной требовательности к самому себе. Если справедливо предположение, что ломоносовский «вентилатор» 1764 г. близок по мысли его же «анемометру» 1749 г. (*Novi Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae* — Новые записки имп. Петербургской Академии Наук, т. II, СПб., 1751, стр. 128—133; ср. Перевалов, стр. 331), то осторожность, проявленная в данном случае Ломоносовым, тем более примечательна: более ста лет спустя ломоносовский «анемометр» 1749 г. получил высокую оценку со стороны такого авторитета в области приборостроения, как академик Б. С. Якоби (АН, ф. 187, оп. 1, № 243).

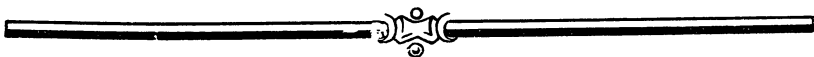

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии Наук СССР.
Акад. изд.	— Сочинения М. В. Ломоносова, тт. I—VIII, изд. Академии Наук. СПб.—Л., 1891—1948.
АН	— Академия Наук СССР.
Бильбасов	— В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. II. СПб., 1891.
Биярский	— Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком П. Биярским. СПб., 1865.
Будилович II	— А. С. Будилович. Ломоносов как писатель. СПб., 1871.
Васильчиков	— А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. I. СПб., 1880.
в. и. в.	— ваше императорское величество.
Гнучева	— В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии Наук XVIII века. Изд. АН СССР, М—Л., 1946.
ГПБ	— Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
Грот	— Я. К. Грот. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову. Материалы для истории русского образования. Записки имп. Академии Наук, приложение к I тому, № 1. СПб., 1862.
д.	— дело.
е. в.	— ее величество.
е. и. в.	— ее императорское величество.
е. и. высочество	— его императорское высочество.
имп.	— императорский, ая.
Кеневич	— Общественная и частная жизнь Августа-Люд-

- вига Шлёдера, им самим описанная. Перевод с немецкого с примечаниями и приложениями В. Кеневича. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. XIII, СПб., 1875.
- Куник — Сборник материалов для истории имп. Академии Наук в XVIII веке. Издал А. Куник, ч. I—II, СПб., 1865.
- Кунцевич — Библиография изданий сочинений М. В. Ломоносова на русском языке. Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», т. VI. Пгр., 1918.
- л., лл. — лист, листы (рукописи).
- Ламанский — Ломоносов и Петербургская Академия Наук. Сообщил В. И. Ламанский. М., 1865.
- Летописи — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым, т. I, кн. 1, М., 1859.
- «Ломоносов», I — Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940.
- «Ломоносов», II — То же, т. II, М.—Л., Изд. АН СССР, 1946.
- «Ломоносов», III — То же, т. III, М.—Л., Изд. АН СССР, 1951.
- Макаров — В. К. Макаров. Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.—Л., 1950.
- Материалы — Материалы для истории имп. Академии Наук, тт. I—X. СПб., 1885—1900.
- Меншуткин, I — Б. Н. Меншуткин. М. В. Ломоносов как физико-химик. К истории химии в России. СПб., 1904.
- Меншуткин, II — Б. Н. Меншуткин. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.—Л., Изд. АН СССР, 1936.
- Модзалевский — Рукописи Ломоносова в Академии Наук СССР. Научное описание. Составил Л. Б. Модзалевский, М.—Л., Изд. АН СССР, 1937.
- Неустроев — А. Н. Неустроев. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874.
- об. — оборот (листа рукописи).
- оп. — опись.
- ОР, V — Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком, кн. V, М., 1842.

- п. — пункт
- Пекарский — История имп. Академии Наук в Петербурге Петра Пекарского, тт. I—II, СПб., 1870—1873.
- Пекарский, Доп. изв. — Академик П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. Записки имп. Академии Наук, прил. к т. VIII, № 7. СПб., 1865.
- Перевалов — В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика. М.—Л., 1949.
- Протоколы Конференции — Протоколы заседаний Конференции Академии Наук с 1725 по 1803 год, тт. I—IV. СПб., 1897—1911.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
- Соловьев — С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. СПб., [б. г.], изд. «Общественная польза».
- Сопиков — В. П. Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., тт. I—V, 1904—1908.
- Соч. 1784 — Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. В Санктпетербурге иждивением имп. Академии Наук, ч. I, 1784.
- ф. — фонд.
- ЦГАВМФ — Центральный Государственный архив военно-морского флота в Ленинграде.
- ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов в Москве.
- ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЦГЛА — Центральный Государственный литературный архив в Москве.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН¹

- /Абрамов/* — см. Аврамов.
- Аврамов */Абоамов/*, Илья Васильевич (1736—1770), студент Географического департамента АН — 353, 761, 762.
- Агрикола, Георг Бауер (Agricola, Georgius Bauer, 1490—1555), немецкий минералог и металлург — 753.
- /Ададуров/* — см. Адодуров.
- Адодуров */Ададуров/*, Василий Евдокимович (1709—1780), адъюнкт АН, математик и переводчик, куратор Московского университета (с 1762), почетный член АН (с 1778) — 616, 630, 704, 851.
- /Альбом/* — см. Альбом.
- Александр Сергеевич — см. Строганов, Александр Сергеевич.
- Алексей Михайлович (1629—1676), царь — 527, 840.
- Альбом */Албом/*, Готфрид, актуариус Канцелярии АН — 176.
- Амман, Иоганн (Amman, Johann, 1707—1741), профессор ботаники — 742, 768, 794.
- /Амонт/* — см. Амонтон, Гийом.
- Амонтон */Амонт/*, Гийом (Amontons, Guillaume, 1663—1705), французский физик — 407, 410.
- Анакреон */Анакреонт/* (Анакреон, VI в до н. э.), греческий поэт; стихотворения Анакреона и Сафо — 371, 375, 773.
- /Анакреонт/* — см. Анакреон.
- Андреев, Александр Игнатьевич, доктор исторических наук — 696, 697, 709.
- Андреев, Степан, сержант, составитель карты части северо-восточной Азии и северной Америки — 879.
- Анна Ивановна (1693—1740), императрица — 39, 165, 274, 326, 338, 340, 738.
- Аристотель (384—322 до н. э.), греческий философ — 753.

¹ Страницы, относящиеся к редакторскому тексту, даны курсивом. В косых скобках приведены имена в написании Ломоносова.

Арнольд, Иоганн-Христиан (Arnold, Johann Christian, 1724—1765), немецкий физик — 229, 516—518, 673.

Арнольд Любекский (ум. 1212), аббат, продолжатель славянской хроники Гельмольда — 389.

Аш, Фридрих, барон (1690—1771), Петербургский почт-директор — 343.

Байер /Бейер/, Готлиб-Зигфрид-Теофил (Bayer, Gottlieb Siegfried Theophil, 1694—1738), профессор греческих и римских древностей — 233, 507.

Балк, Алексей Михайлович, титулярный советник — 344—346, 757.

Балк, Сергей Михайлович, нотариус — 345.

Баранов, Платон Иванович (1827—1884), директор Сенатского архива; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век — 825.

Барков, Иван Семенович (1732—1768), переводчик, поэт — 666.

Барсов, Алексей Степанович (ум. 1763), корректор типографии АН, переводчик — 203, 225, 238, 670.

Барсов, Антон Алексеевич (1730—1791), магистр, переводчик при Ведомостной экспедиции АН, профессор Московского университета (с 1755) — 712, 806.

Барсов, Тимофей Васильевич (1836—1904), профессор канонического права, обер-секретарь Синода

(с 1879); О духовной цензуре в России — 646.

/Бартелло/ — см. Бертелло.

Безбородов, Михаил Алексеевич, действительный член Белорусской академии наук, историк химии и химической технологии; Дмитрий Иванович Виноградов, создатель русского фарфора — 705, 706; М. В. Ломоносов и его работы по химии и технологии силикатов — 878.

/Бейер/ — см. Байер.

Бекенштейн, Иоганн-Симон (Beckenstein, Johann Simon, ум. до 1744), профессор юриспруденции, почетный член АН (с 1738) — 36, 267, 826

Белов, Михаил Иванович, старший научный сотрудник Арктического института; Существовала ли земля Андреева — 879; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах — 879.

Бенуа, Александр Николаевич, художник и искусствовед; Царское село в царствование императрицы Елизаветы Петровны — 807.

Берг, Лев Семенович (1876—1950), академик, географ и натуралист; Открытие Камчатки и экспедиция Беринга — 879.

Беринг, Витус (1680—1741), русский мореплаватель — 278, 287, 709.

Берков, Павел Наумович, доктор филологических наук; Ломоносов и литературная полемика его времени — 821, 849.

Берман, Георг-Фридрих (Bärmann, Georg Friedrich), профессор Виттенбергского университета — 507, 508.

Бернигерот, Жан-Мартен (Bernigeroth, Jean Martin, 1713—1767), гравёр — 894.

/Бернулли/ — см. Бернулли.

Бернулли /Бернулий/, Даниил (Bernoulli, Daniel, 1700—1782), профессор математики, почетный член АН (с 1733) — 18, 36, 51, 267, 311, 465, 466, 753.

Бернулли /Бернулий/, Николай (Bernoulli, Nicolaus, 1695—1726), профессор математики — 267, 311.

Бертелло /Бартело/ (Berthelot), часовой мастер — 305.

Беттигер (Биттигер, Бетхер), Франц, лаборант Химической лаборатории АН — 523, 524, 839.

Бетхер — см. Беттигер.

Бехер (Becher), вольный столярный мастер — 209, 220, 236, 658, 668.

Бехер, Иоганн-Иоахим (Becher, Johann Joachim, 1635—1682), немецкий химик; Подземная физика — 369, 374, 769; Редкие небольшие химические работы /«Малоизвестные химические статьи»/ — 370, 375, 771.

Бехтеев, Федор Дмитриевич (1716—1761), церемониймейстер, первый учитель вел. кн. Павла Петровича — 682.

Бецкой, Иван Иванович (1704—1795), президент Академии Художеств, главный директор Канцелярии от строений — 581, 588, 737, 878.

Бильбасов, Василий Алексеевич (1837—1904), историк; История Екатерины II — 876.

/Бильфингер/ — см. Бюльфингер.

Биллярский, Петр Спиридонович (1817—1867), академик, филолог — 143, 151, 157, 690, 693, 697, 698, 721, 723, 807, 830; Материалы для биографии Ломоносова — 608, 609, 611, 612, 616, 620, 621, 623—625, 629, 648, 650, 656, 657, 662, 666, 669, 671, 679, 686, 688, 689, 692, 693, 697, 698, 705, 708, 718, 720, 721, 723, 727, 728, 732, 737, 740, 743, 744, 746, 748, 754, 756, 757, 762—763, 766, 779, 786, 798, 800, 801, 803, 807, 810, 812, 813, 817, 820, 830, 847, 852, 867, 869, 873, 875, 878.

Биттигер — см. Беттигер.

Блументрост — см. Блюментрост.

Блюментрост /Блументрост/, Лаврентий Лаврентьевич (Blumentrost, Laurentius, 1692—1755), лейб-медик, первый президент АН (1725—1733), куратор Московского университета (1755) — 36, 44, 267, 268, 271, 312, 639, 644, 699, 700, 701, 732, 733, 749.

Бобынин, Виктор Викторович (1849—1919), профессор математики Московского университета (с 1882), историк математики; Михаил Евсеевич Головин — 887.

/Бойл/ — см. Бойль.

Бойль /Бойл/, Роберт (Boyle, Robert, 1627—1691), английский физик и химик — 392, 480, 753, 814.

Бок, Генрих-Иоганн (Bock, Heinrich Johann), надзиратель над Академическими палатами — 711.

Бон, Герман-Иоганн, генерал, владелец дома, перешедшего в собственность АН — 28, 237, 523, 667

Борис Федорович Годунов (1552—1605), царь — 232, 674.

Братковский, Иван Елисеевич (р. 1729), студент Академического университета — 781.

Браун, Анна-Елизавета (Braun, Anna Elisabeth), рожд. Гинц /Гинс/, вдова (с 1753) акад. Г.-В. Рихмана, жена (с 1761) акад. И.-А. Брауна /«бедная вдова»/ — 484, 485, 488, 816.

Браун, Иосиф-Адам (Braun, Josef Adam, 1712—1768), профессор логики, метафизики и нравоучительных наук — 61, 98, 119, 228, 229, 242, 283, 293, 306, 563, 617, 623, 651, 661, 682, 713, 719, 724, 726, 729, 730, 738, 759, 808, 816, 819, 867, 885.

Бреверн, фон, Карл (Brevorn, von, Karl, 1704—1744), президент АН (1740—1741) — 38, 312.

Брэдли (Бредли), Джемс (Bradley, James, 1692—1762), английский астроном, почетный член АН (с 1754) — 727.

/Брэм/ — см. Брэме.

Брэме /Брэм/, Иоганн-Фридрих (Brehme, Johann Friedrich), адъюнкт по истории (с 1737 по 1747) — 172, 615, 630.

Брюс, Яков Вилимович, граф (1670—1735), государственный деятель и ученый, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I — 700.

Буало-Депрео, Никола (Boileau-Despréaux, Nicolas, 1636—1711), французский поэт и критик — 493, 494, 823.

Будилович, Антон Семенович (1846—1908), член-корреспондент

АН, филолог — 822; Ломоносов как натуралист и филолог — 791; Ломоносов как писатель — 822.

Бургав — см. Каау-Бургав.

Бургаве, Герман /Boerhaave, Hermann, 1668—1738/, голландский химик и врач; Элементы химии /«Основы химии»/ — 369, 374, 769; Медицинские наставления — 370, 375, 771.

Бутарик, Эдгар-Поль (Boutaric, Edgard Paul, 1829—1877), французский историк — 734; Секретная неизданная переписка Людовика XV — 734.

Бухнер, Август (Buchner, August, 1591—1661), немецкий филолог и поэт — 769.

Быков, Семен, унтер-офицер Санктпетербургского гарнизонного полка, состоящий в карауле АН — 226.

Бюльфингер /Бильфингер/, Георг-Бернгард (Bülfinger, Georg Bernhard, 1693—1750), профессор физики — 36, 267, 561, 701.

Вавилов, Сергей Иванович (1891—1951), академик, физик, президент АН (1945—1951); Исаак Ньютон — 814; Ночезрительная труба М. В. Ломоносова — 845.

Ваксель, Свен (ум. 1762), лейтенант, штурман, участник Второй Камчатской экспедиции; Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга — 709.

Варгентин, Петр-Вильгельм (Wargentin, Peter Wilhelm, 1717—1783), астроном, непрременный секретарь Шведской АН, почетный член АН (с 1760) — 579, 580.

- Варсонофий (1694—1759), архимандрит Соловецкого монастыря (1727—1740), архиепископ архангелогородский и холмогорский (с 1746) — 435, 799.
- Василий Дорофеев — см. Ломоносов, Василий Дорофеевич.
- Васильев, Матвей Васильевич (р. ок. 1732), художник-мозаичист — 848, 868.
- Васильчиков, Александр Алексеевич (1832—1890), археолог, директор Эрмитажа; Семейство Разумовских — 642, 665, 711, 715, 718, 848.
- Веденский, Семен Иванович, учитель Академической гимназии — 226, 227, 671.
- /Вейдебрехт/ — см. Вейтбрехт.
- Вейдлер, Иоганн-Фридрих (Weidler, Johann Friedrich, 1692—1755), немецкий математик, астроном и физик; Трактат о гидравлических машинах — 370, 375, 769, 770.
- Вейсель — см. Вейссель.
- Вейссель /Вейсель/, Матвей (Waisselius), немецкий историк конца XVII в. — 389.
- Вейтбрехт /Вейдебрехт/, Иосия (Weitbrecht, Josias, 1702—1747), профессор астрономии — 40, 44, 135, 138, 271, 273, 520, 615, 701, 703, 838.
- Венерони — см. Виньерон.
- Вергейен, Филипп (Verheyen, Philippe, 1648—1710), бельгийский анатом; Анатомия человеческого тела («Анатомия») — 372, 376, 775, 776.
- Вергилий /Виргилий/ Марон, Публий (Vergilius Maro, Publius, 70—19 до н. э.), римский поэт — 843; Произведения («Полное собрание сочинений») — 373, 377, 778; Энеида — 491.
- Вигель, Эдуард Самуилович, сотрудник библиотеки Тартуского государственного университета — 799.
- Вильде, Иоганн-Христиан (Wilde, Johann Christian), адъюнкт, профессор анатомии (1738—1741) — 280, 615.
- Виноградов, Дмитрий Иванович (1720—1758), товарищ Ломоносова в его учебные годы, создатель русского фарфора — 37, 273, 275, 362, 363, 365, 367, 431—433, 705, 706, 767, 793, 797, 798.
- Винсгейм, Анна-Мария фон, — см. Штрубе-де-Пирмонт.
- Винсгейм, Христиан-Николай, фон- (Winsheim, Christian Nicolaus, von, ум. 1751), профессор астрономии, конференц-секретарь АН (1742—1746, 1749—1751) — 17, 49, 61, 173, 174, 176—178, 186, 190, 279, 330, 488, 615, 616, 618, 632, 635—638, 709, 746, 750, 751, 780.
- Виньерон /Венерони/, Жан, (Vigneron, Veneroni, Jean, 1642—1708), французский филолог; Итальянско - французско - немецкая грамматика или учитель языков («Итальянская грамматика») — 372, 376, 775.
- Вирах (Wierach), марбургский кредитор Ломоносова — 324, 325.
- /Виргилий/ — см. Вергилий Марон.
- Волков, генерал, владелец дома на Васильевском острове, перешедшего в собственность АН — 221,

237, 238, 244, 249, 251, 301, 316, 667, 668, 682.

Волков, Алексей Степанович (1726—1769), дипломат — 669.

Волков, Петр, синодальный певчий, принявший в «партикулярное содержание» Книжную лавку АН в Москве — 692.

Волков, Самсон Иванович, переводчик АН — 213, 656.

Волков, Яков Тимофеевич (ум. 1773), канцелярист АН — 679.

Волчков, Сергей Саввич (1707—1773), переводчик АН, директор Сенатской типографии (с 1759) — 260, 690, 691, 744, 747.

Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ (Voltaire, François Marie Arouet, 1694—1778) — 473, 474, 524, 525, 839 — 841, 845, 876; История Петра Великого — 524, 839; Шуточное послание прусскому королю — 810, 811.

Вольф, Каспар-Фридрих (Wolff, Kaspar Friedrich, 1733—1794), профессор анатомии и физиологии — 628.

Вольф, Христиан (Wolf, Christian, 1679—1754), немецкий натуралист, физик и философ, почетный член АН — 275, 325, 361—363, 366, 368, 373, 418, 419—421, 425, 430, 432, 433, 480, 507, 561, 571, 572, 580, 704, 706, 741, 743, 767, 768, 774, 794, 797, 798, 814, 828, 872, 894; Элементы всей математики («Основы математики») — 370, 375, 767, 770; Рациональная философия или логика («Логика») — 370, 375, 768; Физические эксперименты или всякого рода полезные опыты («Экспериментальная фи-

зика», «книжица») — 372, 376, 435, 768, 776, 799; Первая философия или онтология («Онтология») — 370, 375, 770; Общая космология, разработанная научным методом («Космология») — 370, 375, 771; Таблицы синусов и тангенсов — 372, 376, 775; Система натуральной философии («Догматическая физика») — 372, 376, 767, 768, 776; Объяснение лекций Вольфа по математике, по всей философии («Свод лекций») — 372, 376, 776; Разумные мысли о боге, о мире и о душе человека («Немецкая метафизика») — 372, 376, 768, 776; Разумные мысли о житье-бытье людей с целью доставить им счастье («Нравственная философия») — 372, 377, 776; Разумные мысли об общественной жизни людей и преимущественно об общественном благе («Политика») — 372, 377, 777; Письма Христиана Вольфа — 793; Собственное жизнеописание Христиана Вольфа — 814, 815.

Воробьев, Григорий, холмогорский воевода — 323.

Воронцов, Александр Романович, граф (1741—1805), впоследствии президент Коммерц-коллегии — 885.

Воронцов, Иван Илларионович, граф (1719—1789), президент Вотчинной коллегии — 869.

Воронцов, Михаил Илларионович /Ларионович/, граф (1714—1767), государственный канцлер — 240, 298, 402, 470, 477, 488, 497, 499, 515, 535, 543, 555, 556, 559, 563, 565—569, 582, 586, 676, 677, 696, 710, 762, 763, 786, 788, 808.

812, 819, 825, 827, 836, 841, 846—850, 860, 864, 865, 868—872, 885, 895.

Воронцов, Михаил Семенович (1782—1856), государственный деятель — 763, 812, 819, 825, 827, 836, 846, 850, 860, 862, 864, 868, 869—871, 874, 875.

Воронцов, Роман Илларионович /Ларионович/, граф (1707—1783), генерал-аншеф, сенатор — 538, 558, 565, 678, 817, 863, 869.

Воронцовы, русский дворянский род — 788, 860, 868.

Вортман, Христиан-Альбрехт (Wortmann, Christian Albrecht, 1692—1760), мастер «грыдоровального искусства» АН — 530, 843.

Вяземский, Александр Алексеевич, князь (1727—1796), генерал-прокурор — 593, 594, 883, 884.

Гадлей, Джон (Hadley, John, 1670—1744), английский астроном и математик — 590, 592, 879, 880.

Галл, Петр Николаевич, прапорщик, надзиратель караульни АН — 226, 227, 671.

Гамель, Иосиф Христианович (Hamel, Joseph, 1788—1862), академик, химик — 686.

Гебенштрейт, Иоганн-Христиан (Hebenstreit, Johann Christian, 1720—1795), академик, ботаник — 212, 238, 520, 660, 661, 667, 675, 694, 838.

Гейнзиус (Гейнзиус, Гензиус), Готтфрид (Heinsius, Gottfried, 1709—1769), профессор астрономии, почетный член АН (с 1744), 272, 280, 572, 703, 752.

Гейнзиус, Николай (Heinsius,

Nicolaus, 1620—1681), голландский филолог — 778, 827.

Геллерт, Христлиб-Эреготт (Gellert, Christlieb Ehregott, 1711—1795), адъюнкт по химии — 615, 753.

Гельмолд — см. Гельмольд.

Гельмольд /Гелмолд/ (Helmold, XII в.), автор «Хроники славян» — 389.

Генкель, Иоганн-Фридрих (Henckel, Johann Friedrich, 1679—1744), немецкий химик и металлург — 38, 275, 389, 420—422, 425, 426, 428, 430, 431, 705, 743, 793, 795—797.

Гензиус — см. Гейнзиус, Готфрид.

Георги, Иоганн-Готтлиб (Georgi, Johann Gottlob, 1729—1802), академик натуральной истории и химии, этнограф; Описание столичного города Санктпетербурга — 803.

Гербер, Иоганн-Густав (Herber Johann Gustav, ум. 1734), капитан русской артиллерии; Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря народах и землях — 674.

Герман (Концевич, ум. 1735), архиепископ архангелогородский и холмогорский (1731), профессор богословия и ректор Московской славяно-греко-латинской академии — 323.

Герман, Яков (Hermann, Jacob, 1678—1733), профессор высшей математики, почетный член АН (с 1731) — 36, 267, 311, 596, 886.

Герострат (Herostratos, IV век до н. э.), эфесец, сжегший храм Артемиды Эфесской — 282, 711.

Герцог, Иоганн-Христиан (Herzog, Hertzog, Johann Christian, ум. 1728), немецкий педагог-филолог — 778.

Геснер, Иоганн-Матвей (Gesner, Johann Matthias, 1691—1761), немецкий филолог — 769.

Гмелин, Иоганн-Георг (Gmelin, Johann Georg, 1709—1755), профессор химии и естественной истории — 44, 135, 138, 182, 231, 271, 279, 280, 340, 342—344, 520, 615, 694, 701, 710, 711, 750, 755—759, 826, 838; Сибирское путешествие — 673; Сибирская флора или история растений Сибири — 755.

Гнучева, Вера Федоровна (1890—1942), историк, архивист; Географический департамент Академии Наук XVIII века — 683.

Голицын, Александр Михайлович, князь (1723—1807), вице-канцлер, впоследствии сенатор и обер-камергер — 581, 874.

Голицын, Михаил Михайлович, князь (1685—1764), генерал-адмирал, сенатор, петербургский губернатор — 190, 285, 643.

Голицын, Петр Алексеевич, князь, ливонский губернатор — 700.

Головин, Евсей Федорович, матюгорский крестьянин, муж сестры Ломоносова, Марии Васильевны — 599, 886.

Головин, Михаил Евсеевич (1756—1790), племянник Ломоносова, адъюнкт АН по математике (с 1776) /«Мишенька»/ — 598, 886, 887.

Головин, Николай Федорович, граф (ум. 1745), адмирал и

президент Адмиралтейской коллегии, сенатор — 277, 700.

Головина, Мария Васильевна, рожд. Ломоносова /«сестрица»/ (ок. 1730—ок. 1826), сестра М. В. Ломоносова — 598, 599, 886.

Головкин, Александр Гаврилович, граф (1689—1760), посланник в Берлине (1725—1727), в Париже (1727—1731), в Голландии (с 1731) — 425, 430.

Головкин, Гавриил Иванович, граф (ум. 1787), камергер, действительный статский советник — 851.

Головцын, Егор Андреевич, генерал-поручик, архангелогородский губернатор (с 1760) — 887.

Голубцов, Иван Иванович (1715—1759), переводчик АН — 206, 274, 655.

Гольдбах, Христиан (Goldbach, Christian, 1690—1764), профессор математики, первый конференц-секретарь АН — 281, 299, 644, 711, 742.

Гомер (Homeros, X—IX в. до н. э.); Илиада — 491.

Горадий Флакк, Квинт (65—8 гг. до н. э.), римский поэт; О поэтическом искусстве — 829.

Горланов, Алексей Петрович (ум. 1759), студент Академического университета и учитель Академической гимназии, участник Второй Камчатской экспедиции — 702.

Горлецкий — см. Горлицкий.
Горлицкий /Горлецкий/, Иван Семенович (1690—1770), переводчик АН — 171, 172, 276, 707.

Гортер, Иоганн, де (Gorter, Johann, ум. 1762), гоф-медик Елизаветы Петровны, почетный член АН (с 1757) — 661.

Гофман, Якоб-Генрих (Hoffmann, Jacob Heinrich), контролер и актуариус АН — 277, 707.

Гоффман, Фридрих (Hoffmann, Friedrich, 1660—1742), немецкий медик, физик и химик; Три книги избранных физико-химических наблюдений («Мелкие физико-медицинские работы») — 371, 375, 772, 773.

Греве — см. Гревиус.

Гревий — см. Гревиус.

Гревиус /Греве, Гревий/, Иоганн-Георг (Graevius, Gräve, Graeffe, Johann Georg, 1632—1703), немецкий филолог и историк — 769.

Греков, Алексей Ангилеевич (род. 1726), «подмастерье грядорывального художества» АН (до 1770) — 227, 294, 720.

Греков, Андрей Ангилеевич, «рисовального художества подмастерье», учитель рисования в Академической гимназии — 253, 719, 720.

Григорий Григорьевич — см. Орлов Григорий Григорьевич.

Гришов, Августин-Нафанаил (Grischow, Grischau, Augustin Nathanael, 1726—1760), профессор астрономии — 61, 190, 221, 234, 259, 265, 306, 307, 394, 486—488, 618, 661, 667, 716, 728, 781, 818, 819, 831.

Грот, Яков Карлович (1812—1893), академик, филолог; Письма

Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову — 810, 820, 837, 840, 843, 850, 853, 876.

Гроций, Гуго (Grotius, Hugo, 1583—1645), голландский юрист и писатель — 776.

Гунольд — см. Менантес.

Гурьев, Михаил Михайлович, секретарь Канцелярии АН — 80, 206, 210—215, 218, 225, 227, 240, 241, 243, 244, 257, 267, 316, 353, 718, 737.

Гюбнер, Иоганн (Hübner, Johann, 1668—1731), немецкий историк, литературовед и географ; Малый школьный атлас («школьный атлас») — 369, 374, 769; Вновь расширенное поэтическое руководство («Поэтическое руководство») — 371, 375, 773.

Гюйгенс, Христиан (Huygens, Christian, 1629—1695), голландский математик, астроном и физик — 753.

Гюнтер, Иоганн-Христиан (Günter, Johann Christian, 1695—1723), немецкий поэт — 432, 433; Собрание изданных до настоящего времени немецких и латинских стихотворений («Стихотворения») — 371, 375, 773, 798.

Давид Петрович, советник — 231.

Дандулин, Иван Спиридонович, канцелярист и регистратор Канцелярии АН — 192, 240.

Дасье, Анна (Dacier, Anne), урожденная Лефевр, французский филолог (1654—1720) — 773.

Дахриц, Карл (Dachritz, Carolus), немецкий химик — 286

- Девович /Дзевович/, Семен, студент Академического университета — 642, 856.
- Декарт /Картезий/, Рене (Descartes, René, 1596—1650), французский философ, математик и физик — 406, 410, 731, 753.
- Делиль, Жозеф-Никола (De l'Isle, Joseph Nicolas, 1688—1768), профессор астрономии, почетный член АН (с 1747) — 36, 173, 174, 176—185, 259, 265, 272, 276, 279, 280, 287, 306, 520, 632—635, 637, 639, 672, 673, 703, 707, 710, 715, 728, 838, 847, 856, 857.
- Делиль-де-ла-Кройер, Людовик (De l'Isle de Crauère, Louis, ум. 1741), профессор астрономии — 306, 728.
- Демидов Никита Акинфиевич (1724—1789), владелец дома, арендованного АН — 250, 688.
- Демидовы, владельцы дома, арендованного АН — 211, 660.
- Дзевович — см. Девович.
- Диоген (414—323 гг. до н. э.), греческий философ — 480, 814.
- Долгорукий /Долгоруков/, Яков Федорович, князь (1639—1720), ближайший сподвижник Петра I — 462, 804.
- /Долгоруков/ — см. Долгорукий.
- /Домеран/ — см. Меран.
- Дружинин, Петр, «архитектурный ученик», обучавшийся у Ломоносова «составлению» разноцветных стекол — 390.
- Дубровский, Андреян Илларионович (род. 1732), студент и переводчик АН — 655.
- Дуйзинг, Юстин-Герард (Duing, Justus Gerhard, 1705—1761), профессор медицины и физики Марбургского университета — 361—363, 366, 705.
- Дутиков, Иван, подьячий Сысского приказа — 323.
- /Дюверной/ — см. Дювернуа.
- Дювернуа /Дюверной/, Иоганн-Георг (Duvernoy, Johann Georg, 1691—1759), профессор анатомии — 36.
- Евсей Федорович — см. Головин, Евсей Федорович.
- /Эйлер/ — см. Эйлер.
- Екатерина I Алексеевна (1684—1727), императрица — 165, 351.
- Екатерина II Алексеевна (1729—1796), императрица — 357, 605, 624, 653, 677, 678, 691, 693, 696, 697, 717, 727, 728, 731, 732, 762—766, 832, 864, 865, 868—870, 872, 876, 878, 895.
- Елагин, Иван Перфильевич /Перфильевич/ (1725—1794), адъютант А. Г. Разумовского, секретарь Екатерины II (с 1762), писатель — 492—494, 762, 820, 821; На петиметра и кокеток — 822, 823.
- Елизавета Петровна /Петрова дщерь/ (1709—1761), императрица — 63, 133, 136, 165, 166, 276, 284, 285, 289, 298, 314, 326, 337, 339, 354, 400, 402, 471, 500, 502, 677, 680, 687, 708, 714, 779, 780, 806—808, 813, 824, 825, 830, 832, 840, 844, 852, 859, 860, 862.
- Епинус — см. Эпинус.
- Еропкин /Яропкин/, Петр Михайлович (ум. 1740), гоф-бауинтендант — 233.

Ефимов, Алексей Владимирович; член-корреспондент АН, историк; Из истории открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах — 632.

Ефимов, Константин, копист АН — 762.

Жирмунский, Виктор Максимович, член-корреспондент АН, филолог — 881.

Загромаза, мальтийский рыцарь, путешественник — 282.

/Зальхов/ — см. Сальхов.

Зборомирский, Степан Васильевич (1722—1782), комиссар Книжной лавки АН — 30, 202, 653, 861.

Златоуст — см. Иоанн Златоуст.

/Зонар/ — см. Зонара.

Зонара /Зонар/ (Zonaras), Иоганн, византийский историк конца XI—середины XII в. — 390.

Зубарев, Иван, тобольский купец — 810.

Иван Иванович — см. Шувалов, Иван Иванович.

Иванов, Иван, копист Селената — 340.

Иванов, Лука, ученик Московской славяно-греко-латинской академии, участник Второй Камчатской экспедиции — 702.

Игнатьев, Степан Лукич (ум. 1747), генерал-лейтенант, обер-комендант Петербурга — 277.

Игорь Рюрикович (правл. 913—945), вел. кн. киевский — 392.

Ильин, Иван Федорович (ум. 1764), инспектор при счетных делах АН — 692.

Ильинский, Иван Юрьевич (ум. 1737), переводчик АН — 171, 172.

Инар, Альбер (Isnard, Albert), библиотекарь Парижской национальной библиотеки; Жозеф-Никола Делиль, его жизнеописание — 632—634.

Иноходцов, Петр Борисович (1742—1806), академик, астроном — 300, 726.

Иоанн Златоуст (345—407), церковный деятель, проповедник и писатель — 471.

Иордан /Иорнанд/ (Jordanes, VI в. н. э.), византийский историк — 390.

/Иорнанд/ — см. Иордан.

Каау-Бургав /Бургав/, Авраам (Kaau-Boerhaave, Abraham, 1715—1758), профессор анатомии и физиологии — 18, 40, 41, 51, 61, 190, 191, 284, 290, 368, 374, 553, 596, 598, 613, 615, 618, 644, 664, 713, 714, 718, 859.

Каау-Бургав, Герман (Kaau-Boerhaave, 1705—1753), врач, почетный член АН (с 1750) — 644.

Камер, Михаэль (Camer, Michael), комиссар АН — 276.

Камоэнс /Камуенс/, Луис де, (Camões, Luis de, 1525—1580), португальский поэт — 491.

Каравак, Луи (Caravaque, Louis, 1716—1752), французский живописец — 825.

/Картезий/ (Cartesius) — см. Декарт, Ренэ.

Каусин — см. Коссен

- Кейзерлинг, Герман-Карл, барон (Keyserling, Hermann Karl, 1697—1764), президент АН (1733) — 275, 312, 424, 429, 705, 733, 796.
- Кельрейтер, Иосиф-Теофил-Готлиб (Koelreuter, 1733—1806), адъюнкт по ботанике, почетный член АН (с 1761) — 212, 238, 292, 311, 553, 660—662, 675, 694.
- Кёниг, Иоганн-Ульрих (König, Johann Ulrich, 1688—1744), немецкий филолог и поэт — 775.
- Керн (Kern), инспектор над драгоценными камнями в Фрейберге — 425, 430.
- Кестнер, Авраам Готгельф (Kästner, Abraham Gothef, 1719—1800), профессор математики и философии в Лейпциге, затем в Геттингенском университете, почетный член АН (с 1786) — 507.
- Кинт (Kint), вольный столярный мастер — 208, 209, 220, 236, 658, 667, 668.
- Кирилов, Иван, канцелярист АН — 694.
- Кирилов, Иван Кириллович (1689—1737), географ, обер-секретарь Сената — 321, 323, 738, 739.
- Клаузинг, купец — 593, 883.
- Клейнфельд, Мартин (Kleinfeld, Martin, ум. 1761), адъюнкт анатомии — 41, 553, 554, 615, 753, 854, 859.
- Клейст, Эвальд-Георг, фон (Kleist, Ewald Georg, von, ум. 1748), физик-экспериментатор — 815.
- Клементьев, Василий Иванович (1731—1759), студент Академического университета, лаборант Химической лаборатории АН — 41, 393, 397, 524, 781, 785, 839.
- Кнехт, фон- (Knecht, von), ученик горного советника Генкеля — 421, 429.
- Козельский, Федор, студент АН (1755—1758) — 642.
- Козицкий, Григорий Васильевич (1721—1775), адъюнкт, переводчик, почетный член АН (с 1767) — 213, 214, 215, 231, 297, 309, 655, 662, 664, 724.
- Козлов, Иван Иванович (1716—1788), генерал-рекетмейстер, сенатор — 881.
- Колессо /Коллесон/, Винцентий (Collesso, Colleson, Vincent, вторая половина XVII в.), французский юрист и филолог — 773.
- /Коллесон/ — см. Колессо.
- Коль, Иоганн-Петр (Kohl, Johann Peter, 1698—1778), профессор элоквенции и церковной истории — 700.
- Кондамин, Шарль-Мари, де-ла (de la Condamine, Charles Marie, 1701—1774), французский астроном, почетный член АН (с 1754) — 561, 578, 581, 873, 874.
- Кондратович, Кириак Андреевич (1703—1788), переводчик АН, лексикограф — 381; Русский лексикон — 381.
- Конради, Израель (Conradi, Israel), доктор медицины в Марбурге — 361, 362.
- Константинов, Алексей Алексеевич (1728—1808), студент АН, магистр, библиотекарь Екатерины II (с 1762), зять М. В. Ломоносова — 655.

Константинова, Елена Михайловна (1749—1772), дочь М. В. Ломоносова — 599, 805.

Коперник, Николай (Copernicus, Nicolaus, 1473—1543) — 818.

Кордт, Вениамин Александрович, историк, археограф; Материалы по истории картографии Украины — 632.

Корельская — см. Ломоносова, Ирина Семеновна.

Корельский, Семен, крестьянин Николаевской Матигорской волости, отец мачехи Ломоносова — 815.

Корф, Иоганн-Альбрехт, барон (Korff, Johann Albrecht, von, 1697—1766), «главный командир» АН (1734—1740) — 312, 415, 417, 418, 639, 644, 733, 793, 794, 895.

Коссен /Каусин, Кавзин/, Николай (Caussin, Nicolas, 1583—1651), французский богослов и филолог — 798; О духовном и светском красноречии («Риторика») — 432, 433, 798.

Котельников, Семен Кириллович (1723—1806), профессор высшей математики, инспектор Академической гимназии — 38, 80, 98, 119, 132, 135, 138, 214, 215, 242, 282, 283, 500, 502, 508, 621, 623, 628, 661, 663, 712, 713, 723, 753, 827, 831, 832, 885.

Корнелиус, «публичный нотариус» — 345.

Крамер — см. Кромер.

Крамер, Адольф-Бернгард (Cramer, Adolf Bergard, ум. 1734), адъюнкт по истории — 615.

Кромер /Крамер/ Мартин (1512—1589), польский историк — 389.

Кранц, Готлоб (Crantz, Krantz, Krantzius, Gottlob, 1660—1733), немецкий историк — 390.

Красильников, Андрей Дмитриевич (1705—1773), адъюнкт АН по географии, астроном — 41, 244, 259, 303, 305, 306, 563, 615, 655, 681, 682, 693, 694, 727—730, 868.

Красильников, Михаил Дмитриевич, ученик Славяно-греко-латинской академии — 739.

Кратценштейн, Христиан-Готлиб (Kratzerstein, Christian Gottlieb, 1723—1795), профессор механики, почетный член АН (с 1753) — 40, 488, 507, 718.

Крафт, Вольфганг-Лудвиг (Krafft, Wolfgang Ludwig, 1743—1814), профессор экспериментальной физики — 628.

Крафт, Георг-Вольфганг (Krafft, Georg Wolfgang, 1701—1754), профессор математики и физики, почетный член АН (с 1744) — 44, 135, 138, 258, 265, 271, 272, 279, 280, 615, 693, 694, 701, 703, 708, 709, 742, 752, 768, 788, 794.

Крашенинников, Степан Петрович (1713—1755), профессор ботаники и натуральной истории — 37, 46, 190, 231, 272, 280, 283, 287, 551, 641, 645, 675, 702, 707, 712, 713, 751, 752, 798, 857; Описание земли Камчатки («Камчатская история») — 533, 845.

Крёкшин, Петр Никифорович (1684—1763), историк — 286, 714.

Крузиус, Христиан (Crusius, Christian, 1715—1767), профессор древностей и истории лите-раль-

ной — 180, 182, 280, 520, 615, 710, 750, 759, 798, 838.

К у н и к, Арист Аристович (1814—1899), академик, историк — 766, 767; Сборник материалов для истории имп. Академии Наук в XVIII веке — 704—706, 740—742, 744, 760, 766—768, 792, 794—797, 848.

К у н ц е в и ч, Георгий Захарович (род. 1872), библиограф; Библиография сочинений М. В. Ломоносова — 840, 862.

К у п и /Жупий/, Иоганн (Курі, Johann, ум. 1760), медальерный и пунсонный мастер АН — 296, 722.

/К у п и й/ — см. Купи.

К у п р и я н о в, Василий Васильевич, профессор, анатом; К. И. Щепин, доктор медицины XVIII века — 675.

К у р а к и н, Борис Александрович, князь (1733—1764), президент Камер-Коллегии и Коллегии экономии — 559, 864.

К у р г а н о в, Николай Гаврилович (1726—1796), подмастерье математических и навигацких наук, впоследствии профессор астрономии Морского шляхетного корпуса — 303, 305, 306, 681, 682, 693, 694, 728—730.

Л а б ы с е в и ч — см. Лобысевич.

Л а ж е ч н и к о в, Иван Иванович (1792—1869), писатель — 822.

Л а к с м а н, Кирилл Густавович (1737—1796), академик, химик, путешественник — 628.

Л а м а н с к и й, Владимир Иванович (1833—1914), академик, историк, славист — 696, 697; Ломо-

носов и Петербургская Академия Наук — 609, 672, 673, 695, 746, 778, 806, 809, 837, 874.

Л а Ф о с с, Антуан де (La Fosse, Antoine de, 1653—1708). французский поэт — 773.

Л е б е д е в, Василий Иванович (1716—1771), переводчик АН — 274, 655, 750, 800, 806.

Л е б е д е в, Дмитрий Михайлович, доктор географических наук, историк географии; География в России Петровского времени — 632.

Л е в (Леон) Г р а м м а т и к (Leo Grammaticus), византийский историк начала XI в. — 390.

Л е в С и м о н о в и ч — 245 685.

Л е в р и н, тобольский «форлей-фер» — 810.

Л е в с к и й, Алексей, солдат Сенатской роты — 240.

Л е й б н и ц, Готфрид-Вильгельм (Leibnitz, Gottfried Wilhelm, 1644—1716), немецкий философ, математик и физик — 753.

Л е к с е л ь, Андрей-Иоганн (1740—1784), академик, астроном — 628.

Л е м о р т /Ле Морт/, Яков (Lemort, Jacques, 1650—1718), голландский химик — 771.

/Л е М о р т/ — см. Леморт.

Л е о н т ь е в, Алексей Леонтьевич (ум. 1786), переводчик с китайского и манчжурского языков при Коллегии иностранных дел — 256, 308, 688.

Л е п е х и н, Иван Иванович (1740—1802), академик, натуралист — 300, 726, 727, 847.

Леруа, Пьер-Луи (Le Roy, Pierre Louis, 1699—1774), профессор новой истории — 632, 759.

Лесток, Иоганн-Герман, граф (1692—1767), первый лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны и директор Медицинской канцелярии — 707, 710.

Лефевр (Lefevre), аббат, проповедник церкви французского посольства в Петербурге — 849.

Лефевр (Lefevre Tanneui или Tanaquillus Faber, 1615—1672), французский филолог — 773.

Лжедмитрий I /Расстрига/, царь московский (1605—1606) — 232, 674.

Ливий, Тит (59 до н. э.—17 н. э.), римский историк — 148.

Линней, Карл (Linné, Carolus, 1707—1778), шведский натуралист, ботаник, почетный член АН (с 1754) — 51, 230, 561.

Лобысевич /Лыбысевич/, Афанасий Кириллович (ок. 1732—1824), студент Академического университета и переводчик АН — 642, 856.

Ломоносов, Василий Доросевич (1681—1741), отец М. В. Ломоносова, крестьянин Куростровской волости Двинского уезда Архангелогородской губернии — 321, 322, 323, 481, 739, 799.

Ломоносова, Елена Михайловна — см. Константинова.

Ломоносова, Елизавета Андреевна, рожд. Цильх (1720—1766), жена М. В. Ломоносова — 599.

Ломоносова, Ирина Семёновна, рожд. Корельская (ум 1732).

мачеха М. В. Ломоносова — 481, 815.

Лутковский, полковник, владелец дома на Васильевском острове, перешедшего в собственность АН — 221, 237, 238, 244, 251, 301, 667, 668, 682.

Лыков, Артемий Евстафьевич, фактор типографии АН — 654.

Людовик XV (1710—1774), французский король — 633, 734.

Мавра Егоровна — см. Шувалова, Мавра Егоровна.

Маецсий (Maets), Карл-Людвиг, фон (Maetsius, Maets, Karl Ludwig, von, 1633—1690), голландский химик — 771.

Макаров, Владимир Кузьмич, доктор искусствоведческих наук; Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики — 781, 782, 813, 840, 848, 875, 878.

Маккиавелли /Макиавели/, Николо ди Бернардо (1469—1527), итальянский писатель и политический деятель — 316, 595, 597, 737, 886.

/Малгерб/ — см. Малерб.

Малерб /Малгерб/, Франсуа (Malherbe, François, 1555—1628), французский поэт — 492, 821.

Мамфорт (Mamfort), марбургский кредитор Ломоносова — 325.

Маргграв /Маркграф/, Христиан (Marggav, Marggraf, Christian, 1626—1687), голландский химик и врач — 771.

Мариво, Пьер Карле де Шамблен (Marivaux, Pierre Carlet de Chamblin, 1688—1763), француз-

ский писатель; Крестьянин, ставший счастливым — 371, 375, 772.

Мариотт, Эдм (Mariotte, Edme, 1620—1684), французский физик — 406, 410, 753.

Мартини /Марино/, Якоб, мастер Петергофской гранильной фабрики — 588, 877.

/Марино/ — см. Мартини.

Марциал, Марк Валерий (Martialis, Marcus Valerius, 40—102 н. э.), римский поэт; Эпиграммы — 371, 376, 773.

/Матонис/ — см. Мотонис.

Махаев, Михаил Иванович (1716—1770), «грыдоровальный мастер» АН — 227, 861, 894, 895

Махивели — см. Маккиавелли.

Мейер, Тобиас (Maueg, Meuer, Tobias), профессор Геттингенского университета — 507.

Мельников, Ефим Тихонович, «живописный академический художник», мозаичист — 848.

Менантес, Христиан-Фридрих Гунольд (Menantes, Christian Friedrich Hunold, 1680—1721), немецкий писатель; Новые избранные письма («Письма») — 371, 376, 773; Избранные письма из лучших и новейших французских авторов («Избранные письма») — 373, 377, 777.

Меншиков, Александр Данилович, князь (1673—1729), государственный деятель и полководец, сподвижник Петра I — 878.

Меншуткин, Борис Николаевич (1874—1938), химик и историк химии, исследователь научного творчества Ломоносова; Труды

М. В. Ломоносова по физике и химии — 753.

Меран /Домеран/, Жан-Жак (de Mairan, Jean Jacques, 1678—1771), французский физик и астроном, почетный член АН — 561.

Мёрлинг, Георг (Meurling, Georg, ум. 1741), адъюнкт и ректор Академической гимназии — 615.

Мигинд, Франциск (Mugind, Francisque, 1710—1789), адъюнкт по химии — 615.

Мизере, статский советник — 853.

Миллер (Müller), марбургский книгопродавец, кредитор Ломоносова — 325.

Миллер, Герард-Фридрих (Müller, Gerard Friedrich, 1705—1783), историограф, конференц-секретарь АН — 17, 24, 25, 28, 30, 44, 45, 50, 61, 76, 81, 93, 135, 138, 173—185, 189—195, 198, 202, 203, 206, 213, 214, 228—233, 260, 268, 271, 272, 279, 280, 283, 286—288, 292, 294, 299, 300, 302—305, 307—310, 312, 317, 342, 344, 347, 348, 394, 506, 538, 545, 548, 551—553, 563, 564, 595, 597, 598, 608, 610, 611, 615, 618—620, 622, 627, 628, 634—639, 641—643, 645—651, 653—656, 661—663, 672—674, 676, 677, 683, 690, 694, 700—703, 709, 712, 714—716, 720, 724—728, 730, 732, 737, 738, 755, 756, 759, 765, 804, 817, 826, 831, 838, 847, 851, 853, 855—859, 867, 868, 880, 884, 885; История Сибири («Сибирская история») — 673, 858; Известия о запорожских казаках — 673; Описание языческих народов в Казанской губернии — 674; Опыт новей-

шей истории России — 674; Сборники по русской истории — 858; Происхождение имени и народа российского — 715, 759.

Миних, фон, Бурхард Христофорович, граф (1683—1767), генерал-фельдмаршал — 273, 411, 700, 703.

Мит, Анатолий Мартынович, доцент, заведующий кафедрой физики Тартуского государственного университета — 799.

Михаил Федорович (1596—1645), царь — 525, 527, 581, 840.

Михайло Ларионович, граф — см. Воронцов, Михаил Илларионович.

Михелис (Michälis), марбургский аптекарь, кредитор Ломоносова — 325.

Мишо, Жозеф-Франсуа (Michaud, Joseph François, 1767—1839), французский историк — 730.

Модель, Иоганн-Георг (Model, Johann Georg, 1711—1775), химик, аптекарь главной Санкт-Петербургской аптеки, почетный член АН (с 1758) — 240, 677.

Модерах /Модрах/, Карл-Фридрих (Moderach, Karl Friedrich, 1720—1772), профессор истории и инспектор Гимназии АН — 206, 229, 236, 297, 533, 615, 655, 723, 724, 845.

Модзалевский, Борис Львович (1874—1928), член-корреспондент АН, литературовед; Род и потомство Ломоносовых — 733, 814, 815.

Модзалевский, Лев Борисович (1902—1948), доктор филологических наук, литературовед —

830, 866; Описание рукописей Ломоносова — 631, 637, 746, 757, 781, 792, 799, 801, 817, 844.

Модрах — см. Модерах.

Мольер, Жан-Батист Поклен (Molière, Jean Baptiste Poquelin, 1622—1673), французский драматург — 811.

Мор, Люис Тренчард (More, Louis Trenchard), американский физик; Жизнь и труды достопочтенного Роберта Бойля — 814.

Морепа, Жан-Фредерик, граф (Maurepas, Jean Frédéric Phélieux, comte, 1701—1791), французский государственный деятель, морской министр (с 1774) — 633.

Морлей, Христиан Людвиг (Morley, Christian Ludwig, вторая половина XVII века), голландский медик и химик — 771.

Морозов, Иван, копиист АН — 176.

Морсочников, Алексей, канцелярист Московского синодального правления — 322.

Мотонис /Матонис/, Николай Николаевич (ум. 1787), адъюнк, почетный член АН (с 1767) — 213, 214, 232, 297, 309, 662, 724.

Мула, Фридрих (Moula, Friedrich, ум. после 1749), адъюнк по математике — 615.

Муратори /Мураторий/, Лодовико-Антонио (Muratori, Lodovico Antonio, 1672—1750), итальянский историк — 390.

/Мураторий/ — см. Муратори.

Мушенбрёк, Петр (Musschenbroeck, Petrus, 1692—1761), голландский физик, почетный член АН (с 1754) — 482, 815

М ю й к е н с, Теодор (Muukens, Theodor, 1665—1721), голландский химик и врач — 772.

Н а к в а с и н, Дмитрий, иркутский служилый человек — 805.

Н а р т о в, Андрей Константинович (1680—1756), механик, советник Канцелярии АН — 37, 189, 276—278, 281, 311, 316, 496, 498, 568, 641, 643, 655, 704, 706—709, 745, 746, 826.

/Н е в т о н/ — см Ньютон.

Н е й к и р х, Вениамин (Neukirch, Benjamin, 1665—1729), немецкий литератор; Указание о том, как писать немецкие письма («Галантные письма») — 371, 376, 773.

Н е м т и н о в, Михаил, капитан-лейтенант, участник экспедиции 1764 г. на Шпицберген — 879.

Н е с т о р (1056—1114), летописец, монах Киево-Печерского монастыря — 389.

Н е у с т р о е в, Александр Николаевич (1825—1902), библиограф; Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках — 630, 826.

Н и к о л а й Н а у м о в и ч — см Чоголоков, Николай Наумович.

Н о в и к о в Николай Иванович (1744—1818), просветитель, политический деятель, журналист и книгоиздатель — 724.

Н о р о в, Авраам Сергеевич (1795—1869), государственный деятель и писатель — 841.

Н о с т и ц, Григорий Иванович, граф (род. 1862), генерал-майор, потомок М. В. Ломоносова — 894.

Н ь ю т о н /Невтон/, Исаак (Newton, Isaac, 1643—1727), английский физик и математик — 440, 451, 480, 507, 731, 753, 814, 828, 832.

О в и д и й, Публий Назон (Ovidius Naso, Publius, 43 до н. э.— 17 н. э.), римский поэт; Произведения, разделенные на три тома («Полное собрание сочинений») — 373, 377, 777; Превращения — 491.

О л ь г а (ум. 969), княгиня, жена Игоря Рюриковича — 392.

О р л о в, Владимир Григорьевич, граф (1743—1831), главный директор АН, почетный член АН (с 1809) — 628, 657, 697.

О р л о в, Григорий Григорьевич, граф (1734—1783), фаворит Екатерины II, генерал-фельдцейхмейстер, почетный член АН (с 1776) — 560, 561, 586, 589, 696, 697, 865, 866, 868, 895.

О р л о в, Иван, экзекутор при АН — 210.

О р л о в, Федор Григорьевич, граф (1741—1796), генерал-аншеф, обер-прокурор Сената — 561, 866.

О с и п о в, Алексей Агапиевич (ок. 1770—после 1848), гравер — 894.

О с т е р м а н, Андрей Иванович, граф (1686—1747), генерал-адмирал, вице-канцлер, кабинет-министр — 700, 709.

О с т е р м а н, Иван Андреевич, граф (1725—1804), государственный канцлер, президент Коммерц-Коллегии — 278, 822

- Павел, апостол — 157, 162
- Павел Д и а к о н (Paulus Diaconus, р. ок. 740, ум. ок. 800), итальянский хронист — 390, 720.
- Павел Петрович (1754—1801), великий князь, впоследствии император Павел I — 237, 254, 255, 392, 395, 569, 570, 682, 693, 720, 732, 766, 836, 861, 878.
- Панин, Никита Иванович, граф (1718—1783), дипломат, воспитатель вел. кн. Павла Петровича — 255.
- Панкратьев, Илья Панкратьевич, комиссар АН — 227.
- Паскаль, Блез (Pascal, Blaise, 1623—1662), французский математик, физик и философ — 753.
- Пекарский, Петр Петрович (1827—1872), академик, историк — 691, 700, 704, 745, 805, 830, 866; Из Истории имп. Академии Наук в Петербурге, т. I — 615, 630—632, 634, 638, 639, 641, 644, 668, 673, 675, 677, 678, 699, 700, 702—704, 707—711, 715, 725, 733, 755, 756, 761, 816, 817, 857, 858, 886; Из истории имп. Академии Наук в Петербурге, т. II — 609, 619, 621, 622, 625, 629, 671, 676, 680, 683, 690, 691; 706, 713, 745, 747, 752, 758, 779—781, 796, 798, 810, 815, 824, 830, 838, 843, 852, 859, 866, 883; Дополнительные известия для биографии Ломоносова — 645, 662, 757, 803, 804, 817, 825, 828, 871; Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова — 675; Новые известия о В. Н. Татищеве — 820.
- Пенгре /Пингре/, Александр-Ги (Pingré, Alexandre Guy, 1711—1796), аббат, французский астроном — 306, 729—731.
- Пеплие (Perlier), французский филолог XVII в.; Новая и совершенная королевская французская и немецкая грамматика («Новая королевская грамматика») — 371, 376, 773, 774.
- Перевалов, Викторин Александрович, историк географии; М. В. Ломоносов и освоение Арктики — 764, 879, 880, 887, 888.
- Перфильевич /— см. Елагин Петр, апостол — 157, 162.
- Петр I Великий (1672—1725), император — 36, 40, 133, 134, 136, 137, 165, 193, 216, 247, 276, 311, 314, 357, 387, 392, 393, 400, 462—464, 475, 496, 516, 517, 524, 531, 537, 554, 558, 630, 645, 674, 680, 685, 687, 700, 706, 735, 749, 782, 787, 804, 812, 830, 836, 839, 840, 844, 848, 850, 852.
- Петр II Алексеевич (1715—1730), император — 700.
- П[етр] И[ванович], граф — см. Шувалов, Петр Иванович.
- Петр Федорович (1728—1762), великий князь, впоследствии император Петр III — 677, 832, 851, 862, 863, 869.
- Петрей де-Эрлесунд, Петр (Petreius /Petrejus/ de Erlesunda, Petrus, 1570—1622), шведский историк — 432, 433; История России — 432, 433, 798.
- Петров Игнат /Игнатий/, ученик инструментальной мастерской Ломоносова, впоследствии рабочий «у разных стеклянных работ» на Усть-Рудицкой фабрике — 522, 838, 839

Петров, Павел Николаевич (1827—1891), историк; История Санкт-Петербурга — 816; Сборник материалов для истории имп. С. Петербургской Академии Художеств — 848.

/Пингре/ — см. Пенгре

Пиндар (Pindaros, 518—442 до н. э.), греческий поэт — 492, 821.

Платс /Плат/, Георг-Филипп (Plats, Georg Philipp), немецкий филолог; Домашние французско-немецкие разговоры («Диалоги») — 371, 376, 774.

Плениснер /Пленистер/, Федор Христофорович, полковник, «начальник Камчатки и Охотского порта» — 591, 879.

/Пленистеп/ — см. Плениснер.

Плиний, Кай Цецилий Секунд (Plinius, Caius Caecilius Secundus, 61—114 н. э.), римский писатель и оратор; Письма и панегирик — 373, 377, 777.

Погодин, Михаил Петрович (1800—1875), историк, археолог и журналист — 842, 844, 851, 853, 859, 860, 877, 882.

Поленов, Алексей Яковлевич (1738—1816), студент Академического университета, впоследствии юрист и историк — 299, 300, 725—727.

Полетика, Григорий Андреевич (1723?—1784), переводчик Синода — 191—193, 647, 649; О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии — 611, 646.

Поляков, Андрей Иванович (1712—1764), гравер АН — 707, 709, 894.

Помей, Франсуа-Антуан (Pomey, François Antoine, 1619—1673), французский филолог; Мифологический пантеон — 371, 376, 774.

Поп, Александр (Pope, Alexander, 1688—1744), английский поэт; Опыт о человеке («Стихи Попиевы») — 487, 505, 818, 831.

Попов, Никита Иванович (1720—1782), профессор астрономии — 46, 203, 232, 235, 244, 259, 273, 274, 276, 288, 307, 544, 545, 557, 563, 654, 661, 675, 681, 693, 694, 713, 715, 747, 819, 860, 868.

Попов, Федор, ученик Славяно-греко-латинской Академии, астроном, участник Второй Камчатской экспедиции — 703.

Поповский, Николай Никитич (ок. 1730—1760), магистр, профессор философии и элоквенции Московского университета, поэт, ученик Ломоносова — 10, 387—389, 400, 469, 487, 492, 505, 712, 808, 818, 819, 821, 822, 830, 831, 844; Эклога — 469, 808.

Порошин, Семен Андреевич (1741—1769), писатель, воспитатель вел. кн Павла Петровича — 578.

Посников, Александр, канцелярист АН — 199.

Прасковья Федоровна, рожд. Салтыкова (1664—1723), жена царя Ивана Алексеевича — 216.

Прейсер, Сигизмунд (Preisser, Sigismund), бухгалтер Книжной лавки АН — 277, 316, 737.

Прейслер, Валентин-Даниэль (Preissler, Valentin Daniel, 1717—1765), немецкий гравер — 894.

Прейслер, Иоганн-Даниэль (Preissler, Johann Daniel, 1666—1737), немецкий художник, директор Нюрнбергской Академии художеств — 793; Краткое руководство по рисовальному искусству — 793.

Преторий, Матвей (Praetorius, Matthäus, 1635—1707), польский историк — 390.

Прокопий Кесарийский (Prokopios Cesaariensis, VI в. н. э.), византийский историк — 390.

Протасов, Алексей Протасевич (1724—1796), академик, анатом — 38, 209, 210, 215, 231, 242, 266, 283, 298, 299, 309, 314, 628, 659, 661, 663, 664, 682, 694, 712, 713, 723, 725, 734, 753, 885.

Протопопов, Павел, секретарь Московского синодального правления канцелярии — 322

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — 783, 817, 854; Путешествие из Москвы в Петербург — 783.

/Раб/ — см. Рабус.

Рабус /Раб/, Петр (Rabus, Petrus, 1660—1702), голландский филолог — 772.

/Разумнов/ — см. Разумов.

Разумов /Разумнов/, Алексей (1735—1765), переводчик АН — 213, 656.

Разумовский, Алексей Григорьевич, граф (1709—1771), генерал-адъютант, фаворит императрицы Елизаветы Петровны — 201, 770.

Разумовский, Кирилл Григорьевич, граф (1728—1803), президент АН (с 1746), малороссийский гетман (с 1750) — 26, 76, 172, 178, 200, 204, 243, 246, 257, 279, 312, 350, 458, 476, 489, 495, 522, 536, 537, 540, 544, 552, 562, 573, 589, 608, 617, 620, 622, 631, 632, 635, 636, 638, 640, 642, 643, 649, 655—658, 660—663, 665, 676, 677, 681, 684, 685, 687, 688, 691, 695, 711—713, 715—719, 721, 722, 733, 756, 758, 778, 799, 802, 815, 817, 818, 824, 825, 829, 831, 837, 838, 848, 851, 852, 855, 858, 859, 864, 867, 868, 872, 876, 878.

Райзер /Рейзер/, Викентий Степанович (ум. 1755), президент Берг-Коллегии — 274.

Райзер /Рейзер/, Густав-Ульрих (Raiser, Gustav Ulrich, род. 1719), студент АН, товарищ Ломоносова — 37, 38, 274—276, 362, 364—367, 432, 433, 705, 706, 740, 767, 793.

Райков, Борис Евгеньевич, доктор биологических наук, действительный член Академии педагогических наук; Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России — 887.

Раме, учитель французского языка Ломоносова в Марбурге — 325.

Расин, Жан-Батист (Racine, Jean Baptiste, 1639—1699), французский поэт и драматург — 493, 494, 811, 823.

Растрелли, Варфоломей Варфоломеевич, граф (Франческо Бартоломео, 1700—1771), архитектор — 807

- /Рассохин/ — см. Рассохин.
- /Растрига/ — см. Лжедмитрий I.
- /Рейзер/ — см. Райзер.
- Рейнгольд, английский купец — 727.
- Рейсс /Рейский/, граф, ученик горного советника Генкеля — 421, 429, 796.
- /Рейссский, граф/ — см. Рейсс.
- Реомюр, Рене-Антуан де (Réaumur, René Antoine de, 1683—1757), французский физик и натуралист — 753.
- Ринальди, Антонио, итальянский архитектор и мозаичист XVIII в. — 877.
- Рихман, Анна-Елизавета — см. Браун.
- Рихман, Вильгельм (род. 1747), сын профессора Г.-В. Рихмана, ученик Академической гимназии, впоследствии переводчик — 816, 819.
- Рихман, Георг-Вильгельм (1711—1753), профессор физики — 61, 190, 258, 265, 285, 390, 465, 466, 482, 484—488, 615, 618, 693, 694, 714, 733, 784, 799, 815—819, 895.
- Рихман, Фридрих (род. 1753), сын профессора Г.-В. Рихмана, ученик Академической гимназии, впоследствии переводчик АН — 485, 816, 819.
- Робинс, Бенджамен (Robins, Benjamin, 1707—1751), английский инженер; Новые основания артиллерии — 439, 450, 465, 466, 805.
- Рогожин, Владимир Николаевич (ум. 1909), библиограф — 827.
- Розенберг, Фридрих, переплетчик АН — 238.
- Рокотов, Федор Семенович (1730—ок. 1812), академик портретной живописи — 526, 840.
- Россохин /Рассохин/, Ларион Калинникович (ум. 1761), подпоручик, переводчик АН с китайского и манчжурского языков — 17, 50, 256, 308, 616, 655, 688.
- Ротгаккер, Иоганн (Rotbaker, Johann, ум. 1752), ректор Гимназии АН — 487.
- Рот-Шольц, Фридрих (Roth-Scholtz, Friedrich, 1687—1736), немецкий книгоиздатель — 771.
- Румовский, Степан Яковлевич (1734—1812), академик, астроном — 93, 234, 235, 244, 259, 298—300, 303, 306, 307, 544, 545, 557, 596, 597, 628, 655, 661, 675, 681, 693, 712, 713, 724—726, 730—732, 765, 781, 845, 852, 860, 884, 885.
- /Рурик/ — см. Рюрик.
- Рычков, Петр Иванович (1712—1777), корреспондент АН (1759) — 76, 77, 228, 619, 620, 655, 672, 675, 894.
- Рюйш /Рютш/, Фредерик (Ruusch, Fredericus, 1638—1731), голландский врач и натуралист; Первообраз всей медицины («Общий очерк всей медицины») — 369, 374, 769.
- Рюрик /Рурик/, князь, легендарный родоначальник русской великокняжеской династии — 391, 392.
- /Рютш/ — см. Рюйш.
- Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1826—1889), писатель-сатирик — 882.

- /Салхов/ — см. Сальхов.
- Сальхов /Салхов, Зальхов, Залхов/, Ульрих-Христофор (Salchow, Ulrich Christoph, 1722—1787), профессор, химик — 220, 229, 286, 597, 598; 661, 667, 714, 886.
- /Санторок/ — см. Сантороцкий.
- Сантороцкий /Санторок/. Иоганн-Каспер (Santoros, Johann Kasper), профессор поэзии, логики и метафизики в Марбургском университете — 504, 505, 829.
- Сатаров, Максим Петрович, хирург, переводчик АН — 171, 172.
- Сафо (конец VII—нач. VI в. до н. э.), греческая поэтесса; Стихотворения Анакреона и Сафо — 371, 375, 773.
- Светов, Василий Прокофьевич (1744—1783), студент Академического университета, лингвист, переводчик — 695.
- Свифт, Джонатан (Swift, Jonathan, 1667—1745), английский сатирический писатель; Путешествие капитана Лемюэля Гулливера — 371, 375, 772.
- Сенека, Люций Анней Младший (Seneca, Lucius Annaeus, ок. 4 до н. э.—65 н. э.), римский философ и драматург — 396; Трагедии — 373, 377, 778.
- Серебрянников, купец — 345.
- Сигезбек, Иоганн-Георг (Siegesbeck, Johann Georg, ок. 1685—1755), профессор ботаники и натуральной истории — 520, 838.
- Скотт, Бенджамен (Scott, Benjamin, ум. 1751), мастер инструментальных дел АН — 643.
- Слоан, Ганс (Sloane, Gans, 1660—1753), доктор медицины, почетный член АН (с 1734) — 480, 815.
- Снегирев /Снигирев/, Илья, тобольский купец — 591.
- /Снедков/ — см. Снетков.
- Снетков /Снедков/, Андрей Титович, ассессор при Канцелярии от строений — 588, 878.
- /Снигирев/ — см. Снегирев.
- Соколов, Иван Алексеевич (1717—1757), «мастер gryдоровального художества» АН — 824, 825, 894.
- Соколов, Федор Кондратьевич (ум. 1786), переводчик и бухгалтер московской Книжной лавки АН — 558, 863.
- Солимена, Франческо (Solimena, Francesco, 1657—1747), итальянский живописец — 781.
- Соловьев, Сергей Михайлович (1820—1879), академик, историк; История России с древнейших времен — 674, 678, 686, 851, 876.
- Сопиков, Василий Степанович (1765—1818), библиограф, библиотекарь Публичной библиотеки; Опыт российской библиографии — 819, 827.
- Софронов, Михаил (1729—1760), студент Академического университета, с 1753 г. адъюнкт по математике — 554, 616, 655, 712, 713, 859.
- Станюкович, Татьяна Владимировна, старший научный сотрудник Института этнографии АН; Кунсткамера Петербургской Академии Наук — 711.

Стафенгаген /Штафенгаген/, Иоганн-Лоренц (Stavenhagen, Johann Lorenz, 1728—1784), переводчик, архивариус АН—176, 190, 253, 349, 530, 532, 533, 609, 610, 639, 640, 670, 759, 760, 779—782, 842, 843.

/Стелин/ — см. Штелин.

Стеллер, Георг-Вильгельм (Steller, Georg Wilhelm, 1709—1746), адъюнкт АН по естественной истории — 615.

Стефан Калиновский (1700—1753), ректор Славяно-греко-латинской Академии — 739.

Строганов, Александр Сергеевич, барон (1733—1811), зять вице-канцлера М. И. Воронцова, президент Академии Художеств — 538, 539, 849, 851.

Строгановы /Строгоновы/, бароны, владельцы дома, приобретенного АН — 300, 301, 695.

Струве, Оттон Васильевич (1819—1905), академик, астроном — 729.

Сумароков, Александр Петрович (1718—1777), писатель, директор Русского театра (1756—1761) — 191, 201, 202, 460, 493, 494, 534, 545—547, 647, 653, 720, 803, 820—823, 846, 849, 853, 854.

Сухомлинов, Михаил Иванович (1828—1901), академик, историк литературы — 608, 647, 802, 820; История Российской Академии — 663, 664, 712, 713.

Сухтелен, Петр Корнилович, граф (ум. 1836), инспектор Инженерного департамента — 839.

Татищев, Василий Никитич (1686—1750), историк, географ, го-

сударственный деятель — 309, 461, 490, 578, 803, 804, 820, 895; История Российская — 389, 820.

/Таубергаупт/ — см. Тауберт.

Тауберт /Таубергаупт/, Иван Иванович (1717—1771), советник Канцелярии АН — 30, 40, 77, 79—81, 93, 192, 193, 195, 201—215, 218—222, 225—230, 232—238, 241, 243—245, 247—251, 253—255, 257, 260, 267, 273, 277, 278, 283, 286, 289—301, 303—314, 316, 350, 351, 353, 495, 534, 545, 551, 554, 556, 559, 562, 564, 565, 568, 596—598, 611, 613, 615—617, 619—624, 638, 648—650, 652—672, 678—689, 691, 692, 694, 695, 697, 699, 703, 708, 709, 711, 718—720, 721, 724, 725, 727—729, 732, 734, 735—737, 758, 759, 761—764, 824, 825, 837, 847, 852, 853, 856, 859, 864, 866, 871, 876, 877, 880.

Тауберт, Элеонора-Доротея, рожд. Шумахер, жена И. И. Тауберта — 495, 824.

Тацит, Публий Корнелий (Tacitus, Publius Cornelius, 55—120 н. э.), римский историк — 148.

Тейхмейер, Герман-Фридрих (Teichmeyer, Hermann Friedrich, 1685—1744), немецкий химик; Наставление по догматической и экспериментальной химии («Химия») — 361, 362, 370, 375, 767.

Телегин, Аврам, студент Академического университета (1760—1766) — 695.

Теплов, Григорий Николаевич /«Коварник», «лукавец»/ (1717—1779), адъюнкт АН и ассессор Канцелярии АН, сенатор (с 1775) —

17, 40, 49, 60, 61, 69, 173, 174, 176—178, 181, 185, 186, 190, 191, 238, 245, 283, 284, 285, 287—290, 292; 297, 313, 436—438, 519—521, 547, 549, 552, 612—618, 621, 630—632, 635—644, 672, 684, 685, 711, 712, 715, 716, 718, 719, 724, 728, 733, 743, 756, 758, 778, 800, 802, 806, 807, 815, 818, 824, 837, 838, 855—859, 864, 871, 873, 895.

Тимковский, Илья Федорович (1772—1853), профессор Харьковского университета, писатель — 850.

Тиммиг, см. Тюммиг.

Тимофеев, Дмитрий Тимофеевич (ум. 1767), протоколист Канцелярии АН — 30, 192, 195, 199, 201, 203, 351.

Тирюгин, Филипп Никитич (р. 1728), инструментальных дел мастер АН — 765.

Тихонравов, Николай Саввич (1832—1893), академик, историк русской литературы — 819.

Толстой, Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889), президент АН (1882—1889), почетный член АН (с 1886) — 712; Академический университет в XVIII столетии — 645.

Торичелли, Еванджелиста (Toricelli, Evangelista, 1608—1647), итальянский физик — 753.

Тредиаковский, Василий Кириллович (1703—1769), профессор элоквенции, поэт и переводчик — 173—178, 186, 287, 460, 461, 534, 631, 632, 635—638, 720, 752, 759, 798, 803, 837, 846; О мозаике — 720.

Трезини, Пьетро-Антонио (Trezzini, Pietro Antonio), архитектор Канцелярии от строений — 216.

Третьяков, Василий, ученик Московской Славяно-греко-латинской Академии, участник Второй Камчатской экспедиции — 702.

Трускот /Трескот/, Иван Фомич (Trousokott, Truskot, John, 1719—1786), адъюнкт АН по географии — 41, 237, 246, 254, 255, 312, 615, 682, 732, 746, 824.

Тюммиг /Тиммиг/, Людвиг-Филипп (Thümmig, Ludwig Philipp, 1690—1728), немецкий физик и философ; Наставления по волфианской философии — 372, 376, 775.

Фабер /Фабр/, Базиль (Faber, Basilius, 1520—1576), немецкий педагог; Сокровищница школьной учености («Латинский лексикон») — 369, 374, 769.

/Фабр/ — см. Фабер.

Фарнабий, Томас (Farnabius, Thomas, 1575—1647), английский филолог — 778.

Фатер, Христиан (Vater, Christian, 1651—1732), немецкий медик; Медицинские наставления — 369, 374, 769.

/Федор/ — см. Рокотов Федор Семенович.

Федор Алексеевич (1661—1682), царь — 527, 840.

Федорович, Георг-Фридрих, профессор юриспруденции Академического университета — 229, 242, 299, 300, 564, 682, 725, 726, 868.

Федоровский, Иван Никифорович, студент Академического университета, переводчик — 781.

Федосеев, Елисей Емельянович (род. 1745, ум. после 1775); гравер — 895.

Фельтен /Фельтинг/, Матиас, отчим И. И. Тауберта, эконом АН — 273, 703, 704.

/Фельтинг/ — см. Фельтен.

Фенелон, Франсуа (Fénelon, François, 1651—1715), французский писатель — 752; Приключения Телемаха — 370, 375, 771; Ода — 705, 752, 768.

Феофан Исповедник (род. ок. 758), византийский писатель — 390.

Феофан Прокопович (1681—1736), архиепископ новгородский, проповедник и писатель — 462, 663.

Фессар, Этьен (Fessard, Etienne, 1714—1777), французский художник — 843.

Фирсов, Михаил, регистратор АН — 202, 245, 255, 684.

Фитингоф, Отто Герман (Иван Федорович), барон (Vietinghof, Otto Herman, 1720—1792), директор Медицинской коллегии (с 1754) — 504, 505, 829.

Фишер, Иоганн-Эбергард (Fischer, Johann Eberhard, 1697—1771), профессор истории и древностей — 98, 119, 132, 204, 205, 242, 309, 487, 615, 623, 651, 655, 661, 724, 738, 759.

Фогель, Рудольф Августин (Vogel, Rudolf Augustin, 1724—1774), немецкий врач и журналист — 516, 517.

Формей, Иоганн-Генрих-Самуил (Formey, Johann Heinrich Samuel, 1711—1797), профессор фило-

софии, член и неперменный секретарь Берлинской академии наук — 392, 503, 504, 577, 581, 829, 873.

Фосс — см. Ла Фосс.

Фрейслебен (Freyesleben), немецкий магистр, обучавшийся с Ломоносовым в Фрейберге — 423, 429.

Фрейнд, Джон (Freind, John, 1675—1728), английский медик и химик; Лекции по химии — 371, 375, 772.

Фридрих (Friedrich, 1720—1785), ландграф гессенский, наследный принц гессен-кассельский — 425, 429.

Фридрих II (1712—1786), прусский король — 473, 810, 811.

Фризи /Фризиус/, Петр-Павел (Frisi, Peter Paolo, ум. 1784), аббат, профессор математики в Милане, почетный член АН (с 1756) — 202; 634.

/Фризиус/ — см. Фризи.

Фрич (Fritzsche), столяр АН — 222.

Фриш, Иоганн-Леонард (Frisch, Johann Leonhard, 1666—1743), немецкий филолог и естествоиспытатель; Новый французско-немецкий и немецко-французский словарь для путешественников («Новый словарь для путешественников») — 371, 376, 774.

Ханин, Петр Исаевич (ум. 1756), секретарь Канцелярии АН — 42, 174, 175, 289, 616, 716, 717.

Хованский, Никита Андреевич, князь, отставной лейб-гвардии прапорщик — 496, 825.

Худяков, Василий, канцелярист Канцелярии АН — 277, 707.

Цанотти, Франческо-Мария (Zanotti, 1692—1777), итальянский философ, секретарь Болонской академии наук — 582, 583, 585, 791, 875.

Цейгер, Иоганн-Эрнст (Zeiger, Johann Ernst, 1720—1764), профессор механики — 228, 292, 293, 306, 309, 311, 661, 672.

Целларий — см. Целлариус.

Целлариус /Целларий/, Христовор (Cellarius, 1634—1707), немецкий лексикограф, историк, географ и картограф — 769, 778; Древняя и новая география («География») — 373, 377, 777.

Цицерон, Марк Туллий (Cicero, Marcus Tullius, 106—43 до н. э.), римский оратор, философ и государственный деятель — 843; Речь против Катилины — 766; О природе богов — 766; Избранные речи — 372, 376, 774.

Черкасов, Иван Антонович, барон (1692—1752), кабинет-секретарь имп. Елизаветы Петровны — 284, 412, 467, 806, 810.

Черкасский, Алексей Михайлович, князь (1680—1742), кабинет-министр, вице-канцлер — 233, 553, 859.

Чернышев, Иван Григорьевич, граф (1726—1797), генерал-фельдмаршал, вице-президент Адмиралтейской Коллегии — 590, 592, 878, 879.

Чернышев, Петр Григорьевич, граф (1712—1773), действительный тайный советник и камергер — 670.

Чириков, Алексей Ильич (1703—1748), капитан-командор, мореплаватель, участник Первой и Второй Камчатских экспедиций — 278, 287.

Чичагов, Василий Яковлевич (1726—1809), адмирал, начальник экспедиции по отысканию «морского прохода Северного океана в Камчатку» (1765—1766) — 887.

Чичерин, Денис Иванович (1720—1785), сибирский губернатор — 879.

Чоглоков, Николай Наумович (1718—1754), обер-гофмейстер вел. кн. Петра Федоровича — 508, 832.

Чуди, Теодор-Генрих, барон (Tschoudy, Théodore Henri, 1720—1769), французский писатель и журналист, личный секретарь И. И. Шувалова — 680, 840.

Шаппд'Отерош, Жан (Chapre d'Auteroche, Jean, 1722—1769), аббат, французский астроном — 557, 673, 730, 734, 860; Путешествие в Сибирь — 734, 735.

Шеминот, Владимир Петрович (1832—1903), архивариус Канцелярии АН; Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках имп. Академии Наук — 861.

Шенин, Иван Васильевич, обер-секретарь Адмиралтейств-Коллегии — 599, 887, 888.

Шестаковский, Иосиф Иванович (род. 1721), адъютант АН, переводчик — 41, 616.

Шлётцер, Август-Людвиг (Schlözer, August Ludwig, von, 1735—1809), академик, историк и публицист, почетный член АН (с 1769)— 298, 307—310, 312, 357, 627, 695, 698, 724, 725, 732, 766, 872, 876, 881.

Шляпкин, Илья Александрович (1858—1918), член-корреспондент АН, историк русской литературы — 865.

Шмидт, Георг-Фридрих (Schmidt, Georg Friedrich, 1722—1775), гравер — 301, 894.

Шмукк (Шмуккер), Мартин (Schmuck, Schmucker, Martin, XVII в.), немецкий химик; Химическая сокровищница — 369, 374, 769.

Шмуккер — см. Шмукк.

Шпангенберг, Иоганн-Конрад (Spangenberg, Johann Konrad, 1711—1783), профессор математики и философии Марбургского университета, заведующий Кассельским физическим департаментом — 506—508, 831, 832.

Шрейбер, Иоганн-Фридрих (Schreiber, Johann Friedrich, 1705—1760), немецкий врач; Физико-математические элементы медицины («Основы медицины») — 372, 376, 774.

Штабель, Георг-Фридрих (Stabel, Georg Friedrich), немецкий химик XVIII в. — 368, 374; Догматико-экспериментальная химия («Химия») — 372, 376, 774.

Шталь, Георг-Эрнст (Stahl, Georg Ernst, 1660—1734), немецкий химик — 361, 362, 368 374; Основания догматической и эксперимен-

тальной химии («Химия») — 370, 375, 767, 769; Опыты, наблюдения, замечания по химии и физике («300 опытов и наблюдений») — 372, 376, 774, 775.

/Штаффенгаген/ — см. Стаффенгаген.

Штейнбах, Христиан-Эрнст (Steinbach, Christian Ernst, 1698—1741), немецкий лексикограф; Немецкий словарь или немецко-латинский лексикон — 372, 376, 775.

Штелин, Карл (Stählin, Karl, 1865—1939), немецкий историк, биограф Я. Я. Штелина — 882; Изчик, гравер и рисовальщик — 882,

Штелин, Петр Яковлевич (Stählin, Peter 1745—1815), сын Я. Я. Штелина, поручик, переводчик, гравер и рисовальщик — 882, 883.

Штелин /Стелин/, Яков Яковлевич (Stählin, Jacob, von, 1709—1785), профессор элоквенции и поэзии, советник Канцелярии АН; «директор над искусствами» — 30, 77, 173, 174, 176—178, 186, 194, 195, 201—206, 208—215, 218, 225—227, 232, 241, 243, 244, 286, 288, 289, 291, 295, 304, 350, 527—532, 544, 555, 557, 587, 592, 593, 608, 611, 615, 617, 619, 624, 628, 632, 635—638, 642, 649, 650, 652—655, 658—663, 665, 668, 671, 677—679, 681, 686, 696—698, 709, 715, 716, 718, 722, 723, 725, 727, 735, 738, 758, 759, 800, 801, 841—843, 845, 847, 852, 853, 861, 870, 877, 880—882, 894; Краткая анекдотическая история имп. Академии Наук — 696.

- Штеллер — см. Стеллер.
- Штенглин, Иоганн (Stenglin, Johann, 1710—1700), гравер — 877, 894.
- Штрубе — см. Штрубе-де-Пирмонт.
- Штрубе - де - Пирмонт, Анна—Мария, вдова акад. X.-Н. Винсгейма, после 1751 г. жена профессора Ф.-Г. Штрубе-де-Пирмонта — 488.
- Штрубе - де - Пирмонт /Штруб/, Фридрих-Генрих (Strube de Puymont, Friedrich Heinrich, 1704—1790), профессор юриспруденции — 61, 173, 174, 176—178, 186, 189, 190, 199, 245, 287, 290, 299, 488, 525, 551, 618, 632, 635—639, 651, 684, 725, 759, 840, 857; План к сочинению нового уложения — 618; Краткое руководство к российским правам — 618.
- Штюбеллий — см. Штюбель.
- Штюбель /Штубеллий/, Андрей (Stübel, Stubellius, Andreas, 1653—1725), немецкий филолог — 769.
- Шубарт, Христиан-Фридрих-Даниэль (Schubart, Christian Friedrich Daniel, 1739—1791), немецкий писатель — 881.
- Шувалов, Андрей Петрович, граф — (1745—1789), — литератор 849.
- Шувалов, Иван Иванович (1727—1797), фаворит императрицы Елизаветы Петровны, куратор Московского университета — 285, 292, 468—474, 478, 480, 484, 487, 489, 490, 493, 495, 498, 505, 508—512, 514, 518, 519, 521, 524, 526, 527, 530, 533, 537, 538, 540, 545, 555, 586, 642, 678, 680, 696, 712, 716, 733, 806—811, 814—816, 818, 820—822, 824, 825, 828, 830—835, 837—840, 843—845, 847—851, 853, 854, 859, 865, 876, 877, 895.
- Шувалов, Петр Иванович, граф (1710—1762), генерал-фельдмаршал, сенатор — 238, 477, 532, 533, 618, 813, 845.
- Шувалова, Мавра Егоровна, графиня (1708—1759), рожд. Шепелева, жена графа П. И. Шувалова — 478.
- Шумахер, Иоганн-Даниил (Schumacher, Johann Daniel, 1690—1761), советник Канцелярии АН — 17, 22, 30, 36—38, 44—46, 49, 52, 61, 134, 137, 171, 172, 174, 176—178, 182, 186, 189, 190, 192, 193, 201, 202, 204, 219, 222, 246, 251, 267—268, 271—281, 283—289, 291—293, 295, 296, 310—313, 350, 351, 421, 432, 433, 437, 461, 468, 486, 488, 495, 496, 522, 523, 551, 553, 568, 595—598, 608, 611, 613, 629—633, 635—640, 642—645, 648, 649, 652—654, 658, 675, 699—714, 716, 717, 720, 732, 733, 737, 741—746, 749—752, 754, 756, 758, 759, 761, 778, 796—798, 800, 802, 804, 806, 809, 817, 820, 824—826, 828, 837, 838, 847, 856—859, 871, 873, 886.
- Шумахер, Иоганн-Якоб (Schumacher, Johann Jacob, ум. 1767), архитектор АН — 269, 652, 717.
- Шумахер, Элеонора-Доротея, дочь И.-Д. Шумахера — см. Тауберт.
- Щепин, Константин Иванович (1728—1770), врач, преподава-

тель анатомии и хирургии в СПб. госпитальной школе (с 1764) — 238, 675.

Эбергард, Иоганн-Петер (Eberhard, Johann Peter, 1727—1779), профессор математики, физики и медицины в Галле — 506—508, 831, 832.

Эйлер /Ейлер/, Леонард (Euler, Leonhard, 1707—1783), академик, математик и физик — 18, 44, 51, 135, 138, 240, 271, 284, 314, 436, 437, 439, 443, 450, 464, 466, 500, 502, 506—508, 515, 553, 572, 573—578, 580, 595, 605, 615, 663, 676, 677, 693, 701, 714, 731, 735, 765, 799—801, 804, 805, 811, 826—828, 831, 832, 859, 860, 872—874, 884—886.

Эмме, Федор, обер-аудитор, впоследствии вице-президент Юстиц-Коллегии; План к сочинению нового уложения — 618.

Эпинус, Франц-Ульрих-Теодор (Aepinus, Franz Ulrich Theodor, 1724—1802), профессор физики — 93, 228, 234, 235, 244, 254, 258, 259, 292, 293, 305—307, 311, 312, 552, 563, 661, 672, 681, 682, 690, 693, 694, 719, 724, 728—732, 845, 885.

Еразм /Еразм, Ерасм/, Дезидерий Роттердамский (1467—1536), голландский гуманист, писатель;

Дружеские беседы («Собеседования с Похвалой глупости») — 371, 375, 772; Адагии, или очень полное собрание всех пословиц («Изречения») 373, 377, 777; Об избытке слов и вещей («Богатство слов») — 373, 377, 777.

Юнкер, Готлоб-Фридрих-Вильгельм (Juncker, Gottlob Friedrich Wilhelm, 1702—1746), профессор элоквенции и поэзии, почетный член АН (с 1737) — 273, 411, 412, 422, 428, 615, 703, 741, 752, 792, 796.

Юсупов, Борис Григорьевич, князь (1696—1759), сенатор, президент Коммерц-коллегии — 277.

Якоби, Борис Семенович (Jacobi, Moriz Hermann, 1801—1874), академик, физик, и электротехник-изобретатель — 888.

Яковкин, Илья Федорович (1764—1836), профессор истории, географии и статистики; История села Царского — 807.

Яремский, Филипп Якимович (род. 1729), магистр философии, учитель риторики в Гимназии при Московском университете — 10.

Яропкин — см. Еропкин.

Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054), великий князь Киевский; «Законы Ярославли» — 389.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- М. В. Ломоносов. Фотокопия утраченного живописного оригинала, принадлежащего потомку Ломоносова Г. И. Ностицу. (Фронтиспис).
- Записка М. В. Ломоносова о необходимости преобразования Академии Наук. Начальный лист собственноручного черновика (1758—1759). (Стр. 33).
- П. И. Рычков. Гравюра А. Осипова. (Стр. 80—81).
- Докладная записка М. В. Ломоносова о мерах к приведению Академии Наук «в доброе состояние». Начальный лист собственноручного черновика (1761). (Стр. 83).
- Вид с Невы на Васильевский остров. Гравюра М. И. Махаева (1753). (Стр. 144—145).
- План здания Академии Наук. Гравюра И. А. Соколова (1741). (Стр. 187).
- Продольный разрез здания Академии Наук. Гравюра А. Полякова (1741). (Стр. 216—217).
- Краткая история о поведении Академической канцелярии. Начальный лист собственноручного черновика. (Стр. 269).
- Собственноручная подпись М. В. Ломоносова под показанием на допросе в Ставленническом столе Московской Синодального правления канцелярии (1734). (Стр. 322).
- Прошение М. В. Ломоносова о принятии на службу в Академию Наук (1742). Начальный лист, писанный писарской рукой и подписанный по пунктам М. В. Ломоносовым. (Стр. 327).
- Доношение М. В. Ломоносова с просьбой об освобождении из-под стражи. Собственноручный подлинник (1743). (Стр. 333).
- Усадьба М. В. Ломоносова на Мойке. Аксонометрический план XVIII в. (Стр. 352—353).
- План беседы с Екатериной II. Собственноручный черновик (1765). (Стр. 355).

- Репорт М. В. Ломоносова о плане своих работ на январскую треть 1749 г. Собственноручный подлинник (1749). (Стр. 379).
- Отчет М. В. Ломоносова о работах за сентябрьскую треть 1750 г. Собственноручный черновик (1750). (Стр. 385).
- Рисунок М. В. Ломоносова, приложенный к его письму на имя И.-А. Корфа от 4 сентября 1737 г. (Стр. 416—417).
- Христиан Вольф. С портрета работы И.-М. Бернигерота, гравированного В.-Д. Прейслером (1755). (Стр. 432—433).
- Письмо М. В. Ломоносова Л. Эйлеру от 5 июля 1748 г. Начальный лист собственноручного подлинника. (Стр. 443).
- В. Н. Татищев. Портрет работы неизвестного художника. (Стр. 464—465).
- И. И. Шувалов. Портрет работы неизвестного художника. (Стр. 472—473).
- Подпись М. В. Ломоносова на подрядной записи от 4 февраля 1726 г. Самый ранний из всех обнаруженных его автографов. (Стр. 479).
- Подпись М. В. Ломоносова в тетради, заведенной при построении Куростровской церкви (25 января 1730 г.). (Стр. 481).
- Г.-В. Рихман. Гравюра Е. Е. Федосеева. (Стр. 488—489).
- Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову об учреждении Московского университета. Собственноручный подлинник (1754). (Стр. 509—512).
- Я. Я. Штелин. С портрета работы Г.-Ф. Шмидта, гравированного И. Штенглином (1762). (Стр. 528—529).
- М. И. Воронцов. Мозаика Ломоносовской мастерской (1765—1766). (Стр. 536—537).
- Письмо М. В. Ломоносова Г. Н. Теплову от 30 января 1761 г. Начальный лист собственноручного черновика. (Стр. 549).
- Г. Г. Орлов. Мозаика Ломоносовской мастерской (1764). (Стр. 560—561).
- Дом М. В. Ломоносова на Мойке, где он скончался. Деталь рисунка М. И. Махаева. (Стр. 592—593).

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Служебные документы 1734—1765 гг.		Стр
Проекты переустройства Академии Наук и упорядочения ее деятельности		
393.	1745 декабря. Список наук в Академии с распределением их на три класса	9
394.	1754 апреля 23. Проект журнала Комиссии «для отрешения излишеств от Академии»	10
395.	1755 января—февраля. «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской имп. Академии Наук»	11
396.	1755 сентября 1. Записка о необходимости приступить к пересмотру регламента Академии Наук	24
397.	1758 января 7. Представление президенту АН об «излишествах, замешательствах и недостатках» в Академии Наук и о мерах к улучшению ее положения	26
398.	1758 февраля 4. Определение Канцелярии АН о печатании «Ежемесячных сочинений» под другим заглавием	30
399.	1758 мая 1. Представление в Канцелярию АН о выпуске «Санктпетербургских ученых ведомостей о делах ученых людей»	31
400.	1758—1759. Записка о необходимости преобразования Академии Наук	32
401.	1758—1759. Проект штата Академии Наук	72
402.	1759 января 21. Представление Канцелярии АН президенту Академии об учреждении «класса корреспондентов» и о принятии в академические корреспонденты П. И. Рычкова	76
403.	1759 июля 15. Представление в Канцелярию АН о печатании при Академии «Российских ведомостей»	78

¹ Заголовки, принадлежащие Ломоносову, заключены в кавычки.

404.	1759 июля 15. Выписка из журнала Канцелярии АН о печатании «Ведомостей о внутреннем состоянии государства» . . .	79
405.	1761 января 19—мая 31. Докладная записка о мерах к приведению Академии Наук «в доброе состояние»	80
406.	1761 сентября не позднее 21. Предложение в Канцелярию АН об установлении вознаграждения профессорам за посещение академических собраний	82
407.	1762 июля—1764 не позднее марта 4. Проект регламента Академии Наук	85
408.	1764 мая 21—сентября 10. «Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии»	93
409.	1764 июня. Ответы на замечания И.-Э. Фишера и С. К. Котельникова относительно «Предположений об устройстве и уставе Петербургской Академии»	132
410.	1764 не ранее сентября 10—не позднее марта 1765. Проект регламента Академии Наук	138
411.	1764 не ранее сентября 10—не позднее марта 1765. Проект привилегии Академии Наук	160
412.	1764 не ранее сентября 10—не позднее марта 1765. Проект указа о новом учреждении Академии Наук	165

Административно-хозяйственная работа
в Академии Наук

413.	1743 февраля 24—марта 1. Ответ на вопросы Следственной комиссии по делу о злоупотреблениях И.-Д. Шумахера . . .	171
414.	1747 марта 9. Репорт президенту АН с объяснением по поводу доношений, поданных профессорами в Сенат	172
415.	1748 октября 19. Определение Канцелярии АН об оставлении Г.-Ф. Миллера «в крайнем подозрении» по делу о переписке его с И.-Н. Делилем	173
416.	1748 октября 19. Определение Канцелярии АН о производстве обыска на квартире Г.-Ф. Миллера	174
417.	1748 октября 20. Репорт Ломоносова и В. К. Тредиаковского в Канцелярию АН об итогах обыска на квартире Г.-Ф. Миллера	175
418.	1748 октября 20. Определение Канцелярии АН о разборке рукописных материалов, обнаруженных у Г.-Ф. Миллера . .	175
419.	1748 октября 28. Определение Канцелярии АН об истребовании от Г.-Ф. Миллера дополнительных объяснений по поводу его переписки с И.-Н. Делилем	176

420.	1748 октября 29. Определение Канцелярии АН о представлении письменных мнений по поводу объяснения Г.-Ф. Миллера о своей переписке с И.-Н. Делилем	177
421.	1748 октября 29—31. Мнение по поводу объяснения Г.-Ф. Миллера о своей переписке с И.-Н. Делилем	177
422.	1748 октября 31. Определение Канцелярии АН о представлении президенту АН экстракта из дела о переписке Г.-Ф. Миллера с И.-Н. Делилем	178
423.	1748 ноября не позднее 18. Репорт Канцелярии АН президенту АН с изложением дела о переписке Г.-Ф. Миллера с И.-Н. Делилем	178
424.	1749 января 22. Репорт конференц-секретаря Ф.-Г. Штрубе-де-Пирмонта о выписывании из-за границы научных книг	186
425.	1755 февраля 25—1757 февраля 13. Заметки о причинах неудовлетворительного состояния Академии Наук	189
426.	1757 марта 13. Указ Канцелярии АН конференц-секретарю Г.-Ф. Миллеру о воспрещении печатать в «Ежемесячных сочинениях» эпиграмму А. П. Сумарокова и статью Г. А. Полетики	191
427.	1757 марта 14—апреля 10. Записка, представленная президенту АН по поводу запрещения печатать в «Ежемесячных сочинениях» статью Г. А. Полетики	192
428.	1757 июня 2. Выписка из журнала Канцелярии АН о представлении перечней статей, намечаемых к опубликованию в «Ежемесячных сочинениях»	194
429.	1757 июня 6. Представление в Канцелярию АН о постройке новых зданий для академических учреждений	195
430.	1757 июня 17. Указ Канцелярии АН конференц-секретарю Г.-Ф. Миллеру о недостаточно внимательной проверке знаний иностранных домашних учителей	198
431.	1757 декабря не позднее 9. Представление в Канцелярию АН об истребовании от академических учреждений сведений о материалах, потребных на 1758 г.	199
432.	1758 марта 16. Выписка из журнала Канцелярии АН об изготовлении плана новых академических зданий	200
433.	1758 марта 30. Определение Канцелярии АН об удержании из жалованья А. П. Сумарокова суммы, которую он должен Академии	201
434.	1758 мая 26. Выписка из журнала Канцелярии АН о рассылке академических изданий иностранным почетным членам Академии	202
435.	1759 февраля 1. Определение Канцелярии АН о правке коректур «Ежемесячных сочинений»	203

436.	1759 февраля 8. Представление Канцелярии АН президенту Академии о прибавке жалованья И.-Э. Фишеру	204
437.	1759 мая 27. Выписка из журнала Канцелярии АН о назначении переводчиков для «Ежемесячных сочинений»	206
438.	1759 июля 15. Представление в Канцелярию АН об исходатайствовании добавочной суммы на достройку погоревших академических палат	207
439.	1759 августа 12. Мнение по делу о подряде на каменные и штукатурные работы в Обсерватории	208
440.	1759 октября 14—15. Указ Канцелярии АН в Академическое собрание о предоставлении А. П. Протасову права участвовать в этом собрании	209
441.	1760 февраля 28. Выписка из журнала Канцелярии АН об укреплении берега реки Невы против здания Академии Наук .	210
442.	1760 марта 8. Выписка из журнала Канцелярии АН о недопущении воинского постоя в здании Кунсткамеры	211
443.	1760 марта 17. Определение Канцелярии АН об увольнении И.-Х. Гебенштрейта от академической службы и о назначении на его место И.-Т. Кельрейтера	212
444.	1760 апреля 12. Определение Канцелярии АН о назначении Н. Н. Мотониса редактором переводов, публикуемых в «Ежемесячных сочинениях»	213
445.	1760 мая 5. Определение Канцелярии АН о производстве С. К. Котельникова в ординарные профессоры	214
446.	1760 мая 12. Определение Канцелярии АН о передаче «специменов» Г. В. Козицкого и А. П. Протасова в Академическое собрание	215
447.	1760 мая 23. Определение Канцелярии АН об исходатайствовании денежных средств на постройку новых академических зданий	216
448.	1760 не позднее июня 4. Памятная записка о неправильностях, допущенных при сдаче подрядов на строительные и ремонтные работы	219
449.	1760 октября 20. Определение Канцелярии АН об обращении в Сенат с просьбой освободить Академию от перевода актов лифляндского и эстляндского законодательства	223
450.	1760 декабря 9. Представление в Канцелярию АН об ошибках, допущенных при обнародовании реляции о взятии Берлина	225
451.	1760 декабря. Заметка об ответственности И. И. Тауберта за ошибки, допущенные при опубликовании реляции о взятии Берлина	226
452.	1761 января 10. Определение Канцелярии АН об увольнении	

прапорщика П. Н. Галла	226
453. 1761 января. Представление президенту АН о неправильных действиях Г.-Ф. Миллера и И. И. Тауберта	228
454. 1761 февраля 3. Представление в Канцелярию АН об ускорении выпуска «Комментариев» Академии и о печатании всех диссертаций в русском переводе	239
455. 1761 февраля 24—марта 13. Записка в Канцелярию АН о возмещении Л. Эйлеру убытков, понесенных в связи с военными действиями	240
456. 1761 марта 29. Ответ Канцелярии АН на запрос Сенатской канцелярии о времени избрания И.-Г. Моделя в почетные члены Академии	240
457. 1761 июня 1. Выписка из журнала Канцелярии АН по поводу непредставления И. И. Таубертом отчетов о состоянии Библиотеки и Кунсткамеры	241
458. 1761 июня 1. Определение Канцелярии АН о производстве обследования Библиотеки и Кунсткамеры	241
459. 1761 сентября 18. Выписка из журнала Канцелярии АН о рассылке сочинений Ломоносова иностранным ученым	243
460. 1761 ноября 29—декабря 25. Заметки о служебных преступлениях и упущениях И. И. Тауберта	244
461. 1761 декабря 10—24. Представление президенту АН об отдаче И. И. Тауберта под следствие	246
462. 1761 декабря 10—24. Записка о служебных преступлениях и упущениях И. И. Тауберта	250
463. 1762 июля 18. Доношение Канцелярии АН в Сенат о выдаче А. Л. Леонтьеву и семье умершего И. К. Россохина вознаграждения за перевод книги о маньчжурском народе	256
464. 1762 после сентября 11. Мнение по поводу журнальной резолюции Канцелярии АН о денежных доходах Академии	257
465. 1763 января 28—февраля 5. Отчет о состоянии Физической камеры, Обсерватории и Ботанического сада	258
466. 1763 апреля 14. Мнение по делу о вознаграждении С. С. Волчкова за переводы	260
467. 1763 апреля не ранее 24. Мнение об академической Книжной лавке в Москве	261
468. 1764 марта 4. Представление в Канцелярию АН о неисправном состоянии Академической обсерватории, Физической палаты и Ботанического сада	264
469. 1764 июля 2. Выписка из журнала Канцелярии АН о составлении ведомости расходов на содержание ученого и учебного персонала	266

470.	1764 не позднее августа 26. «Краткая история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени»	267
471.	1765 января 28. Представление в Академическое собрание о замещении должности конференц-секретаря Академии	317
Прохождение академической службы		
472.	1734 сентября 4. Показание о своем происхождении, данное при допросе в Ставленническом столе Московской Синодального правления канцелярии	321
473.	1734 сентября после 4. Показание о своем происхождении, данное при допросе в Московской Синодального правления канцелярии	322
474.	1737 до сентября 26. Отчет о расходах по научной командировке за границу	324
475.	1738 декабря 30. Список марбургских кредиторов	324
476.	1742 января ранее 8. Прошение о принятии на службу в Академию Наук	326
477.	1743 апреля 23. Доношение в Академию Наук об удержании денег, полученных в счет жалованья	329
478.	1743 мая 30. Доношение в Академию Наук о выдаче жалованья за месяц	330
479.	1743 июня 23. Доношение в Академию Наук об освобождении из-под стражи	331
480.	1743 июля 14. Доношение в Академию Наук о выдаче жалованья за два месяца прошлого года	332
481.	1743 августа. Доношение в Академию Наук о выдаче некоторой денежной суммы в счет невыплаченного жалованья	335
482.	1743 октября 24. Доношение в Академию Наук о выдаче тридцати рублей в счет заслуженного жалованья	336
483.	1743 ноября 29. Доношение в Академию Наук с просьбой ввиду невыплаты жалованья выдать из Книжной лавки книг на 80 рублей	336
484.	1745 апреля 30. Прошение в Академию Наук о назначении профессором химии	337
485.	1745 августа 12. Прошение в Сенат о назначении жалованья по должности профессора химии	339
486.	1746 февраля 13. Доношение в Канцелярию АН с просьбой выдать недоплаченную часть жалованья, следовавшего Ломоносову во время его пребывания в Германии	340
487.	1747 июля. Поручительство Ломоносова и Г.-Ф. Миллера за И.-Г. Гмелина при отъезде последнего за границу	342

488.	1749 января 18. Доношение в Канцелярию АН с просьбой не производить более удержаний из жалования по поручительству за И.-Г. Гмелина	343
489.	1749 июня 9. Доношение в Канцелярию АН об окончательном погашении долга по поручительству за И.-Г. Гмелина	344
490.	1750 августа. Доношение в Канцелярию АН об уплате по векселю, выданному Ломоносовым А. Балку	344
491.	1751 марта 8. Доношение в Канцелярию АН с просьбой освободить от редактирования перевода «Российских ведомостей».	346
492.	1751 сентября 4. Доношение в Канцелярию АН с просьбой освободить от участия в Историческом собрании	347
493.	1754 февраля 25—марта 2. «Известие» о службе, представленное в Канцелярию АН согласно требованию Герольдмейстерской конторы Сената	348
494.	1755 марта 24. Репорт в Канцелярию АН с просьбой освободить от составления проектов иллюминаций и фейерверков	350
495.	1757 марта 1. Выписка из журнала Канцелярии АН о вступлении Ломоносова в исполнение обязанностей члена Канцелярии	350
496.	1762 июля. Прощение на имя императрицы об увольнении от службы	351
497.	1763 августа 7. Выписка из журнала Канцелярии АН о возвращении Ломоносова к исполнению обязанностей советника Канцелярии	353
498.	1763 июня 18. Проект указа о передаче в исключительное ведение Ломоносова всех «до наук надлежащих академических департаментов»	354
499.	1765 февраля 26—марта 4. План беседы с Екатериной II об обстоятельствах, препятствующих работе Ломоносова в Академии Наук	357

Планы и отчеты о работах

500.	1737 ранее сентября 26. Репорт в Академию Наук об учебных занятиях в Марбурге	361
501.	1738 марта 14. Репорт в Канцелярию АН об учебных занятиях в Марбурге	363
502.	1738 октября 15. Репорт в Академию Наук об учебных занятиях в Марбурге	368
503.	1749 января 15. Репорт в Канцелярию АН о плане работ на январскую треть 1749 г.	377
504.	1749 мая 8. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за январскую треть 1749 г.	378

505.	1749 мая 26. Репорт в Канцелярию АН о плане работ на майскую треть 1749 г.	378
506.	1749 сентября не позднее 19. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за майскую треть 1749 г. и о плане работ на сентябрьскую треть 1749 г.	381
507.	1750 января не позднее 15. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за сентябрьскую треть 1749 г. и о плане работ на январскую треть 1750 г.	381
508.	1750 мая 11. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах на январскую треть 1750 г. и о плане работ на майскую треть 1750 г.	382
509.	1750 сентября не позднее 15. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за майскую треть 1750 г. и о плане работ на сентябрьскую треть 1750 г.	382
510.	1751 января 22. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за сентябрьскую треть 1750 г.	383
511.	1751 сентября 1—октября 9. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за майскую треть 1751 г.	383
512.	1752 января 10. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за сентябрьскую треть 1751 г.	384
513.	1752 мая 1—июня 10. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за январскую треть 1752 г.	384
514.	1752 сентября. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за майскую треть 1752 г.	387
515.	1753 января 1—марта 17. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о работах за сентябрьскую треть 1752 г. и о плане работ на январскую треть 1753 г.	387
516.	1756 октября 23—ноября. Репорт президенту АН с отчетом о работах за 1751—1756 гг.	388
517.	1759 декабря не позднее 30. Отчет о работах за 1759 г.	394
518.	1764 не позднее января 19. Отчет о завершенных и незавершенных научных и литературных работах	396
519.	1764 мая. «Обзор важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки М. В. Ломоносов»	404
520.	1765 января—марта. Справка о работах по соляному делу	411

Письма 1737—1765 гг.

1.	1737 сентября 4. И.-А. Корфу	415
2.	1737 ноября 9. И.-А. Корфу	417
3.	1738 марта 15. И.-А. Корфу	418
4.	1739 вторая половина декабря. И.-Ф. Генкелю	420

5.	1740	ноября 5.	И.-Д. Шумахеру	421
6.	1741	апреля 7.	Д. И. Виноградову	431
7.	1745	мая 1.	И.-Д. Шумахеру	433
8.	1747	ноября 19.	Архиепископу архангелогородскому и холмогорскому Варсонофию	435
9.	1748	февраля 16.	Л. Эйлеру	436
10.	1748	апреля 22.	Г. Н. Теплову	438
11.	1748	июля 5.	Л. Эйлеру	439
12.	1748	июля 12—сентября 3.	К. Г. Разумовскому	458
13.	1748	октября 12.	В. К. Тредиаковскому	460
14.	1749	января 27.	В. Н. Татищеву	461
15.	1749	мая 27.	Л. Эйлеру	464
16.	1749	июля 27.	И. А. Черкасову	467
17.	1749	ноября 17.	И.-Д. Шумахеру	468
18.	1750	ноября 1—декабря 28.	И. И. Шувалову	468
19.	1751	мая 8.	И. И. Шувалову	469
20.	1751	августа 15.	И. И. Шувалову	470
21.	1751	сентября 10.	И. И. Шувалову	471
22.	1752	марта 3.	И. И. Шувалову	472
23.	1752	октября 3.	И. И. Шувалову	473
24.	1753	января 4.	И. И. Шувалову	474
25.	1753	февраля 22—23.	К. Г. Разумовскому	476
26.	1753	марта 25.	М. И. Воронцову	477
27.	1753	мая 10.	П. И. Шувалову	477
28.	1753	мая 10.	И. И. Шувалову	478
29.	1753	мая 31.	И. И. Шувалову	480
30.	1753	июля 26.	И. И. Шувалову	484
31.	1753	августа 18.	И.-Д. Шумахеру	486
32.	1753	августа 23.	И. И. Шувалову	487
33.	1753	августа 30.	М. И. Воронцову	488
34.	1753	октября 7.	И. И. Шувалову	489
35.	1753	октября 16.	И. И. Шувалову	490
36.	1753	октября не ранее 16.	И. И. Шувалову	493
37.	1753	ноября 1.	И. И. Шувалову	495
38.	1754	января 3.	М. И. Воронцову	497
39.	1754	января 3.	И. И. Шувалову	498
40.	1754	января 27.	М. И. Воронцову	499
41.	1754	февраля 12.	Л. Эйлеру	500
42.	1754	февраля 12.	И.-Г.-С. Формею	503
43.	1754	марта 28.	И. И. Шувалову	505
44.	1754	мая 7.	Г.-Ф. Миллеру	506
45.	1754	июня—июля.	И. И. Шувалову	508

46.	1754	ноября 19.	М. И. Воронцову	515
47.	1754	ноября 28.	Л. Эйлеру	515
48.	1754	декабря 30.	И. И. Шувалову	518
49.	1755	марта 10.	И. И. Шувалову	519
50.	1755	марта 12.	И. И. Шувалову	521
51.	1756	апреля 2.	И.-Д. Шумахеру	522
52.	1756	мая 10.	И.-Д. Шумахеру	523
53.	1757	сентября 2.	И. И. Шувалову	524
54.	1757	сентября 27.	И. И. Шувалову	526
55.	1757	октября 10.	И. И. Шувалову	527
56.	1757	октября 27.	Я. Я. Штелину	527
57.	1757	октября 27—30.	Я. Я. Штелину	529
58.	1757	октября 27—30.	Я. Я. Штелину	530
59.	1757	ноября 23.	И. И. Шувалову	530
60.	1758	июня 27.	Я. Я. Штелину	531
61.	1758	июля 1—октября 13.	Я. Я. Штелину	532
62.	1759	июля 8.	И. И. Шувалову	533
63.	1759	декабря 30.	М. И. Воронцову	535
64.	1760	февраля 14—апреля 17.	И. И. Шувалову	537
65.	1760	марта 3.	И. И. Шувалову	537
66.	1760	апреля 17.	И. И. Шувалову	538
67.	1760	апреля 20.	И. И. Шувалову	540
68.	1760	июля 15.	Шведской академии наук	541
69.	1760	августа 22.	М. И. Воронцову	543
70.	1760	ноября 7—13.	Я. Я. Штелину	544
71.	1761	января 19.	И. И. Шувалову	545
72.	1761	января 30.	Г. Н. Теплову	547
73.	1761	февраля 15.	М. И. Воронцову	555
74.	1761	июня 2.	Я. Я. Штелину	555
75.	1761	сентября 5.	М. И. Воронцову	556
76.	1761	ноября не позднее 25.	Я. Я. Штелину	557
77.	1761	декабря 28.	Р. И. Воронцову	558
78.	1762	июня 24.	Ф. К. Соколову	558
79.	1762	июля 24.	М. И. Воронцову	559
80.	1762	июля 25.	Г. Г. Орлову	560
81.	1762	июля 26.	Ф. Г. Орлову	561
82.	1763	января 28—февраля 5.	К. Г. Разумовскому	562
83.	1763	февраля 5.	М. И. Воронцову	563
84.	1763	февраля 5.	Р. И. Воронцову	565
85.	1763	марта 6.	М. И. Воронцову	566
86.	1763	марта 27.	М. И. Воронцову	567
87.	1763	июня 18.	М. И. Воронцову	568

88.	1764	января 19.	М. И. Воронцову	569
89.	1764	января 24.	А. М. Голицыну	581
90.	1764	мая 9.	М. И. Воронцову	582
91.	1764	мая 9.	Ф.-М. Цанотти	583
92.	1764	июля 11.	И. И. Шувалову	586
93.	1764	сентября 20.	Я. Я. Штелину	587
94.	1764	октября 7.	И. И. Бецкому	588
95.	1764	сентября 10—	1765 марта. Г. Г. Орлову	589
96.	1764	октября 22.	И. Г. Чернышеву	590
97.	1764	октября 26.	И. Г. Чернышеву	592
98.	1764	ноября 9.	Я. Я. Штелину (?)	592
99.	1764	декабря не позднее 27.	Я. Я. Штелину	593
100.	1765	февраля 3.	А. А. Вяземскому	593
101.	1765	февраля 4.	А. А. Вяземскому	594
102.	1765	не ранее февраля 21.	Л. Эйлеру	595
103.	1765	марта 2.	М. В. Головиной	598
104.	1765	марта 3—4.	И. В. Шенину	599

Приложения

От Редакции	603
Примечания	
Проекты переустройства Академии Наук (документы 393—412)	607
Административно-хозяйственная работа в Академии Наук (документы 413—471)	629
Прохождение Академической службы (документы 472—499)	738
Планы и отчеты о работе (документы 500—520)	766
Письма (1—104)	792
Список условных сокращений	889
Указатель личных имен	892
Список иллюстраций	922

*Печатается по постановлению
Общего собрания Академии Наук СССР
от 11 января 1949 г.*

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ

Академик С. И. Вавилов (главный редактор),
член-корреспондент Академии Наук СССР

Г. П. Кравец (зам главного редактора)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Академик В. В. Виноградов, академик А. В. Топчиев, член-корреспондент Академии Наук СССР С. Г. Бархударов, А. И. Андреев,
Г. П. Блок, А. А. Елисеев, Г. А. Князев, В. Л. Ченакал

РЕДАКТОРЫ ДЕСЯТОГО ТОМА

А. И. Андреев, Г. П. Блок, Г. А. Князев

Редактор издательства *К. И. Кочергин*
Переплет и оформление художника *М. И. Разулевича*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *А. А. Аржанухина* и *М. А. Брайнина*

*

РИСО АН СССР № 1—5В. Подписано к печати 23/VIII 1957 г. Бумага 70×92/16. Бум. л. 29¹/₄. Печ. л. 68.73. Уч.-изд. л. 52.41 + 14 вкл (0.65 уч.-изд. л.) Тираж 8000. Зак. № 780. Цена 25 руб.

1-я типография Изд. АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
13	2 сверху	неплачение	неплачением
14	9 снизу	старому	скорому
16	7 „	уничтожению	уничижению
31	2 сверху	1753	1758
87	2 снизу	того ведет	кого введет
139	17 сверху	по других	по другим
183	4 снизу	И сего	Из сего
187	4 „	Сверху второй этаж, снизу	Снизу второй этаж, сверху
190	2 сверху	говорили,	говорил,
222	8 снизу	<i>Зачеркнуто</i>	<i>В конце п. 7 зачеркнуто</i>
250	17 „	статы	счеты
260	2 „	стараясь	стараятся
260	14 „	мои полезные старания	моих полезных стараний
310	8 „	неоспоримо и обязательно	неспоримо и осязательно
332	4 сверху	освобождении	свобождении
352	7—6 снизу	в отечестве близ двенад- цати лет, в одном	в отечестве, близ двенад- цати лет в одном
367	2 сверху	израс-	израсхо-
376	16 „	Плата	Платса
404	3 „	уд[ача?]	уда[ча?]
423	16 „	frigidis	frigidis
424	14 снизу	mehrereres,	mehrereres,
424	8 „	Schimpfund	Schimpf- und
434	13 сверху	Versorge	Vorsorge
447	16 снизу	materiae	materia
448	13 сверху	eat	est
459	13 снизу	Allerhöchsten	Allerhöchste
460	10 сверху	dernach	darnach
465	9 „	sentenia,	sententia,
466	14 снизу	Cognito	Cognitio
472	1 „	приборный	пробирный
494	3 „	мнению и бесстыдному	мнению, бесстыдному
		мщению	мщению
513	16 сверху	Остальную	Остаую
516	1 снизу	amicititae	amicitiae

25776